

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

УЧЕБНИК ИСТОРИИ

СОБЫТИЯ, ПРОИСШЕДШИЕ
ОТ ПЕРВОГО РУССКОГО ЦАРЯ ВЛАДИМИРА МАНОМАХА
ДО ВПАДЕНИЯ ГРЕКОВ В ЕРЕСЬ

ИСПОЛЬЗОВАНЫ ТЕКСТЫ
ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА 16 ВЕКА
(БЕЗ ИЗЪЯТИЙ И РЕДАКЦИИ)

В лѣто 2023 ѿ Въплъщениа Гда нашего Іса Хѣ,
а ѿ Адама въ лѣто 7523

Оглавление

РУСЬ (1122–1159 гг. от В.Х.). Книга 1	3
Княжение Ярополка Владимировича в Киеве	7
РУСЬ (1160–1181 гг. до В.Х.). Книга 2	55
О кончине великого князя Киевского Изяслава Мстиславича	62
Княжение великого князя Вячеслава Владимировича Маномаша и племянника его Ростислава Мстиславича, внука Маномаша, в Киеве	63
Княжение великого князя Юрия Долгорукого в Киеве	68
Царство Греческое	70
Настало княжение Суздальское князя Андрея Юрьевича Боголюбского на престоле великого княжения Владимирского	75
Повесть о происхождении Честного Креста месяца августа в 1 день	76
Изяслав начал замышлять на Ярослава Володимировича Галичского	79
Послание великого патриарха Луки к великому князю Ростовскому и Суздальскому Андрею Боголюбскому, сыну Юрия Долгорукого, внуку Владимира, о епископе Ростовском и Суздальском Нестере	92
Княжение Глеба Юрьевича, внука Владимира Маномаша, в Киеве	110
РУСЬ (1183–1212 гг. от В.Х.). Книга 3	121
Убийство великого князя Андрея Юрьевича Боголюбского во Владимире Кучковичами	123
Новое чудо Пресвятой Богородицы	128
Княжение во Владимире великого князя Всеволода Юрьевича, внука Владимира Маномаша	130
Об Олеговичах, как ходили они на половцев, и [половцы] много зла причинили им	145
О половцах	147
О распре рязанских князей между собою	147
О церкви Рождества [Богородицы] во Владимире	152
О детинце во Владимире. В лето 6701 от Адама (1201 лето от Христа)	152

О суздальской церкви	153
О Переяславле	153
Об измене черниговских князей	158
О новгородцах	159
О ссоре Рюрика с зятем Романом по поводу дочери	159
О доске от гроба святого Дмитрия	160
О новгородцах	160
О кончине Давида Смоленского	161
О новгородцах	162
О войне с половцами, и как постриг Роман Мстиславич своего тестя Рюрика	165
О взятии богохранимого Константинополя латинянами. В лето 6712 от Адама (1212 лето от Христа)	166
Об иконе Пречистой Богородицы Одигитрии в Царьграде	171
Русь (1213–1224 гг. от В.Х.). Книга 4	173
Из другого летописца. О родословии сербских деспотов	173
О Болгарском царстве	174
Царство Греческое Феодора Ласкариса	175
О Савве Сербском	175
О взятии Царьграда латинянами	177
О Савве Сербском	177
Царство Асана Ивана, царя Болгарского	179
Царство Греческое Ивана Дуки Ватаца	179
О Савве Сербском	180
Савва был почтен султаном	180
О родословии сербских деспотов	183
Второе родословие	183
О взятии Киева и иных городов Ольговичами	188
О коварстве Рязанских князей	189
О том, как рязанские князья к Москве приходили	197
О побоище у Липицы князя Ярослава Всеволодовича с князем Новгородским Мстиславом Мстиславичем	206
О Спасе в Ярославле	216
Об окаянном князе Рязанском Глебе, как коварством братьев погубил	216
О любви братьев Константина и Юрия Всеволодовичей	217
О Владимире Всеволодовиче	217
Русь (1225–1248 гг. от В.Х.). Книга 5	218
О войне с болгарями	222
О битве на реке Калке, о поражении русских князей	229
О победе над литовцами Ярослава	235
О войне с мордвой	237
О Кирилле епископе	240

Об Авраамии мученике	240
О розни между братьями и мире	241
О землетрясении	242
Батыево нашествие, в году 6745-м от Адама (1245 лето от Христа)	248
О убиении великого князя Юрия Всеволодовича Батыем	253
О гибели Василька Константиновича	254
О Батые	257
Русь (1248–1297 гг. от В.Х.). Книга 6	263
О великом князе Александре Ярославовиче	263
О битве и о победе на Неве, о явлении святых мучеников Бориса и Глеба и ангельской помощи, и о шести храбрецах	265
О Пелгусии ижорце	266
Побоище Ледовое	270
О преподобном Варлааме Хутынском чудотворце	273
О преставлении великого князя Ярослава Всеволодовича в Орде	286
О том, как Александр ходил в Орду, а Батый ему подивился, и честь большую воздал	287
Разорение Неврюево	293
О Довмонте	310
Русь (1298–1350 гг. от В.Х.). Книга 7	330
Повесть о убиении Акинфа, боярина тверского	340
О смирении и терпении святого, и о пришествии его в град Москву	356
Царство Сербское	364
Царствование Стефана Сербского	366
О смерти Стефана	368
Царство Греческое	369
О Даниловском монастыре	371
Русь (1351–1380 гг. от В.Х.). Книга 8	390
О мученике Круглице	394
Духовная грамота и завещание Магнуша, короля Шведского	402
Княжение великого князя Дмитрия Ивановича	419
Русь (1381–1388 гг. от В.Х.). Книга 9	443
Повесть об Алексии, митрополите всея Руси	456
О Чудовом монастыре	461
Повесть о Митяе	463
Русь (1389–1397 гг. от В.Х.). Книга 10	506
Повесть о московском взятии от царя Тахтамыша и о пленении земли Рязанской	508
О Исааке молчальнике	527
О Смоленском побоище	527
О Амурате царе	534
Во Иерусалим хождение	543

О житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руского	548
Княжение великого князя Василия Дмитриевича. 6897 лето от Адама (1397 лето от Христа)	558
О мире с новгородцами	560
Русь (1401–1410 гг. от В.Х.). Книга 11	566
Повесть о преподобном Сергии	566
О составлении общего жития	578
О создании монастыря на Кержаче	579
О создании монастыря на Симонове	581
О другом ученике святого — Андронике	583
Об Афанасии, ученике Сергия	585
О том, как принуждали святого стать митрополитом	585
О создании монастыря на Дубенке	586
О явлении Пречистой Богородицы.	587
О преставлении великого князя Бориса.	593
Месяца августа 26 день. Повесть о встрече чудотворной иконы Пречистой Владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии, который написал богогласный евангелист Лука, который сам видел ее при ее жизни. О том, как та божественная икона попала на Русскую землю и в Киеве, и в Вышгороде в церквях преславно в воздухе являлась. И о том, как пришла в город Владимир, откуда и называется икона — Владимирская. И как пришла в боголюбивый город Москву, и сотворила нам чудесное избавление от нашествия безбожного и неверного царя Темир-Аксака. И о создании монастыря, где встретили тот пречестный образ Богоматери. Благослови, отче!	596
О перенесении чудотворной иконы Богоматери из Царяграда в Киев	596
Чудо о том, как клирики видели в воздухе икону Богородицы	597
Чудо о том, как повернулась икона Богоматери лицом к алтарю.	597
Чудо о том, как икона Богоматери стояла сама по себе в алтаре	597
О шествии из Вышгорода с иконой Богоматери.	598
О чудесах от иконы Богоматери	598
О жене, которая была убита конем и ожила	598
Чудо о месте, называемом Боголюбове	599
О построении церкви Владимирской, в которой была помешена икона Богоматери	599
Чудо о Золотых воротах.	599
Чудо о победе над болгарами	600
О явлении владимирской церкви Богоматери на воздухе	600
Батыево нашествие в 6745 лето от Адама (1245 лето от Христа)	601
О Темир-Аксаке	601
О Темире	602

О Турецком царе Баозите Крещии	602
О Темир Аксаке.	603
О Тохтамыше.	604
О взятии города Елецка	604
О мужестве великого князя Василия Дмитриевича.	605
Об усердном молении митрополита Киприана.	606
О призвании чудотворной иконы Богоматери	606
Проводы чудотворной иконы Богоматери из Владимира	607
О встрече чудотворного образа Богоматери в Москве.	608
О всенародном молении с благой надеждой перед образом Богоматери.	608
О поставлении чудотворной иконы Богоматери в Москве в соборной церкви честного Ее Успения	610
Об устршении царя Темир-Аксака видением	610
О побеге царя Темир-Аксака.	611
Об иконе Владимирской	611
О возвращении в Москву великого князя Василия Дмитриевича	612
О построении церкви и монастыря на том месте, где встречали чудотворную икону Богоматери	612
О Темир-Аксаке, как хотел идти на Русь воевать, его же Господь морозом погубил, а землю Русскую сохранил невредимой.	613
О епископе Стефане Пермском.	617
Древняя повесть о житии великого князя Михаила Александровича Тверского, внука Михайлова	629
Знамение	644
РУСЬ (1411–1432 гг. от В.Х.). Книга 12.	645
Краткое сказание о блаженной великой княгине Евдокии, в инокинях Евфросинии, супруги достохвального великого князя Дмитрия Ивановича Донского.	658
О явлении ангела Господня.	658
О прозрении слепого, об исцелении недужных и о преставлении великой княгини Евдокии	659
О свечах, которые загораются сами собой у гроба святой	660
И в тот же год князь Ордынский Едыгей прислал к великому князю Василию Дмитриевичу, так говоря:	670
Повесть о преставлении блаженного Арсения, епископа Тверского	672
О разрыве мирных отношений короля Ягайло Польского и князя Витовта Литовского с Новгородом.	682
О взятии города Кременца.	699
Знамение	699

Поучение Симеона, Новгородского владыки, псковичам	700
О князе Константине	700
Страшное знамение	703
РУСЬ (1433–1451 гг. от В.Х.). Книга 13.	708
Княжение великого князя Василия Васильевича, внука благочестивого великого князя Дмитрия Ивановича Донского	708
Великое княжение Сербское	710
О Мусульмане царе	711
О Магомете	712
О царе Махамете.	713
Царство греческое. В 6933 лето от Адама (1433 лето от Христа)	714
Повесть о Фотни, митрополите Киевском и всея Руси, который видел ангела Господня, показавшего ему конец его жизни	719
Князь великий Василий Васильевич спорил о великом княжении со своим дядей князем Юрием Дмитриевичем и пошел в Орду	725
Князь Юрий Дмитриевич пошел ратью против своего племянника великого князя Василия Васильевича	728
О князе Юрии Дмитриевиче	729
О Семене Морозове	729
О великом князе Василии Васильевиче.	730
О Юрьевичах.	730
О великом князе, как он ходил на князя Юрия в 6942 лето от Адама (1442 лето от Христа)	731
Князь Юрий Дмитриевич со своими детьми пошел на великого князя Василия Васильевича.	731
О великом князе Василии Васильевиче.	732
В 6943 лето от Адама (1443 лето от Христа). Князь Василий Юрьевич пошел против великого князя.	732
Князь Василий Юрьевич пошел из Устюга на великого князя	734

РУСЬ (1122–1159 гг. от В.Х.).

Книга 1

В 6633 лето от Адама (1133 лето от Христа)

И сел после него в Киеве на великом княжении старший сын его, Мстислав. Еще юный, он бился на Колокше с дядей своим, Олегом Святославичем, с внуком Ярослава.

Из-за того, что Святослав, старший брат Всеволода, деда Мстислава, сам хотел сесть на великое княжение; и одолел его Мстислав, и прогнал его в Тмутаракань, и оттуда в Рязань. А Ярополк, сын Владимира Маномеха, брат Мстислава, пошел к Переяславлю.

После этого слышали половцы, что преставился князь Владимир Маномех, и быстро пришли с проклятыми торками, желая с ними воевать Рускую землю; но Бог превратил в безумие заговор их, и не преуспели ни в чем.

Ибо Ярополку была весть, и вогнал торков в город той ночью. И когда возвратились назад половцы, князь Ярополк, укрепившись Божией помощью, не ожидал иной помощи ни от брата, ни от кого; но только с переяславцами своими настиг их Ярополк у Стеня; и возвратились назад половцы, и пошли, вооружившись, навстречу. Тогда благоверный князь Ярополк, призвав имя Божье и отца своего помянув, дерзнул с дружиною своею, и победил поганых силою Честного Креста. И так многие избиты были, а другие истопли в реках.

И так возвратился князь Ярополк, хваля и славя Господа Бога о такой его помощи Божественной. В том же году в Новгороде была буря великая с градом, и хоромы разодрала, а стада скотины в Волхов вогнала, и одни утонули, а других едва живых переловили.

В том же году закончили расписывать церковь Пречистой Богородицы в Новгороде в Антониеве монастыре. В том же году новгородцы посадили у себя в Новгороде князя Всеволода Мстиславича на престол, месяца мая 19-го.

В 6634 лето от Адама (1134 лето от Христа)

Поставил Никита, митрополит Киевский и всея Руси, игумена Марка, священника церкви Иоанна Предтечи, епископом Переяславлю, месяца октября в 4 день. В том же году преставился Никита, митрополит Киевский и всея Руси, месяца марта в 9 день. В том же году преставилась княгиня Владимира Маномаха, месяца июня в 11 день.

В том же году потряслась земля, месяца августа в первый день, в 8-й час ночи. В том же году в Новгороде дали посадничество Мирославу Горятиничу.

В 6635 лето от Адама (1135 лето от Христа)

Преставился князь Брячислав, младший сын Святополка, месяца марта в 28-й, а погребен апреля в 5-й.

В том же году выгнал Давыд Олегович дядю своего Ярослава из Чернигова, а дружину его иссек и разграбил. Мстислав же с Ярополком соединили воинство, желая идти на Всеволода из-за Ярослава.

Всеволод же послал за половцами, и пришло их 17 тысяч с Селуком и с Ташем; и встали они у Ратмировой дубравы за Вырем; посланы были их послы к Всеволоду, но назад их не пропустили. А Изяслав Ярополчич сидел в Вырске, и захватил их послов на Кни, и привел их к Ярополку. И половцы, долго не имея вестей от Олеговича, досадуя, бежали.

Мстислав же, все больше напирая на Всеволода, говорил ему так: «Повел половцев и не успел ничего». Тот же все больше молился, и посылал бояр, и давал дары; и так прошло все лето до зимы.

И пришел Ярослав из Муромы, и поклонился Мстиславу, говоря: «Ты крест целовал, идем на Всеволода». Всеволод же начал еще больше молить Мстислава, и не удавалось ему это из-за крестного целования. В те дни был там Григорий, игумен монастыря святого Андрея, который был любим Владимиром и почитаем Мстиславом и всеми людьми. Тот не давал никому о рати за Ярослава рассуждать, говоря: «На тебе будет грех, если преступишь крестное целование; но это не более преступно, чем пролитие крови христианской».

И собрал весь собор иерейский, ибо митрополита в то время не было, и сказали Мстиславу: «На нас будет тот грех». Мстислав же сотворил волю их, и преступил крестное целование к Ярославу, и плакал об этом все дни своей жизни; и Ярослав вернулся к Мурому.

В том же году послал князь Мстислав Владимирович Маномаш братьев своих на кривичей четырьмя путями: Вячеслава — из Турова, Андрея — из Владимира, а Всеволодка из Влеческа. Тем повелел идти к Изяславу; а Всеволоду Олеговичу повелел идти со своими братьями на

Стрежево к Борису, и Ивану. Войту же Тешеча послал с торками, и сына своего Ростислава послал со смолянами на Друцк, сказал им: в один день всем напасть на Вороп, месяца августа в 14.

Изяслав же пришел днем раньше братьев и взял людей из города; они же, испугавшись, сдались, а изяславцы начали биться с Вячеславом и с Андреем.

Изяслав же, промедлив два дня у Логожска, пошел к Изяславлю и к стрьям своим, то есть к дядьям своим, приведя с собою Брячислава, зятя своего, который пошел было к отцу своему, и был посреди пути, и испугался, не зная, куда пойти, ни туда, ни сюда, и пошел к шурина своему в руки, и привел логожан, которых вывел из Логожска.

И изяславцы, увидев князя своего и логожан, что уже без борьбы были перехвачены, и сдались, сказав Вячеславу: «Клянись нам Господом Богом, что не дашь нас на щит». И вечером Воротислав, тысяцкий князя Андрея, и Иванко, тысяцкий князя Вячеслава, послали отроков своих в город; и на рассвете дня увидели всех воинов, и так взяли их в ночи, и едва имущество Мстислава сохранили, и то с трудом, сражаясь; и тогда возвратились со многим полоном.

Потом и новгородцы пришли с Всеволодом Мстиславичем к Нелогожу. И тогда полочане, выгнали Давыда с сыновьями, и, захватив Рогволода, пошли к Мстиславу, прося его к себе князем; и Мстислав сотворил волю их, взял Рогволода и повел его к Полоцку.

В том же году преставился князь Изяслав Святополчич, месяца декабря в 13 день, и погребен в 14 день. В том же году в Новгороде заложил Всеволод Мстиславич церковь каменную святого Иоанна, на Петрятине дворе, во имя сыновне.

В том же году в Новгороде выпал густой снег по земле, и по воде, и по хоромам, шел две ночи и 4 дня. А вода была великая в Волхове, а снег лежал до Яковлева дня; а на осень побил мороз хлеба все, и был голод всю зиму, осминка ржи по полугривне.

В 6636 лето от Адама (1136 лето от Христа)

Преставился князь Борис Полоцкий. В том же году была вода великая, потопила людей и хлеба и хоромы снесла. В том же году заложил князь Мстислав церковь каменную святого Феодора.

В том же году перехватили церковь святого Дмитрия печеряне и нарекли ее Петра, с грехом великим и несправедно. Об этих же Всеславичах говорят так, знающие их прошлое: что Рогволод владел Полоцкою землею, а Владимир в Новгороде ребенком жил, еще язычником, и был у него Добрыня воеводой, храбрый искусный муж; сей послал к Рогволоду и просил у него дочь Рогнеду за Владимира. Он же сказал дочери своей:

«Хочешь ли за Владимира?» Она же отвечала: «Не хочу разувать сына рабыни, но хочу за Ярополка». Ведь Рогволод пришел из Заморья и имел свою волость в Полоцке.

Услышав это, Владимир разгневался на те слова, что сказала: «Не хочу я за сына рабыни»; и оскорбился Добрыня, и исполнился ярости, и, взяв воинов, пошел на Полоцк и победил Рогволода. Рогволод же побежал в город; и, приступив к городу Добрыня взял город, и князя Рогволода, и жену его, и детей его, и дочь его. И Добрыня издевался над ним и дочерью его, и назвал ее рабынею, и повелел Владимиру быть с нею перед отцом ее и матерью, и потом отца ее убить, а ее взять себе в жены. И сотворил Владимир так, и дали ей имя: Горислава.

И родила сына Изяслава. Взял же еще Владимир и иных жен многих, и начал ею пренебрегать.

Некогда же, когда пришел он к ней и уснул, хотела зарезать его ножом. И случилось так, что он проснулся, и схватил ее за руку. Она же сказала: «Сильно я оскорблена, потому что отца моего, и мать, и братьев моих убил, и землю его полонил ради меня; и вот, ныне не любишь меня и с младенцем этим».

И повелел ей нарядиться во все уборы царские, словно в день свадьбы его, и сесть на постели в светлом храме, чтобы, придя, зарубить ее. Она же сотворила так, и дала обнаженный меч сыну своему Изяславу в руку, и сказала: «Когда войдет твой отец, скажи, выступив: Отец, если один хочешь жить на земле или бессмертным мнишь себя, то прими, о, отец, меч сей и вонзи прежде в утробу мою, чтобы не увидел я горькой смерти матери моей».

Владимир же сказал: «Кто тебя, о, чадо, поставил здесь?»; и прослезился, и поверг меч свой, и созвал бояр, и рассказал им. Они же сказали: «Не убивай ее ради сына своего, но воздвигни отчину ей и дай ей и этому сыну своему». Владимир же построил город и дал им, и нарек имя ему: Изяславль. И с тех пор поднимают меч внуки Рогволода против внуков Ярослава.

В том же году в Новгороде был голод великий, осминка ржи была по гривне. И люди ели лист липовый и кору березовую, а иные молиц толкли и мешали с полынью и с соломою, а иные ужей, мох, конину.

И так друг за другом мертвыми падали от голода, и трупы лежали по торгу и по улицам, и по дорогам всюду лежали; и наняли наймитов — мертвых из города возить, а от смрада нельзя выйти.

Тяжесть и беда на всех! Отцы и матери даром отдавали купцам детей своих, одни из них вымерли, а другие разошлись по чужим странам; и так по грехам нашим опустела земля наша.

В том же году в Новгороде преставился Кириак, игумен святого Георгия. В том же году преставился в Новгороде Иван, сын Всеволода.

В 6637 лето от Адама (1137 лето от Христа)

Преставился Ярослав Святославович в Муроме, внук Ярослава, правнук великого Владимира. В этом же году преставился Михалко Вячеславович в Рязани. В том же году князь Мстислав князей полоцких с женами и с детьми послал в заточение к Царьграду.

В том же году пришел из Киева Данило на посадничество в Новгород.

В 6638 лето от Адама (1138 лето от Христа)

Послал Мстислав сыновей своих, Всеволода, Изяслава и Ростислава с дружиною их и с новгородцами на чудь; и взяли их, и дань на них возложили.

В том же году оставил Иван епископию, просидев 20 лет. В том же году преосвященный Михаил митрополит Киевский и всея Руси поставил Нифонта епископом Новгороду мужа святого и очень боящегося Бога.

В том же году построена церковь святого Ивана каменная; и дали Петриле посадничество в Новгороде.

В 6639 лето от Адама (1139 лето от Христа)

Мстислав, сын Владимира Маномеха, со всею новгородскою силою и с низовцами ходил на Литву, и много воевав и пленив, возвратился во свояси с радостью великою.

В том же году князья рязанские и пронские, и муромские много половцев побили. В том же году заложил Мстислав Владимирович церковь святой Богородицы в Пирогощите.

В 6640 лето от Адама (1140 лето от Христа)

Преставился Мстислав, сын Владимира Маномеха, внук Всеволода, правнук Ярослава, праправнук великого Владимира, месяца апреля в 14, княжил на Киеве шесть лет. Его сыновья: Всеволод, Изяслав, Ростислав, Святополк.

Княжение Ярополка Владимировича в Киеве

В том же году, после кончины Мстислава Владимировича, сел в Киеве на великом княжении брат его Ярополк Владимирович Маномаш, так как люди киевские послали за ним.

В том же году привел Ярополк Владимирович Маномаш племянника своего, Всеволода Мстиславича, из Новгорода к себе в Киев, и недолго

держал его у себя, и дал ему Переяславль по крестному целованию, как договорился с братом своим Мстиславом Владимировичем по отеческому повелению, чтобы дать им с Мстиславом Переяславль.

Всеволод же Мстиславич после заутрени в воскресенье вошел в Переяславль и сел в нем; и в тот же день до обеда пришел на него другой дядя его, Юрий, со Святополком; и согнали его с Переяславля, и много убийств сотворили.

И сидел сам Юрий Владимирович Маномаш в Переяславле восемь дней. И послал на него брат его Ярополк силу многую, и вывел его из Переяславля по крестному целованию, как впереди было сказано.

И послал во второй раз другого сына Изяслава, брата своего Мстислава Владимировича, в Переяславль, как сказано ранее, по крестному целованию, а Всеволода Мстиславича, племянника своего, послал в Новгород, а брата своего, Юрия Владимировича, перевел с клятвой в Полоцк.

Он же оставил брата своего Святополка в Полоцке и пришел к Переяславлю на Госпожин день на Изяслава Мстиславича.

Полочане же выгнали брата его Святополка из Полоцка, а Василька Святославича, внука Владимира Маномаша, посадили на княжение в Полоцке.

Князь великий Киевский Ярополк, видя неправду братьев своих, ужаснулся и дал Переяславль брату своему, Вячеславу Владимировичу Маномашу, а племянника своего, Изяслава Мстиславича, вывел из Переяславля с большим принуждением и утешал его — пусть не скорбит ни о чем, говоря ему: «Восполню тебе все когда-нибудь».

Той же зимой Ярополк созвал к себе своих братьев и сказал им — пусть не обижают племянников своих, и прослезившись, сказал: «Братие! Суетно есть житие сие, и вся мимо идут. Где отцы наши, и деди, и прадеди; не умроша ли? Также и нам умерети есть, и каждо нас восприимет по делом своим».

И дал племяннику своему, Изяславу Мстиславичу, Туров, Дрочев, Пинск к Минску, прежней волости его, ибо Минск единственный остался от прежней волости его.

Дал же ему Ярополк и множество даров: жемчуг, золото, серебро, одежды, коней, доспехи, и чествовал его много, и отпустил его в прежде-названные города его.

В том же году крестился в Рязани половецкий князь Амурат.

В 6641 лето от Адама (1141 лето от Христа)

Князь Киевский Ярополк послал племянника своего, Изяслава Мстиславича, к Новгороду, чтобы дали дань Киеву по старине, также

и от Смоленска, и от Дунайска; и после этого умирились все и крест целовали.

В том же году Вячеслав, сын Владимира Маномаха, начал лишаться Переяславля, и дойдя до Городца, вновь вернулся в Переяславль. В том же году пошел Вячеслав к Рязани.

В том же году пошел князь Всеволод Мстиславич с новгородцами на чудь; и взял город Юрьев месяца февраля в девятый день.

В 6642 лето от Адама (1142 лето от Христа)

Преставился Маркел, епископ Переяславский, месяца января в шестой день.

В том же году пришел из Рязани в Переяславль князь Вячеслав Владимирович; и послал к нему князь Ярополк Владимирович, говоря: «Сиди не волнуйся, не ведай себя как половец».

Вячеслав же не послушал брата своего Ярополка Владимировича и пошел к Турову. В том же году князь Юрий Владимирович Маномаш заложил город на устье Нерли на Волге, и дал имя ему Константин, и церковь в нем создал; и много каменных церквей создал по Суздальской волости.

В 6643 лето от Адама (1143 лето от Христа)

Князь Юрий Владимирович испросил у брата своего, у князя Ярополка Владимировича, Переяславль, а Ярополк дал Суздаль и Ростов, и прочие волости свои, но не все.

В том же году из Турова пошел Изяслав к Минску, и оттуда пошел к Новгороду к братьям, и объединился с Олеговичами и с Давидовичами, и поднялись все на рать.

И пошел Всеволод Мстиславич опять к Новгороду, а Изяслав остался на Волоке; и узнал, что идет князь Киевский Ярополк с братьями своими, Юрием и Андреем, к Чернигову, и пошел туда же.

И так начали борьбу Олеговичи с Владимировичами. И пришли к Чернигову князь Киевский Ярополк с братьями своими, Юрием и Андреем, на Олеговичей, и не дойдя до города Чернигова, стояли двадцать дней, и возвратились назад в месяце ноябре.

Той же зимой пришли Олеговичи с половцами и взяли город Нежатин, и села пожгли, и Баруч взяли и пожгли, и много полона взяли. Той же зимой гром прогремел месяца декабря в 10 день, на память святых мучеников Мины, Гермогена и Евграфа.

Той же зимой князь Киевский Ярополк собрал киевских воинов, а брат его князь Юрий Владимирович — переяславцев, и стояли восемь дней у Киева, сражаясь с Всеволодом.

Потом помирился князь Киевский Ярополк со Всеволодом, передав Переяславль Андрею, брату своему, а Владимир — Изяславу Мстиславичу. В том же году Михаил, митрополит Киевский и всея Руси, послал запрещение на весь Новгород.

Новгородцы же с князем их Всеволодом Мстиславичем и с епископом их Нифонтом сильно опечалились, и послали к митрополиту Михаилу в Киев с челобитьем, прося прощения, игумена Исаяю с послом, Якуном Иванковым, послом новгородским.

И принят был митрополит Киевский и всея Руси Михаил всем Новгородом с великою честью и радостью. И опять некие злые люди начали подвигать Всеволода Мстиславича воинствовать на Суздаль и на Ростов.

И услышав это, Михаил, митрополит Киевский и всея Руси, запретил князю Всеволоду Мстиславичу и всем новгородцам, чтобы не проливали напрасно кровь христианскую и не творили брани. И захотел митрополит Михаил идти в Киев, и не пустили его новгородцы, и не только его, но и ни одного человека его, чтобы не было вестей в Суздале и в Ростове. Митрополит же начал говорить им: «Если, не послушавшись меня, пойдете на Суздаль и на Ростов, то неладно вам будет; хотя ведь и грешен я, но и меня, грешного, услышит Господь Бог, молящегося Ему со слезами». Они же начали и во многих винах обвиняли суздальцев и ростовцев. В том же году, зимой, князь Всеволод Мстиславич пошел ратью с немцами и со всею силою новгородскою на Суздаль и на Ростов. И был им путь очень труден, ибо настали злые дни, ветры сильные и очень страшные вихри.

И встретили их суздальцы и ростовцы на Ждане-горе; и бились там крепко на Ждане-горе, и много зла сотворилось новгородцам, и убили мужа славного, посадника их Иванка Данкова, и Жиряту Якунова, и Петрилу Никулина, и Даньшу Якшича, и много добрых и храбрых мужей новгородцев побили, и много крови христианской пролилось.

Бежали новгородцы с князем их к Новгороду; и придя в Новгород, начали наговаривать на князя Всеволода Мстиславича о суздальской войне; он же замыслил бежать к немцам.

Новгородцы же схватили его и посадили его под стражу, и держали его два месяца и четыре дня под стражей с женою его, и с детьми, и с тещей его, и крепко сторожили его каждый день и каждую ночь сто мужей вооруженных. А вот что в вину ему вменяли: почему не соблюдал черных людей, почему захотел княжить в Переяславле, почему захотел идти на суздальцев и ростовцев, и почему, пойдя, не крепко бился, и почему раньше всех побежал; и почему возлюбил играть и тешиться, а не людь-

ми управлять; и почему ястребов и собак собирал, а людей не судил и не управлял; и почему повелел нам ко Всеволоду Олеговичу приступить, и опять отступить от него велит? И другие многие вины собрали на него, и не отпускали его до тех пор, пока иного князя не будет.

И пришел к ним в Новгород князь Святослав Олегович, внук Святослава Ярославича, из Чернигова, от брата своего Всеволода Олеговича, внука Святослава Ярославича; и тогда отпустили с изгнанием князя Всеволода Мстиславича, внука Владимира Маномаша, с женою его, детьми и с тещею, говоря: «Иди, куда хочешь».

Князь же Всеволод Мстиславич пошел к дяде своему, великому князю Ярополку Владимировичу в Киев; и дал ему Ярополк Вышгород, и сидел там один год.

В том же году убит был в Новгороде посадник, муж славный, Якун Михалкович, и дали посадничество Иванку Павловичу. В том же году умер в Новгороде посадник Мирослав Микулич, и дали посадничество Константину Микуличу.

В том же году убит был в Рязани тысяцкий Иван Андреевич, по прозванию Долгий.

В 6644 лето от Адама (1144 лето от Христа)

Привел князь великий Киевский Ярополк брата своего, князя Андрея Владимировича Маномаша, из Владимира в Переяславль княжить.

В том же году начали черниговские князья Всеволод, Святослав и Игорь, сыновья Олега, внуки Святослава, правнуки Ярослава, праправнуки великого Владимира, воинство объединять, и воевали села и города по Суле, и пришли к Переяславлю Рускому, и много зла сотворили, и Устье пожгли, и отошли, и стали на Субое.

И вышел против них князь великий Киевский Ярополк, сын Владимира Маномаша, внук Всеволода, правнук Ярослава, праправнук великого Владимира, с братьями своими, и сошлись на сечу, и бились крепко, но вскоре побежали половцы от Олеговичей. И погналась за ними дружина великого князя Ярополка и братьев его, лучшие мужи храбрые, и, гоня, много избили половцев, и возвратились назад; и не нашли князей своих, и попали Олеговичам в руки, а половцы, возвратившись, на их тыл. И так многих храбрых мужей Ярополка и братьев его избили, и держащих стяг великого князя Киевского Ярополка и братьев его захватили, и бояр его множество в плен взяли, а иных без числа множество убили: и храброго Давида Яруновича, тысяцкого киевского, и Ивана Данилова, богатыря славного, убили, и Станислава Благородного, и Данила Тугковича, и Дамьяна Нянка, и многих мужей сильных и храбрых, и внука Владимира

Маномеха Василька Марича убили, и много князей избили; и едва убежал в Киев с братьями своими и с малой только дружиной князь великий Ярополк, сын Владимира Маномеха, месяца августа в восьмой день.

В том же году снова пришли Олеговичи с половцами, и взяли Треполь, и Холяп, и Детинеск, и пришли к Киеву, желая биться с великим князем Ярополком Владимировичем и с братьями его; но Бог не дал им такого зла сотворить.

Князь же великий Ярополк с братьями своими мог бы с ними биться, но не хотел кровопролития, ибо боялся Бога; и умирился с ними. И пошли снова Олеговичи назад к Чернигову, а половцы пошли в Поле за Дон.

В том же году преставился Семион, епископ Владимирский, в Воыни. В том же году преосвященный Михаил, митрополит Киевский и всея Руси, поставил Мануила скопца епископом в Смоленск, месяца апреля в 26 день. В том же году преосвященный Михаил, митрополит Киевский и всея Руси, поставил другого епископа, Феодора скопца, во Владимир Воынский, месяца мая в шестой день.

В том же году бежал из Новгорода Константин Дашков, посадник новгородский, ко князю Всеволоду Мстиславичу в Вышгород, и иных мужей с ним много; и дали посадничество Якуну Мирославичу. В том же году в Рязани убили во время набега богатыря печенежского Темир-хозяю. В 6645 лето от Адама (1145 лето от Христа).

В 6646 лето от Адама (1146 лето от Христа)

Новгородцы с псковичами объединились тайно и начали негодовать на своего князя Святослава, сына Олега, внука Святослава, правнука Ярославла, праправнука великого Владимира; и задумали, тайно поклявшись, изгнать от себя из Новгорода князя Святослава Олеговича и взять опять себе в Новгород князя Всеволода, сына Мстислава, внука Владимира Маномеха, правнука Всеволода, праправнука Ярослава, пращура великого Владимира, которого раньше изгнали от себя из Новгорода. И так задумали тайно, поклявшись, чтобы никто не узнал.

И пошли из Новгорода тысяцкий Константин Иванков и Дашко Якшич, а из Пскова пошли Жирята Дашков и Михалко Янович и прочие с ними иномышленники их; пошли тайно в Вышгород ко князю Всеволоду Мстиславичу, говоря ему: «Приди, князь, опять к нам княжить в Новгород, тебя опять хотят все у себя князем видеть, и новгородцы, и псковичи».

Всеволод же Мстиславич с братом своим Святополком и со всею дружиною их вышли из Вышгорода и пришли в Псков. И услышано было об этом в Новгороде; и князь Святослав Олегович ужаснулся и затрепетал от страха великого.

И был великий мятеж в Новгороде, и волновались люди там и сям, и не захотели князя Святослава Олеговича у себя в Новгороде, и начали перебегать многие ко князю Всеволоду Мстиславичу во Псков, и бегая, грабили дома и села многие. Тогда бежали Константин Нежатин, и Иванко Добрынин, и Тимошка Якшич, и Нестер Петрилов, и иных много.

Святослав же Ольгович начал допрашивать бояр новгородских, и, пытая, иных казнил, а иных в темницы затворил, а иных укрепил крестным целованием.

Также потом Святослав Олегович собрал всю землю новгородскую, и брата своего Глеба, и воинство города Курска, и половцев; и пошли на Псков, чтобы прогнать Всеволода.

Псковичи же не покорились князю Святославу Олеговичу, и не выгнали от себя князя Всеволода Святославича, и стояли крепко, и не испугались, так как прежде весть им пришла, что идет на них Святослав Олегович со многою силою и с братом Глебом, и с половцами; и сделали засеки, и заградили пути.

Князь же Святослав постоял, недоумевая, и сказал: «Лучше уповать на Бога, нежели пролить кровь с братьями своими; ибо от Бога возможно все, и Тот управит, как захочет»; и возвратился в Новгород, и пошел каждый восвояси.

В том же году преставился князь Всеволод Мстиславич, внук Владимира Маномеха, во Пскове, месяца февраля в 11 день, на Масляной неделе, в четверг; и положили его в церкви святой Троицы, которую сам он создал. Псковичи же вступились за брата его Святополка; и не было мира ни с суздальцами, ни со смолянами, ни с полочанами, ни с киянами; и настал в тех распрях голод великий по земле, и пленение, и кровопролитие непрестанное от поганных половцев, и от ляхов, и от чуди; и оскудевала земля в пустоте, по слову Христову, который сказал в Евангелии своем: «Всяко царство разделшееся на ся запустеет, и всяк град или дом разделившийся на ся не станет».

В том же году воевали половцы на Курск, и пленили землю всю, и пожгли. В том же году собралось большое воинство поляков, и воевали на Русь, и много зла сотворили.

В том же году преставилась благоверная княгиня Евфимия, князя Владимира Маномеха, и положена была в Берестове в церкви святого Спаса. В том же году выгнали новгородцы от себя из Новгорода князя своего Святослава, сына Олега, внука Святослава, правнука Ярослава, праправнука великого Владимира, сидевшего в Новгороде на столе два года и пять месяцев.

И послали в Суздаль за князем Ростиславом, сыном Юрия, внуком Владимира Маномаха, правнуком Всеволода, праправнуком Ярослава, препраправнуком великого Владимира. Князь же Юрий Владимирович Маномах послал к ним от себя из Суздаля в Новгород сына своего Ростислава княжить.

И в том же году, месяца мая в 21 день, вошел в Новгород на стол князь Ростислав, сын Юрия, внук Владимира Маномаха; и была радость великая всем в Новгороде, и помирились с псковичами.

В том же году князя Черниговские Олеговичи призвали к себе на помощь половцев и начали воевать по Суле; князь же Андрей Владимирович Маномаш не мог им противиться, а от брата его Ярополка, великого князя Киевского, помощи ему не было; и захотел бежать из Переяславля. Олеговичи же узнали, что князю Андрею не было помощи ниоткуда, и тогда Олеговичи перестали беспокоиться.

Князь же Андрей тайно послал весть брату своему Ярополку, великому князю Киевскому; князь же великий Ярополк начал собирать отовсюду воинство многое.

В том же году отняли казну у князя Святослава, сына Олега, внука Святослава, бежавшего из Новгорода; и из-за того с тех пор начали еще сильнее воевать Олеговичи, и привели множество половцев, и взяли Прилуки, и взяли в плен множество, и хотели идти на великого князя Ярополка к Киеву; и узнали, что князь великий Киевский Ярополк идет против них. Олеговичи же пошли к Чернигову, ибо было с великим князем Ярополком множество воинства: венгры, чехи, поляки, кияне, переяславцы, владимирцы со всеми волынцами, туровцами, деревлянами, полочанами, смолянами, галичанами, и ростовцами, еще же к тому и берендеев сорок тысяч было — бесчисленное множество воинства.

Князя же черниговские Олеговичи захотели бежать в Половецкую землю; и епископ, и люди черниговские возопили к ним, говоря: «Если побежите к половцам, то власть свою потеряете и назад можете не возвращаться, так поступив, ибо писано: «Бог гордым противиться, смиренным же дает благодать; отверзите убо от себе гордость и чяание и примете великую помощь о Господи смирение, да милость примете от Бога. Помиритеcь с великим князем Ярополком: ведь все знают милосердие Ярополка, что не радуется кровопролитию, но Бога ради желает смирения и любви, ибо тот хранит Божьей помощью всю землю Рускую, живя в страхе Божиим, в тихости, кротости, смирении и любви, творя беспрестанно милость ко всем». Всеволод же Олегович с братьями, слыша такие слова от своего епископа Черниговского и от всех людей черниговских, устранился очень, и, восплакав и воскричав, сказал:

«Увы мне, грешному! Кто я? Мертвый пес смердящий, таковое зло делая! Лучше мне, о, епископ, по твоему слову в смирении умереть, нежели с гордостью и желаниями и в этом веке, и в будущем погибнуть». И еще сказал епископу: «Правы и истинны слова твои, о, святой отец; пусть будет так, как сказал».

И так князь Всеволод Олегович с братьями своими послал с покорением к Ярополку, великому князю Киевскому, и испросил мира. И целовали Крест Животворящий князь великий Киевский Ярополк, сын Владимира Маномеха, со Всеволодом Олеговичем, великим князем Черниговским, и дары многие между собой давали, и плакали много между собою, и смирение, и любовь между собой великую сотворили.

И пошли разными путями каждый восвояси. В ту же ночь дивное было знамение на небесах. Той же осенью преставился благоверный и христоролюбивый великий князь Ярополк, сын великого князя Владимира Маномеха, внук великого князя Всеволода, правнук великого князя Ярослава, праправнук блаженного великого князя Владимира, месяца ноября в 8 день. Княжил на Киеве 7 лет. Он многих превзошел благочестием, ибо был премного христоролюбив и человеколюбив, и любя чтение божественных словес и почитая епископов и пресвитеров, и монахов, много беседовал и наслаждался в духовных беседах; ратным же врагам не покоряющимся страшен был, и все боялись его и трепетали перед ним.

И в том же году взошел на стол в Киеве княжить брат его Вячеслав, сын великого князя Владимира Маномеха; и благословил его преосвященный Михаил, митрополит Киевский и всея Руси. И собрал множество людей преосвященный митрополит Михаил, и посадили князя Вячеслава Владимировича на великом княжении в Киеве, на столе отца его Владимира, и деда его Всеволода, и прадеда его Ярослава, и прапрадеда его великого Владимира.

В том же году пришел Всеволод, князь великий Черниговский, сын Олега, внук Святослава, правнук Ярослава, праправнук великого и блаженного Владимира, с братьями своими к Киеву, на великого князя Вячеслава Владимировича Маномеха, и послал к Вячеславу, так говоря: «Иди добром из города Киева». Он же, не желая кровопролития, не бился с ним.

Преосвященный же Михаил, митрополит Киевский и всея Руси, помирил их и утвердил их Крестом честным; и пошел князь великий Киевский Вячеслав, сын Владимира Маномеха, к Турову княжить на великое княжество, просидев только двадцать дней на великом княжении в Киеве.

А Всеволод, сын Олега, внук Святослава, правнук Ярослава, праправнук великого Владимира, вошел в Киев на великое княжение; и поса-

жен был в Киеве на великое княжение преосвященным митрополитом Михаилом, месяца марта в пятый день, в воскресенье.

И сотворил в тот день князь великий Всеволод Олегович с отцом своим, с Михаилом митрополитом, и с братьями своими, и с князьями, и с боярами своими, и со всеми людьми пир светлый, и поставил по улицам вино, мед и пиво, и всякие яства и овощи; и раздал по церквам и по монастырям милостыню многую.

В том же году князь великий Всеволод, сын Олега, внук Святослава, посадил в городе Чернигове на великом княжении Владимира, сына Давида, внука Святослава, правнука Ярослава, праправнука великого Владимира.

В том же году князь великий Киевский Всеволод Олегович ходил на половцев и многих избил, а иных живых пленил.

В 6647 лето от Адама (1147 лето от Христа)

Князь великий Киевский Всеволод Олегович услышал о негодовании на себя Владимировичей Маномаших и начал замышлять на Владимировичей и на Мстиславичей, надеясь на множество своего воинства, и хотел сам с братьями своими всю землю Рускую держать, и хотел отнять у Ростислава Мстиславича великое княжение Смоленское, а у Изяслава Мстиславича — великое княжение Владимирское, а у дяди их, князя Юрия Владимировича Маномаша — великое княжение Суздальское, а у другого дяди их, у князя Андрея Владимировича Маномаша — великое княжение Переяславля Руского.

И послал многое воинство на Изяслава Мстиславича, говоря: «Иди добром из Владимира; если не выйдешь, то уразумей, какую большую рать послал на тебя». Воинство же великого князя Киевского Всеволода Олеговича дошло до Горины, и нашел на них переполох и ужас великий, и устрашились великим страхом, и убежали вспять.

В том же году князь великий Киевский Всеволод Олегович привел брата своего, князя Святослава Олеговича, из Курска и пошел с ним к Переяславлю, желая его посадить на великом княжении в Переяславле, а великого князя Переяславского Андрея Владимировича Маномаша вывести и послать его в Курск, также на великое княжение.

И послал к великому князю Переяславскому Андрею Владимировичу Маномашу, так говоря: «Иди к Курску на великое княжение»; и князь великий Андрей Владимирович Маномаш сказал: «Лучше мне смерть со всею дружиною своею на земле отцов и дедов своих принять, нежели взять великое княжение Курское, так как чужое оно мне. Ведь отец мой на великом княжении Курском никогда не сидел, но в Переяславле; и хочу и я

на своей отчине в Переяславле смерть принять; если ты, брат Всеволод, не насытился властью этой, которой ты всю Рускую землю держишь, и если хочешь и моей власти, великого княжения Переяславского, то, убив меня, примешь ее, а живым я не дамся тебе в руки; и не сойду со своей власти, с великого княжения Переяславского, а если хочешь убить меня или иначе уморить — да сотворит тебе отмщение Господь Бог в этом веке и в будущем. Не удивительно нам и нашему роду так страдать, ибо прежде был Святополк, сын великого Владимира, который, любя власть и желая всю землю Рускую держать, убил Бориса и Глеба, а вскоре и сам погиб».

Князь же великий Киевский Всеволод Олегович стоял на Днепре; и послал брата своего Святослава Олеговича к городу Переяславлю с полками, и встретила его дружина князя Андрея, и билась с ними, и помог Бог воинам князя Андрея, и гнались за ними до Кораня; дальше же него не пустил князь великий Переяславский Андрей Владимирович Маномаш дружину свою. И на следующий день сотворили мир между собою.

Той же ночью загорелся город Переяславль, не от ратников, но так случилось.

В том же году пришла Половецкая земля и князя половецкие, чтобы заключить мир; и ходил к ним князь великий Всеволод Олегович из Киева, и князь Андрей Владимирович Маномаш из Переяславля. И сотворив мир с половцами, возвратились восвояси.

В том же году новгородцы выгнали от себя из Новгорода князя своего Ростислава, сына Юрьева, внука Владимира Маномаша. В том же году послали новгородцы в Киев к великому князю Киевскому Всеволоду Олеговичу, прося у него брата его, Святослава Олеговича, княжить у них в Новгороде, а детей своих в заклад прислали; князь же великий Киевский Всеволод Олегович послал к ним брата своего, Святослава Олеговича, княжить у них в Новгороде.

В 6648 лето от Адама (1148 лето от Христа)

Новгородцы выгнали от себя из Новгорода князя своего Святослава, сына Олега, внука Святослава, правнука Ярослава, праправнука великого Владимира; он же бежал из Новгорода и взял с собою тайно посадника новгородского Якуна Иванкова и брата его, Прокопия Иванкова.

Новгородцы же гнались за Якуном и за братом его, и догнав его на пути, много били; и почти при смерти оставили его, и обнажили его всего, в чем мать родила, и сбросили его с моста в воду; но Бог смерти не предал его, ибо прибрел к берегу; и потому не били его, но взяли у него тысячу рублей, а у брата его — пятьсот рублей.

И возложили на них тяжкие железа на руки и на ноги, и послали их в заточение в Чудскую землю. Потом же, через некоторое время, привел их к себе князь великий Юрий Владимирович Маномаш в Суздаль, и жених, и детей их из Новгорода, и держал их у себя в любви и в милости.

А новгородцы взяли себе из Суздаля Судила Нежатича и Страждтка, которые убежали из-за Святослава, Якуна и брата его Прокопия, из Новгорода; и дали посадничество Судилу Ивановичу.

А к великому князю Киевскому Всеволоду Олеговичу послали епископа своего Нифонта со своими мужами, говоря: «Дай нам сына своего Святослава, а брата твоего Святослава Олеговича не хотим и уже выгнали его из Новгорода с княжения».

Князь же великий Всеволод Олегович послал к ним княжить сына своего Святослава; и уже проехал он Чернигов, и новгородцы опять надумали послать к Всеволоду Олеговичу, так говоря: «Не хотим ни сына твоего на княжении у нас в Новгороде, ни брата твоего, ни племени твоего; но ищем племени Владимира Маномаша княжить у нас».

Князь же великий Всеволод Олегович Киевский, услышав это, послал за ними поскорее многих гонцов и возвратил епископа их Нифонта со всеми их мужами. И новгородцы, снова подумав, сказали Всеволоду: «Дай нам шурина своего, князя Святополка Мстиславича». Всеволод же Олегович не хотел переуступить Новгород Владимировичам Маномашим, и призвал шурина своего, Святополка Мстиславича, и посадил его с епископом и с новгородцами в Берестье под стражей, говоря: «Сидите тут, а о Новгороде не беспокойтесь; а новгородцы пусть сидят, как хотят, и князя себе добудут, где хотят». И держал новгородцев у себя с епископом их весь год; также некоторых бросил в тюрьму.

В 6649 лето от Адама (1149 лето от Христа)

Новгородцы не вытерпели без князя сидеть, и были среди них пересуды и большое смятение, потому что хлеб к ним ниоткуда не шел, но и купцов, ходивших из Новгорода в Русь, повелел князь великий Киевский Всеволод Олегович хватать и бросать в погреба.

И была в Новгороде скорбь великая, и послали новгородцы к великому князю Юрию Владимировичу Маномашу в Суздаль, так говоря: «Дай нам князя Святополка Мстиславича, потому что мы Олеговичей не хотим, чтобы они в Новгороде княжили. Если не дашь нам племянника своего, князя Святополка Мстиславича, то ты пойдешь к нам сам княжить, или пошли к нам сына своего Ростислава».

Князь же Юрий Владимирович Маномаш послал к ним сына своего Ростислава. Он же пришел к ним в Новгород, и возвели его на двор епис-

копский; и собрались все новгородцы на дворе епископском, и совещались с епископом Нифонтом; и утвердили князя Ростислава Юрьевича крестным целованием на их условиях; и так княжил князь Ростислав Юрьевич в Новгороде по их воле.

Князь же великий Киевский Всеволод Олегович, услышав это, бросил в погреб всех новгородцев, которые пришли к нему с епископом их Нифонтом посольством, а епископа Нифонта посадил под стражу.

В том же году преставился благоверный и христоролюбивый великий князь Андрей Владимирович Маномаш в Переяславле месяца января в 23 день. И на следующий день, когда несли его к гробу, было дивное знамение на небесах и очень страшное, словно три солнца сияли между собой, и три столпа от земли до небес, а над всеми вверху была словно дуга, а месяц сам по себе стоял; и стояло знамение это до тех пор, пока не похоронили его у церкви святого Михаила.

В том же году преставился благоверный князь Всеволод Городецкий месяца февраля в 1 день. В том же году послал князь великий Киевский Всеволод Олегович на великого князя Вячеслава Владимировича Маномаша, говоря так: «Что сидишь в моей волости Киевской? Эта ведь волость мне принадлежит, а ты иди в отчину свою, в Переяславль».

В том же году взял города Юрьевы князь Игорь Олегович и взял весь скот, и коней, и богатство.

В 6650 лето от Адама (1150 лето от Христа)

Князь великий Вячеслав Владимирович Маномаш пошел из Турова в Переяславль на княжение, а к Турову пошел Святослав Всеволодович.

Князь же Игорь Олегович захотел в Переяславле сесть на княжение, и собрал множество воинов, и пошел к Переяславлю, и, придя, стоял два месяца; и пришел к Вячеславу на помощь племянник его Изяслав Мстиславич; а другой племянник его, Ростислав Мстиславич, пришел из Смоленска, и взял четыре города Игоревых. Князь же Игорь, услышав, что взяты были города его, отошел от Переяславля; а князь великий Вячеслав Владимирович Маномаш дал Переяславль племяннику своему, князю Изяславу Мстиславичу, а сам пошел к Турову на великое княжение. А князь великий Киевский Всеволод Олегович послал своего сына Святослава во Владимир на великое княжение, месяца января 25 дня.

Той же зимой послал князь великий Киевский Всеволод Олегович сына своего Святослава и Изяслава, сына Давыда, внука Святослава, правнука Ярослава, праправнука великого Владимира, с Володимирком Галичским в помощь Владиславу на братьев его младших, на Болеславичей; и со-

шлись все у Чернеческа, и много воевав, возвратились; не только ратных поляков воевать, но и мирных поляков грабили и в плен брали.

В том же году приходила емь и воевала волости новгородские. Собрались же ладожане на битву с ними и избили емьского воинства числом 400.

В том же году приходил шведский князь с епископом своим в шестидесяти кораблях на купцов новгородских, которые шли из Заморья с великим богатством в пяти лодьях; и бились много, и не успели ничего причинить новгородцам, которые захватили у них три шнеки, а избили их сто пятьдесят.

В 6651 лето от Адама (1151 лето от Христа)

Князь великий Киевский Всеволод Олегович женил сына своего Святослава у Полоцкого князя Василька, сына Святослава, внука Владимира Маномаша, у правнука Всеволода, у праправнука Ярослава, у преправнука великого Владимира, между Рождеством Христовым и Крещением, в Новгороде.

Той же зимой вышел князь Изяслав Мстиславич к дяде своему, великому князю Юрию Владимировичу Маномашу, и, не помирившись с ним, пошел в Смоленск к брату своему, и оттуда пошел к другому брату своему, Святополку, в Новгород; и зимовал там.

В 6652 лето от Адама (1152 лето от Христа)

Пришел Изяслав Мстиславич из Новгорода, побыв у братьев своих. В том же году Изяслав Мстиславич отдал дочь свою в Полоцк за князя Рогволода Борисовича. Тогда пошел на свадьбу и князь великий Киевский Всеволод Олегович, и с женою своею, и со всеми боярами своими, и с киевлянами в Переяславль, и торжествовали там светло, и в любви и в мире были все.

В том же году князь великий Киевский Всеволод Олегович послал воинство на великого князя Володимирка в Галич; послал же на него и князя Изяслава Давыдовича, и половецких князей с половцами. И собрались князья русские со Всеволодом все вместе, и поляки, и чехи, и венгры; и пришел бан, племянник короля, и множество воинства собралось на великого князя Володимирка Галицкого.

И пришли к Галичу, и не могли биться, потому что река не замерзла. И ходили оба войска вдоль реки; и так ходили двенадцать дней, и пришли к Звенигороду, и стали на Рожне поле. И не могли биться, потому что князь великий Володимирко Галицкий стоял на Голых горах со множеством воинов.

Пришел же тогда и князь Изяслав, сын Давыда, внук Святослава, с половецкими князьями, имеющими с собой множество половцев, и взяли два города князя Володимирка Галицкого, Ущицу и Микулин.

И пошел князь Владимир к Звенигороду, и встал по эту сторону города, а князь Володимерко Галицкий по другой стороне города; и, сойдя с горы, стал на Лебяжьем поле, а между ними — река Грезка. И повелел князь великий Киевский Всеволод Олегович мосты мостить и гати чинить каждому своему полку.

И на следующий день утром перешел реку и занял горы за великим князем Володимерком Галицким. Князь же Володимерко Галицкий думал, что к нему идут, и стал, ополчившись, со многим воинством перед городом на Черном болоте. Те же подступали на Сокольих горах, с обеих сторон имея неподвижное болото. Из-за этого полкам великого князя Володимирка Галицкого нельзя было биться с ним из-за тесноты, потому что великие болота делали непроходимыми эти места до самых гор.

Затем взошли русские полки на горы и зашли от Перемышля и от Галича. Галичане же, увидев это, опечалились, говоря: «Мы здесь стоим, а в домах наших жены наши и дети взяты будут». И начал князь великий Галицкий Володимерко посылать к Игорю, говоря: «Если меня с братом своим, с великим князем Киевским Всеволодом Ольговичем, помиришь, то после его смерти помогу тебе сесть на великом княжении в Киеве; и вот, между нами Бог, что не солгу тебе!». И так лестными словами прельстил Игоря.

Князь же Игорь Ольгович начал молить брата своего старшего, великого князя Киевского Всеволода Олеговича, говоря так: «Любезный мой господин! Вместо отца, отец, и старший мой брат, и господин! Говорил мне: дам тебе после смерти своей великое княжение в Киеве; и вот, князь Владимир Галицкий мне приятель и помощник; молюсь тебе, сладчайший господин и старший мой брат, сотвори с ним любовь и милость».

Князь же великий Киевский Всеволод Олегович послушал брата своего, князя Игоря Олеговича; и сотворил с князем Владимиром Галицким мир. И в тот же день к вечеру выехал из города князь великий Галицкий Владимир к Всеволоду Олеговичу; князь же великий Киевский Всеволод Олегович со своими братьями и с боярами встретил его; и так, поцеловавшись, разошлись в разные стороны.

И дал князь Галицкий Владимиру великому князю Киевскому Всеволоду Олеговичу две тысячи рублей серебра; князь же великий Киевский Всеволод Олегович возвратил города великому князю Галицкому Владимиру, которые взял у него — Ущицу и Микулин, а от серебра всего

часть братьям отдал, а другую всю воинству раздал, начиная от старших и до младших, себе же от того серебра не оставил ни единой сребреницы; и пошел к Киеву, и распустил воинство восвояси.

В том же году заложена была церковь Каневская великим князем Киевским Всеволодом Олеговичем, месяца июля в девятый день. В том же году в Новгороде завершили церковь каменную святой Богородицы на Торговище, а посадничество дали Нежате Твердятичу.

В 6653 лето от Адама (1153 лето от Христа)

Перенесла благоверная и христолюбивая великая княгиня Елена, великого князя Ярополка, сына Владимира Маномеха, из гробницы в церковь святого Андрея, и положили его у Янки, дочери Всеволода, внуки Ярослава, правнучки великого Владимира.

В том же году пошел господин преосвященный митрополит Киевский и всея Руси Михаил в Константинополь к патриарху. В том же году пошел князь Игорь Олегович с братьями своими полякам в помощь, с поляками же воевать.

В том же году в Киеве погорела большая половина Подола. В том же году в Смоленске заложили церковь каменную святых страстотерпцев Бориса и Глеба на Смядыни.

В 6654 лето от Адама (1154 лето от Христа)

Князь великий Галицкий Владимир, придя, взял Прилуки; услышав об этом, князь великий Киевский Всеволод Олегович сильно опечалился и послал к братьям своим, веля им быть готовым с Борисова дня к походу на великого князя Галицкого Владимира.

И разослал многих гонцов по всей земле: и в Новгород, и к чехам, и к ляхам, и к венграм, собирая многое воинство на великого князя Галицкого Владимира, и приказал обоим Изяславам, Давидовичу и Мстиславичу, остаться дома.

И прошло несколько дней, и разболелся сильно, и велел себя везти в Вышгород; и там мало побыв, уснул вечным сном князь великий Киевский Всеволод, сын Олега, внук Святослава, правнук Ярослава, праправнук великого Владимира, месяца июня в 30 день, сидев на великом княжении в Киеве семь лет. А сын у него: Святослав.

И после него вошел в Киеве на великое княжение брат его Игорь Олегович; и не угодно было людям, и послали в Переяславль ко князю Изяславу, сыну Мстислава, внуку великого князя Владимира Маномеха, так говоря: «Приди к нам, княже, в Киев на великое княжение, поскольку все видеть тебя хотим на великом княжении в Киеве». Изяслав же Мстиславич услышав это, очень возрадовался.

И помолился в церкви святого Михаила, и благословение взял у епископа Евфимия, и пошел с дружиною своею из Переяславля к Киеву.

И перешел реку Днепр, и, придя, встал на Жалине. Князь же великий Киевский Игорь Олегович с братом своим Святославом, и с боярами, и со всем воинством пошел против князя Изяслава Мстиславича, великого князя Переяславского.

И когда были они у могилы Ольговой, и не дойдя, уstraшились, и пришло в смятение все воинство их, и сам князь великий Игорь, и брат его Святослав, и побежали назад, никем не гонимые. Тогда, увидев их бегущими, князь великий Переяславский Изяслав Мстиславич погнался с дружиною своею вслед за ними, и многих бежавших поймали, а иных убили, а иные сами утонули в водах. Сделалось это промыслом Божиим и молитвами Пречистой Богородицы, и силою честного Креста, и всех святых молитвами, месяца декабря в 13 день.

И в тот день вошел князь Изяслав Мстиславич в Киев, и сел на столе в Киеве на великом княжении; а Игорь Олегович сидел в Киеве на великом княжении только две недели. Ибо таков промысел Божий: кого захочет, обогатит, и кого захочет, милует; бывают же и иная; его же Бог ненавидит, мы содеваем злая, убиваем, и богатство несправедливое собираем, и убогих и нищих презираем, и о телесном печемся больше, чем о духовном.

Также по прошествии четырех дней привели к великому князю Изяславу Мстиславичу в Киев великого князя Игоря Олеговича, взяв в болоте; князь же великий Изяслав Мстиславич послал его в Выдубицкий монастырь и повелел его там стеречь накрепко.

И оттуда послал его в Переяславль, и всадили его в подклет каменный в монастыре святого Иоанна, и приставили к нему сторожей многих, и стерегли его крепко. И так окончилось княжение великого князя Игоря, сына Олега, внука Святослава, правнука Ярослава, праправнука великого Владимира.

Брат же его, Святослав Олегович, с побоища того убежал в Новгород Северский с малой дружиной, плача горько, говоря так: «Увы мне, грешному! Что мне делать? Старшего брата, великого князя Киевского Всеволода Олеговича лишился, ибо отошел к Господу, и другого моего сладкого и любезного брата, великого князя Киевского Игоря Олеговича, противники похитили. О, душа моя убогая! Что сотворим, куда денемся?» Дружина же его начала утешать его, и сами плакали и слезы лили.

В том же году слышали половецкие князья о случившемся с великим князем Киевским Игорем Олеговичем и сотворили мир с великим князем Киевским Изяславом Мстиславичем.

В том же году Вячеслав, сын Владимира Маномеха, начал веселиться, услышав, что рассеяны были Олеговичи. И надеясь на старейшинство, послушал бояр своих и не оказал чести Изяславу Мстиславичу, племяннику своему, и отобрал города свои, которые отнял у него князь великий Киевский Всеволод Олегович, и не только те города, но и Владимир со всей Волынью занял, и посадил в нем племянника своего, князя Владимира Андреевича.

Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич послал брата своего Ростислава и отнял у него города, и наместников его связал оковами железными; также и город Туров взял, и тысяцкого его связал оковами железными, и посадил в нем сына своего Ярослава.

В том же году князь великий Киевский Изяслав Мстиславич пошел к Давидовичам на совет на Святослава Олеговича; и послал за князем Святославом Олеговичем князя Изяслава Давидовича и брата его, князя Владимира Давыдовича, и сына своего Мстислава со многим воинством.

И придя к Новгороду Северскому, много зла сотворили около Новгорода Северского. Князь же Святослав Олегович послал к ним, прося мира; они же сказали: «Лишился брата своего, князя Игоря Олеговича, и будешь с нами в мире и в единстве». Он же ответил: «Лучше мне смерть принять, нежели отказаться от брата своего, князя Игоря Олеговича; пока у меня есть душа в теле, не могу лишиться его».

Они же, пойдя, разграбили село Игореву, в котором было много всякого богатства, и зажгли двор его и гумно, в котором была тысяча стогов великих, и разграбили, и пожгли, и все опустошили.

И оттуда послали навстречу великому князю Киевскому Изяславу Мстиславичу, а сами пошли к Путивлю, городу Святослава Олеговича; и не сдались им путивльцы.

Пока не пришел к ним князь великий Киевский Изяслав Мстиславич, и тогда сдались путивльцы. И посадил у них наместников своих киевских, а что было в Путивле имущества князя Святослава Олеговича, то все разграбили. И пришла весть к великому князю Святославу Олеговичу, что город его Путивль взят был, и все имущество его разграблено было, и хотят за ним все идти к Новгороду Северскому, и осадить его в Новгороде Северском, и, взяв его, ослепить, и злой смерти предать.

Он же быстро побежал к городу Карачеву, и скоро за ним пошел в погоню князь Изяслав, сын Давыда, внук Святослава, правнук Ярослава, праправнук великого Владимира, с четырнадцатью тысячами воинов, желая руками взять его и всех, кто с ним.

Князь же Святослав Олегович с князем Иваном Юрьевичем и с князем Иваном Ростиславичем, и князем Владимиром Святославичем, и с по-

ловецким князем Емгазеем с половцами пошел против князя Изяслава Давидовича; и одолел князь Святослав Олегович.

Князь же Изяслав Давыдович прибежал к Изяславу Мстиславичу, великому князю Киевскому, и к братьям; они же все пошли на князя Святослава Олеговича.

Он же побежал и из того своего города Карачева с вятичами. Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич все имущество его и богатство взял, и все волости его и города раздал: князю Изяславу Давидовичу и брату его, Владимиру Давидовичу, и одному из двоюродных их братьев князю Святославу, сыну Всеволода, внуку Олега, правнуку Святослава, правправнуку Ярослава, препраправнуку великого Владимира: а что имущества и богатства князя Святослава Олеговича, то все князь великий Киевский Изяслав Мстиславич себе взял и в Киев послал.

Тогда же случилось в то время, князь Игорь Олегович, брат Святослава Олеговича, который сидел, схваченный великим князем Киевским Изяславом Мстиславичем, в Переяславле, в монастыре святого Иоанна в подклете каменном под стражей и в великой крепости, услышал, там будучи, что князь великий Киевский Изяслав Мстиславич, собрав много воинства, пошел на брата его, князя Святослава Олеговича, и оскорбился чуть не до смерти, и изнемог, и, чуть дыхание имея в устах, послал к великому князю Киевскому Изяславу Мстиславичу, со слезами и с плачем великим говоря: «Сотвори мне любовь и повели меня постричь в иноческий чин — да не увижу злой смерти брата моего, великого князя Святослава Олеговича Черниговского».

Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич повелел его постричь в иноческий чин преосвященному Евфимию, епископу Переяславскому. И, придя, постриг его в иноческий чин Евфимий епископ месяца января в пятый день. И вывели его из темницы в Переяславль, и послали его из Переяславля в Киев, в монастырь святого Феодора, и там и схиму возложили на него.

Князь же Изяслав Давидович и брат его Владимир Давыдович пошли за князем Станиславом Олеговичем к Брянску, а племянник его, князь Святослав, сын Всеволода Олеговича, остался в городе Карачеве.

Князь великий Святослав Олегович пошел к Козельску и из Козельска пошел к Дедославлю, и там разболелся у него князь Иванко, сын князя Юрия Владимировича Маномаша.

Князь же Святослав Олегович пошел в Рязань, и был в Мценске и в Туле, и в Дубке на Дону, и в Ельце, и в Пронске, и пришел в Рязань на Оку, и пошел вверх по Оке; и пребывал в городе Осетре, и там отступился от него князь Иванко Бердладник, сын Ростислава, внук Мстислава,

правнук Владимира Маномеха, праправнук Всеволода, преправнук Ярослава, пращура великого Владимира, и пошел к отцу своему Ростиславу в Смоленск.

А Святослав пошел вверх по Оке-реке, и, придя, встал на устье Протвы-реки в Любинце Амосове, и пребывая там, замыслил идти к Полотску. И прислал к нему князь Юрий Владимирович Маномаш из Суздаля в помощь четырнадцать тысяч бронников; а князь Изяслав Давыдович и брат его Владимир Давыдович, узнав об этом, не смели за ним идти, но возвратились из Дедославля.

В том же году преставился князь Иванко Юрьевич, внук Владимира Маномеха, у князя Святослава Олеговича на устье Протвы-реки в Любинце Амосове, месяца марта в 29 день; и, взяв тело его, братья его, князь Борис Юрьевич и князь Глеб Юрьевич, пошли к отцу своему, великому князю Юрию Владимировичу Маномашу, в Суздаль.

А Святослав Олегович пошел вверх по реке Оке, пребывая в любви и в единстве с великим князем Юрием Суздальским, сыном великого князя Владимира Маномеха.

В том же году преставилась благоверная княгиня инока Марина, дочь великого князя Владимира Маномеха, месяца апреля в 30 день, и положена была в святой церкви в монастыре, в котором постриглась.

В том же году сделали четыре церкви каменные в Смоленске: святых страстотерпцев Бориса и Глеба на Смедыне, а в городе — святых верховных апостолов Петра и Павла, и святого пророка Боговидца Ильи, и святых чудотворцев бессребреников Козмы и Демьяна. В том же году было знамение на небесах: солнечные лучи погibli, а луна кровавой.

В 6655 лето от Адама (1155 лето от Христа)

Князь великий Юрьи Суздальский, сын Владимира Маномеха, внук Всеволода, правнук Ярослава, праправнук великого Владимира, собрал войнство, и, пойдя, взял город Новый Торг и по реке Мете многие волости повоевал.

А князю Святославу Олговичю, внуку Святослава, правнуку Ярослава, праправнуку великого Владимира повелел Смоленские волости воевать; он же, пойдя, взял город Голеди и прочие волости повоевал, и возвратился в Рязань. И послал к нему князь великий Юрьи Суздальский, говоря так: «Как бы нам увидеться с тобою, и в любви и в единстве жизнь о Христе окончить, и от врагов своих беречься заодно, и друг за друга головы положить?»

И так, посовещавшись, сошлись на Москве: князь великий Юрьи из Суздаля, а князь великий Святослав Олегович с Рязани из Тешилова,

с сыном своим Олегом и с князем Владимиром Святославичем. И целовались с любовью о Христе, и много плакали о бедах и о напастях, бывших с ними, и снова утешились, и с любовью почествовали друг друга, и одарившись любезными дарами, разошлись; и пошел Святослав Олегович к Нерильску.

В том же году преставился князь Давид Святославич в Рязани, и после него сел брат его, Игорь Святославич, на великом княжении в Рязани. В том же году князь великий Киевский Изяслав, сын Мстислава, внук Владимира Маномаха, правнук Всеволода, праправнук Ярослава, преправнук великого Владимира, советовался с епископами своими рускими, что из-за мятежа и многих волнений невозможно идти в Константиноград к патриарху ставиться митрополиту на Русь. И тогда посоветовавшись, в соответствии со священным апостольским правилом, говорящим: два или три епископа могут поставить одного епископа, и так, собравшись, шесть епископов поставили сами митрополита Киеву и всей Руси — инока Климента Смолянина, выведя его из молчальной кельи его.

Был ведь он более всего любящим безмолвие и удалялся от всех, и предавался молитве и прочитанию божественных писаний, и был схимник, и очень книжен и учителей, и великий философ, и много книг, написанных им, оставил; поставили же его в Киеве месяца июля в 27 день, на память святого великомученика Пантелеймона.

Многие же об этом негодовали, и из епископов, и из прочих священников, и из иночествующих, и из мирян; больше же на князя Киевского Изяслава Мстиславича негодовали, говоря, что он принудил так сотворить не по благословению святого патриарха Константиноградского и священного собора, хотя ведь закон есть, чтобы руским митрополитам поставляться от святого патриарха Константиноградского и от священного собора, пребывающего в храме святой Софии.

В том же году князь Изяслав Мстиславич сотворил мир с половцами у города у Воина в Рязани; и пошел князь великий Изяслав Мстиславич в Киев на свой стол, а половцы пошли в Поле в свои вежи.

В том же году было знамение на солнце; и в ту ночь были громы и молнии, и ветры зело великие. В том же году умер половецкий князь Саимчюга. В том же году князь великий Суздальский Юрий послал к великому князю Святославу Олеговичу сына своего, князя Глеба.

Глеб же, придя к Святославу Олеговичу, начал собирать воинство; также пришли к Святославу Олеговичу и половцы.

Он же собрал воинство и, пойдя, взял города: Вятичи, и Брянск, и Обловеск, и Ревягорск, и Доробинеск по Десне-реке, и Домогощ, и при-

шел к Мценску, и пошел к Кромам на князя Изяслава Давидовича. И там нагнали его послы с челобитьем от князя Владимира Давидовича и от брата его, князя Изяслава Давидовича, и из двоюродных братьев брата их князя Святослава Всеволодовича, племянника великого князя Киевского Изяслава Мстиславича, внука Владимира Маномаша, и целовали перед ним животворящий Крест, чтобы быть им заодно; и, придя в город Чернигов, договорились все быть заодно, также и с великим князем Суздальским Юрием сослались тайно, и, посовещавшись, укрепились в единстве.

В том же году пришел из Рязани с Ельца князь Андрей Ростиславич к Давидовичам в Чернигов, и, посовещавшись, укрепились все заодно.

В том же году князь великий Черниговский Владимир Давидович и брат его Изяслав Давидович послали к Изяславу Мстиславичу, великому князю Киевскому, льстиво говоря: «Святослав взял волости наши, Вятичи и прочие; и если умолчим перед ним об этом, и на прочее будет посягать; и что тогда сможем сделать мы, оскудев до конца от него? Не замедлим же, но собрав воинство, пойдем на него».

Тогда же и Святослав Всеволодович из Чернигова пришел в Киев к великому князю Изяславу Мстиславичу, ибо любил его князь великий Изяслав Мстиславич.

И начал размышлять князь великий Изяслав Мстиславич с единомышленниками своими и с князем Святославом Всеволодовичем, племянником своим, говоря так: «Что же сотворю, пойти ли ратью на Святослава Олеговича или не идти?» И так, посоветовавшись с единомышленниками своими, послал впереди себя Святослава Всеволодовича, племянника своего, к великому князю Черниговскому Владимиру Давыдовичу и брату его, князю Изяславу Давыдовичу.

Святослав же Всеволодович, придя, поведал им все бывшее, что слышал; они же, собравшись все, послали снова в Киев к нему, говоря: «Что же медлишь? Сам ведь хотел многожды на князя Юрия Владимировича Маномаша и на князя Святослава Олеговича за их неправду; не медли же, но пойдя, ныне время».

Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич пошел к отцу своему митрополиту Киевскому и всея Руси Клименту с братом своим, князем Владимиром Мстиславичем, сказав ему так: «Хочу, — сказал, — идти на князя Святослава Олеговича и на князя Юрия Владимировича Маномаша с князем Владимиром Давидовичем и с братом его, князем Изяславом Давидовичем, и с князем Святославом Всеволодовичем, и с братом его, Ростиславом Всеволодовичем».

Преосвященный же Климент, митрополит Киевский, возбранял ему, говоря: «Сам не ходи и воинство не посылай». Великому же князю Изяславу Мстиславичу это не понравилось.

И выйдя, созвал он к себе всех бояр и дружину, и киевлян всех, и сказал им то же, что и митрополиту, что «собрался, — сказал, — со всеми князьями и со многим воинством, и смолянами, и новгородцами, и с берендеями». Киевляне же говорили ему: «Не верь, княже, Давидовичам, и в путь с ними не ходи, и против дяди своего князя Юрия Владимировича Маномаша не объединяйся, ибо мы брани на племя Владимировичей Маномаших иметь не хотим; если же на Давыдовичей воинствовать хочешь, то пойдем с тобою». Он же не послушал их всех, но сказал: «Кто хочет, пусть идет со мною».

И пошел сам, собрав воинство многое, и переправился через реку Днепр, и, придя, стал над Черторыею; и послал мужа премудрого и верного ему, Улебом называемого, в город Чернигов, чтобы испытал тайно там и сям о всяких вещах и возвестил бы ему тайно, никому не рассказывая.

А сам пошел на Субой, а брата своего, князя Владимира Мстиславича, оставил в Киеве. Премудрый же Улеб вошел в Чернигов, и там и сям тайно изыскав, узнал, что целовали животворящий Крест князь великий Черниговский Владимир Давидович, и брат его, князь Изяслав Давидович, и князь Святослав Всеволодич к великому князю Святославу Олеговичу и к великому князю Юрию Владимировичу Маномашу, желая убить хитростью великого князя Киевского Изяслава Мстиславича.

Все это истинно уведал премудрый Улеб, и тотчас быстро побежал к господину своему, к великому князю Киевскому Изяславу Мстиславичу; и пришел к нему на Субой, и сказал ему обо всем бывшем, что «объединились, — сказал, — на тебя все: и черниговские князья, и рязанские, и суздальский князь Юрий Владимирович Маномаш, и ожидают вскоре суздальских князей к себе, и все договорились быть заодно, и хотят убить тебя хитростью».

Он же ужаснулся и возвратился назад, и послал к ним послов в Чернигов, и обличил замысел их, и целование крестное с ними расторг; и впереди себя послал к Киеву, к брату своему князю Владимиру Мстиславичу: «Пусть пойдет к отцу нашему Клименту митрополиту, созвав киевлян, и пусть услышит отец наш митрополит, и брат мой князь Владимир Мстиславич, и все мужи киевляне о лжи черниговских князей и рязанских, и суздальских, как лукавствовали на меня, и составили на меня сеть, желая меня уловить в ней, и что надеялись корысть многую обрести. Не послушал ведь я отца своего Климента, митрополита

Киевского и всея Руси, и вас, возлюбленных моих киевлян, и хотел погибнуть до конца, если бы Господь Бог не защитил меня, и Пречистая Богородица, и животворящий Крест Христов, который мне целовали; вспомните слова свои, о любимые мои киевляне, как мне обещались на князей черниговских Давидовичей; вот, ныне время пришло: о, любимые мои киевляне, помогите мне, кто на конях, кто водою в судах, на моих врагов и на ваших; ведь не меня одного хотели убить эти враги, но и вас до конца искоренить».

Они же сказали: «Рады за господина своего великого князя Изяслава Мстиславича побороться и пойдем на них, кто на конях, кто водою в судах; но боимся того, как некогда прежде было при великом князе Киевском Изяславе, сыне Ярослава, внуке великого Владимира: освободили киевляне великого князя Полоцкого Всеслава, сына Брячислава, внука Изяслава, правнука великого Владимира, который сидел пойманным в Киеве в темнице, с детьми, и посадили на столе на великом княжестве Киевском; а тут ныне враг господина князя нашего и наш ни связанный, ни в темнице, ни за сторожами, но в городе этом, в Киеве многолюдном, в монастыре святого Феодора живет; и сотворит, что захочет, ибо мы ему враги, а он — нам; хотя он и инок, но боимся его и хотим убить его, пусть без опасения будем все и пойдем на битву за князя нашего».

Климент же, митрополит Киевский и всея Руси, возбранил и запретил им, говоря: «Не сотворите такого, чтобы убить инок Игора, бывшего великого князя этого же города Киева, сына Олега, внука Святослава, правнука Ярослава, праправнука великого Владимира; если же такое сотворите, гнев Божий на себя привлечете, и вражда с братьями его и с племенем его во веки не утолится». Также и князь Владимир Мстиславич, и Лазарь тысяцкий, и второй тысяцкий Рогуйло Владимирович запретили им князя Игора убивать.

И пришли два боярина, посланные к ним великим князем Изяславом Мстиславичем, говоря так: «Господин наш, князь великий Изяслав Мстиславич, послал нас к вам не для того, чтобы убить князя Игора Олеговича, уже ставшего иноком, но велел вам быть к себе на воинство против супостатов».

Киевляне же возопили многогласно и побежали быстро, чтобы убить князя инок Игора Олеговича; князь же Владимир Мстиславич сел на коня и погнался следом за ними; но бесчисленные толпы людей шли по городу Киеву и теснились в улицах, и князь Владимир Мстиславич не мог обогнать их, чтобы перед ними успеть к князю инок Игорю Олеговичу в монастырь и укрыть его от них; и повернул коня направо мимо Глебова двора, поспешить желая, и не успел.

Киевляне же пришли в монастырь святого Феодора убить князя инокa Игоря Олеговича, и нашли его в святой церкви, стоящего по обычаю на обедне у святого Феодора; и взяли его в церкви на обедне, и повели из монастыря. И встретил их князь Владимир Мстиславич в воротах монастырских, и сказал им: «О, господа и братья киевляне! Не сотворите немилосердия над господином вашим, бывшим великим князем Киевским Игорем Олеговичем, ставшим ныне во святом ангельском образе иноком и схимником: если вами владеет страх крамолы от него, пусть будет под стражей».

И взяв князя-инокa Игоря, покрыл его ризою своей, говоря киевлянам: «Господа и братья киевляне! Меня убейте, а его пощадите!», и ввел его во двор матери своей. Киевляне же начали бить и толкать князя Владимира Мстиславича.

Князь же Михалко, увидев это, соскочил с коня и начал помогать князю Владимиру Мстиславичу; и князь Владимир Мстиславич втащил во двор матери своей князя-инокa Игоря Олеговича, и затворил ворота, и ввел его на галерею на внешней стене. Киевляне же били князя Михалка и оборвали на нем крест, и цепи, и гривны золотые.

И прибежав ко двору великой княгини, выбили ворота, и, войдя на двор, увидели князя-инокa Игоря Олеговича в сенях; и, вбежав, разбили сени, и стащили его с сеней, и убили.

И в то время сбежал от них князь Михалко. Князя же инокa Игоря Олеговича убили, подцепили его веревкой за ноги и потащили его через Бабий торг, затем, придя на Великий торг к мраморной церкви Пречистой Богородицы, положили его на телегу и, привезя на Подол, повергли его, нагого, на Торговище.

Многие же люди мимо ходили и плакали, видя господина своего бывшего, великого князя Киевского, уже иноком ставшего и лежащего нагим, брошенным на торжище. И пришли от великого князя Киевского Изяслава Мстиславича тысяцкий Лазарь и от брата его, князя Владимира Мстиславича, тысяцкий Рогуйло на торжище, и взяли князя-инокa Игоря Олеговича, лежащего мертвым, нагого, брошенного на торжище; и положили его в церкви святого Михаила, в Новгородскую божницу. И утром в субботу послал Климент, митрополит Киевский и всея Руси, игумена Ананию монастыря святого Феодора; и, придя, игумен увидел князя инокa Игоря Олеговича, лежащего нагим и облитым кровью; и, заплавав, сказал: «О, лютая человеческая суета! Кому уподобился и за что пострадал? У, люто нам, в суетном этом веке живущим! Где любовь друг к другу? Где милость? Воистину все исчезло и погибло!»

И облек его в одеяние, подобающее умершим инокам, и отпели над ним обычные песнопения об усопших. И пришел страх и трепет на всех,

кто был в церкви, и бежали все из церкви, и был гром великий и молния, и встал столп светозарный над церковью от земли до небес, и сотряслась земля, и устрашились люди, и восплакали, говоря: «Господи, помилуй!» И скорбели люди долгое время, говоря: «Что же будет?» Потом пошли в церковь и увидели, что возгорелись свечи над ним все, и свет великий сияющий, и благоухание многое; и все удивились.

Затем, помолившись, понесли его с честью на конец города в монастырь святого Симеона и там положили его в новом каменном гробе. И когда воспели над ним обычную песнь, какую поют по усопшим, то есть вечную память, и тогда не было, кто бы слез не пролил над ним, напрасно пострадавшим в иноческом образе и в схиме господине их, бывшем князе великом Киевском иноке Игоре Олеговиче, внуке Святослава, правнуке Ярослава, праправнуке великого Владимира; убит же был в пятницу, а положен был в гроб в субботу.

Пришла же весть об убиении его в город Чернигов, и заплакали братья его великим плачем, и все люди; князь же Владимир Мстиславич послал к брату своему, великому князю Киевскому Изяславу Мстиславичу, поведав о насильственной кончине князя инока Игоря Олеговича, и печален был князь Изяслав Мстиславич, и негодовал на киевлян, говоря «Вечную сотворили вражду неутолимую с братьями и с потомками его».

И послал в Киев за братом своим, князем Владимиром Мстиславичем, и за другим братом своим послал, за князем Ростиславом Мстиславичем, в Смоленск.

В том же году в Рязани, в городе Казари, от иконы святой Пятницы были чудеса и исцеления многие. В том же году умер в Новгороде посадник Константин. В том же году в Новгороде Северском помощью Божьею и Пречистой Богородицы били половцев.

В 6656 лето от Адама (1156 лето от Христа)

Преосвященный епископ Новгородский Нифонт пошел из Новгорода к великому князю Юрию Владимировичу Маномашу в Суздаль, примиряя с ним новгородцев; он же принял его с любовью и с честью.

Епископ же Нифонт в городе его Суздале освятил церковь Рождества Пречистой Богородицы каменную великим освящением.

И чествовал епископа премного, и новоторжцев отдал ему, и новгородских купцов, которые были им взяты в плен, всех целых и с товаром их отпустил. Епископ же Нифонт отошел в Новгород, многим одарен и почествован; а мира новгородцам не дал, но замыслил рать собирать на них.

В том же году в Новгороде Северском преставился тысяцкий Иван Богданов. В том же году в Новгороде Северском преставился князь Иван Олегович.

В том же году князь Глеб, сын Юрия, внук Владимира Маномаша, пошел от отца своего князя Юрия из Суздаля к великому князю Черниговскому Владимиру Давыдовичу и к брату его, князю Изяславу Давыдовичу, и к князю Святославу Всеволодовичу на помощь.

Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич звал его к себе, он же не пошел к нему, но пошел на сына его, великого князя Мстислава, к Переяславлю; и туда придя, не успел ничего, так как у Мстислава Изяславича воинства много в Переяславле собралось, но и богатырь Демьян Куденевич был там.

Князь же Глеб Юрьевич, одержимый страхом, отошел от Переяславля с убытком, многих людей потерял; и пошел к Рязани, и соединился с великим князем Святославом Олеговичем; и, пойдя, взяли город Курск, и там посажали по всей земле Курской наместников своих. Пришел к ним также князь Святослав Всеволодович и князь Изяслав Давыдович; и, пойдя, взяли город Попаш, и пришли к Выревцу, и выревцы не сдались; также пришли к Евханцу, и евханцы не сдались.

Услышав же об этом, князь великий Киевский Изяслав Мстиславич, что Олеговичи объединились и воюют города детей его, собрал воинство многое и пошел с братом своим, князем Владимиром Мстиславичем, и с воеводой Станиславом, дяди своего Вячеслава Владимировича Маномаша, великого князя Владимирского, со всеми волынцами его. Когда дошли до Черной Могилы, туда пришел к нему брат его на помощь, князь великий Смоленский Ростислав Мстиславич со смолянами; и оттуда пошли к ним к Суле. Они же, услышав об этом, пошли к Чернигову. Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич, пойдя, взял города: Всеволож, называемый Уний, и Белую Вежу, и Бахмач; люди же многие побежали к Чернигову.

Он же, идя, взял еще три города, и возвратился к Киеву, и от Киева отпустил от себя брата своего, великого князя Смоленского Ростислава Мстиславича к Смоленску.

Князь же Глеб Юрьевич пошел к Рязани, и был в городах Червленого Яра и на Великой Вороне, и снова возвратился к черниговским князьям на помощь.

Услышав же о нем, князь великий Киевский Изяслав Мстиславич послал к нему, призывая его к себе в Киев; он же обещался к нему идти, но не пошел и пробыл недолго в Новгороде Северском. Бояре же его начали ему говорить, чтобы шел к Переяславлю на великое княжение, «потому

что хотят тебя все переяславские люди»; он же, послушав их, быстро пошел к Переяславлю. Услышав же об этом, стражи переяславские пригнали в Переяславль, когда князь Мстислав Изяславич еще лежал на одре своем, так как было это перед рассветом; он же быстро встал и послал воинство собирать.

И сам спешно пошел к богатырю Демьяну Куденевичу, и сказал ему так: «Ныне, о человеке Божий, время Божьей помощи, и Пречистой Богородицы, и твоего мужества и крепости». Демьян же Куденевич тотчас сел на коня со слугою своим Тарасом, и только пять отроков его, очень молодых, сели на коней; безвестно бо бе, и вси каждо разыдошася, он zde, он онде.

Демьян же Куденевич скоро поскакал со своим слугою на конях; и встречает князя Глеба Юрьевича на поле близ посада, и нападает яростно на воинство его, и убивает многих нещадно. Князь же Глеб Юрьевич ужаснулся сильно и вскоре побежал назад, а к Демьяну Куденевичу послал, говоря: «На любовь и на мир пришел, а не на рать». Демьян же Куденевич со слугою своим Тарасом возвратился в Переяславль и многую честь принял от господина своего, великого князя Мстислава Изяславича.

В том же году пришли многие половцы с Давидовичами и с князем Глебом Юрьевичем, и взяли город Дегин, и безвестно пошли к Переяславлю на великого князя Мстислава Изяславича.

И пришли к Переяславлю на ранней заре, и посад зажгли, когда никто и не знал, что ратные пришли; они же обступили город, и была в городе большая растерянность и плач.

Демьян же Куденевич один вышел из города, не имея никаких доспехов на себе, кроме помощи Божьей; и много побив ратников, настрелен был половцами, и в изнеможении возвратился в город.

Воины же все, одержимые страхом, убежали поспешно, каждый восвояси. Демьян же до конца изнемог от ран; и скоро пришел к нему князь великий Мстислав Изяславич, и дары многие давал ему и волости обещал; он же сказал: «О суетиа человеческого! Кто, мертв сии, желает дарования тленного и власти погибающа?» И сказав это, уснул вечным сном, и был по нему плач большой в городе.

В том же году в Рязани тысяцкий Константин многих половцев побил. В том же году князь Глеб, сын Юрия, внук Владимира Маномеха, взял Городец и вошел в него.

Услышав об этом, князь великий Киевский Изяслав Мстиславич собрал воинство многое и берендеев и пришел на него. Он же испугался и целовал ему животворящий Крест. Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич, укрепив его Крестом честным, возвратился к Киеву.

Князь же Глеб послал в Чернигов к великому князю Владимиру Давидовичу и к брату его Изяславу Давидовичу, и к Святославу Всеволодовичу, говоря так: «Поневоле целовал честной Крест к великому князю Киевскому Изяславу Мстиславичу, и как прежде, так и сейчас с вами хочу заодно жить и все делать; и кто вам друг, тот и мне, а кто вам враг, тот и мне»; и так снова укрепился с ними по старине.

В том же году князь великий Суздальский Юрий Владимирович Маномаш послал другого сына своего, князя Ростислава, в помощь Олеговичам и Давидовичам на великого князя Киевского Изяслава Мстиславича.

И когда остановился он в пути, пришли к нему послы от великого князя Киевского Изяслава Мстиславича с честью и с дарами, призывая его к себе в Киев и давая ему города и волости. Князь же Ростислав Юрьевич, советуясь с дружиной своей, сказал: «Неужели за это на меня отец мой разгневется, что не иду к врагам своим, к черниговским князьям; ибо те и деду моему, и дядям моим враги».

И пошел к великому князю Киевскому Изяславу Мстиславичу, и впереди себя послал к нему весть; он же возрадовался сильно и послал навстречу ему мужей своих.

И пришел он в город Киев, и возрадовался ему князь великий Изяслав Мстиславич, и светло с ним торжествовал и веселился, и дал ему так называемый Град Божий, и Межибожье, и Котельницу, и иных два города.

Услышав об этом, князь Глеб Юрьевич испугался и пошел к отцу своему, великому князю Юрию Владимировичу Маномашу в Суздаль; а князь Ростислав занял Городец и вошел в него, а по городам посадил наместников своих.

В том же году Олеговичи и Давидовичи, черниговские князья, помирились с великим князем Киевским Изяславом Мстиславичем; а из-за брата своего, из-за князя Игоря Олеговича, вражду отложили, говоря: «Уже нам не воскресить брата своего, князя Игоря Олеговича; пусть воздаст ему Бог вместо земного небесное, и вместо бесчестия — славу неизреченную на небесах!»

В том же году князь великий Киевский Изяслав Мстиславич послал в Новгород сына своего князя Ярослава на княжение, а брата своего, Святополка Мстиславича, вывел за его неправды и дал ему Владимир.

В 6657 лето от Адама (1157 лето от Христа)

Князь Роман Ростиславич, внук Мстислава, женился у князя Святослава Олеговича. В том же году князь великий Киевский Изяслав Мстиславич пошел на помощь новгородцам на дядю своего, великого князя Суз-

дальского Юрия Владимировича Маномаша, за обиду новгородскую, а с ним брат его, князь великий Ростислав Мстиславич Смоленский, и все новгородцы, и псковичи, и берендеи, и галичане, и воеводы Венгерского и Чешского королей, и поляки с воинством. И соединились все на устье Медведицы, и оттуда послали в Суздаль к великому князю Юрию Владимировичу Маномашу послов своих. Он же послов их к ним отпустил, а своего к ним послал; и оттуда по Волге пошли к Снятину, и к Угличу Полю, и к Мологе, даже и до Ярославля, воюя, иссекая, сжигая, и взяли в полон больше семи тысяч голов. Князья же Черниговские Олеговичи и Давидовичи согласились с ними сойтись на устье Медведицы; и, не дойдя до Медведицы, стали в Вятцах, ожидая, что учинится между ними с великим князем Суздальским Юрием Владимировичем Маномашим, ибо уже весна наступила, и в воинстве многая была усталость, и кони у них охромели. Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич распустил воинство все: венгров, чехов, поляков, а сам пошел с братом своим, князем Владимиром Мстиславичем, к Новгороду; и оттуда пошел с братом своим, великим князем Смоленским Ростиславом Мстиславичем, к Смоленску, и там провел осень.

И оттуда пошел к Киеву, и была радость великая в городе Киеве. Тогда же восстали злые люди и начали клеветать на князя Ростислава Юрьевича великому князю Изяславу Мстиславичу, говоря так: «Князь Ростислав Юрьевич многих людей, киевлян и берендеев, ласкал у себя и хотел сесть на великом княжении в Киеве; и как отец его, князь Юрий Владимирович Маномаш враг тебе, так же и сын его Ростислав враг тебе, и держишь ты его на свою голову».

Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич очень оскорбился, и, посоветовавшись с боярами своими, отнял у него все города и волости, и богатство, и имущество, и оружие, и коней; а бояр его и слуг его похватал всех, и некоторых сковал оковами железными в темницах каменных затворил, и стражей крепких приставил, других же, по иным городам разведя, в темницах затворил.

А князя Ростислава Юрьевича ограбил и посадил в ладью, и послал к отцу его в Суздаль, к великому князю Юрию Владимировичу Маномашу только сам-четвертый. Он же, придя к отцу своему князю Юрию, рассказал все, приключившееся с ним; отец же его, князь Юрий, об этом очень оскорбился и сказал к бывшим там: «Что, разве я и дети мои не имеем ли доли в Руской земле?»

И начал собирать воинство и послал к великому князю Святославу Олеговичу и к племяннику его, Святославу Всеволодовичу, говоря так о нем: «Тот вам враг: и брата вашего убил, и ваших голов ищет; также и мне, и детям моим — враг, и наших голов ищет; пойдем же, объединив-

шись, на него; если испугавшись, к покаянию придет, то больше зла не сотворит».

И так, объединившись, послали за половцами, и венграми, и чехами, и поляками; и пошли месяца июля в 24 день. И когда был он у города Влехани, и там соединились с ним князья Черниговские; и, придя, встали у Белой Вежи, и там стояли месяц, ожидая к себе половцев, а от великого князя Киевского Изяслава Мстиславича покорения.

Он же их нимало не устранился, и не только послов не послал к ним, но ни одного слова не сказал им. Они же пошли к Переяславлю, соединившись с половцами, и стояли тут, ожидая от него покорения; он же и того не устранился, и не только послов не послал, но ни единого слова не передал им и сказал бывшим с ним боярам: «Если бы пришел дядя мой, князь Юрий, на меня с детьми своими, не противостоял бы ему ни за что; но ведь привел на меня врагов моих, князей черниговских Олеговичей и половцев, и уже нет мне мира с ним». Так он говорил, надеясь на множество воинства своего, а помощь от Бога бывает: кого хочет, смиряет, и кого хочет, возвышает, поднимает от земли нищего, и от гноища воздвигнет убогого, посадит его с сильными людьми, и на престоле славы наследство его; ибо смиренным благодать дает Господь Бог, гордым же противится.

Князь великий Киевский Изяслав Мстиславич послал за братом своим, великим князем Смоленским Ростиславом Мстиславичем, и за другим братом своим, великим князем Святополком, во Владимир. Князь же Юрий Владимирович Маномаш со всеми князьями и многим воинством, придя, встал у сельца Куднова.

Князь же Владимир Мстиславич стоял в заставе у Переяславля, и князь Ярополк Мстиславич — с порошанами. Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич с яростью пошел к Переяславлю и вошел в город, и с ним соединилось бесчисленное множество воинства. Встал же епископ Переяславский Евфимий и сказал ему: «Лучше тебе смириться, чем рать затевать на дядю своего: смиришь же, и всякое благо будет тебе»; также и киевляне унимали его.

Пришел же к нему на помощь князь Изяслав Давыдович. Князь же великий Суздальский Юрий Владимирович Маномаш пять дней стоял там, и ополчился на заре, и пошел от Стряковой горы, и встал на так называемых Воловых Межах.

А князь великий Изяслав Мстиславич, собрав многое воинство, поставил его на болоте в крепости; а назавтра, отслушав обедню у святого Михаила, пошел из церкви; а Евфимий, епископ Переяславский, возбранял ему, говоря так: «Князь! Мирись с дядею своим, да будет благо

тебе от Христа Бога, и державу свою избавишь от великих бед». Он же не захотел мира, надеясь на множество воинства, и сказал так: «Добыл великое княжение Киевское и Переяславское великим трудом и потом, а ныне мне самому велите оставить такую державу?». Евфимий же, епископ Переяславский, говорил ему о любви и о мире, а не об оставлении великого княжения Киевского.

Он же пошел против князя Юрия Владимировича Маномаша к Янкину сельцу, где князь Юрий стоял; и стояли друг напротив друга от обеда и до вечерни; и потом отступил князь Юрий назад, а князь Изяслав пошел за ним.

Когда же солнце заходило, сошлись оба, и была битва великая и сеча злая; и первыми побежали порошане, также потом князь Изяслав Давидович, потом переяславцы, также и берендеи, также и новгородцы, также и галичане, также и сам князь великий Киевский Изяслав Мстиславич побежал к городу Киеву, только сам-третий месяца августа 23 дня, на память святого мученика Луппа.

И будучи в Киеве, собрался с женою и с детьми, и с имуществом, и со всеми своими, и бежал к Луцку. А князь великий Юрий Владимирович Маномаш наутро после побоища вошел в Переяславль, и пробыв в нем три дня, пошел к Киеву, а в Переяславле на великом княжении посадил сына своего, князя Ростислава.

Князь же великий Изяслав Мстиславич, сидя в Луцке, начал собирать воинство, венгров и чехов; король же Болеслав и Андрих, брат его, послали ему помощь.

А князь великий Юрий Владимирович Маномаш соединился с братом своим Вячеславом; и пришла к нему в помощь сила от великого князя Владимира Галицкого, также и сам князь Владимир Галицкий пошел к нему на помощь, и придя, встал у Шумска; пришли же к нему и множество половцев на помощь. Князь же великий Изяслав Мстиславич пошел из Луцка, собравшись с воинством, и венгерская и чешская помощь с ним.

И слышали венгры и чехи о бесчисленном воинстве великого князя Киевского Юрия Владимировича Маномаша, и испугались очень, и пошли от Изяслава, говоря так: «Князь! Не все еще собрались, а против недруга подобает собираться со всею силою, а тебе ныне подобает с ним мир сотворить».

Великого же князя Киевского Юрия Владимировича Маномаша сыновья, князь Ростислав с братом своим, князем Андреем, пошли впереди; и когда они были у Моравицы, в ту ночь был у них очень большой переполох. И от великого страха и половцы побежали с воеводою сво-

им Темир-хозеем, и прочее все воинство побежало, только один князь Андрей Юрьевич немного удержался с дружиною своею но и те, одержимые страхом, хотели бежать.

И на следующий день собрались все вместе и отступили назад, и стали у Дубна, ожидая помощи от отца своего, великого князя Юрия Владимировича Маномаша. И пришла к ним весть, что идет отец их к ним с братом Вячеславом Владимировичем Маномашим; и возрадовались очень, и подступили к Луцку, а в Луцке тогда был князь Владимир Мстиславич, брат великого князя Изяслава Мстиславича.

И вышли из города Луцка пешие бойцы, начали стреляться с ними; князь же Андрей Юрьевич пошел на них и изломил копье свое о супостата своего; и тут много побили воинства его пешие бойцы, и на самого князя Андрея Юрьевича напали, и ранили под ним коня двумя копьями, а третьим копьем в седельную луку переднюю.

А с города, как дождь, камнями метали на него. А один некто из пеших супостатных пришел на него с рогатиною и захотел проколоть его; но Бог сохранил его, ибо ведает, кто благочестив и избавляет от напасти. Тогда же князь Андрей, будучи в великой скорби от нападавших, помолился Богу, говоря та «Господи, помози ми! Се ми хочет быти Изяслава Ярославича смерть». И призвал святого великомученика Феодора на помощь, и взял в руку меч свой, и разбежались все ратники от него; и так ни от кого не было вреда ему, только один отрок его убит был тогда; ибо два только отрока в той беде были с ним тогда. И отъехал с одним отроком на раненом коне своем. Отец же его, князь великий Юрий Владимирович Маномаш, и дядя его, князь Вячеслав Владимирович Маномаш, и братья его, князь Ростислав и князь Борис Юрьевичи, и князь Мстислав Юрьевич, увидев его, пришедшего к ним живого, и обняв его, от радости начали плакать, говоря так: «Почему, возлюбленный, сам себя в напасть даешь? Ибо если под город так идти, то это — самоубийство, и без срока смерть примешь; это не мужество, но неискусность и необученность». И много поучив его, утешили, и сняли с него доспехи, и не нашли много ран и крови на нем; конь же его, много израненным будучи, только донес его до отца его и в тот час и пал. Он же побежал, забыв про свои раны, к коню, и прослезился над ним, что в такой беде и так будучи изранен, унес его от супостатных. И повелел раскопать землю, и поставить туда сруб, и тут похоронил коня своего.

И на следующий день князь великий Юрий Владимирович Маномаш приступил к городу; и вышли пешие бойцы из города, и долгая битва была, и стоял у ворот городских три недели, и воду отнял; князь же Владимир Мстиславич, бывший в городе, брат великого князя Изяслава Мстиславича, изнемогал с людьми в городе.

Князь же великий Изяслав Мстиславич послал к великому князю Владимиру Галичскому, свату великого князя Юрия, говоря так: «Введи меня, брат, в любовь и мир с дядею моим, великим князем Юрием Владимировичем Маномашим: ибо я во всем виновен перед Богом и перед ним». Великий же князь Владимир Галичский говорил свату своему, великому князю Юрию, о мире, ибо и князь Юрий хотел мира; сын же его, князь Ростислав, и князь Юрий Ярославич, внук Святополка, не хотели мира; и великому князю Юрию Владимировичу Маномашу говорили, чтобы не сотворил с ним мира.

Князь же великий Изяслав Мстиславич снова присылал с просьбой о мире; сын же его, князь Ростислав и князь Андрей Ярославич, внук Святополка, не позволяли с ним сотворить мир. Тогда сын его, князь Андрей, как боголюбивый и человеколюбивый, и многомилостивый, начал молить отца своего, говоря так: «Отче, отче! Почему слушаешь не желающих мира? Прими и помилуй племянника своего, великого князя Изяслава Мстиславича, и сам от Бога милость примешь, и отчину свою сохранишь, и нам, сыновьям своим, вражды с ним не перенесешь из рода в род; сотвори же с ним мир и укрепи с ним целованием крестным, и так, в любви будучи, и на неверных супостатов будете вместе очень сильны».

И так сотворили мир между собой, и пошли к Пересопнице, в державу великого князя Вячеслава Владимировича Маномаша, и целовали честной крест; и так укрепились честным и животворящим крестом в согласии, и в единстве, и в любви быть, и пошли разными путями: князь великий Изяслав Мстиславич пошел на великое княжение во Владимир, а князь великий Юрий Владимирович Маномаш пошел на великое княжение в Киев.

В том же году пришел из Рязани в Киев к великому князю Юрию Владимировичу князь Игорь Давидович. В том же году взяли половцы Торшин, и волости и села повоевали и пожгли.

В том же году бились новгородцы с суздальцами, и встали новгородцы на острове, а суздальцы против них встали, и начали город делать в ладьях; и пошли новгородцы к ним в третий день на битву, и была сеча злая, и много людей с обеих сторон пало. В том же году приходила на Новгород ратью емь, и новгородцы вышли против них и убили их более пятисот.

В 6658 лето от Адама (1158 лето от Христа)

Князь великий Суздальский Юрий Владимирович Долгорукий Маномаш пошел в Киев на великое княжение и начал размышлять, говоря так: «Не пристало мне на великом княжении в Киеве сидеть; есть братья

мои старше меня» и послал к брату своему Вячеславу Владимировичу Маномашу. Когда же пришел он в Киев, негодно это стало сыновьям князя Юрия Владимировича Долгорукого; князь же Юрий Владимирович не послушал детей своих; они же начали говорить боярам отца своего Бояре же собрались и пошли говорить великому князю Юрию Долгорукому

Владимировичу Маномашу: «Не давай великого княжения Киевского брату своему, князю Вячеславу, ибо не удержать ему его; и не будет оно ни брату твоему Вячеславу, ни тебе, ни детям твоим». И так бояре восстали, не дав ему воли.

Князь же Юрий Владимирович Долгорукий Маномаш, послушав бояр своих, сам сел на великом княжении в Киеве, а сына своего, князя Андрея Боголюбивого, с Вышгородского княжения свел и посадил брата своего, князя Вячеслава Владимировича Маномаша, на великом княжении в Вышгороде.

В том же году киевляне после тайного совета захотели посадить Вячеслава на великом княжении в Киеве, ибо любили его за простоту его; и стало так по их воле. В том же году приходили половцы к Курску и много полона взяв, отошли восвояси.

В том же году киевляне, посовещавшись тайно, снова захотели Изяслава Мстиславича на великом княжении в Киеве. Изяслав же Мстиславич, узнав об этом, пошел из Владимира к Киеву безвестно, и, придя, согнал с Киевского княжения великого князя Юрия Владимировича Долгорукого Маномаша.

Князь же великий Юрий Владимирович Маномаш пошел с детьми своими в Городец. Князь же великий Изяслав Мстиславич, получив княжение Киевское, возрадовался очень со всеми боярами своими и послал сына своего Мстислава в Канев — пусть оттуда возьмет Переяславль; он же, пойдя, сослался с Турбием, призвав его к себе.

Князь же Ростислав Юрьевич, узнав о том, поскорее послал к отцу своему, князю Юрию Владимировичу Долгорукому Маномашу, прося помощи; он же послал к нему в помощь сына своего, а его брата, князя Андрея Боголюбского.

Князь же Ростислав Юрьевич брата своего, князя Андрея Юрьевича Боголюбского, оставил в Переяславле, а сам спешно погнал к Сакову и догнал Турбея у реки Днепр, и схватив его, привел в Переяславль.

В то же время пошел князь великий Галицкий Владимир к Киеву на великого князя Изяслава Мстиславича, помогая свату своему, великому князю Юрию Владимировичу Долгорукому Маномашу.

Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич послал к сыну своему, князю Мстиславу, так говоря: «Идет на меня князь великий Галич-

ский Володимирко, а с другой стороны идет на меня князь Юрий Владимирович Долгорукий Маномаш с князьями Олеговичами и Давидовичами; поспеши же скорее ко мне, взяв берендеев».

Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич с братом своим Владимиром Мстиславичем и с сыном своим Мстиславом пошел против великого князя Галичского Володимирка и встретил его, идущего у Тюмаша; и встали на реке Стугне, и стрелки стреляли друг в друга через реку. И начал Володимирко, князь великий Галичский, крепко приступать с силою своею.

Берендеи же и прочее воинство великого князя Изяслава Мстиславича, видев бесчисленную силу великого князя Володимирка Галичского, очень испугались и начали говорить князю Изяславу Мстиславичю: «Пойдем назад; ибо велика и бесчисленна сила его, а у тебя воинства мало; знаешь ведь сам о мужестве галичского воинства, еще же и множество их; возвратимся скорее, пока не перейдут на нас через реку, и тогда трудно будет всем нам».

Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич сказал: «Лучше смерть принять, нежели срам и злую жизнь иметь». Киевляне же еще сильнее начали приступать к нему, говоря: «Беги в Киев и с целым воинством бейся из города». Он же не хотел; и когда они так говорили, увидели великого князя Володимирка, в иных местах переплывающего реку, и, устранившись, побежали берендеи, потом и киевляне, также и сам князь Изяслав Мстиславич побежал.

Князь же Володимирко со своими воинами, вслед за ними погнавшись, одних пленил, а иных посек и избил. Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич прибежал в Киев к дружине своей и повелел собираться у Дорожича; а сам, дождавшись ночи, вышел из Киева.

Князь же великий Володимирко Галичский, придя, встал у теремца; а князь Юрий Долгорукий Владимирович Маномаш в то же время пришел к Киеву с Давидовичами и Олеговичами, и встал у Черторьи, и послал за Изяславом Мстиславичем князя Святослава Всеволодовича и сына своего князя Бориса, и гнал за ним до Чертова леса, и, не догнав, воротился назад.

Князь же великий Изяслав Мстиславич, идя от Киева, взял Погорину и посадил сына своего Мстислава в Дорогобуже. Киевляне же, убоявшись князя Володимирка Галичского, ввели князя Юрия Долгорукого Владимировича Маномаша в Киев, и свиделся с князем Володимирком Галичским в Печерском монастыре святой Богородицы, и любовь великую сотворили между собой. И пошел князь Володимирко в державу свою, в Галич, и взял у него сына его, князя Мстислава.

Когда же шел он к Дорогобужу с князем Мстиславом Юрьевичем, побежал из Дорогобужа князь Мстислав Изяславич и пришел в Луцк к дяде своему Святополку.

Князь же Володимирко Галичский отнял все те города и пришел на Святополка Мстиславича к Луцку; Святополк же Мстиславич и князь Мстислав Изяславич затворились в городе Луцке. Он же, придя, не смог ничего сотворить им и пошел в державу свою, в Галич, а князя Мстислава, сына Юрия Долгорукого, посадил на Пересопнице.

В том же году в Рязани на Великой Вороне побили половцев. В том же году пришли половцы на помощь князю Юрию Долгорукому Владимировичу Маномашу против князя Изяслава Мстиславича и много ему зла сотворили.

Той же осенью дал князь великий Юрий Долгорукий сыну своему, князю Андрею Боголюбивому: Туров, Пинег, Дорогобуж, Пересопницу; и сел в Пересопнице. Той же зимой много раз посылал князь Изяслав Мстиславич к князю Андрею Юрьевичу, говоря так: «Господин и брат, введи меня в мир и любовь с отцом своим, князем Юрием Владимировичем». Присылал же он это не искренно, но лукавствуя и обманывая; ибо приходящие от него посланники высматривали воинство его, и оружие его, и как укреплен город его, и как и что строится в нем.

И снова Изяслав Мстиславич послал к князю Андрею Юрьевичу Боголюбскому, говоря так: «Нет мне отчины ни у чехов, ни у венгров и поляков, только в Руской земле; проси мне мира и любви у отца своего, князя Юрия, и пусть даст мне Погорину». Князь же великий Юрий Долгорукий Владимирович Маномаш гневался на него и не хотел принять его, и ни одной волости дать ему.

Той же зимой князь Изяслав Мстиславич тайно узнал, что хотят его киевляне у себя на великом княжении в Киеве чтобы княжил; также и все мужи Вячеславы, и все берендеи желают его на великое княжение в Киеве. Он же очень возрадовался и послал к ним тайно, говоря так: «Ничто мне так не любезно, как ваша любовь, и желаю вашего спасения и здоровья видеть, и угождать вам о Христе во всем, и так люблю вас, что и душу свою положу за вас».

Той же зимой приходили половцы в Русь, и много зла сотворив, ушли восвояси. Той же зимой князь Изяслав Мстиславич собрал венгров, поляков, чехов; и много воинства. И пошел к Киеву на князя Юрия Долгорукого Владимировича Маномаша, и, проходя мимо Пересопницы, пожег Зареческ; и, придя, встал у Мыльска.

Владимиру же Галичскому неведомо было об этом; и послал князя Василька Ярополчича за князем Андреем Юрьевичем, призывая его к

себе в гости; князь же Андрей Юрьевич Боголюбский пошел к нему; и встретились у Мыльска, и послали пред собой стражей, чтобы избежать всяческих случайностей, а сами пошли с охраной.

Князь же Изяслав Мстиславич узнал, что за ним идут князь Володимирко Галичский и князь Андрей Юрьевич Боголюбский, и пришла ночь, и они спешно пошли к Киеву; стражи же князя Володимирка и князя Андрея обнаружили следы его стоянки на Росе, но он уже далеко ушел, за великие преграды — за болота и за реки.

Князь великий Володимирко Галичский и князь Андрей Юрьевич Боголюбский удивились, ибо ничего не знали о том.

Князь же великий Изяслав Мстиславич шел к Белгороду. Князь же Борис Юрьевич услышал, как много воинства с ним, и побежал из Белгорода к отцу своему, великому князю Юрию Долгорукому Владимировичу Маномашу, в Киев.

Он же ужаснулся и начал плакать: «Увы мне! Куда мне деться от Изяслава Мстиславича? Куда мне бежать? Не спастись мне от него; воистину враг мне и детям моим». И услышал, что близко, и со многою силою бесчисленной грядет на него, понял же и о киевлянах своих, что больше любят того, а также и князя Вячеслава Владимировича Маномаша очень любят за его простоту и желают его у себя видеть на великом княжении в Киеве; и, встав, побежал из Киева, и пошел в Городец.

Володимирко же Галичский и князь Андрей Юрьевич Боголюбский ничего не знали об этом, и встали, размышляя о следах стоянки, и послали стражей, и узнали, что князь великий Юрий Владимирович Маномаш изгнан был из Киева великим князем Изяславом Мстиславичем и вселился в Городец, а князь великий Изяслав Мстиславич снова вошел на великое княжение в Киев. Князь же великий Галичский Володимирко ужаснулся и возвратился в свою державу в Галич, а князя Андрея Юрьевича Боголюбского отпустил к отцу его, князю Юрию Долгорукому Владимировичу Маномашу, в Городец.

И пришел он к отцу своему, и, обнявшись, долго и жалостно плакали, так говоря: «Увы нам! Куда нам деться от врага нашего Изяслава Мстиславича?» Князь же великий Изяслав Мстиславич, сев на столе своем на великом княжении в Киеве, очень возрадовался, и, собрав к себе всех киевлян и каждого из них обняв, целовал, и говорил к ним так: «Вы — моя радость и зашита, и помощь о Христе: вы мне — отцы и матери, а я вам — раб, и должен за вас голову свою положить»; и сказав это, возвеселил и утешил всех, и на радостный плач и слезы подвиг.

Также после этого начат им говорить: «Знаю, что любовь ваша мною превосходит мои недостатки, и хочу, если повелите мне, поскольку

любезен мне дядя мой, Вячеслав Владимирович Маномаш, то пусть придет к нам в Киев». Они же единогласно все говорили: «Достойно и праведно; что тебе, то и нам любезно».

И послал в Вышегород к великому князю Вячеславу Владимировичу Маномашу, говоря так: «Ты мне будь отцом, я согрешил пред тобой, чести не воздал тебе; но отныне у тебя есть Киев, войди же в него на великое княжение».

И вошел Вячеслав Владимирович в Киев; и целовались, и любовь великую сотворили, и сели оба заодно на великом княжении в Киеве. И дал старейшинство князь великий Изяслав Мстиславич дяде своему, великому князю Вячеславу Владимировичу Маномашу, а сам как сын ему и как младший был ему во всем; ибо видел в нем господина и отца себе, и вместо отца почитал его на великом княжении в Киеве.

И так отпустили от Киева многое воинство — и чехов, и поляков, и венгров к королям их со многою честью и с дарами; так как великому князю Киевскому Изяславу Мстиславичу король Венгерский был зятем, а Чешский — сватом, и так между собой многою любовь имели.

Потом же послал к ним князь великий Киевский Изяслав Мстиславич сына своего князя Мстислава с любовью и честью; и после этого послал к брату своему, великому князю Смоленскому Ростиславу Мстиславичу, в Смоленск, что согнал с великого княжения Киевского великого князя Юрия Владимировича Маномаша Долгорукого, и что соединились в любовь с дядею своим, великим князем Вячеславом Владимировичем Маномашем, и как посылал за ним, и как посадил его на великом княжении на всем Киеве, и устроил его себе господина и отца, и обо всем известил ему радостно; и повелел к себе спешно быть, и всякое опасение и осторожность иметь и в пути, и везде, опасаясь великого князя Юрия Владимировича Маномаша Долгорукого.

В том же году, весной, преставился князь великий Переяславский Ростислав Юрьевич, внук Владимира Маномаха, на своем великом княжении в Переяславле, в великую пятницу; и положили его братья его, князь Андрей Юрьевич Боголюбский и князь Глеб Юрьевич, и князь Мстислав Юрьевич в церкви святого Михаила, близ дяди его, князя Святослава Владимировича Маномаша и князя Андрея Владимировича Маномаша. Его сын: Мстислав.

В 6659 лето от Адама (1259 лето от Христа)

Князь великий Переяславский Юрий Владимирович Маномаш Долгорукий с детьми своими скорбел зело о великом княжении Киевском; и так начал собирать воинство многое, и послал в Рязань, и не было ему

оттуда никаких вестей; и послал к Олеговичам, и к Давидовичам, и к половецким князьям.

И так с Олеговичами и с князем Владимиром Давидовичем, и с князем Владимиром Андреевичем, племянником своим, и с детьми своими, и с половцами, собрал воинство большое и пошел к Киеву на великих князей киевских, на брата своего, Вячеслава Владимировича Маномаша и на племянника своего, князя Изяслава Мстиславича; и, придя, встали против города Киева на лугу, и шатры многие поставили, и силами многими обложили город.

Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич и князь великий Вячеслав Владимирович Маномаш встали крепко против них и не давали им перейти реку Днепр, и бились с ними на воде, в ладьях плавая, ибо князь великий Изяслав Мстиславич дивно придумал бой в ладьях, так что гребцы в ладьях невидимы были, весла только немного были видны, а люди не видны, и стрелы от них летели на противников, а к ним не прилетали, ибо покрыты были досками очень хитро; и были быстры словно птицы, и стояли в доспехах, и стреляли как хотели: в каждой ладье по два кормщика было — один на корме, а другой на носу, и шли, как хотели, кормой или носом, не поворачивая ладьи, и был бой их страшен супостатам.

Князь же великий Переяславский Юрий Владимирович Маномаш Долгорукий вплотную подошел с Олеговичами и с Давидовичами, и с половцами, и со всем воинством к Витчевскому броду, и лодейники киевские препятствовали им; они же пошли к Долобскому озеру и оттуда пошли берегом в Золотицу. По Золотице же вошли в Днепр низом; половцы же шли по лугу; а князь великий Киевский Изяслав Мстиславич шел по этой стороне реки Днепра по горе, а ладьи его шли по Днепру. Придя к Витчеву броду, встали напротив, и была битва злая, и киевские лодейники одолевали супротивных. И великий князь Киевский Изяслав Мстиславич сам мужественно бился с ними, не давая переправиться им через Днепр.

Половцы же очень злы были и лукавы, и начали размышлять, и так говорить великому князю Переяславскому Юрию Долгорукому и всем князьям его: «Ты стой здесь со всеми князьями своими и со всем воинством своим, и мужественно приступай к ним на этом брое, без лености; а мы тайно пойдем искать места, чтобы переплыть к ним за реку Днепр».

И так, ходя туда и сюда, пришли к Зарубу; застава же стояла там и не давала им перейти Днепр, и крепко бились с ними. Они же, словно взбесившиеся, сидя на конях в доспехах со щитами и копьями, и стреляя, как демоны лукавые, одни вброд, другие вплавь стреляя; и так покрыли Днепр-реку множеством воинов.

Застава же киевская, испугавшись, побежала. Князь же великий Изяслав Мстиславич, услышав, что половцы перешли Днепр, возвратился к Киеву. Половцы же пришли к Киеву и встали возле Лыбедь.

Изяслав же встал против него перед Золотыми воротами с дядей своим Вячеславом, а Изяслав Давидович встал между Золотыми и Жидовскими воротами, против двора Бориславова, а Ростислав с сыном своим Романом встал перед Жидовскими воротами, а Борис — у Ляцких ворот; киевляне же со всеми силами, на конях и пешие, встали между князьями, и так стояло около всего города многое их множество.

Вячеслав же сказал тогда Изяславу и Ростиславу: «Братья, мы уже готовы. Юрий же брат мне, но младший; но хочу послать к нему и свое старейшинство передать, чтобы, когда будем судиться перед Богом, и Бог неправду увидит». И сказали Изяслав и Ростислав: «Так, отец, и учини».

Сказал же Вячеслав дружиннику своему: «Иди к брату моему Юрию и целуй его от меня; а вы, братья и сыновья мои, слушайте, перед вами и отсылаю. Скажи так брату моему: я, брат, столько раз говорил тебе и племяннику своему Изяславу — не пролейте крови христианской и не погубите Руской земли.

От того вас унимал и о себе ничего не говорил как меня обидели, а полки имел у себя, и силу мне Бог дал; но я ради Руской земли и ради христиан того всего не помянул, но еще и то вам открыл, что, когда Изяслав, идя биться с Игорем, сказал — я Киева не себе добиваюсь, но отцу своему Вячеславу, а когда помог ему Бог, и тогда не только Киев себе взял, но и Туров и Пинск у меня отнял — так меня Изяслав обидел; а ты, брат, когда шел к Переяславлю с Изяславом биться, также сказал: я Киева не себе добиваюсь, но брату своему старейшему Вячеславу, ибо он мне как отец; и когда помог тебе Бог, и ты не только Киев взял себе, но и Пересопницу, и Дорогобуж отнял у меня. Ты меня так обидел, а дал мне один Вышгород: я же того всего не искал, ради Руской земли и ради христиан: но еще и вас удерживал, но вы меня не слушали, и это — говорю — не мне управить, но Господу моему Богу. А и то мне сказал — перед младшим не могу склониться; как же Изяслав, хотя и дважды слово свое нарушил, ныне же, добыв Киев, поклонился мне и честь на меня возложил, и в Киеве меня посадил, и отцом меня назвал, а я его сыном. Но если сказал — перед младшим не могу поклониться, но вот — я тебя старше, ибо ты родился, а я уже бородач был; и еще хочешь ли на мое старейшинство пойти? Если же пошел, то Бог за всех». И послал с теми речами к нему; а Юрий в то время стоял у Василева.

Пришел посол Вячеслава и пересказал все эти речи Юрию; он же послал сказал: «Я, брат, тебе кланяюсь; ты правду говоришь, ты мне — как

отец; если хочешь со мною рядиться, то пусть идет Изяслав к Владимиру, а Ростислав к Смоленску, а мы сами все решим».

Вячеслав же сказал: «У тебя сынов семь, и я их от тебя не отгоняю, а у меня только два сына: Изяслав и Ростислав, а другие младше; но ради Руской земли и ради христиан, пойдя, брат, в свой Переяславль и в Курск с сыновьями своими, а кроме того там у тебя Ростов Великий и прочие города; а Олеговичей отпусти, и договоримся сами, а кровь христианскую не прольем; последуешь ли по своему замыслу, как уже пошел?» И, посмотрев на образ святой Богородицы, написанный на Золотых воротах, продолжил: «Та Госпожа и Владычица наша Богородица со Сыном своим и Богом нашим разсудит межи нами, в сии век и в будущий»; и, так сказав, отпустил к нему посла его.

На завтрашний день пришли князь великий Киевский Изяслав Мстиславич и князь великий Вячеслав Владимирович Маномаш, и Ростислав с сыном своим Романом, и князь Изяслав Давидович, и князь Владимир, и со множеством воинов стояли у города, и стрельцы стреляли через реку Лыбедь; в то время подоспели берендеи с кибитками своими и с торками, и все черные клобуки, и многую пакость сотворили: и волости и села пожгли, и сады порубили и опустошили.

Тогда великому князю Переяславскому Юрию Долгорукому Владимировичу Маномашу пришла весть, что сват его, князь великий Галичский Володимирко, идет на помощь ему; и отступил назад, навстречу ему.

Князь же великий Изяслав Мстиславич и князь великий Вячеслав Владимирович Маномаш, услышав ту весть, пошли, собравшись со всеми князьями и со всеми силами своими за ним, опасаясь, что соединится с Володимирком, и на третий день настигли его у Перепетовых, еще не соединившегося с Володимирком. И встали напротив, и захотели биться в четверг, но был сильный дождь с ветром, и воины промокли так, словно в море тонувшие; и захотели между собой мира. Олеговичи же и окаянные половцы не дали помириться им, так как хотели кровопролития. Стояли они до вечера, и утром, на рассвете пятницы, исполнившись, Изяслав Мстиславич пошел к нему; князь же великий Переяславский Юрий Долгорукий не хотел еще биться, ожидая великого князя Галичского Володимирка на помощь к себе.

Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич, зная, что Володимирко Галичский идет на помощь ему, начал приступать к нему, и поставил полки свои против него. И когда шли они биться, князь же Андрей Юрьевич Боголюбский начал полки отца своего готовить, потому что был старшим тогда среди братии своей, также и у половцев побывав, вдохновил их на брань, и оттуда пошел в полк свой, и укрепил

дружины свою, и, взяв копье свое, пошел на брань с дружиной своей; и раньше всех сошелся с противником, и изломал копье свое, и тогда был ранен под ним конь в ноздри, он же начал метаться туда и сюда, и шлем с него упал, и щит у него упал; но Божиим заступлением и Пречистой Богородицы, и молитвой родителей своих сохранен был без раны.

Сошлись оба полка, и была сеча злая и крепкая; и тут убили доброго, тихого и кроткого великого князя Черниговского Владимира Давидовича, и было там побито многое множество с обеих сторон, и половцы многие убиты были. Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич сильно ранен был, с коня сбит, и хотели его убить свои, не узнавшие его; он же снял с себя шлем, и узнали его, и посадили его на коня, возрадовавшись за него.

Князь же великий Переяславский Юрий Долгорукий Владимирович Маномаш, видя свою беду, плача, побежал в Переяславль с детьми своими, а Олеговичи побежали восвояси; также и половцы побежали восвояси.

Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич с дядею своим, великим князем Киевским Вячеславом Владимировичем Маномашим, возвратились к Киеву, а князь Изяслав Давидович, взяв брата своего, великого князя Черниговского Владимира Давидовича, убитого в битве, пошел к Чернигову, и положили его в святой церкви Спаса, а сам сел на столе на великом княжении в Чернигове.

Также Изяслав Мстиславич, узнав, что князь Юрий Владимирович Маномаш Долгорукий в Переяславле, и пошел с дядей своим Вячеславом и с братом своим Святополком, и с берендеями, и, придя, встал у сельца Мажева, и оттуда приходил под город биться, и посады пожег, и много с обеих сторон пало.

Потом же великие князья киевские Вячеслав Владимирович Маномаш и Изяслав Мстиславич послали к великому князю Суздальскому Юрию Владимировичу Маномашу Долгорукому, говоря так: «Иди в свое великое княжение в Суздаль; будь доволен своим, а чужого не ищи; кто тебя научил так насильствовать и чужое похищать? Иди же в Суздаль и, если хочешь, посади сына своего в Переяславле; ибо не можем с тобою здесь жить, потому что приводишь на нас половцев».

Он же, не имея помощи ниоткуда, потому что воины его были одни убиты, а другие пленены, и так неволею целовал к ним животворящий крест и с детьми своими. И пошел на Альгу, ибо настал тогда праздник святых страстотерпцев Бориса и Глеба, а в Переяславле оставил сына своего, князя Глеба.

Князь же Андрей Юрьевич Боголюбский от Альты пошел к Суздалью; отец же его князь Юрий Долгорукий унимал его, он же не послушал отца

своего, говоря так: «Отче! Отче! Почто все мятемся? Все убо есмы смертни: днесь живи, а завтра умираем; почто не разумеем суети мира сего? Помяни, яко клялся еси, и целовал животворящий крест, и с нами, своими детми; что успеем в суетнем житии? Рече бо Господь: кая полза человеку, аще и весь мир приобрящет, а душу свою отщетит». И так, долго плакав и слезы излив, пошел к Суздалью; князь же Юрий Долгорукий от Альты возвратился снова в Переяславль с детьми своими.

Великие же князья киевские Вячеслав Владимирович Маномаш и племянник его Изяслав Мстиславич послали к нему, говоря: «Животворящий крест на том целовал, что тебе в Переяславле не жить, а идти тебе на великое княжение в Суздаль; и ныне ты с детьми своими на великом княжении сидишь в Переяславле, и ведёшь на нас половцев и свата своего, великого князя Владимирка Галичского».

Князь же Юрий Долгорукий оставил сына своего Глеба в Переяславле, а сам пошел в Городок.

В то же время Мстислав Изяславич привел венгров и чехов к отцу своему в помощь; Володимирко же Галичский услышал о том, что идет с венграми и с чехами, и пошел за ними тайно, они же не знали. И встал Мстислав Изяславич у Сопагина, а венгры и чехи встали около него.

И тогда прислал ему Владимир Мстиславич, и венграм, и чехам много пития, от которого они стали пьяными; также послал весть ему, говоря, что «идет Володимирко Галичский с силою многою на вас». Они же, пьяные, хвастались и говорили: «Готовы биться с ними».

Мстислав же той ночью расставил сторожей, а сам с венграми и с чехами лег спать; сторожи же вскоре прибежали в полночь, говоря: «Идет князь великий Володимирко Галичский с силою многою».

Князь же Мстислав Изяславич тотчас сел на коня, и с дружиною своею, и начал будить венгров и чехов; они же лежали пьяные, как мертвые.

И той ночью, на ранней светлой заре, ударил на них князь великий Володимирко Галичский и избил всех, а иных живых пленил и связал, и послал в Галич; а князь Мстислав Изяславич едва убежал в Луцк с малой дружиной.

И услышав это, отца его, Изяслав Мстиславич, князь великий Киевский, пошел на князя Юрия Долгорукого к Городку, а с ним князь великий Черниговский Изяслав Давидович, и князь Святослав Всеволодович, и воевода с силою Святослава Олеговича и берендеями; и пришли к Городку.

Князь же Юрий Долгорукий с детьми своими затворился в городе. Князь же Киевский Изяслав Мстиславич пожег посад и город обступил; они же бились из города много дней и изнемогли до конца.

Князь же Юрий Долгорукий начал просить, и упросил, и челом бил, и целовал к ним животворящий крест: «Уже иду на великое княжение в Суздаль с детьми своими», и клялся им: «Никогда не возвращусь сюда. Не пребуду здесь».

Они же дали ему путь. Он же оставил сына своего князя Глеба в Городке, а сам пошел в Суздаль с детьми своими. Князь же великий Изяслав Мстиславич и дядя его князь великий Вячеслав Владимирович Маномаш сели в Киеве: Вячеслав — на великом дворе, а Изяслав — в Подугорском дворе; а сына своего Мстислава посадил в Переяславле.

В том же году преставилась княгиня Изяславова. В том же году пошел Изяслав на Владимира и возвратился у Карачева.

Русь (1160–1181 гг. до В.Х.).

Книга 2

В 6660 лето от Адама (1160 лето от Христа)

Князь великий Изяслав Мстиславич Киевский взял Городец князя Юрия Владимировича Долгорукого, и сжег, и разрушил, а людей развел.

В том же году послал князь великий Киевский Изяслав Мстиславич сына своего князя Мстислава к зятю своему, к королю Венгерскому, и к королю Чешскому, и к полякам, призывая их к себе в помощь на великого князя Володимирка Галичского.

Чешский же король и поляки не пошли, а венгры пошли; и пошел король с венграми и с Мстиславом Изяславичем.

Послал король к Изяславу, говоря: «Отче! Кланяюсь тебе; сообщил мне про обиду Галичского князя, и я к тебе уже пошел, а ты пойдя тотчас же; а не сделаем так, то пусть нас с ним Бог рассудит».

Изяслав же, услышав о том, скопил свою дружину и пошел, взяв с собою полк Вячеслава весь, и всех черных клобуков, которые зовутся черкасами, и киевлян лучших, и всю рускую дружину; когда же пришел к Дорогобужу, туда пришел к нему и брат его Владимир.

И оттуда пошли к Пересопнице, и тут у Пересопницы пришел к нему Владимир Андреевич, и туда пришел и брат его Святополк из Владимира со своим полком; и так собрались все и пошли к королю.

Святополка же с собою Изяслав не взял, но оставил его во Владимире, а полк его взял с собою.

И пошел Изяслав от Владимира с полками своими по дороге короля, по которой он приходил на Андрея Владимировича с Ярославом Святополчицем; Изяслав же пришел на реку Сан, которая идет под Перемышль, и, перейдя реку Сан, встал.

И тут пришло к нему от короля посольство в сто человек, и сказали Изяславу: «Зять тебе, король, кланяется и так тебе приказал: здесь стою уже пятый день, тебя ожидая, и ты иди скорее». Услышал это Изяслав и с великим усердием пошел.

Утром же Изяслав подошел к Ярославлю и, минув его, остановился на обед, и туда прислал к нему король воеводу своего с полком, более тысячи.

Изяслав же пообедал там, и тогда с полками своими пошел к королю, и когда приблизился к станам его, то король сел на коня с мужами своими и выехал навстречу Изяславу с радостью; и тогда обнялись с великою любовью, и приехав, сели с королем в шатре и начали думать, как завтра рано пойти на бой к реке Сан.

Утром же рано король, ударя в бубны и построив полки свои, пошел, а к Изяславу послав, сказал: «Пойди со своими полками рядом со мной, и где я встану, тут и ты тогда добро во всем между нами в деле будет». Изяслав же сказал королю: «Сын, пусть так и будет».

И пошли к реке Сан ниже города Перемышля, тут и встали всеми полками своими; Владимир же встал по этой стороне с полками своими. Было же у короля полков 73, кроме полков Изяслава.

И, войдя в землю Галичскую Владимирову, встали. Был же тогда день воскресный, король же по своему обычаю не хотел никуда идти в воскресенье, а Володимирко не давал в свою землю войти рати; встретил и захватил фуражиров короля.

Утром же, встав, король пошел, а Владимир отступил назад за гору и встал; и так король начал полки свои ставить на бродах, галичане же ставили напротив них свои полки и не могли стоять против короля.

Владимир же, придя, встал со своим полком, и король встал напротив него, а Изяслав со своими полками пошел вверх по реке на броды; и, придя, встал выше короля на другом броде, и иные же полки венгерские многие пошли мимо Изяслава выше на броды. Изяслав же то видел и сказал дружине своей: «Братья и дружина! Бог никогда русской земли и русских сынов в бесчестии не оставлял, во всех местах честь свою сохраняли; ныне же, братья, постойм за то в этих землях и пред этими чуждыми народами; дай Бог нам честь свою сохранить». И то рече Изяслав дружине своей, и потече всеми своими полками вброд; виде же полки Изяслави король, и тако и своим полком повеле; они же не постряпуче. Понеже бо Володимер выслал к ним многое имение свое. Рече же король: «Не могу его убить, зане молит ми ся и своя вины кается; аще ли же ныне крест целовав, приступить, а тогда како ми с ним Бог даст, да любо аз буду в Угорьской земли, или он в Галичской».

Владимир же прислал к Изяславу, сказав: «Брат! Кланяюсь тебе и каюсь за свою вину, потому что я виноват; ныне же, брат, прими меня к себе и прости меня, и короля принуди, пусть меня примет; а мне дай Бог с тобою быть».

Изяслав же на все то не хотел даже посмотреть, но по принуждению короля и мужей его начал с ним мириться; король же сказал Владимиру: «На том тебе целовать крест, что сколько есть за тобой русских городов, то тебе возвратить все, а с Изяславом тебе быть заодно и не отступать от него ни в добре, ни в лихе, но всегда тебе с ним быть»; он же со всем радостно согласился.

Изяслав же и король, и Владимир, брат Изяслава, и сын его Мстислав пошли все в шатер короля и начали слать мужей своих к Владимиру с крестом; он же целовал крест на всем на том, и так помирились.

И пошел король восвояси, а Изяслав пошел в Киев к дяде своему Вячеславу с великой славой и с великою честью, и восхвалили Бога и Пречистую его Матерь, пребывая в веселье и в любви великой.

Послал же Изяслав тогда к брату своему Ростиславу, поведал ему, как с королем виделся, и как Владимира Галичского победили, и в землю свою пришли здорову; слушая это, Ростислав благодарил Бога и возрадовался.

В том же году князь великий Юрий Долгорукий Владимирович Маномаш Суздальский, услышав, что Городок его раскопали и сожгли, и людей всех развели, и послал ко князьям рязанским, призывая их на помощь к себе.

То же услышал Изяслав Мстиславич и послал к брату своему Ростиславу сказать: «Побереги, брат, от Юрия землю свою с новгородцами и со смолянами, и если пойдет на тебя Юрий, то я к тебе пойду; а если минет твою землю, то ты ко мне пойди».

И пошел Юрий с сыновьями своими, и с ростовцами, и с суздальцами; и рязанские князья Ростислав Ярославич с братьями и с полками своими с ним, также и половцы Орплюя, и токсобичи, и вся Половецкая земля, сколько их есть между Волгой и Днепром.

И пошли на вятичей, и взяли их, также на Мценск, да на Спашь, да на Глухов, тут же и встали.

Тогда же услышал князь великий Володимирко Галичский, что великий князь Юрий Долгорукий Суздальский идет в Русь, и пошел к Киеву на великого князя Киевского Изяслава Мстиславича; он же вышел из Киева против его.

Князь же великий Володимирко Галичский не встал на бой против него и возвратился в Галич, желая соединиться с князем Юрием Долгоруким, и, вместе сойдясь, идти на Киев.

Князь же великий Юрий Долгорукий Суздальский стоял у Глухова, и туда пришло к нему множество половцев, и князь Святослав Олегович; и

начали мыслить, как пойти в Русь, и, продумав все, пошли к Чернигову; и, придя, встали у Горичева близ города, пройдя Канин; был же тогда день воскресный, и поэтому не пошли к городу.

Тогда же князь великий Киевский Изяслав Мстиславич, услышав о великом собрании многих сил на великого князя Черниговского Изяслава Давидовича, послал к нему в помощь брата своего великого князя Смоленского Ростислава Мстиславича; Ростислав же был в Смоленске, опасаясь князя Юрия Долгорукого; и когда минул князь великий Юрий Долгорукий волость его, и он тогда пошел к Чернигову в помощь великому князю Изяславу Давидовичу, и вошел в город с князем Святославом Олеговичем и с князем Святославом Всеволодовичем к великому князю Изяславу Давидовичу. И, обнявшись, целовались и долго плакали, повиснув на шее друг друга, один другому говоря: «Когда сможем избежать волнения суетного и брани кровопролитной и греховной? Когда сможем избавиться от лукавства и пронырства людей этих, ибо каждого из них отовсюду демоны влекут в ад, помрачая их разум? Что наше безумие и суету может остановить? И святые и животворящие кресты целуем, и клятвами страшными клянемся; воистину суетен всякий человек и суетно течение его. Кая бо полза человеку, — рече Господь, — аше и весь мир приобрящет, и душу свою отщетит; но убо Бог в правде есть и воздасть месть ненавидящим мир о Господи; глаголется убо, яко зачинающий рать погибает».

Также послал вызнать силу пришедших ратников; и увидел силу бесчисленную, и христиан, и половцев, и повелели людям всем, сидящим в остроге, бежать из острога в детинец. На следующий же день князь великий Юрий Долгорукий с детьми своими, и с великим князем Рязанским Ростиславом Мстиславичем, и с Темирем, великим князем половецким, и со Святославом, и с Дулепом, и с Бердашем — половецкими князьями, и со всеми половцами; и многое множество воинства восколебалось как море, и было страшно видеть его в доспехах, словно вода на солнце светлосияло.

И пошли к городу, и встали, не дойдя города Семьнь. Половцы же быстро устремились к городу и взяли острог, и зажгли, также и весь посад зажгли, и словно поле чистое около города отворили, и так, подойдя, обступили весь город Чернигов, и пустили такое множество стрел, что и неба не было видно. Горожане же против них крепко бились.

Князья же черниговские, укрепившись с горожанами и страх понемногу преодолев, выходили из города биться с ними и многих из них убили.

Князь же Андрей Боголюбский Юрьевич устремился на них мужественно; они же пошли на него и сбили его с коня, и едва убежал к отцу своему князю Юрию Долгорукому, и был ранен сильно.

Горожане же каждый день выходили из города и бились. Тогда князь Андрей Боголюбский сказал отцу своему, князю Юрию Долгорукому, так: «Видишь, отец, воинство твое — не единодушное, не крепко бьющееся; как эти, выходящие из города на такое множество нашего воинства, одолевают и многую укоризну и срамоту нам творят?» И, собравшись со всеми князьями и подумав, сказали: «Истинно так; не крепко бьются, потому что сами с ними не ездим». Тогда князь Андрей Боголюбский сказал: «Сделаем так: по дням приходим к городу и бьемся; и вот, я первый сам начало положу, и этот день — мой».

И, сев на коня, пошел к городу; и вышли против него из города, он же устремился на них с воинством своим и с половцами, и многих избили, а иных руками взяли, а другие едва в город убежали.

Тогда и прочие князья позавидовали ему и начали к городу приходиться биться; горожане же не смели к ним выходить из города из-за страха, ибо уже пострадали от князя Андрея Боголюбиваго.

Стояли же они под городом Черниговом двадцать два дня. Тогда великие князья киевские Вячеслав Владимирович Маномаш и Изяслав Мстиславич, внук Владимира Маномаша, начали спешно воинство собирать и пошли в помощь к Чернигову на половцев, и на великого князя Юрия Долгорукого, и на Ростислава Ярославича, и на Святослава Олеговича, и на Темира, князя половецкого, и на всех князей и воинство их.

Князь же великий Юрий Долгорукий, услышав об этом, ужаснулся. Также и половцы, услышав, испугались и вернулись в Поле в свои жилища; князь же Юрий Долгорукий с детьми своими, и со всеми князьями, и со всем воинством своим быстро отступил от города Чернигова и пошел к Новгороду Северскому.

Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич пришел к Чернигову, когда ратные уже все бежали, и не застал ни одного, и, мало пробыв в Чернигове, возвратился к Киеву.

Князь же великий Юрий Долгорукий Суздальский оставил сына своего Василька в Новгороде Северском у великого князя Новгорода Северского Святослава Олеговича, а сам пошел к Суздалю в свое великое княжение.

В том же году князь великий Киевский Изяслав Мстиславич, внук Владимира Маномаша, пошел с братом своим Святополком и с сыном своим Мстиславом к Новгороду Северскому на великого князя Святослава Олеговича Северского и на княжича Василька Юрьевича Долгорукого, внука Владимира Маномаша.

И, придя, встал у Всеволожа, и оттуда, отрядив сына своего князя Мстислава, послал на половцев, дав ему силу свою многую: печенегов

каневских, и берендеев, и торков, и ижеславцев, и порсян, и множество воинства своего.

А сам пошел к Новгороду Северскому, мечтая голыми руками взять его; однако, вознесясь, смирился, ибо не успел ничего, так как был Новгород Северский сильно укреплен, князь же великий Святослав Олегович непобедим был. И так устранился князь великий Киевский Изяслав Мстиславич, и начал слать к великому князю Святославу Олеговичу, прося мира; и так, замирившись, возвратился к Киеву, а Василько пошел к отцу своему Юрию Долгорукому в Суздаль.

В том же году прославил Господь Бог имя свое и вознес род христианский, подав помощь на половцев князю Мстиславу, сыну Изяслава, внуку Мстислава, правнуку Владимира Маномеха: многих половцев избил, а иных живых руками взял, других далеко прогнал, вежи их пожег и корысть многую взял — коней и волов, и верблюдов, и овец, и множество плененных христиан отнял, и возвратился в свое великое княжение в Переяславль; а плен весь, который отнял у половцев, многое множество, распустил всех, каждого восвояси.

И сам пошел в Киев к отцу своему великому князю Изяславу Мстиславичу, внуку Владимира Маномеха, и прославил Господа Бога о такой помощи, и Пречистую Богородицу, и всех святых, и радостью многою возрадовался, и печальным, и скорбным, и убогим, и нищим, как к родным братьям, любовь и милость сотворил многую.

В том же году преставился князь великий Владимирко Галичский. В том же году князь великий Юрий Долгорукий Суздальский был под Черниговом ратью, и возвратился в Суздаль на свое великое княжение, и, придя, многие церкви создал: на Нерли — святых страстотерпцев Бориса и Глеба, и в свое имя город Юрьев заложил, называемый Польской, и церковь в нем каменную святого Георгия создал, а во Владимире каменную же церковь святого Георгия создал, и город Переяславль от Клещина перенес и создал больше старого, и церковь в нем поставил каменную святого Спаса, а в Суздале поставил церковь каменную же Спаса святого. В том же году закончился великий круг миротворный.

В 6661 лето от Адама (1161 лето от Христа)

Князь великий Киевский Изяслав Мстиславич послал сына своего князя Мстислава на половцев к Деслу, потому что много от них зла творилось; он же, не дойдя до них, возвратился вспять.

В том же году послал его отец его навстречу новой жене своей, а его мачехи, с князем Владимиром Андреевичем, внуком Маномашим, и с берендеями; и ходили до Олешья, и, не найдя ее, возвратились назад.

В том же году князь великий Киевский Изяслав Мстиславич, внук Маномаш, с братьями своими, с князем Святополком Мстиславичем и с князем Владимиром Андреевичем, и с сыном своим, с князем Мстиславом, пошел на великого князя Ярослава Володимировича в Галич; и, придя, встали у Тербовля.

Князь же Ярослав Володимирович Галичский захотел сам идти против них; бояре же его сказали ему: «Любимый господин наш князь! Один ты у нас; да если что тебе сотворится противниками, тогда куда нам деться? Лучше бы нам не родиться, или, родившись, быть в землю погребенными, нежели таковую беду и напасть видеть; сиди ты, князь, в городе, а мы выйдем биться с князем Киевским Изяславом Мстиславичем, и с братом его Святополком Мстиславичем, и с Владимиром Андреевичем, и с сыном его Мстиславом; и если кто из нас жив будет и прибежит к тебе в город, и мы, затворившись в городе с тобой, будем биться с ними».

Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич перешел к ним через реку Сестру; и сошлись оба войска, и бились крепко, и падали мертвые с обеих сторон, и было между ними смятение великое, и не узнавали друг друга, и не понимали, кто победил: всюду мертвые лежали, всюду кровь лилась.

Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич гнал галичан, а брат его и сын его побежали; и князь великий Киевский Изяслав Мстиславич, схватив галичских мужей, водил с собой; а галичане, схватив киевских мужей, бояр и воевод Изяслава, водили их с собой.

Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич с малою дружиною встал на месте побоища того и поставил стяги галичские, и пошли галичане под свои стяги; и захватили их множество.

В ту же ночь убоялся князь Изяслав Мстиславич, потому что остался на полку с малою дружиной, говоря так: «Бежим скорее восвояси, пока объединившиеся галичане не пришли на нас из города».

И повелел убить пленных простых людей, а воевод и бояр, и лучших людей повел с собой в Киев; а галичане его бояр и воевод, и нарочитых людей отвели в Галич, а иных в Перемышль, а иных в Тербовль.

В том же году князь Рязанский Ростислав Ярославич создал во имя свое город Ростиславль у реки Оки.

В том же году Новгородский епископ Нифонт заложил церковь святого Климента в Ладоге. В том же году Аркадий игумен поставил себе монастырь и создал в нем церковь Успения святой Богородицы.

В 6662 лето от Адама (1162 лето от Христа)

Князь великий Киевский Изяслав Мстиславич, внук Маномаш, послал во второй раз сына своего Мстислава навстречу новой жене своей, а

его мачехи; он же, идя, встретил ее на порогах и привел ее к отцу своему великому князю Изяславу Мстиславичу в Киев; была же она пришедшей из Обоз; князь же великий Изяслав Мстиславич сотворил свадьбу и взял себе эту обезыню в жены.

В том же году князь Мстислав, сын Изяслава, внук Мстислава, правнук Владимира Маномеха, пошел на свое великое княжение в Переяславль.

В том же году выгнали новгородцы от себя из Новгорода князя Ярослава Изяславича, а князя Романа Ростиславича, внука Мстислава, правнука Владимира Маномеха, посадили у себя в Новгороде.

В том же году пошел из Суздаля князь Юрий Долгорукий Владимирович Маномаш Суздальский с детьми своими и со всеми ростовцами, и с суздальцами в Русь; и был среди них мор, не только в конях, но и в воинстве их, какого не было никогда.

И пришел он к вятичам, и встал, не дойдя до Козельска; и пришли к нему из Поля половцы в помощь; он же, подумав с детьми своими и с боярами и утраившись гнева Божьего, прилучившегося тогда, и отступили половцы в Поле свое, а сам возвратился назад к Суздалью со многими сокрушением и со смирением.

В том же году преставился во Владимире князь Святополк Мстиславич, внук Владимира Маномеха, брат великого князя Киевского Изяслава Мстиславича; князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич вместо брата своего посадил сына своего Ярослава во Владимире, том же году преставилась княгиня князя Глеба Юрьевича в Суздале.

В 6663 лето от Адама (1163 лето от Христа)

Родился великому князю Юрию Долгорукому Владимировичу Маномашу сын Дмитрий, и отец его прозвал его Всеволодом; и заложил отец его князь Юрий Долгорукий город на реке на Яхроме, и нарек имя ему — Дмитров, по имени сына своего Дмитрия, называемого Всеволодом, потому что там родился.

О кончине великого князя Киевского Изяслава Мстиславича

В том же году преставился князь великий Киевский Изяслав Мстиславич, внук Владимира Маномеха, правнук Всеволода, праправнук Ярослава, преправнук великого Владимира, месяца ноября в 13 день, на память иже во святых отца нашего Иоанна патриарха Константинограда Златоустаго; на завтра же, на память святого апостола Филиппа, тело его погребению в земле было предано, по Господню слову, что «земля еси и в землю паки отидеши»; и погребен был в монастыре его отца у святого Феодора. Княжил десять лет. Его сыновья: Мстислав, Ярослав.

Князь же великий Киевский Вячеслав Владимирович Маномаш послал в Смоленск к брату своему Ростиславу Мстиславичу, внуку Владимира Маномаха. Он же еще не пришел; и тогда, узнав о смерти Изяслава, князь великий Черниговский Изяслав Давидович, внук Святослава, правнук Ярослава, праправнук великого Владимира, придя, встал на Днепре под Киевом и послал в город Киев к великому князю Вячеславу Владимировичу Маномашу и ко князю Мстиславу Изяславичу, внуку Мстислава, правнуку Владимира Маномаха, говоря так: «Не у был есмь на погребении сродника нашего великого князя Киевскаго Изяслава Мстиславича, даждьте ми внити во град сеи Киев, да, став на гроб его, оплачу его, и печаль мою о нем неутолимую уставлю слезами, понеже всем нам в сеи путь шествовати есть; краток убо есть сеи путь, и что аще живем, ничтоже есть, и быв не быти, вся бо в небытия отходит».

Князь же великий Вячеслав и князь Мстислав не дали ему войти в город Киев, потому что еще не пришел из Смоленска князь великий Смоленский Ростислав Мстиславич, внук Владимира Маномаха; он же возвратился в Чернигов.

Тогда же пошел из Смоленска князь великий Ростислав Мстиславич, и пришел в Новгород, и пробыв недолго в нем, пошел к Киеву, а сына своего Мстислава оставил в Новгороде. Новгородцы же, собравшись, вознегодовали на князя Ростислава Мстиславича, и не захотели сына его Мстислава у себя в Новгороде, и, выведя его из города, показали ему путь отца его великого князя Ростислава Мстиславича, внука Владимира Маномаха.

И, собравшись, новгородцы начали думать, говоря так: «Поскольку оскорбили великого князя Смоленского Ростислава Мстиславича, то, когда станет великим князем Киевским, много нам от него пакости будет, потому что сына его Мстислава изгнали»; и молили владыку Нифонта, чтобы пошел с большими мужами к великому князю Суздальскому Юрию Долгорукому просить сына его, князя Мстислава, в Новгород на княжение.

Великий же князь Юрий Долгорукий был тогда в объезде с княгинею своею, и стоял он на реке на Яхроме; и тут родила ему жена сына, и назван был Дмитрием, прозвал же отец его Всеволодом; и на том месте отец его заложил город во имя сына своего Дмитрия, и нарек его город Дмитров.

Княжение великого князя Вячеслава Владимировича Маномаша и племянника его Ростислава Мстиславича, внука Маномаша, в Киеве

Тогда же пришел князь великий Смоленский Ростислав Мстиславич, внук Маномаш, в Киев, и, собравшись, киевляне с великим князем Вя-

чеславом Владимировичем Маномашим посадили его на столе на великом княжении в Киеве; и стало так, как и прежде, два великих князя в Киеве. И говорили князья и бояре, и все люди великому князю Ростиславу Мстиславичу так: «Как брат твой князь великий Изяслав Мстиславич чтит дядю своего, великого князя Вячеслава Владимировича Маномаша. так и ты чти его, а до твоей смерти Киев твой». Он же много плакал и слезы многие изливал о таковой любви, и единомыслии, и единении и накрепко обещался чествовать великого князя Вячеслава, так же как и брат его князь великий Изяслав Мстиславич.

В том же году пришел князь Глеб Юрьевич, внук Владимира Маномаша, со множеством половцев к Переяславлю на князя Мстислава Изяславича, внука Мстислава, правнука Владимира Маномаша, праправнука Всеволода, преправнука Ярослава, пращура великого Владимира.

Переяславцы же бились с ними крепко, и не успел князь Глеб с половцами ничего, и отошел со срамом; тогда же, пойдя с половцами, взяли город Пирятин, одних избили, а иных в плен увели.

В том же году князь великий Киевский Ростислав Мстиславич, внук Владимира Маномаша, с племянником своим, с князем Мстиславом Изяславичем, и с князем Святославом Всеволодовичем, внуком Ольговым, с киевлянами и с торками, и с небольшим воинством пошли к Чернигову на великого князя Черниговского Изяслава Давидовича, говоря так: «Поспешим раньше придти на него, пока не пришел к нему на помощь князь Юрий Долгорукий Суздальский; или прогоним его или примиримся с ним». Перешли они реку Днепр и встали у Вышгорода; и тут прискакал к нему из Киева вестник, и сказал: «Дядя твой, князь великий Киевский Вячеслав Владимирович Маномаш вчера веселился, и ел, и пил с боярами, и лег спать, и уснул, и не встал, а ныне лежит мертв; что о нем повелеваеши?»

Услышал же князь великий Киевский Ростислав Мстиславич, внук Маномаш, и пал ниц на землю, бясь головой о землю, и долго плакал, и созвал братьев и бояр, и сказал князю Святославу и князю Мстиславу: «Вы будьте здесь с воинством, а я пойду в Киев и погребу дядю своего великого князя Вячеслава».

И, придя в Киев, облачил тело его благочинно, и похоронил его с великою честью у церкви Святой Софии, и пошел в казну его, и рассмотрел все имущество его, и все раздал по монастырям и по церквам, и убогим, и нищим, и вдовицам, и странникам.

Также устроил все, и пошел назад к воинству своему, взяв с собою полк Вячеслава; и, придя к Чернигову, встал на Боловесе.

И тогда князь великий Черниговский Изяслав Давидович послал к князю Глебу Юрьевичу Маномашу, чтобы пришли к нему скорее с половцами, ибо тогда князь Глеб был на Суле.

И скоро пошел с половцами на Ростислава. Князь же великий Киевский Ростислав Мстиславич, и князь Святослав Всеволодич, князь Мстислав Изяславич стояли у Боловеса.

Князь же великий Изяслав Давидович и князь Глеб Юрьевич Маномаш, и половецкие князья Чемгура и Бердебек, и Темир, и прочие князья половецкие, и половцы спешно пришли на них, и начали через реку стрелы пускать как дождь сильный, такой, что и небеса не были видны в стрелах; и множество коней и людей стрелами побили.

Тогда же начали половцы переплывать через реку словно бесы, одни — здесь, другие — там; князь же великий Киевский Ростислав Мстиславич испугался и начал мира просить, а от Киева отступаться, а за Мстислава Изяславича от Переяславля начал отступаться.

Племянник же его князь Мстислав Изяславич, услышав, что он отказывается от Переяславля, оскорбился и сказал так: «Тебе нет Киева, а мне нет Переяславля»; и повернул коня своего, и с дружиною своею пошел прочь от дяди своего великого князя Киевского Ростислава Мстиславича, внука Маномаша.

Князь же великий Ростислав Мстиславич и князь Святослав Всеволодович уstraшились и задрожали, и побежали все; половцы же гнались за ними и секли их, и многих убили, а иных живых руками взяли.

Князь же великий Киевский Ростислав Мстиславич на Любеч бежал к Смоленску, а сын его князь Святослав и князь Мстислав Изяславич убежали к Киеву, и оттуда — к Переяславлю; и, взяв жену свою, князь Мстислав Изяславич бежал в Луцк.

Князя же Святослава Всеволодича, внука Олега, правнука Святослава, праправнука Ярослава, преправнука великого Владимира, окаянные половцы взяли, и боярина его Романа Судиславича, и Добрыню Федоровича, и иных бояр его взяли, а иных многих избили над ним, когда брали его половцы, и везде, и повсюду мертвые лежали, и много крови текло, и было страшно и ужасно видеть; и тогда было тяжело христианству, и многий плач был в Киеве и в Переяславле, и в прочих городах; и не осталось тогда ни одного князя в Киеве, и было в них великое нестроение.

И собравшись, начали молить епископа Каневского Демьяна, чтобы пошел в Чернигов к великому князю Черниговскому Изяславу Давидовичу, и пусть молит его, говоря так: «Вы все — один род, и вот, уже великое и славное княжение Киевское пусто, и в оставших-

ся из нас — нестроение; и, узнав это, половцы, придя, возьмут нас; и славу, и честь, и главу всей земли Руской Киев возьмут половцы, где и кто сможет прожить из-за них? Пойди же на великое княжение в Киев княжить».

Он же, придя, сел в Киеве на великом княжении, а князя Глеба Юрьевича послал на великое княжение в Переяславль.

В том же году снова пришли половцы и много зла сотворили около Переяславля, волости и села пожгли, и монастырь Рождества Пречистой Богородицы, и монастырь святых мучеников Бориса и Глеба, и монастырь святого Саввы, и Летскую божницу, в которой было множество богатства, разграбили и пожгли, а людей в плен увели.

Князь же великий Суздальский Юрий Долгорукий, услышав, что представился племянник его князь великий Киевский Изяслав Мстиславич, внук Владимира Маномеха, начал помышлять о походе в Русь; и снарядив все, пошел в Русь. И когда он был возле Смоленска, пришел к нему вестник, говоря так: «Племянник твой князь великий Киевский Изяслав Мстиславич, внук Владимира Маномеха, уснул сном вечным и принял покой от суетного сего и прелестного жития, и положен был в церкви святого Феодора в монастыре отца его; и сел после него брат его, а твой племянник, на великом княжении в Киеве Ростислав Мстиславич, внук Владимира Маномеха, с твоим братом великим князем Вячеславом Владимировичем Маномехом; заодно и единомысленно княжат на великом княжении в Киеве.

А в Переяславле на великом княжении был князь Мстислав Изяславич; и тогда пошел на него к Переяславлю с черниговской силой и с половцами сын твой князь Глеб, и бился много, но не смог ничего и, отойдя, встал на Суле.

Князь же великий Киевский Ростислав Мстиславич, внук Владимира Маномеха, с сыном своим Святославом и с князем Святославом Всеволодовичем, и с князем Мстиславом Изяславичем пошли к Чернигову на великого князя Черниговского Изяслава Давидовича и на сына твоего князя Глеба; и когда он был в пути, пришел к нему вестник, сказавший, что князь великий Киевский Вячеслав от суетного сего и прелестного жития отошел в иное житие.

Князь же великий Ростислав возвратился в Киев и похоронил дядю своего, а твоего брата великого князя Киевского Вячеслава Владимировича Маномеха в церкви святой Софии. И снова пошел к Чернигову на великого князя Изяслава Давидовича и на твоего сына, на князя Глеба, и когда был он у Боловеса, сошлись они на битву с князем Изяславом Черниговским, и с твоим сыном, с князем Глебом, и с половцами. И одо-

лен был князь великий Киевский с сыном и с братьями своими, и не осталось в Киеве ни одного князя.

И пришел в Киев на великое княжение князь великий Изяслав Давидович, и ныне сидит на великом княжении в Киеве, а сын твой князь Глеб сидит на великом княжении в Переяславле».

Тогда же князь великий Киевский Ростислав Мстиславич, внук Владимира Маномеха, с того боя прибежал в Смоленск, и услышал, что близ Смоленска стоит князь великий Суздальский Юрий Владимирович Маномаш Долгорукий; и испугался, и был в смятении сильном, считая, что на него идет князь Юрий Долгорукий.

Он же дал ему мир и пошел в Русь к Киеву; и, придя, встал у Стародуба, и туда пришел к нему князь Святослав Олегович, и целовался с ним, и обычную беседу сотворил, и сказал ему, чтобы принял в любовь и мир племянника его князя Святослава Всеволодовича; он же дал и тому мир и любовь. И повелел им, пусть шествуют с ним к Киеву.

И придя, встал близ Киева, и послал в Киев к великому князю Изяславу Давидовичу — пусть идет из Киева: «Твое великое княжение — Чернигов, мне же надлежит сидеть на великом княжении в Киеве».

Изяслав же Давидович не хотел выходить из Киева с великого княжения, потому что очень полюбилось ему великое княжение Киевское. И кто же не возлюбит Киевского княжения, потому что вся честь, и слава, и величество, и глава всем землям руским Киев, и от всех дальних многих царств стекаются всякие люди и купцы, и всякие блага из всех стран бывают в нем?

Князь же великий Суздальский Юрий Долгорукий, пойдя, встал у Моравска, а князь Святослав Олегович, пойдя, встал у Чернигова.

И князь Юрий Долгорукий снова послал к Изяславу в Киев, говоря так: «Если не уйдешь из Киева, быть брани великой, и пролиться крови многой».

Он же послал к нему, говоря так: «Несть слава, и честь и похвала, еже брань составляти и кровь пролиати о мимотекущем сем и прелестном житии; аще убо тебе тако умыслися, вниди в Киев и сяди в нем на великом княжении; аз убо не сам добивался Киева, но с челобитием послаша ко мне киане Демьяна епископа Каневского, да шед сел бых на великом княжении в Киеве, и сотворих волю их, и есмь князь великий ныне на Киеве; и аще ты сице изволил, иди в Киев и сяди на великом княжении, а аз паки иду на свое великое княжение в Чернигов, в нем прежде бех».

И сказав так, вышел из Киева, и пошел в Чернигов, и сел на великом княжении в Чернигове.

Княжение великого князя Юрия Долгорукого в Киеве

И тогда князь Владимирский Юрий Долгорукий с радостью и с весельем вошел в Киев, и сел в нем на великом княжении, благодарственно хваля Бога.

И посадил старшего сына своего князя Андрея Боголюбивого на великом княжении в Вышгороде, а князя Бориса, сына своего, посадил на великом княжении в Турове, а князя Глеба, сына своего, посадил на великом княжении в Переяславле, а князя Василька, сына своего, посадил на великом княжении в Поросье.

В том же году пришли половцы и с большим пленом возвратились восвояси; и уже когда были они в Поле, оплошали: догнали их берендеи и пришли на них на ранней заре, когда они спали, и, напав на них, на сонных, многих избили, а других руками взяли.

В том же году князь великий Киевский Юрий Долгорукий Владимирович Маномаш пошел к Каневу на княжеский съезд против половцев; и когда сошлись они у Канева, начали половцы просить о братьях своих и прочих князьях половецких, которых взяли берендеи.

Князь же великий Киевский Юрий Долгорукий послал к берендеям, чтобы отдали всех князей половецких, сидящих у них в плену; берендеи же прогневались и сказали так: «Мы кровь свою проливаем за землю Рускую, сражаясь с половцами, и рады были бы, если бы всех их победили; как же ты помыслил отдать этих роду их в их землю?»

Половцы же, это услышав, оскорбились, и, взяв многие дары у великого князя Юрия Долгорукого, но мира не взяв, ушли восвояси.

В том же году пришли половцы и воевали Деминск, и пришли к Переяславлю, и многа зла сотворили, одних избили, а других живых пленили, и возвратились восвояси.

В том же году послал князь Юрий Долгорукий князя Юрия Ярославича с Жирославом и с внуками Вячеслава на князя Мстислава Изяславича к городу Пересопнице; и, придя, выгнали его из Пересопницы в Луцк.

Князь же Юрий повелел туда идти на него зятю своему великому князю Галицкому Ярославу Владимировичу; князь же Мстислав Изяславич оставил брата своего князя Ярослава Изяславича в Луцке, а сам пошел в Польшу; князь же Ярослав Владимирович и князь Владимир не успели против него ничего и возвратились вспять.

В том же году пришла в Киев княгиня князя Юрия Долгорукого из Новосия. В том же году пришел князь великий Ростислав Мстиславич, внук Владимира Маномаха, в Киев к дяде своему великому князю Юрию Долгорукому и принят был им с честью.

Он же начал молить Юрия о племянниках своих. Князь же великий Киевский Юрий Долгорукий послушал его и повелел ему тотчас послать за ними.

Князь же Владимир Изяславич и князь Ярослав Изяславич пришли в Киев, а брат их князь Мстислав Изяславич не посмел идти с ними в Киев, говоря так: «Возьмет меня князь Юрий Долгорукий Владимирович Маномаш; да зачем мне ему самовольно даваться в руки и самому себе убийцей быть?» Князь же великий Киевский Юрий Долгорукий Владимирович Маномаш братьев его князя Владимира Изяславича и князя Ярослава Изяславича принял с любовью, а к нему послал с крестным целованием и с договором; и так в любви и мире соединились.

В том же году пришла к великому князю Киевскому Юрию Долгорукому галицкая помощь, поскольку замышлял рать князь великий Черниговский Изяслав Давыдович.

В том же году пришли снова половцы на мир, и встали по Лубенцу даже и до верха Субоя; князь же Юрий Долгорукий с князем Ростиславом Мстиславичем, и с князем Владимиром Изяславичем, и с князем Ярославом Изяславичем, и с галицкой помощью пошел к Каневу на съезд к окаянным половцам.

И оттуда послал к половцам, говоря так: «Вот, я пришел и стою у Канева; приходите ко мне на мир».

Они же с лукавством в очень малом числе пришли, словно для мира, но не истинно мира хотя, а рассматривая, сколько есть русского воинства; и увидели, что много было, и сказали ему: «Идем назад к своим и завтра все будем к тебе для заключения мира».

И придя к своим, поведали им о силе mnogой, с великим князем Киевским Юрием Долгоруким Владимировичем Маномашим; и той ночью бежали половцы все в Поле. Князь же Юрий Долгорукий возвратился в Киев.

В том же году князь великий Киевский Юрий Долгорукий с племянниками своими послал к великому князю Черниговскому Изяславу Давидовичу в Чернигов, говоря так: «Или мы к тебе идем, или ты к нам иди на мир».

Он же, узнав о его единомышленном соединении с племянниками своими, целовал к ним крест; и тогда князь Юрий Долгорукий отпустил племянников своих, каждого восвояси, также и галицкую помощь отпустил восвояси.

В том же году пошел князь Андрей Боголюбивый, сын Юрия Долгорукого, с Вышеградского своего княжения великого к отцу своему Юрию Долгорукому в Киев.

И придя в Киев, радостно был принят отцом своим; и пробыл у него в Киеве некоторое время; и смущались о нестроениях братии своей, и племянников, и родных, и всего племени своего, что всегда в мятеже и в волнении пребывают, и много крови проливают, так как все желают и хотят великого княжения Киевского, и нет никому ни с кем мира, и от этого все княжества опустели, и по Дунаю, и по Мети, и по Астри чужие возобладали и населились, а от Поля половцы выпленили и пусто сотворили; и скорбели много об этом, и болели душою и сердцем. И помыслил в тайне сердца своего, ничего не сказав отцу своему, великому князю Киевскому Юрию Долгорукому, и захотел идти на великое княжение в Суздаль и Ростов, ибо там — говоря — спокойнее.

И слыша о чудесах от иконы Пречистой Богородицы, которую, говорят, написал Лука евангелист, и которую к отцу его в Киев привезли в корабле с Пирогощею из Царьграда, и услышав о ней, что сама по себе выходит из киота и стоит на воздухе, и это многократно бывало, и восхотел сию икону тайно от отца своего взять с собою, идя на великое княжение в Суздаль и в Ростов. И пошел из Киева тайно, не известив отца своего, и ту икону Пречистой Богородицы с собою взял, и вковал в нее более тридцати гривен золота, кроме серебра, и камения дорогого, и жемчуга; и украсив ее, поставил ее в своей церкви во Владимире.

В том же году князь великий Киевский Юрий Долгорукий женил сына своего князя Глеба в Руси, взял за него дочь у великого князя Черниговского у Изяслава Давидовича, у внука Святослава, у правнука Ярослава, у праправнука великого Владимира.

В том же году князь Мстислав Юрьевич Долгорукого женился в Новгороде у Петра Михалковича. В том же году убит был тысяцкий Андрей Глебов, а убит же был в Белгороде Рязанском ночью своими родственниками. В том же году были дожди великие.

В том же году приходили татары в Рязань на Хапорт и много зла сотворили, одних убили, других в плен отвели.

Царство Греческое

После Мануила Алексей, сын его, Порфирогонит, царствовал месяцев шесть, православен; и после него царствовал Андроник Комнин 2 года и 6 месяцев, православен; и по нем Исакий, нареченный Ангел, 8 лет и 6 месяцев, православен; и после него Алексей Скимнин, брат Исакия Ангела, царствовал 9 лет и 6 месяцев, православен; после Алексея Скимнина царствовал Алексей Дука Мурцуфл 2 месяца и десять дней, православен; и после него царствовал Алексей Ангел, сын Исакиев, 7 месяцев и 20 дней, православен.

В 6664 лето от Адама (1164 лето от Христа)

Преставился Феодосий, игумен Печерский. В том же году поставил патриарх в Царьграде Константина митрополитом всея Руси в Киев и отпустил его от себя Царьграда в Киев.

Епископ же Новгородский Нифонт услышал от купцов, пришедших из Новгорода, что в Царьграде патриарх в соборной церкви святой Софии поставил Константина митрополитом в великий город Киев и на всю Русь; и, это услышав, возрадовался, и не мнил себя на земле, но будто по воздуху на крыльях летая, со скоростью в радости духа сотворил шествие в великий и славный город Киев, мать и главу всем городам Руским, — видеть и поклониться, и благословиться от преосвященного и святейшего Константина, митрополита Киевского и всея Руси, поставленного в Царьграде от патриарха Царьградского. Ибо тот Нифонт епископ был поборником и ревнителем священным и божественным вещам, и согласен с преосвященным святейшим патриархом Царьградским.

Было же такое нестроение среди великих князей киевских, и многие рати, и убийства, и кровопролития творились, ибо все тщились и стремились на великое княжение Киевское, так как Киев был слава, и честь, и мать, и глава всей Руской земле, и потому все стремились овладеть им, все князья, бывшие одним родом, единоплеменниками; от этого многое бывало нестроение и преосвященным митрополитам Киевским и всей Руси неудобство. Отошел же преосвященный Михаил, митрополит Киевский и всея Руси, к патриарху в Царьград из-за некоего волнения, и когда был там, услышал о еще больших волнениях в Киеве и во всей Руской земле и потому решил не возвращаться на свой стол в Киев.

Тогда после многих волнений сел на великом княжении в Киеве Изяслав Мстиславич, внук Владимира Маномаха. И проходило время, но не было митрополита в Руси, и об этом большая скорбь и печаль была всем. Среди русских же князей не было единомыслия, но разногласия и вражда.

Князь же великий Киевский Изяслав Мстиславич из-за многих волнений не захотел послать в Царьград, но со своими шестью епископами посовещался, и поставили митрополитом на Киев и на всю Русь инок Климента-философа, Смолянина, бывшего молчальником; и об этом многие из священников и из иночествующих, и из мирских, и из князей вознегодовали и еще больше возненавидели великого князя Изяслава Мстиславича, с ними же и Нифонт, епископ Новгородский, которого Климент митрополит принуждал служить с собою, а епископ же говорил ему так: «Не по благословению избран и поставлен помимо святого патриарха Царьградского, не как изначала закон имели». В этом же и кня-

зья некоторые, имевшие вражду на Изяслава, епископу помогали, но и от патриарха Царьградского многие и частые послания к нему посылались, ублажающие его; он же еще больше укреплялся. Климент митрополит устрашал и воспрещал ему это, и принуждал его с собою служить; он же не хотел. «Не смею — говорил — боюсь патриарха, так как не им поставлен»; и так вражда была многая.

Потом поставлен был патриархом Царьградским на Киев и на всю Русь митрополит Константин-грек, и когда он еще не пришел на свой стол в Киев, пошел к нему из Новгорода поклониться и благословиться Нифонт, епископ Новгородский, и, придя в Киев, ждал его. И весть за вестью приходила, что идет Константин митрополит, Нифонт же с особой радостью ждал его. Тогда пришла на него болезнь, и за три дня до кончины своей видел сон: снилось ему, что находится он в церкви Печерского монастыря на месте блаженного князя инока Николы Святоши и молится Пречистой Богородице, чтобы видеть преподобного игумена Феодосия; и виделись ему многие братья, пришедшие в церковь: и один от них вышел, и приступив, сказал ему: «Если хочешь видеть Феодосия, пойдй в алтарь». И ввел его в алтарь, и показал ему преподобного игумена Феодосия.

Он же поклонился ему, Феодосий же обнял его руками своими и целовал, и сказал ему так: «Хорошо, что пришел сюда, Нифонт епископ, и уже отныне будешь с нами неразлучно». И потом, три дня прожив, уснул сном вечным, месяца апреля в 15 день, на Светлой неделе в субботу, и положен был в монастыре Печерском святого игумена Феодосия, к которому великую веру имел. Была же у этого епископа Нифонта любовь и согласие с великим князем Юрием Долгоруким и с великим князем Черниговским Святославом Олеговичем, и с иными многими князьями в согласии и любви был; они же все с великим князем Киевским Изяславом Мстиславичем несогласны были, также, и сей Нифонт, епископ Новгородский. И об этом Нифонте епископе некие новгородцы говорили, что «Нифонт епископ церковное имение святой Софии истощил и раздал, что-то — патриарху Царьградскому и прочим тамошним, что-то — митрополиту Киевскому и иным многим». Но это напрасно говорили на него и этими укорами творили ему спасение, а себе грех. Известно ведь о нем всем, что украсил церковь Святую Софию и свинцом покрыл, и в Пскове создал церковь каменную Спаса Вседержителя, и другую церковь создал святого Климента в Ладоге, и убогих и нищих кормил.

В том же году пришел из Царьграда Константин митрополит на стол митрополичий на Киев и на всю Русь. Князь же великий Киевский Юрий Долгорукий встретил его сам с детьми своими и с боярами с честью; и в тот день было пирование, и честь великая святителю, и от всех радостное чествование.

В том же году ходил князь Мстислав Изяславич на дядю своего, на князя Владимира Андреевича, и выгнал его из Владимира, и мать его и жену взял, и бояр его и воевод поймав, связал оковами железными и в темницах затворил; а дядя его князь Владимир Андреевич убежал к Перемышлю, а оттуда бежал в Венгрию к королю, ибо была его сестра за королем Венгерским.

В том же году приходили половцы на Рязань, на Быструю Сосну, и многих пленив, отошли восвояси; и не дойдя до своих, оплошали: погоня за ними пришла на спящих, и полон отполонили, и их избили.

В том же году пошел князь великий Киевский Юрий Долгорукий Владимирович Маномаш на князя Мстислава Изяславича к Владимиру с детьми своими, взяв с собою на помощь зятя своего князя Галичского Ярослава Володимирковича, желая взять Владимира для племянника своего князя Владимира Андреевича, внука Маномаша.

Князь же Мстислав Изяславич, видя их множество и не имея возможности противиться им, затворился в городе; они же пришли и осадили город; он же бился с ними из города, и много с обеих сторон пало.

И сказал князь Юрий Долгорукий детям своим и зятю своему князю Галичскому Ярославу Володимирковичу: «Я уже старец, а он еще молод, но пребывает весь в страстях многих нынешней жизни. Я же в страхе большом конца жизни и испытательного суда, но уже от горестей суетной этой и мимопроходящей прелестной жизни захотел с ним укрепиться верой и правдой крестного целования; но он еще возбужден страстями нынешней жизни, и кажется мне, что не понимает ни себя, ни познает будущего неизбежного. Мне же, уже в конце жизни находящемуся, не кровопролитием и ссорой, но долготерпением и смирением уступить».

И, сказав это, пошел восвояси с детьми своими; а зять его князь великий Ярослав Володимиркович пошел в свое великое княжение в Галич, а князь Владимир Андреевич, внук Маномаш, пошел в Пересопницу и в Чеалницу, и в Погоринские города, и в Дорогобуж.

В том же году пошел из Ростова Нестер, епископ Ростовский, в Киев к Константину, митрополиту Киевскому и всея Руси, поклониться и благословиться; но своими домашними оклеветан был перед Константином митрополитом, и в запрещении стал.

В 6665 лето от Адама (1165 лето от Христа)

Князь великий Черниговский Изяслав Давидович начал собирать рать на великого князя Киевского Юрия Долгорукого Владимировича Маномаша, и с ним князь великий Смоленский Ростислав Мстиславич.

Князь же великий Юрий Долгорукий, услышав о том, разослал гонцов по всему своему великому княжеству, собирая воинство, но вскоре впал в болезнь. Ибо пил Юрий у сборщика податей, у Петрилы, мая в 10 день, и в ту ночь разболелся, и болел 5 дней, и преставился месяца мая в 15 день, в среду на ночь; княжил 33 года. Сыновья его: Ростислав, Андрей Боголюбский, Иван, Борис, Глеб, Мстислав, Василько, Ярослав, Михалко, Святослав, Всеволод.

А в четверг положили его в монастыре у святого Спаса на Берестове. И много зла сотворилось в тот день: разграбили двор его Красный, и другой двор его за Днепром разграбили, который называют Самораем, и двор сына его Василька в городе разграбили; и избивали суздальцев по городам и по селам, а имение их грабили.

Князь же великий Черниговский Изяслав Давыдович, придя в Киев, все имущество его взял и дружину его захватил, одних оковами железными связал, а других в темницы бросил; и сел на столе на великом княжении в Киеве, месяца мая в 18 день, и племянники его с ним, а князя Святослава Владимировича оставил в Чернигове. И пришли на него князь Святослав Олегович и князь Святослав Всеволодович, он же отбился от них; они же встали за Свиною.

И услышав о том, князь великий Киевский Изяслав Давыдович пошел к нему в помощь из Киева с князем Мстиславом Изяславичем, и встал против них; и помирились, и дали стол великого княжения Черниговского князю Святославу Олеговичу, а Новгород Северский — князю Святославу Всеволодовичу, и так замирились, и в любви разошлись каждый восвояси, князь великий Изяслав Давыдович возвратился в Киев.

Новгородцы же, узнав о кончине великого князя Киевского Юрия Долгорукого Владимировича Маномаша, и что после него сел на великом княжении в Киеве князь великий Черниговский Изяслав Давыдович, начали высылать из Новгорода князя своего Мстислава Юрьевича, сына Долгорукого.

Также послали множество воинов вооруженных на него, чтобы скорее вышел из города, ибо «послали — говорили — за князем Святославом Ростиславичем и за братом его князем Давидом Ростиславичем, и тогда тебе будут большие неудобства».

И тотчас мост разметали на Волхове, и полки многие вооруженные встали, а другие — этой половине, и едва не началась сеча злая; ибо пришли в тот день князь Святослав Ростиславич и брат его князь Давид Ростиславич. И услышал о том князь Мстислав, сын Юрия Долгорукого, и побегал в ту же ночь из Новгорода в Ростов к старшему брату своему князю Андрею Боголюбскому.

В третий же день пришел в Новгород и сам князь великий Смоленский Ростислав Мстиславич, внук Владимира Маномеха, и сошлись братья, и не было зла никакого, но мир и любовь долгое время между ними были.

И посадил на великом княжении в Новгороде сына своего князя Святослава, а в Новом Торге посадил сына своего князя Давыда, а сам возвратился в Смоленск.

В том же году Константин, митрополит Киевский и всея Руси, разуваш о Нестере, епископе Ростовском, что не по правде оклеветан был его домашними, и повелел клеветников его всех всадить в темницу.

Настало княжение Суздальское князя Андрея Юрьевича Боголюбского на престоле великого княжения Владимирского

В том же году ростовцы и суздальцы сжалились о своем князе Андрее Боголюбском, о сыне Юрия Долгорукого, потому что печалился об отце своем, и что отчужден стал от великого княжения Киевского, и начали утешать его; и надумали все посадить его на столе отца его в Ростове и в Суздале, потому что любим был всеми тот князь Андрей Боголюбский за премногую его добродетель, которую имел к Богу и ко всем людям, и многие вещи и дела, памяти достойные, сотворил, и церкви украсил, и дал многие богатства и имения, и монастыри воздвиг; и также дал многие богатства и имения; и совершил церковь каменную святого Спаса, которую заложил отец его князь великий Юрий Долгорукий, и многую веру и любовь имел к Богу и Пречистой Богородице, и никогда не переставало износиться из уст его имя Христа и пречистой Его Матери, и чтением святых писаний всегда наслаждался, и в молитвах со слезами молился, и чтил премного епископов и пресвитеров, и иноков, и замышлял, чтобы митрополии быть в Ростове или в Суздале, или еще более великим городом воздвигнуть Владимир, который создал блаженный великий князь Владимир, крестивший всю Рускую землю. И так размышляя, возложил упование на Бога, ибо как Тот захочет, то и сотворит; и пребывал всегда в молитвах и в слезах, в житии жестоком, служа Христу.

И многую любовь имел с царем Царьградским и с патриархом, и многие и частые дары посылал к ним, также и они к нему имели и любовь, и смирение, и дары многие.

Великую же ради их добродетелей, и любви, которую имели к Богу и Пречистой Богородице, и между собой, и ко всем, изливал на них Господь Бог и Пречистая его Мати Богородица милость свою, так что в один день победили безбожных измаильтян; и в воспоминание такого чуда установили празднование месяца августа в 1 день.

В том же году пошел Изяслав на Ярославича к Турову, а сам Ярослав Изяславич пошел из Луцка, и Ярополк Андреевич, и галичская помощь, и Рюрик Ростиславич со смолянами, и Владимир Мстиславич; ибо и те стремились овладеть Туровом. А полочане, придя к Турову, пожгли села его, а берендичи воевали около Пинска и за Припятью.

Бились же из города крепко, выходя на противника, и много было раненых. И много молился Юрий Ярославич, высылая к Изяславу из города, говоря: «Прими меня, брат, в любовь к себе». Изяслав же того не захотел, но хотел взять у него Туров и Пинск. И стоял около города 10 недель, и напал мор на коней его; и не успев ничего, возвратился восвояси, не сотворив с ним мира, и многие пешими пришли с той войны.

Повесть о происхождении Честного Креста месяца августа в 1 день

Знать подобает об этом «Пандократом имерос Кирион Феон Сотирио имон», что означает: «Об этом дне Вседержителя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа», в который празднуем о милости Божией и Пречистой его Матери, и Честного Креста происхождение. В Константинограде царствовал благоверный и христолюбивый царь Мануил, в Ростове же и в Суздале великий князь Андрей Боголюбивый сидел на столе отца своего, на великом княжении Ростовском и Суздальском, в Киеве же и во всей Руси тогда был Константин митрополит, в Ростове же был Нестор епископ.

Сии оба самодержца между собой в любви mnogой жили, и случилось им обоим выйти в один день на брань: Царьградскому — из Царьграда на персов. Ростовскому же из Ростова на болгар, которые называются казанцами. Обычай же имел князь Андрей Боголюбский, сын Юрия Долгорукого, идя на брань, икону Пречистой Богородицы и Животворящий Крест Христов два пресвитера во священных ризах носили; он же со слезами, с чистою душой и сердцем сокрушенным припадал пред образом Божьей Матери и Честного Креста, говоря так: «Пресвятая Госпоже Владычица Богородица, рожшиа Христа Бога нашего, стена и помощь, и упование всем, и яз грешный и недостойный раб Твои имею тя стену, и помощь, и покров, и крест Сына Твоего оружие непобедимое на враги»; и еще так говорил: «Владыко Господи Иисусе Христе Боже наш, молитвами пречистыа Ти Матере и силою честнаго Ти креста, помози нам на безбожныа сиа варвары, да прославиться пресвятое имя Твое и пречистыа Твоеа Матери».

И так все со слезами и с верою молились и крестились, и целовали образ Пречистой Богородицы и Честной и Животворящий Крест. И прежде причастился сам святых и животворящих тайн, также и бывшие с ним

причастились; и напали на безбожных агарян болгарских, которых называют казанскими, и взяли четыре города их, а пятый — Пряхимон на реке на Каме; и так одолев, возвратился.

И видел сам и бывшие с ним от образа Пречистой Богородицы лучи огненные исходящие и все воинство его озаряющие; он же и бывшие с ним испуганы и трепетны были, и благодарение Господу Богу и Пречистой его Матери воздали. И повелел города их запалить огнем, а прочие осадил и дань на них наложил.

Так же и Царьградскому царю сотворилось в тот день: лучи огненные исходили от образа Пречистой Богородицы и от Честного и Животворящего Креста Господня, и много сарацин персидских победил. И так, благословением блаженного Луки, патриарха Царьграда, и преосвященного Константина, митрополита Киевского и всея Руси, и Нестора епископа Ростовского установили праздник Честному и Животворящему Кресту месяца августа в первый день.

В том же году изгнан был Нестер, епископ Ростовский, с престола его Ростовского и Суздальского за господские праздники, ибо не позволял мясо есть в господские праздники, если приходились в среду или в пятницу, также от Светлой недели и до Пятидесятницы.

В 6666 лето от Адама (1166 лето от Христа)

Преосвященный Константин, митрополит Киевский и всея Руси, поставил Аркадия епископом Новгороду и в том же году отпустил его в Новгород.

В том же году князь великий Ростовский и Суздальский Андрей Боголюбский, сын великого князя Юрия Долгорукого, внук Владимира Маномеха, город Владимир заложил очень большой, намного больше первоначального, и в нем церковь заложил каменную соборную Успения Пречистой Богородицы с одним куполом, месяца апреля в 8 день, на память святого апостола Родиона, во вторник.

И дал ей много имущества, и слободы купленные с данями, и села лучшие, и десятую часть в стадах своих, и десятую часть дохода в торгах.

В том же году преставилась блаженная княгиня Глеба Всеволодовича, дочь Ярополка Изяславича, сидевшая по князе своем вдовою 40 лет, а всех лет ей 84; и положена была в Печерском монастыре, у святого Феодосия в головах. Имела великую любовь к святой Богородице и к отцу Феодосию; и с князем своим подражала отцу своему Ярополку, ибо Ярополк при жизни дал ей Небльскую волость, и Деревскую, и Лучскую, и около Киева; а Глеб дал при жизни своей с княгинею 600 гривен серебра; а после кня-

жеской кончины княгиня дала 100 гривен серебра, а 50 — золота; а после своей кончины дала княгиня села с челядью и со всем.

В том же году преставился князь Борис, сын Юрия Долгорукого, месяца мая в 2 день, на память святого Епифания митрополита Кипрского, и положен был в церкви святых мучеников Бориса и Глеба, которую создал отец его князь великий Юрий Владимирович Маномаш Долгорукий на реке на Нерли, где была стоянка святых мучеников Бориса и Глеба.

В том же году ходил Рогволод Борисович от Святослава Олеговича искать себе волости, взяв полк Святослава, потому что не сотворили ему милости братья его и взяли его волость и имущество его все; придя же к Луцку, начал ссылаться с дручанами. Дручане же рады были ему, и, приезжая, звали его к себе, говоря: «Иди, князь, не медля, рады тебе мы; если же будет брань, то мы с детьми будем биться за тебя».

И вышло навстречу ему дручан и полочан более трехсот человек; и вошел в город с честью великой, и рады были ему люди; а Глеба Ростиславича выгнали, и двор его разграбили горожане, и дружины его имущество все взяли.

И пришел Глеб к отцу в Полоцк, а в городе том мятеж был великий, ибо многие хотели Рогволода; едва же успокоил людей Ростислав, одарил их многими дарами и приводил их ко кресту; а сам пошел со Всеволодом и с Володарем, и со всеми братьями на Рогволода к Друцку. Рогволод же затворился в городе, и бились крепко, и много пало от обеих сторон. Дручане же корили их, много ругаясь. Ростислав же сотворил мир с Рогволодом и волости придал Рогволоду; и воротился Ростислав с братьями восвояси.

Полочане же тогда совет злой составили на князя своего, на Ростислава Глебовича, и нарушили к нему крестное целование, ибо целовали крест ему: «Так как ты нам князь, дай Бог нам с тобою пожить, а вреда никакого к тебе не иметь по крестному целованию». И то нарушили, что говорили.

И послали тайно к Рогволоду Борисовичу Друцкому, говоря ему: «Князь наш! Согрешили мы перед тобой, что восстали на тебя без вины и имущество твое и дружины твоей разграбили, а тебя выдали Глебовичам в великую нужду; да если нам того не помянешь, что сотворили своим безумием, и крест если к нам целуешь, то мы люди твои, а ты наш князь; а Ростислава, взяв, дадим тебе в руки, и что хочешь делай с ним».

Узнал же Ростислав о сговоре их и пошел из Полоцка в Минск; а Рогволод вошел в Полоцк, и приняли его с честью.

В том году Иван Берладник пошел от Изяслава в Поле к половцам, и с половцами встал под городами дунайскими, и тут на Дунае захватил два судна, и взял много товара в них.

И пакостили рыболовам галичским. Пришли же к нему половцы многие, и скопилось у него воинов шесть тысяч, и пошли к городу Кучелмину, и рады были ему, и оттуда пошел к Ушице. Туда же вошла в город засада Ярослава, и начали биться из города, а смерды скакали через острог к Ивану, и перебежало их 300; половцы же хотели взять город, но не дал им Иван; и разгневались на него половцы, и прочь пошли от него.

Послал Изяслав за Иваном, и пришел он к Киеву; и услышал Изяслав, что хочет идти на него из-за Ивана Ярослав Галичский, и Мстислав, и Владимир Андреевич.

И послал к брату Святославу в Чернигов, отдавая ему Мозырь и Чечерск, и поведал ему, что хочет на него рать идти из-за Ивана. Святослав же сказал: «Брат, гневался на тебя за то, что мне Черниговскую волость не дал, а лиха тебе не хотел; если же рать идет на тебя, то избавь меня Боже от волости той; ведь ты мне брат, и дай мне Бог с тобою по-доброму пожить»; и целовали крест между собой на всей любви. И встретились тогда в Лутани Изяслав, и Святослав Олегович, и сыновья его Олег и Игорь, и Святослав Всеволодич, и Святослав Владимирович, и было веселие у них три дня и даров много.

И послали тогда в Галич и Владимир послов своих рассказать о любви своей, как соединил их Бог и крест честной. Они же, узнав о соединении братьев, не пошли на них.

Изяслав начал замышлять на Ярослава Володимирковича Галичского

В том же году князь великий Киевский Изяслав, сын Давида, внук Святослава, правнук Ярослава, праправнук великого Владимира, начал собирать рать на великого князя Ярослава Володимирковича Галичского, ища власти князю Ивану Бердланику, сыну Ростислава, внуку Мстислава, правнуку Владимира Маномеха, праправнуку Всеволода, препраправнуку Ярослава, пращуру великого князя Владимира, и звал с собою в помощь князя Святослава Олеговича и князя Святослава Всеволодовича; они же не захотели, но и самого не одобрили. Он же не послушал их и пошел с гордостью, похваляясь, с ним же пошел и племянник его князь Святослав Владимирович, и многие князья половецкие с половецами.

Тогда же пришли к нему вестники, говоря так: «Множество бесчисленное воинства идет на тебя: князь Мстислав Изяславич, внук Мстислава, правнук Владимира Маномеха, праправнук Всеволода, препраправнук Ярослава, пращура великого Владимира.

И князь Владимир Мстиславич, и князь великий Ярослав Володимиркович Галичский, и вошли в Белгород». Князь великий Киевский

Изяслав Давидович, услышав это, в тот же час спешно пошел на них со множеством воинов, и с князьями половецкими, и с половцами, и обступил город, и был бой крепкий и сеча злая. И на другой день пришел к нему половецкий князь Башкорд, отчим племянника его Святослава, сына Владимира, внука Святослава, правнука Ярослава, праправнука великого Владимира, с двадцатью тысячами половцев.

И сослался князь великий Киевский Изяслав Давидович с князем Мстиславом Изяславичем о мире и о любви. И когда было это, пришел демон и лукавствами своими прельстил и развратил сердца мужей Изяслава, и встала на него крамола домашних его, и многие бежали от него в город, а иные явно пошли к князю Мстиславу Изяславичу.

Князь же великий Киевский Изяслав Давидович, увидев таковую беду и напасть на себя, испугался и задрожал, и, заплакав, быстро побегал с племянником своим, с князем Святославом Владимировичем, на Вышегород в Гомель, а за княгиней своей вскоре послал гонцов в Киев. Она же бежала из Киева к зятю своему, ко князю Глебу, сыну Юрия Долгорукого, в город Переяславль Русский; он же проводил ее до Гомеля к великому князю Изяславу Давидовичу.

Князь же Мстислав Изяславич и князь Владимир Андреевич, и князь Ярослав Мстиславич, внук Владимира Маномеха, вошли в Киев месяца августа в 22 день; и взял князь Мстислав Изяславич все имущество великого князя Изяслава Давидовича.

Тогда же Константен, митрополит Киевский и всея Руси, убоялся князя Мстислава Изяславича, потому что не согласен был с ним, и вскоре побегал из Киева к Чернигову.

Князь же Мстислав Изяславич, сев в городе Киеве, укрепил его и поддержал всех; и послал к великому князю Смоленскому Ростиславу Мстиславичу в Смоленск.

Князь же великий Смоленский Ростислав Мстиславич, внук Владимира Маномеха, послал к ним, говоря так: «Любовью духа и советом соединения зовете меня на великое княжение в Киев, и, если так, благодать имею к вам; ибо слышал, что согнали с великого княжения Киевского великого князя Изяслава Давидовича и имение его все похитили; еще слышал и об отце нашем преосвященном Константине, митрополите Киевском и всея Руси, что побегал из Киева в Чернигов из-за вашей злобы, и это нам совсем не полезно; и хотите видеть Климента митрополита на столе в Киеве и на всей Руси, которого Изяслав Мстиславич со своими епископами рускими сговорившись, поставил, и об этом многие вознегодовали; Константин же митрополит в Царьграде патриархом и пребывающим там собором поставлен на Киев и на всю Русь, его и я хочу, того, кого вы изгоняете».

Слышав же это, смутился князь Мстислав Изяславич и послал к нему, говоря так: «Почто сокрушаешь и оскорбляешь души наши? Не знаешь ли того о Константине митрополите, что восстал на отца моего и проклял его; это ли тебе любезно?»

Князь же великий Смоленский Ростислав Мстиславич послал к нему, так говоря: «Не прилагай к лютым и злым язвам лютого и злого, но ищи врачевания и излечи язвы, тогда исцелишься и милость получишь и в настоящем, и в будущем, да и Бога возвеселишь и людей удивишь; ибо честь святительская от Бога исходит, также и бесчестие». И об этом много спорили со свирепостью, и помирились, решив от обоих отказаться в Киеве и за иным послать в Царьград к патриарху.

В том же году пришел Леон на епископство в Ростов и Суздаль.

В 6667 лето от Адама (1167 лето от Христа)

Преставился Константин, митрополит Киевский и всея Руси, в городе Чернигове, понеже бежал бе из Киева от князя Мстислава Изяславича из-за его злобы на него, и не желая с ним в распрях и в смуте быть; бежал из города по заповеди Христовой, который говорит в Евангелии своем: аще гонят вас во граде сем, бегайте в други; ибо не хочет Христос Бог наш, чтобы предавали сами себя в напасти, говоря: внемлите себе, предадут бо вас на сонмы, и на соборищех их биени будете; предадут убо, глаголет, а не сами себе предадите; и ко владыкам и царем ведени будете, а не сами себе привести; будете убо, рече, мудри яко змиа и цели яко голубие. Если брань на брань воздвигать, и ожесточать, и свирепеть, и в ярость приводить, то так ведь обидные и смертоносные дела совершаются; но лучше тихостью и кротостью, и увещательными и сладкими словами, и всяческим мудрованием утешать гнев и ярость, если удобно это; если же неудобно это, то подобает бегать по заповеди Христовой, чтобы не во многих человеческих смертях виновны были. И так этого мудро и любезно избежав, как птица от ловящих избавляется и как серна от сетей убегает, утешать гнев и ярость в себе на обижающих нас; потому что гнев мужу правды Божьей не сотворяет, и не себя — говорит — отмщаю, возлюбленные, но даете место гневу, ибо ярость в недрах безумных водворится, и муж ярый — не благообразен, и время ярости его — падение ему. Ведь не противиться злу заповедал нам Господь Бог; и апостол глаголет: «Гневаетесь и не согрешайте, и солнце да зайдет во гневе вашем, и всяка горесть, и ярость, и гнев и вопль да отимется от вас со всякою злобою; гнев бо и ярость велиа содевает злая, сие же и зависть и лукавство. Тем же потребно есть бегати, и внимати себе, и бдети, и молитися, да не внидем во искушение». И великий апостол Христа Павел из города Дамаска в корзине спущен был по стене в ночи, и избежал рук хотевших

его схватить. Также и другие из апостолов, и многие из святых отцов не дали сами себя в напасти, но любомудрием Господа бежали от ловящих их. Так ведь всемогущий Господь нас наставлял и сам от Ирода телесно бежал, чтобы и мы, смиренные, наказались на высокомерие и гордость не подниматься, ни самим себя бросать в напасти. Так же и сей преосвященный Константин, мирополит Киевский и всея Руси, по заповеди Христовой убежал, и дал место ярости, и молился о них, глаголя так: «Господи, не постави им греха сего».

Была же такова кончина его: уразумев о себе, что переселение ему приходит на иную жизнь к Господу, и призвал Антония, епископа Черниговского, и сказал ему с приказанием так: «По кончине моей, о епископ, ни сам не погребай и никому не давай погresti тело мое, но, обвязав веревками ноги мои, извлеките из города и бросьте псам на съедение и птицам на расхищение».

И после смерти его Антоний, епископ Черниговский, сотворил так. Князь же великий Черниговский Святослав Олегович и все князья, и бояре его удивились и ужаснулись о пречудном деле его и о смирении многом.

И наутро князь великий Святослав Олегович с Антонием, епископом своим Черниговским, и с князьями, и с боярами, и со множеством собравшегося народа пошли за город со страхом и трепетом, и с великой честью взяли тело его, многое благоухание испускающее, и, внеся в город, положили его в святой церкви Спаса в Чернигове. Тогда же было в городе Киеве знамение очень страшное в день кончины его, и когда еще за городом лежал, и в четвертый день положен был во гробе в церкви святого Спаса в Чернигове.

И в те все четыре дня в Киеве были знамения страшные: не было видно солнечных лучей, но была тьма, только молнии блистали, и грохот грома и треск очень страшный, и ветры, и бури, и вихри сильные; и многие храмины до основания пали, и двор княжий разбило, и многих людей убило.

Князь же Мстислав Изяславич, будучи тогда в городе Киеве, во многий страх и трепет впал, и услышал, что Константин, митрополит Киевский и всея Руси, в городе Чернигове преставился, и уразумел, что из-за его злобы, которую сотворил к святителю Божьему, и начал исповедоваться и каяться о зломыслии своем, и сотворил всенощное стояние в святой церкви со множеством народа, и раздал милостыню многую, и нищих и алчных наплат, и светло и духовно сотворил празднование; и так все устроилось.

В городе же Чернигове было в те четыре дни вёдро, и воздух благораспорен, и кротко, и тихо, и светлость великая.

В том же году князь великий Изяслав Давидович, которого согнали с великого княжения Киевского, начал собирать рать и послал к половцам, добываясь себе снова великого княжения Киевского, ибо это княжение Киевское всем любезно и желанно было, и к нему все стремились.

Так и этот великий князь Изяслав Давыдович был в скорби и печали, потому что изгнан был с него. Половецкие же князья пришли к нему с половцами к Выревску, и пошел он с ними к Чернигову, и, придя, встал возле реки Десны.

Тогда же был в Чернигове на великом княжении Святослав Олегович, внук Святослава, праправнук Ярослава, праправнук великого Владимира, и племянник его князь Святослав Всеволодович, и князь Рюрик Ростиславич. И бились с ними на реке Десне, не пуская их к себе, а в Киев к великому князю Ростиславу Мстиславичу послали, помощи прося; он же послал к ним князя Ярослава Изяславича и князя Владимира Андреевича, и галичскую силу в помощь.

Князь же великий Изяслав, услышав об этом, отошел в Поле с половцами; они же пошли за ним за реку Десну, и не найдя его, возвратились восвояси.

Князь же великий Изяслав Давидович дошел до Игорева брода, и там настигла его весть из Чернигова от приятелей: «Не ходи никуда; брат твой Святослав в великой болезни, а племянник, князь Святослав Всеволодович, от него пошел к Новгороду, и воинство все восвояси разошлось».

Он же тотчас спешно пошел к Чернигову, а великий князь Черниговский Святослав Олегович был очень нездоров; и стоял станом в шатрах перед городом с женой и с детьми, и с боярами, не ведая ни о чем против себя.

А князь Изяслав Давидович спешно пришел на него и начал переправляться через реку Десну, а половцев впереди себя отпустил воевать и сельцо святого Спаса зажег.

Услышал же об этом князь Ярослав Изяславич, вскоре собрал воинство и снарядил полки, и послал за князем Владимиром Андреевичем и за князем Рюриком Ростиславичем, потому что князь Владимир Андреевич подошел с полком своим близко к Чернигову, да с ним киевская и галичская сила.

И быстро пришел, построив полки свои, и встал, ожидая князя Изяслава Давидовича к себе, чтобы начать с ним биться; на половцев же Изяслава Давидовича послал берендеев, а они, пойдя, отогнали их назад и полон отняли. Они же бежали к Изяславу Давидовичу, говоря: «Много людей пришло, и воинство великое собралось, нас же всех мало, и не можем им противостоять».

Он же, услышав это, поскорее бежал за реку Десну; а они за ним погнались за реку Десну и, не догнав его, возвратились, потому что князь великий Изяслав Давидович с половцами побежал в Поле.

В том же году князь великий Изяслав Давидович с половцами воевал Смоленские волости; тогда же и племянника своего князя Святослава Владимировича женил у великого князя Ростовского и Суздальского Андрея Боголюбского, сына Юрия Долгорукого, у внука Владимира Маномеха.

В том же году пришли князь Святослав Олегович и князь Святослав Всеволодович на князя Святослава Владимировича и обступили его в городе в Верещине. Он же бился с ними из города крепко и послал вестников к дяде своему, к великому князю Изяславу Давидовичу, и к тестю своему, к великому князю Ростовскому и Суздальскому Андрею Боголюбскому, сыну Юрия Долгорукого, внуку Владимира Маномеха.

Князь же великий Изяслав Давидович, услышав о том, начал быстро собирать воинство, желая сам идти на помощь; также и тесть его князь великий Ростовский и Суздальский послал к нему в помощь сына своего князя Изяслава, а его шурина со многим воинством; также и муромские князья в помощь послали свою силу к нему. Они же, услышав о приходе на них великого князя Изяслава Давидовича со многой силой, также и князя Изяслава Андреевича со многою силой, также и воеводу муромского князя со многой силой, и, испугавшись, помирились с ними, и скоро возвратились восвояси. Князь же великий Изяслав Давидович, услышав, что они помирились, пошел к вятичам, а князь Изяслав Андреевич возвратился к отцу своему в Ростов.

В том же году новгородцы схватили своего князя Святослава Ростиславича и послали его в заточение в Ладогу, а княгиню его послали в заточение в монастырь, а имение его все разграбили.

Услышав же это, отец его князь великий Киевский Ростислав Мстиславич огорчился и опечалился, и схватил всех новгородцев, которые были у него в Киеве, и повелел их бросить в погреба, и многие там умерли, а других повелел оттуда вывести и разослать по городам, а в Новгород послал к новгородцам, так говоря: «Что сделал с вашими новгородцами, которые были у меня в Киеве, то и с вами сделаю, если не отпустите ко мне сына моего князя Святослава, и жену его, и бояр его».

Они же, схватив послов его, ограбили, и, избив, послали в заточение; и послали в Ростов и Суздаль к великому князю Ростовскому и Суздальскому, прося у него сына его — княжить у них в Новгороде по их воле. Он же дал им брата своего князя Мстислава, сына Юрия Долгорукого; они же не приняли его.

Он же послал к ним в Новгород княжить племянника своего князя Мстислава Ростиславича, внука Юрия, правнука Владимира Маномаха. Они же, придя с ним в Новгород, утвердили его крестным целованием на всей воле их княжить ему у них.

В том же году князь Святослав, сын Ростислава, внук Мстислава, правнук Владимира Маномаха, из Ладоги убежал к отцу своему в Киев.

В том же году князь великий Киевский Ростислав Мстиславич взял к себе у великого князя Черниговского, у Святослава Олеговича, сына его Олега, говоря: «Пусть знают все люди, что между собой любовь и согласие имеем о Христе», потому что любил великий князь Киевский Ростислав Мстиславич великого князя Черниговского Святослава Олеговича.

Пробыл же князь Олег Святославич, внук Олега, в Киеве у Ростислава Мстиславича три дня в любви и в чести великой, а в четвертый день некто из прежних мужей Ростислава, наученный дьяволом, сказал ему: «Имею, князь, к тебе слово; если никому не поведаешь, изъявлю тебе»; он же поклялся ему, а сказал: «Князь, опасайся, хотят тебя взять».

Он же испугался и задрожал, и пошел к великому князю Ростиславу Мстиславичу, говоря так: «Мать моя сильно болеет; отпусти меня в Чернигов». Он же долго отговаривал его, но не смог удержать и отпустил, не зная о мыслях его.

Он же пришел к Чернигову и рассказал все отцу своему великому князю Черниговскому Святославу Олеговичу; и отпросился у него к Курску, и сослался с Изяславом Давидовичем. Князь же великий Изяслав Давидович послал к нему послание о любви и соединился с ним; также и князь Святослав Всеволодович соединился с ним.

Услышав об этом, отец его Святослав Олегович оскорбился и опечалился; и сказали ему мужи его: «Почему, господин князь, жалуешься на племянника своего, на князя Святослава Всеволодовича и на сына своего, на князя Олега, а о себе не заботишься? Не знаешь ли, что князь Роман, сын Ростислава, послал ко князю Изяславу Давидовичу, говоря так: «Дает тебе отец мой великое княжение Черниговское, живи со мной в любви и в единстве; а сам князь Ростислав Мстиславич хотел сына твоего князя Олега взять; ведь ты власть свою губишь, держась Ростислава Мстиславича, потому что он лукавствует и сшивает лесть, и составляет сеть — уловить тебя и детей твоих». И так злые люди поссорили их и вынудили отказаться от любви.

Князь великий Черниговский Святослав Олегович от великого князя Киевского Ростислава Мстиславича, думая, что это истинно есть, и присоединился к Изяславу Давидовичу. Изяслав же Давидович и Святослав Всеволодович, и Олег Святославич пошли с половцами к Переяславлю

на князя Глеба, сына Юрия Долгорукого, зовя его с собою к Киеву на Ростислава Мстиславича; и стояли под Переяславлем две недели и, не успев ничего, возвратились.

В том же году князь великий Киевский, собрав силы многие, пошел на князя Изяслава Давидовича и на князя Святослава Всеволодовича, и на князя Олега Святославича; и, сошедшись, брань сотворили меж собою словесную. Убиения же и кровопролития не дал им Христос Бог сотворить, и так разошлись каждый восвояси.

В том же году пришел из Константинограда Феодор митрополит на Киев и на всю Русь, поставленный патриархом Константиногородским, потому что князь великий Киевский Ростислав Мстиславич посылал о нем к патриарху; и вышел из Киева князь великий Ростислав Мстиславич навстречу ему, и встретил его со мною честию, и была радость великая в Киеве.

В том же году князь Изяслав Давидович с князем Святославом Всеволодовичем, и с князем Олегом Святославичем Олеговичей, и со множеством половцев пошли на князя Ростислава Мстиславича к Киеву, и, придя, встали по реке Десне против Вышегорода.

Князь же Ростислав Мстиславич, видя многое множество воинства их, испугался и задрожал, ибо не имел помощи ниоткуда, разве только от князя Андрея Юрьевича и от киевлян; и захотел бежать из Киева. И сказала ему дружина его: «Не бегай, князь, ибо можем брань сотворить с ними из города; все оружие у нас есть — и камни, и колья, и вар, и со стены города все бойцы».

Князь же великий Киевский Ростислав Мстиславич послушал их и начал сражение; и было между ними сражение крепкое, и весь город обступило воинство многое, и страшно было видеть, поскольку весь город покрыли стрелами; и так изнемогли люди в городе. И начал князь Изяслав Давидович одолевать. И сказал князю Ростиславу Мстиславичу тысяцкий киевский Жирослав Андреевич: «Господин князь! Беги из города, тогда свободен будешь; если же останешься внутри города, готовься быть пленным; если вне города, на коне верхом с дружиною своею уподобляешься льву страшному, дружина же твоя — как медведи и волки, или подобись орлу, летающему под облаками, дружина же твоя — как ястребы, то никто не сможет тогда одолеть тебя».

Он же послушал слова его и, взяв княгиню свою и детей, бежал из города Киева со всеми воинами своими к Белгороду.

И войдя в Белгород, затворился и послал с молением и со слезами ко князю Владимиру Андреевичу и ко князю Мстиславу Изяславичу — пусть помогут ему.

Князь же великий Изяслав Давидович вошел в город Киев и сел вновь на столе своем, на великом княжении Киевском; также услышав, что Ростислав Мстиславич затворился в Белгороде, пошел на него с киевлянами и с половцами, и с берендеями, и, придя, обступили Белгород, а половцы рассыпались, воюя по селам.

Князь же Мстислав Изяславич и брат его князь Ярослав Изяславич, и князь Ярополк Андреевич пошли из Владимира с владимирцами и с лучанами, и с поляками, и с чехами в помощь Ростиславу Мстиславичу на великого князя Изяслава Давидовича к Белгороду.

Услышали же берендеи, что идет князь Мстислав Изяславич со множеством воинства, и перешли от князя Изяслава Давидовича ко князю Мстиславу Изяславичу; он же принял их с радостью. Они же начали понуждать его быстро идти на князя Изяслава Давидовича, говоря так: «Мы перешли к тебе, а воинство его разошлось по селам, и ныне он с небольшой дружиной».

Князь же Мстислав услышал это и погнал быстро на него, и, придя, вострубил; и это услышав и увидев, Изяслав и малая дружина его колебались от страха великого и побежали в разные стороны.

Это увидев, князь великий Изяслав Давидович и сам побежал с немногой дружиной своей; князь же Мстислав Изяславич и князь Ростислав Мстиславич догнали его и сошлись с ним на реке на Желане, и был между ними бой великий и сеча злая, так что и река Желана кровью потекла от множества убитых; и встали на реке, и начали ссылаться о смирении и о любви, но не было между ними любви, и стояли восемь дней.

Тогда было знамение в луне страшное, ибо шла по небу изменяясь, и начала убывать понемногу, и стала как сукно красное, и потом как кровавое, а также словно два лица имела, одно — зеленое, а другое — желтое, посередине же ее словно двое ратных, секущихся мечами, у одного кровь из головы текла, а у другого — словно молоко.

Князь же Мстислав Изяславич послал за новой силой во Владимир в помощь дяде своему Ростиславу Мстиславичу.

Пришла же тогда сила многая, и галичское воинство с воеводой князя их, и из Торского князь Рюрик, сын Ростислава, с князем Владимиром Андреевичем и с князем Васильком Юрьевичем, с берендеями, с ковуями, с черными клобуками, с долматами, с торками, с печенегами; и соединились с Мстиславом Изяславичем и с Ростиславом Мстиславичем, и с Ярославом Изяславичем, и с Ярополком Андреевичем» и стало воинство их — множество бесчисленное.

И пошли на великого князя Изяслава Давидовича, и устремились на него прежде всех черные клобуки. Он же, видев их силу многую, в тот же час побежал; они же гнались за ним, и догнали его, и малую дружину его избили, а иных руками взяли, также и самого великого князя Изяслава Давидовича настигли, бегущего в борок; и начали сечь его по голове саблех, Ивор же Геденевич ударил его копьем в плечо, а другой проткнул его копьем выше колена, еще один ударил его копьем в поясницу; бежал, его еще ударили из самострела в подмышку. Он же упал с коня своего, и, когда он еще живой лежал, подошли к нему князь Ростислав Мстиславич и князь Мстислав Изяславич и начали кричать и плакать, говоря: «Господин великий князь Изяслав Давидович! Не досыта ли тебе было великого княжения Черниговского, что выгнал меня из Киева, и когда уже и Киев взял, почему меня из Белгорода выгнать умыслил?» Он же лежал и вздыхал тяжело, и крови много текло из него; потом попросил воды попить. Князь же Ростислав и князь Мстислав велели ему дать вина, он же сказал: «Хочу воды». Они же дали ему вина; он же, испив вина, уснул сном вечным.

И повелели его нести в Чернигов; князь же Черниговский Святослав Олегович положил тело его в церкви святых мучеников Бориса и Глеба. Таково было течение в этом полном соблазнов веке и в быстротекущем житии великого князя Изяслава, сына Давида, внука Святослава, правнука Ярослава, праправнука великого Владимира.

Князь же Мстислав Изяславич дядю своего князя Ростислава Мстиславича вновь посадил на великом княжении в Киеве, а сам пошел во Владимир Волынский на великое княжение.

В том же году создан был город Владимир очень большой князем Андреем Боголюбским Ростовским и Суздальским, сыном Юрия Долгорукого; и хотел он, чтобы в этом городе был стол великого княжения. Ростовцы же и суздальцы не хотели этого, говоря: «Ростов — более старый и больший город, и Суздаль; город же Владимир — пригород наш».

Великий же князь Ростовский и Суздальский Андрей Боголюбский не только город в великокняжеский хотел превратить, но и митрополию в нем хотел сотворить, и по древним законам и уставам всех удовлетворить и почествовать о Христе.

Был же этот князь великий Ростовский и Суздальский Андрей Юрьевич, внук Владимира Маномеха, правнук Всеволода, праправнук Ярослава, преправнук великого Владимира, боголюбивым и чело-
веколюбивым, и доброжелательным к церковным законам и делам, и к святителям, и священникам, и инокам многую честь воздавал. Тем же и прославил его Бог; ибо везде имя его прославлено было: «Славящая бо мя, — как говорил — прославлю».

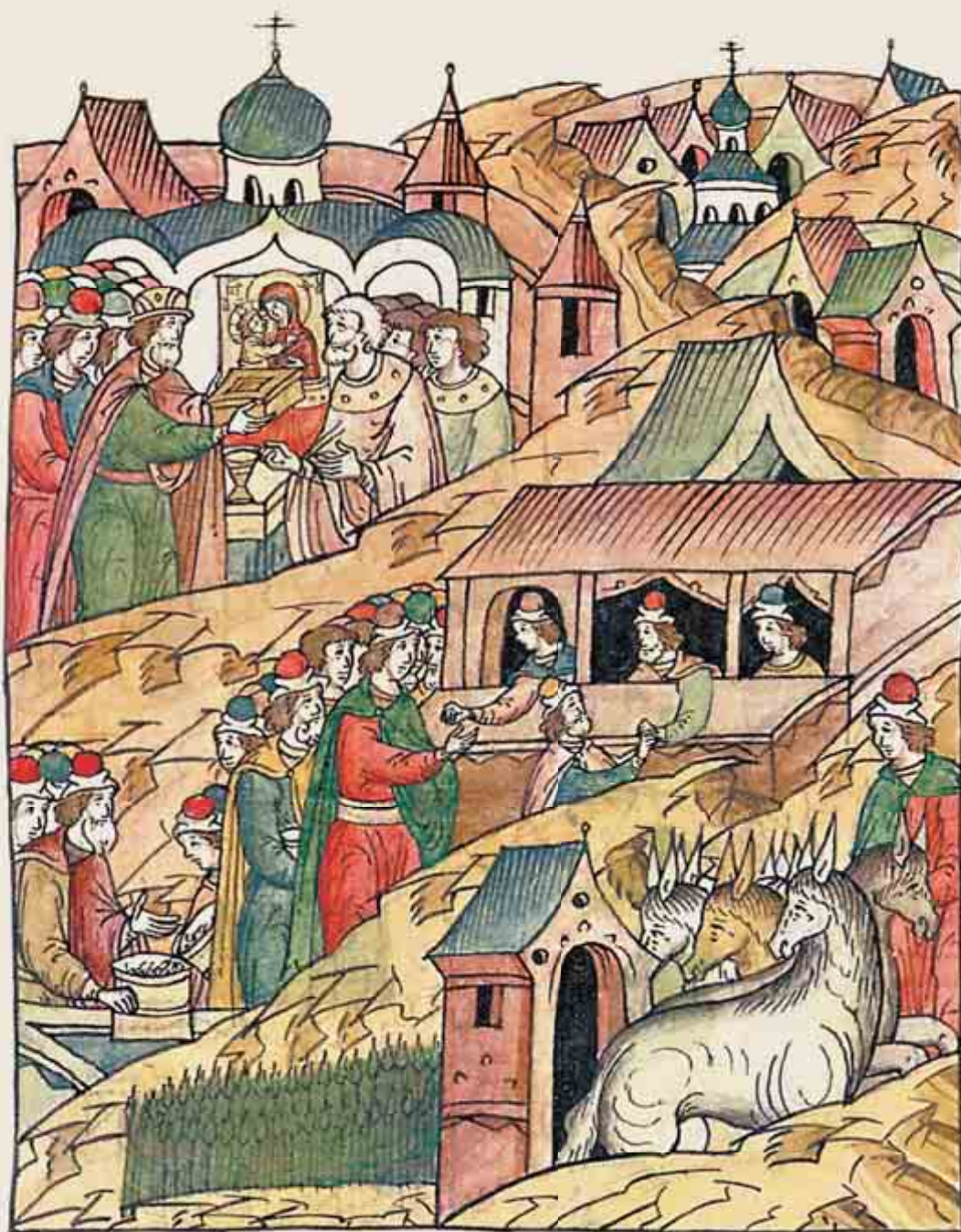
Нищих же и прокаженных настолько возлюбил, что и очами своими долго смотрел на них, иногда же и руками их касался, и кротко, и тихо, и милостиво говорил с ними, и утешал, и кормил, и насыщал.

В 6668 лето от Адама (1168 лето от Христа)

Совершена была святая церковь соборная Успения Пречистой Богородицы о едином верхе в новом городе Владимире, который создал князь великий Ростовский и Суздальский Андрей Боголюбский, и верх ее позолотил: по добродетели же его и по вере к Пречистой Богородице привел к нему Господь Бог изо всех земель мастеров всяких, и украсил ее дивно, лучше иных церквей многими чудными иконами, и церковными сосудами золотыми и серебряными с камением дорогим и жемчугом, и многими книгами, и паволоками и запонами, и вещами всякими священными чудно устроил, в ней же и чудную икону Пречистой Богородицы поставил, о которой говорят, что она письма Луки евангелиста, и которую к отцу его в Киев привезли в корабле с Пирогощею из Царьграда; взял он ее из Киева и принес от отца своего, и возложил на нее золота тридцати гривенок, кроме серебра, и камня дорогого, и жемчуга. И дал Господу Богу и Пречистой Богородице, и святой соборной церкви Ее Успения, которую предивно украсил, много богатства, и имущество, и волости, и слободы купленные с данями, и села лучшие с данями, и в торгах десятую часть, и в жите, и в стадах, и во всем десятую часть, ибо здесь хотел не только великое но и священную и божественную митрополию; и оправдания, и пошлины святительские по греческим святым уставам и по блаженного и святого великого князя Владимира уставу утвердить, да будет, установленное и утвержденное Господом Богом и святыми апостолами его, и святыми отцами, и благочестивыми православными царями, и святым и блаженным великим князем Владимиром освященное и возложенное Господу Богу и Пречистой его Матери Богородице во веки веков непоколеблемо и неизменимо.

Кто же великого этого князя Андрея, сына Юрия Долгорукого, внука Владимира Маномеха, о добродетели сможет поведать, и о тихости, и кротости, и смирении, и любви к Господу Богу и к Пречистой Богородице, и людям, нищим и убогим, служении о Господе, и о прочитаемом, и певаемом, и о молитвенных слов знании? Не любезны ведь ему были наслаждения настоящего и мимотекущего жития, но те радости и наслаждения, что по смерти с Христом Богом; ненавистнику же и человеческому врагу дьяволу это было ненавистно, также и слугам его — лукавым и злым, и завистливым людям.

В том же году заложена была церковь Спаса во Владимире. В том же году спор был с епископом Леоном, потому что не по праву поставился

на епископство Ростову и Суздалю, так как Нестер, епископ Ростовский и Суздальский, еще жив был, и перехватил стол Нестера вопреки священным правилам святых апостолов и святых отцов; и изгнал его князь Андрей Юрьевич. Также обманут был домашними своими злыми, ибо ненавидели князя Андрея его домашние и льстиво и лукаво говорили с ним, и так сеяли вражду и ссорили его с братьями с князем Мстиславом Юрьевичем, с князем Васильком Юрьевичем и с князем Михалком Юрьевичем, и с прежними мужами отца его.

И так изгнал братьев своих, желая одним быть властителем во всей Ростовской и Суздальской земле, также и прежних мужей отца своего — одних изгнал, других же в темницах затворил; и была брань лютая в Ростовской и в Суздальской земле.

В том же году князь Андрей Юрьевич вновь возвратил Леона епископа на епископский стол в Ростов и Суздаль; он же начал учить не есть мясо в Господские праздники по средам и пятницам на Рождество Христово и на Крещение, и был об этом у него с благоверным князем Андреем Юрьевичем и всеми людьми спор великий; и переспорил его Феодор епископ. Он же пошел на исправление в Константиноград, и, будучи у Луки патриарха, также ходил к царю Мануилу; и победил его в споре об этом перед царем Мануилом Андриан, епископ Болгарский.

Тогда же был у царя Мануила посол великою князя Киевского Иван Яковлев, и другой посол, Илья Андреев, великого князя Андрея, сына Юрия Долгорукого, третий посол великого князя Черниговского Святослава Олеговича, четвертый посол великого князя Переяславского.

В том же году пришел от Луки патриарха Константиноградского посол Андрей к великому князю Ростовскому и Суздальскому Андрею Юрьевичу о Нестере, епископе Ростовском и Суздальском: «Пусть дадут ему, — сказал, — взойти на епископский стол в Ростов и Суздаль, чтобы не блуждал по чужим странам, и не хулилось имя Христа, да не постигнет тебя гнев Божий».

В том же году князь Андрей, сын Юрия Долгорукого, послал сына своего князя Изяслава и с ним других многих князей, и воинство ростовское, и суздальское, и рязанское, и муромское, и пронское, и другие к ним многие присоединились в помощь, и пошли на половцев в Поле далеко за Дон, и вступили в бой, и была брань великая и сеча злая, и начали одолевать русские князья. Половцы же рассыпались во все стороны по Полю; русские же воины за ними гнались и пришли на Ржавцы, и половцы, снова собравшись, ударили на русское воинство и многих избили; но снова помог Господь Бог и Пречистая Богородица христианскому воинству, и прогнали половцев. Половцы же рассыпались в Поле и бежали восвояси;

князья же русские возвратились восвояси в малой только дружине, ибо все были избиты в Поле половцами.

В том же году князь Ростовский и Суздальский Андрей, сын Юрия Долгорукого, так говорил князьям и боярам своим: «Город сей Владимир в свое имя создал святой и блаженный великий князь Владимир, просветивший всю Рускую землю святым крещением. Ныне же я, грешный и недостойный, Божьею благодатью и помощью Пречистой Богородицы расширил и вознес его еще больше, и церковь в нем создал во имя Пречистой Богородицы святого и славного Ее Успения, и украсил, и удоволил имением и богатством, и волостями, и селами, и в торгах десятиной, и в хлебах, и в стадах, и во всем десятое дал Господу Богу и Пречистой Богородице; и хочу сей город обновить как митрополию, пусть будет сей город великим княжением и всем».

И это возлюбили князья и бояре его все, чтобы так стало. И послал в Константинополь к патриарху посла своего Якова Станиславича, пусть благословит городу Владимиру митрополией и пусть поставит в него митрополита, так как «город воздвиг великий и многим имением и богатством уцарствовал, и селами, и слободами, и волостями, и в торгах десятиной, и десятины в стадах и в хлебах, и во всем десятое; и устав, и заповедь приняли от святого и блаженного великого князя Киевского и всея Руси Владимира, так же, как он принял уставы по греческим канонам, так и мы соблюдаем непоколеблемыми и нерушимыми в род и род до скончания мира».

Преосвященный же Лука, патриарх Константинопольский, услышав об этом, перед освященным собором повелел прочесть послание его; тут же был и епископ Ростовский и Суздальский Нестор, и посол митрополита Киевского и всея Руси Феодора. И послал к нему послание такое:

Послание великого патриарха Луки к великому князю Ростовскому и Суздальскому Андрею Боголюбскому, сыну Юрия Долгорукого, внуку Владимира, о епископе Ростовском и Суздальском Нестере

Возлюбленный о Христе духовный сын, преблагородный князь Ростовский и Суздальский! Послание благородия твоего к нашему смирению с твоим послом Яковом Станиславичем принесено было и прочтено в освященном соборе смирения нашего.

Уразумели силу словес писания твоего, что в твоей земле Божьей благодатью и милостью, и Пречистой Богородицы помощью, по вере твоей и по добродетели великое благочестие распространяется, и что по многим местам святые церкви и честные монастыри создал Христу Богу и Пречистой Богородице; и так по великой вере твоей к Господу Богу и Пре-

чистой Богородице, и о благих делах твоих благодарим. И не только любомудрие писания твоего известило нас, но и от самого твоего епископа Нестера многократно слышали о благородии твоём многие благие свидетельства, рассказанные перед нашим смирением, и перед освященным и божественным собором, и перед державнейшим нашим сыном, благочестивым царем Мануилом; и что город, называемый Владимир, который святой и блаженный великий князь Владимир во имя свое создал, ты же ныне со времен основания превратил его в великий, и расширил, и возвысил со множеством людей, в нем же и церковь Пречистой Богородицы честного и славного Ее Успения создал, и многими дорогами и святыми иконами, и книгами, и священными сосудами, и всякими вещами, золотом и серебром, и бисером украсил, и многое имение и богатство в изобилии дал, и села, и слободы, и волости с данями дал, и в торгах десятину и в хлебе, и в стадах, и во всем десятое, и с пуда, и веса, и длины, и все по священным и божественным канонам и уставам возложил Господу Богу и Пречистой Богородице; и как прадед ваш, святой и блаженный великий князь Владимир, завещал вам соблюдать, так же и ты обещаешь продолжать, и те, кто в будущем после тебя из рода и род до скончания мира. Не хочешь же быть под управлением епископии Ростовской и Суздальской, но обновить ее как митрополию и поставить в ней от нас митрополитом живущего там у благородия твоего Феодора. Ради города твоего и ради святой церкви, которую в нем создал на славу Господу Богу и Пречистой Богородице, и всякими священными красотами, и богатством удоволил, будет тебе мзда от Господа Бога и Пречистой Богородицы, и что еще и иные многие церкви воздвиг, и монастыри — и за все это насладишься радостью неизреченной на небесах у Христа Бога, ибо все богоугодно и любомудро устроил. А чтобы отнять этот город от правды и истины Ростовской епископии и быть ему митрополией — невозможно. Да будет известно благородию твоему если так написал, как слышали, что не в иной стране и области этот город есть, и не заново построен и ныне прибавлен к твоему княжеству, но в той же земле и области Ростовской и Суздальской, в которой прадеды твои и отец твой был, и ты сам обладаешь ею ныне, в которой одна епископия была издавна, и одного епископа во всей земле той ставит в нужное время преосвященный митрополит Киевский и всея Руси, а тот сам митрополит от нас, святой и великой церкви, поставляем и посылаем туда на священный и божественный стол митрополичий в Киев и на всю Русь. И он там избирает и ставит под ним находящихся епископов по священным и божественным правилам и уставам, и судит, и управляет всеми, кто под ним находится; и потому отменять и переделывать того не можем, потому что не можем препираться со священными правилами, так как священные и божественные

правила святых апостолов и святых отцов митрополии и епископии целостными и непоколебимыми, и нерушимыми по своим законам держать повелели, и никто не может от святых божественных и священных правил отступить, если не хочет стать отстраненным и чуждым Богу. Прочли же и второе послание твое, присланное к нам, из которого узнали об обвинениях боголюбивого епископа твоего, еще же и особо известились посланием и от преосвященного митрополита Киевского и всея Руси и под ним находящихся епископов, и от самого посла державного сына нашего царя, и от иных многих, что о таком на епископа твоего обвинениях говорили много раз на своем у вас соборе, и перед великим князем Киевским о том некими мужами, пришедшими от благородия твоего; и явились все те вины неявными, которые бы епископу предъявить и взятому быть за вины. И оправдан был сей епископ своим собором у своего митрополита Киевского и всея Руси, и несправедно бы, мы полагаем, тот освященный собор осудить и постановления его изменить, потому что испытано все там; и так как священные правила не позволяют нам это делать, но каждому епископу своим собором от своего митрополита судиться повелевают, и так и мы соблюдаем священные и божественные правила, которые приняли и которым научены были; но поскольку епископ, надеясь на свою правду, неотступно с великим молением и слезами жаловался нам, чтобы испытали еще о нем на освященном и божественном соборе, так как скорбью и печалью много изнурялся, то послушали его моления и слезы и прочли, что на него имелось в благородием твоим присланном к нам послании, о винах и других к тем негодованиях. Но так как и епископ против каждой своей вины в оправдание по священным и божественным правилам уверенно отвечал, то ныне оправдан нами, и в священную и божественную службу с собою его приняли, и служил с нами священную и божественную службу; и послали его оправдания к твоему благородию, чтобы принял с любовью и честью, словно воистину самим Богом оправданного и посланного нашим смирением и священным и божественным великим собором. Да не захочешь противиться суду всех святителей и нашему смирению; если хочешь пребывать вместе с Христом Богом, соединившим небесное и земное своим к нам сошествием, и святой великой соборной церкви благодатью и благословением, и молитвами сошедшихся здесь святых великих святителей и нашего смирения, как духовный сын, поэтому отложи всякое сомнение и печаль, и принесенную от врага ненависть, которую имеешь на епископа своего, сложи с сердца своего и с радостью и честью прими его, как Христа, со всякой тихостью и кротостью, и смирением, и любовью, как Божьей благодатью достойного быть епископом, и как смыслом исполненного, и разумом удобренного, и словом почтенного, и добродетелью светящего,

и житием украшенного, и известного, все праведно пасти и управлять порученным ему Господом Богом стадом. Ведь, о, сыне, имея пастыря такого, не проси иного более того, но считай его воистину великим святителем, и отцом, и учителем, и пастырем, и прими его вновь с любовью и честью в свою землю, пусть пасет божественное стадо, а не блуждает в чужих странах; и благородие твое не пребудет в том грехе, но пусти его управлять своей церковью, по благодати, которая от святого Духа дана ему, ибо это Богу и людям угодно. Если же благородие твое захочет жить в созданном тобою городе, и если захочет и епископ с тобою в нем жить, пусть будет сей боголюбивый епископ и отец, и учитель, и пастырь твой с тобою, и в том ему нет бесчестия, если о Господе благоволят ему будешь, поскольку тот город во власти его епископии Ростовской и Суздальской. Если же по его оправдании, которым оправдал его Господь Бог и Пречистая Богородица, и преосвященным митрополитом Киевским и всея Руси, и его епископами, которые под его властью, оправдан был, и также великим и священным и божественным собором и нашего смирения совершенным утверждением, — то, если не будешь к нему, как подобает о Господе, и не повинуешься поучению и наставлению его, но еще и начнешь гнать его, как Христом Богом данного тебе святителя, и отца, и учителя и пастыря, повинуясь иным не по закону поучениям, пусть не неведомо тебе будет, возлюбленный о Христе сын, что если и весь мир наполнишь святыми церквами и монастырями, и города многие воздвигнешь без числа, гонишь же епископа, главу церкви той и людей, то это не церкви, но хлевы, и никакой тебе не будет мзды и спасения. Написано же нам подробно о благочестивом епископе твоём, из чего знаем, что ни за что иное гоним и опозорен, но только ради некоего Феодора, племянника епископа Мануила, лишённого церкви, в которой поставлен; пришел он туда и поучал против епископа помимо повелений святых апостолов и святых отцов есть мясо в среду и в пятницу, если прилучится праздник Господский или память почитаемого святого, также и во всю святую пятидесятницу в среды и в пятницы, и об ином многом неразумно творил и учил; также и на чисто живущих безженным житием, и Господа ради иночествующих, и любомудрию о Господи учащих негодовал и укорял. Воистину, он совершенно от смысла отпал и разум погубил; ибо не разумел и не узнал истинного о Господе любомудрия и спасения. Ведомо ведь, что София Премудрость Божия есть неизглаголанного девства чистота, и смиренной и спасенной мудрости истина; ибо имеет над головой Христа, так как глава премудрости есть Сын Слово Божие, простер небеса и снизошел в Пречистую деву Марию. И так все, которые любят девство, уподобляются Пречистой Богородице: ибо сия Пречистая девица родила Господа Иисуса Христа, словно Божие; любящие же девство

рождают слова премудрые и деятельные, чем неразумных и несмысленных научают. Эту чистоту возлюбил великий Предтеча Креститель Христов и показал устав девства, жестокое и любомудрое о Боге житие; возлюбил сию чистоту великий Иоанн Богослов и сподобился возлечь на грудь Господа и стал ученикам возлюбленным Христу Богу. Имеет же девство лицо девичье огненное; ибо огонь есть божество, сжигающее страсти телесные и просвещающее душу чистую; имеет же и тороки. которые ангелы имеют, ибо житие безженное чистое, с ангелами равно есть; тороки же — покоища святого Духа есть; на голове же имеет венец царский, так как смиренная мудрость царствует над страстями; сан же препоясания на чреслах — образ старейшинства и святительства, и начальства являет; в руке же держа скипетр — властительский священный, святительский сан есть; крылья же орлиные огненные высокопарящие — пророчество есть, потому что разум скорый являют, ибо орел зоркая очень птица: когда видит ловца, то взлетает выше и неуловима бывает; также ведь и любящие девство, и мудрость трудно уловляемы бывают для ловца-дьявола; в левой же руке свиток имеет исписанный, в котором неведомые и сокровенные тайны написаны, что значит: подобает предания и писания почитать, от чужих же и незаконных препираний отстать; одеяние же — свет являет, утверждение на семи столпах — семь Духа дарований; ноги же имеет утвержденные на камне, что значит: «На сем убо, — рече Господь, — на камени созижду церковь мою, и врата адава не удолеют еи, и дам ти ключа царствия небеснаго, и егоже аще свяжеша на земли, будет связан на небесех, и егоже аще разрешиши на земли, будет разрешен на небесех». Многого более почтенно девство; ибо Христос печати девства не повредил, от девы родившись; да почтется девство, ибо выше брака и много честней девство. Ведь насколько ангелы выше людей и насколько небо от земли, настолько не женившийся выше женившегося; девство есть ангельское житие. Ведь сказал Господь в Евангелии своем, которое от Луки: «Сыны века сего женятся и посягают, а сподобившиеся век улучшить и воскресение из мертвых — не женятся, не посягают и умереть потому не могут: ибо равны ангелам и сыны суть Божий». И Матфей глаголет: «В воскресение бо ни женятся, ни посягают, но яко ангели Божии на небесех суть». Об этом Иоанн Златоуст так говорит: «И прежде воскресения покажем вам воинства духовная лик ангельский, иже Христови плоть распяша с страстями и похотми, презирающих мимотекущая, дръжащихся духовных, сии светила вселенная ангельский лик. Егда убо солнце взыдет паче много прежде солнечнаго въсхождения, от ложа въставше в страсе Господни бодри, трезви, не печалию житеискою и суетою смущаемы, не омрачением тленных и мимотекущих, не труды земными и суетными, не скорбию и желаниемъ насто-

аща жития, ни ино что от таковых стужаше им, но якоже ангели пребывают на небесех, воставше убо от ложа светъли и весели, и лик един съставлеше светлую совесть, согласно вси, якоже от единых уст песни ко всех, Богу поють, почитающе его и благодать воздающе ему о всех, и о особых и о общих, благоденств, отнюдуже видится Адама оставльше. Да спросим вас: чим от ангел разстоаше сеи лик, иже на земли поющих и глаголющих: слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение?» И одежда их мужества достойна, ибо не как влачащимися ризами, и изношенными, и изодранными украшены, но по примеру божественных тех ангелов — Ильи, Елисея и Иоанна, и апостолов ризы сделаны у одних — из козьих шкур, у других — из верблюжьих, иные же и кожей только довольствовались, и эти в древности дружно песни воспевали, и колени преклоняли, и всепетого Бога молят о вещах, которые неким и в помышление не приходят, и не просят в настоящем ничего, только согрешениям прощение, и чтобы с дерзновением стать пред судищем страшным, когда придет судить живым и мертвым едиnorodный Сын Божий, и чтобы ни единому не услышать страшного того гласа: «Не вем вас, идите от мене проклятии во огнь вечный, уготованныи диаволу и аггелом его»; и чтобы с чистою совестью и многими деяниями трудными жестокое и плачевное совершить житие в суетном сем и прелестном веке, и чтобы лютую переплыть пучину добрым плаванием; ведь эти, как на небесах водрузившие шатры, далеко от зла жительства, воинствуют на диавола, и, словно ликуя, так побеждают его. Чего ради добровольно не приходим к такому блаженству? Не придем ли к ангелам сим, не сожительствоуем ли ангелам этим, не примем ли чистыя ризы, обновившись браком сим? Не помышляем ли, что на брак званы, на Божий брак? Не внимаем ли, что в чертоги эти званой душе войти подобает благими делами, светлостью жития? Отойдём же к этим скиниям, да делу их научимся, ведь ничем их пребывание не хуже небесного устроено; ибо ангелы сходят к ним и сам ангельский Владыко. Ибо, если к Аврааму пришли, к мужу, жену имеющему и детей питающему, потому что его как страннолюбивого знали; когда же много большую найдут добродетель, и человека, от телес освобожденного, и во плоти плоть презирающего, намного больше здесь пребывают и ликуют подобающим им ликованием. В этом блаженный Златауст и прочие святые согласны, что безженных и чисто живущих всех преудивляет житие; ибо девство есть ангельское житие, и с ангелами сочетает любящих его. Тем же поучаем и наказуем твое благородие и благочестие: соблюдать от ложных пророков, которые приходят в одеждах овечьих, и не веровать всякому духу, но покоряйтесь старейшинам вашим и повинуйтесь, ибо те заботятся о душах ваших, так как слово хотят воздать в день судный. Покоряйся же,

возлюбленный о Господе духовный сын, боголюбивому епископу твоему, ибо когда случится Господский праздник Рождества Христова и Богоявления в среду или в пятницу, разрешает епископ мирским есть мясо и все, инокам же — молоко, и масло коровье, и сыр, и яйца; на Рождество же Пречистой Богородицы, и на Сретение, и на Успение, и на Преображение Христово, в среду и в пятницу инокам и мирским масло оливковое и овощи, и рыба, и вино; на Благовещение до Вербной недели, и какой бы ни было день, разрешается масло, и овощи, и вино. На Страстной же неделе до Великой Пятницы масло и вино, в Великую же пятницу — вино только. Два же праздника, Иоанна Предтечи и святых апостолов Петра и Павла, и возлюбленного Иоанна Богослова, и к сим другим нарочитым святым, если случится в среду или в пятницу, если благословит и повелит епископ, есть масло оливковое, овощи, рыбу и вино, и поступай так. На Воздвижение Честного Креста масло оливковое и вино, и в двенадцать дней от Рождества Христова до Крещения, да в неделю о мытаре и фарисее, да в неделю Сыропустную, да в неделю Светлую, да в неделю после Троицына дня. От Светлой же недели даже и до Пятидесятницы в среды и пятницы — пост, который до девятого часа, не соблюдаем: но если и от сыра, и масла коровьего, и мяса отказываемся по запретам апостольского правила, но масло оливковое и рыбу приемлем, потому что в эти дни память Господнего Распятия творим, Распятию надлежащие тропари поем, но и воскресные вместе поем, как и в иные дни умиленные тропари примешиваем; если праздник Господский в среду и в пятницу или какого особого святого, и до самой Пятидесятницы, вопрошай главу свою, то есть епископа своего, и что говорит, так и твори, веруя, что Господь Бог глаголет устами епископа твоего: ежели не велит, тогда постись. Ибо никто из всех людей: святи-тель ли, пресвитер ли, или монах, или ангел, и даже ангел с небес не имеет такой власти вязать и решать, только один Боголюбский епископ твой, которого положил Господь Бог главой всей земле твоей и тебе. Отныне соблюдай себя от поучений лукавых и лъстивых и пронырливых людей; того же Феодора прогони от себя и к епископу принуди его идти, и если обратится и покается — благодать Богу; если же еще начнет, там пребывая, церковных смущать, и говорить укоризны, и досады на епископа наводить, супротивное творя против священных и божественных правил, пусть отлученным его считает священный и божественный великий собор с нашим смирением. Постановляем это повелением и властью святого Духа, и уставом и словом великого архиерея Спаса нашего Иисуса Христа. И если не исправится, такое творя, прельщая людей, отнюдь готово отсечение от святой церкви, и в непричастие всякой святости вводим, по двадцать восьмому святых апостолов повелению, не только

же того, но и единомысленников, и помощников, и сопричастников его, и всех, последующих его поучениям. Целует тебя весь священный и божественный великий собор с нашим смирением, преблагородный духовный наш сын, потому надеемся, что трудящихся у вас наставников ваших, о Господе учащих и наказующих вас, чествуете и почитаете; особенно в любви береги наставления и завешания, которые принял от нас о Господе, Божьей ради любви и нашего ради наставления и благословения исполнишь все о епископе твоём. Отчески наставляя, написали, что чествуя святителя, чествуешь Христа: ибо образ Христов имеет и на Христовом престоле сидит; не обленись слушать и почитать таковых, да и в настоящих, и в будущих благих насладишься, и прославишься наиболее. Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога и Отца, и причастие Святого Духа да будет с благородием твоим. Аминь».

В том же году князь Мстислав Юрьевич, князь Василько Юрьевич и князь Всеволод Юрьевич с матерью и с детьми своими пошли в Константинополь к царю Мануилу; царь же Мануил принял их с радостью и дал им города.

В том же году выгнали князя Владимира Мстиславича из Луцка; брат же его князь великий Киевский Ростислав Мстиславич дал ему Треполь и другие четыре города.

В том же году преставился князь великий Рязанский Владимир Святославич Ярославичей.

В том же году князь Мстислав Изяславич расписал святую церковь во Владимире Волынском, и украсил ее дивно святыми и дорогими иконами, и книгами, и вещами многими чудными, и священными сосудами золотыми и серебряными с жемчугом, и камением дорогим.

В том же году новгородцы выгнали от себя из Новгорода князя своего Мстислава, сына Ростислава, внука Юрия Долгорукого, правнука Владимира Маномеха, праправнука Всеволода, преправнука Ярослава, пращура великого Владимира.

Князь же великий Киевский Ростислав, сын Мстислава, внук Владимира Маномеха, дал новгородцам в Новгород княжить сына своего Святослава на их воле. В том же году Мстислав Изяславич пошел ратью на князя Андрея Владимировича к городу Пересопнице; князь же Андрей послал к нему, говоря так: «Брат любимый, если хочешь и моей власти, то вот, я выхожу из города своего и из всех волостей своих, и с женой и с детьми своими; имущество же свое и богатство все оставляю, только немного на нужды себе и детям своим возьму, и надумал в чужой земле нищенствовать, нежели кровь проливать жестоко и грешно из-за тленно-

го и суетного, и мимотекущего; ибо сказал Господь: «Кая полза человеку, аще и весь мир приобрящет, а душу свою отщетит?»

Князь же Мстислав Изяславич удивился разуму его, и послал к нему дары многие, и молил его, чтобы возвратился в свои владения, и дал бы ему прощение за дерзновение его; и так во многой любви стали и возвратились каждый восвояси.

В том же году князь Андрей, сын Юрия Долгорукого, с братом своим Ярославом, сыном Юрия Долгорукого, и с сыном своим Изяславом, и с князем Муромским Юрием пошли на болгар волжских и камских, и помог им Господь Бог и Пречистая Богородица, и избили множество измаильтян, а князь их едва убежал с малой дружиной; они же, пойдя, взяли и славный их город Бряхимов на Каме, а другие города их пожгли. Это было второе чудо от иконы Пречистой Богородицы, которую носили два священника в ризах; также и животворящий Крест носили священники в ризах, также и дьяконы в стихарях своих.

Эта икона Пречистой Богородицы принесена была из Царьграда в Киев к великому князю Юрию Долгорукому, та, которую взял с собой из Киева благоверный князь Андрей от отца своего великого князя Киевского Юрия Долгорукого, и, перенеся, поставил ее в церкви своей в Златоверхой во Владимире.

В 6669 лето от Адама (1169 лето от Христа)

Начали расписывать церковь Успения Пречистой Богородицы Златоверхую и закончили месяца августа в 30 день.

В том же году Феодор, митрополит Киевский и всея Руси, помирил великого князя Киевского Ростислава Мстиславича с великим князем Святославом Всеволодовичем и с детьми, и были все в мире, и любви, и в согласии, и в единстве, утвердясь крестным целованием.

В 6670 лето от Адама (1170 лето от Христа)

Погорел город Ростов едва не весь и святая церковь соборная Успения Пречистой Богородицы, которую создал епископ Иларион, что был раньше святого Леонтия чудотворца, епископа Ростовского; создана же была из деревьев дубовых, и была чудна и преудивительна, таковой не бывало, и потом не знаю, будет ли.

Князь же великий Ростовский и Суздальский Андрей, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Маномеха, повелел создать церковь каменную во имя Успения святой Богородицы на том же месте погоревшей церкви. И начали копать рвы, и нашли тело блаженного Исая, епископа Ростовского, чудотворца.

Также, копая у передней стены, нашли гроб, покрытый двумя досками, и, открыв, увидели в нем тело Леонтия, епископа Ростовского, чудотворца, ничем не поврежденное, но все целое и благоухание испускающее, и ризы его как новоположенные; и была радость в городе Ростове великая князю Андрею и всем людям.

Когда же совершили церковь каменную в городе Ростове на месте погоревшей церкви повелением благочестивого господина князя Андрея, сына Юрия Долгорукого, и поставили в ней в раке в стене мощи блаженного Леонтия, епископа Ростовского, чудотворца, где и ныне лежат, и устроили свечи великие у гроба его.

Иван же, епископ Ростовский, благословением Феодора, митрополита Киевского и всея Руси, учредил праздник святого Леонтия, епископа Ростовского чудотворца, месяца мая в 23 день. И многие чудеса были.

Через некоторое время настал праздник святого, и после вечерни в четвертый час ночи видел сон пономарь: мнилось ему, что он в церкви Пречистой Богородицы, и что пришли ангелы и начали петь, и зажгли ангелы свечи у гроба святого; Леонтий же встал из гроба, и взяв кадило и фимиам, начал кадить по всей церкви, и разошлось благоухание на всю церковь и на весь город Ростов.

Пономарь же рано пробудился от сна своего, и быстро подошел к дверям церковным, и захотел отворить, и увидел свет великий, и услышал пение ангельское, и стоящего святого Леонтия, молящегося с поднятыми вверх руками.

Пономарь же не мог стоять от страха, и, задрожав, упал на землю, и потом через долгое время возвел очи свои и никого не увидел, только свечи горящие, и быстро пошел сказать все епископу Ивану.

Он же пошел в церковь и повелел утрению петь, и от того огня зажег все прочие свечи. По окончании же утрени некто из клириков начал гасить свечу у гроба святого, и пришел ангел, и толкнул его, говоря: «Как смел таковое сотворить?» Он же стал расслаблен руками и ногами, и глух, и нем, никак и ничем же не в силах двинуться, но только в сердце своем с умилением молился Господу Богу, и Пречистой Богородице и блаженному Леонтию, епископу и чудотворцу.

Во время же литургии Иоанн епископ повелел его в церковь принести и у гроба святого положить, и повелел ему с исповеданием грехов своих молиться, и с умилением сердечным прощения просить; он же все грехи свои от чрева матери своей с умилением исповедал, и, когда начал дьякон читать святое Евангелие, и дошел до него голос: «Человече, оставляют ти ся греси твои». Он же тотчас стал здоров, и поклонился Господу Богу и Пречистой Богородице, и великому чудотворцу Леонтию, и пошел в

дом свой с радостью и с весельем, славя Бога и Пречистую Богородицу, и святого Леонтия чудотворца.

В том году было вѣдро, и жара великая, и сушь все лето, и погорел всякий хлеб и овощи, и озера и реки пересохли, болота выгорели, и леса, и земля горели.

В том же году было наводнение великое в Галиче: Божьим попусциением умножились дожди, и внезапно в один день и в ночь пошла вода из Днестра великого в болото, и поднялась до Бокового болота, и потопила людей более 300, которые шли с солью из Удечева, и многих людей снимали с деревьев и бревен, которые вода разметала, многие же нивы затопило; и была у них в ту зиму дороговизна на хлеб.

А на осень ту встали морозы великие, зима же была вся теплой, и дожди великие, и молния, и громы страшные, и много людей убили, кадь же ржи была тогда по рублю и по сорока алтын, и была в людях скорбь и печаль великая, и плач неутолимый.

В 6671 лето от Адама (1171 лето от Христа)

Освящена была церковь на Золотых воротах во Владимире. В том же году преставился Феодор, митрополит Киевский и всея Руси.

В том же году преставился Аркадий, епископ Новгородский, месяца сентября в 19 день и положен был в Новгороде, в притворе церкви святой Софии.

В 6672 лето от Адама (1172 лето от Христа)

Преставился князь Изяслав, сын великого князя Андрея Боголюбского, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Маномеха, праправнук Всеволода, преправнук Ярослава, пращура великого Владимира, и положен был в церкви Пречистой Богородицы во Владимире, месяца сентября в 28 день.

В том же году пришел от патриарха из Царьграда Иоанн митрополит на Киев и на всю Русь. И вышел встретить его из города Киева с епископами и со всем освященным собором, и с князьями, и с боярами, и со всем народом князь великий Ростислав, сын Мстислава, внук Владимира Маномеха, правнук Всеволода, праправнук Ярослава, преправнук великого Владимира, и принят был с радостью и с честью.

В том же году прибежал из Царьграда брат царя Мануила кир Андроник Комнен в Галич к великому князю Ярославу Володимировичу Галичскому. И принял его князь великий Ярослав Володимирович с честью и с великою любовью, и дал ему города и волости.

Также потом прислал за ним царь Мануил двух епископов, зовя его к себе; князь же великий Ярослав Володимирович Галичский отпустил его от себя с великою честью, и приставил к нему епископа Козьму, и бояр своих, и воевод, и проводил его с честью.

В том же году в Новгороде приходили шведы под Ладогу в шестидесяти кораблях; князь же Ярослав Всеволодович с посадником Захарием победили их на реке Вороной, одних избили, а других взяли в плен, месяца мая в 28 день.

В 6673 лето от Адама (1173 лето от Христа)

Преставился в Чернигове князь великий Черниговский Святослав, сын Олега, внук Святослава, правнук Ярослава, праправнук великого Владимира, и после него сел в Чернигове на великом княжении князь Святослав, сын Всеволода, внук Олега, правнук Святослава, праправнук Ярослава, препраправнук великого Владимира; а в Новгороде сел на великом княжении князь Олег, сын Святослава, внук Олега, правнук Святослава, праправнук Ярослава, препраправнук великого Владимира.

В том же году ходили половцы на Русь; и встретили их, собравшись, все князья русские далеко в Поле, и был бой великий, и помог Бог князьям руским, и был верх их. Половцы же одни убиты были, другие же, рассыпавшись в Поле, бежали; князья же русские в радости благодарили Бога и Пречистую его Матерь о великой победе над погаными, скорбили об убитых своих, потому что мало возвратилось восвояси, многие убиты были.

В том же году Иоанн, митрополит Киевский и всея Руси, поставил в Новгород епископа Илью. В том же году поставили новгородцы церковь святой Троицы на Шатинице. В том же году князь Святослав Ростиславич поставил церковь святого Николы на Городище.

В 6674 лето от Адама (1174 лето от Христа)

Новгородский епископ Илья послал многие дары в Киев к преосвященному Иоанну, митрополиту Киевскому и всея Руси.

В том же году новгородский епископ Илья сам пошел в Киев к митрополиту с игуменом Дионисием и с посадниками со мною честью; митрополит же Иоанн Киевский и всея Руси чествовал его, и повелел ему архиепископом называться, и так с тех пор начали называть епископа Новгородского архиепископом, владыкой Новгородским, по благословению Иоанна, митрополита Киевского и всея Руси; и дал ему митрополит ризы и стихарь с источниками, и была радость многая в Новгороде, и дали многие дары — золото и серебро, и жемчуг, и всяких шелков, и

всяких мехов, и иных многих даров, так что и не сосчитать, Иоанну, митрополиту Киевскому и всея Руси.

В том же году преставился благоверный и христоролюбивый князь Ярослав, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Маномеха, и положили его в церкви святой Богородицы во Владимире, месяца апреля в 12 день. В том же году преставился князь Святослав Владимирович, внук Давида Изяславича.

В том же году половцы воевали Русь и убили двух богатырей, Андрея Жирославича и брата его Шварна, за Переяславлем; племянника же их, также Шварна, пленили, и многое множество христиан пленив, отошли восвояси.

В том же году преставился Иоанн, митрополит Киевский и всея Руси.

В 6675 лето от Адама (1175 лето от Христа)

Преставился благоверный и христоролюбивый князь великий Киевский Ростислав, сын Мстислава, внук Владимира Маномеха, правнук Всеволода, праправнук Ярослава, препраправнук великого Владимира, месяца марта в 21 день, на память святого Иакова епископа и исповедника, идя из Смоленска к Киеву; сидел на великом княжении в Киеве 9 лет, и повезли его к Киеву. Его сыновья: Святослав, Давид, Роман.

И по нем сел на великом княжении в Киеве племянник его Мстислав, сын Изяслава, внук Мстислава, правнук Владимира Маномеха, праправнук Всеволода, препраправнук Ярослава, пращур великого Владимира.

Также потом пошли на дядю своего, на князя Владимира Мстиславича, внука Владимира Маномеха, к Вышгороду и на князя Рюрика Ростиславича; и целовали крест между собой, и разошлись.

Также потом князь Владимир Мстиславич начал думать с боярами своими на князя Мстислава Изяславича, и узно было о думе его; он же обличил его и взял с него крестное целование.

В том же году начали к князю Владимиру Мстиславичу присылать тягрове, говоря «Мы тебя примем». Он же возрадовался очень, забыл крестное целование и послал к боярам киевским, рассказывая о замысле своем, к Ракуилу, Михаилу и Завилу. Они же сказали: «О князь! От себя это замыслил и воистину младенствовал, и мы такого не мыслим и тебе не последуем».

Он же вознесся в младенчестве своем и пошел к берендеям. Они же сказали ему: «Приказывал нам так, говоря, что с братьями я; а где братья твои, Владимир, и Ярослав, и Давид? Ездишь ведь один, а нас как младенцев прельстил».

И пустили стрелы на него. Он же побежал, говоря так: «Не даи Боже поганому веры яти, и се уже аз сотворих простым своим умом, и погибох душею и телом». Берендеи же избили дружину его, а иных взяли, а он побежал к Дорогобужу, ибо там была княгиня его, убежав к Владимиру Андреевичу; он же не пустил его к себе.

И пошел на ратмичей к Суздалю. Князь же Андрей Юрьевич навстречу ему послал, говоря: «Иди к князю Глебу Ростиславичу в Рязань». Он же пошел в Рязань, а жену свою и детей оставил в городе Глухове.

В том же году пришел от патриарха из Царьграда Константин митрополит на Киев и на всю Русь, и встретил его князь великий Киевский Мстислав Изяславич с боярами и с народом, и так вошел с ним в город Киев, и, войдя в церковь, моление и благодарение Господу Богу и Пречистой Богородице воздавали.

В том же году новгородцы собрали собор и сотворили вече, и надумали схватить господина своего князя Святослава Ростиславича; он же, узнав, бежал ночью на Луки.

Новгородцы же, исполнившись ярости и гнева, собрались и пошли прогнать его из Лук; он же услышал об этом и быстро побежал оттуда к Торопцу; а оттуда пошел на Волгу.

Князь же Андрей, сын Юрия Долгорукого, дал ему помощь; и пожег у новгородцев Новый Торг, а новоторжцы бежали к Новгороду, и много зла сотворили новоторжцам, волости и села пустыми сотворив.

А брат его князь Роман Ростиславич и князь Мстислав пожгли Луки, а лучане бежали — одни в Новгород, а другие во Псков.

В том же году новгородцы послали в Киев к великому князю Изяславу Мстиславичу, прося у него сына — княжить у них в Новгороде.

В том же году согласились в единомыслии князь Андрей Юрьевич со смолянами и с полочанами на новгородцев, и дороги их перекрыли, и послов и купцов их перехватили, не давая весть великому князю Мстиславу Изяславичу в Киев.

Князь Святослав, сын Ростислава, внук Мстислава, правнук Владимира Маномеха, праправнук Всеволода, преправнук Ярослава, пращур великого Владимира, с силою своею стоял и посылал в город к новгородцам, и уговаривал их, желая быть у них князем, и тайно ссылался с посадником их, с Захарием; ибо этот Захарий любовь имел ко князю Святославу Ростиславичу и служил ему, от новгородцев же таился. Святослав же Ростиславич так говорил новгородцам: «Нет вам иного князя кроме меня, князя Святослава Ростиславича». Новгородцы же не хотели слышать, и не только самого, но и слов его, и, посовещавшись, убили посадника своего Захария Яковлевича, и Неревина, и Незду бири-

ча, за то, что единомысленны были с князем Святославом Ростиславичем; и нашли себе путь к Вячко и к Володарю, и пошел Даньслав Лазутич с дружиной к Киеву, к великому князю Мстиславу Изяславичу просить у него сына, княжил у них в Новгороде.

В том же году князь Святослав Ростиславич, внук Мстислава, правнук Владимира Маномеха, с братьями своими, и со смолянскими, с полоцкими и с суздальцами пошли к Русе.

Новгородцы же, собравшись с Яковом Станиславичем, пошли против них; они же, не дождавшись прихода новгородского воинства к себе, возвратились восвояси, много зла сотворив рушанам.

В 6676 лето от Адама (1176 лето от Христа)

Князь великий Киевский Мстислав Изяславич пошел на половцев с братьями своими, с Изяславичами: с Ярославом и Ярополком, и с ним князь Рюрик Ростиславич, и полк брата его Давида, потому что сам князь Давид был нездоров, и князь Глеб Юрьевич, и брат его князь Михалко Юрьевич из Переяславля, и князь Святополк Юрьевич, внук Брячислава, правнук Святополка Изяславича, и черниговские князья Святослав Всеволодович и князь Ярослав, брат его, и князь Олег Святославич, внук Олега Изяславича, и брат его, князь Всеволод.

Тогда же на том пути преставился князь Мстислав Всеволодович Мстиславичей. И придя на станы их на реке Угре, взяли кибитки их, и самих догнали у Черного леса, и одних избили, а других взяли в плен; и взяли полона такое бесчисленное множество, что всем воинам хватило до избытка, и так возвратились восвояси.

Тогда же сатана вложил ненависть князьям руским на великого князя Киевского Мстислава Изяславича, так как подозревали, что, утаясь от них, послал изгоном свои полки наперед и многую корысть захватил у половцев, и потому несправедно сердце их было к нему.

Еще же к тому и злые люди, окаянные бояре Петр Бориславич и Нестер Жидиславич и Яков Дигеневич, которых князь великий Киевский Мстислав Изяславич отослал от себя за то, что лживые разговоры вели они и слуги их среди воинства, и те бояре, и злые люди, наполнившись духа демонского, начали клеветать на великого князя Киевского Мстислава Изяславича князю Давиду Ростиславичу, внуку Мстислава, правнуку Владимира Маномеха, так говоря: «Хочет вас князь великий Киевский Мстислав Изяславич схватить»; тот же рассказал брату своему князю Рюрику Ростиславичу; и так возникло между ними недоверие и ненависть.

Князь же Владимир Андреевич, внук Владимира Маномеха, начал заирать его и волости припрашивать у него; он же не дал ему. Князь же

Владимир Андреевич разгневался на него и пошел к Дорогобужу, и начал ссылаться с князем Андреем Юрьевичем Боголюбским, и была смута в земле большая.

В том же году князь великий Киевский Мстислав Изяславич послал в Новгород княжить сына своего князя Романа, а князя Святослава Ростиславича, внука Мстислава, правнука Владимира Маномаха, новгородцы не приняли. Братья же его князь Давид и князь Роман Ростиславичи, и князь Андрей Юрьевич Боголюбский, сын Долгорукого, захотели его силой посадить у них в Новгороде на княжении; и так вражда к вражде прибавилась, и нестроение многое.

И начали князья объединяться против великого князя Киевского Мстислава Изяславича, и честным и животворящим крестом утвердились — быть всем в согласии и единомыслии.

Князь же Роман Мстиславич, внук Изяслава, правнук Мстислава, праправнук Владимира Маномаха, препраправнук Всеволода, пращур Ярослав и прапращур великого Владимира, пришел в Новгород на стол месяца апреля в 14 день, на память иже во святых отца нашего и исповедника Мартына, папы Римского. Новгородцы же возрадовались, что по их желанию сотворилось.

В том же году новгородцы ходили с князем своим Романом Мстиславичем к Полоцку, и, много зла сотворив, возвратились от города за тридцать верст.

В том же году новгородцы ходили также с князем своим Романом Мстиславичем ратью к Торопцу, и села, и волости пожгли, и, многое множество пленив, возвратились восвояси.

В том же году князь великий Киевский Мстислав Изяславич, внук Мстислава, правнук Владимира Маномаха, выгнал из Киева дядю своего князя Владимира Мстиславича; он же пошел к половцам, а Мстислав сел в Киеве.

В том же году Константин, митрополит Киевский и всея Руси, заточил игумена Печерского монастыря Поликарпа про Господьския праздники, не веля ему сыра, и масла, и яиц и млека ясти в Господьския праздники и в великих нарочитых святых, егда прилучится в среду или в пяток, иже есть Рождество Пречистыя Богородицы, и Введение, и Сретение, и Успение, и Преображение Господне, и святого пророка и предтечи и крестителя Господня Иоанна на Рождество и Усекновение, и святых апостол Петра и Павла, и святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, и святых великомученик Георгия и Дмитрия и других великих нарочитых святых, и от Светлыя недели до Пянтикостиа в средех и пятницах сыра, и млека, и яиц и масла кравиаго отшаятися, соблюдаяще правило апос-

тольское; масло же древяно и рыбы ямы, аще бо и распятью Господню тропари поем, но паче и воскресныя сими поем, и светло и радостно празднуем Воскресение Христово. Помогали же Константину митрополиту и Антоний, епископ Черниговский, и Феодор, епископ Переяславский.

Антоний же, епископ Черниговский, много бранил своего князя Черниговского и бояр его, чтобы не ели мясо в Господские праздники; князь же Святослав и бояре его не слушали его; Антоний же епископ крепко бранил, князь Черниговский Святослав, сын Олега, не стерпел досады от епископа своего и изгнал его из города своего Чернигова и из всего княжества своего; он же пошел к Константину митрополиту в Киев, и пребывал там и с бывшими у него.

В том же году приходили половцы ратью на Русь. Князь же великий Киевский Мстислав Изяславич вышел против них, и, когда сошлись полки, был бой крепкий и сеча злая, и пало с обеих стран множество мертвых, под конец же одолел князь великий Киевский Мстислав Изяславич и возвратился с победою в Киев.

В том же году пришел в Киев половецкий князь Айдар к великому князю Мстиславу Изяславичу служить, и потом, немного пробыв, крестился во Отца и Сына и Святаго Духа.

В 6677 лето от Адама (1177 лето от Христа)

Пришли ратью, собравшись во множестве, половцы, и, воюя, дошли до города Десятинной Пречистой Богородицы Плона, который дал когда-то великий князь святой и блаженный Владимир Пречистой Богородице и святой церкви ее.

И когда эти варвары дошли до него, в тот же час одни потеряли разум, а другие ослепли, иные же ослаблены стали; христиане же, сошедшись, одних избили, а других взяли.

И из них многие крещены были во имя Отца и Сына и Святого Духа; после же многие из них и святой иноческий ангельский образ приняли, и добродетельное и жестокое житие проводили. Таковое чудо Господь Бог и Пречистая его Мати сотворили.

И так преблаженный Константин, митрополит Киевский, с сыном своим благоверным и христолюбивым великим князем Киевским Мстиславом Изяславичем, как при исходе Израиля, велегласно, с великою радостью, благодарственно воспели: «Поим Господеви, славно бо прославися». И так воспевали молебнами и благодарственными хвалениями Господа Бога и Пречистую его Матерь Богородицу.

И многую милостыню убогим и нищим, и странникам дали, и с великим смирением и любовью духа друг с другом светло праздновали, и прославили Господа Бога и Пречистую его Матерь Богородицу.

В том же году было умножение плодов всяческих. В том же году приходили послы от Римского папы.

В 6678 лето от Адама (1178 лето от Христа)

Были знамения страшные на небесах, и в солнце, и в луне, и в звездах. В том же году потряслась земля. В том же году были грома великие и страшные, и множество людей убило.

В том же году начали рать совокуплять на великого князя Киевского Мстислава Изяславича. Князь великий Андрей, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Маномеха, соединился со многими князьями в общем совете и в единомыслии; муромские князья из Муромы, смоленские князья из Смоленска, Роман, сын Ростислава, внук Мстислава, правнук Владимира Маномеха, князь Давид Вышгородский, князь Мстислав, князь Владимир Андреевич, князь Глеб Юрьевич Долгорукого Переяславский с братом Всеволодом, князь Дмитрий, князь Юрий, князь Мстислав, князь Рюрик с братом Мстиславом, и Черниговские князья, Олег Святославич и брат его Игорь, и князь Мстислав, сын Ростислава, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Маномеха, и иных множество князей, и половецкие князья с половцами, и венгры, и чехи, и поляки, и литва, и многое множество воинства соединилось.

И пошли к Киеву; сам же князь Андрей Юрьевич Боголюбский не пошел, но вместо себя послал сына своего князя Мстислава. Придя, встали они около города Киева, и сходились полки, и бились крепко.

Окаянные же бояре киевские — Петр Бориславич, Нестер Жирославич и Яков Дигеневич — начали крамолить и тайно ссылаться с князем Мстиславом Андреевичем и с иными князьями, как предать им город Киев.

Полки же исходили из города Киева и много ратных убивали, и уже три недели стояли они около города с бесчисленным воинством, и многа зла было: это же все было из-за злых людей и из-за окаянных бояр.

Также после этого Петр Бориславич, Нестер Жирославич и Яков Дегеневич, и с ними многие злые люди и демонские советники, тайно сославшись с князем Глебом Юрьевичем Переяславским и с князем Смоленским Романом, и с князем Вышгородским Давидом, и с князем Мстиславом Андреевичем Боголюбским, говорили так: «Приступайте крепко все с крепких сторон города», указав им и крепкие места города, также и некрепкие места города показали им. «И когда — сказали — все приступите к крепким местам города, и тогда все наши горожане у креп-

ких мест города станут на бой против вас, некрепкие же места города нашего неохраняемы будут, и так, приступив к ним, без труда возьмете город».

И так начали ратники от некрепких мест города отходить, и малое и худое там воинство оставили, и все устремились к крепким местам города; и так горожане на крепких местах города встали против них, некрепкие же места города все были неохраняемы. Так беспечным горожанам ратники козни готовили, и так внезапно надвинулись все на неукрепленное место города, и взяли город Киев, а князь великий Мстислав Изяславич убежал из города с малой дружиной, а его княгиню и сына захватили; когда же он бежал, настигли его слуги Бастия и стреляли в него, а из дружины его взяли многих около него.

И сошелся с братом Ярославом за Уновью, и пошли к городу Владимиру Волынскому. Взят же был Киев марта в 8 день, в среду второй недели Поста.

И грабили город два дня: Подол, и Гору, и монастыри, и Софию, и Десятинную Богородицу, и не было никому помилования ни от кого. И взяли многое множество имущества, а из церквей иконы и книги, и ризы, и колокола, — все взяли, и всю святыню. И было в Киеве во всех людях стенание и грусть, и скорбь неутешимая, и слезы непрестанные.

Княжение Глеба Юрьевича, внука Владимира Маномеха, в Киеве

Мстислав же Андреевич взяв Киев и пограбив его, посадил в нем дядю своего Глеба Юрьевича Долгорукого, а сам пошел к отцу в Суздаль, и так возвратились каждый восвояси.

И сел на столе на великом княжении в Киеве князь Глеб Переяславский, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Маномеха, правнук Всеволода, праправнук Ярослава, преправнук великого Владимира, а Переяславль дал сыну своему Владимиру.

В том же году приходили половцы многие на Русь и много зла сотворили христианам; князья же русские не могли против них стоять, потому что в междоусобных бранях многие воины избиты были, и так много зла было от окаянных половцев.

В том же году Феодор калугер, племянник Петра Бориславича, пошел в Константинополь, неся с собою много имущества, и лживо сказал патриарху: «Нет ныне в Киеве митрополита, и вот я, поставь меня». Патриарх же не внял словам его.

Он же через некоторое время снова начал молить патриарха: «Нет ныне в Руси митрополита, и не от кого там ставиться епископам, поставь же меня в Ростов епископом».

И так был поставлен на Ростов епископом Феодор калугер. Принял же сей Феодор святой иноческий образ в Киеве, в Печерском монастыре; был же он весьма дерзок и бесстыден, не стыдился он ни князя, ни боярина, ибо был телом крепок очень, язык имел чистый и речь велеречивую, и ум злокозненный; и все его боялись и трепетали, ибо никто не мог ему противостоять; некоторые же говорили о нем, что он от демона, иные же называли его волхвом.

В 6679 лето от Адама (1179 лето от Христа)

Пришел на Русь в Ростов Феодор на епископство, и, придя в город Ростов, сел на престоле. Князь же великий Андрей Юрьевич не хотел слушать его, но приказал ему идти в Киев к Константину, митрополиту Киевскому и всея Руси; он же не захотел, по написанному: «Не восхоте благословения, и удалися от него; егда бо в ров погибели попускается впасти человек, прежде всего отнимается ум от него и смиренная мудрость».

Князь же Андрей Боголюбский, относящийся к нему с любовью, понуждал его, чтобы пошел в Киев к митрополиту; он же, не желая поставления от митрополита Киевского и всея Руси, также и благословения не захотел, но говорил так: «Не митрополит меня поставил, но патриарх в Царьграде; ведь уже я поставлен и благословлен на епископство в Ростов и на прилежащие к сей епископии города вселенским патриархом. От кого же мне другого поставления и благословения искать?» И так беспечно сидел на столе епископии Ростовской. Князь же великий Андрей Юрьевич много советовал ему благого, он же не только не слушал его, но и укорял, и обиды многие возлагал на него; также в городе Владимире все церкви затворил, и не было пения церковного во всем городе Владимире, и в соборной церкви Пречистой Богородицы Златоверхой, в которой чудотворная икона Пречистой Богородицы стоит; также и по иным городам и волостям многие церкви затворил, и не было пения нигде.

Также после этого начал искать сокровища у богатых и отнимать их, также и многих князей и бояр замучил и имущество их взял.

После этого указали ему на княжеского постельничего, очень богатого, он же и его вскоре повелел пред собой поставить; тот же не покорился, епископ же повелел его мучить, и так много добра его отнял; и не стерпев, постельничий тот обидное слово сказал Феодору епископу, он же повелел его вниз головой распять.

И так многих кого заточил, кого замучил, забирая имение их, другим же волосы на голове, и бороды, и глаза свечами пожег, кому руки и ноги отсек, кому язык и нос, и уши, и губы отрезал, иных же на стенах и на досках распинал, а кого на половины рассекал.

Жен же богатых мучил и не покоряющихся ему в котлах варил. И был страшен и грозен всем, и все боялись его и трепетали; ибо рычал голос его как львиный, и величеством был как дуб, крепок и силен; и чистота языка его и быстрота преудивительная, и дерзость, и бесстыдство таковы, что никогда ни с кем не считался, но без сомнения насакивал на всех и мучил без милости.

В том же году впали в скорбь и опечалились все люди, и пришли все к великому князю Андрею Юрьевичу Боголюбскому, плача о бедах и о напастях своих; он же послал к Феодору епископу, говоря так: «Люди все скорбят и плачут. Следует тебе прекратить гнев и сменить на кротость и милость; вот, все церкви затворил, и не стало в них пения, и чудотворный образ Пречистой Богородицы замкнул». Он же не только князя поруганиями и укоризнами обложил, но и на Пречистую Богородицу хулу изглаголал.

Князь же великий Андрей Юрьевич Боголюбский повелел его взять и послал его в Киев к преосвященному Константину, митрополиту Киевскому и всея Руси.

Митрополит же повелел его испытать о содеянном им зле; он же, гордостью возносясь и неподобное говоря, и закон божественный укорил, и на самого Господа Бога и на Пречистую Богородицу хулу высказал. Константин же митрополит послал к нему, говоря так: «От века не кающиеся богохульники убиваемы бывают, и в законе Моисея не только богохульники, но и зло творящие убиваемы были; но и более того, в Новом Завете богохульники святыми апостолами и святыми отцами смерти предаются; также и тебе, не кающемуся, следует смерть принять; ибо сказал Господь: «Горе тому человеку, им же соблазн приходит, и аще кто соблазнит единого от малых сих верующих в Мя, добрее есть ему паче, да обяжется камень жерновный на выи его, и топлён будет в мори; внимаи убо себе и обратися на покаяние». Он же еще больше взъярился и неподобное и богохульное высказал; и так пребывал без покаяния весь год.

Митрополит же послал к нему, говоря так: «На Господа Бога и на Пречистую Богородицу, и на всех святых хулу изнес, тем же и Божий закон укорил, и множество людей замучил. И Божий закон говорит так: каким судом судите, тем же судят и вас, и в какую меру меряете, отмерится и вам, и суд без милости — не сотворившему милости». И так повелел ему язык урезать, как злодею и еретику, и руку правую отсечь, и очи вынуть; и так смерти предали его по евангельскому суду, который гласит: «Аще кто соблазнит единого от малых сих, верующих в Мя, добрее ему есть паче, да обяжется камень жерновный на выи его и потоплен будет в мори».

В том же году приходили князья половецкие со множеством воинства на Русь, и, множество христиан пленив, возвратились восвояси.

В том же году ходили новгородцы на чудь, и победили их, и с пленом, и со многим богатством возвратились восвояси.

В том же году ходил Даньслав Лазутич из Новгорода на Двину дань собирать по обычаю новгородскому, а с ним пятьсот человек. И встретились с суздальцами и с рязанцами на Белоозере, и было их семь тысяч и триста человек, и сотворили они бой, и пало тогда суздальцев тысяча и триста человек, а новгородцев только 15 человек, и взяли на заволочанах дань, а другую — на суздальцах и на рязанцах.

И с тех пор великий князь Андрей разгневался на Новгород. И собрал многое воинство, и послал сына своего Мстислава к Новгороду со всей силой суздальской, и с ним смоленские князья Роман и Мстислав, и князья муромские и рязанские, и иные многие князья, и торопчане, и полочане, и почти вся земля Руская соединилась, одних князей было тогда 72; а в Новгороде был тогда князь Роман, сын Мстислава, внук Изяслава, правнук Мстислава, праправнук Владимира Маномаха.

Пришли они в землю Новгородскую и много зла сотворили, села взяли и пожгли, и людей посекли, а жен и детей, и имущество, и скот взяли.

И пришли к городу. Новгородцы же поставили острог около всего Новгорода; и приступили суздальцы со всеми князьями, и бои многие были, горожане же крепко бились из города.

И три дня с обеих сторон многие посланники сходились, чтобы умирить брань, и ничего мирного и любовного не сотворили; святительский же престол держал тогда в Великом Новгороде чудотворец Иван, в миру называвшийся Ильей, которого за премногую добродетель преосвященный митрополит Иоанн Киевский и всея Руси архиепископским саном почтил, ибо прежде него в Новгороде были епископы; посадником же был тогда Андрей Якунович.

И тогда сей архиепископ Иван вместе с князем их Романом Мстиславичем, и посадник Якун Андреевич со всенародным множеством в печали великой молили Бога и Пречистую Богородицу о спасении города их.

В третью же ночь, когда святой епископ Иоанн стоял и молился перед образом Господа нашего Иисуса Христа, и пришел в ужас, и слышал голос, говорящий ему так: «Иди в церковь святого Спаса на Ильину улицу, и возьми икону святых Богородицы, и постави ю на острог противу ратных». Архиепископ же, услышав необычный голос, всю ночь без сна пребывал, молясь святой Божьей Матери.

Наступило утро, и созвал Иоанн собор, и поведал перед всеми то, что слышал, и все вместе прославили Бога.

И послал архиепископ архидьякона своего с клириками святой Софии, и повелел принести на собор святую ту икону Богоматери. Архидьякон же вошел в церковь и поклонился перед иконой святой Богородицы, и хотел взять ее, и не сдвинулась икона с места своего; архидьякон же вернулся и поведал архиепископу о случившемся.

Архиепископ же со всем священным собором скорее поднялись и пришли в церковь святого Спаса. Приступил же перед иконой святой Богородицы, и, преклонив колени, начал молиться, так говоря: «О, премилостивая Госпожа, Дева Владычица, Пречистая Богородица! Ты — заступница и надежда непостыдная городу нашему, стена и покров, и прибежище христианам; ибо, на тебя надеясь, Госпожа, и мы, грешные, молимся Сыну Твоему и Богу нашему; не предай же нас в поругание воюющим на нас, услышь плач людей своих, и прими молитву рабов своих, и избавь нас, Госпожа, и город наш от супостатов наших и от всякого зла». Так же молясь, начали петь молебны и канон пресвятой Богородице; и после шестой песни, когда читали кондак: «Заступнице христианам...», и в то время сдвинулась икона сама собой; народ же, увидев это, со слезами взывал: «Господи, помилуй!» Архиепископ же Иоанн принял икону своими руками и передал ее двум диаконам, и понесли ее перед ним, а сам вслед за ней пошел со всем священным собором, свершая молебный канон; народ же, толпясь, шел следом.

И вознесли икону на острог, где ныне монастырь и церковь святой Богородицы на десятине; новгородцы же за острогом не могли стоять, но только плакали, каждый видя погибель свою, так как суздальцы и улицы между собой разделили по городу.

В шестом же часу дня все полки русские начали приступать, и пустили стрелы на город, словно дождь; тогда же Божьим промыслом обратилась икона лицом на город, и увидел архиепископ от святой той иконы слезы текущие, и принял их в фелонь свой. О великое и преславное чудо! Как могут быть от сухого дерева слезы; ведь это не слезы, но милостивое знамение; ибо таким образом молится пресвятая Богородица Сыну своему и Богу нашему за город и людей своих, надеющихся на милость Ее. Этим являла пресвятая Богородица предстательство и заступление людям безнадежным, и так Господь Бог молитвами Пречистой Матери своей умилился на людей своих согрешивших. И в тот час пришла на воюющих тьма, и пала на них словно пепел, и напал на них трепет и ужас, и некоторые ослепли.

Новгородцы же вышли из города и одних избили, а других живых руками взяли, прочие же едва убежали, и в пути том многие от голода умерли, иные же в святой сорокодневный Великий пост конину ели и с трудом восвояси пришли. Тогда не только не дал им Бог город одолеть, но и сами Божьим наказанием ранены были.

Вокруг же того города живущих людей бесчисленное множество пленили, одни были посечены, другие же пожжены, от мала и до велика, мужского пола и женского, и имущество их расхищено было. Ибо неправы были новгородцы, что забыли великую милость прежних великих князей, которые позволили им князя себе брать из сыновей и внучат великих князей, у которых просили их, чтобы господствовали над ними. Новгородцы же в самочиние уклонились, и к князьям своим уложенный завет переступить начали, и над князьями своими бесчинствовали, и изгоняли от себя, и срамили, и грабили. Поэтому тогда навел на них Бог казнь сию и смирил их полностью рукою великого князя Андрея.

И с тех пор установили праздновать праздник чуда Пречистой Богородицы месяца ноября в 27 день, на память святого мученика Иакова Перского; так избавила Пречистая Богородица город свой.

Преже этого за три года в Новгороде явилось знамение в трех церквах новгородских: восплакала и слезы испустила на трех святых иконах Пречистая Богородица, предвидя беды и напасти над Новгородом и над волостями его, моля сына своего со слезами, чтобы не искоренил их до конца, как Содом и Гоморру, но чтобы как ниневитян помиловал их. Такова и была милость Божья на них; как сказал святой Давид: «Показуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя». Ибо эти новгородцы много зла сотворили, и крестное целование преступили и между собой, и к князьям их, и убийствами много крови пролили; но, смирившись и покаявшись, спасены были, как сказал святой пророк Исайя: «Егда обратишися и воздохнеши, тогда спасешися»; и еще говорил: «Смирися и спасе мя Господь». Ибо смирение из бездны на небеса возносит, как мытаря некоего, а желание и гордость с высоты добродетели в ад низводит. Велико ведь дело смирения: все созидает, и грехи снимает, и все успевает.

В том же году чудо сотворил Господь Бог и Пречистая Богородица в доме своем, великой церкви Десятинной в Киеве, которую создал блаженный князь великий Владимир, крестивший всю Рускую землю и давший десятину той святой великой церкви по всей Руской земле. Сотворила же Пречистая Богородица чудо такое, что во истину более нашего достоинства и надежды; ибо если простым не позволяет Господь Бог в обиде быть, то намного больше священным и божественным вещам; и это воистину страшно и ужаса исполнено для ум имеющих. Во дни благочестивого и христолюбивого великого князя Киевского Глеба, сына Юрия

Долгорукого, внука Владимира Маномеха, пришло половцев множество; и разделились надвое, и пошли одни к Переяславлю и встали у Песочна, другие же пришли по этой стороне Днепра к Киеву и встали у Корсуня.

И прислали в Киев к великому князю Глебу Юрьевичу, говоря: «Бог посадил тебя на отчине твоей, на великом княжении в Киеве, чтобы утвердился с нами по своей вере, а мы к тебе по своей вере, в мире и в любви». Князь же великий Глеб Юрьевич сказал послам половецким: «Пойду сам к князьям вашим на мир и на любовь».

И так, сев на коня, пошел с братом своим, с князем Михалком Юрьевичем, сначала к Переяславлю, оберегая его, ибо был князь Владимир Глебович Переяславский очень молод, только двенадцати лет, и послал к половцам, которые стояли у Корсуня, говоря так: «Пойду сначала к половцам, которые у Переяславля, на мир и на любовь; подождите, пока с ними сотворю мир и любовь, потом буду у вас».

И так в мире и любви стал с половцами, которые стояли у Переяславля, и, одарив их, отпустил; они же ушли восвояси.

Князь же великий Глеб Юрьевич с братом своим, с князем Михалком, и с дружиной своей пошел к другим половцам, которые стояли у Корсуня; а они, безбожные, узнали, что князь великий Глеб Юрьевич с братом своим, с князем Михалком Юрьевичем, пошел к Переяславлю. И начали воевать безбожные, и так воевали окающие по волостям и селам, дошли и к городам Пречистой Богородицы, к Семени и к Плону. И когда пришли они на посад города Божьей Матери Семени, к святой церкви Преображения Господня, и увидели от образа Пречистой Богородицы, что на иконе, пламя огненное исходящее и опаляющее их; также и у города Божьей Матери Плона, от святого образа Ее, который на иконе, видели пламя огненное исходящее ижигающее их; и ови от них в тои час изомроша, овии же скоро отбежаша.

Великий же князь Глеб Юрьевич был на Перепетовом поле, и услышал, что воюют половцы, и хотел сам идти на них; и удержали его берендеи, говоря: «Тебе, князь, подобает идти с великим воинством, и вот, у нас воинства мало, половцев же много. Пошли на них брата своего князя Михалка Юрьевича, пусть или в загонах или где еще их мало, явлюсь к ним, вдруг, услышав и испугавшись, отбегут восвояси; а так биться с ними невозможно, потому что их много, нас же мало».

И так князь Михалко Юрьевич, опоясавшись, пошел на половцев, имея с собою берендеев тысячу и двести человек, переяславцев же только сто человек. И наехал на половецких сторожей, на триста человек, спящих, как мертвые; и одних избили, других же, взяв, спросили: «Сколько всех вас?» Они же сказали: «Семнадцать тысяч; а других же Бог ваш пожег,

и померли»; и рассказали обо всем бывшем по порядку. Услышал же князь Михалко Юрьевич о великих чудесах Божьей Матери и возрадовался очень с дружиною своею. Был же тогда воевода нарочитый у князя Михалка, Владислав, Янев брат; и благодарили Бога и Пречистую Его Матерь Богородицу, и тогда поспешно пошли на половцев, и, встретив их, избили, ибо никто из них не мог руки поднять. Такое чудо показала Божия Матерь Пречистая Богородица. И спросили еще неких, в живых бывших: «Есть ли еще кто из ваших половцев позади вас?» Они же сказали о великой силе половецкой, идущей за ними, что больше десяти тысяч. Князь же Михалко Юрьевич возложил упование на Господа Бога и на Пречистую его Матерь Богородицу, так как вначале великое и неизреченное чудо сотворила Божья мать над безбожными половцами и смерти их предала, и потом снова помощь дала, и ныне снова та помощница и заступница.

И так, сев на коня, поспешно пошел на них с малою своею дружиною. И вот, внезапно встретил многое множество половцев, и когда на бой и на сечу стали сходить, и тут внезапно быстро все побежали, и все оружие бранное и щиты побросали, нагие совсем на конях бежали; также и с коней сваливаясь, падали и умирали. Так Божия Матерь Богородица сотворила великое и неизреченное чудо, и так Десятинная соборная пресвятая церковь отомстила за обиженные свои города и волости. Если Бог не даст в обиду простого человека, насколько более своей Матери дому священному не даст во обиде быть, но, отмщая, отомстит всякому; страшно ведь против рожна идти и священное и божественное обидеть. И так о чудесах Божьей Матери все люди радостно душою и сердцем благодарственно воспели Господу Богу и Пречистой его Матери; и был тогда страх и трепет во всей земле половецкой о содеавшемся чуде.

В том же году Мстислав Изяславич, внук Мстислава, правнук Владимира Маномеха, с братом своим, с князем Ярославом Изяславичем, со всеми волынцами, галичанами и с коюями пришли к Дорогобужу на князя Владимира Андреевича, внука Владимира Маномеха, а он был болен, тогда же и преставился, месяца января в 28 день; и воевали Дорогобуж, и прочие города, а иные пожгли и отошли восвояси.

В том же году приходило множество половцев, и воевали около Киева, сам же великий князь Киевский Глеб, сын Юрия Долгорукого, болен был и послал на них братьев своих, князя Михалка и князя Всеволода, детей Юрия Долгорукого. Они же изгнали их за реку Буг, и милостью Божьею и Пречистой Богородицы, и всех святых одни половцы избиты были, а другие бежали в Поле, а русские князья с радостью возвратились с полным восвояси.

В том же году во Владимире Волынском преставился князь Мстислав Изяславич, внук Мстислава, правнук Владимира Маномеха, праправнук Всеволода, преправнук Ярослава, пращура великого Владимира, и похоронили его во Владимире, где он и преставился. Его сыновья: Роман, Святослав.

Услышали новгородцы о том, что преставился князь Мстислав Изяславич, и прогнали от себя его сына князя Романа, а приняли у себя в Новгороде князя Рюрика Мстиславича на своих условиях.

В том же году родился сын у князя Мстислава Андреевича, нарекли ему в крещении имя Василий. В том же году владыка Илья, архиепископ Новгородский, со своим братом Гавриилом создали монастырь и церковь в нем во имя Благовещения Пречистой Богородицы.

В том же году в Новгороде покупали кадь ржи по четыре гривны, а хлеб — по две ногаты, а пуд меда — по десяти кун. В том же году преставился в Новгороде посадник Васька Буслаевич.

В 6680 лето от Адама (1180 лето от Христа)

Преставился благоверный и христолюбивый великий князь Киевский Глеб, сын Юрия Долгорукого, внук Андрея, названного Владимир Маномех, правнук Всеволода, праправнук Ярослава, преправнук великого Владимира, княжил он в Киеве два года, и похоронили его у святого Спаса на Берестове, где похоронен отец его Юрий, месяца сентября в 6 день. Его сын: Владимир.

В ту же осень отправил великий князь Андрей, сын Юрия Долгорукого, на великое княжение в Киев князя Смоленского Романа Ростиславича, а князь Ярополк, сын Романа, сел на великом княжении в Смоленске.

В ту же зиму послал великий князь Андрей Боголюбский, сын Юрия Долгорукого, своего сына князя Мстислава на волжских и камских болгар, и Рязанский князь послал сына своего, и Муромский князь послал сына своего, и был их путь очень трудным, потому что трудно зимой воевать с волжскими и камскими болгарами; неразумно они поступили и причинили этим поступком большую скорбь самим себе, многие плакали, идя, и, идя, не шли.

Был же князь Мстислав на Городце и соединился с своими братьями — Рязанским и Муромским князьями у устья реки Оки, и простояли они там две недели, ожидая воеводу Бориса Жидиславича, так как у него было все воинское снаряжение и устав. И так отправились на болгар, и пришли тайно в их землю, захватили шесть сел, а седьмой — город, мужчин убили, а женщин и детей в плен захватили и возвратились восвояси, и погналось за ними семь тысяч болгар, но немного не догнали, только

за двадцать верст. Князь же Мстислав имел тогда небольшое войско, все пребывали в большой нужде: одни раньше ушли, а другие от зимних тягот ослабели; но Господь Бог и Пречистая Его Матерь обратили поганых в бегство, показав этим неизреченное чудо, защитили и из рук поганых спасли; русское воинство едва вернулось с большими трудностями, потому что зимой трудно сражаться с болгарами.

В том же году ушел великий князь Роман Ростиславич, внук Мстислава, правнук Владимира, названного во святом крещении Андреем, Маномеха, из Киева во своей воле, так как сильно боялся измены киевлян и князя Михалка Юрьевича.

В том же году сел на великом княжении в Киеве князь Михалко Юрьевич.

В том же году сел на великом княжении в Киеве князь Ярослав Изяславич, внук Мстислава, правнук Владимира Маномеха.

В 6681 лето от Адама (1181 лето от Христа)

Преставился князь Мстислав Андреевич, сын Андрея Боголюбского, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Маномеха, месяца марта в 28 день, положили его в церкви Пресвятой Богородицы во Владимире, которую его отец основал.

Русь (1183–1212 гг. от В.Х.).

Книга 3

В лето 6682 от Адама (1182 лето от Христа)

Преставился благоверный и христоролюбивый князь Святослав, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Маномеха, месяца января в 11 день. Был же этот князь благоверным, христоролюбивым и человеколюбивым человеком, от юного возраста и до совершеннолетия много болел, посредством своей болезни сподобился блаженства; был разумен, знаток Божественного Писания, добронравен, смиренен, имел любовь и милость ко многим. Положено было его тело в церкви Пресвятой Богородицы в Суздале.

В том же году преставился князь Муромский Юрий Владимирович месяца января в 19 день, положено было его тело в церкви, которую сам создал в Муроме.

В том же году восстали новгородцы против своего князя Рюрика Ростиславича; он бежал из Новгорода.

Новгородцы послали к великому князю Андрею Боголюбскому, прося его на княжение в Новгород; он же дал им своего сына князя Юрия, и приняли его с почестями на условиях новгородцев.

В том же году князь Давид Ростиславич Вышгородский, не желая пребывать в единстве и любви с великим князем Андреем Юрьевичем Боголюбским и с его братьями, договорился со своим братом князем Мстиславом Ростиславичем и, приехав ночью к Киеву, захватил брата князя Андрея — князя Всеволода Юрьевича, и Ярополка Ростиславича.

Услышав об этом, великий князь Андрей Юрьевич Боголюбский послал своего сына князя Юрия вместе с ростовцами, суздальцами и новгородцами, поручив воеводство Борису Жидиславичу; отправилось вместе с ними двадцать других князей со своими полками. Князь же Давид Ростиславич Вышгородский оставил в Вышгороде брата своего князя Мстислава Ростиславича, а сам пошел за помощью в Галич; они

же пришли к Вышгороду с большим войском и окружили город, и много горожан сражались с ними, и простояли у города девять недель, не успев причинить городу большого ущерба, возвратились восвояси.

В лето 6683 от Адама (1183 лето от Христа)

Новгородцы прогнали от себя своего князя Юрия Андреевича, внука Юрьева, правнука Владимира Маномеха, и послали к князю Мстиславу Ростиславичу за его сыном; князь же Мстислав Ростиславич посадил сына своего Святослава на княжение в Новгороде.

В Киеве в то время на престоле великого князя правил Ярослав Изяславич, внук Мстислава, правнук Андрея, называемого Владимир Маномех, и напал на него тайно великий князь Черниговский Святослав Всеволодович, въехал в Киев и взял в плен его дружину. Сам великий князь Ярослав Изяславич бежал, его княгиню пленили вместе с его младшим сыном и всей дружиною; и пробыл в Киеве пятнадцать дней, и возвратился обратно в Чернигов, взяв с собой много имущества Ярослава. Ярослав же, услышав об этом, вернулся в Киев и разгневался на киевлян, говоря им: «Поставили вы этим меня в зависимое положение от Святослава Всеволодовича Черниговского; думайте, чем мне выкупить жену и сына». Киевляне же были в недоумении, что отвечать; князь же обложил их всех данью — архимандритов, игуменов, священников, иноков, купцов и латинян, живущих в Киеве, и всех людей киевских, и много неудобства доставило это киевлянам, и отправился к Чернигову.

Была же в то время в Чернигове междоусобная война между князем Черниговским и Олегом Святославичем, ибо Олег Святославич захватывал черниговские волости.

Князь же великий Черниговский Святослав Всеволодович примирился с великим Киевским князем Ярославом Изяславичем, и пошел Ярослав Изяславич обратно в Киев, а Святослав Всеволодович пошел войной на князя Олега Святославича, сжег его волости, и, много зла причинив, возвратился в Киев.

В том же году князь Роман Ростиславич со своими братьями прислал к великому князю Андрею Юрьевичу Боголюбскому, прося о помощи, чтобы помог он сесть на великом княжении в Киеве князю Роману Ростиславичу, внуку Мстислава, правнуку Владимира Маномеха, говоря: «Будет всем известно, кого ты посадишь в Киеве на великом княжении».

Он же отвечал ему, говоря: «Подождите немного, так как послал я к своим братьям на Русь, когда придет ко мне от них ответ, тогда и вам отвечу».

Убийство великого князя Андрея Юрьевича Боголюбского во Владимире Кучковичами

В том же году был убит великий князь Андрей Боголюбский. Вот как произошло его убийство: в пятницу на обедне совет держали окаянные убийцы. Был у князя любимый слуга по имени Яким Кучкович, который услышал, что повелел князь Андрей его брата, схватив, казнить, так как тот совершил некий проступок, тот же Яким, дьяволом наученный, побежал с воплями к своему брату Петру, Кучкову зятю, и его ключнику Анбалу Ясину, и Ефрему Моизовичу, к окаянным советникам своим, и стал говорить им: «Если его казнит князь сегодня, то и нас завтра также казнит; подумаем, как избавиться от этого князя»; и договорились об убийстве своего господина и кормильца.

И наступила ночь, они же, окаянные, приготовившись и взяв оружие, пошли на своего господина и великого князя Андрея, как звери свирепые. Произошло это убийство в ночь на субботу, на память святых и верховных апостолов Петра и Павла, и все они были любимцами князя, были среди его убийц окаянные Кучковичи, всего их, окаянных убийц, было 20, и, придя на двор князя, убили сторожей; с ним был отрок совсем детского возраста, который, войдя в сени, с силой распахнул двери, вошел в княжескую спальню, где спал блаженный, и тогда позвал служка, стоя у дверей: «Господин, господин, князь великий!» И спросил князь: «Кто это?» И тот ответил: «Прокопий». Князь же сказал ему: «Не Прокопий это».

Они же, услышав голос князя, начали ломиться в двери и силою выломали их. Блаженный, вскочив с постели, хотел взять меч, но не было меча, так как унес его в тот день ключник Амбал; был это меч святого и великого мученика Бориса.

И, ворвавшись в княжескую спальню, двое убийц схватили князя; князь же одного подмял под себя, а в то время вошли остальные, и, думая, что это князь повержен на пол, убили советника своего.

После этого окликнули князя, боровшегося с ним, так как был князь очень силен, секли его мечами и саблями. Князь сказал им: «Горе вам, окаянные и нечестивые! Зачем уподобились вы Горясеру? Зачем вы творите зло, проливая на землю мою кровь? Бог отомстит вам за мой хлеб».

Нечестивые убийцы, сочтя князя убитым, вынесли тело своего друга и с трепетом ушли прочь.

Князь же, оторопев, выбежал за ними, стал стонать от боли и пошел под сени. Они же, услышав его голос, вернулись назад.

Он же побежал под сени, и сказал тогда один из убийц: «Видел я, что князь спускался с сеней вниз. Посмотрите, где убили его»; и, пойдя туда, не нашли блаженного, и сказали: «Погибнем, если не найдем; скорее ищите его».

И зажгли свечу, нашли по кровавому следу блаженного, сидящего за столпом под входом, и там убили его; Петр же отрубил ему правую руку, а прочие пронзили его мечами, так блаженный преставился месяца июня в 29 день, на память святых апостолов Петра и Павла.

Утром же в воскресенье, на память 12 апостолов, нашли князя, лежащего мертвым, под сенями; и пришли боголюбские клирошане, и, взяв его тело, отнесли в церковь, отпев его, положили в каменный гроб.

Горожане же боголюбские и дворяне князя разграбили его дом, взяв себе все княжеское богатство и имущество, также и его посадник с тиуном поступили и разграбили оставшееся имущество.

Феодул, игумен монастыря Пресвятой Богородицы Владимирской, вместе с клирошанами, с Лучиною челядью и владимирцами приехали за телом князя в Боголюбское, и, взяв его тело месяца июля в 5 день, в четверг, привезли его в город Владимир, положили в церкви Пресвятой Богородицы Златоверхой, которую сам князь создал и украсил, богатством и имуществом наделил, десятинами и десятой частью от доходов в торговле, и всей десятиной, положенной во всем по уставу святого и блаженного великого князя Владимира, как тот учредил согласно древним греческим номоканонам, князь Андрей принял завещание предка и так по его завещанию все устроил. Всю свою жизнь князь не давал себе отдыха от трудов и болезней, а очам своим покоя, пока не обрел покоя в истинном доме Пречистой Богоматери, прибежища христианам, пути покаяния и спасения всем, и кровью мученической не омылся от своих прегрешений, чист и непорочен со своими братьями Романом и Давидом к Христу Богу был приведен и в селениях райских с ними не вселился, и не принял от Господа Бога неизреченные блага, которые око не видит, и ухо не слышит, и на сердце человеку не приходит, что уготовил Бог любящим Его. С младенческих лет возлюбил князь Христа Бога и Пречистую Его Матерь Богородицу и в Божественном Писании был весьма усерден, и в трудах проводил свою жизнь, ум и смысл очистив, и был смирен, и умилен, и прост в премудрости, тих и кроток, любезен и милостив, создал много церквей и монастырей, и о них заботился, а священнический и иноческий чин возлюбил больше всего, и убогих, и нищих, и странников, и увечных, и болезненных, и всех недужных успокаивал, и кормил, и к себе приводил, своими руками обнимал и утешал.

О милостыне так князь заботился, что по улицам и на распутья, в темницы и во многие другие места на возах еду и питье посылал, алчущих кормил, жаждущих поил, нагих одевал, бедных избавлял от бед, помня слово Христа: если сотворите добро одному из братии Моей меньшей, Мне сотворите; и слова Давида, говорившего: блажен человек, заботящийся о нищем и убогом; и еще: блажен муж, милующий и дающий весь день; и слова его сына Соломона, говорившего: милостынями и верой очищаются грехи, и дающий нищему в заем дает Богу, и слова святого пророка Даниила, говорившего: грехи свои милостынею очисти, и прегрешения свои — щедротами, оказываемыми нищим. Таковы жизнь и подвиги блаженного князя Андрея, сына Юрия Долгорукого, внука Андрея, называемого Владимир Маномых, правнука Всеволода, праправнука Ярослава, преправнука великого князя Владимира. Молим тебя, блаженный князь Андрей Боголюбский, имея дерзновение к Господу Богу и Пречистой Его Матери Богородице, постоянно молись о твоём родном брате Всеволоде, о господине нашем князе и обо всех твоих сродниках, чтобы Господь даровал им победу на врагов, и правили они долгие годы на земле в благочестии о Христе с княгинями и их детьми, и в род и род было семя их до скончания мира, и княжение их было тихим и безмятежным, и всяческих благ земных насладились они о Господе, и небесную благодать получили благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава и держава с Отцом и святым Духом, ныне и присно и в веки веков. Аминь.

В том же году после убийства князя Андрея Юрьевича собрались вместе ростовцы, суздальцы и переяславцы в городе Владимире и решили: «Господин наш князь Андрей убит, а детей у него нет, сын его в Новгороде правит, да и тот млад годами, а брат его — на Руси, то есть в Киевских странах, к кому же пошлем, чтобы стал княжить у нас? Живут около нас соседние князья рязанские и муромские, трепещим и боимся их, вдруг, напав, захватят нас с помощью войска, нет князя у нас — пошлем к князю Рязанскому Глебу, скажем ему: Бог взял господина нашего князя, а сейчас хотим, чтобы шурины твои княжили у нас, князь Мстислав Ростиславич, — внук Мстислава, правнук Владимира Маномыха, и брат его князь Ярополк Ростиславич».

И, так решив, с молитвой к Пречистой Богородице послали в Рязань к князю Глебу своих послов, говоря: «Хотим позвать шуринов твоих на княжение, пошли вместе с нашими послами на Русь своих послов, пусть пойдут они за князьями нашими на Русь», и забыли о целовании честного креста князю Юрию Долгорукому и младшим его детям. Князь Глеб Рязанский, услышав об этом, обрадовался, что такая честь оказана ему, что шуринов его зовут к себе на княжение.

И, так утвердившись крестным целованием и надеждой на Пресвятую Богородицу, послал к ним своих послов: князь Глеб Рязанский — от себя, а ростовцы, суздальцы и переяславцы — от себя.

Пришли послы в Чернигов к Ростиславичам и сказали им ростовцы, суздальцы и переяславцы: «Когда ваш отец княжил у нас, был очень добрым князем; приходите княжить к нам, так как зовет вас вся наша земля, а других не хочет». Передали послы им речь дружинную, был тогда с ними и князь Михалко Юрьевич у князя Святослава Всеволодовича Черниговского. И ответили им князь Мстислав Ростиславич и брат его Ярополк Ростиславич: «Помоги Бог дружине, что не забывают любви отца нашего»; и сказали князю Михалку Юрьевичу: «Не скорбите и не говорите о нас, что мы послали к ним, желая у них княжить; видите, они сами зовут нас; но, если хотите, идите княжить у них; если это не так, то пойдем все четверо: вас — два Юрьевича, а нас — два Ростиславича». И, договорившись между собой, отдали старейшинство князю Михалку Юрьевичу, и, поцеловав из руки епископа Черниговского святой и животворящий крест, пошли с миром и пришли в Москву.

Услышали ростовцы, суздальцы и переяславцы о приходе Юрьевичей, стали негодовать и сказали князю Ярополку Ростиславичу: «Ты приходи к нам»; а князю Михалку Юрьевичу сказали: «А ты подожди еще немного в Москве».

Ярополк же втайне от Михалка поехал к дружине к Переяславлю; князь Михалко Юрьевич это увидел и пошел к Владимиру. А дружина, увидев князя Ярополка, присягнула ему крестным целованием, и князь Мстислав, и князь Ярополк Ростиславичи пошли вместе с суздальцами и с переяславцами к Ростову, с ними же отправились и владимирцы, так как позвали их ростовцы к себе, всего их было около полутора тысяч, и, присягнув крестным целованием, пошли все к Владимиру на князя Михалка Юрьевича; он же закрылся в городе. Ростовцы, суздальцы и переяславцы причинили много ущерба вокруг города и позвали к себе на помощь рязанских и муромских князей, и воевали, жгли и секли, говоря: «Сожжем все и возьмем город, а посадника в нем своего посадим; так как они — холопы наши, каменосечцы и плотники».

Владимирцы же бились с ними из города, Пречистая Богородица помогала им, и простояли около города, сражаясь, семь недель, и уже продовольствия стало у них мало, и сказали владимирцы князю Михалку Юрьевичу: «Господин князь, или мирись с ними, или подумай сам о себе; так как уже изнемогаем мы от голода». Князь же отвечал им: «Вы правы, да не погибнете из-за меня», и пошел прочь от них к Чернигову, проводили его владимирцы с плачем.

Также потом и владимирцы объединились с князем Мстиславом Ростиславичем и его братом князем Ярополком Ростиславичем, укрепились крестным целованием с ними, что те не сотворят им никакого зла, и вышли с крестами из города навстречу Мстиславу и Ярополку.

Князь же Мстислав Ростиславич и его брат князь Ярополк, войдя в город Владимир, утешили владимирцев, и, разделив власть Ростовскую, сели княжить, а князя Ярополка Ростиславича с радостью посадили на княжении в городе Владимире в церкви Пречистой Богородицы, заключив договор. Не оказали владимирцы сопротивления князю Мстиславу Ростиславичу и его брату князю Ярополку Ростиславичу, но не захотели покориться ростовцам, так как те надругались над ними, говоря: зажжем и спалим весь город Владимир и посадим в нем посадника своего; так как они — холопы наши, каменосечцы, плотники и пахари, а город Владимир — пригород нашей Ростовской области.

Потом же ростовцы посадили у себя на княжении князя Мстислава Ростиславича, внука Мстислава, правнука Владимира Маномеха, на престоле дедовском и отцовском.

В ту же зиму женился князь Владимирский Ярополк Ростиславич, взял за себя дочь князя Витебского Всеслава и обвенчался с ней в городе Владимире в церкви Пречистой Богородицы.

В ту же зиму смоляне прогнали от себя из Смоленска князя Ярополка Романовича, внука Ростислава, правнука Мстислава, праправнука Владимира Маномеха; а князя Ростислава Мстиславича поставили в Смоленск княжить месяца января в 30 день, во вторник Мясопустной недели.

В лето 6684 от Адама (1184 лето от Христа)

Сидели князья Мстислав и брат его Ярополк Ростиславичи на княжении в земле Ростовской и Суздальской, раздали города посадникам, своим боярам и дружине своей.

Те же начали много неприятностей причинять народу продажами и большими данями, много повинности налагали на них, причиняли этим немалую скорбь; так как сами князья, будучи еще молодыми, слушались во всем бояр, а бояре учили князей стремиться к владению большим имением и лихоимству.

А князь Ярополк Ростиславич был подучин своими советниками на зло и окаянство, чтобы отнять у Пречистой Богородицы Владимирской города и волости, и села, дани и пошлыны церковные, которые блаженный князь Андрей Боголюбский дал церкви Пречистой Богородицы, все золото и серебро, и священные сосуды, и ключи палатные, где сокровенная казна церковная хранится, все отнял.

Владимирцы же начали роптать между собою, говоря: «Мы приняли князей по собственной воле, и животворящий крест целовали им на всем, а сейчас они эту землю грабят и губят, как не свою волость, и не только простые волости, но и церковные волости, дани, пошлыны и все прочее отняли».

И послали владимирцы к ростовцам и суздальцам, говоря им о своей обиде; те же на словах лицемерно поддержали их, на деле же ничем не помогли.

Владимирцы же собрались между собой и послали к князю Михалку в Чернигов, говоря: «Ты, старейший среди своих братьев, пойдя к Владимиру; если же что замыслят против нас ростовцы и суздальцы при тебе, то все будет, как Бог даст и Пресвятая Богородица».

Новое чудо Пресвятой Богородицы

Михалко отправился из Чернигова вместе с братом Всеволодом, с ними же пошел и Владимир Святославич, внук Всеволода Олеговича; пришли они в Москву, где встретили их владимирцы.

Услышав об этом, князь Ростовский Мстислав Ростиславич и его брат князь Ярополк посоветовались со своей дружиной, и повелели князю Ярополку выйти против них с своим полком, и встретить их, и биться с ними, не пропуская их к городу Владимиру; но Божьим промыслом они разминувшись в лесах — князь Михалко из Москвы пошел к Владимиру, а князь Ярополк другим путем пошел к Москве. И дошла к князю Мстиславу Ростиславичу весть от его брата Ярополка Ростиславича: «Князь Михалко Юрьевич очень немощен, и несут его на носилках, и дружины с ним идет мало, я пойду вслед ему, догоню его дружину; пойдя, брат, поскорее навстречу ему, чтобы не вошел он в город Владимир».

Эта весть пришла к нему в субботу, сказал об этом своей дружине, а утром в воскресенье поскакал быстро, как при охоте на зайца, из Суздаля, а дружина догнала его.

Князь же Михалко Юрьевич не доехал до Владимира пяти верст, как встретил его князь Мстислав Ростиславич со своею дружиной, но не со всей, так как некоторые воины ехали позади, а другие еще из города не выехали. Сам князь с воинами быстро ехали, не желая допустить, чтобы Михалко Юрьевич вошел в город Владимир, и выступили из-за холма со своим полком, подняли стяг.

Князь же Михалко Юрьевич пришел и стал готовить полки свои, и погнал на рысях за дружиной князя Мстислава Ростиславича, словно хотел его уничтожить, и начали перестрелку стрельцы обоих полков, и,

не доскакав до князя Мстислава Ростиславича, дружина опустила свои стяги на землю, и побежали они, гонимые гневом Божиим и Пречистой Богородицы, так как не допустила Матерь Божья обиды Дому Своему. Ведь если и простых людей не допускает обидеть Господь Бог и Пречистая Его Матерь Богородица, тем более не допускает быть обиженными священным и божественным вещам.

Князь же Мстислав Ростиславич бежал к Новгороду, а его брат князь Ярополк Ростиславич — к Рязани, а их мать со снохами владимирцы захватили в плен; Михалкова же дружина погналась за ними, сражалась и захватывала в плен. Так вошел князь Михалко Юрьевич во Владимир, вышли ему навстречу с крестами священники и иноки с множеством народа, и въехал князь Михалко Юрьевич со своим братом князем Всеволодом Юрьевичем месяца июня в 16 день, в воскресенье. Князь же Михалко Юрьевич со своим братом Всеволодом Юрьевичем возвратили Пречистой Богородицы города, волости, села и данные пошрины, все то, что отнял у Пречистой Богородицы князь Ярополк Ростиславич, забыв сказанное, что страшно впасть в руки Бога Живого; и была радость великая в городе Владимире, так как видел народ у себя в городе великого князя всей Ростовской земли.

Воистину следует удивиться этому, так как не человеческим замыслом, а Божиим промыслом и Пречистой Его Матери Богородицы произошло, что слабые люди владимирцы победили сильных, потому что древние и сильные города Ростов и Суздаль, и все их бояре хотели свою правду утвердить, не повинуюсь Божьей правде, бессовестно говоря: «Город Владимир — пригород наш, и живут в нем наши холопы, каменосечцы и плотники, и пахари». Так говорили они, противясь Богу и Пресвятой Богородице, слушая злых людей, не желающих ни нам добра, ни этому городу, ни всем, живущим в нем. Основал этот город великий и блаженный Владимир, а потом князь Андрей, сын Юрия Долгорукого, также и князя Михалка избрал Господь Бог и Пречистая Богородица, так в Евангелии говорится: исповедаю ти ся. Отче, Господи небеси и земли, яко утаил еси от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцем. Также и сейчас премудрые и разумные, богатые и сильные древние ростовцы и суздальцы, и все старейшие поступали, не руководствуясь правдой Божьей и не повинуюсь воле Его; новые же, малые и незнатные владимирские люди, уразумев Божью волю, со страхом и трепетом припали к Нему со слезами, и не дал их Господь Бог и Пречистая Его Матерь в обиду. Так как того, что человек испросит у Бога всем сердцем, не лишит его Господь Бог, как и владимирцев Господь Бог не лишил благого желания и прославил их по всей земле; говоря, славящая бо Мя, рече, прославлю, а укоряющей Мя укорени и безчестни будутъ.

В том же году прислали суздальцы и ростовцы к князю Михалку Юрьевичу, говоря: «Господин князь! Не держи против нас зла в своем сердце, что мы не были в полку с князем Мстиславом Ростиславичем, приди, господин князь к нам в Суздаль с тихостью, кротостью и любовью».

Он же пошел в Суздаль с тихостью, кротостью и любовью, а потом пошел в Ростов с тихостью, кротостью и любовью, и объединил всех целованием честного креста, и возвратился к Владимиру, а своего брата младшего князя Всеволода Юрьевича посадил в Переяславле, что на Клещине озере.

В том же году подошел с войском великий князь Михалко, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Маномеха, к Рязани против князя Рязанского Глеба, и когда он был на реке Мерской, встретили его послы князя Рязанского Глеба с поклоном, миром и любовью, признали во всем вину свою, и все то, что забрал князь Глеб у своих шуринов, князя Мстислава Ростиславича и его брата князя Ярополка Ростиславича, возвратили назад, и Пресвятую Богородицу, которую взял во Владимирской церкви, все до золотника и книг возвратили. Князь же Михалко Юрьевич с князем Рязанским Глебом помирился и в любви возвратился во Владимир.

В лето 6685 от Адама (1185 лето от Христа)

Ростовцы и суздальцы послали в Новгород за князем

Мстиславом Ростиславичем, внуком Мстислава, правнуком Владимира Маномеха; он же пошел к ним, а сына своего Святослава оставил в Новгороде.

И когда он еще не дошел до княжества, в то время преставился князь Михалко, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Маномеха, месяца июня в 20 день, на память святого Мефодия, и положили его тело в святой церкви Пречистой Богородицы Златоверхой во Владимире, которую построил брат его Андрей, сын Юрия Долгорукого.

Княжение во Владимире великого князя Всеволода Юрьевича, внука Владимира Маномеха

После кончины великого князя Михалка Юрьевича владимирцы послали в город Переяславль, что на Клещине озере, за братом князя Михалка князем Всеволодом Юрьевичем, внуком Владимира Маномеха, говоря: «Господина нашего великого князя Михалка Юрьевича Бог взял, приходи княжить после брата своего на великом княжении во Владимир».

Князь же Всеволод вскоре пришел к ним, владимирцы вышли навстречу ему к Золотым воротам и заключили мир с ним и его детьми целованием честного и животворящего креста Господня.

Он же вошел в город Владимир и сел на престоле, на великом княжении после брата своего Михалка Юрьевича.

В ту же осень пришли ростовцы и суздальцы из Новгорода с князем Мстиславом Ростиславичем, внуком Мстиславичем, правнуком Владимира Маномеха, в город Ростов, и посадили его на княжении в Ростове.

В ту же осень князь Ростовский Мстислав Ростиславич созвал своих бояр, своих пасынков и всю свою дружину и стал советоваться с ними о князе Владимирском Всеволоде Юрьевиче; они же все великой радостью возрадовались и ежедневно стали понуждать его идти с войском к Владимиру против князя Всеволода Юрьевича; он же откладывал, говоря: «Подождите, пока соберемся все, еще и других к себе присоединим». Ростовцы же начали роптать и сурово говорить с ним; он тогда все-таки пошел с ними против князя Всеволода Юрьевича к Владимиру. Князь Всеволод с владимирцами вышел ему навстречу, а против переяславцев с Клещина озера послал князя Ярослава Мстиславича, внука Ростислава, правнука Владимира Маномеха.

Всеволод был уже в Суздале и оттуда увидел святую церковь Владимирской Пречистой Богородицы и весь город Владимир от основания, стоящий словно на воздухе, так явил Господь Бог и Пречистая Богородица великое знамение. Удивились этому князь Всеволод Юрьевич и все войско его и воскликнули: «Господи помилуй! Что значит это великое и новое чудо; слава тебе, Владыка, Христе Боже Предвечный, что Ты творишь все, что хочешь».

И послал Всеволод к князю Мстиславу Ростиславичу, говоря: «Тебя привели ростовцы к себе княжить, правь тогда у них в Ростове; а меня привели владимирцы княжить у них, и мне будет принадлежать Владимир, а Суздаль будет общим для нас городом, кого сами они захотят, тот пусть и будет им князем». Он хотел так сделать но одолели его ростовцы, говорившие: «Хотя ты и хочешь так сделать, но мы не хотим этого: так как не существует княжения Владимирского, это наш пригород, и живут в нем наши смерды и холопы, каменосечцы и плотники, и пахари». Так ростовцы превознеслись своею гордостью, а не смирились, не зная, что без смирения ничего не происходит, не понимая, что Бог дает власть тому, кому захочет, ставит судью Всевышний и смирением все собирает и укрепляет, и если какая земля станет угодной Богу, то дает ей правителя праведного, любящего суд и правду; ибо если у каких людей правители праведные, то тем много согрешений прощается, потому что он — гла-

ва находящихся под его властью, одних он милостью приводит к Богу, других же — страхом: в обоих случаях его человеческая жизнь состоит в заботе о послушных ему, кого кротостью и тихостью, кого же страхом и лютостью, так как не о своих [подданных] заботится, а о Христовых, и не за себя мстит, но за принадлежащих Богу.

И так князь Мстислав приготовился к сражению вместе со своими ростовцами, также и князь Всеволод Юрьевич вышел против них на битву с владимирцами и подошел к Юрьеву; и там пришли к нему переяславцы, и передали им речи ростовцев. Они сказали: «Господин князь! Бог с тобой и правда твоя, нет вины твоей пред ними, то, что от тебя хотят ростовцы или что хочет от тебя князь Мстислав Ростиславич, слушаясь советов Добрыни Долгого и Матвея Бутова, и иных злодеев ростовских; еще брату твоему, князю Михалку Юрьевичу, а его дяде, девять дней не прошло, а он хочет кровь проливать».

Князь же Всеволод Юрьевич возложил свое упование на Господа Бога и на Пречистую Его Матерь Богородицу и вышел против них, приготовив свои полки к битве. Князь же Мстислав Ростиславич расположился у Липицы, стрелки обоих полков начали стрельбу, и потом пошли на рысях оба полка, и заполнили все поле Юрьевское, сошлись у Юрьева между реками Гза и Липица, помог Господь Бог и Пречистая Богородица князю Всеволоду Юрьевичу, и победил он князя Мстислава Ростиславича и его ростовское воинство, а Добрыню Долгого убил и Иванка Степанова, и много других ростовских бояр и воевод, и слуг побил, а некоторых захватил в плен живыми, села же ростовских бояр все разграбил.

И возвратился князь Всеволод Юрьевич со своим воинством во Владимир, а князь Мстислав Ростиславич, внук Мстислава, правнук Владимира Маномеха, бежал к Ростову, и, пробыв там немного, бежал из Ростова к Новгороду, но не приняли его новгородцы, говоря: «Ходил ты на завоевание другого княжения, а нас оставил, только сына своего оставил у нас»; потом и сына его Святослава выслали к нему, сказав: «Иди, куда хочешь, а у нас больше не живи».

Он же пошел из Новгорода к Рязани к тестю своему князю Глебу и начал плакаться и жаловаться князю Рязанскому Глебу на князя Всеволода Юрьевича, внука Владимира Маномеха; князь же Рязанский Глеб захотел послать послов по поводу своих шуринов к князю Всеволоду Юрьевичу, предлагая ему мир и любовь; они же не захотели, говоря: «Не будет нам с ним мира и любви, потому что много мы пострадали от него».

Князь Рязанский Глеб потерял разум, послушав своих шуринов, и пошел ратью к Москве, и сжег всю Москву, город, волости и села, и все захватил; князь же Всеволод Юрьевич вышел на него вместе с ростовца-

ми, суздальцами и переяславцами и со всей силой своей. И стоял он за Переяславлем под Шеренским лесом, и там пришли к нему новгородцы, слуги тысяцкого Милонегы, и сказали ему: «Господин князь Всеволод! Не ходи без удалых новгородских сынов на князя Рязанского Глеба, но собери всех новгородцев и тогда иди на него».

Он же, послушав новгородцев, возвратился к Владимиру, говоря: «Да будет воля Господня, пусть отмстит ему Господь Бог и Пречистая Его Матерь».

Князь же Глеб Рязанский сжег весь город Москву, волости и села, и, захватив много имущества, возвратился обратно в Рязань.

В ту же зиму великий князь Всеволод захотел отомстить князю Рязанскому Глебу и пошел на него к Рязани с ростовцами, суздальцами, переяславцами и новгородцами; прислал к нему великий князь Черниговский Святослав Всеволодович на помощь своего племянника Олега и сына своего Владимира. Пришел к нему и из Переславля Руского племянник его великий князь Переяславский Владимир Глебович, внук Юрия Долгорукого. Так, со всеми теми силами соединившись, князь Всеволод Юрьевич пошел к Рязани на князя Глеба Рязанского; и стояли они у Коломны, и пришла к нему весть, что князь Рязанский Глеб другим путем идет к Владимиру и воюет с половцами около города, и церковь Боголюбскую и все иконы с всяческою утварью разграбил и присвоил себе, также поступил и с другими церквями, и много зла причинил христианам своими поступками князь Рязанский Глеб, Господа Бога разгневал и Пречистую Его Матерь, и принял месть, достойную своего безумия и злодеяния от Господа Бога и от Пречистой Богородицы, о чем будет сказано дальше.

Тогда князь Всеволод Юрьевич, услышав о скором приходе князя Рязанского Глеба, вздохнув, сказал: «Ты, Господи Боже Человеколюбче, отомсти за его неправду, за то, что по клеветническим наветам на шуринов своих пошел и много убийств и кровопролития сотворил», и, сказав это, ушел из Коломны, и вернулся в свою землю, и встретил князя Рязанского Глеба, стоящего на реке Колокше с половцами и с пленными; и стояли они один против другого месяц, ни один против другого не выступал, ибо нельзя было перейти реку из-за нетвердости льда на реке. Князь же Рязанский Глеб хотел мира, а князь Всеволод Юрьевич не хотел, потому что не видел у него половцев, ибо не причинил ему зла, но он послушался клеветы на своих шуринов, и стремился к убийству и кровопролитию, и этим разгневал Господа Бога и Пречистую Богородицу. Так Всеволод Юрьевич со всем воинством своим ревностью разгорелся, с радостью хотел идти против него с войском; но князь Рязанский Глеб был уже стар возрастом, и опечалился он вместе с войском своим, в не-

доумении пребывал, не зная, как поступить. Ибо так Господь Бог злых и гордых смиряет и низлагает, отдает всем на поругание и бесчестие.

И так на Масляной неделе князь Всеволод Юрьевич начал собирать полки и снарядил возы, послал на ту сторону реки Колокши, где стоял князь Рязанский Глеб; князь же Рязанский Глеб снарядил полк и отправил вместе со своим шурином князем Мстиславом Ростиславичем к возам; а князь Всеволод Юрьевич послал сына своего Владимира за возами вместе с переяславцами и с множеством воинов против его шурина князя Мстислава Ростиславича; а князь Рязанский Глеб с двумя своими сыновьями — Романом и Игорем и со своим шурином Ярополком Ростиславичем перешли через реку Колокшу и пришли к князю Всеволоду Юрьевичу на Прускову гору. Не дошли они до полка Всеволода одного полета стрелы, как шурин его князь Мстислав Ростиславич на другой стороне реки Колокши смутил самого себя и все воинство князя Рязанского Глеба; произошло это по Божьей воле, во имя отмщения неправды князя Рязанского Глеба.

Когда князь Рязанский Глеб увидел своего шурина князя Мстислава Ростиславича, бегущего от князя Владимира Всеволодовича, охватил его страх и ужас, немного постояв, и он побежал, гонимый Божьим гневом, хотя никто не гнал его, только Божий гнев.

И князь Всеволод Юрьевич, увидев его, гонимого Божьим гневом, погнался вслед ему со всем своим воинством, и одних убил, других же пленил так же, как и самого князя Рязанского Глеба и сына его князя Романа, и шурина его князя Мстислава Ростиславича, и тысяцкого его Бориса Жидиславича, и воеводу его Якова Деденкова, и Ольстина, и Дедила, и других воинов огромное множество; также и одних половцев избили, а других голыми руками пленили. Такое отмщение совершил Господь Бог. Если же и простых людей Господь Бог и Пречистая Его Матерь Богородица не дают в обиду, то тем более не допускают обид своим священным и божественным; если когда и долго терпит, но все-таки совершает наказание: каким судом судите, таким и вас судить будут, и какой мерой меряете, такой и вам воздастся; все, что человек сотворит своему ближнему, в то же и сам впадет, не так ли бывает в телесном или душевном: ибо, говорится, не бывает суда без милости для не сотворившего милости. Произошла эта победа и оказана была помощь Господом Богом и Пречистой Богородицей князю Владимирскому Всеволоду Юрьевичу против князя Рязанского Глеба на Федоровой неделе в понедельник, и возвратился он во Владимир с великой радостью, приведя с собою князя Рязанского Глеба и сына его князя Романа, и шурина его князя Мстислава Ростиславича, внука Мстислава, правнука Владимира Маномеха.

На третий же день началась смута и мятеж в городе Владимире среди знатных и незнатных владимирцев; собрались все на княжеском дворе с оружием, говоря: «Господин князь! Мы за тебя свои головы кладем и кровь свою проливаем, оберегая тебя и желая тебе добра; а ты со своими и нашими врагами общаешься запросто, с князем Рязанским Глебом и сыном его Романом, и шурином его князем Мстиславом Ростиславичем, а когда эти твои любимцы и их друзья, а твои и наши враги, суздальцы и ростовцы, которых и в городе Владимире, и повсюду за городом великое множество, восстав, начнут мятеж, то будет последняя ложь горше первой, ослепи их или посади в темницу».

Князь великий Всеволод Юрьевич, будучи милосердным, не захотел этого сделать, но из-за людского волнения и мятежа повелел посадить их в темницу, а в Рязань послал, говоря: «Выдайте мне моего врага шурина князя Глеба, князя Ярополка Ростиславича; если же не сделаете так, пойду на вас с большим воинством».

Рязанцы же сказали сами себе: «Из-за этих князей Ростиславичей и нашим князьям будет беда и погибель; пойдем в Воронеж и захватим его»; бежал тогда князь Ярополк Ростиславич в Воронеж, и так переезжал из города в город, не зная, куда себя деть от многих печалей и скорби.

И пошли в Воронеж, пленили его и отвели во Владимир к князю Всеволоду Юрьевичу; он же повелел забрать его у них, и посажен был он к прочим.

Потом же снова восстали все люди, вопя и крича: «Хотим ослепить их»; великий князь Всеволод Юрьевич очень был опечален этим, так как был милосердным, но не мог сдержать народ.

Они же, придя, захватили темницу, и, взяв князя Мстислава Ростиславича и его брата князя Ярополка Ростиславича, ослепили и отпустили их прочь, идущих с гниющими очами, и пришли они к Смоленску, вошли в церковь святых страстотерпцев Бориса и Глеба на Смядыне, и тут прозрели месяца сентября в 5 день, на память убиения князя Глеба.

Князь же Рязанский Глеб умер в темнице, а его сына князя Романа, заставив присягнуть крестным целованием и смилив, отпустили в Рязань.

В ту же зиму князь Мстислав Ростиславич и брат его князь Ярополк Ростиславич пошли к Новгороду; новгородцы приняли их с почестями и с великой радостью и посадили князя Мстислава Ростиславича на княжении в Новгороде, а брату его князю Ярополку Ростиславичу отдали Торжок, а князю Ярославу, племяннику Всеволода, дали Волок Ламский.

В том же году князь Рязанский Роман Глебович победил много половцев.

В лето 6686 от Адама (1186 лето от Христа)

Великий князь Всеволод Юрьевич Владимирский заключил мир и любовь с новгородцами, и закрепили это крестным целованием, но не договорились; он пошел против них к Торжку, волости и села сжег, а города не сжег, так как обещали новоторжцы дань дать, но солгали.

Он же захватил их город, а самих убил, а женщин и детей в плен увел, город их сжег месяца декабря в 8 день, на память преподобного отца нашего Потопия.

И так всех пленных и добычу отправил во Владимир, а сам оттуда пошел к Волоку Ламскому, и пришел туда тайно, сжег волости и села, пленил своего племянника князя Ярослава Мстиславича, внука Ростислава, правнука Владимира Маномеха.

И город Волок Ламский сжег, и, многих людей пленив, а некоторых убив, пошел к Владимиру.

В лето 6687 от Адама (1187 лето от Христа)

Князь Мстислав Ростиславич собрал двадцать тысяч новгородцев и пошел завоевывать Чудскую землю и Очулу, и простоял там восемь дней, одних пленил, а другие бежали к морю; он же возвратился с большой добычей в Новгород.

В лето 6688 от Адама (1188 лето от Христа)

Пошел князь Мстислав Ростиславич с новгородцами ратью на Полоцк, на зятя своего князя Всеслава, ибо ходил некогда дед его на Новгород, а взял Иерусалим церковный и сосуды служебные, и погост один укрепил за Полоцком; князь же Мстислав Ростиславич хотел возвратить все плененные новгородские волости.

И когда пришел на Луки, и там прислал к нему из Смоленска брат его, князь Роман Ростиславич, говоря так: «Не ходи, брат, к Полоцку на князя Всеслава, потому что обиды тебе от него нет; если же хочешь, то прогони меня, хочешь — иди ратью».

Он же не хотел опечалить своего старшего брата князя Романа Ростиславича и возвратился в Новгород.

И одолела его сильная болезнь, и преставился князь Мстислав, сын Ростислава, внук Мстислава, правнук Владимира Маномеха, праправнук Всеволода, преправнук Ярослава, пращур великого Владимира, месяца июня в 14 день, на память святого пророка Елисея и святого Мефодия, патриарха Константинопольского, и положен был в притворе церкви святой Софии в гробнице, которую создал Владимир Ярославич. Его сын: Святослав.

Новгородцы же посадили у себя в Новгороде на княжении его брата князя Ярополка Ростиславича.

Князь же великий Владимирский Всеволод Юрьевич захватил купцов новгородских и много неудобств им причинил; новгородцы об этом опечалились и оскорбились, и выслали из Новгорода князя Ярополка Ростиславича; тогда же князь Владимирский Всеволод Юрьевич пришел тайно в Новый Торг, многих убил и многих пленил.

Новгородцы же послали в Смоленск к князю Смоленскому Роману, чтобы тот пришел к ним княжить в Новгород.

Он же, послушав их, пришел на Федоровой неделе в Новгород и в Соборную неделю сел на княжении в Новгороде.

В том же году владыка Илья, архиепископ Новгородский, заложил каменную церковь Благовещения Пречистой Богородицы; начали ее строить месяца мая в 21 день, а закончили месяца августа в 25 день, и всего ее строили 70 дней.

В том же году новгородцы послали к великому князю Черниговскому Святославу Всеволодовичу и попросили у него его сына князя Владимира.

В том же году владыка Илья, архиепископ Новгородский, со своим братом Гавриилом заложили каменную церковь Святого Богоявления на воротах.

В том же году пошел великий князь Черниговский Святослав Всеволодович, внук Олега, правнук Святослава, праправнук Ярослава, преправнук великого Владимира, вместе с черниговцами и половцами на Суздаль ратью против великого князя Всеволода Юрьевича, а его сын князь Владимир вышел из Новгорода вместе с новгородцами и встретился с ним на Волге в устье Твери, и опустошили всю Волгу, все города, волости и села сожгли.

Князь же великий Всеволод Юрьевич вышел против него и встретил его, не доходя Переяславля за сорок верст, на реке Влене, и они стояли друг напротив друга две недели, схватились было на короткое время, и снова разошлись, и испугались князь Черниговский Святослав Всеволодович со своим сыном Владимиром Новгородским и с новгородцами половодья, сожгли город Дмитров, волости, и села, и возвратился Святослав Всеволодович в Чернигов, а его сын князь Владимир в Новгород вместе с новгородцами; а великий князь Всеволод Юрьевич возвратился во Владимир, и встретили с почестями Черниговского князя Святослава Всеволодовича в Новгороде, много чествовали его и одарили.

В том же году прислали к великому князю Всеволоду Юрьевичу послов рязанские князья — князь Всеволод Глебович и его брат Владимир

Глебович, жалуясь на старшего своего брата, князя Романа Глебовича, что обижает он их волости.

Всеволод Юрьевич пошел к Рязани на князя Рязанского Романа Глебовича Рязанского. И подошел он к Коломне, и тут встретили его князь Всеволод Глебович с братом Владимиром Глебовичем, и заключил он с ними мир, и пошел прочь от Коломны.

Князь же Рязанский Роман Глебович послал впереди себя с передовым отрядом князя Глеба Святославича, внука Всеволода, правнука Олега, праправнука Святослава, препраправнука Ярослава, пращура великого Владимира; он же совершил оплошность, все его воины были пьяными, и сторожевых его пленили так же, как и самого князя Глеба Святославича, внука Всеволода, и привели к великому князю Всеволоду Юрьевичу; он же отослал его в город Владимир.

И подошел к Оке, там его передовой отряд встретился с авангардом князя Романа, те также были пьяны и спали, и одних избили, а других пленили, а некоторые, обратившись в бегство, утонули в реке Оке.

Князь же Рязанский Роман Глебович, узнав, что побеждены его сторожевые полки, тотчас же побежал в Поле мимо города Рязани, а братьев своих, князя Игоря Глебовича и князя Святослава Глебовича, затворил в городе Рязани.

Князь же великий Владимирский Всеволод Юрьевич пошел к городу Рязани, и, перейдя реку Оку, взял город Бориса и Глеба, также пришел к городу Рязани и мир заключил с великим князем Рязанским Романом Глебовичем и с его братьями, князьями Игорем и Святославом; и скрепили крестным целованием [договор], чтобы каждый управлял своими волостями, и никто не обижал друг друга, и не вступал в чужие пределы, и пребывали все в мире и любви, и так примирились и в любви разошлись.

В лето 6689 от Адама (1189 лето от Христа)

Правил в Новгороде князь Владимир Святославич, внук Всеволода, правнук Олега, праправнук Святослава, препраправнук Ярослава, пращур великого Владимира, князь же Ярополк Ростиславич просто находился в Новгороде, и сжалился над ним князь Владимир Святославич, внук Всеволода, и упомянул о нем новгородцам, чтобы оказали они ему милость и дали ему некий городок, чтобы он там жил.

Услышав это, новгородцы были ему благодарны и по своему новгородскому обычаю созвали вече, и дали князю Ярополку Ростиславичу, внуку Мстислава, правнуку Владимира Маномеха, город Новый Торг, называемый Торжок; и он пришел в Торжок и, немного пробыв в нем,

начал завоевывать по Волге города, волости и села, принадлежащие князю Владимирскому Всеволоду Юрьевичу. Так он завоевывал их, ничего не подозревая, но выступил против него тайно князь Владимирский Всеволод Юрьевич, собравший большое войско, рязанцев и муромцев; князь же Ярополк Ростиславич со своими новоторжцами затворился в городе.

Они же, подойдя, осадили город, была битва суровая и сеча злая, простояли они около города десять недель, и начали люди в городе изнемогать от голода, наступила печаль и скорбь в городе. Князь Ярополк Ростиславич ходил по городу и по стенам и расставлял воинство свое против врагов, но был он внезапно ранен врагами, охватила город печаль и скорбь великая.

И так, пребывая в печали и скорби, сдались новоторжцы великому князю Владимирскому Всеволоду Юрьевичу; он же, захватив город, князя Ярополка Ростиславича пленил и заковал в оковы, а всех новоторжских бояр, воевод, вельмож и купцов с женами и детьми увел с собой во Владимир.

В том же году новгородцы выслали от себя из Новгорода своего князя Владимира Святославича; он же пошел к отцу своему Святославу Всеволодовичу в Чернигов.

В том же году послали новгородцы к великому князю Всеволоду Юрьевичу во Владимир, прося у него князя для себя; он дал им своего свояка князя Ивана, называемого Ярослав Владимирович; они же пришли с ним в Новгород и посадили его на княжении в Новгороде.

В том же году новгородцы поставили церковь святого Иакова на Добрынине улице и церковь святого Козьмы и Дамиана, и святого Георгия.

В лето 6690 от Адама (1190 лето от Христа)

Преставилась благоверная великая княгиня, супруга великого князя Юрия Долгорукого, называемая Ольга, в святом же иноческом образе Ефросинья, месяца июля в 4 день, и положена была в святой церкви Пречистой Богородицы во Владимире.

В лето 6691 от Адама (1191 лето от Христа)

Новгородцы прогнали из Новгорода своего князя Ивана, называемого Ярослав Владимирович, свояка князя Владимирского Всеволода Юрьевича; он же вернулся к своему свояку князю Всеволоду Юрьевичу во Владимир.

Новгородцы послали в Смоленск к князю Давиду Ростиславичу, прося у него сына на княжение в Новгород, он дал им своего сына князя

Мстислава; они же вернулись с ним в Новгород и посадили его на княжении в Новгороде.

В том же году владыка Илья, архиепископ Новгородский, с братом своим Гавриилом zaloжили каменную церковь святого Иоанна Предтечи на Торгу.

В лето 6692 от Адама (1192 лето от Христа)

Пошел великий князь Владимирский Всеволод Юрьевич войной на болгар вместе со своим племянником, князем Изяславом Глебовичем, внуком Юрия Долгорукого, правнуком Владимира Маномеха, и с князем Мстиславом Давидовичем, и с князем Владимиром Святославичем; позвал к себе на помощь рязанских и муромских князей: князя Рязанского Романа Глебовича и его братьев — князя Игоря, князя Всеволода и князя Владимира Муромского, а шли они по воде на судах и по берегу на конях, и пришли в землю болгар, вышли на берег и встали у городка, называемого Тугчин, и простояли там два дня, а на третий день подошли к их большому городу, а сторожевые отряды ехали впереди.

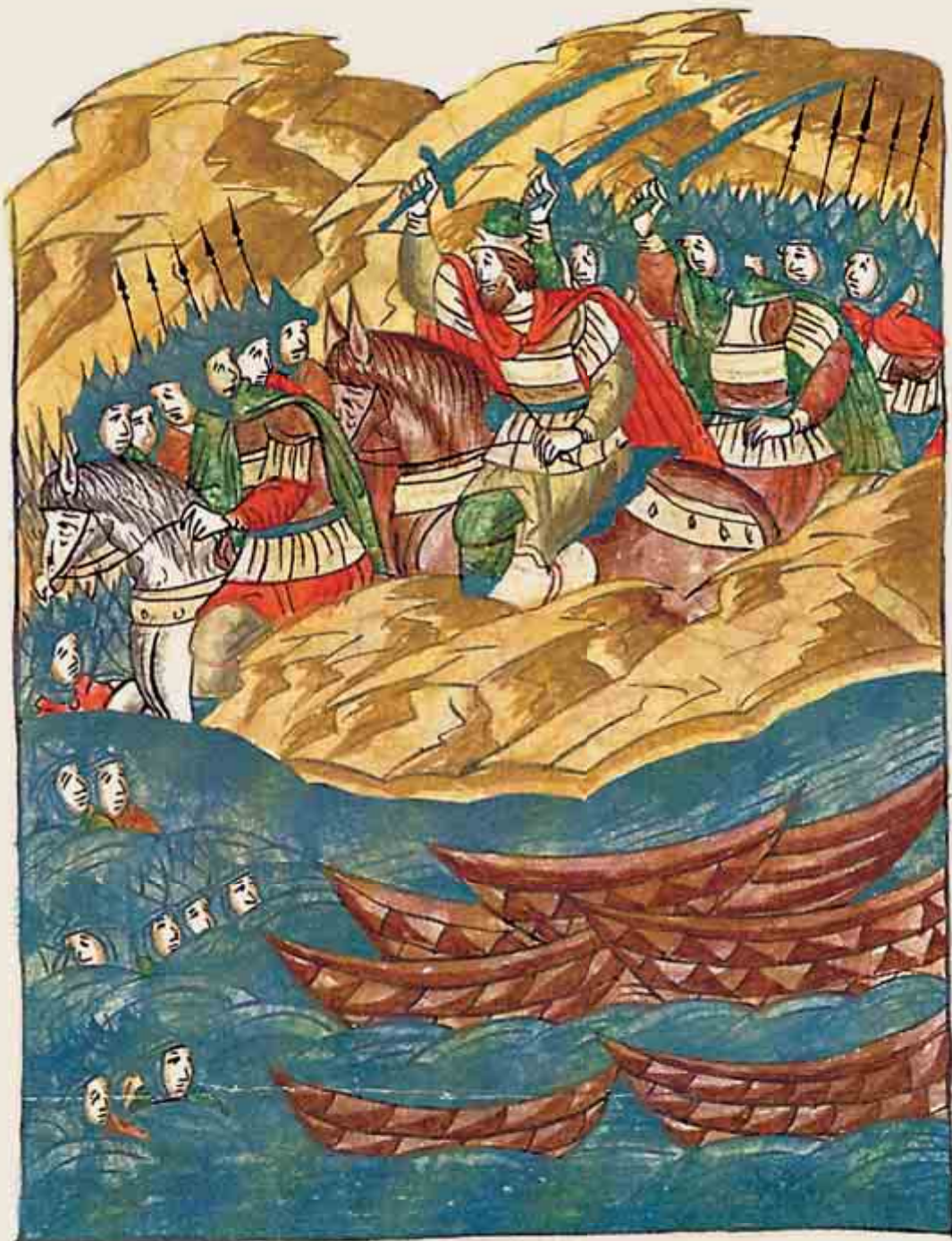
Оттуда же снарядили полк белозерцов, воеводой у них был Фома Ласков, и послали их к судам, которые стояли на воде, чтобы стерегли они их от половцев.

А сами пошли в Поле и увидели огромный полк, стоящий в Поле, подумали, что это болгарский полк, и приехали от того полка 5 человек, ударили челом перед великим князем Всеволодом, говоря: «Кланяются тебе, князь, половцы Еммака, пришли к болгарским князьям завоевывать болгар, услышав, что и ты также идешь с ними воевать».

Князь же Всеволод Юрьевич посоветовался со своими братьями, утвердился с ними душевной крепостью по своей вере, а их по их вере, и взял их с собой к их большому городу, и простояли там два дня, а на третий день подошли к их большому городу, и пришли черемисы, в первый же день снарядили полки, когда снарядили полки, начал Всеволод Юрьевич со своими братьями давать советы, и тогда князь Изяслав Глебович, внук Юрия, поспешив, взял копье, побежал к плоту, где находились пешие бойцы, вышедшие из города, плоты и многие другие осадные снаряды уже были наготове; он же загнал их за плоты к городским воротам, а сам утомился и копье сломал.

Половцы же ударили его стрелой под сердце сквозь броню, подхватили его свои же воины, он едва дышал, и отнесли его в стан. Болгары тогда внезапно вышли и убили многих христиан.

Болгары же из города Собекула и из Челмата пошли в ладьях, а из Торческа — на конях к ладьям Всеволода. Всеволод же оставил у ладей белозерский полк.

Подойдя близко к ладьям, болгары устремились на бой, белозерцы же, Божьей помощью укрепившись, начали сражаться с ними.

Увидев их, болгары, уstraшенные при помощи Божьей и Пречистой Богородицы, побежали, никем не гонимые, а только гневом Божьим. Белозерцы с прочими своими воинами, увидев помощь Божью и Пречистой Богородицы, погнались вслед за ними; половцы же бежали, и утонуло их тогда около двух тысяч.

Всеволод же простоял около города 10 дней, видя брата изнемогающего, а болгары прислали к нему послов с челобитьем.

Князь же Владимирский Всеволод Юрьевич с болгарями заключил мир и возвратился во Владимир по воде на ладьях, а коней отослал на мордву; а князя Изяслава Глебовича привезли и положили в церкви Пречистой Богородицы во Владимире.

В лето 6693 от Адама (1193 лето от Христа)

Князь великий Всеволод Юрьевич послал в Киев к Никифору, митрополиту Киевскому и всея Руси, прося у него епископа в Ростов; просил же поставить в епископы Луку, игумена из церкви Спаса на Берестове.

Никифор митрополит прислал к нему епископом в Ростов грека Николу; князь же Всеволод Юрьевич не хотел его и снова просил Луку, игумена церкви Спаса на Берестове; неоднократно просил об этом князь.

Также князь Всеволод Юрьевич послал и к великому князю Киевскому Святославу Всеволодовичу, прося поставить в епископы того же Луку, игумена церкви Спаса на Берестове.

Никифор, митрополит Киевский и всея Руси, поставил игумена Луку епископом Ростова и Суздаля, и Владимира, и всей земли Ростовской месяца марта в 11 день, на память преподобного отца нашего Софрония, архиепископа Иерусалимского. Был этот игумен молчалив, долготерпелив, смиренен, кроток, милостив и утешителен к печальным и скорбным, победил он в себе мирские страсти, укрепился оружием честного креста, трудами и подвигами священного жития и хранением отовсюду огородил себя; ибо лучше помощь от хранения, чем помощь от дел, и истинным умилением и совершенным смирением освятил самого себя.

В том же году был пожар в городе Владимире месяца апреля в 17 день, и чуть ли не весь город выгорел, а святых церквей числом 32.

Сгорела и великая соборная церковь Пречистой Богородицы Златоверхой, которую построил благоверный великий князь Андрей, сын Юрия Долгорукого; загорелась она сверху, и все, что было в ней добра церковного — украшений, дорогих серебряных и золотых священных сосудов, серебряных паникадил, риз, книг и всякой утвари церковной —

все сгорело по грехам нашим. Так Бог попустил, что не только ни священных своих домов не щадит, но и святые церкви, и божественные вещи, и освященные места отдает на погибель и запустение за грехи человеческие, чтобы [люди] поучились и обратились; сказал пророк Исая: когда обратишься и воздохнешь, тогда спасешься, обратитесь ко Мне, и Я обращусь к вам.

В том же году русские князья пошли на половцев: великий князь Киевский Святослав Всеволодович, внук Олега, князь Рюрик Ростиславич, князь Владимир Глебович, внук Юрия, князь Глеб Святославич, князь Глеб Юрьевич Туровский, внук Святополка, правнук Изяслава, князь Мстислав Романович, князь Давид Всеволодович, и галичская помощь, и владимирская, и луцкая; и, все, вместе объединившись, пошли на половцев.

И, перейдя через реку Босг (Буг), искали их 5 дней. Владимир Глебович, внук Юрия Долгорукого, ехал впереди со сторожевыми полками, переяславцев и берендеев с ним было 2200 воинов.

Половцы же, услышав о приходе русских, радовались, надеясь на свою силу, говорили себе: «Пришли русские сами в наши руки, мы без труда приобретем богатство для себя», и выступили на бой против князя Владимира с криками, желая уничтожить врагов.

Владимир же всю надежду возложил на Всемилоственного Бога и Пречистую Его Матерь, скорую помощницу христианам, и выступил против них; прочие же князья не успели выступить вместе с Владимиром.

Увидели половцы полк Владимира, идущий на них, и побежали, гонимые гневом Божиим. Все князья, увидев это, погнались за половцами, избивая их, и голыми руками пленили 7000; одних только князей половецких было тогда в том бою 417, а захватили в плен 16, многих убили, а другие убежали. Такова была помощь Божья князю Владимиру Глебовичу месяца июля в 31 день.

И вернулись русские князья с большой радостью [и добычей] обратно, благодаря Господа Бога и Пречистую Его Матерь Богородицу.

В том же году приходили половцы на Русь, много зла причинили, волости и села сожгли, много пленных захватили и ушли восвояси.

В лето 6694 от Адама (1194 лето от Христа)

Приходил греческий царь Алексей Порфирогонит, сын греческого царя Мануила, в Великий Новгород.

В том же году преставился владыка Илья, архиепископ Новгородский, и положен был в притворе церкви святой Софии. Этот владыка Илья был первым архиепископом в Новгороде, которого благословил на ти-

тул архиепископа Новгородского преосвященный Иоанн, митрополит Киевский и всея Руси, в годы княжения великого Киевского князя Ростислава Мстиславича, внука Владимира Маномеха.

Новгородцы посовещались со своим князем Мстиславом и со всем освященным собором и решили позвать к себе на епископскую кафедру, если Бог захочет, а митрополит благословит и поставит, Гавриила, брата бывшего их архиепископа Ильи. И, решив так, послали его с великим молением в Киев к Никифору, митрополиту Киевскому и всея Руси.

Митрополит благословил его и поставил в епископы согласно священным и божественным правилам, и отпустил его в Новгород, и была радость и великое веселье в Новгороде, стал он уже вторым архиепископом в Новгороде.

В том же году в Новгороде убили новгородцы посадника Неревина и Ивана Свинева и сбросили их с моста. В том же году месяца мая в 1 день на память святого пророка Иеремии в среду вечером было знамение на солнце: темнота закрыла солнце, продолжалось знамение чуть больше часа, так что и звезды видны были, и в глазах у людей позеленело, а солнце сделалось размером с месяц, а из его рогов словно исходил палящий огонь; и было это знамение очень страшно и ужаса исполнено.

В том же году родился у великого князя Всеволода Юрьевича сын Константин месяца мая в 18 день.

Об Олеговичах, как ходили они на половцев, и [половцы] много зла причинили им

В том же году решили внуки князя Олега идти на половцев, но не объединились с рускими князьями, а пошли сами по себе, говоря: «Мы есми цы не князи, таковы же себе хвалы добудем».

И собрались у Переяславля Игорь Святославич из Новгорода Северского с двумя сыновьями, его брат Всеволод из Трубчевска и Святослав Олегович из Рыльска, и помощь из Чернигова, и вошли в землю Половецкую.

Услышав, что русские князья идут на них, половцы сказали: «Братья наши убиты, а другие пленены, и вот опять идут против нас», и послали по всей земле гонцов, а сами пошли навстречу князьям, ожидая свои дружины. Князья подошли к их границам, они же не пускали их в свои пределы, а встретили князей, не дождавшись своих дружин, и сошлись оба полка, и побеждены были половцы, и гнали их до веж, множество пленных взяли, женщин и детей.

И стояли в станах 3 дня, веселясь, и говорили: «Братья наши ходили с великим князем Святославом, бились с половцами, оглядываясь на

Переяславль, и они сами к половцам пришли, а в землю их не смели за ними пойти, а мы в их земле победили их, а женщины их и дети у нас в плену, да еще пойдем за ними за Дон и до конца победим их, и если и там их победим, то пойдем за ними и до Лукоморья, куда не ходили наши деды, и получим себе всю честь и славу». Говорили так, но не знали устройства Божьего.

Оставшиеся же в живых половцы побежали к своей дружине, где знали только ранее посланную весть, и рассказали о своем поражении; те же, услышав об этом, пошли навстречу русским князьям, а к другим половцам послали гонцов.

И встретили их, и бились стрелки между собой 3 дня, но на копьях не сражались, так как ждали половцы свое воинство, а руским не давали пройти к воде.

Подшли все созванные половцы к сражающейся дружине, собралось их великое множество. Олеговичи же, увидев их, ужаснулись и от своего замысла отказались, так как уже изнемогли, от отсутствия воды и сами страдали, и их кони, и смогли подойти немного к воде, так как уже 3 дня не пускали их половцы к воде; тогда половцы устремились на них и притиснули к воде.

И было великое сражение и злой бой. Многие русские воины, бросив коней, бились пешими с половцами: так как кони их изнемогли. Убили в том бою и дивного богатыря Добрыню Судиславича.

И обрушился гнев Божий на русских воинов, побеждены были все, пленили русских князей, бояр и вельмож, а многих убили, и погибла слава русских воинов с шумом: ибо не в гордости, но в смирении помощь Божья. И такая беда произошла, что ни один вестник не вернулся от них на Русь.

Некий же купец шел тем путем, половцы послали с ним весть к руским князьям, говоря: «Приходите за своими братьями, или же мы сами к вам придем за своими».

Князь же великий Киевский Святослав Всеволодович и прочие князья, услышав, что с их родственниками такое произошло, заплакали, крича, словно ума и разума лишились.

Также после многих слез великий князь Киевский Святослав Всеволодович послал к своим сыновьям и ко всем руским князьям, и, собрав большое войско, пошел на половцев, подошли они к Каневу.

Половцы же, узнав, что идет на них великий князь Киевский Святослав Всеволодович со всеми рускими князьями и с огромным войском, бежали за Дон.

Князь же великий Киевский Святослав Всеволодович и все русские князья, узнав, что половцы бежали, возвратились к Киеву и разошлись по своим княжествам.

О половцах

Услышали половцы, что князья возвратились в свои земли, и тайно поскакали к Переяславлю, и захватили все города по Суле, у Переяславля же бились день.

Владимир Глебович, видя, что могут половцы взять острог, вышел к ним из города с небольшой дружиной, отважно бился с ними, но окружили князя; горожане же, увидев своих защитников изнемогающими, быстро выбежали из города, стали отважно биться с половцами, и как только отбили князя, раненого тремя копьями, вбежали вместе с ним в город, затворив ворота. Половцы же с множеством пленных возвратились в свои пределы.

Вскоре Игорь Святославич, внук Олега, бежал от половцев: так не оставит Господь праведного в руке грешника; гнались за ним половцы, но не нашли его, так спас его Бог из рук язычников; прочих же пленников начали строго охранять и заковали их в железные узы. Произошло все это за грехи наши.

В том же году посылал великий князь Всеволод Юрьевич против болгар своих воевод с горожанами, и, захватив множество пленных, возвратились они восвояси.

О распри рязанских князей между собою

В том же году рязанские князи Глебовичи — Роман, Игорь и Владимир восстали против своих младших братьев — Всеволода и Святослава, и началась злая междоусобица в их земле, хотел брат брата убить, позвали их обманом к себе на совет, чтобы пленить их; они же, узнав об этом, начали укреплять город. Услышали братья, что начали князья укреплять город, собрали множество воинов и пошли к Пронску, начали завоевывать города и села, принадлежащие братьям, а те закрылись в Пронске.

Услышал об происходящем великий князь Всеволод Юрьевич и послал к Глебовичам, к Роману, Игорю и Владимиру своего посла, желая усмирить их, чтобы не началось кровопролитие между братьями, и сказал им: «Почему, братья, так делаете, губя землю свою? Это было бы не удивительно, если бы язычники пришли землю вашу воевать, а вы ныне хотите сами братьев своих погубить». Они же, услышав это, вознегодовали, начали гневаться на него и большую вражду воздвигать, и рать замышлять.

Всеволод же с братом Святославом послали из Пронска во Владимир к великому князю Всеволоду Юрьевичу, помощи прося; он послал к ним 300 [воинов] владимирской дружины. Роман с братом, услышав о пришедших в Пронь владимирцах, пришел, осадил город и бился крепко.

Всеволод же Юрьевич послал к ним другую помощь, свояка своего Ярослава Владимировича, и из Мурома — Владимира и Давида.

Когда они были у Коломны, узнал об этом Роман с братьями и бежали из города.

Всеволод же, оставив брата Святослава в городе, сам пошел к Коломне против Ярослава, Владимира и Давида; и когда им поведали о том, что слышали, что Роман с братом бежали из города, он возвратился оттуда к Владимиру. Всеволод пошел с ними к великому князю Всеволоду Юрьевичу.

А Роман, услышав о том, что он возвратился, пошел с братом к Пронску. Святослав же затворился в городе и упорно защищался! Роман перекрыл горожанам воду, и люди изнемогали от безводия.

Роман послал в город к брату Святославу, говоря: «Не мори себя голодом с дружиною и людей не мори, но выйди к нам; что ты заботишься о брате своем? Не с тобой мы воюем, но с Всеволодом, ты же не присоединяйся к нему».

Бояре же его начали ему молвить: «Брат твой, когда шел во Владимир, тебя выдал, отвори град».

Он же, послушав их, отворил ворота. Братья его вошли в город, и привели его к крестному целованию, и оставили [княжить] в том же городе. А всю дружину Всеволода повязали. Княгиню же Всеволода, сноху свою, с детьми отвел в Рязань. И бояре его имения все их разграбили, и много владимирцев, которые были присланы для защиты к ним, повязали.

Всеволод же, услышав, что пленили жену с детьми, и бояр его, и дружину всю, и что имущество всех разграблено, а брат переметнулся, весьма опечалился. Пришел из Владимира, сел в Коломне и начал воевать с ними. И была между ними ненависть лютая.

Князь же великий Владимирский Всеволод, сын Юрия Долгорукого, услышав, что поддался князь Святослав Глебович лести и выдал его дружину, послал к князю Святославу Глебовичу, говоря: «Отдай по-доброму мою дружину и всех моих владимирцев, которых взял у меня себе в помощь, а сейчас, примирившись со своими братьями, мою дружину выдал им; зачем неправду такую совершил? Если хочешь быть в мире со своими братьями, то пусть будет так, пребывай и со мною в мире; если же хотите между собою мир иметь, а со мной быть в ссоре, то и я с вами буду пребывать в ссоре».

Князь же великий Роман Глебович со своими братьями — князем Игорем, князем Владимиром и князем Святославом, послали к великому князю Владимирскому Всеволоду, сыну Юрия Долгорукого, с покорностью и смирением, всю дружину его возвратили к нему с почестями, многие дары передали ему, и наступили между ними мир и согласие.

В том же году выступил великий князь Смоленский Давид Ростиславич из Смоленска, а его сын князь Мстислав Новгородский — из Новгорода с новгородцами, а князь Василько Владимирович — из Логожска, а князь Всеслав — из Друцка на Полоцк. Услышав об этом, полочане испугались и сказали: «Не можем мы оказать сопротивления новгородцам и смолянам, и если пустим их в свою землю, и если мир заключим с ними, много зла нам причинят, опустошат нашу землю идущие на нас, пойдем тогда к ним на пограничную территорию и заключим там с ними мир».

И, собравшись, все пошли к ним навстречу, встретили их на границе с поклоном и почестями, дали им много даров, примирились и разошлись каждый в свою сторону.

В том же году великий князь Владимирский Всеволод, сын Юрия Долгорукого, хотя вроде и примирился, но все равно снова стал враждовать с рязанскими князьями: Романом Глебовичем и Игорем Глебовичем, Владимиром Глебовичем, Святославом и Ростиславом. В том же году все лето были сильные дожди.

В лето 6695 от Адама (1195 лето от Христа)

Родился у великого князя Владимирского Всеволода, сына Юрия Долгорукого, сын Борис месяца мая во 2 день.

В том же году приехал епископ Черниговский Порфирий во Владимир к великому князю Всеволоду, сыну Юрия Долгорукого, желая помирить его с рязанскими князьями Глебовичами: с Романом, Игорем, Владимиром и Святославом, и с Ростиславом; и много трудился для смирения и любви, желая объединить их, потому что Рязань тогда входила в Черниговскую епархию.

И служил он в монастыре Вознесения Христова в день праздника, а взял себе в помощь Луку, епископа Владимирского, и начали они просить Всеволода Юрьевича о мире с рязанскими князьями; он же послушал их и отпустил с миром Порфирия, епископа Черниговского, в Рязань, а сам отправил с ним своих послов к рязанским князьям, а всех рязанских мужей, которые были захвачены им в плен, отпустил.

Епископ Порфирий пришел в Рязань к великому князю Рязанскому Роману Глебовичу и к братьям его: Игорю, Владимиру, Святославу и Ростиславу, но скрыл от них весть о возвращении всех мужей и прибы-

тии послов великого князя Всеволода Юрьевича, извратил речи, переданные с ним князем Всеволодом им, и так, бесстыдно и бесчестно поступив, ушел другим путем в Чернигов.

В том же году великий князь Владимирский Всеволод, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Маномеха, отдал дочь свою Всеславу в Чернигов замуж за князя Ростислава, сына Ярослава, внука Всеволода, правнука Олега, месяца июля в 11 день.

В том же году была сильная болезнь среди людей, так что не было ни одного двора без больного, и даже некому было ни питания, ни еды дать больному: все лежали больные; так Господь наказывает рабов своих, и, обращая, обращает, и, спасая, спасает.

В том же году множество половцев напало на Рязань, много зла сотворив, ушли восвояси.

В том же году пошел великий князь Владимирский Всеволод, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Маномеха, на Рязань вместе со своим свояком князем Ярославом Владимировичем и князем Муромским Владимиром, и с князем Всеволодом Юрьевичем, из Коломны на своих братьев в Рязань, и, перейдя через реку Оку, сжег многие волости и села, и, захватив много пленных, возвратился восвояси.

В том же году расписана была в городе Ростове церковь Пречистой Богородицы блаженным епископом Лукою.

В лето 6696 от Адама (1196 лето от Христа)

Месяца февраля в 17 день, был страшный гром и убил двух человек, а храм жег; и великий страх охватил всех, написано: сотряс землю и возмутил ее, и явил людям своим суровое [наказание] по делам их.

В том же году преставился князь Владимир, сын Глеба, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Маномеха, праправнук Всеволода, препраправнук Ярослава, пращура великого Владимира, племянник Всеволода, сына Юрия Долгорукого, в городе Переяславле Руском месяца марта в 18 день. В том же году преставился князь Борис, сын Всеволода, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Маномеха.

В том же году новгородцы прогнали из Новгорода своего князя Мстислава, сына Давида, внука Ростислава, и взяли к себе в Новгород княжить князя Ярослава Владимировича, свояка великого князя Владимирского Всеволода; и пришел он к ним княжить на их условиях.

В том же году в Новгороде была заложена церковь Пресвятой Богородицы в Аркадьевском Богородице-Успенском (Аркаже) монастыре. В том же году хлеб дорог был.

В лето 6697 от Адама (1197 лето от Христа)

Месяца июля в 30 день, князь великий Владимирский Всеволод, сын Юрия Долгорукого, отдал дочь свою Верхуславу замуж в Белгород за князя Ростислава Юрьевича.

В том же году освящена была каменная соборная церковь Успения Пречистой Богородицы блаженным Лукой, епископом Ростовским, при великом князе Всеволоде Юрьевиче и при сыне его Константине, и при зяте его Ростиславе Ярославиче. В том же году преставился князь Глеб Всеволодович месяца сентября в 29 день.

В том же году преставился благоверный и блаженный Лука, епископ Ростовский, Суздальский и Владимирский, месяца ноября в 10 день; и обрядил его тело великий князь Всеволод, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Маномеха, с освященным собором, и положили его тело с большими почестями в соборной церкви Пречистой Богородицы в городе Владимире месяца ноября в 11 день.

В том же году родился у великого князя Всеволода Юрьевича сын Юрий.

В лето 6698 от Адама (1198 лето от Христа)

Князь великий Всеволод, сын Юрия Долгорукого, послал в Киев к великому князю Святославу Всеволодовичу и к преосвященному Никифору, митрополиту Киевскому и всея Руси, своего духовного отца Иоанна, чтобы поставили его на епископство в Ростов, Суздаль и Владимир. Господь говорит: на кого призрю, только на кроткого и смиренного, и трепещущего от Моих слов, и узнаете Меня, так как кроток Я и смиренен сердцем; и призрел на него Господь Бог, и поставил его пастырем и учителем земли Ростовской, Суздальской и Владимирской, что и совершилось: поставлен был в епископы месяца января в 23 день, на память святого мученика Климента, и в Ростов пришел на свою кафедру месяца февраля в 25 день, на память святого отца Тарасия, правил тогда в Ростове великий князь Всеволод Юрьевич; а в Суздаль пришел месяца марта в 10 день, на память святого мученика Кондрата, а во Владимир пришел того же месяца марта в 16 день, в пятницу, во время службы навечерия Алексею, человеку Божью, и Лазарю, другу Божью.

В лето 6699 от Адама (1199 лето от Христа)

Родился у великого князя Всеволода Юрьевича в Переяславле сын Феодор месяца февраля в 8 день, на память святого пророка Захарии.

В том же году были постриги у великого князя Всеволода, сына Юрия Долгорукого, его сына князя Юрия в городе Суздале; в тот же день и на коня его посадил, правил тогда блаженный Иоанн, епископ Ростовский.

Заложил великий князь Всеволод Суздаль, в том же году город был срублен.

О церкви Рождества [Богородицы] во Владимире

В том же году заложил великий князь Всеволод, сын Юрия Долгорукого, во Владимире каменную церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы месяца августа в 23 день по благословению своего епископа Луки Ростовского.

В том же году князь Ярослав Владимирович, свояк князя Всеволода, ходил на Луки, призванный полоцкими князьями и полочанами, и взял с собою новгородцев, встретились они на рубеже, и решили между собой в любви и совете, что зимой все соберутся и пойдут на литву или на чудь.

И пошел Ярослав той зимой с новгородцами и псковичами, и с всею областью на чудь, захватил город Юрьев и сжег их землю, а бесчисленное множество пленных привел с собой, сами все вернулись невредимы.

В лето 6700 от Адама (1200 лето от Христа)

Пошел князь Ярослав на Псков на Петров день, взяв с собою немного новгородцев.

И сел сам в Пскове, а свой двор послал воевать с псковичами.

И захватили они город Медвежья Голова (Оденпе), и сожгли его, а сами вернулись невредимыми.

В том же году был сильный пожар во Владимире месяца июля в 23 день; загорелся город в полночь и горел почти до самого вечера, сгорело 14 церквей, и половина города выгорела, а двор княжеский едва отстояли.

В том же году игумен Мартирий построил каменную церковь святого Спаса в Руссе, на острове.

О детинце во Владимире. В лето 6701 от Адама (1201 лето от Христа)

Заложил великий князь Всеволод детинец во Владимире месяца июня в 4 день; тогда же была обновлена и церковь Пресвятой Богородицы во Владимире епископом Иоанном, которая обгорела в сильном пожаре, и стала она теперь как новая.

О суздальской церкви

В том же году обновлена была церковь в Суздале тем же епископом Иоанном, которая обрушилась от старости и запустения; и была вся покрыта оловом. Произошло все это чудесным образом: нашлись мастера из бывших тут церковных людей: одни олово лили, другие — крыли, а другие — известью белили; так как были открыты Богом очи сердечные на церковную вещь, что надо печься о ней как пастуху, а не наемнику.

В том же году чудотворец Варлаам заложил каменную церковь Преображения Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа на Хутины.

В том же году родился у великого князя Всеволода сын Дмитрий месяца октября в 25 день.

В лето 6702 от Адама (1202 лето от Христа)

Князь великий Всеволод послал своего тиуна в Русь и основал там город Городец на реке Осетр, возродил отчину свою.

О Переяславле

В том же году великий князь Всеволод заложил город Переяславль у озера месяца июля в 29 день, в том же году и срублен был город.

В том же году преставился князь Игорь Глебович Рязанский и положен был в городе Рязани в каменной церкви святых мучеников Бориса и Глеба.

В том же году преставился великий князь Киевский Святослав, сын Всеволода, внук Олега, правнук Святослава, праправнук Ярослава, преправнук великого Владимира, и положен был в монастыре в церкви святого Кирилла, которую создал его отец великий князь Киевский Всеволод Олегович и его сыновья.

В том же году вернулись из Югры в Новгород оставшиеся в живых новгородцы.

В том же году сгорели города Ладога, Русса и Городище, а в Новгороде каждый день загоралось невидимым образом от церкви Всех Святых до церкви Успения Пречистой Богородицы, и не смели тогда люди жить в домах, но жили в полях.

В лето 6703 от Адама (1203 лето от Христа)

Послал великий князь Всеволод, сын Юрия Долгорукого, своих мужей в Киев и посадил на великом княжении в Киеве своего свата князя Рюрика Ростиславича.

В том же году приходили на Рязань половцы, и, много зла причинив, возвратились восвояси.

В том же году владыка Мартирий, архиепископ Новгородский, заложил каменную церковь Положения Ризы Пречистой Богородицы на городских воротах, а другую, каменную церковь святого Воскресения в монастыре заложил в Людине конце.

В том же году великий князь Всеволод, сын Юрия Долгорукого, послал войско из новгородцев на Чернигов против великого князя Черниговского Ярослава Всеволодовича и всего рода Олеговичей.

Новгородцы пошли со своим князем Ярославом Владимировичем, и когда были они на Новом Торгу, прислал к ним великий князь Всеволод Юрьевич и повелел возвратиться восвояси.

Новгородцы послали к князю Всеволоду посадника Мирошку, Бориса Жирославича и сотского Никифора, прося у него сына на княжение в Новгороде, а своего князя Ярослава Владимировича, свояка его, от себя прогнали.

В лето 6704 от Адама (1204 лето от Христа)

Блаженный Иоанн, епископ Ростовский, Суздальский и Владимирский, заложил в городе Владимире у детинца на воротах каменную церковь святых Иоакима и Анны месяца мая в 1 день, в княжение благоверного князя Всеволода, сына Юрия Долгорукого.

В том же году родился у великого князя Всеволода, сына Юрия Долгорукого, сын Гавриил.

В том же году великий князь Владимирский Всеволод, сын Юрия Долгорукого, женил своего сына князя Константина на дочери князя Мстислава Романовича, внука Ростислава, правнука Мстислава, праправнука Владимира Маномеха, препраправнука Всеволода, пращура Ярослава, прапращура великого Владимира, и обвенчаны были они в церкви Пречистой Богородицы во Владимире блаженным Иоанном, епископом Ростовским, Суздальским и Владимирским, присутствовал там и сам великий князь Всеволод Юрьевич с своей княгиней и детьми, и великий князь Рязанский Роман Глебович, а с ним его братья — князь Всеволод Глебович, князь Владимир Глебович со своим сыном Глебом, и князь Муромский Владимир, и Давид, и Юрий со своими воинами; и была радость и любовь в городе Владимире.

В том же году были постриги сына великого князя Владимирского Всеволода, сына Юрия Долгорукого, князя Владимира в городе Владимире, присутствовал там блаженный Иоанн, епископ Ростовский, Суздальский и Владимирский, и великий князь Рязанский Роман Глебович со своими братьями и своими воинами; и все пребывали в радости и веселье, в любви и вечном соединении, и разошлись потом восвояси.

В том же году заложили в Новгороде каменную церковь в монастыре святого Кирилла. В том же году великий князь Владимирский Всеволод, сын Юрия Долгорукого, послал в Киев к своему свату великому князю Киевскому Рюрику Ростиславичу, говоря: «В нашем роду и племени мне подобает старейшинство, но жребий мне в Руской земле не выпал, сам ты сидишь на престоле великого княжения Киевского и раздаешь города и княжества младшим братьям, так что вместе с ними и защищай их от военных нашествий врагов».

Сказав это, Всеволод обманным путем стал просить у великого князя Киевского города Торск, Корсунь, Пятиславль и Канев; а великий князь Киевский Рюрик Ростиславич те города отдал своему зятю князю Роману, сыну Мстислава, внуку Изяслава, правнуку Мстислава, праправнуку Владимира Маномаха, препраправнуку Всеволода, пращуру Ярослава, прапращуру великого Владимира, и святой животворящий крест целовал о том, что не отдаст те города никому другому; и стоял на этом крепко, не желая изменить своему слову, и отдал другие города великому князю Всеволоду Юрьевичу вместо этих городов, но Всеволод другие города не захотел взять, а только эти; и началась между ними распря.

И после этого великий князь Киевский Рюрик Ростиславич поведал своему отцу Никифору, митрополиту Киевскому и всея Руси, о том, что произошло. Митрополит же сказал ему: «О, сын и князь! Возложи печаль свою на Господа, а я сниму с тебя этот грех, что дал клятву своему зятю князю Роману Ростиславичу ради прекращения вражды, чтобы не пролилась кровь; отдай зятю своему князю Роману Мстиславичу другие волости вместо тех, а Всеволоду отдай те волости, которые он хочет получить, и так ты утолишь вражду его».

Тогда великий князь Киевский Рюрик Ростиславич обрадовался великою радостью, получив благой совет от своего отца Никифора, митрополита Киевского и всея Руси, и послал к своему зятю князю Роману Мстиславичу, рассказав ему об этом. Тот сказал: «Из-за меня, отец, ссоры и войны с великим князем Владимирским Всеволодом Юрьевичем не начинай, но дай ему то, что он хочет, утоли этим его вражду, чтобы не пролилась кровь, а мне вместо тех дай другие волости или те, какие сам хочешь дать по твоей возможности; ибо все мы находимся в гостях в этой быстротекущей жизни, и кая полза человеку еще и весь мир приобрящет, а душу свою отщесит: страшно бо есть впасти в руце Бога живаго».

Тогда великий князь Киевский Рюрик Ростиславич послал к великому князю Владимирскому Всеволоду, сыну Юрия Долгорукого, отдал ему города, которые тот хотел, и на святом животворящем кресте скрепил мирный договор с ним, чтобы пребывать им в мире и в единстве.

Князь же великий Всеволод Юрьевич отдал город Торческ своему зятю Ростиславу Рюриковичу, а в прочих городах посадил своих наместников.

Услышав, что Всеволод забрал его волость у Рюрика и отдал Торческ его шурина Ростиславу, Роман стал посылать послов к своему тестю Рюрику, жалуясь ему на то, как поступили по отношению к нему с волостями, и, думая, что договорился с Всеволодом, отнял у него волость для своего сына, и начал виниться своему тестю, и напоминать ему о крестном целовании.

Рюрик же ответил ему: «Я раньше всех отдал тебе эту волость, но Всеволод стал присылать ко мне послов, гневаясь за то, что ему раньше других часть не выделили; я же все речи его передал тебе, ты же отдал мне те волости по своей воле, а как нам ему было не отдать, если без него нам нельзя обойтись: так как признают его старейшинство среди всей братии владимирского рода, а ты мне свой сын, и вот тебе волость другая, равная той». Роман же о той волости не беспокоился и старался найти предлог для обвинения своего тестя, не желая пребывать с ним в мире.

И начал посылать послов к Ольговичам, к Ярославу Всеволодовичу в Чернигов, целовал ему крест, желая вести его на Киев против своего тестя.

Услышал Рюрик о том, что переметнулся Роман к Олеговичам и ведет Ярослава на старейшинство, и огорчился, говоря: «О, воистину истинны слова Божьи: враги человеку домашние его!» Рюрик же начал совещаться со своими братьями и советниками и послал к Всеволоду, поведал ему, что Роман объединился с Олеговичами и ведет их на Киев против всего рода Владимира: «Ты, брат мой, старший во всем Владимировом роду, скажи, что ты думаешь о Руской земле, о своей и нашей чести?»; а к своему зятю Роману, послав, обличил его и грамоты крестные бросил перед ним.

Роман испугался своего тестя, расторг с ним договор, скрепленный крестными грамотами, и пошел за помощью в Польшу к Казимировичам.

Казимировичи сказали ему: «Рады бы тебе помочь, но обидится на нас наш дядя Межко, стремится забрать у нас волости, чтобы управлять нами, чтобы все поляки были не порознь, а все с тобой за одним щитом и могли отомстить за обиды твои». Роману понравился их совет, послушал он их и пошел на Межко с его племянниками Казимировичами; говорил Роман своим советникам: «Если Бог мне поможет сразиться с ними, тогда, собрав их всех в одно место, не уроню свою честь и исполню желание свое», и пошли они сражаться с Межко.

Межко же выслал к ним послов, не желая сражаться с ними, послал он к Роману, чтобы примирил его с племянниками его.

Роман же не послушал ни его, ни своих советников: желали мужи князя Романа мира, и выступил со своим полком против него, и сразились поляки с рускими, потоптали русских поляки, победил Межко князя Романа, и убили в его полку много русских воинов, а сам раненый князь Роман бежал к Казимировичам в город, и оттуда забрала его дружина и понесла к Владимиру.

И отправил посла к своему тестю Рюрику, кланяясь ему, прося прощения и всю вину возлагая на себя самого, послал и к митрополиту Никифору, прося его, чтобы тот о нем попросил тестя его, каялся перед ними в своей вине.

Митрополит же попросил за него Рюрика, чтобы тот заключил с ним мир, а вину его простил бы, потому что он кается и всю вину на себя принимает.

Князь же великий Киевский Рюрик Ростиславич послушался своего отца Никифора, митрополита Киевского и всея Руси, и простил ему вину, заключил мир с ним на святом и животворящем кресте и отдал ему волости Полочия в полтора раза больше Руского Переславля.

В том же году великий князь Киевский Рюрик Ростиславич послал к своему брату великому князю Смоленскому Давиду Ростиславичу, также послал и к великому князю Владимирскому Всеволоду, сыну Юрия Долгорукого, также послал и к рязанским князьям, рассказывая всем им о лжи черниговских князей, и, договорившись, все отправили своих послов к великому князю Черниговскому Ярославу Всеволодовичу и ко всем Олеговичам, говоря: «Целуйте все крест на том, что не станете добиваться нашей отчины, ни Киева, ни Смоленска, не станете стремиться отобрать ее у наших детей и всего рода Владимира, пусть все будет так, как разделил наш великий прадед Ярослав: земли до Днепра отдал вам, а Киев вам не нужен».

Олеговичи же пожаловались на это Всеволоду, говоря: «Если привел нас сюда, чтобы сохранили мы Киев за тобой и за твоим сватом Рюриком, то на том и будем мы стоять, а если ты предлагаешь нам отказаться от него навсегда, то мы — не венгры, не поляки, но внуки одного деда, при вашей жизни не будем пытаться завладеть им, а после вас — кому его Бог отдаст».

Олеговичи послали к нему, говоря: «Ты лукав и лукавством пытаешься добиться своего».

И снова они посылали посольства, так происходило неоднократно, но ничего не было решено.

Всеволод же желал управлять всем родом Владимиричей и начал собирать воинов против Олеговичей.

Они же, испугавшись, послали послов своих к Всеволоду, кланяясь и соглашаясь исполнить волю его; он же, веря им, сошел с коня.

И послал других послов к Рюрику Олеговичу, говоря: «Брат! С тобой нам никакого горя не бывало, а хотя не успели этой зимой заключить договор с Всеволодом и с тобой, и твоим братом Давидом, ты же близок нам и заключи с нами договор, целуя крест, что не станешь воевать с нами, пока мы с Всеволодом и Давидом не примиримся.

Рюрик же, посоветовавшись со своими приближенными, отправил посла к Ярославу, желая его соединить с Всеволодом и Давидом в мире.

И привел их к присяге на кресте, что не будут они сражаться, пока будет заключен договор, и сам Рюрик на том же целовал перед ними крест, и распустил свою дружину, и детей своих отправил восвояси, и половцев отпустил в земли их, одарив многими дарами, а сам пошел в Овруч.

Об измене черниговских князей

В ту же зиму в Великий Пост Ярослав Всеволодович со своими братьями, с черниговскими князьями, расторг договор и крестное целование, о чем договорились с Рюриком и крест целовали с ним, что не будут воевать, пока не пребудут послы Всеволода и Давида.

И, не дождавшись этого, Ярослав послал своего племянника в Витебск против своего зятя Давида Ростиславича; Рюрика же в то время не было в Киеве, он пошел в Овруч, отпустив своих братьев, поверив крестному целованию.

А Олеговичи, не дойдя до Витебска, начали завоёвывать Смоленскую волость.

Услышал об этом Давид Олегович и послал своего племянника Мстислава Романовича и Ростислава Владимировича со своим полком, и рязанского княжича Глеба, своего зятя, и смолян вместе с ними. Уже они подошли близко, когда в то время, во вторник второй недели Поста, в самую обедню сотряслась земля по всей Киевской земле, в Киеве каменные и деревянные церкви заколебались, а все люди от страха не могли устоять на ногах, но пали ниц, трепеща от страха, и в тот же день черниговские и смоленские полки начали собираться вместе.

Олеговичи же прежде остереглись построить свои полки и стояли, топчась в снегу: тогда шел сильный снег. Мстислав и его дружина вышли из леса, увидели полки, но не успели своих полков построить, и быстро пошли против них, и сразились с полком князя Олега, стяги его потоптали, а сына его Давида зарубили.

Тысяцкий Михалко князя Давида Ростиславича вместе со смоленским полком был отправлен против полоцкого полка: так как тогда полоцкие

князя помогали Олеговичам; смоляне же, не дойдя до них, обратились в бегство.

Полочане же, увидев Мстислава, одолевающего Олега, не погнались вслед смолянам, а вернулись и ударили в тыл полку Мстислава, и затоптали его; Мстислава же в то время не было там, он с передними воинами погнался за полком Олега, и возвратился назад Мстислав, думая, что победил Олега, не зная пока о своих побежденных воинах, когда же въехал он на поле боя, узнали его полочане и захватили в плен.

Ростислав Владимирович, дружина князя Давида и рязанский княжич зять Давида, гнавшиеся за Олеговичами, возвратились к своим и, увидев свои стяги потоптанными полочанами, побежали в Смоленск.

Олег же Святославич, внук Всеволода, видя, что полочане потоптали стяги Мстислава, возвратился к ним.

И, видя Мстислава, взятого в плен, обрадовался и выпросил его у князя Друцкого Бориса, и послал весть к дяде своему Ярославу в Чернигов и к своим братьям, рассказав им: «Я захватил в плен Мстислава Романовича и победил их войско».

А потом и сам возвратился в Чернигов, а Мстислава Романовича, свата великого князя Всеволода, с собой привел.

О новгородцах

В том же году новгородцы прогнали от себя князя Ярослава, свояка Всеволода; он же пошел в Новый Торг, и приняли его новоторжцы с челобитьем, и жалели о нем добрые новгородцы, а злые радовались.

Послали новгородцы в Чернигов к Ярославу за его сыном, а там была в то время своя усобица с родом Владимира, и не отпустил к ним тогда Ярослав своего сына, и не было у них в Новгороде всю зиму князя.

Ярослав княжил в Торжке и в той волости дань собирал, и выше Мсты за Волоком дань собирал у смердов по своей воле.

О ссоре Рюрика с зятем Романом по поводу дочери

В 6705 лето от Адама (1205 лето от Христа) Роман Мстиславич решил отпустить дочь Рюрика, желая постричь ее.

Рюрик же послал к великому князю Всеволоду, говоря: «Брат и сват! Роман от нас отступил и крест целовал Олеговичам, а Олеговичи мне крест целовали в том, что войну ни они не начнут, ни мы, пока не договорятся с тобой и со мной, и братом моим Давидом, но изменили они своей клятве, целование крестное переступили, волость Смоленскую завоевали, а свата твоего Мстислава Романовича в плен взяли и привели в Чернигов, поэтому пошли, брат мой, договорные грамоты, чтобы бро-

сили их им под ноги, а сам сядь на коня, также и к князьям рязанским пошли, чтобы поскакали они на конях с этим врагом сразиться, так как много нам они обид причиняют».

Услышал великий князь Всеволод, что Олеговичи полк Давида побили, а его свата Мстислава в плен взяли, а Роман к ним же присоединился, Всеволод Юрьевич же медлил и не спеша собирал воинство.

В ту же осень прислали черниговские князья посольство с предложением мира и любви к великому князю Киевскому Рюрику Ростиславичу.

Князь же великий Киевский Рюрик Ростиславич, не дожидаясь решения великого князя Всеволода, сына Юрия Долгорукого, помирился с Олеговичами.

И в том же году пошел к Чернигову за своим сватом Мстиславом, а другой Рюрик Ростиславич укреплял Киев, а с ним рязанские князья, и муромские, и Давид из Смоленска.

Князь же великий Всеволод, войдя в их землю, взял города вятичей и землю их опустошил; Олеговичи же не могли противиться его силе и послали к нему, кланяясь и прося мира; он же, заключив с ними мир, возвратился во Владимир месяца октября в 6 день.

В ту же осень освящена была церковь Рождества Пресвятой Богородицы во Владимире месяца октября в 17 день, которую создал великий князь Всеволод, сын Юрия Долгорукого.

Тогда же была освящена на воротах монастыря Рождества Богородицы церковь Иоакима и Анны месяца декабря в 27 день, которую создал епископ Иоанн Ростовский.

О доске от гроба святого Дмитрия

В ту же зиму принесена была доска из Солуни от гроба святого Дмитрия месяца января в 10 день.

О новгородцах

В том же году пришел в Новгород из Чернигова Ярополк Ярославич, пробыл он там 6 месяцев, и прогнали его новгородцы.

И послали опять лучших людей из Новгорода к Ярославу, свояку Всеволода, и приняли его со всей правдой и почестями; он же пришел в Новгород и сел на своем княжеском престоле, и обрел великую любовь новгородцев, и стало тогда все благополучно в Новгороде.

В том же году послали новгородцы к Всеволоду, сыну Юрия Долгорукого, по поводу посадника Мирошки, Иванка и Фомы; так как отпустил князь к ним Бориса Жирославича и сотского Никифора, а Мирошку,

посадника новгородского, Иванка и Фому у себя оставил; и печалились новгородцы о Мирошке.

В том же году великий князь Владимирский Всеволод, сын Юрия Долгорукого, пошел на Чернигов вместе с рязанскими князьями, муромскими, смоленскими и киевскими, и с множеством половцев, и взял с собою посадника новгородского Мирошку, Иванка и Фому, а к новгородцам послал и приказал им идти на Луки; они же пошли со своим князем Ярославом Владимировичем, свояком его.

Всеволод же Юрьевич, войдя в землю Черниговскую, много зла сотворил, волости и села сжег.

Князья же черниговские привели к себе на помощь половецких князей и большое войско половецкое выступили против них, и вскоре произошло сражение между ними, но не допустил Господь Бог большого кровопролития, и заключили мир между собою, а Новгород все князья оставили свободным — пусть Новгород будет свободен, и где хотят новгородцы, там и князя себе берут; и Фому князь Всеволод Юрьевич отпустил в Новгород, а Мирошку и Иванка не отпустил.

Новгородцы же разгневались на Всеволода Юрьевича, не понравилось им, как обошелся князь с их посадником Мирошкой и Иванком.

Князья же все разошлись каждый восвояси, а великий князь Всеволод Юрьевич вернулся во Владимир.

О кончине Давида Смоленского

В лето 6706 от Адама (1206 лето от Христа) преставился князь Давид Смоленский, постригшись в схиму; и сел после него править в Смоленске его племянник Мстислав Романович.

В том же году родился у Всеволода сын Иоанн месяца августа в 28 день.

В том же году поставлен был Павел на епископскую кафедру в Переяславль Русский.

В том же году владыка Мартирий, архиепископ Новгородский, основал для себя монастырь и церковь в нем построил святого Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

В лето 6707 от Адама (1207 лето от Христа)

Ходил великий князь Владимирский Всеволод, сын Юрия Долгорукого, воевать с половцами вместе со своим сыном Константином; те же, узнав об этом, бежали к морю.

Всеволод же Юрьевич ездил по их зимовищам и возле реки Дон, но не нашел их и возвратился во Владимир.

В том же году преставил племянник великого князя Всеволода Юрьевича князь Ярослав Мстиславич в Переяславле Руском.

В том же году был пожар в городе Владимире месяца июня в 25 день, и выгорела большая часть города.

В том же году князь Ярослав Владимирович, внук Мстислава, заложил церковь святого Спаса в Нередицах; а Орефа заложил каменную церковь святого пророка Ильи на Холме, а Поляжай построил церковь святой Евфимии в монастыре.

В том же году княгиня, супруга князя Ярослава, построила церковь Пречистой Богородицы на Михалице.

В том же году преставились два сына князя Ярослава Владимировича: Изяслав, который был посажен княжить на Луках, служивших защитой Новгороду от Литвы, там он преставился; а Ростислав в Новгороде преставился; и оба были положены в монастыре святого Георгия.

В лето 6708 от Адама (1208 лето от Христа)

Преставился великий князь Черниговский Ярослав, сын Всеволода, внук Олега, правнук Святослава, праправнук Ярослава, преправнук великого Владимира. Его сын: Ярополк.

В том же году великий князь Всеволод, сын Юрия Долгорукого, заложил каменную церковь Успения Пречистой Богородицы в Княгинине монастыре, по благословению отца своего Иоанна, епископа Ростовского, Суздальского и Владимирского.

О новгородцах

В ту же осень пришли лучшие из новгородских люди, дружина Мирошки, к великому князю Всеволоду с челобитьем и мольбою, со многими дарами от всех новгородцев, говоря: «Отчина твоя и дедина Новгород Великий просит у тебя сына на княжение в Новгород».

Тогда же преставился архиепископ Новгородский Мартирий месяца августа в 24 день на озере Селигере, по пути к великому князю Всеволоду; привезли его и положили в притворе святой Софии, а на его место возвели и посадили Митрофана.

Князь же великий выслушал моление новгородцев и послал вывести из Новгорода своего свояка Ярослава.

И скрепил договор на своих условиях с новгородцами крестным целованием, дал им сына своего Святослава, бывшего тогда еще юношей.

Новгородцы же взяли его от чудной Богородицы с великой радостью, и, придя в Новгород, возвели его на престол в святой Софии, и была великая радость в Новгороде.

В том же году осадили город Руссу новгородцы. В том же году новгородцы заложили каменную церковь святых сорока мучеников.

В том же году литовцы взяли Ловоть; новгородцы же гнались за ними, и завязался между ними ожесточенный бой, часть пленников новгородцы у них отбили.

В лето 6709 от Адама (1209 лето от Христа)

Преставился великий князь Черниговский Игорь, сын Святослава, внук Олега. Освящена была в том же году церковь Успения Богоматери во Владимире, в Княгинине монастыре, епископом Иоанном месяца сентября в 9 день.

Князь великий Всеволод, сын Юрия Долгорукого, послал княжить своего сына Ярослава в Переяславль Русский, проводили его братья: Константин, Юрий, Владимир.

В том же году преставился великий князь Черниговский Владимир Всеволодович. Поставлен был Митрофан архиепископом в Великий Новгород месяца июля в 3 день. Тогда же и город Руссу отстроили.

В том же году преставилась княгиня Феврония, супруга князя Михаила, и положена была в церкви Пречистой Богородицы в Суздале.

В том же году преставилась княгиня Ефросиния, супруга князя Бориса, в Кидекше и положена была в церкви святых мучеников Бориса и Глеба около отца и матери.

В том же году великий князь Киевский Рюрик Ростиславич восстал против великого князя Романа Мстиславича Галичского и привел к себе на помощь Олеговичей в Киев, и так начал собирать войско.

Князь же великий Роман Мстиславич Галичский, услышав об этом, прежде всего ускорил сбор галичских и владимирских полков, и послал к великому князю Всеволоду, сыну Юрия Долгорукого, и поспешно вошел в Рускую землю. Владимирцы же и черные клобуки, и мандирски отступили от великого князя Киевского Рюрика Ростиславича, и собрались воины, и пришли к великому князю Роману Мстиславичу Галичскому; также и из всех киевских городов люди собрались к великому князю Галичскому Роману Мстиславичу.

И так со всеми этими силами втайне поспешно подошел великий князь Галичский Роман Мстиславич к городу Киеву.

Киевляне отворили ему ворота Подольские в Копыреве конце, и так въехал в Подол города Киева князь великий Галичский Роман Мстиславич, и послал на Гору к великому князю Киевскому Рюрику Ростиславичу и к Олеговичам, и к Владимирку.

И так привел всех к присяге на кресте: и Рюрика, и Олеговичей, и Владимирка, и отпустил Рюрика в Овруч, а Ольговичей отпустил за Днепр в Чернигов, а в Киеве посадил на великом княжении князя Ингвара, сына Ярослава, внука Изяслава, правнука Мстислава, праправнука Владимира Маномеха, препраправнука Всеволода, пращура Ярослава, прапращура великого Владимира.

В том же году пришли половцы в Русь и, много зла причинив, вернулись назад.

Князь же Роман Мстиславич сам отправился за ними в погоню. Половцы же вошли в Поле и утратили осторожность, князь же Роман Мстиславич ударил на них внезапно, пленных отобрал, многих половцев убил и возвратился с радостью восвояси.

В ту же зиму было много знамений на небе; в пятый час ночи потекло все небо и стало красным, как кровь, и снег на земле и на домах напоминал разлитую кровь, и многие люди видели падение звезд на небе, и падали звезды с небес на землю, и, видя это, люди ужасались, думая, что конец мира наступает, потому что когда знамения на небе или в звездах, или на солнце, или на луне, или в чем ином являются, это всегда к добру не бывает, а к злу; ибо проявляется зло, чтобы видели люди и отвращались от зла, и обратились к Господу Богу, и покалялись. Такие знамения предсказывают или голод, или смерть, или нашествие врагов, или междоусобные войны и сражения.

Той же зимой великий князь Киевский Рюрик Ростиславич, добываясь власти над Киевом, объединился с Олеговичами, а половецких князей призвал себе на помощь, и всю Половецкую землю поднял, и, придя со многими силами, захватили великий и славный город Киев Рюрик и Олеговичи, и всю Половецкую землю. И произошло страшное зло в Руской земле, какого не случалось от крещения с Киевом; многие беды происходили с ним, много раз его захватывали, но все не так происходило, как сейчас, не только Подол захватили и Гору сожгли, но и митрополичью церковь святой Софии разграбили, и святую Десятинную церковь Богородицы, и все монастыри, и иконы сняли, а иные с собой забрали, и кресты честные, и сосуды священные, и книги, и дорогие одежды первых князей, которые те пожертвовали в святые церкви в память о себе, и те взяли.

Чернецы же и черницы старые, также и попы, и слепые, и хромые, и глухие, и трудники, все были убиты, а детей всех забрали иноплеменики в плен, и повели в свои пределы [...], а черниговские князья — в Чернигов, а Рюрик Ростиславич — в Овруч.

В том же году отправился великий князь Галичский Роман Мстиславич, зять Рюрика, к Овручу с войском против тестя своего Рюрика

Ростиславича, отвлекая его от Олеговичей, от черниговских князей и от половцев.

И целовал Рюрик крест великому князю Всеволоду и сыну его Константину, и братьям его, и Роману. И сказал ему Роман: «То, что ты принес уже клятву на кресте, передай своему свату великому князю Всеволоду, а я пошлю к нему же, к своему отцу и господину, и будем просить его, чтобы он Киев тебе опять отдал»; и, договорившись с великим князем Всеволодом, сыном Юрия Долгорукого, снова посадили князя Рюрика Ростиславича на великом княжении в Киеве.

В лето 6711 от Адама (1211 лето от Христа)

Князь великий Владимирский Всеволод, сын Юрия Долгорукого, и великий князь Галичский Роман Мстиславич вместе с черниговскими князьями Олеговичами договорились и заключили между собой мирный договор, и на кресте принесли клятву пребывать в единстве.

Князь же великий Всеволод Юрьевич послал своего боярина Михаила Борисовича привести Олеговичей к крестному целованию.

Также и Олеговичи послали своих бояр к великому князю Всеволоду, сыну Юрия Долгорукого, и привели его к крестному целованию, также и Романа Мстиславича Галичского привели к крестному целованию, а князь Роман Мстиславич их привел к крестному целованию, и так настали мир и тишина, но не надолго.

Той же зимой было знамение на небе: появились три солнца на востоке, а четвертое — на западе, а посреди небес — будто месяц большой, подобный дуге, и продолжалось это знамение с утра до полудня, все люди смотрели и удивлялись.

О войне с половцами, и как постриг Роман Мстиславич своего тестя Рюрика

В ту же зиму великий князь Киевский Рюрик Ростиславич и его зять великий князь Галичский Роман Мстиславич, и Ярослав Всеволодович, внук Юрия Долгорукого, великий князь Переяславский, и другие князья пошли войной на половцев; была тогда лютая зима, и половцы пребывали в великой скорби. И захватили русские князья их вежи и стада, и много пленных, и возвратились восвояси.

И пришел в Треполь великий князь Киевский Рюрик Ростиславич со своими детьми Ростиславом и Владимиром, и со своим зятем Романом Мстиславичем Галичским, и захотели договориться между собой о том, как кто из них пострадал за Рускую землю, и начались великая смута и споры между ними, и схватил великий князь Галичский Роман Мстиславич

своего тестя великого князя Киевского Рюрика Ростиславича, отправил его в Киев и постриг там его в чернецы, и жену его, и дочь его — свою жену, а сыновей его, своих шуринов: князя Ростислава и князя Владимира Рюриковичей, увел с собой в Галич.

В том же году победили Олеговичи литовцев и убили их 1700 человек.

Услышав о том, что творится в Руской земле, великий князь Всеволод Юрьевич был очень огорчен судьбой своего свата и его детей и захотел отомстить, но отложил свою месть ради христиан.

И послал к великому князю Галичскому Роману Мстиславичу, чтобы отпустил его зятя Ростислава с его братом Владимиром Рюриковичем.

Роман же, послушав великого князя Всеволода, отпустил его зятя Ростислава и брата его Владимира; князь же великий Всеволод посадил зятя своего Ростислава на престоле в Киеве.

В том же году великий князь Галичский Роман Мстиславич послал к великому князю Всеволоду Юрьевичу послов с миром и любовью, говоря: «Зятя твоего Ростислава Рюриковича я отпустил, и мир и любовь ему дал, и ныне правит он на престоле великого княжения своего отца в Киеве, ради твоей любви ничем ему не воспрепятствовал, но споспешествовал и оказал помощь.

И так между ними настали великая тишина, мир и любовь.

В лето 6712 от Адама (1212 лето от Христа)

Преставился великий князь Черниговский Олег, сын Святослава. В том же году были знамения на небе, на солнце и на луне.

О взятии богохранимого Константинополя латинянами.

В лето 6712 от Адама (1212 лето от Христа)

Царствовал Алексей в Царьграде, в царстве брата своего Исаака, так как Исаака он ослепил, а сам стал там царем, а сына его Алексея запер в высокой крепости под стражей, чтобы он не вышел на свободу.

И по прошествии некоторого времени дерзнул Исаак просить о сыне своем, чтобы его выпустили из крепости, и умолил брата своего Исаак, и поклялся за своего сына, что тот не помыслит о царстве, и был выпущен он из крепости, и ходил он везде, где хотел, а царь Алексей волновался за него, веря брату Исааку и сыну его, получив от них обещание.

Но потом Исаак захотел вернуть себе царство и стал научать сына своего, говоря ему тайно: «Я сотворил добро брату моему Алексею, у неверных выкупил его, а он мне злом воздал, меня ослепил, а царство мое себе забрал», и захотел сын его, как научили его, уехать из города в дальние страны и там искать себе царства.

И привели его на корабль, и посадили в бочку, имеющую три дна на одном конце, за которыми сидел Исаакович, а на другом конце — вода, где гвоздь, так как нельзя было другим путем покинуть город, и так уехал он из Греческой земли.

Узнал об этом царь и послал искать его, начали искать его во многих местах; вошли и на тот корабль, где находился Исаакович, обыскали все и из той бочки гвоздь вынули, но, увидев вытекающую воду, пошли назад, не найдя ничего.

И так уехал Исаакович, и прибыл к Немецкому царю Филиппу, к зятю своему, и своей сестре.

И царь Немецкий послал к папе Римскому, и стал уговаривать его, чтобы не шли воевать с Царьградом, хотя Исаакович утверждал: «Весь Константинополь желает моего царства».

Папа же отослал его, сказав: «Если захотят его, посадите его на престоле и идите к Иерусалиму на помощь; если не захотят его, то вы опять приведите его ко мне, но неприятностей не причиняйте Греческой земле».

Латиняне же и все их воеводы захотели получить золото и серебро, которые обещал им Исаакович, и забыли наставления царя и папы, чтобы зла Греческой, земле не причиняли, и сначала придя в Суд, замки железные разбили и приступили к городу, в четырех местах поджегши храмы. И тогда царь Алексей увидел огонь, не вышел на битву с ними, но призвал своего брата Исаака, которого ослепил, и посадил его на престоле, сказав: «За то, что сотворил с тобой, брат, прости меня, а это твое царство», а сам бежал из города.

И сожжен был весь город, и церкви неописанные, красотой украшенные, не можем их числа назвать, и святой Софии притвор сгорел, где все патриархи перечислены, и ипподром, и все строения, находящиеся до моря и до двора царя, и до Суда сгорели.

И тогда погнался Исаакович за царем Алексеем вместе с латинянами, но, не догнав его, возвратились в город.

И прогнал отца с престола, сам царем стал, отцу же сказал: «Ты — слеп, как можешь царством править? Я — царь».

Тогда царь Исаак много горевал о городе и о своем царстве, и о разграблении монастырей. Отдал он латинянам обещанное золото и серебро, сильно разболелся, постригся в монахи и отошел от этого мира.

И после смерти Исаака люди восстали против его сына за поджог города и за разграбление монастырей, собралась чернь, стала советоваться с умными мужами, кого царем поставить, и все хотели Радиноса, он же

сам не хотел принять царство и скрывался от них, одевшись в черные ризы.

Тогда взяли его жену, привели в великую церковь святой Софии и долго принуждали: «Скажи нам, где муж твой?», но она ничего не сказала им о своем муже.

Потом же взяли человека по имени Никола, воина, и на него возложили венец без [благословения] патриарха, и пробыли вместе с ним в церкви святой Софии 6 дней и 6 ночей.

Царь же Исаакович находился во Влахерне и хотел тайно ввести латинян и бояр в город, бояре же упросили царя и не дали ему впустить латинян в город, сказав: «Мы с тобою».

Тогда же, испугавшись прихода латинян, бояре сговорились с Мурцуфлом, схватили царя Исааковича, а на Мурцуфла возложили венец, но отпустил Мурцуфл Исааковича из темницы и дал обещание не свергать Исааковича с царства, но править согласно его воле.

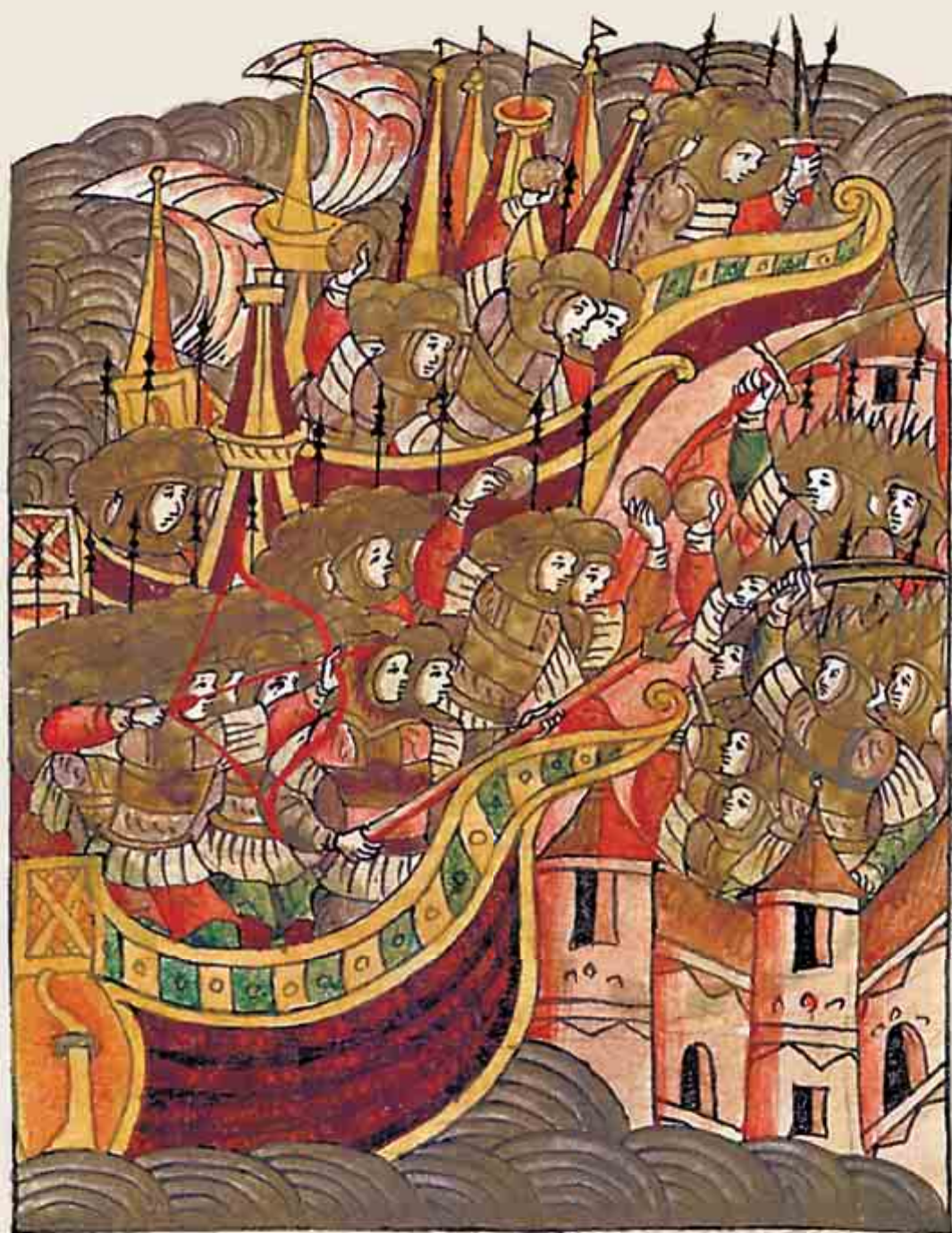
Мурцуфл же послал к Николе и к народу в святую Софию, говоря: «Я пленил вашего врага Исааковича, я ваш царь, а Николе даю первое место среди бояр». Никола же хотел сложить с себя венец, но все люди не только не дали сложить с себя венец, но, более того, поклялись: «Кто отступится от Николы, будет проклят».

В тот же день, дождавшись ночи, все разбежались, а Николу и его жену взяли в плен, и посадил их Мурцуфл в темницу, и Алексея Исааковича заключил в темницу.

А сам Мурцуфл стал царем, надеясь разбить латинян; латиняне же, узнав, что Исаакович взят в плен, начали сражение около Константинополя и просили у Мурцуфла отпустить им Исааковича: «Вернемся мы к Немецкому царю и к папе Римскому, кем были присланы, а тебе останется царство его».

Мурцуфл же и все бояре не сохранили ему жизни и уморили Исааковича, сказав латинянам: «Умер он, приходите и убедитесь сами». Тогда латиняне огорчились совершенным ими преступлением, так как не так наставлял их царь Немецкий и папа Римский, чтобы они причинили зло Царьграду, и сказали сами себе: «Если нет с нами Исааковича, с которым пришли сюда, то лучше нам умереть у стен Царьграда, чем со страхом и позором уйти».

И начали готовиться к сражению с Царьградом, и решили, как и прежде, использовать на кораблях раими на шеглах, а на других кораблях приготовили пороки, и лестницы, а на других решили свесить бочки, наполненные смолой и лучиной, через ограждения, и, запалив, бросить в сторону города и домов, чтобы поджечь город.

И приступили к городу месяца апреля в 9 день, но не успели еще ничего злого причинить городу, как убили около ста их воинов, и простояли латиняне под городом 3 дня.

А в понедельник Вербной недели приступили к городу, солнце уже всходило, напротив церкви Спаса, называемой Вергетис, и встали до Влахерны.

И подошли на 40 больших кораблях, были же плоты между ними, в которых находились люди на конях, сами люди и их кони были закованы в броню, и некоторые стояли сзади в кораблях и в галеех, опасаясь воспламенения, так как еще раньше греки пустили 10 кораблей с огнем против латинян, но изменился ветер в полночь на Васильев день, и не успели ничего причинить кораблям латинян; так как наставил их раньше Исаакович.

И спрятали латиняне свои корабли под стеной от ветра, и перекинули свои длинные лестницы через ограждения, и нижние лестницы стояли вровень с забрами, и бросали греки и варяги с высоких скал на город камни, и стрелы, и сулицы; а со стороны нижних скал вошли в город, и так был взят Царьград. Царь же Мурцуфл успокаивал своих бояр и всех людей, желая дать отпор латинянам и сразиться с ними, но не слушали его и бежали от него.

И царь побежал от латинян, и догнал своих людей на конном торгу, и много жаловался на бояр своих и всех людей.

Тогда, когда царь бежал из города, и патриарх, и все люди, вошли все латиняне в город и встали на месте, где стоял царь Греческий.

И на восходе солнца вошли в святую Софию, и выломали двери, рассекли амвон, весь окованный серебром и имевший 12 серебряных столпов и 4 киотных, и тябло посекли, и 12 крестов, которые были над алтарем, и шишки, находящиеся между ними, как деревья, размером выше человеческого роста, и алтарные перегородки между столпами, все то было сделано из серебра; и разграбили красивый престол, украшенный драгоценными камнями и крупным жемчугом, а сам престол неизвестно куда дели, и 40 великих клобуковых, которые были перед алтарем, и паникадила и светильники, все сделанное из серебра, всему не можем числа назвать, с бесценными праздничными служебными сосудами; и Евангелия, и честные кресты, и безценные иконы все ободрали, а под престолом нашли сокровище — 40 кадей чистого золота, а в палатах в стенах и в сосудохранильнице неизвестно, сколько было золота, серебра и бесценных сосудов, нельзя их счесть, это все было в одной только Софии.

А святую Богородицу во Влахерне, где Дух Святой сходит каждую пятницу, и ту ободрали; и другие церкви разграбили, нельзя челове-

ку сосчитать их количество; чудную же икону Пресвятой Богородицы Одигитрии, которую по городу носили, сохранил Бог с помощью добрых людей, и сейчас она существует, на нее же мы надеемся.

А другие церкви в городе и за стенами города и монастыри разграбили, не можем назвать их числа и описать их красоту.

И людей множество убили и ограбили, греков же и варягов, которые остались, изгнали из города. Вот имена итальянских воевод: 1. Маркос из Рима в городе Берне, где жил язычник злой Дердик; 2. Кондоф о Фландр; 3. Слепой Дожд с острова святого Марка, венецианец.

Этого дожд ослепил царь Мануил; многие философы просили царя, говоря, что если этого дожд отпустишь здоровым, то много зла причинит он твоему царству; царь же, не желая его убить, повелел ему очи ослепить стеклом, и хотя его очи были не повреждены, но он не видел ничего.

Этот дожд много неприятностей замышлял против Царьграда, и все его послушались, он владел большими кораблями, с помощью которых был взят Царьград. Простояли же латиняне у Царьграда с декабря до апреля, пока город не взяли.

Месяца мая в 9 день возвели на царский трон своего царя латинянина Кондофа о Фландра властью своих епископов и разделили власть между собой: царю — город, маркосу — суд, а дожду — десятина. И так погибло царство богохранимого Константинополя и земля Греческая из-за раздора царей, и теперь ею стали обладать латиняне.

Об иконе Пречистой Богородицы Одигитрии в Царьграде

Одигитрия — икона Пресвятой Богородицы, эту икону написал евангелист Лука, ее выносят каждый вторник из монастыря, и она чудеса творит до сегодняшнего дня, исцеляет тех, кто с верою к ней приходит.

Некий старый монах, долго молившийся Пресвятой Богородице, говорил: «Госпожа! Явись мне, какой Ты была во плоти». И был ему голос: «Иди в апостольскую церковь и найдешь Меня написанной в алтаре при кресте, такой была Я во плоти».

Некогда в Царьграде было иконоборчество, и отнесли икону Пресвятой Богородицы Одигитрии в монастырь Пантократора, и спрятали ее в стене алтаря, зажгли кадило пред нею, а иконоборцы правили в Царьграде 60 лет.

Потом снова воцарилось православие, стали искать икону Пресвятой Богородицы, и повелел патриарх молиться об этом всем монастырям и затворникам.

И явилась Богородица одному затворнику в сонном видении: «Ищи, — было сказано ему, — икону Пресвятой Богородицы в монасты-

ре Пантократора», и нашли ее, а кадило то не погасло за 60 лет, горело так же, как и в первый день было зажжено, и была радость великая всем православным об иконе Пресвятой Богородицы. Этой же иконе служит Луцино племя и до сегодняшнего дня.

В том же году прислал папа из Рима своих пресвитеров в Царьград, а греческих пресвитеров из Царьграда повелел привести в Рим.

Русь (1213–1224 гг. от В.Х.).

Книга 4

Из другого летописца. О родословии сербских деспотов

Необходимо поведать и о сербских деспотах. Начнем слово, словно корень лопатой окопав, и покажем дерево, произросшее от этого корня, и сладость плода всем покажем. Великий деспот Неманя, он же святой Симеон, от него же происходят: Белоурош родил Техомила,

Техомил родил блаженного и великого деспота Неманя, который правил при царе Греческом Алексее Схимнике; он насадил православие в своей земле и изгнал ереси. Его супруга Анна была похожа на него во всех добродетелях, священников, иноков и странников всегда жалела; родила она ему трех сыновей: Стефана, первовенчанного короля, Волкана, великого князя всей Зяти и Холмской земли, и Растка, которого любила больше всех.

Пришли иноки к деспоту со Святой горы, среди них был один серб. Растко беседовал с ним, и, узнав о жизни святых отцов, живших там, разгорелся божественным желанием.

И, отпросившись у отца на охоту, скрылся от всех бояр, и бежал вместе с этим иноком на Святую гору.

Отец же послал вслед ему военачальника, нашли его, еще не принявшим постриг; и он обещал им вернуться с ними, но напоил их вином, и когда они уснули, Растко поднялся на столп и постригся, получил имя Савва.

Они же, проснувшись, ругали монахов, святой же Савва появился перед ними на столпе, сбросил им мирскую одежду и остриженные волосы; те же после долгого плача уехали.

Вернувшись обратно, они рассказали его отцу и матери, которые оплакивали сына с боярами и родственниками.

Постригся святой Савва в Руском монастыре, потом же повелением прота поселился в Ватопеде.

Прислал он к своему отцу письмо, в котором предлагал ему, оставив царство земное, прийти к нему.

Он же оставил все земное царство, сына Стефана поставил самодержцем, а сам постригся в монастыре Студеница, и наречен был Симеон; процарствовал он 42 года. Также и жену свою Анну постриг в девичьем монастыре, а сам пошел на Святую гору к своему сыну Савве с множеством добра.

Потом, попросив у своего свата царя Алексея, на дочери которого женился сын Симеона деспот Стефан, монастырь Хиландар со всем имуществом и украсил его всякими зданиями, а к деспоту Стефану послал с просьбой, чтобы тот принял монастырь под свое покровительство; он прислал много имущества и подарил монастырю села в Сербской земле, и скотом приплодным наделил его. Принял монастырь под свое покровительство деспот Стефан, и на века будет монастырь Хиландар принадлежать сербским деспотам; дал царь монахам грамоту, что никто не может вступить в их монастырь, даже прот Святой горы, но только один царь.

Поселились и сами они в своем монастыре Хиландаре, но, немного в нем пожив, преподобный Симеон отошел ко Господу, и по молитвам святого Саввы истекло миро от его гроба. Потом же святой Савва был поставлен в пресвитеры, а затем и в архимандриты Солунским митрополитом, потом же, по просьбе своего брата деспота Стефана сам перенес мощи святого отца своего Симеона и положил их в монастыре Студеница.

О Болгарском царстве

Царство Болгарское при царе Василии Багрянородном было частью Греческой области, в царство же Алексея правил у них царь Калуян, который отделился от Греческой области и этим обновил скипетр своего царства, и процвело царство, уже увядшее от насилия греков, латиняне же тогда нападали на Царьград. Этот царь Калуян Болгарский и Загорский, выбрав подходящий момент, разрушил многие греческие города, а некоторые покорил под свою власть; пришел же он гордо в город Солунь, как в древности царь Ассирийский Сеннахерим в Иерусалим, желая разрушить его; святой же мученик Дмитрий ночью убил его, спящего, копьем, войско же его, взяв его тело, бежало.

Правил у них другой царь, именем Борил; он хотел убить Стрезу, родственника Калуяна. Тот же бежал в Сербию к деспоту Стефану, и назвал его Стефан своим братом, оказал ему помощь и дал город Просек, а тех правителей царя Калуяна, которые владели греческими городами, Стефан попросил прийти с городами на помощь Стрезе и назвал его са-

модержцем и своим братом; он же через некоторое время, собрав воинов, выступил против Стефана, забыв его благодеяния.

Стефан же просил своего брата архимандрита Савву пойти к Срезе и примирить их.

Святой же много наставлял его, но не смог отговорить от буйства и молитвою в ночи убил его; нашли же его еще дышащим, только сказал он тогда: «Кто ужасный в ночи предстал передо мной, посланный Саввою, и, взяв меч, проткнул меня»; они же отошли с боязнью, взяв тело его.

Через много времени Савва, оставив отечество, пошел на Святую гору в кельи молчальников и пробыл долгое время в молчании.

Царство Греческое Феодора Ласкариса

После Алексея Ангела царствовал в Царьграде Феодор Ласкарис, от роду ему было 18 лет, а патриархом тогда был Герман.

О Савве Сербском

Святой же Савва для монастырских нужд отправился в Царьград, был принят с радостью царем и патриархом, так как царь издавна желал увидеть его, почтил его царь большими почестями, потому что дочь царя Феодора была отдана в жены Родославу, сыну деспота Стефана, племяннику святого Саввы.

Бог наставил святого Савву, что пришло время просить царя разрешить поставить одного из своих учеников архиепископом в его отечество, Сербскую землю. Царь же и патриарх хотели поставить самого Савву, он же не хотел этого; а они же отказывались другого поставить. Савва же стал молить царя, говоря: «Хотя ересь зловерия отцом моим и мною были уничтожены, и благочестие множится, но только одного недостает, своего архиепископа нет в нашей земле, чтобы наставлял в учении Господа». Царь же его принуждал согласиться, другого же архиепископа поставить не хотел; тогда Савва посовещался со своими учениками, помиловал землю отечества своего, и сам, того не желая, послушался царя.

Патриарх посвятил его в епископский сан, и царь очень этому радовался, и устроил в его честь пир с многочисленными яствами, и нищим много раздал; потом же стал святой Савва просить царя и патриарха, чтобы наделили его властью, а после него и других епископов в его земле, чтобы они могли советом своих епископов выбирать себе архиепископов, а к Царьграду не обращаться. Царь же и патриарх так сказали: ты слишком много просишь, но не могли его послушаться и наделили его такой властью царским и патриаршеским указами; еще ему самому патриарх

дал грамоту, согласно которой во всей своей патриархии, куда только он не пойдет, он может служить и поставлять в епископы и пресвитеры, и учить, и крестить, и самого его должны все во всем слушаться; после этого царь и патриарх с большими почестями и радостью отпустили святого.

И пришел он в землю отчества своего, встретили его родственники и весь народ. Его же брат Стефан был тогда сильно болен.

Савва же, придя к нему, исцелил его своей молитвой, много других чудес совершил святой, и церкви построил, и епископию учредил, и епископов по всем городам своей области поставил, и стал всех учить заботиться о стаде, и брата своего венчал царским венцом, и поставил его королем, и привел с собою из Царьграда иконописцев и мастеров по мрамору, и великую церковь соборную основал, расписал и мрамором украсил, и много других церквей.

А некрещеных, живших в ереси, повелел окрестить, а тех, которые крещены, а потом в латынскую ересь впали, молитву прочитав и миром помазав, к верным присоединил; тех же, которые не покорились, даже если они и в сани были, повелевал своему брату королю Стефану с бесчестием из отчества изгнать, чтобы они прочих красотой своей речи не смутили, этим не дал расти тернию вместе с виноградом.

Услышал об этом король Венгерский и разгневался на избрание деспота Стефана на королевство за то, что он сделал из себя подобного королю по рождению, и выступил против него, желая заставить его себе покориться. Архиепископ же Савва по просьбе своего брата Стефана вышел к нему навстречу и долго уговаривал его склониться на мир, но не уговорил, был же в тот день сильный зной.

Святой же послал просить у него льда, и не нашли его во всей земле, святой же помолился, и выпал сильный град около того места, где он расположился станом, и, возблагодарив Бога, сам вкусил и, положив градины в вино, утолил свою жажду, и положил ледяного града в большое серебряное блюдо, королю отослал, а всем повелел брать достаточное количество. Король же, увидев это, был объят страхом и поучением святого оставил ересь латынскую, православную веру принял, и с его братом королем вечный мир заключил, и сам, достаточно пожив, преставился, и после смерти от гроба его чудеса происходили.

Потом же его брат Стефан сильно заболел и молил святого разрешить ему облечься в иноческий образ; святой же не разрешил пока и уехал в епископию, и посылает к нему Стефан со слезами, говоря, что уже не надеется увидеть его.

Святой Савва вернулся и, найдя брата уже умершим, очень скорбел об этом, много молился со слезами, и воскресил брата, и облек его в иночес-

кий образ, и, причастив к святым тайнам, велел уснуть, сказав: «Прими в мире душу его, Господи». Привел потом его сына Родослава и благословил на королевство, и так на руках у архиепископа, на глазах у всех предал дух Богу король Стефан, нареченный в иноках Симон, и похоронили его в Студенице, в монастыре Пречистой Богородицы, рядом с его отцом Симеоном.

Потом пошел святой Савва в святой город Иерусалим поклониться святым местам, взяв с собой много богатства, раздавал милостыню нищим и по монастырям, выкупал мощи святых и честные сосуды, и ризы, желая принести их в свое отечество.

О взятии Царьграда латинянами

В том же 6712 лето от Адама (1212 лето от Христа) захвачен был Царьград латинянами, царя Феодора Ласкариса или не было там в то время, или он не смог оказать им сопротивления, потому что имел своим врагом Болгарского царя.

Латиняне же много имущества, книг, уставов и честных сосудов, и священных риз, и икон чудотворных, и Нерукотворный образ, и Ризу и Пояс Пречистой Богородицы, и мощи многих святых отнесли в Рим; в Царьграде же поставили своих епископов и пресвитеров, и все стало по римскому обычаю.

Греческое же царство разделилось на две части: во всей Фессалии и Иллирии в Солуни царствовал Федор Ласкарь, а во всем же Понте Галатии и Витании, и в Азии царствовал благочестивый царь Кал Иван Ватац.

О Савве Сербском

К нему же святой Савва приплыл по возвращении из святых мест, и был принят им с радостью, и в течение долгого времени оказывали ему почести царь и царица, постоянно отыскивал мощи святых, покупал и у царя просил. Царь же одарил его частью Честного и Животворящего Древа и мощами святых, и священными одеждами, и сосудами церковными: дал ему и много золота, чтобы, путешествуя, имел средства на подаяние нищим, нуждающимся и монастырям, говорил ему: «Моли о нас, грешных». Святой же благословил царя и царицу, и дал ему царь свой корабль, наполнив его всем необходимым и вооруженными воинами, чтобы они проводили его до Святой горы.

Миновали они святой Царьград, которым тогда латиняне владели.

И на Святой горе ходил по монастырям, и раздавал золото и серебро, которые получил от царя, а потом приехал в Солунь, поклонился гробу великомученика Дмитрия и был принят царем Феодором Ласкарисом,

и повелел царь проводить его с почестями до крайних пределов греческих.

Родослав король, услышав об этом, повелел встретить его епископам и игуменам, и всем благородным людям Сербской земли, потом же и сам Родослав вышел встретить святого.

Родослав, хотя прежде и был разумен во всем, позднее стал подчиняться жене, от нее же и повредился умом. Властители были недовольны повреждением его ума и перешли от него к младшему его брату Владиславу. Святой оставил это на Божью волю, и когда Родослав был изгнан, то он бежал вместе со своей женою в город Драч, где красотой его жены был покорен латинянин, владевший городом, он отнял ее у Родослава и захотел убить его самого. Стала его жена новой Далидой для своего короля.

Названный же король Родослав, узнав об этом, бежал и пришел к святому архиепископу; тот же, наставив Родослава, постриг его в иноческий образ в монастыре Студеница.

Владислава же святой венчал на королевство и сочетал браком с дочерью Асана, царя Болгарского и Загорского.

Царство Асана Ивана, царя Болгарского

После царя Борила в Болгарии правил царь старый Иван Асан, а после него его сын Иван Асан был царем в Болгарах, и в начале своего царства он отстроил болгарские города, обещавшие во времена греческого правления, и многие греческие города подчинил себе.

Подчинил и город Сардинию, иначе называемый Середец, в который с древности по обычаю собирались на собор восточные и западные епископы, то есть греческие и римские, так как этот город был расположен между обеими землями.

Взял же царь Асан находящиеся в нем мощи Иоанна Рыльского и принес в свой стольный город Тырново.

Латиняне же в то время правили Царьградом, и патриарха тогда не было, и поставил он у себя в Тырново патриарха, выпросил у правивших тогда в Царьграде латинян мощи преподобной мученицы Параскевы и принес в город Тырново, и пошел в другие греческие города, царь Феодор Ласкарис вышел против него на битву, в которой победил царь Болгарский Асан, и был пленен Феодор Ласкарис во время сражения, и повелел его царь Болгарский Асан ослепить.

Царство Греческое Ивана Дуки Ватаца

После Федора Ласкариса Иван Дука Ватац принял на себя правление обеими частями распавшегося Греческого царства, кроме Царьграда, так

как его удерживали латиняне, а царствовал 34 года; православен он был и добролюбив. Его посетил святой Савва, которого царь принял с почестями и одарил многими дарами, когда возвратился из святых мест, о которых было рассказано ранее.

О Савве Сербском

Пребыл же святой Савва в архиепископии долгое время после своего возвращения из святых мест и, обходя землю своего отечества, всех наставлял в благочестии, просил избегать ереси и всегда обновляться православием святой веры. «Верую во Единого Бога» — каждый день, вечер и ночь святые отцы заповедали читать, и перед сном полезно это произносить вслух и устрашать бесплотных врагов. Если же злой дух бежал от Саула, от напевов свирели и бряцания гуслей Давида, то еще больше страшны трубы, которыми Троицу Святую в едином Божестве исповедуют, и устрашатся они тогда и убегут. К тому же подобным исповеданием православной веры побеждается всякая ересь. Поучал всех прилежно творить милостыню и добрые дела, отходить от злых дел, блуда и прелюбодейства, а тех, кто наложниц имел, повелевал венчать законно; живущим же в монастырях передавал законы, которым научился от святых отцов.

Избегал святой Савва людской славы, желая в чужих странах окончить свою земную жизнь, и, созвав епископов и всех, обладавших властью, многому научил их, и, избрав одного из учеников по имени Арсений, иеромонаха, славного больше всех своими добродетелями, поставил его в архиепископы и завещал ему поступать так же, как он видел поступающим самого Савву.

Сам же, благословив всех и от всех приняв благословение и прощение, взяв много богатства у архиепископа и короля Владислава, на западном море в Диоклетии сел на корабль. Видели разбойники, что много с ним золота, и укрылись в заливах морских, Господь омрачил их разум мраком и мглою, а море волновалось очень сильно, и корабль был на грани кораблекрушения, но святой помолился и крестным знамением прекратил бурю. И приплыл в Иерусалим, и был принят патриархом Афанасием, и поклонился Пречистому Гробу, и побывал в доме святого Иоанна Богослова, который выкупил у сарацин, чтобы оставить его как свое наследство, и храму Святого Воскресения и монастырям, и нищим раздал много золота.

Савва был почтен султаном

Потом Савва пришел в Александрию и поклонился мощам святого апостола Марка и святого Мина, и пройдя через пустынные места, при-

шел в Фиваиду и в скит, и на Черную гору, и отдал живущим там часть богатства, которое носил с собой.

А потом пришел в великий Вавилон. Сарацинский султан предоставил ему дом для отдыха, и вместе с христианским митрополитом святой побывал у султана, который оказал им почести и повелел снабдить его всем необходимым.

И сказал святой султану, что хочет идти в Египет, тогда султан послал проводить Савву и повелел передать святого Египетскому султану.

Также и тот султан с почестями принял святого и повелел предоставить ему отдых в христианской митрополии.

И святой, взяв у митрополита инока [в провожатые], посетил пустынные места отца Антония и Арсения и возвратился в Египет, и сказал султану, что хочет подняться на Синайскую гору, тогда султан дал ему проводников, оказал ему почести, дал варсамов елей и большое корневище, лишенное растительности, и благовонных индийских ароматов, сахар и финики. Вельможи же, то есть амиры, увидели большие почести, оказанные святому султаном, и одни пытались к его рукам прикоснуться, а другие — к мантии, говоря, что нам любезен христианин никогда еще не был, но это поистине Божий человек.

Пришел святой на святую Синайскую гору и пришел в монастырь Пресвятой Богородицы, где Моисей видел Господа в купине, Который сказал ему: Я — Бог Авраама, Исаака и Иакова, и повелел Моисею снять сапоги, и с тех пор здесь иереи служат с босыми ногами.

И побывал в церкви святого пророка Ильи, и поклонился тому месту, где Моисей видел Бога, на том камне и до сегодняшнего дня изображение державной десницы отмечает место нахождения Господа. И с радостью возвратился в монастырь Пречистой Богородицы, и пробыл в нем всю Четырехдесятницу.

И после праздника Воскресения Христова возвратился в Иерусалим, совершил святую службу в церкви Воскресения Христова и поклонился всем святым местам.

И вернулся в Великую Антиохию, и был принят с почестями патриархом, и поклонился святым местам. А потом пришел в монастырь святого Симеона на Дивной горе и поклонился честному его гробу, и пожертвовал много золота, а оттуда пришел в Великую Армению, разыскивая мощи святых. И прошел через всю Армению и Турецкую страну, и пришел снова на Сирское море, чтобы отплыть в Царьград.

И когда плыл святой назад, из-за многих трудов охватила его сильная болезнь, и не нашлось места, где можно было бы сойти с корабля, и много дней пребывал без пищи, просили его принять пищу, святой

же попросил свежевывловленную рыбу, но ему ответили, что нельзя ее достать.

И тут внезапно вздулись волны и выбросили к его ногам очень большую рыбу, самого его даже не обрызгав; этой рыбы хватило для еды святому и бывшим с ним на много дней. Говорили тогда плывущие вместе со святым, что никогда такой сладкой рыбы не ели. И когда насытился святой богоданной рыбой, тотчас и болезнь его прошла.

И вскоре приплыл в Царьград, и в монастыре Пресвятой Богородицы, который называется Вергетис, обрел покой, честные сосуды и мощи святых выкупая, много тем обогатился, желая принести в свое отечество. От Константинополя пошел он кораблем к Болгарской и Загорской земле и известил своего свата царя Асана о своем возвращении, и тот послал на встречу ему, а потом же и сам вышел.

И пришел святой в город Тернов, и был принят с великой радостью царем и патриархом Иоакимом, и отдал ему царь свои теплые палаты. Царь же и патриарх чествовали святого.

Настал праздник Святого Богоявления, и в навечерие праздника повелели святому Савве отслужить службу и воду освятить, окропив царя и всех людей, и по этому поводу большое торжество было у царя, который отдал святому много золота для раздачи нищим. После праздника Святого Богоявления отправился царь на охоту, святой же заболел и понял, что пришло время его ухода к Господу, написал завещание, все святые мощи и сосуды, и золотые с бисером и камнями светильники, и священные одежды, которые выкупил, с учениками отослал в свое отечество, и дал благословение королю Владиславу, архиепископу Арсению и всем людям.

И когда настало воскресенье, святой причастился у Божественных Даров, с великою радостью увидел пришедших к нему ангелов и, благодаря Бога, отдал душу свою в руки Его.

И послал патриарх к царю, спрашивая, где похоронить тело святого; царь же, услышав об этом, сильно опечалился, что не известили его о болезни святого; хотя сам святой Савва не велел извещать царя о своей болезни, чтобы в покое скончаться.

И повелел царь положить его мощи в монастыре, который он сам создал, в церкви святых 40 мучеников, и много золота раздали во время его погребения, и много исцелений тогда произошло.

Потом король Владислав сам пришел к своему тестю царю Асану, испросил тело святого и принес в свое отечество с большими почестями; осталось тело святого цело, ничем невредимо и испускало благоухание.

Владислав король положил его с почестями в своем монастыре Вознесения Господня, который сам создал, и многие чудеса всегда происходили там.

Потом же явился святой во сне одному святому старцу, повелел вынуть тело его из земли; и положили его в церкви на поклонение всем видимого. И в Загорской земле, где была первая его могила, многие чудеса происходили во славу Божию.

О родословии сербских деспотов

Белоурош родил Техомила, Техомил родил Неманя, он же святой Симеон, который утвердил православие и искоренил ереси. Симеон родил от супруги своей Анны 3 сыновей: Стефана — первовенчанного короля, Волкана — великого князя всей Зяти и Холмской земли, и Растко, который был наречен в иноческом образе Савва.

Сын Симеона Король Стефан, родил 4 сыновей: Родослава, Владислава, Стефана, Предислава. А Стефан был наречен Урошем в честь своего прадеда, был он рябой король.

Предислав, третий сын Стефана, стремясь подражать во всем своему дяде святому Савве, стал монахом и был наречен Саввой: во всем он был подобен своему дяде святому Савве, и после святого Арсения стал третьим архиепископом Сербской земле.

Стефан же, которого звали Урош и рябой король, родил двух сыновей: Стефана и короля Милутина Бансаго; а Милутин родил Константина и Стефана Деченского.

Стефан же родил двух сыновей: Душмана и Душана; Душан преступил заветы своих отцов, самовластно провозгласил себя царем и родил сына Уроша. А Урош не имел детей, осталась лоза без потомства.

Стефан же, первый сын рябого короля Уроша, родил двух сыновей: короля Владислава и Урошица. Настолько же был добродетелен Урошица, что из его гроба миро истекает. Его отец Стефан преставился в 6825 лето от Адама (1325 лето от Христа).

Второе родословие

Великий князь Волкан, сын святого Симеона, брат святого Саввы, родил сына жупана Дмитрия, в иноческом образе Давид. Этот Давид родил князя Вратислава, Вратислав же родил князя Вратка.

Вратко же родил дочь Милицу. Она была супругой великого князя Лазаря и родила 3 сыновей: прославленного деспота Стефана, Волка и Добровоя.

В том же году обрушилась соборная церковь Пречистой Богородицы в Ростове. В том же году преставился князь Муромский Владимир Юрьевич.

В том же году преставилась блаженная Елена, дочь князя Всеволода, и положена была в церкви Пречистой Богородицы в монастыре, который был создан великой княгиней, супругой князя Всеволода.

В 6713 лето от Адама (1213 лето от Христа)

Князь великий Всеволод, сын Юрия Долгорукого, забрал своего сына Святослава из Новгорода, так как новгородцы хотели изгнать его из Новгорода, был князь Святослав еще молод годами.

И примирился с ними великий князь Всеволод Юрьевич спустя некоторое время, и когда просили у него новгородцы его сына князя Константина, он отпустил его к ним.

Константин же Всеволодович, взяв благословение и наставление у своей матери Марии, пошел в Новгород, проводили его братья, Юрий и Владимир, и все бояре его отца до реки Кидекша с почестями, и пришел он в Новгород месяца марта в 20 день.

В том же году преставилась в иночестве великая княгиня Мария, супруга князя Всеволода, и положили ее в церкви Пречистой Богородицы в монастыре, который она сама создала, подражая великому Аврааму, купила себе землю для строительства церкви и монастыря, в котором и была погребена. Была она больна и пролежала в немощи семь лет, но никогда плохого слова не сказала, но всегда с благодарностью терпела скорбь и великую нужду, поминая праведного Иова: «Если благо принимаем от руки Господней, то как не стерпим зло». И так страдала она семь лет от сильной болезни, постриглась в иноческий чин, пребыла в монастыре 18 дней и преставилась в мире месяца марта в 19 день.

Прежде своей смерти наставила она своих сыновей, говоря им: «Возлюбленные мои дети! Уже я отхожу от временного света к отцам своим, вы же, пока пребудете в кратковременной этой жизни, имейте веру и любовь к Богу и Пречистой Его Матери Богородице, и всеми силами стяжайте в себе страх Божий, и [перед] епископами, пресвитерами, и всем священническим чином не стыдитесь, не гордитесь преклонить свою голову, потому что они — служители и пастыри словесных овец самого Бога и Пречистой Богородицы: почитающий Божьего иерея, самого Бога почитает, а обижающий иерея Божьего, самого Бога обижает. Всех иноков чтите и необходимым снабжайте, и никогда не проходите мимо инока без поклона. Имейте всегда в себе тихость и кротость, смирение, любовь и милость; алчных и голодных кормите и поите, нагих одевайте,

больных посещайте, в чистоте себя соблюдайте, милостыню всегда творите: это поставит вас перед Богом; не пройдите мимо любого человека, не приветив его; между собою имейте любовь, и Бог будет среди вас и сохранит вас от всего злого, и покорит врагов ваших под ноги ваши; если в ненависти и в распрях между собой будете жить, то погибните сами и погубите землю ваших отцов и дедов, которую они приобретали многим своим трудом и потом. Живите мирно и в любви между собой, слушайтесь брат брата своего, чтите старшего брата вашего Константина, как и отца и главу. Ты же, старший мой сын Константин, относись к братьям своим как к сыновьям, милуй их как порождение свое, слушай евангелиста Иоанна, говорящего: «Если кто скажет: Бога люблю, а брата своего ненавидит, то — ложь; но пребывайте в любви, потому что любовь есть Бог, и пребывающий в любви, в Боге пребывает, и Бог в нем пребывает». Старший же ее сын князь Константин сладостно слушал ее наставление, как губы воду пьющие, внимая словам, исходящим из уст ее, и в сердце вбирал все эти слова; ибо от корня благого возрастает благой плод. Как великий Константин от святой Елены, как царь Михаил от блаженной Феодоры, так и эта новая блаженная Елена и новая Феодора с сыном своим Константином Всеволодовичем, подражая блаженной Ольге и всем этим блаженным женам, которые детей своих в благоверии и в законе Христове воспитали, и в поучении книжном возрастили и наставляли, и научили заповедям Божиим, особенно же старшего сына Константина, когда исполнился он телом мужеского возраста и духовной мудрости.

Случилось же ему тогда идти в Новгород на княжение по приказу своего отца, пришел он к своей матери, лежащей в болезни, как уже было сказано, семь лет, и, приняв от нее благословение, отправился в Новгород.

Находился Константин в Новгороде, когда дошла до него весть, что его мать Мария преставилась в иноческом чине; зарыдал он тогда и, плача, сказал: «Увы, мне! Какого богатства я лишился, не опрятав своими руками святое тело матери и не предав его гробу», и много о том плакал, потому что сильно любила она сына.

В том же году посылал великий князь Всеволод Юрьевич войско на судах против волжских и камских болгар, и прошли они по Волге до Хамол, и много пленных захватили, а других убили, много учян захватили, и товара много взяли, и возвратились восвояси.

В том же году великий князь Всеволод, сын Юрия Долгорукого, женил своего сына Ярослава, и взял за него в Переславле внуку Юрия Кончаковича.

В том же году великий князь Галичский Роман Мстиславич ходил с войском на поляков и захватил два их города, и встал над рекой Вислой,

и, простояв там, оплошал, отъехал от своего полка с небольшой дружиной, а поляки тут же напали на него и убили.

Воины взяли его тело и отвезли в Галич, положили его в Галиче в церкви Пречистой Богородицы и целовали крест его сыну Даниилу, чтобы пребывать им в мире и любви, и посадили его на престоле отца.

В том же году князь Рюрик Ростиславич, услышав о смерти Романа, снял с себя иноческое платье, расстригся и сел на великом княжении в Киеве, также и жену свою хотел расстричь; она же не только не захотела этого, но и схиму на себя возложила, говоря: «Нет ничего больше души, о ней нам подобает заботиться и помышлять; сказал Господь какая польза человеку, если и весь мир приобретет, а душу свою потеряет, или что даст человеку измена своей душе».

Князь великий же Рюрик Ростиславич послал в Чернигов к Олеговичам, целовал им крест на том, чтобы в мире, единстве и любви пребывать, и, призвав половцев, пошел ратью на Галич.

Король, услышав об этом, прислал свою помощь в Галич к князю Даниилу Романовичу.

И пришли поляки в Галич, город укрепили и людей осадили, потому что у них князь Даниил Романович был еще молод.

И подошли с большим войском под город Галич, и, обступив город, начали сражение, горожане бились со стен города, много людей с обеих сторон пало, и, так долго простояв, города не взяли, только волости и села сожгли, и, пленив много людей, возвратились восвояси.

В 6714 лето от Адама (1214 лето от Христа)

Собрались в единое войско все русские князья: Олеговичи Черниговские, князь Всеволод Святославич Чермный, внук Всеволода, правнук Олега, со всеми братьями, и князь Владимир Игоревич со всеми братьями, и князь Мстислав Романович из Смоленска пришел к ним со своими племянниками, также и много половцев пришло к ним.

Собрались все в Чернигове, а оттуда пошли на Галич, и когда дошли они до Киева, то присоединился к ним в Киеве князь Рюрик Ростиславич со своими сыновьями — князьями Ростиславом и Владимиром, с берендеями, с ковуями и боутами, и оттуда поляки пошли на Владимир, на галичан.

Галичане же с князем Даниилом Романовичем очень испугались и послали за помощью к королю. Услышал король об их великой беде, что идут на них с одной стороны русские князья с половцами, а с другой — поляки, и сам пошел на помощь галичанам. Романовичи же испугались и бежали из Галича в свою вотчину во Владимире, не дождавшись короля.

Много ляхов подошло к Владимиру; а король, перейдя через горы, услышал, что поляки идут к Владимиру, а Олеговичи с половцами уже вошли в их землю, и остановился король, не двигаясь с места.

И слышали Олеговичи и половцы, и поляки, что король стоит недалеко от них, и не посмели идти к Галичу, и простояли много дней на одном месте, ни король не подступал к Галичу, ни Олеговичи. И начали переговоры о мире и любви, и, примирившись, возвратились восвояси. Галичане же боясь, что король уйдет от них в свою землю, говорили: «Горе будет нам, когда вернутся к нам Олеговичи, еще больше зла причинят они нам, а князя у нас нет».

И решили тайно послать в полк Олеговичам к князю Владимиру Игоревичу; князь же Владимир Игоревич принял вестника галичан и ночью скрылся со своим полком от братьев, поскакал в Галич, так как полки стояли в двух днях пути от Галича.

А король велел им взять себе князя Ярослава Всеволодовича из Переяславля, ждали его две недели и не дождались, потому что медлил Ярослав Всеволодович, собираясь со своими.

И поскакал из Переяславля в Галич, и узнал, что князь Владимир Игоревич вошел в Галич за три дня перед ним, сильно оскорбился и вернулся обратно в Переяславль.

Узнали Олеговичи и все князья, что ночью скрылся от них их брат князь Владимир Игоревич и пошел в Галич на великое княжение, удивились этому и поехали к Киеву, и, придя в Киев, сел князь Всеволод Святославич Чермный на великом княжении в Киеве, надеясь на большое свое войско, стал сажать своих наместников по всем киевским городам.

Князь великий же Рюрик Ростиславич, видя своё безвременье, вернулся в свой Овруч, его сын Ростислав пошел в Вышгород, а Мстислав Романович сел в Белгороде.

Также потом великий князь Всеволод Святославич Чермный послал в Переяславль к Ярославу, сыну Всеволода, внуку Юрия Долгорукого, говоря: «Иди из Переяславля к своему отцу в Суздаль, а Галич, находящийся под властью моих братьев, не пытайся захватить, если же захочешь его получить, то себя погубишь; если же будешь медлить, оставаясь в Переяславле, то я пойду на тебя с войском, и тогда не обвиняй меня; так как это я оказываю тебе милость». Ярослав Всеволодович очень испугался, не получил он помощи ниоткуда, и послал к нему с просьбой, прося дать ему беспрепятственную дорогу, чтобы дойти до своего отца Всеволода Юрьевича; тот же дал ему свободный проход.

И так Ярослав Всеволодович вышел из Переяславля, и пришел к своему отцу Всеволоду Юрьевичу в землю Ростовскую, Суздальскую и Вла-

димирскую месяца сентября в 29 день, встретили его братья и целовали его.

В том же году великий князь Всеволод Чермный Святославич посадил в Переяславле своего сына князя Михаила.

В том же году Рюрик Ростиславич, сожалея о великом княжении Киевском, объединился с Мстиславом Романовичем и пошел вместе с ними с войском, со своими детьми, племянниками и с половцами, и, придя, выгнал из Киева Всеволода Чермного, а его сына князя Михаила — из Переяславля.

И сел Рюрик в Киеве, а своего сына Владимира посадил в Переяславле.

В ту же зиму Всеволод Чермный, объединившись со своими братьями, с племянниками и с половцами, пошел на Киев; Рюрик же не мог сразиться с ним и затворился в Киеве.

Они же простояли около города 3 недели и возвратились, не успев ничего плохого причинить городу, а волости и села завоевали.

Тогда же князь Владимир Игоревич пошел из Галича к Владимиру, выгнал Даниила Романовича из Владимира и посадил в нем своего брата.

В ту же зиму было знамение на солнце месяца февраля в 28 день, исчезло все солнце, только осталась от него небольшая часть размером как однодневный месяц, и стояло так в небе от полудня до вечера, и много людей собиралось, смотрело, удивлялось и молило Господа Бога и Пречистую Его Богородицу, чтобы обратил Бог то знамение на добро.

В тот же день пришел Константин к отцу из Новгорода, встретили его братья на реке Шедакше: Юрий, Ярослав и Владимир с Иоанном, и все мужи его отца, и весь город, и целовали его любезно.

И так вошел в город к своему отцу, поклонился ему, и обнял его отец, и была радость в городе Владимире, пробыл он несколько дней у отца своего в веселье.

В том же году ушел князь Константин Всеволодович от своего отца Всеволода Юрьевича в Новгород.

В 6715 лето от Адама (1215 лето от Христа)

В Новгороде поставили церковь святого апостола и евангелиста Луки на Лубянице.

О взятии Киева и иных городов Ольговичами

В 6715 лето от Адама (1215 лето от Христа) пошли Ольговичи опять против Рюрика к Киеву: Всеволод Чермный со своими братьями и племянниками своими, а из Турова и из Пинска Святополчичи.

И, придя к Днепру, против Треполя перебрались, окружили его, и был бой силен. А в нем затворился Ярослав, сын Володимирича.

И стояли около него 3 недели. Люди в городе уже изнемогали и покорились ему. Он же, замирив их, устремился в Киев.

Из Галича к нему пришел на помощь Владимир Игоревич. Рюрик же, услышав о том, что идет на него рать бесчисленная отовсюду, и нет ему ни от кого помощи, бежал из Киева во Вручий.

Пришли к Киеву и получили известие, что Рюрик вошел во Вручий, а в Белгороде затворился Мстислав Романович. Они устремились на Белгород, и, подойдя, обступили его, и был бой лютый.

Когда Мстислав увидел множество около города, а помощи не от кого ожидать, начал просить свободного пути для отхода.

Всеволод же, целовав крест, дал ему путь. Он же пошел к Смоленску, в свою отчину.

Оттуда они пошли к Торцкому. Мстислав же Мстиславич затворился в нем, и они осадили его.

А язычников отослал воевать, и много зла сотворили по земле той, пленяя, секуще и села сжигая.

Мстислав же не вытерпел осады в городе и целовал к нему крест по его воле. Всеволод же Чермный, придя, сел в Киеве, много зла сотворив земле Руской.

О коварстве Рязанских князей

Когда услышал великий князь Всеволод Юрьевич, внук Владимира Маномеха, что Ольговичи с язычниками воюют против земли Руской, разгневался и сказал: «Разве им одним земля Руская — отчина? А нам — не отчина ли?», и сказал: «Хочу пойти к Чернигову, и пусть нас с ними Бог рассудит, призовем Господа Бога на помощь. Хочу идти к Чернигову на Ольговичей, потому что сына моего Ярослава выгнали с бесчестьем из города Переславля Руского, а мне большую срамоту учинили».

И послал к Новгороду за сыном своим Константином, веля ему собирать войско на Ольговичей. Константин же, послушав его, начал собирать войско большое из новгородцев, и псковичей, ладожан и новоторжцев, и пошел спешно со всеми силами на Москву, дожидаясь отца своего.

Князь же великий Всеволод Юрьевич послал в Рязань к князю Роману Рязанскому и к братьям его; и в Муром, к князю Давыду, поведав им обиды свои от Ольговичей, и какое поругание сыну его, и каковы речи против него глаголют, «этого я не могу потерпеть, да будьте помощниками мне против врагов моих, чтобы я мог с ними справиться». Князь

же Давид Муромский, собрав войнство, пошел вверх по Оке на помощь Всеволоду Юрьевичу.

Князь великий Всеволод, сын Юрия Долгорукого, пошел из Владимира к Москве со всеми своими сыновьями, августа в 19 день в воскресенье.

И встретил его сын его, князь Константин с новгородцами и с псковичами, и приветствовали его с честью великой, и был он тут на Москве неделю.

И оттуда пошел к реке Оке со всеми сыновьями своими: Константином, Юрием, Ярославом и Владимиром; а рязанские и муромские князья собрались с войнством своим и встали по одну сторону Оки-реки в помощь Всеволоду Юрьевичу: князь Роман Глебович и брат его Святослав Глебович с двумя сыновьями, с Мстиславом и Ростиславом Святославичами, и Игоревича два брата: Ингвар и Юрий, и Владимировы сыновья, внуки Глебовы, два брата Глеб и Олег — племянники Роману и Святославу. Князь Всеволод Глебович преставился в Виронске. Сын же его Кир Михайло был зятем князю Всеволоду Черному Святославичу.

Пришло известие великому князю Всеволоду Юрьевичу от Глеба и Ольга Владимировичей, в котором говорилось: «Дяди наши, Роман Глебович и Святослав Глебович, и сыновья Святославовы Мстислав и Ростислав, внуки Глебовы, с Ольговичами имеют совет и любовь, и идут на тебя со злым умыслом, берегись их, как змеев». Князь же великий Всеволод Юрьевич, услышав это, устранился и начал с единомышленниками своими советоваться, как и что сотворить. И они посоветовали ему так: «Как они к тебе с коварством, так и ты им коварство сотвори. И изобрази любовь: устрой обед и призови их с честью многою на пир, и так обнажи коварство их. И поступи с ними по делам их. И пусть никто не знает об этом, пока не придет время». В тот же год князь великий Всеволод, сын Юрия Долгорукого, со всеми силами своими пошел к Оке реке, и, придя, поставил шатры подле реки Оки с ростовцами, суздальцами, владимирцами, с переславцами, с новгородцами и с псковичами на берегу и по лугам, и собралась сила воинская огромная. А князь Роман Глебович с братьями — на другой стороне Оки-реки. Князь великий Всеволод, сын Юрия Долгорукого, послал к ним с честью.

Когда же они пришли и сели в шатре, сам великий князь был еще в полстнице, и оттуда послал к ним князя Давыда Муромского и тысяцкого своего Михаила Борисовича, обличая коварство их. Они же клялись, что не только не думали об этом, но и не слышали. «Откуда к тебе эта клевета на нас пришла? Какой сатана тебе возвестил такое против нас, то с тем и суди нас».

Князь же великий Всеволод Юрьевич, призвав племянников их, Владимировых сынов Глеба и Ольга, и говорил им: «Вы говорили мне против дядей своих, против Романа, Святослава и Всеволода (но, поскольку Всеволод преставился, то с тем Бог рассудит меня), как меня хотели предать Ольговичам, и если истинно говорили против них, то идите и обличите их в лицо».

Они же пошли и начали дядей своих обличать, якобы это и хотели сотворить. Дяди же начали божиться и клясться, что не знаем, не ведаем сего, сатана вам эту клевету повелел сотворить на нас. Да пусть судит нас Бог с вами. Никто не бессмертен в этом суетном и мимо текущем житии, все умрем, и страшный суд примем перед Господом Богом, и страшно истязаемы будем о содеянных нами делах, и не только о делах и о словах, но и о помышлениях. Ото всех нам, дядям вашим, честь и слава, а от своих племянников — позор, поругание и смерть лютая. Князь великий же Всеволод Юрьевич повелел схватить их и всех бояр их и послал их во Владимир месяца сентября 22 дня, в день субботний.

А в воскресенье, рано утром, князь великий Всеволод Юрьевич с детьми своими и двумя рязанскими князьями, которые оклеветали дядей своих, Глебом и Ольгом, и с Давидом Муромским, с новгородцами, с псковичами и с многою силою перешли через реку Оку.

А другую рать, судовую, великий князь Всеволод Юрьевич послал вниз по Оке и начал Рязанскую землю жечь, пленить и сечь.

И пошел к городу Пронску. В Пронске же был тогда князем Кир Михайло Всеволодич.

И услышал, что дяди их пойманы с боярами их, оклеветаны племянниками их, а отец его, князь Всеволод Глебович, преставился в Пронске, и на него к Пронску идет князь великий Всеволод Юрьевич с многою силою и с клеветниками, которые оклеветали дядей своих. И, услышав об этом, оскорбился, и возопил громким голосом, глаголя так: «О, горе нам безумным, погубили землю свою и род свой! Как все эти окаянные клеветники не сжалились над дядями их? Как отверзлись лукавые их уста? Как не обрушилась на них казнь Божия, так же как на Каина и на Святополка? О, горе нам! Свои от своих погибли!»

И начал говорить к боярам своим: «Поведайте мне, что делать? Нигде же в заповедях Господь не учит предавать нам самих себя в напасти, но учит — если гонят вас из града сего, бегайте в други». И, снявшись, побежал в Чернигов к тестю своему, к князю Всеволоду Святославичу Чермному, внуку Всеволода, правнуку Ольгову, праправнуку Святослава, преправнуку Ярослава, пращуру великого Владимира. Тогда в Киеве сидел на княжении Всеволод Чермный.

Князя же Изяслава, сына Владимирова, внука Глебова, брата клеветников тех, проняне приняли к себе в город Пронск и затворились с ним в городе Пронске.

Князь великий Всеволод, сын Юрия Долгорукого, пришел и встал под городом Пронском.

И в день субботний устроили бой великий. Проняне встали против с князем Изяславом, третьим сыном Владимировым, потому что Кир Михайло Всеволодич убежал из города Пронска, о чем впереди уже было сказано.

И начали приступать к городу с большим войском. И убили тогда из города посадника новгородского Юрия Мирославича.

Князь великий Всеволод послал к пронянам, говоря: «Сдайтесь мне добром. Если не сдадитесь, то все зло погибнете». Они же не послушали его, надеясь на прочность городских стен, забыв Писание, в котором говорится: «Если Господь не стережет град, всуе бдит стерегущий». И много крови пролилось с обеих сторон.

Когда услышали рязанцы с князем их Романом Игоревичем, внуком Глебовым, что суздальцы и новгородцы на острове стоят, у Ольгова, то снарядили против них людей — пеших и в судах; а сами с князем их Романом Игоревичем пошли берегом на конях.

Князь великий Всеволод Юрьевич, услышав о том, послал Ольга Владимировича, внука Глебова, к полкам своим, к ладьям, которые стояли на берегу у Ольгова с силою мноюю.

И, когда были они у Ожска, пришла к ним весть, что вышел из Рязани князь Роман, сын Игорев, внук Глебов, и бьется с ладейниками у Ольгова.

Князь Олег Владимирович погнал быстро к ладьям. Рязанцы же, увидев их, отступили от ладей и поставили полк свой против них, а князь Олег Владимирович, внук Глебов, с полками своими встал против них, а по другой стороне — ладейники.

И так с двух сторон начали наступать на них, и князь Олег, сын Владимиров, внук Глебов, победил князя Рязанского Романа Игоревича, внука Глебова. А были они между собою двух братьев дети.

И бежал князь Роман Игоревич к Рязани. Рязанцы же, увидев князя своего убегающим, бросили ладьи и бежали в леса.

Роман Игоревич прибежал в Рязань и затворился, а князь Олег Владимирович возвратился к Всеволоду Юрьевичу под Пронск с честью великой.

И стоял князь великий Всеволод около города Пронска две с половиной недели, и перекрыл горожанам воду, и изнемогали люди в городе.

Услышали о том Изяслав с пронянами, что полк рязанский побежден, а уже от безводия умирали они и животные их, и вышли из города с князем своим Изяславом Владимировичем, и покорились великому князю Всеволоду.

Он же привел их к крестному Целованию месяца октября в 18 день, и посадил у них в Пронске князя Ольга, сына Владимира, внука Глеба, и взял княгиню Кир Михайлову, и увел с собой, и имущество их и все богатство их бесчисленное взял, а с князем Изяславом Владимировичем мир заключил, и по всем городам их посадив своих наместников, пошел к городу Рязани. И когда был он у Доброго Сота, и хотел утром перейти через реку Проню, чтобы пойти к городу к Рязани, то рязанцы выслали к нему с мольбой, чтобы не шел к городу Рязани.

И об этом его часто молил епископ их Арсений, говоря так: «Господине княже, великий Всеволод Юрьевич! Ты ведь христианин, не проливай кровь христианскую, не опустошай места эти честных православных христиан, не жги церквей и честных монастырей, в которых имя Божье славится и молитва о всем мире к Господу Богу приносится, не воздвигни на себя гнева Божьего». Князь же великий Всеволод Юрьевич утрашился слов его, и, послушав мольбы епископа Арсения и городских людей, пошел от них к Коломне и оттуда к Москве. И, когда был он на устье реки Мерска, тут нагнал его епископ Рязанский Арсений с мольбой и с поклоном от всех людей.

Князь же великий Всеволод Юрьевич оттуда пошел во Владимир, а епископу Арсению повелел с собой идти, и пришли в город Владимир месяца ноября в 21 день, в среду, на праздник Введения Пречистой Богородицы.

А рязанцы остальных князей своих прислали во Владимир.

А новгородцев и псковичей князь великий Всеволод Юрьевич отпустил к Новгороду, одарив их многими дарами без числа, и дал им волю их по старине и уставы старых князей, чего они хотели, все им дал, говоря им так: «Если что нужно вам, просите у меня, ибо должен вам даровать все блага, так как вы много потрудились, одолев врагов моих рязанцев. И я вам воздаю многую честь, и держите себе князя по своей воле; и кто с вами добр, того любите и чтите, и кого хотите жаловать — жалуйте, а кого хотите казнить — казните. Поступайте так, как было установлено прежними князьями у вас», и в ином многом утешив их и одарив, отпустил.

Новгородцы же, радуясь, пошли к Новгороду. Князь великий Всеволод Юрьевич у себя оставил сына своего старшего, князя Константина, который княжил в Новгороде, и посадника новгородского Дмитрия, раненого под Пронском, и другого посадника Андрея, также под Пронском

подстреленного и сеченого, и иных знатных и лучших семь новгородцев битых и уязвленных под Пронском, оставил у себя во Владимире.

Новгородцы же, придя в Новгород, собрали вече по своему обычаю старинному против посадника Дмитрия и братьев его, потому что продавали людей волостных и купцов.

И, разъярившись, пошли на дворы их. Сначала зажгли двор посадника Мирошкина, братьев его разграбили, и имущество и богатство их взяли, и села их, и людей, и челядь их распродали, и спрятанные их сокровища разыскивали.

В том же году привезли посадника новгородского Дмитрия Мирошкинича мертвого из Владимира, потому что тяжело ранен был под Пронском, также и иных многих мертвых привезли, раненых под Пронском.

Новгородцы же и на мертвого посадника своего, на Дмитрия Мирошкинича, устремились с яростью многою. Одни хотели его с моста бросить в воду, другие — в костер, дров наложив, сжечь его. Но запретил им владыка архиепископ Митрофан; они же едва успокоились от своего неистовства.

Владыка же Митрофан похоронил его в Юрьеве монастыре, рядом с отцом его.

В том же году послал князь великий Всеволод, сын Юрия Долгорукого, сына своего Святослава в Новгород на княжение, а старшего сына своего князя Константина оставил у себя и дал ему город ростов и иных к нему пять городов.

Князь же Святослав Всеволодович пришел в Новгород в субботу Мясопустную и сел на княжении в Новгороде. И дали ему новгородцы доски посадника Дмитрия Мирошкинича, и было на них богатство многое, и был князь у них на их условиях, во всем по старине и по уставу первых их князей, и были между ними мир и любовь великая.

И начали говорить князю своему так: «Знай, господин князь Святослав Всеволодович, что не хотим у себя держать детей бывшего посадника нашего Дмитрия Мирошкинича: Владислава, Бориса, Предслава и Станислава, ни Острыты Доможировича, ни Ивана Даниловича, ни Митрошки Олексича».

В том же году князь Рюрик Ростиславич, услышав, что Всеволод Юрьевич воюет Рязань, и начал собирать воинство на черниговских князей; пришли же к нему и половцы на помощь, все делая в тайне.

И так, соединясь, погнал, преследуя, к Киеву, и согнал Всеволода Святославича Чермного с Киева, а сам сел в нем, и по всем городам киевским посадил наместников своих, и, одарив половцев, отпустил их в свои жилища.

Той же зимой князь Константин Всеволодович на своем дворе в Ростове освятил церковь святого Михаила, месяца ноября в 25 день, на память святого Климента, папы Римского, и Петра Александрийского.

Той же зимой, месяца февраля в 1 день, на память святого отца Семиона Богоприимца, было знамение в луне, померкла вся, и осталось [совсем] ее мало, как в начале первого дня месяца, и так стояла до вечера и до полуночи.

Той же зимой ходили Ольговичи на Киев против Рюрика Ростиславича, но не сумели ничего сделать и возвратились.

В 6717 году князь великий Всеволод, сын Юрия Долгорукого, послал сына своего, князя Ярослава, в Рязань на великое княжение; рязанцы целовали крест великому князю Всеволоду Юрьевичу и сыну его князю Ярославу, сидящему у них на великом княжении. И недолго были в мире, в любви и правде, и опять размирились, не сумев обуздать себя, захватили многих бояр и людей Всеволода и Ярослава, и, оковав, а иных в погреба засадив, уморили, а иных повесили.

И стали совещаться рязанцы с князем Глебом Владимировичем и с братом его князем Изяславом Владимировичем, пронскими князьями, желая выдать им из города Рязани в Пронск князя Ярослава Всеволодовича.

Он же, услышав о том, начал прятаться и опасаться их, и послал к отцу своему во Владимир. Отец же его, услышав об этом, пошел к Рязани с детьми своими и, придя, встал у города. И князь Ярослав, сын его, вышел из города навстречу отцу своему. Пришли и рязанцы с безумными речами, по своему обычаю и непокорству.

И повелел князь великий Всеволод всем людям выйти из города со всем легким добром, а со всем оставшимся их добром город зажег и посад весь, и пошел к Белгороду, и пожег его посады, волости и села повоевал.

Также и другие города пожег с посадами и с волостями.

И Рязанскую землю всю опустошил, и города, и волости и села пожег, и скот посек.

И пошел князь великий Всеволод Юрьевич во Владимир со всеми своими полками, с сыном своим Ярославом, а людей рязанских всех вывел с собой во Владимир, с женами и с детьми, и епископа их Арсения с собою увел во Владимир.

И разослал всех рязанцев по городам своим.

В том же году князь великий Всеволод, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Маномеха, взял за себя другую жену, дочь князя Витебского Василька.

В том же году венгры выгнали из Галича князя Владимира Игоревича, а брата его князя Романа Игоревича посадили.

В том же году убит был в Кадоме рязанский тысяцкий Матвей Андреевич.

В том же году родился у князя Константина Ростовского Всеволодича сын Василий.

В 6718 лето от Адама (1218 лето от Христа)

Князь Ростислав, сын Рюрика, внук Ростислава, сел в Галиче, а князя Романа Игоревича выгнали, месяца сентября в 4 день.

В том же году выгнали из Галича князя Ростислава Рюриковича, а князя Романа Игоревича с братом опять посадили.

Услышав о том, князь великий Всеволод Юрьевич послал сына своего, князя Константина, с братьями его против князя Мстислава Мстиславича на Торжок; князь же Мстислав Мстиславич, услышав о том, отошел в Новгород и оттуда пошел на Торопец, в свою волость.

Той же зимой князь великий Всеволод Юрьевич послал воеводу своего Кузьму Родионовича ратью в Рязанскую землю, и взяли реку Пра рязанскую вниз по Оке, и возвратились со многим полоном во Владимир.

В том же году новгородцы с князем Владимиром и посадником Твердиславом нагнали литовцев в Ходыничах и перебили их.

В том же году пришел князь Мстислав Мстиславич на Торжок, и взял мужей Мстислава, и посадника оковал, и богатство их и ищество их взял, до кого рука дошла.

Послал князь Мстислав Мстиславич в Новгород к новгородцам посла, говоря так: «Кланяюсь святой Софии и гробу отца моего и всем новгородцам! Слышал о насилии от князей против вас, и поэтому пришел к вам, скорбя и тужа о своей отчине, Новгороде, что изменяются у вас старые обычаи и прежних князей уставы, и сетую о вас, [думая] как бы вам помочь». И эти слова очень понравились новгородцам.

И они послали к нему с великою честью, говоря: «Приходи, княже добрый, княжить у нас в Новгороде, а мы князя Святослава Всеволодовича от себя изгоним или схватим».

И, сотворив вече по своему обычаю, посадили под стражу князя своего Святослава Всеволодовича с мужами его, на владычном дворе.

И пришел князь Мстислав Мстиславич в Новгород. Посадили его с честью и славой и со многой радостью на столе его отца, и была радость большая у всех новгородцев, что по желанию их и по воле их стал у них князь в Новгороде. А князь Святослав Всеволодович сидел под стражей на владычном дворе.

В том же году князь Мстислав Мстиславич начал собирать рать и пошел со всеми новгородцами к Торжку.

Услышав об этом, великий князь Всеволод послал сыновей своих: Константина, Юрия, Ярослава к Торжку, и когда они прибыли в Тверь с полками своими, новгородцы испугались и отпустили Святослава и мужей его в Тверь, к братьям своим, и взяли новгородцы мир с великим князем Всеволодом и с сыновьями его.

И возвратился князь Константин из Твери к отцу своему, великому князю Всеволоду, во Владимир с братьями своими, а новгородцы отошли восвояси.

О том, как рязанские князья к Москве приходили

Приходили к Москве два рязанских князя, Изяслав Владимирович и Кир Михаил Всеволодович, ибо услышали, что сыновья Всеволода ушли на Тверь против новгородцев, а того не знали, что они договорились с новгородцами и пришли из Твери во Владимир, к отцу своему, и начали воевать села около Москвы. Услышав об этом, князь великий Всеволод очень опечалился и послал против них сына своего Георгия. Пришел он вечером в Голубино, и послал князь Георгий Всеволодович стражей узнать о рати.

И была ему весть, что Изяслав стоит на Мерске, а Кир Михаил на Литове, а людей своих отослал воевать.

Георгий же пошел ночью на Мерск, и прибыл на Волочок, и оттуда послал сторожевой полк за реку Клязьму, и сам пошел за ними.

И на ранней заре встретились сторожевые полки, и стража Юрия погнала стражей Изяслава, и гнали их лесом, избивая. Георгий же быстро пошел за ними с полком своим, и пришел к реке Дроздне, и тут ударил на Изяслава, и он побежал. Дружину его одних избили, а других взяли, а сам он бежал через реку; и многие из дружины его утонули.

Услышал Кир Михаил о том, что Изяслав побежден, побежал и сам с полком своим. Был тогда Великий четверг и Собор архангела Гавриила.

Князь же Георгий возвратился с победой к отцу своему во Владимир, с великой честью.

В том же году князь великий Всеволод Святославич Чермный и все Ольговичи молили митрополита Киевского и всея Руси Матвея, чтобы помирил их и помог заключить договор с великим князем Всеволодом, сыном Юрия Долгорукого, потому что хочет с ним во всем в единстве и покорении быть. «Зачем он, на нас гневаясь, рязанских князей схватил, и землю их выжег, и опустошил?»

И пошел Матфей митрополит из Киева к великому князю Всеволоду Юрьевичу во Владимир мирить его с Ольговичами.

И, придя, начал говорить ему о незлобии, кротости, смирении и любви, и что все увязли в бедах в настоящей сей жизни, в сетях и в стремни-нах вражьих. И правильно было бы всем, пока есть время в настоящей сей жизни, стремиться и думать о душах своих, и прощать согрешающих, что «черниговские князья в единомыслии хотят с тобой жить» и прочие слова многие говорил ему. Всеволод же Юрьевич, услышав это, умилился сердцем, и, видя покорность черниговских князей, возлюбил их, не помянул злобу их и целовал к ним крест.

А митрополита Киевского и всея Руси Матфея одарил и отпустил его с великой честью, и проводил его сам с детьми своими и со всем народом, со многой честью.

В том же году родился у князя Константина Всеволодовича сын Иван, названный Всеволодом.

В 6719 лето от Адама (1219 лето от Христа)

Сел князь Всеволод Святославич Чермный в Киеве, а Рюрик в Чернигове.

В том же году приходили половцы к Переяславлю, и повоевали многие волости и села, и много зла сотворили, и возвратились со многим полоном восвояси.

В 6720 лето от Адама (1220 лето от Христа)

Князь великий Всеволод Юрьевич женил сына своего князя Юрия у великого князя Киевского, у Всеволода Святославича Чермного, и стали князь Юрий с князем Рязанским Кир Михаилом Всеволодовичем свояками; венчал же их епископ Иван в монастыре Пречистой Богородицы. И был там сам великий князь Всеволод Юрьевич с детьми своими.

В том же году погорел город Ростов почти весь, церковей 15 сгорело, а также на епископском дворе церковь Иоанна Предтечи вся до основания сгорела, осталась посреди огня только икона святого великомученика Феодора Тирона и вощаница с вином, о которой говорили, что принадлежала Леонтию епископу, прежде бывшему в Ростове.

В том же году галичане возненавидели своего господина Романа Игоревича и братьев его и начали против него зло замышлять, как бы его уморить: хотели ядом уморить, и не получилось; хотели на охоте его погубить, но и так не получилось.

И послали тайно к венграм, и привели их к себе тайно.

И схватили князей своих трех Игоревичей, князя Романа Игоревича и братьев его, и много били их, и по улицам вода, били их, и повесили их всех с женами и с детьми их.

В том же году князь великий Всеволод Юрьевич занемог и послал в Ростов за сыном своим старшим, князем Константином, дав ему при своей жизни великое княжение Владимирское, а Ростов — другому сыну своему, князю Юрию.

Князь же Константин, сын Всеволода Юрьевича, не пошел во Владимир к отцу своему, а послал к нему, так говоря: «Отче чудный и любезный! Не бранись на меня, ничтожного, за то, о чем хочу просить тебя. Коль ты больше других возлюбил меня и как старшего сына хочешь старейшиной меня поставить, то дай мне старый и древний город Ростов и к нему Владимир. Если не захочет твоя честность так сотворить, то дай мне Владимир и к нему Ростов. Не отвергни моления моего, отче, если это тебе угодно».

Князь же великий Всеволод Юрьевич послал за ним второй раз, чтобы пришел к нему; он же не пошел.

И в третий раз послал к нему, чтобы пришел к нему во Владимир; он же не послушал отца своего и не поехал к нему, говоря: «Пусть даст мне и Владимир к Ростову». Князь же великий Всеволод не благословил его.

Князь великий Всеволод созвал всех бояр своих из городов и из волостей, и епископа Иоанна, и игуменов, и попов, и купцов, и дворян, и всех людей, и дал после себя Владимир сыну своему Юрию, и привел всех к кресту, и целовали все люди крест Юрию.

Поручил ему и братьев своих. Константин же, узнав об этом, сдвинул брови, гневаясь на братьев своих, особенно же на Георгия и на всех думцев, которые надумали такое сотворить, и много волнения и смуты было от этого, и многие люди отъезжали в разные места в смятении.

В том же году князь Мстиславич ходил ратью на чудь, называемую торна, с новгородцами, и много пленив, возвратился восвояси.

В том же году князь Мстислав Мстиславич ходил к чудскому городу Медвежья голова, волости и села повоевал, и под городом стоял, и дань с них взял.

В том же году в Новгороде клевета была на епископа Митрофана, потому что от начала мира не хотел сатана добра человеческому роду, зависть вложил Каину к Авелю, и убил Каин брата своего Авеля, также после них каждому из рода в род много зла наводил крамолами и убийствами. Также и ныне между Митрофаном, епископом Новгородским, и князем Мстиславом Мстиславичем с посадниками встал сатана, и много клеветы и злых советов сотворил на него, и не дал ему оправдаться.

И свели его с престола, и повели в заточение в Торопец. Он же то все принял с радостью о Христе, как Иоанн Златоуст и Григорий Акрагантский. И многое бесчестие, поругание, скорбь, разграбление имений, единомышленников разлучение, и много зла навел на него сатана. Он же за все благодарил Господа Бога и Пречистую Его Богородицу.

Новгородцы же с князем своим Мстиславом Мстиславичем волюбили инока Антония, постриженника Хутынского. Сей Антоний еще до изгнания Митрофана епископа ходил в Царьград и принес с собой из Царьграда гроб Господень, и послали его в Киев к митрополиту поставляться в епископы.

В том же году Антоний пришел в Новгород, поставленный в епископы Матфеем, митрополитом Киевским и всея Руси.

В том же году в Новгороде сгорело 4300 дворов и 15 святых церквей.

В 6721 лето от Адама (1221 лето от Христа)

Преставился князь великий Всеволод, названный в святом крещении Дмитрием, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Маномеха, правнук Всеволода, праправнук Ярослава, преправнук великого Владимира, месяца апреля в 14 день, на память святого исповедника Мартына, папы Римского, в неделю, а положен был в гроб в понедельник, в церкви Пречистой Богородицы с одним куполом, которую создал брат его, князь Андрей Боголюбский, позолотил, украсил и всем богатством и именем наполнил, и торгами, и десятинами, и прочим всем по первому уставу и закону греческих царей и князей русских. Князь же сей Дмитрий, называемый Всеволод, к той же церкви Пречистой Богородицы приделал четыре купола и позолотил их, и на своем дворе поставил церковь каменную резную во имя святого великомученика Дмитрия и купол ее позолотил. В ней же и икону поставил, которую принес из Селуни, с гроба святого великомученика Дмитрия, непрестанно источающую миро, и сорочку того же великомученика в той же церкви положил, и монастырь создал, в котором поставил церковь Рождества Пречистой Богородицы, и всем его наполнил: и селами, и бортными местами, и озерами и реками, и многим имуществом; ибо имел страх Божий в сердце своем и любовь и милость ко всем, и судил судом истинным, и не оглядывался на лица сильных своих бояр, не давая в обиду никого, чтил же премного и больше меры святителей, также и пресвитеров, и весь священнический и иноческий чин чтил и любил.

От одного имени его трепетали все страны, и по всей земле шел слух о нем, и всех, зло замышляющих против него, дал ему Господь Бог в руки его, потому что не возносился, не возвеличивал себя, но на Бога

все возлагал, всю свою надежду, и Бог покорил к ногам его всех врагов его. Погребал его с песнями надгробными епископ Иоанн с игуменами, и с черноризцами, и со всем освященным собором города Владимира, и плакали о нем сыновья его плачем великим, и все бояре его, и все мужи его, и вся земля, подвластная ему.

Его сыновья: князь Ростовский Константин, Борис, Юрий, Ярослав, Владимир, Святослав, Иван. И было всех лет княжения Всеволода 37. После него сел на великом княжении во Владимире сын его Юрий, а старший сын его, князь Константин, в Ростове и Ярославле.

В том же году князь великий Юрий Всеволодич, внук Юрия Долгорукого, выпустил рязанских князей и епископа их Арсения, и отпустил в их отчину в Рязань, и епископа Арсения с ними, и все люди рязанские пошли каждый восвоюси.

В том же году бежал князь Святослав Всеволодович из Владимира к старшему брату к Константину в Ростов, а он начал рать замышлять на брата своего Юрия, желая отнять у него Владимир.

В том же году начал рать замышлять и князь великий Юрий против старшего брата своего Константина, и пошел на него к Ростову с братьями своими, с Ярославом, Владимиром и Иваном.

И, дойдя до Ростова, замирились, и они разошлись восвоюси.

В том же году были постриги сыновьям великого князя Ростовского Константина Всеволодовича Василько и Всеволоду.

В том же году был голод великий, и мясо ели в великое говение.

В том же году псковичи изгнали от себя князя Владимира Торопецкого, а сами пошли на озеро.

И в Петров пост пришли литовцы в Псков; многие волости и села пленили, повоевали и пожгли, и со многим полоном возвратились восвоюси.

В том же году князь Владимир Юрьевич бежал из Владимира к старшему своему брату князю Константину в Ростов.

Князь же великий Юрий Всеволодович с братьями своими, Ярославом и Иоанном, пошел на съезд с ними, и были они у Юрьева, и замирились.

В том же году князь Владимир пошел от брата своего князя Ростовского Константина на Волок, а оттуда пошел на Москву, придя, затворился в ней.

А князь Святослав Всеволодович пошел из Ростова, от Константина, к князю Юрию Всеволодовичу во Владимир, и тот отдал ему Юрьев Польский.

В 6722 лето от Адама (1222 лето от Христа)

Был страшный гром в неделю Сырную, месяца февраля в 1 день. В том же году было знамение месяца марта в 25 день: на Благовещение, утром, явился над солнцем трехдневный месяц, и начал быстро расти, и не успел стать полным, как нашло на него облако красное, и, постояв в нем немного, отступило, и стал месяц малым, словно трехдневный. И начал расти, и, не дойдя наполнения своего также трех дней, как на него опять наступило то же облако красное. И так было четыре раза, и все люди, видевшие это, удивились и уstraшились. В том же году епископ Ростовский, Суздальский и Владимирский Иоанн, оставив епископию, ушел в монастырь в Боголюбское.

В том же году был пожар во Владимире, сгорело двести дворов и четыре церкви.

В том же году Венгерский король посадил сына своего в Галиче и церкви изменил в латинскую службу.

В том же году великий князь Ростовский Константин Всеволодович начал замышлять рать. Великий же князь Владимирский Юрий Всеволодович начал собирать против него воинство многое.

И пошел великий князь Юрий Всеволодович к Ростову с братьями своими, Святославом, Ярославом и Иваном.

Услышав об этом, князь Константин Всеволодович послал полк свой на Кострому, пожег всю, а людей забрал.

Князь же великий Юрий Всеволодович пришел к Ростову и бился за реку Ишну. Стоял там несколько дней и земле той много зла сотворил, предав огню волости и села.

И после этого замирились, и крестным целованием подтвердили мир. И пошел оттуда к Москве на князя Владимира Всеволодовича, брата своего.

И свели его с Москвы, и послали на княжение в Переяславль Русский, в вотчину его.

В том же году пошел князь Мстислав Мстиславич ратью с новгородцами на чудь и нереву сквозь Чудскую землю к морю. Волости и села их повоевал, и осеки их взял, и встал под городом их Воробейном, и чудь покорилась ему.

Князь же Мстислав Мстиславич взял с них дань и дал новгородцам две части дани. А третью часть дворянам дал, ходили с ним также князь Псковский Всеволод Борисович с псковичами и князь Торопецкий Давид, брат Владимира, с торопчанами, и возвратились воины с большим пономом и богатством восвояси.

В том же году великий князь Всеволод Святославич Чермный, внук Всеволода, правнук Олега, праправнук Святослава, препраправнук Ярослава, пращур великого Владимира, изгнал внуков Ростислава из Руси, так говоря: «Как мне с вами жить в мире и в любви, если вы моих братьев переловили, били и зло надругались, и повесили их как злодеев в Галиче, опозорили всех, и столько зла и окаянных дел сотворили, что ныне нет вам места в Руской земле». В том же году пошел князь Мстислав Мстиславич из Новгорода с посадником Твердиславом и с новгородцами к Киеву, и воевали по Днепру города черниговские и Речицу, и пришли под Вышгород, бились, и взяли князя Давида, князя Ростислава Ярославича и брата его князя Ярополка, и вышегородцы отворили городские ворота. Князь Мстислав Мстиславич вошел в город и устроил гонение на князей своих; а князь великий Киевский Всеволод Святославич Чермный бежал из Киева за Днепр. Княжил в Киеве десять лет.

Князь же Мстислав Мстиславич с новгородцами посадил на великом княжении в Киеве князя Мстислава Романовича, и пошел из Киева к Чернигову, и стоял под городом 12 дней, и сотворили мир, и разошлись восвояси.

В том же году князь Ростовский Константин Всеволодович заложил церковь Пречистой Богородицы на прежнем месте упавшей церкви.

Того же лета у великого князя Юрия Всеволодовича родился сын Дмитрий, второе имя которого Всеволод.

В 6723 лето от Адама (1223 лето от Христа)

У великого князя Ростовского Константина Всеволодовича родился сын Дмитрий, второе имя которого Владимир.

В том же году великий князь Ростовский Константин Всеволодович послал Пахомия, игумена монастыря святого Петра, отца своего духовного, в Киев, к Матфею, митрополиту Киевскому и всея Руси, ставиться епископом Ростовским.

Поставлен был месяца декабря, а в Ростов пришел месяца января.

В том же году князь Юрий Всеволодович послал Симона, игумена монастыря Рождества Пречистой Богородицы, в Киев, к Матфею, митрополиту Киевскому и всея Руси, ставиться в епископы Суздаля и Владимира.

И поставлен был в епископы; а в Суздаль пришел февраля в 12 день.

В том же году князь великий Ростовский Константин Всеволодович заложил на своем дворе церковь каменную, в Ростове святых страсто-терпцев Бориса и Глеба.

В том же году новгородцы по старому своему обычаю начали готовить тайно вече, желая господина своего, князя Мстислава Мстиславича,

изгнать из Новгорода. И созвали вече (Ведь князь Мстислав Мстиславич был весьма смышлен и мужественен, и был хорошо охраняем, и потому не смогли его новгородцы изгнать).

Он же, услышав о заговоре новгородцев, о том, что хотят его изгнать, предался гневу и ушел к королю в Венгрию, прося себе у него Галич. А княгиню свою и сына оставил в Новгороде.

Новгородцы же обрадовались, избавившись от князя своего. И послали Юрия Ивановича во Владимир к великому князю Юрию Всеволодичу и в Переяславль, что на Клещине озере, зовя к себе в Новгород князя Ярослава Всеволодича, и молили великого князя Юрия Всеволодовича, дабы послал к ним в Новгород брата своего Ярослава на княжение. Ярослав пошел к ним в Новгород, и, придя, взял посадника Якима Зубца и второго посадника, Фому Добрынина, и заточил их в Твери.

Феодор же Лазутич оговорил и Варнаву, имевшего много золота, и Якуна Нежича, без числа золота имевшего; князь же и тех взял.

Новгородцы же устроили вече, и много было споров, и раздался клич в вече, и побежали новгородцы с оружием на двор Якуна, разграбили богатство и двор сожгли, а жену и детей его захватили, а князь Ярослав взял Христофора, сына посадника.

Новгородцы взяли его знатного мужа Астрапа и убили, а сына его, Леонтия, схватив, били, нос и уши обрезали и в воду бросили. Князь же Ярослав Всеволодович об этом скорбел и пошел из Новгорода в Торжок, закрыл путь купцам, не давая провозить никакое жито в Новгород, и купцов множество схватил.

И была в Новгороде кадь ржи по десять гривен, овса кадь — по три гривны, а репы воз — по две гривны. И был тогда голод великий, детей своих давали в рабство за хлеб. И много выкопали могил и побросали туда мертвых, потому что даже некому было погребать людей, и псы не могли съесть всех мертвых.

И по городам, и по волостям, и по селам, и по полям лежали мертвые; оставшиеся же в живых бежали за море.

Князь Ярослав Всеволодович послал к ним в Новгород Варака и Поноса, чтобы вывели из Новгорода княгиню его, а купцов всех новгородских захватил, и было их захвачено больше двух тысяч, связал их оковами железными и разослал их по городам своим в заточение.

И послов новгородских схватил: посадника Юрия Ивановича, Стефана Твердиславича, Семена Борисовича, Вячеслава Климентьевича, Терентия Темника, Мануила Яголчевича, Якуна Данкова и иных многих, известных во всех землях славою, честью и богатством.

И опечалились новгородцы, восплакали, и собрали вече. И были ропот и вопли великие в вече. И начали плакать и скорбеть о князе своем, Мстиславе Мстиславиче, вспоминая его любовь, мужество и победы над врагами.

И, подумв, послали послов своих к нему, дабы простил безумие их, всю злобу их и пришел бы к ним в Новгород княжить.

Он же, выслушав их, пришел к ним в Новгород месяца февраля в 11 день, и была радость в Новгороде великая.

И схватил Хохота Григорьевича, наместника князя Ярослава Всеволодовича, и другого его вельможу Якова Станиславича, всех дворян его и всех людей его, которые остались в Новгороде, и оковами железными связал, и в темницы посадил.

И возлюбили его новгородцы, и соединились с ним в единомыслии: и в смерти, и в жизни всем в единстве быть.

В том же году князь Новгородский Мстислав Мстиславич с князем Смоленским Владимиром Рюриковичем и с князем Псковским Владимиром собрались идти ратью на князя Ярослава Всеволодовича в Торжок, и послали к нему, говоря: «Иди, брат Ярослав Всеволодович, из Торжка в свою отчину в Суздаль; если не пойдешь, быть между нами битве».

Он же послал к ним, сказав «Как тебе [Торжок] отчина, так же и мне» и не пошел.

В том же году преставился великий князь Киевский Рюрик Ростиславич, княживший в Чернигове.

В том же году князь Владимир Всеволодович женился в Переяславле Руском, взяв за себя дочь князя Глеба Святославича Черниговского.

В том же году князь Ростовский Константин Всеволодович заложил церковь каменную Успения Пречистой Богородицы в городе Ярославле, на своем дворе.

В том же году князь Переяславский Владимир Всеволодович пошел из Переяславля Руского против половцев и встретился с ними на реке, бились крепко, и много пало с обеих сторон.

Половцы перешли реку иным путем, русь же об этом не знали, и много убили христиан, самого князя Владимира Всеволодовича взяли руками в полон, Дмитрия и Ивана, славных богатырей, убили, и много бояр и воевод побили, и со многим полоном возвратились восвояси, а самого великого князя Владимира Всеволодовича с собою увели.

В 6724 лето от Адама (1224 лето от Христа)

Преставился Пахомий, епископ Ростовский. Был он постриженником Печерского монастыря, жил в Киеве 5 лет и пас стадо духовное в монастыре святого Петра 13 лет. В Ростове на епископском столе сидел два года и отошел к Господу.

Князь же великий Константин Всеволодович с Симоном, епископом Суздальским и Владимирским, и со всем священным собором положили мощи его с почестями в церкви Пречистой Богородицы в Ростове.

В том же году Матфей, митрополит Киевский и всея Руси, поставил епископом в Ростов инок Кирилла из митрополичьего монастыря святого великомученика Дмитрия.

В том же году князь великий Константин Всеволодович заложил церковь каменную в монастыре святого Преображения в Ярославле.

О побоище у Липицы князя Ярослава Всеволодовича с князем Новгородским Мстиславом Мстиславичем

В том же году князь Мстислав Мстиславич пошел с новгородцами из Новгорода на зятя своего, князя Ярослава Всеволодовича.

И перебежали от него из полка к Ярославу Всеволодовичу, зятю его, крамольники: Владислав Завидович, Гаврило Игоревич, Юрий Алексеевич, Гаврило Милятинич, и жен и детей с собою отвели.

И пошли новгородцы Серегером (Селигером), и вышли к верховью Волги.

И пошел князь Мстислав Мстиславич с князем Псковским Владимиром, и придя, взяли Зубцов.

И когда они были на Волге, пришел к ним князь Смоленский Владимир Рюрикович со смолянами.

И оттуда послал в Торжок к князю Ярославу Всеволодовичу о мире, а сам встал на реке Холхна.

Князь же Ярослав Всеволодович послал к ним, говоря: «Какого мира ищите? Если пошли — идите; ведь заяц на кровь ходит; а у нас сто человек против одного вашего человека».

Князя же Мстислав и Владимир с новгородцами задумались: «Что это значит? Мы хотим мира, а он — брани. Что будет?»

Ярослав же Всеволодович собрал тверичей и перекрыл пути от Новгорода и реку Тверцу.

Князь же Мстислав Мстиславич с новгородцами хотел идти к Торжку, но не пошел, говоря так: «Если пойдем к Торжку, то опустошим Новгородскую волость». И после этого пошли к Твери и начали села брать,

пленишь и жечь; а о князе Ярославе Всеволодовиче не было известия о том, где он находится: в Торжке ли, в Твери ли?

Ярослав же, услышав, что грабят и пленят его волости села, и пошел из Торжка в Тверь, взяв с собой старейших и лучших молодых людей новгородских, и новоторжцев всех, и послал мужей своих избранных в дозор. Они выехали за пятнадцать верст от города Твери и пришли туда, где стояли князья с новгородцами.

И послал князь Мстислав против них Яруна с избранными, ожидая рать великую.

И наехали на него передовые отряды Ярослава, и Бог помог Яруну, взял тридцать три дозорщика Ярослава, семь убили, а оставшиеся бежали в Тверь. Это была первая победа в пятую неделю святого Поста, в день Благовещения пресвятой Богородицы.

И когда узнали они, что князь Ярослав в Твери, и начали расходиться в набеги, не боясь.

Оттуда послали боярина князя Владимира, Яволода к Ростовскому великому князю Константину Всеволодовичу в Ростов, а князя Псковского Владимира послали с псковичами и со смолянами проводить его до рубежа, а сами пошли по Волге, воюя, пожгли Шошу и Дубну.

А князь Владимир с псковичами и со смолянами взял город Константин, пожгли его и все Поволжье. И встретил их воевода Еремей, посланный от великого князя Константина Всеволодовича из Ростова, говоря им так: «Князь великий Константин Всеволодович вам кланяется и говорит: «Рад слышать о вашем приходе. Посылаю вам рать в помощь, пятьсот мужей, да пришлите ко мне со всеми речами князя Всеволод: Мстиславича Романовича, шурина моего».

И тотчас послали к нему князя Всеволода, шурина его, а сами пошли по Волге вниз, бросив [возы] и пересев на коней.

Пошли к Переяславлю, воюя, и пришли на Городище, ко святой Марии, на реку Сару, месяца апреля в 9 день, на Пасху.

И тут пришел к ним из Ростова великий князь Константин Всеволодович с ростовцами. Когда встретились и, обнявшись, целовались, радостью великой возрадовались и крестным целованием договорились быть в единстве и единомыслии.

И отрядили князя Псковского Владимира в Ростов, а сами пошли к Переяславлю в Фомину неделю.

А князь Ярослав Всеволодович пошел к брату своему, великому князю Юрию Всеволодовичу, собравшись со всею силой своей, и с новгородцами, и с новоторжцами.

А великий князь Юрий Всеволодович со всеми братьями своими вышел из Владимира с многою силой, с могучими полками; ибо было множество собрано и пеших поселян.

Удивительно: пошли дети на отцов, и отцы на детей, и братья на братьев, и рабы на господ!

И встал князь Юрий Всеволодович с братьями и со своей силой на реке Гза, а князь Мстислав Мстиславич с князем Смоленским Владимиром Рюриковичем и со всеми силами своими встали близ Юрьева, а князь Ростовский Константин Всеволодович встал на реке Липице со всею силой. С ним были и два доблестных воина: Добрыня Златой пояс, да Александр Попович со своим слугой Торопом, славные богатыри. И послал к Юрию и к Ярославу о мире, но не получил мира.

И еще послал князь Мстислав Мстиславич к зятю своему, к князю Ярославу, говоря так: «Новгород — мой, и новгородцы — мои, а я — их; и новгородцы и новоторжцы, плача, вопиют на тебя к Господу Богу и к Пречистой его матери Богородице, и к моей худости, что обидел ты их. Отпусти новгородских купцов и людей, и новоторжцев, и Волок возврати, и от других волостей новгородских отступись. И мирно с новгородцами крестным целованием договоримся, что больше ничего худого не творить, крови христианской не проливать, и чужого не захватывать, и не в свои пределы не вступаться, а до великого князя Юрия Всеволодовича нет нам дела об обидах и насилии».

Князь же Ярослав Всеволодович послал к ним, говоря: «Мира не хочу, и купцов не отдам, и что взял — то у меня, и еще хочу взять, — а новгородцев всех казнить. И то не ведаете от великой вашей глупости, что зашли, словно овцы ко львам, телята к медведям, как свиньи на поле, как рыбы на сухое место».

Услышали это князь Мстислав Мстиславич, князь Смоленский Владимир Рюрикович, князь Владимир Псковский, князь Всеволод Мстиславич Романовича, и рассказали об этом князю Ростовскому Константину Всеволодовичу, и удивились все.

И еще с последней речью послали к великому князю Юрию Всеволодовичу, так говоря: «Братья Юрий и Ярослав! Знаете ли, что мы — один род и одно племя, и пришли не на брань, но на мир; и не на кровопролитие, а для того, чтобы остановить кровопролитие беспрестанное. Возлюбите правду и Бога, и брата своего: ибо любящий Бога, но брата своего ненавидящий, по апостольскому слову — лжив. И ты, князь Юрий Всеволодович, отдай старшее княжение, стол великого княжества старшему своему брату Константину Всеволодовичу, а вам будет Суздальская земля, потому что вы младшие братья, а меня, князя

Мстислава Мстиславича, не отстраняйте, я в обиде не хочу быть, но печалюсь о том, как бы кровь христианская не пролилась».

Князь великий же Юрий Всеволодович с братьями, прочитав послание, оскорбился и в ярость пришел.

И великий князь Юрий Всеволодович посылает к ним послание, в котором говорится: «И того не знаете, что как придете, так же быстро и отойдете, а Константину, брату моему, так скажите: если хочет бороться с нами, то когда победит, тогда вся земля его будет».

И князь Юрий Всеволодович с братом своим Ярославом Всеволодовичем и с прочими братьями своими рассвирепел и пришел в ярость великую. Он надеялся на силу воинства своего, потому что много воинства собралось, и разъярясь, начали пировать в шатрах своих с боярами своими.

И начал спрашивать по одному каждого из бояр своих — как на бой с ними сходитьсь? Каждый из них высказал свое мнение. Один же из них, старый боярин Андрей Станиславич, ничего не сказал, и все подумали, что он от старости мало смыслит, и не усердно вопрошали его.

Когда же спросили его (просто так): «Как поступить с этими супостатами»? Он ответил: «Князья Юрий и Ярослав! Я стар и мало уже смыслю, но по моей старости лучше мир взять и отдать старейшинство старшему твоему брату Константину Всеволодовичу, а новгородские волости и людей отпустить, чужого не похищать, и в чужие пределы не вступать, но знать свое и беречь, и в этом стоять твердо. И не смотрите, что мало воинство их, а вашего воинства много, но все-таки не забывайте, что князья из рода Ростиславичей — мудры и храбры, а новгородцы, псковичи и смоляне — усердны в бою. А про самого князя Мстислава Мстиславича и сами знаете, каков он есть, и что от Бога дана ему храбрость более всех, и есть у него мужи весьма храбрые и великие богатыри, как львы и медведи, ибо не чувствуют на себе ран. О старшем же брате вашем, Константине, сами знаете, что правда на его стороне, и ему подобает быть старшим. А еще разве не знаете его богатырей Александра Поповича и слугу его Торопа, Добрыню Рязанича Златого пояса, и Нефедью Дикуна? И если [считаете] я безумен и говорю, как лишившийся ума от старости, вы же, как угодно Богу и вам, так и поступайте».

Князь великий же Юрий с братьями своими на эти слова разъярился и рассвирепел, и начал метаться туда и сюда, не любя была ему речь сия. Бояре же его начали ему говорить: «Что, князь, о сем огорчаешься; не знаешь ли, что без ума он от старости и неизвестно, что говорит».

Потом другой боярин пришел к нему, говоря: «Господа наши, князья Юрий и Ярослав! Знаете ли, что никогда не бывало ни при прадед-

дах, ни при дедах, ни при отцах ваших, чтобы кто ратью войдя в землю вашу Суздальскую, вышел бы в добром здравии и желаемое получил. Никогда такого не бывало! Даже вся Руская земля: Галичская, Киевская, Черниговская. Рязанская, Смоленская, Новгородская, Полоцкая и Псковская никак не могут противостоять этой силе. Но что об этом говорить? Если и вся земля Половецкая придет к ним, то воистину всех их седлами забросаем и кулаками побьем, только бы усердно воинство твое было в бою, и всем сердцем и всею яростью встали бы против супостатов; никто не может противостоять нам».

Князю великому Юрию Всеволодовичу и брату его Ярославу, всем братьям его и всем мужам их понравились слова эти, и они начали радоваться и веселиться. И, созвав воинство, он начал говорить: «Братья! Встанем со всем усердием против этих супостатов. Сражайтесь неустанно, и будут вам кони, доспехи и порты. А живыми пусть никого не берет, если кто возьмет живого, сам будет убит. Если же кто будет в серебре, или в золоте, или в бисере, убивайте их, не оставляйте ни одного живого. Если же кто от вас из полка уйдет из-за вашей небрежности и пощады, быть тем повешенным и рассеченным за ту небрежность и пощаду. А о князьях, если попадут к нам в руки, потом подумаем о них». И дав такие наставления, отпустил людей.

Потом князь великий Юрий Всеволодович и брат его князь Ярослав Всеволодович, со всеми братьями своими и со всеми боярами и мужами своими, войдя в шатер, начали делить города, говоря: великому князю Юрию Всеволодовичу — Владимир и Ростов, Новгород — князю Ярославу Всеволодовичу, Смоленск — князю Святославу Всеволодовичу, а с Киева возьмем дань и князя в нем посадим из своих рук, а с Галича также дань возьмем; и целовали на том крест, и подписали грамоты.

Эти же грамоты взяли смоляне после битвы в станах княжеских и принесли князьям своим.

Разделив города, сыновья Всеволода начали веселиться.

И после этого послали к князю Мстиславу Мстиславичу послание: «Брат Мстислав! Кажется нам, что забывшись, ты пришел с невеждами, дикими мужиками новгородцами и с безумными смолянами. Правильнее бы было тебе не слушать их», и они стали готовиться к битве.

Князь же Мстислав Мстиславич, князь Смоленский Владимир, князь Псковский Владимир и князь Всеволод Мстиславич Романовича говорили князю Ростовскому, Константину Всеволодовичу: «Если хочешь единомысленным быть с нами и верным нам, то подтверди это честным и животворящим крестом Христовым!

И, подтвердив договор, крестным целованием, пошли на битву.

И той ночью была у них тревога великая, стояли всю ночь без сна с оружием, и раздавались крики и ропот во всех их многочисленных станах.

Князь великий Юрий Всеволодович с братьями, услышав об этом, испугались.

И пришел к ним боярин, тот самый, который говорил о мире, и сказал им: «Ничего не увидев, почему хотите бежать? Не говорил ли я вам своим безумием, что лучше вам помириться. А теперь ни одного мертвого или окровавленного еще не видели и так уже испугались, что в бега готовы удариться. Когда же увидите еще большее, что сотворится с вами, как бы вам тогда не пострадать». Они же, пристыженные, отослали его безчестно.

Утром пришли князья к Липицам, где им предстояло встретиться в бою. А они той ночью перебежали через дебри, вошли в крепость, засеки поставили и колья набили.

И встали сыновья Всеволода с воинством своим на горе Авдовой. Князь же Ростовский Константин Всеволодович, князь Новгородский Мстислав Мстиславич, князь Смоленский Владимир и князь Всеволод Мстиславич Романовича со своими полками встали против них на другой горе, которая называется Юрьева гора. А посреди гор был ручей, называвшийся Туген.

И послали к Юрию Всеволодовичу, говоря: «Или на мир согласишься, или отступи на ровное место, чтобы лучше дело делать, или мы отступим к Липице, а вы к нам идите», потому что князь Юрий Всеволодович с братьями своими и со всеми силами своими стоял в крепости, обитой бревнами, плетнями оплетенной и кольями окруженной.

Князь великий Юрий Всеволодович с братьями послал к ним, говоря: «Мира не хотим, отсюда не уйдем; ежели вы так отважны и так много путешествуете, а сегодня даже через дебри не можете пройти к нам, то идите через болото и через дебри эти, ибо привычно свиньям по дебрям ходить, и карасям валяться в грязи».

Они же послали молодых людей на битву. Бились весь день и не преуспели; ибо стояли они в крепости великой и бились не усердно. И был в тот день дождь великий, и стужа великая.

И в это время пришел к ним князь Псковский Владимир из Ростова, и начали размышлять с ним, что делать. И сказал князь Константин Всеволодович Ростовский: «Если пойдем мимо них, они могут напасть на нас сзади. Ведь есть у нас люди, которые в бою не очень дерзки. Я говорю про своих, ибо одни [с ними в близком], другие в дальнем родстве и в кумовстве». Князь же Мстислав Мстиславич сказал: «Гора не пособит

нам не победит нас; но есть нам помощь от Бога: дает помощь каждому по правде». И они пошли, ничего не боясь. И так начали ставить полки свои. Князь Смоленский Владимир Рюрикович поставил полк свой с края, а далее от него князь Новгородский Мстислав Мстиславич, и князь Всеволод Мстиславич Романовича с новгородцами, и князь Владимир с псковичами, а далее от него князь великий Ростовский Константин Всеволодович со своими полками.

И встал против князя Смоленского Владимира Рюриковича князь Ярослав Всеволодович со своими полками, а против князя Мстислава Мстиславича и всех новгородцев встал сам князь великий Юрий Всеволодович со своими полками, а меньшие братья великого князя Юрия Всеволодовича встали против Константина Всеволодовича Ростовского.

И начали сходиться полки, и собралась сила великая, и был страх и ужас у всех, потому что один род и одно племя кровь проливают ни за что, и многие, имевшие страх Божий в себе, плакали. И был тот день сначала солнечным и знойным. И тут поднялся ветер, пришла туча, бил гром непрестанно, страшные молнии, и напал страх на всех, и стояли многие, не наступая друг на друга и мира не желая, ибо рассвирепели как звери. Тогда князь Мстислав Мстиславич начал говорить ко всем своим новгородцам и смолянам так: «Братья, пришли мы в землю сильную, чужую, никто не даст нам помощи, только Бог и правда, встанем мужественно и крепко и не будем оглядываться назад, не помыслим бежать. Ибо если побежим, то не уйдем, ибо смерть и жизнь всем нам принадлежит; умрем друг за друга по правде своей, и Бог будет с нами. Забудем дом, жен, детей и все имущество свое и пойдем на дело усердно и пешие, и конники».

Новгородцы же ответили ему: «Мы, господин князь, которые на конях — те на конях, а которые пешие — те пешие, все готовы со всем сердцем и со всею твердостью». И пошли пешие, а с ними отрядили воеводу князя Владимира Ивора и многих иных, а новгородцы сошли с коней и пошли пешими, потому что пришлось идти через дебри.

И когда пришли в дебри, споткнулся конь под Ивором, но пешие шли по дебрям с криками, не ожидая Ивора, и ударили на ярославских пеших с топорами и с сулицами, а они против них также, и была сеча злая, и подсекли стяг князя Ярослава Всеволодовича, и тут подоспел Ивор с конными смолянами, и пробились к другому стягу.

Видя это, князь Мстислав Мстиславич сказал Владимиру: «Видите, братья, добрых сих мужей, как усердно дело делают; пойдем и мы в помощь к ним».

И пошли сквозь своих пеших воинов с полками своими князь Смоленский Владимир Рюрикович, князь Псковский Владимир и князь Всеволод Мстиславич Романовича с дружиной своей, также подошел и великий князь Ростовский Константин Всеволодович со своими полками, и начали биться, и полилась кровь как вода.

И князь Мстислав Мстиславич со своими полками проехал трижды сквозь полки Юрия и Ярослава, и сам был тверд и мужественен, великую силу имея и усердство, в руке держал топор и сек нещадно, и преследуя, смешался.

И пошел на него Александр Попович с мечом обнаженным, желая рассечь его, ибо силен и славен был этот богатырь. Он же возопил «Я — князь Новгородский, Мстислав Мстиславич!» Тот же остановился тотчас и так спас его Бог от смерти. И сказал ему Александр Попович: «Княже! Ты не дерзай, но стой и смотри! Если ты, глава, убит будешь, что делать всем, куда им себя деть?» И была сеча злая, и брань великая, и всюду мертвые лежали. И пробились князья сквозь полки, и добрались до обозов князя Юрия. Увидели это князь Юрий и Ярослав и побежали с младшими братьями.

Мстислав же сказал новгородцам: «Не предавайтесь, братья, корысти, но отдайтесь бою, если предадитесь корысти, сметут нас». Победены же были полки суздальские апреля в 21 день, в четверг второй недели после Пасхи. Перебито же было многое множество, а иные в реках утонули. Говорили, что избито было в том бою в суздальских полках 9233, новгородцев же только 5 человек убито было и один смолянин.

А взяли суздальцев в плен только 60 человек, а остальные бежали: кто во Владимир, кто в Суздаль, кто в Переяславль и в Юрьев.

Во Владимире же оставшиеся попы, монахи, жены и дети, видя бегущих к городу, обрадовались, думая, что бегут посланцы князя, чтобы сказать, что наши одолели.

А князь Юрий один прибежал к городу в полдень в одной сорочке, а бой был в обед, и начал ездить около города, говоря: «Укрепляйте город!» Владимирцы же были в смятении, и вместо веселья стоял плач.

К вечеру же прибежали люди, кто ранен, а кто наг, также и ночью той прибегали.

Наутро же князь Юрий созвал людей и сказал: «Братья владимирцы! Затворимся в городе, авось отобьемся от них». Люди же ответили ему: «Князь Юрий! С кем затворяться: братья наши перебиты, иные пойманы, а которые прибежали, те без оружия, так с кем затворимся?! Князь же Юрий сказал: «Все знаю, только не выдайте меня брату Константину,

Владимиру и Мстиславу, пусть я уйду по своей воле из города». Они обещали это ему.

А Ярослав также прибежал один в Переяславль и затворился в нем.

И мало было ему первого зла, когда избил в Новгороде, в Торжке и на Волоке, но, вбежав, схватил новгородцев и смолян, которые пришли торговать в землю его, и повелел новгородцев в погреба бросить, а иных в тесной избе затворил, и задохнулось их полтораста человек, а смолян 15 человек затворил, и те все живы остались.

Князья же весь тот день стояли на месте побоища и наутро пошли к Владимиру.

И пришли князья под город Владимир рано в воскресенье, и окружив его, встали.

И той ночью загорелся в городе княжеский двор, новгородцы хотели взять город, но князь Мстислав не дал им.

Во вторник же, во второй час ночи опять загорелся город и горел до рассвета; смоляне просились в то время взять город, но князь Владимир не пустил их.

Князь же Юрий выслал из города к князьям с челобитьем: «Потерпите меня сегодня, а завтра уйду из города, только не выдайте меня брату моему Константину».

Утром же рано вышел из города князь Юрий с двумя сынами своими и поклонился князьям Мстиславу и Владимиру: «Вам, братья, кланяюсь, а Константин, брат мой, в вашей воле». Они же дали ему мирно уйти.

И в тот же день князь Константин одарил князей и бояр многими дарами, а владимирцев привел к присяге на кресте.

Князь же Ярослав еще пребывал в злобе и, дыша гневом, не покорялся, затворившись в Переяславле. Князья решили пойти к Переяславлю в пятницу третьей недели после Пасхи.

И, узнав об этом, князь Ярослав растерялся, и нача посылать к князьям, моля о мире.

Во вторник четвертой недели вышел из города и ударил челом старшему брату Константину, сказав: «Я в твоей воле, но не выдай меня тестю моему Мстиславу и Владимиру». Князь же Константин примирил Мстислава с зятем Ярославом, и, не дойдя Переяславля, заключил мир.

В среду же, на Преполовление, пришли к Переяславлю. И тут князь Ярослав одарил князей и воевод дарами многими, а князь Мстислав не пошел к городу, взяв-таки дары.

И послал в город за дочерью своей, за княгиней Ярослава и за новгородцами, которые остались, которые в полку Ярослава были.

И вышла в станы за город княгиня Ярослава к отцу своему, князю Мстиславу Мстиславичу.

Ярослав же многожды высылал с мольбою к князю Мстиславу, прося вернуть свою княгиню, князь же Мстислав не дал ее ему.

И пошли князья разными путями: Константин — к Владимиру, Мстислав — к Новгороду, Владимир — к Смоленску, а другой Владимир — к Пскову.

О Спасе в Ярославле

В том же году великий князь Константин заложил церковь каменную святого Спаса в Ярославле.

В том же году, в августе месяце, князь Всеволод Мстиславич Романовича ходил с новгородцами в Ригу.

Об окаянном князе Рязанском Глебе, как коварством братьев погубил

Князь Рязанский Глеб Владимирович, наученный сатаною на братоубийство, совещался с братом Константином. Вначале он оклеветал дядей своих и братьев своих, и много крови пролил, и убийств сотворил. Также ныне и другое умыслил — избить всех братьев, желая один всю власть держать, забыв писание, говорящее: «Бог дает власть кому хочет, и ставит царем или князем Вышний, и поднимает от земли нищего, и сажает на высоту. Кто может противиться воле его, или кто скажет против него, ибо Бог, что хочет, творит». Почему забыли Каиновы стенания и казни Ламеха, и родственника вашего Святополка погибель? Сошлись эти братья на Исадах договор заключить, и брат их родной, князь Изяслав Владимирович, и брат их, князь Кир Михайло Всеволодович — двух братьев дети, и брат их князь Ростислав Святославич — также двух братьев дети и князь Глеб, и князь Роман.

Он позвал их как на дружественный честной пир, и они пришли: всего 6 князей их было, каждый со своими боярами и с дворянами, и вошли в шатер.

Окаанный же Глеб с братом своим Константином собрал дворян своих и половцев множество с оружием, и скрыл их в другом, постельном шатре, в полстнице, вблизи шатра, в котором князья собирались пировать. Не знал об этом никто, кроме тех зломысленных князей и их проклятых думцев.

И когда начали упиваться и веселиться, тогда Глеб и Константин окаанный послали за убийцами.

Пришли окаянные убийцы и начали сечь нещадно. И сами окаянные князя Глеб и Константин, взяв мечи, начали сечь князей и бояр их, и дружину их всю, и убили пять братьев, и шестого, брата родного князя Изяслава Владимировича. А князь Ингвар Игоревич, племянник их, не успел придти к ним на пир тот злой, не пришло его время. Так защитил его Бог и спас от лютой смерти. Прочих же бояр и дворян их без числа избили, и сами бежали к половцам. Сие же зло сотворилось месяца июля в 20 день, на память святого пророка Ильи.

И сел на Рязани князь Ингвар Игоревич.

И пошел князь Мстислав Мстиславич к Киеву, оставив княгиню и сына своего Василия в Новгороде, и взял с собою Юрия Ивановича, Буслава Стефановича и Алексея Путиловича.

О любви братьев Константина и Юрия Всеволодовичей

В том же году послал Константин Всеволодович к брату своему Георгию на Городец, зовя его к себе во Владимир.

Он пришел к нему с епископом Симоном и с боярами своими.

Константин договорился с ним: «После моей кончины Владимир — тебе, а сегодня иди в Суздаль». Привел его к присяге и, одарив его дарами многими, отпустил в Суздаль. И он пришел туда сентября 11, и епископ Симон пришел с ним в свою епископию.

О Владимире Всеволодовиче

Той же зимой Владимир Всеволодович пришел из Половецкой земли к братьям; они же дали ему Стародуб и другую волостицу.

В том же году пришел князь Владимир в Новгород по своим делам.

А литовцы воевали на Шелоне, новгородцы же ходили за ними в погоню, и не догнали их, и пошли с князем Владимиром к Медвежьей Голове. Жители города начали челом бить, лукавя, так как сами же послали к немцам.

Новгородцы же узнали о лукавстве их и наехали, не оповещая, на станы их; они же побежали к городу своему. Новгородцы убили у них двух воевод, а третьего в плен взяли и отняли семьсот коней.

И новгородцы возвратились с победою великою восвояси.

Князь же Мстислав Мстиславич пришел в Новгород из Киева без них, и схватил Станимира с сыном его, и, связав цепями, посадил в темницу.

Захватил у него много имения и богатства и потом выпустил его.

В том же году погорела в Новгороде Торговая сторона, и сгорело пятнадцать церквей.

Русь (1225–1248 гг. от В.Х.).

Книга 5

В году 6725-м от Адама (1225 лето от Христа)

Князь великий Константин Всеволодович положил основание церкви каменной Воздвижения Честного Креста на площади во Владимире, месяца мая в 6-й день; и в том же году завершена была; и освящена месяца сентября в 14-й день.

В том же году пришел во Владимир к великому князю Константину Всеволодовичу из Царьграда епископ Полоцкий; знал он стремление и любовь князя ко всему Божественному, и к церковному строению, и к святым иконам, и к святым мощам и ко всему душеполезному, ведущему в Жизнь Вечную; и принес епископ князю часть некоторую от Страстей Господних, которой нас ради Владыка Господь Иисус Христос от иудеев пострадал.

Князь же Константин возрадовался весьма и повелел епископа разместить за городом в монастыре Вознесения за Золотыми воротами.

На следующий же день повелел князь великий Константин от соборной церкви Пресвятой Богородицы и от церкви Святого Дмитрия идти крестным ходом епископу, и всем священникам, и служителям церковным, и всему народу, и сам пошел с княгиней, и с детьми, и с боярами, в монастырь Святого Вознесения.

Взял же епископ священный тот ларец с неизреченным сокровищем на голову, и все пошли в город и поставили его в церкви Святого Дмитрия, воспевая и славя Господа нашего Иисуса Христа. Тогда поцеловал святые мощи сначала епископ, потом князь великий Константин Всеволодович, также и все православные.

Наутро же устроил князь празднество и чествование; был же тогда день воскресный, и поминался святой мученик Логин.

В том же году освящена была церковь Святых Страстотерпцев Бориса и Глеба епископом Кириллом в Ростове, месяца августа в 25-й день; был

при этом и великий князь Константин Всеволодович с детьми своими Васильком и Владимиром.

И устроил князь пир великий, и епископа чествовал, и бояр, и всех людей угостил, и милостыню нищим и убогим раздал; ибо таков был обычай того князя — прежде всего любовь и милость иметь ко всем.

В том же году князь великий Константин Всеволодович призвал сыновей своих к себе, Василька и Всеволода, и всех вельмож и бояр, и всех советников своих, и стал говорить им так: «Все люди — прохожие в суетной этой жизни: сегодня родился, завтра вырос, и вот уже седина, и старость, и смерть; а после смерти будет Страшный Суд Спасителя, на котором каждый получит за дела свои: одни — Рай, а другие — муку; вот и вся временная эта, суетная жизнь. Все люди от юности до старости, и до смерти проходят, с одного конца начиная, а на другом заканчивая. Подобна человеческая жизнь сонному видению: как сонное видение, хорошее или плохое, человек видит, а проснувшись, мало помнит и разбирает, и все оно становится ничем, также и вся человеческая жизнь ничем становится, как сон, как дым. Ибо сегодня человек жив, а завтра умер. Вот и я вижу, как быстро приближается мой конец. И этих детей моих малых поручаю Господу Богу и Пречистой Его Матери; и брату моему и господину князю Юрию Всеволодовичу; пусть будет он им вместо меня. И вы, князья мои, и бояре, и вельможи, господа мои, не забудьте этих детей. Вы же, дети мои, имейте страх Божий в себе; и храните заповеди Божьи; и святых церквей не покидайте; и святителей, и священников, и монахов почитайте и любите; и книжное поучение слушайте и любите; и старших слушайтесь и почитайте; и между собой в любви и мире живите, и со всеми мир и любовь храните; и чужого не желайте, и в чужие пределы не вторгайтесь, но будьте своими довольны; и от этого своего имени часть Богу приносите, и убогих милуйте, и нищих необходимым снабжайте, странствующих не презирайте, нагих одевайте, нуждающимся помогайте, и все во славу Божью делайте».

После этих слов князь великий Константин встал, и помолился перед образом Божьим, и обнял сына своего Василька, и поцеловал, и сказал ему в Ростове княжить, и послал его в Ростов; также обнял второго сына Всеволода, и благословил его княжить в Ярославле, и послал его в Ярославль; и сказал: «Идите, дети мои, имея в себе страх Божий и соблюдая заповеди Его, и Бог сохранит и спасет вас».

Той же зимой, месяца февраля во 2-й день, в пятницу, в 6-м часу дня, преставился благоверный и христолюбивый великий князь Константин Всеволодович, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Маномеха, праправнук Всеволода, преправнук Ярослава, прашур великого Вла-

димира; и положили его в церкви Пречистой Богородицы Златоверхой, где и отец его Всеволод покоеся.

Любил же этот князь больше всего чтение Божественного Писания, и внимал с великим прилежанием; и от этого вселился в него страх Божий, и тихость, и кротость, и смирение, и любовь, и милость; и никому не воздавал зла за зло, всех согрешающих перед ним прощал; и не оскорблял никого, но всех умудрял беседами о телесном и духовном, и все говорил и делал по Святому Писанию; к божественным церквям весьма внимателен и предан был, и во всем помогал; святителям же, и священникам, и монахам большое почтение оказывал; и нищих и калек сам своими руками мыл, и кормил, и поил, и милостыню давал, помня слова блаженного Давида: «Блажен разумеаяй на нища и убога, в день лют избавит ѐ Господь, Господь хранит, и живит, и ублажит ѐ на земли, и не предаст его в руки врагом его». Помнил князь и слова сына Давида Соломона: «Милостынями и верами очищаются грехи», и слова пророка Даниила: «Грехи твоя милостынями очисти, и прегрешения твоя щедротами нищих». Такова есть милостыня: как огонь сено сжигает, так милостыня грехи сжигает. Было же всех лет, прожитых Константином, 36.

Княгиня же Константина в то же время над гробом его стала монахиней, и дали имя ей Агафья. Сыновья Константина: Василько, Всеволод, которому имя было Дмитрий, Владимир, которому имя было также Дмитрий.

После этого стал великим князем во Владимире брат Константина князь Юрий Всеволодович; и епископ Симон вернулся служить на своем месте во Владимире.

В том же году преставился князь Ростислав Рюрикович, зять великого князя Всеволода Чермного.

В том же году преставился князь Константин Давидович, внук Ростислава, правнук Владимира Маномеха, преправнук Всеволода, пращур Ярослава, препращур великого Владимира.

В том же году пошел князь Мстислав Мстиславович в Торжок, и взял в плен Борислава Некошевича.

И взял князь Мстислав у Борислава все богатство его, и тогда отпустил его.

И в то время напала болезнь на сына князя Мстислава, на князя Василия; Мстислав же стал плакать и причитать о сыне своем. Сын же его болел все больше и преставился.

И привезли его из Торжка в Новгород, и положили его в Новгороде в церкви Пречистой Богородицы, рядом с дедом его.

В том же году положил основание епископ Антоний церкви каменной, Святой Мученицы Варвары, в монастыре в Новгороде.

В том же году пришел из Владимира в Новгород архиепископ Митрофан, и проводили его новгородцы к церкви Благовещения Пресвятой Богородицы.

В том же году князь Мстислав Мстиславович пошел из Новгорода на Русь; и новгородцы послали в Смоленск за князем Святославом Мстиславовичем, внуком Романа, правнуком Ростислава, праправнуком Мстислава, препраправнуком Владимира Маномеха, пращуром Всеволода, прапращуром Ярослава, препрапращуром великого Владимира.

В том же году болгары взяли Устюг хитростью.

Потом болгары пошли к городу Унже, и жители города отбились от них.

В том же году князья Рязанские Глеб и Константин, сыновья Владимира, внуки Глеба, сначала оклеветали дядей своих, князя Романа Глебовича и князя Святослава Глебовича, и братьев и племянников своих; и много крови пролили и убили многих; и землю свою Рязанскую всю опустошили; также брата своего, и племянников своих, и дядей своих убили; и бежали к половцам. И теперь эти проклятые князья Глеб и Константин пришли с множеством половцев к Рязани, и стали разорять, брать в плен, жечь и сечь.

Племянник же их князь Ингварь Игоревич, объединившись с братьями, пошел против них, и победил их, и множество половцев убил.

И князья Глеб и Константин, сыновья Владимира Глебовича, убежали к половцам, а князь Ингварь возвратился к Рязани.

В том же году князь Мстислав Мстиславович, внук Романа, и князь Владимир Рюрикович, внук Ростислава, пошли на королевича к Галичу; он же вышел против Мстислава с галичанами, и с уграми, и с ляхами, и с чехами, и с моравами.

И стали они биться, и победил Мстислав, и захватил королевича, и жену его, и сына.

И после этого Мстислав заключил мир с королем, и сына его отпустил, и с женой его, и с людьми его, а сам стал править в Галиче.

В том же году родился у князя Ярослава Всеволодовича сын Феодор.

В том же году выгнали угры князя Мстислава Мстиславовича, внука Романа, из Галича, и стал править снова королевич в нем.

В том же году князь Рязанский Ингварь прислал к великому князю Георгию и к брату его Ярославу послов с просьбой помочь ему в его вражде с половцами.

И послали князя Георгий и Ярослав к Ингварю войско свое в помощь и воеводу с ним Якуна Тимофеевича.

Князь же Ингварь Рязанский пошел с этими войсками на половцев; половцы же, услышав об этом, бежали; а которые из них не ушли, тех наши перебили, и возвратились в свои земли.

В том же году князь великий Киевский Мстислав Романович, внук Ростислава, правнук Мстислава, праправнук Владимира Маномеха, препраправнук Всеволода, пращурь Ярослава, прапращурь великого Владимира, послал в Новгород за старшим своим сыном Святославом, а новгородцам дал меньшего сына своего Всеволода.

Новгородцы же, послушавшись князя великого Мстислава, исполнили волю его и с почетом приняли Всеволода княжить у них.

В том же году было положено основание церкви каменной Святого Михаила в Новгороде Твердиславом и Феодором; и другую церковь они основали — Трех Отроков.

В том же году Антоний, архиепископ Новгородский, пошел в Торжок; новгородцы же привели архиепископа Митрофана снова в дом епископский и поставили на место епископское.

А к Антонию послали новгородцы послов со словами: «Займи место, где ты хочешь». Антоний же пришел к ним в Новгород и занял место в церкви Святого Спаса в Нередицах.

Князь же и новгородцы сказали обоим архиепископам, Митрофану и Антонию: «Идите в Киев к митрополиту Матфею Киева и всей Руси; кого он к нам пришлет, тот нам и будет владыка». И послали с ними иеромонаха Вассиана, и еще Бориса священника, и Якуна Матфеева.

В том же году в Новгороде посадником сделали Семена Борисова, а тысяцким — Козьму Жидяту.

В году 6727-м от Адама (1227 лето от Христа)

Освящена была церковь Рождества Пречистой Богородицы в монастыре епископом Симоном; при великом князе Юрии Всеволодовиче и при брате его Ярославе Всеволодовиче Переславском; игуменом же тогда был Митрофан.

О войне с болгарями

Князь великий Юрий Всеволодович послал брата своего Святослава на безбожных болгар, и волжских, и камских, и с ним послал войска свои, а воеводой назначил Еремея Глебовича. И брат Юрия князь Ярослав Всеволодович своего воеводу послал со своими войсками в помощь. И

племянник Юрия князь Василько Константинович послал воеводу своего со своими воинами из Ростова и Устюга в помощь.

Послал же князь великий Юрий Всеволодович послов и к Муромским князьям, веля им послать сыновей своих; и послал Давид сына своего Святослава, а Юрий Олега с войсками своими в помощь. И съехались все на Волге в устье Оки в кораблях.

И оттуда пошли вниз по Волге, и, когда были у пристаней напротив города Ошеля, вышли на берег.

Расположил же князь Святослав полки свои: ростовский по правой руке, а переславский по левой, а сам встал с Муромскими князьями посередине, и один полк оставил у кораблей; сами же пошли от берега к лесу, и, пройдя лес, вышли на поле к городу.

И встретили их болгары с князем своим на конях, и выставили полк на поле; Святослав же двинулся на них скоро; они же, постояв немного, пустили по стреле в наших, и, дрогнув, побежали к городу, и, вбежав в город, затворились.

Князь же Святослав подошел скоро к городу. Был же частокол поставлен вокруг города, крепкая ограда дубовая, а затем две стенки, и между ними вал насыпан, и болгары, по тому валу бегая, из-за ограды отбивались.

Князь же Святослав, подойдя к городу, направил людей вперед с огнем и с топорами, и за ними стрельцов и людей с копьями, и приступил к городу, и была битва между ними упорная весьма.

И подрубили ограду, и разрубили стенки, и зажгли их, а болгары побежали в город; наши же гнали и секли их до города.

А потом русские войска приступили к городу отовсюду, и зажгли его; и был дым сильный весьма, и подул ветер со стороны города на полки Святослава, и не было видно людей в дыме; и не могли терпеть дыма, и жара, а больше всего отсутствия воды, и отступили от города, и стали отдыхать после всего сделанного.

Сказал же Святослав: «Пойдем, откуда ветер дует, с другой стороны города». И они поднялись и пошли на ту сторону города, и пришли, и встали напротив ворот города.

И сказал им князь: «Братья и дружина, сегодня нам одно из двух предстоит: либо хорошее, либо плохое; двинемся же скоро», и бросился сам князь впереди всех к городу; увидев же его, воины все устремились к городу скоро.

И с той стороны города тоже порубили ограду и стенки, и зажгли, а болгары побежали в город; наши же гнали их и рубили.

И потом зажгли город отовсюду; и охватил город огонь отовсюду; и была буря сильная, и страшно было смотреть; и поднялся в городе крик большой весьма.

Князь же болгарский выбежал через другие ворота и ускакал на конях с немногими воинами; а которые пешими бежали, тех: мужчин убили, а женщин и детей в плен взяли; а некоторые в городе сгорели; а некоторые сами порубили своих женщин и детей, а потом сами себя убили.

Некоторые же воины Святослава осмелились войти в город за добычей, и едва убежали от пламени, а некоторые там и сгорели. Князь же Святослав стоял там пока весь город не сгорел; и взял же город Ошель, месяца июня в 15-й день.

И пошел оттуда Святослав к кораблям своим; и когда был он у кораблей, поднялась буря с дождем, так что и корабли метало; а потом же начала буря утихать.

И перешел князь Святослав в место, защищенное от ветра, в лес, с полками своими, и Муромские князья с ним; тут же и на ночь устроились.

И на следующий день, там пообедав, пошли прочь вверх по Волге.

Узнали же болгары в Великом Городе и в других городах, что город их Ошель взят, и очень сильно опечалились.

И собрались болгары все с князьями своими, одни на конях, другие же пешие, и пришли на берег. Узнал же Святослав, что болгары, собравшись, ждут его на пристанях, и повелел всем воинам своим одеться в броню, и знамена поднять, и выставил полки в кораблях.

И пошел на кораблях полк за полком, ударяя в бубны, и трубя в трубы, и свистя в свирели, а сам князь за ними пошел. Болгары же шли по берегу и видели, как ведут их родственников: у одних отцов, у других сыновей и дочерей, у некоторых же братьев и сестер, и соплеменников, и остановились болгары, склоняя головы свои, и скорбя сердцами своими, и закрывая глаза свои.

Святослав же миновал пристани и встал в устье Камы, и там пришел к нему Воислав Добрыневич и воины из Ростова и Устюга с множеством пленных и с добычей большой; они отпущены были прежде еще и пошли вниз воевать по Каме; и взяли по Каме много городков, и сел несколько, и пожгли все, а людей порубили, а других в плен повели.

Оттуда же послал Святослав весть перед собой к брату своему великому князю Юрию Всеволодовичу.

И дошел Святослав с войском до Городца, и вышли из кораблей, и поскакали к городу Владимиру на конях.

Узнал же о приходе Святослава Юрий, и встретил его у Боголюбова на реке Сураме, с сыном своим Всеволодом.

И приветствовали друг друга с любовью большой, и пошли в город; и была радость большая во Владимире по случаю прихода Святослава.

И устроил князь великий Юрий угощение большое брату своему Святославу и воинам всем, трехдневное, и много даров дал брату своему: золото, и серебро, и одежды разные, и коней, и оружие, и дорогие ткани разные; также и воинов одарил богато, каждому по чину.

Князь великий Юрий Всеволодович отпустил брата своего Святослава с почетом большим в город его Юрьев, там княжить.

В том же году князь великий Юрий Всеволодович сам стал готовиться идти войной на болгар; болгары же прислали послов своих с мольбой и с прошением; он же не внял их мольбам, и отпустил их.

И стал князь Юрий собирать войска, и к племяннику своему князю Васильку Константиновичу Ростовскому послал гонцов с повелением ему идти в Городец.

А сам пошел князь великий Юрий с войсками своими в Омут; и когда был он в Омуте, там пришли к нему другие послы болгарские с мольбой.

Князь же Юрий не послушал послов, и отпустил их без мира; и пришел князь Юрий в Городец к Васильку Константиновичу.

Болгары же испугались, и послали других послов с множеством даров и с прошением; и внял князь Юрий мольбе их, и взял дары у них; и устроили все по прежнему миру, как было при отце его Всеволоде и при деде его Георгии Владимировиче.

И послал князь Юрий с послами болгарскими людей своих, чтобы те привели к присяге князей болгарских с землями их по их закону; сам же князь великий Юрий возвратился во Владимир.

Той же зимой приходили литовцы и разоряли область Черниговскую, и многих в плен повели.

Мстислав же Святославович погнался за ними из Чернигова, и, нагнав их, перебил всех, и, пленных взяв, возвратился в Чернигов.

Той же зимой пошел на Галич Мстислав Романович из Киева, и Мстислав Мстиславович из Торческа, и другие князья с ними, и с половцами; когда же пришли они, королевич затворился в городе Галиче; и они бились у города полдня; и разошлись разорять землю, и много зла сотворили, города и села пожгли, и, многих в плен взяв, вернулись в свои земли.

В том же году преставилась вдова князя Константина княгиня Агафья, будучи монахиней; и положили ее в соборной церкви Пресвятой Богородицы в Ростове, января в 24-й день.

В году 6728-м от Адама (1228 лето от Христа)

Митрофан стал архиепископом Новгородским, по воле Бога и Пречистой Богородицы, и преосвященного Матфея, митрополита Киева и всей Руси; и пришел Митрофан епископ в Новгород месяца марта в 7-й день. А Антония, архиепископа Новгородского, Матфей митрополит у себя оставил в Киеве, и держал его у себя в почете, а потом поставил его епископом в Перемышле; и пришел Антоний в Перемышль месяца июня во 2-й день.

В том же году пришел князь Всеволод Мстиславович из Смоленска в Торжок, а потом пришел в Новгород Великий.

И лукавый сатана вложил ненависть некоторым людям новгородским к посаднику новгородскому Твердиславу; и оклеветали они его перед князем Всеволодом Мстиславовичем, внуком Романа; а посадник Твердислав тогда был болен.

И пошел князь Всеволод из Городища со всеми людьми своими, в доспехах, с оружием, как на битву, и выехал на Ярославов двор; и сошлись новгородцы к нему с оружием, как на битву.

И вывели в санях к церкви Бориса и Глеба больного посадника Твердислава; и собрались под его начало новгородцы, прусы, и Чудин конец, и из городков люди; и встали вокруг него войском множество их в доспехах, с оружием всяким; и расположились пятью полками; и поднялся крик и ропот сильный. Князь же Всеволод, увидев это, понял, что твердо стоят за посадника своего Твердислава, и не поехал туда, но прислал к ним людей с покорной просьбой целовать крест с Твердиславом; и князь Всеволод остался княжить новгородцами с соблюдением их вольностей.

В том же году Твердислав перестал быть посадником, поскольку болен был, и ночью, тайком от жены и детей, пошел к Пречистой Богородице во Аркадиев монастырь, и стал монахом. В том же году в Новгороде сделали посадником Иванка Дмитриева.

В году 6729-м от Адама (1229 лето от Христа)

Преставился преосвященный Матфей, митрополит Киева и всей Руси. В том же году новгородцы выгнали из Новгорода князя Всеволода Мстиславовича, внука Романа, правнука Изяслава, праправнука Мстислава, преправнука Владимира Маномеха.

В том же году князь Мстислав Мстиславович, внук Романа, правнук Ростислава, праправнук Мстислава, преправнук Владимира Маномеха, бился с уграми, и убил множество их, и королевича взял в плен, и стал княжить сам в Галиче.

В том же году послали новгородцы владыку своего Митрофана, и посадника Иванка, и знатных людей во Владимир к великому князю Юрию Всеволодовичу, прося у него дать сына княжить у них в Новгороде; он же дал им сына своего Всеволода княжить с полным соблюдением их воли новгородской, старинной.

В том же году новгородцы ходили воевать с князем своим Всеволодом Юрьевичем к городу Кеси; и много бились, а города не взяли.

В том же году погорел город Ярославль почти весь, и церквей сгорело 17; двор же княжеский по милости Божьей и по молитве блаженного князя Константина Всеволодовича избавлен был от огня.

В том же году князь великий Юрий Всеволодович основал город в устье реки Оки, и назвал его Новгород Нижний.

В том же году новгородцы захотели изгнать князя своего Всеволода Юрьевича; князь же Всеволод Юрьевич узнал об этом и тайком от новгородцев убежал из Новгорода ночью со всеми людьми своими.

Новгородцы же опечалились; и пошли знатные их люди во Владимир к великому князю Юрию Всеволодовичу с такими словами: «Если ты не хочешь править Новгородом с сыном своим, то дай нам брата своего князя Ярослава Всеволодовича».

В году 6730-м от Адама (1230 лето от Христа)

Князь великий Юрий Всеволодович положил основание каменной церкви Пресвятой Богородицы в Суздале; на прежнем месте он разрушил старое здание, поскольку оно уже стало разваливаться от старости, и верх его обвалился; было ведь оно построено при прадеде его великом князе Владимире Маномaxe и блаженном епископе Ефреме.

В том же году новгородцы взяли к себе Ярослава Всеволодовича Переславского, брата великого князя Юрия Всеволодовича, княжить у них в Новгороде с соблюдением их воли новгородской, старинной.

В году 6731-м от Адама (1231 лето от Христа)

Была засуха большая, и многие леса, боры и болота горели; и дым сильный тогда был, так что люди не могли видеть; как бы мгла на землю опустилась; и птицы по воздуху не могли летать, не видя, и падали на землю, и умирали; и всякие звери дикие в города и в села к людям заходили, не видя; и напал страх и ужас на всех.

В том же году появилась звезда на западе; и были от нее лучи не в глаза людям, но к югу; восходила же с вечера после захода солнечного; и была величиной больше других всех звезд; и так продолжалось 7 дней; и после седьмого дня явились лучи те к вос-

току; и так продолжалось четыре дня; и потом звезды не видно было.

В том же году пошел князь Ярослав Всеволодович с новгородцами в Колывань, и разорили всю землю Чудскую, а города не взяли, но взяли откуп, золота много, и возвратились снова в Новгород.

В том же году преставился архиепископ Новгородский Митрофан; и положили его в притворе церкви Святой Софии; и в тот же день новгородцы ввели на двор епископский монаха Арсения из Хутынского монастыря.

В году 6732-м от Адама (1232 лето от Христа)

Поставлен был Кирилл, грек, митрополитом Киева и всей Руси, месяца января в 6-й день; был же он искусен в изучении Божественного Писания и имел дар поучения.

В том же году освящена была церковь Спаса в Ярославле, в монастыре, основание которой положил благоверный великий князь Константин Всеволодович, а завершил ее сын его князь Всеволод; освящена же была епископом Кириллом.

В году 6733-м от Адама (1233 лето от Христа)

Положил основание князь великий Всеволод Юрьевич церкви каменной Святого Спаса в Новгороде Нижнем. В том же году новгородцы выгнали из Новгорода князя своего Ярослава Всеволодовича Переславского; он же пошел в Переславль.

И снова взяли новгородцы у великого князя Юрия Всеволодовича сына его Всеволода во второй раз к себе в Новгород.

В том же году новгородцы ходили войной на чудь, и с малым войском возвратились обратно, так как разбиты были чудью.

В том же году узнал князь Всеволод Юрьевич, что изгнать его хотят новгородцы, и тайком от них со всеми людьми своими ушел в Торжок и стал княжить там.

И пришел к князю Всеволоду Юрьевичу отец его князь великий Юрий Всеволодович со всем войском, и племянник их князь Василько Константинович с дружиной ростовской, и князь Михаил Черниговский, сын Всеволода Чермного.

И послали новгородцы к Юрию в Торжок двух человек с такой речью: «Князь Юрий Всеволодович, послал ты к нам сына своего, а сам уходи из Торжка, и областей новгородских не опустошай».

Князь великий же Юрий Всеволодович сказал им: «Выдайте мне Якима Иванкова, и Никифора Дурова, и Иванка Тимошкинича, и Гнездила

Савина, и Вятку, и Ивача, и Рядку; если же их не выдадите, то вот напоил я коней своих Тверцой, а вдобавок к тому еще Волховом напою». Новгородцы же сказали послам князя Юрия: «Князь, слишком ты гордишься».

И стали новгородцы сходиться, и вокруг города частокол поставили.

И послали новгородцы к великому князю Юрию послов со словами: «Князь, с кротостью и со смирением живи, и крови не проливай; а мы, новгородцы, тебе братьев своих не выдадим; если хочешь наступать и кровь проливать, то вот готовы мы за Пресвятую Богородицу, и за друг друга, и за братьев своих головы свои сложить».

И поставили новгородцы по всем путям сторожевые отряды, и крепость сделали, и хотели умереть за Святую Софию и друг за друга.

И князь великий Юрий Всеволодович послал к ним человека своего Ивана Верха и Романа, тысяцкого князя Михаила Всеволодовича, с такой речью: «Возьмите у меня княжить в Новгороде шурина моего князя Михаила, сына Всеволода Чермного, внука Святослава, правнука Олега».

Новгородцы же послали за шурином его князем Михаилом, сыном Всеволода Чермного; а князь великий Юрий Всеволодович с князьями пошел из Торжка в свою землю.

В том же году появилась звезда, прозываемая копье, протянувшаяся от востока до запада в виде копья; и была более семнадцати дней, предвещающая на Русь нашествие безбожных моавитян за грехи наши, что и сбылось.

О битве на реке Калке, о поражении русских князей

В том же году из-за грехов наших пришли народы незнакомые, при великом князе Киевском Мстиславе Романовиче, внуке Ростислава Мстиславовича. Пришли неизвестные безбожные моавитяне, прозываемые татары, о них же толком никто не знает, кто они и откуда пришли, и какой язык у них, и какого они племени, и какая вера у них. Зовут же их татарами, а некоторые называют таурменами, а другие — печенегами. Некоторые же говорят, что это те, о которых Мефодий, епископ Патарский, свидетельствует, что они пришли из пустыни Етривской, находящейся на северо-востоке; что это те, которых прогнал Гедеон; что появятся они в конце времен и захватят всю землю от востока и до Евфрата, и от Тигра до Понтийского моря, кроме Эфиопии. Про них же мы слышали, что многие они земли захватили: ясов, обезов и касогов.

И пришли татары на землю Половецкую; половцы же не могли сопротивляться, бежали; и некоторые из них убиты были, а некоторых загнали

по Дону в Лукоморье, и там они погибли; а других гнали до реки Днепра; а Котьяк, князь Половецкий, с другими князьями, прибежал к месту, что зовется Вал Половецкий; а Даниил Кобякович и Юрий Кончакович убиты были.

И пошел Котьяк к зятю своему князю Мстиславу Мстиславовичу Галичскому с множеством даров: конями, верблюдами, буйволами и прочим, и одарил князь Котьяк всех князей русских, кланяясь им со словами: «Сегодня землю нашу отняли татары, а вашу завтра придут и возьмут; и мы это сообщили вам; и вы, об этом узнав, помогите нам».

Мстислав же Мстиславович Галичский послал гонцов к братьям своим со словами: «Поможем половцам; если они с татарами соединятся, то нам будет тяжелее».

Князья же стали думать, как бы им помочь Котьяку и выйти на бой против безбожных моавитян; и взялись помогать Котьяку. Было же совещание всех князей в городе Киеве, и приняли такое решение: «Лучше бы нам встретить татар на чужой земле, нежели на своей».

И послали послов во Владимир к великому князю Юрию Всеволодовичу за помощью.

Князь Юрий же в помощь послал к ним племянника своего князя Василька Константиновича Ростовского.

И стали все князья русские войска бесчисленные собирать: князь великий Мстислав Романович Киевский, внук Ростислава, и Черниговский, князь Мстислав Мстиславович Галичский; это князья старшие были земли Руской; с ними же младшие князья: Даниил, сын Романа Мстиславовича, и князь Михаил, сын Всеволода Чермного, Черниговский, и князь Всеволод, сын Мстислава Романовича, правнук Ростислава, и другие князья многие; тогда же крестился Половецкий князь Бастый.

Князья же русские многие, соединившись со всеми людьми рускими, пошли против татар; и пришли они к Днепру в город Заруб к острову Варяжскому.

Узнав же об этом, татары послали к ним послов своих с такой речью: «Все мы люди, и все Адамово племя, зачем напрасно и беспричинно кровь свою проливать в ссорах и битвах? Ведь мы не против вас пришли и вашего не взяли ничего, но пришли против рабов своих, половцев, поскольку половцы — издавна наши конюхи. Почему же идете на нас войной и кровопролитием? Если хотите себе добра, будьте с нами в мире, а половцев от себя отгоните и не принимайте их».

Князья же русские этому не вняли, но и послов татарских убили.

А сами князья русские пошли против безбожных моавитян и, не дойдя до города Олешья, остановились у Днепра.

И там послали к ним других послов татары с такой речью: «Раз вы послушали половцев и послов наших убили, и против нас идете с войной и с кровопролитием, а мы вас не обидели ничем, то пусть судит Бог между нами и вами, поскольку Бог — всем Творец и Питатель».

И там соединились с рускими все люди половецкие с князьями своими. Князь же Мстислав Мстиславович Галичский с двадцатитысячным войском перешел Днепр и напал на сторожевые полки татарские, и победил их; а оставшиеся из них побежали с воеводой Ганибеком, которого татары закопали живым в землю, желая спасти; наши же, найдя его, убили.

И узнав об этом, все князья руские пошли за Днепр реку с бесчисленным войском: князь великий Киевский Мстислав Романович, Ростислава внук, с киевлянами, князь великий Смоленский Владимир Рюрикович, внук Ростислава, и князья из Чернигова, и Галича, и Волыни, и Курска, и Трубчевска, и Путивля, и со всех земель князья с множеством бесчисленным войска.

Пришли же и бауты, и гайгалы, и выгальцы, и галичане в кораблях по Днепру в море: было же их свыше двух тысяч человек; снова же из моря вышли в Днепр, и преодолели пороги, и пришли к реке Хортице, к броду, к Протолчам; воевода же у них был Юрий Доморечевич и Держикрай Владиславович.

Пришла же к ним туда весть, что татары пришли посмотреть русских воинов князя Даниила Романовича и других князей многих.

И молодые сыновья великих князей, сев на коней, поскакали посмотреть войско, и, увидев, послали к Мстиславу со словами: «Не стойте, пойдите против них».

И двинулись наши в степь и встретили татар; и там стрельцы руские погнались их по степи далеко; и рубили их, и взяли скот их; они же с прочими стадами убежали.

И оттуда шли русские князья за татарами восемь дней до реки Калки и там встретились со сторожевыми полками; и убили там татары Ивана Дмитриевича и других двух человек с ним; и отошли татары.

Князь же Мстислав Мстиславович повелел князю Даниилу Романовичу перейти реку Калку с полками своими, а сам за ними пошел; а когда перешел, послал сторожевые полки Яруна с половцами, а сам остался.

Пошел же и сам князь Мстислав Мстиславович Галичский за сторожевыми полками, и увидел полки татарские; и повелел вооружаться воинам своим; а два других князя Мстислава в станах были, и о том не знали, так как не сообщил им князь Мстислав из зависти; была же между ними вражда.

И сошлись войска, и поехал впереди князь Даниил, сын Романа Мстиславовича, и князь Семен Ольевич, и князь Василько Гаврилович. И там князя Василька закололи, и князя Даниила, сына Романа Мстиславовича, закололи в грудь; и кровь полилась; он же скакал, ничего не чувствуя в неистовстве; был же он мужественен весьма и силен в бою; еще же молод, восемнадцати лет только; и убивал татар мужественно с полком своим.

Князь же Мстислав Немой, увидел окровавленного князя Даниила, сына Романа Мстиславовича, что прокололи его, и кровь полилась, а он все скакал; и заплакал Мстислав, и воскликнул голосом громким; ибо был и Мстислав силен весьма, и был родственник отцу Даниила, и любил его сильно, Даниилу же и княжение свое после себя обещал. Также и князь Олег Курский сильно бился с татарами.

Но тут половцы скоро побежали и станы русских князей потоптали, и князья не успели вооружиться, а татары пришли с войском большим, и тогда сумятица была в полках русских.

И было побоище жестокое из-за грехов наших; всюду мертвые лежали, и кровь, как вода, лилась; и было поражение князей русских, какого не бывало со дня основания Руской земли.

Князь же великий Киевский Мстислав Романович, внук Ростислава, и князь Андрей, зять его, и князь Александр Дубровский видели эту беду, и не двигались никуда; стояли же над рекой Калкой; было же место каменное.

И сделали эти князья крепость себе с частоколом, и отбивались из-за нее три дня.

И остались там двое воевод татарских Черкак и Текшак, а остальные татарские князья и все татары погнались за князьями рускими, и гнали их, убивая, до Днепра. Были же с татарами и воины из особого племени бродников, а воевода у них был Плоския.

И тот проклятый воевода целовал крест, и обещал великому князю Мстиславу Романовичу Киевскому и бывшим с ним, что не убьет их, но откуп возьмет за них; и на таких условиях князья сдались Плоскине; он же, проклятый, передал их татарам, и крепость взял, и порубил людей всех.

А князей татары подложили под доски, и сели сверху на них обедать, и так князья задохнулись.

А других князей убили, гоня до Днепра; 6 князей: князя Святослава Каневского, князя Изяслава Ингваревича, князя Святослава Шумского, князя Мстислава Черниговского с сыном, князя Юрия Неверского, и тысяцких, и воевод, и бояр множество; а военных людей столько было побито, что едва десятый из них смог убежать.

Убили же в том бою и Александра Поповича, и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича, Золотого Пояса, и семьдесят великих и храбрых богатырей; все побиты были татарами, ибо прогневался на нас Бог за грехи наши.

Князь же великий Мстислав Мстиславович Галичский прежде всех перебежал за Днепр; а князь великий Смоленский Владимир Рюрикович, внук Ростислава, прибежал в Киев и занял место великого князя, поскольку князь великий Киевский Мстислав Романович, и с детьми, и с зятем, убит был татарами. Эта великая беда случилась на Руской земле великим князьям руским, Киевскому и прочим всем князьям, и всем землям руским месяца июня в 16-й день.

Татары же гнались за христианами до Новгорода Северского; христиане же, не зная хитрости татарской, вышли к ним крестным ходом; татары же их жестоко порубили и дома их пожгли, и имущество огню предали.

Также и по другим городам ходили татары; и области, и села все захватили и пожгли; и никого же не было обороняющего, потому что везде вся земля пустая была; и ходили татары, разоряли и не боялись. Говорили же так, что одних киевлян убито тогда шестьдесят тысяч; других же невозможно и сказать, сколько их убито; только один Бог знает число их бесчисленное.

Князя же Василька Константиновича Ростовского, племянника великого князя Юрия Всеволодовича Владимирского, тогда сохранил Бог, и с его войском, поскольку не успел прийти к месту сражения, только к Чернигову пришел.

И, узнав о беде этой большой, поспешно возвратился князь Василько в Ростов, храним Богом и Пречистой Богородицей. Этих же татар никто же не знает, откуда пришли и куда делись. Это первое появление татар на Руси; были же они стремительны в бою; также в беге легки были, не обременяя себя ничем тяжелым; убегали же и снова возвращались; и зловредными были как демоны.

В том же году князь Михаил, сын Всеволода Чермного, Черниговский, внук Святослава, правнук Олега, пришел в Новгород; и было облегчение в городах, и в волостях, и в селах новгородских; и рады были все новгородцы от этого; и возлюбили князя Михаила Всеволодовича.

В том же году пошел князь Михаил Черниговский, сын Всеволода Чермного, во Владимир к зятю своему, к великому князю Юрию Всеволодовичу, взяв с собой ограбленных купцов новгородских, которых ограбил зять его, князь великий Юрий Всеволодович в Торжке.

И взяв у князя Юрия все, что было награблено, пошел князь Михаил в Новгород со всем тем богатством; и пришел, и остановился на дворе

Ярослава; и дал новгородцам все, что взял у зятя своего, у великого князя Юрия Всеволодовича. И потом сказал им: «Люди и братья, не гневайтесь на меня за то, что не хочу у вас княжить в Новгороде. Иду же в Чернигов. Всяких же купцов ко мне пускайте; пусть ходят купцы ваши ко мне свободно, также и мои к вам; так как земля ваша — также и моя земля». Новгородцы же об этом прослезились, поскольку любили князя Михаила, и долго уговаривали его, прося остаться; и не могли упротить его.

И тогда проводили князя Михаила с большим почетом в Чернигов, и множеством даров одарили.

В том же году пришел архиепископ Антоний из Перемышля в Новгород Великий, и занял свое архиепископское место в Новгороде.

О победе над литовцами Ярослава

Той же зимой литовцы ходили воевать около Новгорода, и около Торопца, и около Смоленска, и до Полоцка; было же войско у них большое, 7 тысяч; и купцов убили.

Узнал же об этом князь Ярослав Всеволодович и сжалился весьма над христианами.

И пошел князь Ярослав за литовцами из Переславля; пришли же к нему и воины из Торжка, и из Торопца, и из Новгорода немного, и догнали литовцев у города Усвяты.

Литовцы же, увидев русских, ополчились против них на озере; князь же Ярослав двинулся на них;

и, когда стали биться, побежали проклятые; князь же Ярослав погнался за ними, и добычу всю забрал, а самих перебил; и взял в плен 2000 человек; и князя их схватил; и была радость большая в землях тех, что освободил их от язычников. Убили же там литовцы Торопецкого князя Давида, а также Василия, который был меченосцем у Ярослава.

Князь же Ярослав после погони той пошел в Новгород и стал княжить, так как до этого уже приходили за ним новгородцы и звали его к себе княжить; победил же литовцев в неделю Сыропустную.

В году 6734-м от Адама (1234 лето от Христа)

Преставился блаженный Симон, епископ Суздальский и Владимирский; принял перед смертью монашеский чин схимника; и положили его во Владимире в церкви Пречистой Богородицы Златоверхой.

В том же году ходил князь Юрий Всеволодович с племянниками своими, с Васильком и с Всеволодом, сыновьями Константина, помогать шурину своему князю Михаилу, сыну Всеволода Черного, Черниговскому, в походе на князя Олега Курского.

Тогда же там, по промыслу Божьему, оказался Кирилл, митрополит Киева и всей Руси, и не дал им пролить кровь, но смирил их и к согласию привел. И возлюбил Кирилла князь великий Юрий Всеволодович.

И упросил князь Юрий Кирилла митрополита, чтобы пошел с ним во Владимир и там благословил его; Кирилл же пошел с ним во Владимир, и благословил его.

И сделал митрополит Кирилл игумена Рождественского монастыря Митрофана епископом Суздаля, и Владимира, и Переславля.

И много чествовали митрополита Кирилла, и пошел он из Владимира. Князь великий же Юрий Всеволодович проводил его сам, и с детьми своими, и с братьями своими, с большим почетом.

Кирилл же митрополит был и в других многих городах, и пошел в Киев.

В том же году послал князь великий Юрий Всеволодович братьев своих, князя Святослава и князя Ивана Всеволодовича на мордву; они же взяли множество сел и возвратились в свою землю.

В том же году князь Ярослав Всеволодович ходил из Новгорода с новгородцами за море на племя емь, и разорял землю ту; и столько пленных взял, что не могли всех вывезти из-за большого числа; и порубили пленных, а некоторых отпустили обратно.

В том же году в Новгороде построили церковь каменную Святого Якова в Неревском конце.

В году 6735-м от Адама (1235 лето от Христа)

Появились в Новгороде волшебники, знахари, колдуны, и много колдовства, и чар, и ложных знамений совершали, и много зла сделали, многих обманывая. И собрались новгородцы, и схватили их, и повели их в дом архиепископский; и люди князя Ярослава вмешались в разбирательство о колдунах.

Новгородцы же привели волшебников на Ярославов двор; и разожгли костер большой на дворе Ярослава; и связали волшебников всех и бросили в огонь; и там они сгорели все.

В том же году горел город Владимир, и церковей сгорело 27, и двор блаженного князя Константина Всеволодовича сгорел, и церковь на его дворе Архангела Михаила, которую он построил и украсил весьма дивно и чудно.

В том же году послал князь великий Юрий Всеволодович племянника своего князя Всеволода Константиновича, внука Всеволода, правнука Юрия Долгорукого, праправнука Владимира Маномеха, в Переславль Русский княжить.

В том же году преставился князь Владимир Всеволодович, названный в святом крещении Дмитрий, брат великого князя Юрия Всеволодовича; стал он перед смертью монахом и принял монашеский чин схимника; и положили его во Владимире в церкви Пречистой Богородицы Златоверхой.

В том же году князь великий Юрий Всеволодович женил племянника своего князя Василька Константиновича Ростовского у шурина своего у князя Михаила Всеволодовича Черниговского.

В том же году женился князь Всеволод Константинович, племянник великого князя Юрия Всеволодовича, взяв в жены дочь Олега Святославовича.

В году 6736-м от Адама (1236 лето от Христа)

Князь великий Галичский Мстислав Мстиславович шел из Галича в Киев, и на пути заболел, и стал монахом, и принял монашеский чин схимника, и преставился.

В том же году князь Давид Муромский стал монахом, и принял монашеский чин схимника, и преставился.

В том же году родилась у великого князя Юрия Всеволодовича дочь Феодора.

В том же году князь Святослав отпустил княгиню свою по совету, она же пошла в Муром в монастырь, и стала монахиней.

О войне с мордвой

Той же зимой, января в 14-й день, князь великий Юрий, и Ярослав, и Константиновичи Василько и Всеволод пошли на мордву, и Муромский князь Юрий Давидович; и пришли в землю Мордовскую в Пургасову область, и хлеба пожгли и попортили, и скот забили, а села сожгли; живущих же в области Пургасовой порубили мечами без пощады; а прочих в плен взяли и послали к себе домой; мордовцы же, узнав об этом, побежали в леса, в укрепления свои; а которые не убежали, тех убили.

В том же году ушел архиепископ Антоний в монастырь Хутынский по своей воле.

В том же году приходило племя емь в новгородские области с войском на кораблях; посадник же новгородский и ладожский поспешил к ним с воинами ладожскими и успел раньше князя и новгородцев; и перебил их; было же приходивших две тысячи, и немногие из них убежали в свою землю.

В том же году князь Ярослав Всеволодович пошел в Псков; псковичи же не пустили его в город; он же возвратился в Новгород.

И когда пришел, князь Ярослав сказал владыке и новгородцам: «Пошел я было в Псков с миром и с любовью, хотел одарить псковичей, а они мне оказали бесчестье, и вот теперь печалюсь и скорблю об этом весьма».

В том же году князь Ярослав Всеволодович послал тайно в Переславль послов, собирая войско и хотя идти войной на псковичей; и говорил новгородцам: «Хочу идти на Ригу войной, и посылаю в Переславль за войском; надо и вам всем готовым быть».

В том же году пришли из Переславля и из других городов множество воинов к Ярославу в Новгород.

Князь же Ярослав Всеволодович призвал и новгородцев собираться, говоря так: «Пойдем на Ригу воевать». Новгородцы же боялись, что Ярослав на Ригу пойдет, а там станет и Псков разорять, и поэтому не торопились исполнить повеление Ярослава.

Узнали же псковичи, что князь Ярослав Всеволодович на Ригу хочет идти войной и их разорять. И тогда псковичи, испугавшись, соединились с рижанами и девяносто человек лучших дали в заложники рижанам, а рижане дали девяносто человек лучших псковичам, и таким образом договорились в единомыслии быть, и друг за друга и до крови стоять.

Князь же Ярослав Всеволодович узнал, что вместе объединились псковичи с рижанами, и послал к псковичам послов с такими словами: «Идем с новгородцами войной на Ригу, пойдемте с нами».

Псковичи же послали послов своих к Ярославу с такими словами: «Господин князь Ярослав Всеволодович, ты князь разумный и премудрый, и знаешь, что все мы одного Адамова племени, все друг другу братья, и дяди, и родственники, и сестры, и тетки, и все мы род один: и верные, и неверные. Но ведь и с неверными не годится без причины войну устраивать, но со всеми в мире следует быть; только безверия и беззакония их не касаться, но в мире с ними быть, чтобы и эти неверные, увидев нашу жизнь, и смирение, и любовь, пришли к познанию Бога, и обратились, и крестились, и все были бы спасены благодатью Христовой и Пречистой Его Матери. А ты, князь, столь разумен, а велишь без причины с рижанами войну устраивать».

Выслушав же этот ответ, князь Ярослав Всеволодович огорчился, и сообщил новгородцам, и сказал так: «Насмехаются надо мной псковичи, и на рижан с нами не идут, и соединились с рижанами в единомыслии».

Новгородцы же отвечали князю Ярославу Всеволодовичу такими словами: «Господин князь Ярослав Всеволодович, мы служим Пречистой Богородице, и друг за друга головы свои кладем, и вам, князьям, кланяемся, а с братьями своими с псковичами мирно живем; и теперь псковичи

не хотят с тобой на Ригу идти войной; так что и мы, князь, не пойдем; и ты, князь, распусти войско свое по домам, и устрой мир с псковичами».

А которые были люди в Пскове у князя Ярослава Всеволодовича, тех псковичи ограбили и выгнали с позором; и эти люди пришли и рассказали обо всем князю Ярославу Всеволодовичу.

Князь же Ярослав об этом опечалился и спросил новгородцев: «Что же это такое?» Они же сказали: «Знаешь, князь, новгородцев и псковичей: что хотят, то и делают».

Тогда князь Ярослав Всеволодович направился с княгиней своей в Переславль, а в Новгороде оставил двух сыновей, Феодора и Александра, с боярином своим Феодором Даниловичем и с другими людьми, с сохранением всей воли новгородской.

В том же году шел дождь, не переставая, день и ночь от дня Преображения до Николина дня; новгородцы же стали выражать недовольство на архиепископа своего на Арсения, что из-за него идет дождь долгое время, поскольку он выгнал Антония архиепископа в Хутынский монастырь, дав большое вознаграждение князю Ярославу.

И тогда отвели Арсения в Хутынский монастырь, а Антония из Хутынского монастыря привели в архиепископский дом; и был мятеж большой в городе; некоторые же ограблены были, а некоторые и смерть вкусили.

Той же осенью было наводнение большое сверх всякой меры; разливались озера и реки; это много бедствий принесло людям. И ударили морозы; и замерзла большая вода в озере Ильмени; и снова подули ветры сильные большие, и изломали лед, и обратили вспять воду, и вынесли в Волхов лед больше обычного, и выломали звеньев 9 большого моста.

В том же году послали новгородцы послов в Переславль к князю Ярославу Всеволодовичу с такими словами: «Господин князь Ярослав Всеволодович, иди к нам в Новгород; зла и гнева не держи, судей по волостям не посылай; все вольности наши новгородские соблюдай, и по всем грамотам Ярослава и старинным новгородским живи у нас; и будь тогда князем нашим, а мы твоими; если же не так, тогда ты сам по себе, а мы сами по себе».

В том же году сыновья князя Ярослава Всеволодовича, Феодор и Александр, с боярином их Феодором и с прочими людьми отца их ночью сбежали из Новгорода к отцу своему в Переславль.

В том же году новгородцы по старинному обычаю их устроили собрание, и так говорили: «Вот князи сбежали от нас без причины, это знают они».

И послали новгородцы послов к князю Михаилу Всеволодовичу в Чернигов. Когда же послы шли и были в Смоленске, то не пустил их князь Смоленский из Смоленска; и пути все закрыли по научению Ярослава Всеволодовича.

Узнал же об этом князь Михаил Всеволодович Черниговский, ибо был тогда на войне с сыном своим, и пошел скоро к Новгороду в Торжок; и рады были все люди.

И оттуда пришел князь Михаил Всеволодович в Новгород; и возрадовались новгородцы, и договорились с ним, что будет соблюдать все вольности новгородские и все грамоты Ярослава прежние. И дал князь всем беднякам и должникам льготу — пять лет дани не платить; а которые из земли убежали должниками, тем платить дань, как установили прежние князья, или без роста ежегодно.

Пришли мордва с Пургасом к Новгороду Нижнему; и побили их новгородцы.

Мордовцы же зажгли монастырь Пресвятой Богородицы за городом, и бежали прочь.

Победил Пургаса сын Пуреша с половцами; и перебил всех мордовцев и всех воинов из Руси Пургасовой; а Пургас убежал с немногими.

О Кирилле епископе

Кирилл, епископ Ростовский, оставил свое место служения, и пошел в Суздаль, в монастырь Святого Дмитрия, в свою келью, намереваясь лечить свою болезнь, так как болело у него внутри, лицо же его изменилось и почернело, а рот и нос опухли.

К тому же еще другое искушение выпало ему: в один день все богатство отняли у него; по одному судебному делу присудил так Ярослав. Был же Кирилл богат весьма кунами, и селами, и всякими товарами и книгами, и, прямо сказать, так он был богат, как ни один из бывших до него епископов в Ростовской земле; и он за все за это воздал хвалу Богу.

И принял епископ Кирилл монашеский чин схимника и раздал оставшееся богатство тем, кто ухаживает за больными, и нищим.

Об Авраамии мученике

В том же году убили болгары некоего христианина за православную веру в Великом Городе их. Был же он инородец, нерусский, но христианин был; богатства же было много у него, и торговлю вел в разных землях; и пришел по Волге в корабле в Город Великий болгарский.

Болгары же, увидев, что он богат и не из русских городов пришел, схватили его; и заставляли его много дней отречься от Христа; потом же ла-

сками стали уговаривать его. Мученик же Христов Авраамий никак не внимал пустому совету их, и не склонился к ласкам их, но непреклонным разумом исповедал Христа истинным Богом, а Магомета проклинал и веру их болгарскую. Они же запретами долго запрещали ему, и муками устрашали его; он же никак покориться им не хотел, но, от всего отказавшись, захотел лучше за Христа умереть.

И тогда ему отрубили голову месяца апреля в 1-й день; христиане же взяли тело его и положили в гроб на месте, где и прочих христиан погребали в земле Болгарской. Бог же отомстил вскоре безбожным; загорелся Город их Великий; и сгорела его большая половина; оставшаяся же часть города еще много дней загоралась по два, по три раза за день. И таким образом немного осталось от города; все погорело; и многое множество бесчисленное товара сгорело. Это же произошло с безбожными за то, что пролили кровь Христова мученика Авраамия.

О розни между братьями и мире

Ярослав же Всеволодович поверил обману некоторых людей и отделил от Юрия трех Константиновичей: Василька, Всеволода, Владимира, и намеревался сопротивляться Юрию, брату своему. Но не дал Бог злу совершиться, ибо узнал об этом князь Юрий и призвал князей на съезд; и исправили нелюбовь между собой, и поклонились Юрию все, и целовали крест, обещая быть с Юрием в полной любви и слушаться его как своего отца.

И праздновали тогда Рождество Пресвятой Богородицы все князья вместе у епископа Митрофана в Суздале.

В том же году болгары, прозываемые казанцы, прислали послов к великому князю Юрию Всеволодовичу заключить мир; было же перемирие между ними на шесть лет; а люди плененные были с обеих сторон.

И тут заключили мир, и каждый по вере своей оба клялись, и плененных людей отпустили: князь великий отпустил к ним измаильтян их, а они отпустили к великому князю христиан.

В том же году преставился Кирилл епископ в монастыре Святого Дмитрия в Суздале; там и погребли его.

В том же году голод был по всей земле; и длился три года; и покупали хлеб за две куны, а кадь ржи за четыре гривны новгородские, а пшеницы за пять гривен новгородских, а пшена за семь гривен новгородских; и умерло множество людей.

В году 6738-м от Адама (1238 лето от Христа)

Марта в 6-й день, принесен был Христов мученик Авраамий из Болгарской земли в славный город Владимир, и положены были мощи его в

церкви Пресвятой Богородицы в монастыре княгини Всеволода с большим почетом.

В том же году Константиновичи, князья Ростовские, попросили у дяди у своего, у великого князя Юрия Всеволодовича, архимандрита Рождественского монастыря Кирилла в епископы в город их Ростов.

И послал князь архимандрита Кирилла, с боярином своим Дмитрием Ивановичем, в Киев к Кириллу, митрополиту Киева и всей Руси, чтобы тот сделал его епископом Ростова.

Князь же великий Юрий женил сына своего Всеволода старшего на дочери Владимира Рюриковича; и венчали их в церкви Пресвятой Богородицы во Владимире, апреля в 14-й день.

В том же году князь Михаил, сын Всеволода Чермного, внук Святослава, правнук Олега, пошел из Новгорода к братьям своим в Чернигов, а сына своего князя Ростислава оставил в Новгороде, и так сказал новгородцам: «Если Бог захочет, исполнится вся правда новгородская, и тогда придется мне взять у вас сына своего», и еще сказал им: «Не должно вам жить без епископа, изберите себе из монахов того, которого хотите, лучше же — которого Бог захочет».

И избрали трех монахов, и кинули жребий, и выпал жребий Спиридону.

И послали новгородцы Спиридона в Киев, с посадником, и с другими знатными людьми, к Кириллу, митрополиту Киева и всей Руси, чтобы тот сделал его архиепископом Новгорода.

В том же году князь Михаил Всеволодович послал послов в Переславль к князю Ярославу Всеволодовичу со словами: «Откажись от города Волока в области Новгородской, и обещаю с крестным целованием в мире и в любви быть». Князь же Ярослав сказал: «Не обещаю, и креста не целую, и от Волока не отказываюсь; вы сами по себе, а я сам по себе»; и держал послов все лето.

В том же году разоряли литовцы новгородские области: Любну, Мореву, Селигер; новгородцы же ходили за ними, и пленных отняли. В том же году новгородцы сделали посадником Незда Водовика.

О землетрясении

Месяца мая в 3-й день, во время Святой Литургии, когда читали Святое Евангелие в церкви Пресвятой Богородицы во Владимире, потряслась земля; и церковь, и престол, и иконы сдвинулись на стенах; и паникадила со свечами, и подсвечники поколебались; люди же изумились и думали, что голова закружилась у каждого из них; и стали друг другу рассказывать, что было с ними, и недоумевали, что это такое. Было же это во многих церквях и в домах господских; и в других городах было это.

В Киеве же городе еще более того, самое большое было потрясение. В монастыре Печерском церковь Пресвятой Богородицы каменная на 4 части разошлась; там были митрополит Кирилл, и князь Владимир, и бояре, и множество людей сошлось; ибо праздник был в тот день, день памяти отца Феодосия.

Потрясло же и престол каменный, когда уже принесены были на него Еда и Питье; и все это подавили камни, сверху падая; весь же престол не упал, ни верх его.

В Переславле же Руском церковь Святого Михаила разошлась надвое; упал же и свод трех арок с кровлей; и подавило иконы, и паникадила со свечами, и подсвечники; было же это в один день, и в один час, по всей земле, во время Литургии.

Того же месяца в 10-й день видели некоторые, как солнце рано утром всходило, и было оно треугольным; потом же немного побыло, как звезда; и в таком виде исчезло; потом же вошло в своем обычном виде.

Того же месяца в 14-й день, в 3-м часу дня, солнце стало исчезать на глазах у всех людей; и осталось его немного, было же как месяц трехдневный; и стало опять расти. Многие же думали, что это месяц, идущий по небу, так как было полнолуние тогда; другие же думали, что это солнце, идущее назад, поскольку небольшие клочки облаков с северной стороны быстро двигались на солнце в южную сторону.

В тот же день и час было также, и еще страшнее, в Киеве: на глазах у всех стало солнце месяцем; и появились с обеих сторон от него столбы красные, зеленые, синие; также сошел огонь с неба, как облако большое, на ручей Лыбедь; люди же все прощались с жизнью своею и думали, что уже конец настал; и стали целовать друг друга и прощения просить; и горько плакали, и вскричали все к Богу со слезами. Всемиловитый же Бог перенес страшный тот огонь через весь город без вреда; и упал он в Днепр реку; там и пропал. Это рассказали нам очевидцы, в то время бывшие там.

В том же году начали расписывать церковь Пресвятой Богородицы в Суздале, старанием епископа Митрофана. Построил ту церковь благоверный князь Георгий на месте прежнем, разрушив старое основание, и сделал ее красивее первой.

В том же году князь Святослав разрушил церковь в Юрьеве Святого Георгия каменную, поскольку она обветшала и стала разваливаться; построил же ее дед его Юрий Владимирович. И стал Святослав новую церковь строить, еще более удивительную, чем прежняя.

В том же году приходил Кирилл, митрополит Киева и всей Руси, к великому князю Юрию, и к брату его Ярославу, и к Святославу, и к племян-

никам их Константиновичам, от великого князя Киевского Владимира Рюриковича; а от Черниговского князя Михаила епископ Порфирий; с ними же игумен монастыря Святого Спаса в Берестове; и Петр Акерович, стольник Владимира. Эти трое приходили с митрополитом, прося мира Михаилу у Ярослава: ибо Михаил не сдержал обещаний Ярославу, которые давал, целуя крест; Ярослав же хотел идти на него войной. Митрополит же и епископ много говорили Ярославу о мире, приводя ему слова из Божественного Писания и поучая его по слову Евангельскому не противиться злу. Стал же ему и брат его Георгий говорить и прочие братья его, чтобы не оставил он труда митрополита напрасным, но примирился с Михаилом.

Ярослав же послушал брата своего старшего, и отца своего духовного митрополита, и братьев своих, и епископа Порфирия, и заключил мир с Михаилом.

Митрополиту же много чести воздали оба князя, Юрий и Ярослав, также и епископу, и игумену монастыря Святого Спаса, и, благословившись у них, отпустили каждого из них к своим князьям в землю свою.

В том же году был мор сильный в Смоленске; сделали 4 могилы большие, и положили в двух 16 тысяч, а в третьей 7000, а в четвертой 9 тысяч; продолжалось же это два года.

В том же году пришел из Киева архиепископ Спиридон в Новгород, поставленный Кириллом, митрополитом Киева и всей Руси.

В том же году в Новгороде Стефан Твердиславович и Иван Тимофеевич поссорились с Водовиком посадником, и побили Ивана Тимофеевича слуги Водовика.

И на следующий день собрание устроили против Водовика посадника; и разграбили дом его. Водовик же посадник огорчился весьма, и собрал Новгород весь против Ивана Тимофеевича, и против Якима Лукиановича, и против Прокопия Яковлевича; и их осудили, и разграбили дома их; а Ивана Тимофеевича убили и в Волхов бросили; и других многих убили.

И разгневался Бог, и опустошил землю; и пошел дождь от дня Благовещения до Ильина дня, день и ночь; и наступил холод, и были морозы сильные; и померзли все хлеба.

И покупали хлеб по восьми кун, а четверть ржи по 20 гривен новгородских; а в некоторых местах пустых сельских четверть ржи покупали по 30 гривен, а пшеницу по 40 гривен новгородских, а пшено по 50 гривен новгородских, а овса четверть по 12 гривен; и был мор у людей от голода большой, так что не могли погребать их.

Ростислав же, сын князя Михаила Всеволодовича с посадником новгородским пошли в Торжок; а новгородцы Семена Борисовича дом разграбили, и жену его схватили, а самого убили.

Также новгородцы и Водовика посадника, и брата его Михаила, и зятя их Данислава, и Бориса тысяцкого: дома разграбили, и все имущество их разделили между собой, а самих убили. Те же трудились, имущество собирая, а эти без труда все имущество их забрали себе, как написано в Святом Писании: «Овии трудишася, овии же в труды их внидоша», и «Собирает человек, и не весть, кому собирати ея».

А князя Ростислава Михайловича прогнали новгородцы из Торжка к отцу его Михаилу в Чернигов со словами: «Отец твой Михаил Всеволодович дал нам свое слово, что соберется и пойдет на войну за наши обиды новгородские со дня Воздвижения; и вот уже сейчас Николин день, а отцом твоим ничего не сделано, и ты пойдь от нас, а мы себе князя найдем». Князь же Ростислав пошел к отцу своему в Чернигов, а новгородцы послали за князем Ярославом Всеволодовичем в Переславль со словами: «Если хочешь княжить у нас с соблюдением всей нашей вольности людей новгородских, тогда иди к нам».

Князь же Ярослав Всеволодович скоро пришел из Переславля в Новгород, новгородцы же встретили его с почетом.

И устроили новгородцы собрание, на котором князь целовал крест, обещая княжить с соблюдением грамот всех Ярослава и всей вольности новгородской.

Голод же еще больше распространился, был не только в Новгороде, но и по всей земле Руской, за исключением одного Киева. И такой гнев Божий был, что не только мертвых людей ели, но и живые люди друг друга убивали и ели; и коней, и собак, и кошек, и тому подобное, где кто находил, ели; другие же мох, и сосну, и вяз, и кору липовую, и листья ели. Злые же люди, если где-то узнавали, что у кого-то хлеб есть, силой вырывались в то место, грабили и убивали. И распространился гнев Божий; и померло людей по всей земле без числа; это же длилось два года: в 6737-м от Адама (1237 лето от Христа) и 6738-м от Адама (1238 лето от Христа).

В том же году преставился князь великий Смоленский Мстислав Давидович; и положили его с почетом в городе Смоленске.

В том же году перенесены были мощи святого Леонтия епископа из церкви Святого Иоанна в соборную церковь Пречистой Богородицы.

В году 6739-м от Адама (1239 лето от Христа)

Многомилостивый Господь Бог послал милость свою, и наступил год, богатый всяким зерном и всякими овощами. Чужеземцы же из-за

моря, узнав, что голод был по всей Руской земле и в Новгороде, пришли на множестве кораблей со всяким зерном и с мукой в Новгород и во всю Рускую землю и сделали много добра. Если бы не через них послал Господь Бог хлеб, и всякое зерно, и муку, то страшно сказать, что было бы, так как уже близка была к гибели вся Руская земля от голода.

В том же году Кирилл, митрополит Киевский, сделал архимандрита Рождественского монастыря епископом Ростовским. В том же году родился у князя Василька Константиновича Ростовского сын Борис.

В том же году князь Ярослав Всеволодович пошел с новгородцами войной на Чернигов, на великого князя Михаила, сына Всеволода Чермного, внука Святослава, правнука Олега; и сжег Серенск; и, постояв под Мосальском, снова возвратился назад; всякие хлеба и плоды попортил; и опустошил и пожег все области и села. Тогда же убит был под Мосальском боярин его Иван Боша, и Олдан Подвойский; и другие многие были убиты; и без мира отошли.

В том же году пожар был в Новгороде; и такой гнев Божий был, что и на воде огонь горел, и переходил через Волхов; и все люди смотрели и дивились; и сгорело и утонуло множество людей.

В году 6740-м от Адама (1240 лето от Христа)

Женился князь Владимир Константинович, внук Всеволода. В том же году пришли татары и зимовали, не дойдя до Великого Города болгарского, так называемого Казанского.

В том же году князь великий Юрий Всеволодович послал сына своего Всеволода на мордву; и с ним пошли князь Феодор Ярославович, и Рязанские князья и Муромские; и разоряли мордву, и области и села пожгли.

В том же году преставился Новгородский архиепископ Антоний; занимал он епископское место 8 лет до изгнания; а в изгнании был заточен 6 лет; и затем пришел из Перемышля, и занимал место 2 года в Новгороде; и заболел очень, и онемел, и не говорил 6 лет, и месяцев 7, и дней 9, и преставился; и положили его в церкви Святой Софии в притворе.

В году 6741-м от Адама (1241 лето от Христа)

Расписана была церковь Пречистой Богородицы в Суздале, и выложена мрамором красным различным.

В том же году преставился князь Феодор, сын Ярослава старший; и положили его в Новгороде, в монастыре Святого Георгия. Еще был молод; и кто не пожалеет об этом: и свадьбу уже устраивали, и все пригото-

вили, и невесту привели, и князей созвали; и было вместо веселья много плача и горького рыдания.

Преставился блаженный митрополит Киева и всей Руси Кирилл.

В году 6742-м от Адама (1242 лето от Христа)

Благоверный князь Святослав Всеволодович построил церковь в городе Юрьеве Святого Великомученика Георгия, и украсил ее больше других церквей; были же внутри по кругу по всей церкви из камня вырезаны святые чудесно очень; церковь эта и сейчас стоит.

Князь Ярослав Всеволодович пошел с новгородцами на немцев к городу Юрьеву, и, не дойдя до города, остановились.

И вышли немцы из города из Юрьева и из города из Медвежьей Головы на сторожевые полки и пробились к полку Ярослава.

И князь Ярослав с новгородцами били немцев до реки Амовыжи; и на реке обломились немцы; и утонуло их много; а другие, израненные, бежали в город Юрьев, а другие в город в Медвежью Голову.

И около города Юрьева новгородцы много зла немцам наделали; захватили в плен; и области и села пожгли.

И просили о мире немцы князя Ярослава; и заключил мир князь Ярослав с немцами; и возвратился в Новгород.

В том же году приходили литовцы войной на Руссу и дошли даже до Торжка; и пошел на них князь Ярослав Всеволодович и многих убил, а другие убежали.

Князь Изяслав Мстиславович Смоленский, внук Романа Ростиславовича, с половцами, и князь Михаил, сын Всеволода Чермного, с воинами из Чернигова, и князь Ярослав Всеволодович с новгородцами ходили войной на Киев и взяли его.

А великого князя Киевского Владимира Рюриковича взяли половцы и увели с собой в свою землю; княжил он на великом княжении в Киеве 10 лет.

И там взяли половцы с князя Владимира откуп и отпустили его на Русь; а Изяслав Мстиславович, внук Романа, стал княжить в Киеве.

В году 6744-м от Адама (1244 лето от Христа)

Стал великим князем в Киеве князь Ярослав Всеволодович Новгородский; а в Новгороде стал княжить сын его Александр.

Было знамение великое, исчезало солнце по всей земле в день воскресный; до того исчезало, что стало как месяц 4-х дней.

В том же году пришли безбожные татары, захватили всю землю Болгарскую, называемую Казанской; и Город их Великий взяли, и порубили всех мужчин, и женщин, и детей, а некоторых в плен увели.

В том же году князь великий Юрий Всеволодович женил сыновей своих: князя Владимира и князя Мстислава.

В том же году родился у великого князя Василька Константиновича Ростовского сын Глеб.

В том же году Митрофан епископ поставил покрытие в святом алтаре над престолом Господним во Владимире и украсил его чудесно золотом и серебром, при благоверном великом князе Юрии Всеволодовиче.

В том же году Митрофан епископ расписал притвор Пречистой Богородицы. В том же году пришел митрополит из Никеи, грек, на всю Рускую землю, именем Иосиф.

Было знамение солнечное, и было же таким оно: потемнело солнце весьма с запада, как месяц стало 5-ти дней, а с востока оставалось светлым; и затем с востока потемнело весьма, и также как месяц стало 5-ти дней, а с запада оставалось светлым; и так было еще раз; и был страх и трепет у всех, кто видел и слышал об этом.

В том же году пришли немцы с войском большим из-за моря в Ригу.

И объединились немцы с рижанами и псковичами и пошли войной против литовцев, и много разоряли.

И собрались литовцы и устроили битву против псковичей и немцев; и было сражение большое; и победили литовцы; и столько погибло псковичей и немцев, — была же некоторая часть и новгородцев, — что меньше, чем один из десяти, возвратились в свою землю.

Батыево нашествие, в году 6745-м от Адама (1245 лето от Христа)

Той же зимой пришли с восточной стороны на Рязанскую землю, по лесу, безбожные татары с царем Батыем и, придя, стали сначала станом у селения Онузы; и взяли его, и пожгли его.

И оттуда послали татары послов своих — женщину колдунью и двух мужчин с ней — к князьям Рязанским, прося у них десятую часть со всего: с князей, и с простых людей, и с доспехов, и с коней.

Князья же Рязанские Юрий Ингваревич и брат его Олег, и Муромские, и Пронские князья, не пустили татар к городу, и вышли к ним в Воронеж; и отвечали им князья: «Когда нас не будет, то все ваше будет».

И оттуда отпустили татары послов к великому князю Юрию во Владимир; и стали разорять землю Рязанскую и брать в плен; и дошли до Пронска.

А из Владимира князь великий Юрий Всеволодович отпустил послов их к татарам в Воронеж.

Послали же князья Рязанские к князю Юрию Владимировскому послов, прося, чтобы прислал к ним помощь, или сам пришел; князь же Юрий сам не пошел, и не внял просьбе князей Рязанских; но хотел сам обособленно устроить войну. Но уже невозможно было Божьему гневу сопротивляться: смятение, и ужас, и страх, и трепет навел Он на нас за грехи наши.

Князья же Рязанские, и Муромские, и Пронские вышли против безбожных и бились с ними; и было побоище жестокое.

И победили безбожные измаильтяне; и бежали князья, каждый в город свой.

Татары же разъярились весьма и еще больше стали разорять землю Рязанскую с великой яростью; и города их разрушали, и села жгли, и людей рубили, и в плен брали.

И пришли проклятые иноплеменики к столице их Рязани; и окружили столицу их Рязань месяца декабря в 6-й день; и частоколом огородили ее.

Князья же Рязанские затворились в городе с людьми, и упорно сражались с безбожными татарами; и выбились из сил.

Татары же взяли город их Рязань того же месяца в 21-й день, и пожгли весь; а князя великого Юрия Ингваревича убили, и княгиню его, и других князей убили, и людей их с женами и детьми.

И монахов, и монахинь, и священников татары хватали и одних рассекали мечом, а других стрелами расстреливали и в огонь бросали.

А некоторых, схватив, связывали, и грудь вспарывали, и печень вынимали; а с некоторых кожу сдирали; а некоторым иглы и щепки под ногти вбивали; и поругание делали монахиням, и попадьям, и великим княгиням, и боярыням, и простым женщинам и девушкам на глазах у матерей и сестер. Епископа же тогда сохранил Бог; был он в отъезде в том году, когда войско окружило город.

Татары же много святых церквей огню предали, и монастыри и села пожгли, а имущество их взяли.

Потом же татары пошли к Коломне; князь же великий Юрий Всеволодович послал против них сына своего князя Всеволода из Владимира; и с ним пошел князь Роман Ингваревич Рязанский с войском своим.

И воеводу своего Еремея Глебовича послал князь великий Юрий вперед со сторожевыми отрядами; и соединились с Всеволодом и с Романом Ингваревичем у Коломны.

И там окружили их татары, и было побоище жестокое весьма, и прогнали их татары к городским укреплениям.

И там убили князя Романа Ингваревича Рязанского; а у Всеволода Юрьевича воеводу его Еремея Глебовича убили; и других много людей убили. А князь Всеволод с небольшой дружиной убежал во Владимир.

Татары же пошли к Москве; и пришли, и взяли Москву; и воеводу их убили, Филиппа Нянька; а сына великого князя Юрия, Владимира, живым взяли.

А людей всех татары перебили от старых и до младенцев, а некоторых в плен повели и, много имущества набрав, ушли.

Князь же великий Юрий Всеволодович, узнав об этом, плакал много с владыкой Митрофаном, и с княгиней своей, и с детьми, и с боярами своими, много слез проливал. И вошел великий князь в церковь, и крестился у святых икон, и целовал епископа Митрофана, и княгиню свою, и детей, и бояр; и был плач большой в городе; и не было слышно, что говорили друг другу в слезах и в рыданиях.

И оставил Юрий вместо себя во Владимире, вместе с владыкой, детей своих Всеволода и Мстислава, и своего воеводу Петра Ослядюковича; а сам Юрий пошел за Волгу с племянниками своими: с Васильком Константиновичем, и с Владимиром Константиновичем, и с Всеволодом Константиновичем.

И расположились станами на Сити реке. И ждал Юрий к себе братьев своих: князя Ярослава Всеволодовича, и князя Святослава Всеволодовича, с войсками их; и сам стал собирать войска; а воеводой назначил Жirosлава Михайловича.

Татары в это время пришли к Владимиру, месяца февраля в 3-й день, во вторник, перед Мясопустной неделей, в день памяти святого Симеона Богоприимца. Жители же Владимира с князьями своими, и с воеводой Петром Ослядюковичем, затворились в городе.

Татары же подошли к Золотым воротам, ведя с собою княжича Владимира, сына великого князя Юрия Всеволодовича; и стали спрашивать, и говорили так: «Есть ли в городе князь великий Юрий?» Владимирцы же стали стрелять в них. Они же сказали: «Не стреляйте», и подошли ближе к воротам, и показали им княжича их, князя Владимира, сына Юрьева, со словами: «Узнаете ли этого сына князя вашего?»

Был же сын князя со скорбным лицом и обессилел крайне от голода. Всеволод же и Мстислав стояли на Золотых воротах и узнали брата своего Владимира. О, как жалко брата видеть! Как слезы не проливать! И Всеволод, и Мстислав с боярами своими, и все горожане плакали, смотря на Владимира.

Татары же отошли от Золотых ворот и объехали весь город, осматривая его; и расположились татары станами перед Золотыми воротами, и вокруг всего города; и было великое множество их.

Юрьевичи же Всеволод и Мстислав горевали из-за брата Владимира; и сказали всей дружине и Петру воеводе: «Брат, лучше умереть перед Золотыми воротами за Пресвятую Богородицу и за православную веру, нежели воля татарская будет». Воевода же Петр сказал: «Это все попустил Бог нам из-за грехов наших, по слову пророка: «Несть человеку мудрости, и несть мужества, ни думы противу Господеви»».

И стали они молебны петь, и рыдали, и слезы проливали помногу, обращаясь к Господу Богу и к Пречистой Его Матери Богородице. Татары же станы свои устроили вокруг Владимира.

И пошли татары и взяли город Суздаль, и церковь Пресвятой Богородицы разграбили, а прочее все огнем сожгли.

Церкви же и монастыри татары разграбили и пожгли; а людей: старых, и молодых, и игуменов, и священников, и диаконов, и монахов, и монахинь, и слепых, и хромых, и глухих, — всех их порубили.

Прочих же людей татары с собой повели, босых и непокрытых; и гибли люди от холода; и можно было тогда видеть ужас большой весьма; отвели же татары множество пленных в станы свои.

И пришли к городу Владимиру татары, в субботу Мясопустную; и стали они леса ставить, и метательные орудия устанавливать с утра до вечера; а к ночи огородили оградой весь город.

На утро же увидели князя, и владыка Митрофан, и воевода Петр Ослядюкович, и все бояре, и люди, что уже их город взят будет, и заплакали плачем громким.

И вошли все в церковь соборную Пречистой Богородицы, и приняли святой ангельский образ монашеский; обратил же в монашество владыка Митрофан и великую княгиню, и сыновей ее, и дочерей, и снох ее, и всех, которые хотели; и был крик, и стон, и плач громкий в городе.

Татары же на следующий день, в воскресенье Мясопустной недели, месяца февраля в 8-й день, в первом часу дня, в день памяти святого мученика Феодора Стратилата, приступили к городу со всех сторон и начали бить из метательных орудий по городу. И сыпались камни огромные, летя с дальнего расстояния, по воле Божьей, как дождь, и падали внутри города; и множество было людей мертвых в городе; и напал страх и трепет большой на всех.

И пробili татары стену у Золотых ворот; также и от реки Лыбеди у Ирининых ворот; и у Медных; также от реки Клязьмы у Волжских ворот; и, наконец, весь город татары разбили, и внутри города камней насыпали.

И тогда вошли татары по приваленным доскам в город у Золотых ворот, также и от реки Лыбеди в Ирнины ворота, и в Медные, также и от реки Клязьмы в Волжские, и, наконец, со всех сторон весь город разбили и вошли в него, как демоны.

И взяли татары новый город до обеда, и весь сожгли; князь же Всеволод с братом Мстиславом, и множество бояр и людей, и прочие князья, и все люди бежали в средний город.

А владыка Митрофан, и супруга великого князя Юрия, и с дочерью, и со снохами, и с внучатами, и с боярами, и с боярынями, и со многими людьми бежали в церковь; и причастились Святых Тайн Христа Бога нашего; и закрыли ворота церкви, и взошли в церкви на верхние ярусы и закрылись.

Татары же и этот город взяли, и стали искать князей и княгинь и узнали, что они в церкви. Боголюбивый же епископ Митрофан в это время встал и помолился в слезах такими словами: «Господь и Бог сил, Света Податель, сидящий на херувимах, Ты научил Иосифа, и укрепил Давида на Голиафа, и воскресил Лазаря Четверодневного из мертвых, протяни руку Твою невидимую и прими с миром души рабов Твоих».

Татары же выломали двери церковные и тех, которые были в церкви и сопротивлялись, убили.

И стали спрашивать о князьях и о княгинях и, узнав, что они на верхних ярусах, стали выманивать их и уговаривать, чтобы сошли все с верхних ярусов; они же не послушались татар.

Татары же много деревьев натаскали в церковь и вокруг церкви, и зажгли. Бывшие же в церкви с молитвой и благодарностью души свои отдали Господу, и в огне сгорели, и к числу мучеников присоединились.

А татары святую церковь разграбили и чудотворную икону самой Богородицы отодрали; и пошли оттуда на великого князя Юрия.

И некоторые татарские отряды пошли к Ростову, другие же к Ярославлю; и взяли его.

А другие татарские отряды пошли на Волгу и к Городцу, и те завоевали все земли по Волге до города Галича Мерьского.

А некоторые татары пошли к Переславлю; и тот город взяли, а людей порубили.

А оттуда татары все те земли с множеством городов завоевали: Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь, тут же и сына Ярослава убили; и до Торжка не было места, куда бы не пришли войной татары.

А в Ростовской и Суздальской земле взяли городов 14, не считая сел и деревень, за один месяц февраль.

И уже на исходе февраля месяца пришел вестник к великому князю Юрию Всеволодовичу, и к брату его Святославу Всеволодовичу, и к племянникам их: к Васильку Константиновичу, и к Всеволоду Константиновичу, и к Владимиру Константиновичу. И сообщил вестник, что татары город Владимир взяли, а епископа, и великую княгиню, и князей, и всех людей сожгли, а других убили; а старшего сына князя Юрия, Всеволода, с братьями убили татары вне города; и теперь к Юрию идут».

Юрий же, и брат его, и племянники, услышав это, вскричали с плачем громким; и была скорбь большая; и страх и трепет напал на всех. И сказал Юрий такое слово: «Господи Вседержителю, это ли угодно Твоему человеколюбию? Но знаю, что из-за грехов наших это все было. Воля Господня да будет. Буди имя Господне благословенно отныне и вовеки.

И зачем я живым остался один, без новых этих мучеников! Но дай мне, Господи, пострадать за имя Твое святое, и за христианскую веру, и за людей, и присоедини меня к новым этим мученикам». И ждал Юрий брата своего Ярослава, и не приходил тот.

И приказал Юрий воеводе своему Жирославу Михайловичу собирать войска, и укреплять людей, и готовиться к войне.

О убиении великого князя Юрия Всеволодовича Батыем

И послал Юрий человека храброго Дорофея Семеновича, и с ним три тысячи человек, разузнать о татарах; он же недалеко отошел, и снова возвратился с такими словами: «Господин князь, уже идут к нам татары».

Узнав об этом, князь Юрий сел на коня, с братом Святославом, и с племянниками своими: с Васильком, и с Всеволодом, и с Владимиром, и с людьми своими, и выступили они против язычников.

И стал князь великий Юрий Всеволодович полки строить; и тут внезапно вышли татары к реке Сить, навстречу князю Юрию; князь же Юрий, отложив всю печаль, двинулся к ним.

И сошлись оба войска, и было сражение большое и побоище жестокое; и лилась кровь, как вода; и по воле Божьей победили татары русских князей; и там убит был князь великий Юрий Всеволодович Владимирский; и многие воеводы его, и бояре, и воинство его перебито было.

А племянника его, князя Василька Константиновича Ростовского, взяли живым татары и вели его с собой до Шеренского леса; и расположились станами там.

И принуждали Василька долго проклятые безбожные татары принять языческий закон их и воевать на их стороне. Он же не признал установлений их и не хотел покоряться беззаконию их; еды же и питья их не

принял; но так им возражал: «О, темное царство и скверное, никак вам меня не отлучить от христианской веры. Хотя я и в большой весьма беде пребываю, но это мне дал Бог из-за грехов моих. Или вы думаете, что вас любит Бог, когда отдает нас в скверные ваши руки? Нет, Бог любит нас и дает нам жизнь вечную. Вы же, проклятые, какой ответ Богу дадите, погубив много душ неправедно? За это мучить вас будет Бог безконечно; и спасет же Господь души тех, которых вы погубили». Татары же скрипели на него зубами своими, желая напиться крови его; он же обливался слезами, вспоминая прежде сделанные грехи свои. Лицо же было у Василька скорбное от долгого мучения, которое он потерпел от язычников. И посмотрел он на небо и сказал: «Ты, Господи, знаешь все тайны сердца моего и все мои мысли, и так угодно было Твоему милосердию», и, дальше размышляя в сердце своем, тайно вздыхал, и молился, и говорил: «Господь Иисус Христос Вседержитель, прими дух мой, да и я упокоюсь в славе Твоей».

О гибели Василька Константиновича

И сказал это, и тут сразу жестоко убит был князь Василько Константинович; это злодейство произошло месяца марта в 4-й день, в четверг четвертой недели поста; Василько же присоединился к числу мучеников.

Пришел же из Белозерска блаженный епископ Кирилл, спасшись там от неприятеля; и пришел на место, где убили великого князя Юрия, и нашел тело его; и взял, и принес его в Ростов.

И пел епископ Кирилл над князем Юрием должные песнопения, и положил его в гроб в церкви Пресвятой Богородицы, с обильными слезами; головы же его не нашел среди множества тел мертвых.

Василька же после того, как убили его, бросили проклятые в лесу; увидела же одна женщина, любящая Бога, Мария, и сообщила мужу своему, также любящему Бога, Андриану Поповичу; он же взял тело Василька, и обернул полотном, и положил его в укромном месте.

Узнав же об этом, епископ Кирилл и княгиня Василькова послали людей взять тело его.

И когда понесли Василька в город Ростов, многое множество народа вышли к нему, жалостные слезы проливая, оставшись без такого утешения. Был же сильный плач народа православного, когда увидели, что ушел от них отец сирот, и кормилец, и несчастных большое утешение; омраченных звезда светящая зашла. Для всех в церкви открыто было сердце его; для всех церковнослужителей, и для нищих, и для несчастных был Василько как возлюбленный отец. Больше же всего о милостыне помнил слова Господа: «Блажени милостиви, яко ти помиловани будут». Соломон

же говорит: «Милостынею и верою очищаются греси»; поэтому не обманется надежда тех, кто просит у Бога: «Господи, спаси любящих Тебя».

Принесли же Василька и положили в церкви Пресвятой Богородицы, где и мать его лежит; и не было слышно песнопений из-за громкого плача. Был же этот Василько лицом красив, с ясными глазами и грозным взглядом, и сверх меры смел, сердце же имел незлобное. А кто ему служил, хлеб его ел, из чаши его пил, тот из-за его милостей никак не мог у другого князя быть, ни служить: ибо Василько с избытком слуг своих миловал. Мужество и ум у него были; правда же и истина с ним ходили; и был он искусен во всем.

Тогда же принесли и голову великого князя Юрия, и положили ее в гроб к телу его. И так закончилось, по воле Божьей, то, о чем вы узнали.

Другие же проклятые измаильтяне пошли к Торжку; и пришли, и осадили город, требуя дани.

И били татары из метательных орудий две недели; люди же измучались в городе; а из Новгорода не было им помощи; и уже некоторые были в смятении и в страхе.

И тогда язычники взяли город Торжок, и порубили всех, и мужчин, и женщин, и священников, и монахов; и, всего лишившись, поруганные, приняли русские страшную и мучительную смерть, и предали души свои Господу, марта в 5-й день, на Средокрестной неделе. Среди убитых были: Иванко, посадник Торжка, Яким Влункович, Глеб Борисович, Михаил Моисеевич.

Тогда же погнались безбожные из Торжка по Селигерскому пути до Игнача Креста; и всех людей порубили как траву; сто верст только до Новгорода не дошли, ибо сберег его Бог и Пресвятая Богородица.

Оттуда же пошел Батый, и пришел к городу Козельску; был же в Козельске князь молодой, звали его Василий.

Жители же Козельска условились не сдаваться Батыю; и говорили между собой: «Хоть князь наш молод, но отдадим жизнь свою за него; на этом свете славу получим, и на Том Свете небесные венцы от Христа Бога примем».

Татары же бились у города, и захватить его хотели; и разбили стены городские и взошли на вал.

Жители же Козельска тогда ножами резались с татарами, и, сговорившись, вышли из города к ним, и на полки их напали; и порубили метательные орудия татарские; и убили татар 4000; и сами убиты же были.

Батый же взял город Козельск, и убил всех, не пощадил даже грудных детей, сосущих молоко. А о князе Василии неизвестно; некоторые

говорили, что в крови утонул, поскольку он молод был. И больше татары не смели тот город назвать город Козельск, но звали его город Злой, поскольку бились у города того семь недель.

И убили у татар трех сыновей военачальников, великих князей Ордынских; и искали их татары; и не нашли среди множества тел мертвых.

Батый же, взяв Козельск, пошел в землю Половецкую.

В году 6746-м от Адама (1246 лето от Христа)

Пришел князь Ярослав Всеволодович, брат великого князя Юрия Всеволодовича, из Киева во Владимир, и стал великим князем; сохранил же его Господь Бог и Пречистая Богородица от татар, и с ним восемь сыновей его: Александра Невского, Андрея Суздальского, Константина, Афанасия, Даниила, Михаила, Ярослава Тверского, Василия; и брата его князя Святослава Всеволодовича, внука Юрия Долгорукого, с сыном его Дмитрием; и другого брата его Ивана Всеволодовича, внука Юрия Долгорукого; и племянника его князя Владимира Константиновича, внука Всеволода; и двух сыновей племянника его Василька Константиновича Ростовского: Бориса и Глеба; и сына племянника его князя Всеволода Константиновича Ростовского, Василия; и было всех князей, не убитых татарами, 15.

Ярослав же, сын великого князя Всеволода Юрьевича, возродил землю Суздальскую; и церкви очистил от тел мертвых, и кости их захоронил; и беженцев из других земель утешил; и людей много собрал; и была радость большая христианам, которых избавил Бог рукой Своей крепкой от безбожных татар.

Тогда же Ярослав дал брату своему Святославу Суздаль, а другому брату, Иоанну, дал Стародуб, и отпустил их каждого на своем месте княжить.

А в Ростове стал княжить Борис Василькович, внук Константина, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, преправнук Владимира Маномеха, пращур Всеволода, прапращур Ярослава, препрапращур великого Владимира; а брат князя Бориса, князь Глеб Василькович стал княжить в Белозерске. И было тот год весь тихо и мирно; и татары не приходили войной.

А после Ярослава стал великим князем в Киеве князь Михаил Черниговский, сын Всеволода Чермного.

В году 6747-м от Адама (1247 лето от Христа)

Послал князь великий Ярослав людей в Ростов; и повелел принести тело брата своего, князя Юрия Всеволодовича, во Владимир.

Когда же принесли тело Юрия во Владимир, встретили его Ярослав с братьями, и епископ Кирилл со всеми церковнослужителями, и весь народ от мала до велика; и не было слышно пения из-за сильного плача. И затем принесли тело в соборную церковь Пресвятой Богородицы, и положили его в гроб, проливая много слез; там же лежит и отец князя Юрия князь великий Всеволод.

В том же году женился князь Александр Ярославович Новгородский, взял у Полоцкого князя у Брячислава дочь и венчался в Торопце.

В том же году Ярослав пошел к Каменцу и город взял, а княгиню Михаила с множеством пленных привел к себе.

В том же году князь Александр Ярославович с новгородцами построил крепость на реке Шелони.

О Батые

В том же году Батый стал посылать войска на города русские.

Посланные же Батыем пришли и взяли город Переславль Русский, который в Киевской земле; и церковь Архангела Михаила разрушили; а епископа Симеона убили; и сосуды церковные золотые, и серебряные, и из дорогих камней взяли; и людей порубили, а некоторых в плен повели; а город сожгли.

В том же году Батый послал другое войско на Чернигов, и войско было большое.

Узнав же об этом, князь Мстислав Глебович, внук Святослава Олеговича, вышел на татар со многими войсками своими; и бились они мужественно, и жестокий был бой у Чернигова. И метательные орудия татары против князя Мстислава выставили; и метали в него камнями на полтора выстрела; а камень же могли лишь четыре человека сильные поднять. И побежден был Мстислав, и множество воинов его убито было.

И татары город взяли и сожгли в огне; а епископа оставили живым; и увели его в Глухов; и оттуда отпустили его.

В том же году князь великий Ярослав Всеволодович, внук Юрия Долгорукого, ходил на литовцев и победил их, жителей Смоленска защищая, а князя Литовского взял в плен.

Отдал же князь Ярослав распоряжения жителям Смоленска и сделал у них великим князем в Смоленске князя Всеволода Мстиславовича, внука Романа Мстиславовича, шурина же брата своего Константина Всеволодовича.

А сам князь Ярослав с большим почетом вернулся в свою землю.

Той же зимой взяли Батыевы татары Мордовскую землю, и Муром пожгли, и по реке Клязьме земли разоряли.

И город Пресвятой Богородицы, Гороховец, татары пожгли, и пошли в земли свои. Был же страх тогда и ужас по всей земле; и сами люди не знали, кто куда бежит, от страха.

В том же году освящена была церковь Святых Мучеников Бориса и Глеба в Кидекше епископом Кириллом Ростовским.

В том же году князь великий Ярослав Всеволодович ходил к Каменцу; и город взял; и с множеством пленных возвратился в свою землю.

В том же году приходили Батыевы татары в Рязанскую землю, и захватили ее всю.

В году 6748-м от Адама (1248 лето от Христа)

Послал царь Батый воеводу своего Менгукака посмотреть город Киев; он же пришел и встал на той стороне реки Днепра у города Песочна.

И увидел Менгукак город Киев, и удивился красоте его и величию, и сказал сам себе и приближенным, что были с ним: «Воистину дивное это место, и красота города этого, и величие; и если бы знали люди эти силу и решительность царя Батия, покорились бы ему, и не разорен был бы город этот и место это». Тогда же был великим князем в Киеве Михаил, сын Всеволода Черного.

И послал к Михаилу Менгукак послов со словами: «Если хочешь, чтобы город этот целым остался, иди и подчинишься, и поклонись царю нашему Батю; это я тебе как друг любезный советую».

Князь великий же Михаил Всеволодович послал послов к Менгукаку с такими словами: «Знаешь сам, Менгукак, князь десяти тысяч воинов, что у царя Батия своя вера, а у меня благочестивая Христова вера христианская. А поскольку веры наши враждуют, и я царю Батю не подчинюсь и не покорюсь. И с тобой какая у меня может дружба быть? Учит же меня апостол Павел и говорит так: "Не бывайте обещницы неверным. Кое бо причастие правде к беззаконию? Кое же общение свету со тьмою? И кое согласие Христови с диаволом? И кая часть верному с неверным? И кое сложение Церкви Божьей со идолами?"»

Менгукак же, эти слова услышав, разгневался весьма; и говорили ему приближенные его: «Неразумно тебе из-за этого гневаться; но пошли к Михаилу еще с обманом и, перехитрив его, как захочешь, казнишь».

Менгукак же послал к Михаилу послов своих с обманом и с такими словами: «Хочу тебе кое-что сказать; приходи ко мне сам». Михаил же послов его схватил и убил, а сам бежал из города Киева вслед за сыном

своим, опережая татар, к уграм; гнались же за ним татары, и не догнали его.

И много захватив, Менгукак пошел с множеством пленных к царю Батыю.

В том же году князь Ростислав Мстиславович Смоленский, внук Давида Смоленского, узнав о великом князе Михаиле Всеволодовиче, пришел и стал княжить в Киеве.

Даниил же Романович, внук Мстислава Изяславовича, пришел к князю Ростиславу и схватил его; а город Киев приказал Дмитру, тысяцкому своему, охранять и ополчаться против татар.

В том же году пришел царь Батый к городу Киеву, с множеством войска, и окружил город; и обступило город войско татарское; и было невозможно никому из города выйти, ни в город войти; и не было слышно говорящим в городе друг друга из-за скрипа телег, и из-за рева верблюдов, и из-за звуков труб и барабанов, и из-за ржания табунов конских, и из-за криков и возгласов множества бесчисленного людей; и была наполнена вся земля татарами.

Взяли же в плен тогда киевляне татарина, которого звали Таврул, и тот рассказал обо всех великих князьях, бывших с Батыем, и о войске его бесчисленном. А вот кто были братья Батыя, великие и сильные воеводы его: Урдюй, Байдар, Бирюй, Кайдар, Бечар, Менгай, Кайлуг, Куюк.

Этот же Куюк возвратился обратно; и видел он смерть хана; хан же был не из рода Батыева, но первым был и великим воеводой его; и оплакивал хана царь Батый, потому что любил его сильно. Другие же были воеводы его и великие князья: Бутар, Айдар, Килемет, Бурандай, Батырь, который захватил Болгарскую землю и Суздальскую; и других было многое множество бесчисленное воевод. Поставил же Батый метательных орудий много к городу Киеву, возле ворот Лядских, потому что там сходились рвы.

Из множества метательных орудий били татары без остановки днем и ночью; а горожане же татарам противостояли упорно; и было мертвых много; и лилась кровь, как вода.

И послал Батый в Киев к горожанам послов с такими словами: «Если покоритесь мне, помилую вас, если же будете сопротивляться, то много страданий примете и страшно погибнете». Горожане же нисколько не послушались его, но и ругали, и проклинали его.

Батый же разгневался весьма и повелел с большим натиском приступить к городу; и тогда, с помощью множества метательных орудий, татары пробили городские стены и вошли в город, а горожане навстречу им

устремились. И тут было видеть и слышать страшно, как ломаются копья и бьются щиты; и стрелы закрыли свет, так что не было видно неба из-за них, но была тьма от множества стрел татарских; и везде лежали мертвые, и везде текла кровь, как вода.

И много ран получил воевода Дмитр; и сильных воинов много погибло; и побеждены были горожане; и взошли татары на стены; и от сильной усталости остановились на стенах городских.

И наступила ночь, и горожане в эту ночь поставили еще одно укрепление вокруг церкви Пресвятой Богородицы.

На следующий же день напали на них татары; и было сражение жестокое; и закончились силы у людей; и побежали люди на церковные своды с имуществом своим; и от тяжести повалились стены церковные.

И взяли татары город Киев, месяца декабря в 6-й день, в день памяти святого Чудотворца Николы. Дмитра же воеводу привели к Батыю израненного, и не велел его Батый убивать из-за мужества его.

И начал Батый расспрашивать о князе Данииле, и сказали ему, что бежал он к уграм.

Батый же назначил в городе Киеве воеводу своего, а сам пошел к городу Владимиру на Волынь.

И пришел Батый к городу Колодязну; и поставил метательных орудий 12, и не мог с их помощью разбить стены городские.

И стал Батый обманывать людей; они же, послушавшись коварного совета его, сдались и тогда убиты были.

Оттуда же пришел к Каменцу, городу Изяслава; и бил из метательных орудий; и взял его.

И пошел к Кременцу, городу князя Даниила; и не смог взять его из-за укреплений; и отошел от него.

И пришел к городу Владимиру, и взял его; и убил всех, не пощадил ни одного человека.

И оттуда пошел к Галичу; и бил из метательных орудий; и взял его.

И оттуда пошел к Червенцу; и бил из метательных орудий; и взял его.

Да и зачем долго перечислять города один за другим! Многое множество неисчислимое русских городов взял Батый; и всех поработил; и воевод своих поставил.

Дмитр же, киевский тысяцкий князя Даниила, сказал Батыю: «Нельзя тебе задерживаться в земле этой долго; пора тебе уже идти на угров; если же задержишься, то земля их сильна, соберутся против тебя, и не пустят тебя в землю свою»; про это же Дмитр сказал Батыю, видя, что земля Руская гибнет от нечестивого.

Батый же послушался совета Дмитра и пошел на угров; короли же Велай и Коломан встретили Батыя у Соленой реки.

И был бой большой и сражение жестокое; и побеждены были угры; и убит был король Коломан.

Король же Велай бежал, сильно израненный; татары же гнались за ним до Дуная реки.

И находились там три года; и разоряли земли до Володавы, и по озерам.

И возвратились татары в землю свою, много зла сделав христианам земли Руской и уграм.

В том же году родилась у великого князя Ярослава Всеволодовича дочь Мария.

Русь (1248–1297 гг. от В.Х.).

Книга 6

О великом князе Александре Ярославовиче

Этот благоверный и благородный, Богом украшенный и достойный всяческих похвал великий князь Александр Ярославович был в восьмом поколении потомок самодержавного и равноапостольного царя, великого князя Владимира Святославовича, просветившего Рускую землю святым Крещением, потомок Рюрика же в одиннадцатом поколении. Он за добродетели свои много славы и похвалы получил не только от людей, но и от самого Бога. С малого же возраста, с юности своей всякому делу доброму научили его благочестивый его отец, Богом умудренный и наделенный властью Ярослав Всеволодович, и святая его мать, Бога возлюбившая великая княгиня Феодосия, которая получила имя в монашестве Евфросиния; они же воспитали Александра во всяком добром наставлении. И таким образом вселился в сердце его страх Божий и желание соблюдать заповеди Господни и исполнять их во всем. Всячески он почитал священников и монахов.

Во все же время юности своей Александр смиренномудрие всей душой хранил, воздерживаясь и бодрствуя, чистоту душевную и телесную соблюдал, и научился быть кротким и суетной славы избегал. И много прилагал усилий, чтобы есть умеренно, зная, что сытость целомудрие прогоняет, и бодрствованию мешает, и прочим добродетелям сопротивляется. На устах же его безпрестанно было Божественное Писание, бывшее для него слаще меда; читал же он его с усердием, и внимал ему, и стремился его и на деле исполнить. Родственники же его, видя, что он преуспевает в этих добродетелях, много пользы получали, и сами старались всячески угодить Богу, как и Александр во всем угождал Богу, и горел стремлением к Божественному и Небесному; и все, что у людей хорошим и почетным считается, для него было ничто. И ни одной добродетели душевной не показывал перед людьми, и всячески ухитрялся скрывать многие добрые дела свои, из-за премногого смиренномудрия.

Хотя и получил Александр от Бога честь царствовать на земле, и супругу имел, и детей нажил, но смиренномудрия было у него больше, чем у любого другого человека. Был же роста высокого весьма, красота же лица его была как у Иосифа Прекрасного, сила же его была как часть силы Самсоновой, голос же его был как труба в народе, храбрость же его была как у Римского царя Веспасиана, Неронова сына, который захватил всю землю Иудейскую. Тот Веспасиан поднял полки свои и повелел подойти к городу Иотапате; горожане же вышли и победили полки его; он же один вышел и возвратил вражеское войско к воротам городским, и дружине своей, усмехнувшись, сказал: «Почему оставили меня одного?» Также и этот великий князь Александр Ярославович побеждал везде, а его не побеждали никогда же.

Много же милости делал Александр, как и Богом хранимый отец его Ярослав, во всем следуя его примеру. Отдавал за пленников много золота и серебра, посылая к царю Батыю в Орду за пленными рускими людьми, которые были захвачены безбожными татарами; Александр же их выкупал и избавлял от тяжкого рабства и от многих бед и напастей.

Самого же Александра всегда Бог сохранял, и князь от всех врагов везде невредимым оставался. Больше же всего удивительна была милость Господа, совершавшаяся в нем. И был Александр всем врагам страшен и грозен, и повсюду имени его боялись. Мудрость же и быстрый ум даны были ему от Бога, как Соломону. Больше же всего любил справедливый суд, о котором и бояр своих часто поучал словами из Божественного Писания, чтобы прежде всего просили у Бога премудрости, и от пьянства воздерживались, и сами перед Богом смирялись бы; чтобы не забывали они справедливо судить, и не знали бы с сильными мира сего; и не брали бы вознаграждения несправедного; и никого бы не обижали, но избавляли бы обижаемых от рук обидчиков; и больше отведенного им ничего бы не брали, но довольны были бы определенной им платой. И так много раз Александр говорил, иногда устрашая их своей властью, иногда же о вечном воздаянии напоминая, которое на Страшном Суде Христове каждому за дела его будет. Бояре же и все люди, видя от Бога дарованную ему премудрость, ничего же не могли отвечать, но всей душой обещали делать так, как повелевал он им. И таким образом Александр дарованными ему Богом владениями мужественно и праведно, по Божьему закону, управлял.

И так слышно было о нем и во многих дальних странах; и многие стремились увидеть его.

И еще же тогда слышалось повсюду, что безбожный царь Батый, по Божьей воле, много зла сделал великой земле Руской, а где тогда этот Алек-

сандр блаженный с отцом своим Ярославом были, властвуя в Великом Новгороде, туда дойти язычникам помешала некая сила Божественная.

И не позволила татарам эта сила нисколько приблизиться не только к границам Великого Новгорода, но где бы и в другом месте ни случилось князьям Александру и Ярославу тогда пребывать войной против враждующих литовцев и немцев, и там везде, по Божьей воле, нисколько не нападали на них дикие эти татары.

О битве и о победе на Неве, о явлении святых мучеников Бориса и Глеба и ангельской помощи, и о шести храбрецах

Потом же пришли какие-то люди из западных стран, которые в писаниях Мефодия Патарского называются «слугами Божьими». От этих же людей пришел человек знаменитый по имени Андриаш, желая видеть мудрость, и мужество, и удивительный рост блаженного Александра Ярославовича, внука Всеволода, правнука Юрия Долгорукого, праправнука Владимира Маномеха, препраправнука Всеволода, пращура Ярослава, прапращура великого Владимира. Как некогда царица с юга пришла к Соломону, чтобы увидеть премудрость его, подобным образом и этот Андриаш пришел увидеть святого и великого князя Александра; и весьма удивился красоте лица его и чудесному росту. Больше же всего удивлялся Андриаш, когда увидел Богом дарованную Александру премудрость и неизменную разумность, и не знал, как выразить это, и в большом недоумении был.

Когда же Андриаш возвратился от Александра и пришел в свою землю, то стал о нем рассказывать с удивлением: «Бывал я во многих странах и у многих народов, и видел многих царей и князей, и нигде же равного по красоте и мужеству великому князю Александру не встречал, ни в царях царя, ни в князьях князя».

Эти же похвальные слова о мужестве и разуме блаженного Александра дошли до короля страны Римской, который правил в северной ее части; и исполнился он зависти и ненависти. И в гордости помыслил король, что время пришло; ибо знал он, что тогда со всех сторон Батый завоевал Русь. Король же со своей стороны надеялся оставшуюся Русь поглотить и в гордости своей говорил так: «Пойду и захвачу Великий Новгород, и прочие города, и всех людей славянских рабами себе сделаю, и самого великого князя Александра поражу или живым схвачу».

И собрал король людей много: магистров и епископов своих, и людей из разных земель: свеев, и мурманов, и сумь, и емь; и наполнил кораблей много полками своими, и двинулся с войском огромным. Воодушевленный духом воинственным, переплыл король море и перешел реку

Неву, в безумии своем желая захватить Ладогу, и Великий Новгород, и всю область Новгородскую до Валаама.

Преблагой же и премилостивый Человеколюбец Бог, по желанию Своему, сохранил и защитил людей своих от злого умысла иноплеменников; и напрасно трудились безумные, без Божьего повеления; и еще до их прихода пришла весть, что свеи идут к Ладоге.

И послал король послов своих к Александру Ярославовичу с такими словами: «Если можешь мне сопротивляться, то вот уже я пришел к тебе, и хочу пленить тебя; и будешь мне рабом, ты и сыновья твои».

Князь же Александр Ярославович услышал слова эти, и восстал в нем дух, и вошел Александр в церковь Святой Софии, и встал на колени перед святым алтарем, и молился со слезами Господу Богу и Пречистой Богородице, чтобы помогли ему, и затем сказал: «Ты, Господь Бог, повелевший не нарушать чужие границы никому же, будь судьей, Господь, и этому человеку, и запрети ему нарушать чужие границы». Затем Александр встал и пошел поклониться архиепископу Спиридону, и благословился у него, и вышел из церкви.

И укрепил Александр войско свое и сказал: «Не в силе Бог, но и в правде», и, сев на коня, пошел на неприятелей; и к отцу не успел весть послать, так как приблизились неприятели; но и новгородцы многие не успели собраться, поскольку Александр выступил против неприятелей скоро. Пришел же на них в воскресенье, месяца июля в 15-й день, в день памяти 630-ти святых отцов Халкидонского собора, и в день памяти святых мучеников Кирика и Улиты, и святого великого князя Владимира, крестившего всю Рускую землю, получившего в святом крещении имя Василия.

О Пелгусии ижорце

Был же среди воевод Александра один человек, старейшина в земле Ижорской, по имени Пелгусий, а в крещении Филипп. Ему же поручено было быть дозорным на море.

Была же у Пелгусия большая вера в святых мучеников Бориса и Глеба; а жил он среди родственников своих, бывших язычниками; а в среду и в пятницу ничего не ел и не пил; за это и сподобил его Бог видеть видение страшное, о котором кратко расскажем.

Этот же Пелгусий увидел войско неприятелей и пошел к князю Александру Ярославовичу, чтобы описать ему большое войско варяжское.

Встал же он на берегу моря сторожить перед боем пути и всю ночь не спал; и, когда стало восходить солнце, услышал он шум страшный на море. И увидел Пелгусий корабль один, шедший на веслах; посередине

же корабля стояли святые мученики Борис и Глеб в одеждах красных, и руки свои держали на плечах своих; гребцы же в корабле сидели, как бы туманом покрытые. И сказал Борис Глебу: «Брат Глеб, вели грести спешно, да поможем родственнику нашему великому князю Александру Ярославовичу». Видя же Пелгусий такое видение святых мучеников Бориса и Глеба и речь услышав такую, стоял в трепете и в ужасе сильном, пока корабль не ушел из глаз его на Валаам.

Потом же Пелгусий пошел скоро, и встретил его князь великий Александр Ярославович; Пелгусий же, увидев князя, обрадовался и поведал ему одному все, что видел и слышал. Князь же сказал ему: «Об этом не рассказывай никому же, брат, пока Господь не сделает, как Ему угодно».

И тогда, еще поспешнее устремившись, напал Александр на неприятелей в шестом часу дня; и была битва большая с римлянами; и убили новгородцы множество бесчисленное римлян; и самому королю князь Александр сделал шрам на лице острым своим мечом. Тогда же проявили себя в войске великого князя Александра Ярославовича 6 храбрецов, которые с ним рядом мужественно сражались.

Первому имя Гаврила Алексич; он увидел, как уводили королевича под охраной на корабль; и въехал Гаврила за ними на коне до самого корабля по доске, перекинутой на корабль; и неприятели вошли в корабль перед ним, а затем, обратившись, сбросили его с доски с конем в море. Гаврила же, по Божьей воле, оттуда выбрался невредимым и снова напал, и бился упорно с самим воеводой посреди войска вражеского; и там убит был воевода их Спиридон; и епископ их убит был там же.

Второго новгородца звали Сбыслав Якунович; он, нападая много раз, бился одним топором; и не было у него страха в сердце; и несчетно врагов от руки его пало; и удивлялись силе его и храбрости.

Третий же Яков Полочанин, ловчий был у князя; он напал на полк неприятельский с мечом и мужественно бился; и похвалил его князь.

Четвертого новгородца звали Миша; он же пеший с дружиной своей напал и погубил римлян 3 корабля.

Пятый же был из младшей дружины Александра, звали его Савва; он же пробился к большому шатру златоверхому королевскому и подрубил столп его; войска же великого князя Александра Ярославовича, увидев падение шатра, обрадовались.

Шестой был из слуг, звали его Ратмир; он бился пешим; и обступило его множество римлян; и тогда он погиб. Это же все известно стало от господина нашего князя Александра Ярославовича и от других, которые участвовали в то время в той битве.

Было же в то время чудо дивное, как в древние годы при Езекии царе, когда пришел Сennaхирим, царь Ассирийский, к Иерусалиму, желая захватить святой город; и внезапно вышел ангел Господний и убил из войска царя Ассирийского 185 000 человек, и, встав на следующий день, обнаружил Сennaхирим всех мертвыми. Также и при победе великого князя Александра Ярославовича, когда победил он короля. На том берегу реки Ижоры и не было прохода войску великого князя Александра; и там оказалось многое множество убитых ангелами Божьими, и обнаружили наши, что там лежало много тел мертвых убитых неприятелей. Оставшиеся же в живых бежали с позором; а трупов же мертвых своих набросали 3 корабля больших воевод и потопили с ними в озере Ладожском.

А прочим воинам неприятельским выкопали ямы и набросали в них бесчисленно мертвецов; а другие многие ранены были и в ту же ночь бежали.

Из новгородцев же там пали: Константин Луготинич, Юрята Пинящинич, Намест, Дручило, сын Нездилы Кожевника; а всех 20 человек пало, и с воинами ладожскими; или меньше, то Бог знает.

Великий же князь Александр Ярославович возвратился с великой победой, славя и благодаря Бога такими словами: «Благодарю Тя, Владыко преблагий, и славлю пресвятое Имя Твое; яко призвах Тя в день печали моея, и не оставил мя еси, раба Твоего, и от враг наших избавил ны еси; ти спяти быша и падоша, мы же востяхом и исправихомся; всех бо, тепле кающихся, милуеши; и всем, иже со страхом и любовью Тебе ищущим, близ обретаеши; и к Тебе единому зрящих не презираеши, но благодетельствуеши; и всем, от души к Твоей державе припадающим, вся, иже на пользу, прошения подаваеши; и славящих Тя прославляеши; Ты бо еси един благих Податель, и Тебе славу воссылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне, и присно, и во веки веком, аминь».

В том же году Батыевы татары победили угров и королевича Менуша живым взяли в плен и привели к Батыю, и множество воевод великих угорских привели.

В том же году убили татары Батыевы князя Мстислава Рыльского.

В том же году поссорились новгородцы с великим князем с Александром Ярославовичем; и был мятеж большой в Новгороде.

И ушел Александр к отцу своему, к великому князю Ярославу Всеволодовичу Владимирскому, с матерью своей, и с княгиней, и со всеми людьми своими.

В том же году взяли немцы: медвежане, юрьевцы, велиадцы, с князем с Ярославом Владимировичем, город Изборск.

И пришла весть в Псков, что захватили немцы Изборск.

И вышли к Изборску все псковичи и устроили битву с немцами упорную; и было сражение между ними большое; там же убили Гавриила Гориславовича, воеводу псковского; и победили немцы псковичей и многих, догоняя, убивали, а некоторых брали живыми; и прогнали немцы псковичей к Пскову.

И поселение вокруг крепости Пскова немцы сожгли полностью; и много вреда было: сгорели и церкви, и честные иконы, и все имущество церковное.

И много же сел немцы опустошили в окрестностях Пскова; стояли же у города неделю, но города не взяли.

И много же детей у хороших людей схватили немцы и увели в плен, и ушли прочь опять, и не заключили мира. Подговорили же немцы псковичей; изменником стал Твердило Иванович и некоторые другие.

Сам Твердило стал владеть Псковом с немцами, разоряя села новгородские.

А некоторые псковичи от притеснений немцев убежали в Новгород, с женами и с детьми.

В том же году, после возвращения и после победы великого князя Александра, той же зимой, снова пришли из западной страны войска немцев и чуди и напали на землю води, и завоевали всю, и дань на них возложили.

И построили немцы город в Копорье, в селе, на родине великого князя Александра.

Но не то бысть зло; взяли немцы и Тесово, и гнались за 30 верст до Новгорода, купцов побивая; а там и до Луги, и до Сабля.

И с большой добычей немцы возвратились в свою землю, а на некоторые города и дань возложили.

Тогда же новгородцы послали послов с прошением к великому князю Ярославу Всеволодовичу, прося сына у него к себе княжить; он же дал им сына своего князя Андрея; они же тогда попросили другого сына Ярослава, великого князя Александра; и не дал им.

Новгородцы же пошли в Новгород и сообщили все слова Ярослава, что не дал им великого князя Александра в Новгород княжить.

В том же году новгородцы, по обычаю своему, устроили собрание; и послали архиепископа Спиридона, с боярами, и с первыми людьми, опять к великому князю Ярославу Всеволодовичу с прошением, прося себе великого князя Александра Ярославовича.

Архиепископ же Спиридон, с теми боярами, и с людьми новгородскими, пришел к великому князю Ярославу Всеволодовичу во Владимир

от всего Новгорода с прошением, прося великого князя Александра Ярославовича в Новгород княжить. И во всем признавали вину свою люди новгородские и говорили, что несправедливо они подняли мятеж большой и поссорились с сыном Ярослава, с великим князем Александром; просили, чтобы за это на Великий Новгород князь Ярослав не гневался бы, а сына своего, князя Александра, опять отпустил в Новгород княжить».

Князь же Ярослав отпустил к ним сына своего князя Александра.

В том же году приходили литовцы и немцы войной в новгородскую землю и много зла сделали, и ушли.

В том же году Батыевы татары захватили болгар, волжских и камских.

В году 6750-м от Адама (1250 лето от Христа)

Пришел князь великий Александр Ярославович в Новгород, с ним же и архиепископ Спиридон, и бояре; новгородцы же встретили его крестным ходом в воротах города.

И приняли новгородцы князя Александра у себя княжить с большим почетом; и была радость большая в Новгороде. И вышел князь Александр вскоре, с новгородцами, и с ладожанами, и с карелами, и с ижорцами, к городу немецкому Копорье.

И разрушил князь Александр город до основания; а самих немцев убил.

А некоторых немцев князь Александр с собой привел в Новгород, а других отпустил в их землю немецкую, ибо был Александр милостив сверх меры.

А мятежников из племен води и чуди Александр перевешал, и пошел затем в Переславль, что на Клещине озере.

После победы же великого князя Александра Ярославовича, когда он победил короля, — в третьем году, в зимнее время было, — собрались немцы с этой стороны моря и пришли на Псков, и псковские войска побили, и наместников своих поставили в Пскове.

Узнав об этом, князь великий Александр очень опечалился, что пролилась кровь христианская, и не медлил нисколько, но восстал в нем дух и присущая ему преданность святой Троице и святой Софии.

И взял Александр с собой брата своего и всех воинов своих, и пришел к Новгороду; и поклонился святой Софии с мольбой и с плачем.

Побоище Ледовое

В году 6750-м от Адама (1250 лето от Христа) пошел князь великий Александр с братом своим Андреем, и с новгородцами, и с людьми из

Низовской земли, в Немецкую землю с войском большим, чтобы не хвалились немцы, говоря: «Покорим славянский народ себе, ибо уже взят город Псков, и управители наши поставлены в городе».

Великий же князь Александр перекрыл все пути к Пскову и ворвался в город, и захватил немцев и чудь, и управителей немецких заковал и заточил в Новгороде, и город Псков освободил из плена.

И в землю немецкую пошел князь Александр, и разорил ее, и пожог, и многих убил, а некоторых взял в плен.

Немцы же гордыми были и собрали к тому времени снова войско, говоря друг другу так: «Пойдем и победим князя Александра, и возьмем его живым».

И пошли немцы с войском своим, и, когда увидели их дозорные Александра, то ужаснулись и были в страхе сильном, видя многочисленное войско их; и сообщили князю Александру Ярославовичу. Он же, узнав об этом, опечалился, и пошел в церковь Святой Троицы, и молился с плачем и со слезами.

И пошел Александр в землю Немецкую, — была же тогда зима, — и, когда был в земле Немецкой, то распустил все войско свое отдельными отрядами.

И убили немцы, напав на их отряды, воевод Дамаша и Кербета, брата посадника, людей сильных и храбрых весьма; и других многих убили с ними, а других взяли живыми; а некоторые прибежали к великому князю Александру Ярославовичу; он же стал собираться.

Узнав об этом, магистр вышел навстречу новгородцам со всеми епископами своими, и со всем множеством народа немецкого и подвластных им народов, сколько было их на этой стороне моря, и с помощью от короля; и сошлись на озере, называемом Чудское.

Великий же князь Александр Ярославович, увидев их, отступил назад на озеро; немцы же и чудь пошли за ним; князь же великий поставил войска на озере Чудском в узком заливе у Вороньего камня.

И укрепил Александр всех силой крестной, и, подняв всех за собой, пошел на немцев. Потряслось же озеро Чудское, было же обоих войск множество большое. Отец же Александра великий князь Ярослав Всеволодович прислал ему на помощь брата Александра меньшего, князя Андрея, с множеством воинов своих; так что было у великого князя Александра множество храбрых воинов, как некогда у царя Давида были воины сильные и крепкие. И воины великого князя Александра исполнились духом воинским; были же сердца их, как у львов. И сказали воины: «О, князь наш почтенный и дорогой, теперь пришло время нам положить головы свои за тебя». Великий же князь Александр поднял руки свои к Небу и

сказал: «Суди, Боже, и рассуди спор мой; от народа горделивого помоги, Господи, как некогда Моисею помог одолеть Амалика, и предку моему князю Ярославу — окаянного Святополка».

Был же тогда день субботний, солнце всходило; и сошлись оба войска. Немцы же и чудь, выстроившись клином, пробились сквозь войска новгородские; и был там бой жестокий и большой с немцами и чудью; и воздух сотрясаясь от ломающихся копий, и стоял звон от бьющихся мечей; и озеро замерзшее дрогнуло; и не было видно льда, ибо залито было все кровью.

А это слышал я от очевидца; сказал он мне, что видел полки Божьи в воздухе, пришедшие на помощь великому князю Александру. И победил Александр с помощью силы Божьей, и святой Софии и святых мучеников Бориса и Глеба, ради которых наши и кровь свою проливали. И обратились неприятели в бегство, и рубили их, гонясь, будто по воздуху, и не было им, куда бежать; и били их семь верст по льду до Суболичского берега; и пало немцев 500, а чуди бесчисленное множество. А живыми взяли немцев 50 человек знатных людей, сильных воевод, и привели их в Новгород. А некоторые в воде утонули, а другие сильно изранены были, и убежали. Был же бой этот апреля в 5-й день, в день Похвалы Пресвятой Богородицы, в день памяти святого мученика Клавдиана. Здесь же прославил Бог великого князя Александра перед всеми войсками, как Исуса Навина у Иерихона. И вот говорили немцы: «Возьмем великого князя Александра живым», и сами же были отданы Богом Александру в руки его; и не нашлось противника Александру в бою никого же.

Возвратился же великий князь Александр со славной победой; было же много пленных с войском его; вели же их возле коней; звали пленных рыцарями. И когда приблизился великий князь Александр к городу Пскову, встретили его крестным ходом игумены и священники в праздничных одеждах; и народа множество перед городом славили Господа и великого князя Александра Ярославовича: «Господи, Ты помог кроткому Давиду победить иноплеменников, также и верному князю нашему; оружием крестным освободил Ты город Псков от инородных и от иноплеменников, руками великого князя Александра Ярославовича».

И стало имя славиться великого князя Александра Ярославовича во всех странах, от моря Варяжского и до моря Понтийского, и до моря Хупожского, и до страны Тивирейской, и до гор Араратских, и по ту сторону моря Варяжского, и до гор Аравитских; даже и до Рима великого распространилась слава о нем; узнали о нем тысячи и тысячи тысяч. Итак, пришел Александр к Новгороду с великой победой.

В том же году, месяца мая в 18-й день, на память святого мученика Александра, явилось знамение в Пскове, в монастыре Святого Иоанна:

от иконы Святого Спаса, над гробом великой княгини Ярослава Владимировича, которую убил собственный ее пасынок в городе Медвежьей Голове, текло миро из иконы 12 дней; и набралось 4 лампады, каждая объемом со склянку.

Псковичи же посоветовались и послали в Новгород к архиепископу и к новгородцам на благословение две лампады, и в Пскове оставили себе две.

О, воистину чудо предивно! Како от суха древа, яко от источника, миро истекая! Но Господи, слава Тебе, давый нам, недостойным рабом Своим, таковое благословение. И на Тя уповаем, Господи Вседержителю, яко призираеши на нас, убогих, Своею милостию, Человеколюбче.

О преподобном Варлааме Хутынском чудотворце

В том же году преставился преподобный и многими добродетелями наделенный великий чудотворец Варлаам, игумен Хутынский, которого в миру звали Алекса Михайлович. Святую жизнь он провел и сполна угодил Богу, к Которому, радуясь, отошел в Вечное Блаженство. Варлаама же славно прославил Господь дивной памятью и неисчислимыми чудесами. Довольно же о нем сведений в праздничной службе ему.

В том же году прислали немцы послов с поклоном в Новгород, со словами: «Что мы взяли копьем и мечем: Псков, Ветлугу, Латыгоду, и мы от того всего отказываемся; а что взяли в плен людей ваших, теми поменяемся: мы ваших отпустим, а вы наших отпустите; и псковичей пленных отпустим». И тогда заключили мир, и пленных всех отпустили обе стороны.

В том же году стали литовцы разорять новгородские области; Александр же пошел и победил одним своим войском семь вражеских войск; и множество литовцев убил.

А которых литовцев взяли в плен, тех привязали к хвостам коней их и, потешаясь, вели их с собой; и с того времени стали опасаться имени князя Александра.

В том же году пошел князь великий Ярослав Всеволодович в Орду к царю Батыю, а сына своего Константина послал к хану.

Батый же принял Ярослава с почетом и отпустил, сделав его старшим во всем русском народе; и пришел Ярослав с великой честью в землю свою.

В году 6752-м от Адама (1252 лето от Христа)

Князь Владимир Константинович Угличский, внук Всеволода, правнук Юрия Долгорукого, праправнук Владимира Маномеха, препраправнук Всеволода, пращур Ярослава, прапращур великого Владимира; и

племянник его, князь Борис Василькович Ростовский; и другой племянник его, князь Василий Всеволодович, пошли в Орду к царю Батюю просить место, доставшееся им от отца их; Батый же, подумав, дал им это место, и отпустил их с почетом.

В том же году преставилась великая княгини Ярослава Всеволодовича Феодосия в Новгороде, и положили ее в Юрьеве монастыре; а в монашестве получила имя Ефросиния, поскольку тогда давали имена не с первого слова, но в который день принимали монашество, по тому дню и имя давали, или потом в тот же день.

В году 6753-м от Адама (1253 лето от Христа)

Князь Константин Ярославович, внук Всеволода, правнук Юрия Долгорукого, праправнук Владимира Маномеха, пришел из Орды Батыевой от сыновей хана во Владимир к отцу своему Ярославу Всеволодовичу с почетом.

В том же году завоевали литовцы Торжок и области Бежецка, и пошел за ними в погоню князь Ярослав Владимирович с воинами из Торжка; и был бой, и победили литовцы, и многих убили, и коней забрали, и пошли в свою землю. И тогда Тверской воевода погнался за ними, Явдей и Кербет, с воинами из Твери и из Дмитрова, и князь Ярослав Владимирович с воинами из Торжка; и был бой большой под Торопцом, и бились весь день, и одолели литовцы, и бежали князя в Торопец.

Той же ночью пришел к ним на помощь князь Александр Ярославович с новгородцами, и была радость большая, и, обнимаясь, приветствовали друг друга; и утром вышли, ополчившись против литовцев; и была битва большая и побоище жестокое, и победили литовцев, и отняли у них добычу всю, а князя литовского зарубили.

Новгородцы же оттуда возвратились; и погнался за литовцами князь Александр с людьми своими и разбил их под городом Жижищем; и мало было тех, кто убежал.

И князь Александр сына своего взял из Витебска и пошел к Новгороду; и встретил еще одно войско, и не испугался против них выступить, и устроил с ними битву большую, и с Божьей помощью и Пречистой Богородицы одолел неприятелей, и пришел с радостью в свою землю.

В том же году князь великий Ярослав Всеволодович, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Маномеха, с братьями своими, и с племянником своим, князем Владимиром Константиновичем, и с сыновьями племянника его Василька Ростовского, Борисом и Глебом, и с сыном племянника его Всеволода, Василием Всеволодовичем, внуком Констан-

тина, правнуком Всеволода, праправнуком Юрия Долгорукого, преправнуком Владимира Маномеха, пошел в Орду к царю Батыю.

В году 6754-м от Адама (1254 лето от Христа)

Князь Святослав Всеволодович и князь Иван Всеволодович, внуки Юрия Долгорукого, правнуки Владимира Маномеха, и с сыновьями своими, пришли от татар в землю, доставшуюся им от отца их.

А великого князя Ярослава Всеволодовича послал царь Батый к сыновьям хана.

В том же году убит был князь Михаил Всеволодович Черниговский, внук Святослава Олеговича, проклятым царем Батыем в Орде, и с ним боярин его Феодор. Бог позволил этому быть на Руской земле из-за умножения грехов наших. Как во времена

Ноя и во времена Лота наказание Божье на землю пришло, также и в эти времена послал Бог наказание рукой Своей на землю христианскую. Пророчествовали же древние пророки, как сказано: «Аще ли хотите, послушаете Мене, благая земная снесете; аще ли не хотите, не послушаете Мене, оружие вы поясть». И когда это все сбылось, явился гнев Божий на всех, живущих на земле. Сказано: «Аще хотите да поживете в правде; аще ли не хотите не послушаете то един вас поженет 1000, а два двинета тму». И вот пришел гнев Божий, и были народы посланы неверные на землю, разрушали города и побеждали в войнах. Некоторые же затворялись в городах, а нечестивый царь Батый многие города взял и много крови пролил; и ушел в степь, в землю Половецкую.

В предыдущем же году перед собой послал татар своих; они же взяли прочие города русские: Переславль, и Чернигов, и Мордву, и Муром, и Гороховец, город с соборной церковью Владимирской Пресвятой Богородицы.

Менгукака же, воеводу своего, послал Батый посмотреть город Киев; увидел же Менгукак город Киев и удивился красоте его и величию.

В городе же Киеве тогда княжил исповедник Христов, блаженный и великий князь Михаил Черниговский, сын Всеволода, внук Святослава, правнук Олега, праправнук Святослава, Ярослава, Владимира, крестившего землю Рускую. Этот блаженный и великий князь Михаил с юных лет Бога возлюбил и Пречистую Его Матерь, и ум свой к Богу возвысил; был кротким и милостивым к убогим; и от всех вещей пустых мира этого отказался, от богатства и славы суетной, которая хуже паутины. И готов же был Михаил за Христову веру на подвиги вплоть до страданий, чтобы непорочно сберечь веру и исповедание чистым сохранить; что и сбылось.

К Михаилу же пришли в Киев от безбожного царя Батыя лживые послы; он же догадался о коварстве их и велел убить их.

Сам же князь великий Михаил убежал к уграм, и с домашними своими, и был там изгнанником в земле чужой, как Авраам, или Иаков. Другие же киевляне бежали в дальние страны, некоторые скрывались в пещерах земных, а некоторые закрылись в городе и там со слезами и покаянием Богу молились.

Безбожный же Батый пришел сам к городу Киеву и битву большую устроил, и город Киев захватил месяца декабря в 6-й день; и оставшихся в городе не помиловал и убил; в Киеве же Дмитра тысяцкого раненого живым взял; а тех, что скрывались в пещерах, и в горах, и в лесах, мало их осталось.

И пошел Батый в землю Волынскую и там захватил города: Каменец, и Владимир, и Галич. Тысяцкий же Дмитр, видел, что гибнет земля Руская от нечестивых, и из-за этого от жалости мучился, и сказал Батыю: «Нельзя тебе, царь, оставаться в Руской земле, ибо сильна земля: могут собраться на тебя, и не сможешь уйти отсюда; пора тебе к уграм идти». Это же он говорил, не Батыю добра желая, но земле Руской помощь оказывая.

Батый же послушал совета его и пошел к уграм. Короли же Велай и Коломан вышли навстречу ему.

Было же сражение большое, и бежали угры, и гнали их татары до реки Дуная.

Тогда же пробыл там Батый три года и дошел с войной до Володавы.

Возвратились же язычники в землю свою, многие страны захватив, и многие христиане ими жестоко убиты были.

Оставшихся же в русских городах православных христиан татары пересчитали и с них дань получали.

Узнал же об этом великий князь Михаил и тогда из Угорской земли возвратился со всеми людьми своими в Киев; а которые наши разбежались в чужие страны, те пришли обратно в землю свою.

Татары же стали заставлять князей ездить к Батыю и к хану, говоря им: «Не должно вам жить на земле Батыя и хана, и не поклониться им». И многие поехали и поклонились Батыю.

Тогда же нечестивый Батый, после жестокого разорения земли Руской, еще захотел и души благочестивые завоевать, и Пречистую Церковь осквернить, и святую Веру православную исказить; а свою скверную веру, оставшуюся головню персидской лжи, захотел распространить на Руси. А чтобы поставить своих правителей-тиранов людей мучить, того

не смел Батый, поскольку большое было и многолюдное царство Руской земли. И тогда, боясь, чтобы самому в чем-либо не пострадать, иную придумал хитрость этот пронырливый и коварнейший правитель-тиран, и с обманом к людям Божьим подошел, чтобы свое богомерзкое дело осуществить. И такой закон безбожный дал Батый для всех великих князей, правителей городов и людей, их замещающих: которые из них желают иметь свои права и области, тем повелел он ходить в Орду, чтобы каждый из рук его власть принимал и в покорности и рабстве у чужеземцев занимал место свое. От такого коварного замысла благочестивые никакого покоя, ни послабления не имели, и все в Орду ходили.

Богомерзкий же Батый не стал явно заставлять их и Христа отвергаться им не повелел, но либо сетями обмана, либо силой власти к своему злему замыслу склонить их пытался. И назначил Батый жрецов языческих, чтобы они приезжавших князей вводили к нему; введение же очень коварно, со злым умыслом придумал: огонь некий, не как настоящий, но волшебством повелел произвести; и никого из русских князей не велел к себе на прием приводить, пока они сквозь огонь не пройдут и не поклонятся солнцу, и огню, и кусту, и долинам татарским. И что приносили князья с собой царю в дар, от того всего брали жрецы языческие часть и кидали в огонь. А потом самих князей, и с дарами, вводили к царю.

Благочестивые же наши князья не понимали, что людям, действительно Бога чтущим, не должно это делать; и таким образом многие, и с боярами своими, коварное повеление нечестивых исполняли, и каждый то, что просил у Батыя, получал. И думали князья, что этим они облегчают мучение от чужеземцев, если не будет в каждом христианском городе чужеземец начальником. О, глупые сомнения и непозволительная покорность князей наших! О, дьявольская воля губящей души хитрости! О, пронырливый, злой и коварный замысел мучителя! Князей отступниками захотел сделать и таким образом надеялся без труда и с Церковью справиться и Христианство на Руси извести. Однако безумный напрасно поучается вещам суетным, ибо Христос есть Жених Церкви, которую и самые адовы врата не одолеют; а ныне ей поборника крепкого подал Господь, этого светлого Михаила, великого князя. Был он у Бога, как стрела лучшая в колчане, которой Бог врага подстрелил и умертвил, и показал суету хитрости его.

Известно же стало по всей земле, что сделал Батый русским князьям; эта же весть дошла и до самого великого князя Михаила. Он же один в Орду идти тогда не захотел, но ушел из Киева и на своем независимом отеческом престоле в Чернигове стал княжить. Сердце же его больше всего о Боге печалилось, негодуя о беззаконии нечестивого царя. Болел князь, как и подобает, душой и измучился весь, и душу свою, скорбя о

братьях, истерзал, и весь в слезах был, ибо знал Михаил, что понапрасну от Христа Бога пострадают они из-за того, что, не понимая, покоряются нечестивому повелению безбожного мучителя. Размышлял Михаил, что и другие, еще более страшные гонения на церковь и на Христову веру устроит Батый, ибо никто не сопротивляется ему и не отказывается от злого коварства его. И из-за этого не мог вынести долго Михаил, чтобы плохая слава эта разносилась. И тогда послал Бог Михаилу благодать и дар Святого Своего Духа, а Михаил мужеством душу свою вооружил и добросовестно готовился храбрость показать, и бороться за Церковь Божию, и застрелить самого дьявола, и срубить голову невидимому змею, а безбожное безумие мучителя и нечестивое повеление его обличить и отменить. Хотел же Михаил спасти тех, кто еще не участвовал в исполнении этого вредного и хитроумного повеления; пойманные же души хотел вернуть к благочестию; хотел же, наконец, и свою душу за людей Божьих положить и умереть за благочестие. И тотчас воодушевился Михаил и, ревность пророков восприняв, ревнуя поревновал, как сказано, о Господе Вседержителе, потому что оставили Его сыны человеческие.

В такой о Боге ревности получил Михаил мудрого сообщника, поистине достойного себе в мудрости; должностью он был советник; звали его Феодор. Был он блаженным и великодушным человеком, очень умным и сосредоточенным, борцом за правду и веру, так что никто другой не был так единоклубен с дивным своим князем в его желании за Отеческий Закон пострадать. И таким образом светлая эта двоица, великий князь Михаил и советник Феодор, единоклубно решили поменять временное на вечное.

И сразу пришли к Святой, Соборной и Апостольской Церкви, и у духовного своего отца молитв и благословения просили; и ему рассказали, что приготовились идти в Орду к нечестивому царю Батюю и обличить обман его, которым обманывает христиан. Божий же служитель, отец их духовный Иван, услышав эти слова, удивился и с трудом поверил смелости их, и сказал им: «О, дети церкви, если хотите идти, то опасайтесь, чтобы не соблазниться, как некоторые, которые пошли, но соблазнились славой этого мира и исполнили волю язычников: прошли сквозь огонь и поклонились кусту и солнцу, и погубили души свои. Вы же, дети, князь Михаил и доблестный Феодор, если хотите, идите с миром. Только того не делайте, что они делали. Когда же придете в землю язычников, еду и питье их не принимайте в уста ваши, потому что это все осквернено. И сквозь огонь не идите и не кланяйтесь лживым их богам, ибо один есть Бог, Господь наш Иисус Христос». Великий же князь Михаил и советник его Феодор сказали: «О, честной отец, как Господу угодно, пусть так и будет. Мы же стремимся за Христа и за носящих имя Его без сомнения по-

страдать и кровь свою пролить; и тела наши да будут жертвой благоприyatной Богу». Христов же служитель это выслушал, и слова их с радостью воспринял, также и вере их подивился, и сказал им: «Благословен Бог, даровавший Вам такое стремление о имени Его дерзать, и Он да пошлет вам благодать Святого Духа, и да укрепит вас Бог нечестивое повеление обличить и отменить, верных же в благочестии укрепить и непоколебимыми сделать. Когда же такой путь свой совершите, то великими у Бога будете, и большое блаженство и славу от Него получите на Небе и на земле; и с прежними святыми мучениками предстоять будете; в нынешнем же этом поколении будете зваться новоявленными Христовыми мучениками». Поучил же их Иван из Святого Евангелия и из других книг и тогда благословил их на подвиг. Спутником же дал им Святое Причастие Пречистой Плоти и Животворящей Крови Христа Бога нашего. Когда же они причастились, то отпущены были священником Иваном два доблестных воина воевать и отбить вражеское нападение на Святую Церковь. И зашли святые в дома свои, и необходимое им в пути из имущества своего взяли, и мирно своим домашним сказали: «Господь да будет с вами», и тогда в путь отправились. По своей воле на подвиг они устремились, каждый про себя размышляя: «Яко желает елень на источники водные, сие желает душа моя к тебе, Боже. Возжада душа моя к Богу крепкому и живому, когда приду и явлюся Тебе». И устремились, как лев на оленя, и ястребы на воробьев.

И многие земли прошли они; и в Орде появилась двоица эта дивная, и о них сообщили нечестивому царю Батыю, и сказали: «Пришел поклониться тебе великий князь Михаил Черниговский». Не без причины же Черниговский призывался. Когда же коварный Батый видел, что обманом своим светлейшие души благочестивых омрачает и страхом окружает, то о том, что сбывается замысел его, радовался, безумный. И тогда по Божьему необъяснимому промыслу явился этот от Бога светлый и великий князь Михаил, как последняя, погребенная под пеплом, малая искра Божьего разума. Великий же он огонь православной веры зажег, который всех верных просветил, и помрачил бесстыдные татарские лица, и безбожное их повеление затмил, и нечестие их пожег.

Беззаконный же Батый призвал к себе своих жрецов, умеющих делать чары, и повелел им сделать так, чтобы великий князь Михаил проведен был ими сквозь огонь, и поклонился бы кусту и солнцу, и пришел бы к нему с почетом.

Жрецы же пришли к князю Михаилу и сказали ему: «Царь Батый зовет тебя».

Михаил же взял с собой единогодушного с ним боярина Феодора и пошел с ними; и дошел до места, где был огонь разведен с обеих сторон, и

многие язычники шли сквозь огонь и кланялись солнцу и огню. Таким же образом жрецы хотели провести и великого князя Михаила и Феодора, боярина его. Великий же князь Михаил сказал: «Недостойно христианам сквозь огонь проходить и кланяться твари, а не Творцу; поклоняемся же Святой Троице, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Единому Богу, Творцу Небу и земли». Потом сказал Михаил боярину своему Феодору: «Лучше нам не кланяться тому, чему эти скверные кланяются». Этим ответом доблестный Михаил бесстыдного мучителя в лицо посрамил и повеление его поправил, а с ним и над самим дьяволом посмеялся; и язычников нечестивых законы в ничто обратились.

И тогда жрецы, осмеянные, со стыдом возвратились к царю и сообщили ему: «Великий князь Михаил Русский повеления твоего не слушает, сквозь огонь не идет и богам твоим не кланяется; а говорит, что недостойно христианам проходить сквозь огонь и кланяться твари, и солнцу, и идолам; должно же кланяться Сотворившему все, Отцу, и Сыну, и Святому Духу». Услышав это, царь ярости преисполнился, и недоумением был охвачен, и руку на уста свои положил, и стыдился, понимая свое поражение, проклятый, что ни дарованием права княжить, ни хитростью волшебства не смог благочестивого разума Михаила изменить. Тогда другое коварство замыслил, не понимая суетным своим умом, что этим коварством себе большее обличение сделает, а подвижнику еще больше светлости прибавит.

И выбрал Батый из приближенных к себе знатных людей одного человека, — должностью он был стольник, звали его Елдега, — и послал его, чтобы ласками убедил блаженного подчиниться Батыю, если же нет, то и угрозами. Повелел же Батый Елдеге убеждать Михаила такими словами: «Почему повеление мое нарушил и богам моим не поклонился?

Вот теперь два пути перед тобой; выбери, какой хочешь. Если повеление мое исполнишь и пройдешь сквозь огонь, и поклонись богам моим: кусту, и солнцу, и идолам, то живым будешь, и великому княжеству своему господином будешь, и во всей Руской земле прославлю тебя. Если же не послушаешься меня, и богам моим не поклонись, то страшной смертью умрешь».

Тогда пошел Елдега и все слова царские передал Михаилу. Великий же князь Михаил нисколько же не испугался ярости мучителя, но со смелостью так говорил: «Тебе, поскольку ты являешься царем, поклониться и честь воздать должно, поскольку вручено тебе царство Богом и по воле Божьей ты и наше царство Руское сокрушил; так что следует мне почитать тебя. А чтобы от Христа отречься и богам вашим поклониться, такого не будет; потому что это не боги, но создания. О таких пророк говорит: «Бози, иже не сотвориша небеси и земли, да погибнут». Что может быть

безумнее — оставить Творца и поклониться твари, нам, людям, в услужение данной! Тварь почитать богом — оскорбление большое Божеству. Учит же меня апостол Павел и говорит так: «Не бывайте обещницы неверным. Кое бо причастие правде к беззаконию? Кое же общение свету со тьмою? И кое согласие Христови с диаволом? И кая часть верному с неверным? И кое сложение Церкви Божьей со идолами?» И как мне оставить Бога Живого и поклониться твари?» Елдега же сказал: «Если ты солнце тварью называешь, то ошибаешься. Скажи мне, кто поднимется на такую безмерную высоту, чтобы создать такое светило большое, которое бы освещало всю вселенную?»

Ему же князь Михаил сказал: «Если хочешь послушать меня, то я скажу тебе, Кто создал это. Бог, безначальный и невидимый, и Его Сын едиnorodный и Господь наш Иисус Христос, Который также не создан, и также ни начала, ни конца не имеет, также и Дух Святой — это Трисоставное Божество, существом же Один Бог; Он и сотворил небо и землю, солнце и луну, которым вы поклоняетесь, море и сушу, и человека самого первого Адама, которому все это в услужение дано было. Заповедано же было и узаконено, чтобы люди не поклонялись ничему сотворенному, что на земле внизу и на небе вверху, но одному Богу, это сотворившему, поклонялись. А то, что обещает мне царь право княжить и славу мира этого, то и сам царь не вечен и временное обещает мне царство, которое мне не нужно. Бог мой, в которого я верю, может мне Царство Вечное дать, которое не закончится никогда». Елдега же сказал: «Если в этом убеждении останешься и царское повеление не исполнишь, то умрешь». Блаженный же князь Михаил сказал: «Ничто для меня смерть эта, только радость и вечное с Богом пребывание. И что много говорить! Я — Христианин, и Творца Неба и земли исповедую, и в Него без сомнения верую, и умру за Него с радостью».

Такое слово святой произнес, и это слово, как копье, врагу утробу пронзило, и безумный закон чужеземцев для князей христианских отменило, и самую Церковь утвердило. Это слово церковного воина и победителя двойную победу над мучителем ему принесло, поскольку Михаил и перед угрозами не склонился, и перед ласками не отступил. Тогда и дьявол двойные и еще более крепкие сети святому расставить поспешил: не только направил на него гнев мучителя и чужеземцев бурю поднял, но больше, чем от врагов, от своих соплеменников горчайшее смущение сделал.

Не только же посланные Батыем досаждали святому, но и князи русские многие, которые с ним были, обступили его, мучаясь душой и жалея о происходящем, и, не желая несправедливого убийства, упрашивали его с ласками, напоминая ему жены любовь, и ласки детей, и красоту мира это-

го, и возможности богатства, и радость жизни. Один же из тех ласкателей был князь Борис, к которому тогда власть в Ростове перешла. И не смог он идти следом за отцом своим, святым, доблестным победителем, мучеником и исповедником князем Василием, которого звали Васильком, сыном Константина, которого незадолго до этого тот же безбожный царь Батый мучил и умертвил за исповедание Христа. И таким образом князь Борис, и с прочими властителями, нанесли вред душе светлого же Михаила, плохой совет ему давали, чтобы исполнил он волю царя, только бы избежать гнева его. Бояре же Бориса Васильковича говорили великому князю Михаилу: «Когда с миром вернешься в свою землю, тогда вся земля твоя и мы грех этот возьмем на себя, так что Бог с тебя не спросит, ибо знает, что не по своей воле ты это сделал. А ты, таким способом перехитрив царя, много хорошего и полезного сделаешь для земли своей и для всех нас». Доблестный страдалец же сети, которые дьявол из уст неразумных друзей протягивал, как паутину, разрывал, надеясь на Воскресение, что вместо смерти Жизнь с Христом получит; и против тленной красоты — Небесного Царствия красоту приводил, а против богатства погибающего — сокровища нетленные; и вместо увядающей славы — Божественную славу вспоминал, а вместо сладости жизни — безсмертной Жизни наслаждение; и вместо временного о Неизменном напоминал, и обманывающихся к познанию согрешений их приводил; некоторым же ласкателям молчанием отвечал. Умный же советник Феодор, полный Духа Святого, светлого Михаила из силы в силу возводил, чтобы не внимал он советам ласкателей и непоколебимо Веру сохранял. И напоминал Михаилу Феодор Евангельские слова, которые они слышали от духовного их отца: «Иже хочет, сказано, душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу Мене ради и Евангелия Моего, той спасет ю. И каая польза человеку, аще и весь мир приобрящет, а душу свою отщетит? И что даст человек измену на души своей, иже бо постыдится Мене и Моих словес в роде сем? Иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, Иже есть на Небесех. А иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, Иже на Небесех».

Святой же князь Михаил это с радостью выслушал и сам непреклонно и незыблемо в благочестии стоял, и премудрости Феодора удивлялся, что такую большую смелость и любовь имел Феодор к Богу, что мог не только сам оставаться твердым, но и господина своего на более высокий подвиг укрепить. Князь же Борис Василькович просил блаженного великого князя Михаила, чтобы послушался он ласкателей и исполнил повеление царя. Великий же князь Михаил сказал им: «Не послушаю вас и душу свою не погублю». Затем снял он с себя накидку свою и бросил к ним со словами: «Возьмите славу света сего, а я не хочу». Елдега же

все это слышал, и как сам он не смог уговорить Михаила ни лаской, ни угрозой смерти, так не внимал Михаил и своих соплеменников слезам и просьбам, чтобы исполнил он повеление царя; но в одной мысли Михаил оставался.

Тогда поехал Елдега к царю сообщить, что сказал ему великий князь Михаил; находившиеся же при этом множество христиан и язычников слышали слова эти, которые передал в ответ великий князь Михаил царю. Тогда блаженный этот князь Михаил и боярин его Феодор стали отпевать себя, а после отпевания приняли Причастие, которое дал им отец их духовный и благословил их на то, чтобы пострадать за Христа.

И пришел Елдега и рассказал царю все, что сказал ему святой; и еще сказал: «Не только не хочет поклониться богам нашим, но и смеется над всеми, кто в них верит. Много же и другого говорит, что не подобает повторить величеству твоему». Эти же слова разъярили царя так, что он был, как взбесившийся; и как будто некое пламя огненное огромное поднялось, которое сила некая снизу раздувала; и сразу весьма громко вскричал к предстоящим перед ним людям, и святого палачам повелел отдать.

Когда же услышали этот ответ, сразу же язычники устремились единомысленно на мученика, и прежде всего княжеский пояс отнять хотели у Михаила. Внук же его князь Борис Василькович Ростовский все также непрестанно, с прочими, просил великого князя Михаила, чтобы он исполнил повеление царя. Михаил же отказался и сказал: «Не хочу на словах носить имя Христианина, а дела совершать языческие». Затем сказал: «Дитя мое Борис, христианам следует верой и делами почитать Господа Бога. Ибо вера без дел мертва, по слову апостола. А в другом месте пророческими устами о таких говорит Господь: "Сии людие усты чтут Мя, сердце же далече отстоит от Мене. Все же чтут Мя"». Сказал же ему внук его Борис: «Ты же для нас всех на земле наставник и утешитель». Сказал Михаил: «Земное же это ничто: и мимо проходит, и скоро исчезает, и как сон, и как дым. Небесное же это благо, существует вечно и бесконечно». И говорили ему бывшие с ним: «Князь Михаил, идут посланные царем убить вас; поклонитесь и исполните повеление царя и живыми останетесь». Великий же князь Михаил и боярин его Феодор как бы одними устами ответили: «Не поклонимся и не слушаем вас, и славы мира этого не хотим». И увидели, что к ним убийцы идут, и начали себя отпевать: «Мученики мы Твои, Господь; не отказались от Тебя, не отступили от заповедей Твоих; и также страдаем за Тебя, Христос, и многие муки терпим, как и прочие мученики».

И пришли к месту этому беспощадные те убийцы, яростные, как звери, и неистовые; взяли святого за руки и за ноги и, растянув, беспощадно

били его по всему телу, так что и сама земля там от крови стала красной. И его долго избивали без милости, мученик же терпел, как будто кто-то другой страдал; и на насмешки ничего же не отвечал. И можно было видеть странное зрелище и благоговения достойное: того, которому множество воинов со страхом подчинялись, и которого же целые страны боялись, к нему скверные руки прикасались беспощадно. Что же мученик, разве застонал или какой-нибудь звук издал, как обычно страдающие? Нет, ничего. Ибо по своей воле мучился, проще сказать, сам того хотел, и с радостью случившееся принимал. И таким образом казалось смотрящим, что кто-то другой страдает, и видели, что ясное лицо у него. Михаил ясно же благодарность Владыке и Господу возносил, и отчетливо возгласил: «Да не будет никогда, чтобы человек, будучи Христианином, огонь волшебства проходил; да не будет никогда, чтобы люди, истинно Бога чтущие, поклонялись кусту; да не будет никогда, чтобы люди, Единосущной Троице поклоняющиеся, почитали видимое солнце». Мучители же тем временем с той же силой святому тело раздробляли и кровь проливали, он же не слабел и не смирялся, удивлялись же и сами те убийцы человека этого терпению.

Батый же понимал всю доблесть святого и долго не смог терпеть, в ожесточении, мужества мученика, и на смерть осудил исповедника благочестия, тем самым переход ему делая к Вечной Жизни. Беспощадные же слуги, быстро исполняющие злые повеления, подошли к мученику, еще ясно произносившему: «Я — Христианин». И был один из них по имени Доман; он раньше христианином был, потом же отрекся от веры Христианской. Этот законопреступник очень обозлился на святого, потому что был врагом Христианской веры. И сразу он, получив злое повеление, протянул скверные свои руки и отрезал ножом почтенную голову святому исповеднику же и мученику великому князю Михаилу; и отбросил прочь от тела голову, все еще произносившую эти слова: «Я — Христианин»; и так иудиной участи наследник доблестного Христова наследника к славе, а себя к бесславию привел. Божественный же страдалец великий князь Михаил таким образом взошел к Основоположнику своего подвига Владыке Христу, блистая добродетелями, украсив себя своей кровью, которую ради имени Его пролил, и от Него же венцом нетления венчался. И если бы не этот пресветлый мученик, который отказался исполнить безумного мучителя нечестивое повеление, то еще больше бы безбожный ожесточился, и на всю бы Рускую землю дьявол его ополчиться подтолкнул, поскольку видел Батый, что князья повеление его исполняют. Теперь же отменено было нечестивое его повеление Христовым воином Михаилом.

И не надеялся больше безбожный Батый, чтобы подчинился кто-то повелению его. Одного только попробовал советника Феодора испытать,

не подчинится ли ему, не испугается ли от страданий князя своего, не захочет ли править в Черниговской области; если же не подчинится, также в мучениях умрет. И потом других понуждал Батый, и совсем отчаялся проклятый. Тогда палачу дал указания о доблестном советнике Феодоре.

Феодору же язычники стали говорить: «Хотя бы ты исполни повеление царя, за жрецами иди и поклонись солнцу, и кусту, и огню; тогда не только живым останешься, но и великую славу от царя получишь, и перед ним предстанешь, и честью его насладишься, и примешь область господина своего, и будешь почтен властью, и на великокняжеский престол венчан будешь царской рукой; а если так не сделаешь, то также пострадаешь, как и князь твой». Доблестный же подвижник с яснейшей душой и ясным голосом в ответ сказал: «Так скажите царю, пусть знает, что я, Феодор, единомысленным советником и сообщником был при власти и правлении благочестивом господина моего великого князя Михаила. Михайлова же княжества не хочу, ни славы, которую царь обещает мне. И как в жизни этой никогда не был я без господина моего милостей, так и теперь стремлюсь последовать и почтенному его за Христа страданию; желаю же с радостью приобщиться и к славной его смерти, в которой он получил Бесконечную Жизнь в Небесном Царствии, куда и мне попасть да поможет Христос Бог наш. А чтобы за жрецами идти и сквозь огонь проходить, кусту же и солнцу поклоняться, да не будет не только со мной, но и со всяким Христианином. И я — Христианин, и Пресвятой и Единосущной Троице поклоняюсь. Вы же, что будете делать, делайте».

Эту священную речь великого Феодора выслушав, скверные татары взбесились от гнева, ибо увидели, что он непреклонен, и, как звери свирепые, с яростью устремились на него; и скверными руками схватили его; и без пощады мучили также, как и великого князя; и тело его раздробили; в конце же и почтенную его голову отрубили. Так еще сказали язычники: «Те, кто не хотят поклоняться солнцу, недостойны и смотреть на него». Вот так пострадали и, благодаря Христа, отдали святые свои души в руки Бога святые новоявленные исповедники же и мученики, месяца сентября в 20-й день. Так и доблестный Феодор путь закончил и следом за господином своим, великим князем Михаилом, поднялся к Христу и ту же славу, которую желал, получил.

Святые же тела их брошены были псам на съедение; и много дней лежали они; и Божьей благодатью оставались невредимыми тела их. Человеколюбец же Бог, Милосердный Господь наш, прославил Своих угодников, пострадавших за Него и за правоверную веру Христианскую; и столп огненный явился над телами их, сияющий пресветлыми зарни-

цами, как свеча горящая; и пение ангельское послышалось; это было для укрепления христиан, и для обличения тех, кто оставил Бога Истинного и поклонялся твари, и для устрашения язычников.

После какого-то времени, сошлись там некоторые благочестивые люди, собрали почтенные тела мучеников и похоронили с большим благоговением. Таковы славные подвиги, таковы храбрые победы доблестных и непобедимых воинов Небесного Царя, и более того, добровольно вызвавшихся страстотерпцев Христовых, доблестно боровшихся со злым мучителем и врагом за Церковь, невесту Христа, от Которого победные венцы приняли.

О, мученицы великоименити и исповедницы, самовольне тогда исповедавшие Христа истиннаго Бога пред злочестивым царем и мучителем, Церкви ради и за люди отечества своего; ныне же наипаче заступайте нас от всякаго навета врагов, яко дерзновение имуще к Богу. Темже небориму и благостоянну иже в Руси Соборную и Апостольскую Церковь соблюдайте, и хотящая искушения на нас быти, грех ради наших, предстательством вашим преводите, избавляюще нас всякаго пути строптиваго греховнаго, и от треплетенных пленица, от зависти, и гордости, и неправды. Яко да будем руководствуемы вашим к Богу предстательством, и сподобимся ходити усердно в заповедех Господних, творяще всяку правду в страхе Божьи, братолюбие держаще со всяким незлобием и долготерпением, с возносящим к Богу смиренномудрием. Да тако пребывающе, от всяких зол zde пременимся, и будущих бесконечных мук избавльшеся, уготованных праведником Вечных Благ и мы получим, и Царствия Небесного насладимся; благодатию и человеколюбием Господа Бога Спасителя нашего Иисуса Христа, Ему же слава купно со Безначальным Его Отцем, и со Пресвятым, и Благим, и Животворящим Духом, ныне, и присно, и во веки веком.

В том же году царь Батый князя Бориса Васильковича Ростовского отпустил к сыну своему к Сартаку; Сартак же почтил его, и отпустил с почетом на Русь в землю, доставшуюся Борису от отца.

О преставлении великого князя Ярослава Всеволодовича в Орде

В том же году князь великий Ярослав Всеволодович был в Орде у сына ханского, оклеветан же был Феодором Яруновичем перед царем Батыем, и много страданий принял от татар за землю Рускую; и отпустили его уже измученного.

И, немного отъехав от сына ханского, князь великий Ярослав умер мучительной смертью среди иноплеменников, месяца сентября в 30-й день. О таковых в Писании сказано: «Ничто же бо ино таково пред Богом, но еже аще кто положит душу свою за други своя». Этот же великий князь

положил душу свою за други своя и за землю Рускую, и почтил его Бог наградой праведных; ибо милостив был Ярослав ко всем, и нуждающимся же безотказно давал то, в чем нуждались.

В году 6755-м от Адама (1255 лето от Христа)

Узнал в Новгороде князь Александр о смерти отца своего, великого князя Ярослава Всеволодовича и пришел из Новгорода во Владимир, и оплакивал отца своего с дядей своим Святославом Всеволодовичем, внуком Юрия Долгорукого, и с братьями своими.

В том же году князь Святослав Всеволодович после смерти брата своего Ярослава Всеволодовича стал великим князем во Владимире.

А племянникам своим: князю Александру Ярославовичу, и князю Андрею, и Константину, и Афанасию, и Даниилу, и Михаилу, и Ярославу, и Василию дал князь великий Святослав Всеволодович княжить в других городах, как распорядился брат его князь великий Ярослав Всеволодович; он же не изменил завещания его.

В том же году князь Андрей Ярославович, внук Всеволода, правнук Юрия Долгорукого, праправнук Владимира Маномеха, пошел в Орду к царю Батыю; Батый же принял князя Андрея с почетом.

О том, как Александр ходил в Орду, а Батый ему подивился, и честь большую воздал

В том же году нечестивый царь Батый узнал о Богом хранимом великом князе Александре, о его благородном мужестве, и неодолимой храбрости, и над всеми противниками многих и славных победах. И послал Батый к князю Александру послов своих со словами: «Среди русских правителей самый знаменитый, о князь Александр, знаю, что известно тебе то, что мне покорил Бог многие народы, и все подчиняются власти моей; и из всех один ты не желаешь покориться силе моей. Смотри же, если думаешь сохранить землю свою невредимой, то постарайся немедленно прийти ко мне, и увидишь честь и славу царствия моего, себе же и земле своей пользу получишь». Богом умудренный же великий князь Александр рассудил, как святой отец его Ярослав, который не заботился о временном царстве, но пошел в Орду, и там отдал жизнь свою за благочестие и за всех людей своих, и за это получил себе Небесное Царствие. И так блаженный Александр, повторяя благую ревность благочестивого своего отца, решил идти в Орду для спасения христиан.

И пришел Александр в славный город Владимир с войском большим; было же грозным появление его; тогда же об этом страшном появлении пронеслась весть даже до устья Волги; угрозой его женщины моавитские пугали детей своих, говоря: «Молчите, вот придет великий князь

Александр». Не медлил же Александр во Владимире, но немного побыл, и взял благословение у епископа Кирилла, и устремился в путь.

И пришел Александр к царю Батыю, и везде благодать Божья освещала его. Царь же Батый увидел его и удивился, и сказал вельможам своим: «Правду сообщили мне, что нет подобного этому князю», и с большим почетом принимал его, и многими дарами наделил его. Так Бог выделяет избранников своих, что и нечестивым вкладывает в ум, чтобы они уважали и почитали их.

Потом же Батый послал Александра с братом его Андреем Ярославичем к сыновьям хана.

В том же году нечестивый царь Батый со многими войсками пошел войной на западных угров, к западным странам, до которых раньше не доходил, и многие города разбивал и разорял.

И никто же не мог Батыю противостоять, и многих князей и воевод взял живьем и послал к сыну своему Сартаку; и пробыл там год весь, разоряя и захватывая в плен, мечу и огню всех предавал, кто не покорялся ему.

В том же году убит был у угров великий князь Батыев именем Бердебек.

В году 6756-м от Адама (1256 лето от Христа)

Было знамение: луна стала кровавой вся и исчезла. В том же году царь Батый дошел с войском и до самого угорского города Варадина; и многие в той округе города разбил, и всех захватил; и никто же не мог ему противостоять.

Приступил же Батый и к городу Варадину, который посреди земли Угорской стоит; около же него мало простых деревьев было, но все деревья садовые, изобилующие всякими плодами и всякими ягодами. Город же весь отовсюду был окружен водой, и очень хорошо укреплен, и поэтому не боялись никого же; посредине же города стоял столп каменный весьма высокий. Был же тогда правителем той земли король Власлов: и уграм, и чехам, и немцам, и всему Поморью и до Великого моря. Были же угры в Православии раньше, поскольку святое Крещение приняли от греков; не успели же для своего языка письменность создать; римляне же были близко и обратили угров в свою ересь; с того времени, даже и до наших дней, угры в единстве с римлянами находятся.

Король же Власлов, упомянутый ранее, также находился в повиновении у римской церкви; пока не пришел к нему святой Савва, архиепископ Сербский, и Власлова снова убедил обратиться к Греческому Закону, к Христианской вере, не явно, но тайно, из опасения, что восстанут угры на них. Пробыл же святой Савва, поучая Власлова о Православии гре-

ческого закона, 5 месяцев; и тогда ушел в свою землю; одного только священника оставил у него; и тот также оставался у короля, как один из слуг.

Царь же Батый пришел в землю Угорскую и вся города разрушил, и людей взял в плен; правитель же Власлов, которому святой Савва дал имя Владислав, не успел собраться с людьми из-за дальнего в его землях расстояния.

Батыю же было самое благоприятное время, и делал он, что хотел; король же Владислав много дней находился на упомянутом ранее столпе, в большой скорби, ни хлеба, ни воды не принимал, и молил Христа Бога со слезами, да сменит гнев Свой на милость и избавит его от врагов его.

Увидел же Владислав со столпа, на котором находился, как сестра его бежала к нему в город; и татары, догнав ее, схватили и отвели к Батыю; король же Владислав увидел это и к еще большему плачу и слезам обратился; и молил Христа Бога, чтобы помощью Своей и милостью Своей избавил его от врагов его. Так он молился, и слезы текли из глаз его, как речные потоки; и там, где слезы падали на мрамор, проходили они насквозь, что и в наши дни можно видеть на том столпе в мраморе. И по этому знамению познали бывшие с ним вельможи и все приближенные его, что будет помощь и милость от Бога.

И вскоре после этого человек некий, светлый весьма и наводящий ужас, так что всех бывших с королем охватил страх и трепет при виде его, встал перед королем, и сказал так: «Из-за слез твоих дает тебе Господь Бог победу над царем Батыем; иди же скоро на него, в этот час». Стали же разглядывать лицо говорившего, и не увидели его больше.

И сошли же со столпа того, и увидели коня оседланного, которого никто не держал, но он сам по себе стоял, и боевой топор был на коне. И от этого знамения еще более уверились, что помощь от Бога будет.

Король же Владислав в этот час сел на коня того, и топор тот в руку взял, и вышел из города с войсками своими, которые там с ним были; и внезапно, без предупреждения, напал на стан царя Батыя. Батый же тогда с очень малым войском был, так как все татары его отрядами разошлись; татары же, которые были с ним, в тот час гневом Божиим поражены были, как мертвые, и бежали с большим позором.

Царь же Батый увидел свою беду и не знал, что делать, и побежал, гневом Божиим гоним; и сестра короля с ним. Король же Владислав с войском своим гнался вслед за ними и многих татар убил; также догнал и самого царя Батыя и сразился сам с ним; и стала сестра короля помогать Батыю. Король же Владислав возгласил с великим плачем и со слезами к

Господу Богу, чтобы помог ему; и так, с помощью Божьей, одолел и убил царя Батыя, и сестру свою с ним.

И пришел Владислав с вельможами своими и со всеми войсками своими и занял станы Батыя. Татары же возвращались отрядами в станы свои, не зная о случившемся; угры же добычу у них отнимали, а самих татар убивали; и все бесчисленное богатство татар взяли. Которые же захотели перейти в христианскую веру, тех татар оставили в живых. Так Господь Бог устроил своей невидимой силой, убил нечестивого царя и все бесчисленное его войско, и сбылось написанное: «Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь».

Отлит же был из меди памятник королю Владиславу, где он на коне едет и боевой топор в руке держит, которым убил царя Батыя, с ним же и сестру свою, с помощью невидимой силы Божьей. И поставлен памятник на том столпе, который посередине города стоит, чтобы видели и помнили последующие поколения; и так он стоит даже и до наших дней. И здесь уже о Батые повесть к концу подошла.

В том же году женился князь Борис Василькович Ростовский, внук Константина, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, преправнук Владимира Маномеха; у князя Ярослава Муромского.

В том же году князь Михаил, которого прозвали Хоробрит, сын Ярослава, внук Всеволода, правнук Юрия Долгорукого, праправнук Владимира Маномеха, согнал с великокняжеского престола Владимирского дядю своего великого князя Святослава Всеволодовича, внука Юрия Долгорукого, правнука Владимира Маномеха, и сам стал княжить на великокняжеском престоле во Владимире.

В том же году князь великий Владимирский Михаил Ярославович Хоробрит ходил войной на литовцев, и убили литовцы великого князя Михаила Ярославовича Владимирского, внука Всеволода, правнука Юрия Долгорукого, праправнука Владимира Маномеха.

Блаженный же Кирилл, епископ Ростовский, послал взять тело князя Михаила; и положили его в церкви Пречистой Богородицы во Владимире.

Братья же князя Михаила, князья Суздальские, пошли на литовцев и побили их у Зубцова.

В году 6757-м от Адама (1257 лето от Христа)

Князь Глеб Василькович, внук Константина, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, ходил в Орду к сыну Батыя, к царю к Сартаку; царь же Сартак почтил князя Глеба весьма и отпустил его в землю, доставшуюся Глебу от отца.

В том же году пришел князь Александр Ярославович и брат его князь Андрей от сына ханова; и дали князю Александру Киев и всю Рускую землю, а князя Андрея, брата его, сделали великим князем во Владимире.

В том же году преставился во Владимире князь Владимир Константинович, внук Всеволода, правнук Юрия Долгорукого, праправнук Владимира Маномеха, препраправнук Всеволода, пращур Ярослава, прапращур великого Владимира, месяца декабря в 27-й день; и отвезли его в землю, доставшуюся ему от отца его, в Углич; и положили его в церкви Святого Спаса; сыновья его: Андрей, Роман.

В том же году преставился князь Василий Всеволодович, внук Константина, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, препраправнук Владимира Маномеха, пращур Всеволода, прапращур Ярослава, препрапращур великого Владимира; и везли его из Владимира в землю, доставшуюся ему от отца его, в Ярославль; и положили его в церкви Пречистой Богородицы, месяца февраля в 8-й день; сын его: Василий.

В году 6758-м от Адама (1258 лето от Христа)

Поехал князь Борис Василькович Ростовский в Орду к сыну Батые, к царю к Сартаку; царь же Сартак принял его с большим почетом и отпустил в землю, доставшуюся князю Борису от отца его.

В том же году преосвященный Кирилл, митрополит Киева и всей Руси, пошел из Киева в Чернигов; затем пришел в Рязань; затем пришел в Суздальскую землю; и встретили его князья и бояре с большим почетом.

В том же году князь великий Святослав, сын Всеволода, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Маномеха, с сыном своим Дмитрием, пошел в Орду к царю Сартаку, сыну Батые, и принял его царь и сына его с почетом.

В том же году князь Андрей Ярославович, внук Всеволода, правнук Юрия Долгорукого, праправнук Владимира Маномеха, женился во Владимире, взяв дочь у Даниила Романовича, и венчан был преосвященным Кириллом, митрополитом Киева и всей Руси, во Владимире, в церкви Пречистой Богородицы, и Кириллом, епископом Ростовским; и было торжество большое, и радости много.

В году 6759-м от Адама (1259 лето от Христа)

Преосвященный Кирилл, митрополит Киева и всей Руси, и Кирилл, епископ Ростовский, пошли из Владимира в Новгород; и встретил митрополита Кирилла с большим почетом, и с лучшими людьми, князь великий Александр Ярославович; также встретили его крестным ходом все священники, архимандриты и игумены, и с множеством народа.

И упросили преосвященного Кирилла новгородцы, и дал им епископа Далмата.

В том же году в Новгороде заболел князь великий Александр Ярославович, и была болезнь его тяжелая весьма; но молились о нем Господу Богу, и с Пречистой Его Матерью, святые Его угодники, и преосвященный Кирилл, митрополит Киева и всей Руси, и архиепископ Далмат Новгородский, и епископ Кирилл Ростовский и все священники, и предки, и родители князя Александра.

В том же году были дожди частые и большие, и наводнение было большое, и потонуло все, и хлеба, и сено; и мост большой в Новгороде снесло на Волхове; а осенью погибли от мороза все посевы.

В том же году князь Глеб Василькович, внук Константина, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, пошел в Белозерск на место, доставшееся ему от отца. В том же году войны не было.

Разорение Неврюево

В том же году князь великий Александр снова пошел в Орду к новому царю Сартаку; славный же город Владимир и всю Суздальскую землю охранять поручил брату своему князю Андрею.

Андрей же, хотя и украшен был благородством и храбростью, однако к управлению страной, как к делу неважному, относился; и охотой на зверей занимался, и советчиков молодых и неразумных слушал, от которых было весьма много беспорядков, и обеднение в народе, и ущерб имуществу. Из-за этого, по воле Божьей, в том же году, царь Сартак послал воеводу своего Неврюя, и князя Катиака, и князя Алыбугу Храброго, и с прочими татарами, войной на великого князя Андрея Ярославовича Суздальского, внука Всеволода, правнука Юрия Долгорукого.

Было же перед днем памяти святых Бориса и Глеба; безбожные татары под Владимиром перешли вброд реку Клязьму и пошли к городу к Переславлю скрытно.

Утром же, в день памяти святых Бориса и Глеба, князь великий Андрей Суздальский был в смущении, и сказал: «Господи, что же это! Сколько нам между собой спорить и наводить друг на друга татар! Лучше мне бежать в чужую землю, нежели водить дружбу и служить татарам». И собрал войско свое князь великий Андрей, и встретил он татар со своими полками; и сошлись оба войска, и было побоище большое. Прогневался же Бог на нас за умножение грехов наших, и язычники победили, а князь великий Андрей едва убежал.

И приехал князь Андрей в Великий Новгород, новгородцы же его не приняли; он же поехал к Пскову и там пробыл немного времени, дожидаясь своей княгини.

Приехала же к нему его княгиня, и он оттуда, и с княгиней, отправился в немецкий город Колывань.

И оставил князь Андрей в Колывани княгиню, а сам отправился за море в Свейскую землю; магистр же Свейский встретил его и принял его с почетом.

Князь же Андрей послал за княгиней своей в Колывань и пробыл некоторое время, и с княгиней, в Свейской земле, и перебрался снова на эту сторону.

А татары гнались за князем Андреем и догнали его у города Переславля, что на Клещине озере; но Бог сохранил князя Андрея, и Пречистая Богородица; татары же, гонясь за ним, сновали туда и сюда, он же между ними прошел; был же он на великокняжеском престоле три года.

Воевода же Неврюй с татарами своими взяли город Переславль, что на Клещине озере, и схватили княгиню Ярослава, и с детьми, и убили их; а некоторых детей Ярослава в плен увели; а воеводу их Жидаслава убили; и людей всех в плен увели, и все имущество взяли, и пошли в Орду.

А псковичи тогда, в году 6761-м от Адама (1261 лето от Христа), побили немцев под Псковом.

В году 6762-м от Адама (1262 лето от Христа)

Князь великий Ярослав Ярославович Тверской оставил место, доставшееся ему от отца его, Тверь, и пошел в Псков; псковичи же приняли его с большим почетом.

...Понесли тело князя Константина Ярославовича Угличского во Владимир; и встретил его брат его князь Александр Ярославович, с отцом своим духовным, митрополитом Кириллом, и со всеми священниками, и со всеми боярами своими, и с множеством народа; и положили его в церкви Пречистой Богородицы во Владимире.

В том же году, 6763-м от Адама (1263 лето от Христа), новгородцы взяли из Пскова великого князя Ярослава Ярославовича Тверского и сделали его князем у себя в Новгороде.

А князя Василия Александровича, внука Ярослава, правнука Всеволода, праправнука Юрия Долгорукого, новгородцы выгнали из Новгорода; князь же Василий скоро послал послов к отцу своему Александру Ярославовичу во Владимир, а сам пошел в Торжок, и там отца своего ждал.

Князь же великий Александр Ярославович, с братом своим Дмитрием, сыном Святослава Всеволодовича, — были же Александр с Дмитрием двух братьев дети, — с множеством воинов пошли к Торжку; и встретил Александра сын его Василий, и оттуда пошли к Новгороду. И встретил

князя Александра Ярославовича Ретешка Новгородец, перешедший на его сторону, и сказал: «Князь Ярослав Ярославович вышел из Новгорода».

Новгородцы же сделали собрание по старому их обычаю: «Братья, встанем твердо за Святую Богородицу, и за правду новгородскую, и за землю, доставшуюся нам от наших отцов; или смерть, или жизнь; не пощадим себя». И послали новгородцы владыку своего Далмата с людьми своими к великому князю Александру Ярославовичу, чтобы не гневался на них.

Он же сказал им: «Выдайте мне врага моего, Ананию посадника; если же не выдадите его мне, иду на вас войной»; новгородцы же долго не соглашались на это. Князь великий же Александр Ярославович послал к ним послов со словами: «Если мне не выдаете врага моего, Ананию посадника, тогда лишите его места посадника; и я на вас не буду гневаться».

Новгородцы же собрались и говорили между собой: «Это посоветовали князю наши изменники; пусть же судит их Бог и святая София, что князя ссорят с нами». И отняли место посадника у Анании, и сделали посадником Михаила Степанковича, и заключили с великим князем Александром Ярославовичем мир с признанием всех вольностей своих новгородских, и, крест целовав, договорились с ним.

И пришел князь Александр Ярославович в Новгород, и встретил его архиепископ Далмат с крестным ходом, и со всеми священниками.

И так князь великий Александр Ярославович дал сыну своему Василию княжить в Новгороде, а сам пошел оттуда из Новгорода с большим почетом; и был мир и тишина большая.

В году 6764-м от Адама (1264 лето от Христа)

Поехали князья в Городец и в Новгород; князь же Борис Василькович Ростовский пошел к татарам с множеством даров.

Также и князь Александр Ярославович послал послов своих к татарам с множеством даров.

Князь же Борис Василькович Ростовский был у Улавчия, и дары отдал, и честь большую получил, и возвратился с большим почетом на место, доставшееся ему от отца.

Той же зимой князь великий Александр Ярославович ходил с дружиной суздальской на племя емь, и победил его, и с большой добычей возвратился в свою землю.

В том же году пошел князь Александр Ярославович в Новгород с дружиной суздальской; и оттуда пошел с новгородцами на Свейскую землю и на племя чудь; и пошли по непроходимым местам, так что не различали ни дней, ни ночей, но все время была тьма. И так шли, и разорили все

Поморье, и с множеством пленных и богатством бесчисленным возвратились в свою землю.

В году 6765-м от Адама (1265 лето от Христа)

Пошли в Орду князь великий Александр Ярославович Владимирский, и князь великий Борис Василькович Ростовский, и князь великий Андрей Ярославович Суздальский со многими дарами, и почет получили от Улавчия, и возвратились и заняли места, доставшиеся им от отцов.

В том же году князь Глеб Василькович женился в Орде и пришел из земли хана от царя с большим почетом, и занял место, доставшееся ему от отца.

Той же зимой приехали переписчики из земли Татарской, и переписали всю землю Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую, и назначили главных над десятком человек, над сотней, над тысячей, над десятком тысяч и, отдав все распоряжения, татары возвратились в Орду. Только не переписали архимандритов, и игуменов, и монахов, и попов, и дьяконов, и певчих, и всех служителей церковных, кто предстоит Господу Богу и Пречистой Богородице, и находится в доме Господнем, и служит Божиим церквям.

В году 6766-м от Адама (1266 лето от Христа)

Преставился князь великий Олег Рязанский, и перед смертью стал монахом, и принял монашеский чин схимника, на Страстной неделе в среду; и положили его в церкви Святого Спаса, месяца марта в 8-й день, в день памяти святой мученицы Фотинии Самарянки. И стал княжить после Олега на великокняжеском престоле в Рязани сын его Роман.

В том же году пошли в Орду князь великий Александр Ярославович Владимирский, и князь великий Андрей Ярославович Суздальский, и князь Борис Василькович Ростовский, и князь великий Ярослав Ярославович Тверской, и почет оказали Улавчию, и всем князьям и воеводам ордынским; и отпущены были с большим почетом на Русь, и пришли в ту же осень, и каждый занял место, доставшееся ему от его отца.

В ту же осень приехали из Орды князь Борис Василькович Ростовский и брат его князь Глеб Василькович с княгиней своей в Ростов; и поклонился князь Борис Пресвятой Богородице, и молился у образа Ее; и благословил его отец его духовный Кирилл и мать его великая княгиня Мария.

В том же году приехали переписчики из Татарской земли во Владимир.

И поехали переписчики ордынские, и князь великий Александр Ярославович Владимирский, и Андрей Ярославович Суздальский, и князь

Борис Василькович Ростовский переписать земли Новгорода. Узнали же новгородцы об этом и смутились весьма.

Пришли же в Новгород переписчики татарские с великим князем Александром Ярославовичем и с прочими князьями рускими; и князь Василий Александрович Новгородский убежал от отца своего из Новгорода в Псков.

А татары стали просить дани, и не согласились на это новгородцы, и дали множество даров царю и послам его, и их отпустили с миром.

А Михалка посадника новгородцы убили, также и другого посадника Михалка убили, а Анания посадник умер.

И сделали посадником Михалка Федоровича, а тысяцким — Жидяту Доможировича.

А князь Александр Ярославович выгнал сына своего Василия из Пскова и послал его в Низовскую землю; а дружину его казнил: одним нос и уши отрезал, другим же глаза выколол и руки отрубил, тем, которые сыну советовали так поступать; и так злодеи зло погибли; и так переписчиков татарских усмирил и успокоил.

В том же году литовцы пришли к Торжку войной, и, собравшись, новгородцы выступили против них.

И был бой большой, и одолели литовцы, и много зла сделали жителям Торжка.

В том же году захватили татары всю землю Литовскую и с множеством пленных и богатством пошли в свою землю.

В году 6767-м от Адама (1267 лето от Христа)

Михаил Пинячин пришел в Новгород и сказал так: «Если не согласитесь платить дань царю Ордынскому, то уже скоро придет войско татарское на Низовскую землю, и всем плохо будет». И испугались новгородцы, и согласились платить дань, и послали послов своих в Орду к царю с множеством даров; и покорно просили, чтобы не гневался на них и чтобы переписал землю их всю, как хочет.

В том же году пришли от царя из Орды переписчики во Владимир, и взяли с собой великого князя Александра Ярославовича Владимирского, и князя Андрея Ярославовича Суздальского, и князя Бориса Васильковича Ростовского, и пошли в Новгород, и переписали всю землю Новгородскую и Псковскую. Только не переписали архимандритов, и игуменов, и попов, и дьяконов, и монахов, и певчих, и всех служителей церковных, кто предстоит Господу Богу и Пречистой Богородице, и находится в доме Господнем, и служит Божьим церквям.

И возвратились татары, собрав дань, в Орду; и был мир и тишина большая в Новгороде.

А князя Александра Ярославовича новгородцы у себя приняли и большой почет ему оказали; он же оставил у них княжить сына своего Дмитрия, а сам пошел к Владимиру.

И пришел князь Александр в Ростов, и поклонился Пречистой Богородице, и молился у святого образа Ее; и благословился у отца своего духовного, у Кирилла епископа, и говорил так: «Отец господин, твоей молитвой в Новгород приехал в добром здоровье, и опять из Новгорода сюда приехал в добром здоровье».

Блаженный же епископ Кирилл, и великая княгиня, и князь Борис, и князь Глеб оказывали князю Александру почет с большой любовью. Он же пробыл у них некоторое время в любви большой.

И поклонился Александр Господу Богу и Пречистой Богородице, и целовал святой образ Ее, и благословился у отца своего духовного Кирилла епископа и у великой княгини, и пошел во Владимир, и занял место, доставшееся ему от отца его.

В году 6768-м от Адама (1268 лето от Христа) мирно было

В году 6769-м от Адама (1269 лето от Христа)

Родился у великого князя Александра Ярославовича сын Даниил.

В том же году епископ Ростовский Кирилл оставил место свое в старости глубокой и слабости большой; и возвели на его место архимандрита Божоявленского Игнатия по благословению и повелению Кирилла, митрополита Киева и всей Руси.

В том же году преставился князь Андрей, сын Владимира, внук Василька, правнук Константина, праправнук Всеволода, препраправнук Юрия Долгорукого, пращур Владимира Маномеха, прапращур Всеволода, препрапращур Ярослава Владимировича, на месте, доставшемся ему от отца, в Угличе; и положили его в церкви Святого Спаса в Угличе.

В том же году преосвященный Кирилл, митрополит Киева и всей Руси, сделал епископом в городе Сарай Митрофана.

В году 6770-м от Адама (1270 лето от Христа)

Преставился блаженный епископ Кирилл Ростовский, месяца марта в 21-й день; и положили его в церкви Пречистой Богородицы в Ростове.

В том же году преосвященный Кирилл, митрополит Киева и всей Руси, сделал епископом в Ростове Игнатия, при благоверном князе Борисе Васильковиче Белозерском, месяца сентября в 19-й день.

В том же году сговорились во всех городах русских против татар, которых сделал правителями царь Батый во всех городах русских, а после гибели Батыя сын его Сартак, а после него другие.

Князья же русские сговорились между собой и изгнали татар из городов своих, ибо они притесняли русских. Откупали богатые у татар право собирать дани, и наживались сами, и многие люди бедные за долги попадали в рабство. И так князья русские прогнали татар, а некоторых убили, а некоторые у них крестились во имя Отца и Сына, и Святого Духа.

Тогда же убили в Ярославле Изосиму изменника, который отрекся от Христианской веры и монашества, и был мусульманин злой весьма; и принял помощь от посла царского Титяка, и много зла делал христианам; его же убили православные христиане и бросили собакам на съедение.

В том же году пришел князь великий Ярослав Ярославович, внук Всеволода, и князь Дмитрий Александрович, внук Ярослава Всеволодовича, с шурином своим Константином, и Товтивил Полоцкий, и новгородцы, и пошли все войной с большим войском под Юрьев, немецкий город; а у города было три стены. И затем скоро, с одного приступа, город взяли, а немцев перебили; а наших мужей доблестных и весьма храбрых застрелили из города; и Петра Мясникова убили, и Якова Храброго Гвоздочника убили, и Илью Дегтярева убили, и Измайла Кузнеца убили, весьма храбрых и очень удалых людей.

В году 6771-м от Адама (1271 лето от Христа)

Родился у князя Глеба Васильковича Белозерского сын Михаил.

В том же году князь великий Александр Ярославович, внук Всеволода, правнук Юрия Долгорукого, праправнук Владимира Маномеха, преправнук Всеволода, пращур Ярослава, прапращур великого Владимира, пошел в четвертый раз в Орду к царю Сартаку, и зимовал там, и заболел сильно, и отпущен был на Русь.

И дошел Александр до Городца, и принял святой ангельский монашеский образ и монашеский чин схимника, месяца ноября в 14-й день, и в ту же ночь умер.

И принесли тело Александра во Владимир, и положили в церкви Пречистой Богородицы, того же месяца ноября в 23-й день. Когда же хотел преосвященный Кирилл, митрополит Киева и всей Руси, вложить грамоту прощальную в руку его, и подошел церковный служитель Севастиан и хотел разогнуть руку его, то князь Александр протянул ее сам, как живой. Когда же вложил Кирилл митрополит грамоту в руку его, то князь Александр снова согнул ее сам по себе, как живой.

И удивлялись все этому. Положили же князя Александра в городе Владимире в монастыре Рождества Пречистой Богородицы; княжил он десять лет; его сыновья: Василий, Дмитрий, Андрей, Даниил Московский.

В году 6772-м от Адама (1272 лето от Христа)

Стал княжить после брата своего, великого князя Александра Ярославовича, на великокняжеском престоле во Владимире брат его, князь великий Ярослав Ярославович Тверской; и был он князем великим Владимирским и Новгородским.

В том же году выгнали новгородцы из Новгорода князя Дмитрия Александровича.

В том же году пришел князь великий Ярослав Ярославович в Новгород, и приняли его новгородцы с радостью и с почетом большим; он же тогда и женился в Новгороде, взял за себя дочь Юрия Михайловича.

В том же году преставился князь великий Суздальский Андрей Ярославович, внук Всеволода, правнук Юрия Долгорукого, праправнук Владимира Маномеха, препраправнук Всеволода, пращур Ярослава, пращур Владимира; его сыновья: Юрий, Михаил.

В том же году был мятеж в Литве; восстали сами на себя; и убили великого князя Миндовга его же родственники, сговорившись втайне от всех.

И снова рассорились из-за богатства его, и убили князя Полоцкого Товтивила, а бояр полоцких заковали, и просили у жителей Полоцка выдать сына Товтивила, желая убить его; он же убежал в Новгород с людьми своими.

Тогда литовцы поставили своего князя в Полоцке, а жителей Полоцка освободили, тех, что схватили с князем их.

У того великого князя Миндовга был сын по имени Войшелк, который раньше все покинул: и отца, и мать, и место князя, и все существующее, и пошел на Синайскую гору; и крестился, и научился грамоте, и был монахом-подвижником, и много добродетелей у него было; и пробыл там десять лет.

И пришел Войшелк в землю свою; отец же его князь великий Миндовг был ласков с ним весьма и уговаривал, чтобы оставил Войшелк монашескую жизнь; он же не послушал, но пошел и создал себе монастырь среди христиан; и жил там, Богу служа и во многих трудах подвизаясь.

В году 6773-м от Адама (1273 лето от Христа)

Узнал Войшелк, что убили отца его, великого князя Миндовга, и огорчился весьма; и сказал так: «Ты, Господи Боже, виждь неправду сию, и

прослави имя Твое, да не похвалятся беззаконнии в нечестии своем, и даждь ми помощь и силу изыти на них за имя Твое святое, яко да прославится везде имя Твое святое». И снял с себя одежду монашескую, и дал обещание на третий год снова одеть ее на себя; и ничего не изменил из устава и правил монашеских.

И собрал Войшелк войска много, и приятелей и друзей отца своего, великого князя Миндовга; и пошел на язычников литовцев и племя чудь, и захватил всех, там бывших; и стояли там год весь, и многих крестил, и церкви и монастыри воздвиг.

А другие же оттуда бежали в Псков, и с женами, и с детьми; и крестились Божественным Крещением. Войшелк же это все сделал хорошо, и воеводу старшего, Андрея Даниловича сделал им там великим князем.

А сам Войшелк снова пришел в свой монастырь; и одел снова на себя одежду монашескую; и подвизался в тяжелом и добродетельном труде; и после многих трудов, в глубокой старости, умер о Господе.

В году 6774-м от Адама (1274 лето от Христа)

Женился князь великий Василий младший Ярославович Костромской, внук Всеволода, правнук Юрия Долгорукого, и венчал его в церкви Святого Феодора Игнатий, епископ Ростовский, в Костроме.

В том же году умер царь Ордынский Беркай; и было облегчение Руси от притеснений татар. Той же зимой появилась звезда на западе, и был от нее луч длинный, как хвост, в южную сторону; и была звезда 13 ночей, и после этого невидимой стала.

В том же году князь Литовский Довмонт пришел в Псков со всем родом своим и крестился, и дано было имя ему Тимофей.

И сделали Довмонта псковичи у себя князем; он же выбрал себе людей, лучших и храбрых псковичей, и со своей дружиной, и всех их триста, и пошел, и захватил всю землю Литовскую, которая должна была достаться ему от отца.

И жену князя Герденя схватил, и детей ее, двух сыновей князя, взял в плен, и возвратился в Псков; и переехал Двину реку, и отошел на пять верст, и встал на реке Двине; дозорных поставил двух: Давида и Луку, с одним полком; а двести воинов отпустил к Пскову с пленными.

А князь Гердень в то время пришел в землю свою и увидел ее разоренной, и погнался за Довмонтом с семью сотнями войска своего, а с ним князья Гогорт, и Ломбей, и Люгайло, и прочие князья литовские; и пришли к Двине реке, и перешли ее, и встали на берегу.

А к Довмонту дозорные его прибежали, сообщая о войске большом; он же сказал дружине своей: «Вот предстоит нам смерть или жизнь;

постоим мужественно за Святую Троицу, и за святые церкви, и за веру Христианскую». Было же у него оставшихся воинов только 90 человек.

И помолился Господу Богу, и Пречистой Богородице, и святому мученику Леонтию, которого поминали тогда, и пошел на неприятелей, и победил их, и князя их великого Гогорта убил, и других князей, и литовцев много убил.

А некоторые литовцы в реке утонули, других же Двина выбросила на остров Гандов, и они там убиты были; князь же Гердень с немногими воинами едва убежал; а псковича тогда одного убили; и пришел князь Довмонт в Псков, с множеством пленных и с богатством.

В том же году князь великий Ярослав Ярославович пошел из Владимира с множеством войска в Новгород и хотел идти на Псков войной, на князя Довмонта; новгородцы же не захотели этого; он же возвратился обратно, а в Новгороде оставил племянника своего, князя Дмитрия Александровича, внука Ярослава, правнука Всеволода, праправнука Юрия Долгорукого.

В году 6775-м от Адама (1275 лето от Христа)

В Новгороде мятеж был и междоусобица. В том же году погорел в Новгороде Неревский конец.

В том же году новгородцы с Елерферием, а князь Довмонт Псковский с псковичами победили литовцев и князя Герденя убили.

В году 6776-м от Адама (1276 лето от Христа)

Родился у князя Бориса Васильковича сын Василий.

В том же году новгородцы с князем Юрием Андреевичем, внуком Ярослава, правнуком Всеволода, праправнуком Юрия Долгорукого, разоряли земли за рекой Нарвой.

И послали новгородцы послов в Ярославль за князем Дмитрием Александровичем, призывая его к себе на помощь; также послали послов и во Владимир к великому князю Ярославу Ярославовичу, призывая его к себе в Новгород, собирая войско для похода на немцев.

Князь же Ярослав послал к ним в Новгород вместо себя сыновей своих Святослава и Михаила, и других князей; и стали делать метательные орудия на дворе владыки.

И прислали немцы послов своих: велиадцы, рижане, юрьевцы, и из других городов, и с обманом говорили: «Зачем вы хотите напрасно кровь проливать? У нас же с вами мир и любовь; и купцы ваши к нам, а наши к вам ходят, а противоборства и обиды не имеют никакой же. А если хотите войну устроить, то вот Колывань и Раковор, и мы к ним не относимся

и не помогаем». И так епископы их и Божьи дворяне клялись и целовали свой крест, и умирились.

В том же году все князья, ранее упомянутые, собрались в Новгороде: князь Дмитрий Александрович, князь Святослав, сын Ярослава Ярославовича, брат его Михаил, и Юрий, сын Андрея Александровича, и Константин, зять Александра, князь Довмонт Псковский с псковичами, и Ярополк с множеством воинов, и других князей много, и пошли с войском большим к немецкому городу к Раковору, месяца февраля в 23-й день.

И, когда пришли русские в землю Немецкую, разделились и пошли по трем дорогам, и разоряли много. И нашли пещеру большую, в которую было никак не пройти, и было там много людей из племени чудь; и захватить их было невозможно; и простояли у пещеры той три дня.

Магистр же приспособлением хитрым пустил на бывших в пещере воду, они же выбежали из пещеры, и тогда их всех порубили, а богатство их все забрали.

И пошли русские к Раковору и пришли они на реку Киюлу, и там встретили их полки немецкие. Было войско многочисленным, как песок: ибо со всей земли Немецкой люди собрались. И стали князья полки расставлять: новгородское войско перед немецким, напротив большого железного клина; такой строй назывался «свиньей». И князь Довмонт с псковичами встал с правой стороны, а князь Дмитрий Александрович и князь Святослав, сын Ярослава Ярославовича, подальше от правой стороны; а князь Михаил, сын Ярослава Ярославовича, встал с левой стороны с другими князьями; и было войско большое у русских князей, которому числа не было.

И сошлись полки на битву, и начались небольшие стычки; затем как бы рассвирепели, и разъярились, и устроили бой великий; и было побоище жестокое, и кровь полилась, как вода; и не могли кони скакать, ибо всюду были мертвые, и как копны сваленные лежали.

Многих же новгородцев немцы, построенные железным клином, убили, и многие бояре и слуги князей русских погибли, и многие воины псковские и ладожские убиты были, месяца февраля в 18-й день, в субботу Сыропустной недели. И многие правоверные люди заплакали, и возгласили князья голосом громким, и молились со слезами Господу Богу и Пречистой Богородице, чтобы помогли им, ибо уже вконец обессилели; и напал страх и трепет большой на всех.

И вот внезапно Господь Бог и Пречистая Его Мать помогли руским князьям, и побежали немцы, никто же их не гнал, только гнев Божий; и погнались за ними князья русские, и побивали их до Раковора по трем дорогам за семь верст. И затем возвратились, и оставались на поле боя

три дня; и пришли в Новгород. И пошел из Новгорода князь Дмитрий Александрович в Переславль; а другие князья в свои земли.

В том же году князь Псковский Довмонт пошел войной непроходимыми путями на Вируем и захватил их земли до моря, и Поморье разорил, и возвратился с большой добычей в Псков.

В том же году князь Глеб Василькович Белозерский пришел из Татарской земли больной весьма, и проболел долго, и снова, по милости Божьей и Пречистой Богородицы, стал здоровым.

В году 6777-м от Адама (1277 лето от Христа)

Преставился князь Дмитрий Святославович, внук Всеволода, правнук Юрия Долгорукого, праправнук Владимира Маномаха, преправнук Всеволода, пращур Ярослава, прапращур великого Владимира; и принял монашество, и монашеский чин схимника от епископа Игнатия Ростовского. Там были князь Глеб Василькович, и мать его сидела с ним; и вот вдруг язык его онемел, и снова стал говорить; и посмотрел князь Дмитрий на епископа радостными глазами, и сказал: «Господин отец владыка Игнатий, исполнил Господь Бог твой труд, что ты меня снарядил на долгий путь, на Вечное Лето, воином истинному Царю Христу Богу нашему»; и после этого отошла душа князя Дмитрия к Богу тихо и кротко; и погребли его в церкви Святого Михаила в Юрьеве монастыре.

В том же году приходили немцы войной к Пскову, в неделю Всех Святых, и поселение вокруг крепости пожгли, и стояли десять дней у крепости, и много вреда сделали; и пошли в свою землю, разоряя города их. Князь же Юрий Андреевич, внук Ярослава, с новгородцами, узнав об этом, пошел к Пскову; немцы же, узнав об этом, пошли за реку; и там примирились.

В том же году в Новгороде был мятеж; устроили вражду между собой: одни хотели послать за великим князем Ярославом Ярославовичем во Владимир, чтобы им с немцами окончательно заключить мир; другие же не хотели посылать за великим князем Ярославом Ярославовичем во Владимир. В том же году князь великий Ярослав Ярославович, внук Всеволода, пошел в Новгород, гневаясь на посадников, и из-за этого они рассорились; князь великий же Ярослав Ярославович разгневался и возвратился назад во Владимир. Новгородцы же послали послов к князю Ярославу с просьбой большой, ибо еще не заключен у них был мир с немцами.

Князь же Ярослав внял просьбе их и возвратился с воинами, и пришел к ним в Новгород, они же исполнили повеление его.

В том же году князь великий Ярослав Ярославович, внук Всеволода, послал послов во Владимир с приказом собирать войска, желая идти на

немцев, и собралось войско большое; и великий баскак Владимирский, Иаргаман, и зять его Айдар с множеством татар пришли. И об этом узнав, немцы испугались и в страхе прислали с большим прошением и с множеством даром послов своих, и просили мира, полностью соглашаясь с условиями князя Ярослава.

И всех одарили немцы, и великого баскака, и всех князей татарских; татар же весьма боялись, и имени татарского. И затем исполнили все повеления великого князя Ярослава Ярославовича, и за Нарву все отступили, и захваченное все возвратили.

В том же году Митрофан, епископ Сарайский, ушел с места своего в Сарае и отказ своей рукой написал, и прислал митрополиту Киева и всей Руси.

В том же году преосвященный Кирилл, митрополит Киева и всей Руси, сделал Феогноста епископом Руского Переславля и Сарая.

В году 6778-м от Адама (1278 лето от Христа)

Подняли мятеж новгородцы, и сошлись, и устроили собрание, и стали выгонять из Новгорода великого князя Ярослава Ярославовича; и друзей его, и сторонников его убили, а дома их, и имущество их разграбили; и послали послов на Городище к великому князю Ярославу Ярославовичу, и написали обвинения ему такие: «Ты, князь, неправду зачем делаешь? Много ястребов и соколов держишь; отнял у нас реку Волхов и другие воды для утиной охоты; и собак держишь много; отнял у нас поле для заячьей охоты. Забрал двор у Алексы Морткина, взял много серебра с Никифора Матвеевича, и с Романа Болдырева, и с Варфоломея Алексеевича. И зачем выгоняешь из Новгорода иноземцев, которые у нас живут? И в другом многом провинился ты, князь. И мы теперь, князь, не можем терпеть твоих притеснений; и уйди, князь, от нас по-хорошему, а мы себе князя найдем».

На следующий же день князь великий Ярослав Ярославович прислал к ним на собрание сына своего Святослава и тысяцкого своего Андрея Воротиславовича с поклоном и такими словами: «Эти провинности мне простите, а я больше таким не буду, и крест целую, и обещаю соблюдать во всем вашу волю». Новгородцы же отвечали: «Князь, не желаем тебя; уйди от нас по-хорошему; если же нет, то прогоним тебя и без твоего согласия».

Князь великий же Ярослав Ярославович, внук Всеволода, пошел от них из Новгорода и пришел во Владимир, и стал собирать войско, желая идти войной на Новгород. И послал Ратибора в Орду к царю Татарскому, прося войско для похода на Новгород, и говорил так: «Новгородцы меня

не слушают, дань тебе не платят, и данников твоих выгнали, а других убили, а меня с позором выгнали, а тебя хулят». Царь же послал против новгородцев войско свое.

Новгородцы же послали послов в Переславль за князем за Дмитрием за Александровичем, внуком Ярослава, правнуком Всеволода; он же отказался, и сказал им так: «Не хочу я занять престол и стать выше дяди своего Ярослава Ярославовича». Новгородцы же опечалились, а князь великий Ярослав Ярославович собирал войско.

Узнал же об этом князь Василий Ярославович Костромской, внук Всеволода, правнук Юрия Долгорукого, праправнук Владимира Маномеха, и послал послов своих в Новгород со словами: «Вот я кланяюсь святой Богородице и людям Новгородским. Узнал же я, что брат мой князь великий Ярослав Ярославович идет войной на Новгород, и племянник мой князь Дмитрий Александрович из Переславля, и из Смоленска князь Глеб Ростиславович, внук Мстислава, и царь Татарский посылает войско свое на вас же; и жалко мне вас больше той земли, что досталась мне от отца моего».

Новгородцы же послали к князю Василию послов с поклоном и с прошением большим, он же пошел в Орду к царю, и возвратил войско татарское, упросив царя, сказав все по порядку, говоря: «Новгородцы правы, а брат мой князь великий Ярослав Ярославович виноват». Царь же почтил князя Василия весьма, и рад был тому, что не послал войска.

Князь великий же Ярослав Ярославович, с детьми своими, и с Переславским князем Глебом Ростиславовичем, внуком Мстислава, правнуком Давида, пошли войной к Новгороду. Новгородцы же поставили вокруг города частокол с обеих сторон и сильной крепостью город укрепили; и собрались всей землей, и объединились с псковичами, и немцев многих привели на помощь себе, и вышли большим войском к Городищу, и, наводнив его, стояли вооруженные в доспехах.

Князь великий же Ярослав Ярославович, и с другими князьями, узнав об этом, пошел с другой стороны, и пришел, и остановился в Руссе, а к новгородцам послал послов со словами: «В том, за что вы не любите меня, в чем обвиняете меня, в том во всем раскаиваюсь и больше таким не буду, и князья все за меня вам ручаются». Новгородцы же отвечали ему так: «Князь, задумал ты на город святой Софии идти войной, это, князь, знаешь ты; а мы за город святой Софии и друг за друга умрем все, и в этом наша честь и слава; а князя у нас нет, но есть Господь Бог, и святая София, и правда; а тебя не желаем»; и стояли новгородцы твердо.

Князь великий же Ярослав Ярославович, внук Всеволода, послал послов с просьбой к отцу своему духовному Кириллу, митрополиту Киева и

всей Руси, чтобы он ему помог, насколько это возможно, и чтобы за него поручился новгородцам, и такие слова передал: «Я же никогда своему слову не изменю; постарайся же, отец, и помири нас; а если в чем-то обвиняют меня, то я больше с ними таким не буду. Твоя обязанность — мирить всех, и прежде всего нас, твоих ближних детей духовных».

Преосвященный же Кирилл, митрополит Киева и всей Руси, послал в Новгород грамоту свою, в которой говорилось: «Господь Бог вместо себя дал власть апостолам своим связывать и отпускать, а после них наследникам их; и вот мы, апостольские наследники, и образ Христов имеющие, и властью Его обладающие; и вот я, главный пастырь всей Руси, учу и наставляю вас. О, господа мои, бойтесь Господа Бога, и князя почитайте, и вражды напрасной не устраивайте, и крови не проливайте. Всякой вине и всякому греху покаяние и прощение есть; а князь великий Ярослав Ярославович, в чем неправ перед вами, в том во всем кается и прощения просит, и больше таким быть не хочет; а я вам ручаюсь за него; и вы бы его приняли с почетом надлежащим. Если же вы, по неразумию своему, клялись с крестным целованием и между собой договорились, чтобы не принимать вам великого князя Ярослава Ярославовича, внука Всеволода, то я ту клятву с вас снимаю, и вас прощаю, и благословляю. Вражды же не устраивайте и крови не проливайте, живите в мире и в любви; если не послушаете меня, то наложу на вас наказание духовное».

Новгородцы же послали к великому князю Ярославу Ярославовичу послов с миром, и так помирились и с крестным целованием договорились соблюдать все вольности новгородские старинные, какие у них изначально были; и стал княжить Ярослав Ярославович в Новгороде, и приняли его с почетом большим.

В том же году пошел князь великий Ярослав Ярославович из Новгорода во Владимир.

В том же году оклеветали в Орде перед царем князя великого Рязанского Романа Олеговича, внука Ингваря, правнука Игоря, праправнука Глеба, и наговорили на него перед царем: «Хулит тебя, великий царь, и смеется над верой твоей».

Царь же послал на него татар; они же стали заставлять князя Романа принять веру их. Он же сказал им: «Недостойно православным Христианам, отказавшись от веры своей православной, принимать веру мусульман и язычников». Они же стали его бить; он же сказал: «Я — Христианин; и воистину Христианская вера — святая, а ваша татарская вера — языческая». Они же не хотели от него таких речей слышать и отрезали язык, и заткнули рот платком; и стали отрезать от него части тела

и кидать в разные стороны, пальцы все отрезали и у ног, и у рук, и рот, и уши, и прочие части отрезали, так что осталось туловище одно; они же содрали кожу с головы его и на копье подняли. И вот так этот новый мученик появился; уподобился страданиями Иакову Персу.

О, возлюбленные князья русские, не соблазняйте напрасной, и кратковременной, и обманчивой славой мира этого, которая хуже паутины; изменяется же с течением времени и, как призрак, мимо проходит, и, как дым, исчезает, и как сон она вся. Не принесли же вы в мир этот ничего же, и унести ничего не сможете; голыми же вышли из живота матери своей, голыми и уйдете. Не обижайте же друг друга, и не будьте коварными между собой, и не захватывайте чужого, и не обижайте младших родственников своих, ибо ангелы их видят лицо Отца вашего Небесного. Возлюбите истинную правду, и смирение, и долготерпение, и чистоту, и любовь, и милость. И радости святых наполнитесь, как и этот блаженный князь Роман получил за страдания свои Царствие Небесное, и венец принял из руки Господней с родственником своим, великим князем Черниговским Михаилом Всеволодовичем, пострадав за Христа, и за православную Христианскую веру; убит же был месяца июля в 19-й день.

В году 6779-м от Адама (1279 лето от Христа)

Преставился князь Василий Александрович, внук Ярослава, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, преправнук Владимира Маномеха, пращур Всеволода, прапращур Ярослава, препрапращур великого Владимира.

В том же году пошли князья в Орду к царю: Ярослав Ярославович, внук Всеволода, брат его Василий Ярославович Костромской, племянник их Дмитрий Александрович Переславский. В том же году было знамение солнечное, в пятое воскресенье Святого поста, до обеда, исчезло солнце полностью и снова появилось.

В том же году преставилась княгиня Василькова, когда у нее был сын ее князь Борис, и с княгиней своей, и с детьми, а князь Глеб тогда был в Орде у царя; она же тихо и кротко отошла к Господу. Епископ же Игнатий со всеми священниками, и с надлежащими надгробными песнопениями, положил ее в церкви Святого Спаса в ее монастыре.

В том же году преставился князь великий Ярослав Ярославович, внук Всеволода, правнук Юрия Долгорукого, праправнук Владимира Маномеха, преправнук Всеволода, пращур Ярослава, прапращур Великого Владимира, находясь на пути из Орды; был великим князем во Владимире после брата своего Александра Ярославовича 8 лет. И отвезли его в

Тверь; епископ же Семион Тверской с надлежащими надгробными песнопениями положил его в церкви Святых Чудотворцев Козьмы и Дамиана в Твери.

И стал после князя Ярослава великим князем во Владимире брат его князь Василий Костромской, самый младший сын Ярослава, внук Всеволода, правнук Юрия Долгорукого, праправнук Владимира Маномеха, препраправнук Всеволода, пращур Ярослава, прапращур великого Владимира; и стал князем великим Владимирским и Новгородским.

В том же году после кончины великого князя Ярослава Ярославовича родился сын его Михаил.

Тогда был у греков царь Мануил Палеолог первый, который был латинянином; он выгнал латинян из Царьграда и царствовал над греками 24 года.

О Довмонте

Магистр же Римский удивился мужеству и храбрости князя Довмонта Псковского и пошел к Пскову войной с большим войском, в кораблях, и на конях, и с метательными орудиями.

Узнал же об этом князь Довмонт Псковский и вошел в церковь Святой Троицы, и снял с себя меч, и положил перед святым алтарем, и упал на колени, и стал молиться со слезами; и после долгих молитв его и слез игумен Сидор, при всех священниках, взял меч и повесил на пояс Довмонту, и благословил, и отпустил его.

Довмонт же, не дожидая полков новгородских, но с одними псковичами пошел и, с помощью Святой Троицы, и Пречистой Богородицы, и святых Их угодников, и своею храбростью и мужеством, побил полки немецкие, и самого магистра ранил в лицо, а некоторых взял в плен, а прочие убежали; это же было месяца июня в 8-й день.

В том же году немцы стали снова притеснять людей в областях псковских; князь же Довмонт Псковский пошел и разорил землю Чудскую, и с добычей большой возвратился в свою землю.

В году 6780-м от Адама (1280 лето от Христа)

Послали новгородцы послов в Переславль к князю Дмитрию Александровичу, внуку Ярослава, правнуку Всеволода, и звали его к себе в Новгород княжить у них. Узнав же об этом, князь великий Василий Ярославович, внук Всеволода, правнук Юрия Долгорукого, послал за ним воеводу своего Семена, а сам пошел к Переславлю, а оттуда пошел к Торжку; и пришел, и пожег Торжок, и наместников своих посадил в нем, и ушел назад.

В том же году Семен воевода захватил области новгородские и возвратился с множеством пленных во Владимир к великому князю Василию Ярославовичу, внуку Всеволода.

В году 6781-м от Адама (1281 лето от Христа)

Князь великий Василий Ярославович, внук Всеволода, правнук Юрия Долгорукого, с великим баскаком Владимирским Иаргаманом, и с князем Айдаром, и с множеством татар царских разоряли новгородские области, и возвратились с большой добычей во Владимир.

В том же году князь великий Тверской Святослав Ярославович, внук Ярослава, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, пошел с татарами царскими, и разоряли новгородские области: Волок, Бежецк, Вологду, и с большой добычей возвратились в Тверь.

В том же году в Новгороде был хлеб дорогой, а купцов новгородских, которые были во Владимире, и в Твери, и в Костроме, схватили всех и ограбили.

В том же году князь Дмитрий Александрович, внук Ярослава, пошел со всей областью Новгородской войной на Тверь; а во Владимир к великому князю Василию Ярославовичу, внуку Всеволода, послал Семена Михайловича, Лазаря Моисеевича, Степана Душиловича, со словами: «Ты бы, князь, Новгорода не желал; а что новгородское взял, то бы ты отдал; а которых новгородских купцов ограбили, и которых взяли в плен и заточили, и вы бы всех купцов новгородских отпустили в Новгород, со всем товаром, без всякого препятствия, а с нами бы жили в мире и в любви».

Князь же великий Василий Ярославович, внук Всеволода, послов отпустил с почетом, а мира не заключил.

Князь Дмитрий Александрович, внук Ярослава, правнук Всеволода, с новгородцами, пришел войной на город Торжок; в Торжке же были тогда воеводы великого князя Василия Ярославовича, и были в смятении новгородцы, и напал страх и трепет большой на них, и говорили: «Отовсюду нам горе: вот князь великий Владимирский, а вот князь великий Тверской, а вот великий баскак царский с татарами, и вся Низовская земля против нас». И захотели новгородцы, чтобы пришел к ним княжить великий князь Василий Ярославович, внук Всеволода; а от князя Дмитрия Александровича стали отказываться.

Князь Дмитрий же, узнав об этом, испугался и отказался княжить в Новгороде, и ушел в Переславль.

Новгородцы же послали к великому князю Василию Ярославовичу послов с прошением, приглашая его к себе в Новгород.

В том же году князь великий Василий Ярославович, внук Всеволода, правнук Юрия Долгорукого, пошел в Новгород; новгородцы же вышли к нему навстречу, кланяясь, и приняли его с почетом.

В году 6782-м от Адама (1282 лето от Христа)

Пришел из Киева Кирилл митрополит во Владимир, и привел с собой Серапиона, архимандрита Печерского, и сделал его епископом Владимира и Суздаля.

В том же году новгородцы увидели, что их епископ Далмат уже при смерти, что он уже оставляет жизнь в суетном этом мире, и пришли к нему, с печалью, кланяясь с такими словами: «Господин отец пастырь и учитель наш Далмат архиепископ, благослови нам вместо себя пастыря и учителя, да будет у нас вместо тебя».

Далмат же в ответ сказал им: «Не мне решать это, но Богу и Пречистой Богородице; моего же совета смиренного если уж вы спрашиваете, то вот есть игумен Давид; в церкви же Святого Георгия есть Иоанн; и вот есть духовный мой отец Климент; кого хотите, выберите себе». Им же полюбился духовный его отец Климент, Богом отмеченный; и благословил его архиепископ Далмат своей рукой.

В том же году преставился архиепископ владыка Новгородский Далмат.

В том же году новгородцы послали Климента с лучшими людьми в Киев к Кириллу, митрополиту Киева и всей Руси, чтобы сделал он Климента епископом Новгорода.

В том же году преставилась великая княгиня Глеба Феодора; епископ же Игнатий Ростовский со всеми священниками спел над ней надгробные песнопения; и положили ее в церкви Пречистой Богородицы в Ростове.

В том же году преставился посадник Новгородский Павел Семенович.

В году 6783-м от Адама (1283 лето от Христа)

Князь великий Владимирский Василий Ярославович, внук Всеволода, пошел в Орду к царю.

В том же году было знамение солнечное: солнце было огорожено некими кругами, а посередине кругов кресты; дуги же были синие, зеленые, желтые, багряные, алые; а дуги спинами были к себе; это же было месяца мая в 3-й день.

В том же году преставился Серапион, епископ Владимирский, и Суздальский, и Новгородский; и положили его во Владимире в церкви Пречистой Богородицы Златоверхой; был же он весьма искусен в учительстве и силен в Божественном Писании.

В том же году ходили татары и князья русские на литовцев и разоряли их, и возвратились с большой добычей.

В том же году была на Руси и в Новгороде перепись вторая из Орды от царя, и переписали всех, кроме священников, и монахов, и всех церковных служителей.

В том же году убили медведя с тремя ногами. В том же году в Новгороде дали посадничество Михаилу Михайловичу. В том же году было знамение небесное.

В том же году был гром страшный в городе Владимире; и ударило молнией дьякона в соборной святой церкви Пречистой Богородицы, когда он на службе, на выходе, возглашал; и люди все упали на пол от сильного страха, и были как мертвые.

В году 6784-м от Адама (1284 лето от Христа)

Преосвященный Кирилл, митрополит Киева и всей Руси, сделал Феодора, игумена монастыря Святых Константина и Елены, епископом Владимира, и Суздаля, и Новгорода Нижнего.

В том же году князь великий Василий Ярославович, внук Всеволода, правнук Юрия Долгорукого, пришел из Татарской земли во Владимир.

В том же году сгорел город Тверь весь, только одна церковь осталась.

В том же году в Киеве поставлен был Кириллом, митрополитом Киева и всей Руси, в Новгород архиепископ Климент; и пришел он из Киева на свое место в Новгороде.

Той же зимой было знамение лунное, в месяце ноябре: луна исчезла вся без остатка, и чуть-чуть снова появилась. Той же зимой преставился князь великий Василий Владимирский, самый младший сын Ярослава, внук Всеволода, правнук Юрия Долгорукого, праправнук Владимира Маномеха, препраправнук Всеволода, пращур Ярослава, прапращур великого Владимира, в Костроме. И съехались туда князья: Борис Василькович Ростовский; и Глеб Василькович Белозерский; и князь Михаил Иванович, внук Всеволода; и князь Дмитрий Александрович Переславский, внук Ярослава, правнук Всеволода; и князь Федор Ростиславович Ярославский, внук Мстислава, правнук Давида, праправнук Ростислава, препраправнук Мстислава, пращур Владимира Маномеха, прапращур Ярослава, препрапращур великого Владимира; и множество бояр и народа. Епископ же Игнатий Ростовский, со всеми священниками, пел над князем великим Василием надгробные песнопения; положили его в церкви Святого Феодора в Костроме. Был же Василий добродетельным весьма, любил Господа Бога от всего сердца своего, и ко всем без

притворства любовь и милость имел; и к святым церквям весьма внимателен был, почитал же всячески епископов, как начальников и пастырей, и всех священников и монахов любил весьма и почитал; был же Василий незлопамятным и прощал тех, кто согрешал перед ним. Пожил же всех лет от рождения своего 40 лет; был после брата своего великого князя Ярослава Ярославовича великим князем Владимирским и Новгородским 5 лет.

После него стал великим князем во Владимире племянник его, князь Дмитрий Александрович, внук Ярослава, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого.

В том же году новгородцы послали из Новгорода во Владимир к великому князю Дмитрию Александровичу, внуку Ярослава Всеволодовича, послов с поклоном, и звали его к себе в Новгород.

В том же году князь Борис Василькович Ростовский, внук Константина, женил сына своего самого старшего, князя Дмитрия.

В году 6785-м от Адама (1285 лето от Христа)

Князь великий Дмитрий Александрович, внук Ярослава, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, пошел в Новгород; новгородцы же приняли его с почетом.

В том же году пошли князья в Орду: князь великий Ростовский Борис Василькович, внук Константина, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, с княгиней, и с детьми; и брат его князь Глеб Василькович Белозерский, и с сыном своим Михаилом; и князь Феодор Ростиславович Ярославский, внук Мстислава, правнук Давида, праправнук Ростислава, прерпраправнук Мстислава, пращур Владимира Маномеха, прапращур Ярослава, препрапращур великого Владимира.

Следует же о том знать, почему князя Феодора Ростиславовича называют Ярославским; ведь родом он был не ярославский, а смоленский. Послушай же: князь великий был Киевский Владимир Маномех Всеволодович, у него же был самый старший сын Мстислав, которому был дан Смоленск.

И хотя Мстислав великим князем в Киеве после отца своего был, где и преставился, но называют его Смоленским; у Мстислава же сын Ростислав, князь великий Смоленский, а у Ростислава сын Давид, князь великий Смоленский, у Давида сын Мстислав, у Мстислава сын Ростислав. У Ростислава сыновья: Феодор, о котором сейчас рассказываем, и брат его Глеб, и Михаил; эти братья обидели Феодора, и дали ему город Можайск один; а брат его Глеб стал великим князем в Смоленске. И князь Феодор Ростиславович, о котором сейчас рассказываем, княжил в Можайске, еще не имея жены.

В Ярославле же раньше князем великим был Всеволод Константинович, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Маномеха; у Всеволода Константиновича Ярославского сын Василий, у Василия Всеволодовича Ярославского дочь. Василий же Всеволодович Ярославский преставился в Ярославле, и княжили после смерти князя Василия в Ярославле княгиня его с дочерью его. И стал вести переговоры князь Феодор Ростиславович из Можайска с князем Борисом Васильковичем Ростовским, и с братом его, с князем Глебом Васильковичем Белозерским, и с княгиней Василия Всеволодовича Ярославского, желая взять в жены дочь ее.

И после этого взял князь Феодор дочь князя Василия за себя замуж, и поэтому стал он великим князем Ярославским.

И таким образом князь Феодор принял город Ярославль, и стал княжить в нем, и с тещей своей; и очень добродетельным был. Из-за существовавшего тогда обычая и в Орду к царям ходил, и разрешения на свое имя, чтобы княжить в Ярославле, у царя брал.

Из-за этого же пошел с ними к царю в Орду и князь Андрей Александрович, внук Ярослава, правнук Всеволода, с ними же пошли в Орду к царю и другие многие князья, каждый князь о своем месте ходил просить в Орду; и, все вместе объединившись, путешествовали. Пришли же они в Орду к царю и приняты были с почетом.

В том же году князь великий Борис Василькович Ростовский, внук Константина, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, в Орде заболел и хотел стать монахом; отговаривала же его княгиня его Мария, надеясь что он будет жить; был же он с отцом своим духовным, исповедался, и каялся, и оплакивал себя много дней.

В году 6786-м от Адама (1286 лето от Христа)

Преставился князь великий Борис Василькович Ростовский, внук Константина, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, преправнук Владимира Маномеха, пращур Всеволода, прапращур Ярослава, препрапращур великого Владимира, в Орде, месяца сентября в 16-й день, в день памяти святой мученицы Евфимии.

Княгиня же князя Бориса Мария с сыном его Дмитрием привезли его из Орды в Ростов.

Епископ же Игнатий Ростовский, со всеми священниками, пел над ним надгробные песнопения; и положили его в соборной церкви Пречистой Богородицы, на левой стороне, в Ростове, месяца ноября в 13-й день, в день памяти святого отца нашего Иоанна Златоуста; сыновья князя Бориса: Дмитрий, Константин.

И стал после брата своего, великого князя Бориса Васильковича, великим князем в Ростове Глеб Василькович Белозерский.

Жили же они у царя в Орде: великий князь Глеб Василькович Ростовский, внук Константина, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого; с племянником Феодором; с князем Борисом Константиновичем, внуком Василька, правнуком Константина, праправнуком Всеволода; и с князем Феодором Ростиславовичем Ярославским, внуком Мстислава, правнуком Давида; и с князем Андреем Александровичем, внуком Ярослава, правнуком Всеволода; и с другими многими князьями, и с боярами, и со слугами своими. И захотел царь Менгу-Тимур идти на войну, и повелел князьям всем перечисленным, и с боярами своими, и со слугами, собираться с ним; и вскоре пошел сам царь Менгу-Тимур, с князьями рускими.

И помог Господь Бог князьям руским, и взяли славный город народа ясов Тетяков, зимой, месяца февраля в 8-й день, в день памяти святого великомученика Феодора Стратилата и святого пророка Захарии Серповидца; и пленных, и богатства много взяли, а некоторых убили, а город их сожгли.

Царь же Менгу-Тимур почтил хорошо князей русских, и похвалил очень, и одарил всех, и отпустил их на Русь, в земли, доставшиеся им от отцов их, с большим почетом и с дарами.

Той же зимой преставился князь великий Смоленский Глеб Ростиславович, внук Мстислава, правнук Давида, праправнук Ростислава, препраправнук Мстислава, пращур Владимира Маномаха, прапращур Ярослава, препрапращур великого Владимира.

Той же зимой князь великий Дмитрий Александрович, внук Ярослава, правнук Всеволода, с дружиной суздальской и новгородской, ходил войной на карел и захватил всю землю, и с большой добычей возвратился в землю свою.

Той же зимой, в месяце феврале, было знамение солнечное: было солнце огорожено дугами, а среди дуг крест, а вне дуг четыре солнца, а на верху солнца дуга большая, с рогами на север. В том же году князь Глеб Василькович Ростовский пришел из Орды от царя Менгу-Тимура, побывав с ним на войне, и с сыном своим Михаилом, и с племянником своим Константином Борисовичем, внуком Василька; и привели с собой множество пленных и богатства, и в почете большом были у царя.

И вошел князь Глеб и бывшие с ним в город Ростов, в воскресенье Всех Святых, месяца июня в 13-й день, в день памяти преподобного отца нашего Ануфрия Пустынника, и благодарили Господа Бога, и Пречистую Богородицу, и всех святых. И вошел Глеб в святую церковь, и помолился Господу Богу и Пречистой Богородице, и целовал святой образ Ее, и бла-

гословился у отца своего Игнатия Ростовского; и была радость большая в городе Ростове.

В том же году князь великий Глеб Василькович Ростовский женил сына своего Михаила на дочери великого князя Феодора Ростиславовича Ярославского; и венчал их в церкви Пречистой Богородицы в Ярославле Игнатий, епископ Ростовский; были там и сам князь Глеб Василькович Ростовский, с племянником своим Константином Борисовичем, внуком Василька, правнуком Константина, и князь Давид Константинович Галичский и Дмитровский, внук Ярослава, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, и Давид Явидович, и множество бояр; и съехались многие отовсюду; и была радость большая в Ярославле, месяца июля в 15-й день, в день памяти святых мучеников Кирика и матери его Улиты.

Князь же великий Глеб Василькович, внук Константина, правнук Всеволода, устроил у себя пир большой в Ярославле, и почтил свата своего Феодора Ростиславовича Черного, и княгиню его, и с детьми его, и зятя его Давида Константиновича Галичского и Дмитровского, и бояр его, и слуг его.

В том же году преставился благоверный Андрей и жена его Устиния.

В том же году князь великий Глеб Василькович Ростовский послал сына своего Михаила к татарам на войну, со сватом своим, с князем Феодором Черным Ростиславовичем Ярославским.

В том же году преставился князь великий Глеб Василькович Ростовский, внук Константина, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, препраправнук Владимира Маномеха, пращур Всеволода, прапращур Ярослава, препрапращур великого Владимира; жил от рождения своего 41 год.

После разорения же татарского от юности своей князь Глеб служил татарам, и многих христиан, обижаемых татарами, спас, и печальных утешил.

Еду свою и питье князь Глеб, не жалея, нуждающимся отдавал, и много милостыни убогим, и нищим, и странникам, и сиротам, и вдовам подавал, поминая слова Господни: «Иже сотвористе единому сих братьев моих меньших, мне сотвористе», и «Блажени милостивии, яко ти помиловани будут». И Давид говорит: «Блажен муж милующий и дая, и блажен разумевающий нища и убога; в день гнева избавит его Господь, Господь сохранит его, и живет он; и ублажит его на земли, и не предаст его в руки врагов его». И сын Давида Соломон говорит: «Милостынями и верами очищаются грехи», и «Даяние нищему в заем дает Богу». И святой пророк Даниил говорит: «Грехи твои милостынями очисти, и прегрешения твои щедро-

тами нищих». И великий Златоуст говорит: «Якоже вода гасит огонь, такоже и милостыня грехи». Поэтому князь Глеб, не жалея, милостыню нуждающимся подавал.

И церкви многие создал Глеб, и украсил иконами и книгами; и священников, и монахов весьма почитал; и ко всем любовь и милость имел, и смирение; ненавидел же гордость и отворачивался от нее как от змеи.

Когда же, по Божьему повелению, князь Глеб из суетной этой и быстрой жизни уходил, то кротко и тихо умер о Господе, и присоединился к отцам, и дедам, и прадедам своим; большое сожаление и плач оставил после себя всем, знавшим его.

Епископ же Игнатий Ростовский, со всеми священниками, спел над ним положенные надгробные песнопения; и положили его в церкви Пречистой Богородицы в Ростове.

Сын Глеба — Михаил, который и занял после него место, доставшееся Глебу от отца его, в Белозерске; а в Ростове после Глеба Васильковича заняли место племянники его: князь Дмитрий Борисович, внук Василька, и брат его Константин Борисович.

В том же году преставилась великая княгиня Владимира Константиновича, Авдотья, в Угличе.

В том же году князь великий Дмитрий Александрович Владимирский взял город Тетяков.

В том же году многие люди умирали от разных болезней.

В том же году приходили татары в Рязань и много зла сделали, и отошли в свою землю.

В году 6787-м от Адама (1287 лето от Христа)

Было знамение лунное: исчезла луна полностью, и не было ее долго, и появилась до зари и, когда рассвело, не показалась полностью; было это месяца февраля в 24-й день. Той же зимой было знамение солнечное.

В том же году преставился князь великий Юрий Андреевич Суздальский, внук Ярослава, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, преправнук Владимира Маномеха, пращур Всеволода, прапращур Ярослава, препрапращур великого Владимира.

И после князя Юрия стал великим князем в Суздале брат его князь Михаил Андреевич.

В том же году преставился князь великий Михаил Ростиславович Смоленский, внук Мстислава, правнук Давида, праправнук Ростислава, преправнук Мстислава, пращур Владимира Маномеха, прапращур Ярослава, препрапращур великого Владимира.

И стал княжить после князя Михаила брат его князь Феодор Ростиславович Черный Ярославский на месте, доставшемся ему от отца его; стал он великим князем в Смоленске.

В том же году преставилась великая княгиня Ярославская Всеволода Константиновича, внука Всеволода, правнука Юрия Долгорукого, звали ее Марина; и похоронили ее в Ярославле.

В том же году князь Дмитрий Борисович, внук Василька, правнук Константина, праправнук Всеволода, отнял области у князя Михаила Глебовича Белозерского, внука Василькова, правнука Константина, праправнука Всеволода, с грехом и с неправдой, и тем брата своего обидел и притеснил. О злая человеческая жадность и проклятая гордость! Разве потерпит и промолчит Господь Бог и не отомстит за рабов своих обиженных, взывающих к Нему с рыданием и со слезами!

В том же году пришел Феогност, епископ Сарайский, в третий раз из Греческой земли, из Царьграда; посылали же его преосвященный Кирилл, митрополит Киева и всей Руси, и царь Ордынский Менгу-Тимур к патриарху и к царю Михаилу Греческому Палеологу, с письмами от преосвященного Кирилла митрополита и от царя Менгу-Тимура, и с подарками от обоих.

В том же году разоряли татары литовцев; и князья русские ходили с татарами же; и с множеством пленных и с наживой возвратились в свою землю.

В том же году было знамение лунное ночью: исчезла же луна вся, и не было ее до зари, и, как рассвело, не показалась.

В году 6788-м от Адама (1288 лето от Христа)

Преставился князь великий Давид Константинович Галичский и Дмитровский, внук Ярослава, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, преправнук Владимира Маномеха.

В том же году Игнатий, епископ Ростовский, покрыл церковь Пречистой Богородицы оловом в Ростове, и низ ее выложил мрамором красным.

В том же году преосвященный Кирилл, митрополит Киева и всей Руси, вышел из Киева по обычаю своему и проходил по городам всей Руси, уча, давая наставления, делая исправления.

Пришел же Кирилл в Суздальскую землю и получил от некоторых людей сведения, что Игнатий, епископ Ростовский, неправо сделал, не по Божественному Писанию и священным правилам: осудил он весьма жестоко своего великого князя Глеба Васильковича Ростовского; уже после смерти его через девять недель вынес его, без должного почета,

из церкви соборной в полночь, и повелел просто закопать его в земле в Княгинином монастыре Святого Спаса.

И за это преосвященный Кирилл, митрополит Киева и всей Руси, отлучил Игнатия епископа от священной службы, и только князь Дмитрий Борисович, внук Василька, Ростовский едва о нем упросил митрополита. Митрополит же простил Игнатия епископа и отпустил его со словами: «Не возносись и не думай, что ты без греха, и не так много запрещай и отлучай, сколько освобождай и прощай, ибо прощение грехов наших в прощении братьев наших находится, и милость Господня в том, кто был в милости, кроется. Плачь же, дитя, и кайся до своей смерти о дерзости этой неподобающей и бесстыдной, ибо осудил ты прежде Суда Божья уже умершего, а когда живой он был, ты стыдился, и дары от него принимал, и ел и пил с ним, и гостил и веселился. И когда было можно поправить, не исправлял. Теперь, что ли, хочешь исправить, так жестоко запрещаешь и отлучаешь? Если же хочешь помочь ему, то помоги ему милостыней нищим, и молитвами, и молебнами, и священными и Божественными службами приношением». И так много наставлял преосвященный Кирилл митрополит Игнатия епископа, и простил, и благословил его служить и все делать священное и Божественное, и утешил его, чтобы недолго печалился.

В том же году были громы страшные, и ветры сильные, и вихри большие, и бури ужасные, и молнии частые; и много людей громом побил, и многие молниями обожжены были; в некоторых же местах вихрь сильный дома из основания выдирал, и с людьми, и со всеми пожитками, и заносил далеко. Такие показал Господь знамения свои, обращая и приводя нас к покаянию: «Не хочет бо смерти грешнику, но еже обратится и живу быти ему».

В том же году Климент, архиепископ Новгородский, пришел к Кириллу, митрополиту Киева и всей Руси, и благословился у него.

Затем Климент пошел к великому князю Дмитрию Александровичу, внуку Ярослава, с просьбой о мире и о любви от новгородцев.

В том же году преставился преосвященный Кирилл, митрополит Киева и всей Руси, в Суздальской земле, в Переславле, месяца декабря в 7-й день, в день памяти святого отца нашего Амвросия, епископа Медиоланского.

Там был и великий князь Дмитрий Александрович Владимирский, и Климент, архиепископ Новгородский, и Игнатий, епископ Ростовский, и Феодор, епископ Владимирский и Суздальский; и, пели над Кириллом митрополитом, и положили его в гроб.

И повезли Кирилла митрополита во Владимир, затем из Владимира повезли его в Киев.

И в Киеве снова пели над Кириллом митрополитом, и служили все епископы русские, со всеми священниками, и погребли его в Киеве в соборной церкви.

В том же году князь великий Дмитрий Александрович Владимирский с братьями своими пошел на Новгород войной; новгородцы же послали к нему с поклоном, и с прошением, и с дарами, архиепископа своего Климента; Дмитрий же послушал епископа и дары взял, и возвратился с братьями своими во Владимир.

В том же году было знамение на небе: было облако огненное с западной стороны, а искры от него на всю землю падали, и, постояв немного, облако исчезло.

В году 6789-м от Адама (1289 лето от Христа)

Был великим князем в Ростове Дмитрий Борисович, и брат его был с ним, Константин Борисович; и была между ними ссора и вражда большая. Примирил же их и к согласию приводил епископ их Игнатий Ростовский; они же еще больше враждовали.

И отъехал князь Константин Борисович из Ростова во Владимир к великому князю Дмитрию Александровичу, внуку Ярослава; а князь Дмитрий Борисович Ростовский стал собирать войско и укреплять город, опасаясь братьев, и был в смущении и в печали большой, и город Ростов весь привел в беспокойство.

И пошел из Ростова во Владимир Игнатий епископ и упросил великого князя Дмитрия Александровича сохранять мир.

Князь великий же Дмитрий Александрович с Игнатием, епископом Ростовским, и с боярами своими, пошел в Ростов.

И Игнатий епископ привел князей к миру и к согласию; и устроили торжество большое, и обрадовались все; и возвратился князь великий Дмитрий Александрович во Владимир.

Той же зимой князь Андрей Александрович, внук Ярослава, правнук Всеволода, меньший брат великого князя Дмитрия Александровича Владимирского, пошел в Орду к царю, и хотел стать великим князем во Владимире в обход брата своего старшего; был же сообщник у него и помощник Семен Тонильевич, и другие многие.

И многие дары князь Андрей Александрович дал царю и великим князьям Ордынским, и всем дал сполна богатства, и уговорил, и ублажил всех, и выпросил себе у царя право быть великим князем Владимирским в обход брата своего старшего, великого князя Дмитрия Александровича.

И пришла к князю Андрею Александровичу весть из Руси, что князь великий Дмитрий Александрович собирает войско, и укрепляет город, и не хочет царскому приказу покориться и уступить великокняжеский престол по царскому приказу.

И сказал об этом князь Андрей царю, царь же повелел идти с князем Андреем воеводам своим Кавгадыю и Алчедаю, с войском татарским.

Князь же Андрей Александрович пришел от царя из Орды к Мурому с татарами, и с советником своим и помощником Семеном Тонильевичем, и с иными многими помощниками своими.

И послал князь Андрей за князем Михаилом Ивановичем Стародубским, внуком Всеволода, правнуком Юрия Долгорукого, и за всеми князьями рускими; пришли же они, и советовались; и пошли все войной в Переславль на великого князя Дмитрия Александровича.

Узнал же об этом князь великий Дмитрий Александрович и побежал к Новгороду, и с женой, и с детьми, и с боярами, и со всеми людьми своими.

И вошел князь Дмитрий в город Копорье; новгородцы же вышли на озеро на Ильмень с поклоном притворным, ибо не хотели пустить его оттуда, поскольку он оттуда хотел за море бежать. И много речей было между ними, и сказали новгородцы великому князю Дмитрию Александровичу: «Князь, не желаем тебя, уйди от нас по-хорошему; если же не уйдешь отсюда, поймут тебя татары и отведут к царю в Орду, и мы тебе не поможем».

Князь же Дмитрий выступил из Копорья и пошел за море; новгородцы же не схватили его, но выгнали его и взяли у него силой двух дочерей его, и бояр его с женами их и с детьми, со словами: «Этих берем у тебя в заложники; когда выйдут от нас из Копорья все бояре твои и слуги твои, тогда отпустим этих заложников»; и разошлись, месяца января в 1-й день.

А татары разбрелись по всей земле и искали великого князя Дмитрия Александровича, и опустошили все вокруг Муром, вокруг Владимира, вокруг Юрьева, вокруг Суздаля, вокруг Переславля, вокруг Ростова, вокруг Твери, и до Торжка и далее, и вблизи Новгорода; гнались за великим князем Дмитрием Александровичем и, не догнав его, возвратились обратно.

Князь же Андрей Александрович, внук Ярослава, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, вошел в город Владимир и стал великим князем.

И устроил князь Андрей пир большой, и одарил множеством даров князей ордынских Кавгадыя и Алчеда, и татар; и отпустил князь Андрей татар в Орду к царю; они же с большой добычей пошли в Орду.

В том же году пошел князь Дмитрий Александрович из-за моря к Переславлю, а в Копорье были бояре его, и слуги, и вся казна его, и все пожитки его.

И вышел из Пскова зять князя Дмитрия, князь Довмонт Псковский, и взял из Копорья всю казну тестя своего; а бояр его и слуг его вывел из Копорья и отослал их к тестю своему, к великому князю Дмитрию Александровичу.

И пошел Довмонт и взял Ладогу, в которой было много людей великого князя Дмитрия Александровича; князь же Довмонт вывел их и также отослал к тестю своему, к великому князю Дмитрию Александровичу.

Новгородцы же пошли и город Копорье сравняли с землей, и послали послов своих во Владимир к князю Андрею Александровичу, и звали его к себе в Новгород.

Князь же Андрей Александрович пришел к ним в Новгород, и стал княжить, и приняли его новгородцы с почетом большим.

Князь великий же Дмитрий Александрович пришел в город Переславль и стал войско собирать и город укреплять, и отовсюду к нему стало собираться множество людей.

В том же году пришел вестник в Новгород к князю Андрею Александровичу с такими словами: «Брат твой старший, князь великий Дмитрий Александрович, княжит в городе Переславле и собирает войско большое, и вот отовсюду к нему сошлось множество людей». Князь же Андрей созвал новгородцев, и договорился обо всем.

В году 6790-м от Адама (1290 лето от Христа)

Князь Андрей Александрович пошел из Новгорода к Владимиру, взяв с собой новгородцев многих, и посадника Семена Михайловича, и другого посадника Якова Дмитриевича, с орудиями военными, боясь старшего своего брата, великого князя Дмитрия Александровича, ибо был он в Переславле с большим войском и собирал воинов отовсюду.

Князь же Андрей Александрович пришел во Владимир и чествовал новгородцев, и отпустил их обратно, и повелел им охранять Торжок и Новгород.

Посадники же Семен Михайлович и Яков Дмитриевич заняли место в Торжке и не дали войти в Торжок наместникам великого князя Дмитрия Александровича.

Князь же Андрей Александрович пошел из Владимира в Городец, а оттуда пошел в Орду к царю.

В том же году пришел князь Андрей Александрович в Орду к царю с советником своим и с сообщником, с Семеном Тонильевичем, и с

другими многими сообщниками своими, и принял его царь с почетом. Все время же говорил князь Андрей о своей правоте перед царем в этом споре со старшим своим братом, то же говорили и сообщники князя Андрея, и во всем князь Андрей обвинял брата своего: «И тебе, царь, подчиняться не хочет, и дань твою тебе платить не хочет». И так князь Андрей во второй раз навлек гнев царский на старшего своего брата.

В том же году знамение было на небе. В том же году князь великий Тверской Святослав Ярославович, внук Ярослава, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, с дружиной тверской, и князь великий Московской Даниил Александрович, внук Ярослава, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, с дружиной московской, и посадники новгородские, с дружиной новгородской, пошли войной к Переславлю на великого князя Дмитрия Александровича.

Он же, узнав об этом, обратившись к Небу, вздохнул, и прослезился, и сказал: «Видишь, Господь, неправду эту; ведь не обижал их я, и никакой неправды им не делал. Зачем они восстают на меня, и гонят меня все время, желая душу мою вынуть из меня, и этих воинов моих убить, и память обо мне истребить? Господь и Бог мой, помоги мне и спаси меня». И затем, долго проплакав, сел на коня и пошел к ним навстречу с войсками своими в город Дмитров.

Те же, не дойдя до Дмитрова, остановились, и стояли там 5 дней, ведя переговоры, и затем заключили мир и разошлись.

В том же году князь Андрей Александрович получил от царя войско большое Турантемира, и Алыня, и многих татар, и пошел с ними из Орды, от царя, и с ним советник его и помощник Семен Тонильевич, и другие многие советники и помощники его; и пошел князь Андрей на брата своего старшего, великого князя Дмитрия Александровича, внука Ярослава, и множество зла сделали христианам.

А князь великий Дмитрий Александрович с дружиной своей, и с княгиней, и с детьми, и со всем двором своим, бежал в Орду к царю Ногаю и рассказал ему все по порядку, рассказывая ему со слезами; и множество даров дал ему и всем князьям его. Царь же Ногай выслушал его и держал его в почете.

В том же году разоряли татары литовцев, и с большой добычей возвратились в Орду.

В году 6791-м от Адама (1291 лето от Христа)

Поставлен был Киеву и всей Руси Максим митрополит, грек, патриархом Царьградским.

В том же году приходили мусульмане к Царьграду войной, с большим войском и многие области разорили, и с большой добычей возвратились в свою землю.

В том же году пришел от греков из Царьграда преосвященный Максим, митрополит Киеву и всей Руской земле, родом грек.

В том же году литовцы разоряли немцев, и с большой добычей возвратились в свою землю.

В том же году пришел из Орды от царя князь великий Дмитрий Александрович и заключил мир с братом своим, с князем Андреем Александровичем Городецким.

В том же году ходил в Орду к царю преосвященный Максим, митрополит Киева и всей Руси, и в том же году пришел из Орды на Русь.

...И много зла сделал князь великий Дмитрий Александрович, с татарами, земле Новгородской, новгородцы же кланялись ему, и стал княжить у них князь великий Дмитрий Александрович.

В том же году преосвященный Максим, митрополит Киева и всей Руси, по обычаю своему обходил всю землю Рускую, и учил, и давал наставления, и делал исправления.

Затем пришел митрополит Максим в Новгород, и встретил его князь великий Дмитрий Александрович с большим почетом. Потом был митрополит Максим в Пскове и там оказали ему большой почет.

В том же году князь Андрей Александрович Городецкий привел царевича из Орды на старшего своего брата, великого князя Дмитрия Александровича.

Разошлись же татары с отрядами в разные стороны, князь великий же Дмитрий Александрович собрал множество войска и выступил против них; и побегал царевич в Орду, а князь великий Дмитрий Александрович бояр Андреевых захватил.

В году 6794-м от Адама (1294 лето от Христа)

Князь Роман Брянский пришел войной к Смоленску и поселение вокруг крепости сжег, и на крепость напал, и области и села разорил, и ушел в свою землю.

В том же году, по благословению епископа Семиона Тверского, князь великий Михаил Ярославович Тверской, внук Ярослава, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, с матерью своей, великой княгиней Аксиньей, повторно освятили соборную церковь, что была прежде Козьмы и Дамиана; и освятили ее во имя Святого Спаса, и теперь это церковь Преображения; и сделали ее каменной.

В том же году литовцы разорили Тверского владыки церковную область Олешку и прочие области.

Собрались же дружины из Твери, и Москвы, и Волока, и Торжка, и Дмитрова, и Зубцова, и Ржева, и, догнав литовцев, побили, и добычу отняли, и князя их Довмонта схватили.

В том же году женился князь Иван Дмитриевич Переславский, внук Александра, правнук Ярослава, праправнук Всеволода, преправнук Юрия Долгорукого, взяв за себя дочь князя Дмитрия Борисовича Ростовского, внука Василька.

В году 6795-м от Адама (1295 лето от Христа)

Князья Ростовские Дмитрий Борисович, внук Василька, и брат его, Константин Борисович, разделили между собой землю, доставшуюся им от отца: старший брат, князь Дмитрий Борисович, стал княжить в Ростове, а меньший его брат, князь Константин Борисович, стал княжить в Угличе, а брат их, из двоюродных, князь Михаил Глебович, внук Василька, стал княжить в Белозерске.

В том же году родился у князя Дмитрия Борисовича Ростовского сын Александр.

В том же году родился у князя Константина Борисовича Угличского сын Михаил.

В том же году преставился Феодор, епископ Владимира и Суздаля и Новгорода Нижнего.

В том же году князь великий Дмитрий Александрович, внук Ярослава, пошел войной на Тверь, и вышел навстречу ему со своим войском князь великий Михаил Ярославович Тверской, внук Ярослава, правнук Всеволода; и пришли к Кашину, и там вели переговоры и заключили мир.

В том же году Семион, епископ Тверской, освятил церковь деревянную в Твери Святого Спаса, внутри каменную, — ибо еще не доделана была большая каменная церковь, — и служил в ней; а мастера делали церковь Святого Спаса каменную.

В том же году было положено основание церкви Святых Мучеников Бориса и Глеба в Ростове, по благословению Игнатия, епископа Ростовского.

В году 6796-м от Адама (1296 лето от Христа)

Преосвященный Максим, митрополит Киева и всей Руси, в церкви Святой Софии в Киеве сделал епископом Владимира, и Суздаля, и Новгорода Нижнего Иакова.

В том же году преставился Игнатий, епископ Ростовский, чудотворец.

В том же году в Ростове сгорела церковь от грома Святого Михаила, месяца июня в 14-й день.

В том же году преставился блаженный Семион, епископ Тверской. Был же он добродетелен и искусен в учительстве, и силен в книгах Божественного Писания; перед князьями не робел, но слово Христово соблюдал истинно, и, не взирая на лица, всем, неправду делающим, запрещал.

И был Симеон епископ почтенным и рассудительным весьма; очень почитал священников и монахов; нищих же, и сирот, и вдов жаловал; и за обижаемых заступался, и притесняемых избавлял; и был страшен всем, неправду делающим, все его боялись и трепетали.

Положили же священное и блаженное тело его в церкви Святого Спаса на правой стороне, месяца февраля в 3-й день, когда совершается память святого Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы.

В том же году князь Елортай Ордынский, сын Темира, приходил войной на Рязань и разорял земли Рязанскую, Муромскую, Мордовскую, и, много зла сделав, ушел в свою землю.

В том же году стали враждовать князь великий Дмитрий Александрович, внук Ярослава, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, с великим князем Михаилом Ярославовичем Тверским, внуком Ярослава, правнуком Всеволода, праправнуком Юрия Долгорукого; и стал князь Михаил Тверской войско собирать.

И князь великий Дмитрий Владимирович также стал войско собирать с братьями своими родными, с князем Андреем Александровичем Городецким, и с великим князем Даниилом Александровичем Московским; также с ним был и князь Дмитрий Борисович Ростовский, внук Василька, правнук Константина. И пошли князья к Кашину, и стояли под Кашиным 9 дней, и все опустошили, и город Константин сожгли; и оттуда захотели идти к Твери; и князь великий Михаил навстречу им вышел со своим войском; и тогда стали вести переговоры, и, заключив мир, разошлись.

В году 6797-м от Адама (1297 лето от Христа)

Преосвященный Максим, митрополит Киева и всей Руси, в святой Софии в Киеве сделал епископом Ростовским Тарасия, игумена монастыря святого Иоанна Богослова.

В том же году князь великий Михаил Ярославович Тверской, внук Ярослава, с матерью своей, великой княгиней Аксиной, послали Андрея, игумена общего монастыря Пречистой Богородицы в Киеве, к Максиму, митрополиту Киева и всей Руси, и тот сделал Андрея еписко-

пом Тверским. Был же этот Андрей литовец родом, сын князя Герденя Литовского.

В том же году князь Дмитрий Борисович Ростовский, внук Василька, правнук Константина, праправнук Всеволода, преправнук Юрия Долгорукого, и брат его князь Константин Борисович Угличский, пошли в Орду к царю, и с женами своими, царь же оказывал им почет.

В том же году татары ходили с литовцами воевать и возвратились с большой добычей в Орду.

В том же году царь отпустил из Орды князя Дмитрия Борисовича Ростовского и брата его, князя Константина Борисовича Угличского, с почетом.

Русь (1298–1350 гг. от В.Х.).

Книга 7

В 6798 лето от Адама (1298 лето от Христа)

Освящена была соборная церковь епископская святого Спаса Андреем, епископом Тверским. Был же сей епископ родом литвин, сын Ерденов, литовского князя.

В том же году родился у великого князя Дмитрия Александровича Владимирского сын Иван.

В том же году в Новгороде убили посадника Самоила Родионовича, и собрались новгородцы в доспехах, и взяли Прусскую улицу, и дома их разграбили и пожгли. В том же году в татарах было нестроение, а на Руси была тишина.

В 6799 лето от Адама (1299 лето от Христа)

Дочь великого князя Ярослава Ярославича Тверского постриглась в святой ангельский чин девою будучи, в девичьем монастыре. В том же году было знамение в луне, стала словно кровавой и потом превратилась в тьму.

В том же году заратились в Орде цари Тохта с Телебугою и Солгуем, и одолел Тохта. В том же году Ногой царь убил Телебугу царя и Саолгуя.

В том же году родился у великого князя Константина Васильковича Ростовского сын Василий.

В том же году среди татар была междоусобица и великая брань, и убийство, а на Руси тишина.

В 6800 лето от Адама (1300 лето от Христа)

Женился князь Иван Дмитриевич Переславский, внук Александров, правнук Ярославов, праправнук Всеволодов, преправнук Юрия Долгорукого, взял дочь у великого князя Дмитрия Борисовича Ростовского и венчан был в церкви святого Спаса в Переславле.

В том же году расписана была церковь соборная святого Спаса в Твери.

В том же году преставился у великого князя Дмитрия Александровича Невского сын Александр в Орде.

В том же году были знамения на небесах страшные: стоял в ночи на воздухе словно полк воинский на полуденной стороне, такой же и на полуночной.

В 6801 лето от Адама (1301 лето от Христа)

Пошли в Орду к царю князья русские жаловаться на великого князя Дмитрия Александровича Владимирского, внука Ярославова, правнука Всеволодова, брат его меньшей, князь Андрей Александрович Городецкий, князь Дмитрий Борисович Ростовский, да брат его, князь Константин Борисович Угличский, да из двоюродных брат князь Михайло Глебович Городецкий, да тесть князя Михаила Глебовича Белозерского, да князь Федор Ростиславич Ярославский и Смоленский, да князь Иван Дмитриевич Ростовского, да епископ Тарасий Ростовский. Царь же, расслушав их жалобу, хотел послать на Русь за великим князем Дмитрием Александровичем Владимирским, также потом на иную мысль переменялся и отпустил с ними брата своего Дюдения со множеством воинов. И пошли из Орды с татарами на брата своего старшего, великого князя Дмитрия Александровича, внука Ярославова: брат его меньшей князь Андрей Александрович, внук Ярославов, и князь Федор Ростиславич Ярославский, внук Мстиславов, правнук Давыдов, праправнук Ростиславов, преправнук Мстиславов, пращур Владимира Маномаха, с ними же (другие) князья.

А князь великий Дмитрий Александрович был тогда в Переславле. Услышав же об этом, люди переславские разбежались все, также и сам князь великий Дмитрий Александрович с дружиною своею побегал к Волоку и оттуда к Пскову; и так пришла в смятение вся земля Суздальская.

Рать же татарская с князем Андреем Александровичем Городецким и с князем Федором Ростиславичем Ярославским придя, взяла Владимир, и церковь владимирскую разграбила, и чудное дно медное выдрали, и сосуды священные все забрали.

И Суздаль, и Юрьев, и Переславль, Дмитров, Москву, Коломну, Можайск, Волок, Углич-Поле — всех городов взяли 14 и всю землю пустой сотворили. А в Твери не были, ибо заступился за нее Бог. Собралось же тогда в Тверь отовсюду беглых много, и все совещались между собою, (как) с татарами биться.

Великому же князю Михаилу Ярославичу Тверскому, идущему тогда от царя из Орды и того не ведающему, и проходящему мимо Москвы,

через татар некий человек сказал ему об этой напасти и проводил его на путь безопасный. И так дошел в добром здоровье в свое великое княжение в Тверь милостью Божиею и Пречистыя Богородицы.

Князь же великий Дмитрий Александрович со своею дружиною прибежал во Псков.

Татары же захотели к Новгороду идти и к Пскову. Новгородцы же прислали к царю Дюденю и ко всем татарам послов своих, Семена Клементьевича да Ивана Михайловича со множеством бесчисленных даров, дабы они не ходили ратью к Новгороду и областей их не воевали. Они же, взяв бесчисленное множество даров, возвратились в свою землю, в Поле, и пошли в Орду.

Той же зимой князь Федор Ростиславич Ярославский сел на княжение в Переславле, а князь Андрей Александрович Городецкий сел на княжение в Новгороде.

В том же году царевич татарский по имени Тахтамир пришел из Орды на Тверь и многую тяготу учинил людям.

В 6802 лето от Адама (1302 лето от Христа)

Царь Тахтамир сел на царство в Орде, а Нагоя, царя Ордынского, победил.

В том же году князь Андрей Александрович пришел из Новгорода с новгородцами в Торжок, хотя перехватить на пути старшего брата своего, великого князя Дмитрия Александровича.

В том же году преставился князь Федор Романович Рязанский.

В том же году князь великий Дмитрий Александрович пошел из Пскова в Тверь мимо Торжка.

Брат же его меньшей князь Андрей Александрович Городецкий перехватил его у брода. Сам же князь великий Дмитрий Александрович перешел через реку, а казну его не успели переправить, и брат его, князь Андрей Александрович, казну его отнял и рухлядь его всю взял, и погнался за ним вслед с новгородцами; он же убежал в Тверь.

И послал к нему из Твери с молением владыку тверского Андрея и князя Святослава с поклоном. Князь же Андрей Александрович послушал владыку Андрея и князя Святослава и возвратился в Торжок, а полк возвратил опять к Новгороду. А князь Иван Дмитриевич сел на Костроме, а князь Андрей Александрович из Торжка пошел в Городец на Низ, а князь великий Дмитрий Александрович пошел из Твери к Волоку и там разболелся.

В том же году князь Федор Ростиславич Ярославский пожег весь город Переславль.

В том же году князь великий Дмитрий Александрович, внук Ярославов, правнук Всеволодов, праправнук Юрия Долгорукого, преправнук Владимира Маномеха, пращур Всеволода, прапращур Ярослава, препрапращур великого Владимира, постригся в святой ангельский образ и в схиму и преставился; и повезли его в Переславль, и положили в церкви святого Спаса; княжил 18 лет. Его сыновья: князь Иван Переславский.

И сел после него брат его, князь Андрей Александрович, на великом княжении во Владимире.

В том же году преставился князь великий Дмитрий Борисович Ростовский, внук Васильков, правнук Константинов, праправнук Всеволодов, преправнук Юрия Долгорукого, пращур Владимира Маномеха, прапращур Всеволода, препрапращур Ярослава Владимировича.

И сел после него на княжение в Ростове брат его, князь Константин Борисович Угличский.

А в Угличе сел на княжение сын его, князь Александр Константинович, внук Борисов.

А в Ярославле сел на княжение князь Федор Ростиславич, внук Мстиславов, правнук Давыдов.

В том же году женился князь Михайло Ярославич Тверской, взял дочь князя Дмитрия Борисовича Ростовского и венчан был на Собор святого архангела Михаила в соборной церкви святого Спаса епископом Андреем Тверским; и была радость великая в Твери.

В том же году князь великий Андрей Александрович Владимирский, внук Ярославов, женился, взял дочь Василька Ростовского.

В том же году преставился Василий, епископ Рязанский.

В том же году пришли шведы, поставили город на Корельской земле.

В том же году князь великий Андрей Александрович послал князя Романа Глебовича с новгородцами и Юрия Михайловича, и Андрея тысяцкого к городу шведскому. И когда пришли туда на Похвальную неделю, то многих новгородцев с городских стен побили, Ивана Клековича, великого и храброго, и славного мужа с городской стены подстрелили, и многих ранили; тогда же настала оттепель сильная, и была нужда великая и людям, и коням; и едва возвратились, и пришли восвояси, и много мертвых было, а Иван от той раны преставился.

В 6803 лето от Адама (1303 лето от Христа)

Князь великий Андрей Александрович пошел в Орду к царю и с княгинею своею. В том же году погорел город Тверь весь.

В том же году преосвященный Максим, митрополит Киевский и всея Руси, поставил Симеона епископом Владимиру и Суздалю, и Новгороду Нижнему.

В 6804 лето от Адама (1304 лето от Христа)

Была брань между князьями рускими. А в то время пришел посол из Орды от царя, Алекса Невруй.

И был съезд всех князей русских во Владимире; каждый князь о своей обиде перед послом говорил. Стали же с одной стороны князь великий Андрей Александрович Владимирский, да с ним князь Федор Черный Ростиславич Ярославский, да с ним князь Константин Борисович Ростовский. А на другой стороне против них стали князь великий Данило Александрович да князь великий Михайло Ярославич, да с ними переяславцы заодно. И тут чуть не настало кровопролития; но привел их к полюбовному решению владыка Симеон поделившись по княжениям, разошлись каждый восвоеся.

В том же году князь великий Андрей Александрович Владимирский собрал рать многую, хотя идти к Переславлю и к Москве, и к Твери.

Князь же Михайло Ярославич Тверской и князь Данило Александрович Московский против него собрали рать многую, и пойдя, стали близ Юрьева полчища. И так не дали идти великому князю Андрею Александровичу к Переславлю.

А князь Иван Дмитриевич Переславский, внук Александров, правнук Всеволодов, праправнук Юрия Долгорукого, в то время был в Орде. А уходя в Орду, приказал им блюсти вотчину свою Переславль. И так, ссылаясь, помирились.

В 6805 лето от Адама (1305 лето от Христа)

Поставлена была в Твери церковь Святого Афанасия. В том же году и освящена была. В том же году срублен был в Тверском княжестве на Волге городок Зубцов.

В том же году женился князь Юрий Данилович в Ростове, внук Александров, правнук Ярославов, праправнук Всеволодов.

В 6806 лето от Адама (1306 лето от Христа)

Загорелись сени под великим князем Михаилом Ярославичем Тверским, и сгорел двор князя Михаила Ярославича весь. Божиею же милостию пробудился сам князь Михайло и выкинулся с княгинею своею в окно. А сени полны княжат и боярчонков спавших, и много сторожей, и никто же не слышал, и иные так выбежали, а другие сгорели, и казна

княжеская вся сгорела, и одежды, и все погорело. Сие было на Святой неделе, в субботу на ночь.

В том же году была болезнь тяжкая очень у великого князя Михаила Ярославича Тверского. В том же году засуха была великая, и загорелись леса и боры, и болота, мхи, поля. И была нужда великая. И был мор на скот.

В том же году князь великий Федор Черный Ростиславич Ярославский, собрав рать многую, пошел к Смоленску на племянника своего, на князя Александра Глебовича, внука Ростиславова, правнука Мстиславова, праправнука Давыда, преправнука Ростиславова, пращура Мстислава, прапращура Владимира Маномеха. И пришел под город, и стоял много, и бился крепко, и возвратился в Ярославль, города не взяв.

В 6807 лето от Адама (1307 лето от Христа)

Было знамение на небесах: огородилось солнце грозно. В том же году преставился Климент архиепископ, владыка Новгородский, и положен был в церкви святой Софии в притворе.

В том же году преосвященный Максим, митрополит Киевский и всея Руси, не терпя насилия от татар в Киеве, пошел из Киева, и весь Киев разошелся. А митрополит пошел из Киева к Брянску.

А от Брянска пошел в Суздальскую землю, и так пришел с клиросом и со всем имуществом своим, и сел во Владимире и в Суздале, и в Новгороде Нижнем, и в прочих туда прилежащих местах, а Симеона Владимирского послал в Ростов и дал ему Ростовскую епископию.

В том же году новгородцы с князем своим Борисом Андреевичем, внуком Александровым, изволили себе в архиепископы Феоктиста, игумена Благовещенского, а митрополит должен был благословить его; и взяли его с челобитьем, и посадили его на дворе владычном, пока не уведают, где Максим, митрополит Киевский и всея Руси.

В том же году постригся в святой ангельский иноческий образ князь великий Феодор Черный Ярославский, сын великого князя Ростислава Смоленского, внук Мстиславов, правнук Давыдов, праправнук Ростиславов, преправнук Мстиславов, пращур Владимира Маномеха, прапращур Ярослава, препрапращур великого Владимира, и преставился в святом ангельском и иноческом образе и в схиме, и положен был в церкви святого Спаса в Ярославле. От него же тогда многие чудеса были, и ныне многие (свершаются) чудеса, и исцеление безчисленное всем, приходящим с верою.

В том же году преставился князь великий Ярослав Романович Пронский. В том же году родился у великого князя Михаила Ярославича Тверского, внука Ярославова, сын Дмитрий.

В том же году пришли немцы ко Пскову изгоном и посад пожгли, и людей много избили, и град обступили. И вышел на них Довмонт, князь Псковский, и была сеча злая около Святого Петра и Павла на берегу, таковой не бывало во Пскове; и избили псковичей многих.

И все же Божиєю помощью одолели псковичи и избили немцев, а иных утопили. А вильянцев князь Довмонт Псковский, взяв в плен, послал во Владимир к великому князю Андрею Александровичу Владимірскому.

В том же году царь Тахта во второй раз ходил на царя Ногоя и победил его.

В 6808 лето от Адама (1308 лето от Христа)

Пожар был в Новгороде великий очень, с ветром и с вихрем, и много святых церквей и людей сгорело.

В том же году пришли шведские немцы с силой великой в реку Неву, привели с собою мастеров осадных орудий премудрых и очень искусных, из Рима, от папы римского, и силу многую от папы взяли на помощь себе.

И поставили город на устье Охты-реки, и нарекли его — Венец земли. Утвердили же его твердостью несказанною и оставили в нем воеводу по имени Остения со множеством знатных людей.

И отошли с воеводами и с мудрыми мастерами папскими и королевскими в землю свою.

В том же году пришел преосвященный Максим, митрополит Киевский и всея Руси, в Новгород и во Псков, а с ним Симеон, епископ Ростовский, и Андрей, епископ Тверской. И поставил с двумя епископами, Симеоном Ростовским и Андреем Тверским, Феоктиста, игумена Благовещенского, в архиепископы Новгороду и Пскову, на память святых апостолов Петра и Павла. И была радость великая в Новгороде. В том же году в Новгороде заложили церковь каменную святого Михаила на Михайлове улице.

В 6809 лето от Адама (1309 лето от Христа)

Были ветры великие и бури многие и грозные, и вихри сильные, и громы страшные, и молнии, и дожди великие, так что все люди вострепели и ужаснулись; и настолько были тучи сильные, что за один только час рвы и овраги словно бездны учинились; ветры же с вихрем многие церкви и дома жителей из основания вырывали, а у некоторых верхи срывали и до половины храмы великие разрушали, и таких не возможно сосчитать.

В том же году князь Данило Александрович Московский приходил ратью на Рязань, и бились у города у Переславля. И князь великий Данило

Александрович Московский одолел, и много бояр и людей избил, а князя их Константина Романовича Рязанского некоею хитростию взял, из-за крамолы их же, бояр рязанских. И привел его с собою на Москву, и держал его у себя в плену, но в бережении и в чести всякой, ибо хотел с ним укрепиться крестным целованием и отпустить его в его отчину на великое княжение Рязанское.

В том же году князь Александр Глебович Смоленский, внук Ростиславов, правнук Мстиславов, праправнук Давыдов, преправнук Ростиславов, пращур Мстислава, прапращур Владимира Маномеха, ходил ратью к Дорогобужу и город осадил, и воду отнял, и много зла людям сотворил. Князь же Андрей Вяземский пришел на него под Дорогобуж с ратью и помог дорогобужцам, и убили тогда под Дорогобужем у князя Александра Глебовича Смоленского сына его, а самого князя Александра Глебовича и брата его, князя Романа Глебовича, ранили, а смольнян из рати его убили двести человек. В том же году князь великий Андрей Александрович Владимирский пошел ратью с владимирцами и с новгородцами на немцев.

И взяли город немецкий Венец на реке на Неве, и сожгли, а люди избili. И оказалась ни к чему премудрость их и городские их укрепления без Божией помощи, по писанному: «Аще не Господь сохранит град, всеу бяда стрегии».

В том же году погорел град Торжок. В том же году был съезд всех князей в Дмитрове о княжениях, и была молва великая. Князь же великий Андрей Александрович Владимирский, и князь Михайло Ярославич из Ярославичей Тверской, князь великий Данило Александрович Московский, князь Иван Дмитриевич, внук Александров Переславский — поделились вотчинами между собою и помирились в любви о Христе.

А князь Михайло Ярославич из Ярославичей Тверской с князем Иваном Дмитриевичем из Александровичей Переславским не договорились и, мира и любви о Христе между собою не заключив, разошлись.

В том же году родился у князя Михаила Ярославича, внука Ярослава Тверского, сын Александр.

В 6810 лето от Адама (1310 лето от Христа)

Была буря великая очень, и много пакости было людям: хоромы рвало, и леса ломило, и людей и скот побило.

В том же году было знамение на небесах: явилась звезда на западе лучами вверх, испуская словно хвост к полудню вниз. В том же году были постриги у князя Михаила Ярославича Тверского сыну его Дмитрию.

В том же году преставился князь великий Иван Дмитриевич Переславский, внук Александров, правнук Ярославов, праправнук Всеволодов, препраправнук Юрия Долгорукого, пращур Владимира Маномаха, прапращур Всеволода, препрапращур Ярослава Владимировича, месяца марта в 15-й день. Детей же не имел и был тих, кроток, и смирен, и любовен, и милостив, и к божественным церквам прилежен очень, и премного почитал священнический чин и иноческий, и любил, и беседовал с ними непрестанно, и к нищим, и к странникам словно отец был, и настолько был добродетелен, что многие дивились житию его.

Благословил же вместо себя вотчиною своею Переславлем великого князя Данила Александровича Московского, дядю своего, ибо был Данило отцу его, великому князю Дмитрию Александровичу, родной брат. Самый младший же сын Александров (сей Данило Московский), которого любил более иных.

И сел в Переславле на княжение князь великий Данило Александрович Московский, и наместников своих в нем посадил.

А брата своего старшего великого князя Андрея Александровича Владимирского прогнал.

В том же году князь великий Андрей Александрович Владимирский пошел в Орду к царю.

В том же году преставился князь Борис Андреевич, внук Александров, в Костроме, месяца февраля в 25-й день.

В том же году в Новгороде заложили крепость-детинец каменную для Новгорода.

В 6811 лето от Адама (1311 лето от Христа)

Постригся в святой ангельский и иноческий образ и в схиму князь великий Данило Александрович Московский, внук Ярославов, правнук Всеволодов, праправнук Юрия Долгорукого, препраправнук Владимира Маномаха, пращур Всеволода, прапращур Ярослава, препрапращур великого Владимира, и преставился месяца марта в 4-й день.

И положен был в церкви святого Михаила Архангела на Москве, в своей отчине. Его сыновья: Юрий, Александр, Борис, Иван, Афанасий. Переславцы же после смерти его встали за сына его, за Юрия, и не пустили его из Переславля на погребение отца его.

Той же весной князь Юрий Данилович Московский, внук Александров, правнук Ярославов, праправнук Всеволодов, со своими братьями ратью ходил к Можайску и взял его, а князя Святослава схватил и привел на Москву.

В том же году князь великий Андрей Александрович Владимирский, внук Ярославов, пришел из Орды от царя.

В 6812 лето от Адама (1312 лето от Христа)

Постригся в святой ангельский и иноческий образ и в схиму князь великий Андрей Александрович Городецкий, внук Ярославов, правнук Всеволодов, праправнук Юрия Долгорукого, препраправнук Владимира Маномеха, пращур Всеволода, прапращур Ярослава, препрапращур великого Владимира, и преставился месяца июня в 22-й день.

И повезли, и положили на Городце, в церкви святого Михаила архангела. Княжил 11 лет. И бояре его, с ними же и Акинф, боярин его, после смерти его отъехали в Тверь к великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому.

И стали спорить два князя о великом княжении: князь великий Михайло Ярославич Тверской и князь великий Юрий Данилович Московский.

И пошли в Орду к царю в споре и в брани великой, и была замятия в Суздальской земле во всех городах.

И пошел князь великий Юрий Данилович Московский с братьями своими в Орду, а князя Бориса Александровича, брата своего, послал на Кострому.

И схватили его бояре великого князя Михаила Ярославича Тверского, и повели его в Тверь. А стерегли тогда на Костроме великого князя Юрия Даниловича Московского, но он прошел иным путем к царю в Орду.

И послали тверичи в Новгород Великий наместников князя Михаила Ярославича Тверского с силою и бесстыдством многим. Новгородцы же их за высокоумие и бесстыдство ни во что поставили; они же возвратились в Тверь.

Новгородцы же послали в Торжок охранять, а тверичи к ним, собравшись, пришли. Новгородцы же говорили им: «Потерпите немного, пока князь не придут из Орды, и мы тогда себе изберем князя по своей воле, по обычаю нашему старинному».

И так разъехались с миром. В том же году в Костроме было вече на бояр, на Давыда Явидовича, да на Жеребца и на иных, и убили тогда Зерна и Александра.

В том же году в Ростове разбились два колокола великих. В том же году преставился Тарасий, епископ Ростовский.

В том же году преставился князь Константин Борисович Ростовский, внук Васильков, правнук Константинов, праправнук Всеволодов, пре-

праправнук Юрия Долгорукого, пращур Всеволода, препращур Ярослава Владимировича.

Повесть о убиении Акинфа, боярина тверского

Князь великий Михаиле Ярославич Тверской и князь великий Юрий Данилович Московский, поспорив о великом княжении, пошли к царю в Орду, и была между ними о том брань великая. А князь Иван Данилович после брата своего Юрия сел на Москве.

Тогда же из Москвы пришел в Переславль и сел в нем на великое княжение; и была ему весть тайная из Твери, что хотят тверичи на него изгоном придти ратью к Переславлю. Он же укрепил всех своих бояр и переславцев, и к Москве послал, собирая рать.

И пришел на него изгоном под Переславль боярин тверской Акинф, у князя Михаила Ярославича, внука Ярославова, правнука Всеволодова. И был тот боярин Акинф прежде того у князя Андрея Александровича Городецкого, внука Ярославова, правнука Всеволодова.

И вышел навстречу князь Иван Данилович, с ним же переславская рать единомысленной была. И крепко стояли. К нему же приспела и московская рать.

И бились очень крепко. И помог Бог великому князю Ивану Даниловичу, и убит был тут под Переславлем Акинф и зять его Давыд; много тверичей избито было там. А дети Акинфовы, Иван да Федор, еле убежали в Тверь. И была в Твери печаль и скорбь великая, а в Переславле веселье и радость великие. Князь же Тверской, Михаил Ярославич, тогда в Орде пребывал.

Акинф же боярин, хотя заслужить доверие и сотворить угодное князю своему, пошел с тверичами ратью к Переславлю на великого князя Ивана Даниловича Переславского, внука Александра, правнука Ярославова, и убит был сам и со многим воинством его.

Князь же великий Михаил Ярославич Тверской и князь великий Юрий Данилович Московский, внук Александров, правнук Ярославов, пошли в Орду к царю в споре о великом княжении Владимирском.

В том же году князь Михайло Ярославич Тверской пришел из Орды от царя на великое княжение, и сел на великом княжении во Владимире; и услышал о случившемся с Акинфом, и оскорбился очень.

В том же году князь Михайло Ярославич, внук Ярославов, правнук Всеволодов, пошел ратью к Москве на великого князя Юрия Даниловича, внука Александра, правнука Ярославова, праправнука Всеволодова, и на бранию его. И была между ними брань многая, и через некоторое время помирились.

В 6813 лето от Адама (1313 лето от Христа)

Было знамение на небесах. Тем же летом были грома великие и молнии. В том же году преставился преосвященный Максим, митрополит Киевский и всея Руси, в Филиппово говение, месяца декабря в 6-й день, на память святого чудотворца Николы. И положен был во Владимире, в церкви Пречистыя Богородицы.

В том же году в Филиппово говение князь великий Юрий Данилович повелел у себя на Москве великого князя рязанского Константина Романовича убить, которого захватил хитростью некоею на бою отец его, князь великий Данило Александрович, внук Ярославлов.

В том же году братья великого князя Юрия Даниловича Московского отъехали к великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому от брата своего, от великого князя Юрия Даниловича, из Москвы.

В том же году в Нижнем Новгороде избили черные люди бояр княжеских Андрея Александровича.

В том же году князь Михайло Андреевич пришел из Орды в Нижний Новгород и избил всех вечников, которые избили бояр. И (те) ту же чашу испили, ибо: «имже бо судом судите, судят вам, и в нюже меру мерите, возмерится вам». В том же году была осенью Таирова рать.

В 6814 лето от Адама (1314 лето от Христа)

Родился у князя Михаила Ярославича, из Ярославичей Тверского сын Константин. Тем же летом были дожди великие.

В 6815 лето от Адама (1315 лето от Христа)

Сел князь великий Михайло Ярославич Тверский в Новгороде на престол.

В том же году Феоктист архиепископ, владыка Новгородский, оставил епископию свою по своей воле, ради своей немощи, избрав тихое и молчаливое житие, и ушел в монастырь Благовещенский. И благословил вместо себя в Новгороде епископом быть духовного своего отца, Давыда; и посадили его во дворе владычном с челобитьем и с честью, до тех пор, пока митрополит не поставлен будет на Киев и на всю Русь; и тогда пойдет к нему ставиться.

В 6816 лето от Адама (1316 лето от Христа)

Поставлен был в Царьграде Афанасием, патриархом Царьградским Петр митрополит Киеву и всей Руси и принял от патриарха и от царя честь великую.

В том же году пришел из Царьграда преосвященный Петр, митрополит Киевский и всея Руси, и сел в Киеве.

В том же году были голод и мор. В том же году убит был в Орде князь Василий Константинович Рязанский. В том же году татары Рязань воевали.

В том же году князь великий Михайло Ярославич, внук Ярославов, правнук Всеволодов, ходил второй раз к Москве ратью со всею силою, и был бой у Москвы на память святого апостола Тита, и много зла сотворил. И города не взяв, отошел.

В 6817 лето от Адама (1317 лето от Христа)

Пришел из Киева во Владимир преосвященный Петр, митрополит Киевский и всея Руси. В том же году мышь поела рожь, пшеницу, овес, ячмень и всякое жито, и голод сильный был по всей Руской земле, и кони, и всякий скот померли.

В том же году преставился князь Александр Данилович, внук Александров, правнук Ярославов, праправнук Всеволодов, препраправнук Юрия Долгорукого, пращур Владимира Маномеха.

В том же году преставился князь Константин Борисович Ростовский, внук Васильков, правнук Константинов, праправнук Всеволодов, препраправнук Юрия Долгорукого, пращур Владимира Маномеха. Сел княжить после него сын его, князь Василий.

В том же году преставился князь Василий Михайлович Суздальский. В том же году преосвященный Петр, митрополит Киевский и всея Руси, во Владимире поставил Новгороду архиепископом Давыда.

В том же году князь Святослав Глебович выгнал племянника своего князя Василия из Брянска, а сам сел на княжении в Брянске.

В том же году князь Василий Брянский пошел в Орду к царю жаловаться на дядю своего, на князя Святослава Глебовича.

В 6818 лето от Адама (1318 лето от Христа)

Преосвященный Петр, митрополит Киевский и всея Руси, пошел в Брянск, и встретил его князь Святослав со мною честию.

В том же году пришел с татарами ратью князь Василий на дядю своего, на князя Святослава Глебовича Брянского, и был мятеж в городе Брянске.

Петр же митрополит сказал князю Святославу Брянскому: «Поделись, сыну, с племянником своим, с Василием, княжением, или, оставив ему всё, беги из города, а не бейся». Князь же Святослав Глебович Брянский, надеясь на свою силу и на мужество, ибо был крепок телом и мужествен очень, вознесся умом своим и мною силою брянскою и, отвечая, сказал:

«Господине, брянцы меня не пустят, хотят за меня головы свои сложить», и так не послушал Петра митрополита; ведь как писано: «Сын ослушлив вскоре приимет месть». И еще сказано: «Да не хвалится силныи силою своею, вси бо, надеющиеся силе своеи, погибоша».

И так князь Святослав Глебович с ратью великою, в силе многой, после полудня вышел против рати татарской и сошелся с ними на бой; и помрачили стрелы татарские воздух, и были словно дождь, также копьями и саблями сражались, и была сеча злая. Брянцы же выдали князя Святослава Глебовича Брянского, будучи крамольниками, и стяги пометали, а сами побежали. Князь Святослав только со своим двором много бился с татарами и в конце концов убит был в бою. Петр же митрополит затворился тогда в церкви и был там; сохранил Бог его от язычников татар, как написано: «Избавляю избранного моего от оружия люта, и осенью над главою его в день брани». В том же году преставился преждебывший архиепископ новгородский Феоктист в Новгороде, много пострадав от болезни, Богом посланной ему на спасение, в монастыре Благовещения Пречистыя Богородицы; там же и положен был.

В том же году родился у князя Василия Константиновича Галичского, внука Борисова, правнука Василькова, сын Феодор.

В том же году князь Василий Брянский ходил с татарами к Карачеву и убил князя Святослава Мстиславича Карачевского.

В 6819 лето от Адама (1319 лето от Христа)

Князь Дмитрий Михайлович Тверской, собрав воинства много, хотел идти на Новгород Нижний, и не благословил его Петр митрополит столпом во Владимире. Собрался с силою великою и бил челом Петру митрополиту, чтобы разрешил от грехов его. И так распустил войско свое, и ушел каждый восвояси.

В том же году Симеон, епископ Ростовский, который был прежде Владимирским, и которого привел из Владимира в Ростов преосвященный Максим, митрополит Киевский и всея Руси, оставил епископию свою Ростовскую.

В том же году преосвященный Петр, митрополит Киевский и всея Руси, поставил Прохора, архимандрита Спасского, что в Ярославле, епископом Ростову.

В том же году в Новгороде пожар был, и погорело много святых церквей, и дворов, и людей.

В 6820 лето от Адама (1320 лето от Христа)

Преставилась великая княгиня Ярослава Ярославича, Оксиния, в иноческом чину и в схиме и положена была в Твери.

В том же году Петр, митрополит Киевский и всея Руси, снял сан с сарайского владыки Измаила.

В том же году Петр, митрополит Киевский и всея Руси, поставил Варсонофия епископом Сараю.

В том же году и отпустил его в Сарай. В том же году погорел Нижний Новгород.

В 6821 лето от Адама (1321 лето от Христа)

Умер царь Тахта татарский. В том же году преставился князь Александр Глебович Смоленский, внук Ростиславов, правнук Мстиславов, праправнук Давыдов, преправнук Ростиславов, пращур Мстислава, прапращур Владимира Маномаха. Его сыновья: Василий, Иван.

В том же году сел царь Азбък на царство и обасурманился.

В том же году князь великий Михайло Ярославич Тверской пошел в Орду. Также и Петр, митрополит Киевский и всея Руси, вместе с ним пошел во Орду, того ради, что тогда в Орде Тахта царь умер, а новый царь Азбък сел на царстве, и все обновилось.

И все приходили в Орду и ярлыки брали, каждый на свое имя, и князья, и епископы.

Но милостью Божиею Петр митрополит в Орде у царя был в чести великой, и отпущен был от царя со многою честью, и вскоре пришел на Русь.

В том же году посадник ладожский пошел с ладожанами ратью на немцев; и когда тот пошел туда, и немцы, придя, Ладогу взяли и сожгли, и людей в полон повели, и со многим богатством возвратились восвояси.

В 6822 лето от Адама (1322 лето от Христа)

Преставился князь Василий Александрович Брянский, внук Глебов, правнук Ростиславов, праправнук Мстиславов, преправнук Давыдов.

В том же году половодье было сильное. В том же году в Новгороде голод был.

В том же году новгородцы сотворили вече, потому что не любы им были наместники князя Михаила Ярославича Тверского, так как многая обида и нужда была им от них. И захотели их изгнать. Князь же Михаил Ярославич Тверской тогда был в Орде. И послали к великому князю Юрию Даниловичу на Москву.

Он же послал тайно к князю Феодору Ржевскому, чтобы (тот) шел в Новгород. Он же, собравшись, еще ожидал других вестей от великого князя Юрия.

В том же году князь великий Юрий Данилович Московский послал в Новгород князя Феодора Ржевского. Он же, придя в Новгород, наместников князя Михаила Тверского, которые сидели на Новгороде, схватил.

И пошел с новгородцами на Волгу, и вышел против него с тверичами князь Дмитрий Михайлович, внук Ярославов, ибо отец его, князь Михаил, тогда был в Орде, и стал против них на своей стороне реки Волги. И стояли так шесть недель и до заморозков, и так смирились новгородцы по своей воле.

И послали за великим князем Юрием Даниловичем на Москву, зовя его к себе в Новгород. Он же пришел к ним на стол их в Новгород, и с братом своим Афанасием, и сел на столе.

В 6823 лето от Адама (1323 лето от Христа)

Прислал из Орды Азбьяк царь Ордынский за великим князем Юрием Даниловичем Московским, чтобы шел к нему в Орду без промедления.

Он же, оставив в Новгороде брата своего Афанасия Даниловича, пошел оттуда в Ростов, а оттуда пошел к царю в Орду, месяца марта 15-го, в субботу Лазареву.

В том же году преставился князь Иван Михайлович Стародубский, внук Иванов, правнук Всеволодов.

В том же году пришел от царя из Орды князь великий Михайло Ярославич Тверской, а с ним посол Таитемир и Имар-Хожа, и Индия.

В том же году князь Афанасий Данилович, внук Александров, правнук Ярославов, пошел из Новгорода в Торжок с новгородскими боярами без черных людей.

Услышал же об этом князь великий Михайло Тверской, и собрался со всею силою низовскою и с татарами, и пошел к Торжку.

И вышел князь Афанасий Данилович и князь Феодор Ржевский с новгородцами против них, и была битва великая и сеча злая, и побили мужей новгородских: тысяцких, посадников, бояр и прочих знатных много, а иные новгородские силы пали, и числа им нет, и едва с немногими оставшимися князь Афанасий Данилович и князь Федор Ржевский убежали в Новгород.

И прислал князь Михайло Ярославич к новгородцам, говоря: «Выдайте мне князя Афанасия Даниловича и князя Феодора Ржевского». Новгородцы же князя Феодора Ржевского выдали, а за князя Афанасия Даниловича крепко стали. А за себя выкуп дали — пять тысяч гривенок серебра. И договорившись, помирились.

Князь же Михайло Ярославич Тверской призвал к себе князя Афанасия Даниловича и бояр новгородских и начал с ними договариваться о подтверждении присяги по обычаю их старинному. Они же не хотели такой присяги от себя давать.

Он же, в ярость пришел, и схватил всех, и послал в Тверь. А прочих людей всех перепродал, как пришлось, а коней их, и доспехи их, и все оружие их, и всех мастеров их взял в Тверь, а Торжок разорил.

А в Новгороде наместников своих посадил и дал посадничество новгородское из своих рук Михаилу Климентьевичу и Ивану Дмитриевичу. Было же это месяца февраля в 5-й день.

В том же году Андрей, епископ Тверской, оставил епископию свою и ушел в монастырь.

Пропуск в летописи (три года)

И некоторые говорили Азбяку царю так: «Если убит будет сын его, то отец его к тебе не придет никогда». Царь же Азбьяк повелел сына его отпустить.

В том же году Кавгадый на перехват послал многих татар, на князя Михаила Ярославича Тверского, где его найдут, там его смерти предать. Тем же летом, в месяце августе, князь великий Михаил Ярославич Тверской пошел в Орду к царю Азбяку.

В 6827 лето от Адама (1327 лето от Христа)

Князь великий Михайло Ярославич Тверской пришел в Орду к царю месяца сентября в 6-й день, на устье Дона-реки у моря Сурожского, где втекает Дон-река в море, и то море зовется Сурожское, месяца сентября в 6 день, на память святого чуда великого архангела Михаила; и по обычаю одарил всех князей и княгинь, после же самого царя и царицу.

Был же Михаил в Орде у царя полтора месяца, а Кавгадый царю беспрестанно клеветал на него. Царь же, призвав князей своих, сказал им: «Судите Михаила Ярославича с Юрием Даниловичем, и, рассудив, мне скажите».

И сели князя на судище, и начали судить Михаила с Юрием, и все помогали Юрию, и многие вины возлагали на Михаила. Если что и отвечал Михаил, то мимо пропускали словеса его. А которые словеса и правдивыми были, но они все их презирали, прилежно же внимали словам Кавгадыя, ибо тот был и судья, и обвинитель, и на свою душу все брал, но заставлял верить себе всех. Потом разошлись, и их поставить повелели в следующую неделю на суде.

И царю сказали, так говоря: «Князь Михаил Ярославич по суду достоин смерти, а твое великое слово вольного царя — как ты повелишь». И о многих винах его говорили царю. Царь же снова повелел им во второй раз суд сотворить и истинно испытать обо всем, и достоверно. Кавгадый же сказал: «На меня, царь, возложи и на мою душу, мне всё ведомо; и по их словесам, по которым судил о них, достоин Михаил смерти. И если твое слово повелит снова судить их, то пусть станет Михаил связанным на суде и так пусть отвечает, ибо не хотим мы, великий царь, обидимым тебя видеть, и нас, твоих князей, поношаемых, ибо наше бесчестье — твое бесчестье, а твоя честь и слава — это всех нас и всей Орды жизнь и пребывание». Сказал им царь: «Как хотите, так и творите, только праведно судите моим судом, ибо нашему суду царскому праведному подобает быть, поэтому судите праведно и, окончив судить, мне скажите».

Снова на другую неделю сели князя на суде. Михаила поставили связанным и обо всем слушали Юрьевы речи, от Михайловых же речей отворачивались. Также начали говорить ему так: «Горд ты и не покорен царю нашему, и посла царева, Кавгадыя, осрамил, и с ним бился, и татар его побил, и дани царева брал себе, а царю не давал; и в немцы с казною бежать хотел, и казну в Рим к папе отпустил, и княгиню Юрьеву зельем уморил, и князей, и татар царева побил». Михаил же обратное говорил им: «Царя я слушал и слушаю, и работаю ему телесно, и дани даю ему, а посол царев пришел на меня ратью, и я не по своей воле бился с ним, и потом его чтил и дарил, и отпустил со многою честью и с дарами. А княгиню Юрьеву зельем не уморил, но умерла сама, своею смертью, а брат мой Юрий Данилович помянул бы мою дружбу и любовь, поскольку отцу его в бедах помогал и ему не супротивен, но он восстает на меня и всем хочет владеть, не так, как по нашему обычаю. И поэтому на меня вражду сотворил, и ныне, если что захочет, пусть будет ему только по воле царицы и по вашему суду, как царь и вы повелите. А ныне ко мне окажите милость». Кавгадый же, встав, сказал: «Не достоин милости, но достоин смерти» и много с яростью говорил ему.

И так все князя, встав, сказали царю: «Вот, во второй раз, царь, говорим тебе, что Михаил по суду достоин смерти». Сказал им царь: «Если так, то праведное сотворите». Было же это в пятницу, уже вечером глубоким.

На утро же в субботу князя сели на судище, и Михаила поставили связанного, и приставили к нему семь стражей от семи великих князей, а иным и числа нет. И была скорбь великая князю Михаилу Ярославичу, и многие узы железные принесли, хотя на него возложить, но только руки ему связали оковами железными и на шею цепь великую возложили, и мышцы его назад завязали. А всех своих, кто был с ним, побили и отогнали.

Также снова на другое утро, в воскресенье, возложили на шею его дерево некое великое и повели за царем на охоту. И пребывал там в такой нужде двадцать пять дней, и потом повелел Кавгадый в таковой укоризне и поношении на торг привести его, словно разбойника и злодея некоего, и много зла изглагодал на него. И потом сказал перед всем народом, ибо было там много людей, так что числа им не было, говоря: «Милость царева на повинных с наказанием всегда пребывает, но сей достоин смерти, ибо известно и достоверно царево слово, и суд его праведный разыскал, что князь Михайло Ярославич совсем милости лишился и к смерти приблизился из-за своих злых дел, и вот, ныне в тяготе и в нужде находится. Также после сего скоро смерть примет, но все же по царской милости и по его величеству подобает его почитать, поскольку при смерти уже есть».

И так повелел Кавгадый расковать его и развязать, и воду принести, и омыть его, и когда так и сделали, повелел на него одеяние возложить дорогое, также повелел принести еду и овощи всякие, также и пить принести. Михаил же ни к чему не прикоснулся и не вкушал; было же там множество народа, словно песок, собрались, чтобы видеть это все, и было, что тогда из всех земель сошлись там люди, словно трава и словно песок: и цареградцы, и немцы, и литва, и русь, и многие православные, видя это, прослезились. И не было никого без слез в это время.

Также Кавгадый снова повелел снять с него одеяние дорогое и все тяготы первоначальные возложить на него.

И пребывал в той нужде двадцать шесть дней за рекою Теркою, под великими горами Яскими и Черкасскими, у града Титякова, на реке Сивинце, близ врат железных, у болвана медного, у золотой главы, у Темиревой богатырской могилы.

Было же рано очень в среду. Встал князь великий Михаил Ярославич и призвал к себе духовного своего отца игумена Марка, ибо был с ним игумен, да два попа-инока, да два попа, да диакон мирской; и начал говорить ему со слезами и с рыданием великим, так говоря: «Вот, уже трижды показалось мне в ночи сей, что скончание мое сегодня приблизилось. Но сотворите мне любовь, помяните меня в святых своих молитвах и не забывают меня никогда, и да простит мне Господь Бог все грехи мои, ибо много согрешил перед ним».

Также повелел петь заутреню и потом часы. И сам прилежно внимал с плачем, и со слезами, и с горьким вздыханием.

И потом повелел начать правило святого причащения. И пел сам по книгам, и изглагодал все со многими слезами, и исповедался отцу своему духовному игумену Марку.

Также божественная служба была, и причастился святых и божественных и животворящих тайн Христовых, ибо стражи цареви и всех князей не возбраняли ему ничего, что по христианскому закону твориться должно.

И так, после божественного причащения обнял духовного своего отца игумена Марка, также и всех священников и диакона обнял, поцеловал и жалостно со слезами глаголя к ним, да не забудут его, но да поминают его в святых своих молитвах.

Также призвал сына своего Константина, ибо был там сын его Константин, и, обняв его, сказал: «Сыну мой, держи чисто православную веру и церкви божественные почитай, и весь священнический и иноческий чин чти, и странников и нищих не презирай, ибо угодно сие Богу». И потом начал приказывать сыну и княгине словесно про отчину, и про всех, кто с ним был в скорби и в печали великой, и чтобы не забывали их и не презрели никогда. Также сказал: «Отидите от мене вси, яко прискорбна есть душа моя до смерти, се уже час разлучения моего приближается». И начал обливаться, как водою, слезами.

И после сего понемногу преклонился в сон, и снова, пробудившись, плакал. И повелел принести к себе Псалтырь, глаголя: «Печална ми душа зело и вскорбихся до смерти». И, разогнув Псалтырь, обрел псалом Давида 24-й: «Внуши, Боже, молитву мою и не презри моления моего, вонми ми и услыши мя в скорбех, печалию моею смутихся от гласа вражия и от стужения грешнича, яко уклониша на мя безаконие и во гневе враждоваху ми. Сердце мое смутися во мне и страх смерти нападе на мя». И так по единой строке глаголя со слезами, и снова, повторяя, то же глаголя. Также глаголя стих: «Пречистая Богородица, во время живота моего не остави мене, и в человечьстии помощи не ввери мене, но Сама мя заступи и помилуй мя. Все упование мое к Тебе възлагаю, Мати Божия, сохрани мя во своем си крове». Также после сего начал молитву Иисову глаголя со слезами. Иного же ничего не глаголя. И если кто вопрошал его, не отвечал, но говорил так: «Не троньте меня, ибо прискорбна душа моя до смерти».

Много часов прошло, и ему, молитву Иисову глаголющему со слезами, и вот, скоро прибежал один из отроков его, говоря: «Господин княже великий Михаиле, вот, от царя из Орды идет Кавгадый и с ним князь Юрий Данилович Московский со множеством народа прямо к тебе». Он же сказал: «Да знаешь ли, зачем идут?» Отрок вскричал со многими слезами, говоря: «О, господине, княже великий Михаиле, на убиение твое грядут».

Князь великий Михаил Ярославич поскорее послал сына своего Константина к царице, глаголя: «Так как обещалась мне помогать, если мо-

жешь, помоги; вот уже сегодня спешно грядет князь Кавгадый и князь великий Юрий Данилович Московский». И тот еще не успел к царице придти, а Кавгадый уже вперед себя послал в стан Михайлов.

И отослал поскорее сына своего Константина к царице. И было страшно в тот час, братья, видеть со многих сторон множество приближающихся к кибитке князя Михаила. Кавгадый же и великий князь Юрий Данилович послали убийц, а сами спешили с коней в торгу и близко были в торгу, как камнем добросить. Убийцы же, как дикие звери, немилостивые кровопийцы, разогнали от блаженного всех людей.

Убийцы же вскочили в кибитку и обрели святого, стоящего на молитве. И так схватили его за деревянную колоду, которая было на шее его, и ударили его сильно, и взломали стену, и проломилась кибитка. Он же вскочил, и многие, схватив его, повергли на землю и начали мучить его, некие же ногами пинали его. И тогда некто Иванец, взяв за уши, бил его головою о землю, говоря к нему так: «Скоклив еси и поспешен, твори елико хочещи». Также один из них пришел, именем Романец, имея нож великий, и ударил Михаила ножом в ребра его, в правый бок, и вновь, обращая нож туда и обратно, пронзал его, говоря: «Дерзким был и пей чашу добрую». Он же возопил громким голосом и испустил дух, месяца ноября 22-го дня.

Кибитку же его разграбили русские и татары, а всех бывших с ним христиан и татар, служащих ему, схватив, обнажали, и нагих влачили, терзая, как злодеев, и, разведя, оковали.

Также после сего князь Кавгадый и князь великий Юрий Данилович Московский пришли к телу его; и вот, тело его нагое поверженным лежало. И сказал князь Кавгадый с яростью князю Юрию Даниловичу Московскому: «Что это такое, почему забылся ты? Не брат ли тебе он старший, как отец? Да почему так тело его поверженное и нагое лежит на поругание всем? Возьми же его и вези в свою землю, и погребви его в отчине его по вашему обычаю, который у вас есть».

Тогда князь великий Юрий Данилович Московский повелел взять тело его и положить на доску, и покрыть; также потом положили его на телегу и привязали канатами крепко, и повезли за реку, называемую Адежь, что переводится Горесть, И повелел двум (стражам) стеречь его. И когда настала ночь, обьял их страх и ужас великий, и не могли стерпеть, убежали в стан.

И рано придя, не обрели на доске тела его; доска же одна была на телеге канатами привязана, а тело его лежало рядом, поодаль от телеги, раною к земле, и крови много из нее изошло, а правая рука была под лицом, а левая у ран, а в порты единственно одет. Не прикоснулось же ничего

к телу его, хотя и множество бесчисленное зверей было там, но Бог сохранил его, ибо написано: «Хранить Господь вся кости их, едина от них не сокрушится». Ибо смерть грешникам лютая, как и настала окаянному Кавгадыю; не пережив одного года, зло изверг окаянный жизнь свою; многие же верные и неверные тогда видели два облака, осеняющих тело блаженного князя Михаила, расступающихся и сходящихся, светящихся как солнце, о чем исповедали нам со слезами и со многою клятвою.

Послали же оттуда тело в Можчарык, и бывшие там купцы русские захотели поставить в церкви, плащаницею покрыв; и не дали им, но в хлеву поставили со стражею. Тогда там живущие видели в ночи столп огненный от земли до небес, иные же — словно радугу небесную, преклоняющуюся к хлеву, в которой тело лежало.

Оттуда повезли его к городу Бездежу, и когда были близ города, то многие из города видели около саней множество народа со свечами, а иных на конях с фонарями, по воздуху ездящих; и так привезли в город.

И не поставили в церкви, но во дворе, и двое из них, стерегущих, возлегли на санях над телом его. И напал на них страх великий, и так неведомой силой свержены были с саней и далеко отметнуты, и едва встали и в себя пришли; и пойдя, исповедали обо всем случившемся бывшим там священникам; от них же услышав об этом, записал все достоверно.

Оттуда же повезли его по руским городам, и так понемногу довели его и до Москвы, и привезли его в город Москву, положили его в монастыре, в церкви святого Преображения, а в Твери об этом не ведали.

В 6828 лето от Адама (1328 лето от Христа)

Князь великий Юрий Данилович Московский пришел на великое княжение и привел с собою князя Константина Михайловича, внука Ярославова, и бояр его, и слуг, словно полон ведя (их) с собою, и промчелся по всей земле.

И встретили его в насадах на Волге сыновья его: Дмитрий, Александр, Василий и великая княгиня Анна, мать их, и епископ Варсанофий, и весь чин священнический со свечами, и с кандилами, и со множеством народа, встретили его у архангела Михаила на Берегу, и положили его в церкви святого Спаса, месяца сентября в 6-й день. Было же цело тело его и невреждено ничем же, из дальних земель везено на телеге и на санях; также и на Москве сколько лежало и не истлело, но все цело и невреждено. Был же сей князь великий Михайло Ярославич, внук Ярославов, правнук Всеволодов, праправнук Юрия Долгорукого, препраправнук Владимира Маномеха, пращур Ярослава, прапращур великого Владимира, телом велик очень и крепок, и мужествен, и взором страшен, и Божественное писание всегда сам прочитывал, и к церквам был прилежен, и священ-

нический и иноческий чин очень почитал, и боярами, и всеми своими любим был, и пьянства не любил, и иноческого чина всегда желал, и про мученические подвиги всегда рассказывал, и ту же чашу испил за христиан. Если бы он не пошел во Орду, услышав про столькие беды на себя, и отошел бы в иные земли, то пришли бы татары, ищущие его, и скольких бы христиан замучили и смерти предали, и святые церкви поругали; но сей блаженный Михаил за всех себя отдал и смертью насильственной преставился, и, радуясь, пришел к своему владыке Христу в небесное царствие, ибо смертно есть житие сие. Если бы не так умер, умер бы все равно.

Той же осенью женился князь Александр Михайлович Тверской, внук Ярославов, правнук Ярославов, праправнук Всеволодов, преправнук Юрия Долгорукого.

В том же году преставился князь Борис Данилович, внук Александров, правнук Ярославов, праправнук Всеволодов, преправнук Юрия Долгорукого. И положен был в церкви Пречистыя Богородицы во Владимире.

В том же году женился князь Константин Михайлович Тверской, внук Ярославов, правнук Ярославов, праправнук Всеволодов, преправнук Юрия Долгорукого, и венчан был в церкви святого Феодора в Костроме.

В том же году женился князь Дмитрий Михайлович Тверской, внук Ярославов, правнук Ярославов, праправнук Всеволодов, преправнук Юрия Долгорукого, привел за себя из Литвы дочь Гедемина князя. И венчан был в церкви святого Спаса в Твери епископом Варсонофием Тверским, и была всем людям радость в Твери.

В том же году приходил из Орды посол Байдера к великому князю Юрию Даниловичу, и много зла учинили во Владимире.

В том же году князь великий Юрий Данилович послал в Новгород на стол брата своего Афанасия Даниловича.

В том же году родился у князя Ивана Даниловича сын Данило. В том же году князь Иван Данилович, внук Александров, пошел в Орду к царю Азбяку.

В том же году преставился князь Юрий Александрович Ростовский.

В 6829 лето от Адама (1329 лето от Христа)

Пришел из Орды в Кашин Таянчар татарин с жидовином, с собирателем задолженности дани, и многую тягость учинили Кашину. Тем же летом погубило солнце месяца июня в 26-й день, на память святого Давыда Селунского в третий час дня, и был еще молодой месяц два дня, и через один час вновь наполнился.

В том же году князь великий Юрий Данилович собрался со всею силою низовскою и суздальскою, хотя идти к Кашину ратью. Князь же Дмитрий Михайлович Тверской со своими силами вышел против него к Волге, и там установил между ними мир владыка бывший Андрей, и разошлись каждый восвояси.

В том же году князь великий Юрий Данилович взял серебро выходное у тверских князей по договору и не пошел навстречу цареву послу, но пошел с серебром в Новгород Великий. В том же году родился у князя Александра Михайловича, внука Ярославова, правнука Ярославова, сын именем Лев.

В том же году преставился князь Давыд Федорович Ярославский, внук Ярославов, правнук Мстиславов, праправнук Давыдов, препраправнук Ростиславов, прашур Мстислава, прапрашур Владимира Маномеха.

В том же году, когда князь Юрий пребывал в Новгороде, у новгородцев случилась с ним небольшая размолвка.

В 6830 лето от Адама (1330 лето от Христа)

Князь великий Юрий Данилович Владимирский и Московский, и Новгородский помирился с новгородцами.

В том же году приходили немцы, князь же великий Юрий Данилович Владимирский и Новгородский вышел на них с новгородцами. И так немцы иные избиты были, а иные убежали.

В том же году князь Дмитрий Михайлович Тверской, внук Ярославов, пошел в Орду к царю Азбяку и многую честь принял от царя и от князей; пожаловал его царь Азбяк великим княжением Владимирским под великим князем Юрием Даниловичем. А прежде этого тот же Азбяк-царь дал великое княжение Владимирское Юрию Даниловичу Московскому под великим князем Михаилом Ярославичем Тверским.

В том же году князь великий Юрий Данилович ходил ратью с новгородцами к Выбору.

В том же году князь великий Юрий Данилович, внук Александров, умолил новгородцев, дабы его проводили в Орду, и пошел из Новгорода на Низ.

И когда был он на Удроме, и там пришел на него князь Александр Михайлович Тверской. Он же бежал во Псков, а казну его взяли всю. А во Пскове тогда был князь литовский Давыд.

И оттуда призвали его новгородцы к себе в Новгород по крестному целованию, поскольку было им тогда притеснение от немцев, ибо воевали тогда немцы на новгородские волости; и начали стенобитные орудия чинить, хотя идти с великим князем Юрием Даниловичем на немцев. А

князю Юрию Даниловичу тогда была самому печаль от князя Дмитрия Михайловича Тверского, который в Орде у царя Азбяка испросил великое княжение на Руси Владимирское.

В том же году пришел из Орды князь Дмитрий Михайлович Тверской, внук Ярославов, с пожалованием от царя Азбяка на великое княжение Владимирское, а с ним пришел посол сильный, князь Севенчбуга.

В том же году пришел из Орды князь Иван Данилович, внук Александров, правнук Ярославов, праправнук Всеволодов, преправнук Юрия Долгорукого, а с ним пришел посол сильный очень, именем Ахмыл, и много зла учинил низовским городам, и Ярославль взяли и сожгли, и много полона бесчисленного взяли. И позвал великого князя Юрия Даниловича в Орду к царю Азбяку, а сам пошел с бесчисленным полоном в Орду.

В 6831 лето от Адама (1331 лето от Христа)

Преставился Андрей, преждебывший епископ Тверской, в своем монастыре на Шеши у Святой Богородицы, и на следующий день владыка Варсонофий со священным собором принесли его в собор Святого Спаса, и отпев над ним, положили его во Святем Введении Святыя Богородицы, в малой церкви.

В том же году в Болгарах, что на Волге и Каме, замучили некоего христианина иерусалимлянина, бывшего купцом, много богатства имеющего и много философию изучавшего, именем Феодор; и спорили с ним о вере. Они же, окаянные, не стерпев своего поругания, замучили его за православную веру христианскую, месяца апреля в 21-й день.

В том же году совершена была и освящена церковь каменная в Твери во имя святого Феодора, которую совершил и украсил игумен некий, именем Иван Цареградец. В том же году царица Азбякова умерла в Орде, именем Баялынь.

В 6832 лето от Адама (1332 лето от Христа)

Князь великий Юрий Данилович с новгородцами и псковичами ходили ратью к немецкому городу Выбору.

В том же году ходили новгородцы с великим князем Юрием Даниловичем в Неву и поставили город на устье Невы на Орехове острове. И там пришли к нему послы от шведского короля и заключили мир вечный.

В том же году ходили новгородцы с великим князем Юрием Даниловичем на Заволочье и взяли Устюг, и пришли на Двину, и прислали послов князя устюжские к князю Юрию и новгородцам, и заключили

мир по старине, и чтобы дань давать по старине в Орду. В том же году князь великий Юрий Данилович пошел из Заволочья в Орду, а шел на Пермь и пошел по Каме-реке. В том же году преставился новгородский владыка Давыд.

В том же году новгородцы сотворили вече по старинному своему обычаю и избрали себе в архиепископы Моисея, архимандрита юрьевского, если митрополит благословит, и посадили его на дворе владычном, пока не прийдет за ним митрополит.

В 6832 лето от Адама (1332 лето от Христа)

Пошел в Орду князь великий Дмитрий Михайлович Тверской, внук Ярославов.

В том же году преосвященный Петр, митрополит Киевский и всея Руси, поставил на Москве Новгороду архиепископа Моисея.

В том же году царь Азбьяк посылал князей Литву воевать, и много зла сотворили Литве, и со многим полоном пришли в Орду.

В том же году князь Дмитрий Михайлович Тверской, внук Ярославов, убил в Орде великого князя Юрия Даниловича Московского, внука Александра, правнука Ярославова, праправнука Всеволодова, препраправнука Юрия Долгорукого, пращура Владимира Маномеха, прапращура Ярослава, препрапращура великого Владимира, в Филиппово говение, месяца ноября в 21-й день, на праздник Введения Пречистыя Богородицы, без царева слова, надеясь на царево жалование, поскольку царь Азбьяк чтит князя Дмитрия Михайловича Тверского. И он, на то надеясь, убил великого князя Юрия; и не на добро было это ему самому, и был у царя в опале великой, пока не помыслит о нем, что сотворить.

В том же году царь Азбьяк повелел тело великого князя Юрия Даниловича Московского повезти на Русь и похоронить его в его отчине на Москве.

В том же году пришел из Орды князь Александр Михайлович и татары с ним, заимодавцы его.

В том же году привезли из Орды тело великого князя Юрия Даниловича Московского, и похоронил его Петр митрополит в церкви святого архангела Михаила на Москве в первую субботу Поста.

В том же году немцы приходили ратью ко Пскову в кораблях, в ладьях и на конях, и стояли 18 дней, обстреливая стенобитными орудиями и укрепления свои придвигая. И так стены городские били, и настала скорбь во Пскове великая.

И в то время князь Давыд пришел из Литвы с мужами своими, и пошел на них за Великую реку, и стенобитные орудия их отнял, и укрепле-

ния их разрушил, и самих избил. И убили тогда псковского посадника Алексея Храброго, и иных много мужей храбрых убито было немцами.

В том году была великая засуха: иссохло много водных мест; леса, боры и болота выгорели. В том же году князь Иван Данилович Московский пошел в Орду.

В том же году преосвященный Петр, митрополит Киевский и всея Руси, заложил в Москве, на площади у своего двора, соборную церковь, первую каменную — во имя Успения Святыя Богородицы, при князе Иване Даниловиче, внуке Александрове, и заложил себе гроб своими руками в стене, близ жертвенника, где позднее и был положен. Он и поныне там лежит, творя многие чудеса людям, с верою приходящим к нему.

В году 6834-м от Адама (1334 лето от Христа)

Пришел в Новгород из Москвы архиепископ Моисей, поставленный Петром, митрополитом всея Руси.

В том же году пришли послы из Литвы в Новгород, братья литовского князя Гедимины Воина: князь Василий Полоцкий, князь Федор Ростиславич Минский, и заключили мир с новгородцами и немцами.

Той же осенью месяца сентября в 15 день, на память святого мученика Никиты, в Орде царь Азбьяк повелел убить князя Дмитрия Михайловича Тверского, внука Ярославова, правнука Ярославова, праправнука Всеволодова, препраправнука Юрия Долгорукова, пращура Владимира Маномаха, прапращура Ярослава, препрапращура великого Владимира, за великого князя Юрия Даниловича Московского. И разгневался царь Азбьяк против всех князей тверских, называя их крамольниками, своими врагами и противниками. Но, хотя и гневен был на них, после великого князя Дмитрия Михайловича великое княжение передал брату его, князю Александру Михайловичу.

И в тот же день, на том же месте, на Кандракле реке, повелением царя Азбьяка был убит великий князь Александр Новосельский.

В том же году постриглась в иноческий чин великая княгиня Мария. В том году пришел из Орды князь Александр Михайлович Тверской с пожалованием от царя и сел на великое княжение в Твери.

В том году пришел из Орды великий князь Иван Данилович Московский. В том году родился у великого князя Ивана Даниловича сын Иван.

О смирении и терпении святого, и о пришествии его в град Москву

По благоволению святого Духа блаженный Афанасий, патриарх Царьграда, поставил преподобного Петра, игумена Раитского, митрополитом

Киевским и всей Руской земли и, оказав ему много почестей, отпустил на Русь.

Он же, по Божией благодати благополучно переплыв море, к святейшей митрополии Руского престола пришел, дав всем мир и благословение.

И начал учить Богом порученное ему стадо по уставу святых апостолов и святых отцов, посещая все города и веси. Разговаривал с каждым, кто хотел, со смирением и трудом, тихостью и кротостью, поучал по сказанному: «В сердца кротких почиет Бог»; или «Сердца сокрушена и смирена Бог не унижит», или «На кого призрю, но на кроткого и смиренного и трепещущаго моих словес», а также «Научитесь от мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покои душам вашим». Некоторые же, поддавшись дьяволу, изначальному врагу человеческому, который не может терпеть все, что на благо и на пользу человеку, попытались навредить святому: подговорили неких людей, чтобы они выступили против его прихода. Но через некоторое время они устыдились, приняли святителя и со смирением ему покорились. Он же не только не помнил зла, но пекся о душах их, молился за них и неустанно занимался своими делами.

Затем, по прошествии некоторого времени, дьявол, враг, источник зависти, научает Андрея, епископа Тверского предела, легкого умом, бездуховного и о суетной славе заботившегося, заострить свой язык против Петра, и пишет он послание, сплетая лживые и богохульные словеса против праведника, и посылает его в Царьград к святому и блаженному патриарху Афанасию. Патриарх удивился этому посланию, не поверив ему, полагая, что это клевета. Но все-таки посылает на Русь одного из клириков церковных с посланием, в котором написано было: «Священнейшему митрополиту Киевскому и всея Руси, возлюбленному брату во Святом Духе и служителю нашего смирения, Петру! Знаю, что избранием Святого Духа был ты поставлен пастырем и учителем словесного стада Христова. И ныне пришло от народа твоей страны послание с тяжкими обвинениями против тебя, и, услышанное мной, смутило мои помыслы. Постарайся все это очистить и исправить». Клирик, взяв это послание, написанное патриархом, прибыл в Рускую землю. И эти наговоры Андреевы дошли до преосвященного святителя Петра. Он же, на Бога возложив всю надежду, сказал: «Терпя, потерпех Господа, и внят ми, и еще Бог по нас, кто на ны?»

И когда пришел на Русь клирик, посланный патриархом, в Переяславле собрали собор. Пришел туда боголюбивый Ростовский епископ Симеон и преподобный Прохор, который тогда игуменом был. И призвали Андрея, епископа Тверского, который был источником всех тогдашних смут. Князь Михаил, сын Ярослава, сам был тогда в Орде, но пришли сыновья его Дмитрий и Александр. Пришло много и других князей и вель-

мож, а также и лучшие из священников, игуменов, иноков и множество пресвитеров.

Тогда присланный патриархом Афонасием клирик предъявляет всем послание патриарха и послание Андрея против Петра. Все присутствующие возмутились лживой и коварной клевете на святого Петра, митрополита Киевского и всея Руси. Начался такой великий ропот, что неизвестно, чем бы все закончилось, если бы сам святитель Божий не остановил их крики, подражая учителю своему Христу, который однажды сказал Петру: «Вложи нож свой в ножницу». Кроткий ученик во всем следует кроткому учителю. И сказал, обращаясь ко всем: «Братья и чада мои возлюбленные во Христе, не лучше я пророка Ионы. Если ради меня это волнение великое, низложите меня, и улягутся споры. Зачем ради меня на такое идете?» Однако они стояли за учителя и пастыря доброго. И все спорящие хотели знать: кто возвел на отца нашего и учителя эти лживые словеса? Злое дело не утаится, и вскоре всем стало известно, что святого Петра, митрополита Киевского и всея Руси, оболгал Андрей, и перед всеми он был посрамлен и унижен. Святой же Петр не стал держать на него зла, но при всех утешительными словами поучив его, так сказал ему: «Мир тебе во Христе, чадо, епископ Андрей, не ты сам сотворил это, но враг роду человеческому — завистник дьявол. Ты же отныне соблюдайся, мимошедшая же Господь Бог да отпустит ти». Затем, поучив достаточно князей, весь священный причт и народ — с миром всех отпустил.

Сам же труды к трудам прилагая, данный ему талант желал во сто раз преумножить, смирение к смирению прикладывая, без лености ходил по градам и весям, поучая Богом порученное ему стадо, не ощущая ни усталости, ни болезней телесных. И так трудился с долготерпением до глубокой старости. Нищим, убогим, странниками, сирым и вдовицам постоянно был как отец.

В то же время и Сеит еретик опять объявился, внося раздор в церковь Христову своими мудрствованиями о православной вере. Тогда святой Петр вновь спорил с ним, но так как он не покорился, предал его проклятию, и тот вскоре погиб. Митрополит Киевский и всея Руси Петр, проходя по всем местам и городам Божиим, занимался богоугодным делом, проповедуя и поучая всех.

Пришел он в славный град, называемый Москва, который тогда еще был небольшим и немногочисленным, по сравнению с тем, каким мы с вами видим его сейчас. Владел тем градом благочестивый и великий князь Иван, сын Даниилов, внук блаженного Александра. Когда блаженный Петр узнал о нем, как о человеке, заботящимся о православии, и увидел его, украшенного добрыми делами, милостивого к нищим, почитающим

святые церкви и их служителей, любящим слушать Божественное писание и святые учения книжные, то возлюбил его Божий святитель и стал оставаться в этом городе жить дольше, чем в других местах.

Дает ему совет благой, чтобы создал церковь каменную во имя Пречистой Владычицы нашей Богородицы и присно Девы Марии, пророчествуя так. **О пророчестве святого.** «Если, сын мой, меня послушаешь и воздвигнешь храм Пречистыя Богородицы, то и меня упокоишь в своем граде, сам прославишься более других князей и прославишь своих сынов и внуков на вечные времена. И будет град сей самым знаменитым из всех городов русских, и святители станут жить в нем, и будут руки на плечах врагов его, и мои кости положены в нем будут». Слова эти князь с радостью воспринял от учителя и решил приступить к постройке церковного здания. Началось строительство, и день за днем росло здание. И сам святой каждый день занимался этим и спешил. И они оба постоянно пребывали в духовной радости. Князь во всем следовал советам учителя своего и воздавал почести отцу своему духовному, по повелению Господа, который говорил: «Слушаяи вас, Мене слушает, и приемляи вас, Мене приемлет». И святитель также заботился о князе, духовном сыне своем, духовно и телесно, как говорил Павел: «Кто нас разлучит от любви сея о Христе?» Такова была в них святая Божия любовь!

Когда только еще заложили церковь, по Божьему откровению святому было дано предвидеть свою скорую смерть. И начал он сам своими святыми руками гроб себе готовить близ святого жертвенника. И, когда закончил, опять ему было видение, возвещающее ему конец его жития и отход к Богу, которого он измлада возлюбил. И, весь исполненный радости, ожидал он отшествия своего от этой трудной, суетной и скоро проходящей жизни.

Однажды днем он вошел в церковь и стал совершать божественную службу. Помолившись о православных царях и князьях, и о своем духовном сыне, которого возлюбил, я говорю о благочестивом князе Иване, и за все множество благочестивых христиан всей Руской земли, помолвившись также и об умерших и причастился святых тайн.

Когда он вышел из церкви, то созвал весь причт церковный и народ и стал поучать их, как обычно он это делал для всех, приходящих к нему. И с этого часа непрестанно раздавал всем милостыню: нищим, странникам, убогим, а также монастырям и церквям, потому что уже знал о своем уходе из мира. И настал час, призывает он некоего человека по имени Протасий, его князь поставил старейшиной града, ибо князя тогда не было в городе. Был тот Протасий муж честный и верный, и всякими добрыми делами украшен, и сказал ему: «Чадо, отхожу я от жизни сей, оставляю же сыну моему возлюбленному, князю Ивану, милость, мир, и

благословение от Бога и всему его семени до века. Сын мой так заботился обо мне, что пусть воздаст ему Господь Бог сторицею в мире сем и жизнь вечную наследует. И да не оскудеет семя его, владеющее местом этим, и память его да не забудется». И все, что имел, передал ему, завещав истратить на церковь, и, всех благословив, начал петь вечерню. И еще молитва была на устах его, а душа уже отошла от тела. И, воздев руки на небо, преставился преосвященный Петр, митрополит Киевский и всея Руси, великий чудотворец, месяца декабря в 3 часу ночи, на 21 день. Сидел на митрополичьем престоле он и пас церковь Божию 18 лет и 6 месяцев. Тело на земле оставил, душа же на небеса возлетела к желаемому Христу. И похоронен он был в городе Москве, в церкви Пречистыя Богородицы, которую сам начал строить с сыном своим, с великим князем Иваном Даниловичем, и где сам своими руками гроб себе заложил. Тогда же, с Божьей помощью и благодаря молитвам Пречистыя Богородицы и угодника, блаженного митрополита Петра, исцелены были три человека, имеющие различные недуги. На погребении его были тогда князь Иван Данилович Московский и епископ Феодосии Лучский. И много плакали о нем князь Иван Данилович и Феодосии епископ, и весь священнический и иноческий собор, бояре, и множество людей, поминая его душеполезные слова и поучения. Положен он был близ святого жертвенника, в стене, в новом каменном гробу, много исцелений подавая всем, с верой приходящим к нему.

В 6835 лето от Адама (1335 лето от Христа)

Пришел в Тверь из Орды знатный посол, царевич Щелкан Дюдeneвич, от царя Азбяка. Был тот царевич братом царю Азбяку. И желал он князей тверских перебить, сам сесть на княжение в Твери, а своих князей татарских желал посадить по городам руским и христиан привести в татарскую веру. Мало дней пребывал он в Твери, но много зла сотворил христианам.

И наступила Пасха, а он захотел свой праздник устроить. Увидев сие, князь великий Александр Михайлович, внук Ярославов, созвал тверичей и, вооружившись, они напали на него. А Щелкан Дюдeneвич со своими татарами выступил против него.

Сошлись они на восходе солнца и бились весь день, и к вечеру победил Александр.

Щелкан Дюдeneвич побежал в палаты, но палаты под ним подожгли и весь двор князя Михаила, отца Александра, и там сгорел Щелкан со всеми татарами. А гостей ордынских, старых и новых, которые пришли со Щелканом Дюдeneвичем, хотя они и не сражались, всех их посекали, иных утопили, а иных в костры, как дрова сложив, сожгли.

Услышал об этом царь Азбьяк Ордынский, разгорелся яростью великой, и был в великой скорби и печали о брате своем Щелкане, и рыкая, как лев, на тверичей, желал всех их перебить и всю Рускую землю пленить.

И послал на Русь за князем Иваном Даниловичем.

В том году повелением царя Азбьяка в Орде убит был князь Василий Рязанский.

Той же осенью князь великий Иван Данилович Московский поехал к царю в Орду.

Той же зимой он вернулся в Москву, а с ним царь Азбьяк с ратью татарской и многие воеводы: Федорчук, Туралык, Сюга и прочие князья ордынские, 5 темников великих, князь Александр Васильевич Суздальский и с ним дядя его — Василий Александрович.

И по повелению цареву они пошли и взяли города Тверь, и Кашин, и прочие города тверские; волости и села пожгли, людей в неволю увели, а Торжок и его волости опустошили.

И хотели идти к Новгороду, но не пошли. Защитили его Бог и святая София. И послали туда, в Новгород, послов своих. Они же, убоявшись, послали к ним своих послов с большим почетом, со многими дарами и уплатили 5000 рублей новгородских. И так татары возвратились оттуда с большим количеством пленных и богатством.

И пришла тогда на всю Рускую землю беда великая: страдания и кровопролитие от татар. Тогда же убили князя Ивана Ярославича Рязанского и много христиан перебили и пленили. И только князя Ивана Даниловича защитил Господь Бог, его град Москву и всю его отчину от нашествия и кровопролития с татарами. А татары возвратились с большим количеством пленных в Орду.

Великий князь Александр Михайлович Тверской не мог стерпеть злобные бесовские крамолы и татарского насилия, оставил великое княжение и все отечество свое, и ушел в Псков с княгиней своей и с детьми своими, и жил в Пскове 10 лет.

А братья его, князь Константин Михайлович Тверской и князь Василий Михайлович Тверской, внуки Ярославовы, правнуки Ярославовы, с матерью их и с боярами пришли в Тверь в великой печали и скорби. И сидели они в Твери в великой нищете и убожестве, поскольку вся земля Тверская была пуста, а все леса и степи стали непроходимы из-за преследований, ярости и насилия татарского. Но понемногу они начали собирать людей, утешая их в великой печали и скорби. В святых церквах и в монастырях опять началось пение, и стали совершаться божественные службы.

В том же году родился у великого князя Ивана Даниловича Московского сын Андрей.

В том году освящена была соборная церковь Успения Пречистыя Богородицы на Москве, месяца августа в 4 день, епископом Прохором Ростовским, которую заложил и начал строить преосвященный и блаженный Петр, митрополит Киевский и всея Руси.

Преосвященный Исая, патриарх Константиноградский, поставил Феогноста митрополитом Киеву и всей Руской земли, грека.

В том же году пришел он на великий стол, на митрополию в Киев и на всю Русь, и пошел из Киева по городам многим.

В том же году пришел во Владимир и в славный град Москву к Пречистой Богородице Успению и к чудотворцеву гробу Петрову, и на его месте сел, и в его дворе начал жить, и милость Божия с ним и Пречистой Богородицы, и великого чудотворца Петра молитва, и благословение. Иным же князьям многим не многосладостно было, что город Москва имеет митрополита, живущего в ней. В том же году пошли в Орду князь великий Иван Данилович Московский и князь Константин Михайлович Тверской, внук Ярослава Ярославича, а новгородцы от себя послали из Новгорода в Орду к царю Феодора Колесницу.

Царь же Азбьяк принял их с честью всех, и дал великое княжение Владимирское князю Ивану Даниловичу, внуку Александрову, правнуку Ярославову, праправнуку Всеволодову, преправнуку Юрия Долгорукого, и иные княжения придал ему к Москве.

А князю Константину Михайловичу, внуку Ярославову, правнуку Ярославову, дал великое княжение Тверское. А посла новгородского Феодора Колесницу пожаловал по их челобитью и повелел заодно им искать князя Александра Михайловича Тверского, внука Ярославова.

В том же году потряслась земля в Новгороде. В том же году преставился Варсонофий, епископ Тверской.

В том же году погорел город Юрьев немецкий весь, и божницы их, сиречь, церкви их, и палаты их рассыпались, и немцев сгорело 2530, а русских — четыре человека.

В том же году преставился Прохор, епископ Ростовский. В том же году преосвященный Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, поставил Антония епископом Ростову и Ярославлю.

В том же году князь великий Иван Данилович, внук Александров, пришел от царя Азбьяка из Орды с пожалованием и с великою честью на великое княжение Владимирское и сел на великом княжении на Москве, а престол Владимира и иные многие княжения царь Азбьяк придал ему

к Москве. И настала с тех пор тишина великая по всей Руской земле на 40 лет, и перестали татары воевать Рускую землю.

В том же году пришел от царя Азбяка из Орды на княжение Тверское князь Константин Михайлович, внук Ярослава Ярославича. В том же году пришел посол новгородский Феодор Колесница из Орды от царя Азбяка в Новгород, и была радость великая.

В том же году князь великий Иван Данилович Московский, внук Александров, послал послов своих во Псков по цареву слову Азбякову к князю Александру Михайловичу Тверскому, дабы шел к нему в Орду. А новгородцы послали от себя своих послов во Псков к князю Александру Михайловичу Тверскому по цареву слову Азбякову, дабы шел к нему в Орду. А брат его Константин Михайлович Тверской послал к нему во Псков послов своих о том же. Он же не захотел идти к царю Азбяку в Орду и не пошел.

При этом Греческом царствовании Андроника Палеолога был царем в Сербии Милутин.

Царство Сербское

Святой Симеон родил Стефана короля, и Стефан родил Стефана же, который наречен был Урошем во имя прадеда своего. Это и есть хриплый король. Сей родил короля Милутина, который был 4-м после святого Симеона. И тот, владеющий Сербией, рождает сего Стефана великого, благочестия столп и царствия венец, и добродетели сокровище, который был ко всем благ, и приступен, и милостив.

И после смерти матери Стефановой король Милутин приобщается второму браку: у греческого царя Андронника Палеолога дочь взял. И родил от нее сына Константина. Царица же, видя Стефана всеми любимого, ненавидела его; но приходит ко отцу его, слезы испуская и с дряхлым лицом, словно о спасении его помышляет, и клеветает на праведного, что к ней любовно устремляется и на отца своего недоброе замышляет.

Князья же советовали Стефану, собрав воинов, уклониться в иную страну и избежать сшиваемой лжи. Он же не захотел, но на Бога всю надежду возложил. Что же после сего? О, лишение власти, превозмогла женская лесь и угасила родительскую любовь! Схвачен был праведный и очей лишается. Была же тут церковь святого чудотворца Николы. Лежал тогда праведный, сильно болезнуя. И когда немного задремал, явился ему святой Николай и сказал ему: «Не скорби, Стефане, вот очи твои на моей ладони». И показал ему.

Потом же посылается в заточение в Константинов град с двумя его детьми: один Душманом зовется, другой же Душан Стефан. Андронник

же Палеолог, тесть Милутинов, повелел ему пребывать неисходно в обители Вседержителя. Доблестный же терпел с благодарением, все более добродетелен и прилежен был, и всем образцом пользы пребывая, и словом и делом, так что и сам царь слышал (о нём), и патриарх, который к себе призывал праведного; и дивились словесам его и разуму.

В то же время дивный патриарх Афанасий собор созвал на некоего Варлама, Акиндийской ереси начальника, который мыслил как Арий и Македонии, и Владычное Преображение называл привидением, и многих уловил в свою ересь. Патриарх же со всем собором Варлама еретика от церкви отлучил и с единомысленниками его проклятию предал. Он же не переставал писать и возмущать церковь многими прельщениями.

Призван же был Стефан к царю по обычаю и после многих бесед сказал: «От Бога венчаннейший царю, многих прежде тебя бывших превзошел всякими нравами добродетельными и смирением, но о едином не ведаю, как можешь согрешать, будучи главой и венцом царствия, о том, о чем апостолы подвизались, и мученики плоти не пощадили, то есть о благочестии?» Царь же сказал ему: «Как же о благочестии нас мнишь согрешающими, скажи, из друзей изряднейший?» Стефан отвечал: «Явлено есть, о царь, что пастырь, пренебрегающий волчьим входом в стадо и не отгоняющий его, тот уже становится таким же зверем, хотя и пастыря носит имя: и если злославных не отгонит, то и тот как злославный осудится. Поэтому же ум имеющему не кажется праведным, о царь, тебе, царствия саном почтенному и пастырем стольких стад от Христа поставленному, врагов Того в своем стаде держать, но, словно волков, душегубное отогнать подальше и с Давидом петь: ненавищая ты, Господи, возненавидех, и о вразех твоих истаях и совершеною ненавистию возненавидех их, и во враги быша ми: и из всего своего царства да повелишь их изгнать. Если это сотворишь, то церковные остановишь раздоры, и мир глубокий даруешь православным, и царствия скипетр возвеличишь, истинный царь — истинным христианам будешь, и истинный пастырь, и от общего Владыки мзду примешь — небесное царствие». Услышав это, самодержец премудрости и словесному разуму мужа удивлялся, и, много того благодарив и похвалив, сущим в палате сказал: «Весьма сей муж в разуме велик и умными очами многозрительнейший, хотя и телесные ему затворили».

И тогда царь повелел Варлама связанным к себе привести. Возвестил же тому некто из дворца, его ереси. Он же поскорее в Рим убежал. Царь же повелел его единомышленников изгнать из города и из всех городов и весей, с бесчестием изгнать из своего царства.

Что же после того? Пятый год Стефану в заточении заканчивался, и на праздник чудотворца Николы, во время бдения всенощного совершае-

мого, и запаления свечей многих, и каждения, и чтения положенного Жития и чудес святого, Стефан из глубины душевной моление приносил, и, от многого труда немного задремав, зрит очами сердца великого Николу, и к ногам его припав, молит его, прося. Милостивый же тот сказал: «Говорил тебе прежде — не скорбеть и показал тебе в своей руке твои зеницы. И ныне послан все исполнить». И воздвиг его, и крестное знамение на лице его сотворил, очей же его кончиками пальцев коснувшись, сказал: «Господь Иисус Христос, иже слепаго от рожения воочивый, то и твоима очима пръвыи дарует зрак». И тут он невидим стал. Стефан же, проснувшись, трепетен был. О неизреченное Твое милосердие, Христе! Стал видеть, как и прежде; и много со слезами благодарил Бога, и никому же не объявил до времени, но по обычаю, убрусом закрыв очи, ходил с жезлом. И через некоторое время меньший сын его ушел из этой жизни.

Возвращение же его в свое отечество таким образом произошло. Посылал самодержец греков к зятю своему, сербскому королю, чтобы послал ему воинство на помощь. И болгары тогда южные области все под собою сотворили, и со множеством воинов на восток направлялись. Послал же с ними и настоятеля обители Вседержителя, где Стефан заточен.

Его же призвав, король Милутин наедине о сыне вопрошал. Чудный же старец сказал: «О многострадальном ли втором Иове вопрошаешь меня, о владыко? Не достойна твоя держава вся, если и тьмами лет жизнь твоя продлится, Стефановой нищеты; ибо словно многоценное сокровище получила того обитель и весь царствующий град». И все рассказал ему, и о том, что на еретиков подвигается.

Услышал же король Милутин и отеческим милосердием проникся, и начал плакать, и послал к царю греческому, чтобы поскорее к нему послал Стефана. Царь же с радостью и многие дары дав, отпустил его, он же их отдал в обитель Вседержителя.

Пришел же (он) к отцу. Тот, со слезами и с радостью лобызая его, просит у него прощения о согрешении к нему. Христов же подражатель себя повинным назвал, и, рыдание отца утешив, прозрения своего не объявил ему, ни иному кому, а также и никому в церкви; но по обычаю, убрусом очи закрыв, ходил, чтобы вновь из зависти не погасло бы опять Богом дарованное ему зрение. Потом отец повелел ему жить в святом месте, в Диоклитии. Он же и там продолжал жить ещё более добродетельной жизнью.

Царствование Стефана Сербского

Вскоре после этого отец его преставился и был погребен в обители, им созданной, в церкви первомученика Стефана. Место это называет-

ся Банска из-за теплых источников, имеющих там. После смерти отца Стефан плат с очей своих снял, и с просветленным лицом и ясными очами явился перед собравшимися, и венчался на достойное свое Сербское царство, и все властители ему присягнули.

Константин же, брат его по другой матери, собрав значительное войско, послал против него, веля уступить ему свое царство. «Не бывало такого от века, — говорил он — чтобы слепой был царем». Этими словами хотел укорить его.

Стефан же сначала пошел и поклонился соборной церкви. И архиепископ Никодим царственным венцом украсил его главу, и всем иллирийским народом венчал его на царство и, собравшись, он отправился на битву. Когда оба полка сблизились, то, будучи милосердным к брату, милостивая его душа шлет к нему послание. **Послание:** «Стефан, милостью Божией царь сербам и наследник отца, со страхом Божиим правитель людям».

...в сражении был побежден, захвачен в плен Болгарским царем и убит. Что другому уготовил, от того сам и пострадал. Болгары же, набравшись бесстыдства, многих погубили, Александра того поставили царем и ушли восвояси.

Стефан же возвратился с победою, и со всеми пришел в обитель Вседержителя, и возрадовался красоте ее.

Потом создает другую обитель, недалеко от этой, со множеством келий. И наполнил ее хорошо устроенными спальнями, постелями, одежками и всем необходимым для жизни. И велел собрать по всему своему царству всех, страждущих различными недугами, старостью, одряхлевших, прокаженных с гноящимися лицами и прочими частями тела, всех, возбуждающих жалость и слезы. И назначил им настоятеля из дворца, доброго мужа, чтобы каждый день заботился о них, об их пище и вине, и оказывал помощь недужным больным, утолял болезни, и всем им повелел угождать.

Но и сам он часто приходил под видом воина, и пенязи подавал, иногда и явно стоял вместе с ними, кладя поклоны, со слезами целуя их многотрадные раны, беседовал с ними, утешал их, говоря, что за временные страдания на земле получают [вечное] Царствие небесное. Часто беседовал с ними по ночам. Невозможно описать все его добродетели! Но поведаем о его кончине.

Однажды после утренней службы Стефан прилег на постель и задремал. И предстал перед ним великий Никола, и сказал: «Уготовися прочее Стефана ко исходу, Господови на скорое предстати имаши». О, доброе возвешение! Проснувшись, он стал со слезами благодарить Бога, а также

вестника, святого Николу, и стал раздавать много золота обеим обителям на их нужды, а остальное раздал все сам.

О смерти Стефана

Сын Стефана Душан уже давно был охвачен пламенем желания царствовать. И, не в силах удержать своих устремлений, взяв с собою множество воинов и знатных вельмож, пошел в землю Арванитскую и начал воевать, из отеческих владений сию область отъемля.

Узнав об этом, кроткий Стефан посылал к нему много раз с просьбой прекратить нечестивые дела и жить в мире. Ведь через некоторое время, по благословению Божию, он будет наследником царства. Но, не желая прислушаться к словам отца, душа его на зло уклонилась. Стефан же, оставив все на суд Божий, сам обратившись к добродетельным делам, терпел, как сам Давид, козни сына. И, как Иов, говорил: «Коль доброе принимаем из рук Господних, не потерпим ли зла?»

Воеводы понуждали его послать войско против сына, «чтобы страх, — говорили они, — в душу его вложить, и чтобы он не воевал против тебя». Он же не слушал их, но ждал возвещенного ему конца и радел о странах и нищих.

Найдя благополучное время, сын, подстрекатель, пришел с большим войском, пленил отца с женой и с детьми и повелел отвести их в город Вячен. И через некоторое время предал горькой смерти, задушив его. О, немилосердный и бесчеловечный! Как он мог не пожалеть отеческого сердца? Как не упокоил родительскую старость, как не вспомнил слова: «Чти отца и мать». Как злые слуги владыки смели смотреть на прекрасное священное лицо его, а убийцы прикоснуться своими руками к шее святого? Как не усохли скверные руки их, и не ослепли глаза их? Но как быть мучеником, если не пройдя через это? Для одного это жребий мученичества, а для многих — образец подражания. Так блаженная душа была предана Господу.

И был положен он в своем монастыре, где многа чюдеса творя. Спустя годы он явился еклесиарху и повелел изъять его тело из земли.

И они обрели его тело целым, испускающим благоухание, и свершилось чудо: привратник слепой излечился.

И один из воевод, которому было поручено хранить монастырь святого, стал оскорблять игумена и мучить братьев, живущих в монастыре святого мученика и царя Стефана, а монастырь разграбил. И когда он, безумный, ехал однажды в монастырь, явился святой, с коня его низверг и два гвоздя вонзил ему в гортань до груди, и в тот же день тот в муках умер.

Потом началась междоусобная вражда. Послан был от царя некто по имени Юнец для соблюдения святого. Тот же начал более первого оскорблять и мучить игумена и братию, ничего не давая им необходимого, но все отнимая и присваивая себе.

Братия же с игуменом молили святого Стефана избавить их от этой напасти.

В это время Юнец отправился на войну. И там, во сне он видит, что будто он в монастыре, в церкви, и видится ему некий грозного вида муж, украшенный царскими одеждами, вышедший от того места, где стоит рака святого мученика, с длинной бородой с проседью, и [подойдя к Юнцу] ударяет его лампадой по лицу и в грудь. И от такого сильного удара переломилась лампада. Юнец пытался убежать. Святой же, настигнув его, остатком лампады, как копьем стал бить его в поясницу, по хребту и в правую руку, говоря: «Это тебе возмездие за мою обитель, чтобы отучился свирепствовать против моих людей!» Он же зарычал как зверь и, проснувшись, вскочил.

И со страданием стал рассказывать все, что видел во сне. Так как он после этого стал больным, то, хотя он не хотел этого, его принесли в монастырь, где он лежал еще 7 недель, и гнили кости и плоть его в местах ударов, язык и зубы вывалились, и от смрада, исходящего от него, весь монастырь страдал. Много и иных знамений творил святой во славу Бога.

Царство Греческое

После Андроника Палеолога 13 лет царствовал в Царьграде внук его, Андроник Палеолог, православен.

В 6837 лето от Адама (1337 лето от Христа)

21 мая, заложена была в Москве церковь Иоанна Лествичника. В том году она была завершена и освящена месяца сентября в 1 день. А другая церковь, во имя поклонения честных вериг святого Петра, была заложена 13 августа, а завершена 14 октября.

В том году царь Азбьяк Ордынский прислал своих послов ко всем руским князьям, чтобы они, поймав, прислали к нему в Орду князя Александра Михайловича Тверского.

В том году преосвященный Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, который был греком, пришел в Новгород.

В том году в немецком городе Юрьеве убили мужа знатного и храброго. В том году вложил окаянный враг, дьявол, злую мысль всем руским князьям — выдать князя Александра Михайловича Тверского по повелению татарского царя Азбьяка, и поднялась вся земля Руская.

И пошли ратью в Новгород великий князь Иван Данилович и с ним тверские князья, меньшие братья князя Александра Михайловича Тверского: князь Константин Михайлович Тверской и брат его князь Василий Михайлович Тверской, да князь Александр Васильевич Суздальский, и полонили всех новгородцев. И послал князь великий Иван Данилович в Псков послов своих к князю Александру Михайловичу Тверскому, Луку Протасьева, а новгородцы послали от себя владыку Моисея и Авраама тысяцкого, уговаривая его пойти в Орду к царю Азбяку, говоря: «Царь Азбяк повелел всем нам искать тебя и прислать к себе в Орду. Пойди к нему, чтобы не навлечь ярость его на всех нас. Лучше пострадай за всех нас, нежели мы все пострадаем из-за тебя, так как тогда опустошит он всю нашу землю». Ответил им Александр: «Лучше я пострадаю за всех с терпением и любовью, нежели буду мстить клеветникам и крамольникам. Ничто жизнь наша — все исчезнем и уйдем в небытие, и каждому будет воздано Господом по делам его. По-хорошему, вам нужно бы друг за друга стоять и братьев своих татарам не выдавать, но объединяться и всем вместе сопротивляться татарам, и стоять за Рускую землю и за все православное христианство. Вы же, напротив, татар наводите на христиан и братьев своих предаете татарам».

И он решил идти к царю Азбяку в Орду, но псковичи не дали ему, говоря: «Господин наш, князь Александр Михайлович, они тебя посылают в Орду к царю неверному на убийство. Азбяк прислал к ним, а они обещали Азбяку, все как один, предать тебя смерти. Не ходи в Орду, напрасной смерти себя предашь, но оставайся в Пскове. А мы все головы свои положим за тебя». Так все псковичи крепко держались за него.

Когда князья узнали о том, как псковичи стоят за князя, великий князь Иван Данилович поразмыслил и сказал им: «Если мы не приведем в Орду князя Александра Тверского, то всех нас царь Азбяк лишит наших отечеств, предаст смерти, а землю Рускую опустошит». И пошел князь великий Иван Данилович против него, и с ним все новгородцы. Собралась рать великая, и сошлось множество силы.

Встали войска в Опоках, и стали размышлять князья между собой, говоря: «Если пойдем против князя Александра Михайловича Тверского, встанут за него всей своей мощью все псковичи, которые обещались умереть за него. Рядом с ними граничат немцы, которые могут им помочь, так что мы ни выгнать его не сможем из Пскова, ни пленить».

И начали уговаривать и просить преосвященного митрополита Феогноста, чтобы, угрожая отлучением и наложением епитимьи, послал его в Орду к царю Азбяку. И митрополит Феогност отлучил от церкви и послал проклятие на князя Александра Михайловича Тверского и на весь город Псков, и на всю землю их.

Тогда князь Алесандр Михайлович Тверской сказал псковичам: «Братья, друзья мои верные и любимые, храбрые псковичи, не хочу я, чтобы было на вас отлучение и проклятие святительское из-за меня, недостойного и грешного, и не будет ни вашего крестного целования на мне грешном и худом, ни моего на вас. И я, худой и грешный, ухожу от вас к немцам в Литву, тогда не будет вам и вашей земле никаких обид от царя Азбяка и от русских князей. И пусть все враги мои, которые гонятся за мной и жаждут души моей, ищут меня».

Все псковичи, собравшись на вече, с плачем и с великим рыданием отпустили князя Александра Михайловича Тверского по его воле. Он же пошел к немцам и оттуда в Литву. И псковичи послали к великому князю Ивану Даниловичу челобитье о мире и любви. И он замирился с ними.

И возвратился в Новгород, а из Новгорода ушел к Москве. И все прочие князья разошлись по своим владениям.

В том году русские князья послали в Орду к царю Азбяку послание, рассказав ему о князе Александре Михайловиче Тверском и о его уходе к немцам и в Литву.

В том году псковичи поставили каменную крепость Изборск на Жеравей горе.

В том году новгородский владыка Моисей оставил свою епископию и ушел в монастырь на Коломце, и схиму возложил на себя. А новгородцы оставались без владыки восемь дней. И потом избрали себе Григория, попа Козьмы и Демьяна с Холопьею улицы, постригли его в иноческий чин, возвели на сени на Владычном дворе и нарекли его Василием.

О Даниловском монастыре

В том году преосвященный Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, пошел из Новгорода в Волынскую землю и оттуда в Галич и в Жераву.

А оттуда пришел в Киев. И туда пришли к нему послы от великого князя Владимирского и Московского Ивана Даниловича, чтобы благословил его построить монастырь в городе Москве и церковь воздвигнуть во имя святого Спаса Преображения и перенести туда архимандрию из Данилова монастыря, из Заречья, который еще великий Данила Александрович построил для себя, который яко солнце сиятельныя благодати насыщашеся. Он же, любитель знания, ревнитель иноческого жития, решил перенести ее в центр города, близ своего двора, не желая расставаться с ним ни на день, ни на ночь, ни на один час. И, приняв благословение от преосвященного Феогноста, митрополита Киевского и всея Руси, взялся за дело.

В 6838 лето от Адама (1338 лето от Христа)

В Орде умер сын Азбяка Темир, который убил Загорского царя, и был царь Азбяк в великой печали.

В том году пожаловал царь Азбяк Сарайского владыку, дав ему все, что он просил, и обещав, что никто его ничем не обидит. В том году великий князь Ордынский Асан был убит женой своей.

В том году убили в Орде князя Феодора Ивановича Стародубского, внука Михайлова, правнука Иванова, праправнука Всеволодова, преправнука Юрия Долгорукого.

В том году в Брянске женился князь Василий Михайлович Тверской, внук Ярославов, правнук Ярославов, праправнук Всеволодов.

В том году преосвященный Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, пришел из Киева на Волынь, в город Владимир.

В том году преосвященный Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, когда был в городе Владимире Волынском, поставил там Федора епископом в Тверь.

В том году великий князь Иван Данилович, внук Александров, правнук Ярославов, праправнук Всеволодов, преправнук Юрия Долгорукого, по благословению отца своего преосвященного Феогноста, митрополита Киевского и всея Руси, заложил дивный монастырь и построил в нем церковь чудную во имя святого Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, на Москве, близ своего двора, и собрал там множество иноков. И возлюбил он этот монастырь более всех иных монастырей.

И часто приходил в него молиться, со многим смирением и благословением, и все дивились его смирению и его благословию. И множество милостыни раздал он там живущим инокам, и позаботился обо всем необходимом для жизни: о еде и питье, об одеждах, и исполнял все их просьбы. И в большой чести был этот монастырь, много имел льгот и был хорошо защищен, чтобы никто их не мог обидеть. Церковь, имеющуюся там, украсил святыми и честными иконами, наполнил святыми книгами и священными сосудами, и всяким узорочьем. И назначил там первого архимандрита, именем Иван, мужа знатного, разумного и мудрого, хорошо знающего Божественное писание и добродетельного. За его великую добродетель впоследствии он был поставлен епископом в город Ростов, и там по доброму пас Богом порученное ему стадо, и в глубокой старости отошел к Господу. Некоторые из древних старцев говорят, что первым был великий князь Даниила Александрович, внук Ярославов, правнук Всеволодов, который имел архимандрию у святого Даниила, за рекою Москвой, который поставил там церковь во имя святого своего имени. Позднее, через несколько лет сын его, великий князь

Иван, боголюбивый, а лучше сказать монахлюбивый и странников и горячий в вере, перевел оттуда архимандрию в город Москву и вблизи себя устроил ее, желая всегда видеть ее и радоваться в ней. И воздвиг поистине сокровище божественное близ себя, и богомолье всему миру! Такое благое и христоролюбивое начало и основание положил, что и дети, и внуки, и правнуки его, следуя ему и также поступая, такую же мзду и славу имеют из рода в род, как залог от Бога и Пречистой Его Матери — от благого корня и поросль благородная произрастает.

В 6839 лето от Адама (1339 лето от Христа)

Было знамение на небесах: померкло солнце. И в том году был пожар на Москве, погорел весь город Москва.

В том году преставилась великая княгиня Елена, вдова Ивана Даниловича, черница в схиме, и положена была в церкви святого Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. В том году Василий, предназначенный на владычество в Новгород, жил на владычном дворе, а в архиепископы еще был не поставлен и заложил ограду каменную от церкви Владимира святого до церкви Богородицы и до церкви Бориса и Глеба.

В тот год преставился князь Федор Васильевич, марта в 28 день. В том же году пришли в Новгород послы из Владимира Волынского от Феогноста, митрополита Киевского и всея Руси, призывая инок Василия, прежде бывшего попом Григорием в церкви Козьмы и Демьяна, предназначенного стать владыкой Новгородским, за поставлением. Взяли его и постригли в иноческий чин на владычном дворе, и утвердили его владыкой Новгородским.

И пошел инок Василий с владычного двора за поставлением в архиепископы Новгородские к Феогносту, митрополиту Киевскому и всея Руси, в Волынскую землю, а с ним посадники новгородские Козьма Твердиславович и Ефрем Астафьев, сын тысяцкого. И, когда они ехали через Литовскую землю, Гедимин Литовский поймал их, хотя они не воевали. И они, находясь в неволе, дали правое слово сыну его Нариманту, что пригороды новгородские: Ладога, Орехов городок, Корельская земля и половина Капорья ему и детям его будут отданы в вотчину и в наследственное владение.

И с тем отпустили их. Они оттуда пошли к Владимиру на Волынь. И когда пришли в Волынскую землю, в город Владимир, к Феогносту, митрополиту Киевскому и всея Руси, то там в церкви Пречистой Богородицы инок Василий был поставлен епископом Новгородским, месяца августа в 25 день. С митрополитом Феогностом было 5 владык: Афанасий Влади-

мира Волынского, Григорий Полоцкий, Федор Галичский, Марко Перемышльский, Иван Холмский. Тогда же было явление светлой звезды над церковью.

В то же время пришли послы от князя Александра Михайловича Тверского, от князя Гедимина Литовского и от всех князей литовских из Пскова к Феогносту, митрополиту Киевскому и всея Руси, просили его и били ему челом, дабы поставил им в Псков своего епископа, которого они и привели с собой, именем Арсений. Псковичи не хотели подчиняться Новгороду и просили поставить им своего владыку. Но не прислушался к их просьбе Феогност и не поставил епископа в Псков. И ушел инок Арсений с псковичами от Феогноста митрополита из Владимира Волынского посрамленный.

В 6840 лето от Адама (1340 лето от Христа)

Преосвященный Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, после того как поставил Василия архиепископом Новгородским, отпустил его с посадниками в Новгород. Он же, опасаясь литвы, пошел со своими новгородскими посадниками между Литвой и Киевом, и так тайком ушли. А митрополит Феогност послал за ними со своим сыном боярским к владыке и к посадникам грамоту, в которой было написано: «Князь Литовский отправил за вами 500 человек литвы, чтобы поймать вас». Они же побежали еще быстрее и убежали от них.

Пришли они к городу Чернигову, а там погнался за ним князь Федор Киевский с баскаком татарским и с малой дружиной в пятьдесят человек. А с владыкой и с посадниками было 600 человек. И когда стало им это известно, они укрепились и встали против, чтобы защищаться. Но к князю Федору начали прибывать люди, и у новгородцев стал прибавляться страх, и тогда им пришлось откупиться.

Князь же Федор Киевский, замирившись и взяв откуп, в мирное время поймал честного и славного мужа, митрополичьего протодьякона Радослава, отвел его в Киев, а оттуда послал к митрополиту Феогносту. За этот поступок от митрополита Феогноста он получил укоризну, а от Бога наказание: все его кони пали, и пришлось ему дальше шествовать пешком. А Феогност митрополит сказал ему: «Позор для князя — устраивать такие несправедные дела: обижать, применять насилие, разбойничать». Так князь был посрамлен митрополитом.

Новгородский архиепископ Василий с посадниками оттуда пошли к Брянску и от Брянска пришли к Торжку, месяца ноября в 3 день. А в Новгороде уже беспокоились о владыке и о посадниках, потому что вместо истинных вестей дошли до них ложные слухи, что, якобы «архиепископа поймали, а посадников избили». И потому в Новгороде скорбели.

Но через некоторое время, благодаря Богу и Пречистой Богородице, они все вместе, в целости и сохранности, с архиепископом Василием пришли в Новгород, месяца ноября в 8 день. Это было при князе Иване Даниловиче, при посаднике Варфоломее и при тысяцком Остафье. Обрадовались новгородцы возвращению своего владыки и посадников.

В том году великий князь Иван Данилович ходил в Орду, а с ним князь Константин Михайлович Тверской.

В том году был мятеж в Новгороде, крамольники отняли посадничество у Феодора Ахмыла и отдали Захарью Михайловичу, пограбили дворы Семена Судокова и отняли имение, богатство и села брата его Селифонта.

В том году пришел из Орды великий князь Иван Данилович и показал гнев свой на новгородцев, требуя от них серебро закамское, и за это взял у новгородцев Торжок и Бежецкий Верх.

В том году новгородцы отдали посадничество Матфею Козке. В том же году в земле Руской во время засухи уродилось много высокой дорогов. Некоторые дороговью называют рослую рожь. В том году пришел из Орды князь Константин Михайлович, внук Ярославов.

В 6841 лето от Адама (1341 лето от Христа)

Преставился князь Александр Васильевич Суздальский. В том году архиепископ новгородский Василий ездил в Псков и там, в Пскове, у великого князя Александра Михайловича Тверского крестил сына его, князя Михаила.

В том году Наримонт Гедиминович, нареченный в святом крещении Глеб, пришел в те Новгородские пригороды, которые ему обещали в Литве, когда шли к Феогносту митрополиту в Волынскую землю, и слово правое дали.

В том году преосвященный Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, пришел на Москву, побывав в Царьграде и в Орде.

В том году великий князь Иван Данилович заложил каменную церковь во имя святого архангела Михаила в Москве на площади, внутри кремля, и в этот же год она была завершена и освящена преосвященным митрополитом Киевским и всея Руси, месяца сентября в 20 день, на память святого мученика Евстафия Плакиды и иже с ним.

В ту же зиму великий князь Иван Данилович женил в Москве сына своего Семена, которому было семнадцать лет. Для него была приведена из Литвы княжна по имени Августа, а в святом крещении она была наречена Анастасией.

В ту же зиму великий князь Иван Данилович со всеми князьями и с огромной силой пошел ратью на Торжок. Новгородского наместника сместил и сам сел в Торжке, воюя от Крещения до Сбора, пока новгородские власти не прислали к нему с челобитьем архимандрита Лаврентия, Феодора Твердиславича и Луку Варфоломеева. Он же не стал слушать их просьбы, не принял их челобитья и, не согласившись на мир, ушел в Москву.

В том году владыка новгородский Василий со стен Софии новгородской снял потолочные балки и построил каменную стену за два года поспешением Святого Духа.

В ту же зиму пришел из Орды от царя Азбяка на Русь посол Сарайчук за великим князем Иваном Даниловичем.

В том же году великий князь Иван Данилович по зову царя Азбяка пошел в Орду к царю Азбяку с послом Сарайчуком.

В 6841 лето от Адама (1341 лето от Христа)

Великий князь Иван Данилович пришел из Орды от царя Азбяка с пожалованием и почестями.

В том году в Орде преставился князь Борис Дмитровский.

В том году пришел ратью с татарами князь Дмитрий Брянский к Смоленску против князя Ивана Александровича, долго бились и потом замирились.

В том году новгородцы второй раз послали к великому князю Ивану Даниловичу и замирились на старых условиях.

В том же году архиепископ Василий, владыка Новгородский, пошел к Феогносту, митрополиту Киевскому и всея Руси, во Владимир со многими дарами и с честью.

В 6842 лето от Адама (1342 лето от Христа)

Новгородский владыка Моисей заложил церковь каменную во имя святого Воскресения, на Деревянице, и создал честной монастырь.

В том году великий князь Иван Данилович пошел из Новгорода в Торжок.

В том году литва захватила в мирное время новоторжские волости.

И князь великий Иван Данилович собрал рать, пошел и пожег городки литовские Отсечень, и Рясну, и прочие. И побила тогда литва многих достойных мужей новгородских.

И той же осенью в Волхове поднялась вода, и принесло множество льда и снега, и снесло пятнадцать опор большого моста. В том году вла-

дыка новгородский Василий ходил в Москву к великому князю Ивану Даниловичу с честью.

В том году преставился князь Федор Галичский. В тот же год пришел из Орды от царя Азбяка князь Федор Александрович Тверской, внук Михайлов, правнук Ярославов, а с ним посол Авдул.

В 6844 лето от Адама (1344 лето от Христа)

Великий князь Иван Данилович Калита пошел в Орду к царю Азбяку. В ту же зиму пришел из Орды от царя Азбяка с пожалованиями и с честью в свою вотчину.

В том году преставился Антоний, епископ Ростовский. В том году преосвященный Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, поставил Гавриила епископом в Ростов.

В том году великий князь Александр Михайлович Тверской пошел из Пскова в Тверь, взяв сына своего, князя Феодора, и опять возвратился в Псков.

В том году великий князь Александр Михайлович Тверской, живя в Пскове, начал тужить и скорбеть, рассуждая так: «Коль приму смерть здесь, что будет с детьми моими? Известно ведь всем, что бежал я из княжества своего, и все будут знать, что смерть принял в чужом месте. И тогда дети мои будут лишены княжения своего. Лучше мне, Бога ради, умереть, нежели жить во зле». И послал бояр своих к Феогносту, митрополиту Киевскому и всея Руси, прося благословения и молитв от него и от всех святителей, потому что решил идти к царю в Орду. И, приняв от Феогноста митрополита и от всех русских епископов благословение и молитвы, начал собираться в Орду с боярами своими и слугами.

В 6845 лето от Адама (1345 лето от Христа)

Родился князь Семен Иванович, внук Даниилов, сын Василия. Той же осенью было половодье великое.

Той же осенью князь Александр Михайлович Тверской пошел из Пскова в Орду. Придя к царю Азбяку, сказал ему так: «Господин вольный царь, много зла сотворил тебе, но я пришел к тебе принять смерть или жизнь. Как Бог тебя вразумит — на все готов. Если Бога ради и своим царским величеством даруешь мне милость, возблагодарю Бога и твою милость. Если же смерти предашь меня, значит, достоин смерти. И вот — голова моя перед тобой». Царь Азбяк удивился разумности слов его и его смирению и сказал князьям своим: «Видите, князья, Александра Михайловича Тверского, как он смирением и мудростью избавил себя от смерти». И подивились все. И оказал ему царь Азбяк честь ве-

ликую, и пожаловал его вотчиной его, великим княжением Тверским, и отпустил его на Русь.

8 июля явилось знамение в Новгороде, в церкви святой Троицы на Рядитиной улице: сторож услышал, как что-то в церкви стукнуло, он вошел в церковь, чтобы посмотреть, что случилось? А это — икона святой Богородицы, держащей Сына за руку, стоит над дверями с северной стороны, на другом поясе. И икона в тот же час в полдень сошла с высоты и встала поодаль, ничем не поддерживаемая, и слезы текли из очей ее. О, великое чудо, как из сухого дерева слезам быть! Но это Бог прославлял Свою мать, молитву Ея приемля, спасая град. И в тот же час призвал владыку Василия, и сотворили киот, и поставили в киоте икону ту, и сотворили праздник на память святого мученика Прокопия.

В том году был пожар на Москве, и сгорело 18 святых церквей.

В 6846 лето от Адама (1346 лето от Христа)

Великий князь Александр Михайлович Тверской пришел из Орды от царя Азбяка на великое княжение в Тверь, а с ним послы: князь Киндяк и Авдул.

В том году многие бояре отъехали от князя Александра Михайловича Тверского на Москву, к великому князю Ивану Даниловичу.

Той же зимой князь Александр Михайлович Тверской послал сына своего, князя Феодора, с послом Авдулом в Орду; а с великим князем Иваном Даниловичем не договорился и не замирились.

В том году князь великий Иван Данилович из Москвы ходил в Орду.

В том году татары воевали с Литвой.

В том году в Орде царю Азбяку немцы оклеветали князя Александра Михайловича Тверского и наполнили уши царя многими горестными известиями. Царь Азбяк оскорбился до зела и, призвав одного из своих слуг по имени Исторчей, сказал ему тайно: «Иди на Русь и призови ко мне князя Александра Михайловича Тверского, но не с яростью и жестоко, а тихо и кротко».

Тот, собравшись, пошел на Русь и сделал, как ему было велено, сказав: «Зовет тебя вольный царь Азбяк, чтобы ты пришел к нему в Орду с сыном своим Феодором, чтобы исполнил царь волю твою, и ты примешь от него великое княжение и честь великую». Тогда же узнал князь Александр от неких людей о царской ярости против него и начал размышлять: «Если пойду в Орду к царю Азбяку, то буду предан смерти, а если не пойду к нему в Орду, то придет от него рать, и много христиан будет убито, и много пленено. А виной всему этому буду я. Лучше по воле Господа Бога

отмщение и казнь принять. Пусть я один за всех смерть приму». И начал снаряжаться в Орду.

В том году преставился князь Василий Семенович, внук Иванов, правнук Даниилов, праправнук Александров, препраправнук Ярославов, пращур Всеволода, прапращур Юрия Долгорукова, препрапращур Владимира Маномеха, Всеволодовича, Ярославича, Владимировича.

В 6847 лето от Адама (1347 лето от Христа)

В Новгороде в церкви святого Лазаря от иконы Пречистой Богородицы было знамение: из обеих очей слезы источались. И подставили две вощаницы.

В том году погорел весь околоток Владимирский. В том году было знамение на небесах.

В том году великий князь Иван Данилович Калита, внук Александров, правнук Ярославов, пошел в Орду с двумя своими сыновьями с Семеном и Иваном. А третьего сына своего Андрея послал в Новгород. Когда же пришел великий князь Иван Данилович Калита в Орду к царю Азбюку со своими сынами, принял великую честь от царя.

И тогда царь Азбюк вскоре послал опять других татар за князем Александром Михайловичем Тверским и за князем Василием Давидовичем Ярославским, внуком Феодоровым, правнуком Ростиславовым, и за другими князьями.

Князь Александр Михайлович Тверской сначала отправил в Орду к царю Азбюку сына своего Феодора. Федор Александрович знал о ярости царя на отца своего. И рассказал обо всем, что слышал, отцу своему. Он же сказал: «Сейчас я жив, но потом все равно умру, но если я не пойду ныне в Орду, то вызову великую ярость царскую, и много крови христиан прольется». И начал снаряжаться в Орду.

Великий князь Иван Данилович Калита пришел из Орды от царя Азбюка на Русь в свою вотчину с великим пожалованием и честью.

В том году великий князь Александр Михайлович Тверской пошел в Орду, а сын его, князь Феодор, тогда уже был в Орде. Мать же его, бояре и купцы, все жители и весь город плакали о нем и долго уговаривали его, чтобы он не ходил в Орду к царю. «Ты ведь знаешь, что царь гневается на тебя и хочет смерти предать. Божественное же писание не велит себя самого на смерть предавать». Он же отвечал: «Господь говорит в Евангелии Своим: «Не убоитесь от убивающих тело, души же не могущи что сотворити». И еще сказал: «Болши сея любви ничто же есть, да кто душу свою положит за други своя», и апостол говорит: «Многими скорбями подобает нам внити во Царство Небесное, и вси хотящеи благочестно о

Христе жити, изгна ни будут». Так святые пророки, святые апостолы и святые патриархи, святые мученики и преподобные отцы, пострадавшие за Христа, были увенчаны и сподобились небесных благ. Я же греховен от чрева матери моей и пребываю в грехе непрестанно. Вот, настало время пострадать и мне в этой скоротечной жизни. Вся наша жизнь как тень проходит мимо, исчезнет как дым и растворится как сон». Они же все, скорбя о нем, сказали: «Воля Господня да будет» и больше ничего не могли сказать.

Когда он вошел на корабль вместе со своими людьми, то поднялся сильный ветер. Гребцы гребут, а корабль отбрасывает назад. Они еще больше стараются, а ветер бьет им в лицо, и корабль опять возвращается назад. Так, с большими трудностями корабль пересек Русскую землю.

Брат его князь Василий Михайлович с боярами своими и со слугами проводил его до Святославова Поля. А брат его Константин Михайлович тогда сильно болел, и не мог проводить его, и князь Александр Михайлович плакал о нем, говоря: «Пусть будет он после кончины моей наследником и собирателем отчины нашей, пусть он будет утвержден после всего, что может произойти». Тогда же с ним пошли в Орду к царю Азбяку князь Василий Давыдович Ярославский, внук Феодоров, правнук Ростиславов, праправнук Мстиславов, препраправнук Давыдов и князь Романчук Белозерский.

Когда они пришли в Орду, князь Александр Михайлович нашел сына своего Феодора в Орде, плача, они расцеловались. И рассказал ему сын о гневѣ царя. Он же сказал: «Да исполнится Воля Господня!» И, взяв дары большие, вручил их царю, царице, князьям и прочим татарским сановникам, и находился в Орде у царя Азбяка в течение одного месяца. Многие из татар и друзья его говорили ему: «Хочет тебя царь убить, потому что крепко тебя оклеветали». Он же говорил им: «Что я могу сделать, если Бог захочет, чтобы меня предали смерти, кто меня от нее избавит?»

И начал молиться и готовиться к покаянию и исповеданию у отца своего духовного.

Приближался день памяти святого великомученика Дмитрия. И дошло до него известие, что скоро будет убит: дня через три будет предан злой смерти. Он же сказал: «Господи, да будет Твоя воля, делай, как хочешь!» И весь день ходил печальный, молясь и скорбя. И настал день памяти святых мучеников Терентия и Неонилы, преподобного Стефана, творца канонов Савватия и святой мученицы Параскевы Пятницы. Он встал рано и повелел петь заутреню. И когда начали петь псалмы Давида «Господи, что ся умножиши, стужающей ми», «Мнози возстають на мя

и мнози глаголють души моеи», он велел замолчать, и, подойдя к иконе, перекрестившись и поцеловав ее, сказал: «Если царь Давид пророк великий. Дух святыи имяше в себе, и напасти и беды многи претерпе, аз ли не хочу пострадати, многогрешен сыи? Господи, воля Твоя да будет, готов есмь на все за имя Твое святое!» И повелел исполнить все, как положено: все правила и молитвы.

И по прошествии нескольких часов он послал к царице — узнать вести. Потом и сам, сев на коня, начал разъезжать и пытался узнать у знакомых своих — грозит ли ему смерть. И узнав, что все-таки решено предать смерти, возвратился в стан свой. Тут и от царицы весть пришла, что скоро уже будет предан смерти.

Обнял он своего сына, попрощался с боярами, дал распоряжение об отчине своей, попросил прощения у сына своего, бояр, у всех слуг своих, особенно же у отца своего духовного и их простив, с любовью проливая слезы, исповедался отцу своему духовному во всем, и, наконец, причастился, приобщившись к священным и божественным тайнам.

Также сделали и сын его Феодор, и бояре его все, и все, бывшие с ним, потому что никто из них не надеялся остаться в живых.

После этого прошло некоторое время, и прибежали к нему отроки, горько плача, все в слезах, и сказали: «Господин, любимый наш князь, уже грядут за тобой, убийцами твоими посланы от царя Азбяка Беркан и Черкас». Он же, воздев руки на небо, начал молиться: «Господи, да сбудется воля Твоя, а не моя, и как захочешь — быть мне живому или мертвому — подай мне милость свою и прости мне все прегрешения мои!» И когда он молился, слезы непрерывно текли из очей его, и все вокруг стояли со слезами.

И вот, пришли посланники от царя к стану его. Он же вышел к ним со смирением. И так и был убит с сыном своим Феодором: отсекали им головы. Бояре же и слуги разбежались.

Некоторые же, оставшиеся тут, взяли их тела и повезли на Русь. И, когда были они во Владимире, встретил их Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, со священным собором, исполнили надгробное пение и отпустили их.

В Переяславле их встретили братья его, князь Константин Михайлович и князь Василий Михайлович, а также встречали их Гавриил, епископ Ростовский, и Феодор, епископ Тверской и надгробное пение исполнив, отпустили их в Тверь.

И там, у святого Михаила, их встретили горожане, и, взяв их на плечи свои, понесли в город и внесли в церковь святого Спаса. Мать же его,

братья и княгиня его с детьми своими, и весь город долго и горько о них плакали.

И так Тверское княжение вконец запустело. Преосвященный же Феодор, епископ Тверской, со священным собором исполнили над ним надгробное пение и положили его в церкви Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Так преставился великий князь Александр Михайлович Тверской, внук Ярославов, правнук Ярославов, праправнук Всеволодов, препраправнук Юрия Долгорукова, пращур Владимира Маномеха, прапращур Ярослава, препрапращур великого Владимира. В Пскове сидел 13 лет, к Немцам и в Литву бегал, и опять возвратился в свою вотчину, в Тверь. А смерть принял в Орде с сыном своим Феодором от царя Азбяка, месяца сентября в 28 день, на память святых мучеников Терентия и Неонилы, преподобного Стефана, творца канонов Саватия и святой мученицы Параскевы Пятницы.

И так из Переяславля по цареву повелению пошел князь Иван Коротополь с Тавлублием и с прочими татарами, и князь великий Иван Данилович послал также свою рать с ними к Смоленску. Воеводами были: Александр Иванов, Федор Акинфович. Также и иные князья по повелению цареву пошли с татарами к Смоленску: князь Константин Борисович Ростовский, князь Иоанн Ярославич Юрьевский, князь Иван Дрютский, Федор Фоминский с баскаками и Мордовские князья с мордой.

И, подойдя к Смоленску, пожгли посады, волости и села пограбили и пожгли, и под городом стояли несколько дней. И оттуда татары пошли в Орду с большим богатством и с пленными, а русские князья возвратились восвояси здоровыми и невредимыми.

В 6848 лето от Адама (1348 лето от Христа)

Преставился великий князь Иван Данилович Калита, внук Александров, правнук Ярославов, праправнук Всеволодов, препраправнук Юрия Долгорукого, пращур Владимира Маномеха, прапращур Ярослава, препрапращур великого Владимира, иноком, в схиме. И положен был в церкви святого архангела Михаила на Москве, которую он сам создал. Сына же его старшего, князя Семена, не было тогда на погребении отца, потому что в то время был он в Нижнем Новгороде. Его сыновья: Семен, Иван, Андрей. Княжил он 53 года.

В том году пошли в Орду князь Семен Иванович и брат его князь Иван Иванович, да брат их князь Андрей Иванович, и много других князей тогда было в Орде, у царя Азбяка.

В том году погорел Новгород Великий, и такая огненная ярость была, что огонь ходил по воде с бурей и вихрем, и много людей утонуло в

Волхове. И перекинулся огонь на другую сторону через Волхов, и та сторона вся погорела, и все церкви и деревянные, и каменные.

В том году и Смоленск погорел на день Преображения.

В том же году вышел из Орды князь Семен Иванович, да брат его князь Андрей Иванович, пожалованный царем на великое княжение Владимирское и Московское. И стал он великим князем Владимирским и Московским.

В том году злые крамольники сошлись на вече брянском и убили своего князя Глеба Святославовича. Тогда же там был и Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, но не смог их унять.

В том году князь великий Семен Иванович послал в Торжок за данью. Посланцы же его, придя туда, начали обиды творить и насильничать.

Новоторжцы же обратились в Новгород за помощью. Посадники новгородские послали туда бояр с большим числом людей. Они, придя неожиданно, поймали наместников князя Семена: князя Михаила Давидовича, Ивана Рыбкина, и Бориса Семенова, и других.

Взяли в оковы жен и детей их и засели на месяц в Торжке. А к великому князю послали из Новгорода Козьму Твердиславича с такими словами: «Еще не сел ты на княжение, а уже твои бояре силу показывают».

Но новоторжцы испугались, и чернь восстала против бояр, говоря: «Зачем призвали новгородцев, а они наместников великого князя поймали? За это погибнем мы все». И чернь, собравшись, пошла на дворы их, и освободили от оков наместников великого князя Семена и, отпустив, проводили их из Торжка. А новгородские бояре убежали в Новгород. А чернь имения новоторжских бояр разграбила, и дома их разорила, и села их опустошила.

В том году был съезд на Москве всех русских князей. И пошли ратью к Торжку великий князь Семен Иванович, князь Константин Суздальский, князь Константин Ростовский, князь Василий Ярославский. И преосвященный Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, тогда с ними пошел. И пришли они к Торжку с большой силой.

А новгородцы, собравшись всей землей и посоветовавшись, послали с челобитьем владыку Василия Новгородского к Феогносту, митрополиту Киевскому и всея Руси, а также послали Якова посадника и Аврама тысяцкого с другими боярами к великому князю Семену Ивановичу. И заключили мир по старым исконным грамотам по воле всех новгородцев и крестным целованием поклялись на кресте. И позволили великому князю Семену Ивановичу взять черный бор со всей земли Новгородской, а на новоторжцев наложили дань в тысячу рублей.

В 6849 лето от Адама (1349 лето от Христа)

Преосвященный Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, пошел в Новгород Великий с множеством церковного причта и со многими своими слугами. И было тяжело бремя — содержать их владыке новгородскому, и монастырям много даров.

В том году великий князь Семен Иванович Владимирский и Московский послал в Новгород наместников своих.

Той же осенью умер царь Азбьяк Ордынский. Царствовал в Великой Орде 19 лет. При этом царе Азбьяке в Орде его повелением было убито пять великих русских князей: великий князь Михайло Ярославич Тверской, и два сына его, великий князь Дмитрий Михайлович и брат его великий князь Александр Михайлович, великий князь Василий Рязанский, великий князь Иван Ярославич Рязанский; да три удельных князя: князь Александр Новосельский, князь Федор Александрович, внук святого блаженного великого князя Михаила Ярославича Тверского, и князь Федор Иванович Стародубский. При этом же царе Азбьяке убит был в Орде благочестивый и великий князь Юрий Данилович Московский великим князем Дмитрием Михайловичем Тверским, без повеления царя Азбьяка. А всего убито было царем Азбьяком в Орде великих князей и удельных князей — девять человек.

И сел после него в Орде на царство сын его старший — Тинбек.

А другой его сын Джанибек убил своего младшего брата Хадырбека. И за это прогневался на него старший, брат его царь Тинбек, и была вражда между ними.

В том году умер великий князь литовский Гедимин. Его сыновья: Наримант, Ольгерд, Евнутей. Кейстутей, Кориад, Люборт, Монтивит. После него на великое княжение Литовское сел второй его сын Ольгерд.

Этот Ольгерд был весьма мудр и говорил на многих языках, превосходил властью и саном всех иных; был во всем воздержан, сторонился всего суетного: потех, игрищ и прочего. Но заботился о державе своей день и ночь, пьянства отвращался, не пил даже вина, меда, пива и других напитков, так ненавидел пьянство. Великое воздержание имел во всем, и потому был человеком великого разума, и смысла, и мужественный. И, благодаря своей мудрости, завоевал и приобрел себе множество стран и земель, городов и княжеств, и обладал огромной властью. Возвысилось его княжество выше всех. Ни при отце, ни при деде оно не было таким.

В том году князь Иван Иванович, внук Давидов, женился на дочери Дмитрия Брянского.

Той же осенью, на Покров Пречистой Богородицы, Ольгерд, великий князь Литовский, пришел с большой ратью к городу Можайску, пленил

волости и села, посад сжег и под городом стоял, но город не взял и возвратился восвояси.

В том году литва взяла Тишинов, и с большим числом пленников ушли восвояси.

В том году пришли немцы, поставили города на реке Пивже, на Псковской земле.

В том году княжич Михайло Александрович Тверской, крестный сын владыки новгородского Василия, пришел к нему в Новгород учиться грамоте.

В том году у великого князя Семена Ивановича, внука Даниилового, родился сын Константин и в тот же день преставился.

В том году немцы побили лучших псковских мужей, хотя был мир. И пошли против них псковичи с князем Александром Всеволодовичем, и завоевали Латыгоду. Так, князь Александр Всеволодович, отомстив, ушел прочь.

В том году владыка новгородский Василий повелел покрыть святую Софию свинцом и иконы написать, и киоты установить.

В 6848 лето от Адама (1348 лето от Христа)

Царь Ордынский Джанибек, сын Азбяка, убил брата своего старшего Тинибека, а сам сел на царство. А еще раньше он убил своего младшего брата. И стал владеть всей Ордой, всеми улусами и всеми землями.

В том году Лука Варфоломеев, не послушав поучения и благословения Феогнота, митрополита Киевского и всея Руси, и своего владыки Новгородского Василия, собрал вокруг себя разбойных и лукавых людей и холопов боярских, пошел за Волок на Двину и построил крепость Орлец. И там, собрав емчан, взял землю Заволочскую, и все волости и села по Двине завоевал.

В то же время сын его Онцыфор пошел на Волгу. Отец же его Лука тогда пошел с небольшой дружиной воевать, и его заволочане убили.

Когда узнали об этом в Новгороде, то опечалились за него все люди, и поднялись против посадников на Федора и на Андрея, говоря: «Вы послали Луку, чтобы его убили», и разграбили их дома и села. Посадники же бежали в Копорье и там пребывали некоторое время.

И после этого пришел в Новгород сын Луки Онцыфор, бил челом владыке и всем новгородцам на посадников Федора и Андрея, говоря: «Они послали отца моего на смерть».

Владыка, посовещавшись с новгородцами, послал архимандрита Иосифа с боярами за Федором и Андреем. Посадники же, придя в Новгород,

начали со слезами говорить: «Не думали, не гадали, что будет убит брат наш Лука, и засылали мы его не для того, чтобы был убит».

Онцыфор с Матфеем зазвонили в колокола, созывая всех на вече у святой Софии. А Федор и Андрей стали собирать вече на Ярославовом дворе. И послали Онцыфор и Матфей владыку на вече.

И, не дождавшись своего владыки, созвали вече на Ярославовом дворе, и там взяли Матфея Козку и сына его Игнатия, а Онцыфор убежал со своими сообщниками. Это случилось до обеда, а после обеда весь город с владыкой Василием и с наместником Борисом заключили между собой мир.

В том году прислали псковичи в Новгород, говоря: «Идет на нас рать немецкая, помогите нам». Новгородцы же, собрав силу, хотели послать им помощь. Они же опять прислали к ним весть, говоря: «Нет рати против нас». И был мир. И новгородцы возвратились и разошлись восвояси.

Потом псковичи опять отреклись от Новгорода и от великого Руского князя. Они послали послов своих в Витебск, к великому князю Литовскому Ольгерду Гедиминовичу, прося помощи против немцев, говоря: «Братья наши новгородцы нам не помогают». Он же принял их челобитье и послал к ним сначала своего воеводу, князя Юрия Витовтовича, потом и сам пошел, с братом своим Кестутием и с литвою, и с сыном своим Андреем.

И послал князь Юрия Витовтовича с псковичами, добровольцами, к Новому городку добыть языка. Он же пошел на границу и встретил там великую рать немецкую, идущую к Изборску. И тут, у реки Мекожицы немцы убили 60 псковичей. А князь Юрий Витовтович бежал в город Изборск.

Немцы же, подойдя к городу, окружили Изборск с великой силой и со стенобитными орудиями. А Ольгерд и Кестутий ничего об этом не ведали. И повелел Ольгерд своей рати переправляться через реку, не ведая, что под Изборском стоит рать немецкая. Переплыли они реку, и встали станом на Коломне.

А Ольгерд послал впереди полка людей своих на разведку. Они пошли, поймали языка и привели его к Ольгерду. И тот поведал о великой силе немецкой и о большой рати под Изборском. Ольгерд повелел быстро перейти на другую сторону реки, идти к Пскову, укреплять город и собирать людей по городам в крепости.

А сам Ольгерд с Кестутием и с малой дружиной пошел на Градское болото и пытался разузнать все о немецкой рати. А князь Любка, Воинов сын. Полоцкого князя близкий друг, отъехал от Ольгерда, не зная, что там враги, и те убили самого близкого друга Ольгерда. И очень печалился, и скорбел о нем Ольгерд.

А в это время тяжело приходилось Изборску от немецкой рати. И они послали Ольгерду просьбу о помощи. Он же не хотел идти против немецкой силы и сказал им: «Сидите в городе, не сдавайтесь и постоянно вступайте с ним в битву. И, если не будет между вами смут, ничего с вами они не сделают. А если мне со всей моей силой пойти против их силы, то столько мертвых падет! А кто знает — чей еще верх будет? И если Божьей милостью и будет наш верх, то все равно будет много убитых, и какая польза в этом? Поэтому, сидите в городе и верьте, что ничего они вам не сделают».

Немцы стояли под городом десять дней и лишили горожан воды, но Божиим гневом гонимые, побросали станы свои, все запасы свои, и стенобитные орудия сожгли, и бежали восвояси, никем не гонимые.

Тогда псковичи долго умоляли великого князя Ольгерда, чтобы он крестился, желая посадить его на княжение в Пскове. Он же сказал им: «Я уже крещен, я христианин, и второй раз креститься не хочу, и на княжении у вас сесть не хочу». Тогда псковичи крестили его сына Андрея в соборной церкви и посадили его у себя в Пскове на княжение. А отец его Ольгерд Гедеминович с Кестутием ушли в свою землю. Псковичи опять замирились с новгородцами. В том году псковичи убили немцев 300 человек.

В том году повелением великого князя Семена была поставлена каменная церковь во имя Благовещения Пречистой Богородицы на Городище, и освятил ее Василий, владыка Новгородский. В том году был пожар в Новгороде.

В том году преставился новгородский посадник Варфоломей Юрьевич.

В том году из Орды пришел с послом Киндяком князь Ярослав Пронский на Рязанское княжение. И пришел с татарами к Переславлю Рязанскому. А князь Иван Иванович Коротополый затворился в городе Переславле и бился с ним весь день, а ночью бежал из города. Посол Киндяк с татарами вошел в город, и много зла сотворили они христианам: иных избили, а иных пленили. И князь Ярослав Пронский сел на княжение в городе Ростиславе Рязанском.

В том году князь великий Семен Иванович, внук Даниилов, пошел в Орду к новому князю Джанибеку, сыну Азбяка. А князь Константин Суздальский, князь Константин Тверской и князь Константин Ростовский еще до него пришли в Орду, в том году Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, пошел в Орду по делам церковного причта к новому царю Джанибеку, сыну Азбяка. В том году преставилась великая княгиня Овдотья, вдова князя Василия Давыдовича Ярославского.

В том году преставился Феодор, епископ Тверской.

Той же зимой преставилась Феодосия, княгиня Ивана Ивановича. В том году вышел из Орды великий князь Семен Иванович, внук Даниилов.

В том году пришел из Орды от царя Джанибека Феогност, митрополит Киевский и всея Руси. Ходил по делам церковного причта, потому что все митрополиты и епископы на свои причты имели от царей ордынских ярлыки. Кто-то из русских же людей оклеветал Феогноста митрополита перед царем Джанибеком, говоря будто он «имеет безчисленный доход, много золота, серебра и всякого другого богатства, и поэтому должен в Орду давать каждый год полетную дань». Царь стал требовать полетную дань, митрополит не соглашался. За это царь задержал его. Митрополит раздал царю, царице и князьям 600 рублей. И тогда отпустил его царь вместе с его людьми на Русь, и он в здравии вернулся со всеми своими.

Русь (1351–1380 гг. от В.Х.).

Книга 8

В 6851 лето от Адама (1351 лето от Христа)

Выгорел весь город Москва, сгорело 18 церквей. Это был уже четвертый пожар в Москве за тринадцать лет. В том году убиен был князь Иван Иванович Коротополый Рязанский. Так как он убил своего брата Александра Михайловича Пронского, то и сам сию чашу испил: таким же судом был судим, и такую же мерю было отмерено ему.

В том году пошли псковичи с князем своим Остафьем ратью в Немецкую землю. Пришли к городу Медвежья голова и воевали восемь дней.

И вышли против них немцы, и была сеча жестокая. И одолели они псковичей. Много было убито у них лучших мужей и посадников именитых: Корман, Кирей, Варфоломей, Алферий и много иных бояр, и пало бесчисленное множество добрых людей. А Данило, посадник псковский, обрезав на себе доспехи, еле убежал. И велико тогда было унижение псковичей.

В 6852 лето от Адама (1352 лето от Христа)

Пошел в Орду великий князь Семен Иванович, внук Даниилов, и с ним братья его: князь Иван Иванович, внук Даниилов, да князь Андрей Иванович, внук Даниилов, и все князья руские были тогда в Орде.

В том году преставился князь Ярослав Александрович Пронский. В том же году начали расписывать две церкви каменные на Москве. Одну по повелению Феогноста, митрополита Киевского и всея Руси — соборную церковь Пречистыя Богородицы на митрополичьем дворе — расписывали греческие мастера. В том же году и закончили расписывать. А другую церковь у великого князя на дворе, церковь святого архангела Михаила, великий князь Семен Иванович велел расписать руским иконописцам. Старейшины и начальники у них были: Захария, Денисей, Иосиф, Николай и прочая артель их. И в том году работу не успели закончить из-за большого объема и мелкого письма.

В том году пришел из Орды от царя Джанибека с пожалованием и с великой честью великий князь Семен Иванович, внук Даниилов. В том году Феодор, владыка Тверской, поставил двери медные на соборной церкви святого Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в Твери.

В 6853 лето от Адама (1353 лето от Христа)

В Новгороде была заложена церковь святого Спаса на Ковалеве. И поднялся сильный ветер со снегом, принес лед в Волхов и выдрал семь опор у большого моста. Это случилось в сентябре 6 дня, на память святого чуда архангела Михаила.

Тогда отдано было посадничество Матфею Варфоломеевичу. В том году преставилась великая княгиня Семена Ивановича — Анастасия, черницей, в схиме, родом литовка. Литовское имя ее было Августа, а в святом крещении Анастасия. И положена была в монастыре, в церкви святого Спаса на Москве, которую же она сама повелела расписать, и покровительствовала всем живущим там инокам, и почитала их. В том году расписали в монастыре церковь святого Спаса повелением и на деньги великой княгини Анастасии, супруги великого князя Семена Ивановича. Мастера и старейшины были русские родом, а ученики — греки: Гоитан, Семен, Иван и прочие их ученики и дружина.

В том году великий князь Семен Иванович, внук Даниилов, женился второй раз, взяв в жены дочь князя Федора Святославича Смоленского, Евпраксию.

В том году женились и братья его: князь Иван Иванович, внук Даниилов, и князь Андрей Иванович, внук Даниилов. Все три брата женились в один год.

В том году князь Ольгерд Гедиминович с братом своим Кестутием Гедиминовичем пришел тайно и напал на старшего своего брата Нариманта Гедиминовича и на брата своего Евнутия Гедиминовича в городе Вильно.

И люди, находящиеся тогда в городе, испугались. А князь Наримант Гедиминович бежал из города в Орду к царю Джанибеку, сыну Азбяка. А другой его брат Евнутий Гедиминович бежал в Псков и оттуда в Новгород, а оттуда в Москву к великому князю Семену Ивановичу. И тут на Москве крещен был и наречен в святом крещении Иваном.

В том году преставился князь Василий Давыдович Ярославский, чернецом, в схиме и положен был в церкви святого Спаса в Ярославле.

В том году преставился князь Василий Муромский и положен был в его вотчине, в Муроме, в церкви святых мучеников Бориса и Глеба, в монастыре на Ушне.

В 6854 лето от Адама (1354 лето от Христа) закончили расписывать три церкви каменные на Москве: в монастыре святого Спаса, святого архангела Михаила и святого Иоанна Лествичника.

В том году на Москве великий князь Семен Иванович с братьями своими с Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем отлили три больших колокола и два меньших. А отливал их мастер Борис Римлянин.

В том же году архиепископ Новгородский владыка Василий пришел на Москву звать великого князя Семена Ивановича в Новгород на княжение. Но сначала получил благословение у митрополита Феогноста, и оказал ему честь, и дары принес. Благословил его митрополит Феогност, и дал ему священные ризы кресчатые, и взял у него дьякона Кирилла, который чистотой голоса превосходил всех. В том году преосвященный Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, поставил Ивана, архимандрита Спасского монастыря, епископом Ростовским.

В том году был сильный мор в восточных землях: в Орнахи, в Астрахани, в Сараях, в Бездежи и в других городах той земли. И у христиан, и у армян, у фрягов, и у черкесов, и у татар, и у обзюгов мор был такой, что некому было хоронить.

В том году великий князь Ольгерд Гедиминович с братом своим Кестутием Гедиминовичем пошли на Новгород ратью и встали в устье реки Ншаги. А к новгородцам послал сказать: «Хочу с вами встретиться, да если мне Бог поможет, хочу и сразиться с вами. Оскорбил меня посадник ваш Остафей Дворянинец, он так меня поносил бранными словами, что даже псом назвал». Немного постоял и, начав воевать, взял Шелону и землю от Голино до Лугу, и до Фсавля: много волостей, сел и мест завоевал и пленил.

А с Порхова взял откуп триста рублей и шестьдесят рублей новгородских. Новгородцы собрались и вышли против него на Лугу, но потом бегом возвратились в Новгород.

Начали созывать вече на княжьем дворе и убили там посадника Остафья Дворянинца, сказав ему: «Ты вражду начал, из-за нее и всю землю нашу полонят, кто тебе велел ругать короля?» Так был убит Остафей Дворянинец.

А Ольгерд Гедиминович с братом своим Кестутием Гедиминовичем и с большим количеством пленных возвратился восвояси.

В том году великий князь Семен Иванович, внук Даниилов, отослал от себя княгиню свою Евпраксию к отцу ее князю Феодору Святославичу на Волок.

В том же году великий князь Семен Иванович пошел в Новгород и сел в нем на сбор дани, пробыл там три недели и ушел на Москву.

В том же году у князя Константина Михайловича Тверского было несогласие с княгиней Анастасией и с князем Всеволодом Александровичем. Его бояре и знатные слуги начали отбирать их волости, и над ними нависла великая угроза. Князь же Всеволод Александрович не мог этого стерпеть и пошел из Твери к великому князю Семену Ивановичу на Москву. В том же году великий князь Константин Михайлович Тверской пошел в Орду к царю Джанибеку, сыну Азбьяка.

В том же году князь Всеволод Александрович пошел тоже из Москвы в Орду.

В том же году преставился в Орде великий князь Константин Михайлович Тверской, внук Ярославов, правнук Ярославов, праправнук Всеволодов, преправнук Юрия Долгорукого, пращур Владимира Маномеха, прапращур Всеволода, преправпращур Ярослава Владимировича.

В том же году князь Василий Михайлович Кашинский, внук Ярославов, правнук Ярославов, из Кашина прислал сборщиков дани своих в удел князя Всеволода Александровича в Холм. И взяли дань с людей в Холме, и пошли в Орду к царю Чанибеку, сыну Азбьяка. А в Орде уже был его племянник князь Всеволод Александрович Холмский. Когда князь Всеволод Александрович узнал, что дядя его князь Василий Михайлович Тверской взял дань в его вотчине, оскорбился и пошел от царя из Орды с послом ему навстречу, на Бездеже встретил дядю своего князя Василия Михайловича Кашинского и ограбил его. Князь Василий Михайлович Кашинский, когда узнал, что царь Джанибек отдал Всеволоду Александровичу Холмскому и Тверскому всё княжение Тверское, сильно опечалился из-за этого.

В 6855 лето от Адама (1355 лето от Христа)

Магнуш, король Шведский, прислал своих послов, иноков и пресвитеров в Новгород Великий к князю со словами: «Повелите собрать собор в том месте, которое сами укажете, и призовите своих философов на этот собор, а я соберу своих философов и пришлю на этот собор в то же место. Пусть поспорят они о вере по Писанию. И пусть выяснят, какая вера лучше. Если ваша вера будет истинно правая, то я перейду в вашу веру. Если будет наша вера по Писанию правая и истинная, переходите в нашу веру без сомнения. И будем все в единомыслии, в мире, в любви духовной и телесной и во всяком благом совете, и все вместе мы будем страшны врагам нашим. Если не захотите так сделать, то пойду против вас со всею своей силой и ратью».

Владыка же Василий Новгородский отвечал Магнушу, королю Свейскому, так: «Если хочешь узнать, какая вера лучше, какая правая и ис-

тинная, пошли в Царьград к патриарху, потому что мы приняли правую веру от греков и следуем законам греческим, которые приняли от них. А с тобой не хотим спорить о вере. А если между вами и нами будет какая обида, то мы о том к тебе пошлем, а ты к нам присылай. Ты свои обиды нам выскажи, и мы разберем дело, а мы тебе, и ты разберешься. И будем жить в мире, любви и согласии. А о вере спорить, вражду между собой устраивать и укорять друг друга, давай, не будем». И король после этого перестал разглагольствовать о вере, а гордые философы их замолчали от этих коротких, но мудрых слов владыки.

В том же году немцы пришли ратью на Литву, и был бой силен, и перебили немцы сорок тысяч литвы.

В том же году было великое половодье, какого не бывало никогда. В том же году великий князь Семен Иванович, внук Даниилов, женился в третий раз, взяв за себя княжну Марью, дочь великого князя Александра Михайловича Тверского.

А ездил за ней в Тверь Андрей Кобыла да Алексей Босоволков.

В том же году преосвященный Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, посоветовавшись о чем-то духовном с сыном своим великим князем Семеном Ивановичем, и послал в Царьград к патриарху с просьбой о благословении.

В том же году преосвященный Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, поставил Нафонаила епископом в Суздаль. В том же году великий князь Семен Иванович, внук Даниилов, пошел в Орду.

О мученике Круглеце

В те же времена в земле Литовской жил некий муж по имени Круглец, нареченный в святом крещении Евстафий. Он был убит великим князем Ольгердом за православную веру и похоронен у церкви святого Николы в городе Вильно вместе с родственниками своими, с великими мучениками Антонием и Иваном, которые пострадали за православную веру христианскую и приняли мученический венец из рук Господних.

В 6856 лето от Адама (1356 лето от Христа)

У великого князя Семена Ивановича родился сын Даниил. В том же году пришел из Орды от царя Джанибека, сына Азбьяка, великий князь Семен Иванович, внук Даниилов, со многой честью и с пожалованием, а с ним брат его Андрей Иванович. В том же году на Москве, в соборной митрополичьей церкви во имя Пречистыя Богородицы, Божией милостью и Пречистыя Богородицы, а также молитвами святого чудотворца Петра, митрополита Киевского и всея Руси, у гроба его получила исцеле-

ние некая вдовица, страдающая от тяжелой болезни — она страдала скрюченной к груди рукой. И, получив исцеление и прощение, здоровой ушла к себе домой, славя Бога, Пречистую Богородицу и угодника их, святого чудотворца Петра, митрополита Киевского и всея Руси.

В том же году великий князь Литовский Ольгерд Гедиминович послал в Орду к царю Джанибеку, сыну Азбьяка, брата своего Кориада и других просить помощи против великого князя Семена Ивановича.

Услышав об этом, великий князь Семен Иванович послал к царю в Орду Феодора Глебовича, а с ним киличеев своих Феодора Шубачеева да Аминя, с жалобой на Ольгерда, говоря так: «Ольгерд улусы твои посек и в плен увел; еще и нас всех хочет вывести к себе в неволю и твой улус до конца опустошить. И таким образом разбогатеет, Ольгерд Гедиминович хочет противостоять тебе». Царь, услышав, что Ольгерд улусы его опустошает, людей в полон берет и хочет быть ему противником, разгорелся огнем ярости, и он выдал послов литовских, брата Ольгерда Кириада и иже с ним, киличеям великого князя.

В Москву их привел царский посол Тотуй. И посол Тотуй выдал по царскому приказу брата Ольгерда Кариада и дружину его литовскую великому князю Семену Ивановичу.

В том же году Магнуш, король Шведский, послал послов своих к владыке Новгородскому Василию и к посадникам новгородским, и ко всем новгородцам, говоря: «Пришлите философов своих на съезд, пусть спорят о вере по книгам, и которые победят, будем в той вере все. А если не захотите, то, призвав Бога на помощь, хочу на вас ратью пойти». Отвечал архиепископ, владыка Новгородский Василий, и все новгородцы так: «Уже давно наши прадеды приняли веру от греков, и она есть правая и истинная. Этой веры держались прадеды наши, деды, отцы наши, и мы также держимся этой веры, и законы соблюдаем по греческому закону, который приняли от греков. А не спорим ни с кем, потому что знаем, что наша вера правая и истинная, которую приняли от греков, ее соблюдаем и законы ее. А ели хочешь спорить о вере, пошли в Царьград к патриарху, и тот тебе пусть отвечает. А если есть какая-либо обида тебе от нас, то ты скажи: а какая обида нам будет от тебя, и о том мы тебя известим. И будем жить между собой мирно и безмятежно, по истине». И послали к королю тысяцкого Аврама и Козму Твердиславича. А король был тогда на Березовом острове. И когда пришли они в Ореховец, то ореховцы тысяцкого Аврама не отпустили, а Козма пошел к королю. И сказал ему король: «Обиды мне от вас никакой нет, только давайте объединимся в одной вере и будем в единстве, в совете, в единомыслии, в любви и мире. Если не сделаете так — то пойду на вас ратью».

Ореховцы затворились в городе, а король окружил город и кого поймал, тех крестили в свою веру, а все свое войско распустил, чтобы совершали набеги.

Новгородцы же послали против участников набегов Онцыфора Лукина и убили в походе немцев пятьсот человек.

А король Магнуш во время междоусобиц взял Орехов и многих крестил в свою веру, но некоторые не подчинились ему. Он же взял откуп, а тысяцкого Аврама и одиннадцать знатных мужей увел с собой за море. Наместника Нариманта и прочих отпустил из города. А в городе рать свою оставил, укрепив крепость.

И послали новгородцы к великому князю Семену Ивановичу просьбу, чтобы он пришел к ним на помощь. Великий князь дошел до Торжка и возвратился, потому что его догнали киличей из Орды, возвестив ему слово царское о даре: выдал царь ему тогда Ольгердова брата Кариада. И тогда он сам возвратился в город Москву, а в Новгород послал брата своего князя Ивана Ивановича, да князя Константина Борисовича Ростовского, да Ивана Акиньюфовича, да с ними воевод и большую рать. Когда князья пришли в Новгород, то узнали, что немцы взяли город Орехов, осадили и укрепили его, но они не пошли против немцев, а пошли из Новгорода на Низ, не взяв благословения владыки и не послушав новгородского челобитья.

Посадник же новгородский Феодор Данилович и наместники князя Семена Ивановича, и все новгородцы, и псковичи, и вся земля Новгородская, объединившись, пошли к городу Орехов, побили немцев и Людку, воеводу их, убили.

И новгородцы решили долго стоять под городом, а псковичи не захотели долго стоять. Новгородцы говорили им: «Между нами было решено, что наш посадник не будет ни сидеть у вас в Пскове, ни судить, а судить ваших псковичей владыка будет, а из Новгорода вас не брать и не приглашать ни дворянами новгородскими, ни стражниками новгородскими, ни софиянами, ни изветниками, ни биричами. Нам псковичи братья, а Псков Новгороду младший брат. Но вы быстро забыли любовь и милость и не хотите немного потерпеть, чтобы утешить врагов. И если так упрямитесь, то уходите восвояси ночью, чтобы не увидели враги и не порадовались, говоря: «А у них раздор». Псковичи же ушли в полдень, вострубив в трубы и бив в бубны, в сопели и в дудки. Немцы, увидев это, начали насмехаться. Новгородцы же, разъярившись, собрали всю землю Новгородскую, набрали много запасов, и, укрепившись, собрались долго стоять под городом. Немцы же в городе начали ослабевать, ибо не было у них запасов хлебных, и от этого им пришлось тяжело.

Тогда новгородцы, забросав стены крепости огнем, подожгли город. И таким образом одних немцев пожгли, других убили, а тех, которые остались живы, отвели на Москву к великому князю Семену Ивановичу. Стояли же новгородцы под городом тем, пока не сожгли его, от Успенья Богородицы до Сбора.

В том же году князь Темир Ордынский приходил с ратью к городу Алексину святого чудотворца Петра, митрополита Киевского и всея Руси, и пожгли посад, и с большим количеством пленных возвратился в Орду.

Но Бог избавляет от смерти рабов своих от обижающих их праведным судом своим, ибо убили Темира его же слуги татарские в Орде в том же году. И так окаянный зло погиб с чадами своими.

В том же году некий человек по имени Иван, у которого болел один глаз, исцелился в соборной церкви Пречистой Богородицы, у гроба святого чудотворца Петра, митрополита Киевского и всея Руси.

В том же году князь Всеволод Александрович Холмский пришел из Орды с честью и с пожалованием на Тверское княжение, а с ним посол. А дядя его, князь Василий Михайлович Кашинский, пришел из Орды в Кашин. И случилась между ними вражда, что было тверичам в тягость, и многие люди тверские из-за этой вражды разбежались.

В том же году немцы убили князя Нариманта Гедиминовича, а с ним князей, воевод и литвы множество побили.

В том же году была распря великая в Твери между великим князем Всеволодом Александровичем Холмским, который сидел по царскому повелению на великом княжении Тверском, с дядей его, с князем Василием Михайловичем Кашинским, внуком Ярослава; чуть до кровопролития не дошло дело между ними.

В 6857 лето от Адама (1357 лето от Христа)

Великий князь Литовский Ольгерд Гедиминович прислал послов своих к великому князю Семену Ивановичу Московскому с большими дарами и с челобитьем, прося мира и жизни брату своему Кариаду Гедиминовичу, боярам его и дружине его литовской. Великий же князь Семен Иванович согласился на мир и любовь и отпустил к нему брата его Кариада Гедиминовича, бояр его и всю дружину его в Литву.

В том же году король Краковский взял крамолою землю Волынскую и церкви греческого закона перевел в латинский закон.

В том же году Феодор, владыка Тверской, замирил князя Василия Михайловича Кашинского с великим князем Всеволодом Александровичем Тверским. И, покаявшись, поклялись между собой в любви и мире. Всеволод Александрович уступил великое княжение Тверское дяде свое-

му князю Василию Михайловичу Кашинскому. Их уделами были: князя Василия Михайловича — Кашин, а князя Всеволода Александровича — Холм. Так сел на великое княжение в Твери князь Василий Михайлович Кашинский, внук Ярославов, правнук Ярославов, праправнук Всеволодов, преправнук Юрия Долгорукого, и закрепили крестным целованием, что будут жить в единомыслии, в совете и в единстве.

И приехал в Тверь князь Василий Михайлович на великое княжение, и стал жить с племянником своим, с князем Всеволодом Александровичем Холмским, тихо, кротко и мирно, в большой любви и дружбе, и пошли к ним люди отовсюду в города их, и в волости, и во все земли Тверские, росло количество жителей, и радовались великой радостью.

В том же году владыка Феодор Тверской повелел расписать алтарь у святого Спаса в Твери. В том же году преставилась великая княгиня Мария, вдова великого князя Дмитрия Михайловича Тверского, которого убили в Орде с сыном его Феодором. В том же году пришел из Орды преосвященный Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, живший в Волыни.

В том же году у великого князя Семена Ивановича родился сын Михаил, и митрополит Феогност крестил его.

В том же году к великому князю Семену Ивановичу прислал из Волыни князь Люборд Гедиминович, прося за себя племянницу его, дочь князя Константина Борисовича Ростовского. И он отдал за него племянницу свою в Волынь.

В том же году великий князь Литовский Ольгерд Гедиминович прислал на Москву к великому князю Семену Ивановичу, прося отдать за себя сестру его жены, то есть его свояченицу, дочь великого князя Александра Михайловича Тверского именем Ульяна. Он же, посоветовавшись с духовным отцом своим преосвященным Феогностом, митрополитом Киевским и всея Руси, отдал за него свояченицу свою Ульяну.

В том же году был мор людской в Полоцке.

В 6858 лето от Адама (1358 лето от Христа)

Заложил князь Константин Васильевич Суздальский каменную церковь в Новгороде.

В том же году великий князь Семен Иванович пошел из Москвы в Орду с братьями своими, с князем Андреем и с князем Иваном, к царю Джанибеку, сыну Азбяка.

В том же году пришел из Орды со своими братьями от царя с пожалованием и с великой честью.

В том же году закончили строить придел каменный к церкви святого Спаса на Москве. В том же году родился у князя Ивана Ивановича сын Дмитрий, месяца ноября в 12 день.

В том же году князь Константин Суздальский ходил в Орду. Той же зимой у князя Семена Ивановича родился сын Иван.

Той же зимой великий князь Семен Иванович выдал дочь свою в Тверь за князя Михаила Васильевича Тверского.

В том же году преставился великий князь Василий Александрович Рязанский. В том же году разболелся Феогност, митрополит Киевский и всея Руси.

В 6859 лето от Адама (1359 лето от Христа)

На Москве, в митрополичьей соборной церкви Пречистой Богородицы, Божиею милостью, также Пречистыя Богородицы и молитвами святого чудотворца Петра, митрополита Киевского и всея Руси, исцелена была некая жена, тяжело болевшая: без ног, без рук лежала два года. И когда принесли ее в церковь Пречистой Богородицы ко гробу святого чудотворца Петра, в тот же час была исцелена и пошла в дом свой здоровой, славя Господа Бога, Пречистую Богородицу и угодника их святого чудотворца Петра, митрополита Киевского и всея Руси.

В том же году преосвященный Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, благословил Данила епископа служить в Суздале, так как ранее был отлучен, и приняв древний свой святительский сан, и вновь получил святительство на великое архиерейство.

В том же году князь Юрий Ярославович Муромский обновил город свой, отчину свою Муром, запустевший еще при первых князьях. Построил двор свой в городе, также и бояре его, вельможи и купцы, и черные люди построили дворы свои, и святые церкви обновили и украсили иконами и книгами.

В том же году была страшная буря и сокрушила церкви и хоромы. В том же году в Новгороде поставили каменную церковь Флора и Лавра; а другую каменную церковь во имя Козьмы и Демьяна поставили на Холопьеи улице; а третью каменную церковь во имя Иоанна Златоуста поставил посадник Юрий Иванович.

В том же году новгородцы ходили ратью к немцам и с большим количеством пленных вернулись назад.

В том же году новгородские послы ходили в город Юрьев немецкий и выменяли у Шведского короля на ореховских немцев тысяцкого Авраама и Козьму Твердиславича, и прочую дружину их, что были уведены за море Магнушем, королем Шведским.

В том же году посадничество в Новгороде было отдано Анцыфору Лукину. В том же году Новгородский владыка Василий построил каменную палату.

В том же году новгородцы выгнали из Новгорода в Псков посадника Феодора и братьев его: Михаила, Юрия и Андреяна, а дома их разграбили и Прусскую улицу всю пограбили. Они же ушли из Пскова в Копорье.

Тогда же убили князя Юрия Витовтовича под Изборском. В том же году напал мор на людей по изволению Господа Бога, [допустившего наказание] над своим созданием, во все времена заботящегося о роде человеческом и дарующего спасение, всегда ищущего нашего обращения к Нему и покаяния за злые дела наши, которые творим, согрешая непрестанно.

Он же, заботящийся о нашем спасении, наводит на нас иногда голод, иногда мор, иногда войны, иногда болезни различные, иногда напасти: беды, скорби и печали разные. Написано ведь: «Многими скорбями подobaет нам внити во Царство Небесное. И многи раны грешному, и многи скорби праведным, и от всех их избавит Господь». Если отступим от беззаконий наших и покаемся в грехах наших, то пусть отвратит от нас гнев свой, простит согрешения наши, и дарует нам блаженство, и врагов наших милостью своею истребит, если будем жить по заповедям Его и волю Его исполнять — близок Господь всем, призывающим Его.

В 6860 лето от Адама (1360 лето от Христа)

Великий князь Семен Иванович с братьями своими, с князьями Иваном и Андреем, и с другими князьями, собрав силу великую, пошли войной к Смоленску. Когда дошли до Вышгорода на Поротве, то тут пришли к нему послы от великого князя Литовского Ольгерда Гедиминовича со многими дарами, с предложением о мире. Он не оставил слова Ольгерда без внимания и, согласившись на мир, возвратился к Москве, и послов отпустил с миром.

А сам направился к Угре, собираясь идти к Смоленску. И тут пришли к нему послы смоленские. Он стоял на Угре восемь дней, и послал своих послов в Смоленск, и, заключив мир, вернулся к Москве.

В том же году к князю Василию Михайловичу Тверскому пришел из Орды от царя посол Ахмат и привез ему ярлык на его имя. И начал князь Василий Михайлович Тверской гневаться на племянника своего князя Всеволода Александровича Холмского, вспомнив его бездежский грабеж. И начал племянника своего князя Всеволода Александровича притеснять, несмотря на заключенный договор, бояр его и служилых людей

тяжелыми поборами оскорблять. И по дьявольскому происку началось между ними недоверие и конец любви.

В том же году был сильный мор в Пскове и во всей земле Псковской. Быстрая смерть наступала таким образом: человек начинает харкать кровью и на третий день умирает. Мертвые были повсюду. И задумались люди о душах своих: богатые люди стали отдавать святым церквям, монастырям села, озера и в озерах ловлю, и в реках части свои, и ловища свои, и имения свои, желая очиститься от грехов своих и память вечную стяжать по писанному: «Милостынями и верой очищаются грехи». И так, очистив свои души исповеданием, покаянием и слезами, представлялись, заканчивая сие быстротечное житие.

И тогда священники не успевали мертвых погребать, но за одну ночь приносили к церкви мертвых по двадцать и по тридцать человек и всех отпевали сразу. Только молитву разрешительную, которая читается по рукописи, каждому свою прочитывали, мужчине или женщине. Клали по пять и по десять человек в одну могилу. И так было во всех церквях. И было уже негде погребать мертвых, могилы копали все новые и новые, и даже вдали от церкви уже не было мест. Повсюду стояли плач и рыдания, потому что люди видели, сколько людей умирает, и сами ждали смерти. Раздавали имения свои убогим и нищим, и никто ничего ни у кого не брал: как только кто у кого что возьмет, в той час неисцелно умирает.

Многие хотели помочь умирающим, но сами вскоре заболев, умирали, и поэтому многие избегали помогать умирающим. Имеющие же в себе страх Божий и память смертную, помня, что никто не может избежать смерти, с верою помогали заболевшим и умирающим, носили их и погребали, тем самым делая все ради духовного спасения своего. Ни сан, ни именитость не помогали избежать смерти, во всех вонзала она свои многоядные зубы. Люди говорили, что мор тот пришел из Индийской страны, из Солнце-града.

Тогда же псковичи послали своих послов в Новгород, слезно призывая к себе архиепископа Василия, владыку Новгородского, чтобы благословил их. Владыка Василий прислушался к их мольбам, пошел к ним в Псков и благословил их. И потом пошел в Новгород, и преставился в пути на реке Узе, месяца июня в 3 день. Привезли его в Новгород и похоронили у святой Софии в большом приделе.

Святителем был 21 год, 4 месяца и два дня.

Послали новгородцы на Москву к преосвященному Феогносту митрополиту с просьбой, чтобы благословил старого их епископа Моисея на владычество в Новгород. Он благословил им их старого архиепископа

Моисея владыкой в Новгород на святительский престол великого архиепископства Христова.

В том же году был мор силен в Новгороде и по всей земле Новгородской. По Божьему промыслу пришла смерть на людей тяжкая, страшная и горькая от Успенья Богородицы до Пасхи.

Умерло бесчисленное множество добрых людей. Не в одном только Новгороде случилось это, но прошло через все земли. Кому Бог повелел — тот умер, а кого сохранил — те были так напуганы страхом Господним, что все оставшиеся дни и годы прожили целомудренно и безгрешно.

В том же году был сильный мор в Смоленске, в Киеве, в Чернигове, в Суздале, и по всей земле Руской смерть лютая, напрасная и быстрая. И напал страх и трепет великий на всех людей. В Глухове же тогда ни одного человека не осталось, все умерли, так же было и на Белозерье.

В том же году князь Всеволод Александрович Холмский отослал княгиню свою в Рязань. В том же году закончено строительство каменной церкви в Нижнем Новгороде.

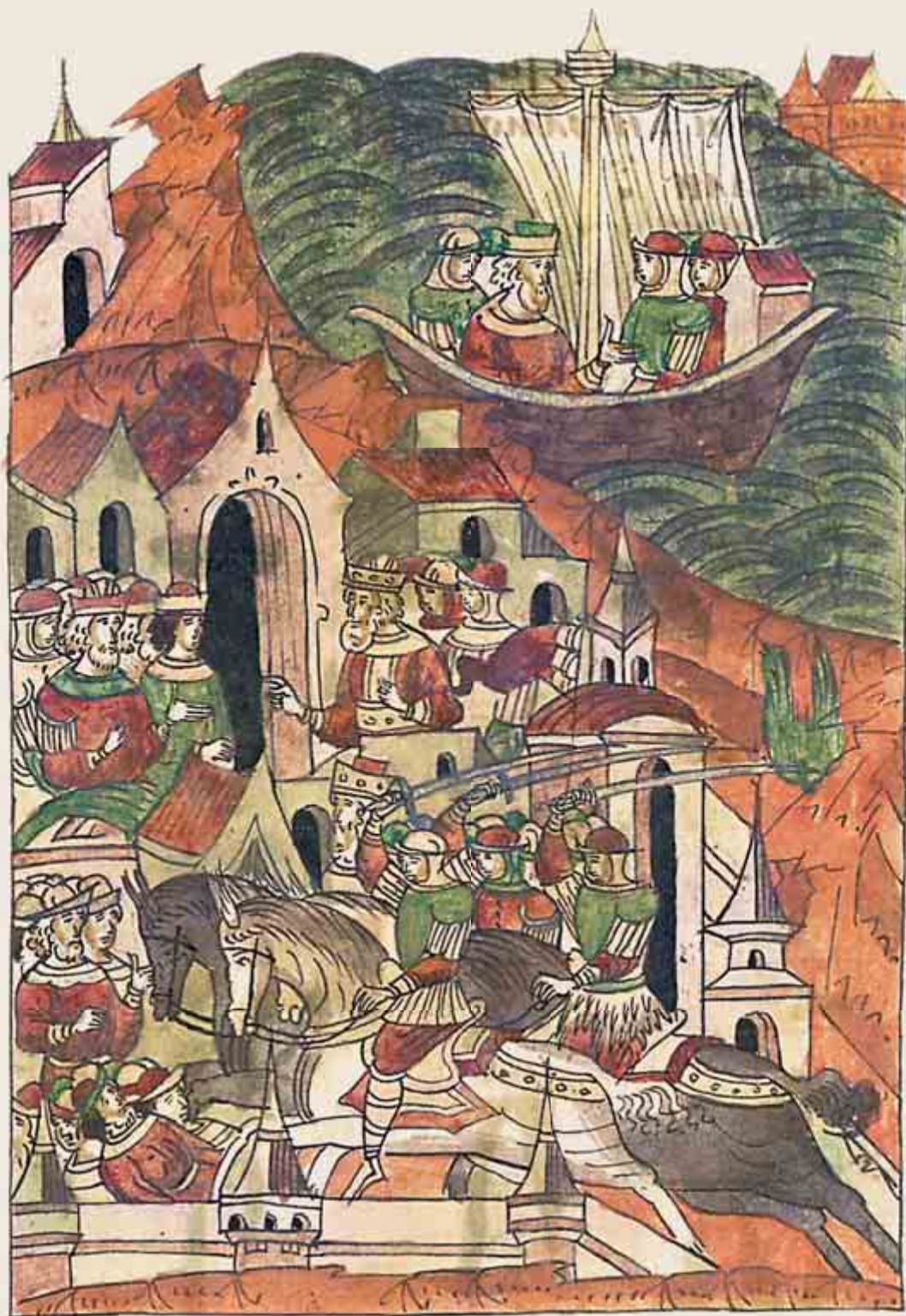
Духовная грамота и завещание Магнуша, короля Шведского

В давние времена шведский король Магнуш перед своей смертью написал завещание и скрепил клятвой, в котором было написано: «Я, грешный Магнуш, король Шведский, нареченный в святом крещении Григорий, отходя от этого быстротечного жития, пишу это завещание при своей жизни. Завещаю своим братьям, своим детям и всей земле Шведской жить в мире и любви, избегать всякой лжи и неправды, и щегольства суетного, пьянства, всяких игрищ бесовских, не обижать, не насильничать, не нарушать крестного целования с Рускими землями навечно, потому что нам от этого не бывает никакой телесной пользы, а только душам нашим погибель, потому что это ничем нам не поможет.

Некогда князь, местер Белгерд, пошел войной и вошел в Неву. На Ижоре реке его встретил великий князь Александр Ярославич, разбил его полки, а самого его прогнал.

Потом брат мой, князь Маскалка, тоже вошел в Неву, поставил крепость на реке Охте и наместников своих там посадил с множеством немцев, а сам пошел за море.

Но пришел великий князь Андрей Александрович, крепость взял, а наместников и немцев побил. И после этого не было нам мира с Русью 40 лет. И потом на Неве установили вечный мир на 40 лет с великим князем Юрием Даниловичем и провели раздел землям и воде — кому чем владеть, грамоты подписали и печати поставили.

И потом, через 30 лет, я, грешный король Магнуш, забыв обо всем этом, пошел войной на них со всей землей Шведской, желая пленить их, потому что не хотели они принять веру нашу. И многих я пленил, и в свою веру крестил.

Взял крепость их Орехов, наместников своих посадил в городе этом и оставил некоторое воинство, а сам вернулся за море.

И потом новгородские люди пришли, город свой Орехов отобрали, а самих наместников и немцев, которые были в городе, побили.

И я, того не порядя, в этот же год опять пошел на Орехов войной. И стало мне известно, что под Ореховом стоит новгородская сила. Я пошел к городу Копорье и переночевал там. Туда ко мне пришла весть, что новгородцы уже на границах земли. И я, услышав об этом, бежал за море.

И поднялась буря сильная, такие валы и волны начали подниматься, что и парусов не могли поставить из-за волн. Великий страх и трепет напали на меня, когда я увидел, как корабли с моим войском треплут морские волны, и они тонут. И много потопило моей рати в устье Неровы — реки. И я вернулся в землю свою с небольшим остатком рати.

И с того времени пал на нашу землю Шведскую гнев Божий: голод, мор, междоусобные брани. И у меня грешного за мои грехи отнял Бог разум. И сидел во дворце своём год, прикованный к степе цепью железной, в заключении. Потом пришел ко мне сын мой Сакун из Мурманской земли, и, взяв меня из палаты и посмотрев на меня, увидел меня почерневшим и иссохшим. И глаза мои, как в яму, впали. Руки мои и ноги мои стали тонкими, кожа и жилы мои к костям прилипли, и я едва мог говорить. И был голос мой как жужжание исхудавших пчел. И все, видевшие меня, жалостно заплакали, запричитали. А сын мой от скорби бился головой о землю, сетуя, скорбя и плача обо мне.

И повез меня сын мой в свою Мурманскую землю. И, когда я поднялся на корабль, опять поднялась сильная буря, так что не видно стало кораблей наших с парусами в волнах. И так все люди мои были потоплены.

Я же сам, привязав себя к доске корабельного днища, плавал три дня и три ночи. И принес меня Господь ветром в реку Полная, к монастырю святого Спаса. И бывшие там чернецы сняли меня с доски и внесли в монастырь святого Спаса.

И, взяв черные ризы, постригли меня в иноческий чин и в схиму. И на три дня и три ночи сохранил мне Господь жизнь. Все же это было послано на меня Господом богом за мое высокоумие, надежды, гордость и лукавство. Нет на свете человека, более гордого, лукавого и грехолюбивого чем я.

И за это зло пострадал. Много нарушал крестного целования и применял насилия к Руской земле. Но укротил меня Господь Бог, и пострадал я за это зло и нестерпимо. И ныне наказываю вам, братьям своим, и детям своим, и всей земле Шведской: избегайте лукавства, всякой неправды и всей суеты мира сего: все исчезнет как дым, и как сон, и как сень мимо пройдет. Не насильничайте, — не нападайте на Рускую землю, не нарушайте крестного целования и тогда не погибнете. А кто пойдет на Рускую землю и нарушит крестное целование, на того Господь Бог нашлет огонь и воду, как казнил и меня за беззакония мои, за лукавство и неправду, за надежды и гордость, за насилие и немилосердие, и за все зло, от меня содеянное. И все то Господь Бог сотворил своим Божественным промыслом ради моего спасения».

В том же году у великого князя Семена Ивановича родился сын Семен.

В ту же зиму, месяца декабря в 6 день, на память святого отца нашего Николы чудотворца, преосвященный Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, поставил наместника своего старца Алексея в епископы во Владимир. Он очень любил его и держал при себе, так как он был его наместником. И еще при своей жизни завещал, чтобы его поставили владыкой, и благословил его после смерти своей на великий стол митрополитом Киевским и всея Руси.

Потом, посоветовавшись с сыном своим духовным великим князем Семеном Ивановичем и с братьями его, с князем Иваном Ивановичем и с князем Андреем Ивановичем, с боярами и с вельможами, послали послов своих в Царьград: от великого князя послы — Дементий Давыдович да Юрий Воробьев, а от митрополита послы — Артемий Коробьин, да грек Михайло Щебратьй. Они должны были просить, чтобы не ставили им никого на Русь в митрополиты, кроме преподобного старца Алексея, который был наместником и был во всем добродетелен и честен, и был он старцем преосвященного Феогноста, митрополита Киевского и всея Руси.

В том же году инок Феодорит поставлен был митрополитом от тырновского патриарха и пришел в Киев.

В 6861 лето от Адама (1361 лето от Христа)

Преставился преосвященный Феогност, митрополит Киевский и всея Руси, месяца марта в 11 день, а в гроб положен был того же месяца в 13 день. И были на погребении Алексей, епископ Владимирский, который раньше был наместником его, Афонасий, епископ Волынский, Афонасий, епископ Коломенский, со всем священным собором. И положили его в соборной церкви Пречистыя Богородицы — на Москве, в пределе Поклонения честным веригам святого апостола Петра, на одной сторо-

не с Петром чудотворцем, митрополитом Киевским и всея Руси. Тогда, на той же неделе, вместе с Феогностом преставились два сына великого князя Семена Ивановича, внука Даниилова: князь Иван, да князь Семен.

Миновало семь недель и прошло сорок дней после смерти Феогноста митрополита, когда преставился великий князь Семен Иванович, внук Даниилов, правнук блаженного Александра, праправнук Ярославоу, препраправнук Всеволодоу, пращур Юрия Долгорукова, прапращур Владимира Маномеха, препрапращур Всеволода, Ярославича, Владимировича, месяца апреля в 26 день. И положен был в своей отчине на Москве в церкви святого архангела Михаила. Княжил 13 лет, и было всего ему 38 лет.

В том же году преставился князь Андрей Иванович, внук Даниилов, правнук Александров, праправнук

Ярославов, препраправнук Всеволодоу, пращур Юрия Долгорукого, после сороковин брата своего Семена Ивановича на третий день. И положен был на Москве в той же церкви святого архангела Михаила, месяца июля в 6 день.

В том же году у преставившегося князя Андрея Ивановича родился сын Владимир на сороковины отца своего князя Андрея Ивановича.

В том же году князья пошли в Орду к царю Джанибеку, сыну Азбьяка, спорить о великом княжении Владимирском: князь Иван Иванович, внук Даниилов, да князь Константин Васильевич Суздальский.

Тогда же и новгородцы послали посла своего Семена Судакова в Орду к царю Джанебеку, прося великое княжение Владимирское князю Константину Васильевичу Суздальскому. Царь же отдал великое княжение Владимирское князю Ивану Ивановичу, брату великого князя Семена Ивановича. Новгородцы же тогда пребывали в распре полтора года, но ничего злого не случилось.

В том же году пришли из Царьграда послы, посланные великим князем Семеном Ивановичем и преосвященным Феогностом, митрополитом Киевским и всея Руси: Дементий Давышович да Юрий Воробьев, и митрополичьи послы: Артемий Коробьин да Михайло Щебратьи, посланные к блаженному и сладкоречивому Филофею, патриарху Вселенскому и к сыну его духовному, к царю Ивану Котакузину, и принесли из Царьграда от патриарха и царя повеление — быть Алексею владыкой Владимирским и идти в Царьград к патриарху ставиться от него на митрополию. В том же году в Петрово говенье, месяца июля в 22 день, рязанцы взяли Лопасню. Князь же их Олег Иванович тогда был еще молод и вызволил наместника Михаила Александровича, отвел его на Рязань, и там он жил в притеснении великом, и потом его едва выпустили, и с

тем ушел восвояси. В том же году в Твери был поставлен позолоченный крест на церкви святого Спаса старанием Феодора, епископа Тверского, а потом на церкви святого Дмитрия и на церкви во имя святого Введения.

В том же году архиепископ Новгородский владыка Моисей отправил своих послов в Царьград к блаженному сладкоречивому Филофию, патриарху Вселенскому, и к сыну его духовному Ивану Контакузину с дарами и с многою честью, прося благословение и защиты от обид и насилия, наносимых от митрополита. В том же году в Новгороде была поставлена каменная церковь во имя святого Симеона.

В 6862 лето от Адама (1362 лето от Христа)

Пришел из Орды от царя Джанибека, сына Азбяка, князь Иван Иванович, внук Данилов, пожалованный на великое княжение Владимирское. И все князья русские, которые были тогда в Орде, были отпущены каждый в свою отчину.

Той же зимой великий князь Иван Иванович сел на великое княжение во Владимире, месяца марта в 25 день, на Благовещение Пречистой Богородицы.

В том же году погорел град Москва, и сгорело 13 церквей.

В том же году из-за святительского престола произошла смута, какой никогда прежде не бывало на Руси: в Царьграде патриархом были поставлены два митрополита на всю Рускую землю — Алексей да Роман. И была между ними вражда великая. От них обоих из Царьграда пришли послы к Феодору, владыке Тверскому, и всему священническому чину прищлось очень тяжело.

В том году пришел преосвященный и блаженный Алексей митрополит из Царьграда на Москву, а также и Роман митрополит пошел из Царьграда на Русь.

В том же году князь Константин Васильевич Суздальский женил сына своего князя Бориса на дочери великого князя Литовского Ольгерда Гедиминовича.

В том же году в Новгороде было поставлено три каменные церкви: Знамения святой Богородицы на Ильине улице, святого Дмитрия на Лубянице, а церковь святых 40 мучеников упала. Люди тогда ловили рыбу в Волхове у берега руками.

В 6863 лето от Адама (1363 лето от Христа)

Преставился князь Дмитрий Федорович Стародубский и положен был в своей отчине в Стародубе. И тогда брат его князь Иван Федорович пошел в Орду к царю.

В том же году князь Федор Глебович, собрав большое войско, пошел ратью к Мурому на князя Юрия Ярославича и изгнал его из города Муром, вошел в город и сам сел на княжение в Муроме.

И муромцы были ему рады, и стали держаться за него, и некоторые пошли с ним в Орду. А князь Юрий Ярославич пришел в Муром неделю спустя после его ухода, и собрав оставшихся людей муромских, тоже пошел в Орду к царю судиться с ним.

И был между ними суд перед князьями ордынскими, и досталось княжение Муромское князю Феодору Глебовичу, и князя Юрия Ярославича выдали князю Феодору Глебовичу. Он же держал его в заключении, это было тому очень тягостно. Так, в тягости и в утеснении он и преставился.

В том же году великий князь Иван Иванович замирился с князем Константином Васильевичем Суздальским.

В том же году преставился князь Константин Васильевич Суздальский, иноком, в схиме, и положен был в Нижнем Новгороде в созданной им церкви святого Спаса. Княжил лет пятнадцать, честно и грозно стерег свою отчину от сильных князей и от татар.

Той же зимой сын его князь Андрей пошел в Орду к царю Джанибеку, сыну Азбьяка, с дарами. Царь его чествовал и пожаловал отчиной его, дав ему стол отца его — княжение Суздальское, Нижний Новгород и Городец.

В том же году новгородцы замирились с великим князем Иваном Ивановичем, внуком Данииловым.

В том же году пришел посол новгородского владыки из Царьграда от преосвященного Филофея патриарха и от сына его духовного, греческого царя Ивана Контакузина, и принес грамоты с золотыми печатями о поборах за поставления, о церковных пошлинах святительских и иные различные указания. А также принес ризы крестчатые владыке Новгородскому Моисею и благословение всему Новгороду.

В том же году владыка Моисей поставил каменную церковь святого Михаила на Сковородке. В том же году в Новгороде посадником стал Александр, Дворянинцев брат.

В 6864 лето от Адама (1364 лето от Христа)

Великий князь Иван Иванович, внук Данилов, отдал дочь свою в Литву за Кариадова сына, внука Гедимины.

В том же году преставился Иван, епископ Ростовский.

В том же году преосвященный Алексей, митрополит Киевский и всея Руси, поставил Игнатия епископом Ростовским.

В том же году преосвященный Алексей, митрополит Киевский и всея Руси, поставил Василия епископом в Рязань и в Муром.

В том же году преосвященный Алексей, митрополит Киевский и всея Руси, поставил Феофилакта епископом в Смоленск.

В том же году преосвященный Алексей митрополит поставил Ивана епископом в Сарай.

В том же году Алексей митрополит пошел второй раз в Царьград, а Роман митрополит прежде него пошел в Царьград, и в том же году был там между ними спор великий.

В том же году сын Сижского Иван сел с литвою во Ржеве.

Той же осенью воевал Ольгерд Гедиминович Брянск и Смоленск и у князя Василия Смоленского полонил сына.

В том же году пришел из Орды от царя с пожалованием князь Иван Феодорович и сел на княжение в Стародубе, отчине своей.

В том же году пришел из Орды от царя с честью и с пожалованием князь Андрей Константинович Суздальский.

В том же году пришел из Царьграда преосвященный Алексей со многой честью от патриарха и с благословением на всю Рускую землю. Также пришел из Царьграда и Роман митрополит, поставленный патриархом на Литовскую землю и на Волынскую.

В том же году пришел на Москву из Орды Иранчей и с ним купцы — сурожане.

В том же году князь Василий пришел из Орды с пожалованием и сел на княжение в Брянске, и малое время там пробыв, преставился. И был в Брянске мятеж от лихих людей и смута великая, опустели города, и завладел Брянском великий князь Литовский.

Той же зимой, месяца февраля в 3 день, в Москве ночью, когда заутреню благовестили, был убит московский тысяцкий Алексей Петрович. Убит был страшно, неведомо кем, неведомо как, только нашли его убитым на площади, когда заутреню благовестят. И некоторые говорили, что это сделано или по совету больших бояр или кем иным, тайком. Убит он был так же как великий князь Андрей Боголюбский Кучковичами. И был мятеж великий на Москве из-за того убийства. И той же зимой, по последнему пути большие бояре московские отъехали на Рязань с женами и детьми.

В 6865 лето от Адама (1365 лето от Христа)

Ордынский царь Джанибек, сын Азбяка, взял Теврижское царство.

В том же году Алексей, митрополит Киевский и всея Руси, пошел из Москвы во Владимир. И там пришли к нему с жалобами князь Всеволод Александрович Холмский, внук Михайлов, правнук Ярослав, праправнук Ярослав, преправнук Всеволодов, на дядю своего, на великого князя Василия Михайловича Тверского, внука Ярославова, правнука Ярославова, праправнука Всеволодова, о своих обидах, что ему причинил вопреки существующему договору.

И князь Василий Михайлович Тверской послал к великому князю Ивану Ивановичу в Москву послов и договорился о любви и мире с великим князем Иваном Ивановичем, внуком Даниловым.

И потом пошел с Феодором, епископом своим Тверским, к Алексею митрополиту во Владимир, и много было между ними разговоров, но о мире и любви не договорились.

А потом к блаженному Алексею, митрополиту Киевскому и всея Руси, пришел посол из Орды от царицы Чанибековой Тайдулы, которая звала его к себе в Орду, чтобы пришел к ней, потому что она заболела. Он, приготовил все необходимое к путешествию.

И вот сама возгорелась свеча в соборной церкви митрополичьей у Пречистыя Богородицы, у гроба святого чудотворца Петра, и он со священным собором совершил молебен. А свечу ту разделил и раздал народу на благословение, а сам в тот же день пошел в Орду. И милостью Божьей, Пречистой Богородицы и великого чудотворца Петра царицу Тайдулу исцелил.

И вскоре был отпущен из Орды, потому что в то время началась вражда великая и смута в Орде. Тогда же был отпущен из Орды и посол по имени Иткар в Москву за сбором дани со всех русских князей. В том же году пришел посол от царя на Русь именем Кошак.

В том же году смута в Орде не только продолжалась, но еще сильнее разгорелась. Был тогда в Орде у царя Джанибека, сына Азбяка, темник мудр и силен, окаянный Тавлубий. Соединившись с сатаною, захотел всей Ордой владеть и всеми землями. И начал нашептывать на ухо цареву сыну Джанибекову Бердибеку, хваля его и вознося: «Настало время тебе сесть на царство, а отцу твоему уже время сойти с царства». И начал помалу советовать ему убить своего отца Джанибека, сына Азбяка. И много князей ордынских привлек на свою сторону, обещая кому что дать.

И царевич Бердибек окаянный, обманным путем придя к отцу своему с советчиками своими, с князьями ордынскими, удавил отца своего Джанибека, сына Азбяка. Был же тот царь Джанибек Азбякович весьма добр к христианам, и много льгот было от него на земле Руской. Но суд

настиг и его: как он убил братьев своих, так и сам погиб, ту же чашу испив.

Сын же его Бердибек сел после него на царство и убил 12 братьев своих, наставляемый окаянным князем и учителем своим доброхотом Тавлублием: отца своего убил и братьев своих, а через некоторое время и сам погиб с советчиками своими.

В том же году преосвященный Алексей, митрополит Киевский и всея Руси, пришел из Орды милостью Божией и Пречистой Богородицы цел и невредим.

В том же году пошли все князья в Орду к новому царю Бердибеку, сыну Джанибека. А князь Василий Михайлович Тверской был в ссоре и в раздоре с племянником своим, с князем Всеволодом Александровичем Холмским, и пошли отдельно. Князь Всеволод Александрович Холмский пошел в Орду через Переславль, а там наместник великого князя Ивана Ивановича не пустил его, и он пошел в Литву.

В 6866 лето от Адама (1366 лето от Христа)

Великий князь Иван Иванович, внук Данилов, пришел из Орды и призвал опять к себе двух бояр своих, отъехавших от него в Рязань — Михайло и зятя его Василия Васильевича.

В том же году князь Василий Михайлович пришел из Орды в Тверь.

В том же году у князя Михаила Александровича родился сын Иван.

В том же году пришел знатный посол из Орды, царский сын по имени Момат Хожа, в Рязанскую землю и послал на Москву к великому князю Ивану Ивановичу, внуку Данилову, сообщить о размежевании земли Рязанской, чтобы установить межи нерушимые. Великий князь Иван Иванович не пустил его в свою отчину. Так было.

И вскоре царевич Момат Хожа был отозван царем в Орду, потому что на него пришел донос. И началась крамола великая, потому что он убил в Орде любимца царя, а сам убежал к Арначу, но там гонцы настигли его, схватили, и он по повелению царя был убит.

В том же году у князя Михаила Александровича Тверского, правнука Ярославова, преставился сын князь Александр у жены своей, у великой княгини Софьи, в Софийском монастыре.

В том же году князь Феодор Александрович Холмский, внук Михайлов, правнук Ярославов, пошел в Орду из Литвы.

В том же году тверская и можайская рать взяли Ржев, а литву изгнали.

В том же году Феодор, епископ Тверской, сделал медные двери в церкви Спаса.

В том же году князь Василий Михайлович Тверской послал Григорчука да Корея в Орду к царю с жалобой на племянника своего, на князя Всеволода Александровича. И там царь и царица без суда выдали князя Всеволода Александровича Холмского дяде его князю Василию Михайловичу Тверскому по повелению цареву.

И было князю Всеволоду Александровичу от дяди его великое мучение: изводили постоянными поборами и грабежами бояр и слуг его, а черных людей отдавали в неволю. Той же зимой после Крещения преосвященный Алексей митрополит поехал в Киев, и его провожали владыки, в том числе и Феодор, владыка Тверской. И из-за раздоров среди князей тверских не захотел владыка Феодор более владычествовать в Твери. Преосвященный Алексей митрополит беседовал с ним назидательно и наказал ему с великой любовью в душе терпеть и ждать, а Господь Бог устроит все, как хочет по Своей воле. И с великой любовью отпустил его из Коломны в Тверь к святому Спасу.

В том же году преставился князь Иван Андреевич. В том же году новгородцы договорились между собой и крест целовали, что не будут терпеть игрищ бесовских и бить бочек.

В 6867 лето от Адама (1367 лето от Христа)

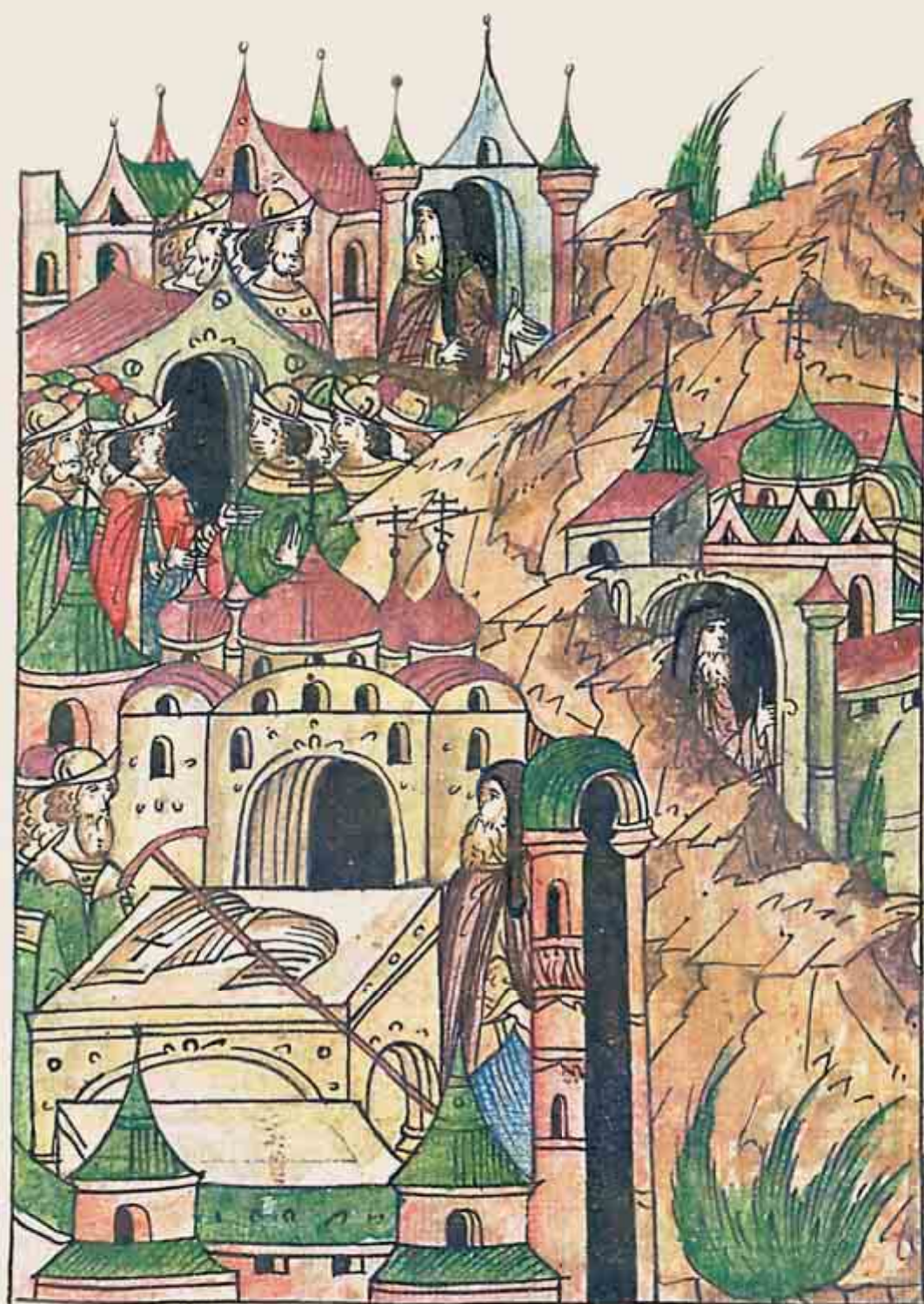
Преставился благоверный, христолюбивый, кроткий, тихий и милостивый князь Иван Иванович, иноком, в схиме, внук Даниилов, правнук Александров, праправнук Ярославов, препраправнук Всеволодов, пращур Юрия Долгорукого, прапращур Владимира Маномеха, препрапращур Всеволода Ярославича Владимировича. И положен был в своей отчине, в городе Москве, в церкви святого архангела Михаила. Сидел на великом княжении 6 лет. Сыновья его: Дмитрий, Иван.

В том же году князь Андрей Константинович, внук Василиев, поставил каменную церковь во имя святого архангела Михаила в Нижнем Новгороде, в своей отчине. В том же году в Орде был убит царь Бердибек, сын Джанибека, внук Азбьяка, с доброхотом своим Тавлубеем, князем темным и сильным, и с иными советчиками своими. И испил он ту же чашу, которою напоил отца своего и братьев своих.

После него сел в Орде на царство Кулпа, царствовал 6 месяцев и 5 дней и много зла сотворил. И не потерпел этого суд божий, и его убил Наурус с двумя своими сыновьями, с Михаилом и Иваном.

После Кулпы сел в Орде на царство Наурус. В это бранное время князь Андрей Константинович, внук Василиев, был в Орде, и едва спас его Бог от горькой смерти от рук поганных.

В том же году все князья русские пошли в Орду к новому царю Наурусу и били челом царю о разделении княжений их. И он примирил их, опре-

делив им княжения, чтобы каждый знал свое княжение и не переступал границ. И после этого, выделив каждому его вотчину, отпустил их с миром и с честью.

И каждый из них вернулся на Русь в свои вотчины с миром и любовью.

В том же году архиепископ Моисей, владыка Новгородский, оставил неожиданно владычество новгородское и ушел в монастырь. Новгородцы же, собравшись на вече, ввели в дом владыки инок Алексея, ключника владыки.

В том же году инок Алексей был поставлен в дьяконы и в пресвитеры Феодором, епископом Тверским.

В том же году Феодор, владыка Тверской, у себя в соборной церкви святого Спаса выложил мраморный пол.

В том же году преставился князь Иван Александрович Смоленский, внук Глебов, правнук Ростиславов, праправнук Мстиславов, препраправнук Давидов, прашур Ростислава, прапрашур Мстислава, препрапрашур Владимира Маномеха Всеволодовича Ярославича Владимировича. И после него сел на княжение в Смоленске сын его Святослав.

В том же году князь Всеволод Александрович Холмский, внук Михаилов, правнук Ярославов, пришел в Литву.

В том же году смоляне завоевали Белую.

В том же году великий князь Литовский Ольгерд Гедиминович пришел с ратью к Смоленску, взял город Мстиславль и посадил в нем своих наместников.

В том же году великий князь Ольгерд Гедиминович послал сын своего Андрея с большим войском ко Ржеву, город взял и наместников в нем своих посадил.

В 6868 лето от Адама (1368 лето от Христа)

Преосвященный и блаженный Алексей митрополит пришел из Киева во Владимир и потом на Москву.

А Роман митрополит пришел в Тверь безстыдно, не известив преосвященного Алексея митрополита. Но ничего у него не получилось по его желанию и по его замыслу: Феодор, епископ Тверской, с ним не стал встречаться и не оказал ему почести.

И он, малое время пробыв в землях тверских, приняв необходимое от князей, от бояр тверских и от некоторых других, возвратился в Литву.

В том же году князь Всеволод Александрович Холмский пришел из Литвы и замирился с братьями своими, а князь Василий Михайлович, дядя их, отступился от трети их отчины. И разделили волости.

Князь же Всеволод Александрович Холмский оказал великие почести митрополиту Роману и, дав дары, повелел проводить его в Литву с честью.

В том же году великий князь Литовский Ольгерд Гедиминович приезжал осмотреть Ржев.

В том же году князья Суздальские пришли в Орду к царю Наурусу — князь Андрей Константинович Суздальский, внук Василиев, и брат его князь Дмитрий Константинович. Царь Наурус принял их с почетом и отдал великое княжение Владимирское князю Дмитрию Константиновичу Суздальскому не по отчине, ни по дедине. Прежде царь давал великое княжение Владимирское старшему его брату князю Андрею Константиновичу Суздальскому, и теперь оно ему не досталось. Так князь Дмитрий Константинович Суздальский взял великое княжение Владимирское, и отпущен был на Русь из Орды от царя с пожалованием и с честью, и с послом царя въехал во Владимир на великое княжение за неделю до Петрова дня, месяца июня в 22 день, не по отчине, ни по дедине. Тогда при нем же во Владимире преосвященный Алексей митрополит поставил в Новгород архиепископом Алексея. В том же году великий князь Дмитрий Константинович из Владимира послал послов своих и наместников в Новгород. Новгородцы же приняли их с почетом и посадили его наместников в Новгороде. В том же году в Новгороде Семен Андреевич поставил каменную церковь во имя святого Феодора на Федоровой улице. В том же году было знамение на небесах страшное: на небе появились кровавые облака.

В том же году в Твери Феодор, владыка Тверской, расписал малую церковь Введения Пречистыя Богородицы.

В том же году пришел с востока некий Заяицкий царь Хидырь войной на царство Волжское. Началась смута великая среди князей ордынских Волжского царства. И начали тайно ссылаться с Хидырем, царем Заяицким, клевета на своего Волжского царя Науруса.

И устроили они заговор против него. И когда Волжский царь Наурус вступил в бой, то был выдан своими князьями Заяицкому царю Хидырю.

И он был убит сыном своим Темиром, также и царица его Тайдула была убита, и князья ордынские, ближайшие советники Науруса, Волжского царя, дети Муалбузина, и множество других татар было перебито.

И после смерти Науруса, царя Волжского, на Волжском царстве сел Хидырь, царь Заяицкий, который пришел с востока. И была тогда в Орде смута великая.

В том же году пришел из Орды от царя князь Дмитрий Борисович, пожалованный на княжение в Галич.

В том же году пришел из Орды от царя князь Константин Ростовский с честью и с жалованной грамотой на все княжение Ростовское.

В том же году из Великого Новгорода пришли разбойники в Жукотин, побили множество татар и захватили их богатства. И за это их разбойничество татарами были ограблены христиане в Булгарах.

В том же году князья жукотинские пошли в Орду к царю и били челом, чтобы царь оградил себя и их от разбойников, которые беспрестанно занимались убийствами и грабежами.

Царь Хидырь прислал троих своих послов — Уруса, Каирбека, Антынцыбея — в Рускую землю к руским князьям, чтобы поймали разбойников и доставили их к нему.

И собрались все князья в Костроме: великий князь Дмитрий Константинович из Владимира, старший его брат великий князь Андрей Константинович из Нижнего Новгорода и князь Константин Ростовский.

И поймали разбойников, и выдали их царским послам со всем их имуществом, и отослали их в Орду.

В том же году Феодор, епископ Тверской, оставил свою епископскую кафедру и удалился в Отроч монастырь. В том же году был в Пскове мор.

В 6869 лето от Адама (1369 лето от Христа)

Было небесное знамение: уменьшилось солнце и стало кровавого цвета. В том же году поехал в Орду к царю Хидырю великий князь Дмитрий Иванович Московский, внук князя Ивана, правнук князя Даниила, праправнук князя Александра, и, сохраняемый милостью Божьей, до начала смуты уехал из Орды, так как после его отъезда в Орде началась великая смута.

В том же году отправились в Орду к царю Хидырю русские князья: великий князь Дмитрий Константинович Суздальский из Владимира и его старший брат великий князь Андрей Константинович из Нижнего Новгорода, и князь Константин Ростовский, и князь Михаил Ярославский. И во время их присутствия в Орде началась смута, был убит тихий, кроткий и смиренный царь Хидырь вместе со своим младшим сыном Кутлуем своим старшим сыном Темир-Хозя.

И сел на царство Волжское Темир-Хозя, старший сын Хидыра.

В том же году преосвященный Алексий, митрополит Киевский и всея Руси, поехал в Тверь и рукоположил игумена Спасского Василия в епископы Твери.

В том же году было небесное знамение: уменьшилось солнце, а месяц стал кровавого цвета. В том же году ордынский князь темник Мамай раз-

гневался на своего царя и, обладая достаточными силами, восстал против своего царя Темир-Хозя, сына Хидыря, и посеял смуту во всем Волжском царстве, избрал себе царя Авдула, началась смута и война в Орде.

И в то же время великий князь Андрей Константинович из Нижнего Новгорода отправился из Орды на Русь, по пути напал на него князь Ретякозь, но помог Бог князю Андрею Константиновичу из Нижнего Новгорода, и тот возвратился на Русь. Многие русские князья бежали в то время из Орды, а ростовские князья бежали, будучи ограблены.

А царь заволжский Темир-Хозя, сын Хидыря, убежал за реку Волгу, где и был убит, процарствовав только один месяц и семь дней, испил он ту же чашу, которой напоил и своего отца Хидыря, и своего младшего брата Кутлуя.

И тогда князь Мамай с большим войском пошел за Волгу в горную страну, а с ним и вся Орда, и царь Авдул. И тогда третий царь по имени Килдибек, сын царя Чанибека, внук царя Азбьяка, восстал и стал сражаться за Волжское царство, многих уничтожил, а после и сам был убит.

И тогда многие сарайские князья закрылись в Сарае и назвали своим царем Амурата, брата царя Хидыря.

А ордынский князь Булат Темир завоевал Болгарское царство и все города по Волге, и улусы и завладел всем Волжским путем.

А другой ордынский князь по имени Тагай из Бездежа завоевал Наручад и всю ту сторону и стал там править.

А другие ордынские князья остались править в своих владениях, начались там великий голод, смута и нестроение, стали беспрестанно сражаться князья друг с другом, проливать кровь. Так обрушил на них свой гнев Бог, милуя рабов своих, смиренных православных христиан.

В том же году напала литовская рать на тверские земли. В том же году князь Мамай стал сражаться с царем Амуратом и со всеми сарайскими князьями и многих ордынских старых князей убил.

В 6870 лето от Адама (1370 лето от Христа)

Было великое сражение на Волге между князем Мамаем и царем Амуратом.

В том же году царь Амурат набегом пришел на князя Мамаю и убил многих его татар. В то время на Волжском престоле правили два царя: один — царь Авдула из Мамаевой Орды, которого князь Мамай темник устроил в своей Орде, и другой — царь Амурат с сарайскими князьями.

И таким образом те два царя и те две Орды редко пребывали в мире, всегда находясь в состоянии вражды и войны.

В том же году великий князь Дмитрий Иванович Московский, внук Иванов, правнук Даниилов, праправнук Александров, и великий князь Дмитрий Константинович Суздальский, внук Васильев, правнук Михайлов, праправнук Андреев, поспорили о великом княжении Московском и послали своих послов к царю Амурату в Орду.

И отдано было царем Амуратом великое княжение великому князю Дмитрию Ивановичу Московскому по отчине и дедине. А князь Дмитрий Константинович пошел из Владимира в Переяславль и сел в нем на княжение.

В ту же зиму великий князь Дмитрий Иванович со своим братом князем Иваном Ивановичем, внуком Ивановым, правнуком Данииловым, и с князем Владимиром Андреевичем, внуком Ивановым, правнуком Данииловым, праправнуком Александровым, собрали большое войско в своих уделах и пошли на Переяславль на князя Дмитрия Константиновича Суздальского, внука Васильева, правнука Михайлова, праправнука Андреева. Он же бежал из Переяславля во Владимир, а оттуда в Суздаль, в свое отечество, пробыв на великом княжении во Владимире только немногим более двух лет.

Княжение великого князя Дмитрия Ивановича

Князь великий Дмитрий Иванович, внук Иванов, правнук Даниилов, со своим братом князем Иваном Ивановичем, внуком Ивановым, правнуком Данииловым, и с князем Владимиром Андреевичем, внуком Данииловым, пошли со всем своим войском из Переяславля во Владимир.

И сел на великое княжение во Владимире великий князь Дмитрий Иванович на престоле своего отца и деда, имея от роду 11 лет, разумом и смелостью превосходя всех. И тогда пробыл во Владимире три недели, и снова возвратился в Москву, а войско свое распустил.

В ту же зиму преставился Роман, митрополит Литовский и Волынский.

В ту же зиму преставился владыка Моисей, архиепископ Новгородский, месяца января в 5 день, а похоронен был у церкви архангела Михаила на Сковородке, управлял он церковью Божьей, будучи архиепископом, 8 лет.

В том же году преставился Даниил, владыка Суздальский. В том же году преставился Афанасий, владыка Костромской.

В 6871 лето от Адама (1371 лето от Христа)

Князь великий Дмитрий Иванович, внук Иванов, правнук Даниилов, пошел из Москвы во Владимир со своим братом князем Иваном Ивановичем, внуком Ивановым, правнуком Данииловым, и со своим двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем, внуком Данииловым.

И приехал к нему посол из Мамаевой орды от царя Авдула с ярлыком на великое княжение Владимирское.

И великий князь, с почестями приняв посла, одарив его, отпустил обратно в Мамаеву орду к царю Авдулу, а сам пошел из Владимира в Переяславль.

В том же году царь Амурат, брат царя Хидыря, узнав вместе со своими сарайскими князьями, что из Мамаевой орды от царя Авдула к великому князю Дмитрию Ивановичу приходил посол с ярлыком, сильно разгневался.

А в то время в орде царя Амурата находился князь Иван Белозерский. Царь Амурат отпустил князя Ивана Белозерского на Русь, а вместе с ним отправил к князю Дмитрию Константиновичу своего посла Иляка с тридцатью татарами с ярлыком на великое княжение Владимирское.

И пришли они в Суздаль к князю Дмитрию Константиновичу, он же их принял с большими почестями и радостью.

В том же году князь Дмитрий Константинович Суздальский, внук Васильев, правнук Михайлов, праправнук Андреев, пошел из Суздаля во Владимир на великое княжение, а с ним посол царя Амурата Иляк и тридцать татар, и князь Иван Белозерский.

Тогда же пришел из орды царя Амурата князь Иван Белозерский с послом Илякою и тридцатью татарами. И сел на великом княжении во Владимире князь Дмитрий Константинович Суздальский.

Узнав об этом, великий князь Дмитрий Иванович, внук Иванов, со своим братом князем Иваном Ивановичем, внуком Ивановым, и со своим двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем, внуком Ивановым, собрали большое войско и пошли на него ратью к Владимиру, и прогнали его из Владимира. Он же бежал в Суздаль, пробыв на великом княжении во Владимире только двадцать дней.

Князь же великий Дмитрий Иванович пошел за ним с войском к Суздалю и стоял со своим воинством около Суздаля, опустошив всю округу.

И тогда князь Дмитрий Константинович заключил с ним мир и пошел из Суздаля в Нижний Новгород к великому князю Андрею Константиновичу, своему старшему брату.

А великий князь Дмитрий Иванович, одержав над ним победу, возвратился во Владимир. Также и над князем Константином Ростовским одержал победу.

В том же году великий князь Дмитрий Иванович прогнал с Галичского княжения князя Дмитрия Галичского.

В том же году великий князь Дмитрий Иванович прогнал со Стародубского княжения князя Ивана Феодоровича Стародубского.

Тогда все князья съехались в Нижний Новгород к князю Дмитрию Константиновичу, сожалея о своих княжениях.

В том же году великий князь Василий Михайлович Тверской пошел с войском к Микулину на своего племянника князя Михаила Александровича, но они снова примирились и заключили между собой мирный договор.

В том же году Литва завоевала Коршеву. В том же году великий князь Литовский Ольгерд Гедиминович завоевал Синюю воду и Белобережье.

В том же году преставился князь Василий Васильевич Кашинский, внук Михайлов, правнук Ярослава, праправнук Всеволода, прашур Юрия Долгорукого, прапрашур Владимира Маномеха, препрапрашур Всеволода, Ярослава, Владимира.

В том же году в Нижнем Новгороде произошло чудо. После обедни в церкви владыка Алексей Суздальский благословил крестом великого князя Андрея Константиновича Суздальского и Нижнего Новгорода, и Городецкого, и в тот же час из креста истекло миро, удивились этому люди.

В 6872 лето от Адама (1372 лето от Христа)

Был великий мор в Нижнем Новгороде и во всех его землях, и на Саре, и на Кише, и по всем окрестностям. Люди кашляли кровью, а иные чумою болели

один день или два, или три, и, прожив немного, умирали днем и ночью. Не успевали живые мертвых погребать, так как на дню умирало по пятьдесят и по сто человек и больше.

В том же году была сильная гроза, и гром ударил в Твери в соборную церковь, и много было знамений со страшными молниями и вихрями.

В том же году княгиня Анастасия приехала из Литвы со своей внучкой, дочерью Ольгерда, и крестила ее в Твери. И ради этого крещения преосвященный митрополит Алексей приехал в Тверь.

В том же году в Переяславле был мор. Болезнь была такова: прежде всего как рогатиной ударит за лопаткой или под грудью, напротив сердца или между плеч. И, так разболевшись, человек начинал кровью кашлять, в теле разгорался огонь, а потом начинались пот с ознобом. И, пролежав один или два дня, а редко бывало, чтобы кто-то пролежал три дня, человек умирал. А если болели чумой, то у каждого болезнь проходила по-разному: у одного чумной бубон был на шее, у другого — на бедре или за пазухой, или под скулою, или же за лопаткою. И умирало на дню иногда по семьдесят человек, а иногда по сто или по сто пятьдесят. Не только в Переяславле было так, но и по всем волостям, и селам, и монастырям

Переяславским. А перед этим мор был в Нижнем Новгороде и пришел снизу от Бездежа в Нижний Новгород, а оттуда в Рязань и Коломну, а оттуда в Переяславль, а оттуда в Москву. И так мор разошелся по всем городам, и в Тверь, и во Владимир, и в Суздаль, и в Дмитров, и в Можайск, и на Волок, и по всем городам распространился сильный и страшный мор. Увы, увy! Кто будет в силах поведать страшную и горестную повесть? А на Белоозере тогда не осталось ни одного живого человека. И была великая скорбь по всей земле, и опустела вся земля, поросла лесом, повсюду стали непроходимые заросли, и хоронили в одной могиле по десять и по двадцать человек.

В том же году преставился князь Иван Иванович, называемый Малой, брат великого князя Дмитрия Ивановича, внук Иванов, правнук Даниилов, праправнук Александров, прапраправнук Ярослава, пращур Всеволода, прапращур Юрия Долгорукого, препрапращур Владимира Маномеха, Всеволода, Ярослава, Владимира. И похоронен был в Москве в церкви святого архангела Михаила на площади.

В том же году великий князь Андрей Константинович Суздальский и Нижнего Новгорода, и Городецкий постригся в иноческий чин. Был этот князь человеком большой духовной жизни и имел много добродетелей. В том же году была великая засуха по всей земле, и воздух стал непрозрачным, и земля горела.

В 6873 лето от Адама (1373 лето от Христа)

Преосвященный Алексий, митрополит всея Руси, заложил каменную церковь в городе Москве в честь чуда архангела Михаила, бывшего в Коласаех, которые находятся в Хонех, и назвали эту церковь Чудовым монастырем, и в один год начали строить и завершили ту церковь.

В том же году было знамение на небе, солнце стало цвета крови, и на нем появились черные пятна, мгла стояла полгода, были большой зной и жара, леса с болотами и земля горели, реки обмелели, некоторые водные источники совсем высохли. И был страх и ужас среди людей, и великая скорбь.

В том же году преставился кроткий, тихий, смиренный и известный многими добродетелями великий князь Андрей Константинович Суздальский и Нижнего Новгорода, и Городецкий, внук Васильев, правнук Михайлов, праправнук Андреев, препраправнук Александров, пращур Ярослава, прапращур Всеволода, препрапращур Юрия Долгорукого, Владимира Маномеха, Всеволода, Ярослава, Владимира, в иноческом и схимническом чине. И похоронен был в церкви святого Спаса в Нижнем Новгороде, где был похоронен и его отец великий князь Константин Васильевич.

В том же году пошел в Орду князь Василий, называемый Кирдяпа, сын князя Дмитрия Суздальского, внук Константина Васильевича.

В том же году был в Москве пожар, были тогда засуха и зной великие, началась сильная буря с вихрем, распространился повсюду огонь, многие люди погибли и сгорели в огне, и все погорело. И тот пожар был назван великим пожаром, который начался от Всех святых и распространился повсюду при помощи ветра и вихря.

В том же году в Твери и Ростове был мор. В том же году преставились князь Константин с женою и детьми, и владыка Петр, и великая княгиня Анастасия, жена князя Александра, также и княгиня Авдотья, жена князя Константина, и князь Семен Константинович, а свой удел и княгиню свою оставил на князя Михаила Александровича. Также потом преставилась княгиня Софья, жена князя Всеволода, а потом и сам князь Всеволод Александрович. Также умерли и брат его князь Андрей Александрович, и княгиня его Евдокия, много бояр и знатных людей.

И потом преставился князь Владимир Александрович, великий страх охватил всех. В том же году преставилась великая княгиня Александра Иванова Ивановича, жившая в черницах и в схиме, в монашеском чине имя ей было наречено Мария, и похоронена была она в монастыре в пределе церкви святого Спаса в Москве.

В том же году князь Дмитрий Константинович Суздальский, внук Васильев, правнук Михайлов, праправнук Андреев, преправнук Александра Ярославича, пришел в Нижний Новгород на великое княжение вместе со своей матерью Еленою, со своим владыкой Алексием Суздальским и Новгородским, и Городецким. Но не отдал ему княжения Новгородского его брат младший Борис Константинович, внук Васильев.

В том же году пришел посол из Орды от царя Барахомза и от царицы Асан и посадил на Новгородском княжении князя Бориса Константиновича, внука Васильева, правнука Михайлова, праправнука Андреева.

В том же году пришел из Орды от царя Озиза князь Василий Кирдяпа Суздальский, сын Дмитриев, внук Константинов, правнук Васильев, а вместе с ним посол царя Урусманды, и принесли ярлык на великое княжение Владимирское князю Дмитрию Константиновичу Суздальскому.

Он же не захотел принять этого и уступил великое княжение Владимирское великому князю Дмитрию Ивановичу Московскому, но попросил у него помощи против Нижнего Новгорода, против своего младшего брата князя Бориса Константиновича.

Князь же великий Дмитрий Иванович послал к ним своих послов, чтобы они примирились и разделили между собою свою вотчину, князь же Борис отказался.

В том же году митрополит Алексей забрал епископскую кафедру Новгородскую и Городецкую у владыки Суздальского Алексея.

В то же время пришел из Москвы от великого князя Дмитрия Ивановича посол — преподобный Сергей, игумен Радонежский, в Нижний Новгород к князю Борису Константиновичу, зовя его в Москву, тот же не послушался и в Москву не пошел.

Преподобный игумен Сергей по приказу митрополита Алексея и великого князя Дмитрия Ивановича все церкви затворил.

И дал большое войско великий князь Дмитрий Иванович старшему брату Дмитрию Константиновичу против младшего его брата Бориса Константиновича.

Князь же Дмитрий Константинович еще и в своем уделе в Суздале собрал большое войско и пошел с ратью к Нижнему Новгороду.

И когда дошли до Бережия, встретил там князя брат его младший Борис Константинович со своими боярами, кланяясь и смиряясь, прося мира и отказываясь от княжения. Князь же Дмитрий Константинович не оставил челобитья и мольбы брата своего и заключил с ним мир, и поделился княжением Суздальским и Нижнего Новгорода, и Городецким. Сам князь Дмитрий Константинович сел на великое княжение в Нижнем Новгороде, а брату своему младшему князю Борису Константиновичу отдал Городец. В том же году преставился Алексей, митрополит Суздальский.

В том же году Тагай, князь Ординский, после распада Орды пришел в Наручад. И стал править в Наручадской стране, а затем захотел завоевать Русь.

И собрал все войско, свое и Наручадской страны, и пошел с многочисленной ратью на Рязанскую землю, пришел тайно и безвестно на Рязань.

И взял город Переяславль Рязанский, и сжег, и захватил вокруг него все области и села, взял много пленных, так понемногу продвигался, с большой данью возвращаясь в Поле.

Князь же великий Олег Иванович Рязанский со своими братьями, Владимиром Пронским и Титом Козельским, собрали войско и пошли вслед князю Тагаю, и настигли его на месте, называемом Шишевским лесом, на реке Войне.

И было жестокое сражение и злая сеча, во время которой погибли многие с обеих сторон. Помог Бог великому князю Олегу Ивановичу Рязанскому и братьям его, князю Владимиру Пронскому и Титу Козельскому.

А гордый ордынский князь Тагай, властитель Наручадской страны, пребывал в страхе и трепете, недоумевая, что происходит, так как видел

всех своих татар убитыми, и, рыдая и плача, во многой скорби бежал с малой дружиной.

В том же году в Торжке построили каменную церковь святого Преображения купцы, торговавшие в чужих странах, и прочие купцы, и простые люди во славу Христа Бога и Пречистой Богородицы, а себе во спасение.

В том же году владыка Новгородский Алексей в Антониевом монастыре построил надвратную каменную церковь Сретения.

В том же году по благословению владыки Алексия в Пскове начали строить каменную церковь святой Троицы на старом основании.

В том же году было знамение от иконы Пречистой Богородицы — как будто роса истекла от иконы в церкви святого апостола Петра в Славне. В том же году в Пскове был мор. В том же году сильный мор был и в Торжке.

В 6874 лето от Адама (1374 лето от Христа)

Было знамение на небе. В том же году был сильный мор в городе Москве и по всем окрестностям Московским.

В том же году сильный мор был на Волоке. В том же году сильный мор был и в Литве. В том же году была засуха и сильный зной, воздух стал непрозрачным, и земля горела, повсюду подорожал хлеб, и голод наступил по всей земле, и от этого умирали люди.

В том же году в Твери была война между князем Василием Михайловичем и князем Еремеем с его племянником князем Михаилом Александровичем из-за удела князя Семена Константиновича/

И в том же году по благословению и повелению митрополита судил их владыка Василий и оправдал князя Михаила Александровича.

В том же году пришли из Новгорода Великого разбойники новгородцы, было у них двести ушкуев, и пошли они вниз по реке Волге.

И избili множество татар и армян, купцов татарских и новгородских вместе с их женами и детьми, а товар их разграбили, и корабли их уничтожили, и паузки, и кербаты, и ладьи, и учаны, и мишаны, и бафхты, и струги — все предали огню, а сами ушли на Каму. И так ходили по Каме, сражаясь с болгарами, и многих из них убили.

В том же году в Великом Новгороде построили церковь святой Троицы на Рядитине улице.

В том же году молодые дворяне из Великого Новгорода собрали войско без разрешения новгородцев, а воеводами у них стали: Осип Варфоломеевич, Василий Феодорович, Александр Аввакумович.

И в том же году возвратились в Новгород с большой добычей. А великий князь Дмитрий Иванович разгневался за это на новгородцев, разорвал с ними мир, говоря: «Зачем ходите грабить и убивать моих купцов?»

В ту же зиму по приказу великого князя Дмитрия Ивановича пленили в Вологде новгородского боярина Василия Даниловича с сыном Иваном, а тот ехал с Двины, ничего не ведая и не остерегаясь ничего.

В ту же зиму месяца января в 18 день женился великий князь Дмитрий Иванович, взяв в жены Евдокию, дочь великого князя Дмитрия Константиновича Суздальского и Нижнего Новгорода, а свадьба была в Коломне.

Той же зимою великий князь Дмитрий Иванович советовался со своим двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем и со всеми своими старейшими боярами о постройке каменной Москвы. Как задумали, так и сделали: той же зимою начали свозить камни к городу.

Повесть умильна зело. Был в те времена на Кипре князь Андрей, называемый Пигор, под его властью было большое войско, с помощью которого он пленил все окрестности. Став очень сильным, он отправился с войском на Александрию Египетскую, побил, пожег и пленил живших там сарацин, татар, аравитян, армян, турок, фрязов, дикунов, формасов, черкесов, барменов и жидов.

И разгневался за это египетский султан на христиан, пришел в сильную ярость, собрал огромное войско. И послал войско на Антиохию и Иерусалим, и на другие города, которые были в его окрестностях, и началась жестокая война.

И началось жестокое гонение на христиан в тех городах, все святые церкви были разграблены, закрыты и завалены камнями, а православных христиан султан повелел предать различным мучениям, будучи охвачен яростью, как лев. И так всех замучил, имение их забрал себе, монастыри Синайские разграбил, жилища великих постников, скиты и пустыни разрушил, игуменов, священников и иноков предал смерти и пожег, а епископов всех предал мукам и заключил в темницы. Блаженного Михаила, патриарха Антиохийского, распял, так же, как и всех преосвященных митрополитов и епископов, а некоторых после многих мучений заключил в темницы.

И, не терпя этого, солнце скрыло свои лучи месяца августа в 7 день, в 3 часа пополудни. И стало тогда солнце размером с трехдневный месяц, ущербно было с полуденной стороны, и тьма синяя и зеленая приходила с запада. И продлилась тьма один час, повернуло солнце свои лучи на полдень, как молодой месяц, а затем обратило лучи к земле и стало как месяц, наступила великая тьма. А потом понемногу солнце стало испускать свет, пока не набрало полную силу и не явило свой свет в полной мере.

Про зло, произошедшее с христианами, узнал православный царь Иван Цареградский, сильно опечалился и огорчился случившемуся, недоумевая, что сделать. И отправил своих послов с великими дарами к султану Египетскому с просьбой, чтобы тот дал послабление христианам, ослабил свой гнев на них.

И послушал его султан Египетский, отпустил заключенных в темницах митрополитов, епископов и игуменов, священников и иноков, и всех христиан, приказал открыть все христианские церкви и разрешил христианам совершать все, положенное по их христианскому закону, без притеснений в Египте и в Антиохии, и в Иерусалиме, и во всех окрестных городах.

И отпустил всех христиан, и архимандритов, и игуменов, и иноков, и пресвитеров, и всех, имеющих священный сан, к митрополитам и епископам, разрешил им совершать все, положенное по их христианскому закону и обычаю, обещал им, что не будут они больше никем обижаемы.

И взял за это от правившего тогда митрополита за всех епископов, архимандритов и игуменов, всех христиан и за всех, живущих в тех городах и уделах его державы, двадцать тысяч рублей.

В том же году князь Михаил Александрович Тверской построил Городок новый на Волге.

В 6875 лето от Адама (1375 лето от Христа)

Преставился бывший Тверской владыка Феодор в Отроче монастыре, и похоронили его в небольшой церкви Введения Пречистыя Богородицы в одной могиле с владыкой Андреем.

В том же году великий князь Дмитрий Иванович заложил каменный город Москву, и началось его строительство.

И всех русских князей князь Дмитрий стал подчинять своей власти, а с теми, кто не подчинился его воле, стал воевать, как произошло с князем Михаилом Александровичем Тверским. И князь Михаил Александрович из-за этого пошел в Литву.

А князь Василий Михайлович и его сын князь Михаил, и князь Еремей позвали с помощью митрополичьего пристава в Москву на суд перед митрополитом владыку Василия, который судил их в их распре об уделе князя Семена не по правде. Так в Москве из-за этого суда владыке Василию пришлось платить большие судебные издержки, а в Твери зажиточные люди должны были заплатить за удел князя Семена.

Князь же Василий со своей княгиней и с князем Еремеем, со своим сыном князем Михаилом и со всем войском кашинским приехал в Тверь,

многим людям доставил большие неприятности, обесчестив их, предав мукам, разграбив их имения и продав без жалости.

И пришли к городу с войском, приведя с собой и московскую рать великого князя Дмитрия Ивановича. Но Божьим заступничеством городов не захватили, вернулись назад, завоевав только окрестности и села, но многие люди были уведены в плен. А войско московское, также как и волоцкое войско, завоевали все тверские волости и села по берегам Волги и церковные уделы святого Спаса Тверской епископии, пленили, сожгли и опустошили всё.

В ту же осень месяца октября в 27 день князь Михаил Александрович Тверской вернулся из Литвы со своим войском и княгинь — жен князей Еремея и Василия, и всех их бояр, так же как и бояр, и всех слуг своего дяди Василия Михайловича захватил в плен и пошел со своим и литовским войсками к городу Кашину. Встретили его послы его дяди князя Василия Михайловича и владыки их Василия Тверского в селе Андреевском, и там Господь Бог и Пречистая Богородица умирили его ярость, смягчили его сердце и даровали ему благую мысль. И так мир и любовь заключил в том месте со своим дядей князем Василием Михайловичем Кашинским, также и с великим князем Дмитрием Ивановичем Московским, и наступили мир и любовь среди них, отпустил он их с почестями. И радовались их бояре и все вельможи, так же как и иноземные купцы, и купцы, и наемные работники, роды и племена Адамовы. Так как все они являют собой один род и племя Адамово. Но забыли цари и князья, бояре и вельможи, иноземные купцы и купцы, ремесленники и наемные работники, что все они один род и племя Адамово, и, забывшись, враждуют друг с другом, ненавидят, грызут и кусают друг друга, отходя от заповедей Божьих, забывая, что надо любить ближнего своего, как самого себя.

И князь Еремей примирился с князем Михаилом Александровичем, князь Михаил Александрович заключил с ним мир, а княгиню его отпустил к нему.

А зимой на Крещение князь Михаил Васильевич Кашинский пришел от своего отца Василия Михайловича, чтобы примириться с князем Михаилом Александровичем.

Также и князь Михаил Александрович Тверской примирился с великим князем Дмитрием Ивановичем Московским.

В том же году князь Еремей отказался от условий мирного договора с князем Михаилом Александровичем Тверским и поехал к великому князю Дмитрию Ивановичу в Москву.

В том же году Ордынский князь Булат-Темир, обладая огромной силой, побеждая многие войска, собрал громадное войско и пошел в земли

и окрестности Нижнего Новгорода, завоевал уезды и села князя Бориса Константиновича.

Князь великий Дмитрий Константинович Суздальский и Нижнего Новгорода со своими братьями, с князем Борисом Константиновичем и князем Дмитрием Константиновичем, и со своими детьми, собрав большое войско, вышел против Ордынского князя. И бежал тот за реку Пьяну.

Они, придя туда, оставшихся татар побили, а других татар в реке Пьяне утопили, а иных набегом убили.

Князь же Ордынский Булат-Темир, гонимый гневом Божиим, вернулся в Орду с небольшой дружиной и был убит там царем Озизом.

В том же году в Городце в монастыре святого Лазаря от грома погибли монахи и монахини, также и в селах было убито много людей.

В том же году новгородцы послали в Москву к великому князю Дмитрию Ивановичу с челобитьем и дарами, прося мира. Он же заключил с ними мир, как было заведено в прежние времена.

И отпустил к ним их боярина Василия Даниловича с сыном Иваном, а в Новгород послал своих наместников, и наступили мир и любовь.

В том же году преставился новгородский посадник Анцифир. В том же году начали строить и завершили в Новгороде каменную церковь святого верховного апостола Петра на Славне улице.

В том же году повздорили новгородцы и псковичи, пришли немцы, жители Вильно, и стали сражаться около города Изборска, захватили все уезды и села псковские до реки Великой.

И, перейдя через реку Великую, пришли под стены города Пскова, сожгли посад, захватили и сожгли все села, но города не захватили. Не было в то время в городе ни князя Александра с посадником Пантелеем, ни других храбрых воинов.

И потом объединились псковичи с новгородцами, пошли войском на немцев, много новгородских и псковских воинов было убито.

И был убит тогда храбрый новгородский воин Захария Давыдович со всем своим полком и псковский воевода Селило Славный. Немецких же воинов было убито несметное множество.

В том же году в Нижнем Новгороде постриглась великая княгиня Анастасия, супруга князя Андрея Константиновича, в святой ангельский иноческий чин.

В 6876 лето от Адама (1376 лето от Христа)

Было знамение, страшный гром в Великий четверг, от молнии загорелась в Городце соборная церковь святого архангела Михаила, также и в

Суздале церковь святого архангела Михаила, и в других городах сгорело много церквей.

В том же году явилась на небе комета. В том же году князь Андрей Ольгердович Полоцкий захватил Ховрач и Родню.

В том же году князь Владимир Андреевич, внук Иванов, правнук Даниилов, пошел с войском к Ржеву и взял его.

В том же году великий князь Дмитрий Иванович, внук Иванов, правнук Даниилов, праправнук блаженного Александра, вместе со своим духовным отцом преосвященным Алексием, митрополитом Киевским и всея Руси, зазвали с любовью к себе в Москву князя Михаила Александровича Тверского, а потом предъявил ему обвинения. Также потом был на третий день над ним суд перед всеми людьми, чтобы можно было бы его освободить, а всех бояр, которые были возле него, захватили и стали держать поодиночке. И когда были все они в заключении, причиняли им много мучений, а сам князь Михаил Александрович Тверской тогда сидел на Гавшине дворе.

И потом внезапно пришли татары из Орды: князь Карач и Ойдар, и Тютеша; они же, узнав об этом, засомневались и, посоветовавшись, отпустили их восвояси.

Князь Михаил Александрович Тверской огорчился, неприятно это было ему, пришел он в негодование и воспринял это как измену, начала закипать в нем ненависть, появились мысли о войне с великим князем Дмитрием Ивановичем. Особенно гневался и жаловался он на митрополита, говоря: «Какую любовь и веру имел я к этому митрополиту, а он так меня посрамил и поругал!»

Отобрали у князя Михаила Александровича Городок, часть удела князя Семена, и посадили в нем своего наместника с князем Еремеем.

В том же году преставился князь Василий Михайлович Тверской в Кашине, внук Ярослава, правнук Ярослава, праправнук Всеволода, препраправнук Юрия Долгорукого, пращур Владимира Маномеха, прапращур Всеволода, препрапращур Ярослава Владимировича. В том же году преставилась великая княгиня София, жена великого князя Михаила Ярославича Тверского.

В том же году великий князь Дмитрий Иванович, внук Иванов, правнук Даниилов, праправнук блаженного Александра, собрал множество воинов и послал войско против великого князя Михаила Александровича Тверского.

Князь же великий Михаил Александрович Тверской бежал в Литву к своему зятю великому князю Литовскому Ольгерду Гедиминовичу и стал уговаривать его пойти с войском на Москву, на великого князя

Дмитрия Ивановича, чтобы отомстить ему, умолял его князь со слезами и сестру свою просил уговорить мужа. Ольгерд же принял в свое сердце слова князя, послушался и уговоров жены своей Ульяны, сестры князя, дочери Александра Михайловича Тверского.

В ту же осень великий князь Литовский Ольгерд Гедиминович собрал множество войска и отправился к Москве на великого князя Дмитрия Ивановича, а вместе с ним пошли его брат Кейстут Гедиминович, сын Кейстута Витовт, который в то время был еще очень молод и неизвестен своими подвигами, сыновья Ольгерда и все литовские князья, и великий князь Михаил Александрович Тверской, и смоленская рать.

У Ольгерда Гедиминовича было такое правило: никто никогда не знал, куда он решал вести войско или для чего собирал войска, так что и сами военачальники и все войско не знали, куда они направляются, никто об этом не знал — ни свои, ни чужие, ни свои, ни иноземные купцы. В тайне все совершается с большим искусством, чтобы народ, на который идет войско, не узнал о наступлении на него. При помощи такой хитрости Ольгерд захватил много земель, городов и стран, воюя больше при помощи мудрости, а не силы. И все боялись Ольгерда, многих превзошел он своим княжением и богатством. Так и великий князь Дмитрий Иванович не знал о приближении войска Ольгерда к Москве, пока они не подошли к границам.

Когда узнал великий князь Дмитрий Иванович о приближении войска Ольгерда Гедиминовича, повелел разослать по всем городам и по всему своему княжеству грамоты, собирая войско, и не успели тогда собраться его воины из отдаленных мест, но из тех, которые собрались, отобрал лучших и направил в заставу против Ольгерда сторожевой полк, а воеводою в нем поставил Дмитрия Минина, а от его двоюродного брата князя Владимира Андреевича пошел воевода Акинф Феодорович, прозванный Шуба, а с ними отправились московское, коломенское и дмитровское войска. Ольгерд же, придя в окрестности Московского княжества, начал завоевывать пограничные города, жечь и грабить, и уничтожать. Потом же на встрече убил князя Семена Дмитриевича Стародубского, называемого Крапива, в области Холхве.

И потом в Оболенске убил князя Константина, сына Юрия, внука блаженного великого князя Михаила Черниговского, правнука Всеволода, праправнука Святослава, препраправнука Олегова, пращура Святослава, прапращура Ярослава, препрапращура великого Владимира. И потом дошел до реки Троены, и там победил сторожевой полк великого князя Дмитрия Ивановича, московскую заставу и князей, и воевод, и бояр всех побил месяца ноября в 21 день, на праздник Введения Пречистой Богородицы, во вторник.

Тогда понял Ольгерд, что великий князь Дмитрий Иванович не успел собрать большое войско, а сам сидит осажденный в городе Москве. Тогда Ольгерд начал продвигаться вперед, устремился к Москве, и, придя туда, стал под Москвой.

Князь же великий Дмитрий Иванович повелел сжечь под Москвою посад, а сам затворился в городе со своим духовным отцом преосвященным и блаженным Алексием, митрополитом Киевским и всея Руси, и со своим двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем, внуком Ивановым, правнуком Данииловым, праправнуком блаженного Александра, и со всеми боярами и людьми.

Ольгерд простоял под Москвою три дня, города не взял, но зла много причинил, много сжег, многих людей взял в плен и увел с собой, забрал и всю скотину. Произошло это по грехам нашим, а прежде никогда не было причинено столько зла Москве Литвою, хотя от татар много зла повидали, но от Литвы только это окаянное и губительное зло увидели.

От Федорчуковой рати до нападения Ольгерда прошел 41 год.

В ту же зиму князь Владимир Андреевич Московский, внук Иванов, правнук Даниилов, пошел на помощь к псковичам и пробыл там от Сбора до Петрова дня.

В ту же зиму великий князь Дмитрий Иванович отказался от Городца и от всех уделов князя Семена в пользу князя Михаила Александровича Тверского, а князя Еремея отпустили в Тверь.

В ту же зиму князь Михаил Васильевич Кашинский, внук Михайлов, правнук Ярослава, в Кашине повелел перенести церковь Пречистой Богородицы из монастыря в город, а то святое место раскопать, потревожили тогда в гробах кости мертвых иноков, издавна там погребенных.

И в ту же весну заболел неизвестной болезнью князь Михаил Васильевич Кашинский, внук Михайлов, правнук Ярослава, заболела тяжелой болезнью и его княгиня. Самого его Бог помиловал, а княгиня его Василиса преставилась месяца апреля в 20 день.

И утрашился, ужаснулся князь Михаил Васильевич, стал просить прощения у владыки Василия и всего священного собора. Повелел ему владыка Василий не до конца разорять то место, и, послушав совета владыки, князь построил на том месте небольшую церковь во имя Пречистыя Богородицы, и потом ту разнесли.

В том же году был большой голод в Твери.

В том же году немцы подошли с войском к Изборску с епископом, магистрами и кумендерами. Псковичи собрали войско против них, и немцы, не захватив города, ушли восвояси.

В 6877 лето от Адама (1377 лето от Христа)

Немцы захватили литовский город Ковен. В том же году преставился князь Люб Смоленский. В том же году князь Борис Константинович Суздальский, внук Васильев, правнук Михайлов, праправнук Андреев, построил в Городце соборную церковь святого архангела Михаила. В том же году город Тверь отстроили в дереве и обмазали глиной.

В ту же зиму новгородцы с войском подошли к немецкому городу Орешку, но, не преуспев там, возвратились назад. В том же году сгорел Великий Новгород: детинец и архиепископский двор, и святая София, и Неревский конец, и Плотнический, много людей погибло.

В том же году заложили каменную церковь святого Василия на Рышкине улице, а другую — церковь святого Евпатия на Рогатице.

В том же году пошли новгородцы с москвичами к немецкому Новому городу, но не преуспели там, и многие из них были убиты, и отошли они прочь.

В том же году великий князь Дмитрий Иванович заложил город Переяславль, и в один год город был построен. В том же году князь Михаил Васильевич Тверской, внук Михайлов, правнук Ярослава, ездил в Москву к митрополиту Алексию жаловаться на своего Тверского владыку Василия.

В том же году великий князь Литовский Ольгерд Гедиминович пошел с войском на немцев, многих захватил в плен. В том же году москвичи и волочане сражались за смоленские земли.

В 6878 лето от Адама (1378 лето от Христа)

Князь Ордынский Мамай у себя в Орде посадил другого царя Мамат-Салтана.

В том же году великий князь Дмитрий Иванович собрал множество воинов и послал войско к городу Брянску.

В ту же осень князь Дмитрий Константинович Суздальский и Нижнего Новгорода собрал большое войско и послал своего брата князя Бориса Константиновича и своего сына князя Василия Дмитриевича, а с ними и царского посла Ачи-хожа против болгарского князя Асана, правившего народом, который сейчас называют казанцами.

Князь же Казанский Асан выслал навстречу им посла с челобитьем и многими дарами. Они же дары не приняли, а на княжение посадили Салтана, Бакова сына, а сами вернулись в Нижний Новгород к великому князю Дмитрию Константиновичу, внуку Васильеву, правнуку Михайлову, праправнуку Андрееву, преправнуку Александрову.

В ту же осень было много дождей, и было сильное наводнение.

В ту же зиму в Нижнем Новгороде выпало много снега, снег сполз с высокой горы над Окою за церковью Благовещения и засыпал много домов с людьми.

В том же году великий князь Дмитрий Иванович послал в Тверь, отказался от договора с князем Михаилом Александровичем Тверским на третий день Успенского поста. И в ту ночь был страшный гром, так что вся земля сотряслась, а князь Михаил Александрович Тверской после этого пошел в Литву.

Князь великий Дмитрий Иванович послал большое войско в Тверь и повелел захватить Тверь, все уезды и села повелел сжечь и захватить, после сражений войско возвратилось назад с большой добычей.

В 6879 лето от Адама (1379 лето от Христа)

Князь великий Дмитрий Иванович месяца сентября в 3 день со многими воинами сам пошел к Твери. Захватил тверской град Зубцов и сжег весь, также и другой город захватил, Микулин, и сжег его, все тверские уезды и села завоевал, сжег и опустошил, и множество людей взял в плен, все богатство их захватил и скот увел с собою.

И вернулся великий князь Дмитрий Иванович в Москву с большою добычей, и в землю свою привел много скота, а тверичей смирил.

Узнал об этом князь Михаил Александрович Тверской, бывший тогда в Литве, был сильно оскорблен этим и пошел из Литвы в Орду Мамай, выпросил у царя посла Сары-хожа и ярлык для себя на великое княжение Владимирское и пошел на Русь.

Узнал об этом великий князь Дмитрий Иванович, сильно разгневался, разослал по всем дорогам заставы, желая пленить князя, долго искали его, но не нашли, пришла к нему весть об этом из Москвы. Вернулся он тогда назад в Литву к своему зятю великому князю Ольгерду Гедиминовичу, стал просить его и сестру свою Ульяну, дочь Александра, жену Ольгерда Гедиминовича, о защите, прося сестру, чтобы она умолила мужа, и он пошел с войском в Москву на великого князя Дмитрия Ивановича.

Страшное знамение. В ту же осень на небе было много знамений: ночами люди видели на небе как бы столпы, само небо было красным, будто кровавым. Не только на небе были кровавые видения, но и на земле, и на снегу видели будто бы кровь, и много было таких случаев. Еще и до того, как выпал снег, видели на земле, в воде и в домах будто бы кровь, а когда выпал снег на землю, то и на снегу лежала кровь, и все люди ходили как будто окровавленные, будто бы все в крови, но когда кто входил под крышу или в дом, то на нем не было видно ничего кровавого. Это явление предвещало грядущую великую скорбь,

нашествие войск и кровопролитие, междоусобные войны, что потом и произошло.

Пришел в ту зиму, в Филиппов пост, месяца ноября в 25 день, великий князь Литовский Ольгерд Гедиминович с большим войском на великого князя Дмитрия Ивановича вместе со своим братом Кейстутом Гедиминовичем и с литовскими князьями, с князем Михаилом Александровичем Тверским и князем Святославом Ивановичем Смоленским с их войсками. Прежде всего войско подошло к Волоку, весь посад сожгли, захватили много пленных, но самого города не взяли, простояв три дня под городом Волоком.

Тогда был ранен князь Василий Иванович Березуйский у города Волока: стоял он на мосту перед городом, и внезапно из-под моста литвин ударил его копьем. Тяжело раненный, он заболел, в тот же час постригся в иноческий чин и преставился. Был этот князь очень храбр и прославлен своими победами, любил он священнический и иноческий чин, желал умереть постриженным в иноческий чин, и его желания не презрел Бог.

Потом Ольгерд пошел от Волока, завоевывая и пленяя земли, и подошел к Москве месяца декабря в 6 день, на Николин день, сжег посады вокруг города, простоял под Москвою восемь дней, но города не смог захватить. А великий князь Дмитрий Иванович затворился тогда внутри Москвы.

А преосвященный Алексий, митрополит Киевский и всея Руси, в то время был в Нижнем Новгороде. Князь же Владимир Андреевич собрал войско и стоял в Перемышле, сражаясь, а еще к нему подоспел с войском князь Владимир Дмитриевич Пронский, а вместе с ним и войско великого князя Олега Ивановича Рязанского.

Ольгерд много завоевал, сжег, убил и захватил в плен, и решил идти обратно, но, узнав, что собралось большое войско и готовится к битве, испугался и начал просить мира.

Князь великий Дмитрий Иванович заключил с ним мир до Петрова дня, но Ольгерд хотел заключить мир навеки и решил отдать за князя Владимира Андреевича свою дочь, что и произошло. И, заключив мир, отошел князь от Москвы, пробыв под Москвою восемь дней, и вернулся в свое княжество, идя осторожно, озираясь по сторонам, опасаясь за собой погони. Князь Михаил Александрович вернулся в Тверь, заключив мир с великим князем Дмитрием Ивановичем.

В том же году великий князь Литовский Ольгерд Гедиминович пошел с войском на немцев, много зла причинил он Немецкой земле, возвратился обратно с большой добычей.

Та зима была очень теплой, и весь снег стоял еще во вторник до последнего воскресения перед Великим Постом, не осталось снега нигде. А осенью много хлеба ушло под снег, и жали люди хлеб в Великий Пост, когда сошел снег, в тех местах, где не побывало литовское войско, а весь снег стоял во вторник на Феодоровой неделе.

В ту зиму были большие морозы со снегом после оттепели.

В ту же весну князь Михаил Александрович пошел в Орду.

В том же году вернулся в Тверь из Орды Мамай от царя Мамай князь Михаил Александрович Тверской с ярлыком на великое княжение, а с ним посол Сары-хожа, и пошли из Твери на Волгу.

Великий князь Дмитрий Иванович Московский привел по всем городам бояр и простых людей к присяге против великого князя Михаила Александровича Тверского, «чтобы не пускали его на княжение Владимирское», а сам со своим братом князем Владимиром Андреевичем встал с войском в Переяславле.

Князь Михаил Александрович Тверской захотел войти в стольный град Владимир, назвавшись великим князем, пожалованным Ордынским царем, и сесть в нем на великое княжение. Владимирцы не приняли его и не разрешили сесть на престол.

Он отступил, а татарин Сары-хожа послал своих татар и боярина князя Михаила к великому князю Дмитрию Ивановичу, приглашая его во Владимир на великое княжение, но тот ответил: «На великое княжение не поеду и в землю свою на княжение Владимирское не пушу; а для тебя путь открыт». И послал к нему, с любовью зовя к себе; он же не захотел пойти к нему.

Послу пришлось по сердцу почести от князя и дары, и отдал он царский ярлык на великое княжение князю Михаилу Александровичу Тверскому, а сам с миром и любовью пошел из Мологи в Москву к великому князю Дмитрию Ивановичу.

А князь Михаил Александрович оттуда пошел назад на Бежецкий Верх, сражаясь, и вернулся в Тверь месяца мая в 23 день.

В том же году великий князь Михаил Александрович Тверской отпустил своего сына князя Ивана в Орду. А посол Сары-хожа принял в Москве почести и дары от великого князя Дмитрия Ивановича и вернулся в Орду, хваля великого князя Дмитрия Ивановича, превознося его добрый нрав, смирение и то, как он принял его, за что посол ему был благодарен.

И потом сам великий князь Дмитрий Иванович пошел в Орду вместе с князем Андреем Ростовским месяца июля в 15 день, и перешли реку Оку.

А преосвященный митрополит Алексей проводил его до реки Оки, помолился о нем, благословил и отпустил с миром его самого, бояр и слуг его, а сам вернулся в Москву.

И в то время пришли послы от великого князя Литовского с предложением любви и мира, предлагая в жены князю Владимиру Андреевичу дочь Ольгерда Елену.

В том же году великий князь Дмитрий Иванович Московский пришел в Орду Мамаю к царю Мамаеву, с почтением отнесся к князю Мамаю и царю, и царице, и князьям, вновь был пожалован великим Владимирским княжением, принял почести от царя и князей, отпустили его с почестями и дарами обратно на Русь на великое княжение.

А князю Михаилу Александровичу приказали так сказать: «Давали тебе великое княжение, давали тебе помощь и войско, чтобы посадить тебя на великое княжение, а ты не принял нашей помощи и войска, а сказал, что сам сядешь на великое княжение. Теперь правь с теми, кто тебе люб, а к нам за помощью не обращайся».

В том же году князь Михаил Александрович Тверской пошел с войском и взял Кострому, Мологу и Углич, и Бежецкий Верх и посадил в них своих наместников.

В том же году из Иерусалима приехал на Рускую землю митрополит Герман с просьбой о милостыне для выплаты долгов сарацинам.

В том же году новгородцы из Великого Новгорода, ушкуйники-разбойники, захватили Кострому.

В том же году было знамение, на солнце появились черные пятна, как гвозди, опустилась на землю такая тьма, что за одну сажень перед собою ничего нельзя было увидеть, и многие люди сталкивались в темноте, и бились друг об друга. А птицы не могли по воздуху летать, так как ничего не видели, падали они на землю, некоторые даже ударялись о головы людей.

Также и звери, ничего не видя, приходили в села и города, сталкивались с людьми: медведи, волки, лисицы и разные другие звери. Тогда была сильная засуха и зной, так что испугались люди; многие реки пересохла и озера, и болота, а леса и боры горели, высохшие болота загорались, также и земля горела, страх и трепет охватил людей. И стал тогда хлеб очень дорог, распространился голод по всей земле.

В том же году князь Дмитрий Константинович Суздальский и Нижнего Новгорода, внук Васильев, правнук Михайлов, построил церковь святого Николая чудотворца в Нижнем Новгороде.

В том же году был пожар в Новгороде.

В том же году новгородцы заключили мир с немцами.

В 6880 лето от Адама (1380 лето от Христа)

Князь великий Дмитрий Иванович Московский вернулся из Мамаевой Орды с большими дарами и ярлыком на великое княжение, укрепил свое великое княжение, а врагов своих посрамил.

Пришли вместе с ним царские послы и много татар, привели из Орды князя Ивана Михайловича Тверского, выкупив его из Орды, заплатив за него десять тысяч рублей, что есть тма рублей.

И привели его с собою в Москву, принял его митрополит Алексий, князь пробыл длительное время при дворе митрополита Алексия, пока его не выкупили.

В том же году новгородцы захватили город Ярославль. В ту же осень великий князь Дмитрий Иванович послал войско на Бежецкий Верх, убили там наместника князя Михаила Александровича Никифора Лыча, а по тверским волостям грабили.

В ту же зиму месяца декабря в 14 день перед Рождеством Христовым великий князь Дмитрий Иванович послал войско на Рязань и на князя Олега Ивановича Рязанского, воеводою послал Дмитрия Михайловича Волынского, а с ним много других воевод с воинами.

Князь Олег Рязанский собрал много войска и вышел навстречу им. Рязанцы — люди суровые, свирепые, высокоумные, гордые, превознеслись своим умом и возгордились, в своем высокоумии как неумные и безумные люди.

И сказали они друг другу: «Не берите с собою ни доспехов, ни щитов, ни копий, ни сабель, ни стрел, но возьмите только с собою арканы, ремни, веревки, с их помощью сможете повязать москвичей, так они очень слабы, трусливы и некрепки».

Наши в своем смирении уповали на помощь Господа Бога и Пречистой Богородицы, и на великих чудотворцев, так как помощь от Бога дается смиренным: не в силе, но в правде дарует победу, и сердце смиренное и сокрушенное Бог не унижит. И Господь Бог, видя смирение москвичей, превознес их, а видя гордость рязанцев — низложил их, как говорит премудрый Соломон: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать» и «Всяк възносяся смирится, а смиряися вознесется». И говорит Давид: «Не спасется царь многою силою, и исполин не спасется множеством крепости своея», а в другом месте так говорит: «Низложи силныя со престоль и вознесе смиренныя». И москвичи со смирением, воздыханием и сокрушенным сердцем призвали Бога на помощь и встретились с рязанцами на Скорнице, началась жестокая битва. Рязанцы сражались, взмахивая арканами, ремнями и веревками, и, ничего не успевая сделать, падали за смертью как снопы, и были заколоты как свиньи.

Так Бог помог великому князю Дмитрию Ивановичу и воинам его, и одолели они рязанцев, а князь Олег Иванович Рязанский едва смог бежать с небольшой дружиною.

И сел тогда на великом княжении Рязанском князь Владимир Дмитриевич Пронский. В ту же зиму у великого князя Дмитрия Ивановича родился сын Василий.

В ту же зиму князь Владимир Андреевич, внук Иванов, правнук Даниилов, праправнук блаженного Александра, женился, взяв в жены у великого князя Литовского Ольгерда Гедиминовича дочь, названную в святом крещении Еленою.

В ту же зиму князь Олег Иванович Рязанский прогнал с Рязанского княжения князя Владимира Дмитриевича Пронского, и сам снова сел на великом княжении Рязанском, захватил зятя своего князя Владимира Дмитриевича Пронского и подчинил его своей власти.

В том же году князь Михаил Александрович Тверской послал своего племянника князя Дмитрия Еремеевича и своих воевод с войском к Кистме, и, пленив кистемских воевод, детей Ивана Тишанорова Андрея, Давида и Бориса, привели их в Тверь к великому князю Михаилу Александровичу Тверскому.

В том же году князь Михаил Васильевич Кашинский, внук Михайлов, правнук Ярослава, послал в Москву заключить мир с великим князем Дмитрием Ивановичем, а договор с великим князем Михаилом Александровичем Тверским расторг.

В том же году, когда преосвященный митрополит Алексей завершал божественную литургию, был исцелен некий отрок у гроба святого чудотворца Петра, митрополита Киевского и всея Руси, отрок тот имел руки, скрюченные у груди, и не мог говорить, тогда же он заговорил и распрямил руки. И повелел митрополит Алексей звонить в колокола и служить молебн, и прославил Господа Бога и Пречистую Богородицу, и святого Их угодника.

В том же году великий князь Михаил Александрович Тверской пошел войною на Дмитров, взял с города выкуп, посады, окрестности и села сжег, а бояр и людей, пленив, привел в Тверь.

В то же время великий князь Михаил Александрович Тверской тайно повел литовское войско на город Переяславль: князя Кейстута, брата Ольгерда Гедиминовича, князя Андрея Ольгердовича Полоцкого, князя Витовта Кейстутича, князя Дмитрия Друцкого и многих других князей со многими воинами. С Переяславля взяли выкуп, посад сожгли, уезды и села захватили, все сожгли и захватили в плен. Также и с Кашина взяли выкуп и уезды с селами захватили, а людей в плен увели.

Тогда великий князь Михаил Александрович Тверской подчинил своей власти своего брата князя Михаила Васильевича Кашинского. Оттуда Кейстут прошел мимо Торжка, а с ним и князь Михаил Александрович Тверской, Торжок взяли, наместника в нем посадил князь Михаил Александрович Тверской, а литовское войско ушло восвояси со множеством пленных.

В Новгороде у святого Спаса большой колокол сам по себе прозвонил трижды. В том же году князь Дмитрий Константинович Суздальский и Нижнего Новгорода начал отстраивать Нижний Новгород в камне.

В том же году в Русе построили каменную церковь святого Николая. В том же году князь Борис Константинович построил себе город на реке Суре и назвал его Курмыш.

В том же году в Великом Новгороде построили каменную церковь святого Спаса на Ильине улице.

В том же году в Петров пост пришли новгородцы, посадники и бояре в Торжок, заключили договор с новоторжцами крестным целованием, наместников князя Михаила Александровича Тверского сместили, а купцов его тверских убили, имение их разграбили, прочих же тверских людей убили и предали огню. Укрепили город, поставили частокол, собрали множество воинов, приготовившись к бою с князем Михаилом Александровичем Тверским. Князь Михаил Александрович Тверской пошел с войском к Торжку месяца мая в 31 день, встал под Торжком в середине первой половины дня, стал посылать к ним со смирением послов и просить: «Тверичи захватывали и грабили город, я же не хочу от вас ничего, только посадите моих наместников в Торжке».

Новгородцы пренебрегли этим предложением, вышли навстречу ему из города и отовсюду на поле боя. И было жестокое сражение, одолел их князь Михаил Александрович Тверской, и побеждены были тогда новгородские воеводы: посадник Александр Аввакумович, Иван Тимофеевич, Иван Шахович, Григорий Щебелкович, Тимофей Даниилович, Михаил Грозный, Денисий Вислов и многие другие были убиты.

Охвачены были новгородцы страхом и побежали к Новгороду, а некоторые в Торжок, многие из них были убиты, а некоторые захвачены в плен, загорелся посад со стороны поля. Подул сильный ветер в сторону города, распространился огонь по всему городу, побежали новоторжцы прочь с женами и детьми прямо в руки тверичам, некоторые сгорели, а некоторые задохнулись от дыма в церкви святого Спаса.

И был великий плач по новгородцам в Новгороде, так как многие славные воины были убиты и захвачены в плен, храбрые и сильные пали от

острия меча, а более всего от гнева Божья, как и древний Иерусалим попущением Божиим был захвачен. Город Иерусалим так был укреплен: вокруг него было три каменных стены, сильные и храбрые воины находились внутри города — один на сто воинов выходил из городских стен и возвращался назад без единой раны на теле. Когда же Тит Римский окружил город, тогда из города вышло семь храбрых иерусалимских воинов, сражаясь, они прорубили семь улиц среди воинов Тита Римского, дошли сквозь его бесчисленные полки до самого Тита, царя Римского, протекли кровавые реки, и возвратились воины невредимыми в Иерусалим. Но что была бы их сила, они могли бы и горы сокрушить, но ничего не смогли бы сделать без помощи Божьей, обратился на них гнев Божий, и были они все побеждены, все сильные и храбрые воины пали за смертью. Также и любое войско без помощи Божьей ничего не может сделать.

В том же году великий князь Литовский Ольгерд Гедиминович по совету князя Михаила Александровича Тверского с большим войском пошел войной против великого князя Дмитрия Ивановича Московского и соединился с войском князя Михаила Александровича Тверского под Любутском месяца июня в 12 день.

Великий князь Дмитрий Иванович, собрав войско, пошел против них и около Любутска встретился с противником, сначала москвичи напали на сторожевой полк Ольгерда и победили его.

И началось большое смятение в рядах литовского войска, сам Ольгерд Гедиминович побежал и встал за оврагом, и вооружился против него, но овраг между ними был силен, с глубокими дебрями и потому нельзя было выйти им на бой. И простояли там долгое время, пока не заключили мир и не разошлись.

Русь (1381–1388 гг. от В.Х.).

Книга 9

В 6881 лето от Адама (1381 лето от Христа)

Пошел в Великий Новгород князь Владимир Андреевич и правил в Новгороде с Покрова до Петрова дня, а затем вновь ушел.

В том же году в Новгороде выкопали ров вокруг детинца.

В том же году великий князь Дмитрий Иванович Московский послал в Орду своих послов с большими дарами, забрали они князя Ивана, сына князя Михаила Александровича Тверского, и привели его в Москву, где держали его в тяжелых условиях.

В ту же зиму на Рождество Христово князь Михаил Васильевич Кашинский расторг свой договор с князем Михаилом Александровичем Тверским и пошел в Москву, а из Москвы — в Орду.

В ту же зиму преставился князь Владимир Дмитриевич Пронский. В ту же зиму преставился князь Еремей Тверской. В ту же зиму преставился Василий, епископ Тверской.

В том же году в Орде была великая смута, многие ордынские князья перебили друг друга, а простых татар было убито бесчисленное множество. Так обрушился на них гнев Божий за их беззаконие.

В том же году новгородцы, которые сидели в заключении в погребах в Твери, сделали подкоп и бежали из Твери.

В том же году князь Михаил Васильевич Кашинский пришел из Орды в Кашин.

В том же году пришли из Орды от Мамай татары с войском на Рязань на великого князя Олега Ивановича Рязанского, сожгли подвластные ему города, множество людей убили и взяли в плен, и ушли обратно с большой добычей.

А великий князь Дмитрий Иванович Московский собрался со всем своим войском и встал на берегу реки Оки, а его двоюродный брат князь

Владимир Андреевич пришел к нему из Нижнего Новгорода на берег Оки, не пропустили они татар и простояли там все лето.

В том же году великий князь Михаил Александрович Тверской вместе с населением тверской и новоторжской волостей выкопали вокруг Твери ров и насыпали вал от Волги до реки Тмаки.

В том же году преставился князь Михаил Васильевич Кашинский, внук Михайлов, правнук Ярослава, праправнук Ярослава, преправнук Всеволода, пращур Юрия Долгорукого, прапращур Владимира Маномаха, преправнук Всеволода, Ярослава, Владимира.

А сын его князь Василий со своею княгинею Еленою и с кашинскими боярами приехал в Тверь к великому князю Михаилу Александровичу Тверскому с челобитьем и подчинился его власти. Потом по Божьей милости в том же году был заключен мир между великим князем Михаилом Александровичем Тверским и великим князем Дмитрием Ивановичем Московским. И сына его князя Ивана великий князь Дмитрий Иванович с любовью отпустил из Москвы в Тверь, а великий князь Михаил Александрович Тверской отозвал с великого княжения своих наместников. И наступила тишина и спокойствие для всех христиан, все были обрадованы, а враги их посрамлены.

В 6882 лето от Адама (1382 лето от Христа)

Преосвященный Алексей, митрополит Киевский и всея Руси, поставил в Суздаль епископа Дионисия, архимандрита Печерского.

В том же году жители Нижнего Новгорода убили послов Мамая, а вместе с ними и полторы тысячи татар, их старейшину по имени Сарай захватили в плен и привели вместе с его дружиною в Новгород.

В том же году пошли на Вятку ушкуйники-разбойники, собрали девятью ушкуйниц (речные суда) и Вятку пограбили.

По дороге захватили болгар, называемых казанцами, хотели поджечь город, но взяли с него выкуп в триста рублей.

И там разделились на две части: 50 ушкуев пошло вниз по Волге к Сараю, а 40 ушкуев пошло вверх по Волге и, дойдя до Обухова, пограбили все Засурье и Марквашь.

И, придя за Волгу, сожгли все суда, а сами пошли на конях к Вятке, проходя, разграбили множество сел и поселений по Ветлуге.

В том же году князь Владимир Андреевич заложил дубовый город Серпухов в своем княжестве, предоставил народу и всем купцам послабления и льготу, наместником города поставил своего окольничего Якова Юрьевича, называемого Новосильцем.

В том же году князь Владимир Андреевич захотел построить монастырь в Серпухове, так как этот князь с большой любовью относился к монашескому и священническому чину.

Жил в то время в его уделе в Радонеже некий раб Божий, святой муж по имени Сергей, игумен многих монастырей, основанных им самим, был он отцом братству многому и славен по всей земле, о нем же известно много свидетельств. И упросил его князь Владимир Андреевич прийти из Радонежа в Серпухов, чтобы основать монастырь.

Он пришел из своего монастыря в Радонеже в Серпухов, и, присмотрев подходящее для основания монастыря место, помолившись, заложил своими руками основание церкви во имя Пречистой Богородицы месяца декабря в 9 день, на Зачатие святой Анны, когда была зачата святая Богородица. И, благословив князя, преподобный игумен Сергей возвратился в свой монастырь в Радонеж. Князь Владимир Андреевич стал заботиться о строительстве монастыря в Серпухове, монастырь и кель: были построены, наполнены всем необходимым — иконами книгами и священными сосудами, и стал тот монастырь общежительным. Первым игуменом в том монастыре стал Афанасий, ученик преподобного Сергия, игумена Радонежского, которого князь Владимир Андреевич выпросил у игумена, и пробыл он на игуменстве в монастыре несколько лет.

Потом оставил игуменство и пошел в Царьград, приобрел себе там келью, внося взнос при вступлении в монастырское братство, стал жить в молчании со святыми старцами, а в глубокой старости преставился ко Господу.

В том же году в Москве преставился в иноческом образе и схиме последний тысяцкий Василий Васильев, сын Вениаминовича, его имя в монашестве было Варсонофий, похоронен он был в монастыре святого Богоявления.

В ту же осень месяца ноября в 26 день, на память святого Алимпия столпника и святого мученика Георгия, родился в Переяславле сын у великого князя Дмитрия Ивановича, князь Юрий, крестил его преподобный Сергей, игумен Радонежский.

И присутствовали там великий князь Дмитрий Константинович Суздальский, тесть великого князя Дмитрия Ивановича Московского, со своею великою княгинею, со своими братьями, детьми, боярами, и был тогда большой съезд князей в Переяславле.

В ту же зиму месяца февраля пришел митрополит Алексей в Тверь и поставил Евфимия епископом Тверским на Крестопоклонной неделе в четверг, на память святых 40 мучеников, а затем отправился из Твери с патриаршим послом Киприаном в Переяславль.

В том же году была сильная засуха, за все лето не выпало ни одной капли дождя и был великий мор на кони, на коровы, овцы и на всякий скот, потом же мор пришел и на людей по всей земле Руской.

Великий князь Дмитрий Иванович Московский разорвал отношения с татарами и Мамаем, в то время в Орде Мамаю был сильный мор.

В том же году князь Василий Михайлович Кашинский, внук Васильев, правнук Михайлов, праправнук Ярослава, бежал из Твери в Москву к великому князю Дмитрию Ивановичу.

В том же году литовское войско пошло войной на татар и Темиреза, и было жестокое сражение.

В 6883 лето от Адама (1383 лето от Христа)

Князь великий Дмитрий Константинович приказал разъединить князя Сарая и его дружину. Тот же ворвался на двор владыки со своею дружиною, поджег двор и начал стрелять людей и многих людей ранил, а иных смерти предал.

Тогда же начали стрелять и в епископа, и попала стрела в мантию епископа Дионисия, но сохранил его Господь Бог, собрались тогда люди и убили Сарайку и дружину его.

В том же году пришли татары из Орды Мамаю, захватили Кашин и сожгли, боярина же Парфения Феодоровича убили.

И все Запьянье завоевали, разграбили и сожгли, многих людей порубили, а некоторых увели в плен.

В том же году тяжело заболел преподобный игумен Сергей, разболелся и лежал в постели на второй неделе Великого Поста, начал же выздоравливать и вставать с кровати только на Семенов день, а всю весну и лето провел в болезни. И никто не удивился этому, видя скорби и болезни, посылаемые Богом праведникам. Написано: «Многи скорби праведным и от всех их избавить я Господь» и «Многими скорбями подобает нам внити во Царство небесное». А если же грешные люди здоровы и пребывают в наслаждениях и радости, а на этом свете не пребудут скорбны и печальны, то, приготовится им в следующем веке мука. Если же грешные люди претерпят страдания на этом свете, то простятся им их согрешения от Бога, праведным же, которые много пострадали, приготовятся от Господа Бога венцы и неизреченная слава на небесех.

В том же году перед заговеньем на Великий Пост бежал из Москвы в Тверь к великому князю Михаилу Александровичу Тверскому сын тысяцкого Иван Васильев, внук Васильев, правнук Вениаминов, а с ним некий сурожанин Некомат с ложью и лъстивыми речами.

И князь Михаил Тверской тогда же на Феодоровой неделе послал их в Орду, а сам после Крестопоклонной недели поехал в Литву.

И, пробыв в Литве немного времени, вернулся в Тверь.

И немного времени спустя, месяца июля в 14 день, вернулся сурожа-нин Некомат из Орды Мамаю от царя Мамаю с послом Ачи-хожею в Тверь к великому князю Михаилу Александровичу Тверскому с ярлыком на великое княжение Владимирское.

Князь же великий Михаил Александрович Тверской в тот же день послал в Москву к великому князю Дмитрию Ивановичу расторжение с ним мирного договора.

А наместников своих послал в Торжок, в Углич же отправил войско.

И потом в Твери в тот же месяц в 27 день в церкви Покрова Пречистой Богородицы ночью перед иконою сама собою загорелась свеча. Потом же в тот же месяц в 29 день в воскресенье рано утром солнце исчезло.

В том же году великий князь Дмитрий Иванович Московский собрал все свое войско и, объединившись со всеми рускими князьями, пошел к Волоку.

И туда пришли к нему все русские князья и тесть его великий князь Дмитрий Константинович Суздальский со своим сыном князем Семеном, шурином великого князя Дмитрия Ивановича, со своим братом князем Дмитрием Константиновичем Нохтем Суздальским.

Пришел тогда и князь Владимир Андреевич, двоюродный брат великого князя Дмитрия Ивановича, и князь Андрей Феодорович Ростовский, и князь Василий Константинович Ростовский, и его брат князь Александр Константинович, и князь Иван Васильевич Смоленский, и князь

Василий Васильевич Ярославский, и его брат князь Роман Васильевич Ярославский, и князь Феодор Романович Белозерский, и князь Василий Михайлович Кашинский, и князь Феодор Михайлович Моложский, и князь Андрей Феодорович Стародубский, и князь Роман Михайлович Брянский, и князь Роман Семенович Новосильский, внук великого князя Михаила Черниговского, правнук Всеволода, праправнук Святослава, препраправнук Олега, пращур Святослава, прапращур великого Владимира, и князь Семен Константинович Оболенский, внук Юрьев, правнук великого князя Михаила Черниговского, и его брат князь Иван Константинович Тарусский, и многие другие князья со своими войсками. Все разгневались на великого князя Михаила Александровича Тверского, говоря: «Сколько раз он приводил войско своего зятя, великого князя Литовского Ольгерда Гедиминовича, сколько зла причинил христианам, а сейчас объединился с Мамаем и с его царем и со всею Ордою Мамаевой!

А Мамай разгневался на всех нас, так что, если пропустим его, то победит он всех нас».

И пришли с огромным войском из Волока к Твери, начали завоевывать тверские земли.

Месяца августа в 21 день захватили город Микулин и все окрестности и сожгли их, а великий князь Михаил Александрович затворился в Твери.

Князь великий Дмитрий Иванович Московский стоял со всем своим войском под Тверью четыре недели, и сожгли весь посад, все уезды и села завоевали и сожгли, имения все захватили, а из людей кого убили, а иных увели в плен великое множество.

А Тверь острогом огородили частоколом, а через Волгу построили два больших моста.

А великий князь Дмитрий Иванович послал в Новгород за новгородцами, новгородцы же хотели и воздать честь великому князю Дмитрию Ивановичу, и отомстить за свою обиду, нанесенную им под Торжком, и, охваченные яростью, вскоре, за четыре или пять дней, пришли и расположились под Тверью, желая захватить добычу, причинили много зла тверичам.

И приступили со всеми войсками к городу, приставили туры, стали метать приметы вокруг города и зажгли мост и башни у Тматских ворот, так что горожане едва смогли потушить пожар. И так воины понемногу отступили от города, и великий князь Михаил Александрович Тверской вышел из города, одни туры порубил, другие сжег, много людей убил.

И убили тогда Семена Ивановича Добрынского и много дней подряд бились, и всю землю захватили и сожгли, а городки Зубцов и Белгород взяли.

Великий князь Михаил Александрович Тверской не сдавался, так как ожидал себе помощи от Мамаю и из Литвы: обещал его зять великий князь Ольгерд Гедиминович прислать войско.

Они же подошли к Твери, увидели под Тверью великого князя Дмитрия Ивановича с бесчисленным войском и, испугавшись, бежали назад.

Узнав об этом, великий князь Михаил Александрович Тверской понял, что неоткуда ждать ему помощи, увидел свое бессилие, так как вся Руская земля восстала против него.

И послал к великому князю Дмитрию Ивановичу из Твери владыку Евфимия, своих старейшин и знатных бояр с челобитьем, прося мира и покоряясь князю.

Он же, увидев его покорность, не захотел разорения городу и пролития крови христиан и заключил с ним мир. И так все завершили, подписали грамоты, отступили прочь от города и разошлись каждый в свое княжество.

В то время, когда великий князь Дмитрий Иванович был под Тверью, новгородские разбойники с воеводами Прокофием и смолятичем в семидесяти ушкуях, а всего их было две тысячи, пришли на реку Волгу по реке Костроме.

И встали, готовясь к бране под градом Костромою.

Горожане вышли из города, приготовившись к бою, воеводою их выступил их же наместник. Всего костромичей собралось более пяти тысяч, новгородских разбойников было только две тысячи. И, увидев множество костромичей, разделились надвое и половину тайно отправили лесом.

Они же, обойдя войско костромичей, ударили им в тыл, а вторые — в лицо.

Воевода костромской Плещей повернулся спиной и побежал, все костромичи, испугавшись, пустились в бегство, некоторые из них были захвачены в плен. И, войдя в город, новгородцы все разграбили, пробыли они в городе целую неделю.

И все спрятанные богатства были найдены, что смогли, унесли с собою, а что не смогли унести, сожгли или побросали в Волгу, многих крестьян увели в плен с женами и детьми.

Потом же из Костромы пошли к Нижнему Новгороду, город подожгли, людей убили, а некоторых увели в плен.

И пошли низом Волги на Каму, и много по ней совершили грабежей.

А, вернувшись, пошли к болгарам, живущих в Казани, и там продали всех своих пленных.

А оттуда пошли вниз по Волге к Сараю, грабя и убивая христианских купцов.

И пришли в Астрахань, и там продали всех своих пленных.

Князь Астраханский Салчей стал обольщать их лестью и многими почестями, угощать богатыми яствами, они же напились и свалились замертво.

Астраханцы всех их перебили, ни одного не оставили в живых, а имущество их забрали себе. Такую кончину принял воевода Прокофий и другой новгородский воевода смолятич со всею своею дружиной — какую мерю сами они мерили, такой и им отмерилось.

В том же году татары Мамае пришли с войском под Нижний Новгород, говоря: «Зачем ходили вы войною против великого князя Михаила Александровича Тверского?!»

И захватили все земли Нижнего Новгорода, и, забрав много пленных, вернулись в Орду.

В том же году великий князь Литовский Ольгерд Гедиминович пришел с войском под Смоленск, говоря: «Почему вы ходили воевать с князем Михаилом Тверским?!»

И так всю Смоленскую землю завоевали и захватили в плен.

А небольшие смоленские городки захватили и сожгли, людей увели в плен и вернулись обратно к себе.

В том же году татары Мамае пришли с войском под город Новосил, говоря: «Зачем вы ходили завоевывать Тверь?!»

И так всю Новосильскую землю опустошили, и с большим числом пленных вернулись обратно.

В том же году выдали дочь князя Литовского Кейстута Марию за князя Ивана Михайловича Тверского, крестил ее владыка Тверской Евфимий в святой церкви Воздвижения.

А на следующий день обвенчан был князь Иван Михайлович в соборной церкви святого Спаса владыкою Евфимием Тверским.

И обрадовался великий князь Михаил Александрович Тверской женьбе своего сына князя Ивана.

В том же году Корела Седмидесятская построили новый город.

В том же году новгородцы побросали в воды реки Волхова еретиков-стригольников, говоря: «Писано есть в Евангелии: Аще кто соблазнит единого от малых сих, лучше есть ему, да обвесится камень жерновный на выи его и потоплен будет в мори».

В 6884 лето от Адама (1384 лето от Христа)

Князь великий Дмитрий Иванович Московский пошел с войском за реку Оку, сторожа татарскую рать Мамае.

В том же году в Новгороде семь дней река Волхов текла вспять, вверх по течению; так происходило уже третий год подряд.

В том же году Новгородский владыка Алексей по собственной воле отказался от епископства и поселился в Деревянице, новгородцы же сильно оскорбились.

И послали в Москву к митрополиту Алексию с челобитьем, прося, дабы он обратился к их Алексию, чтобы не оставлял владычество Новгородское.

И привезли благословение митрополита владыке Алексию и всему Новгороду, и собрали новгородцы вече на Ярославове дворе.

И послали к владыке с челобитьем наместника великого князя Ивана Прокофьевича, посадника Юрия Онсифоровича и тысяцкого Алексея вместе со многими боярами и знатными людьми.

Владыка же послушал благословение митрополита и челобитие новгородцев.

В том же году Новгородский владыка Алексей пришел из Новгорода в Москву к Алексию, митрополиту Киевскому и всея Руси, а с ним новгородские посадники, пробыли они у митрополита Алексея в Москве две недели.

И отпустил их митрополит с миром и благословением, они же вернулись в Новгород с радостью.

В том же году великий князь Дмитрий Иванович послал своего брата князя Владимира Андреевича с войском ко Ржеву. Он же, простояв около города три дня, сжег посад, но город не взял.

В том же году пришли из Царьграда два сановника — протодьякона, имя одного — Георгий, а второго — Иван.

В ту же зиму великий князь Дмитрий Константинович Суздальский послал своих детей, князя Василия и князя Ивана, на болгар, то есть на Казань, а великий князь Дмитрий Иванович Московский прислал своего воеводу князя Дмитрия Михайловича Волынского, подошли они к Казани месяца марта в 16 день.

Казанцы же вышли из города им навстречу, стреляя из луков и самострелов, а инии гром пушающе з града, страшще руское воинство, а некоторые выехали на верблюдах, кони же русских всадников испугались верблюдов. Но помог Бог руским князьям, и вогнали их обратно в город.

Князья казанские Асан и Махмат-Салтан стали бить челом великому князю и дали выкуп со всего города великому князю Дмитрию Ивановичу Московскому в тысячу рублей и великому князю Дмитрию Константиновичу Суздальскому и Нижнего Новгорода — тысячу рублей, а воеводам и войску 3000 рублей.

И взяв все под свою власть, посадив и дорогу и таможду в Казани, возвратились восвояси. В том же году пришел с горы Синай на Рускую землю некий митрополит Марк за милостыней.

В том же году пришел из Иерусалима на Рускую землю некий архимандрит Нифонт из монастыря святого архангела Михаила в Иерусалиме за милостыней, и тою милостыней взошел на патриарший престол в Иерусалиме.

В том же году пришел из Царьграда на Русь митрополит Киприан, поставленный на митрополию Филофеем, Царьградским патриархом.

Князь великий Дмитрий Иванович не принял его, сказав ему: «Есть у нас митрополит Алексей, а ты по что ставишися на место живого митрополита?» Тот ушел из Москвы в Киев и остался там жить. В том же году мор бысть Кieve.

В 6885 лето от Адама (1385 лето от Христа)

Умер великий князь Литовский Ольгерд Гедиминович, после чего оскудела его земля, начались в ней нестроения и мятежи.

Был Ольгерд Гедиминович не единственный сын у своего отца и не первенец, но второй после первенца. После него были и другие братья. Вот их имена: 1. Наримант; 2. Ольгерд; 3. Евнутий; 4. Кейстут; 5. Кориад; 6. Люборт; 7. Монтовит.

Среди своих братьев всех превзошел Ольгерд властью и саном, так как пьянства не любил, никогда не бывал пьян, вина не пил, развлечений и всего, неподобающего для устройства государства, не любил, но всегда пребывал в мудрости и воздержании, поэтому и был разумен, любомудр, крепок и смел, приобрел много опыта. И при помощи своей мудрости завоевал много стран и земель, много городов и княжеств подчинил себе и сосредоточил в своих руках большую власть. Этим и преумножалось его княжество, подобного не сделал ни один из его братьев, ни его отец Гедимин, ни дед его.

Было у Ольгерда Гедиминовича 12 сыновей: от первой жены — 5 и от второй, тверитянки Ульяны — 7. Вот сыновья от первой его жены: 1. Андрей; 2. Дмитрий; 3. Константин; 4. Владимир; 5. Феодор. А от второй его жены тверитянки Ульяны: 1. Корибут; 2. Скоригайло; 3. Ягайло; 4. Свидригайло; 5. Коригайло; 6. Минигайло; 7. Лугвений.

Всем своим сыновьям Ольгерд раздал города и княжества во владения, а престол своего великого княжества поручил своему сыну Ягайло, который был рожден от тверитянки Ульяны, так как любил его больше всех своих сыновей, выбрал его среди братьев и поручил ему престол свой — великое княжество Литовское.

И владел Ягайло всей Литовской землею, а потом через четыре года женился в Ляхской земле, взяв за себя одну королевну, которая не имела ни отца, ни матери, от нее Ягайло получил королевство в Ляхской земле.

И поэтому Ягайло был назван королем Ляхской земли, и стал там править.

Была у Ольгерда Гедиминовича дочь Феодора, рожденная от тверитянки, ее выдали за князя Святослава, сына Тита Корачевского, внука

Мстислава, правнука блаженного великомученика Михаила Черниговского, которого убил за православную веру нечестивый царь Батый, праправнука Всеволода, препраправнука Святослава, пращура Олега, прапращура Святослава, препрапращур Ярослава Владимировича.

А дочь князя Литовского Гаманта Елену взял за себя другой сын Тита Андриан Звенигородский, внук Мстислава Корачевского, правнук великомученика великого князя Михаила Черниговского, праправнук» Всеволода, препраправнука Святослава, пращура Олега, прапращура Святослава, препрапращура Ярослава Владимировича.

А третий сын Тита князь Иван Козельский, внук Мстислава Корачевского, женился на дочери великого князя Олега Ивановича Рязанского, правнука великомученика великого князя Михаила Черниговского.

В том же году князь Феодор, сын Андриана Звенигородского, победил множество татар. Был князь Феодор Звенигородский, сын Андриана, внук Тита, правнук Мстислава Корачевского, праправнук великомученика великого князя Михаила Черниговского, человеком богатырского телосложения, отважен в сражениях с врагами, обладал он большой храбростью и силой.

Ольгерд отдал своему сыну славный великий город Киев, а после смерти Ольгерда Киев отнял у него его брат Скиригайло, самого его изымал и послал, в немже и умре, княжил же в Киеве Скиригайло.

В том же году месяца апреля в 23 день, на память святого великомученика Георгия Победоносца, было знамение на небе: луна скрылась, и от нее отошли лучи в виде креста.

В том же году бежал из Синей Орды за Волгу, в Волжскую Орду Мамай, царевич Арапша, тот царевич Арапша был очень свирепого нрава, великий воин, мужественный и сильный, возрастом юн, мужеством же велик, победил многих воинов, и захотел он идти с войском к Нижнему Новгороду. Князь великий Нижнего Новгорода и Суздаля Дмитрий Константинович послал вестника в Москву к своему зятю великому князю Дмитрию Ивановичу.

Князь великий Дмитрий Иванович собрал множество воинов и пришел в Новгород на помощь своему тестю великому князю Дмитрию Константиновичу с большим войском, но не было никаких известий о царевиче Арапше. И вернулся великий князь Дмитрий Иванович в Москву, но оставил своих воевод там вместе с владимирцами, переяславцами, юрьевцами, муромцами и ярославцами.

И потом стали говорить, что татары — в Поле, а царевич Арапша скрывается в потайных местах, но это не стало известно руским князьям и воеводам, и они допустили оплошность.

Потом великий князь Нижнего Новгорода и Суздаля Дмитрий Константинович послал своего сына князя Ивана и князя Семена Михайловича, а вместе с ними воевод и множество воинов, также пошли и воеводы со множеством войска, находящиеся на службе великого князя Дмитрия Ивановича Московского. Было жестокое сражение, и перешло множество воинов за реку Пьяну.

И достигла их весть, что царевич Арапша находится на Волчьих водах. Они обрадовались, думая, что смогут захватить большую добычу.

Потом и другие вести стали приходить к ним, они же допустили оплошность, не обратили на это внимания, говоря: «Никто не сможет выступить против нас!» И начали ездить в охабнях и сарафанах, а свои доспехи сложили на телеги и убрали в сумы, рогатины, сулицы и копья не были наготове, а некоторые даже еще и не были насажены на древки, так же дело обстояло со щитами и шлемами.

И ездили воины, спустив одежду с плеч, расстегнув петли, как будто в бане разомлели, было в то время очень жарко. Любили они пьянствовать и если где находили пиво, мед и вино, упивались им без меры и ездили пьяные, говоря каждый сам себе: «Может каждый из нас выйти против ста татар, поистине никто не сможет сразиться с нами».

А их князья, бояре и вельможи развлекались и веселились, пили и устраивали охоты, чувствуя себя как дома, возвеличивая себя и превознося, забыв смиренную мудрость, что смиренным Бог дает благодать, и что все люди — Адамовы внуки, они же в своей гордости превозносили себя, и Господь Бог смирил их гордость.

И в то время мордовские князья втайне повели татарское войско из Волжской Орды Мамай против наших князей.

А наши князья, пренебрегая своими обязанностями, ничего не знали об этом, так как к ним не пришла весть о приходе татар, и дошли они до Пару, ничего не замечая, татары же увидели их и быстро разделились на пять полков.

И напали на наше войско, ударив в тыл, рубя и режа, наши же воины ничего не успели сделать, так как все внезапно произошло. Побежали наши войска к реке Пьяне, ничего не в силах предпринять, хотя раньше и похвалялись, что все могут.

А татары все преследовали их, убивая многих, там был убит князь Семен Васильевич, множество князей и бояр, вельмож и воевод пали от ударов острых измайльтянских мечей.

А князь Иван Дмитриевич быстро устремился к реке Пьяне, преследуемый врагами, влетел на коне в Пьяну и утонул, вместе с ним в Пьяне утонуло много князей, бояр, вельмож, воевод и слуг, множество воинов.

А некоторые были убиты агарянами, и напал на всех великий ужас и страх, испугались все и бежали.

А агаряне сильно обрадовались, захватили множество пленных и разместили их в своих станах, затрубили на костях христианских и пошли набегом к Нижнему Новгороду.

Князь великий Дмитрий Константинович не смог выйти на битву против них, все войско его было разбито, и бежал он в Суздаль. Эта беда произошла месяца августа во 2 день, на память святого первомученика и архидьякона Стефана, в воскресенье в 6 часу пополудни, и так татары набегом пришли к Новгороду.

Горожане новгородские отплыли на судах по Волге к Городцу.

Татары пришли к Нижнему Новгороду месяца августа в 5 день, в среду, на память святого мученика Евстигнея, людей, оставшихся в городе, пленили, а весь город, церкви и монастыри сожгли, сторело в городе 32 церкви.

И отошли от города в пятницу, уезды и села захватывая и сжигая, затем же со множеством пленных ушли восвояси.

В том же году из Волжской Орды пришел вышеупомянутый царевич Арапша, разграбил Засурье, все сжег и ушел обратно с пленными.

В том же году в месяце августе пришел князь Василий Дмитриевич из Суздаля в Нижний Новгород, послал своих бояр, повелев им извлечь из реки Пьяны тело своего брата князя Ивана Дмитриевича, они повеление его исполнили.

И плакал над ним брат его, князь Василий, и бояре, и все люди, и похоронили его с надгробными песнопениями в каменной церкви святого Спаса, в притворе на правой стороне, месяца августа в 23 день.

В том же году набегом по Волге прошла мордва, разграбила уезд Нижнего Новгорода, много людей было убито, другие были взяты в плен, уезды и села, оставшиеся после татар, и скот были сожжены, после этого они ушли.

И погнался за ними с небольшим войском Борис Константинович, настиг их у реки Пьяны.

Они же, уstraшенные гневом Божьим, побежали за реку Пьяну, тех, которые не успели убежать, убили, а некоторые утонули.

В том же году в Новгороде в Антониевом монастыре преставился архимандрит Савва. В том же году в Новгороде построили каменную церковь святых мучеников Бориса и Глеба в Плотнице.

В 6886 году. Было знамение на солнце. В ту же осень царевич Арапша Волжский убил много русских купцов, а все их богатство забрал себе.

В ту же осень царевич Арапша набегом пришел на Рязань, причинил много зла и вернулся обратно.

В ту же зиму были сильные морозы и стужа, замерзло много людей и скота. И где была вода, там она вымерзла от сильных морозов, и в болотах, и в озерах, и в реках.

В ту же зиму послал великий князь Дмитрий Константинович Суздальский и Нижнего Новгорода своего брата князя Бориса Константиновича и своего сына князя Семена с войском на мордву.

А великий князь Дмитрий Иванович Московский послал с ними свое войско и воеводу Феодора Андреевича Свибла.

И начали воевать мордовскую землю, уезды, села, погосты и зимовья пограбили, людей убили, женщин их и детей захватили в плен, всю землю их пусту сотворили.

А тех, кого живыми привели в Новгород, тех казнили, травили их псами на льду Волги.

Повесть об Алексии, митрополите всея Руси

В ту же зиму месяца февраля в 12 день, на память иже во святых отца нашего Мелентия, патриарха Великой Антиохии, в пятницу на заутрене преставился преосвященный Алексий, митрополит Киевский и всея Руси, доживший до старости. Этот блаженный Алексий, митрополит Киевский и урсея Руси, родился в семье известных черниговских бояр. В то время Божьим попущением часто бывали вражеские набеги на Чернигов и все его окрестности. Из-за этого его отец Феодор и мать Мария уехали из своего отечества Чернигова в славный город Москву, где и жили, когда родился блаженный.

Тогда великое Владимирское княжение принадлежало великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому, внуку Ярослава, правнуку Всеволода, праправнуку Юрия Долгорукого, при преосвященном Максиме, митрополите Киевском и всея Руси, до убийства тверского боярина Акинфа.

О Акинфе. Акинф выступил с войском к Переславлю против князя Ивана, сына Даниила, внука Александра, правнука Ярослава, праправнука Всеволода, сам испил смертную чашу, убиты были под Переславлем Акинф и его зять Давид.

Прежде этот боярин Акинф подчинялся князю Андрею Александровичу Городецкому, внуку Ярослава, правнуку Всеволода, своему господину князю Андрею Александровичу Городецкому боярин служил до самой смерти князя, а после его смерти перешел в Тверь на службу к князю Михаилу Ярославичу.

Блаженный Алексей был старше великого князя Семена, сына Иванова, внука Даниилова, правнука Александрова, праправнука Ярослава, на семнадцать лет. Крестил его еще в младенчестве князь Иван Даниилович, бывший еще не на великом княжении, наречено ему имя было в святом крещении Симеон, будучи еще ребенком, научился он всей грамоте и во благочиние возрасте пребывал.

Исполнилось ему двенадцать лет, и было ему видение, так как Бог хотел явить свою волю о нем, расставил он силки для ловли птиц и немного задремал, и был ему голос, говорящий: «Алексий, зачем понапрасну трудишься? Отныне будешь ты ловцом людей».

Блаженный пробудился от сна и, не увидев никого вокруг, удивился и ужаснулся, размышляя о своем видении: «Что значит это новое имя, ведь называли меня Алексием?» И с того времени пребывал в рассуждении, будучи не в силах разгадать видения, но никому не рассказал о нем.

Отец и мать, и братья расспрашивали его, говоря: «Почему ты так печален, пребываешь в молчании, всегда у тебя в руках книги, и в них только и поучаешься, а мы не слышим от тебя ни одного слова? Подобное поведение подходит иноку, а не мирскому человеку. Кто тебе повелел жить подобно иноку? Зачем так иссушил себя постом и жаждою? Не терзай себя так, чтобы не заболеть, а нас не опечалить! Поведай нам, кто тебя развратил?» Блаженный немного утешил их, но продолжал жить в воздержании, на всякие зрелища не ходил, с молодыми людьми не развлекался, избегал всяких насмешек и глумлений, но еще больше усердствовал в молчании, посте, чтении Божественных Писаний, всегда пребывал в умилении и смирении.

Когда ему исполнилось двадцать лет, возлюбил он Бога всею душою и, желая сохранить Его заповеди, возжелал постричься в иноческий чин. И оставил отца, мать, братьев и сестер своих, всех родных, друзей и мысли о женитьбе, отрешился от всяких мирских пристрастий, и, желая работать во славу одного Бога, сказал самому себе слова пророков: «Изволих приметатися в дому Господни, чем жить мне в селах грешников».

И ушел из мира лет двадцати от роду или чуть старше, и пошел в Богоявленский монастырь, там он постригся в святой ангельский иноческий образ.

И нарекли ему имя Алексей, как и было предсказано Богом, когда он расставлял ловушки для поимки птиц в пустыне.

И стал жить строгой иноческой жизнью, проводя время в посте, бдениях, молитвах, умильных слезах, изучая Ветхий и Новый Завет.

Пришел в тот Богоявленский монастырь старец Стефан из Радонежа, известный своей духовной и подвижнической жизнью, так как этот

Стефан, живший духовной и строгой жизнью, был братом от единого отца и единой матери блаженного игумена Сергия, иже в Радонежи о Господи монастырь воздвиже.

И старец Стефан стал жить духовной жизнью вместе с Алексием, они не только жили вместе, но и в церкви на клиросе стояли в одном ряду, смиренно поя с любовью о Господе.

Также и Геронтий, известный честный старец, жил духовной жизнью в том же Богоявленском монастыре, пребывая в духовной любви о Господе и смирении вместе со Стефаном и Алексием.

Любил их и Феогност, митрополит всея Руси, часто приглашал к себе, оказывая им всяческие почести.

Потом старца Стефана Феогност, митрополит всея Руси, поставил игуменом в том же святом Богоявленском монастыре.

И стал Стефан Богоявленским игуменом и духовником великого князя Семена, сына Иванова, внука Даниилова, правнука Александрова, также и тысяцкого Василия и его брата Феодора, и многих знатных бояр, так как все полюбили его за праведную жизнь и смирение.

Потом преосвященный Феогност, митрополит всея Руси, взял к себе на двор из монастыря святого Богоявления преподобного старца Алексия и назначил его наместником, чтобы тот помогал ему судить церковных людей согласно священным правилам. И прожил при дворе митрополита Феогноста преподобный старец Алексий 12 лет и три месяца, прожив в иноческом чине 40 лет.

Потом митрополит Феогност поставил его епископом во Владимир месяца декабря в 6 день, думая о нем, как о своем преемнике на кафедре митрополита, любя старца за большие добродетели. И пробыл блаженный Алексий епископом 4 года, правя, как святитель, до тех пор, пока не преставился митрополит Феогност.

По преставлении Феогноста по решению совместного совета, решением епископов великого князя Ивана, сына Иванова, внука Даниилова, правнука Александрова, бояр, вельмож и всего народа больше всего же Божьим произволением епископ Алексий был отправлен в Царьград к патриарху для поставления в митрополиты. И, хотя и не желая этого, пошел на поставление в Царьград, и был поставлен в Царьграде блаженным патриархом Филофеем в митрополиты на Русь.

И когда пришел из Царьграда на свой митрополичий стол на Русь, и радостна была встреча православного русского митрополита.

И, сидя на престоле своем, помышлял о Евангельском слове, глаголющем: «Ему же много дано, много и взыщется от него» и «Увидев раб волю

господина своего и не сотвори, бьен будет много». И, постоянно держа в своем уме эти слова, совершал большие духовные подвиги, трудился, пребывал для всех светом и примером, якоже рече Господь: «Тако да просветится свет ваш пред человеки, да видят добрая ваша дела и прославят Отца вашего, иже на небесах». Решил блаженный основать церковь и общежительный монастырь, говоря: «Это мой обет Богу, некогда, когда я возвращался из Царьграда, началась сильная буря на море, волны раскачивали корабль, все плывущие впали в отчаяние и стали молиться каждый за себя. А я обет дал Богу основать церковь в честь того святого, в день памяти которого мы пристанем к берегу. И в тот же миг ветер и морское волнение утихли, настала тишина, и корабль спокойно причалил к берегу месяца августа в 16 день. И согласно своему обету я решил построить церковь Нерукотворного образа Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и устроить там общежитие», — так сказал святитель своим близким.

Пришел святитель к блаженному Сергию и сказал ему: «Хочу, — сказал, — ныне исполнить свое обещание». Блаженный Сергей так ответил святителю: «Доброе и блаженное дело хочешь сотворить, и если что требуешь от нас, все невозбранно тебе будет». Митрополит ответил: «Хочу поставить в том монастыре начальником твоего ученика Андроника». Ответил ему преподобный Сергей: «Как хочешь, так и твори».

Святой Алексей дал монастырю большую милостыню, братию учредил и, взяв с собою инок Андроника, отправился из монастыря в Москву.

И нашел около Москвы на реке Яузе место, подходящее для постройки монастыря, и с помощью Господа Бога и Пресвятой Богородицы воздвиг церковь во имя Нерукотворенного образа Христова, который с собою принес из Царьграда, украсил золотом и бисером. И в том монастыре церкви поставил, которые и доныне стоят, дал святитель монастырю все необходимое и села, и воды, и земли.

Пришел в тот монастырь преподобный игумен Сергей, похвалил и благословил это место, и вернулся в свой монастырь в Радонеже.

По прошествии некоторого времени святой Алексей, митрополит всея Руси, отправился в Нижний Новгород, основал там церковь во имя Честного и Славного Благовещения Пречистой Богородицы, в монастыре установил общежительный устав, даровал монастырю села, воды и земли, снабдил всем необходимым и украсил церковь Благовещения Пречистой Богородицы.

Потом в том же Нижнем Новгороде крестил сына у князя Бориса Константиновича, внука Васильева, правнука Михайлова, праправнука Андреева, и назвал его во святом крещении Иван. И большие почести

были оказаны святителю великим князем Борисом Константиновичем, и передал великий князь Борис разное движимое и недвижимое имущество тому монастырю Пречистой Богородицы. И этот митрополичий монастырь стоит и поныне в Нижнем Новгороде благодатью Христовой и Пречистой Богородицы, хранимый молитвами святого чудотворца Алексия. После митрополит пришел во Владимир и там основал общежительный монастырь на реке Клязьме, построил в нем церковь во имя святого и равноапостольного великого царя Константина, удовлетворил все его нужды, даровал ему села и всем одарил, так что и поныне этот монастырь со всеми его нуждами храним благодатью Христовою и Пречистой Богородицы, и святого чудотворца Алексия.

И за большую добродетель святого слава о митрополите распространилась не только в христианских странах, но и в неверных татарских странах.

В то время царица Тайдала, жена ордынского царя Чанибека, страдала от болезни глаз, пришел посол из Орды от царицы Тайдалы в 6875 лето от Адама (1375 лето от Христа) к блаженному Алексию, митрополиту всея Руси, с просьбой посетить больную. Слышала царица о нем как о святом и мудром человеке, что Бог прислушивается к его молитвам, и если святитель просит что-то у Бога, то Бог все подает ему.

Он, приготовив все необходимое для путешествия, отслужил молебен в соборной церкви Пречистой Богородицы, во время которого сама собой загорелась свеча у гроба святого чудотворца Петра.

Он, отслужив молебен со всем священным собором, ту свечу раздробил и раздал как благословение народу, а часть той свечи взял с собою, и, освятив воду, отправился в Орду к царице Тайдале.

И увидела его царица во сне в одежде иерея и всех его священников в священнических одеждах, и каким видела святого Алексия царица Тайдала во сне, такие и приказала приготовить святительские ризы для святого Алексия и священнические одежды для всех его священников.

И когда узнали в Орде царя Чанибека о приближении святого, в тот же час сам царь Чанибек, Азбяков сын, вышел навстречу ему со своим сыном Бердибеком, с другими своими сыновьями, с князьями и вельможами, оказывая митрополиту большие почести.

И там исполнилось написанное: лев и агнец вместе пасутся. Блаженный совершил молебное пение, во время которого повелел зажечь ту свечу, которая зажглась сама собой, окропил царицу Тайдалу освященной водой, и в тот же час она прозрела.

Увидел это царь Чанибек и прочие татары, удивились, воздали хвалу и почести святому, одарили богатыми дарами его самого, его священников

и слуг и отпустили на Русь, а в Орде начались великие смута и нестроения. Когда же святой вернулся на Русь на свою святительскую кафедру, воздали ему хвалу, что молитва его так велика перед Богом, и пробыл он на святительском престоле митрополии всяя Руси много лет, уча слову Божью и по благочестию, воспрещая делающим неправое дело, поставляя епископов и пресвитеров. Поставленные им епископы: 1. Игнатий, епископ Ростовский; 2. Василий, епископ Рязанский; 3. Феофилакт, епископ Смоленский; 4. Иоанн, епископ Сарайский; 5. Парфений, епископ Смоленский; 6. Филимон, епископ Коломенский; 7. Петр, епископ Ростовский; 8. Феодор, епископ Тверской; 9. Нафанаил, епископ Брянский; 10. Афанасий, епископ Рязанский; 11. Алексей, епископ Суздальский; 12. Алексей, епископ Новгородский и Псковский; 13. Василий, епископ Тверской; 14. Даниил, епископ Суздальский; 15. Матфей, епископ Сарайский; 16. Арсений, епископ Ростовский; 17. Евфимий, епископ Тверской; 18. Дионисий, епископ Суздальский; 19. Герасим, епископ Коломенский; 20. Григорий, архиепископ Черниговский; 21. Даниил, епископ Смоленский. Это епископы, рукоположенные митрополитом Алексием.

О Чудовом монастыре

По Божественному откровению основал святитель в Москве монастырь, а в нем построил каменную церковь во имя чуда святого архистратига Михаила, а в ней придел воздвиг во имя Пречистыя Богородица честнаго и славного ея Благовещения, и всяческими добротами украсил церковь: иконами, книгами, росписью, златыми сосудами священными и прочими всякими узорочьями.

И тот монастырь составил общежительный устав, что сохраняется в нем и поныне, святой подарил монастырю много сел, домов, людей, озер, нив и земель, всего, что было необходимо монастырю, и не только не ограничился этими дарами и благодеяниями, но и самого себя повелел похоронить в этом монастыре, что и было исполнено. И поныне его гроб находится в монастыре, в церкви, направо от алтаря, и от его святого тела получают исцеление приходящие с верой. Монастырь этот был основан святителем за 12 лет до своей смерти.

Когда увидел себя святой изнемогающим от старости и приближающимся к своему концу, то позвал к себе преподобного игумена Сергия из Радонежа. Вскоре, когда игумен пришел к святителю и беседовал с ним, повелел митрополит Алексей вынести крест с параманом, украшенный золотом и бисером, и подарил его святому. Тот же, поклонившись со смирением, сказал: «Прости меня, великий Христов архиерей, но с юности я не был златоносцем, в старости же тем более в нищете хочу пребывать».

Архиерей же ответил ему: «Знаю, чадо, что так ты поступал всю жизнь, но исполни послушание, возьми от меня это благословение». И возложил на него крест с параманом, украшенный золотом и бисером, как некий залог. Только преподобный Сергей хотел возразить, как святитель сказал ему: «Преподобный Сергей, знаешь ли ты, зачем призвал тебя, что хочу сказать тебе?» Ответил ему преподобный Сергей: «Как я могу знать, если ты еще не поведал мне?» Сказал святой Алексей: «Вижу я себя приближающимся к концу земной жизни и хочу еще при своей жизни найти человека, который смог бы управлять стадом Христовым». Ответил ему преподобный Сергей: «Прости меня, великий архиерей Христов, но то, о чем ты просишь, выше моих сил. Кто я такой, грешный и худший из всех людей? Но прошу тебя, ни мне, ни кому другому не говори обо мне, чтобы никто не смог и подумать об этом».

Святой Алексей, видя его непреклонность, не стал продолжать своих речей, чтобы не ушел тот опечаленным в свою пустыню, и чтобы самому не лишиться такого светильника и, утешив его духовными словами, отпустил в монастырь с честью, миром и любовью.

Сам же блаженный митрополит Алексей, изнемогая от глубокой старости, не переставал учить слову Божью и направлять всех на путь покаяния, когда же уже приблизился к своему концу, совершил священную литургию, причастился Святых Тайн, помолился о великом князе, о всех князьях, боярах, воинстве и всем народе.

И едва дал последнее целование, отошел ко Господу в бесконечный век месяца февраля в 12 день, в пятницу, во время заутрени. Повелел святой положить себя не в церкви, а вне церкви за алтарем, указал место своего погребения и там повелел себя похоронить по своему великому смирению. Услышав о его преставлении, собрались князья, вельможи, иноки и епископы со слезами и рыданием. Удивился великий князь смирению святителя и, рассудив с епископами, повелел положить его в церкви в приделе Благовещения Пречистой Богородицы, где и поныне его честные мощи приходящим с верою исцеление подают. Присутствовали на его погребении великий князь Дмитрий Иванович, внук Иванов, правнук Даниилов, праправнук Александров, препраправнук Ярослава; его двоюродный брат князь Владимир, сын Андреев, внук Иванов, правнук Даниилов, праправнук Александров; князь Василий, сын великого князя Дмитрия, внук Иванов, правнук Иванов, праправнук Даниилов, которому в то время было шесть лет; его брат князь Юрий, сын Дмитриев, внук Иванов, правнук Иванов, праправнук Даниилов, которому было тогда три года. Ушел из мира блаженный Алексей с горячим желанием с любовью трудиться Господу в 20 лет или чуть больше постригся в святой ангельский иноческий чин в Богоявленском монастыре; про-

жил в монастыре довольно долго. Потом митрополит Феогност взял его к себе на двор, пробыл святитель его наместником 12 лет и три месяца, еще при своей жизни митрополит Феогност поставил святого Алексия в епископы Владимира, и пробыл тот епископом 4 года. После преставления Феогноста в Царьграде был поставлен блаженным патриархом Филофеем в митрополиты, было ему тогда 60 лет, в сане митрополита пробыл 24 года, всего прожил он 85 лет, и пробыл в постриге 60 лет.

В 6939 лето от Адама (1439 лето от Христа)

Во время княжения великого князя Василия Васильевича, при святейшем Фотии, митрополите Киевском и всея Руси, обвалилась крыша церкви во время священной литургии, священник в то время еще не вышел из алтаря, но остался невредим, место той церкви расчистили.

И начали раскопки, желая построить новую каменную церковь, и, когда копали, обрели священное тело Алексия, митрополита Киевского и всея Руси, и одежды его сохранились нетленными. Месяца мая в 24 день построили церковь, положили его святое тело в церкви в пределе Благовещения Пречистой Богородицы по правой стороне, где оно находится и поныне, источая исцеления всем, приходящим с верой.

Повесть о Митяе

После преставления блаженного Алексия, митрополита Киевского и всея Руси, его святительское место занял некий архимандрит Михаил, нарицаемый Митяй совершивший странные и непонятные действия: облекся во весь митрополичий сан, возложил на себя белый клобук и мантию митрополита с источниками и скрижалями, золотой крест митрополита с параманом, украшенным золотом и бисером, взял золотой посох митрополита и печать митрополита и сам себя поставил в сан митрополита.

Перед этим великий князь Дмитрий Иванович просил митрополита Алексия, чтобы он того архимандрита Митяя благословил на митрополию всея Руси после своей смерти. Алексей же не захотел сделать этого, так как Митяй недавно пребывал в монашеском чине, говоря: «Утверждает апостол: «С иными добродетелями и это упоминается, но не является правилом, чтобы, не возгордившись, впасть в осаждение и дьявольские сети». Также тот же апостол говорит: «Они сначала впадают в искушение, но потом непорочно служат». Архимандрит Митяй недавно пребывает в иноческом чине, и поэтому необходимо ему пройти искушение в иночестве, обучиться благим делам и нравам. И если захочет этого Бог, то поможет ему, а я же не согласен с этим». Великий князь долго его уговаривал и принуждал, чтобы он благословил Митяя на митрополию, ког-

да сам приходил и просил, когда князя Владимира Андреевича посылал, когда бояр. Алексей же сказал: «Я не могу его благословить, но кого поставит Господь Бог и Пречистая Богородица, преосвященный патриарх и вселенский собор, того и я благословлю». Архимандрит Митяй после преставления Алексея принял на себя высокий сан митрополита всея Руси с великой необычностью. И обрушилось на него осуждение всего народа; негодовали люди, священники и иноки; оглядывались друг на друга, но не смели ничего сказать, так как слово и учение Митяя поддерживалось властью. И говорил каждый сам себе: «Господи, что это означает?» Не поставлен он вселенским патриархом и священным собором, но сам дерзнул занять этот великий и высочайший престол; живет в доме митрополита, сидит на престоле и изголовье митрополита, ходит во всем облачении митрополита, в белом клобуке и в мантии, владеет митрополичьей ризницей, митрополичьи бояре служат ему, митрополичьи отроки прислуживают ему, едва только он шелохнется, все предшествуют ему. И совершают перед ним все, подобающее сану митрополита, и всей честью и славою, саном и чином, достойными митрополита, обладает и владеет Митяй: и судит на судах, и собирает дань, оброки и пошлины, рукополагает в священники, иноки, игумены, архимандриты и епископы; выносит приговоры и продает многих. И властно правит, не стесняясь никого, так как очень смел, умеет правильно и грозно говорить речи; епископы, архимандриты, игумены и иноки, и священники сетуют на него. Многих он заковал в железные вериги, наказывая и смиряя своей властью, и никто не мог выступить против него.

Необходимо знать, кто есть этот архимандрит Митяй и откуда он родом. Этот архимандрит Митяй — сын тешиловского попа Ивана, что на реке Оке, потом Митяй был одним из коломенских попов. Ростом он велик, высокий и сильный, плечи широкие и толстые, борода плоская и длинная, лицом красив, собою статен и ростом выше всех людей. Речь легкая, чистая и громкая, голос его очень красив, произносит он слова и речи очень сладкие, грамоте хорошо обучен, обладает многими книжными знаниями и легко толкует книги, чтение его сладко и премудро, хорошо говорит по-книжному. Нет никого, похожего на него: и петь умеет, изыщен и премудр в судах, делах и рассуждениях, имеет чистое и плавно льющееся слово и речь, имеет хорошую память на древние повести и книги, духовные и житейские притчи, никто не может так говорить, как он.

И за все это он был избран по желанию великого князя Дмитрия Ивановича его духовником и хранителем печати, и стал поп Митяй духовным отцом великому князю Дмитрию Ивановичу и хранителем печати, которую носил при себе. Приходили к нему на исповедь бояре и вельмо-

жи, пребывал поп Митяй в большой чести и славе от великого князя и ото всех, стал возноситься как царь, имея в услужении много слуг и отроков. И пробыл в таком чине и положении долгие годы, имея большую славу и честь, каждый день менял драгоценные одежды и сиял в этих дорогих одеяниях всем на удивление. Никто не одевался в такие одежды, и никто не менял каждый день дорогих и светлых одежд, как поп Митяй, и все оказывали ему почести, как царю. И что можно еще сказать? Никто не жил в такой чести и славе, как он, так как он был духовником великого князя и распоряжался, как хотел, долгие годы жил он такой жизнью, и все любили его.

Наступила глубокая старость для Спасского архимандрита Иоанна, прозванного Непейца, он был кротким и смиренным человеком, смирил себя ради Бога, по старости оставил архимандритство и удалился в келью для безмолвия. И не было в Спасском монастыре после Непейцы подобного архимандрита, и нуждались в этом все иноки и сам монастырь.

И тогда начались поиски того, кто мог бы стать архимандритом в Спасском монастыре в Москве после Иоанна Непейцы. И стали предлагать то одного, то другого, великий же князь предложил Митяя, так как очень любил его, как и бояре.

Узнал об этом Митяй и не восхотел, великий князь стал говорить ему со смирением и умилением: «Видишь, что митрополит Алексей состарился, и скоро ты станешь митрополитом и господином всея Руси. Сейчас прими иноческий образ и стань архимандритом в Спасском монастыре и моим духовником, как и прежде, и все тебя будут слушаться». Поп Митяй так и поступил, великий князь получил желаемое, вскоре попа Митяя взяли для пострига, и по своей воле, но как бы по принуждению был он приведен в монастырь святого Спаса.

И вошел в церковь святого Спаса, послал за чудовским архимандритом Елисеем, прозванным Чечеткою. В тот же час пришел чудовской архимандрит Елисей, прозванный Чечетка, и постриг попа Митяя в святой ангельский иноческий чин в церкви в монастыре святого Спаса в Москве. Так до обеда был попом мирским и постригся в иноческий чин, а после обеда стал начальником, пастырем и учителем.

И пробыл Митяй архимандритом Спасского монастыря в Москве два года.

После преставления митрополита Алексея он оставил свое архимандритство по совету великого князя и его бояр, взошел на митрополичий двор и стал править на том великом престоле властно и смело, как и подобает править митрополиту.

И по всей митрополии стал собирать Петровскую и Рождественскую дань с церквей, взимал митрополичьи доходы, налоги и оброки, жил и властвовал. И захотел он пойти в Царьград к патриарху, чтобы тот поставил его в митрополиты Руси, и стал размышлять, как этого добиться.

И стал говорить великому князю: «Написано в апостольских правилах: «Два или три епископа поставляют одного». Пусть соберутся 5 или 6 русских епископов и поставят меня в епископы и первосвятители».

Услышав это, великий князь Дмитрий Иванович с боярами поддержали Митяя. Собрались русские епископы, благословились у Митяя после своего прихода.

Пришел и Дионисий, епископ Суздальский, негодуя, и сказал великому князю: «Кто разрешил тебе нарушать законы?! Не подобает такого совершать!» Митяй же, нареченный в митрополиты, увидев, что все выступают против него, и что его замысел терпит неудачу, смутился и заколебался. Кроме того, некие безумные люди ссорили их и доносили нареченному митрополиту Митяю на Дионисия, епископа Суздальского, а Дионисию на Митяя.

Тогда нареченный митрополит Митяй послал к Дионисию, епископу Суздальскому, говоря: «Почему ты пришел в мой город, а ко мне не пришел поклониться и благословиться? Не оказал мне почестей и пренебрег мною, как одним из последних людей».

Разве ты не знаешь, кто я и какую имею я власть над тобою и во всей митрополии?» Дионисий, епископ Суздальский, пришел к нему и сказал: «Присылал ты ко мне, говоря, что властен надо мною, но не имеешь надо мной ты никакой власти, это тебе самому подобает прийти ко мне, поклониться мне и принять у меня благословение. Это я епископ, ты же поп. Если ты имеешь власть во всей митрополии и имеешь право судить, скажи нам истинно на основе Божественных Писаний, кто выше: епископ или поп?» Отвечал Митяй: «Ты назвал меня попом, а я тебя и попом не поставлю! Подожди немного, пока не вернусь от патриарха из Царьграда». Много было ссор и шума между ними.

Узнав об этом, великий князь Дмитрий Иванович разгневался на Дионисия, епископа Суздальского. Митяй же пробыл на митрополичьем дворе в Москве целый год и 6 месяцев, властвуя над всеми, как митрополит. Дионисий, епископ Суздальский, захотел поехать в Царьград, так как сам хотел видеть себя митрополитом, не скрылось его желание от Митяя, и он посоветовал великому князю: «Запрети Дионисию ехать в Царьград, чтобы он там не навредил моему избранию». Князь великий повелел насильно задержать Дионисия. Дионисий, видя, что его насильно удерживают, решил перехитрить великого князя Дмитрия Ивановича,

сказав ему: «Отпусти меня и разреши мне жить, как я хочу, а в Царьград я не пойду без твоего разрешения. Будет поручателем в этом за меня преподобный игумен Сергей Радонежский». Князь великий послушал его и, поверив словам Дионисия, устыдился его поручателя и отпустил епископа Суздальского Дионисия, взяв с него слово, что он не поедет в Царьград без разрешения великого князя, а поручится за него Сергей, игумен Радонежский. Митяй же не поверил Дионисию, епископу Суздальскому, так же как и преподобному игумену Сергию Радонежскому, думал Митяй на Сергия, что он советовал митрополиту Алексию не благословлять Митяя на Рускую митрополию. Сейчас же считал Митяй, что объединились единомышленно преподобный игумен Сергей с Дионисием, епископом Суздальским, и не хотят его поставления в митрополиты. И разгневался на них обоих Митяй, и настроился против них.

Преподобный игумен Сергей сказал: «Молю Господа Бога сокрушенным сердцем, чтобы не попустил он Митяю разорить это святое место и изгнать нас без вины». Дионисий же пошел в Суздаль, а оттуда в Нижний Новгород.

И немного подождал он согласно данному слову, но вскоре отплыл на кораблях по Волге к Сараю, а оттуда к Царьграду. Изменил он своему обещанию, данному великому князю, а поручника своего, преподобного игумена Сергия, выдал.

Опечалился этим великий князь, смутился Митяй и разгневался на Дионисия и на преподобного игумена Сергия, думая, что объединились в своих мыслях Сергей с Дионисием, не желая его поставления в митрополиты.

Князь великий Дмитрий Иванович очень любил Митяя и почитал его, как своего отца, больше всех, во всем слушался его и понуждал его идти к патриарху в Царьград для поставления в митрополиты. Он начал готовиться к путешествию, попросил у великого князя для себя хартию, то есть грамоты без текста, но запечатанные печатью великого князя, чтобы, когда придет в Царьград, были у него на всякий случай эти грамоты без текста, запечатанные печатью великого князя, чтобы при необходимости можно было написать на них. Князь великий дал ему такие грамоты без текста, но запечатанные печатью, и сказал: «Возьми их, и если когда будет недостаток в чем-либо, или какая нужда будет, и потребуется занять у кого-нибудь или тысячу рублей или больше, будет во всем моя долговая расписка с печатью. Митяй начал свое путешествие в 6887 лето от Адама (1387 лето от Христа) в Царьград на поставление в митрополиты. Пошел из Москвы в Коломну, а из Коломны за Оку в Рязань, переправился через Оку месяца июля в 26 день.

И проводили его с большими почестями и славой сам великий князь со своими детьми и боярами, также и все русские епископы и архимандриты, игумены и священники, иноки и купцы, горожане и простой народ.

А с ним вместе отправились в Царьград 3 архимандрита: первый — Иоанн, архимандрит Петровский, он был родоначальник общежития в Москве; 2. Пимен, архимандрит Переяславский из Гориц; 3. Мартин, архимандрит Коломенский; и Дорофей печатник; и Сергей Азаков; и Стефан Высокий; Антоний Копье; Александр, протопоп Московский; Давид протодьякон, называемый Даша Московский; Макарий, игумен Мусолинский; Григорий, дьякон Святой; Григорий, дьякон Чудовский, и многие другие игумены, пресвитеры, дьяконы и иноки, владимирские клирошане, лучшие дворовые люди митрополита, казна митрополита, бояре и простые слуги — то есть все лучшие. А также поехали и бояре великого князя: Юрий Васильевич Кочевин Олешинский, то есть знатный боярин, посол великого князя, кому было поручено старшинство. Митрополичьи бояре: Феодор Шолохов, Иван Артемьев Коробьин и его брат Андрей, Невер Барбин, Стефан Ильин Ковыня, переводчик Василий Кустов и другой переводчик Буил. Их посольство было очень многочисленным, и всю Рязанскую землю прошли они мирно и тихо.

Потом пришли они в Орду, в половецкие и татарские земли, когда они их пересекали, Митяй был задержан со своими сопровождающими Мамаем и немного удержал его Мамай у себя, и затем отпустил его тихо с миром, и повелел проводить его.

И прошли они мирно через всю татарскую землю, и вышли к Кафинскому морю, сели на корабль.

И плыли они по морю, уже переплыли все морские пространства и были уже у берегов Царьграда, видели, что вблизи Царьград, как внезапно Митяй разболелся и умер на корабле.

Некие люди узнали, что корабль тот стоит на одном месте и не двигается ни туда, ни сюда, другие же корабли проплывали мимо него туда и сюда, а он один стоит на одном месте, как Иона в чреве кита. Когда плыл Иона на корабле, море взволновалось, и корабль стал тонуть, а когда Иону бросили в море, то прекратилась морская буря, а корабль спасся от потопления. Также произошло и сейчас: пока Митяй был на корабле, море препятствовало ходу корабля, когда же Митяя сняли с корабля, то сразу корабль освободился и свободно поплыл, куда хотел. И положили тело Митяя на барку меньшего размера, и привезли его мертвого в Галату, где и похоронили его. После смерти Митяя началась большая смута среди сопровождавших Митяя бояр, все разошлись как пьяные, начались между ними распри и разногласия. Одни хотели поставить в митрополи-

ты Иоанна, архимандрита Петровского Московского, а другие — Пимена Переяславского из Гориц, много было разговоров по этому поводу. Когда бояре стали выступать за Пимена, архимандрита Переяславского, то Иван вознегодовал на это и сказал им: «Я, не стесняясь, скажу вам, что вы неправильно поступаете перед лицом Бога и великого князя!» Они же с того времени стали искать удобного случая, чтобы погубить его, стали советоваться об этом между собой. Он же, узнав об этом, сказал им: «Разве вы искренно поступаете, не боясь совершить такое зло?» Они же разгневались на него, взяли и заковали в железные вериги, стали морить голодом и даже хотели утопить.

Такое зло произошло с Иоанном, архимандритом Петровским, знатным и добродетельным человеком, из-за того, что он придерживался иного мнения, чем Пимен и бояре. Затем решили не предавать Иоанна смерти, и постепенно злоба бояр на Иоанна, архимандрита Петровского Московского, утихла.

Пимен вместе с боярами разбирал ризницу и казну Митяя и нашли там грамоту без текста, но запечатанную печатью великого князя. И, посоветовавшись со своими советниками, написал на той грамоте следующее: «От царя и великого князя Руского к царю и патриарху. Посылаю я к вам Пимена, поставьте мне его в митрополиты, его единого избрал на Русь и лучше него иного не нашел».

Прочтена была эта грамота перед всем священным собором и царем. Царь и патриарх ответили Руси, говоря: «Почему пишет так о Пимене русский князь? На Руси должен быть митрополит Киприан, которого уже давно поставил вселенский патриарх преосвященный Филофей. Его и отпускаем мы на Рускую митрополию, кроме него никого нельзя поставить». Русские же взяли на основании той грамоты в долг на имя великого князя серебра у фрязей и бессермен под проценты, и поныне этот долг растет, уже больше 20 000 рублей серебром, и, пообещав многим вознаграждения, раздавая их направо и налево, а подарков и даров никто не может и пересчитать, едва смогли угодить всем.

Тогда царь и патриарх начали расспрашивать Пимена и бывших с ним и после многих испытаний согласились поставить Пимена в митрополиты Руси, говоря: «О русские люди, правду или неправду вы говорите, но мы говорим правду, по правде действуем и совершаем, и верим вам». И тогда преосвященный Нил, патриарх Царьградский, поставил Пимена в митрополиты всея Руси. Дошла об этом весть к великому князю Дмитрию Ивановичу, что «Митяй твой вскоре преставился вблизи Царьграда, а митрополитом стал Пимен».

А некоторые говорили о Митяе, что его задушили, а другие, что его утопили в море, так как все епископы, архимандриты, игумены, священ-

ники и иноки, и все бояре, и простые люди не хотели видеть Митяя митрополитом, только один великий князь хотел этого.

И великий князь Дмитрий Иванович опечалился о смерти Митяя и не захотел принять Пимена, говоря: «Я не посылал Пимена для поставления в митрополиты, но я посылал его как одного из служащих Митяя. Что произошло с Митяем, не знаю, один Бог знает и рассудит неправду, так как я многое слышал о произошедшем событии, а Пимена не принимаю и не хочу его видеть». Митрополит Пимен со своими сопровождающими в то время ожидал в Царьграде, и тогда великий князь послал в Киев своего духовного отца Феодора, игумена Симоновского, к митрополиту Киприану, приглашая его в Москву. И пришли послы в Киев к митрополиту Киприану перед Великим Постом. О приходе митрополита Киприана из Киева в Москву. И пришел Киприан из Киева в Москву в четверг 6-й недели по Пасхе, в самый день праздника Вознесения Христова, в 6888 году. И начали звонить во все колокола, и собрались люди, собралось много народу, отовсюду пришли архимандриты, игумены, священники, иноки, так как многие собрались на праздник Вознесения, зашевелился весь город с женами и детьми, с младенцами и даже с грудными детьми, все вышли навстречу митрополиту далеко за городские пределы. Сам великий князь встретил митрополита далеко от города вместе со своими детьми и всеми боярами с большими почестями и любовью, верой и смирением.

И возвратились обратно в город, собрались в церкви, приложился митрополит Киприан к иконам, и был отслужен молебен, и все насладились духовной любовью.

И было великое торжество в тот день для великого князя и митрополита, все возрадовались и возвеселились в радости, много было роздано милостыни путникам и нищим, и прославили Христа Бога, Ему слава во веки веков, аминь.

И потом по прошествии семи месяцев, когда настал 6889 год (1389 г. от В.Х.), пришла к великому князю весть, что митрополит Пимен отправился из Царьграда на Рускую митрополию, пересекая Орду. Великий князь не захотел его принять и разгневался на своего старшего боярина Юрия Васильевича Кочевина Олешинского.

Когда Пимен был в Коломне, великий князь прислал к нему и повелел снять с него белый клобук, а самого посадить в темницу, а его дружину, советников клирошан развести по одному и заковать в железные вериги. Забрали у него всю его ризницу и казну, приставили к нему надсмотрщиком одного боярина по имени

Иван Григорьев сын Чурилов, прозванного Драницей. И повели Пимена в заточение из Коломны на Охну, минуя Москву.

А из Охны в Переяславль, а из Переяславля в Ростов, а из Ростова в Кострому.

А из Костромы в Галич, а из Галича в Чухлому. И пробыл он в Чухломе один год в заточении, и потом из Чухломы был переведен в Тверь. Господня есть земля и концы ее, здесь и конец Повести о Митяе, о Пимене и о других.

Преставилась княгиня Нижнего Новгорода Василиса. В том же году преставилась в иноческом чине княгиня Василиса, жена князя Нижнего Новгорода Андрея Константиновича, ее иноческое имя было Феодора, похоронена она была в монастыре святого Зачатия, который она сама и построила. Родом она была из Твери, отец ее — Иван Киасовский, а мать — Анна.

Родилась она в 6839 лето от Адама (1339 лето от Христа) в царствование царя Андроника Царьградского, патриархом в то время был Каллист, а в Орде в Сарае правил в то время царь Азбьяк, а на Руси было время княжения великого князя Ивана Даниловича Калиты, митрополитом тогда на Руси был Феогност. Будучи еще отроковицей, она научилась всей грамоте, изучила весь Ветхий и Новый Завет и захотела постричься в иноческий чин. Родители ее воспротивились этому и отдали ее в 12 лет за князя Андрея Константиновича Суздальского и Нижнего Новгорода. И, будучи замужней женщиной, она не обращала внимания на радости мирской жизни, но проводила дни в посте и воздержании, молитве и совершении милостыни, иссушила она свое тело такой суровой жизнью, носила на своем теле под светлой одеждой власяницу. И когда в тридцать лет преставился в иноческом чине ее муж князь Андрей Константинович, его похоронили в церкви святого Спаса, где был похоронен и отец князь Константин.

Княгиня после смерти своего мужа была пострижена в иноческий чин архимандритом Печерским Дионисием и была названа Феодорой. Все свое богатство и имущество: золото и серебро, жемчуг она раздала Церквям, монастырям и нищим, отпустила всех своих слуг. И сама ушла в Зачатьевский монастырь, который сама и основала, пребывала там в безмолвии, жила на доходы от своего рукоделия, проводила свою суровую жизнь в посте и молитвах, в чтении божественных Писаний, в умилении и слезах. Многие жены, вдовы и девицы, боярыни и княгини приняли постриг в ее монастыре, всего насельниц было 110 человек, жили все согласно общежительному уставу, строго и сурово. И, состарившись, она не ослабела телесно от подвига, но в суровом и дивном житии преставилась ко Господу, Которого любила с ранних лет, Которому слава во веки веков, аминь.

В том же году пришли набегом из Волжской Орды Мамай татары к Нижнему Новгороду, князя в то время не было в городе, все люди разбежались, а горожане покинули город и бежали за Волгу.

И в то время пришел из Городца князь Дмитрий, и, видя, что город взят татарами, послал им выкуп за город. Они же выкупа не взяли, а город сожгли, сгорела за грехи человеческие церковь святого Спаса и все ее сокровища, и сгорели ее двери, искусно сделанные из золоченой меди.

И оттуда пошли татары, сражаясь, захватили множество пленных, завоевали Поле Березовое и весь уезд.

В том же году князь Волжской Орды Мамай послал князя Бигича с войском против великого князя Дмитрия Ивановича Московского.

Князь великий, собрав войско, пошел против татар в Рязанскую землю за Оку. Встретилось русское войско с татарами у реки Вожи в Рязанской земле, стояли друг напротив друга, разделяемые рекой Вожею.

В скором времени татары перешли через Вожу, поскакали рысью, издавая боевой клич, на великого князя Дмитрия Ивановича.

Он же со своими воинами крепко стал против них и ударил на них с одной стороны князь Андрей Полоцкий, а с другой стороны — князь Данило Пронский, а сам великий князь Дмитрий Иванович ударил с лица.

И в тот же час татары побежали за реку Вожу, побросав свои копья.

А наши воины погнались за ними, и били они татар, и секли, кололи, рассекали надвое, было убито множество татар, а иные в реке утопили.

Произошло это сражение вечером, бежали татары всю ночь, наутро опустилась густая мгла.

И перед полуднем или чуть позже пошли вслед за ними и зашли далеко.

И нашли в поле опрокинутые их жилища, шатры, кочевые кибитки, юрты и алачуги, и телеги, а в них много имущества.

И, забрав все добычу татар, вернулись они восвояси с корыстью и радостью.

Тогда был убит татарами Дмитрий Монастырев и Назар Даниилов, сын Кусаков.

А из Мамаевых князей были убиты тогда Хазибей, Ковергуй, Карабалук, Костров, Бигич. Произошел этот бой месяца августа в 11 день, на память святого мученика Евпла дьякона в среду поздно вечером.

Тогда же, во время той битвы с Бигичем при Воже, поймали некоего попа Ивана Васильевича, тысяцкого, пришедшего из Орды.

Был тогда Иван Васильевич, тысяцкий, в Орде Мамае, и много произошло нестроений.

И нашли у того попа мешок с ядовитыми зельями, стали его допрашивать и пытаться, а затем отправили в заточение на озеро Лаче, где жил Даниил Заточенник.

Тогда, после этой битвы при Воже, бежали татары, гонимые гневом Божиим.

И вернулись они в Орду к своему царю, но обратились не к царю, а к посланному их князю Мамаю.

Так как их царь, который в то время правил в Орде, не владел ничем и не смел ничего сделать против князя Мамае, и старшинством обладал князь Мамай, и всеми правил в Орде Мамай. И только слышалось имя царя, а все поступки исходили от Мамае, правду сказать, и имя, и слава, и деяния — все тогда принадлежало Мамаю.

О пленении Рязанской земли Мамаем. Тогда князь Мамай, увидев изнеможение дружины своей, а иных князей, и вельмож, и алпаутов убитых, и многих воинов своих убитых, и оскорбился, и опечалился очень, и взъярился в злобе сильной.

И той же осенью, в 6887 лето от Адама (1387 лето от Христа), в месяце сентябре, собрал Мамай князь оставшуюся силу свою, и, собрав воинства много, пошел ратью спешно и без извещения изгоном на Рязанскую землю. А князь великий Олег Иванович Рязанский не ведал о сем ничего.

И когда пришли в землю его татары, не успел собраться и не стал против них на бой, потому что не приготовился.

И перебежал на эту сторону Оки, а города свои бросил.

Татары же, придя, взяли город Дубок и сожгли, и Переславль сожгли, и прочие города пожгли.

И волости, и села повоевали и пожгли, и, многий полон собрав, возвратились восвояси, Рязанскую же землю пустой сотворили.

Олег же Рязанский после отшествия татарского увидел землю свою пустую и огнем сожженную, и богатство его все, и имение татары взяли; и оскорбился, и опечалился очень.

И совсем мало людей, из того полона от татар сбежавших, начали вселяться и жилища строить в земле Рязанской, поскольку вся земля пустая была и огнем сожженная.

В том же году, в месяце сентябре, преставился сын великого князя Дмитрия Ивановича, князь Даниил.

В том же году был великий мятеж в Литве, восстали междуусобно и убили великого князя Кестутя Гедимановича, и бояр его, и слуг его, и

поставили князем Ягайло Ольгертовича. Сын же Кестутия Гедимановича по имени Витовт бежал тогда в Немцы и оттуда много зла сотворил земле Литовской.

Знамение. В ту же зиму, в Филиппово говение, месяца декабря в 5-й день, в воскресенье, на ранней заре, было знамение на небесах: луна померачилась, и в кровь превратилась, и стояла на одном месте, и после этого начала снова светлой являться с полуденной стороны, а померачилась с востока и снова в свою светлость вступила.

Той же зимой князь Андрей Олгердович бежал из Литвы во Псков, а оттуда к Москве, и принял его князь великий Дмитрий Иванович с любовью.

В том же году пошел в Царьград Дионисий, епископ Суздальский, в судах рекою Волгою к Сараю. Сия же повесть прежде написана в повести о Митяе. Поскольку Дионисий с Митяем вражду имели, еще же и сам (он) хотел на митрополичьем столе сидеть, то возбранил ему князь великий Дмитрий Иванович идти в Царьград, чтобы препятствия не сотворил поставлению Митяя на митрополию. Дионисий же епископ перехитрил великого князя Дмитрия Ивановича в том, что не пойдет он в Царьград, и о том взял поруку великому князю от преподобного игумена Сергия Радонежского, и потом преподобного игумена Сергия поручника выдал, и побегал к Царьграду Волгою в судах к Сараю. Тогда увидел князь великий Дмитрий Иванович, что изменил ему Дионисий епископ и поручника своего выдал, преподобного игумена Сергия, и убежал Волгою к Сараю, а оттуда к Царьграду; и оскорбился князь великий об этом, и отпустил Митяя, архимандрита Спасского, к патриарху в Царьград ставиться в митрополиты на Русь. Митяй же посуху пошел с Москвы к Коломне, с Коломны на Рязань, с Рязани к Орде Мамаевой. Был же в Орде Мамаевой царь, но ничем не владел по сравнению с Мамаем князем, ибо только назывался царем, но и это имя малым и худым было, ибо вся слава и действия Мамаевы были. И много нестроения бывало в Орде, и многих князей татарских поубивали, пока не было главы у них, и от острия меча умирали, и оскудевала Орда от великой силы своей. Митяй же в Орде у Мамаея ненадолго удержан был и снова отпущен, и прошел всю землю Татарскую с миром и с тихостью, ибо повелел его Мамай проводить татарам своим. И пришли к морю Кафинскому, и отпустил (он) татар Мамаевых, которые проводили его, обратно к Мамаю. И возшел Митяй со всеми своими на корабль; и плывя по морю, и уже близ Царьграда (будучи), так что (можно уже было) видеть весь Царьград, и разболелся Митяй в корабле, и преставился, и положили его в Галате. И так сбывается по написанному: «ни хотящему, ни текущему, но милующему Богу», так как князь великий Дмитрий Иванович хотел, а Митяй

пошел, и оба старались одно дело сотворить, и ни в чем же не преуспели, Богу хотящу, ими же судьбами вестъ Той един.

В том же году повелением великого князя Дмитрия Ивановича преподобный игумен Сергей создал монастырь на реке Дубенке на Стромыни, и поставил в нем церковь Успения Пресвятой Богородицы, и игумена привел из своего монастыря, из святой Троицы, именем Леонтия.

И освящена была церковь месяца декабря в 1-й день; и иноков собрал, и монастырь устроил со всем; обогатил же его и удоволил князь великий Дмитрий Иванович всем потребным во славу Христу Богу и Пречистой Его Матери Богородице, на спасение души своей и на сохранение державы своей.

Той же зимой князь великий Дмитрий Иванович собрал воинов многих и послал ратью брата своего из двоюродных, князя Владимира Андреевича, да князя Андрея Ольгердовича Полоцкого, да князя Дмитрия Ивановича Волынского, и иных воевод, и бояр, и вельмож многих, и отпустил их месяца декабря в 9-й день, в пятницу, на Литовскую землю.

Они же, пойдя, взяли города Трубчевск и Стародуб, и иные страны многие, и волости повоевали, и возвратились со многим богатством восвояси.

А князь Дмитрий Ольгердович Трубчевский не стал на бой, не поднял руки против великого князя, но со многим смирением вышел из града, и с княгинеею своею, и с детьми своими, и с боярами.

И пришел на Москву договариваться с великим князем Дмитрием Ивановичем, и заключил с ним договор, и клятву дал.

Князь же великий утвердил его клятву и договор, и принял его с честью великою и со многою любовью, и дал ему город Переславль со всеми пошлинами.

Той же зимой вятчане, пойдя ратью в Арскую землю, избили разбойников ушкуйников, и воеводу их поймали Ивана Рязанца, Станиславова сына, и убили.

Тем же летом пошел из Орды Иван Васильевич, тысяцкий, и, обольстив его и перехитрив, схватили его в Серпухове и привели его на Москву.

И месяца августа в 30-й день, на память святого мученика Филикса, во вторник до обеда, в 4-й час дня, убит был Иван Васильевич, тысяцкий, мечом посечен был на Кучкове поле у города Москвы повелением великого князя Дмитрия Ивановича. И было множество народа стоящего, и многие прослезились о нем, и опечалились о благородстве его и о величестве его. Ибо на многих сынов человеческих сатана изначала простер сети свои злодейственные: и высокомерие, и гордость, и неправду вселил

в них, и научил их друг на друга враждовать и завидовать, и властям не покоряться. Ибо глаголет Апостол: «Никтоже о себе честь приемлет, но званный от Бога», и «В неже, кто зван бысть, в том да пребывает», и «Все убо, и владущии, и послушнии, и господствующии, и рабствующии во смирении и в любви да пребывают. Весь бо закон во смирении и в любви есть» и «Любовь покрывает множество грехов», и «Пребываяй в любви, в Бозе пребывает, а Бог в нем пребывает, понеже Бог любовь есть», «Темже, рече, друг друга любите, Бога бойтесь, царя чтите; раби, повинуйтесь во всяком страхе владыкам, но токмо благим и кротким, но и строптивым. Се бо есть благодать, да о всем славится Христос Бог, Ему же слава во веки веков. Аминь».

В 6888 лето от Адама (1388 лето от Христа)

Было Благовещение в Великий день, а прежде того было (так же) восемьдесят четыре года назад на Великий день, а после этого будет через восемьдесят лет без одного года Благовещение на Великий день. В том же году упала церковь каменная в Коломне, уже почти дошедшая до завершения, которую создал князь великий Дмитрий Иванович.

Тем же летом месяца июня в 15-й день освящена была соборная церковь во имя Святой Троицы в городе Серпухове, которую создал князь Владимир Андреевич, внук Иванов, правнук Данилов, праправнук Александров, препраправнук Ярославов, пращур Юрия Долгорукого.

Повесть полезная о бывшем чуде, которое помощью Божиею и Пречистыя Его матери Богородицы, и угодника их святого чудотворца Петра, митрополита Киевского и всея Руси, и преподобного игумена Сергия чудотворца, и всех святых молитвами: князь великий Дмитрий Иванович с братом своим из двоюродных, с князем Владимиром Андреевичем, и со всеми князьями рускими на Дону посрамил и прогнал Волжской Орды гордого князя Мамай, и всю Орду его со всею силою их нечестивою избил. Волжской Орды нечестивый и гордый князь Мамай, всею Ордою владевший, многих князей и царей избил и поставил себе царя по своей воле. Тогда же снова во многом смущении был, и не доверял он никому, и вновь многих князей и алпаутов избил в Орде своей.

Тогда же и самого царя своего убил, которого только по названию имел в Орде своей царем, а сам же всем владел и все творил. И увидев, что любят татары царя своего, и убоился, что вдруг отнимет у него власть его и волю его, и того ради убил его, и всех верных его и любящих его.

Гневался же и на великого князя Дмитрия Ивановича, и на брата его, что из двоюродных, на князя Владимира Андреевича, и на князя Даниила Пронского, что избili друзей его, и любовников его, и князей его, и ал-

паутов его в Рязанской земле, на реке Воже. И об этом скорбел очень: и лицо свое обдирал, и ризы свои растерзал, и глагола: «Увы мне, увy мне! Что сотворили русские князья надо мною? Как меня срамоте и стыду предали? Как мне поношение, и поругание, и смех сотворили перед всеми? Как могу избежать этого поношения и бесчестия?» И много об этом сетовал, и скорбил, и плакал, и недоумевал, что бы ему сотворить.

И говорили ему, утешая его, советники его: «Видишь ли, великий князь, а более того — великий царь, Орда твоя оскудела, и сила твоя изнемогла. Но имеешь богатство и имения без числа многие; найми фрягов, черкасов, ясов и других к ним, и воинство соберешь многое, и отмстишь за кровь князей своих, и алпаутов своих, и друзей своих, и любовников своих, так же, как сотворил над Олегом, Рязанским князем: все города его и волости пожег, и всю землю его пустой сотворил, и всех людей его в полон вывел; так же сотворишь и над князем Дмитрием Московским».

Нечестивый же и гордый князь Мамай, когда услышал сие от советников своих, то возрадовался радостью великою, надеясь корысть многую обрести; и возгордился, и вознесся в уме своем гордостью великою, и хотел вторым царем Батыем быть и всю землю Рускую пленить. И начал пытаться узнать из старых историй, как царь Батый пленил Рускую землю и всеми князьями владел, как хотел. И расспросив, и узнав от всех своих подлинно, и начал гордиться, и вознесся гордостью своею выше всех в безумии своем.

И мнил себя таким же, как древний Навуходоносор Вавилонский и Тит, царь Римский, пленившие Иерусалим, и царь Батый, пленивший всю Рускую землю и всеми странами и всеми ордами владел, так же и Мамай мыслил в уме своем, более же в безумии своем. И начал всех своих ласкать и дары многие давать, дабы с ним соглашались и готовы были Русь воевать, а именно-великого князя Дмитрия Ивановича Московского. И сошлись к нему из многих стран татары, надеясь на ласкание его и дары, он же давал обильно всем.

И послал во многие страны, нанимая фрягов, черкасов, ясов и иных к тем, и собрал воинства много.

И пошел на великого князя Дмитрия Ивановича, словно лев ревуший, и словно медведь пыхтящий, и как демон гордящийся. И перевезлись через реку Волгу со всеми силами.

И пришел на устье реки Воронежа, и тут остановился с силами своими, кочуя. И было воинства его очень много, и поэтому назывался не великий князь Мамай, но от всех ближних его назывался великий царь Мамай, и гордость была великая, и ожидания выше меры.

Тогда же Олег, князь Рязанский, услышал, что Мамай кочует на Воронеже в пределах его рязанских и хочет идти на великого князя Дмитрия Ивановича Московского.

И послал Олег, князь Рязанский, посла своего к царю Мамаю нечестивому с великою честью и с дарами многими, и ярлыки многие свои написал к нему такие: «Восточному вольному великому царю Мамаю. Посажённый тобою и присягнувший тебе Олег, князь Рязанский, много тебя молит. Слышал я, господине, что хочешь пойти и утратить своего слугу, князя Дмитрия Ивановича Московского. Ныне, всесветлый царь, пришло твое время: золота и богатства много. А князь Дмитрий, христианин, когда услышит имя ярости твоей, убежит в дальние места, или в Великий Новгород, или на Двину, и тогда богатство московское все в твоих руках будет. Меня же, раба твоего Олега Рязанского, милости сподобь. Ещё же, царь, молю тебя: поскольку оба мы твои рабы, но я со смирением и покорением служу тебе, он же с гордостью и непокорением к тебе, и многие и великие обиды я, твой улусник, принял от того князя Дмитрия; но ещё, царь, и не только то одно, но ведь когда за свою обиду твоим именем царским пригрозил ему, а он и о том не озаботился. Ещё же и город мой Коломну захватил. И о том обо всем тебе, царь, молюсь и челом бью, да накажешь его, чтобы чужого не похищал».

Также после сего послал тот Олег, князь Рязанский, к великому князю Ягайлу Олгердовичу Литовскому, говоря так: «О радостном пишу тебе, великий княже Ягайло Литовский! Ведаю, что издавна ты мыслил московского князя Дмитрия изгнать, а Москвою овладеть. Ныне же пришло время нам, так как великий царь Мамай грядет на него со многими силами. Присоединимся к нему. Но я послал своего посла к нему с великою честью и с дарами многими. Ещё и ты пошли своего посла, также с честью и с дарами и напиши к нему послание свое, о чем сам знаешь более меня».

Ягайло же, услышав сие, рад был и горячо похвалил, и поблагодарил друга своего Олега, князя Рязанского, и послал своего посла к царю Мамаю с великими дарами и молением, и челобитьем, и написал к нему так: «Восточному вольному великому царю Мамаю князь Ягайло Литовский, по твоей милости присяжник твой, много тебя молит и челом бьет. Слышал, господине, что хочешь утратить свой улус, своего слугебника московского князя Дмитрия. Того ради молю тебя, царь, ибо знаю, что великую обиду творит князь Дмитрий Московский твоему улуснику, князю Олегу Рязанскому, да и мне пакости также делает многие. Поэтому оба молим тебя, всесветлый вольный царь, да накажешь его, чтобы не творил такой неправды, да подвигнешься сам, царь, и, придя, увидишь наше смирение, а его гордость, и тогда ура-

зумеешь, (что) смирение наше лучше грубости от московского князя Дмитрия».

Такое замыслили про себя Олег Рязанский и Ягайло Литовский: «И когда услышит князь Дмитрий цареву имя и нашу присягу к нему, то убежит из Москвы в дальние места: или в Великий Новгород или на Двину, а мы сядем на Москве и во Владимире, и когда царь придет, то мы его с большими дарами встретим и умолим его, да возвратится царь восвояси, а мы княжение Московское разделим себе по цареву повелению надвое, часть к Вильне, часть к Рязани, и даст нам царь ярлыки и роду нашему после нас». Так замыслили в безумии своем, не помянув сказанного: «Аще сотвориши зло искреннему своему, тая же и сам восприимеши» и еще говорится: «Не сотвори соседу своему зла и не копай под ним ямы, да и тебя Бог в горшее не отвержет».

Пришли же послы к царю Мамаю от Олега, князя Рязанского, и от Ягайла, князя Литовского, с дарами и с грамотами, и царь Мамай воспринял дары с любовью, и грамоты прослушал, и послов, почествовав, отпустил, и написал к Ягайлу, князю Литовскому, и к Олегу Рязанскому так: «Если хотите улуса моего, земли Руской, тем всем жалую вас, моих присяжников и улусников. Но только присягу имейте ко мне нелицемерную и встретьте меня с своими силами, где успеете, чести ради и величества моего; ведь мне ваша помощь не нужна, но я бы хотел своею силою древний Иерусалим пленить, как и Навуходоносор, царь Вавилонский, и Антиох, царь Антиохийский, и Тит, царь Римский. Но обиды ради вашей и честь вам воздавая моим величеством, жалую вас, моих улусников, и от насиловства и обиды избавлю, и скорбь вашу утолю, если нелицемерную присягу и присоединение будете иметь ко мне. И тогда только имени моего величества устрасится улусник мой Московский князь Дмитрий и убежит в дальние и непроходимые места; да и ваши имена, моих улусников, в тех странах прославятся, и моему имени достойная честь возвеличится, и страх величества моего ограждает и управляет улусами моими, и не позволяет никого обижать без моего царского веления. А чтобы пленять и побеждать — мне самому, великому царю, не пристойно: ибо мне достойно своим царским величеством и столькими несчетными силами, и крепкими и удалыми богатырями не сего победить, ибо тот есть мой улусник и служебник, и достаточно тому только страха передо мной. Но подобает мне победить подобного себе, некоего великого и сильного, и славного царя, как царь Александр Македонский победил Дария, царя Персидского, и Пора, царя Индийского, таковая победа моего царского имени достойна, и величество мое прославится по всем землям. Так князьям своим, а моим улусникам и присяжникам нелицемерным, и скажите».

Послы же их возвратились и передали им все сказанное Мамаем. Они же, будучи безумными, возрадовались о суетном этом привете Мамаеве, не ведая, что Бог дает власть, кому захочет. Не помянули реченного Господом: «Кая полза человеку, аще весь мир приобрящет, а душу свою отщтит, сииречь погубит?» Ибо проходит житие сие и царство из рода в род и от народа к народу, а человек, сотворивший зло, мучится вовеки, не имея помощи от приобретения всего мира. Они же безумием своим были поглощены, ища земного и тленного приобретения, словно скот.

Тогда пришла весть на Москву к великому князю Дмитрию Ивановичу, что: «князь Мамай Волжской Орды уже не (просто) князем зовется, но великим сильным царем, и стоит на Воронеже, кочуя с большой силою, и хочет на тебя идти ратью».

Слышав же сие, князь великий Дмитрий Иванович оскорбился и опечалился очень, и пошел в соборную церковь, и припал со слезами к образу Пречистой Богородицы письма Луки евангелиста и к гробу великого чудотворца Петра, митрополита всея Руси, и благословился у отца своего Киприана, митрополита всея Руси, и сказал ему о Мамаевом нахождении.

Тогда ведь, в том году, Киприан митрополит впервые пришел из Киева в Москву, придя прежде в Киев; много лет назад поставлен был в Царьграде на Русь в митрополиты, еще при жизни Алексия. И прислал к великому князю Дмитрию Ивановичу на Москву, глаголя: «Патриарх меня поставил митрополитом на Русь».

Князь же великий отказал ему, говоря: «Есть у нас митрополит Алексий, и мы, кроме него, иного не приемлем». Киприан же в Новгород и во Псков послал, и отвечали ему и те так же. Он же жил в Киеве даже и до преставления блаженного Алексия митрополита.

По преставлении же Алексия хотел князь великий Дмитрий Митяя, архимандрита Спасского, видеть на митрополичьем столе в Москве, и возведен был Митяй на двор митрополичий.

Также потом пошел из Москвы к патриарху в Царьград ставиться в митрополиты, его же честно сам князь великий проводил со всеми боярами своими. Он же, немного не дойдя до Царьграда, преставился.

Пимен же, архимандрит переславский, из Гориц, тогда послан был среди служащих Митяя, и видя преставившимся Митяя, начал мыслить (взойти) на митрополию Рускую, готовым имея все посланное с Митяем; и так был поставлен в Царьграде от патриарха в митрополиты на Русь.

И об этом скоро пришла весть к великому князю в Москву, и не захотел его князь великий, глаголя: «Я послал Пимена как служащего Митяю, а не в митрополиты».

И так послал в Киев отца своего духовного Феодора, игумена Симоновского, в месяце марте за Киприаном митрополитом, зовя его с великою честью на Москву.

И пришел Киприан из Киева в Москву в четверг 6 недели по Пасхе, в праздник Вознесения Христова, и встретил его князь великий с детьми своими и с боярами, и со всем народом со многою честью.

И тут через некоторое время пришла весть о нашествии окаянного Мамай. И сказал митрополит сыну своему: «Испытай достоверно, и если так и есть, собирай воинство, чтобы не нашли тебя не готовым».

Он же начал собирать воинство многое и силу великую, объединяясь с великою любовью и со многим смирением с князьями рускими и теми князьями местными, что были в их подчинении.

Послал же и к брату своему, к великому князю Михаилу Александровичу Тверскому, прося помощи. Он же вскоре послал силу и отпустил к нему в помощь племянника своего князя Ивана Всеволодовича Холмского, внука Александрова, правнука Михайлова, праправнука Ярослава Ярославича.

Также послал за братом своим из двоюродных, за князем Владимиром Андреевичем; ибо тогда он в своей был отчине, в Боровске, откуда вскоре пришел на Москву к великому князю. И тут вновь пришли иные вести, глаголющие, что Мамай действительно грядет с великою яростью и со многой силой.

Князь же великий оскорбился и опечалился очень, и стал в спальне своей перед иконою Господня образа, который у изголовья его стоял, и, молясь, так говорил: «Владыко, Господи Иисусе Христе, Боже милостивый и человеколюбивый! Если я, многогрешный раб Твой, смею, молюсь Тебе в печали моей, ибо на Тебя воздвигаю печаль мою, милостивый владыко Господи! Не сотвори нам такого, как на прадедов наших навел злого Батые: ибо, Господи, и тому страху и трепету в нас еще великому сущу, и ныне, Господи, не до конца прогневайся на нас. Ибо знаю я, Господи, что из-за меня хочешь всю землю погубить: я ведь согрешил пред Тобою более всех людей; но сотвори мне, Господи, милость ради слез моих!»

И после молитвы вышел из спальни своей, и взял брата своего князя Владимира Андреевича, и пошел к отцу своему Киприану, митрополиту всея Руси, и сказал ему: «Действительно, отче, грядет на нас нечестивый Мамай с яростью во многой силе». Митрополит же начал утешать его и укреплять, так глаголя: «Не смущайся убо о сем, господине и сыне мой възлюбленный! Многи убо скорби праведным, и от всех их избавить я Господь, и показуя наказа мя Господь, смерти же не предасть мя. Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех, обретших ны зело. Повеждь ми, сыне, истину: чим еси к нему не исправился?» Князь же

великий сказал: «Испытал, отче, обо всем подробно и не повинен перед ним ни в чем; ведь договор мой есть с ним, и по тому договору даю ему, и так не повинен перед ним ни в чем». И когда так они беседовали, и вдруг внезапно пришли татары, послы от Мамаю, к великому князю Дмитрию Ивановичу на Москву, прося выхода, как было при царе Азбяке и при сыне Азбякове Чянибеке, а не по своему мирному договору, как уговор был с ними. Князь же великий давал ему по своему договору; он же просил, как было при древних царях. Князь же великий так не давал.

Послы же Мамаевы гордо разговаривали и поведали, что Мамай близко стоит, в поле за Доном со многою силою.

Князь же великий все сие поведал отцу своему Киприану, митрополиту всея Руси. Он же сказал: «Видишь ли, господине, сын мой возлюбленный о Господе, Божьим попущением за наши согрешения идет пленить землю нашу. Но вам подобает, православным князьям, тех нечестивых дарами утолять, в четыре раза увеличив, чтобы в тихость, и в кротость, и в смирение пришли. Если же и так не укротится и не смиритсся, тогда Господь Бог смирит его. Ибо написано: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать. Так же случилось великому Василию в Кесарии, когда злой отступник, Юлиан царь, шел на Персов, и хотел разорить город его Кесарию, и всех жителей его мечу предать.

Великий же Василий помолился Господу Богу со всеми сущими с ним христианами, и собрал много золота, хотя дать царю Юлиану, чтобы утолить и успокоить ярость его. Господь же, видя несмирившееся сердце Юлианово, и послал на него воина своего святого Меркурия, повелев его злой смерти предать. И так убит был окаянный Юлиан царь Божьею силою. Ибо так Господь повелел христианам творить со смиренною мудростью, как глаголется в Евангелии: «Будьте мудры, как змеи, и кротки, как голуби». Ибо змеиная мудрость такова есть: чуть только некая ей беда приключится, когда будет от кого-нибудь избиваема и уязвляема, тогда все тело свое дает на язвы и биение, голову же свою изо всей силы оберегает. Так же и всякий христианин о Христе — когда тесное и нужное время приключится ему, гонимый и уязвляемый, избиваемый, мучимый, все свое отдает, золото и серебро, и имущество, честь и славу; в великой нужде и тело свое допускает ранимым быть, голову же свою, которая и есть Христос, и в Него вера христианская, сохраняет со всяким опасением, любви Его ради и веры. Ведь так повелел Господь мудро устраивать и исправлять; если владений и имений, и золота, и серебра ищут гонящие — отдайте им, сколько имеете. Если же чести и славы хотят, дайте им; но если веру вашу отнять хотят — стойте крепко за сие и сохраняйте со всякой осторожностью. И ты, господине, сколько можешь собрать

золота и серебра, пошли (это) к нему и исправься перед ним, и укроти ярость его».

Князь же великий Дмитрий Иванович, послушав отца своего Киприана, митрополита всея Руси, и по совету его послал избранного для такого дела по имени Захария Тютчева, дав ему двух толмачей, умеющих на татарском языке, и золота и серебра много отпустил с ним к царю Мамаю.

Дошел же посол до земли Рязанской и услышал, что Олег, князь Рязанский, и Ягайло Литовский присоединились к царю Мамаю, и послал тайно скорого вестника к великому князю в Москву.

Услышав же об этом, князь великий и оскорбился, и опечалился очень, и взяв с собою брата своего, который из двоюродных, князя Владимира Андреевича, и пошел к отцу своему Киприану, митрополиту всея Руси, и поведал ему, что Ягайло, князь Литовский, и Олег, князь Рязанский, объединились с Мамаем на нас.

Киприан же митрополит сказал: «Ты, господине, сын мой о Христе, каковые обиды сотворил им?» Князь же великий Дмитрий Иванович, прослезившись, сказал ему: «Я ведь, отче, согрешил и не достоин жить, с ними же ни единой черты по закону отцов своих не преступил. Ибо знаешь, отче, сам, что доволен я пределами своими и чужих не желаю похищать, и им ни единой обиды не сотворил — не знаю, из-за чего восстали на меня».

Глаголал ему митрополит: «Аще тако есть, не скорби, не смущайся. Господь ти заступник и помощник есть, яко Господь правду възлюби и по правде поборае, и правда от смерти избавляет. Не просто же убо действуй, да не внезапно напрасно искрадут тя. Но собирай воинства и по всем землям со всяким умилением, и смирением и любовию послы, да снудутся вси человецы, и много умножится воинства, и тако не со единым смирением станешы, но со смирением и страх совокупиши и возразиши и устраиши сопротивляющая ти ся».

Князь же великий по всем землям послал со смирением и умилением, собирая всех людей в воинство, и отложил скорбь и печаль от сердца своего, но возложил печаль свою на Господа, и на Пречистую Его мать, и на святого чудотворца Петра, и на всех святых. Как Господь хочет, так и творит. Ибо воле Его кто воспротивится? Нам же подобает просить прощения грехов своих и милости от Него. Он же творит все на пользу и на спасение нам.

И творил князь великий милостыню по монастырям и по церквам, странникам и нищим. Ненадолго же настала тишина отовсюду. И когда великий князь был на пиру у Микулы Васильевича, тысяцкого, с братом

своим, с князем Владимиром Андреевичем, и со всеми тогда пришедшими князьями и воеводами, и тут вновь начали появляться вести, что Мамай неотложно хочет идти на великого князя Дмитрия Ивановича. Он же с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, и с прочими князьями и воеводами посоветовавшись, умыслил стражу крепкую приготовить в Поле.

И послал на стражу крепких воинов: Родиона Ржевского, Андрея Волосатого, Василия Тупика и иных крепких и мужественных на это дело, и повелел им на реке Быстрой, или на Тихой Сосне стеречь со всеми предосторожностями, и под Орду ехать — языка добывать, и истинно разведать о Мамаевых намерениях.

А сам князь великий Дмитрий Иванович вновь в тот час по всем землям гонцов разослал с грамотами, чтобы готовыми, были (выйти) против татар и собираться всем в Коломне месяца июля в 31-й день, на память преподобного Евдокима.

Сам же начал собираться и готовиться с пришедшими тогда князьями; и сходилась воинства много; вестей же не было ниоткуда, а посланные в Поле сторожить — запаздывали, и не было от них вестей никаких.

Князь же великий послал в поле второй сторожевой отряд: Климента Полянина, Ивана Святослава, Григория Судока и иных с ними и приказал им скорее возвращаться.

Они же встретили Василия Тупика, ведущего языка к великому князю, что действительно идет царь на Русь, соединясь с Олегом, князем Рязанским, и с Ягайлом, князем Литовским, и еще не спешит царь, но ждет осени, чтобы соединиться с Литвою.

Князь же великий Дмитрий Иванович узнал истинно, что по правде грядет на него царь Мамай со многою силою, и начал утешать и укреплять брата своего князя Владимира Андреевича и прочих князей, и бояр, и воевод, чтобы крепкими и мужественными были против татар. Они же все единодушно возопили: «Готовы мы о Христе пострадать, за христианскую веру и за твою обиду». И повелел всем людям быть в Коломне месяца августа в 15-й день, на Успение Пресвятой Богородицы, и там назначить каждому полку воеводу.

И сошлись многие со всех сторон на Москву к великому князю. И пришли князья белозерские, крепкие и мужественные, на брань с воинствами своими: князь Феодор Семенович, князь Семен Михайлович, князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргопольский и Цыдонский; пришли же и андомские князья.

Также пришли ярославские князья со всеми силами своими — князь Андрей и князь Роман Прозоровские, князь Лев Курбский, князь Дмитрий

Ростовский, — и князя устюжские, и иные многие князья и воеводы со многими силами.

Восхотел же князь великий идти в монастырь к Живоначальной Троице и преподобному игумену Сергию, и, пойдя, благословился у отца своего Киприана, митрополита всея Руси. И пришел в монастырь месяца августа в 18-й день, на память святых мучеников Флора и Лавра, и захотел возвратиться поскорее, потому что многие начали его торопить вестники, сообщающие о Мамаевом нашествии. Преподобный же игумен Сергей уговорил его поест у него хлеба на трапезе: «Да подадут тебе — сказал — Господь Бог и Пречистая Богородица помощь, и не пора еще победы венец с вечным сном носить тебе, прочим же многим без числа готовятся венцы с вечною памятью».

И повелел освященную воду приготовить, и после восстания от трапезы благословил крестом, и окропил освященною водою великого князя, и сказал ему: «Почти дарами и честью нечестивого Мамая, чтобы увидел Господь Бог смирение твое; и вознесет тебя, а его неукротимую ярость и гордость низложит». Он же сказал: «Все сие сотворил ему, отче. Он же еще более с великою гордостью возносится». Преподобный же сказал: «Если же так и есть, то ждет его окончательное погубление и запустение, тебе же от Господа Бога, и Пречистыя Богородица, и святых его — помощь, и милость, и слава».

И начал князь великий просить у него Пересвета и Ослябя, мужества их ради и полки умеющих снаряжать, говоря так: «Отче, дай мне двух воинов от своего полка чернеческого, двух братьев — Пересвета да Ослябя. Ибо сии известны всем как ратники великие и богатыри крепкие и хорошо разбираются в воинском деле и снаряжении».

Преподобный же Сергей повелел им поскорее приготовиться на дело ратное. Они же от всей души послушание сотворили преподобному Сергию и никак не отказались от повеления его.

Он же дал им вместо тленного оружия — нетленное, крест Христов, нашитый на схимах, и сие повелел им вместо шлемов возлагать на головы свои и крепко бороться за Христа на врагов Его.

И дал их в подчинение великому князю Дмитрию Ивановичу, говоря ему так: «Вот тебе, княже, мои оруженники, твои же помощники, которых захотел, чтобы с тобою были в прилучившихся напастях в это время бедное сие и нужное время».

И рече им: «Мир вам, братия моя възлюбленная во Христе, Пересвете и Ослябя! Постражите, яко добрии воины Христовы, понеже время ваша купли прииде».

И благословил крестом, и окропил освященною водою великого князя и тех своих двух иноков, Пересвета и Ослябя, и всех князей, и бояр, и воевод.

И глаголал великому князю: «Господь Бог будет тебе помощник и заступник, и Тот победит и низложит супостатов твоих и прославит тебя». Князь же великий принял благословение от преподобного и возвеселился сердцем, что сказал ему преподобный Сергей: «Господь Бог будет ти помощник и заступник, и Тот победит и низложит супостаты твоя, и прославит тя». И сие держал в уме своем, словно некое сокровище, и не поведал никому.

И придя в город Москву, благословился у отца своего Киприана, митрополита всея Руси, и поведал ему одному, что сказал ему преподобный Сергей. Глаголал ему митрополит: «Не поведай сие никому, пока Господь к благому не приведет».

Князь же великий Дмитрий Иванович озаботился и приготовился во всем, и вошел в соборную церковь, и пал ниц перед образом Пречистыя Богородицы, которую Лука евангелист написал, молясь, чтобы помощь получить на врагов. Также пошел ко гробу святого чудотворца Петра и припал со слезами, и молился получить помощь и заступление от врагов и низложить гордость их и суровство. И окончив молитву, пошел к отцу своему Киприану, митрополиту всея Руси, прощения и благословения прося. Митрополит же простил его и благословил, и осенил его честным крестом, и окропил его освященною водою.

И послал пресвитеров и дьяконов многих с честными крестами и с освященною водою в Никольские, и во Флоровские, и в Константино Еленинские ворота — благословлять всех, чтобы всякий воин благословился им и освященною водою окропился.

Князь же великий пошел в святую церковь святого архистратига Михаила, и у икон осенил себя крестным знаменiem и помолился, и у гробов родителей своих простился и благословился.

И вышел из церкви, и, сев на коня, пошел к Коломне. Брата же своего князя Владимира Андреевича отпустил на Брашеву дорогу, а белозерских князей — Болвановскою дорогою с воинством их.

А сам князь великий пошел дорогою на Котел со многими силами. И было, что ему впереди солнце грело, а сзади за ним кроткий и тихий ветер веял и дышал. Разделились же ради того на разные дороги, что не вмещались все единою дорогою идти.

Взял же тогда князь великий с собою десять мужей, сурожан-купцов, чтобы видели: если что Бог приведет, то должны будут поведать в даль-

них землях, так как они путешествуют с земли на землю и известны всем — и в ордах, и у фрягов. И по другой причине: если что случится, пусть сии сотворят по обычаю их. Сих же имена: Василий Капица, Сидор Елфериев, Константин, Козма Коверя, Семион Антонов, Михайло Саларев, Тимофей Весяков, Дмитрий Черной, Дементий Саларев, Иван Ших. И пришел князь великий в Коломну в субботу, месяца августа в 28-й день, на память преподобного отца нашего Моисея Мурина. Прежде же великого князя сошлись там воеводы многие и встретили великого князя на речке на Северке. И Герасим, епископ Коломенский, встретил его в городских воротах с крестами.

Повелел же князь великий наутро рано в воскресенье всем князьям, и боярам, и воеводам выехать на Поле и назначил каждому полку воевод.

И взял князь великий к себе в полк белозерских князей с воинством их: ибо были удалые очень и мужественные, а в правую руку назначил брата своего князя Владимира Андреевича, дав ему в полк ярославских князей с воинством их. А в левую руку назначил князя Глеба Брянского. В передовой же полк назначил Дмитрия Всеволожского да Владимира Всеволожского.

Коломенского же полка воевода — Микула Васильевич, владимирского же и юрьевского воевода — Тимофей Валуевич, костромского же воевода — Иван Родионович Квашня, переславского же воевода — Андрей Серкизович, а у князя Владимира Андреевича воеводы: Данило Белоус, Константин Кононович, князь Феодор Елецкий, князь Юрий Мещерский, князь Андрей Муромский.

Князь же великий, снарядив полки, вошел в церковь и помолился Господу Богу, и Пречистой Богородицы, и всем святым, и благословился у Герасима, епископа Коломенского, говоря: «Благослови меня, отче, идти против татар». Герасим же, епископ Коломенский, благословил его и все воинство его сражаться против нечестивых татар.

И пошел князь великий из Коломны со многими силами, и, придя, стал у Оки на устье Лопасни-реки. И туда пришел к нему великий его воевода Тимофей Васильевич, тысяцкий, внук Васильев, правнук Вениаминов, со многим воинством, которое оставалось на Москве.

И тут, выслушав все вести, повелел им через Оку-реку переправляться и приказал каждому полку, говоря так: «Если кто пойдет по Рязанской земле, пусть никто ни к чему не прикасается и ничего не возьмет ни у кого, и ни единого же волоса не коснется».

А на Москве оставил у отца своего Киприана, митрополита всея Руси, и у жены своей, у великой княгини Евдокии, и у сыновей своих, у Василия и у Юрия, воеводу своего Феодора Андреевича.

И перешло все воинство его через Оку-реку в день воскресный, и на завтра в понедельник и сам переправился. И была ему печаль, что мало пешей рати.

И оставил у Лопасни великого воеводу своего Тимофея Васильевича, тысяцкого, чтобы если из пешей рати кто или из конной пойдет за ним, проводил бы их безошибочно.

И никто из тех ратных, идя по Рязанской земле, да не прикоснется ни к чему и ничего не возьмет ни у кого. И повелел сосчитать силу свою, сколько их есть, и было их больше двухсот тысяч.

Услышано же было на Москве у митрополита и у великой княгини Евдокии, и во всех городах и народах, что князь великий со всеми князьями и со всеми силами переправился за Оку-реку в Рязанскую землю и пошел на бой. И начали скорбеть и сетовать все, глаголя со слезами: «Почто пошел за Оку? Если и сам Божьею благодатью сохранен будет, но многие из воинства его всяко погибнут». И об этом все, скорбя, плакали неутешно.

Услышал же об этом князь Олег Рязанский, что князь великий Дмитрий Иванович Московский переправился за Оку-реку и идет против Мамаю со многими силами, и смутился об этом, говоря: «Что это он творит, и откуда к нему такие силы собрались? Мы чаяли, что он убежит в дальние места, или в Великий Новгород, или на Двину. Он же ныне грядет против такого сильного царя. Но как об этом дам весть другу своему великому князю Ягайлу Олгердовичу Литовскому: ведь не дадут нам ссылаться, заняли пути все».

И глаголали ему бояре его и вельможи его: «Мы ведь, господине, слышали об этом за 15 дней и устыдились тебе поведать. Говорят, что в вотчине его монах некий есть по имени Сергей, который дар пророчества от Бога имеет, и тот монах вооружил его и повелел ему пойти против Мамаю». Олег же, князь Рязанский, услышав сие, устранился и вострепетал очень, глаголя: «Почто мне прежде сего не поведали о том? И я бы, пойдя, умолил нечестивого царя Мамаю, чтобы никакого зла не сотворилось никому. Ибо мне своей земли тем не наполнить, ни убитых не воскресить, ни полоненных не возвратить. Все это Божьим судом будет, как Господу угодно будет, так и случится. Ныне погубил свою душу. Кому теперь как свой покажусь? Если к Мамаю, по-всякому погибнуть мне, ибо беззаконен он и неверен. Если к Ягайлу Олгердовичу, то и тот таков же. Но пусть воля Господня будет: кому Господь Бог поможет, и Пречистая Богородица, и все святые, к тому и я свойство свое покажу».

Князь же великий Ягайло Литовский по преждереченным договорам своим собрал литвы много, и варягов, и жемайтийцев, и прочих, и пошел

на помощь к Мамаю царю; и, придя к Одоеву, встал, и начал узнавать о вестях.

И услышал, что Олег, князь Рязанский, устранился и вострепетал очень; и начал и тот скорбеть и тужить, говоря: «Зачем прельстился я другом своим Олегом Рязанским? Почто доверился ему? Никогда ведь не бывала Литва от Рязани научаема. Ныне же почто я в безумие впал?» И тогда начал ожидать, что сотворится у Мама с Московским князем.

И в 6889 лето от Адама (1389 лето от Христа)

В месяце сентябре, пришел великий князь Дмитрий Иванович на место, называемое Березуй, за двадцать три поприща до Дона.

И тут пришли к нему литовские князья поклониться и послужить: князь Андрей Олгердович Полоцкий со псковичами, да брат его князь Дмитрий Олгердович Брянский с воинством своим. Эти князья многую помощь о Бозе сотворили великому князю Дмитрию Ивановичу.

Тогда же князь великий отпустил в Поле под Орду Мамаеву избранного своего боярина и крепкого воеводу Семена Мелика и с ним избранных своих Игнатия Креня, Фому Тынину, Петра Горского, Карпа Александрова, Петра Чирикова и иных многих, знатных и мужественных, и специально назначенных туда знающих людей, чтобы увидиться со стражей татарской и подали поскорее весть. И подвинулся с того места великий князь к Дону, тихо идя и вестей ожидая.

И тут внезапно пришли к нему двое из сторожей его, Петр Горский и Карп Александрович, и привели языка знатного из двора царева, из сановитых царевых. Тот же язык поведал, говоря: «Ныне царь на Кузьмине Гати, не спешит же, но ожидает Олега, князя Рязанского, и князя Ягайла Олгердовича Литовского. А про сборы московского князя не ведает, ни встречи с ним не чает по прежде написанному к нему письму Олега Рязанского. Через три же дня должен быть на Дону». И спросили его о силе Мамаева, сколько ее. Он же сказал: «Многое множество бесчисленное».

Тогда князь великий Дмитрий Иванович призвал к себе брата своего князя Владимира Андреевича, и всех князей, и воевод, и вельмож и начал советоваться с ними: «Что сотворим? Как битву устроим против безбожных сих татар, на этой ли стороне Дона или на другую сторону Дона переведемся? Ибо вот, день и час каждому приходит». И начали многие по-разному говорить, и в этом многое время прошло, и скорбь великая всем была.

И тут пришло много пешего воинства, и житейские многие люди, и купцы из всех земель и городов. И было видеть страшно очень — многое

множество людей собралось, грядущих в поле против татар. И начали считать, сколько их всех, и сосчитали больше четырехсот тысяч воинства конного и пешего.

И, встав, начали говорить литовские князья Олгердовичи, князь Андрей и князь Дмитрий, братья Ягайло Олгердовича Литовского, говоря так: «Если пребудем здесь, слабо будет воинство это руское; если же на ту сторону Дона переведемся, то крепко и мужественно будет. Ибо все о жизни своей отчаятся, с часу на час смерти ожидая. А если одолеем татар, да будет слава тебе и всем. Если же избиты будем от них, то общемою смертью все вместе умрем.

А против великой силы их никто же пусть не устрашается: ибо не в силе Бог, но в правде, и кого хочет помиловать, тому и помощь дает».

И тут пришли вестники многие, сообщая о татарском нашествии. Тогда князь великий Дмитрий Иванович, укрепившись о Христе, помолясь Господу Богу, и Пречистой Богородицы, и великому чудотворцу Петру, и всем святым, и мужественно сказал ко всем: «Братья, честная смерть лучше злой жизни; лучше было бы не идти против безбожных татар, чем придя и ничего не сотворив, возвратиться вспять. Пойдем же все ныне в этот день за Дон и там положим головы свои все за святыя церкви и за православную веру, за братьев наших, за христианство!» И так повелел каждому полку через Дон мосты строить, а самим в доспехи снаряжаться на всякий случай.

И пошли через Дон; когда же все перешли, то и мосты за собою разрушили.

Тогда всеми ночами волки были страшно, и вороны, и орлы ночью и днем каркали и клекотали, ожидая грозного и Богом изволенного дня кровопролитного, по сказанному: «Где будет труп, там соберутся и орлы». И вот тогда от такого страха богатырские сердца удалых людей начали укрепляться и мужаться, слабых же и худых — страшиться и унывать, видя перед очами смерть. И приспела ночь праздничная Рождества Пречистой Богородицы. Осень же была тогда долгая, и дни солнечные светло сияющие, и теплота великая. Была же и в ту ночь теплота и тишь великая. Был же с князьями литовскими воевода знатный и полководец искусный и удалой очень, по имени Дмитрий Боброк, родом из земли Вольшкой, его же знали все и боялись мужества его ради. И пришел к великому князю, говоря так: «Когда придет глубокая ночь, если хочешь, покажу тебе приметы: что должно случиться напоследок, прежде узнаешь». Князь же великий не повелел ему никому об этом поведать. И когда заря угасла, и глубокая ночь настала, и Дмитрий Боброк Волянец сел на коня, и взял с собою великого князя, и выехали на поле Куликово,

и стали среди обоих полков. И обратились на полк татарский и слышали клич и стук великий, словно торжища собираются, и словно города зиждуются, и словно трубы гласят. И сзади их волки, воющие страшно очень; по правой же стороне был среди птиц трепет великий, кричали и крылами били, и вороны каркали, и орлы клекотали по реке Непрядве. И был страх великий, и среди птиц была битва и драка великая, предсказывающая кровопролитие и смерть многим. И сказал Вонынец великому князю: «Что слышал ты?» Он же сказал: «Страх и грозу великую слышал». Сказал ему Дмитрий Боброк Вонынец: «Обратись, княже, на полк русский». Он же обратился, и была тихость великая. Сказал ему Дмитрий Вонынец: «Что, господине княже, слышал ты?» Ответил князь великий: «Ничего, только видел — от множества огней собирается зарево». Сказал Дмитрий Боброк Вонынец: «Господине княже, благодари Бога и Пречистую Богородицу, и великого чудотворца Петра, и всех святых: ведь доброе знамение эти огни. Призывай же Господа Бога и молись Ему часто, и не оскудевай к Нему верою, и к Пречистой Богородице, и к пастырю вашему молебнику, великому чудотворцу Петру: ибо добры сии приметы.

И еще у меня есть примета иная». И сошел с коня, и пал на правое ухо, приник к земле и лежал долгое время, и встал, и вдруг поник. Сказал ему князь великий: «Что с тобой, брат Дмитрий, поведай мне?» Дмитрий же не хотел сказать ему и упирался как мог. Князь же великий снова приступил к нему, моля его, чтобы сказал ему. Он же прослезился. Князь же великий, увидев слезы его, начал бояться и сказал ему: «Брат Дмитрий, поведай мне. Поскольку болезнует мое сердце очень». Дмитрий же начал утешать его и сказал ему: «Господине княже, поведаю тебе одному. Но ты не поведай никому. Ибо есть две вести. Одна тебе на великую радость, а другая на великую скорбь. Припал я ухом на землю и услышал землю, плачущую на два голоса, горько очень и страшно. Одна сторона, словно некая жена, надрывно плачущая, дерзающая и кричащая татарским языком о чадах своих, бьющаяся и слезы изливающая, словно реки. А другая сторона земли, словно некая девица, плачущая и стонущая, будто свирельным плачевным голосом, в скорби и в печали великой. Я ведь множество тех боев и примет испытал на многих битвах, и знакомы мне они, и понятны; и уповай на милость Божию, ибо одолеть ты должен татар. А воинства твоего падет от острия меча многое множество». Тогда князь великий Дмитрий Иванович, такую повесть услышав, проплакался очень, и прослезился на многое время, и сказал: «Воля Господня да будет. Как угодно будет Господу, так и будет. Ибо воле Его кто воспротивится?» Сказал ему Дмитрий Боброк Вонынец: «Господине княже, не подобает тебе этого в полках поведать никому же, чтобы не впали в скорбь и не

уныли сердца многих. Но с верою и с милостынею призывай Господа Бога на помощь, и Пречистую Богородицу, и великого чудотворца Петра, и всех святых, и вооружайся животворящим крестом Христовым, ибо тот есть великое оружие непобедимое на врагов видимых и невидимых». Волки же страшно всю ночь воющие, и такое их было множество, словно со всей вселенной сошлись, и вороны, каркающие и кричащие, и орлы, клекочущие страшно очень всю ночь.

Тогда же в ту ночь муж некий по имени Фома Кацыбей, который был некогда разбойником и в покаяние пришел, был же крепок и мужествен очень, и того ради поставлен был сторожем от великого князя на реке Чире Михайлове, на крепкой страже от татар, и его утверждая в вере, Бог открыл ему видение в ночи той: видел на воздухе от востока полк великий очень; и вот, внезапно на тот полк от полуденной стороны пришли двое юношей светлых очень с оружием и начали полк сечь, глаголя: «Кто вам повелел губить отечество наше?» И одних избили, других же прогнали.

И тогда в той же ночи видение видели Василий Капица да Семен Антонов: видели от поля грядущих множество ефиопов в великой силе, одни на колесницах, другие на конях, и было страшно видеть их.

И тут внезапно явился святой Петр, митрополит всея Руси, имея в руке жезл золотой, и пришел на них с яростью великою, глаголя: «Почто пришли погубить мое стадо, которое мне даровал

Бог охранять?» И начал жезлом своим их прокалывать, одни же на бег устремились, и другие убежали, иные же в водах утонули, некоторые же раненные лежали. И все они рассказали о всех видениях сих великому князю Дмитрию Ивановичу. Он же повелел им никому этого не поведать. И начал со слезами молиться Господу Богу, и Пречистой Богородице, и великому чудотворцу Петру, хранителю Руской земли, и святым мученикам Борису и Глебу — да избавят их от татарской ярости, и да не попрут святынь псы, и да не поест татарский меч православного христианства.

Той же ночью, утром рассветающим, месяца сентября в 8-й день, на праздник Рождества Пречистыя Богородицы, и восходило солнце, и настала мгла великая по всей земле, словно тьма, и до третьего часа дня, и потом начала убывать. Князь же великий отпустил брата своего из двоюродных, князя Владимира Андреевича, вверх по Дону в дубраву, как засадный полк, дав ему из своего двора достойных избранных. Еще же отпустил с ним известного воеводу Дмитрия Боброка Волынца; еще построил тот воевода Дмитрий и полки, и изготовились христиане все, и возложили на себя доспехи, и стали на поле Куликове, на устье

Непрядвы-реки. Было же то поле великое и чистое, и отлогость великую имело на устье реки Непрядвы.

И выступила татарская сила на холм, и пошли с холма. Также и христианская сила пошла с холма, и стали на поле чистом, на месте твердом.

Князь же великий Дмитрий Иванович пересаживался часто с коня на коня, и ездил по полкам, и говорил со слезами так: «Возлюбленные отцы и братья, Господа ради и Пречистой Богородицы, и своего ради спасения, подвизайтесь за православную веру и за братьев наших! Все ведь мы от мала и до велика братия единая, внуки Адамовы, род и племя единое и единое крещение, единая вера христианская, единого Бога имеем, Господа нашего Иисуса Христа, в Троице славимого. Умрем в сей час за имя Его святое, и за православную веру, и за святые церкви, и за братию нашу, за все православное христианство!» И слышав сие, все прослезились, и укрепились, и мужественны были, словно орлы летающие и словно львы рыкающие на татарские полки.

Утвердил же их князь великий и пришел под свое знамя черное, и сошел с коня своего, и совок с себя приволоку свою царскую. И, призвав любимого своего, которого любил больше всех, Михаила Андреевича Бренка, и тому повелел сесть на коня его, и приволоку свою царскую возложил на него, и всеми царскими регалиями украсил его, и то свое великое знамя черное повелел рынде своему над Михаилом Андреевичем Бренком возить. И взял святой крест, на котором были изображены страсти Христовы, а в нем животворящее древо Христово, и, заплакав, сказал: «На Тебя все упование мое возлагаю, Христе Боже! Ты мне силою креста Твоего дай победу на врагов моих, как в древности Константину!»

Тогда пришли к нему посланники от игумена Сергия Радонежского с благословением, имеющие такое письмо: «Да будет тебе Господь Бог помощник, и Пречистая Богородица, и святой чудотворец Петр». И прислал к нему хлебец Пречистой Богородицы. Князь же великий съел тот хлеб святой, и простер руки свои, и громогласно вскричал: «Велико имя Пресвятой Троицы! Пресвятая госпожа Богородица, помогай нам! Твоими молитвами, Христе Боже, и святого чудотворца Петра, и великого святителя Киприана митрополита, и преподобного игумена Сергия, помилуй и спаси нас от басурман сих, вооружившихся на нас!»

И повелел полкам своим понемногу выступать. Были же в полку его передовом воеводы его Дмитрий Всеволожский да Владимир, брат его; с правой же руки пришел Микула Василиевич, да князь Семен Иванович, да Семен Мелик со многими силами.

И был уже шестой час дня, как сходились они на устье Непрядвы-реки, и вот, внезапно сила великая татарская быстро с холма нагрянула, и тут дальше не наступали, встали, ибо не было места, где им расступиться.

И так стали, стена стеной, копыа положив каждый из них на плечи передних своих, имели же передние короче, а задние длиннее. А князь великий также с великою своею силою рускою с другого холма пошел против них. И было страшно видеть две силы великие, сходящиеся на кровопролитие, на скорую смерть! Но татарская сила была видна как мрачная и затемненная, а руская виделась в светлых доспехах, словно некая великая река льющаяся или море колеблющееся, и на солнце светло сияющем на них и лучи испускающем на них, они словно светильники издали смотрелись. Нечестивый же царь Мамай с пятью князьями большими взошел на место высокое, на холм, и там встали, хотя видеть кровопролитие человеческое и скорую смерть. И уже кому-то срок жития пришел, и конец приблизился.

И начали прежде съезжаться сторожевые полки руские с татарскими. Сам же князь великий впереди в сторожевых полках ездил и, немного там побыв, возвратился снова в великий полк.

И так пошли обе силы в место сходиться, оттуда — татарская сила великая, а отсюда — сам князь великий Дмитрий Иванович со всеми князьями рускими. И видна была руская сила несказанно многая, больше четырехсот тысяч и конной, и пешей рати. Также и татарская сила многочисленная очень. И уж близко друг к другу были сходящиеся обе силы, тогда выехал из полка татарского, богатырь великий очень, и широту имеющий, и мужество великое проявлял. И был всем страшен очень, и никто не смел против него выйти, и говорили каждый друг другу, чтобы кто-нибудь против него вышел, и не шел никто.

Тогда преподобного игумена Сергия Радонежского преданный его послушник, инок Пересвет, начал глаголать великому князю и всем князьям: «Никак об этом не смущайтесь: ибо велик Бог наш и велика крепость Его. Я хочу с Божьею помощью, и Пречистыя Его матери, и всех святых Его, и преподобного игумена Сергия молитвами с ним встретиться». Был же этот Пересвет, когда в миру был, славным богатырем, великую силу и крепость имеющим, величеством же и широтою всех превосходил и хорошо разбирался в воинском деле и снаряжении.

И так по повелению преподобного игумена Сергия возложил на себя святую схиму, ангельский образ, и знаменался святым крестом, и окропился освященною водою, и простился у духовного отца, также у великого князя, и у всех князей, и у всего христианского воинства, и у брата своего Ослябя. И заплакал князь великий, и все князья, и все воинство великим плачем, со многими слезами глаголя: «Помоги ему, Боже, молитвами Пречистой Твоей матери и всех святых, как в древности Давиду на Голиафа».

И так инок Пересвет, послушник преподобного игумена Сергия, пошел против татарского богатыря Темир-Мурзы, и ударились крепко, столь громко и сильно, что земля потряслась, и пали оба на землю мертвыми, и тут конец приняли оба; также и кони их в тот же час мертвыми пали.

И уже седьмой час настал. Сказал князь великий ко всем своим князьям и боярам, и ко всему воинству: «Братья, уже время нам пить чашу. Пусть это место будет нам гробом за имя Христово, и за христианскую веру, и за все православное христианство».

И так сошлись обе силы великие на бой. И была брань крепкая и сеча злая очень, и лилась кровь, как вода, и пало мертвых безчисленное множество от обеих сил, от татарской и русской, и падало татарское тело на христианское, а христианское тело на татарское, и смешалась кровь татарская с христианскою. Всюду множество мертвых лежало.

И не могли кони ступать по мертвым. Не только же оружием убивали, но сами себя били, и под конскими ногами умирали, от великой тесноты задыхались, ибо невозможно было втиснуться на поле Куликовом между Доном и Мечей из-за множества многого сошедшихся сил.

И тут пешая руская великая рать, как древеса, сломилась и, как сено покошенное, лежала. И было видеть это страшно очень. Но все же христианское воинство, не ослабевая, билось. Грехов же ради наших попустил Бог, и начали татары одолевать, и уж многие из сановитых великих князей, и бояр, и воевод, как древеса склонились на землю.

И уже и самого великого князя Дмитрия Ивановича с коня сбили. Он же снова сел на другого коня. Татары же снова и с того коня сбили его и ранили его. Он же с трудом большим едва вышел с побоища в дубраву и вошел под одно новопосеченное дерево, многоветвенное и многолиственное, и тут, скрыв себя, лежал на земле. Татары же начали одолевать. И великий стяг великого князя подсекли, и наперсника его любимого Михаила Андреевича Бренка убили, и многих князей, и бояр, и воевод, и слуг безчисленное множество избili.

И уже восьмой час прошел, и девятый час настал, а повсюду татары одолевали. Тогда в дубраве стоящему князю Владимиру Андреевичу, внуку Иванову, правнуку Данилову, праправнуку Александрову, брату из двоюродных великого князя Дмитрия Ивановича, в западном полку потаенному с избранным воинством и с мудрым воеводою удалым Дмитрием Боброком Волынцем, плачущим очень, видно было христианское воинство избиенное и еще немного неких, шатающихся по побоищу. И сказал князь Владимир Андреевич Дмитрию Волынцу: «Какая, брат, польза от стояния нашего, и какой успех им от нас? Кому нам помогать,

ибо уже все мертвые лежат христианские полки?» И сказал великий и мудрый воевода и удалый богатырь Дмитрий Боброк Волынец: «Беда, княже, великая! Грех ради наших пришел на нас гнев Божий. Но нет еще нам времени, чтобы выйти нам на супостатов сих. Еще потерпим, молитвы воссылая в сокрушении сердца к Богу, и Тот низложит врагов наших». Князь же Владимир Андреевич заплакал, и, воздев руки на небо, молился со слезами Господу Богу, и Пречистой Богородице, и всем святым. И когда хотели выйти на врагов своих, то веял ветер сильный навстречу им в лицо, и бил очень, и возбранял. И сказал Дмитрий Боброк Волынец: «Пусть никто не выходит на брань, возбраняет нам Господь». И подвинул всех на плач и на слезы, и заплакали все, со слезами молясь довольно Господу Богу, и Пречистой Богородице, и всем святым. И сам Дмитрий Боброк Волынец горько заплакал и слезы излил многие. И уже девятый час кончался, призрел Господь милостивыми очами на всех князей русских, и на крепких воевод, и на всех христиан. И тут внезапно задул ветер сзади их, понуждая их выйти на татар.

Тогда Дмитрий Боброк сказал князю Владимиру Андреевичу: «Господине княже, час пришел, время приблизилось». Также и ко всему воинству сказал: «Господа, и отцы, и братья, и чада, и друзья! Поднимайтесь, время нам благое пришло. Ибо сила Святого Духа помогает нам». И так все пошли с яростью и ревностью божественною на неверных и противных врагов, и не уstraшили христиане, дерзнули, как великие ратники.

Видели верные, что ангелы помогают христианам, и святых мучеников полки, и воина великого Христова Георгия, и славного Димитрия, и великих князей русских, святых Бориса и Глеба, у них же был воеводой совершенного полка небесных сил великий архистратиг Михаил.

Увидели полки язычников двоих воевод, трисолнечные полки и пламенные их стрелы, что идут на них, и безбожные татары от страха Божия и от оружия христианского падали. Вознес Бог десницу великого князя Дмитрия Ивановича на победу над иноплемениками.

Тогда божественною помощью и Пречистой Его матери в великий страх и ужас впали нечестивые измаильтяне, от божественной, силы невидимой уstraшились и воскликнули, говоря: «Увы нам, увy нам! Христиане перемудрили нас, лучших и удалых князей и воевод втайне оставив, и на нас их, неутомленных, уготовили. Ныне же наши руки ослабели, и плечи устали, и колени оцепенели, и кони наши утомлены очень, и оружие наше выпало из рук. И кто может против них стать? Горе тебе, великий Мамай! Вознесся гордостью своею до облаков, изошел безумием своим до ада и нас всех погубил впустую». И побежали татарские полки, а христианские полки за ними гнались, бьющие и секущие.

Увидел же Мамай, что новые полки христианские неустомленные вышли на татар его и с такой Божиею милостию и Пречистой Его матери, оказанной правоверному христианству, что показалось Мамаю и татарам его, что вышли из дубравы христианские полки словно тьма численностью, и никто из татар не может устоять против них.

И побежал Мамай с князьями своими и с малой дружиной. И многие татары пали от оружия христианского воинства, пособием Божией Матери и великого чудотворца Петра, а другие в реке утонули. И гнали их до реки до Мечи.

А князь полки погнались за татарами и до станов их, и полонили богатства и имущества их много.

И возвратились вспять христианские воины, и увидели, что всюду мертвые лежат; и такова была победа и помощь Божия, и чудеса и знамения Божией Матери, и великого чудотворца Петра, и преподобного игумена Сергия, и святых страстотерпцев Бориса и Глеба, и всех святых, и родительская молитва за православных христиан, что куда и не доходили христианские полки, и там татары мертвыми лежали, убитые невидимою Божиею силою, и Пречистой Его матери, и святых Его. Возвратился князь Владимир Андреевич, и стал на костях, и увидел множество избитого христианского воинства: князей, и бояр, и воевод, и слуг, и пешего воинства, которое и число превзошло, и всюду реки кровавые протекали. И начал князь Владимир искать брата своего великого князя Дмитрия Ивановича, и не обрел его, и бился головою своею, и терзал себя от многой печали.

И повелел трубить собранными трубами, и сошлось, сколько осталось, живых христианских воинов, и вопрошал их: «Кто где-нибудь видел великого князя Дмитрия Ивановича, брата моего?» И начали ему некоторые говорить: «Мы видели его сильно израненного; может, среди трупов мертвых будет?» Иной же говорил: «Я видел его, крепко бьющегося и бежавшего, и еще видел его с четырьмя татарами бьющегося, но бежал от них, и не ведаю, что сотворилось ему». Говорил князь Стефан Новосильский: «Я видел его пешего, с побоища едва идущего, ибо изранен был очень сильно, и не мог помочь ему, поскольку сам гоним был тремя татарами». Тогда князь Владимир Андреевич, из двоюродных братьев великого князя Дмитрия Ивановича, собрав всех, сказал им с плачем и со многими слезами так: «Господа, и братья, и сыновы и друзья! Поищите прилежно великого князя Дмитрия Ивановича. И если кто живым найдет его, не ложно, но истинно говорю вам: если тот будет славен, велик и честен, пусть еще больше прославится, и возвеличится, и чествуется; если же тот из простых будет, убогий и в нищете последней, пусть станет первым, богатством и честью, и славою возвеличится».

И рассыпались все повсюду, и начали искать. Некоторые нашли Михаила Андреевича Бренка, наперсника великого князя, убитого, в приволоке, и доспехах, и в шлеме великого князя, и во всех регалиях царских. Другие нашли князя Феодора Семеновича Белозерского и думали, что это великий князь, потому что схож лицом был с ним.

Двое же неких простых воинов свернули на правую сторону к дубраве, одного имя — Федор Зернов, а другому имя — Федор Холопов; были же сии из простых. И наехали на великого князя, избитого сильно, едва дышащего, под новопосеченным деревом, под ветвями лежащего, словно мертвого. И соскочив с коней своих, поклонились ему.

И один поскорее возвратился к князю Владимиру Андреевичу, и подал ему, что великий князь жив.

Он же в тот час быстро сел на коня и поскакал со своими воинами, и, придя, стал над ним, и сказал ему: «О, брате мой милый, великий княже Дмитрий Иванович! Ты — словно древний Ярослав и новый Александр! Но прежде всего — слава Христу, Богу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери, и великому чудотворцу Петру, и преподобному игумену Сергию, и святым страстотерпцам Борису и Глебу, и всем святым Божиим угодникам, за то, что невидимою Божьею помощью побеждены были измаильтяне, и на нас милость Божия воссияла». Князь же великий Дмитрий Иванович едва с усилием проговорил: «Кто глаголет сие и что значат сии слова?» Сказал ему князь Владимир Андреевич: «Я — брат твой, князь Владимир Андреевич, говорю тебе это». И едва поставили его, и был доспех его весь избит, и изранен сам сильно, на теле же его нигде смертельной раны не нашли. А впереди всех стоял на бою, с первого соступа, и лицом к лицу с татарами бился много. И много ему говорили князья и воеводы его: «Господине княже, не становись впереди биться, но становись сзади, или на крыле, или еще где-нибудь на внешнем месте». Он же отвечал им, говоря: «Да как же я стану говорить кому: поднимайтесь, братья мои, крепко на врагов, а сам стоя сзади и лицо свое скрывая? Не могу я такое сотворить, чтобы таить и скрывать себя, но хочу как словом, так и делом прежде всех сам начать и прежде всех голову свою положить за имя Христово и Пречистыя Его матери, и за веру христианскую, и за все православное христианство, да пусть и прочие, видя мое дерзновение, и те так же сотворят со многим усердием». И потом такое прибавил им: «Братья, сами чтете и помните мучение святого великомученика Арефы. Когда мучитель хотел посечь его, и с ним все воины, подручники его, приведены были на посечение, то друг пред другом спешили на посечение; доблестный же мученик Арефа возбранил всему своему войску и сказал им: «Я, братья, у земного царя прежде вас и больше вас дары получал, ныне же прежде вас хочу видеть небесного

царя»». И как сказал, так и сотворил, прежде всех начав биться с татарами. И справа и слева его обступили татары, как вода, и много по голове его, и по плечам его, и по утробе его били и кололи, и секли, но от всего этого Господь Бог милостью своею и молитвами Пречистой Его матери, и великого чудотворца Петра, и всех святых молитвами сохранил его от смерти. Утружден же был и утомлен от великого побоища с татарами настолько, что близок был к смерти. Был же сам крепок очень и мужествен, и телом велик и широк, и плечист, и тучен сильно, и тяжел очень, бороною же и волосами черен, взором же дивен очень. И уразумел, что повели ему радость великую, и окрепнув, сказал: «Сей день, иже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны!»

И посадили его на коня, и вострубили на костях с радостью великою, и сказал ему князь Владимир Андреевич: «Знаешь ли, какова была Божья милость и Пречистыя Его Матери к нам? Даже там, куда не доходили наши воины, и там множество татар избито было невидимо Божию силою, и Пречистыя Его Матери, и великого чудотворца Петра, и всех святых. Ибо было, когда в девятом часу бились, и многие верные видели ангелов, помогающих христианам, и святых мучеников полки, и воина великого Христова Георгия, и славного Димитрия, и великих князей русских, святых мучеников Бориса и Глеба, над ними же был и воевода совершенного полка небесных сил великий архистратиг Михаил. И видели полки язычников двоих воевод, трисолнечные полки и пламенные их стрелы, что идут на них. Безбожные же татары от страха Божия и от оружия христианского падали. Ибо вознес Бог десницу великого князя Дмитрия Ивановича на победу над иноплемениками».

Тогда же некто из полка Владимира Андреевича предстал перед великим князем, говоря так: «Я, господине княже, когда в дубраве был с князем Владимиром Андреевичем в западном полку, и плакали великим плачем к Господу Богу, и Пречистой Его матери, и великому чудотворцу Петру, видя избиваемых от татар православных христиан, и во многой скорби и в умилении были, и внезапно, как в исступление пришел, и увидел множество безчисленное венцов на убитых христиан сходящих. И это истинное слово, что нетленными венцами увенчались от Христа Бога, и честь и славу великую на небесех приняли, и молятся о всех нас». Безбожный же царь Тетяк, прозванный дьяволом во плоти Мамаем, со страхом вострепетав и громко застонав, сказал: «Велик Бог христианский, велика сила Его!» И сказал: «Братья измаиловичи, убежим непроходимыми дорогами». А сам, повернув плечи свои, побежал поскорее снова к Орде. И это услышав и увидев, все князья, темники его и вся сила татарская побежали, да и прочие иноплеменики, гонимые гневом Божиим и страхом одержимые, от мала и до велика, все на побег устремились.

Христиане же, увидев, что татары побежали с Мамаем, и погнались за ними вслед, побивая их и посекая без милости. Ибо Бог невидимою силою устрасил полки их, и побежали, предав плечи свои на раны. В погоне же той одни из татар пали от оружия христиан, другие в реке утонули. И гнали их до Мечи-реки, и там бегущих татар бесчисленное множество избито было, и гнали их и до станов их, и захватили богатства много, все имущество их и стада татарские. Князь же великий, сие услышав от них, воздел руки на небо и сказал: «Велий еси, Господи, и чюдна дела Твоя, и ни едино же есть слово, довольно на похваление чудес Твоих! О Богомати пречистая! Кто может похвалити Тя достойно и великая и неизреченная чюдеса Твоя воспети? О блаженный Петре, заступниче нашъ крепкий! Что воздам тебе за вся, яже еси воздал нам!» И так, отдохнув от труда своего, и от пота своего, и от болезней своих утешившись, брата своего князя Владимира Андреевича, и прочих князей, и все воинство возвеселил сладкими словесами, и похвалил их, и возвеличил за то, что так боролись за православную веру и за все христианство.

И пошел с братом своим и с оставшимися князьями и воеводами, ибо мало их осталось; и увидел мертвых, лежащих, словно копны, и христиан, смешавшихся с татарами, кровь христианскую, слившуюся с татарскою кровию, и было видеть страшно и ужасно очень.

И восплакал князь великий великим плачем со слезами, и приехал на место, где лежали вместе восемь князей белозерских убитых. Были же сии мужественны и крепки очень, и известные и славные удалыцы; и один за другого умерли, и со множеством бояр их. Также близко от тех подъехал к великому воеводе своему Микуле Васильевичу, тысяцкому, и тут 15 князей с ним, и многое множество бояр, и воевод мертвых лежало. Также подъехал к наперснику своему, которого любил больше всех, Михаилу Андреевичу Бренку, и близ него множество князей и бояр лежало убиенных. Тут же и Семен Мелик убитый лежал с Тимофеем Валуевичем. И перешел на другое место, и увидел Сергиева чернеца Пересвета, и близ него знаменитого богатыря татарского и, обернувшись, сказал бывшим с ним: «Видите, братья, начавшего бой, ведь тот победил подобного себе, от того многие бы испили горькую чашу». И заплакал обо всех князь великий горьким плачем с великими слезами, говоря так: «Слава Богу, изволившему тако». Было же убитых Мамаем на том побоище всякое число превосходящее. Убиты же были знатные и великие, и удалые очень, их же имена таковы: князь Федор Романович Белозерский и сын его, князь Иван; князь Федор Семенович, князь Иван Михайлович, князь Федор Торусский, князь Мстислав, брат его — князь Дмитрий Манастырев, Семен Михайлович, Микула Васильевич, тысяцкий, Михайло и Иван Акинфовичи, Иван Александрович, Андрей Шуба,

Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич Акатьевичев, нарицаемый Валуй, Михайло Бренко, Лев Морозов, Тарас Шатнев, Семен Мелик, Дмитрий Минин, Сергиев чернец Пересвет, его же имя Александр, бывший прежде боярином брянским; был же сей удальцом и богатырем славным очень и искусным в воинском деле и снаряжении. Были же они все удальцы и богатыри великие, имена которых уже написаны, а прочих же князей и бояр, и воевод, и княжат, и детей боярских, и слуг, и пешего воинства безчисленное множество убито; и кто может их сосчитать или написать, ибо превосходит это число? Их имена написаны в Книге жизни.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович ко всем начал глаголать так: «Господа мои, и отцы, и братья, и сыновья! Благодаря, благодарю вас за то, что столько потрудились; и подобает вам служить, а мне вас по достоинству жаловать. Когда мне даст Господь Бог быть на своей отчине, на великом княжении на Москве, тогда буду чествовать и одаривать вас; ныне же пусть каждый постарается, сколько может, похоронить братьев наших, православное христианство, убитое татарами на месте сем».

И стоял князь великий за Доном на том месте 8 дней, пока смогли христиан разобрать от нечестивых татар; сколько смогли и успели — о прочих же Бог знает, ибо так сотворилось Божьими судьбами. Грехов ради наших попустил Господь Бог такую напасть, но милости ради своей наконец умилился молитвами Пречистой Его матери и великого чудотворца Петра, невидимою его Божественною силою побеждены были измаильтяне.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович сказал: «Сосчитайте, братья, сколько осталось всех нас». И сосчитали, и сказал Михайло Александрович, московский боярин: «Господине княже, осталось всех нас 40 000, а было всех больше четырехсот тысяч и конной, и пешей рати». Сказал князь великий: «Воля Господня да будет! Как угодно было Господу, так и стало. Ибо воле Его кто воспротивится? Или кто речет против Господа? Его волею и хотением все устроится».

И повелел князь великий священникам петь надгробные песнопения над убитыми, и погребли их, сколько смогли и успели, и воспели священники вечную память всем православным христианам, избиенным татарами на поле Куликовом, между Доном и Мечей. Также и сам князь великий с братом своим и со всем воинством оставшимся великим гласом воскликнули им вечную память, с плачем и со слезами многими. И снова сказал сам князь великий: «Да будет вам всем, братья и друзья, православные христиане, пострадавшие за православную веру и за все христианство на поле Куликовом, между Доном и Мечей, вечная память! Сие вам место, сужденное Богом! Простите меня и благословите в этом

веке и в будущем, и помолитесь о нас, ибо вы увенчались нетленными венцами от Христа Бога».

И в это время князь Ягайло Литовский, который пришел из Литовской страны со всею силою литовскою к язычнику Мамаю и татарам на помощь, а христианам на пакость, и от него Бог избавил: не поспел к сроку немного, на один день или меньше; но только услышал князь Ягайло Олгердович и вся сила его, что у великого князя Дмитрия Ивановича с Мамаем бой был, и великий князь одолел, а Мамай побежал без всякого ожидания.

Князь же Ягайло со всею силою литовскою побежал назад с великою скоростью, никем же не гоним. Не увидели ведь тогда ни великого князя, ни рати его, ни оружия его: но только имени его боялись и трепетали. Также после этого сказал князь великий Дмитрий Иванович брату своему князю Владимиру Андреевичу: «Пойдем, брат, на свою землю Залесскую к славнейшему городу Москве и сядем на своем княжении и на своей отчине, и дедине, а чести и славы себе купили для будущих поколений». И перевезлись за Дон-реку.

И пошел князь великий Дмитрий Иванович по Рязанской земле. Поведали же ему, что князь Олег Рязанский послал Мамаю на помощь свою силу, а сам на реках мосты переломал, а кто поехал с Донского побоища домой сквозь его отчину, Рязанскую землю, бояре и слуги, — тех велел хватать и грабить, и нагих отпускать. Великий же князь Дмитрий Иванович хотел послать рать свою против князя Олега.

Услышал же то князь Олег Рязанский, что грядет князь великий, победив врагов своих, и начал оправдываться и плакать, говоря: «Горе мне, грешнику и отступнику от веры Христовой! Как соблазнился? Что создал? К безбожному царю примкнул!»

И убежал из города своего Рязани, и побежал к Ягайлу, князю Литовскому, и прибежал на рубеж литовский, и тут встал, и сказал боярам своим: «Я хочу здесь ждать вести: когда пройдет князь великий через мою землю и придет в свою отчину, и я тогда возвращусь восвояси». Бояре же его рязанские оставили Олега и приехали к великому князю, и поведали, что князь Олег покинул отчину свою, землю Рязанскую, а сам убежал, и с княгинею, и с детьми, и с боярами. И молили его много о том, чтобы на них рати не посылал, а сами били ему челом о договоре и заключили договор с ним. Великий же князь послушал их челобитья и рати на них не послал, а на Рязанском княжении посадил наместников своих и заповедал всему своему войску, если кто пойдет по Рязанской земле, то пусть никто ни единого волоса да не коснется.

Пришел же князь великий на Коломну с Дона месяца сентября в 21-й день, на память святого апостола Кондрата. И встретил его Герасим,

епископ Коломенский, во вратах городских с живоносными крестами и со святыми иконами, со всем священным, собором.

И вошли в соборную церковь, и молебен совершили Господу Богу и Пречистой Его матери, и святую литургию служил Герасим епископ; также и по всему городу священники молебны и литургии сотворили о здравии великого князя, и всех князей, и всего воинства христолюбивого.

Пребывал же князь великий на Коломне четыре дня, почив немного от трудов, ибо был сильно утружден и утомлен; и пошел в славный город Москву.

И вошел в город Москву, и встретил его отец его Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, с крестами, со всем священным собором. И говорил князь великий митрополиту: «Отче, Божьею милостию, и Пречистыя Его Матери, и великого чудотворца Петра, и твоими святыми молитвами, и преподобного игумена Сергия, одолели нечестивого Мамаю и сущих с ним победили. Ибо он вознесся гордостью, мы же — смирением. Ты ведь сам видел, сколько золота и серебра посылали ему и сколько молили его. Он же не послушал, но вознесся гордостью своею и посрамился.

Божьею, и победили их, и добычи и богатства их много захватили, и пригнали с собою многие стада: коней, верблюдов, волов яремых, быков великих, им же нет числа, и оружие их, и доспехи, и одежды их, и товаров без числа много». Глагола Киприан митрополит: «Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Святый! Слава тебе, Царю! Ибо показал на нас великую свою милость и низложил врагов наших! Величаем Тебя, Пресвятая Дева Богородице! Ибо многую милость и великие чудеса показала на православных христианах! Ублажаем Тебя, святитель Христов Петр! Ибо защищаешь от бед стадо свое и низлагаешь врагов наших! Как же и тебя прославим, господин, мой возлюбленный о Христе сын, великий князь Дмитрий Иванович, новый Константин, славный Владимир, дивный Ярослав, чудный Александр? Какое тебе благодарение, и честь, и славу воздадим за то, что столько подвизался и трудился за все православное христианство?»

И благословил его митрополит честным крестом, и брата его, что из двоюродных, князя Владимира Андреевича, и, поцеловавшись, вошли в святую церковь Успения Пречистой Богородицы, и молебен совершили; и служил сам митрополит божественную литургию со всем священным собором. Также и по всему городу священники молебны и литургии служили о здравии великого князя, и обо всех князьях, и обо всем христолюбивом воинстве.

И раздал тогда князь великий милостыню многую по церквам, и по монастырям, и убогим, и нищим, и возвеселился с отцом своим Киприаном, митрополитом Киевским и всея Руси, и с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, и с оставшимися в живых воинами.

И после сего распустил их, и разошлись каждый восвояси. Также после этого пошел князь великий в монастырь к Живоначальной Троице в Радонеж к преподобному игумену Сергию и помолился со слезами Господу Богу, и Пречистой Его матери, и всем святым Его, и благословился у преподобного игумена Сергия, и сказал ему: «Отче, твоими святыми молитвами победили измаильтян.

И если бы твой чудный послушник, инок Пересвет-Александр, не убил великого богатыря татарского, то ведь пить бы от него многим чашу смертную. Ныне же, отче, Божьим попущением за многие грехи наши избито было от татар многое множество воинства христианского. И тебе бы пети панихиды и служить обедни по всем по ним избиенным». И было так; и милостыню дал, и преподобного игумена Сергия кормил, и всю братию его. И вновь возвратился в город Москву. И сел на отчине и дедине своей, на великом княжении, отдыхая от многих трудов и болезней великих, которые принял за православную веру и за все христианство. О, великая и крепкая ревность мужества твоего, великий князь Дмитрий! Как не утрашился и не убоился идти за Дон, в поле чистое, против великих сил татарских! И как сам прежде всех начал биться! И как рассекал измаильтян! Но сие все было Божьею помощью и милостью, и Пречистыя Его Матери, и великого чудотворца Петра, и всех святых, и родительскою молитвою. О, владыко Христе, не прогневайся на нас за беззакония наши, и помилуй нас по великой милости Твоей, и низложи врагов наших! Пречистая Дева, Матерь Божия, умилоствися о нас и моли Сына своего и Бога нашего Исуса Христа, и укроти, и уничижи варваров, и брань их, и мятежи восстающих на нас, и подай нам, рабам своим, тишину, и мир, и любовь. О великий блаженный пастырь Петр, не оставляй нас, сирых и попираемых, и поношаемых от врагов наших, но заступайся за стадо свое всегда и сохраняй невредимым, как обещался, и далече от нас прогони клевету, зависть, гордость, но молитвами твоими насади в сердца наши кротость, тихость, смирение, милость, любовь, поскольку Бог любовь есть, Ему же слава во веки веков. Аминь.

Тогда же Мамай с оставшимися князьями и с немногой дружиной сбежал с Донского побоища и прибежал в свою землю.

И вновь начал на великого князя Дмитрия Ивановича гневаться и яриться, и, собрав оставшуюся силу свою, и захотел идти набегом на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю Рускую землю, ибо и еще силу многую собрал. И он такое замыслив, понемногу стал двигаться с сила-

ми своими с великою яростью на великого князя Дмитрия Ивановича. И тут пришла ему весть, что идет на него некий царь с востока по имени Тахтамыш из Синей орды. Мамай же, уготовив на великого князя Дмитрия Ивановича рать, с тою ратью пошел против Тахтамыша.

И встретились на Калках, и был у них бой, и царь Тохтамыш победил Мамай и прогнал его.

Мамаевы же князя тайно от Мамая совещались между собою, говоря: «Нет нам добра в Мамаевом царстве жить, ибо повсюду мы поруганы и избиваемы от противников наших. И что пользы нам жить в царстве его? Отойдем же к царю Тахтамышу и посмотрим там, что еще будет».

И так Мамаевы князя, сойдя с коней своих, били челом царю Тахтамышу и дали ему присягу по своей вере, и принесли ему присягу, и встали за него, а Мамай оставили только с малой дружиной посрамленного и поруганного.

Мамай же, увидев такое от своих князей, и в тот же час скоро побежал со своими думцами и единомышленниками.

Царь же Тахтамыш послал за ним в погоню воинов своих. Мамай же, гонимый, бежал перед Тахтамышевыми гонителями и прибежал к городу Кафа.

И сослался с кафинцами по договору его с ними о защите, чтобы его приняли для избавления — пока не избавится от гонящих его. И повелели ему, пусть войдет. И вошел Мамай в Кафу с думцами своими, и единомышленниками своими, и со множеством богатства, золота, и серебра, и каменьев, и жемчуга.

Кафинцы же, видя многое его имение и посовещавшись, обманули его и убили его. И так Мамай зло кончил окаянную жизнь свою. Царь же Тахтамыш взял орду Мамаеву, и цариц его, и казну его, и купцов его, и улусы его, и богатство его, золото, и серебро, и жемчуг, и каменьев много очень взял и разделил дружине своей.

И оттуда той же осенью отпустил послов своих к великому князю Дмитрию Ивановичу на Москву, также и ко всем князьям руским, сообщая им о своем пришествии на Волжское царство, и что воцарился, и что противника своего и их врага Мамай победил, а сам, придя, сел на царстве Волжском.

Князя же все руские посла его почествовали хорошо и отпустили его в Орду к царю Тахтамышу с честью и с дарами многими.

А сами на ту зиму и на весну вскоре, без всякого промедления, за ним отпустили в Орду каждый своих килечеев со многими дарами к царю Тахтамышу, и к царицам его, и к князьям его.

Русь (1389–1397 гг. от В.Х.).

Книга 10

В 6889 лето от Адама (1389 лето от Христа)

Пришел из Царьграда на Русь Пимен митрополит; князь же великий Дмитрий Иванович не принял его; и когда был он в Коломне, сняли с него белый клобук и послали его в заточение на Чухлому. Об этом же писано в повести о Митяе перед этим в седьмом году сего десятка. В том же году Дионисий, епископ Суздальский, прислал из Царьграда с чернецом с Малафием философом икону со списком образа Пречистой Богородицы Одигитрии, руским же языком глаголется Наставница, по греческому же Одигитрия; исходит же та икона Одигитрии в Царьграде во вторник; и так Дионисий епископ такой же образ, и в ширину, и в высоту написал, а другую икону послал — образ Пречистой Богородицы Одигитрии, в ту же меру и в ширину, и в высоту, которую, переписав, прислал на Русь. И одну поставили в церкви святого Спаса в Новгороде Нижнем, а другую поставили в Суздале, в соборной церкви.

В том же году у князя Владимира Андреевича родился сын князь Иван, и крестил его преосвященный Киприан, митрополит всея Руси, да преподобный игумен Сергей Радонежский.

В том же году царь Тахтамыш прислал посла своего к великому князю Дмитрию Ивановичу и ко всем князьям руским царевича некоего Ак-хозя а с ним семьсот татар, зовя их в Орду. И дойдя до Новгорода Нижнего, и возвратился вспять, а на Москву не дерзнул идти, но послал неких из своих татар, с небольшой дружиной пойти не смея.

Той же зимой и той же весной являлись некие знамения на небесах на востоке перед ранними зарями: словно столп огненный, и звезда, похожая на копье, словно хвостатая. Сие же предвещало на Рускую землю злое пришествие Тахтамышево и горькое нашествие поганых.

В том же году в неделю Всех святых гром был страшный и ветер сильный с вихрем. В том же году князь Литовский Скригайло со всею силою немецкою стоял под Полоцком, и много тягости учинил городу Полоцку, и, не взяв, отошел.

В том же году великий мятеж был в Литве: восстали и убили великого князя Кестутя Гедимановича, и бояр его избили; ибо взял Кестутей великое княжение Литовское, и поэтому среди них мятеж был и кровопролитие.

И тогда сын Кестутиев, князь Витовт, убежал в Немцы и оттуда много зла сотворил Литовской земле. В том же году женился князь Ягайло Литовский. Сия же повесть писана в пятом году сего десятка.

В 6890 лето от Адама (1390 лето от Христа)

Пришел из Царьграда в Новгород Великий Дионисий, епископ Суздальский, от преосвященного патриарха вселенского Нила с благословением и с грамотами, в них же написано о расходах на поставления, поучения закону Божию по священным правилам и по Божественным писаниям, укрепляя от соблазнов и от ереси стригольников; другие же поучения устно повелел глаголать вместо себя Дионисию, епископу Суздальскому, при архиепископе Алексии Новгородском. Так сотворил в Новгороде и во Пскове, и прекратил мятежи и соблазны о расходах, что на поставления: ибо одно есть мзда, а другое — расходы и траты на поставления. И так о том передал им послания от вселенского патриарха Нила, и, поучив довольно по повелению патриарха, Дионисий, епископ Суздальский, пошел из Новгорода и из Пскова к Суздалю.

И пришел в Суздаль на свой стол месяца января в 6-й день. А получил себе архиепископию у преосвященного патриарха Нила, и благословил его вселенский патриарх со всем священным собором, и повелел ему зваться и быть архиепископом в Суздале, и в Нижнем Новгороде, и на Городце, и после него пребывать в тех делах и чинах архиепископам. Еще же дал ему Нил, патриарх вселенский со священным собором, священные ризы с четырьмя Крестами, и стихарь дал ему с источниками; ибо это признак великого митрополичьего сана — с крестами фелонь и с источниками стихарь; митрополит же толкуется — мать городам и глава епархии, сущей под ним. Еще же Дионисий, епископ Суздальский, вынес с собою из Царьграда и страсти Спасовы, и мощи многих святых, и кресты, и иконы чудотворные с мощами.

В том же году преставился князь Василий Михайлович Кашинский и положен был в соборной церкви Воскресения, в своей отчине, в городе Кашине, месяца мая в 6-й день.

Тем же летом родился у великого князя Дмитрия Ивановича сын князь Андрей, месяца августа в 14-й день, и крестил его Феодор, игумен Симоновский.

Повесть о московском взятии от царя Тахтамышша и о пленении земли Рязанской

Царствовал царь Тахтамыш на Волжском царствии и поморскими городами обладал в Орде и в Сарае.

И было это в третий год царства его, послал татар своих в город, нарицаемый Болгары, он же Казань на Волге, и повелел христианских купцов избить, а гостей русских ограбить, а суда их и товары отнимать и переносить к себе на перевоз.

А сам с великою яростью собрал силы многие и пошел к Волге с князьями своими и со всею силою татарскою.

И перевезся на эту сторону Волги реки, и пошел на великого князя Дмитрия Ивановича к Москве изгоном и на всю Рускую землю; вел же рать без известий, внезапно, с умением и таким злохитрием — не давая вести про себя, чтобы не услышано было.

Услышал же о том князь Дмитрий Константинович Суздальский и Нижнего Новгорода и послал к царю Тахтамышу двух сыновей своих князя Василия да князя Семена. Они же, пойдя, не обрели его, ибо было скорым шествие его на Русь, и гнались вслед за ним несколько дней, и едва пересекли дорогу его на месте, нарицаемом Серначе.

И пошли за ним по дороге его с великим тщанием, и настигли его на окраинах Рязанской земли.

А князь Олег Рязанский встретил царя Тахтамышша на окраинах своей земли Рязанской и бил ему челом, дабы не воевал земли его.

И обвел его около своей земли, и стал ему помощником для победы над Русью и поспешником на пакость христианам. И иные некие словеса произнес о том, как пленить землю Рускую и как без труда взять каменный град Москву, и как победить и взять в плен великого князя Дмитрия Ивановича.

А в то время только что пришла весть к великому князю Дмитрию Ивановичу, возвещая приход рати татарской. Хотя и не хотел Тахтамыш, дабы кто-нибудь принес весть на Рускую землю о его приходе — и ради того все гости русские схвачены были и ограблены, и задержаны, дабы не было вести на Руси — но несмотря на это, были некие доброхоты в пределах ордынских на то решившиеся, бывшие поборниками земли Руской.

Услышал же такую весть князь великий Дмитрий Иванович, что идет на него сам Тахтамыш царь во множестве силы своей, и начал собирать полки ратных, и собрал воинов многих.

И выехал из города Москвы, и хотел идти навстречу ратным. Также начал думать об этом думу и размышлять с братом своим и с прочими

князьями, и с боярами своими. И обрелась среди них рознь, и не хотели помогать, не помянув Давида пророка, глаголющего: «Сколь добро и сколь прекрасно жить братьям согласно», и другому, вечно поминаемому, сказавшему: «Друг другу пособляющий и брат брату помогающий, словно город укрепленный». Были же между ними неединомыслие и недоверие, и о том узнал и уразумел князь великий Дмитрий Иванович, что в князьях и боярах своих, и во всем воинстве своем — рознь и распря, еще же и оскудение воинства; ибо оскудела вся земля Руская от Мамаева побоища за Доном, и все русские люди в великом страхе и трепете были из-за оскудения людей. Сам же князь великий в недоумении и размышлении был и не хотел ни встать против самого царя, ни поднять руки против него. И пошел сам князь великий Дмитрий Иванович с немногими в город свой Переяславль, а оттуда пошел мимо Ростова и еще далее, поскорее на Кострому.

Тахтамыш же царь перешел реку Оку, и прежде всего взял город Серпухов, и оттуда пошел к Москве, воюя.

А в городе Москве мятеж был великий: одни бежать хотели, а другие в городе сидеть хотели. И когда был мятеж и распри великие, то восстали злые люди друг на друга и творили разбой и грабежи великие; людей же, хотящих бежать из города вон, они не пускали, но убивали их и богатство и имущество их отбирали. Киприан же, митрополит всея Руси, воспрещал им; они же не стыдились его и пренебрегали им, и великую княгиню Евдокию обижали. Митрополит же и великая княгиня начали у них проситься из города, они же не пускали их, бояр великих не устрашали, но всем угрожали и во всех городских воротах с обнаженным оружием стояли, и с ворот городских каменья метали, не выпуская никого из города.

Также потом великим молением умолены были и только выпустили из города Киприана, митрополита всея Руси, и великую княгиню Евдокию, и прочих с ними; но и сих ограбили, и был мятеж великий в городе Москве. Также потом пришел к ним в город некий князь литовский по имени Остей, внук Олгердов. Тот укрепил город и людей и затворился в городе в осаде со множеством народа, с теми, кто остался.

И много было беженцев, сбежавшихся из волостей иных городов, и много их собралось в то время, и иностранные бояре, и сурожане, и суконники, и прочие купцы, и архимандриты, и игумены, и протопопы, пресвитеры и дьяконы, и черноризцы, и всякого возраста мужского пола и женского с младенцами.

Тахтамыш же царь пришел к Москве месяца августа в 23-й день, в понедельник, в середине обеденного времени. И узрели их с городских

стен, и вострубили горожане; они же пришли на поле городское и стали в поле за два или за три стрелища от города.

И потом небольшим отрядом приехали к городу и спросили о великом князе, говоря так: «Есть ли князь Дмитрий в городе?» Они же отвечали им с городских стен, говоря: «Нет его в городе».

Татары же вокруг всего города объехали, осматривая его, и отошли; было же около города чисто, потому что горожане сами посады свои пожгли и ни единого тына или дерева не оставили, опасаясь незаметного подхода к городу.

Князь же Остей литовский, внук Ольгердов, со множеством народа, оставшимся в городе, которые сошлись со всех сторон в город, укреплялись и готовились против татар на бой.

Тогда же в городе добрые люди молились Богу день и ночь и предстояли в посте и молитве, ожидая смерти горькой, готовясь с покаянием, и с причастием, и со слезами.

Некие же недобрые люди начали обходить по дворам и выносить из погребов меды господские и сосуды серебряные, и стеклянные дорогие, и упивались до великого пьяна, и к шатанию дерзость прибавляли, говоря: «Не устрашимся нахождения нечестивых татар, столь твердый город имея, у которого стены каменные и ворота железные. Не вытерпят ведь те под городом долго стоять, двойной страх имея: внутри города — от бойцов, а вне города — от князей наших и собираемого войска». И вновь влезали на городские стены, пьяными будучи, и шатались, и ругались с татарами, бесстыдным образом досаждая, и некие словеса произнося, исполненные укоризны и хулы, плюя и укоряя их; и срамные свои места обнажая, показывали им на обе стороны; и царя их облаивали и укоряли, и сопли и слюни собирая, метали на них, говоря: «Берите это и отнесите царю вашему и князьям вашим». Татары же прямо к ним на город обнажёнными саблями своими махали, словно секли, показывая им издалека.

И в тот день к вечеру полки татарские отступили от города. Горожане же начали упиваться и веселиться, думая, что устрашились татары.

Наутро же сам царь со всею силою своею пришел под город; и приступили к городу со всех сторон, но не стреляя, а только смотря на город.

Горожане же пустили на них по стреле; они же начали саблями махать на них, словно желая сечь.

Горожане же еще больше стрел пускали на них, и камни метали, и из самострелов, и тюфяков. Татары же разъярились и начали стрелять на город со всех сторон. И летели стрелы их на город, словно дождь сильный и умножающийся очень, не дающий смотреть, потому что и воздух омрачился от стрел; и многие горожане в городе и на забралах падали

мертвыми, ибо одолевали татарские стрелы больше, нежели городские. Был же приступ их к городу яростен очень; ибо были у них стрелки весьма умелые, и одни из них стоя стреляли, а другие быстро рыская туда и сюда, ибо так научены были, и стреляли без промаха.

А некоторые на конях быстро скакали, и на обе стороны, и снова перед собой, и назад скоро, и успешно стреляли без промахов. А другие соорудили лестницы и прислоняя их, влезали на стену. Горожане же воду в котлах нагревали, лили на них кипяток и так препятствовали им. Отошли же эти татары, так как утомились.

И снова иные приступили, свирепейшие и лютейшие; горожане же против них сражались, стреляя, и камнями сшибая, и самострелы напугав, и осадные орудия, и тюфяки. Были и некоторые, которые даже пушками стреляли в них.

Один же был некто, горожанин по имени Адам, москвитин был, суконник, который, будучи над воротами Фроловскими, заметил одного татарина знатного и славного, который был сыном некоего князя ордынского, и натянул самострел, и пустил внезапно стрелу в него, которой угодил в сердце его гневливое, и вскоре смерть ему настала. И это была великая беда для всех татар, так что и сам царь тужил о том. Когда все это происходило, царь стоял у города три дня, а на четвертый день подольстился к князю их Остею, внуку Ольгердову, лживыми словесами о лживом мире, и вызвал его вон из города, и убил его перед городскими воротами, а ратям всем своим повелел приступить к городу со всех сторон. Так обманули князя Остея и всех горожан, бывших в осаде. Поскольку царь стоял три дня около города, а на четвертый день наутро, в середине обеда, по повелению цареву приехали под город татары, главные, и князья ордынские, и наемники его, с ними же и два князя суздальских, шурины великого князя Дмитрия Ивановича, Василий да Семен, сыновья великого князя Дмитрия Константиновича Суздальского. И пришли близ стен городских с осторожностью, и начали говорить к народу, бывшему на стенах города, такое: «Царь вас, людей своего улуса, хочет миловать, поскольку не виноваты и не достойны смерти; ибо не на вас пришел царь, воюя, а на великого князя Дмитрия Ивановича пришел и ополчился. Вы же достойны милости, и ничего иного не требует от вас царь, только выйдите к нему навстречу с честью и с дарами вместе с князем своим; ибо хочет видеть город сей и в него войти, и в нем побывать, а вам дарует мир и любовь свою, а вы ему ворота городские отворите». Также и князья Нижнего Новгорода князь Василий да князь Семен, шурины великого князя, сыновья же князя

Дмитрия Константиновича Суздальского, с татарами заодно говорили горожанам: «Имейте к нам веру: ведь мы ваши князья христианские,

вам то же говорим и клятву даем о том, чтобы не опасаться царя и татар его».

Народ же христианский поверил словесам их; помыслили об этом и прельстились, ибо ослепила их злоба татарская и омрачила их ложь басурманская; не распознали и не помянули глаголющего: «Не всякому духу имейте веру». И отворили ворота городские, и вышли с крестами и с князем своим, и с дарами многими к царю, и с лучшими людьми, также и архимандриты, и игумены, и попы с крестами, а за ними бояре и большие люди, и потом народ, и черные люди. И в тот же час татары начали сечь жестоко.

А князь Остей и прежде того убит был под городом. Тут же начали сечь архимандритов, и игуменов, и попов, хотя и в ризах с крестами были, и бояр, и честных людей. И можно тут было видеть святые иконы, обесчещенные и пренебрегаемые, и ногами потоптанные, и ободранные, и ограбленные.

Татары же и в город пошли, секуще, а иные по лестницам на городские стены взошли, и никто не сопротивлялся им из города, забрала не имеющего, и не было ни избавляющего, ни спасающего. И была внутри города сеча великая, и вне была сеча. Так много секли, что и руки и плечи их онемели, и сила их изнемогла, саблям же их острия притупились.

Люди же христианские, бывшие в городе, бегали по улицам туда и сюда, скоро мечась толпами, вопия сильно, крича и бия в грудь свою. Не было, где избавление обрести, и не было, где смерти избежать, и не было, где от острия меча укрыться. Оскудел князь и воеводы их, и все воинство их истребилось, и оружие их до конца исчезло.

Некоторые в церквах каменных затворялись, но и там не скрылись: безбожные же силою двери разбивали церковные и всех мечами иссекали. Везде же крик и вопль страшный был, так что не слышали друг друга вопиющие, множество народа кричало. Они же христиан раздевали, и, обнажив, посекали.

А церкви соборные разграбили, и алтарей святые места осквернили, и кресты честные, и иконы чудные ободрали, украшенные золотом и серебром, и жемчугом, и камнем дорогим; и пелены, золотом шитые и жемчугом сажены, ободрали, и со святых икон оклады ободрали, и святые иконы попрали, и сосуды, святые церковные служебные расхитили. И книг множество снесено со всего города и с сел. И всё, что в соборных церквах многое множество было собрано ради сохранения — без вести пропало.

Что же можно сказать о казне великого князя? Многие сокровища вскоре истощились, и многохвальное богатство и богатое имение быстро

разошлись. Что же случилось с казной многих прочих старейших бояр, за долгое время собираемой и в благоденстве пополняемой в хранилищах, полных богатства многоценного и имения неисчислимого, — и то все взяли на расхищение поганые. И еще другие были в городе купцы-сурожане, суконники, чьи дома были наполнены богатством и всяким товаром, — и то все расхитили.

И многие монастыри разорили, и многие святыи церкви разрушили, и много кровопролития окаянные содеяли, и святыи места осквернили.

Как пророк глаголаше: «Боже, пришли язычники в достояние Твое, осквернили церковь святую твою, сделали Иерусалим словно овощное хранилище, положили трупы рабов твоих как пищу птицам небесным, плоть преподобных твоих — зверям земным, пролили кровь их, как воду», — окрест Москвы, и не было погребавшего их. Девиц их не пожалели, и вдовицы их не оплаканы были, а иереи и священники их от оружия пали. Ибо была тогда сеча великая очень, и бесчисленное множество пало там избитых мужей и жен, мертвыми лежащих и непогребенных.

Тут убит был Симеон, архимандрит Спасский, и другой архимандрит Иаков, и иные игумены, и попы, и дьяконы, и черноризцы от юных и до старых, мужского пола и женского — те все посечены, а иные в воде утонули, а другие в огне сгорели, а еще иных множество в полон повели, в рабство нечестивых, и в страну Татарскую пленены были. И были тогда видны в городе плач и рыдание, и вопль многий, и слезы, и крик неутешаемый, и стонание многое, и печаль горькая, и скорбь неутешимая, беда нестерпимая, нужда ужасная и горесть смертная, страх, и ужас, и трепет, и пристыженность, и срам, и насмешка поганых над христианами. Сие же все приключилось за умножение грехов наших.

Так быстро злые взяли город Москву месяца августа в 26-й день, на память святого мученика Андреяны и Наталии, в 7-й час дня, в четверг, после обеда. И город огнем запалили, а товары и богатство все разграбили, а людей мечу предали. И был оттуда — огонь, а отсюда — меч: одни — от огня убегая, от меча померли, а другие — от меча убегая, в огне сгорели. И была им четверообразная пагуба: первое — от меча, второе — от огня, третье — от воды, а четвертое — в полон поведены были.

Было ведь до того, выглядел город Москва великим и чудным, и много людей в нем было, кипел богатством и славою, превосходил же все города в Руской земле честью многою: ибо в нем князья и святители жили. В это же время изменилась красота его, и отошла слава его, и всякая честь за один час изменилась, когда взят был и сожжен. Не видно было иного ничего, кроме дыма и земли, и трупов мертвых многих лежащих. Церкви святыи запалены были и пали, а каменные стояли, выгорев внутри и об-

горев снаружи, и не было слышно в них пения, ни звона в колокола, никто из людей не ходил в церкви, и не было слышно в церкви поющего гласа, ни славословия, но все выглядело пустым, ни одного не было видно ходящего по пожару человека. И не один же город сей, Москва, взят, но и прочие города и местности попленены были погаными.

Великий же князь Дмитрий Иванович и с княгинею своею, и с детьми был в Костроме, а брат его князь Владимир Андреевич — на Волоке.

А мать его и княгиня его в Торжке, а владыка Герасим Коломенский — в Новгороде. Тогда же царь разослал воинов по всей земле Руской завоёвывать княжение великое.

Одни, пойдя к Владимиру, много людей посекали и в полон повели.

А иные ходили к Звенигороду, а некоторые к Можайску, а другие к Волоку, а еще иные к Переяславлю; и взяли его, и огнем пожгли, а горожане убежали на озеро в судах и там пережидали, а город бросили.

И княгиню великую тут чуть не настигли, ибо шествовала из Москвы к Переславлю, а от Переславля к Ростову.

А от Ростова на Кострому к великому князю Дмитрию Ивановичу.

Иные же татары пошли к Юрьеву, и пограбили, и пожгли, а христиан посекали, а других в полон повели.

А села и монастыри, и церкви святые огнем пожгли, волости повоевали и много зла сотворили земле Руской.

А Киприан, митрополит всея Руси, тогда в Твери пребывал: ибо пришел в Новгород перед пришествием Тахтамышевым за два дня, и увидел рознь и распрю в городе, и отошел в Тверь, и там пережидал. Татары же хотели и ко Твери идти, но возбранила им Божественная сила невидимо.

Князь же великий Михайло Александрович Тверской послал киличя своего к Тахтамышу царю по имени Гурленя с честью и с дарами многими.

Царь же принял дары его с честью и отпустил его к Твери, послав с ним ярлык свой, жалование свое, к великому князю Михаилу Александровичу Тверскому.

Князь же Владимир Андреевич, из двоюродных, брат великого князя Дмитрия Ивановича, стоял, ополчившись близ Волока со многою силою, которую собрал около себя.

И некоторые из татар, не знающие его, и тут не прознали про него, и наехали на него.

Он же, о Боге укрепившись, ударил на них, и так Божьею милостью иных посека, а иных живых в плен взяли, а иные убежали и при-

бежали к царю Тахтамышу, уstraшенные и побитые, и поведали ему о случившемся.

Царь же, услышав, что князь великий на Костроме, а брат его князь Владимир у Волока, и начал опасаться, ожидая на себя нашествия великого князя и брата его, и силу свою собирал к себе.

И так через несколько дней пошел вспять от города Москвы со многим полоном и бесчисленным богатством, а перед собой послал рать к Коломне. Они же, пойдя, город Коломну взяли.

И перешел царь со всеми силами своими за Оку реку, и повоевал, и взял землю Рязанскую, и огнем пожег, а людей посек, а иные разбежались, а иных в полон повели в Орду — многое множество рязанцев.

Князь же Олег Рязанский, это увидев, убежал от татарского нахождения.

Царь же пошел к Орде от Рязани и отпустил посольством на Русь, в Новгород Нижний, к великому князю Дмитрию Константиновичу Суздальскому шурина своего именем Шиахмата вместе с сыном его, с князем Семеном, а другого сына его князя Василия взял с собою в Орду.

И так ушел царь с бесчисленным богатством и с бесчисленным полоном восвояси.

И потом через несколько дней благоверный великий князь Дмитрий Иванович и брат его из двоюродных, князь Владимир Андреевич, каждый со своими боярами старейшими приехали в свою отчину на Москву и увидели взятый город, и плененный, и огнем сожженный, а святые церкви — разоренными, а людей многое множество иссеченных, и трупы лежащие мертвые. И обо всем этом сожалел весьма великий князь Дмитрий Иванович, так что расплакался он великими слезами. И кто не заплачет о такой гибели города! Или кто не пожалеет такое множество людей, напрасно насилием скончавшихся! И кто не посетует о таком пленении!

И повелели телеса убитых мертвых хоронить с псалмами и песнопениями, и давали за восемьдесят человек мертвых по рублю тем, которые хоронили мертвых, и сосчитали, что того всего дано было за погребение мертвых 300 рублей; ибо убиты многие были татарами, а иные же своими убиты были имения ради, ибо друг друга грабили и убивали. Полону же столько выведено было в Орду — многое множество, так что и сосчитать невозможно было.

В 6891 лето от Адама (1391 лето от Христа)

В месяце сентябре князь великий Дмитрий Иванович послал рать свою на князя Олега Ивановича Рязанского. Он же вышел в поле с боярами своими.

Они же, пойдя, землю его повоевали, и огнем пожгли, и пленили всех, и пустой всю сотворили, так что злее ему стало татарской рати.

Той же осенью князь великий Михаил о Александрович Тверской с сыном своим, с князем Александром, пошли к Тахтамышу царю в Орду с честью и с дарами, а пошли не прямыми путями, но окольными, и не по дорогам, опасаясь и таясь от великого князя Дмитрия Ивановича, искали себе великого княжения Владимирского и Новгородского.

Той же осенью князь Борис Константинович Городецкий, брат великого князя Дмитрия Константиновича Нижнего Новгорода и Суздаля, пошел в Орду из своего Городка к Тахтамышу царю с честью и с дарами.

Той же осенью был Киприан, митрополит всея Руси, в Твери и там переждал татарское нашествие; князь же великий Дмитрий Иванович послал за ним двух бояр своих Семена Тимофеевича да Михаила Морозова, зовя его к себе на Москву.

Он же пошел из Твери на Москву месяца октября в 3-й день, а на Москву пришел того же месяца октября в 7-й день.

Той же осенью Федор Тимофеевич убит был от своего лукавого раба.

Той же осенью не захотел князь великий Дмитрий Иванович Московский, чтобы преосвященный Киприан был митрополитом всея Руси и питал к нему нелюбовь. Киприан же митрополит воспомнул Господне слово, глаголющее: «Когда гонят вас из города сего, бегите в другой». Ибо так и в священных правилах писано у святого Петра Александрийского, и везде много глаголет о сем Божественное Писание, и Господь в молитве повелел глаголать к Отцу, иже на небесах: «Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого». Ибо нет греха убежать от бед и напастей, но впадшим в грех некрепко стоять о Боге. И апостол Павел наказует нас — не давать места гневу, а не вводить себя в напасти и в беды дерзостно и безумно. Подобаet ведь вражду терпением и смирением разорять, если же это невозможно — не давать место гневу. И так Киприан, митрополит всея Руси, той же осенью из Москвы ушел в Киев, и с ним вместе пошел игумен Афанасий из Серпухова от князя Владимира Андреевича.

И пришел в Киев на свое место митрополичье, и в соборной церкви киевской, матери всем церквам руским, принят был митрополит всеми с великою честью; и встретили его далеко от города с крестами, и князья, и бояре, и вельможи, и народа много с радостью и с честью многою. И там пребывал Киприан митрополит, в киевских областях, владея по обычаю церковному, и все слушались и чествовали его. О Пимене. Тогда Пимен митрополит освободился от заточения и от уз: ибо в это время послал за ним в Тверь князь великий Дмитрий Иванович со многою честью, зовя его к себе в Москву на митрополию.

Он же пришел из заточения на Москву, и встретил его священный собор с крестами, а сам князь великий встретил его далеко за городом с детьми своими, и с боярами, и со множеством народа с честью и с любовью.

И был митрополит Пимен на Москве и на подлежащих ему городах, владея по обычаю церковными делами, и все слушались и чествовали его.

Той же осенью пришел посол к великому князю Дмитрию Ивановичу от царя Тахтамышы по имени Карач о мире и с жалованием от царя.

Князь великий повелел христианам дворы ставить и город делать.

Той же зимой Пимин митрополит поставил епископа Савву в Сарай, а с ним были на поставлении епископы Матфей Гречин Ростовский да Никандр, а тогда был Пимен митрополит в городе Переславле, там его и поставил с преждереченными епископами.

И из Переславля пошел на Кострому с теми же епископами, и там поставил Михаила епископом в Смоленск.

И оттуда пришел во Владимир, и там поставил с теми же преждереченными епископами Стефана Храпа епископом в Пермь.

Оттуда уже и отпустил их: Савву епископа — в Сарай, а Михаила епископа — в Смоленск, а Стефана Храпа епископа — в Пермь.

Той же зимой пришел из Царьграда Дионисий, епископ Суздальский, в свою епископию месяца января в 6-й день, а получил себе архиепископию у патриарха Нила и для будущих после себя епископов в том пределе, в Суздале, и в Новгороде, и на Городце; и дал ему патриарх и весь вселенский собор фелонь с четырьмя крестами. Тогда же вынес из Царьграда и страсти Спасовы, и мощи многих святых. Той же весной Благовещение было в среду на Светлой неделе, а снег после Благовещения лежал четыре — недели, и морозы были великие; и всюду люди ездили с поклажей на санях, словно на Крещенье: такой был путь крепкий, и стужа, и морозы великие.

Той же весной князь великий Дмитрий Иванович послал сына своего старшего князя Василия из Владимира в Орду к Тахтамышу царю вместо себя тягаться о великом княжении Владимирском и Новгородском с великим князем Михаилом Александровичем Тверским; а с ним послал старейших своих бояр и верных лучших; и пошли из Владимира месяца апреля в 30-й день. И пребывал там в Орде у Тахтамышы царя князь Василий Дмитриевич три года. А пошли из Владимира водою в судах Клязьмою в Оку, а из Оки Волгою на низ с дарами и со многую честью.

В том же году преставился блаженный старец Павел, живший житием иноческим дивным; и книжен был весьма, и философ великий, и

в молчании и безмолвии жил много; когда же время беседы бывало ему — многорассудительной и полезной очень была, а слово ею солью божественною растворено, многодобродетелен и дивен во всем был, нарицался же прозвищем — Павел Высокий; положен был в Печерском монастыре честно в Новгороде Нижнем. И многие поскорбели о нем, потому что был утешением и прибежищем духовным многим, приходящим к нему, не только же пресвитерам и инокам, но и миряне скорбели о нем, да и сам митрополит и епископы; и тот Дионисий, епископ Суздальский и Городецкий, и Новгорода Нижнего, опечалился о нем, так как книжен был очень и благорасположен к обычаям добрым, и благопослушлив о Господе, и всем сладок, и утешителен, и полезен.

В том же году пошел в Орду к Тахтамышу царю князь Иван Борисович, внук Константинов, к отцу своему, к князю Борису Константиновичу, ибо был тогда князь Борис в Орде.

В том же году князь великий Дмитрий Константинович Суздальский и Нижнего Новгорода послал в Орду к Тахтамышу царю сына своего князя Семена, поскольку сам в старость пришел и в немощь.

Начало явления образа Пречистой Богородицы, что на Тихвине. В том же году явилась икона — образ Пречистой Богородицы Одигитрии в области Великого Новгорода, в Обонежской пятине, на Ояти, в Выченицах, сто верст от города; а того никто же не ведал, откуда явилась. И были от той иконы образа Пречистой чудеса многие.

И там поставили церковь во имя Рождества святой Богородицы. И через некоторое время оттуда сошла невидимо, да вновь явилась на Кожеле, оттуда за двадцать верст на Кукове горе; и на том месте поставили церковь во имя Покрова святой Богородицы.

И оттуда явилась на Тихвине, над рекою, на горе, икона — образ Пречистой, на воздухе; и собралось множество народа на великое это чудо; и на том месте, на горе, заложили церковь, три венца, во имя честного Ее Успения, и к ночи разошлись люди по домам.

Наутро же пришли на то место и не обрели ничего, а сруб церковный и икону узрели на другой стороне реки Тихвины и тут и свершили церковь.

И с тех пор начали бывать у Пречистой Богородицы на Тихвине великие чудеса с верою приходящим, и стояла церковь и образ на том месте семь лет.

И сгорела та церковь от свечи, а чудотворную икону обрели невредимой в пепле; и поставили иную церковь.

Тем же летом месяца июня в 30-й день, на Петров день, пошел в Царьград Дионисий, архиепископ Суздальский, а с ним отпустил князь великий Дмитрий Иванович к патриарху Нилу отца своего духовного игу-

мена Феодора Симоновского, племянника преподобного игумена Сергия Радонежского, об управлении митрополией Руской.

Тем же летом, месяца июля в 10-й день, преставился в иноческом чину князь великий Дмитрий Константинович Суздальский и Новгорода Нижнего, внук Васильев, правнук Михайлов, праправнук Андреев; было же ему во святом крещении имя Фома, а иноческое — Феодор. И положен был в его отчине и дедине, в Новгороде Нижнем, в каменной церкви святого Спаса, подле отца его Константина Васильевича и подле брата своего князя Андрея; был на великом княжении два года, а в своей отчине, на великом княжении в Суздале и в Нижнем Новгороде — 19 лет; а всех лет жизни его 61.

Тогда же услышал Тахтамыш царь о смерти его и скорбел о нем, так как любимцем его был; и дал после него великое княжение Суздальское и Новгорода Нижнего брату его князю Борису Константиновичу, ибо тогда был он у царя в Орде, и с сыном своим князем Иваном; и воздал ему Тахтамыш царь честь великую, и тем же летом на осень отпустил его в его отчину на великое княжение в Суздаль и в Новгород Нижний.

И пришел месяца ноября в 8-й день с сыном своим Иваном и с племянником своим, с князем Семеном Дмитриевичем, вместе из Орды, с пожалованием от царя; и сел на великом княжении, на отчине и дедине своей в Суздале и в Нижнем Новгороде, и на Городце с сыновьями своими и с племянниками своими в мире и в любви.

В 6892 лето от Адама (1392 лето от Христа)

Тахтамыш, царь Волжский и всех орд высочайший царь, пожаловал князя Михаила Александровича Тверского его отчиною и дединою, великим княжением Тверским, и сказал ему так: «Я улусы свои сам знаю, и каждый князь русский на моем улусе, а на своем отечестве, живет по старине, а мне служит правдою, и я его жалую; а что неправда предо мною улусника моего князя Дмитрия Московского — и я его устранил, и он мне служит правдою, и я его жалую по старине в отчине его; а ты пойдя в свою отчину, в Тверь, и служи мне правдою, и я тебя жалую».

И пришел князь Михайло Александрович Тверской из Орды от Тахтамыша царя с пожалованием и с честью в месяце сентябре, а сына своего князя Александра оставил в Орде. Тогда же был в Орде у Тахтамыша царя и князь Василий Дмитриевич Московский. И смущал их некий князь ордынский, обещая каждому дать великое княжение, «и что царя — говорил — на это уговорю».

Той же осенью был во Владимире лютый посол по имени Адам от Тахтамыша царя.

Той же осенью князь Патрекей Наримантович, внук Гедиманов, пришел из Литвы в Новгород.

И дали ему новгородцы в кормление город Орехов Корельский, и другой городок — пол-Копорья и Лужеское село. И потом, немного пробывшему ему там, и били челом крестьяне — ореховцы, и копорьинцы, и луженцы — посадникам новгородским на князя Патрекия Наримантовича, внука Гедиманова, сказывая о его угнетении лютом.

Посадники же новгородские отняли у князя Патрекея те города и дали ему города Русу и Ладогу.

В том же году убит был на Москве некий князь литовский по имени Комат за некую крамолу и измену. В том же году новгородцы поставили город каменный на Яме по благословению архиепископа своего Алексия.

В том же году помрачение было на многие дни и ночи; птицы падали на землю и на воду, ибо не видели, куда лететь, а люди не смели ездить по озерам и по рекам; и была среди христиан скорбь и туга великая.

В том же году пришел из Царьграда в Киев Дионисий, епископ Суздальский, поставленный патриархом в митрополиты на Русь.

И помышлял от Киева идти на Москву, а тогда был в Киеве митрополит Киприан; и взял в плен Дионисия митрополита князь Владимир Ольгердович Киевский, внук Гедиманов, и сказал ему так: «Почто пошел в Царьград к патриарху ставиться в митрополиты без нашего совета? Вот, в Киеве есть митрополит Киприан, и тот и есть всей Руси митрополит; пребывай же здесь, сидя в Киеве». И так пребывал Дионисий митрополит, бывший архиепископ Суздальский, в Киеве в плену и до смерти своей.

В том же году был сбор дани великой по всему княжению Московскому: с деревни по полтине; тогда же и золотом давали в Орду. В том же году князь великий Дмитрий Иванович послал бояр своих к Великому Новгороду: Федора Свибла, Ивана Уду, Александра Белеута черный бор собрать; и дали новгородцы черный бор.

В том же году поставили в Новгороде каменную церковь святого Филиппа, а другую церковь, каменную же, святого Иоанна.

В том же году пришел из Царьграда отец духовный великого князя Дмитрия Ивановича Феодор, игумен Симоновский, племянник преподобного игумена Сергия Радонежского, поставленный патриархом Цареградским Нилом в архимандриты; и наибольшую честь оказал ему, нежели иным архимандритам.

В 6893 лето от Адама (1393 лето от Христа)

Было знамение месяца сентября в 23-й день, в первый час дня: возшло солнце, и пришла туча с западной стороны скоро весьма, словно тьма, и помрачила свет дневной до третьего часа. И столь было темно, как в осеннюю темную ночь, и не поняли люди, что это такое. И была скорбь и туга великая среди людей; также понемногу стали видны облака — то желтоватыми бывшие, а также и багряновидными, и тонкими. С некоторых сторон тогда облака проходили в середине утра и во время обеда, и после обеда; кое-где огненные облака ходили, и искры падали на землю, и зажигали. И столь страшно и грозно было, словно второе пришествие Христово (настает), мнили все. Той же осенью князь великий Михайло Александрович Тверской женил сына своего князя Бориса у великого князя Святослава Ивановича Смоленского; и венчан был в церкви святого Спаса в Твери месяца ноября в 8-й день, на Собор архангела Михаила. Той же осенью пришли из Царьграда два митрополита грека: одному имя Матфей, а другому имя Никандр, а с ними архидьяконы и прочие сановники, и приглашали Пимена митрополита в Царьград к патриарху Нилу. Той же зимой посадники новгородские сотворили вече по старому обычаю новгородскому, посадник Феодор Тимофеевич и тысяцкий Богдан Аввакумович, и крестным целованием укрепились — чтобы не звали их на Москву к митрополиту на суд, но судить бы их владыке Новгородскому Алексию, или кто после него иной владыка будет в Новгороде; судить же их по закону греческому, и в правде, и в вине быть у них по вере, по Евангелию закона греческого. А посаднику и тысяцкому судить своими судами по рускому обычаю, по целованию крестному; а на суд брать двум истцам по два боярина и по двое житейских людей с каждой стороны.

Той же зимой князь великий Михайло Александрович Тверской женил сына своего князя Василия у князя Владимира Ольгердовича Киевского, у внука Гедиманова; и венчан был в церкви святого Спаса в Твери. В том же году переведено было слово святого и премудрого Георгия Писиды «Похвала к Богу о сотворении всей твари, так возвеличились дела Твои, Господи, все премудростью сотворил», у которого начало: «От всякого дела и богоглаголивого слова, и язык, и ум, и смысл, и сердце...».

В том же году князь Олег Рязанский суровейший взял Коломну, придя набегом, и наместника коломенского взял в плен, Александра Андреевича, нарицаемого Остея, и прочих бояр многих и лучших людей взяв в плен, повел с собою. И золота, и серебра, и всякого товара награбив, отошел в свою землю со многим полоном и богатством.

Тем же летом месяца июня в 29-й день родился у великого князя Дмитрия Ивановича сын Петр, и крестил его преподобный игумен Сергей.

В том же году месяца мая в 9-й день Пимен митрополит пошел в Царьград Волгою на низ к Сараю, а с ним Авраамий, игумен Ростовский.

В том же году князь великий Дмитрий Иванович собрал воинства много отовсюду и послал ратью брата своего из двоюродных, князя Владимира Андреевича, на великого князя Олега Рязанского и на всю землю его.

И тогда в том бою убили бояр многих московских и лучших мужей новгородских, и переславских; убили же тогда и крепкого воеводу великого князя Дмитрия Ивановича, князя Михаила Андреевича Полоцкого, внука Ольгердова, правнука Гедиманова.

А иную рать послал князь великий Дмитрий Иванович на Муром. В том же году были пустые беги.

В 6894 лето от Адама (1394 лето от Христа)

В месяце сентябре князь великий Дмитрий Иванович пошел в монастырь к Живоначальной Троице к преподобному игумену Сергию в Радонеж и молебны совершил Господу Богу и Пречистой Богородице.

И святую братию накормил, и милостыню дал, и глагола с молением преподобному игумену Сергию, дабы пошел от него сам преподобный игумен Сергей посольством в Рязань к князю Олегу о вечном мире и о любви.

Той же зимой, месяца декабря в 15-й день, преставился в Киеве Дионисий, архиепископ Суздальский, поставленный митрополитом на Русь патриархом Царьградским Нилом, а в Киеве тогда был митрополит Киприан, и когда пришел Дионисий митрополит из Царьграда от патриарха, и взял в плен его князь Владимир Ольгердович Киевский, внук Гедиманов; и сидел в плену, пока не преставился; и положен был в Киевской Печере великого Антония и Феодосия, и есть тело его и донныне цело и нетленно. Той же осенью в Филиппово заговенье, на Юрьев день в неделю побежал из Орды от Тахтамыша царя князь Василий Дмитриевич Московский месяца ноября в 26-й день.

Той же осенью в Филиппово заговенье преподобный игумен Сергей Радонежский сам ездил посольством на Рязань к князю Олегу Ивановичу Рязанскому от великого князя Дмитрия Ивановича Московского о вечном мире и о любви и с ним старейшие бояре великого князя. Прежде того ведь многие ездили к нему, и ни в чем не преуспели, и не смогли удовлетворить его. Преподобный же игумен Сергей, старец чудный, тихими

и кроткими словесами и речами, и благоуветливыми глаголами, благодарью, данною ему от Святаго Духа, много беседовал с ним о пользе души, и о мире, и о любви. Князь же великий Олег изменил свирепство свое на кротость, и утихомирися, и укротился, и умилился весьма душою, ибо устыдился столь святого мужа; и заключил с великим князем Дмитрием Ивановичем вечный мир и любовь из рода в род.

И возвратился преподобный игумен Сергей с честью и со славою многою на Москву к великому князю Дмитрию Ивановичу, и достойно похвалим был, и прославлен, и почтен всеми. Той же зимой преставился раб Божий Семен Яма и положен на Москве, в монастыре святого Вознесения.

Той же зимой, месяца января в 1-й день, на память великого Василия Кесарийского, в понедельник, во время обеда погибло солнце, и осталось его словно месяц четырехдневный, и вновь в вечернее время наполнилось, а было во мраке два часа. В том же году преставился епископ Ростовский Матфей гречин. В том же году князь Борис Константинович Суздальский и Нижнего Новгорода пошел в Орду к Тахтамышу царю.

Да тем же летом на осень пришел из Орды в свою отчину в Новгород Нижний и в Городец, и в Суздаль. В том же году сгорела церковь святого Михаила архангела на Городце Нижнего Новгорода.

В том же году побежал из Орды от Тахтамыша царя князь Василий Дмитриевич Суздальский Кирдяпа, внук Константинов, и встретил его посол татарский.

И, поймав, привел его в Орду к Тахтамышу царю, и принял за то от царя и от татар страдание великое.

В том же году князь великий Дмитрий Иванович послал отца своего духовного Феодора, архимандрита Симоновского об управлении митрополией в Царьград.

Тогда же из Нижнего Новгорода пошел в Царьград архимандрит Печерский Ефросин на поставление в епископию Суздальскую.

Той же осенью пришел из Орды князь Александр Михайлович Тверской, а с ним посол татарский.

В том же году Стефан Храп, епископ Пермский, ходил в Новгород Великий.

В том же году Иоаким архимандрит ветхий монастырь и церковь обветшавшую обновил, иконами и книгами наполнил, и иноков собрал, и кельи воздвиг многие, и привел туда Ивана игумена, мужа усердного; и так устроил общее житие о Христе.

В том же году в великой Орде Волжской убил сам царь Тахтамыш свою царицу, нарицаемую Товлунбеку. В том же году затворились ново-

городцы в Великом Новгороде, и был с ними у великого князя разрыв мирных отношений.

В том же году князь великий Дмитрий Иванович, имея неприязнь на Новгород из-за Костромы и из-за волжан, и пошел к Новгороду ратью с братом своим из двоюродных, с князем Владимиром Андреевичем, собравшись со многими силами в Филиппово заговенье перед Рождеством Христовым. И не дойдя до Новгорода, стал за тридцать верст на Ямнах.

И встретили его на Ямнах новгородцы со многою силою, вооружившись, и послали к нему послов своих о мире Ивана Аввакумовича, Ивана Александровича с челобитьем. Он же не принял мира.

Новгородцы же послали к нему с челобитьем владыку своего Алексия о мире. Он же приехал к великому князю и сказал: «Господине князь великий, я тебя благословляю, а Великий Новгород челом бьет, чтобы ты, господине, учинил мир, а кровопролиться бы не было; а за виновных людей Великий Новгород челом бьет тебе 8000 рублей». Великий же князь сильную имел неприязнь на Великий Новгород и владыки не послушал, но хотел идти к Новгороду.

Владыка же послал перед собой в Новгород Климентия Васильевича, посадничьего сына, говоря: «Князь великий мира не дал, а хочет идти на Новгород, и вы опасайтесь».

И тогда поставили новгородцы наспех оборонительный острог.

А князь Патрекей Наримантович да князь Роман Юрьевич с копорскими князьями были в Новгороде и выехали из Новгорода с новгородцами в доспехах чуть ли не к Жилотугу в воскресенье до обеда, и стояли там.

И возвратились опять в город. А владыка приехал от великого князя без мира. Поэтому был переполох великий в Новгороде после Крещения на четвертый день.

Промчалась весть в городе, что стоит князь великий Дмитрий Иванович со всею силою у Жилутуга. Новгородцы же, услышав об этом, начали бояться сильно и послали узнавать о вестях. Они же ездили и не обрели рати нигде.

И тогда новгородцы с того переполоху по благословению владычному и по своему совету около города зажгли посады свои, и монастырей великих — 24, а деревянных церквей — 6, и Плотничий конец, и Людин конец, и Неревский конец, и на всяких улицах вне города за Копаницею все хоромы пожгли; и многий был убыток Великому Новгороду. А святого Николы монастырь в понедельник ратные пожгли, церкви же не сожгли; а волостей много повоевали, а у купцов новгородских товару много пограбили, а людей многих, и жен, и детей в полон повели.

Тогда же посадник новгородский Григорий Якунович сказал владыке своему Алексею: «Святитель Божий Алексие, сотвори мир между нами; если же нет, то убьет меч многих».

Владыка же Алексей, а с ним два архимандрита, 7 попов, да 5 человек житейских, с каждого конца по человеку, пошел во второй раз к великому князю.

И били ему челом за Великий Новгород, говоря так: «Господин князь великий Дмитрий Иванович, новгородцы виноватых сами разыщут, которые воевали Кострому и гостей волжских грабили и били, и тех, кто в путь с ними ходил; а за тех, за кем княжчина залегла, и дают за них 8000 рублей, и черной бор пусть великий князь возьмет с них».

И взяли тогда новгородцы с полатей у Святой Софии 3000 рублей, и послали великому князю Дмитрию Ивановичу с посадником Григорием Якуновичем и с посадником Василием Федоровичем.

А 5000 рублей договорились отдать великому князю с Заволочской земли. Князь же великий смилоствовался и послушал владыку Алексея, и взял у новгородцов за повинных 8000 рублей, и возвратился из Ямен, и пошел на Москву.

В том же году ходили новгородцы за Волок: посадник Федор Тимофеевич, Тимофей Юрьевич, Юрий Дмитриевич и с ними дети боярские младшие, и молодые люди, и слуги брать это серебро на 5000 рублей с заволочан, что возложили на них в Новгороде, решив всем вечем по старине справедливо на всю Заволочскую землю, потому что заволочане были на Волге, и грабили, и били гостей, и Кострому воевали. И князь великий из Ямен возвратился и пошел к Москве, взяв мир с Новгородом, а наместников своих и черноробцев послал в Новгород Великий.

В том же году поставили новгородцы церковь каменную святого Климента на Иворовой улице. В том же году погорел город Орехов, а в Новгороде — конец Никитиной улицы.

В том же году князья ордынские между собой вступили в борьбу.

В том же году великий князь Ягайло Олгердович Литовский поехал жениться в Лятскую землю и женился там, а взял в жены королевну, Казимирову дочь Ядвигу; и там крестился в римскую веру, и потому досталось ему королевство.

И послал в Литовскую землю, и повелел крестить литву в немецкую же веру крестил половину своего города Вильны.

А два литвина его большие крестились в христианскую православную веру; он же хотел их крестить в свою веру, и не послушались его; король же Ягайло казнил их со многими муками и смерти повелел их предать.

В том же году князь Василий Дмитриевич, великого князя сын, внук Иванов, Московский, видя себя удерживаемого в Орде, помыслил, что невозможно ему убежать прямо на Русь. И размыслив крепко с верными своими доброхотами, и побежал в Подольскую землю, в Волохи Великие, к Петру воеводе.

И оттуда пошел, таясь, как неизвестный, и когда пришел в Немецкую землю, узнал его князь Витовт Кестутьевич и задержал его у себя.

Тогда ведь был Витовт в Немецкой земле, куда после убийства отца своего Кестутя убежал. Имел же Витовт у себя дочь единственную, и захотел ее отдать за князя Василия Дмитриевича, и сказал ему: «Отпущу тебя к отцу твоему в землю твою, если возьмешь дочь мою за себя, единственное чадо у меня». Он же обещался так сотворить, и тогда Витовт Кестутьевич стал держать его у себя в чести великой, пока не отпустил его к отцу на Москву.

В том же году князь Скиригайло Ольгердович взял Полоцк, а брата своего князя Андрея Ольгердовича взял в плен, а сына его убил.

В 6895 лето от Адама (1395 лето от Христа)

В месяце сентябре князь великий Дмитрий Иванович после сотворения мира и любви преподобным игуменом Сергием с великим князем Олегом Ивановичем Рязанским имели между собой любовь великую; и отдал князь великий Дмитрий Иванович дочь свою княжну Софью в Рязань за князя Феодора Олеговича Рязанского.

Той же осенью были морозы великие, и реки, и озера замерзли, и снег выпал; также в полночь, месяца октября в 26-й день, в Новгороде Великом поднялся ветер великий, и понес лед из озера в реку Волхов, и вынес из Великого моста 9 устоев.

Той же осенью князь великий Дмитрий Иванович отпустил бояр своих старейших навстречу сыну своему князю Василию в Волошскую землю.

Той же зимой князь великий Михайло Александрович Тверской возымел сильную неприянь к владыке Евфимию Тверскому, и не захотел его князь великий, и ушел владыка Евфимий в монастырь святого Николы над Ручьем в месяце январе.

Той же зимой месяца января в 19-й день пришел к отцу своему великому князю Дмитрию Ивановичу на Москву сын его князь Василий из Литвы, а с ним князья лятцкие, и паны, и ляхи, и старейшие бояре великого князя, ходившие навстречу ему.

Той же зимой прибежал из Орды князь Родослав, сын Олега Ивановича Рязанского. Той же зимой, в месяце январе, родилась у великого князя Дмитрия Ивановича дочь Анна.

О Исааке молчальнике

Той же зимой преставился инок молчальник Исаак у преподобного игумена Сергия, поживший добрым житием, имевший всякую добродетель: послушание, смирение, чистоту, молчание, воздержание, нищетную худость, нестяжание, рукоделие, пост, бдение, безмолвие, беззлобие, хранение слово Божие непрестанно в устах, память смертную, худость в одежде; и более всего к безмолвию и молчанию привержен был, и прочитанию Божественных писаний, и молитве, и умилению, и слезам; и поистине был дивен и достойно хвалим, земный ангел, небесный человек.

О Смоленском побоище

Той же весной князь великий Святослав Иванович Смоленский с братом своим, с князем Иваном Васильевичем, и с детьми своими Святославичами, с Глебом и с Юрием, собрался со многими силами и пошел ратью к городу Мстиславлю. Ведь прежде того город Мстиславль был Смоленский, но отняли его литовцы к себе; и захотели его у литвы отнять.

И много зла, идучи, сотворили земле Литовской, воюя землю Литовскую. Иных литовских людей смоляне брали в плен, мучили различными муками и убивали, а иных мужей и жен, и младенцев, в избах запирая, сжигали. А другим, стены дома разведя от высоты и до земли, между бревен руки вкладывали, от угла до угла стискивали людей, и пониже тех других повесив, между бревен руки вкладывая, сдавливали; также таким образом и до верха по всем четырем стенам сотворяли; и так по многим домам сотворили и зажигали огнем во многой ярости. А младенцев на копья натывали, а других, голеньями сцелив, вешали на жердях, как туши, вниз головой; нечеловечно, без милости мучали.

И пришел князь великий Святослав Иванович с детьми своими, с князем Глебом и с князем Юрием, и с племянником своим, с князем Иваном Васильевичем, к Мстиславлю городу в среду на Страстной неделе, месяца апреля в 18-й день; а с ними был в городе князь Свитригайло Олгердович. И затворились в городе, и стояли смоляне под городом Мстиславлем 11 дней, но не добились ничего. И было уже на завтра, в Фомину неделю, в середине утра появились около города с одной стороны полки рати литовской, и узрели смоляне в поле стяги литовской рати. В первом же полку был князь великий Скиригайло Олгердович, а в другом полку брат его князь Корибут Олгердович, а в третьем полку брат их князь Семен Лугвен Олгердович, а четвертый полк — Витофт Кестутьевич со множеством, и бесчисленными силами литовскими надвигались быстро на поле к городу.

Смольняне же, увидев их, пришли в смятение и заколебались, и начали поскорей выстраивать полки свои, и против их ополчаться; и пошли обоих против друг друга на бой.

И сошлись под городом Мстиславлем на поле, на реке Вехре; а народ, горожане, стояли на забралах и с города смотрели. И была между ними битва великая и сеча злая, и падали мертвыми многие на реке Вехре. И после того князя Олгердовичи одолели, а смольняне побиты были, а иные побежали. И тут убит был на Суиме князь великий Святослав Иванович Смоленски внук Александров, правнук Глебов Ростиславича, праправну Ростиславль, препраправнук Мстиславль, прашур Давида, прапрашур Ростислава, препрапрашур Мстислава, Владимира Маномахова сына, а Владимир Маномах — Всеволодов сын, а Всеволод — Ярославов сын, а Ярослав — великого князя Владимира сын. И тут убили племянника его князя Ивана Васильевича, внука Иванова, правнука Александрова.

А детей Святославовых, князя Глеба да князя Юрия, схватили и повели в Литву, а прочих смольнян многих, бояр и воевод, и слуг избили, а иных похватили, а иные бежали и утонули в реке Вехре.

А за иными князя литовские погнались и прогнали их до Смоленска, преследуя. Смольняне же затворились в городе Смоленске.

Литва же много стояла около города и взяла выкуп с него.

А тела убиенных князей отдали им и взяли над смольнянами свою волю, насколько захотели.

А на княжении у них в Смоленске посадили из своих рук князя Юрия Святославича.

А брата его князя Глеба Святославича повели с собою в Литву. И пошли восвоюси с победою великою и славою, победив многое множество смоленского воинства, князей, и бояр, и воевод, и слуг, и простых людей без числа. Была же сия битва месяца апреля в 29-й день.

В том же году мор был в Смоленске на людей, и по волостям, и по селам, а в городе осталось только десять человек.

В том же году у города Твери около вала срубили кожух и землю насыпали. В том же году и ров выкопали глубже человеческого роста.

В том же году новгородцы по благословению владыки своего Алексия поставили город каменный Порхов.

В том же году сошел владыка Новгородский Алексей с владычества по своей воле и по своему хотению, благословив детей своих, посадников, и тысяцких, и весь народ; и пошел в монастырь святого Воскресения на Деревяницу; сидел на столе епископском 30 лет без года и без пяти месяцев.

И сотворили новгородцы по своему обычаю вече, и избрали трех мужей: Ивана, игумена Хутынского, Афанасия, игумена Рождественского, Парфения, игумена Благовещенского; и избрали их на Вознесеньев день месяца мая в 7-й день, пока митрополит не придет из Царьграда. Ибо тогда был Пимен митрополит в Царьграде, позванный от патриарха.

Тем же летом, перед Петровым днем, собрались татары, изгоном без вестей пришли на Рязань и повоевали ее, да и Любутск повоевали, а Олега князя чуть в плен не взяли.

В том же году царь Аксак Темир, придя, взял Арнач у Тахтамышша, царя Волжского.

В том же году князь великий Борис Константинович из Нижнего Новгорода послал в Орду сына своего князя Ивана.

В том же году пришел из Орды князь Василий Дмитриевич Суздальский, пожалован царем Тахтамышем: дал ему царь Городец.

В том же году князь Василий Дмитриевич Суздальский и Городецкий да брат его князь Семен Дмитриевич Суздальский, собрав воинства много со своей отчины, Суздаля и Городца, еще же и испросили себе у великого князя Дмитрия Ивановича Московского силу в помощь звенигородскую и волоцкую.

И пошли на дядю своего, на князя Бориса Константиновича, к Новгороду Нижнему; и, придя, стояли у города 8 дней; и потом помирились с дядею своим, с великим князем Борисом Константиновичем.

И сказал им дядя их: «Милые мои племянники, ныне я от вас плачу, потом же и вы восплачете от врагов своих». И отступился для них от волостей своих новгородских, а они отступились от его уделов; и так взяли мир между собою.

В том же году было половодье великое в реках от великих дождей. Тем же летом после Петрова дня, месяца июля в 6-й день, пришел Пимен митрополит на Русь из Царьграда, но не на Киев, а на Москву только; а пришел без разрешения, потому что в Киеве был Киприан митрополит, а в Москве — Пимен митрополит.

Тем же летом, месяца августа в 15-й день, на Успение Пречистой Богородицы, во Владимире Пимен, митрополит Московский, поставил Феогнаста епископа на Рязань, а там был и великий князь Дмитрий Иванович. В том же году преставился Герасим, епископ Коломенский.

В том же году новгородские посадники и тысяцкие сотворили между собою уسوبную брань, и восстали на посадника, на Осифа Захарьина, три конца, и ударили в вечевою колокол у Святой Софии, и пошли на Двор в доспехах с оружием.

Осиф Захарьич же, посадник, убежал за реку в Плотничий конец, и восстала за него вся Торговая сторона, и были в великой брани две недели; и отняли посадничество у Осифа Захарьича, и так сотворили между собою мир и любовь; и дали посадничество Василию Ивановичу.

В 6896 лето от Адама (1396 лето от Христа)

В месяце сентябре Пимен митрополит послал в Новгород к посадникам и к тысяцким, чтобы пришли к нему на Москву и с теми, из которых кто избран будет на епископство в Новгород.

Той же зимой, месяца января в 8-й день, пришли на Москву с Иваном, игуменом Хутынским, которому, если Бог захочет, епископом быть в Новгороде, к митрополиту на поставление: посадник новгородский Василий Федорович, тысяцкий Осиф Фалелеевич, Иев Аввакумович, Тимофей Иванович, и иных бояр, и великих людей многое множество.

И поставлен был Пименом митрополитом в Великий Новгород в архиепископы того же месяца января в 17-й день; и были на поставлении его с митрополитом епископы: Феогнаст, епископ Рязанский, Михаил, епископ Смоленский, Савва, епископ Сарайский, да Нил, епископ Звенигородский; поставили же его при великом князе Дмитрие Ивановиче.

Той же зимой, месяца января в 18-й день, родился у князя Владимира Андреевича сын Афанасий, его же прозвали Ярославом, от него и прозвались Ярославичами.

Той же зимой случилась вражда между великим князем Дмитрием Ивановичем и братом его из двоюродных, князем Владимиром Андреевичем; и схвачены были бояре старейшие князя Владимира Андреевича, и разведены все по разным городам, и сидели в плену в крепости великой и истомлении; и были к каждому приставлены надсмотрщики жестокие зело.

Той же зимой пришел на Москву Феогнаст, митрополит Трапезундский, милостыни ради.

Той же весной, месяца марта в 25-й день, на Благовещение Пречистой Богородицы, князь великий Дмитрий Иванович заключил мир и прощение с братом своим из двоюродных, с князем Владимиром Андреевичем.

Той же весной в неделю Вербную Пимен, митрополит Московский, поставил Павла, архимандрита Рождественского, из Владимира в епископы на Коломну, а в Киеве в те времена Киприан митрополит.

Той же весной после Великого дня у князя Юрия Дмитриевича болезнь тяжкая очень была, но Бог помиловал его, и он вновь выздоровел. Той же весной мор был во Пскове великий, а признаком болезни опухоль.

Той же весной ездил Иван архиепископ во Псков из Новгорода, и молебны совершил, и водою всех окропил; и прекратился мор; и возвратился здоровым с близкими его в Новгород.

В том же году посадник Григорий Яковлевич поставил церковь каменную Покрова Пречистой Богородицы на Воротах. В том же году мор был сильный в Новгороде.

В том же году пришли послы от папы Римского на Москву.

Князь Лугвен Литовский, нареченный в святом крещении Семион, прислал послов своих в Новгород Великий, Овогимонта и Братошу, желая быть у них в Новгороде и сесть в городках, которыми владел Наримант.

В том же году пришел в Новгород князь Семен Лугвен Олгердович, внук Гедиманов, на Успение Пречистой Богородицы, и приняли его новгородцы с честью, и сел в тех же городах, что были за Наримантом Гедимановичем, в месяце августе. В том же месяце августе изгоном примчались татары на окраины рязанские.

В 6897 лето от Адама (1397 лето от Христа)

В Новгороде Великом мор был сильный, и во Пскове, и по волостям, и по селам. Той же осенью, в месяце сентябре, от пятого дня и до девятого безпрестанно дождь шел, и потом выпал снег, и были морозы и стужа великая. Той же зимой от Николина дня и до Крещения были морозы великие безпрестанно, и была нужда великая людям и скоту.

Хождение Пименово в Царьград. Той же весной Пимен митрополит в третий раз пошел в Царьград к патриарху, а с ним Михаил, владыка Смоленский, да Сергей, архимандрит Спасский, да старцы его и слуги, и протопоп, и протодьякон, и иные священники, и дьяконы. Было же начало пути тому от города Москвы в месяце апреле в 13-й день, в Великий вторник на Страстной неделе. Князь же великий Дмитрий Иванович вознегодовал на митрополита за то, что без его совета пошел, была еще и распря некая промеж них; и так началось путешествие. И повелел митрополит Пимин Михаилу, владыке Смоленскому, да Сергию, архимандриту Спасскому, и всем: если кто захочет, пусть запишет об этом путешествии все — как пошли и где что случилось, или кто возвратился или не возвратился вспять; мы же сие все записывали. И так пошли от Москвы, как впереди уже было написано, и пришли на Коломну в субботу Великую. А в святую неделю Пасхи пошли к Рязани по реке Оке и приспели к Перевитку; и тут встретил нас Еремий, епископ Рязанский, Гречин.

И приблизились мы к городу Переславлю, и встретили нас сыновья великого князя Олега Ивановича Рязанского; и когда те отошли, и мы не-

много от своего места перешли, и встретил нас с великою любовью сам князь великий Олег Иванович и с детьми своими, и с боярами.

И пришли мы к городу Переславлю, и встретили нас с крестами. Пришел же митрополит в соборную церковь и молебен совершил, и пировали у великого князя, и честь многую приняли. И так беспрестанно чествовали нас со своим епископом Еремием Гречином.

Также и когда уходили мы оттуда, проводил нас сам князь великий Олег Иванович Рязанский и с детьми своими, и с боярами со мною честию и с любовью.

Также поцеловавшись, разлучились. Он возвратился к городу.

Мы же пошли вперед; и отпустил с нами боярина своего Станислава с довольно большою дружиною; повелел нас проводить до реки Дона с великим опасением из-за разбойников. Проводили же нас тогда и епископы многие: Феодор Ростовский, Ефросин Суздальский,

Еремий Гречин, епископ Рязанский, Исакий, епископ Черниговский, Данило, епископ Звенигородский, и архимандриты, и игумены, и иноки. Пошли же от Переславля Рязанского в неделю Фомину. Препроводили же с нами и три струга да насад на колесах; в четверг же пришли к реке Дону и спустили суда на реку Дон.

И во второй день пришли до Чур Михайловых, ибо там есть место, так называемое. Ибо некогда там и город был. И тут утешение взяв и о Господе целование сотворив, и с радостью и с умилением проводили нас епископы и архимандриты, и игумены, и священники, и иноки, и бояре великого князя

Олега Ивановича Рязанского, целовались все целованием святым и от того места возвратились восвояси. Мы же в неделю святых Мироносиц оттуда с Пименом митрополитом все пошли: Михайло, епископ Смоленский, и Сергей, архимандрит Спасский, и протопопы, и протодьяконы, и священники, и иноки, и слуги; влезли в суда и поплыли рекою Доном вниз по течению.

Было же это путешествие печально и уныло, ибо была пустыня повсюду, нельзя было увидеть там ничего — ни города, ни села; если и были здесь в древности города красивые и известные зело, то по виденному нами — только все места пустые и ненаселенные, нигде не было видно человека, только пустыни великие и зверей множество: козы, лоси, волки, лисицы, выдры, медведи, бобры и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и прочие. И были все пустыни великие.

Во второй же день речного плаванья минули две реки, Мечу и Сосну. В третий же день прошли Острую Луку. В четвертый же день прошли Кривой Бор. В шестой же день приспели до устья Воронежа-реки.

На утро же воскресенья, на память святого чудотворца Николы, приехал к нам князь Юрий Елецкий с боярами своими и со многими людьми. Ибо послал к нему вестника князь великий Олег Иванович Рязанский. Он же сотворил поведенное и воздал нам честь и радость, и утешение великое.

Оттуда же приплыли к Тихой Сосне и видели столпы каменные белые, дивно же и прекрасно стоят рядом, словно стоги малые, белые же и светлые очень над рекою над Сосною.

Также минули и реку Черленый Яр, и Бетюк-реку, и Похорь-реку.

В неделю же пятую о Самаряныне минули, плывя, реку Медведицу и реку Горы Высокие, и реку Белый Яр. В понедельник же, плывя, минули горы Каменные красные.

Во вторник же Терклию город минули, плывя — не город ведь, но только городище. Также и перевоз минули.

И там впервые повстречали очень много татар, словно листья и песок.

В среду же, плывя, минули Великую Луку и царев Сарыхозин улус.

И так оттуда начал нас страх охватывать, ибо вошли в землю Татарскую; их же множество на обеих сторонах Дона реки, словно песок.

В четверг же, плывя, минули Бек-Булатов улус. Стада же татарские видели в таком множестве, что и ум превосходит: овцы, козы, волы, верблюды, кони.

Также в пятницу минули Червленые горы. В неделю же шестую о Слепом, плывя, минули Бугин улус, и тут многое множество татар, и многие стада всякого скота без счета. Из татар же никто нас не обидел, только спрашивали нас везде. Мы же отвечали, и они, услышав, никакой нам пакости не творили и молоко нам давали. И так с миром в тишине плавали. В понедельник же прошли Бузук-реку. В канун дня Вознесения Господня достигли, плывя, до моря и города Азова.

В неделю же седьмую Святых Отцов погрузились в корабль на устье Дона-реки под городом Азовом. Тогда же были в Азове живущие там фряжские немцы, владеющие тем местом, и отплыли в море.

И было, в полночь корабль стоял на якорях. И некие в городе оклеветали нас перед фрягами, и догнали нас фряги в сандалях, и заскочили в корабль стремительно к нам. И был топот великий на помосте корабля, и что там происходило, никто не ведал.

И вышли на помост, и увидели мятеж великий. И сказал мне Михайло епископ: «Что, брат, так стоишь, никакой печали не имея?», мне же спросившему: «Что случилось, господин мой святой?» И сказал мне: «Ведь эти фряги, из города Азова пришедшие, нашего господина, Пимена мит-

рополита, схватив, сковали, и Ивана протопопа, и Григория протодьякона, и Германа архидьякона, и Михаила дьяка; ибо им должны. Мы же с ними без вины погибаем. Также спросили старейшину фрягов тех, что хотят они с нами сотворить. Он же отвечал, сказав: «Не бойтесь вы, ведь что вашего есть, то вы свое все возьмете».

Также понемногу удовлетворены были Пименом митрополитом, и, довольную мзду взяв, всех нас отпустили невредимых.

И день тот прошел, и так на второй день пошли оттуда.

Тогда ведь ветер добрый и пособный был, плыли по морю в радости и в веселье великом. Также в третий день тяжкий встречный ветер, был. И пришли в истомление великое, опасаясь потопления корабельного, поскольку и сами корабельщики не могли стоять и сбивались, как пьяные.

И прошли устье Азовского моря, и вышли в великое море. В шестой же день в субботу минули Кафинский лиман и Сурож и, мимо шествуя, плыли добре четыре дня: воскресенье, понедельник, вторник, среду.

Также в пятый день в четверг подул очень сильный встречный ветер, и повело нас по морю в левую сторону к Синопу городу, и вплыли в лиман близ города Синопа. И некие, из города Синопа выйдя, посетили нас и пищею, и вином угостили добре. И там пробыли два дня.

Также повеял добрый попутный ветер, и поплыли близ берега. Были же там очень высокие горы, так что до половины тех гор простирались облака, преходящие по воздуху. Также оттуда немного пройдя, там, под теми же горами, напротив города Амастра, заговели к Петрову дню.

И так во вторник плывя, минули Пандораклию. В среду же подул ветер встречный сильный. И снова возвратились в Пандораклию.

И пребывали там в Пандораклии 9 дней. И там есть церковь святого Феодора Тирона, там же мучение его было, в ней же и гроб его.

Также оттуда пошли в сандалиях к Царьграду на Рождество святого Иоанна Предтечи.

И наутро в пятницу минули, плывя, Диополь город, в субботу же обещали на устье реки Сахара.

В воскресенье же минули город Дафнусий и город Карфию.

Также, плывя, пришли в город Астравию и там пребывали, узнав известия о Амурате царе. Ибо царь Амурат Турецкий пошел ратью на Сербского царя Лазаря.

О Амурате царе

Был же сей царь Турецкий Амурат из рода христианского, обладающего землями посреди Персиды, впоследствии же назвавшейся Арменией.

Оскудели же цари греческие, и так из тех стран армянских воцарился у греков царь. Другой же брат его воцарился в отечестве своем Армении. Были же оба христианами, и царьградский, который и есть Армянский, то есть двое братьев были: один у греков царствовал, а другой в Армении царствовал.

Потом же греческий царь, подговоренный своими приближенными, пошел на брата своего ратью, на царя армянского, он же именуется и Ачемийским.

Услышал же царь Ачемийский такое о брате своем и постригся в иноческий чин.

И встретил брата своего греческого царя в иноческом образе, пешим. Удивился же о сем брат его греческий царь. Он же сказал ему: «Господине и брате, что дивишься обо мне? Не ведаешь ли, что деды наши и отцы не хотели крови пролить между собою. Я ли, худой и грешный, могу сие сотворить? И поэтому принял святой ангельский иноческий образ, и пусть будет вся держава моя в твоих руках. Единственный же есть у меня сын, и тот небрежет о славе суетной, но из-за юности не может принять иноческого жития. Есть же много монастырей, которые отцы наши создали в народе нашем. Дай ему предписание твое, чтобы окормляться ему от тех монастырей, прочее же в твоей власти все».

Брат же его греческий царь сотворил такое сыну его; также потом и владетелем сделал сына его в тех странах. Также и того сына сыновья обладали странами своими армянскими, которые называются ныне ачемийскими. Возобладали же там турки, и, восточные страны отняв, присоединили к себе и ачемийские страны, и в веру свою обращали. Правнук же царя того, постригшегося в иноческий образ, перешел в веру турецкую; имя его — Аркан, а его первый сын — Сулимен. Сей Сулимен, приняв скипетр его, в западные страны направился.

Еще когда жив был отец его Аркан, в Калиполь морем перейдя, открыл путь и прочим при царе греческом Андронике, ведшим борьбу с братом своим.

Также потом умерли Аркан и сын его Сулимен; и после Сулимена занял престол брат его, меньший сын Арканов, имя его — Амурат. Он силою превзошел всех, и лютостью, и жестокостью, и многие царства покорил под свою власть на востоке и на западе, и Турецкую страну покорил себе. Поэтому называется турецким царем, поскольку турецкими странами обладает. Также и на христианского царя Сербского Лазаря, вооружившись, пошел. Православный же царь Сербский Лазарь, со многими силами собравшись, пошел против него.

Был же некто у Лазаря, царя Сербского, слуга; верен был, но некие оклеветали его, что неправдиво и неверно служит царю.

Сошлись же оба полка, и была брань великая и сеча злая.

Оклеветанный же тот, правдивую свою службу желая показать, вошел в полк турецкого царя Амурата, выдавая себя за сбежавшего от православного Сербского царя Лазаря; перед ним же турецкие полки расступились, давая путь. Он же, объявляя себя с любовью идущим к Амурату, царю Турецкому, внезапно вонзил быстро меч свой в сердце Амурата, царя Турецкого.

И в тот же час умер Амурат, царь Турецкий. Убит же был ими и чудный тот слуга христианский.

И поэтому турки пришли в смятение, и начали тогда одолевать сербские силы с Лазарем царем над турками.

Также турки вскоре Амуратова сына Баазита поставили царем у себя.

И так турки начали одолевать Сербского царя Лазаря и воинство его, и взяли Сербского царя руками, и князей его, и воевод его, и бояр его, и слуг его, и все воинство его, одних избили, других же руками похватали.

Повелел же Баозит, царь Турецкий, Сербского царя Лазаря мечом посечь. Была же сия битва в 6897 году. Так нам поведали горожане. Поскольку были в Турецкой державе, мятеж был великий и смущение многое в той стране.

И убоявшись мятежа, отпустил Пимен митрополит чернеца Михаила к Царьграду, а Михаил, епископ Смоленский, меня, Игнатия, а Сергей, Азаков архимандрит — своего чернеца. И пошли из города Остравия в воскресенье перед Петровым днем.

Наутро же пошли от Фили и минули Риву, и пришли к Устью, и минули Фонарь.

Ветер же был хорош весьма, и приплыли в Царьград с радостью неизреченною.

В понедельник же, в канун Петрова дня, во время вечерни пришли к нам русские, живущие там, и была всем радость великая, и в ту ночь пребывали в корабле.

Наутро же, месяца июня в 29-й день, в самый праздник святых апостолов Петра и Павла, благодаря Господа Бога, вошли в град Константинов.

Утром того же месяца в 30-й день пошли к церкви святой Софии Премудрости Божией. И дойдя до Великих врат, поклонились чудотворной иконе Пречистой Богородицы, от которой изошел голос к Марии Египетской, когда возбраняла ей божественная сила войти в святую церковь, что в Иерусалиме, на поклонение Честному Кресту, и уразумела

она согрешения свои, и умилившись этому, поручницей себе Пречистую Богородицу назвала; и когда она таковые словеса говорила, вдруг внезапно услышала голос, глаголющий ей издалека: «Аще Иердан преидеши и добр покой обрящеши». И так мы поклонились той святой и честной иконе Пречистой Богородицы, которая стоит внутри церкви святой Софии, и прочим святым иконам, и святым мощам целебным святых, и святым ракам чудотворным.

И целовали трапезу, на коей полагают святыя страсти Христовы. И потом целовали святого Арсения патриарха и многих святых. Также целовали трапезу Авраамову, на которой угощал Христа Бога, в Троице являшагося. Также целовали одр железный, на котором Христовы мученики сжигаемы были. И пробыли все утро в церкви, поклоняясь и дивясь чудесам святых и величеству, и красоте безмерной церковной.

Отслушав святую литургию, пошли из церкви на двор Константинов и видели там здание царское. Тут есть игрище царское, которое называется ипподром, и там стоит столп медный, словно в три пряди свитый, вверху же разделены были те пряди, и на каждом конце тех прядей по змеиной голове, камением и жемчугом украшенных. В том же столпе заклёпан яд змеиный. Были тут и иные столпы многие, каменные и медные, и чудеса многие. И много на них смотрели, дивясь.

Также месяца июля в 1-й день, на память святых чудотворцев Козмы и Дамиана, пошли в монастырь святого Иоанна, который называется на греческом языке Продром, по-русски же — Предтеча. И тут поклонились и целовали, и упокоили нас с добре там живущие русские. В третий день того же месяца во 2-е число на Положение ризы Пречистой Богородицы пошли во Влахерны и целовали там святую раку, в которой лежат риза и пояс Пречистой Богородицы. Также оттуда пошли к Апостольской церкви и поклонились, и целовали со многим страхом и трепетом святой столп, к которому привязан и бит был Господь наш Иисус Христос в спасительной вольной его страсти, и сорок совершенных принял ран, смертный являя ответ спасения ради нашего. Тут же есть и Петра верховного камень, на котором плакал горько об отвержении во время вольного страдания Христова. Также поклонились образу Пречистой Богородицы, которая явилась святому старцу в пустыне. Также видели там гробы царские святого великого и равноапостольного Константина царя, и великого Феодосия царя, и Феодосия Малого, и иных многих.

Также видели в той же стороне церковь малую, в которой образ Спасов великий, от него же изошел глас прощения на одре лежащему человеку и верою кающемуся о своих грехах. Также видели там же в приделе святого Спиридона епископа и Полиевкта, оба в теле, многие чудеса исто-

чающие, и мощи святого Иоанна Златоустого, и мощи святого Григория Богослова патриарха, в каменных ковчегах запечатанные.

В третий день того же месяца июля пошли к святому Антонию патриарху, поклонились и благословение от него приняли. В четвертый же день пошли и поклонились образу великого архангела Михаила, который явился отроку, стерегущему скот, и нашедшему у столпа этого золотомного, и вверженному иноками теми в море.

Также в шестой день пошли к Пречистой Богородице Одигитрии, что на русском языке зовется Наставницей, и, поклонившись, целовали со страхом и трепетом. И взяли поморизмо, и помазались радостомою так называемою. И пошли в великий честный монастырь Пантократора, и целовали святую доску Господню, на которой, с креста сняв, тело Христово положили, и Пречистой слезы на той доске запечатлелись. И там есть корчага, в самородном камне сделана, в ней же Христос воду в вино претворил, и держат в ней ныне и всегда воду святую Богоявленскую. Также видели там лежащие головы святых мучеников Сергия и Вакха, и Иакова Перского.

Также в восьмой день пошли и поклонились образу Христову, сотворившему чудо о купце Феодоре. После сего же в 16-й день месяца июля пришел Михаил, владыка Смоленский, от Пимена митрополита в Царьград.

После того, в 24-й день того же месяца пошли в монастырь святого великого Афанасия патриарха, которому дала посох на патриаршество святая Богородица, и целовали мощи его в теле, много исцелений подающие приходящим с верою. Также пошли оттуда в Перивлептов монастырь, и целовали там мощей святых много, и святого священномученика Григория в теле, многие исцеления изливающие всем, с верою приходящим. Там же есть и рука святого Иоанна Предтечи, Крестителя Господня.

Того же месяца июля в 31-й день ходили по верхнему ярусу церкви святой Софии, и видели 40 окон, что в шее барабана наверху церкви, и мерили: окно одно со столпом — по две сажени, и таких 40 окон со столпом, ширину имеющих по две сажени, в шее церковной; и этому много удивлялись, как предивно и изрядно украшено. Того же месяца августа в 1-й день пошли в церковь при Константинове дворе, которая называется Девятичинная церковь, а в ней есть столпы чудные очень и невероятные: ибо можно видеть находящихся около них людей и всех приходящих, словно в зеркале чистом, видящих свои образы. И сему много дивились.

Также оттуда пошли на берег моря, где есть целебный песок, и над ним церковь Святого Спаса, в которой есть святой чудотворный образ

Господень и святой равноапостольный Аверкий в теле, знамения и чудеса многие творящий. Также месяца августа в 2-й день пошли в монастырь святого Стефана Первомученика и поклонились, и целовали святые мощи его.

Также в 5-й день того же месяца пошли к Пигии, и поклонились Пречистой Богородице, и пили святую воду целебную, и умылись ею. Также в 8-й день того же месяца пошли в Перивлептов монастырь и целовали раку Предтечи и голову святого Григория Богослова патриарха, и лоб святого Стефана Нового, и икону Господню, от которой изошел глас царю Маврикию, а в ней вложено святых мощей много. И там есть потир из топаза, камня многоценного; и иных святых мощей многое множество видели.

Также в 9-й день месяца августа пошли в Пандократорскую церковь и в сосудохранильницу. Видели святое Евангелие, написанное все золотом рукою царя Феодосия Малого. И там целовали кровь Господню, истекшую из ребер Его в Распятии на кресте.

Также потом разболелся преосвященный Пимен митрополит и преставился месяца сентября в 11-й день в Халкидоне. И привезя тело его, положили вне Царьграда, на берегу моря напротив Галаты, в церкви Предтечи.

Тогда же был в Царьграде и Киприан, митрополит Киевский, о исправлении престола руского пребывающий; также и Пимен митрополит, когда жив был, об управлении престола руского пришел к Антонию патриарху в Царьград. Бог же своими судьбами так устроил: преставился Пимен митрополит, как прежде написали. И там преосвященный Антоний патриарх благословил Киприана в митрополиты на Киев и на всю Русь и отпустил его с честью.

И пошел оттуда месяца октября в 1-й день, а с ним Михаил, епископ Смоленский, и Иона, владыка Волынский, еще же с ним и два митрополита греческих, и Феодор, архимандрит Симоновский, духовный отец великого князя.

Отошли они, и через некоторое время после отшествия их пришла весть от них, сообщающая: «Утонули руские на море, только один корабль с митрополитом спасен был, а который с владыками корабль — без вести пропал». И некие говорили о них, что утонули, другие же говорили, что разбойниками убиты; иные же глаголали: от великих ветров и сильного волнения в Амастрию отнесены. Иные же глаголали, что в Дафнусий они. Также через несколько дней пришла грамота от Киприана, митрополита всея Руси, поведавшая о многих бедах их морского плавания, страшного пути, случившегося им, и такие были им громы, и трески, и

молнии, и от утрашений волн морских была душа их при смерти. И от великих ветров и вихрей развеяны были корабли их по морю, и не ведали друг о друге, где кто был.

Также Божьею благодатью буря прекратилась, и настала тишина великая; и понемногу собрались все, и спасены были, и к Белграду приплыли все здоровые; и Божьею милостью и Пречистой Его матери в Русию поплыли. Мы же, прочитав сии словеса, написанные в грамотах к нам от Киприана, митрополита всея Руси, и услышав, радостны были очень и давали дары на сорокоуст по Пимене митрополите по церквам и по монастырям. И святые места осмотрели, и многоцелебным гробам и чудотворным мощам поклонялись.

Видели же месяца февраля в 11-й день, в неделю о блудном сыне, как венчан был царь Мануил Царьградский в 6899 лето от Адама (1399 лето от Христа) на царство, и с царицею его благословлен, и поставлен отцом их преосвященным Антонием патриархом. Было поставление его на царство таково. Той ночью было бдение всенощное в великой церкви патриаршей святой Софии, что значит — Премудрость Божия.

Когда настал день, пришли туда, и разрешили нам смотреть чин поставления в этот сан. И сошлось народа многое множество, мужской пол внутри церкви святой Софии, а женский пол — на хорах, и это дивно и любомудро было. Ведь весь женский пол стояли на хорах за шелковыми занавесами, чтобы украшения их лиц, прельстительного и подверженного смерти, никому из народа не увидеть. И сами же те мужи, и весь мужской пол по старинному чину одеждami дорогими облачены, но без всякого щегольства. Жен же никак не увидеть мужчинам в церкви той. Жены же, стоящие на хорах, видели все. Певцы же стояли, украшенные чудно: ризы имели, как священные стихари, широкие и длинные, также и рукава их широкие и длинные, одни из них камчатные, другие же шелковые, наплечники же с золотом и жемчугом, и с кружевом. На головах же их шапочки острые с золотом и жемчугом, и с кружевом, и многое их множество собрано, и настолько все было чинно, что выглядело как написанное. Старейший же их муж дивен и красив очень, и седины его, словно снег, белелись. Были же тут и римляне из Рима и из Испании, немцы и фрязи из Галаты, а иные — царьградцы, а иные — генуэзцы, а иные — венецианцы, а иные — венгры, и тех было видно как чин чудный. И стояли на два лика, и каждая земля знаки свои имела на себе и одеяния, одни — в багряных бархатах, а другие — в вишневых бархатах, а иные — в темносиних бархатах, а некоторые — в черных бархатах. Все же это по старинному чину, не щегольское; такие же знаки имел каждый лик, свои знаки имели, на груди носимые: одни — жемчужные, другие обруч золотой на шее, одни — цепь золотую на шее и на груди, а дру-

гие — свои знаки, а иные свой знак, а те — свой знак; в каждом лике все одинаковые знаки имели.

Были же под палатами на правой стороне 12 чертогов, ступени же шириною в две сажени, а покрыты все червлёным пурпуром, на них же поставлены два стола золотых. Тогда же в ту ночь царь Мануил на хорах был.

И когда приспел первый час дня, сошел с хор и вошел в святую церковь через передние великие двери, которые называются Царские двери, а певцы пели пением пречудным и необычным, и несказанно ум превосходящим. И было шествие царево настолько тихо и кротко, три часа от передних врат до чертога. А по обе стороны от царя 12 оруженосцев, а от голов их и до ног их все железное. А перед ним шли два знаменосца, волосы черные, а древки их и ризы, и шапки красные, а перед теми двумя знаменосцами шли глашатаи. А посохи их серебром и золотом окованы, а на концах их жемчугом усыпаны.

Дошел же царь до чертога, и вошел в пресветлый тот чертог, и облекся в кесарскую багряницу, и в диадему кесарскую, и венец кесарский с зубцами на голову возложил.

И вышел из чертога, и взошел наверх, и привели царицу, и сели оба на престолах золотых.

Тогда начали божественную литургию. А царь сидит на золотом престоле, также и царица на золотом престоле. И когда должен быть выход, пришли два великих архидьякона к царю и сотворили поклон малый, только головы свои к груди немного преклонили очень благочинно и уставно. И встал царь, и пошел к алтарю, а знаменосцы перед ним шли, и оруженосцы по обе стороны от него шли. Вошел же царь в святой алтарь, и стали знаменосцы и оруженосцы перед святым алтарем по обеим сторонам святых дверей царских.

И облекли царя в священный филонек малый до пояса, багряный, то есть ризы малые багряные, только до пояса.

И пошел царь на выход, свечу в руке держа. Антоний же патриарх стоял на своем месте посреди церкви.

И сотворяя выход, патриарх взошел на священный амвон, и царь с ним, и принесли к патриарху царский венец на блюде, покровенный. Так же и царицын венец принесли к патриарху на блюде, покровенный.

И благословились у патриарха два великих архидьякона, и пошли за царицей, и, придя к ней, сотворили поклон малый, только головы свои до груди преклонили очень благочинно и уставно.

И пришла царица к амвону, и положил преосвященный патриарх крест на царя, и дал ему крест в руку. И взял кесарский венец патриарх, и бла-

гословил царя. И возложил на голову его кесарский венец, а другой венец дал ему в руку его и повелел ему возложить на царицу его.

Сойдя вниз; он же сошел вниз и показал, внизу стоя, патриарху на амвон рукою и венцом; и патриарх, стоя на амвоне, издалека благословил рукою своею царя и царицу. Они же оба одновременно и равно сотворили поклон к патриарху.

И пошли на свои места, и сели на золотых престолах, а патриарх выход сотворил и вошел в святой алтарь царскими дверями. И когда херувимская песнь началась, пошли великие архидьяконы и сотворили поклон царю малый, только головы свои к груди преклонили очень благочинно и уставно.

Тогда же встав, царь со страхом и трепетом, и с великим вниманием очень благочинно пошел в алтарь, и одели его в священный филонек.

И прежде всех шествовал царь перед святыми царскими дверями, и во время переноса свечу зажженную в руке держал. Так из алтаря вышел и в алтарь вошел, и прежде всех он шел, и после него очень благочинно и уставно священный великий собор с великою красотою и честью, и славою священной и божественною. И настолько благочинно и почтенно, и прекрасно, что ум человеческий превосходило. Долгое же было шествие их со святыми дарами, сколько херувимская песнь поется от начала и до конца, таково шествие их со святыми дарами было. Пение же было долгим очень и красивым, и предивным, и умирительным.

По принесении же в святой алтарь священных божественных даров царь кадил около священного престола и пребывал царь в алтаре до святого причащения. И когда пришло время святому причащению, пошли великие архидьяконы и сотворили поклон малый царице, только головы свои к груди преклонили очень благочинно и уставно. И когда сошла от престола царица вниз, и тут стоящий народ разодрал всю опону чертожную кесарскую, сколько кто восхитил себе. И вошла царица с великим страхом и трепетом, и умилением, и смирением южными вратами в крыло алтаря, и дали ей святое причастие.

Царь же вместе со священниками от патриарха причастился у престола Христова; и вышел он из алтаря, патриарх же сел на своем святительском месте, из алтаря выйдя. Пришел к нему царь в кесарской багрянице и диадеме, и благословил его патриарх и царицу его, и дал ему завет — православие соблюдать непоколебимо в своем царстве, и никак не претворять уставы древние, не похищать не свое, и стяжать прежде всего страх Божий и смертную память, ибо «земля еси и паки в землю поидеши», и прочее, как там в уставе их имеется. И после патриарших

слов никто не мог и не смел прежде приступить к царю и говорить ему здравицы, ни князя, ни бояре, ни воины.

Только приступают к нему мраморники и грободелатели, принеся, показывают ему мраморы и камни, различные видом, и входят к нему, и говорят: «Каким по виду повелит держава твоя быть гробу твоему?», притчею напоминая ему и говоря: «Человек смертен и тленен, мимоходя в суетном этом, и исчезаемом, и скоро погибающем бедном житии; попейся о своей душе и благочестно царством управляй. Насколько велик ты, настолько смирай себя, потому что сильные и сильнее испытаны будут. И как хулящие благое согрешают к Богу; и так же и горделивые в гордости своей согрешают к Богу; наиболее имей всегда страх Господень и смирение, и любовь, и милость, и да сохранен будешь и соблюден небесною любовью Господнею и милостью». И такое они изрекли, как там в уставе написано, и потом пошли князя и вое начальники, консулы и воины, и все вельможи, говорящие ему по обычаю их при венчании их на царство.

И после сего благословился царь у патриарха с великою тихостью и смирением, и со страхом Божьим; и вышел из церкви очень благочинно, словно некий великий священноначальник; и осыпали его ставратами. Народ же похватал их каждый своими руками. Таковыми по древнему преданию царям были поставления их на царство, и так и поставляли его; так же и Мануил царь поставлен был Антонием патриархом и Священным Собором по уставу древлепреданному.

Во Иерусалим хождение

Сие же случилось видеть мне, недостойному, и сущим со мною во святом городе Иерусалиме. Есть там церковь Воскресения Христова.

Когдаходишь в церковь, есть на правой стороне доска, на которой Христа Бога нашего положили, со креста сняв. А оттуда налево пойдя, и гроб Господень. А против гроба Господня греческая служба, греки служат.

А с правой стороны от гроба Господня — римская служба, римляне служат. А на полатах с правой стороны армянская служба, армяне служат. А с правой стороны от гроба Господня на земле — фряжская служба, фряги служат. А оттуда-сирийская служба, сирияне служат. А за гробом Господним — яковитская служба, яковиты служат. А с левой стороны у гроба Господня — фряжская служба, фряги служат. А оттуда снова немецкая служба, немцы служат. А от той службы — снова фряжская служба, фряги служат. А под фряжскою службою место есть, где мироносицы сидели и ангела Господня видели, где ангел отвалил камень от дверей гроба. А во фряжской службе-пол-столпа: у того столпа был

привязан и избиваем Господь наш Иисус Христос в вольной его страсти, и поругались над ним. И сорок совершенных принял ран, подвергаясь смертельному наказанию. А другая половина того столпа в Царьграде, в Апостольской церкви.

А далее пойдя, тут и темница Господа нашего Иисуса Христа. А за греческим престолом есть престол, где служил Иаков, брат Господень, а оттуда есть место, если пойти в подпол, как в яму, на десять ножных ступеней каменных, там, где нашла животворящий крест Елена царица. А с правой стороны греческой службы на полатях — Голгофа, зовомое Лобное место, где распяли окаянные иудеи Господа нашего Иисуса Христа. Там есть Адамова голова, а служба там — гурсийская, гурсы служат. А за нею — венецианская служба, венецианцы служат. А за теми — венгры служат, а за теми — иная фряжская служба, фряги служат. А под Голгофою внизу на земле — иверская служба, иверы служат. А на левой стороне у фряжской службы, вниз и дальше, магистры служат.

А посреди церкви — Святая Святых, пуп земли, что измерил царь Невродос; а над гробом Господним сделана церковь малая с входом ко гробу Господню двумя дверями. А гроб Господень мерой в длину 9 пядей, а ширина гроба — четыре пяди. Над гробом же Господним большая церковь есть. Верх у нее открытый, а в малой церкви над гробом Господним все покрыто, ни малейшей скважины не видно, и так в церкви все устроено.

А на восток от города Иерусалима, вдали, есть село, Гефсиманией называемое, и тут есть в том селе гроб Пречистой Богородицы и церковь великая, а в нее входить по 8 ступеням в подпол. А под гробом Пречистой Богородицы сделана церковь невеликая. А гроб Пречистой — половина 9 пядей, а над гробом 11 кандил горят. А за гробом одр, на котором лежала Пречистая Богородица, сделан престолом тот одр. А в церковь ту войдя, направо — гурсийская служба, гурсы служат.

А затем к востоку — поток Кедрский, куда вошел Иисус с учениками своими. А за потоком — вертоград, пещера великая Господа нашего Иисуса Христа, где предан «был жидам учеником своим Иудою. Там есть камень, около которого Христос, руку положа, стоял. Там же есть место, где Пречистая Богородица, приходя, молилась на камне. А за тем местом масличная великая гора Елеонская, с той горы Господь вознесся на небо. Там есть церковь великая очень. А посреди той церкви — церковь малая; в той церкви на камне отпечатались стопа Господня, словно живую можно видеть, как на воске отпечатана в сей же час. А в той же церкви направо гроб Пелагии блудницы, той Пелагии, которая ноги миром помазала Господу и волосами своими отерла. А на ее гробе — другая стопа

Господня отпечаталась, словно на воске в сей же час, и видна, словно живая.

А на правой стороне от великой Елеонской горы — другая гора, Галилейская, где Христос повелел ученикам своим видеть себя после Воскресения; там была церковь.

А от города Иерусалима на правой стороне Масличной горы около пяти поприщ до Вифании, где Господь наш Иисус Христос Лазаря воскресил. Там есть и ныне церковь великая, и гроб Лазарев, и кельи сестер Лазаревых. А в той церкви армянская служба, армяне служат, а на юг, близко от города Иерусалима — Силоамская купель, где Господь слепого послал умыться. А оттуда близко от той — пещера великого Антония пустынника. А оттуда близко — село Скудельничное, что иудеи купили ценою Христовою. А далее на юг от Иерусалима за пятьдесят поприщ — Саввин монастырь и гроб великого Саввы. Там было 14 тысяч чернецов, кельи их и ныне можно распознать.

А за тем Саввиным монастырем — Асафатова дебрь, она же и долина. И там также чернецы жили многие.

И там есть келья великого Иоанна Дамаскина, в которой он жил. А если шествовать к Саввину монастырю, то расстояние многое. И на правой стороне есть монастырь великого Феодосия киновиярха от города Иерусалима за шесть поприщ на горе и под горою также. Там было чернецов 16 тысяч. А оттуда напротив — монастырь на правой стороне. Там жила великая Евдокия. А от города Иерусалима на восток к Иордану шествовать, и там недалеко от Вифании течет вода из камня. Когда у Христа ученики его просили воды, и Христос сказал ученикам своим: «ис камени сего вам воду подам» и ударил ногою в камень, и тут же потекла вода, и доныне идет. Там и Керемен-сарай поставлен, не доходя Иордана-реки около пяти верст, заехав за гору, повернуть налево с три версты. А гора та весьма высокая, и на той горе Господа нашего Иисуса Христа дьявол искушал, и поднял его на гору очень высокую, и показал ему все царства мира и славу их. И говорил ему: «Сие все тебе дам, если мне, пав, поклонись». Тогда глагола ему Иисус: «Иди за мною, сатана, писано бо есть: Господу Богу твоему поклонись и тому единому послужиши». Тогда оставил его дьявол, и вот, ангелы приступили и служили ему. В той же горе под вершиной церковь расписанная, а на вершине горы — церковь же, великая очень. На той горе Господь постился 40 дней, как писано: «Возведен бысть Иисус духом в пустыню искушиться от диавола и постився дний 40 и ночий 40, последи взалка; и приступль к нему, искушитель рече», и прочее, как в Евангелии написано.

Иордан же река глубокая и с крутыми берегами, грозная весьма, течет же в Содомское море. На Иордане же есть монастырь великий очень Иоанна Предтечи, ибо в том Иордане Христос крестился от Иоанна. Там Мария Египетская переходила Иордан к Зосиме, словно посуху. За Иорданом же рекою — келья великого Иоанна Предтечи, а близ той — келья святого Ильи пророка. Оттуда же немного далее гора есть, с той горы святой пророк Илья на огненной колеснице на небо взят был. Там же недалеко место есть на Иордане-реке, где Елисей пророк ударил милотью Ильиною по Иордану, и вода Иорданская расступилась туда и сюда, Елисей же перешел посуху. Оттуда недалеко, с пять поприщ, близ Содомского моря есть монастырь святого Герасима, у которого зверь лев жил. И гроб святого Герасима за алтарем есть. А зверь тот, лев, что ему работал, в ногах у него погребен лежит. Море же Содомское, там, где Содом и Гоморра, семь городов: иные же земля пожрала, а другие города море пожрало. Курится же и ныне дым из моря того; а которые города земля пожрала, там не растет ничего, только сера горячая, а травы нет.

От Иерусалима же направо около двух поприщ — монастырь есть Ильи святого. Там жил сам святой Илья пророк, и там его ворон кормил. Оттуда же около пяти поприщ до Вифлеема, где Господь родился. В Вифлееме же церковь великая есть, а под алтарем ее — пещера, в той пещере вертеп, где Господь родился. А в пещеру идучи, на левой стороне — ясли, где лежал Господь наш Иисус Христос, пеленами свит. А от яслей в подполе около трех саженой до вертепа. А на яслях — служба фряжская, а на вертепе — служба греческая. А в Вифлееме с левой стороны — фряжский монастырь, а в нем церковь Рождества Христова, служат фряги. В том фряжском монастыре — дом Иосифов и кладезь, откуда Господь наш Иисус Христос и Пречистая Богородица воду пили.

От города же Иерусалима до Назарета три дня по Доманской дороге, также от города Иерусалима до Фаворской горы — два дня и больше. От города Иерусалима за 10 поприщ — гроб Рахили, жены патриарха Иакова, сына Исакова, внука Авраамова. От Дамаска за два дня ров есть, куда Иосифа Прекрасного братья его кинули. А от Дамаска же пять дней до Вениаминова гроба, брата Иосифа Прекрасного. От Иерусалима же до Синайской горы 15 дней, от Иерусалима же до Каны Галилейской — 3 дня. Там же на Сионской горе в своей келье Пречистая Богородица преставилась. Там же на Сионе-горе был двор Анны архиерея, там Господь наш Иисус Христос в темнице сидел, и ныне та темница в церкви армянской. Там же монастырь армянский.

В той церкви армянской — великий камень, что лежал на гробе Господнем, сделан престолом. На том монастыре — огнище, у огня которого Петр, верховный апостол, грелся во время вольной страсти

Господней, когда его рабыня архиереева спросила, глаголя: «И ты был с Иисусом Галилейским?» Петр же отвергся перед всеми, глаголя: «Не ведаю и не знаю, о чем говоришь». И когда вышел Петр к воротам, узрела его другая рабыня, глаголя ему тут: «И этот был с Иисусом Назареем». Петр же снова отвергся с клятвою: «Не знаю того человека». Через некоторое время приступили стоящие там, говоря Петру: «Воистину и ты из них. Ибо беседа твоя явно тебя выдает». Тогда Петр начал зарекаться и клясться: «Не знаю того человека». И тотчас петух закричал, и помянул Петр слова Иисусовы, сказанные ему: «Прежде чем петух не прокричит, троекратно отречешься от меня»; и выйдя вон, заплакал горько.

Подальше от того, на Сионской же горе — двор Каиафы архиерея был. Тут есть ныне монастырь армянский великий очень. А по дороге к Вифлеему столп еще стоит, где стоял Симеон Столпник с Ильею святым. А на Подол если пойти, в городе Иерусалиме была церковь греческая, а ныне — сарацинская мечеть. Там лежат святые богоносные отцы Иоаким и Анна. А напротив стояла Святая Святых, которую создал Соломон. Там убит был пророк Захария, отец Иоанна Предтечи. Там есть Господня келья. А пойдя ниже улицею, там был двор Пилатов.

А за Святая Святых в монастыре святого Спаса-ложе Соломоново и дом Соломонов, там же и та церковь, в которую вошел Господь наш Иисус Христос. И обрета в той церкви торговцев, продающих овец, волов, голубей, и где сидели менялы, и, сделав бич из веревок, изгнал из церкви всех овец и волов, рассыпал деньги торговцев, и доски разбросал, и торговцам голубей сказал: «Возмите сия отвсюду и не творите дому купленаго Отца Моего» Еще там есть дом Давида, который, как и весь город, был сделан из камня, вокруг него — диво дивное! В нем на одной стороне живут сороки, а в большие дома залетать не смеют. Там есть столп, очень высокий, где Давид Псалтырь слагал.

Недалеко от дома Давида-гора Сион. На той горе дивный фряжский монастырь. Владеют им фряги и живут в нем фряжские чернецы. Говорят, что там сам Христос обедню служил и научил брата своего по плоти Иакова обедню служить, и передал ему таинство священных и божественных служб. Там есть горница, где сошел Святой Дух на святых апостолов Христовых на пятидесятый день. Там, с левой стороны церкви, место есть, где Господь мыл ноги своим ученикам. Там есть и тот дом, где Господь через двери прошел и ученика своего Фому неверующего уверил в воскресении своем. В этой церкви есть завеса, которая во время распятия Христа разодралась надвое. В этой церкви лежит тот самый камень, на котором Пречистая Богородица поклоны клала. Там, в той же церкви, есть два камня, на которых Христос сживал часто.

Недалеко оттуда есть место, где иудеи убили архидьякона Стефана, и кровь его и поныне на камне видна. Там же, недалеко от церкви келья Пречистой Богородицы, в которой Пречистая жила у Иоанна Богослова. И келья та, довольно крепкая, до сего дня стоит. А позади кельи Пречистой Богородицы келья святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

Той же весной, месяца мая в 10 день, на вечернюю зарю было затмение месяца на довольно долгое время, и потом он появился перед ранней зарей. Той же весной, мая в 16 день, родился у великого князя Дмитрия Ивановича сын Константин, и крестили его князь Василий Дмитриевич, брат его старший, да Мария Васильева, жена тысяцкого. А сам князь Дмитрий тогда болел.

О житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руского

Великий князь Дмитрий Иванович родился у благоверных и высокочтимых родителей великого князя Ивана Ивановича и матери — великой княгини Александры. Он был внук великого князя Ивана Даниловича, собирателя Руской земли, корня святого и Богом посаженного сада ветвь плодородная и цветка прекрасного царя Владимира, подобно Константину, крестившего Рускую землю и сородич новых чудотворцев Бориса и Глеба. Воспитан был в благочестии и в славе, в поучениях духовных и с младенческих лет Бога возлюбил. Когда отец его великий князь Иван Иванович оставил житие мира сего и переселился в небесные обители, он был очень молод, ему было всего 9 лет, и остался он с любимым братом своим князем Иваном Ивановичем. Потом и тот преставился, и мать их великая княгиня Александра. И он остался один на великом княжении, приняв скипетр державы Руской земли и наследовав земное царство, отчину свою, великое княжение по дарованной ему благодати от Бога, по чести и славе. Был он еще молод возрастом, но любил духовную жизнь, не любил пустых бесед и непристойных слов, злонравных людей сторонился, а с добрыми всегда беседовал. Всегда слушал с умилением божественное писание, усердно заботился о церквах Божиих и границы земли Руской стойко охранял. Он был беззлобен, как отрок, а умом — как зрелый муж. В битвах всегда был страшен врагам, и многих, поднимавшихся против него, победил. Славный город свой Москву чудными стенами каменными оградил. И прославился во всем мире, вознесся как кедр ливанский, и как финиковая пальма процвел. Когда ему исполнилось 17 лет, привели из земли Суздальской ему в невесты княгиню Евдокию, дочь великого князя Дмитрия Константиновича и матери ее великой княгини Анны. И возрадовалась вся земля Руская этому браку. В браке же они жили целомудренно, плоти не угождали, с благочестием

заботились о своем спасении, с чистой совестью пеклись они о своем земном царстве и готовили себя к небесному. И как кормчий, который ведет свой корабль против ветра, обходя волны, направляемый Высшим Промыслом, и как пророк стоит на страже божественного устроения, так и он заботился о своем царстве. И множилась слава имени его, как когда-то святого великого князя Владимира. И расцвела земля Руская во время княжения его, и как прежде земля Израиля обетованная. Могуществом власти оградил он всю землю Рускую. От востока до запада было прославлено имя его — от моря и до моря, от рек до конца вселенной превозносилась слава его. Цари земные, слыша о нем, удивлялись, враги же его, живущие окрест, завидовали ему. И стали настраивать против него нечестивого Мамай, говоря: «Великий князь Дмитрий Московский себя именует царем Руской земли и считает, что славой превзошел тебя и может противостоять твоему царству». Мамай, настроенный лукавыми советниками, которые хотя и христианской веры держались, а дела творили нечестивые, сказал князьям своим и сановникам: «Захвачу землю Рускую, разорю церкви христианские, и веру их на свою перемену, и велю поклоняться своему Магомету, и где были церкви, там ропати поставлю, и баскаков посажу по всем городам руским, а князей русских перебью». Как прежде Агат, царь Васанский, похвалился на киот завета Господня в Силоме. Похвалялся, сам и погиб. И послал безбожный Мамай войной на Русь сначала воеводу своего окаянного Бигича с огромной войском и с многими князьями ордынскими. Услышав об этом, великий князь Дмитрий Иванович вышел навстречу ему с великой силой земли Руской. И бились с погаными на Рязанской земле, на реке Воже. И помогли великому князю Дмитрию Ивановичу Бог и святая Богородица, а нечестивые агаряне были посрамлены: одни перебиты, другие бежали. А великий князь Дмитрий Иванович возвратился с великой победой. Так защитил он свою отчину, землю Рускую, от нашествия нечестивых. Бесстыдный же Мамай был посрамлен и вместо похвалы бесчестие приобрел. Тогда он сам пошел на Рускую землю, угрожая великому князю Дмитрию Ивановичу, наполнив свое сердце злым беззаконием. Когда услышал об этом великий князь Дмитрий Иванович, вздохнув от всей глубины сердца своего, и обратился к Богу и Пречистой Его Матери: «О, Пречистая Госпожа Богородица, Владычица, заступница и помощница миру, моли Сына своего за меня, грешного, чтобы достойно смог Голову и жизнь свою сложить во имя Сына твоего и за Тебя, иных помощников не имею, кроме Тебя, Госпожа! Да не возрадуются враги мои неправедные и не скажут нечестивые: «Где Бог их, на негоже уповаша», — да посрамятся все, приносящие рабам твоим зло. А я, раб Твой и сын рабы Твоей; испроси мне, Госпожа, силу помощи от святого жилища Сына Твоего и

Бога моего против супостата и нечестивого врага моего. Дай мне крепость силы перед лицом врагов, и возвеличь имя христианское над нечестивыми агарянами, и навсегда посрами их!» И, призвав вельмож своих и всех князей Руской земли, бывших под его властью, сказал князьям Руской земли и вельможам своим: «Добро нам, братья, доложить головы свои за правую веру христианскую. Да не будут захвачены города наши погаными и не запустеют святые церкви Божии, и не будем мы рассеяны по лицу всей земли; не будут жены наши и дети уведены в полон, и не будут нас мучить нечестивые во все дни, если за нас умолит Сына своего и Бога нашего Пречистая Богородица». И отвечали ему князья руские и вельможи его: «Господин русский царь, обещали мы, служа тебе, жизнь свою положить и ныне ради тебя кровь свою прольем и своей кровью второе крещение примем». И, вооружившись доблестью Авраама, помолвившись Богу и имея помощником великого святого, святителя и чудотворца Петра, заступника земли Руской, пошел, подобно древнему великому князю Ярославу Владимировичу, против нечестивого Мамай, второго Святополка. И встретил его в татарских полях на реке Дон, и сошлись как могучие тучи. Оружие блистало, как молнии в дождливый день. Сражаются ратники, вступая в рукопашную, кровь течет по долинам, и воды Дон-реки окрасились кровью, повсюду падали, как камни, головы татарские, и трупы нечестивых лежали, как дубравы посеченные. Многие были очевидцами того, как ангелы Божия помогали христианам. И помог Бог великому князю Дмитрию Ивановичу, а также родичи его, святые мученики Борис и Глеб. И бежал окаянный Мамай от лица его. Треклятый Святополк сгинул незнамо где, и нечестивый Мамай без вести погиб. А великий князь Дмитрий Иванович возвратился с великой победой, как прежде Моисей, который Амалика победил. И наступила тишина в Руской земле. Так были посрамлены враги его. Другие же страны, услышав о его победе над врагом, дарованной ему от Бога, все признали руку его, а все раскольники и мятежники царства его погибли. Великий князь Дмитрий Иванович имел обычай, как Давид Богоотец, помиловавший детей Саула, так и сей великий князь любил неповинных, а повинных прощал. Как великий Иов был отцом мира; око слепым, нога хромым; опора; страж и пример для всех, к свету направляя подвластных ему, принявший власть по вышнему промыслу, и род человеческий от всяких смут мирских избавивший; высоко парящий орел; огонь, уничтоживший бесчестие; баня, смывающая скверну; гумно чистое; ветер, развеивающий плевелы; отдых для трудящихся по Божьему промыслу; труба, пробуждающая спящих; воевода мирный; венец победы; пристанище плавающим; корабль для богатства; оружие против врагов; меч ярости; стена нерушимая; сеть для зломыслящих; основание непоколебимое;

зерцало жизни, с именем Бога все творящий и сражающийся за Него, высокий ум, смиренная мысль; успокоение ветрам; пучина разума. Он сплавивал князей, подвластных ему; с вельможами был спокоен и приветлив, когда отдавал распоряжения, никого не оскорблял, но всех равно любил. Молодым давал советы и всем просящим подавал, всем просящим руки помощи подавал. Еще дерзну и не постыжусь рассказать о житии великого князя и царя Руского Дмитрия Ивановича. Да услышьте цари и князья и научитесь так поступать! Он еще с юных лет Бога возлюбил и духовную жизнь, был обучен хорошо книжному делу, но и духовные книги в сердце своем всегда хранил. И еще одно можно сказать о жизни его: тело свое сохранил в чистоте до женитьбы, соблюдая церковь в себе Святому Духу непорочной. Очи часто обращал к земле, от которой же и был взят, душой и умом был обращен к небу, где достойно ему и быть. И после бракосочетания тело свое в чистоте держал и был безгрешен. Сбылись на нем слова ученика Христа апостола Павла: «Братие, вы есте церкви Бога живаго, якоже рече: Вселюсь в ня, да похожую». Хотя и был он царского достоинства, но жил ангельской жизнью: протаивал, спал мало, часто просыпался и вставал на молитву, и так поступал всегда бренный телом жил как бесплотный. Землей Руской управляя, сидя на царском престоле, сердцем об отшельничестве помышлял, царскую багряницу и венец носил, но постоянно желал в монашеские ризы облачиться, и ежечасно честь и славу от всего мира принимая, носил крест Христов в божественные дни поста хранил себя в чистоте и каждую неделю причащался святых тайн, желая чистой душой предстать перед Богом. Поистине, нам явился земной ангел и небожитель! Прожил он со своей княгиней Евдокией 22 года в целомудрии, и родили сыновей и дочерей, и воспитали их в благочестии. Великое княжение держал 27 лет и 6 месяцев. И всех лет жизни его было 40. Много трудов и побед одержал этот правоверный, как никто иной! Потом тяжело заболел. Через некоторое время ему стало легче, и великая княгиня, сыновья его и вельможи обрадовались. Но потом он еще сильнее разболелся, и стеноло, и колотилось сердце его.

И, поняв, что приближается конец жизни его, призвал он к себе княгиню свою Евдокию она тогда тоже была больна: у нее родился сын Константин, а также сыновей своих и бояр, и сказал им: «Послушайте меня все.

Вот отхожу я от суетного сего скоротечного жития к Господу Богу моему. Ты же, дорогая моя княгиня Евдокия, будь чадам своим и отцом, и матерью, поддерживай, поучай детей своих бояться Господа Бога и хранить Его заповеди; иерею Божьему оказывать честь, иноков любить,

быть милостивыми к убогим и нищим и между собой жить мирно и в любви».

Потом обратился к сыновьям своим: «Вы же, сыны мои, бойтесь Бога, родительницу свою чтите, мир и любовь имейте между собой. Передаю вас всех в руки Господу Богу моему и Пречистой Его матери Богородице, и княгине моей, матери вашей, Евдокии. Слушайте родителей своих, помните, что говорится в Писании: «Клятва отца дом чадам разрушит, матерне же вздыхание до конца искоренит». Если будете иметь страх Божий в сердцах ваших и хранить заповеди Его, это на благо будет вам, долго проживете на земле, и в благодати пребудет ваша душа, и умножится и распространится держава ваша, и враги ваши падут под ноги ваши, и иноплеменики побегут перед лицом вашим, и получит облегчение от тягот земля ваша, и будет всего в ней в изобилии. Бояр своих любите, и воздавайте им достойную честь по делам каждого, и без их советов ничего не решайте; будьте приветливы со всеми, служащими вам, все делайте разумно и как положено, во всем спрашивайте совет у матери вашей».

И к боярам своим обратился, сказав: «Подойдите ко мне, и я расскажу вам, что сделал я за жизнь свою. Вы, ведь, знаете обычаи и нрав мой: при вас я родился и вырос, и с вами вместе царствовал, и отчиной своей, великим княжеством, правил 27 лет, а от рождения мне 40 лет. С вами вместе ходил в походы, с вами в битвах был страшен, и с Божьей помощью низложил врагов своих, и покорил себе, с вами великое княжение укрепил, мир, и спокойствие в княжестве своем установил. Державу отчины своей сберег, великую честь и любовь имею к вам и вместе с вами управлял городами, волостями. Детей ваших любил и никому из вас не сделал зла, насильно ничего не отбирал, не досаждал, никого не укорял, не грабил, не бесчинствовал, но всех почитал и любил, и в чести великой держал, радовался и горевал вместе с вами. Вы же назывались у меня не боярами, но князьями земли моей. Ныне же вспомните слова, которые вы говорили мне: «Господин княже, должны мы, служа тебе и детям твоим, за вас головы положить». Теперь, после ухода моего от сего кратковременного и бедного жития, истинно послужите княгине моей и чадам моим от всего сердца своего. В радости повеселитесь с ними, а в горе не оставьте их. Пусть сменится скорбь ваша радостью. Да пребудьте в мире».

И, призвав сначала к себе своего старшего сына Василия, чтобы отдать ему старейшинство, передал ему в руки великое княжение — стол отца своего, деда и прадеда — со всеми пошлинами, вручил ему отчину свою, землю Рускую. И потом раздал сыновьям своим города своей отчины по частям, где кому княжить, и земли им разделил по праву.

Второму сыну своему Юрию дал Звенигород со всеми волостями, ему же отдал приобретение деда своего — Галич со всеми волостями, а прежде это было Галичское великое княжение.

Третьему же сыну своему князю Андрею дал Можайск со всем, да ему же отдал приобретение деда своего — Белоозеро со всеми волостями, с Вольском и Шатью, и Милолюбский ез со слободками.

Четвертому же сыну своему князю Петру дал Дмитров со всем, да ему же отдал приобретение деда своего — Угличское Поле, и что ему принадлежало, Тошню и Сяму. «А если заберет Бог сына моего Василия, то тот, кто будет следующий по старшинству из сыновей моих, тому сыну пусть перейдет стол Василия, великое княжение. А его удел пусть поделит по частям моя княгиня Евдокия, мать их. Дети мои, князья, слушайте мать свою Евдокию, что кому даст, тем и владейте».

А княгине своей даю из великого княжения в Переяславле — Юлку, в Костроме — Иледам с Комелою, а из удела князя Юрия — Соль Галичскую, а из удела князя Андрея на Белоозере — Вольское с Шаготью и Милолюбский ез, а из Владимирских сел — Андреевское село, а из Переяславских сел — Доброе село и то, что им принадлежало. А из уделов сына моего князя Василия — Канев, Песочна, из сел Малинское сельцо Лысцево. А из удела князя Юрия — слободу Судол с Истью и с Истервою, да село Андреевское, да Каменское. Из удела князя Андрея — Верея да Числово, да село Луцинское на Яузе с мельницей. А из удела князя Петра — Ижво да Сяма. А после смерти княгини моей все села, что давал из уделов детей своих княгине своей Евдокии, те села и волости вернуть детям моим, у кого что было взято. И еще даю княгине свое приобретение Скирменовскую слободку с Шепковым, Смоляны с Митяевским почином, и с бортью, с Вышегородскими бортниками, Кропивну с бортниками Кропивинскими, и с Йеменскими, и с Кордошевскими, и с Рудскими, Залескову слободку, Кузовскую слободку с бортью и с Ивановским селом Хоробраго, Исконскую слободку. А что княгине моей было куплено, и что ей принадлежало, то и остается моей княгине. А до которых мест слободские управители судили при мне и княгине моей, пусть судят по те же места, как было при мне. А покупка княгини моей — Лохна остается за ней, и на Коломне мой придел — приобретение мое, Самойлецов починок с деревнями, Савельевский починок, Микулинское село, Бабышево, Ослябжевское. А ее село Репинское — остается ей. А из московских сел Семчинское село с Ходынской мельницей, да Остафьевское село, да Измайловское. А из Юрьевских сел — Петровское — село, да Флоровское, да Елох, Холхол и Заечко — ей. А что мне дала княгиня Федосья при жизни — Суду, да Колакшу и слободку, после смерти ее — княгине моей. И всеми этими своими приобрете-

ниями благословляю княгиню свою, и те приобретения вольна моя княгиня завещать кому-либо из сыновей. А дети мои в это не вмешиваются. А те деревни, которые поотнимал брат мой князь Владимир Андреевич, деревни от Лытинского села до Берендеевой слободки, присоединить к Лытинскому селу княгини моей. А если какого-нибудь сына моего за грехи заберет Бог, то княгиня моя поделит его удел между всеми остальными сыновьями по частям. И кому что даст, тому то и будет, и детям моим ее воле не противиться. Дети мои, младшие братья князя Василия, чтите и слушайте брата своего старшего князя Василия. Который вам теперь будет вместо отца. А ты, сын мой, князь Василий, брата своего Юрия и своих младших братьев не обижай. А брат мой князь Владимир Андреевич владеет своей третью, чем его благословил отец его князь Андрей Иванович. А кто из моих бояр будет служить моей княгине, тех бояр, дети мои, берегите. Живите, дети мои, в мире и любви, и будет на вас Божия милость и милость Пречистой Богородицы, всех святых и мое благословение».

И это подтвердил грамотой, опечатанной золотом. И, поцеловав княгиню свою и детей, также попрощался с боярами и благословил их.

И, сложив руки на груди, предал свою святую непорочную душу в руки истинного Бога месяца мая в 19 день, на память святого мученика Патрикия, на пятой неделе после Пасхи, в среду в 2 часа ночи. Тело его святое и честное осталось на земле, а святая душа его вселилась в небесные кровы.

Когда же преставился благоверный и христоролюбивый благородный великий князь всея Руси Дмитрий Иванович, озарилось лицо его ангельским светом. Княгиня же, увидев его лежащего мертвым на постели, горько зарыдала во весь голос, и горячие слезы полились из очей ее, в сердечных муках она стала бить себя руками в грудь, и слова ее звучали как сладостный орган: «Зачем ты умер, жизнь моя, дорогой мой, меня вдовою оставив? Почему я не умерла прежде тебя? Погас свет очей моих. Где ты сейчас, сокровище жизни моей? Почему не поговоришь со мной, прекрасный свет очей моих? Почему так рано увял, виноград многоплодный? Уже не подашь плода сердцу моему и сладости души моей! Почему не посмотришь на меня, не промолвишь мне какого-нибудь слова? Ужели забыл меня? Почему не смотришь на меня и на детей своих, почему не отвечаешь им? На кого ты меня оставил? Солнце мое, рано ты зашло, месяц мой прекрасный, рано ты померк. Звезда восточная, зачем на запад уходишь? Царь мой, как могу теперь послужить тебе? Господин мой, где честь и слава твоя, где владычество твое? Государем всей земли Руской был ты, ныне же мертв лежишь, ничем не владеешь. Многие страны усмирил ты, много побед одержал, ныне же смертью побежден.

Померкла слава твоя, и лицо твое скоро истлеет. Жизнь моя, больше не веселиться мне с тобой! Вместо драгоценного багрянца облекли тебя в простые бедные ризы, вместо царского венца простым платом тебе голову покрыли, вместо палаты прекрасной положат тебя в деревянный гроб. Свет мой ясный, зачем померк ты? Если Бог услышит молитву твою, помолись обо мне, княгине твоей. Вместе с тобой жила, с тобой и умереть хочу. И юность еще не оставила нас, и старость не настигла. На кого оставляешь меня и детей своих? Недолго радовалась я с тобой: за весельем пришли плач и слезы, а за утехой и радостью — сетование и плач. Почему не умерла я прежде тебя, чтобы не видеть смерти твоей и своей гибели! Слышишь ли, мой господин, слова мои печальные? Почему не сжалишься над моими горькими слезами! Звери в норы свои идут, птицы небесные к гнездам летят. Ты же, господин, из дома своего так внезапно уходишь. Кто я теперь? Осталась без своего царя. Старые вдовы — утешьте меня, молодые вдовы — плачьте со мной: вдовья доля — самая горькая. Мне остается плакать и восклицать: «Великий Боже, Царь Царям, будь мне заступником! Пречистая госпожа Богородица, не оставь меня и в печали не забудь меня!» И внесли благоверного великого князя Дмитрия Ивановича, царя всея Руси, в церковь святого великого архангела Михаила, где стоят гробы отца его, деда и прадеда.

И, отведав его по обычаю, положили в гроб месяца мая в 20 день, на память святого мученика Фалалея. И плакали над ним князья и бояре, и архиепископы, и весь народ. И не было никого, кто бы не плакал, и не было слышно пения от сильного плача.

На погребении был гость его — митрополит Трапезундский Феогност грек и Даниил, владыка Смоленский, и Савва, епископ Сарский, и игумен преподобный Сергей, игумен Севастьян и многие другие, и весь освященный собор. И погребли его с надгробным пением месяца мая в 20 день. А Пимен, митрополит всея Руси, был в то время в Цареграде. О, страшное чудо, братья, достойное удивления! О, трепетное видение, наполнившее ужасом! Услышь небо и поведай это земле! Как описать и как рассказать о кончине сего великого князя? От горя душевного язык сковывается, уста закрываются, гортань пересыхает, разум изменяет, взор тускнеет, силы оставляют. Но разве можно умолчать, язык мой вынуждает меня говорить яснее, чем прежде. Когда уснул вечным сном великий князь Руской земли Дмитрий Иванович, воздух померк, потряслась земля, и люди пришли в смятение. Наверно, можно назвать тот день печали, скорби, слез и воздыханий — днем mnogой печали и скорби. В народе говорили: «О, горе нам, братья! Умер царь царей, господин, властитель наш! Солнце помрачилось, луна закрылась облаками, звезда, сияющая всему миру, склоняется на запад!» Это и понудило меня написать житие

его. И пусть никто не удивляется, что промысел дал мне помощь в сло-
жении повести, ибо Бог мне помощник в этом, Бог Авраама, и Исаака, и
Иакова в изображении любви и добродетели царя. Изложу похвалу ему
не так, как в повестях древних философов эллинских, но достоверно,
как в зеркале Божественного писания. Много ли найдется людей в мире,
жизнь которых просияла такой светлостью, славой и чести достойной,
и имя которых было так прославлено? Прекрасен внешне, чист душой и
совершенен разумом! Порой говорят, что иногда узы дружбы понужда-
ют говорить с похвалой о человеке. Великий же князь, хранитель бла-
гочестия, свет и украшение жизни, от прародителей получил чувство
достоинства. Как писал великий Дионисий: «Говор воде ветром быва-
ет, мокрота земли солнцем погибает, ум владетель чювствием челове-
ческим, и спряжением чювствия ум в сердца сад вскореняет. Сердце же
плод умный миру подает». Великий князь Дмитрий Иванович был из
знаменитого рода. Не удостоились другие родители такое чадо родить, и
не достойно, чтобы такое чудное дитя родилось у других родителей, но
на все воля Вседержителя Бога. Можно ли что прибавить к его славе, ибо
безмерна она, как море, которое и без стекающих в него рек полно. Одни
люди в начале пути славой овеваны, другие — в середине жизни, иные —
в старости. Он же во все годы жизни своей был добродетелен. Бывает
так, что один родится благочестивым и прославит всех своих предков,
так и этот. И не преувеличу, говоря, что по всему миру гремела слава его,
и во всех концах вселенной — величие его. С кем можно сравнить вели-
кого сего князя, Дмитрия Ивановича, царя земли Руской и наследника
великого княжения, собирателя христианского Руской земли? Придите,
любимцы, мудрые церковники, и воздайте достойные похвальные сло-
веса властителю земли Руской. Ангелом ли тебя назову? Но, будучи во
плоти, ангельски и прожил ты. Человеком ли? Но дела совершал ты выше
человеческого разума. Первозданным ли тебя назову? Но тот, приняв
заповедь от Создателя, нарушил ее. Ты же сохранил обеты свои после
святого крещения в чистоте. Сифом ли тебя назову? Но того люди за его
мудрость богом называли, ты же, чистоту сохранил, был рабом Божьим
и, Божий престол держа, явился господином земли руской. Еноху ли тебя
уподоблю? Но тот переселен был в земли неведомые, твою же душу ан-
гелы со славою вознесли на небеса.

Ноем ли тебя назову, но тот был спасён от потопа в ковчеге, ты же хра-
нил сердце свое от греховных помыслов в чистом теле, словно в чертоге.
Евером ли тебя назову, не примкнувшим к безумным народам при стол-
потворении? Ты же разрушил столп несчастья в руской земле и не при-
соединился на погибель христианства к неразумным народам. Авраамом
ли тебя назову? Но ты подобен ему верой, а жизнью своей его превзо-

шел. Прославлю ли тебя как Исаака отцом жертвенным, уготованным Богу? Но ты сам душу свою чистую и непорочную принес жертвой Богу. Израилем ли тебя назову? Но тот с Богом боролся в исступлении, а ты сражался с нечестивыми агарянами и нечестивой Литвой за святые церкви, утверждая веру, как духовную лестницу. Иосифом ли тебя представляю целомудренным, плода мудрого и духовного, обладавшего Египтом? Ты же в мыслях был целомудренным и владельцем всей земли Руской явился. Моисеем ли тебя назову? Но тот был князем одному еврейскому народу, ты же многие народы в своем княжении имел, честью благодарения во многих странах воссияв. Прославляет земля Римская Петра и Павла; Азийская — Иоанна Богослова; Индийская — апостола Фому; Иерусалимская — Якова, брата Господня; Андрея Первозванного — все Поморье, царя Константина — Греческая земля, Владимира — Киевская с окрестными городами. Тебя же, великий князь Дмитрий Иванович — вся земля Руская! И я, недостойный, не могу твоему прославному владычеству воздать достойную похвалу из-за моего невежества. Молись, святой, о роде своем и обо всех людях, живущих в царстве твоём. Ведь ты там, где пастбища духовных овец и вечное блаженство. Ибо блаженство, радость, красота Рая суть лице Божее видите, предстать перед лицом Божиим на этих пастбищах. Там поют песнь ангельские хоры, там содружие великое с вышними силами, там воздается сладкая честь за тяжкие труды на земле, там сонм премудрых пророков, и там суд апостольский, и там бесчисленное воинство мучеников. Там усердные исповедники принимают награду, там верные мужи суетные желания сего света смягчают крепостью разума, там святые жены добрым нравом мужской пол побеждают. И там отроки, которые здесь чистоту сохранили, ангелов лицезреют. Там и старцы, которых старость сделала маломощными, но сила добрых дел не погубила. Имея таких святых, мы можем спокойно жить и вместе с ними насладимся радостной благодатью и человеколюбием едиnorodного Сына Твоего. С Ним же ты благословен, с пресвятым, благим и животворящим ти Духом, ныне, присно и во веки веков, аминь.

После преставления его преставился его пятый сын Иван.

А шестой сын его Константин после отца остался в возрасте четырех дней. Седьмой сын был у него старший, Даниил, но тот еще раньше преставился.

В том же году месяца июля в 21 день загорелся город Москва от церкви святого Афанасия, что внутри города, люди только отобедали. И чуть весь город не сгорел. Сгорел Кремль, мало что от него осталось, так что к вечеру едва погасили.

В том же году князь Борис Константинович ходил в Орду. А в это время царь Тохтамыш пошел войной на Темир-Кутлук. Князь Борис догнал царя Тохтамыша уже в пути и шел с ним 30 дней.

Но потом царь Тохтамыш, пощадив его, отпустил его в месте, называемом Еруктана, повелев ему возвращаться без него и ждать его возвращения в Сарае.

А сам пошел войной в землю Темир-Кутлук и завоевал его дальние города.

И, не дойдя до него самого, вернулся в свой улус.

В том же году в Новгород приехал великий князь Семен Ольгердович Лугвений на пригороды.

Княжение великого князя Василия Дмитриевича. 6897 лето от Адама (1397 лето от Христа)

В том же году месяца августа в 15 день, на Успение Пречистой Богородицы, князь Василий Дмитриевич сел на великое княжение Владимирское, на стол царства отца, деда и прадеда. А посажен послом Тохтамыша Шиахматом.

В том же году великий князь Василий Дмитриевич рассорился с дядей своим, с князем Владимиром Андреевичем. Тогда князь Владимир Андреевич поехал с сыном своим, с князем Иваном, и с боярами своими старейшими в свой город Серпухов, а из Серпухова пошел в Торжок и с ним много людей, и несколько дней оставался в Теребенском, пока они не примирились. Той же осенью месяца сентября в 11 день на память преподобной Феодоры Александрийской преставился Пимен, митрополит Русский, в Цареграде, там был и захоронен, а собственность его была разобрана.

Той же зимой, месяца декабря в 11 день, преставилась княгиня Марья, жена княжича Андрея Ивановича, мать князя Владимира Андреевича, нареченная в монашестве Марфа. И положена была в церкви Святого Рождества Пречистой Богородицы в честном ее монастыре, что на рву. Она при жизни сама его создала, в нем и была похоронена. Той же зимой, после Крещения, великий князь Василий Дмитриевич договорился о мире и дружбе с дядей своим, с князем Владимиром Андреевичем, и присоединил к его владениям Волок и Ржев.

Той же зимой месяца января в 26 день у князя Владимира Андреевича родился сын князь Федор.

Той же зимой вернулся в Киев митрополит Киприан из Царьграда от патриарха и от всего преосвященного собора с благословением Киеву и

всей Руси. С ним пришли два греческих митрополита Матфей Адрианопольский, да Никандр Гаианский.

В том же году в Киеве преставился митрополит Дионисий, положен в Печерском Феодосьевском монастыре. В том же году преставился Новгородский архиепископ Алексей и был положен в церкви святого Воскресения, в монастыре на Деревянице.

Той же зимой перед великим заговеньем Киприан, митрополит всея Руси, пошел на Москву, и бояре великого князя встретили его, когда он был еще далеко.

В 6898 лето от Адама (1398 лето от Христа)

Когда он подошел к Москве в великое говенье на Средокрестной неделе, его встретил сам великий князь Василий Дмитриевич с матерью своей Евдокией, с братьями, с боярами и со всеми христианами на Котле. И получил благословение с матерью своей и с женой, с братьями, с боярами и со всеми христианами. И была радость великая, и все вместе пошли в Москву.

Митрополит Киприан облачился в святительские одежды у Николы Старого, и вошел в город с крестами со священным собором, и, подойдя к церкви Пречистой Богородицы, занял свою митрополичью кафедру, владея своими пошлинами по старине. И была радость великая в городе Москве. Тогда же пришли с ним в Москву и прежде названные два греческих митрополита — Матфей Адрианопольский и Никандр Гаианский, и епископ Ростовский Федор, которому патриарх Антоний Цареградский дал архиепископию и наименовал архиепископом Ростовским. С ним также были Ефросин — епископ Суздальский, Еремей грек — епископ Рязанский, Исакий — епископ Черниговский, Михаил — епископ Смоленский, Даниил — епископ Звенигородский.

Тогда же все епископы русские, перед тем, как уйти каждый в свою епископию, пришли к митрополиту Киприану в Москву, рассуждая: «Вот уже Киприан стал митрополит всея Руси и пришел из Киева и сел на Москве на своей митрополии».

В Ростовской епископии сел епископ Феодор, которого архиепископом Ростовским назначил патриарх, в Суздале — епископ грек Ефросин, в Турове — епископ Феодосий. Все они в один год приняли свои епископии. Той же весной в великое говенье преставился раб Божий Иван Родионович Квашня, нареченный в иночестве Игнатием, и похоронен был в монастыре Спаса на Восточной. В том же году в Петрово говенье, месяца июля в 22 день, в полдень, в Москве загорелся посад по вине некоего армянина Авраама, и сгорело дворов несколько тысяч, и много зла

было причинено христианам. В том же году был в Великом Новгороде сильный мор. В том же году татары воевали Рязань.

В том же году новгородцы ездили замиряться с немцами на съезд. И, не замирившись, разошлись.

О мире с новгородцами

Прислали новгородцы к великому князю Василию Дмитриевичу своих послов: Юрия Семеновича, внука Аврамова, да Кирила Андреяновича и заключили мир по старине. Великий князь послал в Новгород наместника своего Остафия Сыту.

В том же году новгородцы пошли с князем Семеном Ольгердовичем ратью на Псков и встали в Сольцах. И тут приехали псковские послы, и заключили мир, что псковичи не будут заступаться за должников, за холопов, за рабов и за тех, кто ходил на Волгу, но должны выдавать их.

Великий князь Василий Дмитриевич взял Нижний Новгород, князей с княгинями увел, а князь Семен Дмитриевич ушел в Орду.

В том же году новгородцы поставили монастырь святого Николы на Скудельнице, в конце Чудиновой улицы.

В том же году новгородцы поставили каменную церковь Константина и Елены на улице Янева. Освещал ее Иван, владыка Новгородский. В том же году поставили в Новгороде каменную церковь Константина и Елены на Росткине улице. В том же году в Новгороде был сильный мор. Проявлялось это так: появлялась опухоль, и через три дня человек умирал.

В 6899 лето от Адама (1399 лето от Христа)

Новгородцы со своим владыкой поставили церковь во имя святого Афанасия за один день. Епископ Иван осветил ее и службу совершил, и по Божьей милости мор в ноябре прекратился.

Той же осенью, в Филипово говенье, татары опять приходили воевать на Рязань.

Той же осенью бояре великого князя Василия Дмитриевича: Александр Поле, Александр Велеут, Селиван приехали из-за моря от немцев в Псков и в Новгород с княжной Софьей Витовтовной, дочерью Кестутьевича, а с ней князь Иван Ольгимантович.

Постояв некоторое время на городище, поехали в Москву. И прибыли вместе с ней в Москву месяца декабря в первый день.

И великий князь Василий Дмитриевич взял ее в жены после Крещения, месяца января в 9 день, в день памяти святого мученика Полиекта. Витовт

тогда был в немецкой земле. Он бежал из Литвы после того, как был убит отец его Кестутий. Отец его Кестутий Гедиминович задумал отнять великое княжение Литовское у Ягайло Ольгердовича. Была великая битва, и убит был Кестутий Гедиминович, и сын его Витовт в тот же час бежал в немецкую землю.

С помощью немецкой рати он воевал с Литвой. И поэтому с великой радостью отдал дочь свою Софью за великого князя Василия Дмитриевича, надеясь на помощь зятя в войне с Литвой. Обвенчан был великий князь Василий с Софьей Витовтовной в Москве Киприаном, митрополитом всея Руси. Той же зимой пришла грамота от патриарха в Новгород Великий, по слову Киприана, митрополита всея Руси, о суде за подписью собственной рукой патриарха Нового Рима Антония. Подписались в этой грамоте своей рукой также митрополиты Никейский, Халкидонский и Адрианопольский, Сербский, Гаианский, Драмский. В том же году великий князь Михаил Александрович Тверской призвал к себе в Тверь Киприана, митрополита всея Руси.

И после Пасхи он пошел в Тверь, а с ним два митрополита грека: Матфей Адрианопольский и Никандр Гаианский; да Михайло, владыка Смоленский, Стефан, владыка Пермский. Киприана, митрополита всея Руси, встретил внук великого князя Михаила Александровича князь Александр за тридцать верст от города Твери с боярами, с большим почетом.

На другой день Киприана, митрополита всея Руси, встретил старший сын великого князя Михаила Александровича Тверского князь Иван за двадцать верст от города Твери с боярами, с великим почетом.

На третий день, в субботу после вечерни, сам великий князь Михаил Александрович Тверской с князьями и боярами с великим почетом, встретил Киприана, митрополита всея Руси, за пять верст от города Твери. Митрополит вышел из шатра своего навстречу великому князю и благословил великого князя Михаила Александровича, и поцеловал его с любовью. Они сели и долго беседовали о пользе душевной.

Наутро великий князь опять сам встречал Киприана митрополита со своими детьми, с братьями и с боярами на Перемире. И оттуда пошли к городу, и там встречали их с крестами перед воротами Владимирскими, у церкви святого мучника Георгия, и целовали святыя кресты и честную икону Пречистой Богородицы, вошли в церковь великого Спаса, и повели закласть агнца, и начали служить святую литургию.

После окончания божественной службы великий князь с детьми своими и с племянниками били челом ему, чтобы он пришел на пир вместе с гостями, греческими митрополитами, с владыками, со старцами, и с боярами, и со слугами его, и со всеми, кто там был. И оказал тогда вели-

кий князь великие почести митрополиту Киприану, одарил его дарами, и сотворил в течение трех дней великий пир, устроив большое торжество, и дал много даров.

А на четвертый день у великого князя собрались архимандриты и игумены, пресвитеры и дьяконы, и все священники и иноки. Он же, призвав сюда же бояр своих и весь священный собор, послал за Киприаном, митрополитом всея Руси. И все они начали жаловаться на своего владыку Висленя Тверского, говоря, что при нем начался раздор церковный и мятежи.

Киприан, митрополит всея Руси, с епископами, со всем священным собором и с гостями, с митрополитами греческими, стали судить по божественным и священным правилам святых апостолов и святых отцов. И было много клеветы на Евфимия, владыку Тверского, все восстали против него, все клеветали: и архимандриты, и игумены, и священники, и иноки, и бояре, и вельможи, и простые люди. Киприан митрополит со всем священным собором стал судить по правилам святых апостолов и святых отцов и повелел Евфимию пребывать в его монастыре до тех пор, пока он все не расследует и не придет к какому-нибудь решению.

Великий князь начал просить поставить им другого епископа. Митрополит Киприан со всем священным собором отставил от архиепископства Евфимия, владыку Висленя, и дал великому князю Михаилу Александровичу протодьякона своего Арсения, мужа дивного, знатного и весьма добродетельного. Он пытался примирить их и восстановить любовь между великим князем и владыкой Евфимием. И не было между ними мира и любви, но только увеличивалась вражда и ссоры. Потом много еще и другой клеветы наговорили на Евфимия, владыку Висленя, тяжелой и невыносимой, и была вражда и брань лютая. От всего этого смутился митрополит Киприан, что не смог погасить вражду и установить мир и любовь.

В том же году Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, возвратился в Москву, взяв с собой из Твери Евфимия, владыку Висленя Тверского, и повелел ему жить в своем Чудовом митрополичьем монастыре, который находился в центре Москвы. С ним же в Москву пришел и протодьякон его Арсений, боясь принять владычество Тверское, видя там вражду и брань, что его смущало и ужасало.

В том же году царь Тохтамыш послал своего царевича Бектута ратью на Вятку. Тот пошел, взял Вятку, а людей кого посек, а кого, пленив, отвел к царю Тохтамышу. В том же году на царя Тохтамыша пришел другой могущественный царь из Шамахейской земли, и была сеча великая. А князь Василий Дмитриевич убежал от царя за Яик и пришел на свою отчину в Москву.

И после него пришел из Орды посол Улан-царевич и посадил князя Василия Дмитриевича на великое княжение.

В том же году били челом великому князю с просьбой принять на службу три татарина, царские постельничьи, желая принять христианскую веру. А имена их: Бахтыхожа, Кидырхожа, Маматхожа. Привели их к митрополиту Киприану, и митрополит сам крестил их и дал им имена в святом крещении: Ананий, Азарий, Мисаил, и была радость великая, и все прославили Бога. В том же году Витовт Кестутьевич вместе с немцами воевал против литвы и побил их.

В том же году великий князь Михаил Александрович построил Новый городок на Волге, с приступа вокруг него выкопали ров, а в Твери достроили ворота у святого Василия.

В том же году Витовт Кестутьевич с немцами, наняв большую рать немецкую, пошел войной на Вильну. Но не смог ее взять и возвратился в свою землю Немецкую. А литвы и немцев было много из пушек побито.

В том же году новгородцы и устюжане, а к ним и другие присоединились, пошли в лодках и в ушкуях по реке Вятке в низовье, взяли Жукотин и Казань.

И потом опять пошли на Волгу, пограбили всех купцов и вернулись восвояси с добычей и богатством.

В том же году великий князь Михаил Александрович прислал к Киприану, митрополиту всея Руси, с челобитьем в Москву бояр своих, зовя его к себе в Тверь. Киприан пошел в Тверь, а с ним два митрополита, гости греческие: Матфей да Никандр, да Михаил, епископ Смоленский, и Даниил, епископ Звенигородский, и Стефан, владыка Пермский; тогда же пришел и Иеремей, владыка Рязанский. И возрадовался великий князь приходу митрополита. И едва умолили митрополичьего протодьякона Арсения стать епископом в Твери, так как он боялся вражды и войны. И едва уговорили его, и возвели его в епископский сан месяца августа в 15 день. И из Твери митрополит Киприан пошел в Новгород Великий. А с ним Еремей, владыка Рязанский, грек, и Даниил, владыка Звенигородский. Пришли к Новгороду, и их встречал с крестами Иван, владыка Новгородский, со всем священным собором и со всем Новгородом от мала до велика около великого Спаса в Нередице, и выделили место для постоя у святого Иоанна Предтечи. И чествовал его владыка Иван с новгородцами неделю, и одарили многими дарами. На восьмой день, в воскресенье, Киприан, митрополит всея Руси, начал служить божественную литургию в святой Софии.

И, отслужив божественную службу, поднялся на амвон с честным и животворящим крестом и начал поучать людей новгородских, стоя с

крестом на амвоне. Они же не приняли его поучений, заткнув уши свои жестокосердием и непокорством, как глухие аспиды. И даже не захотели получить благословение. И оно ушло от них, и благословение обратилось в проклятие.

Митрополит просил у них, чтобы он в течение месяца устроил свой митрополичий суд. И новгородцы ответили все единогласно: «Мы все целовали крест на том, чтобы нас не призывали на митрополичий суд, и митрополит бы нас не судил. И об этом грамоты подписали, печати приложили и запечатали». И сказал им Киприан, митрополит всея Руси: «Это сатана своими кознями надумил вас отнять власть, суд и священные и божественные пошлины, положенные Богу изначально. Как только вы не стыдитесь говорить это мне? Покайтесь в грехе этом и помилосердствуйте в беззаконии вашем, потому что совратил вас сатана. Обратитесь к Богу с покаянием от всего вашего сердца, и простит вас Господь Бог от греха сего, и подаст вам милость. И я с вас сниму целование ваше, и печати ваши порву, и грамоты раздеру, и благословлю, и прощу вас благодатью, данною мне от Бога Отца и Единородного Сына его Господа нашего Иисуса Христа, и Пресвятого и Животворящего Духа. А вы мне суд и пошлины дайте, как было изначально при других митрополитах — отдавать положенное Богу. Что изначально было положено отдавать Богу в великую соборную апостольскую митрополичью церковь, и нами было исполняемо, и это неотъемлемо, и пусть будет неизменно из рода в род». Они же не послушали митрополита и не вняли его словам и его учению. А послания патриарха Антония и его учения ни во что не ставили. Но говорили, вознесясь гордыней, совращенные демонскими поучениями. Киприан митрополит сказал им: «Я и сам грешен, но о вас буду молиться Господу Богу, Пречистой Богородице и всем святым. Я и наставлял, и поучал вас, и советы давал вам богоугодные, которые могли спасти вас. Вы же ожесточили сердца ваши и противитесь Духу Святому, и учениями апостольскими и отеческими пренебрегаете. И, положенное Богу, митрополичьи суды, владения и пошлины захватили в свою пользу; и ругаетесь богохульными словами, противными Духу Святому и православной вере христианской. Я сделал все, что мог для спасения вашего, и единственное тягчайшее наказание, которое осталось — отлучение».

И пошел митрополит Киприан из Новгорода, не благословив их епископа Ивана и всех новгородцев за непокорство, жестокосердие и сопротивление их. За то, что попрали положенное Богу, хулу возложили на православие.

В том же году был мор великий в Новгороде и во всех пределах его. Как сказал пророк: «Аще не покорятся людие, ни послушают стража,

рекше учителя, кровь их на главах их, а стражъ душу свою избавил есть от муки». Также и с этими людьми: проповедовал им Бог устами служителя Своего, а их пастыря и учителя, но они ожесточились и за непокорство свое приняли наказание.

В том же году немцы пришли из-за моря ратью и напали на новгородские волости и села, и много зла причинив, возвратились восвояси.

В том же году женился князь Юрий Всеволодович Холмский, внук Александров, правнук Михайлов, праправнук Ярослава Ярославича, и обвенчан был в Твери в церкви великого Спаса владыкой Арсением, бывшим протодьяконом митрополита всея Руси Киприана.

В том же году женил великий князь Михаил Александрович Тверской сына своего в Москве на дочери Федора Кошки, Андреева сына Собакина, и обвенчан был владыкой Арсением в Твери в церкви великого Спаса.

В том же году великий князь Борис Константинович Нижегородский пришел из Орды от царя Тохтамыша в свою отчину в Нижний Новгород с жалованной грамотой. В том же году татары ходили на Рязань.

В 6900 лето от Адама (1400 лето от Христа)

Киприан, митрополит всея Руси, поставил в Полоцк епископа Феодосия.

В ту же осень преставилась в Литве великая княгиня Ольгерда Гедиминовича — Ульяна, дочь великого князя Александра Тверского, внука Михаила, правнучка Ярослава Ярославича, в иночестве нареченная Марина, и похоронена была в Киеве в Печерской Лавре.

Преставился Матфей грек, митрополит Адрианопольский, в пятницу 6 недели после Пасхи и похоронен был в Чудовом монастыре.

Преставился Павел, епископ Коломенский. В том же году митрополит Киприан поставил на Коломну епископа Григория.

В ту же осень преставился Евфимий Вислень, бывший епископ Тверской, в Чудовском монастыре в Москве, где повелел ему митрополит Киприан жить в своем монастыре. В нем же он и преставился, и похоронен был за алтарем.

В ту же осень была битва между царем Тохтамышем и царем Аксак-Темиром. И царь Тохтамыш был побежден, и его многочисленное войско было перебито царем Аксак-Темиром.

Расписана была на Коломне церковь каменная Успения Богородицы, которую построил великий князь Дмитрий Иванович.

Русь (1401–1410 гг. от В.Х.).

Книга 11

Повесть о преподобном Сергии

Месяца сентября в 25 день, на память преподобной Евфросинии, представился преподобный Сергей Радонежский и Маковский — тихий, кроткий, смиренный и прочее. Не знаю, как смогу описать его житие. Потому что измлада возлюбил он Бога и постоянно говорил: «Господи, дай мне с молодых лет трудиться для тебя! Господи, прими меня и возьми меня к себе, причти меня к избранному стаду Твоему, нищ я перед Тобой! И с юности избавь меня, Господи, от всякой нечистоты и скверны плотской и душевной, и сподоби меня, Господи, соблюдать святость перед лицом Твоим! Пусть сердце мое вознесется к Тебе, Господи, и вся сладость мира сего не будет усладой мне, и вся красота житейская не коснется меня, но унесется душа моя вслед за Тобой, и примет меня десница Твоя. Да не усладят меня красоты мирские и не введут в искушение, и не буду я желать радоваться радостью мира сего, но наполни меня, Господи, радостью духовной, радостью неизреченной, сладостью божественной, и пусть Дух Твой благой наставит меня на путь праведный!» Старцы же и прочие люди, видевшие такое рвение юноши, удивлялись, говоря: «Что будет с юношей этим, если таким даром добродетели наделил его Бог с младенчества?» Все, о чем до этого места написано, происходило там, где прежде жил Кирилл, в некоем месте, в пределах Ростовского княжества, не очень близко от города Ростова. Следует несколько слов сказать о переселении, потому что Кирилл переселился из Ростова в Радонеж. Почему и зачем переселился — я мог бы много рассказать, но должен об этом все же написать. Этот прежде названный раб божий Кирилл ранее жил в Ростовской области, и был он сыном боярина. Их род — один из самых славных и знаменитых. Он был богат, но потом, в старости, обнищал, и род их оскудел. Расскажу и о том, почему обнищал: из-за частых хождений с князем в Орду, из-за частых набегов татарских, которые испытывала Русь, из-за частых приходов татарских послов, из-за частых тяжких даней и поборов ордынских, из-за частых голодных хлебных лет.

Но самой тяжкой бедой был набег великой рати татарской, называемой Федорчукова рать Туралыкова.

И после него еще год продолжалось насилие, потому что великое княжение Московское досталось великому князю Ивану Даниловичу, и княжение Ростовское также отошло к Москве. Увы, увy тогда городу Ростову, особенно князьям ростовским, когда отнята была у них власть, а великое княжение, имущество, честь и слава, и все прочее отошло к Москве! По повелению великого князя Ивана Даниловича был послан из Москвы в Ростов воеводой один из вельмож по имени Василий, прозвищем Кочева, и с ним Мина. И когда вошли в город Ростов, то принесли огромное бедствие городу и всем, живущим в нем. Умножились гонения, и немало пришлось им отдать москвичам имущества своего, а сами удары по телам своим с укором получали и с пустыми руками отходили. И многие оказались в бедственном положении, потому что не только всего имущества лишились, но и получили раны на теле, и беду эту жалостно носили в себе, и терпели.

Ну, что тут еще скажешь? Такое дерзновение над Ростовом содеяли, что и, самого городского епарха, старейшего боярина ростовского по имени Аверкий, применив к нему насилие, повесили вниз головой, и так надругавшись, оставили едва живым. И напал страх великий на всех, слышащих и видящих это не только в городе Ростове, но и во всех пределах и волостях.

Вот из-за таких бедствий раб божий Кирилл из этих мест ростовской области собрался со всем своим домом и со всеми родными своими и переселился из Ростова в Радонеж. Придя туда, поселился близ церкви, названной во имя Рождества Христова, церковь эта и доныне стоит там. Здесь и стал жить с родными своими.

И не только он один переселился, но с ним переселились и многие люди из Ростова в Радонеж. И стали они переселенцами на земле чужой. Среди них был Георгий, сын протопопов, с родными своими; Иван и Федор Тормосовы с родными; Дюдень, зять его, с родными своими; Анисим, дядя его, вельможа ростовский; говорят, что он с Протасием тысяцким пришел сюда, в эту же весь, называемую Радонеж, которую князь Иван Данилович отдал сыну своему младшему князю Андрею, от которого родился князь Владимир. А наместником он поставил в ней Терентия Ртища, и большие льготы людям даровал, и послабление великое в налогах обещал дать. И благодаря этим льготам многие сюда прибывали, так же ростовских земель из-за нужды и из-за многих бед, разбегались люди многие.

Отрок предобрый, сын предрорых родителей, о котором ведем речь, подвижник, которого всегда помнят, произошел от благоверных роди-

телей доброго рода. Вырос, как от доброго корня поросль произрастает добрая, приняв в себя все достоинства корня этого. С молодых ногтей он был как сад благородный, и процветая, как плод безценный. Был этот отрок красивым и благонравным. Взрослея, только в добрых делах преуспевал. Но житейская красота не прельщала его, и пустой была для него вся суета мирская. Можно сказать, что самое естество хотел презреть и преодолеть, часто нашептывая слова Давида: «Кая полза во крове моей, внегда снити ми во истление». Ночью и днем, не переставая, молился Богу, Который всегда был ходатаем за таких подвижников и помогал спастись. Как поведать и о прочих его добродетелях: о спокойствии, кротости, любви к молчанию, о смирении, негневливости, простоте без ухищрений? Равную любовь питал он ко всем людям, никогда не гневался, никому не противоречил, не обижался, не проявлял слабость, не смеялся; а если и хотелось ему улыбнуться случалось и такое, то он делал это целомудренно и сдержанно. Всегда ходил печальный, со скорбным видом. Очень часто плакал, слезы так и текли по щекам его, знаменуя плачевную и печальную жизнь нашу. Слова Псалтыри всегда были на устах его, и был он украшен воздержанием во всем. Радовался, обуздывая телесные желания, простые одежды носил достойно, и это радовало его более, чем нарядные одежды, суетное и скоро проходящее щегольство. Пива и меда никогда не вкушал, даже запаха не вдыхал. Более любил жизнь постническую, чем сладостную и обильную. В Евангелии Господь говорит: «Блюдите, да не отягчают сердца ваша объядением и пианством», в другом месте говорится: «Марфа, Марфа, что печешися и молвиши о мнозе? Едино же есть на погребу, Мария же благу ю часть избра, яже не отымется от нея», в другом месте говорится: «Горе вам, насыщении, яко взалчете, горе вам, смеющимся, яко възрыдаете и възплачете».

Апостол Павел говорит: «Брашна нас не поставят перед Богом». Василий Великий говорит: «Аще хоцещи внити в рай, въздержи чрево, бежи пьянства». И Господь говорит: «Внидите ускими враты, яко широкаа и пространная врата вводят в пагубу, и мнози суть входящи ими; что уска врата и тесен путь вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его». Сам этот блаженный жил суровой жизнью: всегда в посте, в трудах, сетуя, печалась и умиляясь, в постоянном целомудрии.

Братья его Стефан и Петр, сыновья Кирилла, женились. Третий же сын своих родителей, блаженный сей юноша Варфаломей не захотел жениться, но страстно желал постричься в иноки, и этим угодить Богу, и служить ему от всей души день и ночь по сказанному: «Лучше прилепиться к дому Господнему, чем жить в селах грешных».

И стал просить родителей своих, чтобы отпустили его постричься в иноки. Они же ответили ему: «Чадо, потерпи вместе с нами немного бед-

ность и крайнюю нищету. Видишь, что мы бедны и стары, и во всем имеем скудость и крайнюю нищету. Братья твои женились и думают о том, как угодить женам своим. Ты же не женатый, а думаешь, как угодить Богу. Благой путь ты избрал себе, это не отнимется у тебя. У нас же нет сейчас ни служащих нам, ни доброхотов, ни родственников, никого. Поэтому, поухаживай пока за нами немного, и за это примешь вознаграждение от Господа». Он так и сделал, служа и помогая родителям своим, повинуюсь им со смирennemудрием и долготерпением.

Потом, через некоторое время, его родители постриглись в монахи и преставились. Блаженный похоронил их с надгробными песнопениями: читал над ними 40 дней панихиды, литургии, молитвы. Одарил милостынями нищих по-доброму, почтив память родителей своих, и ушел в дом свой с родительским благословением, как будто сокровище духовное приобрел.

Придя домой, стал освобождаться от житейских забот мира сего. На дом и на все вещи, что в доме, он смотрел, как на нечто ненужное ему, вспоминая, что сказано: «Упразднитесь и разумеете, яко аз есмь Бог». И еще написано: «Сметие вмениша вся, да Христа Бога приобрящет».

Вспоминал и о том, что сказано: «Многа въздыханна и уныния житие мира сего не прикасайтесь». Пророк рече: «Изыдите от среды их и отлучитесь, и нечистоте мира сего не прикасайтесь», и другой пророк рече: «Отступите от земля и възидите на небо», и Давид рече: «Прилпе душа моя вслед Тебе, мене же приат десница Твоя» и еще: «Се удахихся, бегая, и водворихся в пустыню, чая же Бога спасающаго мя». Господь в Евангелии сказал: «Иже кто хочет вслед мене ити, аще не отречется всех, яже суть в мире сем, не может быти мой ученик». Так, этими словами утвердив душу и тело, он призывает к себе Петра, по плоти брата своего меньшего, и оставляет ему отчее наследие и все, что было в доме необходимое для жизни. Сам же не взял себе ничего, следуя словам божественного апостола: «Уметы вмених вся, да Христа приобрящу».

Стефан же, его родной старший брат, не долго жил с женой, и она умерла, родив двух сыновей —Климента и Ивана. Этот Иван, сын Стефана, постригся у дяди своего, у преподобного игумена Сергия, и был удостоен священнического сана, и создал монастырь на месте, которое называется Симоново, на берегу Москвы реки, недалеко от города. Об этом будет сказано далее.

Стефан, старший брат Сергия, после смерти жены своей постригся в иноки в монастыре Покрова Пречистой Богородицы на Хотькове. К нему-то, иноку Стефану, и пришел прежде названный юноша, брат его младший Варфоломей, за советом в монастырь Покрова Пречистой Бо-

городицы на Хотькове, потому что Стефан, брат его старший, еще ранее постригся в иноки в том же монастыре, и стал просить Стефана, чтобы он вместе с ним пошел поискать пустынное место. Инок же Стефан, старший брат его, послушал младшего своего брата Варфоломея, который, еще будучи в миру, жил иноческой жизнью, они пошли в пустынный лес и нашли уединенное место, взяли благословение у преосвященного Феогноста, митрополита Киевского и всея Руси, на постройку церкви. Взяли также антиминос, священника и освятили церковь во имя Пресвятой и Животворящей Троицы. Случилось это при великом князе Семене Ивановиче, еще в начале его княжения.

Затем Стефан, брат его старший, оставляет это пустынное место и брата своего Варфаломея, и уходит в монастырь святого Богоявления, недалеко от Москвы, обретает там себе келью и начинает жить в этом монастыре святого Богоявления на посаде в городе Москве, весьма преуспевая в добродетельной жизни, потому что и он любил жить в трудах и подвижничестве. Жил в келье своей, постоянно молился, находясь в жестокости поста, в большом воздержании: пива не пил и одежды носил невзрачные. В это же время в монастыре жил инок Алексей, будущий митрополит, еще не поставленный в митрополиты, но добросовестно проходил путь чернеца, добродетельно живя в этом монастыре. Стефан жил с ним в духовной близости, и в церкви на клиросе стояли рядом, распевая псалмы Господу со смирением и долготерпением. Также жил там некий известный, почетный, славный старец Геронтий. И в том монастыре святого Богоявления жил он со Стефаном и Алексеем в большой духовной любви во имя Господа, со смирением и долготерпением. Митрополит Феогност любил их и часто призывал к себе, общение с ними доставляло ему утешение и отраду, так как он весьма почитал их. Потом инока Стефана, старшего брата Варфаломея, митрополит всея Руси Феогност поставил игуменом в этом монастыре святого Богоявления. Его также очень любил великий князь Семен Иванович за его добродетельную жизнь. Он часто беседовал с ним наедине и советовался, и была между ними большая духовная любовь во имя Господа. И стал Стефан, игумен Богоявленский, старший брат Варфаломея пустытника, духовником великого князя Семена Ивановича, внука Даниилова, правнука Александра, также и Василия тысяцкого, и Феодора, брата его, и прочих старейших бояр. И был он всем любезен и всеми почитаем.

Брат же Стефана Варфоломей, пустыжник — тогда еще живущий мирянином, занимался строительством церкви и монастыря, живя в пустыне и привыкая к иноческой жизни. И он призвал к себе в это пустынное место некоего священника, игумена по имени Митрофан, и со смирением просил его, чтобы он постриг его в иноческий чин в этой же пустыне, го-

воря ему так: «Отче святой! Сотвори добро, постриги меня в иноческий чин, ведь я этого желаю с юности моей, но принуждение родительское держало меня. Ныне же я освободился ото всего и жажду иноческой и пустынной жизни».

Игумен Митрофан немедленно вошел в церковь Пресвятой Троицы и постриг его в святой ангельский иноческий чин месяца октября в 7 день, на память святых мучеников Сергея и Вакха. И дано было ему имя Сергей: так тогда давали случайные имена, не считаясь с мирским именем, но по имени того святого, память которого праздновалась. В тот день, когда постригали, это имя и давали постригающемуся.

Было тогда святому, когда он принял иноческий образ, 23 года. В той же церкви Пресвятой Богородицы прежде упомянутый Митрофан вместе с пострижением отслужил божественную литургию. Блаженный же Сергей, новопостриженный чернец, после совершения пострига причастился священных и божественных тайн Христа Бога нашего, как достойный сподобился принять такую святыню. И вселилась в него благодать и дар Святого Духа. Откуда это известно? Случилось так, что в то время там находились правдивые свидетели, рассказавшие, что в тот момент, когда Сергей причащался Божественных Тайн, вся церковь наполнилась благоуханием, и не только в церкви, но и вне церкви было так. И все живущие и это ощутившие, прославили Бога, таким образом прославляющего своего угодника. Это был первый инок, в той церкви Пресвятой Троицы, и в той пустыне был пострижен Митрофаном игуменом.

Игумен Митрофан некоторое время пожил в той пустыне с преподобным новопостриженным Сергием, поучая и вразумляя своего нового постриженника иноческой жизни терпению и тому, как следует сопротивляться помыслам дьявольским и ратям враждебным — видимым и невидимым. И, так пожив с ним немного, хотел уйти от него. Преподобный же инок Сергей молил его, чтобы пожил с ним еще, наставляя и поучая его. Игумен Митрофан сказал ему: «Бог вразумит тебя и научит хранить заповеди Его и творить волю Его». И, еще немного побыв с преподобным Сергием, собрался уйти к себе. И, благословив его, сказал: «Господь благословит тебя и сохранит в начале твоей жизни и в конце ее отныне и навеки. Аминь». И, сказав так, игумен Митрофан сотворил молитву и, благословив его, ушел, вернувшись восвояси. Преподобный Сергей рече ему: «Помолись обо мне, отче, да поможет мне Господь Бог терпеть плотские брани и бесовские напасти, и звериные нападения, и пустынные труды». Митрофан ответил ему: «Бог сохранит тебя и спасет благодатию своею» и отправился в путь, откуда пришел.

Когда игумен Митрофан, постригший его, ушел, преподобный Сергей стал жить один, без единого человека, подвизаясь в пустыне этой

во многих трудах. Кто мог бы описать труды его, или кто мог бы поведать о подвигах его, о том, сколько он претерпел, живя в этой пустыне? Невозможно рассказать, с какими духовными трудами и с какими заботами приходилось ему сталкиваться, когда начинал он жить в уединении, мужественно пребывая достаточно долгое время в пустынном лесу. Стойкая и святейшая его душа, несомненно, много претерпела, находясь в одиночестве, без единого человека вблизи, исполняя уставы и правила иноческой жизни непорочно, не спотыкаясь и безукоризненно. Какой ум, или какой язык может поведать о начале усердия его и о любви его к Богу, о тайной добродетели его подвига; или описать его уединение и дерзания, стенания и прошения, и беспрестанные моления, с которыми он постоянно обращался к Богу, усердные слезы, душевный плач, сердечные воздыхания, всенощные бдения, пения усердные, молитвы непрестанные, стояния без отдыха, чтения прилежные, пощения, жажду, лежания на земле, нищету духовную, скудость и недостаток, во всем? А сколько он пострадал от бесов и зверей! Бесы превращались и в змеев, и в гадов, и в зверей, в демонские мечтания.

Но он ограждался молитвами, и Божественная сила охраняла его.

Приходили к нему многие звери: волки и медведи. И один медведь очень часто приходил к нему. И понял святой, что не в злобе он приходит, а из-за еды, и желая утешить святого в его скорбях. Вынес святой из кельи своей хлеб и положил на колоду и на пни. Пришел медведь тихий и кроткий и весело, и радостно стал смотреть на святого. Святой возблагодарил Бога, поняв, что этот лютый зверь медведь был от Бога послан утешением ему, как овца, водворившаяся с ним в пустыне. И кормил его каждый день, оставляя хлеб на колоде или на пне, и медведь это съедал. И когда совсем мало хлеба оставалось у святого, он медведя кормил, а сам оставался голодным. Он готов был себя оставить голодным, чем медведя, сожителя своего пустынного, оставить голодным. Очень любил святой молчание, потому и дерзнул поселиться в пустынном месте, и жил там один, в безмолвии, потому что, вкусив божественной сладости безмолвия, уже не мог отступить и оставить выбранный путь.

И так жил он там в одиночестве, в молчании и безмолвии два или три года. И после этого узнавшие о нем монахи, живущие в окрестности, стали приходить к нему. Сначала по одному, потом по двое, иногда по трое, и просили его: «Отче, прими нас, хотим с тобой в месте этом жить и души свои спасать». Святой же, не желая нарушать сладость молчания и безмолвия, не хотел их принимать, зная еще и то, что жизнь пустынная трудная и жестокая. С радостью приходили к нему люди, а потом недовольные уходили от него, так же как и некоторые, следовавшие Господу Христу, говорили, что жестоко слово Его, и кто может внять ему? Но

монахи, о которых говорилось, с великой верой и усердием, со слезами припадая к нему, молили его, чтобы он принял их. Святой удивлялся их вере и смирению. И вспомнил слова Господа: «Приходящего ко Мне не иждену вон, и где же суть два или трие совокуплены во имя Мое, ту есмь Аз посреди их». И Давид сказал: «Се коль добро и коль красно, еже жити братии вкупе». Вспомнил и слова Соломона, говорившего: «Горе единому и не уклоняться надесно и или налево, но царским путем шевствова ти, сиречь со двема или трети вкупе в безмолвии жити, сице благопотребно есть и ключимо, аще ли же». Это хорошо, и этого было бы достаточно. Но если хочет Бог, чтобы было здесь множество, то воля Господня пусть исполнится! Кто может противиться воле Господней! Потому радостно приму всех вас, с верою приходящих работать для Господа и готовых терпеть в месте этом, ради спасения своего и получения будущих благ. Только пусть каждый себе построит келью. Но прежде всего подобает вам знать, что жить в этом пустынном месте трудно, жестоко, голодно, и жить будете в нищете. Те же, кто хочет жить в месте этом, должны себя приготовить не к полноценной пище и питью, к покою, веселью и радости, но к тяготам, печалям, скорбям и напастям, которые нужно мужественно терпеть. Апостол говорит: «Многими скорбьми подобает нам внити во царство небесное». В Евангелии Господь говорит: «Нужно есть царство небесное, и нужницы восхищаютъ е; и в терпении вашем стяжите душа ваша, претерпевый бо до конца той спасется». Они же с радостью и усердием обещали все исполнять, говоря: «Вся повеленная тобою творим и ни в чем же не преслушаемся тебе». И каждый соорудил себе свою келью, желая безмолвствовать в одиночестве по благословению святого. И так жили они во имя Бога, поучаясь у святого и следуя ему, кто как мог. Жизнь же его была такова: голод, жажда, еда в сухомытк, сон на земле, бодрствование, чистота телесная и душевная, молчание уст, постоянный труд, умерщвление плоти, тихость, кротость, нелицемерное смирение, молитвы постоянные, рассуждения добрые, любовь совершенная, бедность в одеждах, нищета безмерная, имея в душе непрестанный страх Божий. Ведь начало премудрости — страх Господень. Так же как цветок — начало ягоды и любого овоща, так и начало всякой добродетели — страх Божий. Он же, поселив страх в своей душе, этим оградил себя. И, поучаясь закону Господню день и ночь, жил как плодовитое дерево, посаженное и удобренное, которое в свое время даст плод. И так как молодой он еще был и крепок телом, сила в теле у него была на двоих человек, то дьявол пытался стрелами похоти разжечь его. Преподобный же, почувствовав действия дьявольские, обуздal свое тело, истощив его постом. И так благодатью Божьей был избавлен от мук и научился бороться с дьявольскими происками. Когда бесы греховною стрелой хотели пораз-

ить его, преподобный поражал в ответ стрелами чистоты в стреляющих во мраке в праведные сердца. Так и жил он с братьями, и хотя не был поставлен в пресвитеры, но вместе с ними заботился о церкви Божией. Каждый день он пел вместе с братьями в церкви полунощницу, заутреню, и часы: 3, 6 и 9, и вечерню, и Нефимон, как сказано: «Семь раз в день восхваляю Тебя за суды правды Твоей». А в промежутках между ними устраивали частые молебны, занимались тем, что непрестанно молили Бога и в церкви, и в кельях, как глаголал Павел: «Непрестанно молитесь Богу». А служить обедню приглашали какого-нибудь пресвитера из окрестных сел или игумена из монастыря, и те служили божественную литургию.

Сам же Сергей сначала из-за своего великого и полного смирения не хотел быть поставленным в священники или игумены, во всем подражая своему владыке — Господу нашему Иисусу Христу, который сказал желающим следовать за Ним, подражая Ему: «Приидете ко Мне вси тружашеся и обременени, и Аз покою вы. Возьмите иго Мое на ся и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем». И собралось там 12 монахов. Среди них были: Василий, называемый Сухой, пришедший с верховьев Дубны; другой — Яким по прозванию Якута. Этот Якута был за посыльного: его всегда посылали, когда нужно было приобрести необходимое для службы, без чего нельзя было жить и терпеть. Третий — Анисим, который был дьяконом, и отец дьякона по имени Елисей. Когда соорудили кельи, оградили их тыном, но не очень высоким, и у ворот поставили сторожа. Сам Сергей построил своими руками три или четыре кельи. Выполнял и другие монастырские работы, необходимые для жизни братии: иногда на плечах своих из леса носил деревья, колот их на поленья и по кельям братьям разносил, работал и служил как раб купленный, дрова для всех заготавливал и, как говорится, сек, толоч и молот, хлеба пек, еду варил и всякую пищу готовил для нужд братии; обувь и одежду кроил и шил. И от источника, который там был, носил воду на плечах своих в двух водоносах и каждому у кельи ставил. И ночи проводил без сна, молясь и читая, и ни часа не был праздным. Питался же хлебом и водою и то не досыта. И так утомлял тело свое воздержанием и трудами, что плотские чувства утолял и телесное жжение погашал, и стрелы лукавого без волнения отметал, подвиги к подвигам прилагая. И заботился о процветании места того пустынного, чтобы труд его был на пользу. И, что бы он ни делал, всегда на устах его был псалом, в котором сказано: «Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да ся не подвижно, всегда тружаяся и поты проливая». И всегда он находился в трудах, поты проливая. И так плоть свою измучил, иссушил и усыпил, желая быть небесным жителем, что все остальное почитал за ничто.

Через год прежде упомянутый игумен Митрофан, который постриг блаженного Сергия и после этого ушел, опять пришел к блаженному Сергию, к постриженнику своему, и остался тут жить и священствовать. Потом разболелся и, некоторое время поболев, преставился, покинув эту скоротечную жизнь. Был же тот муж подобен святому, знатен и покрыт сединами. Опечалился о его смерти преподобный Сергей и молился Господу Богу, чтобы прислал ему игумена в это место пустынное, скорбел и молил Господа Бога об игумене.

Тогда братья собравшись, посовещались, и придя к одной мысли, пошли к преподобному, говоря так: «Отче, не можем мы жить без игумена. Прими священнический чин и будь нам игуменом в месте этом, пастырем и отцом, чтобы мы могли приходить к тебе с покаянием, исповедуя грехи наши, и от тебя благословение и прощение получать. И каждый день хотим видеть, как ты совершаешь литургию, и от твоих рук причащаться». Он же отказывался. Братья просили его и дважды, и трижды. Иногда спокойно и ласково, иногда с угрозами и жестокими словами угрожали, с горечью. Он же, крепкий душой, твердый в вере, смиренный умом, ласковым словам не повиновался и угроз не боялся, но считал себя грешным и недостойным. «Кто я есть, как я могу на такое дерзнуть. Этого и ангелы со страхом, трепетом и ужасом не могут постигнуть. Как же я, грешный и недостойный, на такое дерзну. Мои слова не согласуются с вашими словами, потому что вы слишком настойчиво принуждаете меня на игуменство, а я слишком настойчиво отказываюсь. Я хочу сам учиться, нежели иных учить, и под началом жить, нежели над иными начальствовать». Тогда братья решили разойтись. И только после этого он вынужден был согласиться, говоря: «Выше меры моей то, к чему принуждаете меня, но воля Господня да сбудется!» И повиновался воле их, говоря: «Если Бог, восхощет то святитель будет. Больше я не буду сопротивляться и пойду в город Переславль к епископу Афанасию Волынскому». Митрополит Алексей находился в то время в Царыраде, в Переславле же оставил вместо себя епископа Афанасия Волынского. К нему и пришел Сергей, взяв с собой двух старцев, и, как полагается, поклонился епископу. Он же, увидев Сергия, поговорил с ним о создании монастыря и побеседовав с ним о духовном, спросил его о причине его прихода. Он начал просить игумена в свой новосозданный монастырь. Афанасий же сказал: «Тебе и подобает быть игуменом в своем монастыре». Сергей сказал: «Архиерей божий, недостойн я, но не смею ослушаться тебя. Если так Богу угодно, то пусть помогут моему недостойнству молитвы твои святые».

Святитель вошел в церковь, облекся в священные ризы и повелел Сергию возгласить: «Верую во единого Бога». По окончании осенил его

крестным знаменем и произнес молитву для посвящения в сан, и поставил его в чтецы, а потом и в поддьяконы.

Наутро он посвятил его в иерейский сан.

И на третий день преподобный Сергей вместе с архиереем Афанасием совершал божественную службу. И потом беседовал с ним святитель о священных правилах и о божественном писании, и поучал его, как говорил святой апостол Павел: «Немощи немощных носить, а не себе утажати, но кождо нас искреннему да угаждает». И в послании к Тимофею Павел говорит: «Это передай верным людям, которые были бы способны других научить». И другие поучительные слова говорил ему, и потом похристиански поцеловав и духовно поддержав, отпустил его.

Так Божией благодатью сподобился он священства и игуменства, не для себя желая власти, не для себя на игуменство поставился. Не стремился он к этому, не крал сана ни у кого, никому никаких не сулил посулов за это, мзды никому не давал, как некоторые делают, любящие власть, друг перед другом скачущие, вертящиеся и вырывающие сан друг у друга, не понимая Писания, в котором говорится: «Не тому, кто желает, не тому, кто подвизается, но тому, кого милует Бог». Пришел преподобный в монастырь, его встретили братья и поклонились ему до земли. Он же, войдя в церковь, пал на землю, со слезами молясь владыке Христу и Пречистой Богородице, и святым небесным бесплотным силам, Предтече и апостолам, и великим святителям Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту, чтобы дал ему Господь Бог твердую решимость предстоять у престола славы и жертву бескровную принести за свои грехи и за чужое невежество. И сказал братии: «Подвизайтесь, братие, внити узкими вратами, нужно бо есть царство небесное, и нужницы восхищают». Апостол говорит: «Плод духовный есть любы, радость, смирение, долготерпение, благость, благодать, вера, кротость, воздержание ».

Поучая братию, мало произносил слов, больше учил делами.

Когда стоял он на молитве, бесы, завидуя ему, иногда в зверей преобразались, иногда в змей, очевидно, желая устрашить его: и в келье, и когда в лес ходил, и когда деревья валил или дрова собирал для нужд монастыря. Он же молитвою и силой крестной побеждал их.

Вначале иноков было всего числом 12, и так было два или три года. И если один из них убывал, или отходил из монастыря, или Господь забирал, тогда на его место принимали другого, и число монахов не менялось. Через некоторое время пришел к святому прежде упомянутый Симон.

Расскажу немного о нем. Симон был старейшим Смоленским архимандритом, славным, известным и честным, особенно отличался добро-

детелью своей. И он оставляет архимандритство, честь, славу, отечество, ближних и друзей и решает отправиться странником от Смоленска до Москвы и до Радонежа. Пришел в монастырь к преподобному Сергию с большим имением и богатством и передал ему все это на устройство монастыря. И жил он много лет в смирении добродетельной жизнью, в жестоком послушании. И, дожив до старости, преставился, отойдя к Господу. Преподобный похоронил его как подобает. И потому осталась вечная память о нем.

После этого пришел из города Москвы в Радонеж, в монастырь к младшему брату своему, к преподобному игумену Сергию, Стефан, о которым раньше рассказывали, оставив свой монастырь святого Богоявления, в котором он игуменом был, а великому князю Семену Ивановичу духовный отец, а также тысяцкому Василию, и старейшим родовитым боярам, и вельможам, и был в великой чести у великого князя и у всех. Он привел с собой и сына своего младшего по имени Иван, отрока 12 лет. И, войдя в церковь, передал сына своего брату своему игумену Сергию, повелев его постричь в иноческий чин. Игумен Сергей постриг его и дал ему имя монашеское Феодор. Имя давали по имени святого, в день которого его постригали, это имя и давали постригающемуся. Так как его постригали в день святого Феодора Трихины, и имя ему монашеское дали Феодор. И он начал учиться у дяди своего Сергия добродетели иноческого жития, так что все удивлялись, видевшие его. Но подробно о нем расскажем далее.

Многие люди из различных городов и других мест приходили к нему. Некоторые уже были иноками, некоторые — миряне, желающие постричься. Преподобный никому не отказывал — ни старому, ни малому, ни богатому, ни убогому, всех принимал с усердием и с радостью. Но он не сразу постригал желающего, но сначала повелевал ему носить длинную свиту из черного сукна и довольно долгое время находиться с братьями, пока не узнает весь устав монастырский. После этого облачал его в монашескую одежду, как человека, прошедшего весь искус жизни монастырской. А, постригши его, облачал в мантию и клобук. А кто оказывался хорошим чернцом и жил в чистоте совершенной, тому разрешалось принять и святую схиму.

И стал монастырь его, что в Радонеже, прославляться повсюду. А кто начинал жизнь здесь? Прежде на этом месте был лес, чаща, пустыня, где жили зайцы, лисицы, волки, медведи. Иногда святого посещали медведи, утешали святого и ели хлеб, который он раскладывал на колодах и пнях около кельи святого. А когда он был поставлен игуменом, каждый день служил божественную литургию, сам пек просфоры когда, служил божественную литургию толоч пшеницу и заквашивал тесто, во всем уча-

ствовал своими праведными трудами. И никому не передавал эту работу, хотя и хотели многие из братии его печь просфоры. Но преподобный все делал сам: сам варил кутью, свечи делал и каноны сотворял. Хотя и принял игуменство и власть, учить, налагать духовное запрещение и решать, но не оставил правила своего, помня слова Господни: «Иже кто хочет быть старейший, буди всех менши и всех слуга». Помня это поучение Спаса, смирял себя и младшим из всех себя почитал, и подавал всем пример: был первым во всех трудах и на церковное пение раньше всех приходил, никогда на стену не опираясь. И поэтому процветало место то, и множилось число братии. Если после повечерия или поздно ночью, обходя кельи братии своей, слышал, что кто-то молится, или занимается каким-либо рукоделием, или читает Божественное писание, или кто о грехах своих плачется и сетует, за этих он радовался и молил Бога о них, чтобы были у них силы до конца совершать свои добрые начинания. Если же слышал двух или трех, сошедшихся вместе смеющимися, негодовал, и, постучав в оконце, невидимым посещением своим прекращал праздные их беседы. А наутро, призвав к себе, не с яростью и жестокостью обличал их, но тихо, кротко и милостиво говорил с ними, поучая быть спокойными и внимательными, и молиться о грехах своих в молчании и безмолвии. И поучал их милостиво и с долготерпением, как сказано: «Покажет мя праведник милостью и обличить мя». На непокорных, не понявших своей вины и упорствующих в этом, налагал епитимью, на путь исправления наставив: жить по-иночески, со страхом Божиим, молиться о грехах своих с умилением и безмолвием, и после мефимона не беседовать, и от кельи к келье не ходить, разве только к игумену.

О составлении общего жития

Потом к святому Сергию в монастырь пришли из Константинополя греки, посланные Филофеем, патриархом Цареградским, и передали ему благословение от патриарха, крест и параманд, схиму и послание. Блаженный же сказал им: «Не ошиблись ли вы? Может быть вы посланы к другому? Недостоин я эти дары получить от святейшего патриарха». Они же спросили: «Ты ли Сергей, живущий в Радонеже?» Он ответил: «Я, грешный чернец Сергей». Они ответили: «Тебя благословляет Филофей, патриарх Вселенский». Святой ничего не сказал. После этого он оказал им большие почести, и, повелев им остаться в монастыре своем, сам взял подарки и грамоту патриарха, и пешком пошел к блаженному митрополиту Алексею в город Москву. Блаженный Сергей, до поздней старости любивший трудиться, никогда не ездил на коне, но всегда ходил пешком.

Придя в город к блаженному митрополиту Алексею, отдал ему подарки и патриаршее послание и рассказал ему то, что слышал от посланных.

Митрополит взял грамоту и начал читать, чтобы слышали все. Написано было так: «Божией милостью Вселенский патриарх и архиепископ Константинополя кир Филофей о Святом Духе, сподвижнику нашего смирения Сергию, благодать и мир, и благословение! Слышал я о твоей добродетельной жизни, о том, как ты прославляешь Бога, и, как говорит Господь: «Да восидает свет ваш пред человеки, да видят добрая ваша дела и прославят Отца вашего, иже на небесах». Слышал я о жизни твоей и братии, хвалю тебя, но не хватает еще только одного у вас: не устроил ты общежительства. Ведь даже сам пророк Давид, который все охватил разумом, не хвалит ничего так, как это, говоря: «Се ныне что добро или что красно, но еже житии братиам вкупе». Поэтому и я совет добрый даю вам, послушайте наше смирение и устройте общежительный монастырь, да будет на вас милость Божия и Пречистой Богородицы, и всех святых, и наше благословение, и молитва да пребудут с вами».

Преподобный игумен Сергей спросил митрополита Алексея, что он думает и как повелит: быть общему или пустынному жительству? Митрополит Алексей отвечал так: «Коль патриарх Филофей повелевает и благословляет, то и я благословляю». И отпустил его с миром.

Он же, придя в свой монастырь, «который в радонеже», рассказал братии о послании патриарха Цареградского Филофея и о совете блаженного Алексея, митрополита всея Руси. Они с радостью сказали: «И мы, отче, желаем общежительства». Преподобный Сергей обрадовался их единомыслию и общему их согласию и уразумел, что это Божье решение. И распределил братию на службы: одного келарем, другого — подкеларником, кого — казначеем, кого уставщиком, некоторых трапезниками, других — поварами, хлебниками, иных — прислуживать больным. И все имущество, и все, что имелось в монастыре — сделали общим, и никому не позволялось иметь что-либо личное, или называть своим, но всем владели сообща. Некоторые, не захотевшие так жить, тихо ушли из монастыря. И с тех пор установилось общее житие в монастыре святого Сергия, «что в Радонеже», во славу пресвятой Троицы.

О создании монастыря на Кержаче

В один из дней, когда в Сергиевом монастыре пели вечерню, в субботний день святой Сергей священствовал в алтаре, прежде упомянутый брат Сергия Стефан, стоя на клиросе, спросил конарха: «Кто велел тебе брать эту книгу?» Он ответил: «Игумен Сергей повелел мне». Стефан стал говорить: «Кто здесь игумен? Не я ли прежде всех пришел сюда и церковь воздвиг здесь?» И другие нелепые слова говорил. Услышал это блаженный Сергей, находящийся в алтаре, но никому ничего не сказал. И когда братья все пошли из церкви в трапезную на ужин, святой не пошел

ни в трапезную, ни в келью, но вышел из монастыря один и пошел, но этого никто не знал. Настала ночь, и он один молился в пустынном лесу.

И, немного поспав, утром отправился в путь. Пришел в монастырь на Махрищу-реку к игумену Стефану и попросил у него для себя брата опытного, который бы показал ему места пустынные. И нашел красивое место очень высоко над рекой Кержач.

Братья же в монастыре его, «который в Радонеже», стали тревожиться о нем, и многие пошли его искать. И один брат нашел его на Кержаче, и от радости не захотел возвращаться к своим, чтобы рассказать о нем. Потом все же пошел, чтобы оставшиеся совсем не впали в уныние. Они же, услышав, обрадовались и начали приходить к нему: иногда двое, иногда трое, иногда же множество.

Блаженный Сергей поставил келью себе и братьям и послал двух учеников своих к преосвященному митрополиту Алексею, прося благословения на основание церкви во имя Благовещения Пречистой Богородицы. И, получив благословение от святителя, начал строить церковь. И многие помогали в этом и иноки, и миряне. И много имений и богатства приносили князья, бояре и вельможи — серебро и золото для устройства монастыря. И так, по Божьей благодати, вскоре был построен монастырь на Кержаче во имя честного и славного Благовещения Пречистой Богородицы. Из прежнего монастыря святой Троицы, что в Радонеже, братья, беспокоившиеся о нем, пошли в город Москву и молили со слезами святого митрополита Алексея, чтобы он возвратил им из Кержача в Радонеж преподобного игумена Сергея в первый его монастырь. Святитель, выслушав их, послал двух архимандритов Герасима и Павла к Сергию, говоря так: «Ждет тебя построенная тобой церковь и монастырь, созданный с помощью Бога на месте том. Поэтому, кого считаешь достойным из учеников своих, оставь вместо себя настоятелем в монастыре своем, что на Кержаче, а сам возвращайся в прежний свой монастырь святой Троицы, что в Радонеже, чтобы любящие там тебя недолго скорбели о разлучении с тобой. Ненавидящих же тебя и непокоряющихся тебе я вскоре уберу с бесчестьем из монастыря, и никто не будет сопротивляться тебе в монастыре твоём, и милость Божия и Пречистой Богородицы, и всех святых и наше благословение и молитвы будут с тобой. Не прислушай нас». Сергей обещал повиноваться, и архимандриты, вернувшись, рассказали об этом митрополиту Алексею.

И святой Алексей вскоре послал священников к преподобному Сергию, и они освятили церковь во имя Пречистой Богородицы, честного и славного ее Благовещения. Преподобный Сергей избрал одного из своих учеников по имени Роман и послал его в город к святителю за поставлением в пресвитеры. И он получил священнический сан.

И преподобный передал ему устройство своего новонаначального монастыря, что на Кержаче, а сам возвратился в прежний свой монастырь пресвятой троицы, что в Радонеже.

О создании монастыря на Симонове

Прежде мы рассказывали вам об Иване, сыне старшего брата Сергия Стефана, которого в двенадцать лет постриг в монахи его дядя Сергий. Привел его сюда его отец Стефан и передал на руки преподобному Сергию. В иночестве он получил вместо Ивана имя Феодор. Сергий, дядя его, был наставником ему в его добродетельной жизни. И прославился он постничеством и великим воздержанием в иноческой жизни, и сподобился священничества. Он имел обычай обо всех своих помыслах рассказывать преподобному Сергию. И пришла ему мысль найти место и создать свой монастырь. Он рассказал об этом Сергию. Тот сказал ему: «Чадо, я надеялся, что ты положишь мои кости в гроб и после меня будешь игуменом в этом монастыре. Но, если ты хочешь начать такое дело ради Бога, то Бог да поможет тебе и Пречистой Богородице». Так он благословил Феодора, племянника своего, и вместе с ним его доброхотных единомышленников. Они пошли, и, поискав по многим местам, нашли место, удобное для построения монастыря, которое издавна называлось Симоново Оно находилось на берегу Москвы реки, недалеко от города Москвы.

Пришел туда и сам преподобный Сергий и увидел, как хорошо то место и удобно для строительства монастыря. Сказали об этом блаженному митрополиту Алексею и получили от него благословение. И так, по благословению и повелению митрополита основали церковь во имя честного и славного Успения Пречистой Богородицы и поставили церковь, трапезную и множество келий.

Князья, бояре и вельможи дали много имения, золота и серебра для строительства монастыря. И в монастыре установили общежительство по уставу великих преподобных отцов: никому не иметь ничего в собственности, или называть своим, но все — общее. И было в монастыре воистину общее житие, пощение, великое воздержание во всем, молитвы постоянные и псалмопения, чтение божественных словес и исполнение иноческого устава. Преподобный Сергий, видя такую добродетельную жизнь иноков, очень удивился, возрадовался духом и прославил Бога. Не хотел преподобный игумен Сергий отставать от ученика своего и племянника в святом молчании и безмолвии и желал и сам пребывать в молчании и безмолвии, так как и сам любил молчание и безмолвие. Но невольно вынужден был оставить это на время. Великий князь Дмитрий Иванович умолил преподобного Сергия, чтобы он благословил Феодора,

ученика его, и преосвященный Алексей, митрополит всея Руси, также просил его об этом на поставление его игуменом созданного им монастыря на Симонове, так издревле место это называется: Симонове у Москвы реки, вблизи города. И Феодор был поставлен митрополитом Алексеем игуменом в своем монастыре на Симонове. Жил он жизнью добродетельной, был мудр и разумен, и был монастырь его в почете и славе, и превзошел многих величием. И был он духовником великого князя Дмитрия Ивановича, тысяцкого, бояр и вельмож и сиял добродетелью и славою более других.

Было принято ходить в Царьград по вопросам управления церковью. Был тогда в Москве митрополитом Пимен, а в Киеве митрополитом — Киприан.

После этого, в 6891 лето от Адама (1391 лето от Христа) игумен Феодор, племянник и ученик Сергия, был у патриарха Нила в Царьграде по вопросам управления Русской митрополией. И очень полюбил его патриарх, и поставил его архимандритом, оказав ему великую честь, более чем другим архимандритам. И стал великий честной Федор первым Симоновским архимандритом. И сиял его монастырь славой, честью и великими добродетелями. И столь много просияло старцев в том монастыре, что многие из них по промыслу Божию в других дальних городах занимали епископские престолы, и в честных монастырях ставились архимандритами и игуменами, и жили добродетельно, в чести и славе пася стада свои во имя Господа.

Феодор, Симоновский архимандрит, племянник Сергия, был в Царьграде, и патриарх Нил любезно беседовал с ним, и очень полюбил его, и оказал ему почет, и дал много честных даров, и сделал Симоновский монастырь патриаршим. И грамоты свои дал Феодору, честному архимандриту, на строительство Симоновского монастыря на патриаршее имя, и дал дома, села монастырские, реки и озера, и прочее, необходимое для монастырской жизни. И митрополиту они не должны были подчиняться, и митрополит не владел Симоновским монастырем. И так, почтив великой честью Феодора, архимандрита Симоновского, племянника и ученика Сергия, и с великой любовью учредив монастырь и духовно поучив, отпустил с честьюна Русь.

И архимандрит вернулся с великой славой и честью в свой монастырь на Симонове. Так Феодоров Симоновский монастырь был основан на патриаршее имя, и как город разрастался и множился. Федор же жил, процветая добродетелями, и был весьма почитаем великим князем, святителем, а также всеми жителями.

Через некоторое время великий князь и святитель усердно начали просить Феодора, чтобы он согласился стать епископом в городе Ростове.

Он же не хотел, желая идти по пути старца и учителя своего Сергия. Но его продолжали усердно уговаривать, и он был вынужден согласиться, нехотя повинувшись. В своем монастыре Симонове он основал большую каменную церковь во имя Успения Пречистой Богородицы и вместо себя оставил архимандрита. Сам же был поставлен архиепископом в город Ростов.

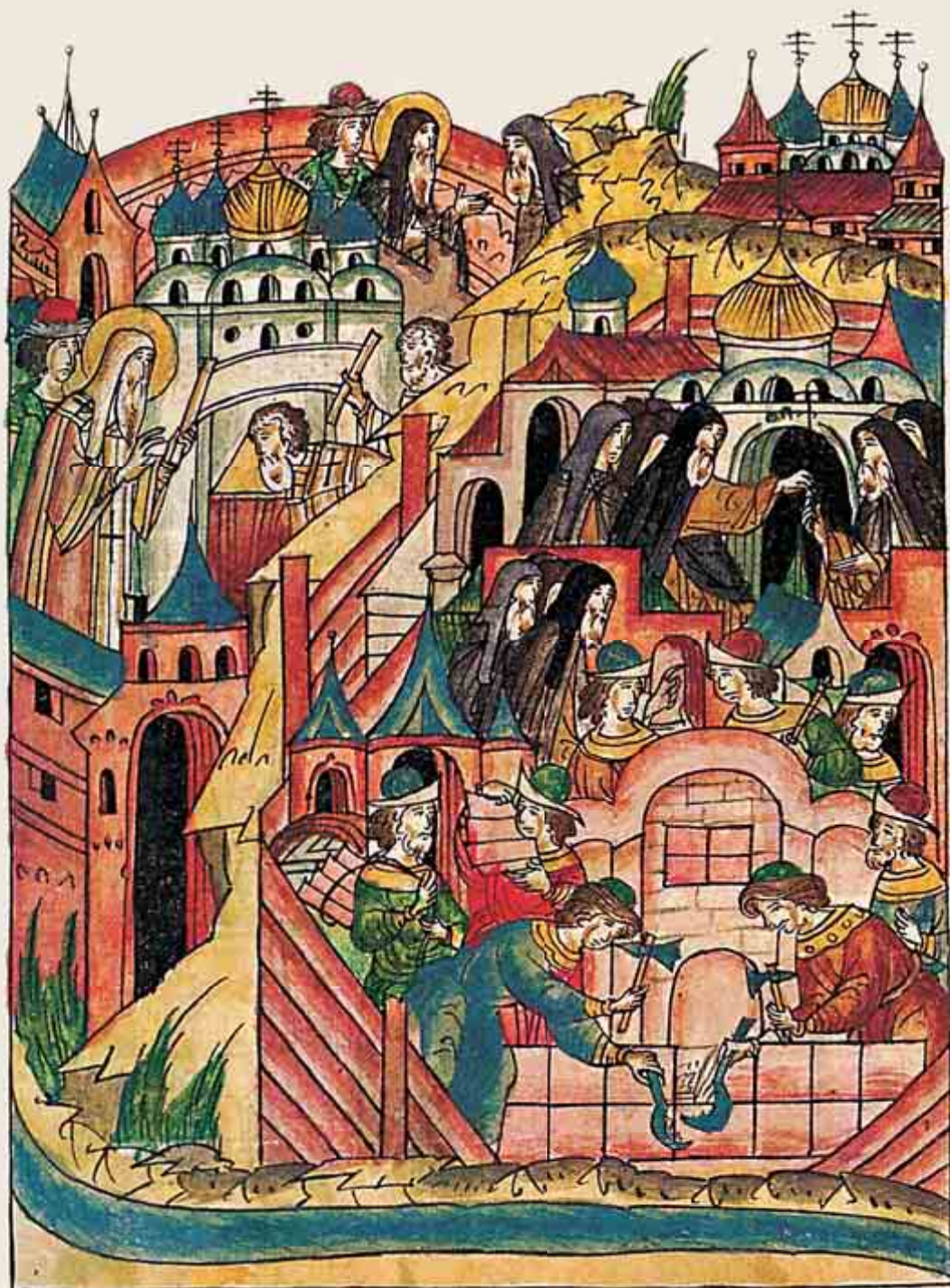
После этого он опять был в Царьграде. И патриарх Цареградский Антоний оказал ему великую честь, определив называться ему архиепископом Ростовским. Это было в 6898 лето от Адама (1398 лето от Христа).

После этого он вернулся назад. Вместе с ним приехал и митрополит Киприан. Митрополит Киприан был тогда в Царьграде. И митрополит Пимен тоже был тогда в Царьграде, там он тогда и преставился. После этого Федор, архимандрит Симоновский, племянник и ученик преподобного Сергия Радонежского, принял архиепископский сан и стал именоваться — архиепископом Ростовским. И после него те, кто поставлялся в город Ростов, также назывались — архиепископами Ростовскими. А сначала, до 6674 лета от Адама (1174 лето от Христа), в городе Ростове были епископы, а не архиепископы. Также и в Новгороде сначала были епископы, а не архиепископы, и так было до 1166 лета от Христа. В том году Иван, митрополит Киевский и всея Руси, оказал честь великую Илье, епископу Новгородскому, повелев ему именоваться архиепископом Новгородским, это было в 1166 лето от Христа. И после этого Илья стал именоваться архиепископом Великого Новгорода и Пскова. А также все, кто после него поставлялся в Новгород, именовались архиепископами. А сначала епископами были, а не архиепископами. Также как и Ростовский сначала был епископом, а не архиепископом. Белые же клобуки сначала носили все на Руси: и митрополиты, и епископы, и удостоившиеся великой чести архиепископства, и все святители на Руси носили белые клобуки. И Феодор, архиепископ Ростовский, племянник и ученик преподобного Сергия, игумена Радонежского, прожив долго добродетельной жизнью и заботясь о Богом порученной ему пастве города Ростова, честно, славно и богоугодно отошел к господу. Его он возлюбил еще с молодых лет и ради Него постригся в юности в иноческий чин.

О другом ученике святого — Андронике

Был и еще один ученик у преподобного игумена Сергия именем Андроник.

Родом он был ростовец и много лет прожил в послушании у святого Сергия. Потом преосвященный митрополит Алексей захотел исполнить свой обет построить монастырь, когда однажды возвращался из Царьграда, и плавание было очень тяжелым. И попросил у Сергия уче-

ника его Андроника, поставив его во вновь созданный монастырь во имя Нерукотворного образа Господа Бога нашего Иисуса Христа близ города Москвы на реке Яузе. И был этот монастырь очень большой, и была там построена красивая каменная церковь, чудесно украшенная.

Был тот Андроник тих, кроток и смиренен. И многие отовсюду стали приходить к нему и постригаться. Прожив много лет в добродетелях и стадо Христово богоугодно пася, он умер в глубокой старости, отойдя к Господу. Вместо себя в монастыре оставил, благословив, ученика своего Савву, весьма прославившегося в духовных добродетелях.

Об Афанасии, ученике Сергия

Однажды князь Владимир Андреевич, внук князя Ивана Даниловича, попросил преподобного игумена Сергия, чтобы дал ему ученика своего по имени Афанасий, весьма добродетельного, родом из Ростова. Он хотел, чтобы сам преподобный Сергей пошел с ним и основал монастырь близ города Серпухова. Святой пошел пешком, потому что любил трудности и смирения и на коне не ездил никогда.

Пришли в указанное место, которое полюбилось князю — Владимиру Андреевичу, называемое Высокое. Место очень красивое и действительно — высокое, на берегу реки Нары, вблизи реки Оки. Сотворил молитву и основал церковь во имя честного Зачатия Пречистой Богородицы. И дал ему ученика своего Афанасия, добродетельного и очень сведущего в божественных писаниях, о чем и ныне еще свидетельствуют его рукописания. Назначил его игуменом, и он основал здесь общежительный монастырь. Собралось здесь множество иноков, и был монастырь этого архимандрита славен, честен и наполнен всем необходимым.

О том, как принуждали святого стать митрополитом

Когда преосвященный митрополит Алексей состарился и стал слабеть, призвал он к себе преподобного Сергия и начал беседовать с ним, желая оставить его после себя на митрополичьем столе всея Руси. И, взяв крест с парамандом, украшенным золотом, бисером и камнями драгоценными, хотел дать преподобному Сергию. Он же сказал: «Прости мя, великий святителю Божий, несть се моя мера, от юности несмь златоносец, и ныне же на старость нищетне хошу пребывати». И так было несколько раз. Тогда отпустил его митрополит, опечалившись. Он же, с радостью ушел в свой монастырь, в Радонеж.

Прошло еще немного времени, и преставился святой Алексей, митрополит всея Руси. На его место возшел Михаил, архимандрит Спасский, называемый Митяй и осмелившийся дерзко и бесстыдно, только по желанию великого князя Дмитрия Ивановича принять сан митрополита, и

возложил на себя митрополичью мантию с источниками, крест золотой и параманд с бисером и камнями многоценными, и посох золотой, и белый клобук. И повелел собирать дань, как митрополит, и суды творил, и управлял как митрополит. Еще ранее этого он был избран в архимандриты мирским избранием, потом и в митрополиты был избран мирским избранием. Алексей митрополит никак не хотел ставить его в архимандриты. Митяй думал, что это советовал митрополиту Алексею Сергей — не благословлять его в митрополиты после себя, и держал в душе на преподобного игумена Сергия гнев, и похвалялся отомстить ему.

Услышав об этом, преподобный игумен Сергей помолился Господу Богу со слезами и сокрушенным сердцем и рассказал всей братии своей, что Михаил по прозвищу Митяй похвалялся разорить место сие святое и изгнать всех без вины. Но не получит он сана митрополита, потому что недостоин его, и Царьграда он не увидит.

Так и случилось. Когда он пошел к Царьграду, то в пути на корабле разболелся, и, не доплыв до Царьграда, преставился, как и пророчествовал преподобный Сергей. И после этого все, слышавшие пророчество, почитали блаженного Сергия пророком великим и чудным.

О создании монастыря на Дубенке

Через некоторое время пришел князь великий Дмитрий Иванович к преподобному Сергию в монастырь и сказал ему: «Знаешь, отче, великая скорбь охватила меня и печаль, и скорбь будет всему христианству. Слышал я, что Мамай, Ордынский князь, поднял всю орду безбожных татар, и идут на отчину мою, русскую землю, желая разорить ее святые церкви и погубить наше христианство. Отче святой, моли Бога о нашем христианстве, да избавит нас Бог от этой беды».

Он же ответил: «Господин княже, полагается тебе заботиться о своем стаде и стоять твердо, душу свою положить и кровь свою пролить за образ Христов, как и Христос за нас кровь свою пролил и душу свою положил. Так и ты, господин, сначала иди против них с истиной и правдой, со смирением, как издавна принято покоряться Ордынскому царю. Вот великий князь Василий ярость нечестивого царя Уल्याна захотел дарами со смирением утолить. И Бог, увидев смирение Василия, низложил нечестивого царя Уल्याна, предав смерти. Ведь написано: «Если враги хотят от нас почестей и славы, дадим им, сколько имеем золота и серебра, столько, сколько захотят, а вот за имя Христово и за православную веру душу свою положить и кровь свою пролить подобает. И ты, господине, воздай им честь и отдай золото, серебро. А если захотят воевать, то Бог не допустит их победы. А ты уповай на Бога и на Пречистую Богородицу, что победишь их и живым и здоровым вернешься с воинством своим, и

прославит Господь Бог имя твое из рода в род». И дал ему из монастыря своего двух иноков, Пересвета и Ослябя, хорошо знакомых с ратным делом и умеющих полки уставлять, а еще имеющих и силу большую, удалство и смелость. И сказал великий князь: «Отче преподобный, если поможет мне Бог, все кончится благополучно, и я вернусь, то поставлю монастырь во имя Успения Пречистой Богородицы».

И вскоре выступил против Мамая и его татар. Была сеча великая, и по пророчеству святого побеждены были татары, и избито их множество. И возвратился великий князь благополучно с воинством своим, и попросил святого Сергия поискать место для создания монастыря. И он нашел такое место, показал великому князю и основал монастырь во имя Успения Пречистой Богородицы. Установил там общежительный монастырь, оставив игуменом в этом монастыре одного из учеников своих по имени Савва, который был прежде в его великом монастыре духовником всей братии, старца честного и разумного. И был назван монастырь, как он и сейчас зовется, монастырь на Дубенке. Сам же преподобный возвратился в свой монастырь. Святой Сергий поставил не только те монастыри, о которых мы здесь пишем, но многие другие монастыри во славу Божию и Пречистой Богородицы. И своих учеников ставил в те монастыри начальствовать. И они добродетельно и богоугодно пасли свое стадо, и к Господу отходили в радости неизреченной.

О явлении Пречистой Богородицы

Пребывал преподобный игумен Сергий в своем монастыре в молчании, в безмолвии, в нищете, и множилось число его братии. И случилось так, что однажды монастырь оскудел запасами, и ослабели братья. И, оскудев самым необходимым, стали изнемогать верой. Преподобный же Сергий не оскудел верой и в этой нищете, уповая на Бога и на Пречистую Богородицу. Он надеялся, что они всем напитают и спасут, и присмотрят за местом этим освященным, посвященным божественному имени Его. Уповал он и на ходатая перед владыкой Христом — Пречистую Богородицу, молясь ей беспрестанно, у него обычай был такой — каждый день распевал он благодарственные каноны Пречистой — Акафист. Так, в один из дней он опять пел благодарный канон Пречистой владычице нашей Богородице. Было это на сороковины Рождества Христова, вечером пятого дня, когда он совершил обычное правило и присел, желая отдохнуть, то услышал: «Грядет Пречистая!» И как только это услышал преподобный, тотчас, встав, вышел из кельи в сени, и увидел ослепительный свет, сияющий ярче солнца, и у видел Пречистую Богородицу и двух апостолов: верховного Петра и Иоанна Богослова блистающих в несказанной светлости зари. Преподобный, не в силах вынести этот свет,

пал ниц, объятый страхом и радостью. И ученик его по имени Михей страхом и трепетом одержимый, также пал и лежал на земле, как мертвый. Пречистая же простерла руку, и, коснувшись святого Сергия, подняла его и сказала: «Не ужасайся, избраниче мой! Приидохом посетити тебе, о братиях же своих и о монастыри не скорби, ниже пренемогай: отныне бо во всем изобильствует святой монастырь, не токмо в животе твоём, но и по отшествии твоём ко Господу, неотступно буду в твоих чяд монастыря твоего», еже и бысть и доныне бесчисленно изобилование и несказанно. И, так сказав, стала невидима.

Блаженный же Сергий, встав, увидел ученика своего, лежащего на земле и от страха малодушествующего. Имя того ученика было — Михей, и сказал ему: «Встань, чадо Михей» и поднял его. Михей же начал класть поклоны в ноги святого, говоря: «Объясни мне, отче, что это было за видение и свет несказанный, который я видел? Душа моя чуть было не разлучилась с плотским телом из-за этого блистающего явления». Святой же радовался душою, лицо его светилось от радости, но ничего не мог ответить, кроме того, что: «Потерпи немного, чадо, потому что и во мне дух трепещет от этого чуднаго зренья сего». И, придя в себя, дивился увиденному и через полчаса сказал этому ученику своему: «Пойди и позови ко мне, чадо, братию мою Исаяю и Симона». Когда те пришли, поведал им святой о видении, о том, как пришла Пречистая с апостолами, и о неизреченном том сиянии, и как обещала она быть неотступно у святого этого места, «и по моем же к Богу отхождении». Они же, услышав это, наполнились радостью духовной и вместе отпели молебен Пречистой Богородице, и он отпустил их из своей кельи. Сам же всю ночь размышлял о неизреченном явлении, понимая, что это не ворожба, не привидение, но он ясно видел явление, как в древности Афанасий Афонский.

Некоторое время спустя служил святой божественную литургию.

Тогда параклесиархом был прежде упомянутый Симон, совершенный в добродетелях, которого святой Сергий сам благословил на совершенное житие, и он помогал святому.

И этот Симон видит чудное видение: божественный огонь обошел святой жертвенник, осенил престол, пройдя по кругу святую трапезную, потом трижды обошел святого, казалось, что этот огонь объял его с головы до ног. И когда святой хотел причаститься, тот огонь светился, как некая божественная плащаница, и вошёл в святой потир. И так святой им и причастился. Симон поразился этому неизреченному видению и затрепетал от страха. Когда же преподобный отошел от святого жертвенника, и, поняв Духом святым, что тот Симон тоже сподобился видеть это видение, призвав его, сказал: «Чадо Симон, что ты так устрасился духом?» Он же ему ответил: «Очень устрасился, увидев это чудное видение, бо-

жественный огонь, а еще больше, благодать Святого Духа действующую с тобою». Святой сказал ему: «Никому не рассказывай, что видел, пока Бог не позаботится обо мне и не заберет меня от мира сего. И давай вместе воздадим хвалу Богу, творящему дивные и преславные дела, которые мы видели своими глазами».

После этого почувствовав скорое свое отшествие к Богу, поучив братию о полезном и поставив им вместо себя игумена по имени Никон, завещал ему хранить предания и уставы монастырские. И причастившись святых Тайн, и сказав: «Господи, в руке твои предаю дух мой», преставился, отойдя к Господу в 6900 лето от Адама (1400 лето от Христа) месяца сентября в 25 день. Всего от рождения прожил 78 лет. И положен был в монастыре, созданном им, и много исцелений подавал приходящим к нему с верой.

В ту же зиму великий князь Василий Дмитриевич сложил с себя крестное целование с новгородцами и послал дядю своего князя Владимира Андреевича, внука Иванова, правнука Даниила, да брата своего родного князя Юрия Дмитриевича в Торжок. И они воевали волости новгородские, пожгли и много зла там живущим сотворили. В конце той же зимы, в начале весны взяли новгородцы Устюг Великий, волости и села повоевали и пожгли, много пролили крови и людей посекли мечами, а иных в полон отвели. Много зла сотворили христианам и возвратились восвояси. В том же году великий князь Василий Дмитриевич сложил с себя крестное целование с великим князем Борисом Константиновичем, внуком Васильевым, правнуком Михайловым, праправнуком Андреевым, и пошел в Орду к царю Тохтамышу со многой честью и с дарами. И начал просить передать великое княжение Нижегородское, которое было под великим князем Борисом Константиновичем, своему великому княжению, Москве. И дал большую мзду князьям царским, чтобы позаботились о нем и походатайствовали перед царем Тохтамышем. Они же взяли много золота и серебра, и великие дары. Также и царь Тохтамыш взял много золота и серебра. И отдал царь Тохтамыш великое княжение Новгородское, бывшее под великим князем Борисом Константиновичем, Москве, великому князю Василию Дмитриевичу.

И пошел великий князь Василий Дмитриевич из Орды на Русь от царя Тохтамыша с радостью вместе с послом царским, и пришел в Коломну. И оттуда сам пошел к Москве, а посла царя Тохтамыша отпустил в Нижний Новгород с боярами своими. Узнал об этом великий князь Нижегородский Борис Константинович, тогда он был в своей отчине, в Нижнем Новгороде, созвал бояр своих и начал молиться с плачем и слезами, говоря так: «Господа мои и братья, бояре и друзья, помните ли вы крестное целование, которое вы дали мне, и любовь вашу, и бли-

зость нашу?» Был у него старейший боярин, по имени Василий Румянец, который сказал ему, господину своему, князю Борису Константиновичу: «Не скорби, не печалься, господине княже. Все мы мысленно с тобой и готовы за тебя головы свои сложить и кровь пролить». Это он говорил, желая польстить господину своему. А сами сговорились с великим князем Василием Дмитриевичем, готовые выдать ему господина своего.

Когда подошли к городу татары Тохтамыша и московские бояре, великий князь Борис Константинович не хотел пускать их в свой город. И сказал ему старейший его боярин Василий Румянец: «Господине княже, это посол Тохтамыша и бояре великого князя Московского Василия Дмитриевича. Они хотят закрепить мир и установить вечную любовь, а ты сам войну хочешь начать. Пусти их в город, ведь мы все за тебя, что они могут сделать?»

Так татары и бояре московские вошли в город и начали звонить в колокола. Стеклись все люди. Великий князь Борис Константинович послал за своими боярами, говоря: «Господа мои и братья, и милая моя дружина, помните о крестном целовании, которое дали мне, и не выдайте меня врагам моим». И отвечал один из них, старейший боярин Василий Румянец: «Господине княже, не надейся на нас, мы уже отныне не твои и не с тобой, но против тебя». Так пойман был великий князь Нижегородский Борис Константинович.

И через некоторое время пришел великий князь Василий Дмитриевич в Нижний Новгород и посадил в нем наместника своего. А князя Бориса Константиновича с женой и с детьми его и его сторонников повелел разослать в разные места и крепко накрепко держать в железных веригах.

И вот пришел посол из Орды от царя Тохтамыша и позвал великого князя Василия Дмитриевича и посла своего в Орду. Великий князь пошел к царю в Орду и принят был с почетом царем Тохтамышем, как ни один из прежних князей. И передал ему царь Тохтамыш Нижний Новгород и Городец со всем, Мещеру и Тарусу, и многолюбезно его жаловаше, отпустил на Русь.

В том же году в Великом Новгороде Юрий Анцифорович создал монастырь во имя Успения Пречистой Богородицы на Колмове.

В том же году приходили разбоем немцы в Новгородские волости и вошли в Неву, взяли волости и села по обе стороны реки, за три версты от городка Орешка.

Князь Семен собрался с горожанами, погнался вслед за ними и кого перебил, кого привел в город, а другие убежали.

И ушел Семен в Литву, а город оставил. Тогда же новгородцы начали копать вал около Торговой стены.

В том же году посадник Богдан Аввакумович поставил каменную церковь во имя святого Семиона Столпника, и она освящена была на праздник его.

В 6901 лето от Адама (1401 лето от Христа)

Месяца сентября в 1 день перед ранними зорями было затмение месяца. Той же осенью месяца сентября в 5 день убит был царем Тохтамышем царевич Ази-баба в Орде.

Той же осенью был бой между царем Тохтамышем и царем Аксак-Темиром, и царь Тохтамыш был побежден, сам убежал, а рать его была перебита.

В том же году приходили немцы ратью к Вильне и много сотворили зла.

Той же осенью царь Тохтамыш опять сел на Волжское царство, а царь Аксак-Темир ушел в свою землю.

Той же осенью месяца ноября в 24 день пришел великий князь Василий Дмитриевич на Москву из Орды от царя Тохтамыша, где был принят с почестями и с пожалованием на великое княжение. И Нижний Новгород уже ему был отдан, и Городец со всем, и Мещера, и Таруса, и многие другие дары, и честью почтил его, и была радость великая в городе Москве, веселились люди и торжествовали.

В том же году преставился Данило Феофанович, который много лет служил великому князю в Орде и на Руси и в чужих землях. Имя иноческое ему было дано Данила же, и похоронен в митрополичьем монастыре, вблизи дяди своего блаженного Алексея, митрополита всея Руси, у монастыря Чуда святого архангела Михаила, в центре города Москвы.

В том же году на самый Великий день после вечерни новоторжцы убили Максима, боярина великого князя Василия Дмитриевича.

Великий князь Василий Дмитриевич послал рать на Торжок схватить новоторжцев и, приведя их в Москву, предал мучительной казни, но некоторые избежали этой участи.

В том же году сын Амурата Челябий Амиратурский захватил землю Болгарскую и взял их славный город Тырнов. Царя их, патриарха, митрополита и епископов пленил, а мощи святых пожег и соборную церковь в мечеть превратил.

В том же году преставился князь Иван, брат великого князя Дмитрия Ивановича, дядя великого князя Василия Дмитриевича, в святом ангельском иноческом чине дано было ему имя иноческое Асаф, и похоронен был у святого Спаса в монастыре, в центре города Москвы.

В том же году великий князь Василий Дмитриевич часто воевал с новгородцами из-за того, что новгородцы не хотели принять митрополичий суд Киприана, митрополита всея Руси. Они не хотели, чтобы судил их в Новгороде митрополит, как это было по старому новгородскому обычаю. Великий князь Василий Дмитриевич посылал к ним в Новгород, чтобы тот старинный обычай не нарушали. И судил бы их суд митрополичий, а владыка бы не судил их. И чтобы дань митрополиту была как в старые времена. А великий бы князь имел черный бор, как в старину, со всего Новгорода и со всех волостей новгородских. Они же, того не желая, не послушались его, и была из-за этого между ними война. Великий князь сказал, чтобы они отослали к митрополиту такую грамоту, в которой было бы сказано, что договорились между собой и крест целовали, что вас митрополиту не судить, но судить вас владыке вашему, и вы ту грамоту отошлите к митрополиту, и митрополит с вас тот грех снимет. Но они не послушали.

И великий князь Василий Дмитриевич, собрал большую рать, и взял у Новгорода пригороды: Торжок с волостями, и Волок Ламский, и Вологду, и много иных волостей завоевал, и возвратился восвояси с большой добычей.

Потом новгородцы с великим князем Романом Литовским собрали большую рать и с князем Константином Васильевичем Белозерским с великой силой пошли против великого князя Василия Дмитриевича и взяли города Кличен и Устюжный.

А из Заволочья собралось много новгородцев и поплыли в насадах и ушкуях, взяли город Устюг и огнем пожгли, церковь соборную разграбили и захватили казну и много золота, и оклады с икон ободрали.

И стояли тут месяц, грабя, людей по лесам ловили, мучили, и все имущество их, которое они не успели спрятать, захватили, и все волости и села опустошили. Людей же, скот и все нажитое пустили вниз по Двине.

Тогда же и на Белоозере город, и села, и волости захватив, сотворили то же, что и в Устюге.

Но потом новгородцы замирились с великим князем Василием Дмитриевичем, и покорились ему, и митрополиту Киприану грамоту в Москву отослали.

И великий князь Василий Дмитриевич послал к ним в Новгород Федора Кошку, сына Андрея Кобылы, Ивана Удоды и Селивана, и они закрепили мир по старине и обязались давать великому князю черный бор со всех волостей новгородских. А послу митрополита Дмитрию новгородцы дали триста пятьдесят рублей за то, что привез им благословение от своего господина, от митрополита всея Руси Киприана и прощальную

грамоту, в которой он писал: «Я, Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, целовальную грамоту от вас принимаю, и грех с вас снимаю, и вас благословляю. А сын мой, великий князь, ваше челобитье принимает и дает вам мир по старине. И вы на этом стойте стойко и непоколебимо, а я вас благословляю». И новгородцы послали Киприану, митрополиту Киевскому и всея Руси, в Москву 600 рублей и заключили мир по старине, и наступила между ними великая любовь.

В том же году великая княгиня Евдокия, вдова Дмитрия Ивановича Донского, в центре города Москвы поставила каменную церковь во имя Рождества Пречистой Богородицы, в которой есть предел святого Лазаря. А прежде там стояла деревянная церковь.

В том же году король Ягайло Ольгердович, внук Гедимины, дал брату своему двоюродному Витовту Кестутьевичу великое княжение Литовское.

И в том же году Витовт Кестутевич, внук Гедимины, сел на великое княжение Литовское, и новгородцы заключили с ним мир по старине.

В том же году князь Константин Васильевич Белозерский пришел в Новгород, и новгородцы приняли его с честью.

В том же году великий князь Василий Дмитриевич ходил ратью к Нижнему Новгороду против князя Василия Дмитриевича Кирдяпы и его брата Семена Дмитриевича.

О преставлении великого князя Бориса

Преставился великий князь Борис Константинович Нижегородский, Суздальский и Городецкий, внук Васильев, правнук Михайлов, праправнук Андреев.

И похоронен был в его отчине, в Суздале, в мае в 6 день.

В том же году владыка Арсений Тверской поставил монастырь на реке Тмаке во имя Успения Пречистой Богородицы и каменную церковь, в ней он и был похоронен по его повелению.

В том же монастыре поставил теплую церковь во имя святых отцов Антония и Феодосия Печерских, иже в Киеве.

В том же году великий князь Михаил Александрович Тверской, внук Михайлов, правнук Ярославов, праправнук Всеволодов, обветшавшую стену города Твери велел разрушить, а вместо нее рубить из деревянных брусьев, и на другой год она была построена.

В том же году весной было большое половодье. В том же году поставили каменную церковь Пречистой Богородицы в Великом Новгороде на Лисьей горе, и другую церковь — святого Дмитрия.

В том же году новгородцы с князем Романом Литовским и с князем Константином Васильевичем Белозерским ходили ратью к Пскову. В то время в Пскове был князь Андрей Ольгердович с сыном своим, с князем Иваном, и во время набега была между новгородцами и псковичами битва. Был убит князь Иван Копорский и Василий Федорович, и пало великое множество с обеих сторон.

И новгородцы возвратились к себе, враждуя с псковичами, и отняли новгородцы посадничество у Иосифа Захарьича, и отдали Богдану Аввакумовичу.

В том же году приходил к Новгороду князь Андрей Ольгердович с псковичами со многими полками. И отъехали от Новгорода, не заключив мира.

В том же году пришел из Царьграда Михаил, владыка Вифлиемский, от Антония, патриарха Цареградского, привез Новгороду две грамоты от Антония патриарха о податях и расходах, и на поставление священников, и поучение всем православным христианам.

В том же году в Москве отдали дочь великого князя Дмитрия Ивановича Донского за князя Лугвена Ольгердовича, внука Гедимина Литовского, в неделю Всех святых месяца июня в 24 день.

В том же году у князя Владимира Андреевича, внука Иванова, правнука Иванова, праправнука Даниила Московского, родился сын Василий.

В том же году приходили немцы ратью к городу Вильно против великого князя Витовта Кестутьевича, внука Гедимина. И был бой великий у города Вильно. Одолел Витовт Кестутьевич Литовский и поймал много воевод немецких.

В том же году бегали в Орду князья Суздальские и Нижегородские, и Городецкие — Василий Дмитриевич Кирдяпа, да брат его князь Семен Дмитриевич, к царю Тохтамышу, добиваясь своей отчины — Нижнего Новгорода, Суздаля и Городца.

И великий князь Василий Дмитриевич Московский послал за ними погоню, они очень старались, но не догнали.

В том же году замыслили на Москве копать ров от Кучкова поля до Москвы реки, и от этого был людям большой убыток, хоромы разрушили, и хотя много трудились, но ничего не получилось.

В том же году великий князь Олег Иванович Рязанский ходил ратью к Любечу, и с большим полоном вернулись восвояси.

В том же году великий князь Олег Иванович Рязанский побил татар Тохтамышевой Орды, которые приходили набегом на Рязанские волости.

В 6903 лето от Адама (1403 лето от Христа)

В Орде Тохтамыша между великими князьями было много раздоров и вражды. И бились они на реке Волге между собой. И в том бою пало много князей татарских. Было это в сентябре в 8 день.

Осенью того же года месяца сентября в 28 день преставился первый архиепископ Ростовский Феодор. До него были епископы, а не архиепископы. Этот архиепископ Феодор был племянником блаженного игумена Сергия Радонежского. Той же осенью Киприан, митрополит всея Руси, пошел в Великий Новгород с послом патриарха Антония и просил суда по старине. И дали ему новгородцы суд по старине. И он пробыл всю зиму и весну в Новгороде до Петрова поста. А владыка Новгородский архиепископ Иван оказал честь великую митрополиту Киприану и послу патриарха, а также и весь Новгород оказал честь и великую любовь. И митрополит Киприан, уходя из Новгорода в Москву, благословил с любовью сына своего духовного Ивана, владыку Новгородского, и весь Новгород. В ту же зиму месяца марта в 1 день родился у великого князя Василия Дмитриевича сын князь Юрий.

В том же году преставился князь Борис Михайлович в Кашине, и привезли его в Тверь, и похоронили в церкви святого Александра.

В том же году была исцелена некая женщина у гроба Петра чудотворца в соборной митрополичьей церкви пресвятой Богородицы.

В том же году в центре города Москвы была расписана церковь Рождества Пречистой Богородицы и придел святого Лазаря. А мастера — Феодор грек да Семен Черный.

В том же году в Москве на посаде был великий пожар, сгорело несколько тысяч дворов.

В том же году в Великом Новгороде Исак Анцыферов поставил каменную церковь во имя святого архистратига Михаила в Аркадиевском монастыре.

В том же году в Новгород, к городу Ям приходили немцы с 15 тысячью рати. Князь Константин Васильевич Белозерский с новгородцами вышел против них. И был бой. И Бог помог Константину Васильевичу, одних перебили, а другие — убежали.

Он возвратился в Великий Новгород с большим полоном и с добычей, и новгородцы радостно встретили его.

В том же году месяца августа в 24 день погорел Новый городок на Волге, близ Зубцова Тверской волости. Загорелся рано утром в воскресенье от грома, когда только заканчивался торг, выгорел весь город, и сгорела церковь святого архистратига Михаила.

Месяца августа 26 день.

Повесть о встрече чудотворной иконы Пречистой Владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии, который написал богогласный евангелист Лука, который сам видел ее при ее жизни. О том, как та божественная икона попала на Русскую землю и в Киеве, и в Вышгороде в церквях преславно в воздухе являлась. И о том, как пришла в город Владимир, откуда и называется икона — Владимирская. И как пришла в боголюбивый город Москву, и сотворила нам чудесное избавление от нашествия безбожного и неверного царя Темир-Аксака. И о создании монастыря, где встретили тот пречестный образ Богоматери. Благослови, отче!

Каждый знает, как сложно и недостижимо по достоинству восхвалить Пресвятую Чистую и Преблагословенную Владычицу нашу Богородицу, честнейшую из всех небесных воинств. И сами ангелы не смогли бы додуматься, как достойно воспеть Ее, а тем более мы, земные! Усердно веруя, как сможем, и как сама Богоматерь соизволит помочь нам истинно и с благолепием вспоминать ее, и божественно торжествуя, праздновать преславные, неизреченные и предивные чудесные благодеяния и великое милосердие Ее к роду христианскому. Это касается и настоящего сего праздника Богоматери, которую при Ее жизни написал богогласный автор Евангелия Христова премудрый апостол Лука, написал ее прекрасной, видение Тоя и прочая подобиа начерта в образ възраста средниа меры, святое же и благодатное лице Ея мало окружиа продолжайши, но со доброгладостне лежащ на десно приблиз пречистаго лица превечнаго Ея младенца, Господа нашего Исуса Христа, перьсты же богоприемных Ея рук тонкостию истончении. И всю святую икону сию преукрашенно совръшив, и к самой Богородицы принесе. Она же, милостивнейши свои очи на икону възложши, радостно глаголаше: «Благодать Моя с Тою». И древнее свое пророчество прирече: «Се бо отныне блажат Мя вси роди». И таковым неприменным обещанием неизреченная милость Богоматери и до нашего русского рода достиже.

О перенесении чудотворной иконы Богоматери из Царяграда в Киев

Так же как Бог изначально сотворил солнце на небесах, чтобы не на одном месте светило, но чтобы светило, обходя вселенную, и освещало своими лучами всю поднебесную, так и образ Пречистой Богоматери не на одном месте чудеса и исцеления различные источает. Но, обходя все страны поднебесные, весь мир просвещает, от бед избавляет и от различных недугов исцеляет.

Так и этот приносящий исцеления образ Владычицы Богородицы некогда из Палестины в Царствующий град прибыл, и из Царьграда в одном корабле с Пирогощею купцом в нашу Русскую землю в город Киев принесен был благочестивому великому князю Георгию Владимировичу Долгорукому Мономаховичу, внуку Всеволода, правнуку Ярославову, праправнуку равноапостольного Владимира, просветившего всю землю Русскую святым крещением.

И потом поставлен был чудотворный тот образ Владычицы Богородицы по повелению этого благочестивого великого князя Георгия Владимировича в Вышгороде в церкви Пречистой Богородицы, в Девичьем монастыре.

Чудо о том, как клирики видели в воздухе икону Богородицы

В монастыре том, в церкви Пречистой Богородицы, где был поставлен чудотворный образ Богоматери, случилось так, что однажды, когда клирики как обычно входили в церковь, увидели, что святая икона Богородичная сошла со своего места и встала посреди церкви, в воздухе. Тогда они дерзнули поставить ее на другое место.

Чудо о том, как повернулась икона Богоматери лицом к алтарю

И в другой раз видели ту чудотворную икону, обратившуюся лицом к алтарю. И решили клирики, что икона Святой Богородицы хочет стоять в алтаре. Взяли ее священники, отнесли в алтарь и поставили за святой трапезной.

Чудо о том, как икона Богоматери стояла сама по себе в алтаре

И в третий раз опять видели ту же святую икону Богородицы за пределами святой трапезной. И от нее стали происходить всякие чудеса. Они же недоумевали, не понимая, где хочет сама Богоматерь избрать себе жилище?

Сын великого князя Юрия Мономаховича Долгорукого великий князь Андрей, называемый Боголюбским, задумал властвовать в городе Ростове. И как-то он беседовал с боярами о святых иконах, от которых бывают многие чудеса и различные исцеления, с верою приходящим к ним. Поведали ему об этой чудотворной иконе Пречистой Богородицы, о том, как она принесена была из Царьграда в Киев и поставлена в пределах державы его, в Вышгороде в церкви Пречистой Богородицы в Девичьем монастыре, и как клирики обители той, войдя в церковь, увидели чудотворный образ ее стоящим в воздухе, и о том, как сама по себе стояла в алтаре. Услышав об этом, великий князь Андрей Георгиевич воодушевился и быстро пошел в монастырь тот, вошел в церковь, и стал рас-

сматривать святые иконы с сердечной любовью и со страхом Божиим, и узрел икону Пречистой Богородицы, светящуюся знаком божественного подобия более всех других икон, бывших в церкви той. И, одержимый страхом, упал на землю, со слезами молясь и говоря: «О, Пречистая госпожа дева Богородица, Мати Христа, Бога нашего! Если хочешь, можешь ли помощницей мне быть в Ростовской земле, куда хочу пойти? Посети, Владычица, новопросвещенных людей. Ты сама ведаешь, как оберегать и спасать достояние Сына твоего и Бога нашего, и если можешь, преклони, Пречистая, ухо Твое к молениям нашим и простри руки свои с мольбой к Сыну своему Христу, Богу нашему, и сохрани стадо твое, и защити от всякого зла, и не отринь нас от Своего честного образа, Владычица! В Тебе видим усердную молебницу за нас и стену твердую, покров нерушимый над землей нашей. И, на божественный Твой образ взирая, сердцем радуемся и душой веселимся, имея в Тебе силу непобедимую, и утверждение непоколебимое, надежду и — упование душам нашим».

О шествии из Вышгорода с иконой Богоматери

Долго молился великий князь Андрей, и, закончив молебен, подошел к иконе Пречистой Богородицы, простер руки свои, прикоснулся к чудотворному тому образу Богоматери, и взяв его, как бесценное сокровище, вышел из церкви, не предупредив об этом отца своего великого князя Георгия, послушав лстивый совет окаянных Кучковичей.

И тайно ночью вышли из Вышгорода с княгиней своей, с боярами и со многими людьми. Взял с собой и вышегородского пресвитера, иерея Николу, и зятя его дьякона Нестора с его супругой. И пошли, совершая по пути молебны. Великий князь Георгий в том же году отошел к Богу месяца мая в 15 день. И похоронен был у Спаса на Берестове.

О чудесах от иконы Богоматери

От святой иконы Богоматери много совершалось чудес тогда и потом. О них будет особое сказание. Здесь же расскажем вкратце. Когда пришли к реке Вузе, в ней высоко поднялась вода. И великий князь послал поискать брод. Пошел человек, погрузился на дно реки и долго не появлялся.

Великий же князь со слезами стал молиться Пречистой Богородице, считая себя повинным в том, что тот утонул. И после молитвы вышел тот человек из реки на коне, держа в руке жезл, нисколько не пострадав в глубине.

О жене, которая была убита конем и ожила

Это случилось, когда люди приехали на Рогожские поля. И жена вышеупомянутого пресвитера Николы хотела сойти с повозки. По дьяволь-

скому же наущению конь стал неистово свирепствовать и сбросил с себя раба ереова, сломал ему ногу, а жену иерея ногами затоптал, и, схватив зубами, волочил ее по земле, пока она не перестала дышать.

Пресвитер от горя и печали стал молиться со слезами Пречистой Богородице у чудотворного ее образа. И в тот час супружница его выздоровела, и ничего у нее не было повреждено. Также и раб его выздоровел, и сломанная нога его стала как и другая.

Чудо о месте, называемом Боголюбове

И оттуда дошли до города Владимира. И когда были недалеко от него, на реке Клязьме, кони, которые везли икону Богоматери, встали и не хотели двигаться дальше. Коней поменяли и перенесли чудотворную икону в сани. И ни один конь не мог двинуться со святой иконой.

Великий князь Андрей на том месте поставил две каменные церкви во имя святой Богородицы и построил тут город, дав название месту тому Боголюбово.

О построении церкви Владимирской, в которой была помещена икона Богоматери

Прошло одиннадцать лет. Великий князь Андрей в знаменитом граде Владимире поставил чудную большую каменную соборную церковь во имя честного Успения святой Богородицы с одним верхом. А прежде там была деревянная церковь, поставленная первым принявшим православие русским самодержцем великим князем Владимиром. Великий князь Андрей той соборной церкви дал много имений, и слободы купил для них с данями и лучшими селами, и дал десятую часть от стад своих, и торг десятый, и верх её позолотил.

По вере же его и прилежанию к святой Богородице привел к нему Бог из разных земель премудрых мастеров, и он повелел искусным живописцам расписать эту соборную церковь, и много чудных икон поставил в ней, и дивно украсил ее более других церквей священными сосудами и дорогими книгами, ризами и прочими благочинными вещами.

В ней же поставил и сию пречудную икону Богоматери, обложив ее золотом с камнями драгоценными и дорогим жемчугом. Потратил на нее золота более тридцати гривен. И оттого стала называться эта икона Пречистой Богородицы — Владимирской.

Чудо о Золотых воротах

Тогда же были построены Золотые ворота города, там, где и церковь Положения ризы святой Богородицы, дивно украсив ее.

И еще не успела просохнуть известь, как сошлось множества народа, чтобы полюбоваться красотой их, как вдруг врата пали, и под ними засыпало камнями двенадцать человек.

Великий князь Андрей со слезами припал к чудотворному образу Богоматери, считая себя повинным в этой гибели людей. И когда разобрали камни, все оказались живы, нисколько не пострадавшими, благодаря милости Пречистой Богородицы.

Чудо о победе над болгарами

В давние времена великий князь Андрей с Греческим царем Мануилом пребывал в мире и любви.

Случилось однажды так, что они в один день пошли на войну: Мануил против сарацин, Андрей — против болгар. И Андрей взял с собой крест Христов и чудотворную икону Пречистой Богородицы Владимирской, как делал он это обычно, считая ее помощницей против врагов.

Благодаря ее молитвам и были побеждены болгары: захвачено четыре города, взят город Бряхимов на Каме, русское же воинство осталось невредимо.

И все видели, как от иконы Спаса Иисуса Христа и Пречистой Его Матери исходили божественные огненные лучи, которые прикрыли все воинство великого князя. И поняли все, что это Божья помощь, и возвратились. И другие города болгарские предали огню. Но некоторые оставили, чтобы дань наложить на них.

О явлении владимирской церкви Богоматери на воздухе

Царь Мануил увидел это видение в то же самое время, когда от Владычной иконы воссияли огненные лучи, и после этого установили праздник в прославление всемилостивого Спаса и Пречистой Его Матери месяца августа в 1 день. О прочих чудотворениях, которые происходили от той иконы Богоматери, в другом месте рассказано будет, а здесь только это.

После смерти великого князя Андрея брат его великий князь Всеволод Дмитрий Георгиевич ту соборную церковь Владимирскую расширил, достроив четыре верха, и позолотил.

И за это такую благодать получил самодержец Всеволод. Был он однажды с воинством своим за Суздалем и увидел великую церковь святой Богородицы, в которой была та чудотворная икона Богоматери, и вместе с ней видели всю церковь и весь город Владимир стоящими в воздухе. Самодержец и все, бывшие с ним, возрадовались и прославили Бога и Пречистую Богородицу.

Батыево нашествие в 6745 лето от Адама (1245 лето от Христа)

На 25 год после преставления великого князя Дмитрия Всеволода за грехи наши навел Бог безбожного царя Батыя пленить Русскую землю. Взяли они славный город Владимир и соборную церковь, все вокруг нее и внутри обложили деревом и подожгли. А там было множество людей, и одни от огня скончались, другие — задохнулись, а остальные были посечены. И по Божьему попущению с самого чудотворного образа Богородицы весь драгоценный оклад ободрали нечестивые. Божественный же образ ее удивительным образом неизвестно как оказался цел, без всякого повреждения от неодолимого огня и от рук беззаконных христианоненавистников агарян, на утверждение благочестия и на соблюдение земли Русской неотступной благодатью от той святой иконы, как издревле сама Богородица сказала: «Благодать моя с тобой». Избавили тогда Бог и Пречистая Богородица великого князя Ярослава Всеволодовича, внука Юрия Долгорукого, отца блаженного Александра Невского, деда Даниила Московского, с ним же 6 его сыновей и других князей от нашествия нечестивых.

После того нашествия Ярослав сел в городе Владимире, очистил церковь от трупов мертвых, и, собрав разбежавшихся людей, успокоил их.

И с тех пор сей чудотворный образ Богородицы имеет украшение подобно прежнему, достойное своего благолепия. И пребывала божественная икона сия в городе Владимире 242 года, и после этого по Божьему благоволению, и как захотела сама Богоматерь, целительный Ее образ был перенесен из города Владимира в царствующий город Москву.

О Темир-Аксаке

В седьмое лето скипетродержания Русского царства благочестивым великим князем Василием Дмитриевичем, внуком Ивана, правнуком Ивана Калиты, Даниилова сына Александра Невского. Это все были великие князья, для которых Пречистая Богородица была заступницей и силой непобедимой, и честной Ее образ с верою любезно почитали.

Стало известно, что некий царь по имени Темир-Аксак пришел из восточной страны, из Синий Орды, из Шамахейской земли и начал большую смуту в Орде и на Руси, затеяв множество войн, в которых одержал победы, бесчисленные полки одолел, многие города разорил и людей в них погубил, много завоевал стран и земель, и многие народы, княжения и многие царства покорил себе. Сам же Темир по происхождению даже не был царем: ни сын царский, ни из племени царского, княжеского или боярского.

О Темире

В летописи написано, что есть некая страна по имени Арарь, она еще называется Междуречье, то есть окружена двумя реками. Находилась она от Индии к северо-востоку. И вот из той страны и был сей Темир, сын старейшины некоего из заяикских татар, которые были за Железными вратами. Ремеслом его было кузнечное дело. Нрава и обычая он был безжалостного, злодейского: насильник и вор. Прежде он был холопом у некоего хозяина. Из-за его злого нрава он был прогнан господином своим.

И он, когда был молод, не имея чем питаться и одеваться, промышлял кражей и разбоем.

И как-то украл он у некоего человека овцу, его догнали и сильно избили, сломав ему ногу в бедре. И бросили его, думая, что он умер, на съедение псам.

Он же через некоторое время с трудом выздоровел и ногу свою перебитую железом оковал. Поэтому он и получил прозвище Темир-Аксак. Темир на татарском языке означает железо, а Аксак — хромец. И получается Железный Хромец: от вещи и от дел по заслугам и имя получил.

Исцелившись от ран, он не только не изменил своего злого характера, но, еще более неистовствуя, стал лютым разбойником. И собрались у него юноши жестокие и немилосердные, разбойничающие и кровь проливающие.

И он пошел туда, где ему сломали ногу, после чего он охромел, и убил того пастуха, у которого он украл овцу. И с этого получил имущество.

И когда собралось их человек сто, называли его своим атаманом. А когда он собрал тысячу мужей, тогда уже князем называли его.

И с этой тысячью мужей пошел он разбоем против Карамадина, который имел под собой 10 тысяч мужей, владельца некоей местности, которого Темир победил и страну его захватил.

И с теми десятью тысячами пошел разбоем в Персию, и самого правителя персов захватил, и стал обладать всеми персами. И стало воинство его — сто пятьдесят тысяч.

После этого он покорил все окрестные страны, приобретя огромные богатства, весь восток разорил и чуть всю Элладу не покорил.

Грозил и на запад пойти, желая пленить и пожечь, и живущих там людей, не щадя, мечу предать. И тогда воины его уже называли царем.

О Турецком царе Баозите Крещии

В то же время Турецкий царь Баозит, называемый Крещий, некоторые его называли Толочаном, также грозил востоку и западу, и хвалился, что

захватит и Царьград, святые Божий церкви и честные монастыри разорит, православное же христианство, живущее там, предаст всеядному мечу.

Темир посылает к нему, требуя дани и покорности.

Царю Баозиту один из мужей избранных сказал: «Послушай меня, господин! Дай ему, сколько требует, и тогда он быстро уйдет в другое место». Он же отвечал: «Лучше я, победив, все приобрету, или мужественно умру». Сказал ему советник его: «Тогда может случиться так, что ты в обоих случаях пострадаешь». Баозит же не послушал ни его, ни других советников, и, собрав подвластных ему на востоке и на западе, еще и сербского короля Стефана, пошел против Темира. И было сражение. Победил Темир, а Турецкий царь Баозит был схвачен и пленен. Пришел советник его к нему и сказал: «Видишь, господин, не сбылись ли слова мои?» И горько плакал, что не принял его совета. Было это в 6911 лето от Адама (1411 лето от Христа).

О Темир Аксаке

Темир же пошёл на юг к Египту и по пути стену Дамаска разрушил, и жителей перебил.

И решил он пойти на Иерусалим. Но ему сказали: «Издавна известно, что любой, кто покусится на Иерусалим, бывает наказан Богом». Тогда окаянный, оставив мысль о походе на Иерусалим, прошел по всему востоку и тамошних жителей, не покоряющихся ему, повелел с женами и детьми засыпать в рвы, отдавать зверям на растерзание и предавать различным казням.

Видя множество оставшихся плачущих отроков, не сжалился над ними безбожный Темир, но повелел затоптать их конями, говоря: «Освобождаю их от злобы и тяжестей мира сего». О, немилосердный и бесчеловечный, окаянный, треклятый Темир, такое сотворивший!

И пришел в царство некое, имеющее на берегу моря Железные ворота, которое было неприступно из-за высоких гор. Имелся туда только один путь, и там был поставлена крепость, охраняющая путь, и врата железные.

Пришли к нему послы от царя того царства. Темир же, напившись крови, притворился перед послами совсем больным, будто при смерти. И, начав говорить с ними, стал кровью блевать, как будто умирая.

И повелели отпустить послов, сказав, что якобы умер Темир. Они, радостные, пошли назад, возвестив царю своему.

Темир же ночью стремглав двинулся, нашел неприкрытое место и взял его; царство разрушил, а царя поймал.

И обошел все вокруг, будто на крыльях, никого не оставляя в живых: ни правителей, ни царей, но всех убивал и истреблял.

И, хвалясь, говорил: «Александр Македонский, как на смех, всю землю обошел, но мало даров ему дали и мало поклонения ему оказывали». И теперь Темир хотел северными странами пойти на запад, атаке на Индию и Амазонию, и все концы вселенной, не ведая, что когда изойдет дух его, и возвратится он в землю, то в тот же день погибнут все помыслы его.

Возвращается он в Персию, захватив Ассирию и Вавилонское царство, Севастию и Армению, и все орды пленив. Их же названия: Хорасан, Голустан, Шираз, Исфагань, Орнач, Гинян, Сиз, Шебран, Сивас, Арзрум, Тевфиз, Багдад, Синяя Орда, которая вблизи Индии, Сарай Великий, Чагатай, Тевриз и Горзустань, Обези, Гурзи. И оттуда пошел в Охтай, захватили и Шемаху, и Китай, и Крым, и дошел до Великой Орды, и сеял просо шесть месяцев, чтобы прокормить такое множество воинства его, ведь их было более четырехсот тысяч.

О Тохтамыше

В Великой Орде, победив, прогнал царя Тохтамыша.

И многими царствами, и многими землями обладал. И приносили ему золото и серебро, и дань, и повиновались ему, исполняя волю его, и на войну всюду с ним ходили, многие земли пленяли и города в запустение приводили. Царя Турецкого Баозита в железной клетке с собой возил.

О взятии города Елецка

И, разгоревшись яростью и возгордившись, дерзнул окаянный Темир унижить веру христианскую и святых Божиих угодников, святых русских чудотворцев, особенно великого в святителях чудотворца Петра. И пошел на Русскую землю, на христианское стадо, желая полонить ее, как второй Батый, которому до этого из-за грехов наших Бог попустил полонить христианство. Темир, видя, что никто не противится ему, прошел всю землю варварскую, и, дойдя до пределов земли Рязанской, взял город Елецк, князя Елецкого пленил, людей замучил, так как зол был и лют этот гонитель христиан, жесток и немилостив.

И, задумав не только пленить, но и разорить и в запустение привести Русскую землю, мучитель похвалялся идти на Москву, желая взять ее и великое гонение воздвигнуть против христиан, томить, мучить, жечь и печь, и места святые разорить, как древние нечестивые цари Максимиан, Диоклитиан, Декий и богоотступник Юлиан. У них злодейскому нраву

тщательно учился сей Темир, желая веру христианскую до конца искоренить. О, богопротивные умыслы! О, суровейшие свирепства! О, буйная дерзость и бесчеловечный нрав! О, злые неистовые войны, устремленные против православной веры, которую утвердил Христос, краеугольный камень законов и благодати, на нем же Господь церковь свою создал, ее же врата Адовы не одолеют! Сию веру ложно мыслящий бесчеловечный Темир хотел истребить, но сам от Бога уничтожен был.

Все православные слышали, как Божиим попущением от злейшего Темира многие сильные царства непостижимым образом были разрушены, и многие правители и властители немилостиво истреблены, и нещадно и многообразно было загублено бесчисленное множество людей, и безумные речи Темировы против избранности Божественного жребия. Эти грозные и страшные вести каждый день ходили по Москве, и все были охвачены ужасом, горечью, страхом великим и печалью: еще не забылись прежние скорби, которые Бог попустил. Тридцать лет прошло с тех пор, когда город Москва был хитростью взят лукавым царем Тохтамышем. Богомерзкий же Темир хотел еще более жестоко разорить христианское наследие. То слышали о его делах далеко на солнечном востоке, а ныне он уже близко, у дверей.

О мужестве великого князя Василия Дмитриевича

Благочестивый великий князь Василий Дмитриевич, услышав о горделивом свирепстве и беззаконных мучительствах, и душегубстве Темира, не устрасился, не ужаснулся, но всю надежду возложил на всесильного Бога и Пречистую Богородицу, и на молитвы великих святителей чудотворцев русских Петра и Алексея, и преподобного Сергия чудотворца, и всех святых, начал вооружаться молитвою, воздев руки вверх, со слезами к Богу обратился, говоря: «Создатель и заступник наш, Господи, Господи! Посмотри из святого жилища Твоего, видишь этого варвара и сущих с ним, дерзнувшего хулить святое и великолепное имя Твое, и Твоей Пречистой всенепорочной Матери, и всех святых Твоих! Низложи врагов наших! Да пусть не скажут они: «Где же Бог их?» — ибо Ты наш Бог, который гордым противится. О, премилостивый Господи! Непусти врагам, хотящим поносить нас! Стань, Гоподи, в помощь нам, рабам твоим! Позаботься о нас и избавь город наш и всю страну нашу от татарского нашествия и нам, рабам твоим, свыше подай крепость и помощь на всех противников наших!

Непобедима сила Твоя, и царство нерушимо, и мы под Твоей державой храним и славим Тебя с Отцом и со Святым Духом ныне, присно и во веки. Аминь». И так помолившись, великий князь Василий Дмитриевич получил благословение у отца своего духовного, у преосвященного Кип-

риана митрополита, и, собрав силу огромную русского воинства, пошел из Москвы с братьями своими и с князьями русскими к городу Коломне, и пришел в город Коломну. Епископ этого города встретил великого государя с крестами в воротах города. И великий князь совершил молебен в соборной церкви.

И оттуда пошли против безбожного и неверного Темир-Аксака, хвалящегося погубить православное христианство. И встал великий государь на берегу Оки-реки.

Об усердном молении митрополита Киприана

В Москве же оставил князя Владимира Андреевича, внука Ивана Даниловича Калиты. Преосвященный митрополит Киприан тогда украшал престол Русской митрополии и трудился прилежно повседневно и ежечасно, не отступая от церкви, постоянно вознося слезные молитвы и принося бескровные жертвы Богу за благочестивого великого князя и за христианское воинство, и за всех христиан. Также и всему причту церковному вместе с князем, боярами и всеми вельможами, и всем чиновникам, и всему народу мужского и женского пола повелел всем поститься и читать молитвы, забыть о вражде друг к другу, вспомнить о братолюбии нелицемерном и всем единомысленно, с печалью в сердцах, и смиренными помыслами, и чистой совестью просить у Бога избавления от наступающей беды и ждать спасения, помня о Ниневийском покаянии израильских царей Иезекия и Манасия. И все выслушали благое его поучение и с великим усердием и с искренней верой, со слезами и воздыханием из глубины сердца, все от мала до велика единодушно постоянным коленопреклонением и покаянием стали очищаться от грехов, прибегая к святым Божиим церквам. И по домам молились с восклицаниями, призывая на помощь всесильного Бога и пречистую Его Мать, скорую в бедах помощницу, и великих русских чудотворцев Петра, Алексея и Сергия, и всех святых, и просили избавить их от наступающих бед и скорбей.

О призвании чудотворной иконы Богоматери

Преблагой и премилостивый Христос Бог наш, когда слышит обращение к Нему людей своих, всегда бывает рядом с призывающими Его. И, как захотел Сам и пренепорочная Его Мать владычица, богоугодными молитвами угодников своих, вложили в ум благой совет. Божиим хотением великий князь Василий воспринял его, хотя и был на далеком расстоянии, на берегу великой реки Оки, и митрополит Киприан, который был в это время Москве. Но, благодаря Богу, им в голову пришла одна и та же мысль: послать в город Владимир за чудотворной иконой Богоматери, которую написал евангелист Лука, чтобы принесли ее в царствующий

город Москву. Они уповали на то, что владычица и госпожа Пречистая Богоматерь своим пришествием к смиренным и скорбящим может переменить печаль на радость и избавит от всякого зла ныне и навсегда. И с такой верой и надеждой возвестили любезные Богу свои помыслы князьям, боярам и прочим, которые были с ними там, где каждый из них находился. И понравилось это богоугодное дело всем.

Тогда великий князь послал к отцу своему митрополиту Киприану с вестью о том, чтобы он послал в славный город Владимир за иконой Богоматери. Преосвященный митрополит Киприан возблагодарил Бога за то, что совпали их богоподобные мысли и желания.

И, помолившись, митрополит тотчас послал в именитый город Владимир. Посланные прибыли туда как раз в самый праздник всечестного Успения Пречистой Богородицы, и возвестили обо всем священному собору, и исполнили вместе со всеми всенощное пение, и совершили божественную литургию в соборной церкви всечестного Успения Пресвятой Богородицы.

Проводы чудотворной иконы Богоматери из Владимира

После совершения божественной литургии служащие там протопоп и священники пошли и достали из киота пречудную икону Богоматери, и понесли с почестями из города Владимира с крестами, с иконами, со свечами и с кадилами. И все до велика долго провожали ее со слезами, потому что трудно было разлучаться с таким безценным сокровищем, целительной той иконой. Со страхом и любовью припадали к ней, с умилением говоря: «Куда уходишь, о, Владычица, нас, сирых, оставляешь? Почему, Царица, лицо свое отвращаешь от нас и забываешь нищету нашу и печаль нашу? Отгони наступающий на нас страх и трепет, успокой надвигающийся на нас гнев Божий и от гибели избавь нас. Укроти между нами междоусобные распри и мятежи, подай нам, рабам твоим, тишину и мир. Пусть и это чудо прибавится к твоим деяниям, а мы всегда проповедуем Твои чудеса. И ныне приди, о Владычица, с превечным Твоим Младенцем сюда, где изволила ты избрать себе место в жилище чело-веколюбивого Сына твоего Христа, Бога нашего, спаси и соблюди раба своего, благоверного великого князя Василия, и чад его из рода в род и на века, и всю державу его от нынешнего татарского нашествия Темир-Аксака. И всегда на века сохраняй достояние свое от всех бед и скорбей и от всех врагов видимых и невидимых. И не покинь нас, Владычица, уповающих на Тебя!»

И после этого великое множество народа, разлученного с чудесным образом Христа и Богородицы, зрением которого невозможно насытиться, горько рыдая, с трудом возвратились в свой город Владимир.

О встрече чудотворного образа Богоматери в Москве

Когда та Божественная икона была уже недалеко от Москвы, навстречу иконе вышли преосвященный митрополит Киприан со всем освященным собором, с епископами и архимандритами, игуменами и дьяконами, и со всем причтом церковным с крестами и с иконами, со святым Евангелием со свечами, с кадилами, с пением псалмов и песнопениями духовными. После них подошел и вышеназванный князь Владимир Андреевич, и прочие князья, княгини, бояре и боярыни, и прочие вельможи и чиновники, и всех возрастов мужи и жены, старцы и юные, отроки и девицы, нищие и убогие, и все безчисленное множество христиан, все усердно желали увидеть ту божественную и многочисленную икону, у которой совершалось множество чудес. Все молились со слезами и сердечными воздыханиями, и несмолкаемыми рыданиями, можно сказать — не было человека неплачущего.

О всенародном молении с благой надеждой перед образом Богоматери

И встретили ее далеко за городом. И когда узрели пречудный образ Богоматери и на пречистых ее руках пречистый образ Иисуса Христа, все пали на землю ниц, обливаясь слезами, вздыхая и прилежно молясь. И, встав от земли и воздев руки вверх, воскликнули: «О, пресвятая госпожа дева Богородица, всемилостивая Владычица! Ныне пришествием своим помилуй и спаси нас, озлобленных рабы Своя, не ждущих ниоткуда помощи, кроме как от Тебя и от Тебя рожденного Христа Бога нашего. Ему же не переставая, молись о нас, и ниспошли нам щедроты Твои, о Владычица, и избавь нас и город наш, и все города наши, и места от нашествия нечестивых, и от наступающего врага Темир-Аксака, хвлящегося пойти против нас, и против прочих с ним татар, и от всех врагов, покушающихся на нас, и от плена, и от огня, и от меча, от голода и всякой гибели, и от всякой беды и скорби, и от междоусобных браней. Видишь, о, владычица Богородица, сколько зла против нас! Смилуйся к нам, грешным и недостойным рабам Твоим, ибо великое упование имеем к рожденному Тобой Богу, Его же престол постоянно на небесах. Но нам на земле даровал Он Твою честную икону, на нее, как на живую Тебя, Матерь Божию, смотрим мы сердцем и устами с любовью целуем. Хоть и не должны мы надеяться на это за премногие грехи наши, но мы — жребий, доставшийся Тебе и стадо Твое, здесь прославляется имя Сына Твоего, Христа Бога нашего, и Твое, о владычица Богородица! Мы же, недостойные, всегда Тобой были избавляемы от всех зол, воссылаем Тебе благодарения, вспоминая древнее Твое обещание, когда божественному благовестнику Луце, написавшему на иконе твой чудотворный образ и к

Тебе, Царица, принесшему его, Ты, посмотрев на него, сказала, что в ней на века будет пребывать благодать. Ты, о, владычица Богородица, и ныне наполни нас, недостойных, благодатью своей и помилуй нас! Ты, о, владычица Богородица, при преславном своем Успении обещала не оставить сей мир, но всегда любить и сохранять! Ты, о, владычица Богородица, всем языкам, всем верным родам даешь помощь, когда просят, и от всех бед избавляешь! Ты, о, владычица Богородица, и нашу новопросвещенную землю Русскую не презрела и с нами, смиренными, обещала быть. Ты же, Царица, сама, очевидно, прислала из Царьграда умельцев с золотом, чтобы создать себе церковь в Печерском монастыре в Киеве, и Сама сказала: «Хочу на Руси жить». Ты, о, владычица Богородица, свой чудный образ, который многие называют Вторичная икона, в древности называвшаяся по-римски «Лидская», которую блаженный патриарх Герман велел переписать в Лиде с подлинного; и из-за иконоборческого царя Льва Исаврянина в Рим отпустил ее, послав по морю, и так сама святая икона пришла в Рим за сутки. Через 130 лет опять сама икона вышла из римской церкви по морю, пришла в Царьград при царе Михаиле и матери его Феодоре в годы правления русского великого князя Рюрика. Потом явилась в нашей Русской земле в воздухе на реке Тихвине, несомая невидимыми святыми ангелами, где и доныне пребывала, творя безчисленные чудеса и подавая в изобилии исцеления всем, с верою к ней приходящим. Ты, о, владычица Богородица, вручила престол всей Русской митрополии великому святителю митрополиту Петру, ведь было извещение от Твоего честного образа, видение в море Геронтию, который помышлял тот престол занять. Ты же ему запретила и тому, кто написал Твой образ, назвала имя Петра, который должен быть пастырем христианского стада, которого Сын Твой, Бог наш, прославил чудесами и нам молебника за нас дал. Ты, о, владычица Богородица, видимой явилась преподобному игумену Сергию с апостолами, с Петром и Иваном, и обещала неотступно пребывать в обители его, снабжая его и блюдя. Ты, о, владычице Богородице сподобила видеть сей святой твой образ и поклониться ему уповавшие непостыдно имущие, что Ты, как соблаговолила в древности уйти из Палестины в Византию, оттуда в Киев, а потом во Владимир, и ныне с нами, смиренными, останешься здесь на века, жалея нас и спасая. Мы же, грешные рабы Твои, имея Тебя заступницей безупречной, не убоимся всяких вражеских наветов, везде всегда Тобой спасаемые. Так и сейчас избавь нас от варварской угрозы нашествия и пленения, и мы радостно прославим Тебя и от твоего семени рожденного Христа Бога нашего, Его же восхваляя, величаем и безначального Отца Его с пресвятым и благим животворящим Духом. И еще, о, владычица Богородица, наставь нас исполнять волю Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа, чтобы прожив в этой кратковременной жизни мирно и

богоугодно, в Царствии небесном благодаря Тебе мы смогли получить вечные блага».

О поставлении чудотворной иконы Богоматери в Москве в соборной церкви честного Ее Успения

И так, вознося ей многие благодарения, шествовали к городу с иконой Богоматери. Внесли ее в знаменитый храм славного ее Успения, который являлся великой соборной и апостольской церковью Русской митрополии, и поставили ее в киоте на правой стороне, где и донныне стоит зримая, которой все поклоняются, и которая творит неисчетные чудеса; которая является заступницей и хранительницей от всяких бед царствующего города Москвы, и всех городов Русской державы, и всего христианского достояния. Темир-Аксак тогда стоял в Рязанской земле уже пятнадцать дней и все опустошил по Божьему попущению. И оттуда неуклонно собирался пленить всю Русскую землю и все христоименитое человечество замучить, и предать мечу. Но не допустила этого десница Вышнего Промысла. Кто может рассказать о неизреченных щедротах и человеколюбии Божиим, о заступничестве и милости Пречистой Его Матери к роду христианскому!

Об устрашении царя Темир-Аксака видением

О, преславное чудо, братья! О, превеликое удивление! В тот самый день и час, когда вышло всенародное множество навстречу божественной той иконе, которые со слезами восклицали к Богу и к Богородице, молясь об избавлении от нашествия нечестивых, в тот же самый час возгордившийся мучитель Темир-Аксак видел необычное видение, которое наполнило его ужасом. Было так: он возлежал на своей постели и спал. И видит страшный сон: привиделась ему превысокая гора, и поверх горы идут к нему святители, держащие в руках своих золотые жезлы, и грозят ему. И внезапно он увидел над святителями в воздухе необычно сияющий, несказанный свет. Посреди того яркого света явилась некая жена, в багряные ризы одетая и украшенная неизреченною славою и благолепием, и светом сияя, ярче, чем солнечные лучи. Вокруг Нее бесчисленное множество страшных и великих пресветлых воинов, служащих Ей как царице. Эта жена, стоя, руки свои простерла в высоту и молилась о ком-то, Темир-Аксаку же люто грозила.

От этого грозного видения он внезапно вздрогнул и от ужаса вскочил, как от треска грома, испугался и ужаснулся. И со смятенной душой померчался умом, и трепет великий объял его. И нелепо закричав странным голосом, стал трястись и стонать, говоря: «Ох, ох мне, что значит

сие страшное видение, которое я видел с такими угрозами?» Князья и воеводы, которые были около него, с боязнью стали вопрошать его, почему он вскочил так неожиданно, весь трепещет и нелепые вещи выкрикивает. Он же от страха ничего не мог сказать, только трясся и стонал. И когда в чувство пришел, велел призвать к себе князей своих и воинство свое. Когда все собрались, поведал он им по порядку о том, какое ему было страшное видение, и вопрошал их говоря: «Что это означает, и кто та жена, ходящая в такой славе по высоте небесной, с большим количеством молниеобразных воинов, которые устрашают нас?» Они, услышав от него это, сказали ему: «Это есть жена неложная, Мать благословенного Бога, дева Мария Богородица, помощница христианам и промыслительница непобедимая. И, как понимаем, хочет заступиться за христиан». Темир-Аксак сказал им: «Если христиане имеют такую помощницу, то напрасно даже и начинать дело против них, успехом оно не закончится. Если только одного из тех, кто рядом с ней она пустит против нас с яростью, то он всех нас победит. И не найдется места, куда мы сможем бежать, хоть и имеем мы много тысяч вооруженных и сильных воинов». И, когда он говорил это, еще больше напал на него страх великий, трепет охватил кости его, и все члены тела его расслабились, и раскаялся он воевать против земли Русской.

О побеге царя Темир-Аксака

И вскоре повелел он всю силу свою бесчисленную повернуть, и кинулся бежать со всеми своими тьмой численными воинами, и ни кем же не гоним.

Русской земли не тронул, ничем не навредив ей. И быстро побежал к Орде, откуда и пришел, и перед глазами видел, будто некое многочисленное воинство гнало его с Руси. Но не мы их гнали, истинно говоря, гонимы были Божией непобедимой силою и предстательством, и заступничеством за нас владычицы нашей Богородицы, и молитвами великих Божиих угодников, новых чудотворцев русских и всех святых.

Об иконе Владимирской

Вот такая победа Богоматери была против врагов наших! Так одолели безбожных татар, которые не видели полков наших, не слышали князей русских, с воинством идущих на них. Но только возопили христиане в печали к Богу и Пречистой Его Богоматери, и Господь услышал их, и послал страх и ужас на нечестивых агарян, и замыслы их разрушил. Так распались коварные замыслы их, и мы избавлены были с помощью Господа Бога нашего, который даровал нам бескровную победу, благодаря молениям скорой помощницы нашей Пречистой Богородицы.

О возвращении в Москву великого князя Василия Дмитриевича

Когда услышал благоверный великий князь Василий об уходе звероподобного царя Темир-Аксака и бывших с ним жестоких измаильтян, и всего варварского множества, воздал великую хвалу Богу, который даровал ему светлую, преславную, бескровную победу по молению скорой помощницы нашей Пречистой Богородицы и всех святых, и возвратился в Москву. Встречали его с великой радостью митрополит Киприан со всем преосвященным собором, с крестами и с иконами, а также князь Владимир Андреевич и прочие князья, бояре и сановники с множеством народа с радостью великою.

Благочестивый же самодержец и первосвятитель, и весь народ со слезами воздевая руки на небо, благодарно восклицали, говоря: «Да прославится крепость Десницы Твоей, Господи, правая рука Твоя сокрушила врага и множеством славы твоей стерла супостатов наших!» И, когда увидел самодержец чудотворную икону Богоматери, принесенную из города Владимира, припал к ней с огромной радостью сердечной, проливая слезы как из источника, говоря, **обращаясь к иконе Владимирской**: «Благодарю тебя, госпожа Пречистая Дева Богородица, владычица христианская, безупречная заступница, что показала нам великое свое милосердие, и даже больше, чем мы надеялись, преславно избавила нас, и город наш, и все города наши, и селения от безбожных врагов. Будь всегда, Владычица, неотступно с нами, паси стадо твое от всякого злого умысла, сохраняй невредимыми нас, а мы вовеки будем помнить помощь Твою».

О построении церкви и монастыря на том месте, где встречали чудотворную икону Богоматери

И самодержец стал держать совет благой с первосвятителем и со всеми людьми, говоря, что нельзя оставить без праздника такое предивное чудо Богоматери. И вскоре повелел поставить церковь Пречистой Богородицы на том месте, где ту чудесную Богородичную икону встречали, во имя честного сретения ее чудотворного образа как память великого благодеяния Божьего и Его непорочной Матери, чтобы не были забыты людьми дела Божий. Эту церковь Сретения Пречистой Богородицы освящал сам митрополит Киприан. И устроили монастырь, поставили в нем игумена и собрали иноков, и великий князь наполнил этот монастырь всем необходимым. И после этого установили обычай праздновать славу и честь Господа Бога и Пречистой Его Матери Богородицы месяца августа в 26 день, на память святых мучеников Адриана и Натальи.

**О Темир-Аксаке, как хотел идти на Русь воевать,
его же Господь морозом погубил, а землю Русскую
сохранил невредимой**

До этого Темир-Аксак, как выше было сказано, одолел и истребил многих царей и властителей, и царствами их обладал, возвратясь в свое отечество Орарь.

И опять собирает еще большее войско, безбожное воинство, и опять на свою погибель озлобляется на христианский род, новый Израиль. Как древний фараон, которому Бог ожесточил сердце догнать Израиль и сотворить зло. Но Господь провел их по морю как посуху, а фараон в нем утонул со всем своим воинством. Подобно ему, ожесточился и Темир-Аксак, забыл, окаянный, страшную и грозную угрозу святых ангелов, которых видел в образе святых святителей с золотыми жезлами, над которыми в воздухе видел и Пречистую Богородицу с большим воинством, грозно запрещающим ему любые замыслы против христиан. И забыл, незаконный, первое явление ему с запрещением, как тогда трепетал и как безмерно испугался, трясаясь и стenea, и нелепо вопя, отказываясь воевать против Русской земли, и как Божия сила отогнала его к себе домой, обо всем он забыл.

И, поднявшись, презренный, со всем воинством сначала пожелал идти к Царьграду войной, так возвысился он, потому что умножилась бесчисленная сила его. И послал окаянный Темир бесчисленное воинство свое против царя Дигмана. Они пошли, землю ту пленили и пожгли, а людей предали всеядному мечу.

Самого же царя Дигмана с прочими людьми его синклита привели к безбожному и треклятому Темиру. Он же, увидев его, еще больше возгордился, окаянный.

И, придя оттуда в Октай, хотел идти к Ордынским странам и на Русскую землю. Но в тех местах началась зима.

Милосердный Бог не только не допустил ему обидеть Русскую землю, но сделал так, что сам кровоядный Темир-Аксак злодейской смертью жизнь свою окончил. От ударившего мороза множество воинов его умерло, и возвестили ему, что 120 шатров остались пусты. Безумный же Темир-Аксак хотел перехитрить Божью месть и ярость мороза опрометчиво помышлял преодолеть, не зная, дерзкий, что божественный Давид говорил: «Противу лицу мраза Его кто постоит?» Одед на себя Темир-Аксак много одежды, до двадцати кожухов, и сам пошел посмотреть на замерзшее воинство свое. Но осмотреть их не смог из-за нестерпимого холода и возвратился в свой стан. И от этого сильного холода повредились внутренности его.

Собрал он врачей. Они дали ему приготовленное варево, и когда он выпил его, то разнесло утробу его. Шесть дней он лежал, и пошла кровь через рот и афедроном.

И через три дня злодейски испустил богомерзкую душу свою. И, как фараон в море, так и Темир-Аксак исчез на поле пустынном. И держава его вскоре распалась. Оставшееся же воинство его разошлось кто куда.

Также было и при царе Иезекии, когда Сенахирим, царь Ассирийский, пошел войной на Иерусалим, зло похваляясь в гордыне великой, и на Бога Вседержителя богохульные слова изрекал. Царь же Иезекия, хотя и болен был тогда, но, однако, Богу молился со слезами вместе с пророком Исайей и со всеми людьми.

И услышал Бог молитву их, и в ту же ночь ангел Господень погубил полки ассирийские сто, восемьдесят и пять тысяч. Когда наутро встали, увидели, что уже лежат трупы мертвые.

В ту же ночь царь Сенахирим с остатками своего войска бежал в Ниневию и там был убит своими детьми. Так и Темир-Аксак похвалялся христианство истребить, христианскою же молитвою и сокрушен был.

Так же как законопреступный Юлиан, который угрожал Василию Великому, похваляясь разорить город его Кесарию, и его тогда христианская молитва убила. И, как тогда, так и ныне, един Бог и одна благодать действует, творит, сколько хочет, потому что велик Бог! Так и ныне великой милостью своей бескровную победу даровал нам, врагов наших порази и изгнал, а нас от многих бед избавил и спас, и всегда миловал нас, и сохранял, охраняя рукой своей высокой от всякого вреда душевного и телесного. И, как в древности прославился Бог, расправившись с фараоном, с колесницами и с воинами его, так и с Темир-Аксаком поступил. И всегда мы, верующие в Него, непрестанно славим трисвятое имя Его, Отца и Сына и Святого Духа и Пречистую Владычицу нашу Богородицу и приснодеву Марию, нашу христианскую заступницу.

Нынешнее же чудодейственное торжество Богоматери, появление целительного Ее образа празднуем во всех городах и местах всей Русской державы. Потому празднуем, братья, благодаря и хваля Господа Бога и Пречистую Его Богоматерь, надежду нашу, дабы молитвами Ее и всех святых постараясь, насколько сможем, богоугодно проводить настоящее время жизни нашей в тишине, в мире и в покаянии с умилением и с чистой совестью, очистившись от грехов. И тогда найдем здесь благодать и милость и от врагов видимых и невидимых освободимся, и в будущем бесконечном веке сподобимся получить неизреченные блага благодатью и человеколюбием Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Ему же слава, честь и держава с Отцом и со Святым Духом ныне, присно и во веки веков. Аминь.

В том же году приходил с большой силой к Царьграду ратью Колчан, царь Турецкий, сын Андроника. Вышел против него из Царьграда царь Греческий Мануил, сын Ивана Палеолога, с греками, с фрягами и с немцами единодушно, в полном согласии. Встретили Турецкого царя Колчана, одолели его и прогнали в Турецкую землю, многих перебив. И было ему бесчестие и срам великий: ибо оскудел людьми и был в печали и скорби.

В 6904 лето от Адама (1404 лето от Христа)

Месяца сентября было затмение солнца. Той же осенью в Смоленске началась вражда между великим князем Смоленским Юрием Святославичем и братьями его Глебом Святославичем и прочими Святославичами. Все между собой рассорились и были во вражде великой. И враждовали друг против друга за уделы отчины княжения своего. И было волнение великое: не слушали друг друга, брат брата. Огорчился великий князь Юрий Святославич, затужил и пошел в Рязань к тестю своему, к великому князю Олегу Ивановичу Рязанскому.

В ту же осень Турецкий царь Колчан убил сына своего Веченяпа и множество князей и великих мужей перебил с ним.

В ту же осень царь Темир-Аксак был в Ордынских владениях в Приморье, и пал на него гнев Божий: начался мор на людей и на скот.

В ту же осень в сентябре месяце великий князь Литовский Витовт Кестутьевич, внук Гедиминов, собрав большую силу вокруг себя, пошел ратью мимо Смоленска, притворяясь, что идет против Темир-Аксака, а не на Смоленск. И разнеслась молва повсюду, что будто Витовт Кестутьевич с большой силой идет против Темир-Аксака мимо Смоленска. Эти слухи распустили для того, чтобы усыпить бдительность смолян.

А в это время в Смоленске была великая смута: князья Святославичи были в ссоре и ненависти, враждуя друг против друга, спорили, каждый отстаивал свои уделы княжения своего, брат не желал слушать брата. Когда Витовт Кестутьевич пришел под Смоленск, делая вид, что идет мимо Смоленска, к нему вышел князь Глеб Святославич с боярами и с небольшой дружиной. Он же, оказав ему почести и одарив, с любовью и миром отпустил, сказав: «Хорошо, если бы все братья князья выехали ко мне с любовью, без опаски. А если между вами есть какие-то распри, то возьмите меня на третей, и я вас право рассужу».

Так Витовт коварно обманул их, вызвав к себе из города, якобы желая рассудить их по истине, отдав каждому часть отчины их княжества. Они поверили лукавым словам его, и все братья Святославичи, все князья смоленские и бояре выехали к нему с дарами, с любовью и с почетом.

Так что в городе не осталось никого, потому что все, каждый с боярином своим, вышли из города к Витовту Кестутевичу. Он же велел прежде всего схватить старшего брата их князя Глеба Святославича, внука Иванова, правнука Александрова, праправнука Глебова, препраправнука Ростиславова, пращура Мстиславова, прапращура Давидова, препрапращура Ростислава Мстиславича, Владимиров сына Маномеха. А потом и братьев его, сыновей Святослава, и повелел сразу отослать их в свою землю Литовскую.

А сам вошел в город Смоленск с князьями и с боярами. Перед ним несли крыж и играли на свирелях по их литовскому обычаю.

И, пробыв здесь несколько дней, сжег посад, много пленил людей и с собой увел, и вернулся восвояси, взяв бесчисленное количество имущества и богатства. Вот таким обманом захватил город и все княжение Смоленское и посадил в городе Смоленске наместника своего князя Якова, называемого Амонт, да Василия Борейкова. Это было первое взятие города Смоленска великим князем Литовским Витовтом Кестутевичем, благодаря обману и лести. Взят он был месяца сентября в 28 день, во вторник, на память преподобного отца нашего Харитона Исповедника. А великий князь Юрий Святославич Смоленский в то время был в Рязани у тестя своего Олега Ивановича, великого князя Рязанского.

В ту же зиму преставилась княгиня Ивана Всеволодовича Тверского, дочь великого князя Бориса Константиновича Нижегородского, и положена была в церкви святого Спаса в Твери.

В ту же зиму великий князь Олег Иванович Рязанский с зятем своим, с великим князем Юрием Святославичем Смоленским, с братьями своими, с Пронскими князьями и с Козельским, и Муромским, пошли ратью на Литву и много зла причинили им.

В ту же зиму месяца декабря в 27 день, в 7 часов ночи месяц стал кровавым. В ту же зиму Витовт Кестутевич, великий князь Литовский, ходил ратью на Рязань и волости разорил. А Олег Рязанский, великий князь, тогда еще не вернулся в Рязань.

И, узнав об этом, он оставляет пленников в некоем месте, и напав на посланный отряд, многих перебил, а некоторых поймал. Витовт, услышав об этом, убоялся, кинулся бежать и возвратился восвояси.

А Олег с большой добычей и богатством вошел в свою землю и оставил у себя зятя своего князя Юрия Святославича Смоленского. Он тогда был в скорби и великой печали о братьях своих и об отчине своей. Таковой беды никогда не бывало ранее над Смоленском, как ныне пострадали они от Витовта, лукавого и ненасытного похитителя чужого добра. В ту же зиму митрополит Киприан послал в Новгород стольника своего Феодора

Тимофеева за владыкой Иваном, архиепископом Новгородским, призывая его к себе в Москву по святительским делам. И чествова столника митрополита и дали ему 60 рублей.

Архиепископ поехал в Москву и пробыл в Москве два дня, и отпустил его митрополит Киприан с честью и с благословением.

И в Новгород он пришел во вторник на Святой неделе с радостью и с миром.

В том же году немцы приходили в Карельскую землю ратью и взяли пять погостов: Кирьесский, Колыванский и прочие. И князь Константин Васильевич Белозерский пошел в погоню за ними, но не догнал, только одного языка поймали и прислали в Новгород.

В том же году в Новгороде было знамение от образа Владычного в святом Евпатии на Щеркове, икона источала вино. В том же году владыка Новгородский Иван у церкви святой Софии повелел покрыть свинцом маковицу, которая при пожаре обгорела.

В том же году великий князь Витовт Литовский казнил смертною казнью князя Ивана Михайловича, а жену его и детей разослал по разным местам и дом его разграбил.

В том же году князь Семен Дмитриевич Суздальский и Нижегородский собрал воинство свое, а с ним пошел царевич Ектяк с татарами, пришли к Нижнему Новгороду и стояли долго у города, но город не взяли. А в городе тогда было 3 воеводы великого князя Василия Дмитриевича Московского: Владимир Данилович, Иван Лихарь. Стояли долго и не смогли взять, замирились между собой и целовали крест, а татары клялись по своей вере. Правда, потом татары нарушили клятву свою, Нижний Новгород разграбили, много зла сотворив, и возвратились в свою землю, в Казань.

Когда великий князь Василий Дмитриевич услышал об этом, то послал брата своего князя Юрия Дмитриевича с большой ратью на Казань. Они пошли и взяли город Булгары, Жукотин и Казань.

Той же весной за 2 недели до Пасхи великий князь Василий Дмитриевич поехал из Москвы в Смоленск, чтобы встретиться с тестем своим Витовтом. И побывав у него, возвратился в Москву. С ним вместе у Витовта был и митрополит Киприан и на Пасху поставил Насона епископом в Смоленск, оттуда пошел к Киеву и пробыл там полтора года.

О епископе Стефане Пермском

Той же весной апреля 26 преставился епископ Пермский Стефан и положен был в Москве, в монастыре святого Спаса за стеной Спаса Милостивого. Скажу немного о нем. Он был рожден и воспитан в городе

Устюге. Отец его по имени Семион был клиросником соборной церкви в Устюге, мать его — Мария.

Там же и грамоте он научился. И, когда был еще совсем юным, постригся в иноческий образ. Потом Арсений, епископ Ростовский, поставляет его в дьяконы, а Герасим, епископ Коломенский, посвятил его в попы.

Потом он обучился греческому языку и грамоте, также научился пермскому языку и азбуку сложил для пермского языка, и книги перевел на пермский язык. Такой грамоты пермской прежде никогда не было.

Появилось у него желание — идти в Пермь и учить некрещеных людей. Он взял благословение у святителя, и, помолясь Богу, пошел в Пермскую землю, и начал учить некрещеных людей, как овца посреди волков. Учил вере Христовой, уводя их от идолослужения, крестил во имя Отца и Сына и Святого Духа, а кумиров сокрушал и огнем сжигал. Многих крестил он, до тысячи душ.

Но сначала много претерпел от них ран и гонений. Через некоторое время митрополит Пимен поставил его епископом в Перми.

И он опять вернулся в Пермь, и некоторых стал обучать грамоте пермской, и поставлял их в попы и дьяконы; ставил церкви, и славили в них Бога пермским языком.

И было удивительно видеть это в земле той, где прежде было идолослужение и угождение бесам, а от начала мира молились идолам, солнцу, огню, воде, деревьям, волам, козам, кудесникам, и волхвам, и золотой бабе.

А вот названия живущим народам около Перми, земель, областей и мест: двиняне, устюжане, виляжане, вычажане, пеняжане, южане, серояне, гаияне, вятчане, лопь, корела, югра, печёра, вогуличи, самоедь, пертасы, пермь великая, гамаль чувская. Река первая, называется Вым, впадает в Вычегду. Другая река Вычегда проходит через всю землю пермскую, течет на север и впадает в Двину за 40 верст до Устюга. Третья река Вятка течет по другую сторону Перми и впадает в Каму реку. Эта река Кама также протекает через всю Пермскую землю. По этой реке многие народы плавают, течет она на юг, в землю татарскую и впадает в Волгу реку, ниже Казани за шестьдесят верст.

Ныне же, в последние годы седьмой тысячи на остаточном сте, благочестие и богоразумие там воссияло, и вера Христова процветает. Слышавшие об этом православные христиане во всех землях русских прославляют Бога. Воистину, следует радоваться, как истинно говорится в Евангелии: «Бывает радость на небесах и об одном кающемся грешнике». А это ведь не один, не два, но вся земля Пермская просветилась

учением доброго пастыря и Божьего святителя Стефана! Когда же приблизился конец его жития, он в это время был в Москве у митрополита Киприана по церковным делам и, проболев несколько дней, преставился к Богу. По доброму пас он Богом порученное ему стадо и исполнял все церковные и законные правила: и в иночестве, и священстве, и в учительстве. Епископом пробыл 12 лет, и был он подобно святым апостолам, и ныне со святителями предстоит престолу Христову, молясь о стаде своем и обо всем мире, со всеми святыми, угодившими Богу.

В 6905 лето от Адама (1405 лето от Христа)

В сентябре месяце турки воевали греческую землю и много зла сотворили.

Той же осенью в сентябре великий князь Олег Иванович Рязанский, внук Иванов, ходил ратью к Любечу и с большим полоном вернулся восвояси.

В том же году преставилась княгиня князя Василия Михайловича, дочь князя Владимира Ольгердовича Киевского, и положена была в церкви святого Спаса в Твери.

В 6906 лето от Адама (1406 лето от Христа)

Месяца сентября луна помрачилась в 4-й час ночи, и долго не было ее, и была темнота великая. Той же осенью на Покров день тесть великого князя Василия Дмитриевича великий князь Литовский Витовт Кестутьевич со всею силой литовскою пришел ратью на Рязанскую землю и много зла сотворил Рязанской земле. Людей по улицам заковывали, секли, и много неповинной крови было пролито.

Тогда же он был и у своего зятя, у великого князя Василия Дмитриевича Московского, на Коломне и много почестей и даров принял от него, и после этого возвратился восвояси, много крови пролив, как воду, на Рязанской земле. Той же осенью преставился в Москве Даниил, епископ Смоленский. В том же году великий князь Михаил Александрович Тверской со своим сыном, с князем Иваном, женил своего внука князя Александра Ивановича на дочери князя Феодора Михайловича Моложского. В том же году князь Иван Михайлович, внук Александра Тверского, поехал к шурина своему Витовту Кестутьевичу, великому князю Литовскому, со своей княгиней Марьей, отпущенный отцом своим великим князем Михаилом Александровичем Тверским. И, въехав в землю Литовскую, в каждом городе был встречен с великим почетом.

Когда он был еще на достаточно далеком расстоянии от Вильны, его встретил сам великий князь Витовт Кестутьевич со своей княгиней и со

своими панами, князьями, боярами и с множеством народа, с великой любовью и честью. И находился он у него много дней, и потом он отпустил его с великой любовью и с почестями. И когда он вернулся к отцу своему в Тверь, к великому князю Михаилу Александровичу, то рассказал ему о великой любви, о дарах и о почете, который оказал ему Витовт. Это оттого, что его жена была сестрой Витовта.

В том же году великим князем Михаилом Александровичем Тверским на Городце была построена каменная церковь архистратига Михаила и освящена Арсением, епископом Тверским.

В том же году Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, поставил Исакия епископом в Перми, на Голенищеве.

В том же году князь Иван Всеволодович отъехал от Твери на Москву к великому князю Василию Дмитриевичу, а к дяде своему, к великому князю Михаилу Александровичу Тверскому, послал сказать, что отказывается от крестного целования. Великий князь принял его с почетом и с любовью и дал ему город Торжок.

В том же году женился князь Иван Всеволодович Тверской в Москве у великой княгини Евдокии, взяв дочь великого князя Дмитрия Ивановича Настасью.

В том же году царь Тохтамыш ходил войной на Поморские города.

В том же году посол царя Большой Орды Тохтамыша Тимер-хозна был на Рязани у великого князя Олега Ивановича Рязанского, и с ним много татар, коней и купцов.

В том же году в Новгород пришли послы псковские: князь Григорий Остафьевич, да посадник Сысой, да посадник Роман, да Филип Казачкович, и били челом господину Ивану владыке, архиепископу Новгородскому, говоря: «Хотим, господин, чтобы между детьми твоими новгородцами и псковичами кончилась вражда, и примите нас, чтобы была любовь между нами как в старину».

И владыка Иван, созвав новгородцев, сказал им: «Чада мои, новгородцы, видите, пришло время, когда подобает вам жить в любви между собой и в смирении, а также кончить враждовать, но жить в любви и смирении с псковичами заодно». И новгородцы, посадник Тимофей Юрьевич, тысяцкий Никита Федорович, все посадники и все тысяцкие, бояре и весь Новгород приняли благословение господина своего владыки Ивана, и прекратили с псковичами враждовать, и установили мир и любовь, как было в старину.

В том же году была радость великая у царя Большой Орды Тохтамыша: избавившись от врагов, он послал своих послов по всем странам, имя свое прославляя, а также собирая золото, серебро и дары, и татар отовсю-

ду к себе призывал, потому что в прошлые годы был бит, потерпев много поражений от Темир-Аксака.

И тут внезапно напал на него некий царь именем Темир-Кутлуй, и был бой между ними великий и сеча злая. И одолел царь Темир-Кутлуй царя Тохтамыша и прогнал его, а сам сел на царство Волжской Большой Орды, а царь Тохтамыш побежал к Литовским странам. И он договорился с Витовтом Кестутьевичем, с великим князем Литовским, и Витовт был рад ему, и он с остатками своего войска, с царицами и с двумя сыновьями из своей земли пошел к Витовту в Киев.

И был у Витовта в Киеве, кормясь там и получая все, что нужно, надеясь получить от него помощь, так как хотел вернуть свое царство, которое потерял.

В том же году Турецкий царь Салтан, брат Амурата, с большой силой турецкой окружил Царьград и по морю, и посуху, и стоял долгое время. Патриарх и царь Мануил послали на Русь просить милостыню.

Тогда митрополит Киприан обратился к сынам своим, к великим князьям русским: к Василию Дмитриевичу Московскому, к Михаилу Александровичу Тверскому, к Витовту Кестутьевичу Литовскому, а также к великому князю Олегу Ивановичу Рязанскому и ко многим князьям, боярам и купцам, советуя оказать милость в такой нужде и беде и помочь осажденным турками. И собралось милостыни довольно много. Милостыню давали и иерейские чины, и монастыри. И все собранное послали в Царьград.

Царь, патриарх и весь народ воздали великую благодарность и хвалу Богу, и благословение Руси. И послали великому князю в благословение и в дар икону чудную, на которой написан Спас в белых ризах. И та икона стоит на его дворе в церкви Благовещения и по сей день, на левой стороне на поклоне.

В том же году пришел в Новгород князь Василий Иванович Смоленский, да Патрикий Наримантович, внук Гедимины Литовского, и новгородцы приняли их с честью.

В том же году великий князь Витовт Кестутьевич Литовский послал на Москву, к зятю своему великому князю Василию Дмитриевичу, говоря так: «Давай пошлем в Новгород своих послов: ты своего, а я своего, чтобы новгородцы с немцами мир расторгли».

И, как сказал Витовт, князь Василий Дмитриевич так и сделал: отпустил послов своих и Витовта в Новгород, веля им расторгнуть мир с немцами. Они же не послушали и ответили так: «У нас, господин княже, с тобой мир свой, с немцами — другой, а с Витовтом — иной. И ты, господин княже, в наши дела не вступай. Новгород держится древ-

ней старины, как пошло изначала». И с тем отпустили послов великого князя Василия и Витовта Кестутьевича. В том же году послал великий князь Василий Дмитриевич Московский бояр своих во главе с Андреем Альбердовым с дружиной за Волок, к новгородским пригородам на Двину и ко всей Двинской земле, предлагая им, чтобы перешли к великому князю Василию Дмитриевичу Московскому, а от Новгорода отступили, обещая, что «Великий князь сможет постоять за вас и оборонить от Новгорода». Двиняне, Иван Никитин и все бояре двинские перешли на сторону великого князя Василия Дмитриевича и на том целовали крест великому князю.

И великий князь отобрал у Новгорода Волок Ламский с волостями, и Торжок с волостями, и Бежецкий Верх. А потом сложил с себя крестное целование Новгороду и крестную грамоту вернул, и новгородцы с себя сложили крестное целование по отношению к великому князю и вернули ему крестную грамоту. После этого Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, послал в Великий Новгород своего стольника Кlementия к сыну своему владыке Иоанну. Он, придя, так стал говорить: «Господин Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, благословляет тебя, своего сына Иоанна, архиепископа Новгородского, и повелевает тебе прибыть к нему в Москву на совет о святительских делах». И владыка Иоанн отпустил стольника митрополита Кlementия в Москву, а сам стал собираться в Москву. И новгородские посадники, тысяцкие и бояре, и весь Великий Новгород со слезами ударили челом своему господину владыке Иоанну, говоря: «Передай, господин, великому князю Василию Дмитриевичу благословение и замолви доброе слово за нас, за своих детей, за Великий Новгород». И владыка Иоанн пообещал им это, новгородцы отправили с ним своих послов, посадника Богдана Аввакумовича, Кирилла Дмитриевича и житийских людей.

И владыка Новгородский Иоанн приехал в Москву к своему духовному отцу Киприану, митрополиту Киевскому и всея Руси, получил у него благословение и почести. И пошел владыка Иоанн к великому князю Василию Дмитриевичу, благословил его и передал ему доброе слово от Новгорода, а новгородские послы передали челобитье от Новгорода. И сказал владыка Иоанн великому князю: «Прими, господин сын мой, великий князь, мое благословение и доброе слово, а новгородское челобитье: прошу, сними свою опалу с Новгорода, с вольных горожан, прими их по старине, как повелось изначалью, чтобы, сын мой, при твоём княжении не случилось другого кровопролития. Господин сын мой, великий князь, отнял ты на крестном целовании у Новгорода Заволочье, Торжок, Вологду, Волок. Бежецкий Верх, откажись от этого, господин сын мой, великий князь, сделай так, чтобы эти города отошли во владе-

ние Новгороду, как повелось изначально. А что касается общего суда на порубежье, то откажись от этого, сын мой, так как это не по старым законам». И великий князь Василий Дмитриевич принял благословение Новгородского владыки Иоанна, а от новгородских послов челобитья не принял, и с Новгорода своей опалы не снял, и мира с ним не заключил. И Иоанн, владыка Новгородский, стал приглашать своего отца Киприана, митрополита Киевского и всея Руси, к себе в Новгород, потом с благословения митрополита уехал в Новгород вместе с новгородскими послами.

В том же году собрались новгородцы и пришли к своему владыке Иоанну, говоря: «Не можем мы, господин, больше терпеть насилия от великого князя Василия Дмитриевича, того, что отнял он у святой Софии и у Великого Новгорода принадлежащие им пригороды и волости, наши отчины и дедины, как было заведено изначально. И мы, господин, хотим вернуть святой Софии ее пригороды и волости, отчину свою и дедину». И все целовали крест на том, чтобы вернуть святой Софии и Великому Новгороду пригороды и волости, и били челом владыке посадник Тимофей Юрьевич, Юрий Дмитриевич, Василий Борисович, бояре и боярские дети, горожане и купцы, и все новгородские воины, говоря: «Благослови, владыка, нас вернуть святой Софии пригороды и волости, и мы или вернем отчину святой Софии и Великому Новгороду, или сложим свои головы за святую Софию и Великий Новгород». И владыка Иоанн благословил детей своих новгородских воевод и все воинство. А весь Новгород собрался от мала до велика, от убогих и нищих и решил: «Пойдем мы, господин, чтобы вернуть святой Софии пригороды и волости, свою отчину».

Новгородские воеводы, посадник Тимофей Юрьевич и посадник Юрий Дмитриевич, и все воины отправились за Волочок на Двину к городку Орлецу. И встретил их управитель монастырской волости Исая из Велни, и сказал им: «Господа новгородские воеводы, приехал от великого князя боярин Андрей с Иваном Никитиным в волость святой Софии, в Вель, в день Пасхи, захватил волость святой Софии и взял выкуп. Затем приехал от великого князя на заставу на Двине князь Феодор Ростовский для того, чтобы наблюдать за городком, судить и взимать у новгородские пошлыны. А двинские воеводы Иван и Конон со своими товарищами разделили между собой волости, принадлежащие Новгороду и новгородским боярам». Выслушали новгородские воеводы и сказали своим товарищам: «О, братья, если задумал такое наш господин великий князь с изменниками, с клятвопреступниками двинскими, нашими воеводами, то лучше, братья, умереть за святую Софию, чем жить с такой обидой».

И пошли с войском на Белоозеро, захвали Белозерские волости и старый городок Белоозеро.

А из городка Белоозера вышли белозерские князья, стали бить челом новгородским воеводам и всему войску и дали им выкуп в 60 рублей, взяли новгородцы пленных без числа, много имущества и всякого богатства.

Также и Кубену с волостями, и Вологду, и Устюг завоевали и пленили.

И простояли около Устюга 4 недели, а оттуда пошли к Галичу, захватили земли около Галича, взяли множество пленных, а за некоторых пленных получили выкуп, а некоторых пленных оставили, так как всех их не могли вместить корабли.

И оттуда пошли по Двине к городку Орлецу, завоеывая земли и села, и пришли к Орлецу, простояли под городком 4 недели, поставили пороки и начали сражение.

И вышли двиняне из городка, стали со слезами и плачем бить челом воеводам и всему новгородскому воинству; воеводы и все воинство приняли челобитье двинян и сняли с них опалу. А заволоцких воевод, Ивана и Конона, с их дружиной забрали и предали смертной казни; а Ивана, Герасима и Родиона заковали в оковы, как и тех, кто принес на Двинскую землю зло. А у князя Феодора Ростовского забрали присуд и пошлины, что он собрал, а ему самому с его дружиной даровали жизнь. А у купцов великого князя взяли выкуп в триста рублей, им самим даровали жизнь и отпустили. А у своих двинян за их преступление, вину и измену взяли три тысячи рублей и три тысячи коней.

И так вернулись новгородские воеводы в Новгород со всем своим войском с богатством, посадник Тимофей Юрьевич, посадник Юрий Дмитриевич, Василий Борисович Синец, бояре, боярские дети и все новгородское войско. И обрадовались все новгородцы. А изменника двинского воеводу Ивана Никитича, приведя в Новгород, сбросили с моста в Волхов, его брат Анфал сбежал по дороге, а Герасиму и Родиону даровали жизнь и постригли их в чернецы. А когда по дороге сбежал Анфал, погнался за ним Яков Прокофьевич с семьюстами воинами и гнался за ним до Устюга. И в то время в Устюге правили владыка Григорий, архиепископ Ростовский, так как Устюг в то время принадлежал Ростовской епархии, и князь Юрий Андреевич. И сказал новгородский воевода Яков владыке Григорию и князю Юрию, и всем устюжанам: «Стоите ли вы за новгородского беглеца Анфала?» И владыка, и князь, и все устюжане отвечали: «Мы не стоим за Анфала, не будем ему ни в чем помогать, даем в этом великому князю крестное целование».

И Яков поехал за Анфалом, догнал его за Медвежьей горой, где тот со своими друзьями выстроили укрепление и сражались с Яковом под прикрытием этого укрепления. В то время пришли устюжане с войском в две тысячи человек на помощь Анфалу, забыв свое крестное целование

Новгороду, и сражались с Яковом на реке Сухоне у Стрельного порога. И помог Бог новгородскому воеводе Якову и его дружине, было убито среди устюжан и товарищей Анфала четыреста человек, а некоторые утонули в Сухоне.

И Анфал бежал в Устюг, а из новгородских воинов был убит только один человек, и все невредимыми вернулись в Новгород.

В том же году владыка Иоанн, архиепископ Новгородский, построил надвратную каменную церковь святого Воскресения, и сам освятил ее. В том же году Михаил Круп построил каменную церковь святого Николая в конце Чудинцевой улицы.

В том же году великий князь Михаил Александрович Тверской со своим сыном князем Иваном построили каменную церковь святого архистратига Михаила в Новом городке.

В 6907 лето от Адама (1407 лето от Христа)

Владыка Иоанн, архиепископ Новгородский, сказал своим новгородцам: «Заключите мир с великим князем Василием Дмитриевичем и не проливайте христианской крови».

И послали новгородцы послов к великому князю Василию Дмитриевичу в Москву, архимандрита Парфения, посадника Иосифа Захарьича, тысяцкого Ананию Константиновича и житейских людей Григория и Давида, и заключили с великим князем мир, как и было прежде. И дал им великий князь своего брата князя Андрея Дмитриевича, а псковичам дал своего зятя князя Ивана Всеволодовича Тверского.

В ту же осень великий князь Василий Дмитриевич Московский послал в погоню за князем Семеном Дмитриевичем Суздальским, гнались за ним до Казани, но не догнали его.

В том же году был убит князь Роман Юрьевич на Шелоне.

В том же году великая княгиня Софья, жена великого князя Василия Дмитриевича, пробыла со своими детьми 2 недели в Смоленске у своего отца Витовта Кейстutowича и матери, уехала она от своего отца с многими дарами, с иконами, украшенными золотом и серебром, и привезла в Москву часть Страстей Спасовых, по этому поводу радость была в Москве.

В том же году преставилась великая княгиня Мария, жена князя Семена Ивановича, внука Даниила Московского, в монашеском чине, ее имя в иночестве была Фотиния, и похоронена была в Москве в монастыре Спаса.

В том же году преставилась княгиня Мария, жена Лугвения Ольгердовича Волынского, внука Гедиминова, дочь великого князя Дмитрия

Ивановича Донского, привезли ее тело и похоронили в Москве в каменной церкви Рождества Пречистой Богородицы.

В том же году приехал в Новгород князь Андрей Дмитриевич, брат великого князя Василия Дмитриевича, и пробыл в Новгороде от дня святого Владимира до дня Семена летопроводца, ему были оказаны большие почести владыкой и новгородцами, а затем он вернулся в Москву.

В том же году в Новгороде пристроили придел святой мученицы Екатерины и святого Алексия, человека Божья, в каменной церкви Пречистой Богородицы.

В том же году владыка Иоанн, архиепископ Новгородский, вместе с новгородцами построил каменную церковь Честного и Славного Покрова Пречистой Богородицы на Зверинце, и освящал ее сам владыка Иоанн.

В том же году была расписана в Москве каменная церковь святого архистратига Михаила мастером Феофаном Греком.

В том же году было на небе знамение на солнце. В том же году царь Темир-Култуй прислал своих послов к великому князю Литовскому Витовту Кейстутовичу, внуку Гедиминову, говоря: «Выдай мне беглого царя Тохтамыш, он — мой враг, и не могу терпеть, зная, что он жив и живет у тебя. Меняется жизнь: сегодня ты царь, а завтра — беглец, сегодня ты богат, а завтра — нищий, сегодня ты имеешь друзей, а завтра — врагов. Я боюсь своих, а не чужих; царь же Тохтамыш — чужой мне и злой враг. Выдай его мне, а все, что он имеет, возьми себе». Услышал такие слова великий князь Витовт Кейстутович и дал свой ответ послу царя Темир-Кутлуя, говоря: «Я не выдам царя Тохтамыш, а с царем Темир-Кутлуем хочу сам свидеться».

И пошел Витофт со своими князи и со всеми силами Литовскими, а с ним и сам царь Тохтамыш со своим двором, было их войско огромно. И пошли на Татарскую землю к Темир-Кутлюю с похвальбой и гордостью, говоря, похваляясь: «Идем мы, чтобы пленить Татарскую землю, победим царя Темир-Кутлюя, захватим его царство, разделим его богатство и имущество, посадим в Орде на царство царя Тохтамыш, и на Кафе, и на Азове, и в Крыму, и в Астрахани, и в Заяицкой Орде, и во всем Приморье, и в Казани. И все будет принадлежать нам, и царь будет наш, а мы будем владеть не только Литовской землей и Польской, но и Севером, Великим Новгородом и Псковом, и немцами, и всеми великими княжествами Русскими, со всех великих русских князей будем собирать дань и оброк, а они нам покорятся, будут служить нам и исполнять нашу волю, все, что мы захотим и что прикажем им». И с такими словами пошли они завоевывать татар и царя Темир-Кутлуя и зашли далеко в татарское Поле.

И пришли, и стали на берегу реки Ворсклы. А напротив них стал царь Темир-Кутлуй со всей силой татарской, придя им навстречу из-за реки Ворсклы.

И так встретились с Витовтом в чистом поле на реке Ворскле в Татарской земле и начали переговоры между собой. Сказал Витовту царь Темир-Кутлуй: «Зачем ты пришел сражаться со мной? Я твоих земель не завоевывал, ни городов твоих, ни сел». Ответил ему Витовт Кейстутович: «Бог подчинил мне все земли, покорись и ты мне, будь мне сыном, а я тебе — отцом, плати мне каждый год дань и оброк. Если не захочешь так поступить, станешь моим рабом, а я предаю мечу всю твою Орду».

И испугался царь Темир-Кутлуй, послал своих послов к Витовту с челобитьем, с любовью и мольбою, чтобы сжалился Витовт Кейстутович, показал на нем свою милость, взял его в свои сыновья, а дань и оброки получал бы со всей Орды каждый год. Витовт, которого просил об этом царь, согласился. Но, кроме того, захотел Витовт, чтобы во всей Орде на деньгах ордынских был отчеканен знак Витовта. Царь Темир-Кутлуй выпросил у Витовта 3 дня срока для размышлений и отправил к Витовту много скота, волов, овец, оказывая ему почести.

И в то время пришел к царю князь Едыгей. Этот князь Едыгей был известен во всей Орде своим мужеством, смелостью и храбростью; узнал он от своего царя о приходе Витовта и о том, что царь решил покориться Витовту, и сказал царю: «О, царь, лучше будет для нас принять смерть, чем согласиться на такие условия».

И послал своих послов к Витовту, а Витовт стоял на другом берегу реки Ворсклы с обозом кованых железом телег, вооруженный пищалью, пушками и самострелами. Сказал Едыгей: «Встреться со мной, о, добрый удалой Витовт!»

И начали они разговаривать, а между ними была река Ворскла. Сказал Едыгей, великий князь Ордынский, Витовту, великому князю Литовскому: «Правда ли, что ты взял нашего вольного царя Большой Орды в свои сыновья, так как ты стар, а вольный наш царь Великой Орды Темир-Кутлуй еще молод годами. Следует тебе это понимать, так как ты очень мудр и удал, рассуди, если я старше тебя, а ты моложе меня, то подобает мне быть твоим отцом, а тебе стать моим сыном, отдавать мне каждый год дань и оброки со всего твоего княжения, а во всем твоём княжении на деньгах отчеканить мой ордынский знак». Витовт Кейстутович, услышав такие слова, разъярился, закричал и повелел своему войску готовиться к битве.

И страшно было видеть обе силы, готовящиеся к кровопролитию и смерти. Прежде всех выступил со своим войском великий князь Ор-

дынский Едыгей и стал сражаться с Витовтом, стреляли татары и литва из самострелов и пищалей. Но в чистом поле пушки и пищали наносят мало вреда противнику, и хотя и наносили они мало вреда, отважно билась литва, сыпались стрелы, как дождь.

И стала побеждать литва князя Едыгея Ордынского. Но подоспел царь Темир-Кутлуй с великим татарским войском, окружили литву, стали убивать под воинами коней и долго отчаянно бились с ними. И была жестокая битва, и начали побеждать татары.

И победил царь Темир-Кутлуй Витовта и все литовское войско. А царь Тохтамыш, увидев произошедшее, раньше всех кинулся бежать, много воинов было убито, падали они на землю, как колосья во время жатвы, много литовских земель было разграблено.

И захватили татары обоз и телеги, окованные железными цепями, и пушки, и пищали, и самострелы, много богатства, золотые и серебряные сосуды. Витовт Кейстуович, увидев такое зло, обратился в бегство вместе с малой дружиной, татары бросились им вслед и настигли их за пятьсот верст до Киева, и пролилась кровь, как вода.

Царь Темир-Кутлуй пришел сам и встал под городом Киевом, а свое войско отправил завоевывать Литовские земли. И дошло татарское войско даже до великого Луцка, много городов захватило, много стран завоевало и опустошило. Царь Темир-Кутлуй взял с Киева выкуп в 3 тысячи рублей, а с Печерского монастыря — 30 рублей и ушел в свою Ордынскую землю.

А в Литовской стране были тогда скорбь, сетование, великий плач и оскудение народа. Вот имена убитых литовских князей: великий князь Андрей Ольгердович Полоцкий; великий князь Дмитрий Ольгердович Брянский; их двоюродный брат князь Михаил Евнутьевич, внук Гедиминов; князь Иван Дмитриевич Киндырь; князь Андрей, пасынок князя Дмитрия; князь Иван Евлашкович; князь Иван Борисович Киевский; князь Глеб Святославич Смоленский; князь Лев Кориадович; князь Михаил Васильевич и его брат князь Семен Васильевич; князь Михаил Подберезский и его брат князь Александр; князь Дмитрий Даниилович Волынский; князь Феодор Патрикеевич Рыльский; князь Андрей Дрютский; князь Вспытка Краковский; князь Мнот Толунтиевич; князь Иван Юрьевич Бельский; князь Дмитрий Кориадович; князь Ямонт, смоленский наместник — всего было убито 74 знатных князя. А других воевод и знатных бояр, христиан и литвы, и руси, ляхов, немцев было убито великое множество, кто будет в силах их сосчитать? Это произошло месяца августа в 12 день, во вторник в седьмом часу дня.

В том же году в Твери была поновлена соборная церковь Преображения Господня. Первоначально на том месте была соборная церковь Козьмы

и Дамиана, и великая княгиня Тверская Акси́ня, жена князя Ярослава Ярославича, со своим сыном великим князем Михаилом Ярославичем по благословению преосвященного Максима, митрополита Киевского и всея Руси, при боголюбивом епископе Симеоне Тверском освятили ту святую соборную церковь во имя святого Преображения Господня. И с тех пор стояла та церковь 100 лет до обновления при великом князе Михаиле Александровиче Тверском и епископе Арсении Тверском. Служило в ней Господу божественную литургию много тверских епископов: первый — Симеон, при великом князе Михаиле Ярославиче; 2. Андрей, тоже при великом князе Михаиле Ярославиче; 3. Варсонофий, при великом князе Михаиле Ярославиче и его сыновьях Дмитрие и Александре, Константине и Василии; 4. Феодор, при великом князе Константине Михайловиче; 5. Феодор, при великом князе Василии Михайловиче. Этот епископ Феодор поставил на соборной церкви святого Преображения Господня позолоченный крест, также и на приделах той церкви в честь святого мученика Дмитрия и Введения Пречистой Богородицы поставил медные двери и сделал мраморный пол в той соборной церкви Преображения Господня. 6. Василий; 7. Евфимий Вислень, при великом князе Михаиле Александровиче; 8. Арсений чудотворец, который построил обитель Пречистой Богородицы на Желтикове, бывший прежде великим архидьяконом у Киприана, митрополита Киевского и всея Руси, при великом князе Михаиле Александровиче. Великий князь Михаил Александрович с самой юности заботился о церквях Божьих, построил и украсил он много церквей, но наибольшее попечение имел о соборной церкви Преображения Господня, в нее он пожертвовал для украшения много богатства и позолотил ее купол. И видя ее украшенной по Божьей благодати, захотел поновить ее, чтобы стала она такой, какой была прежде, когда была только построена и побелена. И по его повелению каменесы высекли новые плиты и поновили церковь, и побелили ее, и стала она такой, какой была с первого дня своей постройки. Сам великий князь Михаил Александрович в тот год уже болел ногами.

**Древняя повесть о житии великого князя
Михаила Александровича Тверского,
внука Михайлова**

В томже году месяца августа в 26 день преставился великий князь Михаил Александрович Тверской, внук Михайлов, правнук Ярослава, праправнук Ярослава, преправнук Всеволода, потомок прашура Юрия Долгорукого, в иноческом и схимническом чине получивший вместо Михаила имя Матфей, и был дохоронен в соборной церкви Преображения Господня епископом Арсением и всем священным собором

месяца августа 27. Пробыл он на великом княжении Тверском 34 года, а всего прожил 65 лет.

Этот благородный и христоролюбивый великий князь Михаил родился от великого князя Александра Михайловича и матери Анастасии в Пскове. Тогда его отец великий князь Александр Михайлович после убийства Щелкана Дюденивича, племянника Ордынского царя Азбяка, не мог жить в Твери, опасаясь насилия и притеснения от татар, и родился там его сын князь Михаил, в то время как он жил в большой скорби, и крестил его владыка Василий, архиепископ Новгородский, в 6841 лето от Адама (1341 лето от Христа). Прожил же великий князь Александр 13 лет в Пскове и после стал горевать и скорбеть, проливать слезы и горько рыдать, говоря: «Если здесь я приму свою смерть, что будет со мной и моими детьми? Знают все люди, что бросил я свое княжество, и если я приму здесь свою смерть, то мои дети лишатся своего княжения. Лучше бы мне умереть ради Бога, чем так жить». И послал своих бояр к Феогносту, митрополиту Киевскому и всея Руси, прося благословения и молитв у него и всех святителей, так как он собрался идти к царю в Орду. И, получив от митрополита Феогноста и всех русских святителей благословение и обещание молитвы, стал собираться в Орду со своими боярами и слугами и вышел из Пскова в Орду.

И пришел князь к царю Азбяку, и сказал ему: «Господин вольный царь, причинил я много тебе зла, но сейчас пришел к тебе принять или смерть, или жизнь от твоей руки, как вразумит тебя Бог. Ко всему я готов: если по воле Божьей и своего царского величества окажешь мне милость, возблагодарю Бога и твою милость, если же смерти предашь меня, достоин я смерти и вот склоняю свою голову перед тобой». Царь Азбяк удивился сладости его слов и его смирению и сказал своим князьям: «Видите ли вы князя Александра Михайловича Тверского, как он смиренной мудростью избавился от смерти?» И удивились все, оказал царь Азбяк князю почести, вернул ему отчину его, великое княжение Тверское, и отпустил на Русь.

И пришел он в Тверь на великое княжение, а с ним послы, князь Киндяк и Авдул.

И послал в Псков за своей княгиней и детьми. И отпустил своего сына князя Феодора с царскими послами Киндяком и Авдулом к царю Азбяку в Орду, но с великим князем Иваном Данииловичем Московским мира не заключил. Пришел князь Феодор Александрович Тверской в Орду к царю Азбяку, царь же Азбяк разгневался на великого князя Александра Михайловича и на его сына Феодора, так как кто-то их оклеветал перед ним. И послал царь в Тверь, зовя князя Александра к себе, и был он убит в Орде вместе со своим сыном Феодором.

Другому его сыну князю Михаилу было в то время 9 лет, и его отправили в Новгород к его крестному отцу архиепископу Новгородскому Василию учиться грамоте. Тот же поручил его своему протодьякону, богобоязненному и христоролюбивому человеку, чтобы тот обучал его грамоте, всей духовной науке и христианскому закону. Вскоре отрок обучился грамоте, духовной мудрости и закону, находился всегда при церкви, избегал детских игр и развлечений, но всегда прилежно изучал Божественное Писание и внимал беседам мудрых и благих людей. Больше всего получал знаний он у своего пресвятого и духовного отца владыки Василия, ими наслаждался и питал свой ум.

Когда он занял великое княжение Тверское, свою отчину и дедину, тогда по божьей благодати тверские люди много восприняли от него благого, так как он был боголюбивый и человеколюбивый человек. В дни его княжения исчезли разбойники, воры и ябедники, корчемники, мытари и торговые тамги были истреблены, нигде не происходило насилия и грабежей, все пребывали в тишине, кротости, смирении и любви. Этот князь всегда имел на своих устах имя Божие и воссылал славу Богу, любил и почитал иереев и иноков, создавал, украшал и снабжал всем необходимым церкви, опечаленных утешал, людей повсюду собирал.

Города тверские укрепил, врагов своих устранил молитвою и милостью Божьей, а оружием победил. Его именем люди тверские похвалялись, нищих он миловал и кормил, обижаемых защищал, больных посещал, голодных кормил, жаждущих поил, нагих одевал, суров бывал к злым, а к добрым же милостив и тих был.

Духовные беседы любил, сквернословие и срамословие ненавидел, читал божественные писания и этим наслаждался, этому внимал и читающих слушал прилежно, со вниманием. Ратному делу был хорошо обучен и в этом был искусен. Был он мужественен, крепок и страшен супостатам. Отчину свою крепко охранял и для всех был как отец чадолюбивый. Больше же всего почитал и любил святителя, как самого Христа, а священников и иноков более князей почитал. Так же был милостив и к иноческому чину, многожды любезно со слезами целовал их, с крепким желанием сердца радуясь, как ангелам Божиим; и к священникам, которых он называл князьями церковными, говоря, что они слуги Божий и честнее нас. Особенно несказанное благонравие показал и к Богу великую веру снискал, добрый образ оставил всем князьям, желающим властвовать на земле. Поэтому Господь Бог возлюбил его и много благ даровал ему, и славою и честью увенчал его, и в разных странах прославил его. Сам Господь сказал: «Прославляющего Меня — прославлю». Этим Господь сделал его примером для многих народов.

И со всех сторон стали приходить к нему, и сыновья чужие работали на него, потому что он Бога возлюбил, и Бог его возлюбил: «Аз бо, рече, любящая Мя люблю. Ищущии Мене обрящють благодать». На 34 году державы его великого княжения обновили соборную церковь Преображения Господня.

И вернулись к нему из Константинополя тверичи: Данила, протопоп соборной церкви святого Михаила, и Колоян, которые два года назад были посланы князем Михаилом Тверским в Царьград к патриарху и к царю с милостыней для соборной церкви святой Софии. Такой обычай был у него — часто посылать милостыню в соборную церковь святой Софии и патриарху. Царь и патриарх приняли их с почетом и отпустили. Патриарх прислал к нему посла своего архимандрита Германа с благословением и икону Страшный суд с мощами святых, и дорогое миро честное. И, когда они приблизились к городу, благоверный повелел, чтобы они не входили в город. К вечеру, наполнившись духовной радости, ибо всей душой жаждал принять благословение и молитвы от святого патриарха, чтобы, получив молитвы святого, отправиться в добрый путь, восприняв доброе и неизреченное — в иноческую жизнь, чтобы принять святой ангельский иноческий образ. К этому он стремился и желал уже много лет горячим сердцем, завидуя иноческому житию. Как будто ангелы божий встретили с любовью инока, он начал думать не о тленном, а о нетленном, и не о кратковременном, а о вечном, рассуждая так: «Если сподобит меня Бог встретить и увидеть животворную икону, принесенную от святого места, и принять благословение от праведного патриарха и от вселенского собора, то жив Господь Бог мой! И тогда я уже не вернусь в дом мой, но да будет он мне проводником в вечный путь». Всю ночь провел без сна, молясь Господу со слезами, говоря так: «Господи, по премной Твоей милости, удостой меня завтра принять иноческое житие святого ангельского образа и причти, Владыка мой, меня, недостойного, к святому избранному стаду Твоему, так как мне весьма дороги друзья Твои, Боже, и вместе с ними и я воспою силу Твою!» Наутро, во вторник, пришли к нему благородные сыны его, прочие же — князья и бояре, и все люди хотели придти к нему с обычными вопросами, касающимися городского управления. Но он уже не велел никому входить к нему, повелев и своим сыновьям удалиться. Призывает к себе блаженного епископа Арсения, и с ним наедине много побеседовав, сказал так: «Видишь, отче, как меня, недостойного, человеколюбивый Бог, даровавший мне много лет мирной жизни, одарил меня здоровьем, и много дней я провел, никому не делая вреда, к тому же и славою среди людей был почтен, и богатством наполнен, но при всем том боюсь того благого моего безсмертного дародавца, когда он захочет меня спросить о долге. Я же, как ленивый раб, который не ждет господина своего, и погубил все, порученное ему. Ныне же, чест-

ный отче, моли Господа Бога, чтобы сподобил меня сегодня постричься в иноческое житие от честной той руки. И еще: помоги мне, отче, святыми твоими молитвами, чтобы никакие тленные и мирские красоты не ослабили меня».

Блаженный епископ Арсений, видя мужа, возгоревшегося божественным огнем на любовь Христову, духом горящего, начал прилагать в добродетельное сердце его Божественное писание, радуясь, что появится еще один всесильный воин Христов, который еще крепче может отринуть славу мира сего и презреть почести сего суетного кратковременного царства. Долго беседовали князь и епископ. И напоследок он сказал: «Великий и благочестивый отче, твоими молитвами по милости Своей, как Он захочет, так и сотворит. А я уповаю на Него. Ты же, человече, сделай так, чтобы сыновья мои и княгини не печалились обо мне. Сегодня же повели всему святому собору, пусть соберутся к тебе архимандриты и игумены, и все прочие для встречи святой иконы».

И, как только вышел епископ от благородного великого князя Михаила Александровича, то повелел посланникам, присланным патриархом, чтобы входили с честной иконой в город.

Посланники пошли в город, неся честные и бесценные сокровища. Епископ же со всем собором и множеством народа вышли со свечами и кадилами для встречи честной иконы, ликуя и воспевая Господа. Вышел и сам благоразумный великий князь Михаил Александрович, с великим трудом встав с ложа. И встретил ее на своем дворе, у церкви святого Михаила. И когда с почестями встретил святую икону и увидел ее, возрадовался духом, и сердце его возвеселилось. И с радостными слезами сотворил поклоны, со страхом и верой перекрестившись перед ней, благодарил Господа Бога, говоря так: «Слез моих не утай, Боже, ибо я переселенец к Тебе и пришелец. Как и все отцы мои слаб я, и у Тебя только отдохну, когда отойду, и уже здесь не будет меня. Но сейчас воздам Тебе, Господи, за многое Твое ко мне человеколюбие, за то, что сподобил меня получить конечное благословение от святого патриарха и от великого собора, и удостоил увидеть Страшный Твой суд, который изображен на святой сей иконе! О, слава Тебе, слава Тебе, премногий в милости, человеколюбивый Боже, что для такого грешного и недостойного, по безмерной Твоей милости исполнил желание сердца моего! Да слава Тебе, благой Боже, слава Тебе!»

Посланники же отдали ему грамоту от преподобного патриарха и от всего святого собора — мир и благословение, и в ней было ему разрешение. Епископ повелел нести ту честную икону всему собору в соборную церковь святого Спаса, и поставили ее, и отпели благодарственные песни Господу Богу, и потом понесли ее перед ним. Сам же он, радуясь,

шел вслед за ней, и с частыми воздыханиями сердца и с обильными слезами молился, и благодарил Господа Бога, что удостоился видеть эту святую икону, на которой был написан Страшный суд, и которая была прислана от святого патриарха и Вселенского собора, что было написано в грамоте, и ему было даровано благословение. И получив желаемое, как говорил Давид, обрадовался, как будто обрел большую добычу и богатство. И поставили честную икону вблизи святого алтаря на правой стороне. Епископ же и весь собор в праздничных ризах воздали благодарственные песни, молясь Господу Богу и Пречистой Его матери, и в тот же день устроили честной праздник.

И по окончании литургии он позвал к себе на обед епископа своего Арсения и с ним архимандритов и игуменов, попов и дьяконов, и весь причт церковный, и некоторых из монашеского чина, а также посланников святого патриарха, и устроил честной обед, угощение великое епископу и всему собору. И сам заставил себя сесть с ними на обеде, хотя уже весьма изнемогал и просил поддерживать себя. Также повелел приготовить и другую трапезу для нищих, убогих, хромых, слепых и бедных и до изобилия накормить их, и повелел раздать милостыню им.

После обеда, испив вместе со всеми присутствующими на обеде, начал прощаться и у всех просить прощения, каждому из своих рук подавая чашу и поцеловав, говорил: «Прости меня и благослови». Они же все не могли удержаться и от жалости плакали. И так всех по порядку поцеловав, простился со всеми от мала до велика и отпустил их. Они с плачем ушли.

Напоследок он поцеловал детей своих, бояр, слуг и всех своих, поучая детей своих, сказал: «Чада мои! Имейте в обычае своем благую любовь к Богу, милостыню раздавайте, правду любите, целомудрия и братолюбия держитесь». И завещал им брату брата любить и чтить, а не обижать, а старшего брата им всем слушать. Боярам же своим сказал: «А вы, братья, напоминайте моим детям, чтобы в любви жили, как я указал им». И выделил им каждому часть от своей отчины: сыну, князю Ивану, и его детям — Александру и Ивану — Тверь, Новый городок, Зубцов, Радилов, Вбрань, Опоки, Вертязин. А князю Василию и Борису, и сыну его Ивану — Кашин, Коснятин. А сыну Феодору — два городка Микулины с волостями, и написал грамоту духовную, по которой им княжить и жить, не преступая моего слова и грамоты духовной.

И, встав, пошел в соборную церковь святого Спаса, и помолился перед образом Спаса и Пречистой Богородицы, и перед другими святыми. И потом начал класть поклоны у гробов великих князей: деда своего князя Михаила Ярославича и отца своего Александра Михайловича. Подошел к столпу, где на правой стороне изображены Авраам, Исаак, Иаков и под этим местом указал себя положить.

И вот уже оставляет княжение, и выходит из церкви красными воротами. Собралось множество народа, безчисленное количество людей! Он, встав на высокой ступени перед церковью, поклонился всем людям, просил у них прощения и сказал им так: «Братия моя, дружина добрая, сыновья тверские! Доселе я повелевал вами, ныне же простите меня, оставляю я вам любимого старшего сына моего Ивана, да будет вам князем вместо меня. Вы же любите его, как и меня, и он будет заботиться о вас, как и я». Люди, слышавшие его, стали плакать, горько рыдая и говоря: «Зачем уходишь от нас и куда грядешь? О, тверская великая свобода и честная слава сынов тверских, великий страж Тверского града, который всегда стерег нас, как орел гнездо свое, и тобою сыновья тверские в других странах были в чести и не смели обижать нас!» И стоял плач великий среди людей. Он же смиренно всем поклонился, дав прощальное напутствие. И после этого взгляд его потух, светлость лица переменилась на бледность от великого утомления и от тяжелой болезни.

Он спустился по церковным ступеням. Сыновья и бояре думали, что он на свой двор идет, он же, показав рукой, повелел вести себя в монастырь святого Афанасия. Княгиня же его Евдокия с прочими княгинями и снохами своими, а также сыновья и внучата, бояре и все люди, услышав это от него, устроили великий плач. А он так и пошел в лавру святого Афанасия. Они все провожали его с плачем. О, умиленное зрелище, слез достойное! Кто не удивится этому! И как не проливать слезы, видя, как великий князь, который во всех странах славен был, и кого страшились враги, такое славное княжение оставляет и смиренно, своими ногами уходит в монастырь, и умильно просит у епископа пострижения. Преподобный же епископ Арсений, со слезами благодаря Господа Бога, постригает его и облачает в святой ангельский иноческий образ, нарекая его именем Матфей. Люди же говорили: «Воистину Господь не лишает радушных кротости» и — «Это очи Господни на боящихся Его», а также «Благословен Бог, сотворивший волю боящихся Его».

Добрый же душой Матфей уже без власти приходит к брату иноку Григорию и смиренно просит у него разрешения поселиться в его келье, давая мзду во имя премудрого создателя Господа Бога, который устраивает все человеколюбиво. Потом он начал болеть. Благородные сыны его сидели все время подле него.

Крепкий Матфей на 4 день призывает епископа и говорит, что хочет принять схиму. Епископ же, духовно радуясь, и постригает его в схиму, и святым маслом много дней умащивает его, и причащает его пречистыми Христовыми тайнами.

По Божьей благодати болезнь его не была очень тяжелой, так что все он делал сидя. Он велел, чтобы приходили к нему со всего города игумены

и попы, и своими руками подавал им много серебра для сорокоуста, и повелел свое имя вписать в поминание. Они же на его глазах, так что он видел, написали его имя — Матфей. И так по божьей благодати он пребывал в святом ангельском иноческом образе 8 дней.

И в конце восьмого дня, во вторник вечером, когда благородные сыновья его сидели около него, он благословил всех и отпустил их.

Оставил только архимандрита Корнилия и священноинока Парфения и им повелел петь канон на исход души. И когда кончился канон, настал час, он простер ноги, которые унесли его от славы мира сего, тихо и кротко преставился блаженный Матфей и в добром исповедании отошел к Господу Богу, которого возлюбил. По вере же его случилось так, что там в это время оказались преподобные иноки Святой горы Савва и Спиридон, мужи духовные. Они убрали тело блаженного по обычаю лаврскому, который видели в Святой Горе. Преставился же он в монастыре святого Афанасия во вторник поздно вечером. И в тот же час стало известно всему городу о его преставлении, и плакали о нем люди во всех домах, и было смятение в городе той ночью из-за этой печали. Наутро в среду на рассвете стали стекаться люди со всего города, мужи и жены, рабы и убогие, и чада немощные; влачили старые и больные, говоря: «Отдадим последнюю почесть доброму защитнику нашему».

Блаженный же епископ Арсений собрал весь собор. И сошлись со всего города архимандриты и игумены, попы и дьяконы, зажгли свечи и кадила и в светлых ризах пришли к одру блаженного и благородного Матфея.

Епископ повелел, чтобы было положено его честное тело в великой соборной церкви святого Спаса вместе с отцами своими, где сам повелел положить себя, когда еще был жив. Много плакали о нем благородные его сыновья. Кто может описать умильные рыдания и слезы любимого старшего сына его, благородного Ивана, который, рыдая говорил: «Отче, отче мой, господин сладкий и любезнейший, дорогой свет очей моих, благой наставник и руководитель юности моей! Я всегда радовался, глядя на красоту лица твоего, которое подобно ангелу Божию. Ныне же кто утешит плачевную скорбь сердца моего, когда разлучили меня со сладкой и неистощимой любовью твоей? И уже не увижу я более ни доброго и любимого лица твоего, ни честных благородных седин твоих, не насыщусь более прекрасными беседами с тобой, не услышу тихого поучения и доброго голоса твоего». И многое другое говорил он, рыдая, с печалью в сердце. Когда понесли благородные князья тело блаженного любезнейшего отца его, собралось бесчисленное количество народа, мужей, жен и детей, и началась давка, потому что каждый хотел видеть ложе любимого господина, и с болью в сердце восклицали, испуская жалостные слезы,

плакали о том, что разлучаются со сладкой любовью к ним господина своего. Многие гости, бывшие тут из других стран, также плакали, видя столь непостижимый плач народа, говоря друг другу: «Смотрите, сколь любезен он городу сему!» И еще говорили: «Благословен, воистину, город Тверь, который такое украшение многие годы перед очами имел!» Епископ и весь собор в светлых ризах со свечами и с кадилами со всеми почестями провожали его.

Принесли и поставили в соборной церкви на ложе тело его, и не было слышно пения из-за сильного плача. Так, с обильными слезами пропели над ними надгробные песни, отдав конечное целование, и по обычаю благословив, и дав ему отпущение грехов, погребли в великой соборной церкви святого Спаса на правой стороне. Благородный же сын его Иван, видя такую неизменную любовь людей к отцу его, со слезами молил Господа Бога, чтобы дал ему сил следовать по стопам отца и просил суда и исправления. Смиренными и кроткими словами спокойно он дал утешение всем людям тверским, и успокоились сыны тверские. Покорил он сердца всех сладкой любовью к благородному и полюбился всем за его благонравие.

В 6908 лето от Адама (1408 лето от Христа)

Было солнечное знамение на небесах. Той же осенью князь Иван Михайлович, внук Александров, послал в Орду к Темир-Кутлую послов своих Феодора Гусленя, да Константина, сообщая ему о преставлении отца своего и прося, чтобы пожаловал его своею наследственной отчиной, а его улусом — великим княжением Тверским.

Но в этом же году умер в Орде царь Тумир-Кутлуй, и после него сел на царство Большой Волжской Орды Шадибек.

Послы князя Ивана Михайловича Тверского пришли в Орду и отдали дары от князя Ивана Михайловича Тверского царю Шадибеку, царицам его и князьям его. Он же отдал свой улус — великое княжение Тверское — князю Ивану Михайловичу по праву наследования.

И вышли из Орды от царя Шадибека с почетом Феодор Гуслень да Константин и с ними посол Сафряк, и принесли ярлык на великое княжение Тверское князю Ивану Михайловичу по отчине и по дедине его.

Той же осенью князь Иван Всеволодович Тверской договорился с великим князем Иваном Михайловичем Тверским и пришли в Тверь с княгинями своими и с боярами, и заключили мирный договор между собой.

Но в том году тверские князья мало находились в мире и спокойствии между собой. По Божьему попущению за грехи человеческие и дьявольскому наущению задумал великий князь обидеть своих братьев

и повелел своим боярам нарушить крестное целование и разорвать договор со своими братьями: с князем Василием Михайловичем, с князем Феодором Михайловичем и с князем Иваном Борисовичем. Князь Василий Михайлович пришел к своей матери, к великой княгине Авдотье, и сказал ей, что «бояре брата нашего крестное целование сложили. А отец наш завещал, чтобы он был добр к нам». И мать их великая княгиня Авдотья послала своих бояр к ее сыну князю Ивану Михайловичу, а дети ее: князь Василий Михайлович, князь Феодор Михайлович и внук ее Иван Борисович послали своих бояр с такими словами: «Господин великий князь, против воли отца нашего великого князя Михаила Александровича твои бояре крестное целование сложили, и ты бы, господин великий князь, велел бы своим боярам сохранять крестное целование и следовать завещанию отца нашего». Князь великий Иван Михайлович отвечал им так: «Бояре наши сложили крестное целование по моему слову».

И после этого великий князь Иван Михайлович начал враждовать с матерью своей Евдокией и со своими братьями Василием и Феодором, и со своим племянником князем Иваном Борисовичем, держа против них неприязнь. Княгиня же Борисова, родом из Смоленска, взяла сына своего, а боярин ее Воронец, как древний Брут, пришел к великому князю Ивану Михайловичу и бил ему челом, говоря: «Мы, господин, не посылали к тебе своих бояр». И с тех пор великий князь против своих братьев стал держать великую неприязнь, а лести этих лукавых возлюбил.

В том же году приехал князь Василий Михайлович на годовщину смерти своего отца в Кашин, в свою отчину. В том же году владыка новгородский Иван заложил детинец в городе.

В том же году в Новгороде была расписана церковь святого Воскресения Христова при входе повелением владыки Новгородского Ивана.

В том же году новгородцы послали посла своего Климентия Васильевича в Литву к Витовту Кестутьевичу о заключении мира и подписали мир по старине.

В том же году в пределах Червленого яра и в караулах возле Хопра по Дону великий князь Олег Иванович с пронскими князьями и с муромскими, и козельскими перебили множество татар, захватили царевича Мамат-Салтана и иных князей ордынских поймали.

В том же году сторонники великого князя Юрия Святославича Смоленского скорбели о нем, желая его видеть у себя на великом княжении Смоленском. И тайно послали к нему в Рязань, потому что он тогда жил у тестя своего в Рязани, а Смоленском владел Витовт. Но одни хотели Витовта, а другие хотели исконного господина своего по праву наследования великого князя Юрия Святославича. И пришли тайно в Рязань,

и рассказали обо всем господину своему великому князю Юрию Святославичу Смоленскому. Он же пошел и рассказал тестю своему великому князю Олегу Ивановичу Рязанскому, говоря: «Пришли ко мне из Смоленска мои смоляне, тайно посланные от неких моих доброхотов, рассказавшие мне, что хотят меня видеть на столе отцов и дедов моих. По-христиански помоги мне и посади меня по наследственному праву на великом княжении Смоленском». И говорил все это с великим рыданием и плачем, и слезы лились, как из источника.

В 6909 лето от Адама (1409 лето от Христа)

Великий князь Василий Дмитриевич Московский и великий князь Иван Михайлович Тверской, и великий князь Витовт Кестутевич Литовский договорились о мире и любви между собой.

Той же осенью великий князь Иван Михайлович Тверской отнял у брата своего, у князя Василия Михайловича Кашинского, озеро Лукое и Вход в Иерусалим и отдал племяннику своему князю Ивану Борисовичу. Князь Василий Михайлович Кашинский послал к нему Тверского владыку Арсения, отца всех их, прося общего суда. Великий князь Иван Михайлович ответил: «Суда тебе не дам». И князь Василий Михайлович вернулся в свою отчину в Кашин.

И родился у него сын от его жены княгини Анастасии, и приехала к нему в Кашин его мать великая княгиня Авдотья, жена князя Михаила.

А из Сергиева монастыря приехал к нему преподобный игумен Никон, обрадовался он приезду своей матери, рождению своего сына и преподобному игумену Никону. И крестили его великая княгиня Авдотья и игумен Никон, нарекли ему имя в святом крещении Дмитрий.

В том же году были обретены Страсти Господа нашего Иисуса Христа, которые некогда принес боголюбивый епископ Дионисий Суздальский из Царьграда, получив их там с большой верою и любовью и с большим трудом принеся их на Русь. Потом в течение некоторого времени они находились в городе Суздале, в каменной стене церкви были скрыты. В ту же весну были обретены Там, и перенесли их в Москву, встретил их с почестями, с крестами весь священнический чин и весь город.

В том же году на царя Турского Баозита, уже 7 лет стоящего с войском под Царьградом, двинулся с войском царь Темир-Аксак, который сам хотел завоевать Царьград.

Царь Баозит Турский, услышав об этом, отступил от Царьграда и пошел с войском на царя Темир-Аксака.

И когда сблизились два войска, сошлись они, и началась между ними жестокая битва, было убито множество воинов с обеих сторон, но одолел Темир-Аксак турок, многих убил, а многих из них пленил. Самого царя

Турского Баозита в том бою убили, а его сын бежал с малой дружиной. И послал он к цареградскому царю предложение любви и мира, так как его отец царь Баозит ранее пленил греческие города, а он отказался от них и заключил мир с греками через море.

А царь Темир-Аксак захотел пойти с войском на Царьград, возгордился он, так как умножилась численность его войска, выступил он против царя Дигмана и пленил его землю.

А царя Дигмана привели к нему. Сильно заболел потом царь Темир-Аксак, стал править вместо него его сын, а Царьград и всех христиан Господь избавил своей милостью от нечестивых.

В том же году владыка Иоанн, архиепископ Новгородский, пришел из Новгорода в Москву к Киприану, митрополиту Киевскому и всея Руси, так как был позван для совета о святительских делах, и пробыл у митрополита Киприана в поучениях и смирении, чтобы не только он научился смиренно мыслить и поступать, но для других была польза не от гордости, так как не в покорности польза и спасение бывает, но в умилении и смирении.

В том же году был в Москве собор месяца июля при преосвященном Киприане, митрополите Киевском и всея Руси. На соборе присутствовало 9 владык: архиепископ Великого Новгорода Иван черниговский Исаакий; архиепископ Ростовский Григорий; Нафанаил, епископ Суздальский; Евфросин, епископ Рязанский; Арсений, епископ Тверской; Феогност, епископ Сарский и Подонский; Григорий, епископ Коломенский; Савва, епископ Луцкий. На том священном соборе отказались от своего епископства архиепископ Новгородский Иоанн и епископ Луцкий Савва. И повелел им преосвященный Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, не уезжать из Москвы, так как преосвященный Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, назначил им тяжбу по поводу некоторых святительских дел, чтобы не только они обрели для себя пользу и спасение, но и для других это послужило бы на пользу и спасение. Ничто так не разрушает сети дьявола, как покорность и смирение.

В том же году князь Иван, сын Владимиров, внук Андреев, правнук Иванов, праправнук Даниила Московского, женился на дочери князя Феодора Олеговича Рязанского Василисе.

В том же году великий князь Олег Иванович Рязанский вместе со своим зятем Юрием Святославичем Смоленским и со своими братьями, пронским, муромским и козельским князьями, пошел с войском к Смоленску, выбрав подходящее время, так как тогда Витовт Кейстутович потерял много воинов во время битвы с Темир-Кутлуем в Татарской земле на реке Ворсколе, по этому поводу была большая скорбь и потеря людей в Литве, началась смута в Смоленске, одни хотели Витовта на княжение, а другие — своего вотчича великого князя Юрия Святославича.

И, когда они подошли к Смоленску, послал в город великий князь Олег Иванович посла, говоря: «Если вы не откроете городских ворот и не примите вашего господина великого князя Юрия Святославича Смоленского на его отчину, на великое княжение Смоленское, то будем долго стоять под стенами города, а всех вас предадим мечу и огню. Решите сами, что вы выбираете, смерть или жизнь».

Мнения народа разделились, одни радовались своему господину великому князю Юрию Святославичу, другие же ненавидели его. Он же, войдя в Смоленск месяца августа, убил ляхов, воевод Витовта. Тогда в городе правил наместник и воевода Витовта князь Роман Михайлович Брянский, князь и его убил, убил брянских и смоленских бояр, которые выступали против него, а княгиню, жену князя Романа, и его детей отпустил.

И так князь Юрий Святославич Смоленский сел на великом княжении Смоленском в своей отчине и дедине.

А великий князь Олег Иванович Рязанский с остальными князьями и с войском пошли в Литву, сражались там и возвратились с большим количеством пленных.

В том же году был заключен мир и соглашение между новгородцами и великим князем Василием Дмитриевичем, а Анфал Никитич с Герасимом Расстригой с войском великого князя Василия Дмитриевича отправились за Волок на Двину, на Петров день участвовали в битве, захватили пленных, церкви пограбили и монастыри, многих христиан убили, а иных повесили на деревьях.

А двинских посадников Андрея Ивановича, Осипа Филипповича, Наума Ивановича, Дмитрия Ростиславича пленили и увели со многими другими захваченными в плен.

Тогда новгородские воеводы Степан Иванович, его брат Михаил, Никита Головня, собрав важан, догнали Анфала и Герасима Расстригу, сразились с ними в Холмогорах и отбили у них своих новгородских бояр: Андрея, Осипа, Наума, Дмитрия.

А в тоже время великий князь Василий Дмитриевич послал своих бояр с войском в триста человек на Торжок Александров.

И пленили Семена Васильевича, сына посадника, и Михаила Феофановича, взяли их жизни, церкви разграбили, людей посекли, много зла совершили и вернулись обратно.

В том же году месяца августа ночью накануне Успения Пречистой Богородицы от полуночи до рассвета видны были столбы кровавые на концах, страшно было это видеть.

В 6910 лето от Адама (1410 лето от Христа)

В сентябре князь великий Василий Дмитриевич послал своих воевод Ивана Андреевича Уду, Феодора Глебовича вместе со своим войском на поиски князя Семена Дмитриевича Суздальского, чтобы нашли или его самого, или его княгиню, или его детей, или его бояр, скрывавшихся в землях татар.

И пришли в мордву, нашли княгиню Александру, жену князя Семена Дмитриевича, в Татарской земле в месте, называемом Цыбирце, в церкви святого Николая, построил эту церковь бесерменин Хази-баба, и пленили там княгиню Александру, жену Семена Дмитриевича. И, ограбив ее, привезли в Москву вместе с детьми.

И пробыва она в заключении на дворе Белеутове, пока князь Семен Дмитриевич не покорился великому князю Василию Дмитриевичу, так как тогда он скрывался в ордынских землях от великого князя Василия Дмитриевича Московского, но, услышав, что его княгиню с детьми пленили, что казна его захвачена, послал с челобитьем к великому князю, покорился ему с умилением и смирением, прося охранной грамоты.

Князь великий Василий Дмитриевич Московский дал ему охранную грамоту, и тот пришел из Орды в Москву, и заключил мир с великим князем. И пошел из Москвы в Вятку с княгиней и детьми, будучи уже болен.

И пробыл в Вятке 5 месяцев и, еще больше разболевшись, преставился месяца декабря в 21 день. Этот князь Семен Дмитриевич Суздальский и Нижнего Новгорода пережил много напастей и бед в Орде и на Руси, трудился, стремясь получить свою отчину, и 8 лет без устали служил в Орде четырем царям: первому — Тохтамышу, второму — Темир-Аксаку, третьему — Темир-Кутлую, четвертому — Шадибеку, все время воевал с великим князем Василием Дмитриевичем Московским, желая вернуть свою отчину, княжение в Нижнем Новгороде и Суздале и Городце. Ради этого много потрудился, претерпел много напастей и бед, не имел своего пристанища, не находил опоры под ногами, но ничего не добился, так как напрасно трудился, суетно спасение человека, так как Богу все возможно, а человеку — ничего.

В ту же осень великий князь Витовт Кейстутович Литовский выступил с войском к Смоленску против великого князя Юрия Святославича Смоленского, простоял под Смоленском много дней, но не взял его. И, заключив перемирие, возвратился назад, а в Смоленске началась смута, и много смутьянов было убито. Тогда и мор был в Смоленске среди людей.

В ту же осень месяца октября 29 дня потемнело солнце, и опустилась тьма, потом солнце вновь появилось на небе, испуская кровавые лучи с

дымом. В ту же осень пришли набегом татары на рязанские окраины, причинили много вреда и вернулись восвояси.

Знамение

В ту же зиму в Великий Пост месяца марта явилось знамение на западе во время заката: огромная звезда, на верху которой сиял луч, обходила землю, видели ее в течение двадцати дней восходящей на востоке и сияющей вечером на западе. Это знамение означало, что восстанут народы друг против друга: турки, ляхи, угры, немцы, литва, чехи, орда, греки, русы, и многие другие страны и земли будут охвачены смутой и будут воевать друг с другом, кроме того, начались моры. В ту же зиму месяца марта преставился князь Иван Всеволодович Тверской в чернецах и схиме в понедельник Светлой недели во время литургии, похоронен был в городе Твери, а свое княжество завещал сыну великого князя князю Александру Ивановичу. В том же году месяца мая в 6 день преставился Михаил, владыка Смоленский, и похоронен был у церкви Троицы в Сергиевом монастыре.

В том же году князь Родослав Олегович Рязанский пошел с войском на Брянск, встретили его литовские князья: князь Семен Лугвений Ольгердович и князь Александр Патрикеевич Стародубский, князь Буйное Иванович, был жестокий бой у Любутска, победили литовцы, побили рязанцев, многих посекали, а самого князя Родослава Олеговича пленили. И привели его к Витовту Кейстутовичу, пробыл он в заточении и большой нужде 3 года.

Потом взял за него Витовт Кейстутович выкуп в 3000 рублей и отпустил в Рязань.

В том же году месяца июля в 5 день преставился великий князь Олег Иванович Рязанский в иноках и схиме, названный в святом крещении Иаков, а в монашестве Иоаким, похоронен был в своей отчине и дедине в Рязани за рекой Окой в монастыре, называемом Солотча.

И пошел его сын князь Феодор в Орду к царю Шадибеку с дарами сообщить о смерти своего отца Олега Ивановича. И наградил его царь, дал ему его отчину и дедину, великое княжение Рязанское, свой улус и отпустил его.

Он, придя из Орды в свою землю, сел на своей отчине и дедине, на великом княжении Рязанском.

РУСЬ (1411–1432 гг. от В.Х.).

Книга 12

В 6911 лето от Адама (1411 лето от Христа)

Преставился Савва, епископ Сарьский.

В том же году великий князь Витовт Кейстутович послал князя Лугвения с войском к Вязьме.

Он, придя, захватил Вязьму, а князя Ивана Святославича пленил вместе с князем Александром Михайловичем и привел их к Витовту.

В том же году князь Андрей Дмитриевич женился в Москве на дочери князя Александра Патрикеевича Аграфене.

В том же году в Твери великим князем Иваном Михайловичем Тверским был заложен городок на Опоках. В том же году был и построен.

В ту же осень месяца октября в 10 день было во втором часу ночи знамение на небе в виде огромного огненного копья, и повторилось это явление трижды. В ту же зиму месяца декабря призвал к себе в Москву Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, Арсения, владыку Тверского.

В том же году в Твери за один год была построена каменная церковь святого Николая на Городке великим князем Иваном Михайловичем Тверским, а была освящена Тверским епископом Арсением.

В том же году великий князь Иван Михайлович Тверской пошел с войском на Кашин на своего брата князя Василия Михайловича Кашинского, затем сам вернулся.

И послал своего сына князя Александра со всем войском к Кашину. А князь Василий Михайлович Кашинский бежал в Москву.

А великий князь Василий Дмитриевич Московский примирил их.

В том же году великий князь Василий Дмитриевич повелел построить город Переяславль. В том же году преставился князь Василий Дмитриевич Городецкий.

В том же году было знамение на солнце: появились на небе три солнца, от них исходили синие, багровые и зеленые лучи в виде дуги. В тот

же день было знамение на луне: вечером при восходе луны на луне явился огромный крест, и это явление продолжалось полчаса. В том же году был отлит в Твери колокол для соборной церкви святого Преображения Господня великим князем Иваном Михайловичем Тверским.

В том же году по Божьей милости заключили братья между собой мир: великий князь Иван Михайлович Тверской со своим братом князем Василием Михайловичем Кашинским и скрепили его крестным целованием, а враги их были посрамлены. В том же году великий князь Иван Михайлович Тверской женил своего сына Ивана, а венчал его в Твери епископ Арсений.

В том же году новгородцы заключили мир с великим князем Юрием Святославичем Смоленским.

В том же году отпустил великий князь Василий Дмитриевич Семена и Михаила в Новгород.

В том же году в Великом Новгороде построили каменную церковь святой великомученицы Варвары, а новгородский посадник Кирилл Андреевич построил каменную церковь трех отроков с приделом святого архистратига Михаила на Прусской улице и деревянную церковь Пресвятой Троицы на Видогоще в общежительном монастыре в Великом Новгороде. В ту же зиму в Великом Новгороде ездили через реку Волхов по льду от Лукина дня до месяца марта. В ту же весну была засуха, воды было очень мало, все рвы пересохли.

В том же году в Великом Новгороде расписана была церковь Пречистой Богородицы на Лисьей горе. В том же году новгородские купцы построили каменную церковь святых мучеников Бориса и Глеба в Русе.

В 6912 лето от Адама (1412 лет от Христа)

Князь великий Литовский Витовт Кейстутович, внук Гедиминов, вместе с Ольгердовичами — с Корибутом, Лугвением, Свидригайло и со всем литовским войском пришел к Смоленску.

И в то время князь Александр Иванович Тверской пошел к Витовту и настиг Витовта под Смоленском.

И великий князь Юрий Святославич Смоленский закрылся в городе со своими смолянами и отважно сражался.

Витовт простоял там всю весну, прилагая много усилий, стреляя из пушек, но не смог выстоять, так как хорошо был укреплен Смоленск. Простоял Витовт 7 недель и ушел восвояси, не причинив городу вреда, но опустошив окрестности Смоленска.

И в том же году великий князь Юрий Святославич Смоленский пошел из Смоленска в Москву к великому князю Василию Дмитриевичу,

чтобы получить от него охранную грамоту, а свою княгиню и бояр оставил в Смоленске, сам же с небольшой свитой приехал к великому князю Василию Дмитриевичу в Москву, прося у него помощи, чтобы защитил его от князя Витовта, своего тестя, говоря: «Тебе, господин, можно все, так как он тебе — тесть, а ты ему — зять, и любовь между вами. Примири нас с Витовтом, чтобы не обидел он меня. Если же не прислушается к моим слезам и твоему совету, помоги мне, бедному, не отдай меня ему на съедение, воздаст тебе за это Господь Бог и в этом веке, и в будущем. Если же не согласен ты на это, возьми себе мой город, пусть ты им будешь владеть, а не нечестивая Литва». Великий князь Василий Дмитриевич, зная злой нрав Витовта, не вступился за князя Юрия Святославича Смоленского, так как пребывал в мире и любви со своим тестем Витовтом по договору и крестному целованию.

Князь Юрий Святославич Смоленский был еще в Москве, а изменники — смоленские бояре устроили заговор, послали тайно к Витовту, говоря: «Приходи скорей, пока не вернулся из Москвы великий князь Юрий Святославич Смоленский с большим войском твоего московского зятя Василия Дмитриевича. Пошёл он к нему просить помощи, и доходят до нас вести, что не только московское войско он получит, но и от многих других земель получит помощь и готовится выступить против тебя. Подумай, что будет тогда с тобой, поэтому поспеши к нам, мы откроем тебе городские ворота, так как любим тебя и хотим видеть тебя владеющим великим княжением Литовским и всеми нами». Витовт, услышав такие слова, очень обрадовался.

И, собрав войско, вскоре пришел под Смоленск. Бояре — изменники великого князя Юрия Святославича Смоленского отворили Витовту город Смоленск. Он же, войдя в город, великую княгиню, жену князя Юрия Святославича, дочь Олега Ивановича Рязанского, взял в плен.

И князей, и смоленских бояр пленил и отослал в Литву, а некоторых предал смертной казни, тех, которые выступали против него. А в Смоленске посадил своими наместниками ляхов и приказал им держать город в повиновении, смоленским же людям дать послабление, чтобы отвратить их от князя Юрия Святославича Смоленского, чтобы Витовта вся земля Смоленская полюбила и захотела, а от князя Юрия Святославича Смоленского отказалась.

И послал на поиски князя Юрия Святославича Смоленского, желая убить его самого и его детей. И услышал князь Юрий Святославич Смоленский, что его город и все его великое княжение захвачены, а его великая княгиня уведена в плен в Литву, что князья и бояре, преданные ему, уведены в плен в Литву, одни изгнаны, а другие казнены, с великой скор-

бью и горестью в душе пошел из Москвы в Великий Новгород вместе со своим сыном Феодором и князем Семеном Мстиславичем Вяземским, и со своим братом князем Владимиром Святославичем. Новгородцы приняли их с почестями. И дали ему 13 городов: Руссу, Ладогу, Орешек, Тиверский, Корелский, Копорью, Торжок, Волок Ламский, Порхов, Вышгород, Яму, Высокое, Кокшин, Городец, и целовал крест Юрий Святославич всему Новгороду на смерть и жизнь, обещая, что если придут враги на Новгород, будет обороняться от них князь Юрий вместе с новгородцами. А новгородский посадник Александр Фомич и тысяцкий Кирилл Дмитриевич целовали крест князю Юрию Святославичу за весь Великий Новгород.

В том же году преосвященный Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, поставил бывшего Борисоглебского игумена на Голянице епископом в Сарай.

В том же году в Москве были поставлены часы на дворе великого князя за церковью Благовещения, а делал их Лазарь, монах-серб, который пришел из Сербской земли.

В том же году пришел из Литвы от Витовта Кейстутовича в Тверь князь Александр Иванович Тверской.

В том же году Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, отпустил из Москвы в Новгород владыку Иоанна, архиепископа Новгородского, который пробыл в заточении в Москве у Киприана, митрополита Киевского и всея Руси, 3 года и 6 месяцев, был заточен он в посаде при монастыре святого Николая Старого, стал он тихим, кротким, смиренным, избавил его Бог от такой скорби и спас, и помиловал.

И пришел в Новгород, встретил его весь город с крестами, со всем священным собором у церкви святого Николая на Ярославовом дворе с радостью и весельем, в тот день было великое торжество, сказали ему: «Господин святитель Божий, пленен ты был митрополитом Киприаном в Москве, жил в терпении, благодаря Бога. Мы же пребывали в печали и скорби, молились о тебе день и ночь, и вот Господь Бог и Его Пречистая Мать Богородица вернули тебя, и забыли мы все скорби и болезни. Не забудь и нас в своих молитвах к Господу, испроси нам в настоящей и в будущей жизни благодать и милость, и прощение грехов получим твоими молитвами». И так обрадовались великой радостью своему господину владыке.

В том же году месяца июля в 20 день преосвященный Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, поехал в Литву к великому князю Литовскому Витовту Кейстутовичу и в Киев. Принял его Витовт Кейстутович с почестями, одарил его многими дарами, пробыл там митрополит Кип-

риан некоторое время, принимая почести от Витовта, всех князей и панов, и от всей страны.

Оттуда он пошел в Киев и своего наместника архимандрита Тимофея и своих местных слуг, которым было приказано хранить в Киеве разные вещи и управлять делами, отослал обратно в Москву. И оставил своим наместником Спасского архимандрита Феодосия, отобрал слуг и повелел остаться им в Киеве с наместником архимандритом.

В том же году в Великом Новгороде сгорел Людинов конец и Прусская улица до церкви святого Михаила, а в Детинце — до двора архиепископа, всего сгорело пять деревянных церквей, а пять каменных церквей обгорело, церковь же святых Бориса и Глеба выгорела изнутри, всего сгорело 30 человек.

В том же году преставился новгородский посадник Василий Иванович. В том же году в Твери была заложена каменная церковь Успения Пречистой Богородицы епископом Арсением на реке Тмаке.

В 6913 лето от Адама (1413 лето от Христа)

В сентябре пришли татары набегом на Рязань, послал за ними погоню князь Федор Олегович, внук Иванов. Воины же, посланные князем вдогонку, догнав татар, побили их, отняли пленных, многих татар захватили в плен и возвратились в Рязань с большой радостью. В ту же осень месяца сентября в 13 день в Твери в полдень начался пожар за Тмакой, сгорело сто дворов и церковь святого Иоанна Предтечи. В ту же осень месяца октября в 30 день в Твери на Городке преставилась великая княгиня Мария, жена князя Ивана Михайловича, в иноческом чине, имя ее в иночестве было Марфа, и была похоронена в церкви святого Спаса в Твери.

В ту же зиму преставился преподобный архимандрит Евфимий Суздальский.

В ту же зиму месяца февраля в 13 день преставился Григорий, епископ Коломенский. В том же году Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, поставил во Владимире-Волынском в епископы Волынской земли попа Гоголя.

В ту же осень месяца октября в 1 день была освящена каменная церковь Успения Пречистой Богородицы на Симонове, которую основал архимандрит Федор, а построил великий князь Василий Дмитриевич, а освящена она была в 29-й год.

В ту же зиму князь Василий Михайлович Кашинский приехал в Тверь, и пленил князя его брат великий князь Иван Михайлович Тверской и всех его бояр.

В ту же зиму князь Юрий Всеволодович поехал из Твери в Москву к великому князю Василию Дмитриевичу, а с великим князем Иваном Михайловичем Тверским разторг мирный договор, так как боялся того, что князь Иван Михайлович сделал со своим братом князем Василием Михайловичем.

Тогда была безснежная зима, весенняя распутица была на Масленой неделе, а половодье — на заговенье на Великий Пост, и пришла вода. Настала весна, и удивились люди, так как такое бывает редко, многим неведомо, когда изменяется и в какой год это бывает.

В том же году месяца апреля на Страстной неделе в Великую Пятницу в Твери заключили братья между собой мир: великий князь Иван Михайлович Тверской со своим братом князем Василием Михайловичем Кашинским и целовали на этом честной крест, отпустил великий князь своего брата князя Василия с любовью в Кашин на Светлой неделе во вторник. В том же году были страшные грозы с громом и молниями, много людей было убито громом и сожжено ударами молний. В том же году в Твери сгорела от удара молнии церковь святого Иоанна Богослова на Троицкой неделе во вторник в вечерний час.

В том же году в Петров пост бежал князь Василий Михайлович из Кашина в Москву, а великий князь Иван Михайлович Тверской послал в Кашин своих наместников, много зла было причинено христианам продажами и грабежами, так как после трех месяцев смирения и любви еще больше разгорелась между ними вражда и ненависть.

И поэтому бежал в Москву князь Василий Михайлович, не желая себе вреда. В том же году на Петров день из Твери в Кашин поехал князь Александр Иванович, внук Михаила Александровича. В том же году преставился великий князь Василий Дмитриевич Суздальский.

В том же году великий князь Витовт Кейстутович Литовский пошел к польскому королю Якову, прозванному Ягайло, а Ягайло пошел ему навстречу.

И встретились в городе Милолюбне. Присутствовал при этом и преосвященный митрополит Киприан, который две недели пробыл с ними, оказывали ему великие почести, одарили подарками его самого, его бояр и слуг и разошлись.

В том же году оклеветали клеветники епископа Туровского Антония перед великим князем Литовским Витовтом Кейстутовичем, разгневался Витовт на епископа, а клеветники, выбирая удобное для себя время, еще больше оговаривали епископа, посеяли вражду и смуту между ними; послал Витовт Кейстутович к преосвященному Киприану, митрополиту Киевскому и всея Руси, сообщая ему о слышанном от клеветников и по-

сылая ему грамоты, принесенные клеветниками Витовту, которые, как они говорили, епископ Антоний посылал к татарскому царю Шадибеку в Орду, призывая его на Киев и на Волынь, пленить и сжечь другие города, и много еще неправды сказали о епископе. Киприан митрополит оставил епископа Антония при себе; клеветники же еще больше оговаривали епископа, Витовт гневался, а епископ Антоний пребывал в большой скорби и печали. И снял с него митрополит Киприан святительский сан, отослал в Москву и повелел жить в Симоновом монастыре в келье, также приказал всем заботиться о нем и ничем не оскорблять его, только не выпускать из монастыря.

В 6914 лето от Адама (1414 лето от Христа)

Месяца сентября князь великий Иван Михайлович был в Кашине. В ту же осень месяца ноября в 1 день преставилась великая княгиня Авдотья, жена князя Михаила Александровича Тверского.

В ту же осень была освящена церковь Успения Пречистой Богородицы на Желтикове на реке Тмаке епископом Тверским Арсением, присутствовал при этом и великий князь Иван Михайлович Тверской.

В ту же зиму месяца декабря в 5 день в субботу преставилась благоверная великая княгиня Евпраксия, жена князя Олега Ивановича Рязанского.

В ту же зиму месяца января в 1 день митрополит Киприан пришел из Киева в Москву, пробыв там год и 11 месяцев.

В ту же зиму было в Москве чудо — в доме Тютрюмова истекло миро от икон Пречистой Богородицы и чудотворца Николая.

В ту же зиму захватил Витовт тайным набегом псковский город Коложу, а псковскую договорную грамоту прислал в Новгород.

А под Вороничем простоял два дня, земли и села захватил, людей и имущество их пленил, многих убил и ушел восвояси.

В том же году псковичи вместе с новгородцами поехали в Москву к великому князю Василию Дмитриевичу жаловаться на его тестя Витовта, и великий князь прислал своего брата князя Петра Дмитриевича на помощь псковичам.

В том же году великий князь Василий Дмитриевич Московский и великий князь Иван Михайлович Тверской расторгли мирный договор с Витовтом.

В том же году великий князь Василий Дмитриевич собрал большое войско и послал во главе со своими воеводами на литовские земли, к городу Вязме, Серпейску, но ничего не смог сделать с ними.

В том же году приехал из Литвы к великому князю на службу князь Александр Нелюб, сын князя Ивана Олгиманта, вместе с ним приехало

много литвы и ляхов. Великий князь Василий Дмитриевич принял его с любовью и дал ему город Переяславль.

В том же году князь Василий Михайлович Кашинский договорился со своим братом великим князем Иваном Михайловичем Тверским, приехал из Переяславля в Тверь, заключили они мирный договор, целовали честной крест в том, что будут они пребывать в мире и любви.

В том же году в Твери была расписана церковь святого архангела Михаила. В том же году на заговенье перед Петровым постом во вторник перед ранней зарей месяц исчез и, не набрав полной силы, зашел.

В том же году в Петров пост месяца июля в 16 день в среду в 4-м часу дня было затмение на небе: исчезло солнце, осталась только его небольшая часть размером с трехдневный месяц, стало очень мрачно и темно, но через час солнце опять просветлело. И в те дни сражалась в своей земле литва с москвичами и побила их.

В том же году на Петров день в Новгородской земле в области Нижнего Новгорода была сильная буря и страшный ветер, и в то время, и в тот час вышел некий человек в поле, сел на лошадь, запряженную в телегу, налетел на него ветер, подхватил человека вместе с лошадью и телегой и с бурей носил по небу, пока не стал он невидим.

И потом на другой день еле нашли его телегу, висящую вместе с колесами и со всем остальным на самом верху дерева на другом берегу Волги, а лошадь нашли, лежащей мертвой на земле, человек же пропал без вести, нигде не могли его найти.

В том же году были страшные грозы с молниями. В том же году месяца августа в 26 день преосвященный Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, поставил на Голянице архимандрита Симоновского Илариона в епископы Коломны.

В том же году Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, поставил на Голянице Митрофана в епископы Суздаля. Тогда митрополит Киприан уже был болен.

В 6915 лето от Адама (1415 лето от Христа)

В сентябре князь великий Василий Дмитриевич Московский собрал войско и пошел на великого князя Литовского Витовта Кейстутовича.

И, придя, встали на Плаве, а великий князь Иван Михайлович Тверской прислал в помощь великому князю Василию Дмитриевичу Московскому своих братьев: князя Василия Михайловича Кашинского, князя Феодора Михайловича, своего сына князя Ивана, князя Ивана Еремеевича, а с ним своих бояр и воевод, и стал их полк очень велик. Также и из Орды царя Шадибека татарское войско пришло на помощь великому князю против

Витовта. А Витовт также собрал огромное войско: и ляхи, и жемонты пришли с большими войсками.

И, собравшись, встали на Пашковой гати, простояли там несколько дней, начали переговоры между собой, заключили перемирие на тот год, а потом разъехались.

В том же году месяца сентября в 16 день преставился преосвященный Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, пробыв митрополитом 30 лет без одной шестой (1/6) месяца. И разнеслась весть о его смерти, собрались епископы, священники, иноки, обрядили его тело по уставу святых отцов.

И быстро собрались князья, бояре, воеводы и множество людей, перенесли его тело в Москву в митрополичью соборную церковь Пречистой Богородицы, где находится гроб великого чудотворца митрополита Петра и блаженного митрополита Феоноста.

И служил над его телом освященный божественный собор: Григорий, архиепископ Ростовский; Митрофан, епископ Суздальский; Иларион, епископ Коломенский, с архимандритами, игуменами и со всем освященным собором, пели над телом надгробные песнопения.

И положили его по его распоряжению в митрополичьей соборной церкви Успения Пречистой Богородицы в Москве по правой стороне у стены. Первым митрополитом в Москве был Петр чудотворец, в этой соборной церкви был он и похоронен по своему завещанию; 2. Феоноста Грека, также в этой церкви был похоронен по своему завещанию; 3. Алексий чудотворец, похоронен был в созданном им самим монастыре святого чуда архистратига Михаила в Москве. Четвертый — митрополит Киприан, родом серб, человек, исполненный любомудрия и божественного разума, грамотный и духовный, известный добродетельной жизнью, обучавший всех церковному учению и наукам; много было в нем старания и способностей непрестанно учить всех слову Божью, а не праздно рассуждать о суетных вещах и беседовать с нечестивыми людьми. Прожил он добродетельную жизнь до самой старости и сильно разболелся в митрополичьем селе в Голянице, тихо и безмятежно проводя свою жизнь, где была расположена его домовая церковь во имя святых Трех Святителей, где он сам любил часто бывать и жить, так как то место было тихое, безмолвное, свободное от всяческой суеты, расположено оно было между двух рек Сетуни и Раменки на стрелище и над прудом, и вокруг было много леса. И митрополит Киприан сам часто любил пребывать там и жить, переписывал сам книги, поставлял там в епископов, упражнялся в молитве и чтении Божественных Писаний, проводил время в памяти смертной и Страшного Суда, бесконечных мучений, там же

он и разболелся, пролежал несколько дней, пока не преставился. За четыре дня до своей смерти он написал прощальную грамоту, в которой всех прощал и благословлял, сам просил у всех прощения и благословения, вот истинное любомудрие и смирение. Поэтому и заповедал, так как смирением все согрешения прощаются и все благое происходит, и, покидая этот мир, заповедал епископам и всем своим ближним, говоря: «Когда меня в гроб положат, прочитайте эту грамоту людям вслух над моим телом», что и было сделано согласно его распоряжению преподобным Григорием, архиепископом Ростовским, который прочитал эту грамоту громко вслух всему народу, и когда читал ее, то у многих находящихся там навернулись слезы на глаза, раздавался громкий плач и рыдание. Было в этой грамоте написано: «Во имя Святой и Живоначальной Троицы. Я, грешный и смиренный Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, увидев, что настала моя старость, что стал я часто болеть, очищая болезнью по человеколюбию Божью свои грехи, что умножились теперь, как никогда прежде, мои болезни, и что все это возвещает мне ни что иное, как смерть и Страшный Суд Спасителя, решил, что должен в своем завещании сказать о насущном для меня. Первое — исповедую святую, полученную от Бога, апостольскую веру и истинную православную веру в Святую Троицу и прочие священные апостольские заветы. Заповедую всем соблюдать предания святой Божьей церкви цело и без изменений Божьей благодатью, что в моем исповедании написано, то и предаю вам. Когда святитель рукополагается по обычаю, апостольскому уставу, божественным и священным заповедям святых отцов, так как апостолы были поставлены самим Богом, а святители — апостолами, поэтому являются они наследниками апостолов, а от тех святителей другие святители поставлялись по от Бога полученному апостольскому уставу, так и меня, грешного, поставил благодатью Святого Духа, по уставу священных заповедей апостолов, священный архиерей, патриарх вселенский, в правление благочестивого православного царя Константинополя. И когда я отказался от обычной жизни после своего поставления и будучи пока еще жив, всем подаю искреннее прощение в святом Духе. И всем святейшим и вселенским патриархам, и уже преставившимся, и еще живущим, также и священнейшим митрополитам, уже преставившимся и живущим, передаю свою обычную любовь и последнее целование и прощение, и сам этого же прошу у них. Благородному и христолюбивому в Святом Духе возлюбленному своему сыну, великому князю всея Руси Василию Дмитриевичу, передаю мир и благословение и последнее целование, так же как и его матери, братьям, княгине, его детям и их княгиням и детям. Также и всем великим русским князьям передаю мир и благословение, и последнее целование и их княгиням и детям. Также и всем

местным князьям с княгинями и детьми передаю мир и благословение. Также и боголюбивым епископам, служащим в пределах нашей церкви в Русской митрополии, уже преставившимся и еще живущим, передаю свое благословение, прощение и любовь и прошу у них того же. Священноинокам и всему священническому чину, и всем, служащим у престола Господня, всем передаю прощение, благословение и любовь. Благочестивым малым и великим князьям и всем, уже прежде преставившимся, также передаю упрощение и благословение и молюсь Господу Богу, чтобы Он простил им все их согрешения, которыми они, как смертные люди, согрешили. Знатным и незнатным боярам, их женам, детям и всему христианскому народу передаю мир и благословение. Всем инокам, живущим в разных местах, всему церковному причту передаю мир и благословение, если же на кого епитимью наложил или обидел невниманием, или какой другой виной, или кого хотел простить, а он уже скончался, или кого учил, а он ослушался меня, всех во Святом Духе прощаю, разрешаю и благословляю. Молюсь Человеколюбцу Богу отпустить им прегрешения, так как когда сосчитал свои годы, прошедшие с тех пор, как был поставлен в митрополиты, то увидел, что тридцатый год приходит в наступающем месяце декабре во 2 день, и за столько прошедших лет, если кто возроптал на меня, или отказался от епископского сана или иноческого, или священнического, или кто из мирских людей соединился с ними, и те из них, кто раскаялся и пришел ко мне исповедаться, принять прощение и разрешение грехов, уже прощены и благословлены с этого момента. И да не вменит им Господь Бог в грех, но да простит им. А те, кто или стыдятся меня, или забыли, или небрежно относятся, или опасаются меня или по скудости ума, или по наговорам недругов, любой, священник или инок, или мирской человек мужского или женского пола, любой будет прощен и благословлен, и пусть не вменится им в грех, так как это мое, и в моей власти это разрешить. Те же, кто возлюбил нас и помиловал нас ради Господа в наших бедах, путях и различных странах, христоименитые люди, вельможи, мужчины и женщины, те будут прощены, благословлены и помилованы Человеколюбцем Богом, и воздаст им Господь Бог по сердцу их. А свою душу и дом Святой Богородицы приказываю своему возлюбленному в Святом Духе сыну великому князю всея Руси Василию Дмитриевичу: как он позаботится, такую и мзду примет от Господа Бога и Пречистой Его Матери Богородицы, также и от своих бояр, слуг, молодежи от мала до велика, как пожалует и соблюдет, так и мзду примет от Господа Бога и Пречистой Его Матери Богородицы. Мир, благодать и прощение от Господа Бога нашего Иисуса Христа со всеми вами и мое благословение. Писана эта грамота в церкви Трех Святителей месяца сентября в 12 день, 15-го индикта, а не подписана только

по моей немощи». **В конце этой грамоты приписано философское изречение:** «Множество человеческое, все пришедшее на землю, оплачем общее естество, обогащенное злочином. О, как честнейшее Божье создание, созданное по Его подобию и образу, бездыханно зрится, и мертво, увы, мерзко оно, полно нечистых червей, испускаемых смрадным дыханием. Как исчезает мудрость, как скрывается слово, как растворяется сугубое, как таится трехчастное, погибает четвертое, растлевается пятое, без дыхания и мертво? Увы, страсти, увы! Сугубая десятирица погибает, а седьмая и восьмая будущего воображает растворение. Земля — наше смешение, земля все покрывает, и земля — наше восстание. Увы, страсти, увы, мне! Нагим выхожу плакать, младенец я, нагим прихожу и нагим же уйду, тружусь и смущаюсь понапрасну, зная конец жизни. О чудо, как приходим мы все одинаково из тьмы на свет, а из света во тьму, от чрева матери с плачем приходим в мир, а из печального мира с плачем — в гроб. Начало и конец всего — плач, что необходимо: сон, тень, мечтание, житейская красота? Увы, увы, из многих страстей сплетена жизнь, но все, как красота цветка, как прах, как тень проходит». После смерти этого митрополита прочие русские митрополиты и доньше приказывают подобную грамоту класть после своего преставления в гроб, прочитывая во всеуслышание перед этим. В ту же осень поссорились псковичи с немцами, стали воевать друг с другом. Собрали псковичи большое войско.

И пошли с войском завоевывать немецкие земли, встретило их немецкое войско на реке Сирице.

И произошел бой месяца октября в 9 день, помог Бог псковичам, победили они злых нечестивых немцев, гнали их по немецкой земле 20 верст до Новагородка, избивая, многих убивая голыми руками.

И оттуда псковичи пошли к Киремпе, желая подойти к немецкому Юрьеву. И встретил их Акорт, Рижский магистр, со всем немецким приморьем за Селиловым побоищем, и был ожесточенный бой, помог Бог псковичам в битве с немцами, магистр бежал с небольшой дружиной, а псковичи гнались за ним до Киремпе, убивая их. И вернулись псковичи в свои дома с великой победой, с большой добычей и богатством, приведя с собой много немцев, в Пскове была великая радость.

В ту же осень месяца ноября в 14 день преставился князь Родослав Рязанский, сын Олега Рязанского, внук Иванов.

В ту же осень в Твери преставился князь Дмитрий Еремеевич.

В ту же осень в Твери преставилась княгиня Анастасия, жена князя Еремея, мать князя Дмитрия Еремеевича.

В ту же зиму месяца января в 16 день женился князь Петр Дмитриевич Ивановича, в Москве, на дочери князя Полиевкта Васильевича.

В ту же зиму месяца января царь Шадибек убил царя Тохтамыша в Сибирской земле.

В ту же зиму в Филиппов пост князь Юрий Святославич Смоленский поехал из Новгорода в Москву.

И великий князь Василий Дмитриевич сделал его наместником в Торжке, а он там безвинно убил служащего князя Семена Мстиславича Вяземского и его княгиню Иулианию, так как охваченный плотским желанием к его жене, взял ее к себе в дом, желая сожительствовать с ней. Княгиня же, не желая этого, сказала: «О, князь, как ты думаешь, разве могу я оставить своего живого мужа и пойти к тебе?» Он же захотел лечь с ней, она сопротивляясь ему, схватила нож и ударила его в мышцу. Он разгневался и вскоре убил ее мужа князя Семена Мстиславича Вяземского, служащего у него, проливавшего за него кровь и ни в чем не виновного перед ним, так как не он научил жену так поступить с князем.

И повелел отсечь княгине руки и ноги и бросить в воду. Слуги сделали приказанное им, бросили ее в воду, стало это грехом и великим стыдом для князя Юрия, не желая переносить своего несчастья и стыда, и бесчестия, бежал он в Орду.

В ту же зиму псковичи пошли с войском к Полоцку и, завоевав земли, вернулись обратно.

В ту же зиму новгородцы пригласили к себе князя Даниила и его брата князя Юрия и отдали им город Порхов.

В ту же зиму немцы победили псковичей.

В ту же зиму псковичи пришли в Москву к великому князю Василию Дмитриевичу просить себе помощи против немцев. Он же прислал к ним своего брата князя Константина Дмитриевича, тот пробыл в Пскове чуть меньше года.

В ту же зиму месяца марта преставился бывший епископ Суздальский Евфросин.

В ту же весну великая княгиня Евдокия, жена князя Дмитрия Ивановича Донского, заложила в Москве каменную церковь святого Вознесения.

В ту же весну месяца мая в 20 день литва захватила Одоев и сожгла его.

В том же году во время Петрова поста в Твери была заложена колокольня около старой колокольни великим князем Иваном Михайловичем Тверским. В том же году в Петров пост пошел князь Юрий Всеволодович Тверской из Москвы в Орду, желая получить великое княжение Тверское вместо великого князя Ивана Михайловича Тверского.

В том же году сражались москвичи с литвой.

В том же году было знамение на Похре: текла кровь от иконы Пречистой Богородицы.

**Краткое сказание о блаженной великой княгине Евдокии,
в инокинях Евфросинии, супруги достохвального
великого князя Дмитрия Ивановича Донского**

Кто будет в силах описать словами силу Господа или поведать все Его чудеса, какова милость Его из рода в род боящихся Его и творящих Его святую волю? И как в повествовании изложено, что первоначально в Русской земле основанием благочестия и утверждением православной веры был богоизбранный самодержец равноапостольный великий князь Владимир, предшественницей же его была его бабка, святая блаженная, известная своей премудростью великая княгиня Ольга. И великое множество людей их великой державы мужского и женского пола стало последователями подобного исправления благочестия и богоугодной жизни, первыми из них были сами правители, среди них было много праведных и прославленных Богом память о них сияет в мире как светила. От них произошла и достойная похвал святая и христоролюбивая великая княгиня Евдокия, бывшая супругой блаженного и достохвального великого князя Дмитрия Ивановича, проозванного Донским, дочь великого князя Дмитрия Константиновича Суздальского, во всем старающаяся соответствовать богоугодной жизни своего державного и благонравного святого супруга, живущая вместе с ним единомысленно по заповедям Господним, родившая ему сыновей и дочерей и воспитавшая их благочестиво. Прожили они в супружестве 22 года.

После преставления своего супруга великого князя Дмитрия Ивановича княгиня проводила жизнь в трудах Богу, изнуряя свою плоть воздержанием, сохраняя целомудрие и душевную чистоту, оберегая и телесною чистоту всяким смиренномудрием, нищелюбием наполняя свою богоугодную жизнь, оставив всяческое тщеславие, и всем этим смогла угодить Богу.

О явлении ангела Господня

И усердно подвизалась княгиня прилежными к Богу мольбами о самой себе, о своих чадах и обо всей державе, Господь же всячески исполнял ее прошения. Однажды ради добродетелей княгини послал к ней Господь своего ангела, возвестившего ей уход из мира. Она же, увидев ангела Божья, не могла выговорить ни одного слова от света, исходящего от него, и много дней провела в молчании, ни с кем не разговаривая. Но только движением руки приказала позвать к себе иконописцев, рукой показала им, чтобы они написали на доске образ ангела Господня таким,

как она увидела его. Они же, написав образ, принесли к ней. Блаженная, увидев образ, поклонилась образу ангела Господня и ничего не сказала.

И движением руки приказала написать икону ангела Господня другим образом. Они же написали другую икону ангела Божьего и принесли к ней. Княгиня, увидев икону, вновь поклонилась ей и ничего не сказала.

И снова движением руки повелела написать третью икону ангельского образа другим способом. Когда же был написан третий образ святого Божьего архистратига Михаила, о великое чудо! Только увидела этот святой образ блаженная, как разрешился ее язык от уз, и снова стала она говорить, благодаря, славя Бога и говоря, что видела именно такого ангела, явившегося ей.

Этот образ стала она особенно почитать, поклоняться ему, целовать, поставила его в своей церкви Рождества Пресвятой Богородицы, где находится он и доныне.

О прозрении слепого, об исцелении недужных и о преставлении великой княгини Евдокии

Христолюбивая великая княгиня Евдокия по воле Божьей проводила свою жизнь, а по своей воле решила оставить мирскую жизнь и временное царство и пожелала облечься в иноческий образ, ушла из своего княжеского дворца в монастырь, который сама основала во имя Вознесения Христова. Когда шла она из соборной церкви Пречистой Богородицы, то один слепец услышал, что великая княгиня идет в монастырь, вскричал громким голосом, говоря: «О госпожа, наша боголюбивая великая княгиня, питательница нищих, мы, нищие, всегда получаем от тебя достаточно пищи и одежды, сейчас же не оставь меня, страдающего слепотой уже много лет, окажи мне милость, так как ты обещала дать мне прозрение. Видел я тебя этой ночью во сне, говорящей мне: «Утром дам тебе прозрение», и сейчас наступило время исполнить твое обещание». Блаженная же продолжала идти, не обращая внимания на сказанное им, когда по какой-то необходимости упал на землю с ее руки рукав сорочки. Слепой ощутил ее рукав в своей руке, затрепетал и с верой и любовью дерзнул протереть ее рукавом свои слепые глаза, и тут же прозрел, славя Бога. Тогда до тридцати человек, страдающих различными болезнями, получили исцеление от блаженной великой княгини Евдокии во время ее шествия на постриг в монастырь.

Войдя в монастырь, приняла княгиня на себя иго Христово, облеклась в иноческий образ, и нарекли ей имя Евфросиния; и, проводя иноческую жизнь, совершила она много подвигов во славу Христа, добродетельно прожила жизнь и угодила Богу.

К Богу преставилась с миром в 6908 лето от Адама (1408 лето от Христа) месяца июня в 7 день, была похоронена в своем монастыре в церкви Вознесения Господня, приняла наслаждение вечных благ и Небесного Царствия.

О свечах, которые загораются сами собой у гроба святой

Не только при жизни была прославлена княгиня Богом, но и после ее преставления много раз сама собой загоралась у ее гроба свеча. По ее молитвам в том монастыре благое умножается и изобильно все необходимое, в нем и сейчас продолжается честное общежитие по благодати Христовой, Ему же слава со Отцом и со Святым Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь.

В том же году князь Константин Дмитриевич ходил вместе с псковичами с войском на немцев, захватил много немецких земель, много людей убил и пленил, захватил немецкий город Явизну.

В том же году в Рязани преставился епископ Рязанский Феогност.

В том же году месяца июля в 20 день великий князь Иван Михайлович Тверской пошел в Орду на кораблях по Волге к царю Шадибеку.

И в то время в Орде была смута, до его прихода был в Орде великий мятеж: царя Шадибека прогнали, а на царство посадили Булат-Салтана, много ордынских князей было убито.

Но по Божьей милости целым и невредимым пришел в Орду великий князь Иван Михайлович Тверской. И судились они с князем Юрием Всеволодовичем Тверским перед новым царем Булат-Салтаном о великом княжении Тверском. Царь Булат-Салтан рассудил, все ордынские князья поддержали правоту великого князя Ивана Михайловича Тверского, и царь Булат-Салтан отпустил его из Орды, оказав ему почести, а князь Юрий Всеволодович остался в Орде. В том же году в Твери окончили расписывать церковь святого архистратига Михаила на Городке. В том же году владыка Тверской Арсений достроил притвор со стороны реке Тмаки в церкви Пречистой Богородицы, иже на Желтикове.

В том же году месяца мая в 25 день ранним утром месяц на небе исчез и невидимым ушел с неба. В том же году было очень пасмурно и дождливо, и повсюду были наводнения. В том же году черви окрылились и, летя от востока на запад, съели все деревья, и те засохли.

В том же году месяца августа в 16 день великий князь Василий Дмитриевич Московский собрал войска и пошел на Литовскую землю на великого князя Литовского Витовта Кейстутовича, захватил город Дмитровец и сжег его.

Встретил его Витовт с большим войском, стоявшим у Вязьмы, там было заключено перемирие, и разошлись каждый восвояси.

В том же году месяца августа в Литве был мятеж и междоусобицы, еще был голод по всей Литовской земле.

В том же году месяца августа в 16 день немцы подошли к Пскову с войском и переправились через реку Великую.

И потом немного отступили от города, но псковичи вышли против них из города.

И встретились с немцами, и тогда немцы одолели псковичей, убили 809 человек и троих посадников: Ефрема Корточа, Елентия Губку и Панкратия.

В том же году месяца августа построил владыка Иоанн, архиепископ Новгородский, каменную церковь святого Преображения Господня на Веренде и на Видогоще и основал там монастырь.

В том же году месяца августа новгородцы построили каменную церковь святого Власия на Волосове, и того же месяца августа посадник Юрий Дмитриевич со своим братом Яковом построили каменную церковь святого Чуда архистратига Михаила в Аркаже монастыре.

В том же году месяца августа в Новгороде сгорел Неревский конец до самого города и архиепископский двор, горела церковь святой Софии, Владимирский берег, Людогоща улица, Хревкова улица, всего обгорело 12 каменных святых церквей, а 6 деревянных сгорело.

В 6917 лето от Адама (1417 лето от Христа)

В 6 день сентября князь Иван Владимирович Пронский пришел из Орды от царя Булат-Салтана с жалованной грамотой и дарами на Русь и сел в Пронске, а вместе с ним пришел посол царя.

В ту же осень месяца сентября татары царя Большой Орды Булат-Салтана завоевывали Литву.

В ту же осень месяца сентября в 4 день преставился великий князь Юрий Святославич Смоленский, внук Иванов, правнук Александров, праправнук Глебов, препраправнук Ростислава, пращура Мстислава, прапращура Давида, препрапращура Ростислава, Мстислава, Владимира Маномеха, на Воздвижение Честного Креста не в своем великом княжестве Смоленском, а скитаясь в чужой стране, странствуя в изгнании, переходя с места на место в пустынях своего великого княжения Смоленского, лишенный отчины и дедины, своей великой княгини, детей и братьев, родственников, своих князей и бояр, воевод и слуг. И пребывал князь в Рязанской земле в пустыне у одного христоролюбивого старца игумена Петра, там провел несколько дней в печали и скорби, сетуя

и плача, вспоминая свои беды и неприятности, и, припомнив все это в своем уме, стал плакать и сетовать о своих грехах, желая отказаться от суетной мирской жизни, забыть славу мира сего и угодить праведной жизнью Богу. Там князь заболел и, немного проболев, скончался о Господе, проводили его тело с честью, похоронили с надгробными песнопениями. И так прервался род великих князей Смоленских, и великое княжество Смоленское потеряло своих великих князей, и стал править в Смоленске великий князь Литовский Витовт Кейстутович, а после него и другие великие князья Литовские назначали туда своих наместников. В ту же осень месяца октября в 3 день немцы пришли с войском в новгородские области и, повоював там, возвратились назад.

В ту же зиму месяца декабря пришел в Великий Новгород князь Константин Дмитриевич, назначенный наместником своим братом великим князем Василием Дмитриевичем.

В ту же зиму месяца января в 25 день пришел из Орды в Тверь от царя Булат-Салтана великий князь Иван Михайлович Тверской, а вместе с ним посол царя, встретили великого князя с крестами, с почестями, все горожане вышли с великой радостью ему навстречу.

В ту же зиму были сильные холода и снега, ветры и вьюги, и путь из Орды был очень труден и тяжел. В ту же зиму женился великий князь Иван Михайлович Тверской, взяв в жены дочь князя Дмитрия Еремеевича.

В ту же зиму женился князь Ярослав, сын Владимиров, внук Андреев, правнук Иванов, праправнук Даниила Московского.

В ту же зиму месяца марта в 9 день преставился Иларион, епископ Коломенский.

В ту же зиму месяца марта в 11 день исцелен был один человек, пребывавший в большом недуге и болезни, у гроба святого чудотворца Петра в великой митрополичьей соборной церкви в Москве и пошел здоровым домой. В ту же зиму пришли немцы завоевывать Псковскую землю, долгое время стояли у Пскова, пока псковичи совсем не изнемогли, так как слишком большое немецкое войско выступило против них. В ту же весну месяца мая начали расписывать великую соборную церковь Пречистой Богородицы Владимирской по повелению великого князя Василия Дмитриевича, мастерами были Даниил Иконник и Андрей Рублев.

В том же году князь Иван Владимирович Пронский тайно пришел с татарским войском, прогнал великого князя Феодора Олеговича Рязанского, внука Иванова, из Рязани, тот бежал за Оку, а великий князь Иван Владимирович Пронский стал править в обоих княжествах: в Рязанском и Пронском.

Спустя некоторое время выступил против него великий князь Феодор Олегович, внук Иванов, с войском, и состоялся жестокий бой на реке Смядве месяца июня в 1 день, помог Бог князю Ивану Владимировичу Пронскому, пали мертвыми много воинов с обеих сторон, но была одержана победа. И убили тогда Игнатия Семеновича Жеребцова, коломенского воеводу, Михаила Лялина, Ивана Брынка и многих коломчан, муромского воеводу Семена Жирославича захватили в плен, многие муромцы были убиты, пролилась христианская кровь, так как каждый своего брата ненавидел, нарушал свои границы, желая заполучить чужие земли.

В том же году рязанские князья Феодор Олегович, внук Иванов, и Иван Владимирович Пронский заключили между собой мир и любовь, подтвердили их крестным целованием, говоря: «Зачем потакаем дьяволу, понапрасну ссоримся, кровь христианскую проливаем? Все мы одного рода, братья и родственники, будем все вместе пребывать в мире и любви, будем править каждый в своей вотчине в единстве и братской любви, пусть никто не переступает границы чужих княжеств, не начинает войны и вражды, но все вместе сражаются с бесами и нашими врагами, иноверными народами». И так стали править в мире и любви в своих княжествах, наступила великая радость в Рязани о мире, любви и единстве великих рязанских князей.

В том же году новгородцы из Великого Новгорода просили у литовского князя Витовта Кейстутовича князя Семена Лугвения Ольгердовича, тот послал им его. Новгородцы отдали ему пригороды, которые прежде принадлежали ему.

В том же году в Новгороде владыка Иоанн, архиепископ Новгородский, покрыл церковь святой Софии свинцом, а большой купол позолотил.

В том же году повелением великого князя Василия Дмитриевича был срублен город Ржев, воеводами были князь Юрий Козельский и Юрий Васильевич.

В том же году месяца июня был сильный пожар в Ростове, сгорело много церквей, соборная церковь Пречистой Богородицы так выгорела, что камни рассыпались, в церкви были красивые святые иконы, много старинных книг, золотые и серебряные сосуды, украшенные жемчугом и камнями драгоценными, ризы, драгоценные и ценные вещи, все это сгорело в огне. И княжеские, боярские дворы и дворы простых людей с имуществом сгорели, тогда была сильная засуха, к тому еще были буря и сильный ветер: сгорело и много людей, более тысячи человек. Такого сильного пожара не было в Ростове двести лет.

В том же году месяца июля в 26 день пришел служить в Москву из Брянска к великому князю Василию Дмитриевичу литовский князь Свид-

ригаило Ольгердович, вместе с ним владыка Брянский Исаакий, князь Патрикей Звенигородский, князь Андрей Звенигородский из Путивля, князь Феодор Александрович, князь Семен Перемышльский, князь Михаил Хотевский, князь Урус Таменский, черниговские и брянские, стародубские и ярославские бояре. Великий князь Василий Дмитриевич принял его с большими почестями, отдал ему Владимир со всеми волостями, пошлинами, селами, хлебными посевами и несжатыми хлебами, также и Переяславль с тем же, и Юрьев Польской с тем же, также и Волок Ламский с тем же и половину Коломны.

В том же году был мор среди людей во многих землях: ржевских, можайских, дмитровских, звенигородских, переяславских, владимирских, юрьевских, рязанских, тарусских, распространился мор и в некоторых московских волостях.

В том же году месяца августа была засуха и сильные морозы. В том же году месяца августа пришли татарские послы из Орды от царя Булат-Салтана к великому князю Василию Дмитриевичу в Москву.

В том же году великий князь Василий Дмитриевич Московский начал собирать войско и послал к татарскому царю, прося помощи против Витовта, желая пойти войной на его литовскую землю.

В 6917 лето от Адама (1417 лето от Христа)

В 1 день сентября поставлен был митрополит Фотий в Царьграде патриархом цареградским Кир Матфеем во время правления цареградского царя Мануила на Русь во время великого княжения Василия Дмитриевича Московского.

В ту же осень месяца сентября в 1 день великий князь Василий Дмитриевич Московский, собрав большое войско, выступил против своего тестя великого князя Литовского Витовта Кейстутовича и встал на берегу Угры.

А Витовт также с большим войском пришел на другую сторону реки Угры, с ним пришли литва, ляхи, немцы, жегмонты, и простояли около Угры много дней, потом по старому обычаю заключили мир и разошлись восвояси.

В ту же осень месяца октября великий князь Иван Михайлович Тверской выступил с войском к Кашину против своего племянника князя Ивана Борисовича, тот же бежал в Москву.

А великий князь Иван Михайлович Тверской, подойдя к Кашину, помирился со своим братом князем Василием Михайловичем Кашинским, а свою сноху, жену князя Бориса, пленив, привел в Тверь, а в Кашине посадил своих наместников, положив на них дань.

В ту же осень месяца ноября пришел из Орды в Москву татарин, поведав великому князю Василию Дмитриевичу, что «великий князь Ордынский Едыгей хочет завоевать твою землю».

В ту же осень месяца ноября немцы стали завоевывать псковские земли.

В ту же зиму месяца декабря в 20 день Ордынский князь Едыгей повелением царя Большой Орды Булат-Салтана пришел с войском на Русскую землю, а вместе с ним четыре царевича и много татарских князей, вот их имена: царевич Бучак, царевич Тегрибердий, царевич Алтамир, царевич Булат, великий князь Едыгей, князь Махмет, князь Юсуп, Сулуменев сын, князь Тегиня, Шихов сын, князь Сарай, Урусахов сын, князь Обрагим, Темирязов сын, князь Якшиби, Едыгеев сын, князь Сентялибий, князь Бурнак, князь Ереклибердей. И, узнав об этом, великий князь Василий Дмитриевич опечалился, смутился о его любви и приближении к нему. И никогда не странно думать так о татарах, так как изначально измаильтяне заключают ложный мир с русскими князьями, в первую очередь с великим князем Василием Дмитриевичем, лукаво договариваясь с ним. Никогда измаильтяне не говорят правду христианам; если только где найдется несколько измаильтян, то там обманно и коварно заключают мир и любовь, предлагают дары и почести, тем скрывают свое коварство, свой тайный яд, обещают крепкий мир, заставляют русских князей враждовать между собой, разрушают мир между ними, заставляют их воевать друг с другом, а сами во время той вражды тайно обманывают их, становясь по наущению их отца сатаны злыми волками для христиан.

Так и в эти дни произошло с благоверным и христоролюбивым великим князем Василием Дмитриевичем, правящим по милости Божьей своим государством, известным своими добрыми делами, лукавые измаильтяне, сжигаемые завистью, будучи не в силах видеть усиления его державы и христианской тишины, стали всячески стараться разрушить его державу и захватить ее, как и всех русских князей. Ради этой цели они лгут русским князьям, заключают с ними обманный мир. Но Господь Бог Своей благодатью и Пречистая Его Матерь Богородица разрушили их замыслы, ведь как только Бог попускает им напасть на нас, то мы тотчас же отказываемся от своих греховных дел и обычаев, и Бог Своей милостью и Пречистая Его Матерь Богородица подают нам тишину и спокойствие, но мы тотчас же все забываем, отказываемся от правды, снова друг друга ненавидим, брат с братом сражается, похищаем чужое, обманываем, и снова из-за этого Господь Бог посылает на нас врагов, ударяет нас жезлом беззакония и ранит, «много ран грешнику». Коварные агаряне, как хитрые волки, обманывают нас, так что князи, надеющиеся на них, на-

ходящиеся с ними в мире и любви, не боятся их, так что они, выбрав подходящее время, получают зло вместо желаемого.

Так и этот Ордынский князь Едыгей, самый знатный из всех ордынских князей, правящий всем Ордынским царством, назначающий царем того, кто ему угоден, коварен был по отношению к великому князю Василию Дмитриевичу, окружил его высокими почестями, одарил богатыми дарами, кроме того и его сыном называл своим любимым, обещая ему укрепить его власть и возвысить над всеми русскими князьями, принимал приходящих в Орду от князя послов с почестями, отпускал их обратно на Русь с дарами и миром, обещая иметь с ним вечный мир.

Вскоре великий князь Василий Дмитриевич разгневался на своего тестя Витовта Кейстутовича, великого князя Литовского, захотел воевать с ним из-за земного богатства, так как тогда Витовт Кейстутович владел всей Литовской и Киевской землями. И поведал великий князь Василий Дмитриевич свою обиду на своего тестя Витовта Кейстутовича великому Ордынскому князю Едыгею, желая получить от него помощь, так как любил его Едыгей и сыном своим считал. И лукавый, и коварный Едыгей обещал всячески помогать своему сыну великому князю Василию, говоря: «Пусть видят остальные русские князья нашу с тобой любовь, будут кроткими и мирными по отношению к тебе, пусть боятся тебя, так как я помогаю тебе, поэтому ты превознесешься над ними и устрашишь их всех».

Также послал князь Едыгей к великому князю Литовскому Витовту Кейстутовичу, говоря: «Стань мне другом, и я тебе буду другом, узнай, что твой зять князь Василий Дмитриевич Московский желает вторгнуться в чужие земли и не свое защищать, а с тобой воевать, хочет захватить твои земли, остерегайся его, так как он мне многое говорил о тебе, серебро и золото прислал мне и царю, чтобы я сам пошел или уговорил царя пойти со всей Ордой войной на тебя, захватить в плен и сжечь твою землю, чтобы он смог править в твоих городах, так он разжигает в нас вражду к тебе. Моя же любовь к тебе не угаснет никогда, услышь мои слова и никому об этом не говори».

Обрадовался Едыгей, думая: «Когда начнут они между собой сражаться, тогда уменьшатся их войска, если не все из них примут смерть, то утомятся они, у меня же будет время, с кем захочу, сражусь, и не будет противников мне». И послал в Москву к великому князю Василию Дмитриевичу, одобряя его поход на Витовта, оказывая ему помощь.

Князь великий Василий Дмитриевич, собрав своих князей, бояр, советников, поведал им слова Едыгея; князья, бояре и советники обрадовались, вся Москва обрадовалась такой любви Едыгея к великому

князю Василию, говоря: «Вся Орда поможет великому князю Василию Дмитриевичу, кого он захочет, тех завоюет, все будет принадлежать нам, и мы прославимся больше всех».

И стали сражаться с Литвой, получив помощь от татарского войска. А литва стала сражаться с москвичами, много пролилось крови, и татары захватили много добычи.

И московские бояре, воеводы и вельможи радовались, а седые старики не одобряли этого, говоря: «Неправильно поступают наши бояре, зовя себе на помощь татар, давая им серебро и золото, не таким ли способом Киев и Чернигов много напастей и бед претерпели, стали сражаться между собой, звали татар себе на помощь, брат сражался с братом, убивали друг друга, захватывали соседние земли, а половцы наблюдали за русским народом, воинством, храбростью наших князей, напали на нас, завоевали, победили всех, так и сейчас произойдет». Князь великий Василий Дмитриевич со своим тестем великим князем Витовтом Кейстутовичем Литовским воевал некоторое время, потом заключил перемирие, но раздор между ними умножился, оба они терпели убытки и испытывали некое страдание, в то время не было в Москве опытных бояр, молодые держали обо всем советы, радовались распрям, войнам, кровопролитиям, многое они делали не по обычаю.

Едыгей же непрестанно поддерживал ссоры между ними, зная, что они родственники, один — тесть, а другой — зять, и не особенно желают войны и кровопролития, а мира и любви; но он, не переставая, продолжал ссорить их; наблюдал за русским народом и русским воинством, ожидая подходящего времени, чтобы напасть на Русь. А в то время послал князь Свидригайло Ольгердович в Москву к великому князю Василию Дмитриевичу, желая объединиться с ним против Витовта. Свидригайло был по вере лях, но предрасположен к бою, храбрый и сильный воин, рад был его предложению великий князь со своими боярами, отдал ему много городов, почти половину великого княжества Московского, славный город Владимир, в котором соборная церковь Успения Пречистой Богородицы, названная Златоверхая, так как имела пять золотых куполов, в ней находится чудотворная икона Пречистой Богородицы, от которой происходит много чудес и знамений и которая устрашает неверных. И все это было отдано пришлому ляху, поэтому и много бед постигло нас.

И сам храбрый князь Свидригайло Ольгердович, и его храброе войско пришло в смятение, устрашилось, как малые дети, во время нашествия Едыгея и бежали. Третий год длилась распря великого князя Василия Дмитриевича с Витовтом, пришли оба они к реке Угре, немного постояли на берегу и заключили мир по старому обычаю, разошлись каждый в

свою землю. Татары недалеко кочевали, увидели, что они, утомленные, разошлись каждый в свою землю, рассмотрели их вооружение и мощь. И рассказали все князю Ордынскому Едыгею. Едыгей, называемый иногда отцом великого князя Василия Дмитриевича, но сам скрывавший свое коварство, называя князя сыном, но желая воевать с ним и пленить его, послал к великому князю Василию Дмитриевичу, коварно говоря ему: «Знай, Василий, выступил царь Булат-Салтан со всей великой Ордой против Витовта, чтобы отомстить ему за то, что он сотворил с твоей землей, ты воздай ему царские почести, если не сам поедешь, то пошли своего сына к царю или брата, если же не их, то пошли к нему одного из своих вельмож, ничего не опасаясь, так как я помогу тебе во всем». Так Едыгей коварно ухищрялся, чтобы войска не собрались вместе и не оказали ему сопротивления.

Посол Едыгея пришел в Москву и передал слова Едыгея, великий князь Василий со всем народом пришли в недоумение, не зная об этой новости, поэтому и войска не собрали, но отправили к Едыгею одного из вельмож по имени Юрий с дружиной, говоря, что если и соберется вскоре войско, то он отошлет его.

Едыгей забрал Юрия и вскоре отправился, в Москве ждали известий от Юрия, но не дождались.

И вдруг пришел некий человек, узнавший, что татарское войско уже близко подошло. Услышав об этом, великий князь Василий Дмитриевич не успел собрать даже небольшого войска.

И так город был осажден, в нем великий князь оставил своего дядю князя Владимира Андреевича, внука Иванова, правнука Иванова, праправнука Даниила Московского, и своих братьев — князя Андрея Дмитриевича, князя Петра Дмитриевича, воевод, множество людей, а сам с княгиней и детьми уехал в Кострому.

И в городе началось смятение, устрешились люди, стали убегать, не заботясь ни о своем имуществе, ни о чем ином, а разбойники и воры, и хищники стали обогащаться грабежами.

И повелели поджечь посад, и был великий мятеж, вопил и кричал народ, а огонь гудел, и огненные языки вздымались в воздух, и город был окружен со всех сторон татарами.

Был уже пятый день, наступал вечер, а татарские полки, увеличиваясь в количестве, располагались на ночлег в поле, опасаясь подойти близко к городским стенам из-за выстрелов из города.

А сам Едыгей, подойдя, расположился в Коломенском и видел, как все люди ужасаются, и никто не смеет выйти против него, и сам распустил свое войско. Так смирил нас Господь Бог перед нашими врагами

по нашим грехам: если где появится один татарин, то наши не смеют противиться ему; если где два и три татарина появятся, то множество христиан в бегство устремляются, оставляя своих жен и детей. Так проявилась наша гордыня, и исполнилось предреченное знамением: вытекшей из иконы Пречистой Богородицы кровью в Похре в Коломенском уезде. Татарское войско, распущенное Едыгеем, продолжало сражаться и многих захватило в плен.

Взяли и город Переяславль, сожгли его, и Ростов, и Дмитров, и Серпухов, и Верею, и Нижний Новгород, и Городец, многие земли и села пленили и сожгли, а много христиан умерло во время той зимы: тогда была очень холодная и студеная зима, сильные вьюги и ветры. А гордый князь Свидригайло со своей храброй литвой никого из иноплемеников не победил, сломилось их оружие и вся воинская хитрость: Едыгей же пленил всех князей.

А за великим князем Василием Дмитриевичем послал царевича Бегибердея и своего сына Якшибея, князя Сентилибея с тридцатью четырьмя тысячами войска татар; они же, не дойдя до князя, вернулись назад. Едыгей все окрестности Москвы захватил и опустошил, только одна Москва Богом сохранена была по молитвам Пречистой Его Матери Богородицы, ради животворящей Ее иконы и ради великого чудотворца Петра, митрополита всея Руси. Сам Едыгей не подошел к Москве, не посылал в него, желая перезимовать и захватить Москву, много гордясь и превозносясь. И послал в Тверь к великому князю Ивану Михайловичу Тверскому царевича Булата и князя Ериклибердея, приказывая прибыть ему к Москве с пушками, с тюфяками, пищальями и самострелами. Он же прошел с ними часть пути, но дальше не пошел, и, отправив их дальше, возвратился из Клина назад, не желая изменить своей клятве великому князю Василию Дмитриевичу и в то же время и не разгневать Едыгея.

А в то время из Орды пришли послы от царя Булат-Салтана, приказывая ему без промедления быть у царя в Орде: когда отпустил всех на Русь царь Булат-Салтан, то один царевич, выждав время, захотел захватить царство Большой Орды, изгнать или убить царя Булат-Салтана. Тогда Едыгей устранился того, что пообещал перезимовать под Москвой, превозносясь гордостью, а сейчас должен был без промедления оставить все и вернуться. И сказал своей дружине: «Скоро мы пойдем в Орду, чтобы не лишиться царства, так как там некто, придя, хочет захватить наше царство, но здесь князь великий Василий, собрав войско, сможет нас победить, что будем делать тогда?» И вскоре послал в город, прося мира, примирился с горожанами, взяв выкуп в 3000 рублей.

Простоял месяц под Москвой и ушел в свою землю с бесчисленными пленными и богатством. Видите ли милость Человеколюбца Бога и

Пречистой Его Матери Богородицы, и великого чудотворца Петра, митрополита всея Руси, как устрашились враги измаильтяне и вскоре бежали, хотя никто не сопротивлялся им, но только Господь Бог устрашил их и прогнал, хотя и дал время сразиться и смирить нас, но не оставил нас до конца Своей милостью. Если и вытопчет луг вебрь, и дикий вебрь-одиночка изранит нас, но корень благочестия не вырвет. Так научимся же творить добро, заповеди Господни соблюдать, покаянием, умилением, исповеданием, милостыней, щедростью к нищим Богу угодим, получим настоящие блага и получим обещанные в будущем милости благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава и держава во веки веков, аминь.

В ту же зиму рать Едыгея захватила волость Клинскую в пределах Тверской земли дома Святого Спаса, множество людей было убито, а некоторые были уведены в плен.

В тот же год жито было очень дорого, так что много христиан умерли от голода, а продавцы жита разбогатели.

И в тот же год князь Ордынский Едыгей прислал к великому князю Василию Дмитриевичу, так говоря:

«Дошел до нас слух, что у тебя проживают дети Тохтамыша, поэтому и пошли мы с войском; еще дошли до нас слухи, что неправильное творится в твоих городах: послы царя и купцы из Орды к вам приезжают, а вы поднимаете послов и купцов на смех, причиняются им у вас обиды и притеснения. Это неправильно, когда прежде это был улус царя, и управлял он княжеством и пошлинами, то послов царя почитали, купцов не обижали и не притесняли. И ты бы узнал у старцев, как все происходило раньше, а ты сейчас так не поступаешь, разве это правильно? И Темир-Кутлуй стал править, а ты стал государем улуса, но не бывал ты в Орде у царя, не видел царя и в глаза, ни князей, ни знатных бояр, ни незнатных, никого не присылал, ни сына, ни брата, ни с кем не передавал и слова. И потом Шадибек царствовал восемь лет, и у него ты не бывал, и никого к нему со словом не присылал. И уже прошло царство Шадибека, сейчас царь Булат-Салтан стал править царством, он царствует уже третий год, а ты ни сам у него не бывал, ни сына, ни брата, ни знатного боярина не присылал.

А над таким обширным улусом властвует великий князь, но все твои дела недобрые и несправедливые. Добрые нравы и добрые советы, добрые дела были по отношению к Орде при Феодоре, он был хорошим человеком, который помнил о добрых деяниях Орды; но то время прошло, теперь у тебя его сын Иван, твой казначей, любимец и старейшина, и ты поступаешь теперь по его совету и мнению. По его совету твоему

улусу было причинено зло, погибли христиане, ты бы так не поступал, не слушал бы молодежь, а собрал всех старых своих бояр и старцев, держал бы с ними совет, как поступить так, чтобы для всех твоих христиан было хорошо, чтобы никто не погиб от твоей гордости. Если ты не хочешь так поступить, а хочешь воевать, то по другому тебе следует поступать. Хорошо было бы для тебя так поступить, чтобы прожить, собирать пошрины и в твоём улусе безбедно жить и править. А если какие обиды будут нанесены русскими князьями или литвой, то ты нам жалуешься на них, шлешь грамоты с просьбой о помощи, просишь защиты у нас, и нет нам покоя от тебя в этом деле, говоришь ты нам, что улус твой бедный и не можешь заплатить дань. И мы прежде твоего улуса сами не видели, только слышали, а в своих грамотах и приказах, которые ты присылал нам в Орду, ты все лгал; что имел в своём государстве с каждого улуса с двух сох рубль, куда же делось то серебро? Если бы это было действительно так, как ты говорил нам, если бы ты отдавал нам все, как было заведено в старые времена, но никакого зла не было бы причинено улусу, и христиане не погибли бы, а мы не гневались и не воевали с вами». Самим следует понимать, почему агаряне восстают на нас, разве не понятно, что за наши грехи попускает их на нас Господь Бог, чтобы мы обратились и покаяться! Много у нас неправды, зависти, гордости, разбоя, воровства, насилия, блуда, пьянства, объединения, лихоимства, лжи, клеветы, осуждения, смеха, плясок и зрелищ бесовских, всякого возвышения на разум Божий, непокорности закону Божьему, неисполнения заповедей Господних, за все это обрушится гнев Божий на непокорных сыновей. Но если же мы откажемся от зла и покаемся, то помилует и спасет нас Человеколюбец Бог, если же не обратимся и не покаемся, то получим иное. Если все, здесь написанное, придется кому-либо не по сердцу, что столько высказано о горестном в нашей земле, то это может побудит, послужит к пользе, заставит вернуться к благому и сохраненному в памяти народной. Мы не чиним препятствий, не ругаем, не завидуем чести, но устанавливаем то, что нашли еще у первоначального киевского летописца, который, не обинуясь, повествует обо всех мирских временных событиях; еще и наши первые правители без гнева повелевали описывать все, что произошло доброго и неприятного, да и после них так происходило, как при Владимире Маномaxe, у того великого Сильвестра Выдобыжского, повествовавшего, не приукрашая действительности, прочти это, если захочешь, чтобы убедиться. Все благо и спасение настоящего и будущего века состоит не в гордости, в гневе и щегольстве, но в простоте, умирении, смирении, так как с помощью смирения приобретается все благое, без которого ничего невозможно совершить. Так и древние отцы простотой и смирением приобретали для

себя все благое настоящего и будущего века, так и нам заповедали; мы же, руководствуясь этим, все, произошедшее в наше время, не минуем наших правителей, следящих и прилежно наблюдающих, чтобы о таких вещах рассуждали с разумением, выбирали все лучшее и хорошее, молодежь почитала старцев, а сами без мудрых старцев не самочинствовали в вопросах мирского правления. Гордостью города являются старые люди, почетен совет со старцами и людьми, убеленными сединами, но бывает старость не по возрасту, но почетная, по словам Соломона «седины бо есть, рече, мудрость человеком, и възраст старости житие нескверно». Но всякий знает, что красота города — старчество, так как и самим Богом почитается старчество, говорится в Писании: «Вопроси отца твоего, и възвестить и старца твоя рекут ти».

В том же году новгородский посадник Анфал ходил с войском против болгар по Каме и Волге, по реке Каме прошло сто насадов, а по реке Волге — полтораста насадов, камские насады пришли раньше, а волжские не успели подойти. И напали на них татары, всех убили, а самого Анфала захватили в плен и отвели в Орду.

В 6918 лето от Адама (1418 лето от Христа)

Месяца сентября в 1 день пришел из Царьграда в Русскую землю в Киев митрополит Фотий, поставленный Матфеем, патриархом Цареградским, приняли его с большой радостью и любовью, с большими почестями все русские князья и бояре, и простые люди, радость была по этому поводу по всей стране.

В ту же осень князь Свидригайло Ольгердович, внук Гедиминов, чью богатырскую силу, удаль, отвагу в битвах превозносили, утомился, убегая со своей храброй литвой от татар Едыгея, а славным русским городом Владимиром, Переяславлем, Коломной и многими другими городами и волостями, селами и угодьями, какой смысл много об этом говорить? — чуть ли не половиной всего московского княжества он владел, а победы над агарянами он не одержал, и, возвращаясь к себе в Литву, разграбил и опустошил город Серпухов, и пошел оттуда с большим богатством восвояси.

Повесть о преставлении блаженного Арсения, епископа Тверского

Произошло его преставление тихо и мирно, но никто этому не удивился, так как судьбы Божьи неизвестны. Поэтому необходимо нам внимать своей душе, плакать о своих грехах, а тайные судьбы Божьи не искать. «Высших для тебя не исследуй и глубочайших тебе не ищи», — сказал Афанасий Великий. Многие благочестивые люди страдают перед смер-

тью, чтобы и мы, увидев это, испугались и вразумились; тем более и святые, которые имели небольшие недостатки, во время смерти совершенно очищаются и отходят в тот мир непорочными; грешники же тихо и мирно умирают, чтобы там, умерев, принять тяжкие муки. Сказал святой Афанасий Синайский: «Много спасения обретають, иже горкою смертию от тела отлучаются». Сказал один святой: «Никтоже может судьбы Божиауведати, мнози убо и праведнии безчестную и стропотную смерть приемлют, мнози же и грешнии не нужною, но тихою и кроткою смертию разлучаются от тела». Также о подобных и всех остальных говорит великий апостол Петр: «О глубина богатства и премудрости и разума Божиа, яко не испытанны судьбы Его и не изследованны пути Его; кто бо разуме ум Господень, или кто советник Ему бысть?» В соборное воскресение святого поста все совершили для болеющего епископа по обычаю, также и в понедельник, во вторник, в среду, в четверг той же Соборной недели он немного поболел головой, а в полночь его словесный орган умолк, закрылся, и слово угасло.

И наступил месяц март, по книжному исчислению первый день, а по лунному календарю — февраля 15 день. В пятницу на заре пришел к святителю великий князь Иван Михайлович Тверской со своими братьями, детьми и боярами, повелел архимандритам, игуменам и священникам пособоровать святителя святым маслом, после чего все подходили к епископу за благословением и прощением, но он ничего не мог произнести. О страх и ужас! Живший в такой славе и с такими почестями лежит безгласный, трепещет и страдает от нечувствия, принимая за пищу голод, за питье — жажду, за покой — болезнь, за радость — скорбь, за честь — бесчестье, за славу — смирение. Увы, увy, человеческое кратковременное существование! Сидели около него десять иноков и ничего не слышали от него, кроме вздохов болезни и стонов сердца.

В ту же ночь в полтретьего часа месяца марта во 2 день, накануне субботы, ушел он из этой жизни и предал свой дух Господу. Много слышалось плача и стонов, но никто не мог ему помочь, кроме его добрых дел. Великий князь Иван Михайлович Тверской со своими братьями, боярами и всем народом решили похоронить его тело в основанном епископом монастыре святых отцов Антония и Феодосия в Желтикове. И пели над его телом надгробные песнопения в соборной церкви святого Преображения Господня, проводили его тело с почестями в созданный им монастырь в церковь Пречистой Богородицы в Желтикове на реке Тмаке.

И погребли его там с псалмами, надгробными песнопениями месяца марта во 2 день, управлял он церковью в Твери 19 лет и 6 месяцев, а прежде был архидьяконом Киприана, митрополита Киевского и всея Руси, им он был поставлен в епископы в Твери при великом кня-

зе Михаиле Александровиче Тверском, а скончался при великом князе Иване Михайловиче Тверском. Много исцелений бывает от его гроба приходящим с верой.

В ту же весну преосвященный Фотий, митрополит Киевский и всея Руси, был поставлен блаженным Матфеем, патриархом Цареградским при Мануиле, Цареградском царе, в Царьграде в 6917 лето от Адама (1417 лето от Христа), а на Руси при великом князе Василии Дмитриевиче Московском. Был митрополит Фотий очень умен и добродетелен, мужествен, по своему рождению и воспитанию он происходил из Амморейской земли. С детства полюбил он Бога и еще в юности оставил мир, приняв постриг у великого старца Акакия. И потом блаженный Акакий был возведен на великую святительскую кафедру, Фотий пребывал с ним и жил при нем.

И оттуда Божьей благодатью был в Царьграде поставлен на великую святительскую кафедру — на митрополию Киевскую и всея Руси. И, не привыкнув жить в чужой стране, среди чужого ему народа, где повсюду заботы, слухи, мятежи, волнения, он изнемогал и скорбел, обращался к Господу Богу и Пречистой Его Матери Богородице с умилением и смирением, но Бог Своей благодатью сохранял его и помогал ему.

Из Царьграда он пришел в Киев и на Русь в 6918 лето от Адама (1418 лето от Христа) месяца сентября в 1 день, а из Киева — в Москву месяца апреля в самый день Христова Воскресения. И встретили его с крестами священный собор и сам великий князь Василий Дмитриевич далеко за пределами города с князьями и боярами, со множеством народа, с большой радостью и весельем, приняли его с почестями и верой. И возрадовалась, и возвеселилась вся земля, торжествовали все. Королевством же Польским в то время правил Ягайло Ольгердович, внук Гедиминов, великим княжеством Виленским и Киевом правил тогда Витовт Кейстутович, внук Гедиминов, тесть великого князя Василия Дмитриевича; в Твери на великом княжении был тогда великий князь Иван Михайлович, внук Александров, правнук Михаила Ярославича; царством Большой Орды в то время правил царь Булат-Салтан, а при нем главным над всеми князьями в Орде был окаянный Едыгей, в Рязани на великом княжении был тогда великий князь Феодор Олегович, внук Иванов, зять великого князя Дмитрия Ивановича Московского.

После татарского нашествия злочестивого Едыгея, когда вся земля была опустошена, а все люди уведены к агарянам окаянным проклятым Едыгеем, не был занят престол митрополита. Митрополит Фотий молился со слезами Господу Богу и Пречистой Его Матери Богородице, великим чудотворцам о сохранении своей паствы во всей Русской земле. В то время, когда часто бывали голод и мор, он всех поучал словами благочес-

тия, обращаясь к Божественному Писанию, призывал соблюдать заповеди Христовы и избегать зла, пребывать в добре.

И после татарского нашествия, после частых моров началось преумножение населения Русской земли, потом и церковные митрополии стали увеличиваться, стали возрастать доходы митрополита Фотия, а то, что исчезло, начало отыскиваться, то, что было захвачено князьями, боярами или какими другими лихоимцами было похищено: села и угодья, доходы и пошлины Христова дома и Пречистой Богородицы, святых великих чудотворцев Петра и Алексия. Митрополит стал все собирать и укреплять в доме Христове и Пречистой Богородицы, и святых чудотворцев Петра и Алексия, в священной митрополии всея Руси, доходы и пошлины, и земли, и воды, и села, и угодья. Что-то он прикупил во славу имени Христова и Пречистой Богородицы для пропитания убогих и нищих, так как написано: «Церковное богатство — нищих богатство, и дая нищему взаим дает Богу, и блажен разумеая на нищи и убога в день лют, избавить Господь. Господь сохранить и живит, и ублажит на земли, и не предасть его в руки врагам его, и милостынями очищаются греси, и якоже вода уташает огонь, тако же и милостыня очищает грехи». А святой пророк Даниил говорит: «Грехи твоя милостынями очисти, и прогreshниа твоя щедротами нищих». В ту же весну месяца мая преставился князь Владимир Андреевич, внук Иванов, правнук Даниила Московского, и завещал своей княгине, своим детям отдать в дом Христов и Пречистой Богородицы, и великих чудотворцев Петра и Алексия, и митрополиту, отцу своему преосвященному Фотию, митрополиту Киевскому и всея Руси, в помин по себе и по своему роду село Кудрино с деревнями, со всеми угодьями, как было заведено в старые времена. Княгиня его Елена, дочь Ольгерда Гедиминовича, по приказанию своего мужа князя Владимира Андреевича вместе со своими детьми отдала в дом Христов и Пречистой Богородицы, и великих чудотворцев Петра и Алексия, отцу своему преосвященному Фотию, митрополиту Киевскому и всея Руси, в помин по своему мужу и самой себе, по своим родителям, детям и своему роду большое село Кудрино, а вместе с тем селом и деревни: Ананьино, Обелцыно, Бестужево, Афанасьево, Давидово, Диаконово, Красково, Редкино, Валчино, Захарово, Выдрешково, Родукино, Тимошкино и пустоши, селища со всеми угодьями, как было заведено в старые времена.

В том же году в Новгороде преставился посадник Тимофей, а также и другой посадник Осип Захарьич. В том же году произошло сражение между королем Ягайло Ольгердовичем, прозванным Владиславом, и великим князем Литовским Витовтом Кейстутовичем с немцами, с пруссами на земле, которая располагалась между городами Дубравный и Острода, убили магистра и маршала, и кумандера, кунтуров победили и

всю их немецкую силу одолели. И их немецкие города захватили, только три города не сдались королю и Витовту.

И произошло той осенью три сражения между ляхами, литвой и немцами, во время всех трех битв немцы были побеждены, но много и христиан, литвы и ляхов было убито немцами. И простояли под Марииным городом 8 недель, взяли около него два предместья, а третьего — верхнего города не взяли. И пробыли в немецкой земле еще одиннадцать с половиной недель.

В том же году великий князь Василий Дмитриевич повелел строить город Плес.

В том же году архимандрит Киевский Харитон построил каменную церковь Трех святителей на Красном острове.

В том же году окаянный Ордынский князь Едыгей завоевывал поморские города и причинил там много зла.

В том же году в Новгороде Иоанн, Новгородский владыка, построил каменную часовню, чтобы освящать каждый месяц воду, и каменную пекарню.

В том же году псковичи заключили мир с Витовтом Кейстуовичем.

В 6919 лето от Адама (1419 лето от Христа)

Месяца сентября пришли с набегом татары на Рязань. Рязанцы же отправились за ними в погоню, побили их и отняли пленных.

В ту же осень месяца октября на Дмитриев день поднялась вода в реках, и повсюду началось наводнение. В ту же осень месяца ноября в 30 день в Новгороде произошло чудо в церкви святого архистратига Михаила на Сковородке: два дня и две ночи в куполе раздавался гул.

В ту же зиму в Новгороде было знамение в церкви святого мученика Георгия на конце Лубяницы: от иконы Пречистой Богородицы истекало как кровь.

В ту же зиму месяца января на память святого Иоанна Кушника произошло сражение на Лыскове между князьями Петром Дмитриевичем Московским, Ростовским и Ярославским, князем Суздальским и Нижнего Новгорода Даниилом Борисовичем и его братом князем Иваном и с болгарскими и жукотинскими князьями. Это было жестокое сражение, тогда был убит князь Даниил Васильевич, и много воинов было убито с обеих сторон. Встали на костях князя Нижнего Новгорода и казанские князья. В ту же зиму стал править в Орде царь Темир, а князь Едыгей бежал.

В ту же зиму великий князь Иван Михайлович Тверской прислал своего посла боярина за митрополитом Фотием. Митрополит Фотий при-

шел в Тверь и поставил Антония в епископы Твери месяца февраля во 2 день.

В ту же весну преставилась великая княгиня Авдотья, жена великого князя Ивана Михайловича Тверского, вторая дочь князя Дмитрия Еремеевича, месяца апреля в 13 день, в понедельник, на следующий день после Пасхи, похоронена была в соборной церкви Преображения Господня в Твери.

В том же году князь Александр Иванович Тверской поехал из Твери в Литву, встретился с королем и великим князем Витовтом Кейстутовичем в Киеве, а сын Тохтамыша царевич Зелени-Салтан был там же, у Витовта Кейстутовича.

В том же году сын Тохтамыша Салтан напал на ордынские улусы и разграбил их.

В том же году преосвященный Фотий, митрополит Киевский и всея Руси, пошел из Москвы во Владимир, пробыл там в течение нескольких дней, не зная ни о чем, ни о сражениях, ни о мятеже, так как в то время было очень тихо и спокойно в княжестве.

И князь Нижнего Новгорода Даниил Борисович, скрываясь ото всех, привел к себе царевича Талыча.

И послал с ним в набег своего боярина Семена Карамышева и с ним двести пятьдесят татар и двести пятьдесят русских.

И тайно подошли они к Владимиру из-за реки Клязьмы в полночь, когда все спали, а города тогда не было, не было тогда и наместника Юрия Васильевича Щеки. А преосвященный митрополит Фотий после вечера отправился из Владимира в свою митрополичью волость в Сенеге месяца июля.

Второй день прошел, и пребывал он на Святом озере в церкви святого Преображения Господня, которую основал митрополит Киприан, и где часто жил, так как любил лесные пустынные места, много было там митрополичьих озер и мест непроходимых. И так из Владимира дошла до митрополита Фотия весть: «Пришел набегом во Владимир царевич Талыч с большим войском, а вместе с ним воевода князя Нижнего Новгорода Даниила Борисовича Семен Карамышев на другой день после твоего отъезда, и скоро придут к тебе». И Фотий ушел в леса на свои озера, в потаенные сенежские места. Татары не нашли митрополита Фотия и вернулись обратно, повсюду без милости убивая людей.

И пленили население города, а посады захватили и сожгли, людей убили без числа, а богатство их забрали себе.

Тогда закрылся в соборной церкви Пречистой Богородицы ключарь священник Патрикий, родом грек, который пришел вместе с Фотием

из греческой земли, известный и добродетельный человек. Вместе с несколькими людьми закрылся он в церкви, забрал золотые и серебряные церковные сосуды, унес их на самый верх церкви Пресвятой Богородицы и спрятал там. Несколько человек оставил там, а сам сошел вниз, лестницы убрал и встал в церкви перед образом Пречистой Богородицы, плача и проливая слезы. А татары кричали, чтобы отворили им церковные двери. Ключарь неподвижно стоял перед образом Пречистой Богородицы, не слушая нечестивых агарян. Они, безбожные, выбили церковные двери и вошли в церковь, чудную икону Пречистой Богородицы повредили, также и остальные иконы и саму церковь разграбили.

А пресвитера Патрикия, пленив, стали допрашивать о церковных сокровищах и о людях, которые были вместе с ним в церкви. Он же ничего не ответил им, даже претерпев страшные мучения, ничего им не открыл.

Ставили его на раскаленную сковороду, загоняли под ногти щепы, сдирали кожу и, перебив ноги, привязали к хвосту коня и так волочили его. И в таких страшных мучениях он скончался о Господе, приняв мученический венец.

Татары все церкви разграбили и сожгли, также и все дома сожгли, угоня и села вокруг Владимира захватили, людей без числа убили.

А некоторых людей увели в плен, забрав с собой много богатства, золота и серебра. Говорили побывавшие тогда в плену, что столько унесли с собой богатства, что драгоценную одежду и вещи складывали, как в копны сено, и сжигали, будучи не в силах унести с собой все, что захватили. Но только золото и серебро, украшения и драгоценные ризы, и бесчисленное множество богатства забрали, а что-то сожгли, деньги же делили мерками между собой. Тогда же в огне пожаров и колокола расплавились. Повсюду лежали трупы, и в городе, и вне города, и около города в селах всюду лежало бесчисленное множество мертвых. Произошло это месяца июля в 3 день.

Митрополит Фотий милостью Божьей и Пречистой Богородицы спасся от окаянных измаильтян, возблагодарил Всемилоственного Бога и сотворил молитву о своем сыне великом князе Василии Дмитриевиче, обо всех остальных князьях и всех христианах, чтобы избавил их Господь Бог и Пречистая Богородица от татарского пленения. И основал на берегу своего озера у Сенеги церковь Рождества Пречистой Богородицы, осветил ее и принес безкровную жертву Христу Богу, испрашивая всем милости, спасения от безбожных агарян. И стал жить в пустыне у озера Сенег, около церкви Рождества Пречистой Богородицы. Священноиннок Пахомий болгарин, пришедший на Русскую землю из Греции вместе с митрополитом Фотием, живший прежде в пустыне в Амморейской стране у святого велико — старца Акакия, у которого жил и Фотий, так как место

то было тихое и безмолвное, пребывал теперь вместе с митрополитом. И пробыл Фотий на Сенеге 4 недели и три дня в молчании и безмолвии, умилении и молитвах. Вспомнил он свою прежнюю жизнь в пустыне, когда пребывал в послушании у великого и блаженного старца Акакия, живя в духовном делании и учении, в очищении разума, в чтении божественных Писаний и в умилении. И здесь он нашел пустынное место, основал церковь, часто бывал здесь и наблюдал огромные леса, пустынные и непроходимые дебри, тишину и глубокое молчание, вздыхая, сетуя, умиляясь, проливая слезы, и говорил в слезах: «Увы, мне, увy, мне грешному! Когда я думал о своем последнем вздохе, когда оставлю любезное мне молчание, окончу свое плачевное и смиренное житие, оставлю мысли о своих прегрешениях? Горе мне! Что происходит со мной? От какого покоя уйду я в иной покой, потрудившись свыше меры? От какой тишины впаду в смущение и ропот? Как корабль моей души устремится от такой тишины в пучину страстей? Что будет, не знаю». И с таким плачем, сетованием и скорбью изнемогал, страдая, все ему в настоящем суетном проходящем житии было нелюбезно.

И, услышав о происходящем с митрополитом, великий князь Василий Дмитриевич послал к нему, приглашая его к себе в Москву. Опечаленный митрополит отправился в Москву, скорбя и о себе самом, и о бедах, причиненных татарами христианам. Встретил его великий князь Василий Дмитриевич с почестями и беседовал с ним о нашествии нечестивых агарян, возложили они свою печаль на Господа Бога и Пречистую Богородицу, так как для Бога все возможно, а человек ничего не может: «Аще бо не Господь созиждет град, всеу бдя стрегий». Стал великий князь утешать митрополита Фотия в его скорби, говоря: «Не скорби, отче, так как Господь Бог избрал тебя и поставил для исполнения Его божественного замысла, чтобы ты заботился о Его людях, за которых Он пролил Свою кровь, тебя Он поставил вместо Себя, чтобы ты оберегал их и заботился о них. Терпи и подвизайся мужественно, чтобы спастись и получить великую мзду, молись о нас, чтобы мы были помилованы и спасены твоими святыми молитвами». И так, оставив свою печаль, утешился он о Господе. И потом был совет великого князя Василия Дмитриевича с отцом своим митрополитом Фотием о судьбе его дочери Анны, которую князь хотел выдать замуж в Греческую землю в Константинополь за царевича Ивана, сына Мануила. Митрополит Фотий согласился с этим и благословил князя.

В том же году великий князь Василий Дмитриевич выдал свою дочь княжну Анну в Царьград за царевича Ивана Мануиловича. В том же году король Польский Ягайло и великий Литовский князь Витовт Кейстутович пошли с войском к Мариину городу (Мариенбург), победили немецкое

войско, а с города взяли 300 тысяч денег золотых, заключили мир и вернулись восвояси.

В том же году пришли со своим войском и захватили новгородский корельский пригород.

И пошли вслед им новгородцы с князем Семеном, прозванным Лугвением Ольгердовичем, и, придя в Свейскую землю, завоевали села и сожгли их, шведов пленили, а некоторых из них посекали, предместье города Выборга захватили и сожгли.

В том же году была завершена соборная церковь Пречистой Богородицы в Ростове, которая сгорела во время пожара, и была освящена владыкой Григорием, архиепископом Ростовским.

В том же году в Новгороде Иван, владыка Новгородский, построил каменную церковь святых исповедников Гурия, Самона и Авива.

В том же году в Новгороде при посадничестве Григория Богдановича и при тысяцком Василии Осиповиче новгородцы начали использовать при торговых отношениях беличьи лобки, литовские гроши, немецкие артуги, а куны, куничьи мордки, отменили.

В том же году заволочане пошли с войском на мурманцев по приказанию новгородцев вместе с воеводой Яковом Стефановичем и сражались с ними.

В 6920 лето от Адама (1420 лето от Христа)

В сентябре приехал из Литвы в Тверь князь Александр Иванович, приняв большие почести от Витовта.

В ту же осень великий князь Иван Михайлович Тверской заложил город на Новоторжском рубеже.

В ту же зиму месяца декабря в 8 день был князь Василий Михайлович на праздник Святого Зачатия в своем селе в Стражкове, пели уже прокимны на вечерне, как в то время полетел из Кашина огромный и страшный змей, летел он с востока на запад к некоему озеру, светясь как заря. И увидел его князь Василий Михайлович, бояре и все люди во всех окрестностях около города в один и тот же час. В ту же зиму месяца января в 17 день князь Иван Васильевич Ярославский выдал свою дочь Марию за князя Александра Феодоровича.

В ту же зиму сел на царство Зелени-Салтан, сын Тохтамышша, а князя Едыгея прогнал.

В том же году был неурожай хлеба в Нижнем Новгороде. Покупали меру ржи по сорок четыре алтына на старые деньги.

В том же году из Орды от царя Зелени-Салтана Тохтамышевича пришел в Тверь суровой посол, зовя за собой в Орду великого князя Ивана

Михайловича Тверского. А в то время между братьями, великим князем Иваном Михайловичем и князем Василием Михайловичем Кашинским была ссора, и повелел великий князь Иван Михайлович Тверской своего брата князя Василия Михайловича пленить вместе с его боярами и слугами месяца июня в 28 день. И послал в Кашин своего наместника, а княгиню его повелел привести в Тверь.

На следующий день в четверг после вечерни отослал своего брата князя Василия Михайловича Кашинского под стражей в Новый городок.

И были они на Переволоце, спешились там с коней, князь раньше всех поскакал на коне в одном терлике и без кивера вброд через Тмаку, поскакали они дальше по бездорожью. И случилось так, что в одном селе он встретился с человеком, который беспокоился о нем, тот человек спрята- л князя в лесу и поскакал с ним к Москве. И долго его искали, но так и не нашли. В том же году заключили великие князья единство между собой — великий князь Витовт Кейстутович Литовский и великий князь Иван Михайлович Тверской — решили они всегда действовать заодно.

В том же году за два дня до Ильина дня был знамение в Кашине: вечером увидели серп в облаке.

В том же году князь Василий Михайлович Тверской пошел из Москвы в Орду к царю Зелени-Салтану Тохтамышевичу.

В том же году ушли из Орды князья Нижнего Новгорода, пожаловал их царь Большой Орды Зелени-Салтан Тохтамышевич их землями.

В том же году месяца августа в 1 день на память святых Елеазара и Соломонии и ее семи сыновей великий князь Василий Дмитриевич Московский отправился в Орду к царю Зелени-Салтану, сыну Тохтамыша, со своими вельможами и с большими дарами, отправился вместе с ним и князь Иван Васильевич Ярославский.

В том же году было наводнение в Успенский пост: поднялась вода очень высоко по всем городам. В том же году месяца августа в 15 день на Успение Пречистой Богородицы отправился в Орду великий князь Иван Михайлович Тверской к царю Зелени-Салтану, сыну Тохтамыша, на судах по Волге, получив благословение у отца своего епископа Антония и всего освященного собора. Проводили его сыновья и весь народ со слезами, отправилось с ним множество бояр со слугами, а некоторые бояре со слугами проводили князя до Нижнего Новгорода. Там князь отпустил всех назад, а сам пошел дальше в Орду. А в то время в Орде до его прихода по милости Божьей и заступничеством Пресвятой Его Владычицы нашей Богородицы злой наш недруг царь Зелени-Салтан, сын Тохтамыша, умер — был застрелен во время сражения своим братом Керим-Бердеем.

В 6921 лето от Адама (1421 лето от Христа)

Месяца сентября Григорий, владыка Ростовский, это был уже второй Ростовский архиепископ, первым был Феодор, племянник святого Сергия, игумена Радонежского, а вторым — этот Григорий по благословению Фотия, митрополита Киевского и всея Руси, Григорий построил каменную церковь Благовещения Пречистой Богородицы на Дорогомилове над рекой Москвой, а от земель, принадлежащих митрополиту в селе Кудриной, отказался, чтобы они стали принадлежать митрополиту. В ту же осень месяца сентября князь Семен, прозванный Лугвений Ольгердович, внук Гедиминов, уехал из Новгорода в Литву и своих наместников отозвал с новгородских пригородов. В ту же осень в Новгороде была завершена церковь святого Николая на Вереже у моста.

В ту же осень месяца октября в Дмитриев день выехал из Орды великий князь Василий Дмитриевич Московский, а вместе с ним князь Василий Михайлович Кашинский.

В ту же осень воцарился в Орде царь Керим-Бердей.

В ту же осень месяца октября в 31 день ночью в Твери сгорел Городок на Волге, церковь Пречистой Богородицы, двор князя, много княжеского имущества, жита и запасов.

В ту же зиму месяца декабря в 24 день в канун Рождества Христова вернулись в Кашин князь Василий Михайлович и князь Иван Борисович, а тверская застава не пропустила их в Кашин, тогда князь Василий Михайлович пошел обратно в Орду.

О разрыве мирных отношений короля Ягайло Польского и князя Витовта Литовского с Новгородом

В ту же зиму месяца января во 2 день Польский король Ягайло Ольгердович и великий Литовский князь Витовт Кейстутович, и князь Семен Лугвений Ольгердович отправили грамоты, расторгающие мирный договор, в Новгород, говоря: «Обещали вы нам, что если немцы расторгнут с нами крестное целование, мир и договор, то и вы расторгнете с немцами крестное целование, мир и договор и будете с нами заодно, поэтому мы посылали к вам панов Немира и Зиновия Братошичей узнать, сдержали ли вы свое слово. А вы им отвечали: «Новгород не может так поступить, если пребываем в мире с литовцами, то пребываем в мире и с немцами». Тогда мы послали забрать от вас князя Лугвения, а с немцами заключили вечный мир, так же как и с уграми, и со всеми странами, граничащими с нами; но вы забыли свое обещание, которое давали нам, что заодно с нами будете. И вы во всем нам лгали, учинили вы великую неправду, кроме того, ваши люди нас ругали и бесчестили, называли нас

язычниками и неверными, а мы — христиане и сами ненавидим язычество. Кроме того, приняли вы нашего врага князя Феодора Юрьевича, внука Святослава, Смоленского. И поэтому из-за нарушения вами нашего соглашения, расторгаем мы с вами мир, разрываем крестное целование, мир и договор».

Тогда князь Семен Ольгердович, прозванный Лугвений, расторг мирный договор с Великим Новгородом, говоря: «Я буду заодно с королем Ягайло Польским и великим князем Литовским Витовтом Кейстутовичем. А что до того, что вы содержали меня, что это хорошо, так как я был с вами заодно против ваших врагов, трудился и проливал кровь за вас. А так как сейчас наступил раздор между моими старшими братьями — Ягайло, королем Польским, и великим князем Литовским Витовтом Кейстутовичем и вами, то и я буду выступать против вас, потому что я брат для них. Нельзя мне быть с ними порознь, поэтому не держите на меня зла». Услышал князь Феодор Юрьевич Смоленский, внук Святослава, что из-за него будет война и кровопролитие, и обратился к новгородцам, говоря: «Братья и друзья новгородцы, за то, что вы приютили меня у себя в беде, воздаст вам Бог, но раз сейчас из-за меня начнется смута, война и кровопролитие, и вы поссоритесь с Витовтом, то отпустите меня туда, куда меня направит Бог». И уехал в немецкую землю с плачем и горькими слезами.

В ту же зиму владыка Иоанн Новгородский был в Москве у преосвященного Фотия, митрополита Киевского и всея Руси, приехал он к нему с богатыми дарами. Тогда в Москве представился архидьякон Новгородского владыки Иоакима и был похоронен в монастыре Иоанна Златоуста за стенами Москвы.

В ту же зиму месяца марта в 19 день в воскресенье князь Александр Иванович Тверской снова заложил Городен, привлек к этому много людей из Твери и Кашина, и город был быстро построен.

В ту же весну уехал из Орды великий князь Иван Михайлович Тверской, отпущенный царем Большой Орды Керим-Бердеем с почестями и дарами, и вернулся в Тверь, в свое отечество на великие княжение Тверское месяца апреля в 9 день воскресным утром. Епископ Тверской Антоний и весь священнический чин встретили его с крестами, почестями и большой радостью.

В том же году в Великом Новгороде построили каменную церковь святого Николая в Порхове при князе Юрии.

В том же году Новгородский владыка Иоанн с новгородскими воеводами построили церковь Собора святого архангела Гавриила на Хревкове улице, а освящал ее сам владыка на престольный праздник церкви.

В том же году в Новгороде Иван Морозов построил каменную церковь Зачатия святого Иоанна Предтечи.

В том же году за 15 верст от Можайска в вотчине князя Андрея Дмитриевича, внука Иванова, правнука Иванова, праправнука Даниила Московского, явилось знамение: в Колоче один человек по имени Лука по происхождению из простых людей, бедный земледелец нашел на дереве в некоем месте икону Пречистой Богородицы, держащую на руке младенца, Господа нашего Иисуса Христа. С одной стороны иконы на створке был изображен Николай Чудотворец, а с другой — Илья Пророк. И, взяв эту икону, поцеловал ее с верой, поставил на дереве недалеко от своей нивы.

И пришел другой человек, забрал икону у него. Лука стал умолять его оставить икону и, дав тому человеку овсяный хлеб, снова забрал икону себе и отнес в свой дом.

И в то время в его доме в течение многих лет находился расслабленный человек. Лука показал ему икону и рассказал, каким образом нашел ее. Расслабленный человек удивился и стал просить Луку, чтобы он принес к нему эту икону. Лука принес ему икону. Расслабленный прикоснулся лбом, глазами и устами к святой иконе Божьей Матери и в тот же час встал исцеленным, как будто никогда и не болел.

И слышали об этом все, живущие в том месте, стали приходить, приносить больных и недужных, и все были исцелены. И стало приходить много людей отовсюду, приносили недужных, расслабленные выздоравливали, и происходило бесчисленное множество чудес.

И стали люди почитать Луку как пророка или апостола, оказывая ему почести и славу. Лука пришел с иконой из Колочи в Можайск, и когда он приблизился к городу, вышли его встречать князь Андрей Дмитриевич со своими боярами и весь город от мала до велика, даже вынесли грудных детей. Много происходило знамений и чудес от иконы Божьей Матери.

Потом оттуда Лука отправился с иконой в Москву, там ее встретили с крестами митрополит с епископами и со всем священным собором. Также и князья, и княгини со своими детьми, бояре и воеводы, все вельможи и все православное христианское множество вышли встречать икону. И много происходило чудес: слепые прозревали, хромые начинали ходить, расслабленные вставали, немые обретали речь, глухие — слух, страдающие любой болезнью выздоравливали, что много говорить, не может человеческий ум постигнуть бесчисленное множество произошедших там чудес.

И ходил Лука с иконой Божьей Матери из одного города в другой, и везде происходило бесчисленное множество чудес от иконы Божьей Матери. И все давали Луке — и князья, и бояре, и все православные

христиане — много денег в милостыню, в честь и в дар и чествовали Луку как апостола. Лука же был простой человек, происходил он из последних поселян, но обладал законной добродетелью. И возвратился он в свою местность Колоочь с чудотворной иконой, много богатства собрав.

И построил себе дом как у князя, устроил большие и светлые дома, завел много слуг и отроков в богатых одеждах.

И на столе его было много сытных и дорогих блюд, дорогих вин, ел и пил он вместе со служащими ему.

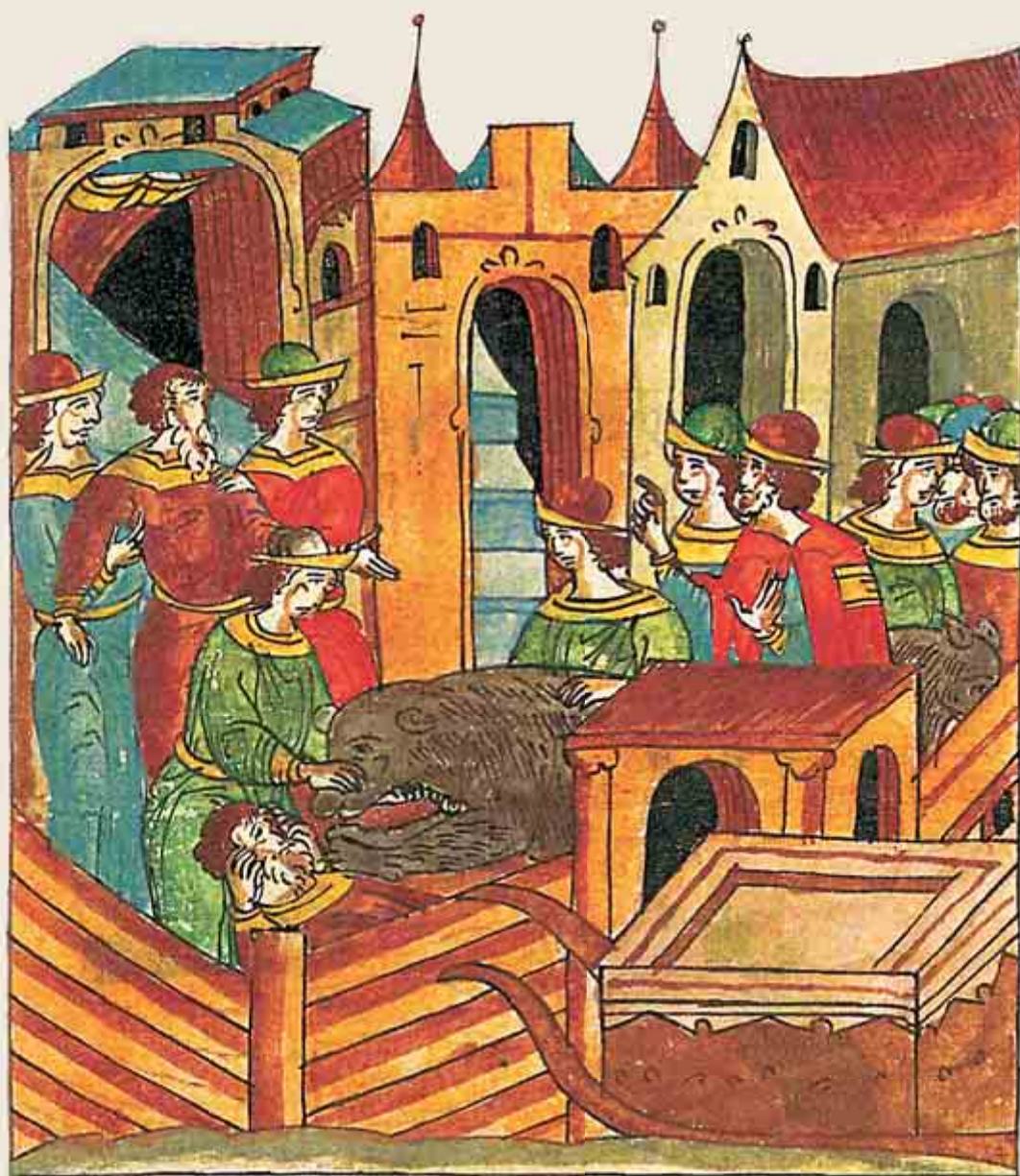
И ездил на охоту с ястребами, соколами и кречетами. Имел много псов, медведей и этим тешил себя.

От иконы Божьей Матери происходило много чудес. Ее Лука поставил в церкви, которую сам и создал на том месте, где сейчас расположен Колочский монастырь. И приходящие отовсюду больные получали здесь исцеление.

Стал Лука жестоким и бесстыдным. Когда ловчие князя Андрея Дмитриевича по повелению князя выезжали на охоту с ястребами или соколами, то он сокольничих убивал и грабил, а ястребов забирал себе. И так происходило не один раз, а постоянно. Князь Андрей Дмитриевич терпел это. Иногда посылал к нему, но Лука сурово и жестоко отвечал князю. Князь Андрей Дмитриевич со смирением и терпением все сносил. Тогда Лука начал и ловчих князя Андрея убивать и грабить, а медведей с клетками забирал себе, этим развлекался и утешался.

И был у князя Андрея Дмитриевича один смелый ловчий, он выждал время, поймал медведя очень злого и свирепого и распорядился провести его недалеко от двора Луки. Лука увидел из своего дома медведя, вышел сам к медведю со служащими и повелел ловчему князя Андрея привести медведя к нему на двор. Ловчий князя Андрея поступил хитро с Лукой и в тот же миг выпустил медведя на него; Лука не отошел в сторону, и медведь напал на Луку, едва смогли отнять Луку у медведя — только дыхание осталось в его ноздрах.

И в тот же час прискакал к Луке князь Андрей Дмитриевич и, видя Луку при последнем издыхании, сказал ему: «Зачем ты полюбил бесовские зрелища и пляски, предался пьянству? Как тебя Бог прославил чудотворным образом Своей Матери Богородицы, а ты это ни во что вменил, но стал жить бесполезной мирской жизнью, поэтому так с тобой и произошло». Тот же стал плакать и со слезами просить позаботиться о нем. Князь Андрей Дмитриевич на его огромное состояние построил на том месте монастырь во имя Пречистой Богородицы, называемой Колочской, а чудотворную икону Божьей Матери оставил в нем, где она творит чудеса и по сей день всем, приходящим к ней с верой.

Лука в том монастыре принял постриг, прожил там несколько лет в умирении и слезах, пока не преставился о Господе.

В том же году сгорела вся Тверь.

В 6922 лето от Адама (1422 лето от Христа)

Месяца сентября в 3 день было знамение на небе. В ту же осень восстали злые люди на Фотия, митрополита Киевского и всея Руси, оклеветали его перед его сыном великим князем Василием Дмитриевичем. Много клеветали и митрополиту Фотию на великого князя, чтобы поссорить их между собой и посеять между ними вражду.

Потом оклеветали митрополита Фотия и перед Витовтом Кейстутвичем, великим князем Литовским, говоря: «Изначально митрополиты всея Руси имели свою кафедру в Киеве и там правили, сидя на кафедре митрополита всея Руси. Сейчас же Киев ни во что не ставят и все из него перевели в Москву. И сейчас митрополит Фотий все церковное имущество и сосуды перенес в Москву, весь Киев и всю землю опустошил большими пошлинами и данью, приносящими неудобства».

И великий князь литовский Витовт Кейстутович собрал епископов своей земли: Исаакия Черниговского, Феодосия Полоцкого, Дионисия Луцкого, Герасима Владимирского, Иоанна Галичского, Севастиана Смоленского, Павла Холмского, Евфимия Туровского и сказал им: «Слышали ли вы, что делает митрополит Фотий: соборную церковь Киева, первоначальную кафедру митрополитов, являющуюся главой, славой и честью всея Руси, истощил, разграбил и перенес в Москву. И необходимо вам поставить митрополита в Киев, чтобы он все исполнял по старинным обычаям, и первоначальная кафедра митрополита в Киеве не была уничтожена, тогда все мы будем пребывать без печали и смущения». Епископы, услышав слова Витовта, недоумевали, что ответить ему. Тогда Витовт повелел им написать жалобу самому себе на Фотия: «Все, что слышали вы от меня, напишите, как грабит, истощает великую соборную митрополичью киевскую церковь, главу всея руси». Епископам, не желающим выступить против своего отца и господина митрополита Фотия, Витовт начал угрожать. Они же, не желая писать этого, сказали: «Много сейчас мы печалимся и смущаемся о великой церкви Киевской, так как видим ее в запустении и небрежении от Фотия, митрополита Московского, и все стадо Христово не защищается и гибнет, отчего пребываем в большой скорби и печали, так как это овцы без пастыря, имеющие пастыря и учителя только по имени, а не по делам его. Не хочет он видеть великую соборную митрополичью церковь матерью и главой всея Руси, данной ему Богом и патриархом согласно священным правилам, не хочет управлять людьми Божьими так, как подобает митрополиту, но желает только соби-

рать приходы и доходы церковные, всякие богато украшенные одежды, драгоценные вещи и всю честь великой Киевской церкви переносит на другое место, где сам он проживает, в Москву. И сейчас совсем пришла в запустение кафедра митрополита Киевской церкви, поэтому скорбим мы о великой соборной Киевской церкви и о людях Божьих; будем просить Господа подать нам помощь».

Витовт, услышав такие слова, обрадовался, что исполняется его желание, и повелел Киевскую церковь осмотреть и переписать все в ней. Также и города, земли и села митрополита повелел переписать.

И дошла весть об этом из Киева в Москву к митрополиту Фотию, узнал он, что оклеветали его лукавые люди, бежавшие от него из Москвы к черниговскому владыке, а оттуда в Литву к Витовту и поссорившие там его с Витовтом, сильно разгневался митрополит, а в святой Божьей церкви началось смущение и мятеж.

Фотий тогда захотел идти в Царьград, узнав, что Витовт задумал на кафедру митрополита в Киеве поставить другого митрополита. И захотел он сначала пойти в Киев, чтобы узнать, что происходит, и помириться с Витовтом, если это будет возможно; если же это не получится, то решил идти из Киева в Царьград к патриарху, чтобы тот запретил Витовту ставить иного митрополита в Киев. И так отправился из Москвы в Киев.

И когда дошел до Литвы, то схватил его Витовт, не разрешил ему идти в Царьград к патриарху, но, ограбив его, возвратил обратно в Москву.

И города, принадлежащие митрополиту великой соборной Киевской церкви, и земли, и села раздал своим панам, а заместников митрополита Фотия, ограбив, отослал в Москву.

В том же году был пожар в Москве, а на Савву Авраамиева, одного из тех клеветников, которые клеветали на митрополита Фотия, огонь, как облако, полыхнул от горницы Фотия и сжег его заживо.

В том же году месяца июня в 7 день в пятницу перед обедней опустилась тьма на землю и пробыла совсем немного времени, один час или чуть больше. Видны были тогда все звезды, как будто была ночь.

Тогда один купец с товаром пришел из Литвы и обратился к митрополиту Фотию, говоря: «Прости меня, святитель Христов! Когда недавно в Москве был пожар, и все мое богатство сгорело, сильно рассердился я и опечалился; и вот сейчас снова наступила тьма, охватил меня страх и трепет, все внутренности мои содрогнулись, все части тела моего ослабли, поэтому видишь ты меня сейчас в большой беде. И понял я, что согрешил против тебя: когда я был в Литве вместе с клеветниками, которые клеветали на тебя, злословил и я. И когда сейчас я вернулся в Москву,

снова я злословил о тебе, согрешил я перед Богом и тобой. Прости меня, святитель Христов!» Фотий удивился произошедшему с ним, простил его, благословил и повелел ему молиться Христу Богу о своих грехах с чистыми мыслями и смиренным сердцем, поститься и творить милостыню. Человек этот все исполнил и выздоровел по благодати Христовой. Имя его Фома Лазарев.

В том же году Витовт Кейстутович собрал епископов своей земли и сказал им: «Выберете, кого хотите, митрополитом в Киев и пусть он идет в Царьград к патриарху, чтобы тот его поставил в митрополиты Киева». И выбрали Григория Цамблака, родом он был болгарин. Некоторые епископы не захотели выбрать его, говоря: «Лучше нам смириться с Фотием». Витовт же пригрозил им своей властью. И они смирились.

И послал Витовт в Царьград к патриарху жалобы на митрополита Фотия, отправил туда и Григория Цамблака, чтобы его поставили в митрополиты в Киев. «Никак нельзя по-другому, — сказал он, — избежать притеснений от Фотия, только поставить другого митрополита в Киев». Послал князь свои грамоты и царю.

Царь с патриархом узнали об этом, но не захотели согласиться. Тогда Витовт приказал своим епископам перечислить обвинения против Фотия митрополита и отправить в Константинополь к царю и патриарху, чтобы те согласились поставить Григория Цамблака в митрополиты в Киев. Царь и патриарх не согласились с этим.

В том же году новгородцы послали к Витовту Юрия Анцифоровича просить о мире, согласился с ними Витовт, прекратил распрю и заключил с ними мир по старым обычаям, но с немцами они не разорвали мирного договора. Но Витовт с немцами мирного договора не заключил. В том же году Витовт воевал с немцами и много зла причинил их земле.

В том же году в Великом Новгороде сгорел монастырь на Деревянице, обгорела каменная церковь Пречистой Богородицы, в которой сгорело 3 человека.

В том же году все христиане по всей Русской земле болели страшной болезнью — костоломом. В том же году в Новгороде сгорел Неревский конец от церкви святого Владимира до Гзенья. Каменных церквей сгорело восемь, а деревянных — пять. В том же году была сильная засуха и страшные громы.

В 6923 лето от Адама (1423 лето от Христа)

В сентябре пришли татары, завоевали по Задонью области рязанские, много зла причинили, Елец захватили, князя Елецкого убили, а некото-

рые люди бежали в Рязань. И, проведя много сражений, татары вернулись обратно с большим количеством пленных и богатством.

В ту же осень владыка Иоанн, архиепископ Новгородский, постригся в схиму великого ангельского образа месяца ноября в 15 день. А месяца января в 20 день ушел из епископского дома, пробыв на кафедре Новгородского епископа 30 лет без 3 лет.

В ту же зиму уехал князь Ярослав Владимирович, внук Андреев, правнук Иванов, праправнук Иванов, преправнук Даниила Московского, в Литву.

В ту же осень в Москве был пожар. В ту же осень в Новгороде построили каменную церковь святой мученицы Евфимии на Плотницком конце. В ту же зиму в Великий Пост преставился новгородский посадник Кирилл Дмитриевич.

В ту же весну в Великий Пост месяца марта в 10 день после нефимо-на родился сын Василий у великого князя Василия Дмитриевича. Вот как происходило его рождение: когда наступил тот день, в который он должен был родиться, начала его мать сильно страдать, была она уже почти при смерти; великий князь пребывал по этому поводу в большой печали. В то время жил один святой старец в монастыре святого Иоанна Предтечи под Бором за рекою Москвой, известный и великому князю Василию Дмитриевичу. И поспал к нему великий князь, чтобы старец помолился о княгине. Старец же так ответил посланному к нему человеку: «Иди и скажи великому — князю, пусть он молится Господу Богу и Пречистой Его Матери Богородице и мученику Лонгину сотнику, так как он дан Богом помощником всему вашему роду во всех благих делах. А о своей княгине не печалься, выздоровеет она и родит тебе сына в этот же вечер, твоего наследника». Так все и произошло.

Когда же ребенок родился, в тот же самый час духовник великого князя, который сидел в своей келье в монастыре Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, услышал стук в дверь кельи и слова: «Иди и нареки имя великому князю Василию!» Он же, быстро встав и взяв все необходимое, вышел из своей кельи, но не увидел никого, посланного за ним; удивился он этому, что так быстро ушел позвавший его.

И пошел он на двор князя. И встретил его там посланный за ним человек, сказавший, чтобы священник шел и нарек имя новорожденному сыну великого князя Василия Дмитриевича. Священник спросил его, приходил ли он за ним раньше. Тот ответил: «Нет». И, придя, нарек имя младенцу Василий, как было ему сказано ранее. И потом долго расспрашивал всех, кто был послан к нему или кто приходил к нему и позвал его? И никого не нашел нигде. Священник был очень этому удивлен и

рассказал о произошедшем великому князю и великой княгине, многим людям рассказал он об этом, и все были очень удивлены.

В ту же весну на Светлой неделе в Новгороде вода повернула вспять в Волхове и во многих других реках. В ту же весну был пожар в Смоленске. В ту же весну был пожар в Москве.

В том же году месяца июня в 7 день было знамение на солнце: сначала опустился мрак зеленого цвета, через некоторое время он стал красным, как кровь, люди не видели друг друга, стояли все как будто в крови.

В том же году в Новгороде преставился посадник Феодосии в монашеском чине. В том же году в Новгороде построили каменную церковь Пресвятой Троицы в монастыре на Видогоще.

В том же году новгородцы собрали вече на Ярославове дворе и пришли всем вечем к церкви святой Софии. И положили три жребия на престоле, написав на них три имени: первое — инок Самсона из монастыря святого Спаса в Хутины, второе — игумена Михаила из церкви святого Михаила со Сковородки, третье — игумена Льва из церкви Пречистой Богородицы в Колмове. И жребий выпал на инок Самсона. И радостно привели его новгородцы с почестями на двор архиепископа месяца августа в 11 день на память святого мученика Евпла дьякона.

В том же месяце августе в Новгороде была освящена церковь святого Воскресения Христова на Красной горе у Плотнического конца, был там устроен общий монастырь.

В 6924 лето от Адама (1424 лето от Христа)

Месяца сентября построили в Новгороде две каменные церкви — святого Воздвижения и святого Луки на Людинце конце.

В ту же осень попустил Господь Бог по нашим грехам, чтобы Киевская митрополия разделилась на две части, чего не должно было произойти. Говорится в священных правилах, что «не подобает быть в одной области двум митрополитам». Витовт Кейстутович, великий князь Литовский, собрал православных епископов своей земли: Исаакия Черниговского, Феодосия Полоцкого, Дионисия Луцкого, Герасима Владимирского, Иоанна Галичского, Севастиана Смоленского, Харитона Холмского, Павла Червенского, Евфимия Туровского и сказал им: «Поставьте мне в Киевские митрополиты болгарина Григория Цамблака». Они же не хотели этого сделать, боясь Бога и оставленных священных и божественных правил, и сказали соборно Витовту: «Боимся мы Бога и оставленных нам священных Его правил, поэтому не исполняем твое повеление». Он же сказал им: «Что сказано в этих правилах, поведайте мне». Они отвечали: «Написано в священных правилах, в первой грани в 20 главе и в правилах

Халкидонского собора в 12 главе, что не подобает в одной области быть двум митрополитам». Витовт же сказал им: «Знайте все, что Киев и вся Киевская область находятся под моей властью!» Епископы отвечали ему: «Но прежде это была не твоя земля». Он сказал епископам: «Но сейчас эта область принадлежит мне! И вы сейчас в моей земле поставите митрополита на Киевскую кафедру». Епископы же сказали ему: «Хотя ты и владеешь сейчас Киевской областью, но ты обладаешь земной властью, а не церковной властью святителей: так как одно дело власть церковных святителей, а другое — власть царя над землей. Ты правишь мирскими делами как царь, святитель же управляет церковными делами, как святитель. И во всей земле Русской есть только один митрополит, если же и пребывает он сейчас в Москве из-за нашествия татар, но правит он в Киевской земле и называется, и славится как Киевский митрополит! И тебе нет от этого ни укора, ни издержек, а только слава и польза, что ты соблюдаешь древние обычаи и законы». Князь же ответил епископам: «Если не поставите Киевского митрополита в моей земле, то умрете злой смертью».

Все вышеупомянутые епископы собрались и неволею поставили болгарина Григория Цамблака Киевским митрополитом месяца ноября в 15 день. И повелел им Витовт написать оправдательный документ. Они же, принужденные Витовтом, сели вместе с митрополитом Григорием, избранным ими же самими, и стали писать оправдательный документ самим себе: «Всякое даяние благо и всякий дар совершенен, свыше исходящий от Отца светом, — снизойдет же он и на нас, смиренных, его же и мы придерживаемся; и сейчас при помощи этого дара принимаем утешение в нашей великой скорби, что наша мать, церковь Русской митрополии, утешается подобным образом. Смиренные епископы русских земель, возлюбленные православные друзья и братья в Святом Духе: смиренный архиепископ Феодосий Полоцкий митрополии Киевской, смиренный епископ Исаакий Черниговский, смиренный епископ Дионисий Луцкий, смиренный епископ Герасим Владимирский, смиренный епископ Севастиан Смоленский, смиренный епископ Харитон Холмский, смиренный епископ Евфимий Туровский, видящие Киевскую церковь в запустении и небрежении от митрополита Фотия, являющегося главой всея Руси, а все стадо Христово, без защиты приходящее к гибели, скорбим об этом, пребываем в глубокой печали и смущении, как овцы без пастыря, имеющие пастыря и учителя только по имени, а не по делам его. Пастырь этот не желает сохранять Киевскую церковь, порученную ему Богом и патриархом, не желает управлять людьми Божьими, как подобает митрополиту, но только собирает приходы и доходы церковные, всякое имущество, пренебрегает прежними установлениями и переносит

честь Киевской церкви на новое место, где сам проживает. Так нам, скорбящим о церкви и людях Божьих, милостивый Бог послал великого князя Александра, прозванного Витовтом, государя Литовского и многих русских земель: он изгнал этого митрополита Фотия и послал в Царьград к царю и патриарху, прося поставить нового митрополита, который бы заботился о спасении людей Божьих и был достоин Русской церкви. Царь и патриарх не захотели прислушаться к прошению этого справедливого князя, получая несправедливые доходы от митрополита Фотия. Князь же Александр вместе с нами, епископами, посовещался, как подобает истинному государю и великому князю, собрав всех князей Литовской земли, русских земель и других стран, подчиняющихся ему, епископов нашей церкви, бояр, вельмож, архимандритов, игуменов, благоверных иноков и простых священников. По решению и воле всех, всем нашим собранием и желанием, собравшись в Новомграде Литовском, в святой церкви Пречистой Богородицы, по благодати Божьей, ниспосланной нам от Святого Духа, поставили мы на митрополию святой церкви Киевской и всея Руси митрополита Григория согласно преданию святых апостолов и богоносных отцов. Фотия же с кафедры Киевской митрополии сослали и изгнали. Послали мы письмо в Царьград к царю и патриарху, жалуюсь на Фотия и рассказывая об его провинностях и запустении Киевской митрополии. И просили мы у царя и патриарха, чтобы поставили нам на Киевскую кафедру митрополитом Григория. Они же не согласились сделать это. Узнали мы, что хотят они поставить митрополитом по своей воле того, кто им хорошо заплатит, желают они, чтобы все происходило согласно их желанию, чтобы поставленный ими митрополит на Руси, грабя, насилая, продавая священнические должности, беря взятки, собирая большую дань, опустошая церкви, посылал бы к ним в Царьград деньги. Узнав обо всем этом, мы созвали всех епископов, правящих в нашей области и во всей нашей земле, посовещались с нашими владыками, архимандритами, игуменами и спросили их мнения по этому вопросу. Спросили мы у них: «Что нам делать? Царь и патриарх не хотят назначить нам такого митрополита, который бы правил в Киеве и заботился о церкви Божьей, согласно Божьему изволению это место. Киев, которым мы владеем, этот город Киев — мать русских городов, и эта Киевская соборная церковь — мать русских церквей! Смотря на все происходящее, плачем страдаем мы. Христиане со всех сторон говорят: «Государь Витовт принадлежит иной вере — не печется он о церкви Божьей, поэтому церковь оскудела и пришла в запустение». Других слов от людей мы не слышали! А дела митрополита лежат все на виду, от него исходит грабеж, запустение в церквях и нестроение». И тогда сказали нам все владыки: «Так все и есть! И сами мы не впервые слышим и видим, что церкви

пришли в запустение и оскудение, а царь с патриархом не соглашаются поставить нам доброго строителя церкви Божьей». А согласно правилам сами мы, епископы, имеем право соборно поставить митрополита, так и прежде бывало на Руси, так написано в священных правилах: «Два или три епископа поставляют, — говорится, — митрополита», — как и до нас на Руси делали епископы, при великом князе Изяславе Киевском поставили сами епископы митрополита Климента согласно правилам. Также поступали и крещенные раньше нас болгары — наши братья и родственники по крещению, поступили они согласно правилам, их епископы поставили себе первосвященителя; также поступили и сербские епископы, согласно правилам и апостольскому уставу, поставили собором своих епископов себе первосвященителя, который и поныне служит Богу. В Сербской земле первосвященителю подчиняется много епископов, но сама земля Сербская не похожа на ту землю, какой является Русская земля по ее величеству, множеству и пространствам, которые подчинены тебе, великий князь Александр, прозванный Витовт, но Сербская земля имеет небольшую территорию и немного населения. Что мы будем говорить о сербах и болгарях! Святыми апостолами установлено такое правило: одинаково на всех православных епископов снисходит благодать Святого Духа. Святые апостолы после того, как были поставлены самим Спасом Христом, сами поставляли других, а те — следующих, и так постепенно благодать Святого Духа дошла и до нас, смиренных епископов. И по той благодати мы имеем ту же власть, что и апостольские ученики, собравшись согласно правилам собором поставлять в своем отечестве пастыря, учителя и достойного первосвященителя, которого подаст нам Бог. Также имеем мы от Бога власть: тот, кого свяжем на земле, будет связан и на небе, а тот, кого мы разрешим на земле, будет разрешен и на небе. Пусть не говорят некоторые: «Отлучаются они от апостолов, так как сами поставили себе митрополита». Не будет этого! Так как мы не отлучены: те, кто говорят такие слова, неразумны. Все мы благочестиво придерживаемся церковного предания святых апостолов и святых отцов, исповедуем веру согласно апостольскому и отеческому преданию. Проклинаем мы всякую ересь, ложь еретическую, раздоры и ссоры, происходящие не от Бога; предаем анафеме и симонитскую ересь, продающую за золото и серебро дар Святого Духа, поставляющую в сан священников за мзду и посулы деньгами. Святейшего патриарха Константинопольского признаем за истинного патриарха и отца и остальных патриархов: Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского, принимаем тех митрополитов и епископов, как своих отцов и братьев в Святом Духе, придерживаемся с ними одного исповедания и образа святой веры, как написано: «Верую во единого Бога». Исповедуем и веруем так же, как и они, совер-

шаем все и рассуждаем так же, как и они, но только отступаемся от них, не желая больше сносить насилия над Божьей церковью Константинопольского царя: так и сам великий патриарх, и божественный и священный собор Константинополя не могут поставлять митрополита согласно правилам апостолов, а поставляют только тех, кого прикажет царь. Увы! Везде продается и покупается дар Святого Духа при поставлении, как его отец царь поступил в дни наши с Киевской церковью, с русскими митрополитами, Киприаном, Пименом, Дионисием и многими другими, не обращая внимания на церковную честь и устройство, а только на посулы денег, серебра и золота, и на другое имущество. Отсюда происходят и большие долги, расходы, молва, смущение, мятежи и убийства, а что хуже всего — безчестие церкви Русской митрополии. Поэтому рассудили мы и решили, что недостойно нас принимать таких митрополитов, которые за деньги поставлены царем из простых мирян, а не по воле патриарха, не по преданиям апостольских и отеческих соборов. Ради этого и мы все, епископы, собрались по благодати, данной нам от Святого Духа, и поставили достойного первосвященителя Русской церкви митрополита Григория в 6924 лето от Адама (1424 лето от Христа) индикта».

Преосвященный Фотий, митрополит Киевский и всея Руси, узнав об этом решении, оскорбился и много приложил трудов, чтобы эти распри и расколы внутри церкви преодолеть и собрать всех воедино, как изначально была одна власть церковная, один митрополит над всеми епископами во всей Русской земле. И писал грамоты, в которых выступал против церковного разделения: «Не две было сначала Киевских митрополии, но одна священная власть митрополита Киевского и всея Руси над всеми епископами Русской земли». И, написав грамоту, разослал ее в Киев к князьям и боярам, и всем православным христианам, в грамоте той говорилось: «Витовт совершил великое насилие, внес смуту и раскол в единую церковь Киевскую и всея Руси, руководствуясь не соборным поиском истины, не изучением священных правил, не рукоположением святого патриарха Константинопольского, которое сначала принял, не церковным преданием, но самочинием, поступая согласно своему желанию, сделал все, угрожая мирской властью. И согласно своему мирскому желанию принудил епископов поставить другого митрополита в Киевскую митрополию, которого не принимают священные правила, а отлучают и отвергают. Так и мы не принимаем, а отвергаем: того, кто власть Киевской митрополии расколол надвое, не принимаем, а отмечаем. Так и вам говорим — не принимать подобного самочиния и церковного разделения, чтобы в одной священной области управляли два митрополита, но призываем вас отойти от такого нововведения и самочиния, тогда милость Божья и наше благословение пребудут со всеми вами. Аминь».

В ту же зиму месяца февраля в 23 день в мясопустную неделю выехал из Новгорода в Москву к митрополиту Фотию Самсон для поставления епископом Новгорода, а вместе с ним и новгородские послы: посадник Василий Аввакумович, тысяцкий Василий Осипович, Александр Игнатьевич. И приехали они в Москву месяца марта в 9 день на память святых мучеников, в воскресение после Собора.

В Крестопоклонную неделю того же месяца в 22 день на память святого отца Василия преосвященный митрополит Фотий поставил Самсона епископом Новгорода и Пскова в церкви святого архангела Михаила и нарек ему имя вместо Самсона — Симеон. На его поставлении присутствовали 5 владык: первый — Григорий Ростовский; 2. Митрофан Суздальский; 3. Антоний Тверской; 4. Тимофей Сарайский; 5. Исаакий Пермский. Поставление происходило в присутствии великого князя Василия Дмитриевича и его братьев Юрия и Константина. И вернулся епископ в Новгород месяца апреля в 16 день в Великий Четверг, и встретили его с крестами весь священный собор Великого Новгорода, и посадник Иван Богданович, и тысяцкий Борис Васильевич, и великое множество народа; все радовались приезду своего нового владыки. И вошел он в церковь Святой Софии, служил обедню, сел на своем священном престоле епископа, дарованном ему Богом; большая радость была по всему Новгороду. В ту же ночь преставился Наум, старший клирошанин церкви Святой Софии.

В том же году татары пришли к Киеву, разграбили и сожгли Печерский монастырь.

В том же году приехали к великому князю Василию Дмитриевичу в Москву князья Нижнего Новгорода: великий князь Иван Васильевич, внук Дмитриев; князь Иван Борисович, а его сын князь Александр приехал раньше его на два года.

В том же году была заложена Кострома.

В том же году месяца мая в 3 день преставился Григорий, архиепископ Ростовский, пробывший на архиепископской кафедре в Ростове 21 год, соблюдая церковные законы и уча людей слову Божьему. Это был второй архиепископ в Ростове, раньше в Ростове были епископы, а не архиепископы.

В том же году месяца августа воевали татары с литвой, с большим количеством пленных вернулись обратно.

В 6925 лето от Адама (1425 лето от Христа)

Месяца сентября в Константинополе среди царей, князей и бояр началась смута и междоусобные войны.

В ту же осень в Новгороде преставился новгородский посадник Юрий Анцифирович, пробыв на этой должности год, три месяца и десять дней.

В ту же осень в Новгороде были завершены попечением Новгородского владыки две церкви: первая — святого чудотворца Петра, митрополита Киевского и всея Руси, вторая — святого Афанасия.

В ту же зиму много людей умерло от мороза, так как в тот год была очень холодная зима.

В ту же зиму преставился великий князь Нижнего Новгорода Иван Васильевич, внук Дмитриев, возвращаясь из Коломны. И похоронили его в Москве в церкви святого архангела Михаила.

В том же году приехал в Москву к великому князю Василию Дмитриевичу князь Нижнего Новгорода Даниил Борисович.

В том же году месяца июня в 10 день удар грома ударил в церковь святого Евпатия на Рогатице, сверкнула страшная молния, опалила иконы, много людей было испугано этим явлением.

В том же месяце июне в 24 день преставился владыка Иоанн Новгородский, похоронен был в притворе монастыря святого Воскресения на Деревянице.

В том же году боярин князя Юрия Дмитриевича Глеб Семенович с новгородскими беглецами — Симеоном Жадовским и Михаилом Россохиным, а с ними и вятичи с устюжанами тайно отплыли на кораблях.

И завоевали всю землю Двинскую и Заволскую, Холмогоры, Борок, принадлежащий детям Ивана Васильевича.

И Емцу захватили и сожгли, а новгородских бояр пленили — Юрия Ивановича и его брата Самсона.

А новгородский боярин Иван Федотович, его брат Афанасий и Гавриил Кириллович, и Исаак Андреевич догнали их на острове под Моржем, братьев своих Юрия и Самсона освободили, всех пленных и все имущество захватили, а их самих отпустили, явив свою милость.

Они же, пойдя дальше, снова волость завоевали.

А Василий Юрьевич, сын новгородского посадника Самсона Ивановича, Гавриил Кириллович и его брат Григорий Кириллович, объединившись с заволочанами, бросились за ними в погоню. Некоторых захватили в плен, одним удалось бежать, а другие были убиты.

И пошли новгородцы с заволочанами на Устюг, завоевали и пленили Устюг, и сожгли.

В том же году новгородцы заключили мир с немцами при посаднике Симеоне Васильевиче и при тысяцком Козьме Терентьевиче.

В том же году был страшный мор в Великом Новгороде, в Пскове, в Ладогe, в Русе, Порхове, Торжке, Твери, Дмитрове, по всем землям и селам. И настолько был свирепый мор, что живые не успевали хоронить умерших, не хватало людей помогать болеющим, один здоровый человек десяти и двадцати местах люди умирали каждый день, живые не успевали хоронить умерших до захода солнца. Многие села опустели, в городах и посадах едва ли оставался в живых один человек или ребенок. Как будто серп жал людей, как колосья в поле, все большие дворы опустели: едва из большого количества людей выживал один или двое, а где-то оставался в живых только один ребенок. Вот признаки этой болезни: сначала будто бы рогатиной ударяло у человека под лопатку или напротив сердца, или под грудью, или между плеч, или в паху, или за пазухой, разболевшись, человек начинал кашлять кровью и был охвачен жаром, как огнем. После этого человека бросало то в пот, то в дрожь, так проходил по всем частям человеческого тела этот недуг. Нарыв на теле бывал в разных местах: у одного — на шее, у другого — на бедре, у кого — под пазухой, а у кого — за лопаткой, у одного — под скулой, а у другого — в паху или в каких других местах. И, немного пострадав, много людей умирало с покаянием, некоторые же принимали ангельский и иноческий чин и так уходили из этого мира. Милосердный Бог показывал свою ярость и гнев вместе с милостью.

В Новгороде, в Пскове, в Торжке и в Твери люди приносили обеты, и в один день во многих местах были срублены и поставлены церкви, освящены и в них уже совершали литургии. Обещали люди соблюдать законы Христовы, пребывать в мире и любви со своими братьями, не похищать чужого. Но о, человеческая слабость и рассеянный ум! Когда от Бога исходит ярость и гнев, то все отвращаются от своих злых дел; когда же милость и благодать Божья почивают на людях, то они забывают, начинают творить зло, сражаться друг с другом, убивать и похищать чужое. И милосердный Бог снова хочет обратить свое творение к покаянию голодом, мором, нашествием иноплеменных, морозами, громом, молниями, засухой, сильными дождями. Больше всего Бог желает спасения человека.

В 6926 лето от Адама (1426 лето от Христа)

В сентябре Григорий Цамблак, поставленный на Киевскую митрополию по желанию Витовта, сказал великому князю Витовту Кейстутовичу: «Ради чего ты, князь, живешь по ляхскому закону, а не по греческому?» Отвечал ему Витовт: «Если ты хочешь видеть не только меня одного, живущего по греческому закону, но и всех людей, проживающих в моей Литовской земле, отправляйся в Рим и вступи в прение с папой и его

советниками. И если ты их переубедишь, то все мы будем жить по греческому закону и обычаю. Если же не переубедишь их, то все люди моей земли, живущие по греческому закону, должны будут перейти в немецкую веру!» И отправил его в Рим к папе со своими панами.

В ту же зиму князь Нижнего Новгорода Даниил Борисович вместе со своим братом князем Иваном бежал из Москвы от великого князя Василия Дмитриевича.

О взятии города Кременца

В ту же зиму князь Дашко, сын Феодора Острожского, захватил город Кременец, принадлежащий князю Витовту, при помощи такой хитрости: в Великий Четверг послал вперед себя двух своих людей, Дмитрия и Илью, сказав им: «Поедете вы служить Кременецкому воеводе Кондрату Прусу. А когда я подойду к городу, вы возвод отомкнете и мост опустите». Они приехали к кременецкому воеводе и ударили ему челом. Тот принял их с любовью, стали они лукаво входить к нему в доверие, а он не понимал хитрости их, даже мысли такой ему не приходило. А князь Дашко к сроку подошел к городу в ночь на Святой неделе с пятьюстами воинами. И его советники, которых он отправил вперед служить, опустили возвод и мост положили.

И таким образом князь Дашко Феодорович вошел со своим войском в город, убил воеводу Кондрата, приставов короля и Витовта посек, а князя Свидригайло освободил от железных оков, в которых он провел восемь с половиной лет.

И отправился оттуда Свидригайло в Угорскую землю, по пути захватил Луцк, а у волынских бояр отнял полтора ста коней.

Знамение

В том же году в Новгороде было знамение в церкви от иконы Честного и Славного Покрова Пречистой Богородицы: как будто текла кровь по обеим сторонам ризы иконы. Это знамение исполнилось месяца апреля: началась в Новгороде междоусобная война, много было кровопролитий и убийств, едва успокоил всех владыка Симеон.

В том же году Михайло Россохин убил в Вятке Анфала и его сына Нестора.

В том же году месяца июня в 20 день был поставлен в Ростов епископ Дионисий.

В 6927 лето от Адама (1427 лето от Христа)

В сентябре Митрополит Григорий Цамблак приехал в Литву, вернувшись из Рима и Константинополя.

В ту же осень князь Андрей Дмитриевич Тверской приехал в Великий Новгород, приняли его новгородцы, а с псковичами заключили мир.

В ту же осень Новгородский владыка Симеон был в Пскове вместе со своими приближенными и по обычаю судил в течение месяца.

Поучение Симеона, Новгородского владыки, псковичам

«Благородные и христолюбивые честные мужи псковичи! Знаете вы сами, что если кто воздаст почести своему святителю, то эти почести воздаст самому Христу, и от Него получает мзду сторицей творящий её, и наследует вечную жизнь. И вы, сыновья, воздавайте почести своему святителю и своим отцам, духовным наставникам нашего спасения, без упреков, но с любовью, не желая ничего получить от них взамен, не говоря ничего против своих наставников. Но сами смотрите за собой, укоряйте и блюдите себя, и плачьте о своих грехах. Ищите исцеления от своей болезни, а не смотрите на чужих, не радуйтесь бедам и напастям своих братьев, не заблуждайтесь относительно самих себя, не гордитесь, но со смирением повинуйтесь своим духовным отцам, как подобает православным христианам, живущим по закону Божьему. И церковь Божью не обижайте, так как церковь Божья никем не может быть обижена. А вы, дети церковные, не вторгайтесь ни во что, что было издавна заведено епископами, при прежних наших братьях, новгородских епископах, по правильному завещанию в дом Божий Святой Софии: в земли, в воды, в суды, в печать и во все церковные пошлины не вторгайтесь! Если же кто во что-то церковное вторгнется, то от того вы отступитесь, отриньте его от своей души, не ожидая, чтобы на вас легла вина за это. По правилам святых апостолов и святых отцов всякому подобает бояться гнева Божьего и призывать Его милость». В ту же зиму великий князь Василий Дмитриевич выдал свою дочь Василису за князя Александра Ивановича Суздальского в неделю О мытаре и фарисее.

В ту же зиму преосвященный митрополит Фотий поставил Амвросия в епископы Коломны.

О князе Константине

В ту же зиму великий князь Василий Дмитриевич захотел подчинить своему сыну Василию своего младшего брата князя Константина Дмитриевича, составив соответствующий документ. Его брат князь Константин Дмитриевич не захотел подчиниться воле великого князя, говоря: «Не бывало такого с самого начала! А почему ты сейчас хочешь насильно со мной такое сотворить?» И брат его великий князь Василий Дмитриевич разгневался за это на него, отнял у него владения. Князь же Константин пошел в Великий Новгород.

И приняли его новгородцы с почестями, благословил его Новгородский архиепископ Симеон месяца февраля в 25 день в великий Собор. И отдали ему новгородцы пригороды, которые принадлежали князю Семену Лугвению Ольгердовичу Литовскому.

В ту же зиму был свирепый мор в Киеве и во всех его окрестностях.

В ту же зиму преставился митрополит Григорий Цамблак в Киеве, родом он был болгарин, был он очень ученым человеком, обучен он книжной грамоте с детских лет, много оставил после себя сочинений.

В ту же весну месяца апреля в 9 день в воскресенье после вечерни была сильная буря с ветром и темными тучами, с дождем и сильным градом, повсюду текла вода, так что людям казалось, что наступил второй потоп. И гром гремел, и молнии сверкали, люди замертво падали на землю. В некоторых церквях иконы были опалены молниями, даже один пономарь сгорел от небесного огня. Повсюду был сильный страх: настолько сильные были удары грома, что люди ожидали уже второго пришествия Христова! Удивительно все было: некоторые умерли от ударов грома, другие же, находившиеся в тех же местах и в тех же храмах, остались в живых. Говорится в Писании о громах и молнии: «Если от соединения облаков будет молния, то не повредит она никому, только мимо пройдет и исчезнет. Если же соприкоснется с ударяющимися друг о друга облаками, то выйдет из них небесный свет, подобный огню, соединится с молнией, спустится вниз и сожжет все, к чему прикоснется». Непонятно и трудно объяснить удары грома, все это неизреченная сила Божья! Одних устрашает, других предает смерти, некоторых ранит и возвращает от злых дел к покаянию. Устрашимся этим, вострепещем, пообещаем творить добро, бежать от лукавства, возлюбим друг друга, чтобы в настоящей и будущей жизни насладиться благом, дарованным нам Господом. Так произошло в Новгороде, чтобы изъяснить произволение Божье.

В ту же весну в Великом Новгороде был сильный пожар: выгорел Словенский конец и Плотнический до Федоровского ручья, обгорело 24 церкви, а церковь Святых отцов целиком сгорела; сгорело много христианского имущества, много людей утонуло в Волхове, а некоторые сгорели в огне.

В ту же весну преставился новгородский посадник Иван Богданович в иноческом чине.

В том же году к Великому Новгороду пришли мурмане с войском в бусах и шнеках, завоевали в Арзуге карельские земли, а Зоволоцкой земли волости пленили и сожгли; много зла они сотворили и возвратились восвояси за море. В том же году Новгородский владыка Симеон был в

поездке по Карельской земле. В том же году Варлаам, Юрьевский архимандрит, основал каменную церковь Рождества Христова в Юрьеве монастыре в Великом Новгороде. В том же году игумен Феодосии поставил каменную церковь Пресвятой Троицы на Клопске за 60 дней.

В том же году месяца августа снова начался мор в Новгороде, в Пскове, Торжке, Твери и по всей Русской земле.

В 6928 лето от Адама (1428 лето от Христа)

В сентябре сильный мор распространился по всей Русской земле, особенно в Костроме, Ярославле, в Юрьеве, Владимире, Суздале, Переяславле, Галиче, в Плесе и Ростове. Умирали люди, стояло несжатое жито на нивах, некому было жать.

И того же месяца сентября в 15 день на память святого великомученика Никиты выпал снег, шел 3 дня и 3 ночи, выпало его на 4 пяди. Начались морозы и сильный холод, потом же наступила оттепель. И сошел снег, и мало кто смог сжать жита после схождения снега. И наступил голод после этого мора по всей Русской земле, умирали люди от голода.

В ту же осень месяца октября в Великом Новгороде начали новгородцы вводить в торговый оборот серебряные деньги, а артуги стали перепродавать немцам, использовали артуги в торговом деле 9 лет. А до артугов использовали при торговле лобки куньи, а до куньих лобков — мордки беличьи и куньи.

В ту же осень в Пскове и Новгороде месяца ноября начался сильный и страшный мор; вся зима была очень теплая. И совсем мало людей выжило в Русской земле после мора и засухи.

В том же году пришел из Угорской земли в Литовскую землю жить князь Свидригайло Ольгердович.

В 6929 лето от Адама (1429 лето от Христа)

В сентябре наступили сильные морозы. И того же месяца в 15 день выпал снег и шел в течение двух дней и двух ночей. И началась сильная буря, повсюду стало очень холодно, стояли морозы. А потом снег сошел, и совсем мало жита было сжато. И снова пошел снег, начались морозы, голод наступил во всей Русской земле.

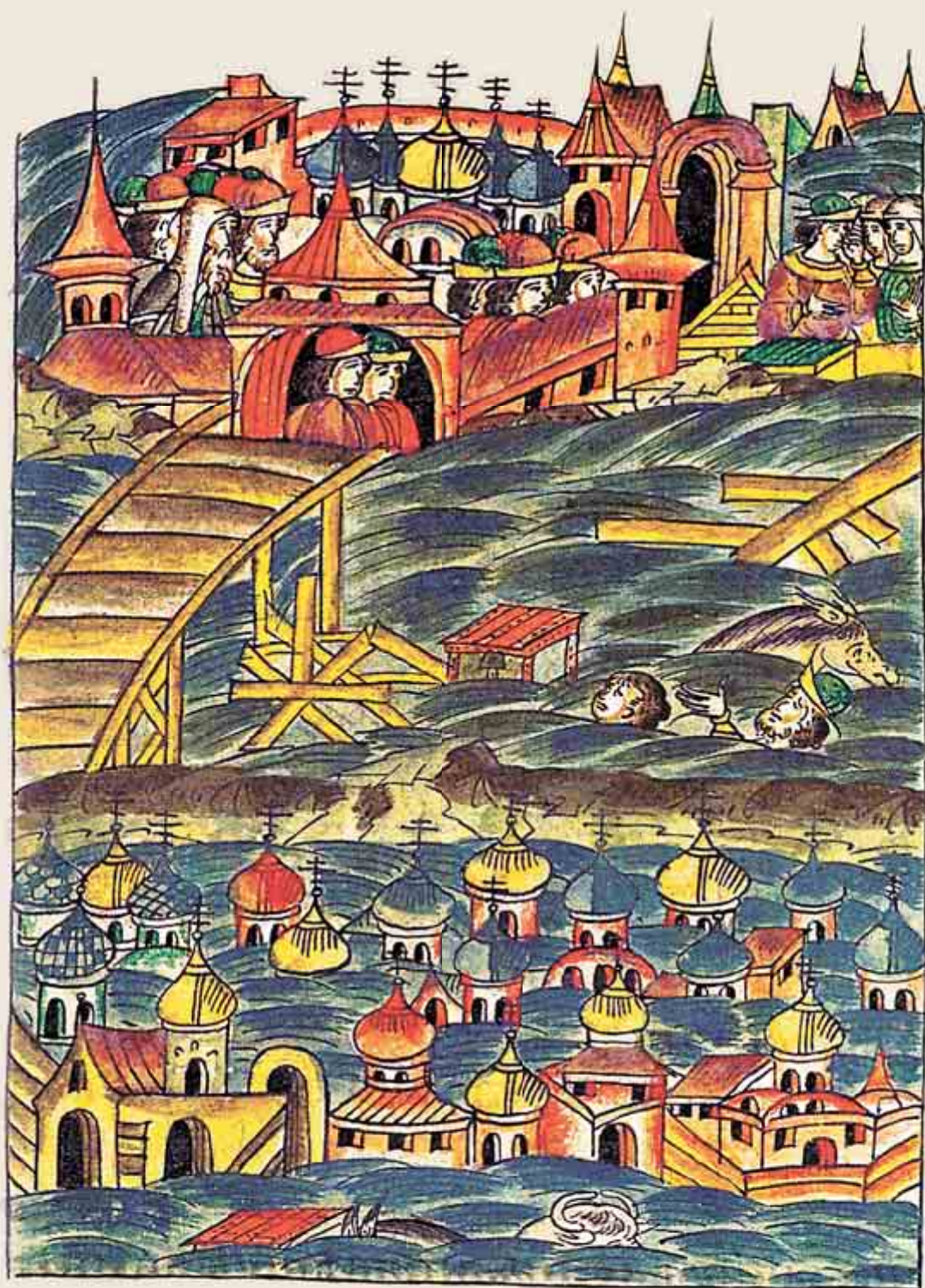
В ту же осень пришли из Немецкой земли послы в Новгород от магистра Сильвестра: велиадский кумандер Гостило, племянник магистра Тимофей, ругодивский воевода Еремей — к князю Константину Дмитриевичу и договорились с ними новгородцы, чтобы собраться на совет к князю Константину Дмитриевичу вместе с новгородцами и магистрами.

И послал князь Константин в Немецкую землю боярина великого князя Феодора Патрикиевича и своего боярина Андрея Константиновича, и новгородских посадников. Они же встретились с магистром на Нарве и заключили вечный мир по старым обычаям, как было заведено при великом князе Александре Ярославиче и при князе Юрии Данииловиче.

В том же году месяца апреля в великом Новгороде сильно разлился Волхов, снесено было 20 опор моста. Были сильные бури на реке, так что от приливов воды и бурь были снесены уличные мосты, много храмов было смыто со своих оснований. Многие люди из-за сильного наводнения были вынуждены спасаться на крышах домов. И 19 монастырей было окружено водой, не было слышно в них церковного пения. Опечалены были люди, так как ожидали уже потопа, который произошел во времена Ноя по грехам человеческим. Волны реки доходили до городских ворот в конце Прусской улицы. Если же кто не поверит этому, пусть обратится к древним повестям и почитает старые летописи: в прежние времена в Новгороде было много наводнений и от волнений волн были снесены опоры мостов. И по всем землям происходили знамения для нашего вразумления, чтобы люди отвратились от злых дел и научились творить волю Божью и сохранять Его заповеди. Мудры те люди, кто знает древние писания, говорит премудрый Соломон: «Мудр есть, иже весть древняя повести и сказания». Это наводнение произошло при архиепископе Симеоне, в шестое лето его епископства, много зла было причинено людям: много людей утонуло, много имущества и скота скрылось под водой.

Страшное знамение

В ту же весну месяца мая в 19 день в воскресенье, в праздник Всех святых, в Великом Новгороде в полночь было сильное сотрясение воздуха: пришла с юга очень темная туча с громом и блистающими молниями, так что невозможно было смотреть на них, ожидали люди, что будут сожжены этим небесным огнем. И встала туча над городом, и казалось, что она несет не дождь, а огонь. Люди решили, что это пламень, испепеляющий грешников, ужаснулись и стали громко взывать: «Господи, помилуй!», также приносили много других молений и обетов Господу и Пречистой Его Матери Богородице и всем Его святым. И начался сильный дождь с градом, камни падали из облаков на землю. Архиепископ Симеон со священным собором и всеми богобоязненными людьми собрались в церкви Софии Премудрости Божьей, упали на пол и стали молиться со слезами, с воздыханиями из глубин сердца; также и в остальных церквях священники вместе с людьми молились. Прошла страшная ночь. Наступил день, воссиял свет, наступила тишина, и та огненная туча исчезла. Едва люди пришли в себя от того страха! Устрашимся и мы, услышав такую

страшную повесть, научимся творить добро, хранить заповеди Господни, чтобы получить благо.

В том же году князь Константин Дмитриевич из Великого Новгорода выехал в Москву, а в Новгороде он находился потому, что его брат великий князь Василий Дмитриевич хотел подчинить его своему сыну князю Василию. Князь Константин, не желая подчиниться власти своего племянника, уехал в Новгород. И великий князь Василий Дмитриевич, его брат, отобрал у него всю его отчину, бояр его пленил, села и нажитое ими имущество отобрал, а самих их заковал в железные узы.

В том же году месяца июня в 15 день преставился владыка Симеон, Новгородский архиепископ, пробыв на архиепископской кафедре пять лет и 3 месяца, а всего шесть лет без двух месяцев и четырех дней.

В том же году князь Ярослав Владимирович, внук Андреев, правнук Иванов, приехал из Литвы в Москву.

В том же году в Великом Новгороде была междоусобная война и кровопролитие: восстали два конца, Неревский и Словенский, против Кlementия Артемьевича, все люди были одеты в доспехи; и разграбили его дом, а также дома других бояр, много людей было убито. Было убито 20 человек, принадлежащих Андрею, некоторые утонули в реке. А у неревлян 15 человек было убито, после этого все утихомирилось. В том же году в Новгороде был голод.

В 6930 лето от Адама (1430 лето от Христа)

В сентябре князь великий Иван Михайлович Тверской захватил в плен новоторжского боярина Ивана Кумгана и его сына Фому и заточил их в Новом городке в Твери.

В ту же осень в Новгороде было построено две каменных церкви: Исаак Акинфович построил церковь Богоявления Господня в монастыре на Поле, а Василий Филиппович и Лукьян Онцифирович — церковь Святого Преображения Господня.

В ту же осень месяца сентября в 8 день началась среди народа болезнь, сопровождаемая судорогами, всю зиму был голод.

В ту же осень месяца сентября в 30 день новгородцы призвали на архиепископский двор выбранного по жребию Феодосия, Троицкого игумена из Клопска. В ту же осень новгородцы построили большой мост в Новгороде.

В ту же осень княгиня Анастасия, жена князя Юрия Дмитриевича, была у своего отца в Москве, вернулась из Москвы за неделю до Рождества Христова.

В ту же зиму князь Юрий Иванович Тверской женился у Ивана Дмитриевича.

В том же году был сильный голод по всей Русской земле и в Новгородском княжестве. Много людей умерло от голода, а некоторые бежали с Руси в Литву. Некоторые умерли от голода и мороза по дороге, так как та зима была очень холодная. Некоторые люди ели павший скот, а кони, псы, кошки, кроты и даже люди ели людей. А в Новгороде умерших от голода собрали в 3 скудельницы. Тогда в Москве оков ржи покупали по полтора рубля, а в Костроме — по два рубля, а в Нижнем Новгороде — по шесть рублей. В том же году король Польский Ягайло Ольгердович и великий князь Литовский Витовт Кейстутович пошли с войском к немецкому Марьину городку (Мариенбургу).

В том же году новгородцы целовали крест в том, чтобы быть во всем едиными.

В том же году месяца июля в 11 день преставилась княгиня Анастасия, жена князя Юрия Дмитриевича, в Звенигороде, а похоронена она была в Москве в Вознесенском монастыре.

В том же году месяца августа в 18 день в Москве был пожар: в полночь город загорел, а к началу дня все закончилось.

Того же месяца августа в 31 день царь Барак победил царя Куидата.

В 6931 лето от Адама (1431 лето от Христа)

В сентябре царь Барак подошел с войском к Одоеву, много зла причинил, но города не смог взять и с большим количеством пленных ушел в поле. И князь Юрий Романович Одоевский, и мценский воевода Григорий Протасьевич догнали его в поле и отобрали пленных.

В ту же осень месяца сентября в Новгороде построены были 3 каменных церкви: Воскресения Христова в Павлове монастыре, святого Иоанна Милостивого на Воскресенской улице в Людинове конце и Воскресения Христова в Благовещенском монастыре, построенная Давидом Дмитриевичем.

В ту же зиму великая княгиня Софья, жена князя Василия Дмитриевича, дочь Витовта, вместе со своим сыном Василием Васильевичем ездила к своему отцу Витовту в Смоленск; а великий князь Василий Дмитриевич, отпустив ее из Москвы, сам отправился в Коломну. А Фотий, митрополит всея Руси, в то время был у Витовта, но уехал раньше княгини Софии.

В том же году был мор во всей Русской земле. В том же году в Новгороде построили две каменные церкви: Пречистой Богородицы на Колмове и святого Иакова на Луже.

В ту же осень месяца августа в 30 день прогнали новгородцы избранного ими епископа Феодосия с архиепископского двора, избранного ими самими по жребию и возведенного на архиепископский двор; но не захотели новгородцы иметь этого епископа, говоря: «Не хотим иметь шесника владыкой у себя в Новгороде!» И отвели его в монастырь Святой Троицы на Клопске; пробыл Феодосии епископом два года.

И возвели на архиепископский двор по жребию инок Емельяна из церкви святого Воскресения в Деревяницах.

В 6932 лето от Адама (1432 лето от Христа)

Царь Куидат снова пришел с войском под Одоев против князя Юрия Романовича Одоевского.

И услышал об этом великий князь Литовский Витовт Кейстутович, и послал в Москву к своему зятю великому князю Василию Дмитриевичу, чтобы тот выслал помощь против царя Куидата.

А сам прислал с войском князя Андрея Михайловича, князя Андрея Всеволодовича, дрютских князей Ивана, прозванного Баба, и его брата Путятю, и князя Дмитрия Всеволодовича, и мценского воеводу Григория Протасьевича. Они же, объединившись с князем Юрием Романовичем Одоевским, царя Куидата прогнали, войско его победили, а двух цариц его пленили.

И одну из этих цариц отослали в Литву к великому князю Литовскому Витовту Кейстутовичу, а другую — в Москву к великому князю Василию Дмитриевичу. Сам же царь Куидат бежал. А московское войско не успело подойти на помощь. Тогда же убили Когчю, татарского богатыря, могучего телом и силой. В том же году в Пскове псковичи созвали вече, отчеканили серебряные деньги и стали пользоваться ими в торговых отношениях, а мордки оставили без употребления.

В том же году в Немецкой земле, в Литве, в Пскове и Новгороде, в Твери и Москве, и по всей Русской земле начался сильный мор: человек некоторое время кашлял кровью, а потом умирал. Повсюду была печаль и скорбь.

РУСЬ (1433–1451 гг. от В.Х.).

Книга 13

Княжение великого князя Василия Васильевича, внука благочестивого великого князя Дмитрия Ивановича Донского

После кончины великого князя Василия Дмитриевича на великом княжении на Владимирском и на Московском сел сын его князь великий Василий Васильевич; было же ему тогда 10 лет и шестнадцать дней.

И князь Юрий Дмитриевич, дядя его, прислал к нему с угрозами; и заключил с ним перемирие до Петрова дня.

Да во время того перемирия той же весной князь Юрий Дмитриевич разослал по своей отчине ко всем людям своим; и как сошлись к нему все из всех городов его, захотел пойти на племянника своего, на великого князя Василия Васильевича к Москве. А князь великий Василий Васильевич объединился со всеми силами своими, с ним же были и дядья его, братья князя Юрия Дмитриевича.

И пошел князь великий к Костроме. Князь же Юрий Дмитриевич, услышав, что идет на него князь великий со всеми силами и с братьями его Дмитриевичами, и побежал в Новгород Нижний, и засел там со всеми людьми своими.

Князь великий Василий Васильевич послал на него дядю своего князя Константина Дмитриевича со многою силою. Князь же Юрий Дмитриевич испугался и побежал за Суру-реку, и встал на берегу; а брат его князь Константин Дмитриевич, постояв напротив него, возвратился к Москве, потому что нельзя было перейти к нему за реку.

И тогда князь Юрий Дмитриевич пошел к Новгороду Нижнему и оттуда к Галичу, а к великому князю прислал с перемирием на год. Князь же великий Василий Васильевич посоветовался с отцом своим, Фотием, митрополитом всея Руси, и с матерью своей, с великой княгиней Софьей Витовтовной, и с дядьями своими, с князем Андреем и с князем Петром, и с князем Константином Дмитриевичами, и обменялся посланиями с дедом своим, с великим князем Литовским с Витовтом Кестутьевичем,

и со всеми князьями и боярами своими, чтобы послать к дяде своему, к князю Юрию Дмитриевичу, отца своего Фотия, митрополита всея Руси.

Фотий же митрополит не отказался, но с радостью вскоре пошел к нему в Галич с предложением мира в том же году. И пришел в Ярославль на Рождество Иоанна Предтечи, и тут не помедлил, но только поужинал у князя Ивана Васильевича; умоляли же его князья ярославские, чтобы у них наутро обедню слушал, но не послушал их и пошел в Галич.

А князь Юрий Дмитриевич, услышав об этом, собрал всю отчину свою и встретил его с детьми своими и с боярами, и с лучшими людьми своими; а чернь всю собрал из городов своих и волостей, и из сел, и из деревень, и было их многое множество; и поставил их на горе у города, по приезде митрополита рассказывая и показывая ему многих людей своих.

Митрополит же, войдя в посад города того, пошел к соборной церкви Преображения Господа Бога у Спаса нашего Иисуса Христа; была же церковь та на посаде, на поле у озера. И придя в церковь, помолился и вышел, и посмотрел на тот народ, стоявший на горе, и сказал князю Юрию Дмитриевичу: «Сыне, князь Юрий, не видал столько народа в овечьей шерсти», ибо все были в сермягах. Ведь князь Юрий хотел показать, как много имеет людей; святитель же принял это за глумление над собой; и потом пошел к келье своей, где он остановился. И начал говорить князю Юрию Дмитриевичу о мире, чтобы не было кровопролития между ним и великим князем. Князь же Юрий перемирие просил на время, а мира окончательного не хотел и не внимал этому. Фотий же митрополит разгневался, и не благословил его и город его, и вскоре ушел из города его. И в тот час мор великий напал на людей его во всем городе его, и князь Юрий Дмитриевич, услышав и увидев это, очень испугался, и поскорее сел на коня, и погнался за ним спешно.

И настиг его за озером в селе Пасынкове, и начал бить ему челом и молиться о своем согрешении, и едва умолил его со многими слезами. И так умолен был Фотий митрополит, и возвратился, и благословил его самого и город его, и, войдя в город, всех благословил; и с того часа прекратился гнев Божий и закончился великий мор. И поучил митрополит князя о любви и о мире не только с братьями, но и со всеми православными.

Князь же Юрий многую честь воздал ему и отпустил его; сам же, проводив его со всем народом, сказал ему: «Пошлю о мире к великому князю бояр своих».

И после отшествия митрополита послал боярина своего Бориса Галицкого и Данила Чешка, и заключили мир на том, чтобы князю Юрию не искать княжения самому, но через царя Ордынского: кого царь пожа-

лует великим княжением, тот и будет князем великим Владимирским и Великого Новгорода и всея Руси.

В том же году преставился князь великий Иван Михайлович Тверской, наречен был в иноках Иов.

А сел после него на великом княжении Тверском сын его князь Александр месяца мая в 1 день, а в Кашине — дядя его князь Василий Михайлович.

А с Троицына дня мор великий был на Москве, а пришел от немцев во Псков, а оттуда в Новгород Великий, и в Тверь, и до Москвы дошел же, и на всю землю Русскую; по всем местам мор был очень велик.

В том же году в Новгороде сгорела Торговая сторона вся и Людин конец.

В том же году устюжане воевали Заволочскую землю Великого Новгорода.

В том же году новгородцы ходили ратью к Устюгу и взяли с них выкуп — пятьдесят тысяч белок да шесть сороков соболей.

В том же году в Новгороде преставился нареченный владыка их Феодосии в своем монастыре пресвятой Троицы на Склобске, которого избрали по жребию и потом не захотели.

В том же году преставился Греческий царь Мануил в Царьграде, зять великого князя Московского Василия Дмитриевича.

Великое княжение Сербское

После Анкирской брани, когда Темир победил, и захватил, и увел царя Баозита, и всё его попленил, и сестру Стефана, великого князя Сербского, которая была замужем за Баозитом.

Князь же великий Стефан посылает к Темиру послов и выводит ее из плена.

Сам же в Царьград приходит с братом Волком и там от царя Греческого Мануила, бывшего тогда еще живым, сан деспота принимает; и много почтив, царь его отпустил.

Приходит же деспот Стефан с братом своим в свой город Новоброд, город серебряный воистину и золотой. После убийства же Баозита-царя освободилась Сербская земля от ярма и покорения басурманского, и с тех пор стал деспот Стефан самовластец и государь всей земли Сербской.

Божьею милостью, обходя места и землю отечества своего, иных смирил, иных же себе покорил; и города, и места, которые в прежние времена похищены были из-под Сербской власти, те к себе присоединил.

Также, обходя землю, вернул Белград, который прежде взяли венгры; его же от Венгерской земли по перемирию взял; ибо этот Белград, хотя и в пределах Сербских находился, но словно на сердце и плечах Венгерской земли лежал. Также и прочие города свои, которые турки расхитили, самовластно взял.

Начал же подолгу пребывать в Белграде, потому что местоположение города того очень красиво, и морем, и реками, и пристанями украшено, и отовсюду корабли к нему, будто крылатые, со множеством благ прилетали.

Стефан украсил [Белград] стенами и царскими палатами, особенно же церковью соборной. И архиепископию создал, и всем потребным удовлетворил, и в ней жилища инокам сотворил.

Архиепископ же тот Белградский — экзарх всей Сербской земли. Создал же и церковь во имя чудотворца Николы, и, как монастырь, всеми добрыми храминами и одрами, и всем потребным удовлетворил, и собрал в нее множество больных и прокаженных; насадил же и сады многие на прохлаждение им.

Потом же нашел место красивое, пустынное и пригодное для молчания, и созидает там храм во имя Живоначальной Троицы, и всякими красотами его украсил, и живописным художеством, и крепость около него, и в стенах — кельи; собрал же множество иноков боголюбезных и вселил туда, и всем необходимым удоволил; и сокровища день ото дня вкладывал туда. Сотворил же себе и гробницу там, где через некоторое время положен был; дал же и иконы туда, золотом и жемчугом украшенные, и множество книг, и сосуды, и ризы, крупным жемчугом и золотом украшенные, так что превосходили и Великую Лавру Святой Горы, и светильники золотые сияющие.

Призывает же и патриарха Кирилла со всем собором Сербской земли, и совершает освящение храма в день святой Пятницы; начал же создавать обитель в лето 6915 от Адама (1415 лето от Христа). Приходит же и нищих множество, которым достаточную милостыню подавал.

И всегда сам ночами по улицам города ходил, и нищим одежду и золотые монеты подавал. И некто один, многожды подходя, милостыню брал, и снова, приходя, просил; он же дал ему и сказал: «Возьми, вор и хищник!» Он же ответил ему: «Не я, но ты — вор и хищник, со здешним царством и будущее царство крадешь и похищаешь».

О Мусульмане царе

После того же царь Мусульман, первый сын царя Баозита, присылает к деспоту Стефану, чтобы мирный договор совершить.

Сам же Мусульман поднялся на восточные страны, отеческой власти взыскивая, и брата своего Азбека, гоня, убивает; и страны восточные себе покорил, и Турецкую страну.

Сербская же земля по заключении мира с Мусульманом пребывала в смирении. Но не мог долго терпеть такого дьявол: подтолкнул брата своего Волка, и взял тот у царя Мусульмана множество воинства: «Пусть даст мне, — сказал, — брат мой деспот Стефан половину отчины, и я тебе с нее буду служить; если же нет, то я пленю ее и пустой сотворю». Деспот же Стефан не хотел, чтобы стадо благочестивое, которое Господь освободил, снова турками было порабощено. Волк же с агарянами обошел всю землю, пленяя и сжигая, и иссекая, подобно диким зверям.

Потом во второй раз приходит с еще большим воинством; Стефан же не вышел против них, чтобы не быть причастным к крови брата, еще и боялся измены оставшихся с ним, потому что Волк всех переманил к себе, кого обещанием даров, кого же и угрозами, посылая послания к бывшим у деспота.

Деспот же, держа послания его в руках, в доме своем в Белграде плакал пред образом Спасовым: «Смотри, Христе, — говорил, — как не праведно на меня покушаются, и отроки мои стали мне предателями, как некогда Твой ученик Иуда; сохрани до конца малое число оставшихся у меня». Волк же с агарянами всю землю растлил.

И начал Мисия всеми скипетрами обладать, и сотворил мир с деспотом Стефаном. Стефан же снова единым самодержцем стал всей земле Сербской.

Мисия же царь многие страны попленил и начал вооружаться на деспота Стефана, чтобы Сербскую землю окончательному уничтожению предать, расписал же и города вельможам своим.

И приходит Магомет султан от Востока, деспот же — от Запада, с ним же и венгерские воеводы, и Басанские правители. Мисия же пришел в горы, хотя перекрыть путь, чтобы никто не избежал воинов султана и деспота.

Деспот же Гурга, племянника своего, отпустил с воинством, и когда случилась брань, побежден был Мисия, и утопили его в реке.

О Магомете

Был же Магомет царём восточным и западным, и [царь] всем туркам; был же благ и кроток. Приходит же и господин Гург. Деспот же Стефан почтил его многими дарами и благодарил Бога за все; и тишина великая настала. Он же по обычаю был привержен милостыни: странников и прокаженных кормил, или, от иноков услышав, если кто в молении живет,

обильно все необходимое посылал тому. Учредил же и чин служащих ему: одни во внутренних покоях ему предстояли, с ними он беседовал о устройении его царства, и повести творил от написанного и от услышанного, и призывал подражать добродетельно царствовавшим и власть правившим благочестиво, говоря: «Путь нечестивых погибнет».

Второй чин установил во внешней горнице, где принимали его повеления от находящихся внутри; третий чин, который находился вне, от средних посылал выполнять его повеления. Отказался окончательно от всяких тимпанских и мусикийских игр: «Это, — сказал, — нужно во время брани». Ко всем, служащим ему, был щедр, как отец, а тех, кого за ошибки смирял и снимал с начальства, или тех, кто своим вероломством себя погубил, или неисполнением службы, или каким иным образом пришел в нищету, отцовского, дедовского и прадедовского места не лишал, ибо «Бог, — говорит, — за согрешение двумя наказаниями не наказывает»; и согрешившего, как нищего, миловал, как и царь Соломон. Все же, служащие ему, сохраняли благоговейное отношение друг к другу, особенно же его ближние, и вопль, хула, и смех, или небрежность в одежде не замечались в них; поэтому и очи свои сохранили от всякого праздного любопытства, и никто из великих не может не видеть этого; что же необычнее первого, то, что и женскою любовью не побеждались.

Умер же его племянник Болша, Арбанашский господин; деспот же Стефан пошел и принял под свою власть арбанасов, и еще он находился в той стране, когда пришел из Венгрии в Белград Константин, сын Срацимира, царя Болгарского, и умер в Белграде в 6930 лето от Адама (1430 лето от Христа).

О царе Махамете

Султан же Махамет, последний сын царя Баозита, жил в смирении с теми, с кем изначала пришел к согласию, и умер в Андрианополе.

Принуждали деспота Стефана многие [люди] его страны выйти с войском и захватить его страны; он же отвечал им: «Клятву дал я султану, что буду детям его добро творить».

Сын же султана Махамета — Амурат; младший же — Мустафа, которому греческий царь оказал помощь, захватил несколько стран на востоке.

Посылал на него Амурат воинство, Мустафа же вышел на битву из города Никеи и был убит; и стал Амурат царем восточным и западным, и над турками; и пошел на греков с войском, разгневавшись на то, что они оказали помощь его брату; с деспотом же Стефаном пребывал в мире и любви.

Потом же у деспота начали часто болеть ноги, и призвал он своего племянника Гурга, и поставил его деспотом всей Сербской земли; вскоре же и сам ушел из этой жизни в том же году [месяца] июня в 19 день. Был же в тот день в Белграде сильный гром, какого никогда не бывало, и тьма охватила всю нашу страну, казалось, что наступила ночь, и только на заходе показалось немного солнца. Плача горько, положили деспота Стефана около Белграда в монастыре Живоначальной Троицы в гробнице, которую он сам создал.

Царство греческое. В 6933 лето от Адама (1433 лето от Христа)

После царя Мануила начал царствовать в Царьграде его сын кир Колюян, православный [государь]. Во времена этого царя царь Амурат, сын Махамета, после смерти своего младшего брата Мустафы пришел в Царьград, помня о том, что его брату давали войско на помощь; потом же заключил с ним мир.

В 6934 лето от Адама (1434 лето от Христа)

Месяца сентября начал заканчиваться мор в Великом Новгороде, но начался заново в Пскове, Великом Новгороде, Торжке, Твери, Волоке, Дмитрове, Москве и во всех городах русских, и в волостях, и в селах по всей земле; и повсюду была сильная печаль и скорбь среди людей.

Тогда же в Москве в ту же осень преставился князь Андрей Владимирович, внук Андреев, правнук Иванов, праправнук Даниила Александровича Московского, в иноческом чине, наречен он был Саввой вместо Андрея и был похоронен у церкви Троицы в Сергиевом монастыре.

В ту же осень приходили татары на рязанскую окраину и возвратились с пленными в Поле.

Рязанцы же отправились за ними в погоню и, нагнав их, сразились с ними и отняли пленных. В ту же осень завоевывали турки Греческую землю.

В том же году преставился князь Ярослав Владимирович, внук Андреев, правнук Иванов, праправнук Даниила Александровича Московского. В том же году преставился князь Ярославский Иван Васильевич.

В том же году великий князь Литовский Витовт Кейстутович ходил войной на Псков с большим войском; и вместе с ним была земля Литовская и Польская, и Чешская, и Валашская, и татары были на его стороне, а у царя Махамета попросил его войско, состоящее из служилых людей.

И сначала пришел под псковский городок Опочку; жители же затворились в городке, попрятались, чтобы казалось пришедшим, что город

пуст. И начали конные татары атаковать мост, а горожане подняли мост на веревках, а под ним вбили заостренные колья; и когда наполнился мост противниками, горожане перерезали веревки, и мост упал вместе с ними на колья, и так погибли все; а многих татар, поляков и литовцев живыми захватили в плен и увели в город; и отрезали у татар их срамные члены и вкладывали им в рот, надругавшись над ними, чтобы и сам Витовт видел это и все бывшие с ними; а полякам, чехам и валахам кожу сдирали. Витовт же, увидев это, опозоренный, отошел от города, ничего не успев причинить городу.

И пришел под другой город Вороноч, и расположился под ним с многочисленными своими войсками. И напозла страшная и грозная туча с сильным громом и сверкающими молниями, так что и Витовт, и находящиеся с ним уже отчаялись сохранить свою жизнь. И такой гром ударил с молниями, что земля сотряслась; Витовт же ухватился за шатерный столб и начал кричать: «Господи, помилуй!», стонал и трясся, думая о себе, что сейчас будет поглощен землей и сойдет в ад. После прохождения этой страшной тучи пришел к Витовту под тот городок посол от великого князя Василия Васильевича из Москвы Александр Владимирович Лыков, говоря Витовту от имени великого князя Василия Васильевича: «Почему ты такое творишь, нарушая договор? Как ты можешь быть со мною заодно, если ты мою отчину завоевываешь и опустошаешь». А псковичи, подошедшие в то время, били челом Витовту тремя тысячами рублей. Витовт же Кейстutowич, послушав своего внука великого князя Василия Васильевича, отступился от города и взял у псковичей одну тысячу рублей, а от двух тысяч рублей отказался; и так возвратился во свояси со всеми войсками, а простоял он с войском под Вороночем три недели.

В 6935 лето от Адама (1435 лето от Христа)

Мор был великий во всех русских городах по всем землям, и умирали люди от нарывов: кто должен был умереть, у того появлялся синий нарыв, и на третий день человек умирал; а кто должен был выжить, то у того появлялся красный нарыв, и человек долго лежал, пока нарыв не прорывался. И после того Мора, как и после потопа, люди стали мало жить, стали недолговечны, худы и тщедушны.

В том же году во время того же мора преставился князь Василий Владимирович, внук Андреев, правнук Иванов, праправнук Даниила Александровича Московского, и положен он был в церкви архангела Михаила в Москве. В том же году преставился преподобный игумен Кирилл Белозерский месяца июня в 9 день и положен был в своем монастыре на Белоозере. В том же году в Новгороде завершена была церковь святого Спаса радением владыки Новгородского Евфимия.

В 6936 лето от Адама (1436 лето от Христа)

Преставился князь Петр Дмитриевич, внук Иванов, правнук Иванов, праправнук Даниила Александровича Московского.

В том же году великий князь Литовский Витовт Кестутович с многочисленными войсками пошел на Великий Новгород. Вместе с собой воины взяли пушки, тюфяки и пищали; одна пушка по имени Галка была такая большая, что везли ее на сорока конях с утра до обеда, а с обеда до полудня — на других сорока конях, а до вечера — на других сорока конях.

И, придя под город Порхов, мастер той пушки Николай, похваляясь, сказал Витовту: «Не только, князь, этой пушкой разобью башню, но и каменную церковь святого Николая разрушу в городе». Та башня и церковь были каменными и очень крепкими.

Выстрелил он из пушки, и разрушил выстрел из пушки башню до основания, а у церкви святого Николая переднюю и заднюю стену в алтаре пробил и городские каменные зубцы сбил. И вышли тогда горожане к полкам Витовта, и убили полоцкого воеводу Витовта, и много воинов Витовта убили, и коней множество убили. Произошло же это во время литургии, священнику, служившему в церкви святого Николая, вреда не было причинено; а того немца, пушечного мастера, похвалявшегося разрушить церковь святого чудотворца Николая, разорвало и разметало неизвестно где, и ничего не нашли нигде, ни тела, ни костей, только половина рубахи его осталась.

Повелел Витовт приступать к городу и стрелять из пушек; посадник же Григорий Кириллович Посахно и Исаак Борецкий, и другие вместе с ними вышли из города и стали со слезами бить челом Витовту, давая выкуп от города. И пришел из Новгорода епископ Емельян, нареченный митрополитом Фотием Евфимием, а с ним новгородские посадники и тысяцкие и били челом Витовту: дали с себя выкуп в 10 тысяч новгородских рублей. А всех пленных выкупил у Витовта архиепископ Новгородский Евфимий, заплатив три тысячи новгородских рублей; и то серебро собирал со всех новгородских волостей и по Заволочью со всех волостей, по рублю с десяти человек. И сказал им Витовт: «Это вам за то, что меня называли изменником и бражником». И так со всеми своими войсками возвратился восвояси.

В 6937 лето от Адама (1437 лето от Христа)

Приходили тайно татары к Галичу на князя Юрия Дмитриевича и простояли в Галиче месяц, а, придя на Крещение, взяли Кострому, Плес и Лух и отошли на Низ по Волге.

Князь великий же Василий Васильевич послал за ними своих дядей князей Андрея и Константина Дмитриевичей и с ними Ивана Дмитриевича со своими полками; дошли они до Нижнего Новгорода и оттуда, не догнав татар, вернулись обратно.

Князь же Феодор Стародубский Пестрой и Федор Константинович Добрынский, скрывшись от князей и воевод, погнались за татарами со своими полками и догнали последних их воинов, одних разогнали, а других убили, но царевича с князем не догнали. В том же году в Великом Новгороде обрушилась каменная церковь Святых отцов на Княжем дворе.

В 6938 лето от Адама (1438 лето от Христа)

В Смоленске появился голый волк, без шерсти, и много людей съел; а в Литве в городе Троки озеро Жидовское три дня было наполнено как будто бы кровью.

В ту же осень месяца ноября в 1 день преставился Новгородский владыка Евфимий. Пробыл он в епископском сане пять лет и пять недель, а будучи наречен в епископы, пробыл на владычном дворе год и две недели; того же месяца ноября был возведен по жребию на владычный двор святой Софии священноинок Евфимий с Лисьей горки.

В том же году Фотий, митрополит Киевский и всея Руси, был в Троках у Витовта, а тогда к Витовту собрались правители всех земель: его внук великий князь Василий Васильевич Московский, король Польский Ягайло Олгердович, великий князь Тверской Борис Александрович, великий князь Мазовшанский, папский кардинал из Рима, великий князь Ватмский, король Чешский, воевода Валашский Ильяш, немецкий воевода Кунштер, магистр Прусский и Немецкий и многие другие князья и воеводы. И пошел Витовт со всеми гостями из Троков в Вильно, и там большие почести всем им воздавал в течение многих дней, и многими дарами одарил, и так распустил их; и оттуда все разошлись каждый в свои земли. А Фотия, митрополита всея Руси, оставил у себя и продержал его после того еще одиннадцать дней, потом, оказав ему почести, отпустил в Москву.

Фотий же митрополит пришел в Новгородок Литовский (Новогрудок), и там пришла к нему весть, что великий князь Литовский Витовт Кестутович умер месяца октября в 24 день, после его ухода прожил только три дня, княжил же он 38 лет.

И сел после него на великом княжении Литовском его двоюродный брат князь Свидригайло Олгердович; пришел он вместе со своим братом королем Польским Ягайло Олгердовичем в Новгородок Литовский

(Новогрудок) и там оказал почести Фотию, митрополиту всея Руси, и отпустил его в Москву с большой любовью и почестями.

В том же году была сильная засуха и нехватка воды, а земля, боры и леса горели, повсюду стоял очень сильный дым, иногда даже люди друга друга не видели; и из-за того дыма звери, птицы и рыбы в воде умирали, люди пребывали в большой нужде и тоже умирали.

В том же году в Новгороде поставили каменную церковь Святых отцов на Княжем дворе на месте старой церкви, которая обрушилась. В том же году новгородцы пристроили другую каменную стену к городу Порхову. В том же году было собрание новгородцев о постройке города, а снаряжали четверо пятого.

В 6939 лето от Адама (1439 лето от Христа)

Месяца октября князь ордынский Айдар завоевал землю Литовскую, подошел к городу Мценску и простоял под ним три недели, но города не взял, потому что находился там воевода Григорий Протасьев. Айдар же поклялся Григорию своей верой; он же поверил ему и вышел из города.

Айдар увел его с собою в Орду к царю Махамету. Царь же Махамет бранил Айдара и не похвалил его за это; и, оказав почести Григорию, отпустил его с дарами на Русь.

В ту же зиму князь Юрий Дмитриевич расторг мир с великим князем Василием Васильевичем, своим племянником.

В ту же весну великий князь Василий Васильевич посылал князя Федора Давыдовича Пестрого с войском на волжских и камских болгар; он же, придя, завоевал их и всю землю захватил.

В том же году было знамение, явились на небе три огненных столпа. Тогда же была и сильная засуха, земля, боры и болота горели, и сильный голод был во всей земле Русской.

Повесть о Фотии, митрополите Киевском и всея Руси, который видел ангела Господня, показавшего ему конец его жизни

Было явление в городе Москве митрополиту Киевскому и всея Руси Фотию. Находился он утром в своей спальне и совершал свое обычное молитвенное правило в пятницу на Святой неделе, в 6938 лето от Адама (1438 лето от Христа), на память преподобного Феодора Власяного. И когда лежал он в постели и почивал, то внезапно воссиял необыкновенный свет в его спальне, и вошел к нему некто, видом подобный человеку с северной стороны, благообразен и светел, с золотыми волосами и царским венцом на голове, и одежда его была украшена всяческими красо-

тами, неподвластными человеческому пониманию, а в руке у него был золотой посох. И встал он, молча, перед святителем Фотием. Страшно стало Фотию, но через некоторое время, собравшись с силами, митрополит сказал ему: «Кто ты, о, человек, так удививший меня? Как дерзнул войти ко мне, если двери мои закрыты? Написано ведь: не входящий дверями — вор и разбойник». Тогда ответил ему пришедший: «Почему так думаешь обо мне; не вор я и не разбойник, не из земных людей; и ничто не может меня удержать — ни каменная стена, ни крепостные железные ворота, куда захочу войти, войду; я — Божий ангел, посланный к тебе от Господа Бога Саваофа Вседержителя. Повелел мне Господь Бог сказать тебе для укрепления твоей жизни; внимай себе и своему стаду, и дает тебе Христос Бог седмицу на рассмотрение своей жизни и на управление делами паствы твоей». Святитель же с большим страхом и трепетом выслушал ангела и со слезами пал к ногам его, но уже не увидел ангела Божья, поскольку тот стал невидим. И пришел Фотий от этого видения словно бы в исступление ума, и впал в недуг, и пролежал долгое время, пока келейники иноки, приближенные к нему, придя, не взяли своими руками и не положили его на одре, как мертвого, не могущего ничего сказать и увидеть своими глазами. Потом же, как только возвратились к нему силы, митрополит с трудом рассказал о видении и обо всем, произошедшем с ним, присутствующим людям.

Прожил же он после явления Божьего ангела один год, три месяца и 20 дней, и так исполнилась седмица по слову Божьего ангела: семь седмиц по семьдесят дней. И в те дни перед своей кончиной он написал слово, воспроизводящее все события, произошедшие в течение всей его жизни, прощая всех и благословляя, и прося прощения у всех. И завещал соблюдать все, что написал в своем завещании, говоря: «Во имя Святой Единосущной и Животворящей, и Нераздельной Троицы. Я, раб Божий, смиренный Фотий, митрополит Киевский и всяя Руси. Божьими судьбами, которые один только Бог знает, возведен был на великую степень святительства, совсем не желая этого. Велико дело пастыря и учителя, поскольку ему следует не только о себе, но еще больше о своей пастве заботиться и знать подходящее время, смирение и высоту, и благую тишость, и праведную и спасительную ярость, и многое другое, что пастырям надлежит. Зная все это и видя свою немощь, не желал я этого сана, но желал только добродетельной жизни; ради этого и браком не сочетался, и с миром и его суетными мечтаниями не связался, но больше всего мне, смиренному, только одно было любезно и желательно, чтобы спасти свою душу и представить себя Владыке и Богу моему Создателю и Творцу всей твари незапятнанного грехами мира. И так отрекся от полной соблазнов и суеты несчастной скоропроходящей мирской жизни, по-

учаемый и наставляемый блаженным и всесвященнейшим старцем Акакием, моим наставником, которого почитали патриархи и все святители, и цари, который, подобно солнечному лучу, был сладостен для всех и желаем. Этому следовал и служил с младенчества, уча Божественное Писание и духовную премудрость, познавая духовное житие, и предал себя этому незлобивому и спокойному наставнику, и повиновался ему, последовал ему и учился у него. И ничего более того не познал и не уразумел, но только желал умереть для этого мира и разлучиться с жизнью, полной соблазнов, и быть с Христом; но по Божьему промыслу встретило меня то, чего не желал и о чем не помышлял. Пришел я из Амморейской страны в царствующий Константинополь, посланный блаженным старцем и дивным наставником в святителях кир Акакием к преосвященному патриарху кир Матфею и к благочестивому царю кир Мануилу. И там внезапно возложили на меня слова и дела тягостного мне священничества; но судьбами Божиими я не смог миновать этого, и, одержимый печалью, был соборно рукоположен преосвященным патриархом святителем кир Матфеем в Киевскую митрополию на Русь. И был отпущен туда, отправился с большой печалью и скорбью, рыдая и плача, и сетуя, вспоминая свою молчаливческую и безмолвную жизнь. И так плачевно путешествуя, прибыл в святую Русскую митрополию. И с того часа только Бог знает, сколько раз я впадал в рыдания и слезы, иногда из-за своей немощи, так как не имел достаточно духовных сил, иногда из-за человеческих бед моей паствы, которая перед моим прибытием была пленена агарянами и этим была сильно озлоблена, а потом за наши частые грехи обрушились непрестанные моры, голод и междоусобные брани. Вся эта скорбь и печать, связанная с происходившим, затронула и меня, печалился я об этом и сильно плакал, горя духом, обливается слезами и был умом погружен во все эти лютые напасти. Еще помимо всего этого сильно страдал от раскола и разделения митрополии Киевской и всея Руси, которые тогда Господь Бог попустил и опять милость Свою показал, объединив церковь в древний мир и благолепие. А потом погрузился в глубокую скорбь от кончины моего сына в Святом Духе великого князя Василия Дмитриевича, болезни и печали одолели меня, и всякие несчастья напали на меня, озлобление, клевета, сокрушение и рыдание, и еще большие слезы принял я, смиренный. И потом снова начались мятежи и междоусобные брани, а у меня — скорби к скорбям и печали к печалям, а еще начались голод и моровое поветрие; и эти скорби и печати терзали меня и до конца сокрушили мою душу, и ослепили мои очи от слез о Христовой пастве и тягот бесчисленных моров и недостатка хлеба. И так многими скорбями, печатями и напастями, и озлоблениями я был наказан по человеколюбию Божью по моим грехам. И различные болезни умножи-

лись, и это возвещало мне не что иное, как смерть и Страшный Суд Владыки моего Христа Бога. Поэтому воздаю должное вашей любви, и сначала сам исповедую и вас молю придерживаться полученной от Бога апостольской и отеческой веры православия истинного благочестия в Святую Троицу; и как я сам святую Церковь и Священное Писание принимаю от Бога и от святых апостолов, от божественных отцов, святых вселенских и поместных соборов, от особо прославившихся святых любезно из глубины сердца со мною верою принимаю и почитаю, также и вас прошу об этом и заповедую вам это соблюдать; и другие священные, апостольские и отеческие заповеди Божьей церкви цело и неизменно соблюдать, как в исповедании моем написано, то и передаю Божественной церкви, когда в начале своего святительского пути рукополагался преосвященным Матфеем, патриархом Константинопольским, и святым освященным вселенским собором. Пусть некоторые из них ушли из этой жизни, но некоторые еще живы, всем им даю прощение о Христе и сам у них того же прошу. И всем святейшим патриархам, прежде умершим и ныне еще живущим, даю мир, любовь и прощение, и сам у них того же прошу. Также и всем православным царям даю благословение и прощение. Также и всем благочестивым и христоролюбивым великим русским князьям и великим княгиням, ранее умершим и в наши годы скончавшимся, всем им даю благословение и прощение, и сам у них того же прошу. Также и боголюбивым русским епископам, правящим в пределах митрополии нашей соборной церкви и всем прочим, прежде и в наши годы скончавшимся, всем даю благословение и прощение, и сам у них того же прошу. Также и всем благоверным русским князьям и княгиням, прежде и в наши годы скончавшимся, всем даю благословение и прощение, и сам у них того же прошу. Также всякому священническому и иноческому чину, ранее скончавшимся, всем даю благословение и прощение, и сам у них того же прошу. Также и всем православным христианам, ранее и в наши годы скончавшимся, во время недостатка хлеба, моровых поветрий, в водах, в огне, в сражениях, плену, от насильственной смерти прежде скончавшимся и в наши годы, всем даю благословение и прощение, и сам у них того же прошу. Благоверному благородному и христоролюбивому моему сыну во Святом Духе великому князю Василию Васильевичу с его матерью великой княгиней Софьею даю мир, любовь и благословение, и последнее целование, и прощение. И благоверным благородным моим сыновьям во Святом Духе князьям Георгию и Андрею Дмитриевичам с их княгинями, детьми даю благословение и прощение. Также и всем великим русским князьям, правящим в своих великих княжениях, всем удельным и поместным князьям с княгинями и детьми оставляю благословение о Христе и прощение. Также и всем боголюбивым еписко-

пам в пределах нашей Русской митрополии, всем православным епископам во всей земле, всему священническому и иноческому чину оставляю мир, благословение и прощение, и сам у них того же прошу. Также и всем боярам, вельможам и купцам, и всем православным христианам, их женам с детьми оставляю мир, благословение и прощение, и последнее целование, и сам у всех того же прошу. На тех же, кто по слову Христова Евангелия послужил или что сделал для нас, — как говорит Бог: «Слушающий вас, Меня слушает; и принимающий вас, Меня приемлет; приемляй пророка во имя пророче, мзду пророчю приемлет, и приемляй праведника во имя праведниче, мзду праведничию приемлет», — а они это сделали, послужили, возлюбили и почтили нас ради Господа и Евангелия в городах, селах, пустынях и в различных землях — пребудет милость Божья и Пречистой Богородицы, и всех святых и наше благословение, и даст Господь им вознаграждение, как Сам обещал таким, и в этом веке, и в будущем. И с теми, кто имел попечение вместе с нами об устройении Божьей церкви для исправления православного христианства, князьями, боярами и вельможами, мужчинами и женщинами, пребудет Божья милость и Пречистой Богородицы, и всех святых, и наше благословение, и дай им, Милостивый Христос Бог, вознаграждение и в этот век, и в будущий. Если кому что-либо запретил, вниманием или невниманием, или кто разрешения у меня не нашел по моему забвению или простоте, или как-нибудь иначе, или кто моего духовного поучения не послушался, всех тех считаю разрешенными во Святом Духе и благословенными на все мои годы, на которые поставлен был на великую степень святительства, в 6916 лето от Адама (1416 лето от Христа) месяца сентября в 1 день, индикта второго, и с тех пор управляю церковью по 39-й год, 9-й индикт. Если в прошедшие годы кто-то меня в чем-либо подозревал или возроптал на меня, или явно, или тайно клевету возвел на князей, и если это был кто-то из великих вельмож и бояр или человек священнического и иноческого чина, рщи из мирских людей, мужчин и женщин, то те, которые исповедались мне и получили прощение, будут прощены и в этом веке, и в будущем; а те, кто по своей стеснительности, небрежности или забывчивости не сделали этого, опасаясь меня и боясь, не исповедались мне, или уже умерли, или еще живы, все они будут благословенны и прощены, поскольку мне это надлежит сделать и в моей власти разрешить их; и сам у них того же прошу. Всех разрешаю и благословляю, и прощаю, кроме тех священников, которых запретил в служении согласно правилам ради их вразумления, духовной пользы и спасенья, и не в моей власти разрешить их к священству. Душу же свою предаю Человеколюбцу Богу и доверяю заботиться о ней и о доме Пречистой Богородицы тебе, моему сыну во Святом Духе, благоверному и христолюбивому великому

князю Василию Васильевичу. Известно же было, сын, и твоему отцу, нашего смирения сыну, великому князю Василию Дмитриевичу, и твоей матери, нашего смирения дочери, великой княгине Софии, и твоим дядьям, боярам, вельможам и всем православным христианам, как пришел на эту святейшую митрополию после своего брата митрополита Киевского и всея Руси Киприана. И не нашел в церковном митрополичьем доме ничего: все пришло в запустение, было растрчено и неведомо куда разошлось. И поэтому пришлось мне, смиренному, приложить много трудов. И все то, что, сын мой, было собрано в церковный дом Пречистой Богородицы в отчине вашего великого государства из других земель и великих княжений, из Литовской земли, что было получено от благородных и благоверных князей, бояр, вельмож, купцов и православных христиан, мужчин и женщин, от тех, кто дал в искупление грехов своей души в дом Христов и Пречистой Его Матери Богородицы золото, серебро, и жемчуга, драгоценные камни и серебряные сосуды, и земли, и воды, обо всем этом приказываю тебе, сыну моему, великому князю Василию Васильевичу, твоим детям и внучатам из рода в род до скончания веков, чтобы это все было сохранено и никем не отнято, потому что все это было отдано Богу и Пречистой Его Матери Богородице во искупление грехов христиан. О своей же душе приказываю иметь попечение тебе, сыну своему, великому князю Василию Васильевичу, и твоим детям, и о том поминание совершать. Помни же, сын мой, и не забывай обо всем, и как от купели Божественной тебя породил, Богу свидетельствуя, и как попечение имел о тебе, и как тебе сочувствовал во многих вещах, во времена эти прошедшие. Также тебя благословляю и поручаю охранять и оберегать моих митрополичьих бояр, чернецов и всех слуг от мала и до велика, чтобы во имя Пречистой Божьей Матери были все сохранены, и никто не ущемлен ни в чем. Известно тебе, сын мой, великий князь, и всем благоверным князьям, боярам, вельможам и купцам, что во время пожара по грехам все церковные грамоты сгорели, поэтому все церковное имущество, принадлежащее дому Христа и Пречистой Богородицы должно быть сохранено во веки веков и не должно быть обижено ни от кого: большой грех зариться на церковное, отданное Богу и Пречистой Его Матери Богородице. Известно всем, как пришел я на эту святейшую митрополию Киевскую и всея Руси, а церковные дома, принадлежащие Христу и Пречистой Богородице и митрополичьи села пришли в запустение, были разграблены и расхищены; и поскольку дал Господь Бог силы моему смирению, то я заботился и оберегал их и от мора, и от недостатка хлеба, и от прихода татар, а что потеряно — то в Божьих судьбах, а что осталось или что прикупил в дом Христа и Пречистой Богородицы: волости и села, и пустые земли, и воды, чтобы было все то сохранено во

веки веков в церкви Божьей и Пречистой Его Матери и никак ни в чем не обижено. Но молю и завещаю тебе, великий князь Василий Васильевич, и сыновьям твоим, и внукам твоим из рода в род, и всем благоверным князьям, боярам и вельможам, молю и завещаю им все это, написанное мною, соблюдать. Те же, кто не позаботятся об этом, будут испытаны от Господа Бога и Пречистой Его Матери Богородицы. Поэтому всех православных молю и завещаю им все, нашим смирением написанное, соблюдать, потому что писал по дару Святого Духа. Будет же милость и благодать Господа Бога и Пречистой Богородицы на моем сыне, великом князе Василии Васильевиче, на его сыновьях и внуках из рода в род, и с великим их государством, и со всеми благоверными князьями, боярами, вельможами, купцами и со всем христианским народом мир и спасение, и наше благословение ныне, всегда и в бесконечные века. Аминь». И так преосвященный Фотий, митрополит всея Руси, после написания своего завещания и после истечения семи седмиц по семьдесят дней, как было ему возвещено Божьим ангелом, преставился к Богу в 6939 лето от Адама (1439 лето от Христа) месяца июля 2 дня, и положен был в соборной митрополичьей церкви Пречистой Богородицы в Москве на правой стороне, где стоит гроб Киприана, митрополита всея Руси; пас он церковь Божью 22 года и 10 месяцев.

**Князь великий Василий Васильевич спорил
о великом княжении со своим дядей
князем Юрием Дмитриевичем и пошел в Орду**

В том же году великий князь Василий Васильевич и его дядя князь Юрий Дмитриевич спорили о великом княжении Московском и решили пойти в Орду к царю Махамету: кого царь Махамет пожалует великим княжением, тот и будет великим князем. И так великий князь Василий Васильевич месяца августа начал собираться в Орду. В праздник Успения Пречистой Богородицы по окончании литургии повелел отслужить молебен Пречистой Богородице и великому чудотворцу Петру, пролил слезы, повелел раздать много милостыни всем церквям города Москвы, монастырям и всем нищим, так же повелел и по всем своим городам сотворить и отправился в Орду в тот же день, а обедал на своем лугу напротив Симонова [монастыря] под навесом, и пошел в путь свой.

В 6940 лето от Адама (1440 лето от Христа)

Месяца сентября в 8 день князь Юрий Дмитриевич на праздник Рождества Пречистой Богородицы был на литургии в церкви Пречистой Богородицы на Сторожах и пошел вслед за великим князем Василием Васильевичем в Орду.

И когда они пришли в Орду, взял их к себе в улус московский дорога Мин-Булат: великому князю Василию Васильевичу была оказана им великая честь, а его дяде князю Юрию Дмитриевичу — бесчестие и большое притеснение.

Но был добр к князю Юрию великий князь ордынский Ширин-Тегиня, пришел он и насильно забрал князя Юрия у Мин-Булата и обещал дать ему великое княжение. И пошел Ширин-Тегиня с князем Юрием зимовать в Крым; а великий князь остался в Орде у Мин-Булата.

Находился тогда с великим князем Василием Васильевичем боярин Иван Дмитриевич, и он решил помочь великому князю Василию Васильевичу, стал бить челом великим князьям ордынским князю Айдару и Мин-Булату, и прочим князьям татарским за своего государя великого князя Василия Васильевича, говоря каждому: «Это ли, господин, ваше ходатайство к царю и верное слово о нашем государе великом князе, что не может царь словом Тегиня пренебречь, но по его слову даст великое княжение князю Юрию? И если по его слову так произойдет, то что с вами тогда будет? Князь Юрий будет великим князем на Москве, а в Литве — его побратим великий князь Свидригайло, а Тегиня — в Орде и будет вправе выбирать царя помимо вашей воли». И этими словами, как стрелою, ранил их сердца.

И тогда все ордынские князья стали бить челом царю за великого князя Василия Васильевича и спорили, говоря с ним. И убедили царя, и сказал им царь: «Если говорит Тегиня о великом княжении для князя Юрия, то повелеваю его убить». И когда пришла весна, тогда вернулся Тегиня из Крыма в Орду, хотел дать великое княжение князю Юрию. Один татарин именем Усеин, постельник царя, племянник Ширин-Тегиня, рассказал ему о замысле царя и всех князей: если кто скажет о князе Юрии, тот будет убит. Услышав это, Ширин-Тегиня не смел ничего говорить против них или противиться им.

Царь же повелел своим князьям рассудить русских князей, и был большой спор между ними: великий князь Василий Васильевич искал своего престола по отчеству и по дедству, а князь Юрий Дмитриевич, его дядя, — по свидетельствам летописцев, старых списков и духовной [грамоте] своего отца великого князя Дмитрия. И тогда боярин великого князя Василия Васильевича Иван Дмитриевич сказал царю и его князьям: «Государь вольный царь! Разреши сказать слово мне, холопу великого князя. Наш государь великий князь Василий Васильевич ищет престола своего великого княжения, а твоего улуса, по твоей царской милости, по твоим грамотам о данях и ярлыкам: а вот твоя милость пред тобою. А наш господин князь Юрий Дмитриевич, его дядя, хочет взять великое княжение по мертвой грамоте своего отца, а не по твоей, вольно-

го царя, милости. А ты волен в своем улусе, кого захочешь, того и жалуешь по своей воле. А наш государь великий князь Василий Дмитриевич великое княжение отдал своему сыну великому князю Василию по твоей же, вольного царя, милости; и уже, господин, который год он сидит на своем престоле по твоей милости, тебе, своему государю вольному царю, служа, это тебе и самому ведомо».

И тогда царь Махамет отдал великое княжение князю Василию Васильевичу и повелел провести коня под его дядей князем Юрием Дмитриевичем. Великий князь Василий Васильевич не захотел своего дядю обесчестить, и Ширин-Тягиня выступил в этом деле против царя и хотел отступить от него, поскольку в то время выступил против Махамета царь Кичим-Ахмет. Махамет же решил так поступить и по просьбе Тягиня прибавил князю Юрию Дмитриевичу к его отчине город Дмитров со всеми волостями; и отпустил их царь в свои отчины. И пришел великий князь Василий Васильевич в Москву на Петров день, а вместе с ними посол царя царевич Мансыр-Улан, который возводил великого князя на великое княжение в церкви Пречистой Богородицы у Золотых дверей. А его дядя князь Юрий Дмитриевич отправился в свою отчину Звенигород, а оттуда в Дмитров.

В том же году преставился родной дядя великого князя Василия Васильевича князь Андрей Дмитриевич Можайский в своей отчине Можайске месяца июня, и привезли его в Москву, и положили в церкви архангела Михаила.

В том же году князь Юрий Дмитриевич, опасаясь своего племянника великого князя Василия Васильевича, ушел из Дмитрова в Галич; а великий князь взял Дмитров себе, одних его наместников сослал, а других пленил.

В 6941 лето от Адама (1441 лето от Христа)

Боярин великого князя Василия Васильевича Иван Дмитриевич, усердно и с искренним сердцем служивший ему в Орде, получивший для него великое княжение у царя Махамета, захотел свою дочь выдать за великого князя Василия Васильевича. И имел беседу об этом с великим князем. И когда были они в Москве, то не захотел этой свадьбы великий князь Василий Васильевич и его мать София Витовтовна, но захотел жениться на дочери князя Ярослава. И обручился великий князь Василий Васильевич с княжной Марией, дочерью князя Ярослава, внучкой Владимира, правнучкой Андрея Ивановича, а внучкой Марьи Голтыевой.

И Иван Дмитриевич бежал из Москвы в Углич к дяде великого князя Василия Васильевича князю Константину Дмитриевичу, а оттуда в Тверь, а из Твери в Галич к князю Юрию Дмитриевичу, дяде велико-

го князя Василия Васильевича. В ту же зиму женился великий князь Василий Васильевич в Москве месяца февраля в 8 день, взял за себя княжну Марью, дочь Ярослава Владимировича, внучку Марии Голтыевой.

В ту же зиму Иван Дмитриевич уехал из Твери в Галич к князю Юрию Дмитриевичу и начал подговаривать его на великое княжение; и князь Юрий после долгих размышлений послал за своими детьми, князьями Василием и Дмитрием Шемякой, в Москву; а они тогда были на свадьбе у великого князя Василия Васильевича.

И тогда узнал Петр Константинович на князе Василии золотой пояс на цепях с драгоценными камнями, который был отдан великому князю Дмитрию Ивановичу князем Дмитрием Константиновичем Суздальским. Об этом упоминаем потому, что много зла произошло из-за этого.

Тот пояс на свадьбе великого князя Дмитрия Ивановича подменил тысяцкий Василий. Великому князю дал меньший, а тот отдал своему сыну Микуле, а замужем за Микулой была Мария, старшая дочь того же князя Дмитрия Константиновича Суздальского.

А Микула тот пояс отдал в приданое Ивану Дмитриевичу, а Иван Дмитриевич отдал его в приданое за свою дочь князю Андрею Владимировичу.

Потом, когда после смерти князя Андрея и возвращения из Орды, Иван Дмитриевич обручал дочь князя Андрея, а свою внучку, за князя Василия Юрьевича, то тот пояс ему отдал; и на свадьбе великого князя Василия Васильевича пояс был на нем. Великая княгиня Софья сняла с него тогда пояс, и из-за этого князь Василий и князь Дмитрий Юрьевич обиделись и ушли из Москвы в Галич к своему отцу, и разграбили город Ярославль, казну всех князей захватили и пошли в Галич.

Князь Юрий Дмитриевич пошел ратью против своего племянника великого князя Василия Васильевича

Пришли они к отцу в Галич, а он уже собрался со всеми своими людьми, желая выступить против великого князя. Объединившись с пришедшими к нему, князь выступил с ними и с большим войском против великого князя Василия Васильевича, и Иван Дмитриевич был с ними же, а великий князь и не знал об этом.

Прибежал тогда из Ростова к великому князю Василию Васильевичу его наместник Петр Константинович и рассказал, что идет на него его дядя князь Юрий Дмитриевич со своими детьми и с большим войском и находится уже в Переяславле.

Князь же великий ничего не успел предпринять, но отправил к нему своих послов Федора Андреевича Лжа и Федора Товаркова с предложе-

нием мира. И встретили послы князя у Троицы, но он же не захотел заключить мир, но все-таки пошел, а Иван Дмитриевич не дал о мире и слова сказать. И произошла между обоими боярами ссора бурная, и обменялись они словами непристойными, и возвратились послы великого князя назад с пустыми руками.

Князь великий же Василий Васильевич собрал людей, которые тогда были около него, москвичей, купцов и всех остальных взял с собою, вышел навстречу ему и встретился с князем Юрием на Клязьме за двадцать верст от Москвы; с князем Юрием было множество воинов, а у великого князя очень мало, но, однако, сразились с ними. А от москвичей не было никакой помощи, так как многие из них были пьяны, да еще и с собою мед везли для питья.

Увидел великий князь Василий Васильевич, что нет ему ниоткуда помощи, быстро побежал к Москве; и, взяв свою мать Софью и свою княгиню Марию, трепеща и торопясь, побежал в Тверь, а из Твери — к Костроме. Произошел же этот бой в субботу, накануне недели Жен мироносиц, месяца апреля в 25 день.

О князе Юрии Дмитриевиче

И его дядя князь Юрий Дмитриевич, придя в Москву, сел на великом княжении и отправил своих детей вслед за своим племянником великим князем Василием Васильевичем; и сказали ему, что великий князь находится в Костроме, и тогда князь Юрий Дмитриевич сам пошел вместе со своими детьми за ним к Костроме, взяв с собою и большое войско. И, придя к Костроме, захватил его в плен; князь же Василий Васильевич со слезами и плачем бил челом любимцу своего дяди боярину Семену Морозову; так как этот Семен был у князя Юрия Дмитриевича в великой славе и любви. Иван же Дмитриевич разгневался на это, очень не нравилось ему, что не только оказывает ему снисхождение, но еще же и удел хочет отдать ему, и не только один Иван Дмитриевич, но и многие другие бояре и слуги рассердились на это, не нравилось это им всем.

О Семене Морозове

Семен же Морозов многое мог просить у своего господина князя Юрия Дмитриевича и испросил великому князю Василию Васильевичу мир и любовь и в удел ему Коломну. Князь Юрий же Дмитриевич устроил пир в честь своего племянника великого князя Василия Васильевича, дал ему многие дары и отпустил его на удел в Коломну, а вместе с ним и всех его бояр. А тот мир и любовь, и удел — все устроил Семен Морозов, любимец князя Юрия.

Князь же великий Василий Васильевич пришел в Коломну и начал созывать к себе отовсюду людей, и многие собирались к нему; также князя, бояре, воеводы и все дворяне, и слуги начали отказываться от князя Юрия Дмитриевича из-за великого князя Василия Васильевича, и все люди от мала до велика отправились из Москвы в Коломну, так как не нравился им всем любимец князя Юрия Семен Морозов.

Увидели же дети князя Юрия князя Василий Косой, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный, что не осталось у их отца никого из москвичей, очень оскорбились этим и смутились. И тогда князя Василий Косой и Дмитрий Шемяка Юрьевичи убили любимца своего отца боярина Семена Морозова в набережных сенях, говоря: «Ты, злодей, крамольник, устроил эту неприятность нашему отцу и всем нам! Издавна ты известен как крамольник и лиходей». И, убив его, оставили мертвым, а сами пошли к Костроме.

Князь же Юрий, увидев, что непрочно его великое княжение, что все люди идут к великому князю, послал к великому князю, говоря: «Приходи на Москву на великое княжение, а сам я пойду в Звенигород». И пошел в Звенигород, а оттуда в Галич.

О великом князе Василии Васильевиче

А великий князь Василий Васильевич, вернувшись в Москву, сел на великом княжении, а со своим дядею князем Юрием примирился на том, чтобы тот не принимал у себя его детей и не оказывал помощи им.

О Юрьевичах

В том же году великий князь Василий Васильевич послал своего воеводу князя Юрия Патрикеевича, а с ним свой двор, многих людей на Кострому на Юрьевичей, на князей Василия и Дмитрия Шемяку, а с ними были вятчане и галичане. И приготовились к бою на речке Куси, и победили войско великого князя, а воеводу великого князя Юрия Патрикеевича захватили в плен; и вернулись опять в Кострому, а как Волга стала, пришли к Турдеевым врагам.

В том же году приехал князь Юрий Семенович со своею княгинею из Литовской земли в Великий Новгород.

В том же году в Новгороде был пожар, выгорел Загородский конец и Людин конец до Лукиной улицы. В том же году в Новгороде совершили каменную церковь святого Георгия в Борковце.

В том же году в Новгороде инок Евфимий, избранный владыкой, построил у себя на владычном дворе каменную палату, дверей у неё было 30, строили палату немецкие мастера из Замория вместе с новгородскими мастерами.

**О великом князе, как он ходил на князя Юрия
в 6942 лето от Адама (1442 лето от Христа)**

Князь великий Василий Васильевич узнал об измене своего дяди князя Юрия Дмитриевича, о том, что в бою у его детей участвовали его воеводы со многими воинами, и за это выступил против него князь с огромным войском к Галичу; тот же бежал к Белоозеру.

И великий князь взял и сжег город Галич, а людей увел в плен, и много зла причинил той земле, и возвратился в Москву. А князь Юрий Дмитриевич пришел в Галич, послал за своими детьми и начал объединяться против великого князя, собрал большое войско и вятчан привел.

**Князь Юрий Дмитриевич со своими детьми пошел
на великого князя Василия Васильевича**

И пошел на великого князя в ту же весну, а с ним отправились и его дети князь Василий Косой и два князя Дмитрия, Шемяка и Красный, с большим войском. Великий князь Василий Васильевич, узнав об этом, пошел им навстречу, а с ним князь Иван Можайский. И встретились в Ростовской области у святого Николая на горе в Лазареву субботу, и начался между ними бой; победил князь Юрий Дмитриевич, а великий князь бежал к Великому Новгороду, а князь Можайский Иван — к Твери, там была и его мать, она тоже бежала в Тверь к своей дочери.

И великий князь послал к князю Ивану Можайскому Андрея Феодоровича Голтыева, чтобы тот от него не отступал, а был бы с ним заодно. Князь же Иван отказал Андрею, говоря великому князю: «Господин государь, где бы я ни был, везде буду твоим человеком, но чтобы сейчас не потерять свою отчину, чтобы мать не скиталась в чужой отчине, не приду тебе на помощь, но всегда буду твоим».

А князь Юрий прислал к нему Якова Жестова, зовя его к себе; князь же Иван Можайский отправился из Твери к князю Юрию и встретил его у Троицы, и пошел с ним к Москве.

Пришел же князь Юрий Дмитриевич под Москву в среду на Страстной неделе и простоял под городом неделю.

А в среду на Светлой неделе взял Москву и, схватив великих княгинь, отослал в Звенигород, а сам сел на великом княжении.

Князь же великий пошел из Новгорода на Мологу и к Костроме, а оттуда — в Нижний Новгород.

И князь Юрий Дмитриевич отправил против него двух своих сыновей: князей Дмитриев, Шемяку и Красного, и пришли они во Владимир с большим войском; великому князю не было ниоткуда помощи, и захотел он пойти в Орду.

Князьям же Дмитриям, находящимся тогда во Владимире, пришла весть о том, что их отец князь Юрий преставился, а их старший брат князь Василий сел на великом княжении в Москве. Потом же и он сам прислал к ним, поведав о смерти отца, о своем здоровье и княжении; они же отвечали: «Пусть не захотел Бог, чтобы княжил наш отец, а тебя и сами не хотим».

О великом князе Василии Васильевиче

И послали в Нижний Новгород к великому князю Василию Васильевичу. И пришел великий князь и, смирившись с произошедшим, пошел к Москве.

А князь Василий Юрьевич Косой бежал из Москвы в Орду, пробыв на великом княжении один месяц.

А великий князь Василий Васильевич, придя, сел на своей отчине, на великом княжении в Москве, а князю Дмитрию Шемяке дал Углич и Ржев, а младшему [брату] князю Дмитрию Красному дал Бежецкий Верх.

А князь Василий Юрьевич Косой пошел на Кострому и начал собирать воинов, чтобы идти против великого князя Василия Васильевича.

В том же году в Великом Новгороде избранный владыка Евфимий пошел ставиться к митрополиту Герасиму в Смоленск месяца мая в 26 день. Тогда после преставления Фотия, митрополита Киевского и всея Руси, не было в Москве митрополита.

В том же году приехал в Великий Новгород князь Василий Юрьевич Косой.

В том же году литва воевала с немцами.

В том же году вышел из Новгорода князь Василий Юрьевич Косой и по пути разграбил земли по реке Мете, по Бежецкому Верху и Заволочью.

В том же году в Новгороде поставили посадник Григорий Кириллович и Осип Андрианович Горошков каменную церковь святителя Иоанна Златоуста в Колотке на старом основании.

В 6943 лето от Адама (1443 лето от Христа).

Князь Василий Юрьевич пошел против великого князя

Пришел князь Василий Юрьевич Косой из Костромы с большим войском к Москве; а великий князь Василий Васильевич, узнав об этом, выступил против него. И встретились они в Ярославской отчине у Козьмы и Дамиана на Которосли января в 6 день, и начался между ними бой, помог Бог великому князю Василию Васильевичу. А князь Василий Юрьевич Косой убежал в Кашин, и, собравшись с силами в Кашине, тайно пошел

к Вологде на заставу великого князя, и там захватил в плен воеводу великого князя Федора Михайловича Челядню, Андрея Федоровича Голтяева, Владимира Андреевича Зворыкина, Михаила Чепечкина и многих других; и пришел к Костроме, и послал к вятчанам, и вятчане пришли к нему. А великий князь Василий Васильевич, узнав об этом, выступил против него и, придя, встал на мысе около монастыря святого чудотворца Ипатия между Волгой и Костромой. И нельзя было биться им, так как между ними была река Кострома, заключили они мир, и отдал великий князь Василий Васильевич князю Василию Юрьевичу Косому город Дмитров в вотчину. А весна была тогда очень холодная. Князь же Василий Юрьевич Косой, придя в Дмитров, пробыл там один месяц.

В том же году новгородские посадники Иван Васильевич и Григорий Кириллович, новгородский тысяцкий Феодор Елисеевич и многие другие воеводы с большим войском ходили ратью к Ржеву, на Поповский рубеж и на Бородову, волости и села захватили и сожгли, и множество ржевцев увели с собою, и возвратились в Новгород.

В том же году великий князь Московский Василий Васильевич заключил с новгородцами договор, скрепив его крестным целованием, о том, чтобы великому князю отказаться от Новгородской вотчины, Бежецкого верха, [от земель] на Ламском Волоке, в Вологде, а новгородским боярам отказаться от княжеской земли, где бы она ни была, а раздел землям должен произойти на Петров день, а при разделе земли должны присутствовать бояре великого князя и новгородские бояре. В том же году владыка Новгородский Евфимий заложил у себя во дворе каменную церковь святителя Иоанна Златоуста на воротах; в том же году она была построена. Но когда мастера завершили церковь, и все отошли от церкви на некоторое расстояние, то вся церковь разрушилась до основания; и это показалось знамением, что грядет приближение конца власти новгородских посадников, тысяцких и всех бояр и всей земле Новгородской.

В 6944 лето от Адама (1444 лето от Христа)

Князь Василий Юрьевич Косой опять пошел из Дмитрова на Кострому, а великому князю Василию Васильевичу послал разметные грамоты; а сам жил в Костроме до установления зимнего пути и по зимнему пути пошел к Галичу, а из Галича на Устюг, и вятчане пошли с ним. И простоял под Устюгом девять недель, и взял город Устюг, а воеводу великого князя Василия Васильевича князя Глеба Ивановича Оболенского убил и повесил десятинника Ростовского владыки Иова Булатова, многих устюжан убивал и вешал.

В ту же зиму князь Дмитрий Юрьевич Шемяка женился в Угличе, взял в жены дочь князя Дмитрия Заозерского и приехал в Москву звать вели-

кого князя Василия Васильевича на свадьбу; а великий князь, схватив его, отослал в Коломну, а приставом у него был Иван Старков, Коломна же была тогда под его властью.

Князь Василий Юрьевич пошел из Устюга на великого князя

В ту же весну князь Василий Юрьевич Косой пошел из Устюга на великого князя Василия Васильевича, с гордостью похваляясь, а с ним вятчане и дворего брата князя Дмитрия Шемяки.

А великий князь встретил его в Ростовской округе у Святого Покрова в Скорятине. А с великим князем Василием Васильевичем были князь Дмитрий Юрьевич Красный, младший, и князь Иван Андреевич Можайский со своими полками.

И тогда же приехал из Литвы служить великому князю князь Иван Баба, из друцких князей, и он снарядил свой полк с копьями по-литовски; также и все остальные полки великого князя вскоре снарядились по своему обычаю.

Князь же Василий Юрьевич Косой захотел выкрасть великого князя, прислал к великому князю и заключил перемирие до утра. Великий князь Василий Васильевич заключил перемирие, полки свои распустил, и разъехались все за кормом.

А князь Василий Юрьевич выступил в тот же день, желая неожиданно напасть на великого князя; но к великому князю сторожа прибежали, сообщив, что князь Василий Юрьевич поспешно выступил против него.

Князь великий Василий Васильевич разослал гонцов по всем своим станам, а сам взял трубу и начал трубить; и в тот же час собрались полки великого князя Василия Васильевича.

И пошли вместе на противника, и сразились с ним, погнали князя Василия Юрьевича Косого и его полки. Догнал князя Василия Борис Тоболлин и, узнав его, схватил, и стал кричать; и в тот час прискакал к нему князь Иван Баба Друцкий и, схватив князя Василия Юрьевича, привел к великому князю Василию Васильевичу.

Князь же великий отослал его в Москву, и был там ослеплен князь Василий Юрьевич Косой.

А когда шел великий князь на князя Василия Юрьевича, то его брата князя Дмитрия Юрьевича Шемяку велел освободить из оков и отправить его в Коломну. И когда победил великий князь князя Василия Юрьевича, то пришел в Москву и послал к князю Дмитрию Шемяке в Коломну, и пожаловал его.

В том же году созвали вече новгородцы по поводу размежевания земли и послали на Бежецкий Верх для отвода земли Новгородской вотчины

своего посадника Григория Кирилловича и Ивана Максимовича, и житейских мужей — Козьму Тарасьева и Ивана Максимова; а других послали на Волок Ламский, а других отправили в Вологду делить земли Новгородской отчины. И великий князь Василий Васильевич ни своих бояр не послал, ни отчины Новгородской новгородцам нигде не отвел и свою землю не освободил, ни исправлений не начал.

В том же году владыка Новгородский Евфимий заложил в Новгороде у себя на дворе во второй раз и поставил каменную церковь святителя Иоанна Златоуста на воротах.

В том же году Евфимий, архиепископ Новгородский, заложил каменную церковь святого чудотворца Николы на Вежищах.

В том же году Божьим попущением за наши грехи было очень холодно, и плоды, и немолоченный хлеб мороз побил по всей Русской земле, и во всей земле была большая дороговизна; в Новгороде многие ушли к немцам, как только голод усилился.

В 6945 лето от Адама (1445 лето от Христа)

Месяца сентября в 20 день было большое междоусобное сражение в Новгороде.

В ту же осень в Новгороде было полноводно и много льда, и ночью замерзшей водой выломило у великого моста семь городен, и Жилотучский мост размыло, и много зла новгородцам причинило.

В ту же зиму послали новгородцы своего посадника Григория Кирилловича к великому князю Сигизмунду, сыну Кестута, брату Витовта, внуку Гедмина Литовского, для заключения мира, как было издавна заведено; и великий князь Сигизмунд Кестутьевич обнадежил их, и целовал крест перед новгородскими послами согласно новгородским грамотам всему Новгороду; и сотворили мир и любовь по старине, как было издавна.

В ту же зиму приехал из Москвы в Новгород от великого князя Василия Васильевича князь Юрий Патрикеевич Черный бор просить, и новгородцы отдали Черный бор великому князю Василию Васильевичу.

Общество любителей древней письменности

Лицевой летописный свод — источник правды

Лицевой летописный свод был создан в XVI веке по приказу русского царя Ивана Грозного для обучения царских детей. Возглавил работу по составлению данного Свода образованнейший человек своего времени — Святитель Макарий, митрополит Московский и всяя Руси. Над составлением Свода трудились лучшие писцы и иконописцы столицы.

То, что ими исполнено: собрание всех достоверно известных источников от Священного писания (текст Септуагинты) до истории Александра Македонского и сочинений Иосифа Флавия — вся писаная история человечества от сотворения мира до XVI века включительно. Все времена и все народы, имевшие письменность отражены в десятках книг этого собрания. Подобного летописного собрания, украшенного огромным количеством высокохудожественных иллюстраций, не создавала ни одна цивилизация человечества: ни Европа, ни Азия, ни Америка либо Африка.

Судьба самого русского царя и его детей сложилась трагически. Лицевой летописный свод царевичам не пригодился. По прочтении Лицевого свода, часть из которого посвящена периоду Грозного, становится понятным — почему.

За последующие сотни лет появилась официальная историография, зачастую конъюнктурная и политически ангажированная, и потому достоверные летописные источники были обречены на уничтожение либо исправление, то есть фальсификацию. Лицевой летописный свод пережил эти столетия благодаря тому, что после смерти Ивана Грозного в период смут и безвременья этот фолиант стал возжеланным объектом для «просвещенных» библиофилов. Его фрагменты растащили по своим библиотекам влиятельнейшие вельможи своего времени: Остерман, Шереметев, Толцын и другие. Ведь и тогда сановные коллекционеры понимали, что такому фолианту с шестнадцатую тысячами миниатюр цены нет. Так и дождал Свод до революции и был грудами свален в нескольких музеях и хранилищах.

Уже в наши дни усилиями энтузиастов разрозненные книги и листы были собраны воедино из разных хранилищ. А возрожденное Общество любителей древней письменности сделало данный шедевр доступным для всех. Не имеющий аналогов исторический источник, теперь смогут бесплатно получать многие крупные учебные заведения мира, национальные библиотеки разных стран и, конечно, наши соотечественники для воспитания детей на этом сокровище опыта и мудрости тысячелетий.

Таким удивительным образом тот труд, который делался для царских детей пятьсот лет назад достался нашим детям, дорогие современники, с чем мы вас от всего сердца и поздравляем!

Примечание: все годы указаны в книге двумя цифрами: первая от Адама, вторая — от Христа. Разница между двумя датами всегда 5500 лет, год Воплощения Иисуса Христа, слава Ему во веки.

Уважаемые читатели!

В этот небольшой томик вошли тексты сразу нескольких томов Лицевого летописного свода Ивана Грозного. Надеемся, что компактный вариант повествования только на современном языке облегчит и ускорит выполнение важнейшей для каждого человека задачи — самообразования.

Низкий поклон энтузиастам, усилиями которых появился на свет этот Учебник истории: Николаю Петровичу Мокареву, Анатолию Борисовичу Яновскому и Константину Анатольевичу Бабкину.

Желаю вам и вашим детям увлекательного и полезного чтения.

Слава Иисусу Христу!

Председатель правления ОДП

Терман Стерлигов

УЧЕБНИК ИСТОРИИ

события, происшедшие
от первого русского царя Владимира Маномеха
до впадения греков в ересь

Лицевой летописный свод царя Ивана Грозного

© Благотворительный фонд содействия развитию культуры
«Общество любителей древней письменности»

ООО «Принтхаус». Зак. 191. Тираж 10 000 экз.

Москва, в лѣто 2023 ѿ Въплъщениа Х҃ва, а ѿ Адама въ лѣто 7523